

Н. Г. Устрялов

**РУССКАЯ
ИСТОРИЯ**
до 1855 года

РУССКАЯ
ИСТОРИЯ.

Н. Устрялова.

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ
ИСТОРИЧЕСКИМЪ ОБОЗРѢНІЕМЪ
ЦАРСТВОВАНІЯ
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ I.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НОВАЯ ИСТОРИЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АПОЛЛОНА ФРИДРИХСОНА

1855.

Н. Г. УСТРЯЛОВ

РУССКАЯ
ИСТОРИЯ

до 1855 года

В ДВУХ ЧАСТЯХ

ПЕТРОЗАВОДСК
КОРПОРАЦИЯ «ФОЛИУМ»
1997 г.

ББК 63.3(2)
У82

Вступительная статья и примечания —
В. Г. БАДАНОВА, кандидата исторических наук.

Устрялов Н. Г.

У82 Русская история до 1855 года, в двух частях. —
Петрозаводск: Корпорация «Фолиум», 1997. — 958 с.
ISBN 5-88741-010-8

«Русская история» Н. Г. Устрялова, изданная в 1836—1841 гг., была первым историческим сочинением, которое представило российскому обществу целостную и последовательную «цепь событий» прошлого страны с древнейших времен до правления Николая I. Излагая историю России, автор опирался на многочисленные архивные материалы, рассказы современников, работы своих предшественников. Труды его, давно уже ставшие библиографической редкостью, не переиздавались уже почти полтора века.

Книга представляет значительный интерес для историков, специалистов-обществоведов, студентов, школьников и всех интересующихся отечественной историей.

Для широкого круга читателей.

ББК 63.3(2)

- © Макаров А. М., оформление, 1997.
- © Баданов В. Г., вступительная статья, примечания, 1997
- © Корпорация «Фолиум», литературная редакция, 1997.

ISBN 5-88741-010-8

РУССКОЙ ИСТОРИИ ОБЕРЕГАТЕЛЬ

(Жизнь и творчество Н. Г. Устрялова)

Николай Герасимович Устрялов (1805—1870 гг.) незаслуженно относится к числу тех отечественных историков, судьба которых — почти полное забвение. Это особенно удивительно и несправедливо по отношению к такому выдающемуся ученому как Устрялов, разработавшему в свое время оригинальную концепцию «прагматической» системы русской истории. Имя Николая Герасимовича по праву должно быть поставлено в один ряд с такими корифеями отечественной историографии как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, Д. И. Иловайский, С. Ф. Платонов.

Велика заслуга Устрялова в деле становления и развития исторического образования в России. Четверть века он возглавлял кафедру русской истории С.-Петербургского университета, был автором первого печатного курса лекций для университетов, первых учебников по русской истории для средних учебных заведений и школ. В своих лекциях Устрялов впервые в отечественной практике стал уделять особое внимание разбору исторических источников, их систематизации и классификации. Всегда добросовестный исследователь, скрупулезно работающий с источником, он и студентов знакомил с приемами и особенностями этой работы историка, став одним из основателей отечественного источниковедения.

Весьма существенным был вклад Устрялова в разработку методики исторических исследований, в решение теоретических проблем исторического познания. Его научно-методологическое сочинение «О системе прагматической русской истории» (1836 г.) во многом не утратило своего значения и сегодня. Эта работа ученого определенно показала, что в основу изучения русской истории могут и должны быть положены серьезные научные основания и что «едва ли есть наука, которая требовала бы более, чем история, точности и логической правильности в словах» (1, с. 31).

Не менее значительным был вклад Устрялова и в изучение петровской эпохи. Многоотомный и, к сожалению, неоконченный его труд «История царствования Петра Великого», над которым историк работал последние годы жизни, не потерял своего значения и в наши дни. Историческое исследование Устряловым эпохи Петра I по своей научной ценно-

сти превзошло аналогичное сочинение, принадлежащее перу его современника С. М. Соловьева, уступив ему, пожалуй, только в литературном слогое и стиле изложения.

Как же можно объяснить тот факт, что столь заметная и внушительная личность историка Устрялова превратилась в «фигуру умолчания» для нашей исторической науки, а творчество его кануло в Лету? Такое положение объясняется целым рядом неблагоприятных субъективных и объективных причин.

Во-первых, Устрялов был типичным кабинетным ученым и вел замкнутый образ жизни. Работа над историческими сочинениями отнимала у него значительную часть времени и энергии. Он не принимал участия в литературно-общественной борьбе своего времени, не писал публицистических произведений, не отвечал на полемические высказывания в свой адрес. У него не было друзей, которые бы могли упомянуть имя историка в своих мемуарах.

Во-вторых, Устрялов работал в достаточно динамичную и сложную эпоху. Историческая наука делала тогда семимильные шаги в своем развитии. Россия как бы наверстывала задержку в национальном самопознании по сравнению с Западной Европой. «То, что еще вчера казалось научным откровением, — замечают современные авторы, — сегодня воспринималось сдержанно, а назавтра, впрочем, во многих случаях несправедливо, оценивалось как анахронизм» (2, с. 174).

И, в-третьих, двусмысленное положение «официального» историка не только обусловило негативное отношение к нему со стороны многих его современников и коллег-историков, но и создало своего рода «отрицательную традицию», продолженную в последующие десятилетия. Имя Устрялова стало ассоциироваться с «теорией официальной народности» и «верноподданнической» идеологией николаевской эпохи. «Возобладавшая в XX в. партийно-классовая интерпретация историографического процесса отбросила наследие «дворянского» ученого на периферию исторической науки прошлого столетия. Место, которое отводилось Устрялову в советских историографических учебниках и пособиях, решительно не соответствовало реальному значению его творчества в 30—50-е годы XIX в.» (2, с. 174).

К сожалению, и до настоящего времени продолжается замалчивание имени этого историка, если не считать единственной статьи, опубликованной в 1996 году. Научное наследие Устрялова до сих пор систематически не изучено, имеется много «белых пятен», касающихся не только его творчества, но и биографии, совершенно не исследовано влияние Устрялова на дальнейшее развитие русской историографии. Труды ученого, давно уже ставшие библиографической редкостью, не переиздавались уже почти полтора века. Хочется надеяться, что этой книгой будет положено начало возвращению творчества Устрялова из небытия, а его наследие действительно оживет для отечественной истории и культуры.

Николай Герасимович Устрялов родился 4 мая 1805 года в селе Богородском Орловской губернии, в семье крепостного, управляющего имением князя И. Б. Куракина. Большое семейство Устряловых (кроме Николая, в семье было еще 12 детей) размещалось в достаточно просторном доме и считалось вполне обеспеченным. Князь Куракин все время проводил в столицах или в Европе и своего управляющего тревожил весьма редко.

Николай рос живым и энергичным мальчиком: любил военные игры, а также охоту. Другим увлечением будущего историка была литература. Рано пристрастившись к чтению, он читал и перечитывал произведения своих любимых авторов: М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского. Образование Николай получил в Орловской губернской гимназии, которую закончил вполне успешно: во всех четырех классах он был в числе лучших учеников.

Летом 1820 года Герасим Трифонович отвез сына в столицу для подготовки к поступлению в университет. На следующий год Николай становится студентом С.-Петербургского университета. Сначала он избрал для себя математический факультет, но затем, осознав тягу к гуманитарным наукам, перевелся на историко-филологический. Занятия в университете увлекали молодого человека, он внимательно слушал лекции, много работал самостоятельно, изучал иностранные языки. Через три года Николай успешно закончил университет, получив степень действительного студента, а затем и кандидата.

Окончание университета позволило Устрялову определиться на гражданскую службу в канцелярию министра финансов. Работа здесь оказалась довольно скучной и без всяких перспектив на будущее. В обязанности молодого чиновника входили зачинка перьев, доставка пакетов, доклады о приезжающих «значительных особах» и т. п. Жизнь мелкого клерка разнообразилась лишь впечатлениями, полученными от сильного наводнения 1824 года и восстания декабристов, которое он «лично наблюдал» (3, с. 614). Пытаясь преодолеть ежедневную рутину, Устрялов случайно прочел попавшееся ему на глаза историческое сочинение Ж. Маржерета, которое он «от скуки» перевел на русский язык. Сочинение Маржерета, изданное Устряловым*, разошлось почти мгновенно, что стало большой неожиданностью для самого переводчика. Весьма благоприятно о книге отозвалась «Северная Пчела» Ф. В. Булгарина, а великая княгиня Елена Павловна, которой был передан экземпляр сочинения Ж. Маржерета, подарила публикатору небольшой бриллиантовый перстень.

Жизнь Устрялова круто изменилась особенно после того, как в 1828 году он победил в конкурсе на замещение вакантной должности учителя истории в третьей С.-Петербургской гимназии. Во время этого состязания молодой историк познакомился с товарищем министра народного просвещения Д. Н. Блудовым, который весьма высоко оценил знания и умения претендента и даже попросил его помочь «разобрать бумаги», хранившиеся в кабинете покойного императора Александра I. Устрялов согласился на предложение чиновника такого ранга и не пожалел об этом. Здесь он впервые соприкоснулся с документами секретного характера, закрытыми для обычного исследователя. В частности, он нашел материалы о судьбе архиепископа Арсения, княжны Таракановой, документы о заговоре офицеров гвардии против князя Г. Орлова, которого они хотели убить, узнав о намерении Екатерины вступить с ним в брак. С этого времени Устрялов формально попадает в когорту «официальных» историков, пользующихся доверием властей.

После публикации книги Ж. Маржерета имя Устрялова становится известным среди читающей публики столицы, которая ожидала от исто-

* Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского, с присовокуплением известий о достопамятных событиях четырех царствований, с 1590 г. по сентябрь 1606 г. СПб., 1830.

рика новых изданий. В 1832 году Устрялов опубликовал еще одну книгу переводов исторических сочинений*. В основу издания были положены рассказы иностранцев, относящиеся к началу XVII в., — М. Бера, де Ту, Г. Паэрле и других. Эта книга была раскуплена так же быстро, как и первая. Работая над «Сказаниями...», Устрялов стремился не просто передавать содержание, но и сообщал сведения об авторах, старался определить достоинства и недостатки тех или иных источников. «Сказания...» были отмечены императором Николаем I и удостоены Демидовской премии Академии наук. Против книги Устрялова резко выступил митрополит Московский Филарет (Дроздов), он был очень недоволен изданием хроники Мартина Бера, особенно отзывами последнего о мощах царевича Дмитрия. Однако президент Академии наук и министр народного просвещения С. С. Уваров оградил Устрялова от нападков церковников и отклонил протест Московского владыки, предоставив возможность начинающему историку продолжать свои исследования.

После «Сказаний...» Устрялов обратился к сочинениям князя А. Курбского, которые тогда были разбросаны по разным библиотекам и книгохранилищам, ходили в разных, далеко не полных списках. Несколько лет историк работал над текстом: искал наиболее старые и полные списки сочинений опального князя, сверял их, исправлял ошибки, составлял примечания. В 1833 году Устрялов, наконец, подготовил к печати и издал полный корпус сочинений этого государственного деятеля эпохи Ивана IV под общим названием «Сказания князя Курбского» в двух томах**. Эта работа историка также была высоко оценена: автор удостоивается двух бриллиантовых перстней (от императорской семьи), получает орден Анны III степени «за полезные труды по части отечественной истории» и еще одну Демидовскую премию.

Одновременно с научными изысканиями Устрялов прилежно трудился и на педагогическом поприще. Заняв место учителя в гимназии, он имел там учебную нагрузку, равную 22 часам в неделю. Кроме того, историк работал в Морском кадетском корпусе и читал лекции (с 1831 г.) в Санкт-Петербургском университете. Суммарная педагогическая нагрузка составляла 50 часов в неделю. Приходится только удивляться работоспособности Устрялова, его трудолюбию.

До 1834 года историк числился в университете «лектором без жалования», затем он становится экстраординарным профессором русской истории, а через полгода зачисляется в штат университета. Тогда же Устрялов входит в состав Археологической комиссии, где предлагает проект, а затем и готовит издание Полного собрания русских летописей, в основу которого им были положены строгие научные основания.

В лекциях Устрялова, в отличие от других профессоров истории, весьма много места уделялось обзорам источников, их классификации, что являлось тогда новым словом в преподавании исторических курсов. Большинство профессоров требовало от студентов заучивания и строгого воспроизведения прочитанных ими лекций. По свидетельству товарища Т. П. Грановского по университету известного русского ориенталиста В. В. Григорьева, бывшего тогда студентом С.-Петербургского университета, «редкий профессор бывал доволен, когда на репетициях слушатель отвечал собственными словами... Поэтому, когда Устрялов открыл свой

* Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 1—2. СПб., 1832.

** Курбский А. М. История о великом князе Московском. Ч. 1. СПб., 1833. (Второе издание выпущено в 1842 г. с дополнениями).

курс русской истории подробным перечислением и оценкою источников ее, мы себя не помнили от восторга, радовались, как Колумб, отъезду совершенно незнакомаго нам мира» (2, с. 177, 178).

Преподавательская деятельность Устрялова в университете снискала себе всеобщее уважение и признание со стороны как коллег, так и студентов. «Его лекции из русской истории, — вспоминал сын историка Федор, — привлекали к себе огромное число слушателей. Самая обширная университетская аудитория бывала полна студентов и вольноприходящих. Его рассказ, отличавшийся живостью и обстоятельностью изложения, множеством новых, в высшей степени любопытных фактов и подробностей, заключал в себе, кроме научного достоинства, интерес новизны» (3, с. 683). Устрялов был в полном смысле русским профессором: точным в выражениях, метким на слово, скромным и всегда доброжелательным. Имя историка по праву заняло почетное место среди мастеров публичных лекций. Н. А. Добролюбов в письме 1854 г. давал такую характеристику историку: «Как величав Устрялов! Это один из лучших и наиболее уважаемых мною профессоров. Занятия его отличаются вполне мирным характером. Разве иногда он разгуляется и заведет полемику с Карамзиным, а иногда отделает какого-нибудь Эверса, Лерберга, Байера; порешит, что Соловьёву такая ошибка не простительна, что исследование Морошкина никуда не годится и т. п.» (2, с. 178). Н. Г. Чернышевский также причислял Устрялова к «лучшим, наиболее славящимся профессорам».

По-доброму складывались отношения профессора и его студентов. По свидетельству Ф. Н. Устрялова, «студенты любили его за спокойную и ровную методу на экзаменах и полнейшую справедливость. Он не имел привычки сбивать экзаменуемого, озадачивать его неожиданными тонкими вопросами или высказывать свое собственное знание при каждом удобном и неудобном случае, как делали некоторые из профессоров. Он очень хорошо понимал положение молодого человека, для которого от экзамена зависела, большей частью, вся будущая карьера и который невольно смущался и робел, даже вполне может быть обладая своим предметом. Во всех случаях без исключения мой отец стоял на стороне студентов, хотя нисколько не старался выказывать этого нарочно, и студенты очень хорошо понимали его» (3, с. 683).

Через полгода после утверждения Устрялова в звании экстраординарного профессора, в июле 1834 года, он сделал предложение «прекрасной, умной, доброй и образованной девице» Наталье Яковлевне из фамилии Луковиковых. Она была дочерью штаб-лекаря Якова Ивановича Касовского, к тому времени уже скончавшегося. Родилась будущая супруга историка в небольшом карельском городке Олонце в 1812 году, куда ее семейство переехало, опасаясь нашествия Наполеона на столицу. Свадьба состоялась тем же летом в доме историка на Малой Мещанской улице в С.-Петербурге. В 1836 году у четы Устряловых родился сын, которого назвали в честь брата профессора — Федором.

Однако семейная идиллия продолжалась недолго. В конце 1834 года умерла мать историка — Варвара Родионовна (отец его Герасим Трифонович умер в 1830 году), а затем, испугавшись упавшего подсвечника, тяжело заболела его жена. Она скончалась в июле 1837 года, оставив Устрялову грудного годовалого ребенка. Это время было, по признанию историка, самым тяжелым в его жизни. После смерти жены он «затворился» в своем кабинете, посвятив себя полностью научной работе. Именно в эти

тяжелые годы Устрялову удалось достичь наиболее значительных успехов, которые принесли ему славу историка, признание заслуг со стороны ученого сообщества и правительства.

В 1836 году Устрялов защитил докторскую диссертацию «О системе прагматической русской истории», в которой обосновал свои взгляды на состояние исторической науки в России, подверг серьезной критике многих своих предшественников и предложил свою концепцию «прагматического», а не хронологического (летописного) или повествовательного изложения русской истории.

— Что же отличает «прагматическую» систему Устрялова от других? Сам он говорил о том, что в конечном счете история «прагматическая» должна показывать «постепенный переход государства из одного состояния в другое с указанием причин тому и следствий». «Русская история, — писал ученый, — должна объяснить постепенное развитие гражданской жизни нашей от первого начала ее до позднейшего времени, с тем, чтобы пролить свет на главные условия быта общественного и раскрыв, почему они существуют так, а не иначе, указать, какое место занимает Россия в системе прочих государств, какие правила политики внутренней и внешней наиболее были сообразны с ее выгодами; какие причины, как плоды времени и обстоятельства, ускорили и замедляли успехи промышленности и образованности» (1, с. 5, 6).

Вместе с тем, поскольку на историческое развитие страны влияют самые разные обстоятельства и факторы, а причинно-следственные связи весьма сложны и многогранны, то «прагматическая» история должна охватывать весь спектр политических и общественно-экономических проблем каждой описываемой эпохи.* Кроме того, «прагматическая» история, по Устрялову, должна показывать также «достопамятные» действия людей (человеческий фактор), управляющих внутренней и внешней политикой, успехи законодательства, промышленности, наук и художеств, влияние религии, нравов, обычаев, а также всего того, что «имело влияние на судьбу государства» и «оставило по себе следы заметные».

Такое «прагматическое» изложение истории, считал Устрялов, возможно только при соблюдении двух основных условий. Первое заключается в самом подробном, верном и отчетливом знании фактов, которое достигается в результате глубокого изучения источников и ознакомления «с позднейшими изысканиями» ученых по исследуемой теме. Однако сбор материалов является только подготовительной стадией работы историка. «Самое подробное знание фактов, — утверждал ученый, — не принесет существенной пользы, если они не будут приведены в стройную систему, где каждое явление было бы на своем месте, как следствие предыдущего и причина последующего» (1, с. 7).

Для того чтобы соединить разрозненные факты в единое целое и получить «живую картину минувшего», историку, согласно Устрялову, необходимо «вникнуть в глубинный характер той или иной эпохи или государства, найти «нить», связующую явления прошлого в единый процесс, определить рубежи (периодизацию), где произошли коренные изменения содержания исторического процесса. Затем следует сгруппировать факты, события и явления на несколько разрядов «для лучшего обзора и уразумления», а потом разместить их в исследовании по мере значимости с соблюдением «точности, соразмерности, перспективы с правильною связью причин и следствий». «Перспектива, — отмечал историк, — в особенности правильное освещение, необходимы как в живописи, так и в истории» (1, с. 7).

При соблюдении этих условий, полагал Устрялов, историк уже не сможет вольно трактовать события прошлого или «поправлять» историю как ему вздумается. История в этом случае получает объективность и твердые научные основы своего существования. При этом формируются четкие критерии, предъявляемые к работе историка, и в первую очередь — к работе с источниками.

«Самое тщательное изучение фактов при помощи архивов, разборчивая проверка современных сказаний, нелицеприятное, беспристрастное, добросовестное изложение всех подробностей исторических, какие только встречались мне не в выдумках компиляторов, а на материалах достоверных, вот мои правила непреложные!» — говорил о себе и своей работе Устрялов (2, с. 182). Критическое отношение к источникам было важным условием всех исследований историка. Не случайно именно он первым разоблачил умышленные фальсификации отдельных документов прошлых эпох, например, так называемого «Прутского письма» Петра I, в подлинность которого твердо верил даже такой известный историк как С. М. Соловьев (4, с. 54).

В работе «О системе прагматической...» Устрялов предложил свою классификацию источников, разделив их на две категории — «письменные» и «неписьменные». К первой он отнес «сказания современников», «акты государственные», «произведения науки изящной словесности», ко второй — устные предания и «остатки искусств и ремесел».

Основой исторического знания, по Устрялову, должны стать свидетельства современников, оставивших после себя письма, дневники, записки — это и есть «живые голоса истории», история из первых уст. Однако не всякие сведения, доставшиеся нам от людей далеких эпох, следует принимать на веру. При работе с данными источниками необходимо выяснять в первую очередь такие важные для исследователя вопросы: мог ли современник достоверно знать описанные им события и правильно ли передал свои наблюдения, не был ли он лицом заинтересованным, способным к искажению и т. д. Устрялов замечал, что критериями достоверности не могут быть ни «высокий сан», ни «обширность сведений», ни «деятельное участие в делах повествуемых».

Не менее важными для историка, считал Устрялов, являются «акты государственные», которые показывают «весь механизм гражданского устройства», действия правительства, степень образованности общества, состояние промышленности, «правила политики». Чем больше имеется в руках исследователя «актов государственных», отмечал Устрялов, тем история становится «выразительнее и достовернее».

В памятниках «наук и изящной словесности» важно обращать внимание на язык произведения, который Устрялов называет «орудием выражения мыслей» и «хранилищем идей». Изучение особенностей языка источника может дать очень много ценной информации исследователю, поскольку он передает дух времени «живес самых подробных известий исторических». Значительное место в устряловской классификации уделялось памятникам материальной культуры («остатки искусств и ремесел») и устным преданиям (былинам, сказаниям, легендам), ценность которых определяется величиной «явно баснословного элемента» и соответствием их «общему ходу событий, духу времени».

Представленная Устряловым классификация исторических источников, по мнению авторов статьи о «прагматическом бытописателе», стала многозначительным симптомом расцвета русской исторической мысли

30—50-х гг. XIX в. «По своим ученым достоинствам его классификация вплоть до работ К. Н. Бестужева-Рюмина не имела себе равных. Впрочем, классификация Бестужева-Рюмина вполне укладывается в русло устряловской традиции, вобрав в себя ее основные структурные элементы» (2, с. 186).

В своем историко-методологическом труде Устрялов неизбежно должен был коснуться прошлого и настоящего состояния исторической науки в России, дать оценку работ своих предшественников и показать четко и определенно, что еще нужно сделать русским историкам (по терминологии Устрялова, «бытописателям») для создания «прагматической системы» истории Государства Российского.

Весьма критически Устрялов оценил российскую историографию XVIII века. «До времен Карамзина, — писал он, — не было и тени прагматической русской истории. Попытки предшествовавших ему писателей ныне любопытны только как младенческие лепетанья... Какую услугу могли принести отечественной истории писатели, из коих один занимался ею в шведской темнице, без необходимых пособий; другой не мог отличить Владимира на Клязьме от Владимира Волынского; третий с трудом понимал русский язык; четвертый считал предание об Ольгиных ворах таким значительным, что хотел собственным опытом удостовериться в истине сказания; пятый, наконец, выдумывал не только рукописи, но и печатные сочинения, коих никогда никто не издавал и на которые он ссылался» (1, с. 10).

Однако основным объектом критики Устрялова стали труды Н. М. Карамзина. При всем уважении к автору «Истории государства Российского», работу которого он очень высоко ценил и даже называл «подвигом», Устрялов не относит его сочинения к числу «прагматических» или научных произведений. Главную заслугу Карамзина он видел в «приготовлении материалов для прагматического бытописателя». «Карамзин, — говорил Устрялов, — оказал величайшую услугу отечественной истории тем, что он привел в известность почти все ее источники, выбрал из них факты с редкою отчетливостью, не упустив ни одной черты, ни одного замечательного слова, представил события в строгом хронологическом порядке» (1, с. 25).

Главными недостатками Карамзина Устрялов считал повествовательность, летописный принцип изложения, отсутствие четкого стержня при подаче исторического материала. «Автор ведет не нить событий, постепенно обнаруживающихся, — констатировал историк, — а ряд великих князей и царей. Сообразно принятому им плану, каждая глава его истории заключает в себе не общее какое-нибудь целое, образовавшееся из многих частных событий, а биографию великого князя или государя» (1, с. 21). При таком подходе к изложению материала возникают серьезные проблемы, особенно при описании событий XI—XIII вв. «Никакая память, — замечает Устрялов, — не в силах объять того, что рассказывает историограф об удельных бранях. Князья являются, спорят, толпятся, исчезают, уступают место другим князьям» (1, с. 22). Вместо такого хаоса «прагматическое» изложение должно, по Устрялову, показывать основное содержание периода, выявлять общие закономерности и сообразно этому последовательно вести «цепь событий», а не «привязываться» к какому-то одному лицу.

Не отрицая хронологического принципа в изложении материала, Устрялов показывает преимущества «прагматического» подхода на конкретных примерах из «Истории государства Российского». Так, Карамзин

в числе событий времени Василия Темного описывает достаточно подробно Флорентийский собор 1439 года. Это было действительно важное событие, но не по отношению к личности Василия Темного, а по отношению к судьбе Западной Руси, поскольку являлось зародышем Унии. События Брестского собора 1596 г. также даются Карамзиным не к месту — в период царствования Федора Иоанновича. Однако оформление Брестской унии имело влияние не столько на судьбу Московского государства, сколько на судьбу западных русских земель, входящих в состав Речи Посполитой.

— Проведя критический анализ состояния исторической науки XVIII — начала XIX вв., Устрялов сделал вывод о том, что «прагматической системы истории» в России еще не существует. Для того чтобы изменить такое положение, историк предпринял самоотверженную (и, как оказалось, весьма успешную) попытку устранить пробелы в исторических знаниях и написать обобщающий труд, который бы охватывал историю России с древнейших времен до середины XIX века. Таким капитальным исследованием и стала его знаменитая «Русская история», опубликованная в 1837—1841 гг.*

«Русская история» Устрялова во многом стала практическим воплощением всех тех идей и методологических принципов, которые были заложены им в рассуждениях «О системе прагматической русской истории». Некоторые фрагменты докторской диссертации Устрялов включил в текст своей обобщающей работы, несомненно изменив их.

Появление «Русской истории» стало заметным событием научной и общественной жизни России 2-й четверти XIX века. Современники по достоинству оценили вклад ученого в отечественную историческую науку. «Русская история» была утверждена в качестве первого печатного курса лекций для университетов. На ее основе Устряловым были написаны «Начертание русской истории для учебных заведений»** и руководство к преподаванию русской истории, ставшие официальными учебниками для гимназий и реальных училищ, семинарий, духовных училищ и министерских школ, по которым молодое поколение россиян обучалось вплоть до 60-х гг. XIX века. В 1837 г. в возрасте 32 лет Устрялов избирается адъюнктом Академии наук (академиком). Фактически в конце 30-х годов он становится официальным (в положительном значении этого слова) историографом, — получившим заслуженное признание как со стороны ученых, преподавателей, образованной публики, так и со стороны властей.

Наверное, здесь нет надобности подробно останавливаться на характеристике обобщающего труда Устрялова и делать далеко идущие выводы относительно достоинств и недостатков «Русской истории». Во-первых, главные особенности творческой манеры «прагматического бытописателя» уже были рассмотрены выше, а во-вторых, теперь читатель сам имеет возможность ознакомиться с этим произведением и составить о нем свое собственное мнение. Гораздо важнее здесь сказать о некоторых наиболее характерных особенностях труда Устрялова, о том вкладе, который внес ученый в разработку отдельных проблем отечественной истории. Так, рассматривая древнейший период истории Руси, Устрялов первым обратил особое внимание на такое важнейшее событие в жизни народа и государства как приня-

* Устрялов Н. Г. Русская история. СПб., 1837. Ч. 1—2. (Наиболее полное издание этого труда было опубликовано в 1855 году).

** Устрялов Н. Г. Начертание русской истории для учебных заведений. СПб., 1839.

тие христианства. «С введением греческого исповедания, — отмечал автор «Русской истории», — судьба нашего Отечества приняла совершенно отличное направление от судьбы западных народов... а вера христианская слилась с русской жизнью и составила главнейшее условие нашей народности» (5, т. 1, с. 418). Большое значение автор придавал такому последствию введения христианства на Руси как появление славянской письменности, которое коренным образом изменило всю духовную и интеллектуальную жизнь русского народа. «Когда ни один из немецких ученых X века, — писал Устрялов, — не хотел и не мог выражать скудных мыслей на языке варварском, то есть народном, когда в самых храмах славили Бога христианского на языке мертвом, для немногих вразумительном, когда наречия Франции, Англии, Голландии представляли дикую пеструю смесь выражений латинских и германских и были еще только в зародыше, язык славянский, чистый и величественный, общий для государя и подданных, для духовенства и мирян имел уже форму постоянную, определительную» (5, т. 1, с. 62).

Интересен взгляд историка и на развитие политических и социально-экономических отношений в России. В отличие от Н. М. Карамзина и М. П. Погодина, Устрялов не смешивал такие внешне схожие явления как «феодализм» и «удельная система», которая существовала в русском обществе, по мнению ученого, со времен Рюрика до XV века. Ослабленная монголо-татарскими завоеваниями, она окончательно пала под ударами московских и литовских князей.

В отличие от западного феодализма, в основе которого лежали четкие иерархические принципы («феодальная лестница»), вассалитет, частная собственность феодалов на землю, где велика была роль католической церкви и городских общин, удельная Русь существовала на совершенно иных началах.

Удельные князья принадлежали к одной династии Рюриковичей и имели в своих княжествах власть неограниченную. Они не были вассалами, а считались такими же полноправными государями, как и великий князь. Фактически удельная система представляла из себя сообщество отдельных самостоятельных княжеств, сохраняющих единство между собой тем, что жители всех удельных земель «говорили одним языком, исповедовали одну веру, имели одно устройство внутреннее, один взгляд на вещи, одни добродетели и пороки, находились под властью одного дома». Ни православная церковь, ни боярство, ни дворянство, ни городские общины не имели сколько-нибудь существенного влияния на становление и развитие удельной системы в России.

Разделив понятия «феодализм» и «удельная система», Устрялов сделал важный вывод о том, что «ход наших событий не обнаруживает и тени феодализма», что «с самого начала Руси дела нашего отечества приняли иной ход, совершенно отличный от европейского», что «у нас развитие государственной и гражданской жизни совершалось по иным началам, под влиянием иных обстоятельств» (1, с. 32, 39). Не случайно поэтому Устрялов разделил «Русскую историю» на две части: «древнюю» и «новую», показав тем самым, что в России «средняя» история отсутствовала вовсе. Кстати говоря, большинство русских дореволюционных историков 2-й половины XIX — начала XX вв. (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и другие) придерживались устряловской точки зрения об отсутствии феодального периода в истории России. Исключение составили лишь «изобретатель» русского феодализма Н. П. Павлов-Сильванский, продолживший карамзинскую традицию в этом вопросе.

Весьма значительной заслугой Устрялова было включение в курс «Русской истории» нескольких разделов, посвященных истории Велико-го княжества Литовского и его взаимоотношениям с Восточной Русью. В этой связи ученый напомнил, что Литовское княжество образовалось на территориях, где издавна «кипела русская жизнь» (княжества Брянское, Владимир-Волыньское, Галицкое, Киевское, Полоцкое, Северское, Черниговское и другие), и что в государстве, названном именем литовским, «все было русское: вера, язык, гражданские уставы, понятия, нравы, обычаи» (5, т. I, с. 444).

Поэтому, по мнению Устрялова, нельзя смотреть на Литовское княжество как на государство «чуждое, неприязненное, опасное для России». Столкновения между Москвой и Литвой в XIV—XVI вв. он характеризовал не как войны между разными государствами, а как борьбу домов Калиты и Гедимины за объединение русских земель под своей властью. «Историк обязан говорить с равной подробностью, — считал Устрялов, — о делах московских и литовских, вести оба государства рядом, так точно, как до начала XIV века он рассказывал о борьбе удельных русских княжеств Киевского, Черниговского, Галицкого, Суздальского, Рязанского, Новгородского и других. Положение дел будет одно и то же, с той единственной разностью, что в удельное время было несколько систем, а тут только две: московская и литовская» (5, т. I, с. 446).

Не менее важным для понимания истории русского народа, по мнению Устрялова, является обращение к событиям в Литовском княжестве и после его объединения в 1569 г. с Польшей в Речь Посполитую, поскольку оно долго «сохраняло все элементы русской народности», и только после долговременных усилий польского правительства и католической церкви в значительной степени утратило свою «русскость», «не изгладив ее однако до последней черты». «Показать судьбу русского народа за Днепром, — утверждал историк, — все бедствия, которые он испытал под игом поляков, всю политику римского двора и варшавских сеймов, изобразить все бедствия наших единоплеменников, отторгнутых от лона общей матери случайным сщеплением обстоятельств и снова возвращенных под кров родимый — есть одна из важнейших задач русского бытописателя» (5, т. I, с. 445).

Однако наиболее значительной заслугой Устрялова следует признать его исследования истории России XVII — начала XIX вв., в деле изучения которой он стал «первопроходцем». «Русская история» была фактически первым историческим сочинением, которое представило русскому обществу I-й половины XIX века целостную и последовательную «цепь событий» прошлого страны с древнейших времен до правления Александра I, а затем и Николая I. (История Карамзина заканчивалась 1612 годом). Изучая историю России XVII — начала XIX вв., Устрялов опирался на многочисленные архивные документы, материалы Археографической комиссии и печатающиеся уже Полное собрание законов Российской Империи. При этом его методика использования документов была для своего времени весьма совершенной.

Особенно тщательно Устрялов подходил к вопросам укрепления и развития русской государственности при первых Романовых, проведения реформ Петром I и Екатериной II, много места уделил внешней политике России XVII — начала XIX вв. и ее военной истории. Не оставлял без внимания историк вопросы, связанные с деятельностью православной церкви, вопросы культуры. По-прежнему в поле зрения Устрялова оставались западно-русские земли, вошедшие в состав Речи Посполитой. При осве-

шении этих проблем автор просто поражает читателей глубиной своих познаний, скрупулезностью исследования и приверженностью факту. «Русская история» в изображении Устрялова — это целый мир образов, мыслей, характеров, чувств, поступков людей прошлых эпох.

Вместе с тем не все в труде ученого представлено равноценно и отражено достаточно полно. Отдельные стороны истории России рассмотрены Устряловым в несколько усеченной форме. Так, очень кратко показана внутренняя политика Екатерины II, Павла I и Александра I, слабо освещены проблемы экономического развития страны в XVIII — начале XIX вв., очень мало внимания уделяется социальным движениям и их причинам. Автору не всегда удается объективно оценивать деятельность отдельных самодержцев (безудержное восхваление Петра I и его реформ, «века Екатерины II» и т. д.) в различные периоды их правления. От этого изложение материала «новой» истории России порой становится несколько тяжеловесным, а иногда и просто поверхностным, особенно на тех страницах, где речь идет о личности и «десятиях» Петра, о «светлых» и «темных» сторонах русской действительности, об «отсталости» России от Европы, о правлении Екатерины. Оценивая работы своего предшественника, историк 2-й половины XIX века К. Н. Бестужев-Рюмин замечал: «История носила характер похвальный в лице представителя этого направления Устрялова, в сочинениях которого лица, стоявшие во главе государства, выходили всегда чистыми и лучшими правителями, несмотря на то, что преемники их должны были исправлять ошибки и вводить перемены» (6, с. 200). Такое «некритическое» отношение Устрялова к царям и императорам было заклеяно его коллегами «демократами» и «прогрессивной прессой» как «реакционное», «охранительное», а его самого причислили к выразителям «казенно-монархической» идеологии. Этот ярлык до сих пор не снят с историка.

Конечно, и сегодня эрудированный читатель вправе с изрядной долей скепсиса отнестись к некоторым утверждениям автора «Русской истории». И все же не стоит спешить с критикой. С высоты конца XX века мы можем уже более справедливо отнестись к Устрялову, чем наши предшественники. Вклад его в развитие отечественной исторической науки очевиден и весьма значителен, хотя еще и не до конца изучен и оценен. Самого же историка, которого в прошлом презрительно именовали «охранителем», мы по праву можем уважительно называть «оберегателем». Сегодня ко многим из нас пришло понимание того, что разрушать легче, чем «охранять», и что в истории России до 1917 года было много таких ценностей, которые должно было всеми силами оберегать ради существования самих понятий «Россия» и «русский народ»... Как мог, это делал «русской истории оберегатель» — Николай Герасимович Устрялов.

«Похвальный» характер истории в изображении Устрялова был обусловлен не желанием угодить кому-либо и получить за это материальные блага, положение в обществе, признание «заслуг» и т. д., а являлся в значительной мере выражением политических взглядов автора. Выходец из семьи крепостного, он был убежденным государственным, сторонником такой сильной власти, которая действует во благо народа. Только в самодержавии историк видел основу процветания и могущества страны, только с ним связывал благополучие народов, ее населяющих. Не случайно он считал высшим достижением исторического развития России появление в ней феномена самобытного государственно-политического

устройства — самодержавия, которое выгодно отличалось как от «бурного разновластья», так и от «произвольного деспотизма». Именно благодаря самодержавию Русь избежала участи других славянских народов, сохранила свою независимость, одолела многочисленных врагов, вступила в число великих держав. Самодержавие, по мнению Устрялова, способствовало экономическому и культурному развитию страны, обеспечивало свободу национальной жизни, защищало от нашествий. Поэтому любое ослабление самодержавной власти или ее расшатывание грозило России и ее народу неисчислимыми бедами.

Смысл петровских преобразований Устрялов увидел в модернизации самодержавия и его укреплении. Он считал, что Петру I удалось сохранить «начала народности» и характер государственной власти XVI—XVII вв. Внешние успехи Петра и его преемников затмевали в глазах историка негативные стороны реформ, тем более что «Русская история» была написана в тот период, когда Россия достигла наивысшего могущества, став после 1815 года ведущей мировой державой, центром европейской и мировой политики.

Очарованный величием своего Отечества, Устрялов не заметил того, что реформы Петра не укрепляли государственную власть, а напротив, незаметно разъедали ее, что всесилие бюрократии и чиновничества означало бесправие народа, что земство, которое было опорой самодержавия в XVI—XVII вв., отодвинуто на задний план, и голос его уже не слышен, что крепостное право превратилось в XVIII веке в «моровую язву» на теле русского народа, что, наконец, экономика страны «буксует» уже более ста лет.

Однако не будем строго судить историка, многого он просто не мог осознать и оценить, поскольку многое видится и понимается людьми лишь через призму прошедших лет и веков. Устрялов знал и понимал главное — необходимо оберегать свою историю ради настоящего и будущего своей страны, ради национального и культурного самосохранения, ради нормальной и свободной жизни в своем Отечестве. «Едва ли есть народ, — говорил Устрялов, — который мог бы с такими утешительными мыслями оглянуться на прошедшее и получить от него столько пользы в настоящем, как мы, русские... Мы со справедливой гордостью можем сказать, что предки наши, застигаемые неоднократно беспримерными бедствиями, каких не вынес бы ни один народ, спасали себя не случаем, не чужеземною помощью, а собственными силами, что они умели выпутываться с честью и славою из самых трудных обстоятельств, что страницы нашей Истории ознаменованы более делами доблести, нежели порока»... (I, с. 2). Именно в этом бережном отношении к своему прошлому и заключен главный смысл и урок «Русской истории» Устрялова.

В начале 40-х гг. историк задумал продолжить свой курс написанием сочинения, посвященного царствованию Николая I. В 1841—1842 гг. он представил свой труд С. С. Уварову, который тогда был министром просвещения и одновременно президентом Академии наук. Однако ответа от него не последовало. И только в 1846 году рукопись книги оказалась у попечителя С.-Петербургского университета М. П. Мусина-Пушкина и была передана для прочтения в министерство императорского двора. Совершенно неожиданно рукопись заинтересовался сам император Николай I, прочитал ее «в один вечер» и сделал в тексте достаточно много исправлений, уточнений, замечаний, которым Устрялов «беспрекословно подчинился».

Опубликованное в 1847 году «Историческое обозрение царствования императора Николая I»* стало весьма ценным и полезным пособием по истории России 2-й четверти XIX в. Уникальность его заключается в том, что оно было написано современником. Сочинение Устрялова имело достаточно солидную документальную базу и основывалось на тщательном и добросовестном изучении источников, которые тогда были доступны историку. К тому же исправления и уточнения, внесенные императором, сделали изложение более точным в той его части, где речь шла о жизни царской семьи, о военных операциях и международной политике. Хронологически Устрялов довел повествование до 1831 г., то есть до «усмирения Польши», а позднее, уже после смерти Николая I, продолжил его до 1855 года. Тогда же «Историческое обозрение...» было включено в состав «Русской истории» в качестве ее последней главы.

Однако самым главным трудом, которому Устрялов отдавал все силы в последние 23 года своей жизни, стала «История царствования Петра Великого». Мысль о написании большой обобщающей работы по истории петровского времени не оставляла ученого многие годы. В 1842 году он получил доступ во все основные архивы Российской Империи, в которых он работал почти каждый день в течение полутора лет. Ему открылись новые, совершенно не известные ранее факты, материалы, письма, «записки» и т. д. Скоро историк уже мог свободно читать документы, написанные весьма неразборчивым почерком царя-реформатора. «Эпоха Петра поглощала все его внимание, — отмечал сын историка, — все мысли и интересы: говоря о замечательных личностях того времени, он как бы находился в кругу своих близких знакомых; он как бы сжился, сроднился с ними, знал, кто на ком был женат, кому приходился родственником, сколько у него было детей, как их звали. Это была какая-то особенная страсть, впрочем, совершенно понятная в ученом, искренне и бескорыстно преданном избранной им науке» (3, с. 684).

Усиленные занятия в не приспособленных для работы архивах серьезно подорвали здоровье историка. В 1845 году Устрялов выехал на лечение в Европу. Но и за границей он не прерывал научных занятий. В промежутках между лечением на водах и путешествиями ученый работал в архивах Вены и Парижа. В государственном архиве Австрии, по разрешению всеильного К. Меттерниха, Устрялов был допущен ко всем материалам эпохи Петра. «Я бегло осматрел их, — вспоминал он, — и увидел сокровище неоценимое... Но главное, что поразило меня, это множество документов о царевиче Алексее, совершенно дотоле неизвестных, собственноручные его письма по-русски и по-немецки, рассказы о приезде его в Вену и удаление в Неаполь, доклады министров цезарю...» (3, с. 634). Все эти документы, пролежавшие без движения в Венском архиве более 130 лет, были введены в научный оборот отечественной истории благодаря энтузиазму и пытливости Устрялова.

В 1849 году ученый подготовил первый том «Истории царствования Петра Великого» и передал рукопись для ознакомления управляющему МНП П. А. Ширинскому-Шихматову. Ответ был хотя и положительный, но весьма неопределенный. Печатание книги откладывалось, а автору предлагалось дополнить и исправить текст «с учетом неизвестных дотоле

* Устрялов Н. Г. Историческое обозрение царствования императора Николая I. СПб., 1847. (Имеется также в «Русской истории» 1855 года издания).

источников». Однако, несмотря на неудачу с первым томом «Истории...», Устрялов уже не мог остановиться и прекратить изучение любимой им эпохи.

В 1850 году ученый получил разрешение на поездку «для обозрения исторических мест», связанных с деятельностью царя-реформатора. «Трудно историку, — писал он, — не видевшему берегов Ворсклы или устьев Дона, говорить о Полтавском сражении, о взятии Азова и многих других событиях, для уразумения которых необходимо тщательное изучение местности, имевшей на них решительное влияние» (3, с. 659). Выполняя свой план поездки, Устрялов осмотрел место Полтавской битвы, тульские оружейные заводы, остатки воронежской судовой верфи, а также посетил Перекоп, Крым, Одессу, Кишинев, Киев, Могилев.

Летом 1851 года Устрялов отправился в Олонецкую губернию. Его путешествие пролегло через Лодейное Поле и Петрозаводск на водопад Кивач и первый русский курорт, открытый при Петре I в 1718 г., — Марциальные Воды. Осматривая места вокруг минерального источника (курорт уже к тому времени не существовал, а больших, проходивших лечебных, было всего трое) историк сделал «для памяти» некоторые записи в путевой журнал. Внимание Устрялова особенно привлекли деревянная церковь во имя Петра и Павла, построенная при Петре и «возобновленная в царствование Анны Иоанновны» с образами «на манер итальянской живописи», остатки дворцов императора и его супруги, которые были разобраны в свое время на строительство купоросного завода, а также две столетние березы, на одной из которых был «виден облик Петра».

Из Марциальных Вод Устрялов направился на знаменитый водопад Кивач, воспетый его любимым поэтом Г. Р. Державиным — первым губернатором Олонцкого края. За несколько верст до водопада историк уже слышал шум падающей воды, а поднявшись на его вершину, наблюдал «во всем ужасе и красоте» поистине прекрасное и незабываемое зрелище.

В 1853 году Устрялов подготовил к печати еще два тома «Истории царствования Петра Великого», доведя повествование до начала Северной войны (1700 г.). И снова «сверху» был получен неопределенный ответ. Историк уже почти потерял всякую надежду на опубликование своей рукописи. Между тем события Крымской войны и вступление на престол Александра II, который присутствовал ранее на одной лекции Устрялова в университете и был достаточно высокого мнения об ученом, самым неожиданным и благоприятным образом сказались на судьбе этого крупнейшего исторического труда. Александр II без задержек разрешил напечатать сочинение Устрялова и даже выделил деньги на эти цели.

В 1858 году вышли из печати первые три тома «Истории царствования Петра Великого», в 1859-м был издан особо шестой том, содержащий историю царевича Алексея Петровича и следственное дело о нем, и, наконец, в 1863 году появился четвертый том (в двух частях), в котором события петровской эпохи были доведены до 1706 г. Исторический труд Устрялова получил достаточно высокую оценку как в научной среде, так и среди читающей публики. Например, историк К. Д. Кавелин писал по поводу этого издания: «Книга профессора Устрялова богата критическими исследованиями и драгоценнейшими материалами, из которых много чрезвычайно любопытных открыты ученым автором и напечатаны впервые... Из числа сочинений по русской истории, появившихся в последние годы, истории царствования Петра Великого Соловьева и Устрялова — самые крупные и замечательные» (8, с. 175).

Последние годы жизни историк тяжело болел водянкой. Однако, по словам его сына Федора, даже «в минуты сильнейших страданий, проводя ночи без сна и дремля облокотившись на свой письменный стол, он никогда не падал духом и по-прежнему оставался спокойным» (3, с. 684). В те дни, когда болезнь немного отпускала ученого, он занимался подготовкой к печати материалов для пятого тома «Истории...», но успел сделать очень мало. Устрялов скончался в Царском Селе 8 июня 1870 года «тихо и без страданий, почти мгновенно». Похоронен историк на Смоленском кладбище в С.-Петербурге.

Общество отнеслось к смерти Устрялова достаточно равнодушно. Газеты и журналы ограничились дежурными некрологами. Не проявили интереса к наследию ученого ни Академия наук, ни С.-Петербургский университет, ни ученые сообщества столицы. «Странно то обстоятельство, — замечал Ф. Н. Устрялов, — что многие ученые общества, одним из деятельнейших членов которых был покойный, даже не поинтересовались, не осталось ли после него каких-либо интересных материалов или документов, а также не существует ли продолжения его труда, обратившего на себя внимание всех образованных людей и сохранившегося до сих пор в памяти современного нам общества» (3, с. 685). Судьба не была благосклонна к «прагматическому бытописателю», тень забвенья быстро легла на работы Устрялова.

Сегодня, когда мы ищем в истории ответы на самые жгучие вопросы современности, пришла пора (пусть даже спустя полтора века) вновь обратиться к творчеству Николая Герасимовича Устрялова. Духовное наследие историка должно снова стать частью нашего национального достояния. Оно было необходимо нашим предкам, а сегодня оно должно служить нашим современникам. Итак, отбрасывая все ярлыки и штампы, наклеенные на Устрялова за полтора века, мы вновь открываем для себя книги «прагматического» оберегателя русской истории.

В. Г. БАДАНОВ,
кандидат исторических наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Устрялов Н. Г.* О системе прагматической русской истории. СПб, 1836.
2. *Дурновцев В. И., Бачинин А. Н.* Прагматический бытописатель: Николай Герасимович Устрялов. // *Историки России XVIII — нач. XX вв.* М., 1996. С. 174—194.
3. *Устрялов Н. Г.* Воспоминания о моей жизни. // *Древняя и новая Россия.* 1880, № 8. С. 603—686.
4. *Козлов В. П.* Тайны фальсификации. М., 1996.
5. *Устрялов Н. Г.* Русская история. СПб., 1855. Т. 1—2.
6. *Киреева Р. А. К. Н.* Бестужев-Рюмин и историческая наука 2-й пол. XIX в., М., 1990.
7. *Устрялов Ф. Н.* Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852—1856 гг. // *Исторический вестник.* 1884. Июнь.
8. *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.

ВВЕДЕНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ В СМЫСЛЕ НАУКИ

Русская история¹, в смысле науки, как основательное знание минувшей судьбы русского народа, должна объяснить постепенное развитие гражданской жизни его, от первого начала ее до настоящего времени, с тем, чтобы, разлив свет на главные условия быта общественного и раскрыв, почему они существуют так, а не иначе, указать: какое место занимает Россия в системе прочих государств; какие правила политики внутренней и внешней наиболее были сообразны с ее выгодами; какие причины, как плоды времени и обстоятельств, ускоряли или замедляли успехи ее промышленности и образованности.

Целью науки определяется предмет ее. Русская история достигает своей цели верным изображением последовательных перемен в состоянии Русской державы, с указанием причин тому и следствий. Таким образом, предмет ее — постепенный переход России из одного положения в другое. Так как перемены государственные всегда зависят от стечения многих обстоятельств, от причин ближайших и отдаленных, от прямого и косвенного действия их, то история должна охватывать все, что имело влияние на судьбу государства, что оставило после себя следы заметные. Вследствие того она изображает достопамятные действия людей, управлявших внутреннею и внешнею политикою России; успехи законодательства, промышленности, наук и художеств; влияние религии, нравов и обычаев.

В системе знаний отечественная история имеет большое значение и тесную связь со всеми науками общественного образования. С одной стороны, мы со справедливою гордостью можем сказать, что предки наши, застигаемые неоднократно беспримерными бедствиями, каких не вынес бы ни один народ, спасали себя не случаем, не чужеземною помощью, а собственными силами, верою в Провидение, усердием к престолу, любовью к отечеству, что они умели выходить с честью и славою из самых трудных обстоятельств, что страницы нашей истории ознаменованы более делами доблести, нежели порока, и что наконец только история описывает деяния Петра Великого. С другой стороны, объясняя постепенное развитие государственного устройства, озаряя в неразрывной цепи веков все отечественное, она разливает яркий свет на гражданскую жизнь нашу, на свойства народа, на положение государства среди соседей, вообще на современное состояние России, о котором правильно можно судить только по сравнению настоящего с прошедшим. Кроме того, после решительного влияния на нас европейского образования, когда пробудилась мысль о народности, обещающая столь возжеленные плоды в будущем, история вернее всех умозрительных исследований может сказать, в чем заключаются элементы русской народности, или те основные начала, из которых развилась наша жизнь государственная, общественная и семейная.

Основательное знание отечественной истории приобретает постоянным изучением всех вообще памятников отечественной старины, или исторических источников, и знакомством с позднейшими изысканиями ученых: первые сообщают живое понятие о старине; вторые поясняют недосказанное ими более или менее удачными соображениями. Исторические источники бывают или письменные, или неписьменные. К первым относятся: 1) сказания современников; 2) акты государственные; 3) произведения наук и изящной словесности; ко вторым принадлежат: 1) изустные предания; 2) остатки искусств и ремесел.

Сказания современников — это известия тех людей, которые частью сами видели описываемые события, частью узнавали их от очевидцев и передавали потомству сведения

об увиденном и услышанном в летописях, дневниках, записках, письмах и проч. Как подробное, связанное объяснение минувшего, этот источник служит основой исторического знания. Пользуясь им, должно смотреть, мог ли современник знать достоверно описанные им события и так ли передал их потомству, как знал. Чем более имел он средств узнать события и чем добросовестнее описывал виденное или слышанное им, тем сказания его любопытнее для потомства: с одной стороны, ни высоким саном, ни обширными сведениями, ни деятельным участием в делах повествуемых он не внушит потомству доверия без любви к истине; с другой стороны, самая детская откровенность будет бесплодною в свидетеле малосведущем или неискусном.

Акты государственные бывают внутренние и внешние, постоянные и временные. К ним относятся: уставы гражданские, военные, церковные, торговые и проч. грамоты и указы по частным случаям; дела следственные; договоры дипломатические. Как памятники действий правительства они указывают степень образованности, состояние промышленности, правила политики, весь механизм гражданского устройства. Чем обильнее ими история, тем она выразительнее и достовернее: каждое событие, запечатленное актом, в главном основании несомненно, и если новая история далеко превосходит древнюю точностью и полнотою, то этим она обязана более всего актам государственным.

Памятники наук и изящной словесности, нередко выражая характер времени живее самых подробных известий исторических, определяя степень образованности и вкус народа, принадлежат также к историческим материалам. Во всех письменных памятниках нужно обращать внимание на язык: как орудие выражения мыслей, еще более как хранилище идей, он дает средства судить о родстве народных поколений, о степени влияния одного племени на другое, о направлении и успехах гражданственности.

Изустные предания — это рассказы о минувшем времени, сохранившиеся отчасти донныне только в памяти народной, отчасти внесенные в исторические сочинения, со всеми признаками сведений о старине отдаленной, дошедших до бытописателя через несколько поколений.

Предшествуя обыкновенно памятникам письменным и служа основой первоначальной истории каждого народа, они тем любопытнее, чем сообразнее с общим ходом событий, с духом времени и чем менее заключают в себе явно баснословного.

Остатки искусств, художеств и ремесел, здания, монументы, картины, монеты, одежда, оружие, домашняя утварь, также исстари сохранившиеся обыкновения при помощи письменных источников могут живо выражать характер века и часто вести к важным заключениям. Они тем драгоценнее для потомства, чем древнее; в особенности любопытны те памятники, которые, относясь к миру, уже исчезнувшему, напоминают гражданский быт, отличный от нашего.

Самое подробное знание фактов не принесет существенной пользы, если они не будут приведены в стройную систему, где каждое явление было бы на своем месте, как следствие предыдущего и причина последующего; каждое событие имело бы свое знаменование, сообразное с его важностью, и вело бы к предполагаемой историей цели. Для соединения фактов в одно стройное целое, в одну живую картину минувшего, правильно очерченную и ярко освещенную, необходимо: 1) вникнуть в общий ход событий и найти нить, которая связывает все явления непрерывною цепью: она образуется самим ходом происшествий, влиянием века, гением народа и по мере изменения тех и других пружин изменяет свое направление; 2) определить точки, где нить событий изменяется вследствие стремительного переворота дел или быстрого развития гражданственности, и сообразно этому изменению разделить все факты на несколько разрядов для лучшего обзора и уразумения их; 3) приноровляясь к общему историческому ходу, разместить все явления, по мере важности, так, чтобы в изображении их соблюдена была точность и соразмерность, с правильною связью причин и следствий. Перспектива, в особенности правильное освещение, необходимы как в живописи, так и в истории.

Из этого следует, что, изучая отечественную историю, должно предварительно составить ясную идею об отличительном характере ее и о тех эпохах, которые производили решительные перемены в судьбе русского народа.

ОЧЕРК РУССКОЙ ИСТОРИИ

Гражданское общество, служившее основой Русской державы, возникло в племени славян, под верховною властью одной господствующей фамилии, главою которой был норманский витязь Рюрик². Оно получило название Руси и средоточием сначала имело Новгород. В первый век бытия Русь раздвинула свои пределы от берегов Ильменя до порогов днепровских, до истоков Вислы, западного Буга, до устья Оки и верховьев Хопра; все восточные поколения славянского и частью финского племени, обитавшие между этими рубежами, без всяких почти понятий о жизни гражданской, в патриархальной простоте нравов, признали неограниченное господство Рюриковых потомков и вошли в состав Руси, средоточием которой стал уже Киев. По введении христианской веры греческого исповедания при Владимире Святом³ они слились в один народ русский и образовали одно государство, получившее окончательное устройство при Ярославе I⁴, который наложил печать закона на главные условия жизни гражданской, определив частью письменными уставами, частью своими действиями суд и расправу, порядок престолонаследия, зависимость князей удельных от великого, права и обязанности духовенства, пределы своей державы и отношения ее к соседям.

Около середины XI века кончилось основание Руси; с тех пор внешнее расширение ее прекращается; начинается борьба между потомками Владимира Святого. Эта борьба, неминуемое следствие современного понятия о праве на удел каждого члена господствующей фамилии, не только не уничтожила единства Руси, но еще более скрепила узы общественные, распространив всюду один язык, одну веру, одни уставы гражданские, утвердив право одного рода Владимира Святого на власть верховную. Мысль о необходимости единой державы никогда не исчезала.

Прежде, однако, чем кончилась семейная борьба Рюриковых потомков и таившаяся мысль о единой державе успела сосредоточить народные силы, неотразимые завоеватели, пришедшие из глубины Азии, монголы, покорили всю Русскую землю, обложили ее данью и присвоили себе право возводить и низвергать князей, не изменив впрочем внутреннего устройства, оставив неприкосновенными главные элементы государственные: веру, язык, граждан-

ские уставы и право Рюрикава дома на исключительное господство. Тяжкое иго угнетало Русь около двух с половиною веков. В первый век рабства, она была беззащитною жертвою ослепления князей, лютои монголов, хищности и фанатизма западных соседей. В начале второго века совершился великий переворот, имевший решительное влияние на судьбу нашего отечества. Русские княжества к востоку от Днепра постепенно стали исчезать и входить в состав *государства Московского*, признавая над собою власть одного дома, в роде Иоанна Калиты⁵, потомка Владимира Святого, из поколения князей суздальских. Русские княжества к западу от Днепра, кроме Галиции, присоединившейся к Польше, слились также в одно целое и образовали вместе с литовским народом самостоятельное государство, под именем *Великого княжества Литовского*, главою коего был дом Гедимины. С тех пор Русская земля разделилась на две половины, на восточную, или московскую, и западную, или литовскую. Как в той, так и в другой возникает новый порядок вещей, отличный от прежнего.

Русь Восточная, с начала XIV века оживленная умом князей московских, мало-помалу сосредоточила раздробленные силы, вступила в борьбу с монголами, свергла с себя ненавистное иго, избавилась от неустойчивости удельной системы и образовала державу сильную, самостоятельную — *Русское царство*. Главою ее был государь самодержавный, с наследственной властью, переходившею по праву первородства от отца к сыну в роде Иоанна Калиты, а с 1613 года, после жестокого потрясения самозванцами, в доме Романовых. Постоянною целью русских царей после свержения ига до конца XVII века было: в делах внутренних органическое устройство государства в духе древних уставов и самодержавия, получившее окончательное образование при царе Алексее Михайловиче⁶ и сыне его Федоре; в делах внешней политики на юге и востоке обуздание татарских орд, покорение их русскому скипетру, на западе постепенное сближение с Европою торговыми связями и возвращение земель за Днепром и при Балтийском море, искони составлявших часть Русской земли. Вследствие этого главным явлением истории Русского царства было постоянное развитие мысли о необходимости восстановить Русскую землю в тех пределах, которые имела она при Ярославе и около трех веков после него; из этого источника происте-

кали все наши споры с Польшею, Ливонским орденом и Швециею, овладевшими многими областями нашего отечества во время бедственного рабства.

*Русь Западная*⁷ до конца XVI века оставалась под властью князей литовских, в роде Гедимина⁸, но так же, как и Восточная, спасла свою веру, свой язык, свои уставы гражданские. Следовательно, самые крепкие узы связывали ее с Восточною Русью, и народ, свято сохраняя закон прародительский, неоднократно обнаруживал живейшее желание возвратиться в подданство царя православного, целыми областями присоединяясь к его державе. Ни в той, ни в другой части Руси мысль о соединении их в одно целое никогда не исчезала; еще в начале XIV века, когда блеснул первый луч надежды на освобождение от ига монголов, владетели Москвы приняли титул великих князей всея Руси. Она живо пробудилась со времен Иоанна III⁹, которому добровольно поддались многие области, составлявшие часть Литовского княжества. Случайное обстоятельство положило преграду к слиянию и прочих областей в одно целое: Польша, страшась могущества потомков Гедимина, примкнула к их державе, избрав на свой престол внука его Ягайло¹⁰, и всеми мерами старалась отклонить опасное для нее соединение Западной Руси с Восточною. Но так как с одной стороны русские цари имели неотъемлемое право на Западную Русь, где предки их водворили жизнь гражданскую и святую веру, где в полном блеске развилась русская жизнь, и при единодушном желании той и другой части быть под властью одного государя, соединение рано или поздно было неизбежно; с другой же стороны судьба Польского королевства была уже неразлучна с судьбою Великого княжества Литовского: то, по естественному порядку вещей, сама Польша должна была неминуемо войти в состав одной державы Русской. Эта истина была очевидна в XVI и в XVII веке, когда по пресечении династии Ягеллоновой благомыслящие поляки, тем более литовские чины, неоднократно поручали судьбу свою русским царям. Одни интриги польских магнатов и иезуитов препятствовали соединению двух народов одноплеменных, единоверных, разлученных случайными обстоятельствами и поставленных судьбою в такое положение, что только под державною десницею одного венценосца они могли найти мир и благоденствие. Оставаясь под властью Польши до времен Ека-

терины III¹¹, исключая области, возвращенные царем Алексеем Михайловичем, Западная Русь испытала все бедствия анархии, свирепствовавшей в Польском королевстве, и величайшее зло народное, гонение за веру. Иго польское было тягостнее татарского.

С тех пор, как в Русской земле утвердилось решительное стремление разъединенных частей ее к сосредоточению и образовались две системы, московская и литовская, история наша до конца XVII века представляла два главные, почти непрерывные явления: с одной стороны, в Восточной Руси развитие государственных сил из коренных русских начал; с другой стороны, в Западной Руси бедственное влияние Польши. К концу XVII века оба явления совершились: Русь Восточная образовала могущественное царство, в котором все носило печать народности самобытной; Русь Западная, не успев слиться с Восточной, попала под польское иго. Отсюда главный предмет нашей истории — судьба Восточной Руси, судьба России.

Россия, в свою очередь, с наступлением XVIII века, и внутри и извне принимает другой вид; основные начала народности остаются неприкосновенными: та же чистая вера, наследованная от православного востока, то же понятие о власти единой, самодержавной, те же звуки русского языка господствуют в нашем отечестве, как было до конца XVII века; но государственным и общественным силам дано иное направление; ход событий совершенно изменяется. Мы видим перед собой не бесконечные, утомительные споры московских царей с польскими королями за Русь Западную, не беспрестанное повторение крымских набегов, не тесный круг московской политики, чуждой общих дел европейских, устремленной на одних соседей, не медленные успехи внутреннего устройства и образования, при совершенном неведении того, что делалось на Западе: Россия громит своих врагов одного за другим ударами сокрушительными, занимает почетное место в системе европейских держав, узнает выгоды просвещения и обнаруживает быстрое развитие промышленных и умственных сил. Господствующим явлением русской истории с конца XVII века становится преобразование московского государства в российскую империю. Оно имеет свой отличительный характер.

Переход государств от старого порядка вещей к новому обыкновенно бывает следствием стечения многих, часто

посторонних обстоятельств, и всегда обнаруживается жестоким переломом: борьба старого с новым, волнующая умы, воспламеняющая страсти, влечет за собой всеобщее долголетнее потрясение. Так, после нашествия германских народов преобразовалась Римская империя в новый европейский мир, который, в свою очередь, с теми же потрясениями, был изменяем крестовыми походами, реформацией, революцией. В России, в одно поколение, все, исключая веру, верховную власть и язык, приняло другой вид, и то, что в конце XVII века составляло необходимое условие общественной жизни, в середине XVIII века уже казалось преданием старины отдаленной. Но этот переход совершился у нас не от внешнего влияния, не от столкновения понятий и нравов, не по требованию времени или давно приготовленных обстоятельств, которых нельзя было остановить: он совершился по мысли *одного* человека.

В начале XVIII века все, о чем заботились, к чему стремились русские цари, было решено Петром Великим¹².

Когда все сословия, все чины светские и духовные, высшие и низшие, хотели жить и думать, как жили и думали отцы и деды, чуждались всякой новизны, все иноземное считали вредным, всякое новое понятие ересью, словом, когда никто не желал перемены и каждый довольствовался своим жребием, в то время один Петр задумал даровать своему государству совершенно новую жизнь, вступил в борьбу со всем окружающим, с понятиями, мнениями, предрассудками, с соседями, с самой природой, восторжествовал над всеми препятствиями, изменил внутреннее устройство, дал иные основания политике внешней, пробудил силы народные и как будто создал новое государство. Совершив исполинский, беспрецедентный в истории подвиг, преобразовав и себя и свой народ, водворив в своем государстве войско, флот, промышленность, торговлю, науки, художества, новую, лучшую жизнь, даровав отечеству то, что Западная Европа получила после вековых усилий, ознаменованных крестовыми походами, городскими общинами, огнестрельным оружием, реформацией, одним словом, воплотив в себе все, что подготовило первенство Европы над прочими частями света, Петр поставил свое государство на такую ступень, что оно явилось внезапно исполином в кругу своих соседей и уже при первых преемниках Петра стало

усваивать плоды европейской гражданственности. Отсюда началась история *Российской империи*; древний русский мир исчез с большею частью его уставов, законов, форм, нравов, обычаев. Только два главных элемента, религия и самодержавие, слившиеся с русскою жизнью, остались неприкосновенными.

Данное им направление, коснувшись всех условий гражданского общества, было так могущественно, что преобразование не останавливалось ни при одном из преемников.

Екатерина II довершила мысль и древних царей, и многие планы Петра: соединила под свою державу почти всю Русскую землю, вместе с значительною частью Польского королевства, которое с отделением Западной Руси не могло существовать самобытно в формах анархии, даровала своему государству решительный перевес над всеми соседями и ознаменовала внутреннее управление многими учреждениями для народной промышленности и образования.

Усвоив лучшие плоды европейской гражданственности, без вредных плевел, одушевляемая отличительным свойством народного характера, беспредельною преданностью вере и престолу, Россия была непоколебима среди всеобщего потрясения западных государств Французскою революцией и под знаменем Александра I¹³ избавила Европу от величайшего из завоевателей, Наполеона¹⁴.

Наконец, с восшествием на престол императора Николая I¹⁵ начался новый, современный нам период русской истории: живее, чем когда-либо, пробудилась мысль о необходимости органического устройства державы, основанного на истинных началах народности и образования.

Таким образом, сообразно с общим отличительным ходом событий нашего отечества можно разделить русскую историю на две главные части, на древнюю и новую.

I. Д р е в н я я и с т о р и я, от начала Руси до Петра Великого (862—1689), изображая постепенное развитие трех главных начал, из которых возникла русская жизнь, славянского, норманнского и византийского, под влиянием в одной части с середины XIII века монголов, в другой с конца XVI века поляков, представляет следующие явления:

1. *Основание Руси*, соединение славян в общество гражданское господством норманнов, христианскою верою и законодательством Ярослава, 862—1054.

2. *Раздробление Руси* по праву удельному на несколько союзных княжеств в Рюриковом потомстве, 1054—1238.

3. *Разделение Руси* на восточную и западную под игом монголов, 1238—1328.

4. *Образование* в Восточной Руси *государства Московского*, 1328—1462; в Западной Руси *Великого княжества Литовского* и соединение его с Польшею, 1320—1569.

5. *Борьба* государей московских с монголами за право независимого господства в восточной Европе, с Польшею за Литовское княжество, 1462—1604.

6. *Потрясение* Русского царства самозванцами, 1604—1613, Великого княжества Литовского Унией, 1596.

7. *Возобновление борьбы* русских царей с Польшею за литовское княжество при явном стремлении Восточной Руси к благоустройству, при новых усилиях польского правительства уничтожить народность в Западной Руси, 1613—1689.

II. Новая история, от Петра Великого до смерти императора Александра I (1689—1825), имея отличительным характером изменение древнего образа жизни, деятельное участие России в делах европейских и быстрое развитие умственных и промышленных сил, представляет следующие главные явления:

1. *Преобразование Русского царства в Российскую империю* Петром Великим, 1689—1725.

2. *Утверждение установленного им порядка*, при первых его преемниках, 1725—1762.

3. *Начало органического устройства* Российской империи и соединение всех почти русских земель в одно целое Екатериною II, 1762—1796.

4. *Решительное участие* России в судьбе европейских государств, при новых мерах к внутреннему благоустройству, при очевидном смягчении нравов и быстром развитии умственных и промышленных сил, 1796—1825.

5. Наконец, отличительный характер современного нам периода, с 1825 г., есть *органическое развитие сил государства* из собственных начал его в свойственных ему формах образования.

ИСТОЧНИКИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ¹⁶

I. Сказания современников, объясняющие древнюю русскую историю, могут быть разделены на отечественные и иноземные. К первому разряду относятся летописи безыменные и записки особ известных; ко второму — предания иноземцев, писавших о нашем отечестве по слуху, и записки очевидцев.

1. *Летописи безыменные** представляют почти непрерывный ряд записок монастырских с конца XI века до половины XVII столетия, летописцев неизвестных, наблюдавших события большею частью издали, впрочем добросовестных и беспристрастных. Достоверность русских летописей, подтверждаемая в сущности дела или в главных обстоятельствах, согласием иноземных писателей и многими актами, обнаруживается еще более, если вникнем в самый ход событий. Начало летописей положено иноком Киево-Печерского монастыря, преподобным Нестором¹⁷, родившимся около 1050 года и умершим в конце XI века. Он писал частью по преданию старожилков, дополняя и повторяя их греческими хрониками, частью по собственным наблюдениям, и служил образцом для позднейших летописцев: следуя примеру его, люди духовные, столь же скромные и добросовестные, описывали события, распри князей, дела церковные, войны внешние, знамения небесные, необыкновенные явления природы, хотя кратко, часто поверхностно, даже ошибочно, но всегда с любовью к истине. До начала XIII века летописи сходятся одна с другою содержанием, описывая дела всей Руси; со времени нашествия монголов рассказывают преимущественно события областные.

2. *Записки* людей известных начинаются со 2-й половины XVI века: они слишком малочисленны в сравнении с подобными историческими материалами Западной Европы. Особенного внимания заслуживают: *Курбского*¹⁸ — История Иоанна Грозного, *Авраамия Палицына*¹⁹ — Сказание

* Лучшие списки изданы Археографической комиссией под заглавием: Полное собрание русских летописей, 1846 — 1853, в 6 томах; в 1 томе заключается Летопись Лаврентьевская до 1305 и Троицкая до 1419; во 2 — Ипатьевская до 1305; в 3 и 4 — четыре Новгородские летописи до 1716 и первая Псковская до 1609; в 5 и 6 — вторая Псковская летописи до 1486 и две Софийских до 1334.

об осаде Троицкого монастыря поляками, *Шушерина*²⁰ — Житие патриарха Никона, *Котошихина*²¹ — О России в царствование Алексея Михайловича.

3. *Предания иноземцев*, писавших о древнейшем состоянии нашего отечества мимоходом, по слуху, могут служить весьма важным дополнением наших летописей, повествующих кратко о первых веках Руси. Особенно замечательны: а) в и з а н т и й с к и е писатели: сенатор *Прокопий*²² и император *Маврикий*²³, о состоянии славян дунайских в XV веке; император *Константин Багрянородный*²⁴ о св. Ольге и внутреннем устройстве Руси в X веке; *Лев Диакон*²⁵ о войне Святослава с Цимисхием, Кедрин о Владимире Святом; б) в о с т о ч н ы е, наиболее аравийские купцы, путешественники и ученые, знавшие руссов на берегах Волги: *Фоцлань*, *Масуди*, *Гаукаль*, *Абулфед* и другие²⁶; в) с к а н д и н а в с к и е с а г и, или исторические предания о норманнах X и XI веков; г) н е м е ц к и е летописцы X, XI и XII столетий: *Луитпранд*, епископ Кремонский об Игоре; *Дитмар*, епископ Мерзебургский о Владимире Святом и Ярославе; *Ламберт* Ашафенбургский об Изяславе; *Гельмольд* о мифологии славян прибалтийских; д) польские летописцы, компиляторы, не всегда верные древним хроникам русским, еще более пристрастные в описании современных событий, но весьма замечательные для объяснения дела России с Польшею: *Кадлубко*, епископ Краковский, довел свою летопись до начала XVII века; *Длугош* до конца XV века; *Кромер* до половины XVI века; *Стрыйковский* до конца XVI и в особенности *Коялович*, достовернее других описавший дела Литовского княжества до 1569 года²⁷.

4. *Записки иноземцев-очевидцев*, писавших о нашем отечестве с середины XIII века, преимущественно по собственным наблюдениям, весьма разнообразным, выразительным и чрезвычайно важным для объяснения событий, нравов, обыкновений. Иноземные наблюдатели всего более оставили сведений от начала XVI века до конца XVII, когда являясь в Москву один за другим послами, агентами, путешественниками или вступая в русскую службу, они с живейшим любопытством смотрели на Россию, где все было для них ново, чудно, отлично от европейского, и записывали все виденное и слышанное ими с единственной целью доставить своим соотечественникам ясное понятие о полуночной Московии. Из них замечательны: а) О периоде

монгольском, преимущественно о самих монголах: *Плано-Карпини, Асцелине и Рубруквис*²⁸, западные миссионеры, бывшие у Батыя, Гаюка и других ханов в XIII веке; *Марко Поло*²⁹, венецианский дворянин, более 20 лет служивший монгольским ханам в XIII веке; *Шильдбергер*, баварец, пленник Баязета и Тамерлана, участвовавший в их походах более 30 лет; б) О состоянии России от Иоанна III до Самозванцев: *Контарини*³⁰, посланник Венецианский, бывший в Москве при Иоанне III; *Павел Иовий*³¹, римский кардинал, узнавший много любопытного о Москве от русского гонца; барон *Герберштейн*³², посол императора Максимилиана I к в. к. Василию Иоанновичу, лучший, основательнейший из писателей иноземных; *Франциск да-Колло*, посол цесарский к в. к. Василию; *Ченселер*³³, английский капитан, *Дженкинсон, Баус, Рандолф, Горсей*³⁴, посланники Елизаветы Английской при Иоанне IV; *Таубе и Крузе*, свидетели жестокости Иоанновой; Антоний *Поссевин*³⁵, папский легат, описавший свои прения о вере с Иоанном IV; *Флетчер*³⁶, посол Елизаветы к Федору Иоанновичу, весьма умный наблюдатель внутреннего состояния России. в) О Самозванцах: *Маржерет*³⁷, капитан гвардии Лжедмитриевой; *Мартин Бер*³⁸, московский пастор, лучший историк Самозванцев; *Жолкевский*³⁹, польский военачальник, подробно и верно описавший избрание Владислава на русский престол; *Самуил Маскевич*⁴⁰, офицер польской службы; *Петрей*⁴¹, шведский посланник к Василию Шуйскому и Самозванцам; г) О царствовании дома Романовых: *Боплан*, французский инженер польской службы, оставил весьма подробные сведения о Малороссии; *Олеарий*⁴², голштинский ученый, путешествовавший по России при Михаиле Федоровиче; барон *Мейербер*⁴³, посол Леопольда I к Царю Алексею Михайловичу, живший в Москве около года; *Гюи-Мьеж*, секретарь графа Карлейля, посла английского к нему же; *Коллинс*, английский врач царя Алексея; *Рейтенфельс*, посланник тосканский; *Стрейс*, голландский корабельный мастер, свидетель мятежа Стеньки Разина; *Таннер*, богемец, спутник литовских послов к Федору Алексеевичу; *Кемпфер*, ученый-путешественник немецкий, бывший в России в правление царевны Софьи, и многие другие⁴⁴.

II. А к т ы г о с у д а р с т в е н н ы е до середины XIII века или до утверждения господства монголов в Русской

земле слишком малочисленны, отчасти потому, что их истребило время при содействии невежества и монголов, отчасти и потому, что, по тогдашнему устройству государственному, письменность не могла быть столь разнообразной и необходимой, как впоследствии. Они дошли до потомства не в подлинниках, а в списках, сохранившихся в летописях и в разных сборниках*, и хотя наиболее по этому обстоятельству некоторые критики считали их подложными, но так как основательнейшие исследования подтверждают их достоверность, то они должны быть причислены к источникам историческим. Таковы мирные договоры Олега, Игоря и Святослава с греками⁴⁵, церковные уставы Владимира Святого и Ярослава I о правах российского духовенства, Русская Правда о судах и расправе**.

С середины XIII века, в особенности со времени основания государства Московского, тем более после Иоанна III, акты государственные становятся несравненно обильнее и служат важным пособием русской истории, поясняя как внутреннее устройство государства, так и внешнюю политику. Из них мы узнаем: отношения удельных князей к великому князю Московскому; постепенное расширение пределов государства Московского, вместе с городами и областями, ему принадлежавшими; подробности суда и расправы; порядок сбора государственных доходов; образование войска; устройство церкви; внешние отношения к соседям, приобретения, уступки и проч. Многие поясняют сверх того подробности событий. Лучшими собраниями являются *государственные грамоты и договоры*, изданные графом Румянцевым в 4 томах; *акты, собранные археографической экспедицией* академии наук и изданные археографической комиссией, первые два тома *полного собрания законов Российской империи*.

III. Памятники словесности до конца XIII века состоят преимущественно из сочинений писателей духовных, из летописей (если рассматривать их в литера-

* Древнейший подлинный акт есть грамота Мстислава I (1125—1132) Новгородскому Юрьевскому монастырю на землю и судные пошлыны.

** О договорах Олега, Игоря и Святослава см. рассуждения Погодина в его Несторе. Церковные уставы зашишал митрополит Евгений; Русскую Правду превосходно изъяснил Эверс в сочинении: *Das älteste Recht der Russen*, 1826.

турном смысле), из посланий святителей, из переводов с греческого и частью латинского языков. Из писателей светских особенно замечательны Владимир Мономах⁴⁶, сочинитель Слова о полку Игореве, князь Курбский и многие другие. К тому же разряду относятся и народные песни, из которых некоторые носят на себе печать глубокой древности.

IV. Предания и устные заметны преимущественно в древних летописях; некоторые украшены вымыслом. Памятники искусств и ремесел рассеяны по всей Российской империи. Из них особенно важны монеты, оружие, утварь, здания и проч.

С начала XIII столетия люди стали приводить в порядок и обрабатывать исторические источники наши; лучше всех использовал их Карамзин⁴⁷, автор *Истории государства Российского*. С чистою любовью к истине, к науке и родной старине, с редким искусством владеть русским словом, при помощи огромного запаса материалов, из которых многие только ему были доступны, он начертал величественную картину минувшей судьбы нашего отечества до воцарения дома Романовых. Правда, критика нашла в его сочинении значительные недостатки: не вполне правильное воззрение на общий ход событий, слабое развитие внутренней жизни русского народа, не всегда верные выводы; при всем том, как удачный свод всех почти известных материалов древней отечественной истории, в духе старинных летописей, как добросовестный труд писателя умного, образованного, со всем жаром художника, любившего предмет свой, сочинение Карамзина донныне превосходит все, что было написано прежде него и после него. Дополнением и поправками ему служат исследования *Эверса, Лерберга, Круга, Френа, Погодина*⁴⁸ и некоторых других, впрочем весьма немногих, истинно ученых изыскателей старины отечественной.

ИСТОЧНИКИ НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Источники новой русской истории, далеко превосходя источники древней обилием, разнообразием, достоверностью, к сожалению до сих пор не разобраны и не очищены критикой, даже большей частью не приведены в порядок.

Оттого основательное знание новой истории⁴⁹ сопряжено с немаловажными затруднениями. Главными источниками ее являются:

I. **Акты государственные.** Они занимают первое место и заслуживают самого тщательного изучения именно потому, что любопытнейшим и важнейшим явлением нашей истории с начала XVIII века было постепенное устройство государственное. Этот разряд материалов чрезвычайно обилен и в особенности стал доступен для изыскателя с 1830 года, когда Второе отделение собственной канцелярии Его Величества собрало и издало в 45 томах все вообще узаконения наших государей с 1649 года по 1825, включив в свое драгоценное собрание многие дипломатические договоры и другие акты, любопытные в одном историческом смысле. Временные распоряжения правительства, не вошедшие в *полное собрание законов* Российской империи, также официальные известия о разных достопамятных случаях, обнародованы частью отдельно, частью в разных периодических изданиях, преимущественно в С.-Петербургских ведомостях. Весьма важным дополнением материалов этого разряда служат Собрание дипломатических актов, изданное *Мартенсом* и *Шелева* История договоров⁵⁰.

II. **Записки современников** в отечественные и иноземные также очень обильны, в особенности последние, хотя пользоваться ими надобно с большей осторожностью: иноземцы, бывшие в России в XVIII столетии, не столько наблюдали наши нравы и обыкновения, по примеру путешественников XVI и XVII веков, сколько судили о действиях нашего правительства, и судили пристрастно: злоба нередко руководила их пером. Менее всех доверия заслуживают французы. Укажем на важнейшие:

а) О царствовании Петра Великого мы узнаем лучше всего от самого *Петра*; он оставил потомству историю своей войны со Швецией, сочиненную, под его надзором, кабинет-секретарем *Макаровым*⁵¹; кроме того в многочисленных письмах государя к разным лицам заключаются драгоценные черты его жизни, характера и действий. Из писателей частных первое место занимает трудолюбивый *Голиков*⁵²: он жил в царствование Екатерины II и Павла I; имел в руках своих множество современных записок и журналов, *Крекшина*, *Неплюева*, *Меншикова*⁵³, большей частью доселе не изданных, выбирал из них все достопамятное без искусства, по крайней

мере добросовестно, и приготовил богатейший запас историке Петра Великого. Но как Голиков не знал языков иностранных и, пользуясь писателями иноземными не всегда по верным переводам, многое оставил без внимания, многое передал с ошибками, то для дополнения и проверки его необходимо познакомиться с самими наблюдателями Петрова времени. Из них *Корб*⁵⁴, секретарь цесарского посольства, видел в Москве истребление стрельцов и начало великого подвига Петрова, преобразования государства. *Гордон*⁵⁵ оставил любопытный журнал первых лет царствования Петра. *Перри*⁵⁶, английский инженер, описал строение канала для соединения Волги с Доном. *Схелтема*, новейший писатель, собрал множество достоверных сведений из современных записок, актов и преданий, о двукратном путешествии Петра в Голландию. *Адлерфельд*⁵⁷, историк Карла XII, убитый под Полтавой, знал весьма хорошо весь ход борьбы своего государя с Петром и описал ее так беспристрастно, как только можно ожидать от неприятеля России. *Вебер*⁵⁸, резидент Голштинский, собрал множество любопытных сведений о Петре Великом, о царевиче Алексее, Екатерине I и Петре II. *Басевич*⁵⁹, посол Голштинский, оставил важные записки о политических действиях Петра с 1713 по 1725 год. *Беркгольц*⁶⁰, камер-юнкер герцога Голштинского, с величайшей подробностью и достоверностью описал последние четыре года Петровой жизни.

б) О царствовании преемников Петра до Екатерины II сообщают известия краткие, но чрезвычайно любопытные, русские сановники, имевшие средства проникнуть в самые сокровенные действия двора, фельдмаршал *Миних*, сенаторы *Шаховской* и *Неплюев*⁶¹. Главный однако же источник для объяснения событий от смерти Петра до восшествия на престол Елизаветы — записки адъютанта Минихова, *Манштейна*⁶², наблюдателя умного, сведущего и беспристрастного. Дополнением и пояснением их служат записки тайного советника *Миниха*, сына фельдмаршала. Кроме того встречаются любопытные сведения о Петербургском дворе в письмах графа *Линара*⁶³, датского посланника при императрице Елизавете, в донесениях французских и английских послов и агентов, извлеченных из архивов и напечатанных *Раумером*⁶⁴.

в) Царствование Екатерины II, Павла I и Александра I должно изучать преимущественно из их узаконений, также

из официальных известий, обнародованных правительством, и актов дипломатических. Сказания современников отечественных, доселе напечатанные, немногочисленны; из них особенного внимания заслуживают записки Дашковой, Порошина и Храповицкого⁶⁵. *Княгиня Дашкова*, штатс-дама императрицы Екатерины II, удостоивавшей ее особенной доверенности до восшествия своего на престол и в первые годы по воцарении, оставила драгоценные записки о своей жизни, которые она писала уже в глубокой старости, в начале царствования императора Александра I. В них она сообщает множество любопытных известий о Петре III, Екатерине II и Павле I, также о всех замечательных людях их царствования. *Порошин*, кавалер великого князя Павла Петровича в начале царствования Екатерины II, около двух лет (1764 — 1765) вел ежедневный журнал об успехах учения юного, десятилетнего Павла, о лицах, представлявшихся ему, о бывших притом разговорах, о беседах графа Панина с Чернышевыми и прочими. В этих записках множество любопытных заметок. *Храповицкий*, докладчик, или статс-секретарь Екатерины II, также вел дневник, в котором столь же отчетливо, с такой же откровенностью, как и Порошин, записывал все, о чем говорила с ним сама императрица (слово в слово), что поручала ему, что слышал и видел он при дворе; но по своему положению он мог знать и видеть несравненно более, чем Порошин, и записки его, объемля около пяти лет царствования Екатерины, самых деятельных, самых обильных делами политическими (1785 — 1791), заключают в себе неоцененное сокровище разнообразных, в высшей степени достоверных и беспристрастных известий о мудрой царице севера, которая является в них в истинном своем величии².

Огромная масса записок современных писателей иностранных, особенно французских, бывших в России при Екатерине II, Павле I и Александре I, требует строгой проверки: очень часто лица и события изображаются ими в ложном свете, даже в превратном виде; очень редкие из них следовали примеру графа *Сегюра*⁶⁶, умного и беспристрастного наблюдателя двора Екатерины II.

Часть первая

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

ГЛАВА I

ОСНОВАНИЕ РУСИ

Основание государств, то есть соединение поколений одного или нескольких племен в общество гражданское, обыкновенно совершается так медленно, незаметно, так мало оставляет после себя памятников, что история, с трудом проникая в сумрак времен отдаленных, редко может объяснить непрерывным рядом событий, каким образом народы расстаются с дикою волей, признают власть закона и, изведав выгоды общежития, образуют державы, — все это бывает делом веков и сцепления многих малоизвестных обстоятельств. Одно только явление общее, несомненное, заметно при возникновении почти всех держав древних и новых; гражданское общество возникает по большей части из соединения двух или нескольких народов разноплеменных, из коих сначала один господствует, а другой повинует, впоследствии оба сливаются в одно племя. Так возникли первые общества в Египте, Греции, Франции, Англии. Основание всех почти государств в главных чертах одинаково; но от различия в свойствах народных, в отношении победителей к побежденным, в вере, в климате, в обстоятельствах случайных каждое государство в самом начале получает особенное направление, в коем скрывается семя будущей жизни его, как в зерне прозябаемом таится свойство плода. И потому, рассуждая об основании своего отечества, мы должны указать, какие народы и каким образом составили гражданский союз, получивший название Руси.

Все памятники русской древности, в особенности сказания наших летописцев, свидетельствуют, что краеугольный камень основанию Руси положили два народа, славяне и норманны, что господство норманнов в земле славянской завязало первый узел общественный, что христианская вера скрепила его, а правление Ярослава I, наложив печать закона на главные условия нового общества, утвердило в нем тот порядок вещей, из которого впоследствии развивались главные явления нашей истории, изменяясь по мере влияния внешних обстоятельств и успехов общественной жизни. Два столетия продолжалось основание Руси, первый период нашей истории. Для уразумения его необходимо обозреть: 1) судьбу *славян* вообще и в особенности тех отраслей славянского племени, которые вошли в состав Руси, 2) главные черты *норманнов*, 3) соединение славян с норманнами в одно общество гражданское, под племенем *руси*, 4) введение *христианской веры*, 5) правление *Ярослава I*.

I. СЛАВЯНЕ

Племя, известное ныне под именем славянского, при первом появлении в истории, в конце V и в начале VI века от Рождества Христова, занимало многочисленными поселениями пространство от моря Балтийского до Черного и Дуная, от Одера до берегов днепровских. Встречая в истории столь сильный, до конца V столетия под этим именем совершенно неизвестный народ, в эпоху всеобщего переселения народов, мы могли бы думать, что он пришел в Европу по следам гуннов и других диких орд Средней Азии, если бы в языке, в природных свойствах славян, в наружном виде, в очертании лица, в самих нравах, не было признаков, что подобно германцам они принадлежали к семейству аборигенов или коренных обитателей Европы. Поздно же явились они в историческом мире под собственным названием потому, что сами не оставили никаких свидетельств о прежней судьбе своей, а греки и римляне, давая чуждым народам имена произвольные, нередко одно и то же племя в разные эпохи называли разными именами, включая в один разряд разноплеменные народы, таким образом славяне могли быть известны им вместе с другими

народами под общим неопределенным названием скифов и сарматов.

Судьба славянского племени, от первого появления его в истории до образования в нем в IX и X веке государств Русского, Польского, Богемского, Моравского, Сербского и других, мало известна. В VI и VII столетии заметнее других отраслей действуют славяне южные или дунайские; в начале VIII столетия они скрываются от взоров истории, и действие переносится на берега Одера и Эльбы; в IX столетии пробуждается деятельность на Висле, около Ильменя и по течению Днепра. Славяне южные уступают свои земли другим чуждым народам или смешиваются с ними; славяне западные признают власть Карла Великого¹ и преемников его; славяне восточные образуют самостоятельную державу, Русь. Укажем на главные события и черты славянской жизни.

Славяне южные, или дунайские, были страшными врагами Византийской империи во все время царствования императора Юстиниана Великого². С самого начала его правления, с 527 года, они стали вторгаться в его области через Дунай и тем были опаснее, что с воинственною отвагою соединяли хитрость и искусство, умели таиться в оврагах, за кустами, даже в реках и, презирая опасности, как бы играли войною. Если же удавалось искусному вождю греческому окружить отдельные толпы их, храбрость их усиливалась: они бились отчаянно, жены сражались рядом с мужьями, и никакие муки не могли принудить пленного славянина изменить единоплеменникам. Сам Юстиниан Великий с твердынь неприступной столицы видел, как грозные толпы этого народа опустошали увеселительные дворцы в окрестностях Царьграда, и Велизарий* с трудом, более золотом, нежели оружием, спас от них Византию.

Что побуждало славян к неутомимой вражде с греками, достоверно неизвестно. Историки византийские приписывают их набеги ненасытному грабительству. Не имея никакого памятника славянского того времени, мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть сказаний их неприятелей. Впрочем единогласное свидетельство современников Прокопия и Маврикия удостоверяет, что славяне в VI веке

* По словам Прокопия, славяне сами себя называли спорами, то есть сербами, как думает Шафарик³.

находились еще на самой низкой ступени образованности: они жили отдельными коленами, или семействами, не зная ни крепостей, ни городов, имея, однако же, селения; любили более всего свободу необузданную; одна власть старейшин управляла односемейными; иногo господства не терпели. В обстоятельствах важных, когда неприятель грозил их стране опустошением, или сами задумывали грабить соседей, многие семейства соединялись для совета и решали дело по приговору старейшин. Но своеволие неукротимое всегда отличало славян дунайских, редкое совещание оканчивалось мирно, мечи обыкновенно решали их споры. Вождь, указывавший путь в землю неприятельскую, мог приобрести их доверие и повиновение только личною храбростью или особенным искусством и редко имел силу обуздывать своих товарищей: они сражались где и как хотели; но каждый славянин всегда бросался прямо в середину врагов, и несмотря на долговременное искусство легионы византийские часто обращались в бегство. Выиграв сражение, славяне обыкновенно вконец опустошали неприятельскую землю, все предавали огню и мечу, не щадили ни возраста, ни пола и, обремененные добычею, удалялись в свои леса недоступные.

Но дикая свирепость не была отличительным их характером. Славянское племя вообще имело более склонности к жизни мирной, чем воинственной. Как славяне прибалтийские в конце IV века известны были тихим нравом, так и славяне дунайские, если не вторжение неприятелей, не внутренние раздоры не воспаляли их страстей, любили жизнь мирную, семейную, охотно занимались земледелием, отличались добродушием и своим гостеприимством удивляли просвещенных греков, оставив эту добродетель в наследство самым отдаленным потомкам: путешественника встречали как старинного знакомого, угощали с радостью и сдавали друг другу на руки, отвечая за его безопасность; рабам (пленникам), по миновании определенного срока, возвращали свободу или принимали их в свои семейства. Чистота нравов, которою славилась жены и девы их, есть другая прекрасная черта характера народного: славянки так были привязаны к своим мужьям, что не разлучались с ними даже в битвах и, нередко потеряв их, искали утешения в смерти, чтобы не горевать вдовицами.

Народ с такими свойствами не мог надолго оставаться на уровне народа дикого, обнаруживая явное стремление к жизни общественной. Славяне уже любили земледелие, образовали села и, мечом ограждая национальную независимость, ждали только, чтобы свет божественной религии смягчил их душу, а ум какого-нибудь Кекропса или Нумы Помпилия направил их силы к цели нашего бытия, к общезнанию и образованности. Но не на берегах Дуная суждено было им достигнуть этой цели: там пролегал главный путь, коим кочевые орды Средней Азии стремились на Римскую империю и одна за другою вытесняли славян.

В VII столетии появились на берегах Дуная сильные враги, пришедшие из-за Дона, болгары, которые сначала вместе с славянами опустошали империю, а потом обратили оружие на своих союзников, и частью покорили их, частью принудили переселиться за Тейс и Карпатские горы. Вслед за ними новые варвары, видом и свирепостью напоминавшие гуннов, авары, или обры, из-за Каспийского моря перенеслись в Европу, поработили болгар с подвластными им славянами и утвердили свое господство от Волги до Эльбы. Презирая благодеяния труда и природы, авары жили грабежом и свою добычу, сокровища подвластных им народов, складывали в укрепленные станы, следы которых сохранялись долго на берегах Тейса и Алуты. Тщетно некоторые поколения славян старались спасти свою независимость, и один из вождей их, Лавритас, с презрением говорил послан хана Аварского Бояна, требовавшим покорности, что никто в мире не лишит их свободы, доколе есть война и мечи в свете. Боян вступил в их землю и обратил в пепел все селения. Поражаемые неодолимым завоевателем, славяне или покорились ему, или по следам прежних выходцев удалились за Карпатские горы. Одни из них двинулись к западу и северу в Иллирию, Богемию, Мекленбургскую, Померанию и Польшу, где уже обитали единоплеменники их, другие же удалились на равнины нынешней западной России.

Славянские поколения, удалившиеся с берегов Дуная на северо-запад в VII столетии, заняли все пространство от Эльбы до Вислы и, смешавшись там вероятно с единоплеменниками своими, приняли названия *чехов* в Богемии, *моравов* в Моравии, *сарабов* в Турингии (между Салою и Эль-

бою), *оботритов и вильцев* между нижними частями Эльбы и Одера, *поморян* при Балтийском море в Померании, *ляхов*, или *лехитов*, в Польше. До конца VIII века они вели непрерывную борьбу на юго-востоке с аварами, на северо-западе с франками. Освобожденные от ига аваров оружием Карла Великого, они должны были большею частью признать его господство. Преемники Карловы старались утвердить эту власть введением христианской веры в землях славянских, но действовали насильственными мерами и нередко вынуждали славян к упорной защите их нравов, языка, веры и свободы. Властолюбие немецких императоров, при вмешательстве римских пап, долго препятствовало мирному развитию гражданственности, к которой славяне обнаруживали явное стремление, занимаясь земледелием, торговлею, имея села и города, сохранившие донныне славянские названия.

Поколения славян, вытесненные аварами с берегов Дуная и Черного моря и удалившиеся к северо-востоку вероятно в VII или в начале VIII века, заняли все пространство от истоков Вислы до Оки, от Ладожского озера до порогов днепровских. Какие народы обитали в этом пространстве до прихода новых поселенцев и как славяне утвердились там, силою ли оружия, другими ли средствами, достоверно неизвестно. Мы знаем, что при Иродоте⁴ жили здесь какие-то андрофаги и меланхлены, что в I столетии от Рождества Христова племя венедов занимало равнины, орошаемые Вислою, Двиною и Волховом (где, по словам Нестора, св. апостол Андрей уже видел славян), что с III столетия, в продолжение 400 лет, приходили в нынешнюю южную Россию разные народы: с севера готфы, основавшие там в IV веке могущественное государство, с востока несметные толпы гуннов, алан, болгар, аваров; но в VII или VIII столетии, как можно догадываться, только малочисленные остатки этих народов могли удержаться в западной России, и славяне, вероятно, нашли там земли, мало заселенные, где скитались слабые толпы частью единоплеменников их, частью чуждых народов, скоро слившихся с ними.

Не вся нынешняя европейская Россия была занята славянами. К северо-западу от них, в нижних частях Немана и Двины обитали отрасли народа литовского, населявшего и восточную Пруссию. Происхождение его неизвестно. Одни писатели признают его смесью венедов, готфов, чуди

и всельников римских, другие самобытную отрасль племени славянского. Поколения его были *прусы* в нынешней восточной Пруссии: *ятвяги* в Гродненской губернии; *литва* в Виленской; *корсь* из Курляндии; *ливь* и *летгола* в Лифляндии. К северо-востоку от славян, за Ильменем, Белоозером и Окою, обитало другое самобытное племя финнов, еще известное Тациту. С незапамятных времен оно занимало глубину северной Европы, никогда не славилось ни завоеваниями, ни успехами жизни общественной, живо выражало в своих чертах, в самих способностях души окружающую его природу, скупую на дары. Оно разделялось на многие ветви, из коих главнейшими были: *чудь* в Эстляндии, *нарва* по берегам Наровы, *ижора* по Неве, *ямь*, или *емь*, в южной Финляндии, *корела* в Олонецкой губернии, *весь* на Белоозере, *пермь* в Пермской губернии, *меря* вокруг Ростова, *мурома* около Мурома, *черемиса*, *мордва* в Казанской и Вятской губерниях и проч.

На юго-востоке соседями славян были хазары, могущественный народ, единоплеменный древним туркам, искони обитавший между Черным и Каспийским морями. Они являются в истории в III столетии от Р. Х; в V и VI известны были своими набегами на Армению и северную Персию. Тщетно персидский шах Хозрой³ старался оградить от них свое государство построением знаменитой стены кавказской: хазары часто прорывались в Армению. Халифы арабские, покорившие Персию, также нередко испытывали опустошительные набеги их, особенно в конце VII века. В начале VIII столетия они утвердили свою власть в Тавриде, подвластной византийским императорам, которые с тех пор нередко вступали с хазарскими государями в родственные связи, чтобы удержать их от нападений на империю. Хазары разделялись на многие поколения, под властью особенных князей, зависевших впрочем от верховного князя, кагана, или хакана; столицей его был Итиль, или Балангиар, при устье Волги. В конце VIII столетия они держались закона еврейского; многие поколения исповедовали также религию христианскую; впоследствии, в X веке господствующею верою была магометанская.

В новом отечестве своем славяне должны были изменить прежний образ жизни: борьба с аварами связала рассеянные семейства их узами братства; переселение в чужие

страны, опасности пути, соседство новых народов, необходимость взаимной помощи и обороны, все требовало теснейшего союза. Вследствие того на берегах Днепра, Волхова, Оки, Двины, Припяти и Горыни славяне являются уже не рассеянными коленами, как на берегах Дуная, а с именем народов отдельных, или союзов. Так, поселившиеся по Днепру (в Киевской губернии) назвались полянами, по берегам Днестра лутичами и тиверцами, в Волыни древлянами, по северо-восточным отраслям Карпатов хорватами, по западному Бугу бужанами, по Двине и Припяти полочанами и дреговичами, по Десне и Суле северянами, по Оке вятичами, на берегах Сожи радимичами, в верховьях Двины, Днепра и Волги кривичами, на берегах же озера Ильменя удержали имя славян. Некоторые из славянских народов построили города: поляне Киев; северяне Любеч, Чернигов; кривичи Смоленск, Изборск, Полоцк; древляне Коростен. Эти города могли быть ничтожны, могли состоять из хижин, огражденных тыном или рвом для защиты от лютых зверей и хищных соседей; но там люди соединялись родством, дружбою; там была колыбель гражданского общества; открывалась первая, главная ступень к общности, к понятиям о выгодах общежития.

В таком положении находилось племя славян, занявшее земли нынешней европейской России, когда пришли к ним норманны и соединили их отрасли в одно целое, в один народ, получивший название русского.

II. НОРМАННЫ

Отечеством норманнов была Скандинавия, страна суровая климатом, бедная необходимыми для жизни потребностями, скупое награждающая труд земледельца, покрытая цепью бесплодных скал и утесов, вековыми лесами и многими озерами, окруженная почти со всех сторон бурным морем. Здесь, в непрерывной борьбе с жестокою стужей, голодом, бурями, человек или падал под тяжестью нужд и прозябал подобно растению, или, одолев природу, приобретал и железную крепость тела, и мощную силу души, со всем пылом страстей, с самобытным характером, отпечатком окружающих его явлений. Всегда, при первом развитии сил общественных, человек зависел от климата и

свойства страны: в Греции он полюбил художества и поэзию, в Средней Азии кочевую жизнь, в Швейцарии скотоводство, в Финикии торговлю, в Египте земледелие. Скандинав мог быть только пиратом, так точно, как житель Аравии бедуином. Напрасно проливая пот, чтобы возделывать неблагоприятную почву, с трудом успевая завести малочисленное стадо, он тем охотнее разгуливал по своим озерам и по водам морским, что в их недрах находил удобнейшие средства к утолению голода. Море стало его стихией. Там он привыкал к опасностям, к удальству, к хищничеству. Бури и непогоды были ему забавой, неутомимая деятельность потребностью души, кровавые битвы наслаждением.

С таким образом жизни неразлучна свобода личная, и скандинавы дорожили ею более всего на свете. Но так как в глазах их первую добродетелью было мужество в боях, соединенное с силою телесною, с умом лукавым, и потомки дорожили подвигами предков, считая их славу семейною, то уже с самых древних времен в Скандинавии существовало различие между людьми благородными, или родословными, и простолюдинами: на этом различии мало-помалу утвердилось первенство и господство одних фамилий и подданство других. Оттого при первом появлении в истории скандинавы разделялись на множество мелких обществ, из коих каждое имело своего конунга (князя или короля) с наследственной властью в его роде. Он был главою суда и расправы, вождем в битвах, награждал заслуги, наказывал преступления. Дружину или двор его составляли *ярлы и герсы*, главные спутники своего конунга в походах, исполнители воли его, производившие именем его суд и собиравшие дань; *кемпе*, телохранители, мечники королевские. Простолюдины были или *ботды*, свободные люди, или *трэли*, рабы, пленники.

Невзирая на единство языка и веры конунги беспрерывно воевали друг с другом, побуждаемые частью голодом, соперничеством или беспокойною врожденною деятельностью. К войне подстрекала их и вера, основанная на мысли, что только храброго, павшего в битве, ждет праотец Один в обетованной Валгалле, где *гилькерии* будут угощать его роскошными яствами и напитками, а *скальды* в бессмертных песнях прославлять его подвиги. Оттого жажда битв доходила у них до фанатизма: в скандинавских сагах, или исторических преданиях, нередко упоминаются *берсеркеры*, ратоборцы, которые, не имея случая применить свое оружие, в во-

инственным энтузиазме грызли железо, глотали горящие угли. Кроме пламенной мечты о славе, о будущих наслаждениях, самая необходимость, следствие увеличившегося народонаселения, заставляла скандинавов бросаться в отчаянные предприятия. В вождах недостатка не было: по коренному обычаю, каждый сын конунга был сам конунг по рождению и имел право на конунгарь, или отдельное королевство; но так как братья при разделе отцовского наследства обыкновенно обделяли друг друга, то конунги, не получавшие участка, собирали дружины и с именем морских королей пускались в соседние страны за добычею.

Уже задолго до Карла Великого скандинавы беспокоили своими набегами Западную Европу: древнейшие походы их относятся к III столетию от Р. Х., когда, овладев Оркадскими островами, служившими впоследствии сборным местом для северных пиратов, они начали появляться толпами сперва в Шотландии и Британии, потом в Ирландии. Туземцы называли их датчанами, англами и остменами (восточными людьми). Первый набег на Францию был в начале VI века при Кловисе: они были отбиты и при Меровингах более не показывались. При Карле Великом они снова появились в северных пределах его империи: несколько раз опустошали Фрисландию; грозили самому Ахену. По смерти же Карла Великого уже знакомые с благодатным климатом юга, с заманчивостью грабежа, скандинавы и единоплеменные им обитатели Ютландии целыми толпами, как голодные рои пчел, по выражению современников, стали врывать в беззащитное государство его преемников, и вскоре по всей Европе загремело имя *норманнов* (людей севера). На легких плоскодонных челнах, поднимавших до 50 человек, предводимые морскими королями, они приставали к берегам Франции, Англии, Испании, Италии; по направлению реки вторгались в земли, осаждали города многолюдные, нередко слабою дружиною, брали богатые окупы или все обращали в пепел и развалины. Прибрежные страны западной и южной Европы не знали, как избавиться от этих неутомимых мореходцев: в церквях молили Всевышнего о спасении от норманнов; короли давали им золото; подданные — все, что могли, и все было тщетно: если удалялась одна толпа, приходили новые в большем числе, привлекаемые молвой удачи счастли-

вых единоплеменников. Долго, в течение трех веков, страдали от них обитатели береговых стран от устьев Рейна до пролива Дарданелльского.

Более всех государств терпела Франция. Непрерывные вторжения норманнов в эту страну начались сразу после смерти Карла Великого; при *Людовике Кротком*⁶ не проходило года, когда бы они не тревожили его империи, с севера и запада: появились на Сене, грабили Аквитанию, кроме того Галицию в Испании; после смерти Людовика знаменитый норманн Гастинг опустошил страну между Лоаром и Шером, разорил Нант, несколько раз грабил Париж, Орлеан, Оксер, брал с *Карла Лысого* тяжкие откупы; ходил за добычей в Испанию, Мавританию, Италию; снова появлялся во Франции и не давал ей покоя, между тем, как сподвижник его *Рюрик* держал в страхе северные пределы, где овладел Утрехтом. Во второй половине IX столетия появился во Франции знаменитейший из норманнов Ролонн (или Гролф), которому преемники Карла Лысого несколько раз платили огромные суммы, чтобы спасти свое государство от всеобщего разорения; наконец принуждены были уступить ему в потомственное владение одну из областей королевства, получившую название Нормандии.

Предпринимая отдаленные походы в моря Атлантическое и Средиземное, норманны, естественно, не могли оставить без внимания ближайших стран прибалтийских, в особенности славянских, где находили, кроме хлеба и мягкой рухляди, другую для себя выгоду: через землю восточных славян пролегал путь в богатую Грецию, которую они считали самою обильною странюю в мире всеми благами природы и охотно отправлялись туда отчасти для грабежа, отчасти для получения платы за службу императорам; достоверно, что задолго до поселения в земле славянской в императорской гвардии были многие норманны. Путь, которым они ходили в Грецию, был следующий: Финским заливом и Невою они вступали в Ладожское озеро, оттуда Волховом в Ильмень, из Ильменя шли вверх по течению Ловати до истоков ее, здесь перетаскивали свои легкие челны в Днепр и спускались в Черное море. До середины IX столетия норманны приходили в землю славянскую на время и, кажется, не имели прочных поселений; когда же в Скандинавии, после смерти Карла Великого, произошло

всеобщее волнение, и недостаток в продовольствии заставил обитателей ее искать нового отечества, одни толпы бросились на запад, другие на восток. В Англии, Франции, Италии норманны утвердились после долговременной борьбы; в земле славянской не встретили такого отпора и овладели ею без труда.

О первом поселении норманнов под именем варягов в земле славянской, служившее началом Руси, рассказано⁷ нашим летописцем в таком смысле: «В 859 году пришли варяги из-за моря и наложили дань на чудь, славян, мерю и кривичей. Года через два они были изгнаны. Но раздор возник между народами, освободившимися от иноплеменников; род восстал на род, управы не было. Страдая от безначалия и вероятно опасаясь быть вновь жертвами нынешних врагов, славяне решились избрать себе князя, то есть судью, правителя и защитника, в той мысли, что только одна власть крепкая могла спасти их. Послы славян ильменских и кривичей вместе с послами двух финских народов, веси и чуди, отправились за море Варяжское, к варяго-руссам, и сказали им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет; придите княжить и владеть нами». Некто Рюрик согласился исполнить эту просьбу: сопровождаемый своими братьями Синеусом и Трувором⁸, со всем родом своим, он прибыл в 862 году к берегам Ильменя и, утвердив свое господство в Новгороде, Ладоге, Изборске, на Белоозере, положил начало гражданскому обществу, получившему, от имени пришедших с ним варягов, название Руси»⁹.

Слова летописца, что руссы были из племени варягов¹⁰ и что славяне призвали их добровольно править и владеть, многим писателям кажутся неясными; спрашивают обыкновенно: 1) кто были варяго-руссы и откуда они пришли, и 2) как решились славяне покориться добровольно единоплеменцам своих прежних притеснителей? Эти вопросы решали различно: рассуждая о первом вопросе, Байер, Миллер, Шлецер¹¹, Карамзин и современные историки признают варягов норманнами, Третьяковский — славянами, Татищев и Болтин — финнами, Ломоносов¹² — пруссами, Эверс — хазарами; относительно второго вопроса Миллер думал, что норманны, будучи призваны только для защиты границ, впоследствии стали господствовать; Шлецер, Карам-

зин и другие писатели, следуя точному смыслу Нестора, полагали, что славяне добровольно сами собою поручили им власть верховную.

По всей вероятности варяго-русы были норманнами, в чем удостоверяют следующие доказательства: 1) Нестор под именем варягов вообще понимает многочисленное племя, обитавшее к западу от славян за Варяжским морем и разделявшееся, по его понятию, на пять поколений: *свеи* (шведы), *урмяне* (норвежцы), *русь*, *агняне* (англы) и *гте* (готы); следовательно русы были единоплеменники шведам и норвежцам и обитали за Балтийским морем, где в IX веке жили одни норманны. 2) Столь же важно свидетельство языка: как имена первых князей наших, бояр и послов неоспоримо норманские, так и названия семи днепровских порогов, приводимые Константином Багрянородным, могут быть объяснены только скандинавскими словами, чтобы согласовать их с переводом греческим; следы языка скандинавского сохранились в некоторых выражениях Несторовой летописи Русской Правды*. 3) Из писателей иностранных Луитпранд, имевший случай знать руссов в X веке, свидетельствует, что народ, именуемый у греков россами, на западе слывет под именем норманнов; некоторые историки арабские также называют руссами жителей Скандинавии. 4) Наконец, если в характере древних русских законов находится менее признаков скандинавского их происхождения, чем обыкновенно думают, то один взгляд на дела потомков Рюрика удостоверяет, что только воинственный норманн мог быть праотцом русских князей, в которых живо отражаются все черты норманские. Вопрос, почему скандинавы назывались в славянской земле варягами, разрешается тем, что норманны, служившие греческим императорам, составляли с другими наемниками особенную дружину и были названы союзниками (*foederati*) на древнем скандинавском языке *Vaeringar*, или по греческому произношению *варанг*. Проходя через землю славянскую на пути в Грецию, норманны говорили славянам, что они варанги, то есть союзники греков, и это слово, означавшее звание, обратилось в имя народа**.

* Тиун, Вира, Вervь, Шляг, Безмен, Груз и многие другие слова очевидно скандинавские. См. исследования Сабинина.

** Байер производит это слово от *warda*: беречь, защищать. Другие от древнего германского слова *war*: война.

Относительно второго вопроса, каким образом славяне решились добровольно покориться единоплеменникам своих прежних врагов, ими изгнанных, и притом через два года, прежде всего заметим, что призвание варяго-русов союзом славян и финнов несправедливо называют событием беспримерным в истории, предполагая, что послы славянские пригласили к себе тех самых норманнов, которые за два года были изгнаны (вопреки Нестору: он говорит ясно, что изгнаны варяги, то есть пришельцы неизвестные, а призваны варяго-русы); подобные события встречаются в истории и других народов. Как жители Амальфи в XI веке сами пригласили к себе норманнов и вручили им власть верховную; так и славяне, угрожаемые внешними грабителями и внутренними мятежниками, могли искать защиты у тех норманнов, которые, вероятно, были им известны прежде, по дружелюбным отношениям: ибо выше замечено, что задолго до Рюрика норманны приходили в землю славянскую, отправляясь к Царьграду, и естественно должны были искать дружбы туземцев, которые, изведав на опыте их расторопность, могли заметить, что эти пришельцы далеко превосходили их старейшин деятельностью ума, обогащенного странствованием в землях отдаленных. В смысле гражданском славяне, вероятно, не уступали норманнам, обнаруживая явную склонность к общежитию земледелием и строением городов, из которых Смоленск был укреплен, а Киев торговал с Византией, между тем, как норманны в IX столетии, в блестящую эпоху жизни, когда скальды воспевали их подвиги, занимались только разбоями или с именем конунгов владели одними лесами и пустынями, где не было ни городов, ни сел и где не каждое семейство имело свою хижину; тем не менее их удалство, врожденная сила души, ум лукавый и гибкий, мужество в боях, все это могло произвести сильное впечатление на славян, которые вследствие того решились поручить свою участь смелым витязям. К этому могли присоединиться и другие нам неизвестные обстоятельства; по крайней мере мы не вправе, по одному сомнению, ни на чем не основанному, отвергать сказания летописца беспристрастного, который, вероятно, знал хорошо, как пришел Рюрик, ибо мог беседовать с потомками его спутников в четвертом или пятом колене, когда предания были еще в свежей памяти.

III. НАЧАЛО РУССКОГО НАРОДА

От пришествия Рюрика на берег Ильменя, или от первого соединения славян с норманнами, до принятия правнуком его Владимиром христианской веры, утвердившей бытие Русской державы, главным явлением истории нашего отечества было быстрое расширение пределов Руси, сначала на юго-восток к берегам Оки, потом на юг по Днепру, далее на запад до истоков Вислы и Нарева. Это расширение было следствием норманнского характера. Как в Западной Европе, так и в славянской земле они действовали одинаково: стоило им только утвердиться в одном месте, чтобы далеко распространить свои набеги и, если обстоятельства благоприятствовали, утвердить свою власть в землях, покоренных оружием их. Овладев одним пунктом, они углублялись по направлению рек вглубь страны, занимали прибрежные города или строили их сами, налагали на окрестных жителей дань, собирали ее силою оружия и мало-помалу сливались с туземцами, заимствуя у них веру, язык, нравы, обычаи, удерживая за собою одно право господства. В западной Европе им не удалось занять столь обширной страны и притом в такое короткое время: там они встречали сильный отпор в укрепленных городах, в благоустроенных правительствах, в самом народе, видевшем в них только грабителей или морских разбойников. Славянская земля была для них открытою: туземцы, раздробленные на мелкие отдельные племена, не могли ни соединить своих сил, ни остановить завоевателей городами, которых было немного, или естественными преградами, которых вовсе не было. Здесь легче было вести войну наступательную, чем оборонительную. Славяне тем охотнее могли жертвовать своею волею и признавать господство норманнов, что национальность их оставалась неприкосновенною, ибо везде, куда ни приходили, во Франции, в Англии, в Италии, норманны скоро сливались с туземцами. Тем неизбежнее было это слияние в земле славянской, что там они должны были рассеяться в стране обширной и по своей малочисленности, в сравнении с массою покоренного народа, утратить национальный облик. Они были для славян поколением благородным, господствующим, но не враждебным, и служили только звеном соединения.

Установленная норманнами в славянской земле система господства, по мнению некоторых писателей, в главных чертах, была схожа с ленною, или феодальной, системою государств, основанных германцами на развалинах Римской империи. «Как предводители германцев», говорят эти писатели, «делили покоренные земли в виде добычи между своими спутниками, распределяя участки по мере заслуг или по степени сана, так и Рюрик раздавал своим единоплеменникам, искавшим счастья на чужбине, города и волости, примеру его следовали Олег, Игорь, Святослав». Мнение несправедливое. Дружины Кловиса, Генгиста, Албоина и других вождей германских вторгались в области римские не столько для своих предводителей, сколько для собственной пользы. Приобретая мечом и кровью земли, города, сокровища, они делили свою добычу, сообразно древним уставам, по жребию: вождь получал свою часть, воины свою в неотъемлемую собственность. Этот дележ служил основанием аллодиальной системы, из которой впоследствии возникла феодальная. Совсем не то было в нашем отечестве. Русские князья, призванные славянами властвовать, также привели с собою дружину; но спутники их не могли требовать от них такой награды, на какую имели право кловисовы франки, генгистовы саксы, ибо варяго-русы пришли с Рюриком не завоевателями. Правда, Рюрик и Олег поручали города и волости своим единоплеменникам, но вероятно потому, что испытанной преданности их доверяли более, чем сомнительной покорности старейшин славянских, не лишая себя права располагать произвольно участками своих наместников. С течением времени эти участки могли бы обратиться в наследственные отчины и феодальная система возникла бы в нашем отечестве, если бы Рюриковы преемники были похожи на *Хильпериков, Хильдериков, Дагобертов*¹³. Олег, Святослав, Владимир не допустили развиться ни аллодиальному, ни феодальному праву, так, что для выражения понятий о ленах, феодах и аллодиях в языке наших праотцов не сохранилось и слов равнозначных. Отсутствие подобных слов решительнее всего свидетельствует, что феодальная система у нас не существовала. Да и напрасно искать ее признаков в нашем отечестве: она была не в духе норманнов. Если единоплеменники Рюрика Роллон и Гвискард установили в Нормандии и Неаполитанском герцогстве феодальную систему, то это про-

изошло оттого, что задолго до них она существовала во Франции и в Италии: следовательно, они не принесли ее, а заимствовали у туземцев.

Справедливее скажем, что господство норманнов в земле славянской имело свой отличительный характер, принесенный ими из Скандинавии. В Скандинавии, разделенной на множество независимых поколений, при всей привязанности обитателей ее к свободе личной, необузданной, искони господствовало право наследственного первенства немногих фамилий, которые возвышались над прочими благородством предков, основанным на славе оружия, на древности и знаменитости рода. Такие фамилии были в каждом поколении норманнов, как в древней Греции до войны Троянской. Им принадлежала земля, в которой они имели власть собирать дань, производить суд и расправу. Власть их, передаваемая из рода в род, становилась неотъемлемой собственностью семейной. В ней участвовали все члены фамилии, с почетным названием конунгов, верховных вождей в битвах, главных судей и правителей. Каждый сын конунга был сам *конунг*, имел право на конунгар, или на отдельный, независимый участок, имел свой двор или дружину и господствовал самовластно; если же кому-либо из сыновей не удавалось получить участка в отцовском наследстве, он, не теряя имени конунга, добывал себе удел силою оружия, вел войну с братьями или пускался в море для грабежа чужих стран. В случае пресечения одного рода конунгар переходил к другому из той же фамилии. С теми же понятиями о праве, об исключительной власти одного семейства, об участии в ней всех членов господствующего рода, пришли норманны и в землю славянскую. Благороднейшим коленом руссов было Рюриково: этому колену принадлежало исключительное право на власть конунга-князя. Следовательно, правление, введенное норманнами, было не аллодиальное, не феодальное, а удельное. Различие их еще более объяснится впоследствии, при обозрении событий после смерти Ярослава.

Два главных преимущества принадлежали князю: право верховного суда и право собирать дань. Суд производил он или сам, или через своих посадников, то есть наместников. Для сбора дани ежегодно объезжал свои области с дружиною, требовал мехов, хлеба, меду, с целыми обозами припасов возвращался в столицу и раздавал их своей дру-

жине, но так как сбор дани не всегда мог быть успешен или обилен, и норманны не могли им довольствоваться, то князь предпринимал походы в соседние земли за добычею. Из этого источника проистекали постоянные войны русских князей с Византийскою империей, которая из всех стран обещала богатейшую добычу. Сверх того, к войне увлекала их и страсть к битвам, доходившая у норманнов до фанатизма. Рассматривая с этой точки зрения краткие предания русских летописей о первом веке нашего отечества до введения христианской веры, изложим подробно постепенный ход событий.

Призванные союзом славян, кривичей, чуди и веси господствовать над их страной, три брата норманнские Рюрик, Синеус и Трувор пришли в новое отечество с дружиною одноплеменников и разделили Русь, то есть подвластную им страну, на три удела: Рюрик утвердился в Ладогe, Трувор в Изборске (недалеко от Пскова), Синеус на Белозере. Через два года младшие братья умерли; старший перенес свою столицу в Новгород и стал властвовать один, назначив посадников или наместников из своих единоземцев в Полоцк, Ростов и Муром. Следовательно, хотя летопись не говорит о воинских действиях его, но зависимость полочан, ростовцев и муромцев, не участвовавших в призвании варягов, свидетельствует, что Рюрик не изменял норманнскому характеру и успел расширить оружием пределы Руси на юго-восток до берегов Оки, на юго-запад до Двины.

В то же время два единоземца его, Аскольд и Дир, также от племени русского, но вожди особенной дружины, не получив ни волости, ни города в Русской земле, исключительно принадлежавшей Рюрику и дому его, с согласия князя отправились на юг искать счастья в Византийской империи, где намеревались вступить в службу императорскую, по примеру многих единоземцев своих. На пути по Днепру они увидели Киев, узнали, что жители его платят дань хазарам, успевшим покорить, кроме того, вятичей, освободили Киев от власти иноплеменников и сами завладели им: ни хазары, ни поляне не в силах были бороться с витязями норманскими. Неожиданная удача переменяла их прежнее намерение: они решили основать независимое княжество и искать в Греции золота не службу, а оружи-

ем; пустились на ладьях в Черное море, подступили к Византии и привели в ужас греков, которые видели в них врагов непобедимых и не смели отразить их оружием. Буря спасла Византию: русские ладьи погибли в волнах; Аскольд и Дир с трудом возвратились в Киев и приняли христианскую веру, вероятно, по убеждению греческих миссионеров, ревностно заботившихся в то время о распространении святой религии в землях полуножных. С тех пор Русь считалась в числе греческих епархий.

Таким образом в славянской земле возникли две русские державы, из коих одна столицей имела Новгород, другая Киев. Их разделяли независимые славяне — кривичи и северяне. Но кажется, невзирая на отдаленность, князь Новгородский находился в неприязненных отношениях к владетелям киевским. Вражда обнаружилась вскоре после смерти Рюрика, когда в связи с малолетством сына его Игоря в права великого князя вступил Олег, норманн и умом и душою.

Наследовав от Рюрика страну суровую, не обильную дарами природы, едва ли вознаграждавшую норманнов за покинутую родину, Олег с завистью смотрел на господство единоплеменников своих в Киеве, где было более удобств жизни и откуда так легко было ходить в Грецию, искони известную на севере своим золотом, шелковыми тканями, роскошным климатом, изнеженностью народа. Он решился переселиться на юг. Первым делом его было овладеть течением Днепра, служившего путем в богатую Грецию. Смоленск, главный город независимых кривичей, коего не могли взять Аскольд и Дир, покорился Олегу, Любеч также. В Киеве ожидала его упорная оборона двух витязей, не уступавших ему в искусстве воинском и доказавших свое мужество под стенами Византии. Олег прибегнул к хитрости, столь свойственной норманнам: назвал себя купцом варяжским и требовал свидания с владетелями Киева. Аскольд и Дир встретили его как гостя: дружина Олега немедленно окружила их. «Вы не князи, не бояре», — сказал им Олег, давая тем знать, что они не имели права господствовать независимо от Рюрикова дома, умертвил обоих, вступил в Киев без сопротивления и назвал его матерью городов русских, или столицей Руси.

Утвердившись в Киеве, Олег без труда покорил славянские племена по Днепру и по впадающим в него рекам: по Десне — северян, по Соже — радимичей, по Горыни и Припяти — древлян; кроме того, лутичей и тиверцев — по Днестру и Бугу; хорватов — по восточным отраслям гор Карпатских. Для обуздания их он применял те же меры, какими Рюрик распространял свое господство на севере: строил города или крепости, назначал в посадники своих единоплеменников и ходил с войском за данью. Славяне не в силах были бороться с неодолимыми завоевателями и тем охотнее признавали Олега князем, что получали право участвовать в его походах и в добыче, ибо войско его состояло преимущественно из туземцев.

Но дань славянских народов не могла удовлетворить ни Олега, ни дружины его: он искал даров богатейших и, увлекаемый предприимчивым духом, решил потревожить греков*. Все подвластные ему племена прислали свои дружины; 2000 судов, из коих каждое поднимало до 40 человек, спустились по Днепру в Черное море, добрались до Босфора и явились под стенами Византии, где укрывался император Лев Философ, не смея выступить с войском навстречу врагам. Греки заградили гавань цепью. Воины Олеговы вышли на берег и начали опустошать окрестности Византии. Села запылали, дворцы, где веселилась местная знать, обратились в пепел, самой столице грозила опасность приступа. Двор византийский, привыкший удалять врагов не оружием, а дарами, предложил их и Олегу: он требовал по 12 гривен, или по 6 фунтов серебра, на человека. Как ни славились богатством греки, но заплатить 12000 пудов серебра, конечно, было трудно; начались переговоры. Русский князь, наконец, согласился взять по 12 гривен на *ключ* (вероятно на известное число воинов, составлявшее отделение или отряд**), сверх того получил дары на часть посадников своих в Киеве, Чернигове и других городах, условился о взаимных выгодах торговых, поклялся Перуном и Волосом в ненарушимости мира и, повесив свой щит на воротах Царьграда, обремененный добычею, возвратился в оте-

* Нестор. Византийские историки молчат о сем походе.

** Карамзин думает, что он взял по 12 гривен на человека, Татишев — на лодку.

чество. Баснословные обстоятельства, которыми предание украсило греческий поход Олега, невзирая на молчание византийских писателей, решительнее всего свидетельствуют об успехе набега руссов на Византию; иначе современники не имели бы повода выдумывать ни шелковых парусов, ни колес, на которых русские ладьи при попутном ветре подкатились к Царьграду. Дело в том, что Олег воспользовался слабостью империи и возвратился с богатою добычею. Народ, встречая своего князя победоносного, удивляясь сокровищам Греции, и золоту, и шелковым тканям, и дарам благословенного климата, и произведениям искусства, смотрел на Олега как на чародея и прозвал его *вещим*, или мудрым.

Между тем византийский двор, двукратно испытав нашествие руссов, желал оградить себя от новых вторжений и предложил русскому князю подтвердить мир и дружбу письменным договором. Олег согласился, без сомнения убежденный в выгодах союза с образованною Грецией для своего народа. Послы его явились в Византию и там в сентябре 911 года заключили трактат следующего содержания: 1) с обеих сторон обязались сохранять мир и дружбу на вечные времена; 2) руссам дозволено приходить в Грецию для торговли и для службы императорам; 3) в случае споров между частными лицами, руссами и греками, дело решится по очевидным доказательствам, при недостатке их клятвою; 4) за смерть — смерть убийце; если он скроется, родственники убиенного получают законную часть из его имения; 5) за удар мечом пеня 6 литров серебра; 6) пойманный в воровстве может быть умерщвлен на месте преступления; 7) за грабеж виновный платит втрое; 8) выброшенные бурей лодки на русский или греческий берег возвращаются хозяину; 9) пленники освобождаются; 10) беглые рабы русские выдаются владельцам; 11) имущество русса, умершего в Греции без завешания, возвращается в его отечество. Тесный союз с греками был последним делом Олега, героя незабвенного в нашей истории, ибо, властвуя счастливо и мудро до самой кончины, около 33 лет, он скрепил крепкими узами рассеянные поколения славян от Белоозера до порогов Днепровских, от истоков Оки до гор Карпатских с норманскими пришельцами в один народ русский.

Игорь, сын Рюрика, после смерти Олега принявший достоинство великого князя, не наследовал ни ума, ни счастья своего предшественника. Подданные, вероятно, знали его слабость: по крайней мере немедленно по кончине твердого правителя, открылся мятеж в земле древлянской. Еще сподвижники Олеговы могли смирить непокорных после долговременных усилий. Но вслед за тем обнаружился раздор в самой дружине его: отдав платимую древлянами дань любимцу своему Свенельду, он возбудил ропот и зависть в других вельможах.

В конце своей жизни, до старости не ознаменованной никаким замечательным делом для внутреннего устройства, ни подвигом ратным, увлекаемый, вероятно, корыстолюбием своей дружины, он нарушил договор Олега с греками и по примеру его отправился к Царьграду в надежде добычи. Нечаянный набег его заставил трепетать императора Романа. Греческий флот в то время сражался с сарацинами в Средиземном море, Византия оставалась без защиты. Руссы вышли на берег и около 3 месяцев опустошали окрестности ее с ожесточением: пленников распинали или ставили целью для стрельбы из луков; другим ломали суставы, иным вбивали в голову гвозди. Между тем подошло на помощь столице восточное войско, руссы пересели на лодки и вступили в морскую битву. Греческий огонь, истребляя суда Игоревы, казался воинам его небесною молнией. Одни из них погибли в волнах, другие бросились на берега Вифинии; но, встреченные здесь храбрым Вардою, были побиты наголову. Князь едва спасся с немногими и ушел восвояси.

Желая отомстить грекам за поражение, за три года он успел собрать новое войско, призвал из-за моря варягов, или норманнов, и нанял печенегов. Сей дикий народ неизвестного племени, принадлежавший к многочисленному разряду степных орд Средней Азии, до исхода IX столетия кочевал между Уралом и Волгою; выгнанный из тамошних степей другою сильнейшею ордою узов, или половцев, в конце Олегова правления он приблизился к русским пределам и занял все пространство от берегов Дона до самой Алуты, занимая весь северный берег Черного моря. Свирепость в лице, хищность и кровопийство отличали печенегов от прочих народов. Игорь, заключив с ними союз, пошел на Грецию западным берегом Черного моря. Много-

численную рать его при устьях Дуная встретили Романовы послы с обещанием заплатить дань, какую взял некогда Олег; между тем одарили печенегов и успели расторгнуть союз их с русским князем; он взял предложенные дары и возвратился в Киев.

Византийский двор спешил обязать преемника Олега, как и прежде, письменным договором не тревожить Греции. По желанию императора послы Игоревы явились в Византию и заключили мирный договор, отчасти подтвердив Олега, отчасти дополнив его новыми статьями, не столь выгодными, как прежние. Руссы клялись не нарушать дружбы, доколе сияет солнце и мир стоит; в противном случае, за вредные грекам умыслы, обрекали своих единоземцев на вечную гибель. Руссы, приходившие в Грецию, должны были предъявлять специальные грамоты, чего прежде не требовалось; не все имели право получать съестные припасы, вопреки договору Олега, и не могли зимовать в Греции, как бывало прежде. Кроме того великий князь обещал отражать болгар, беспокоивших область Херсонскую, и давать вспомогательное войско по требованию императора. Все эти условия явно клонились к пользе греков. Руссы взамен не получали никаких выгод: самые дары, взятые Игорем, кажется, были незначительны.

По крайней мере великий князь не мог удовлетворить своей дружины греческим золотом. Вельможи, завидя Свенельду, говорили, что отроки его имеют оружие, одежду, а у них нет ни того, ни другого. Игорь пошел в землю древлянскую и собрал дань для своей дружины вооруженною рукою; едва кончился побор, он пришел к древлянам вторично. Жители главного города их Искоростеня озлобились и умертвили Игоря, привязав его к двум деревьям, которые разорвали его на части. Древляне отделились от Киева и провозгласили князем своим Мала. Главою Руси остался сын Игоря, малолетний Святослав.

После смерти Игоря положение Руси было опасное. Малолетство преемника его, явное несогласие дружины, мятеж древлян, соседство хищных печенегов, все это грозило сильными потрясениями, среди коих могли погибнуть плоды деятельности Олега. Более всего надлежало опасаться того, что, по примеру древлян, и другие славянские на-

роды захотят вернуть прежнюю волю. Мать Святослава, незабвенная в наших летописях Ольга, спасла юную Русь. Вопреки обычаю славян, тем более норманнов, присвоив верховную власть, она правила до совершеннолетия сына, с редким по тогдашнему времени благоразумием: не искала новых завоеваний, но ревностно заботилась о внутреннем благоустройстве, о смягчении нравов, о первых основаниях гражданского порядка и подготовила умы народа к принятию христианской веры.

Древляне недолго считали себя независимыми. Ольга смирила их местью ужасною, но, без сомнения, справедливою и тем более нужною, что подобных волнений надлежало опасаться и в других областях. Молва о мести и хитростях Ольги, описанных в летописи с баснословными подробностями, должна была оставить сильное впечатление в современниках и лишить их всякой надежды на успех борьбы с Рюриковым домом.

Зная, что неопределенность в сборе дани была главной виною мятежа древлянского, Ольга спешила установить лучший порядок в подвластной ей стране. С этою целью, как заботливая хозяйка, она путешествовала по всему государству, разделяла землю на погосты и уроки, вероятно, определенные участки; учреждала порядок в платеже дани, суде и расправе; строила мосты; улучшала состояние городов. Не знаем в подробности всех ее учреждений, но они должны были быть весьма важны: ибо спустя сто лет народ с благодарностью вспоминал об ее путешествии. Сами древляне, строго наказанные великою княгинею, знали, где она останавливалась и забавлялась охотою; а псковитяне берегли даже сани ее как драгоценность.

Важнейшую услугу оказала Ольга своему народу принятием христианской веры в Царьграде. Хотя она не успела крестить своих подданных, но пример ее, по всей вероятности, нашел многих подражателей и впоследствии разрешил недоумение Владимира. Христа Спасителя славили в Киеве еще прежде Ольги, вероятно, со времен Аскольда и Дира; при Игоре там находилась церковь св. Ильи Пророка; в самой дружине великого князя были христиане*. Мудрая Ольга легко могла убедиться в ничтожестве идолопоклонства и в святости христианской веры; она

* Об этом упоминается в его договоре с императором греческим.

крестилась в Царьграде в 957 году. Император Константин Багрянородный был воспреемником ее от купели, а патриарх Полиевкт наставником в истинах христианских*. Возвратясь в отечество, Ольга желала озарить светом религии и народ, и сына, но без насильственных мер, к коим никогда не прибегали наши государи. Убеждения ее были тщетны. Все зависело от великого князя, который уже возмужал. Святослав же, помышляя единственно о битвах и завоеваниях, отвергал учение мира и любви, и хотя не запрещал подданным креститься, но принявшим христианскую веру оказывал презрение.

Святослав был совершенный идеал норманна. Летописец описывает характер его таким образом: «Собрав смелых воинов, князь стремился в бранное поле с быстротою легкого барса; за ним не тянулись обозы с котлами и яствами: он питался кониною и мясом диких зверей, которые сам жарил на углях; не любил и шатров: спал под открытым небом; конский потник расстилал под собою, седло служило ему изголовьем. Таковы были и все воины его». Пятнадцатилетнее правление его было непрерывною цепью браней. Не одна корысть, главная пружина подобных ему вождей, увлекала его в отдаленные земли: он искал не столько добычи, сколько славы, не менее корысти знакомой норманнам, и каждый раз, когда задумывал воевать с соседями, посылал вестника сказать им: «Иду на вас».

Прежде всего он обратил оружие на восток в страну славянского поколения вятичей, живших на Оке, и покорил их. Хазары, считавшие вятичей своими данниками, хотели вернуть их из власти русского князя, и сам каган вывел многочисленное войско. Святослав разбил его наголову, овладел Саркелом, или Белою Вежею, крепостью, построенной хазарами на берегах Дона, опустошил их страну, простер свое оружие до подножия Кавказа, поразил там ясов и касогов и утвердил господство руссов на берегах Кубани. Потрясенная им хазарская держава вскоре разрушилась и стала добычею половцев.

С берегов Кубани Святослав перенес свое оружие на берега Дуная в Болгарию, куда звал его император Никифор Фока, в отмщение болгарскому царю Петру, не согла-

* Константин подробно описал прием ее в Царьграде.

сившемуся признавать над собою верховную власть византийского государя и беспокоившему владения его частыми набегами. Великий князь с радостью принял вызов императора, посадил на суда до 60000 молодых воинов и явился в устьях Дуная. Петр хотел отразить высадку, Святослав рассеял врагов, овладел многими болгарскими крепостями, наконец, и главным городом Переяславцем (ныне селение Преслава на правом берегу Дуная).

Весть о бедствии отечества принудила Святослава выйти из Болгарии: пользуясь отсутствием его, печенеги обложили Киев, где заключилась Ольга с детьми великого князя Ярополком, Олегом и Владимиром. Киевляне, изнуренные голодом и жаждою, уже помышляли о сдаче. Смерть или лютая неволя грозила великой княгине и внукам ее. К счастью, русский вождь Претич успел собрать слабую дружину в окрестностях и решился спасти княжеское семейство или умереть: при звуке труб он двинулся в ладьях по Днепру, прямо на врагов, распустив слух, что за ним идет сам Святослав. Печенеги оробели и удалились. Скоро прибыл великий князь, настиг свирепых грабителей и прогнал их.

Но спокойная жизнь была для него несносна. «Не люблю мне в Киеве, говорил он матери и боярам, хочу жить в Переяславце на Дунае; там *середина* земли моей; туда стекаются все блага: от греков золото, паволоки, вина, плоды; от чехов и угров (венгров) серебро и кони; из Руси мед и невольники». Ольга, лежавшая на одре смертном, просила дожидаться по крайней мере ее кончины и вскоре, по выражению летописи, угасла, как денница пред солнцем, как заря пред светом. Святослав решился исполнить свое намерение, утвердив свою столицу в Болгарии. Отправляясь в поход, он разделил Русь между сыновьями: Ярополку отдал Киев, Олегу землю древлянскую, Владимиру Новгород.

В Болгарии, однако, встретили Святослава как неприятеля; владетель ее поладил с византийским императором, собрал значительные силы и не хотел отказаться от престола; соперники вступили в кровопролитную битву близ Переяславца. Болгары одолевали. «Здесь нам погибнуть, — воскликнул Святослав, — ударим, братцы, дружно». И сломил врагов. Столица Болгарии взята приступом; прочие города также заняты были руссами.

Между тем в империи произошла важная перемена. Никифор Фока погиб; армянин Иоанн Цимисхий облекся порфирию. В его малом теле заключалась сила исполина, соединенная с редким искусством: ни один воин не метал удачнее его ни стрел, ни копий; ни один атлет не славился такою быстротою бега и таким мужеством: нередко он один врезывался в толпу врагов и, сразив многих, возвращался к своим невредимый; в широкой груди его душа пылала славолюбием героя. Такой государь не мог оставить Болгарию во власти русских. Цимисхий просил не тревожить ее как древней области империи и удалиться. Великий князь отвечал, что он намерен завоевать и Грецию. Отряды его уже начали появляться в окрестностях Адрианополя. Император двинул всеми силами империи: призвал азиатские легионы, составил полк из храбрейших витязей, назвав его бессмертным, приучил свое войско к искусным движениям и вскоре явился под стенами Переяславца прежде, чем великий князь успел собрать свои дружины, рассеянные по городам. Вождь его Сфенкал оборонял столицу с упорством, греки взяли ее приступом и осадили самого Святослава в Доростоле. Воодушевленные примером князя, руссы неоднократно выходили из крепости, стремительно нападали на врагов, сражались без отдыха по целым дням, несколько раз приводили в замешательство легионы. Но Цимисхий всегда одолевал многочисленностью войска, искусством движений, личною храбростью. Потеряв главных вождей, видя кругом себя немногих воинов, изнуренных голодом, Святослав созвал дружину на совет и хотел знать, на что думает она решиться. Одни предлагали мир с греками, другие — сесть на суда и отправиться восвояси. «Бегство не спасет нас, сказал Святослав, сразимся волею и неволею, да не посраим земли русской: мертвым срама нет. Станем крепко. Я иду пред вами, и если положу свою голову, промышляйте, как хотите». «Где твоя глава ляжет, отвечали руссы, там и свои головы сложим». Началась последняя, отчаянная битва. Долго она колебалась, доколе жестокая рана не принудила Святослава оставить поле сражения. Утратив большую часть войска, он предложил Цимисхию мир, согласился оставить Болгарию, не тревожить Византийской империи и, утвердив дружбу личным сви-

данием с императором, спешил возвратиться в отечество. Греки дали знать печенегам, кочевавшим при устье Днепра, что русский князь идет с богатою добычею. Варвары заслонили ему путь; Святослав хотел пробиться, но близ порогов днепровских пал в сече.

После смерти Святослава Русь осталась раздробленною между его сыновьями, Ярополком, Олегом и Владимиром, на три княжества: киевское, древлянское и новгородское. Ярополк как старший в роде принял достоинство великого князя, или главы семейства, но уделы братьев были ему неподвластны. Каждый князь, сообразно понятиям века, считал свою область неотъемлемою собственностью. При независимости князей, при воинственном духе норманнов междоусобия были неминуемы. Дети Святослава рассорились из-за его любимца и сподвижника: князь древлянский убил на охоте Свенельдова сына Люта; престарелый отец, сражавшийся под знаменами Игоря и Святослава, неотступно требовал мести от великого князя. Ярополк, в наказание брату, хотел, кажется, лишить его древлянской области. Но судьба устроила иначе: побежденный в битве, Олег спасался бегством в город Овруч, теснившиеся воины столкнули его с моста, тело его, раздавленное конями, едва могли отыскать под грудю мертвых. Ярополк не желал смерти его и плакал над трупом брата, но по тогдашнему понятию о родовой мести, кровь требовала крови, союз родства был расторгнут. Младший брат Владимир смотрел на старшего как на врага своего рода и считал своею обязанностью отомстить смерть брата смертью братоубийцы. Для вернейшего успеха он удалился за море к норманнам, в два года собрал многочисленную дружину и пришел в Русскую землю с явным намерением отомстить брату. Прежде всего отнял у него невесту Рогнеду, дочь полоцкого князя Рогволда, присвоившего независимую власть над полочанами, самого Рогволда и детей его умертвил, в Полоцке же утвердил свое господство. Ярополк, терзаемый совестью, не принимал мер к сопротивлению, даже любимцы его держали сторону Владимира. По совету одного из них, Блуда, он предался в руки брата, который в собственном тереме велел его умертвить.

После смерти Ярополка, оставшись единовластителем Руси, Владимир первые восемь лет своего правления озна-

меновал беспрестанными походами: смирял непокорных вятичей, обуздывал радимичей, ходил в Галицию, где овладел Перемышлем и другими независимыми городами червенскими; истреблял хищных ятвягов, латышское поколение при верховьях Немана, брал дань с единоплеменных им обитателей нынешней Лифляндии; господствовал над полочанами, переносил свое оружие на самую Волгу, где бился с камскими болгарами, единоплеменниками болгар дунайских; кроме того вел непрерывную войну с печенегами. Следствием походов его, увенчанных победами, было новое расширение пределов Руси, преимущественно на западе, до нынешнего Люблина, Бреста, Гродна и Дерпта. Торжествуя победы, Владимир изъяслял живейшее усердие к богам своих предков: строил капища, воздвигал кумиры и приносил людей в жертву идолам. Между тем в судьбе Руси готовилась великая перемена. Чтобы вполне понять всю важность этой перемены, бросим взгляд на состояние нашего отечества перед введением христианской веры.

Русская земля простиралась от истоков Вислы до устья Оки, от Ладожского озера до порогов днепровских. Обитатели ее, имея общее название руссов, состояли из трех главных разноплеменных народов, из славян, финнов и норманнов. Первые занимали все пространство от истоков Вислы до берегов Оки, от Ильменя до порогов днепровских; вторые жили к востоку от них за Волгою и Окою; норманны, господствуя над обоими племенами, составляли вместе с ними один народ русский. Самое многочисленное племя было славянское. Его язык, нравы и обыкновения господствовали в Русской земле. Различие между славянами и поселившимися среди них норманнами, столь заметное при первых князьях, стало исчезать уже при внуке Рюриковом, Святославе, первом князе славянского имени; при Владимире оно еще больше ослабело; все почти дети его имели славянские имена; первый вельможа и пестун его, Добрыня, был славянин. При всем том оно не могло совершенно искорениться: его поддерживали новые толпы норманнов, охотно приходившие в Русскую землю. Они приносили с собою свой язык, свою веру, свой образ жизни и не допускали единоплеменников своих до решительного слияния с туземцами.

Пределы Русской земли обозначились, русский народ возник. Но еще не решен был вопрос, должен ли он составлять одно целое или разделиться на несколько частей самостоятельных. Введенная норманнами система господства, имея основанием право удельное, клонилась более к раздроблению Русской земли на несколько государств независимых, чем к соединению их в одну державу. Каждый сын великого князя был князь по рождению и имел право на удел, долженствовавший оставаться отчиною или собственностью его потомков. Такой порядок престолонаследия не мог разрушить Русскую землю впоследствии, когда Ярослав определил взаимные отношения князей, и установились лучшие понятия о правах верховной власти. Но тогда этих условий еще не было. Самое кровное родство, при необузданности страстей, при суровости нравов, было слабым залогом единства Руси. Междоусобие детей Святослава доказало, от каких ничтожных случаев могла возгореться вражда между братьями и как непримиримы были их распри.

Отношения князей к подданным не могли благоприятствовать смягчению нравов. Ни те, ни другие не имели ясных понятий о цели гражданской жизни. Князья искали в подвластных им землях только дани и дружин; брали все, что могли, не заботясь о внутреннем устройстве, и скликали под свои знамена ратников, с которыми ходили в чуждые страны, также за добычею. Покоренные оружием их народы повиновались им до тех только пор, доколе видели невозможность сопротивления, но смотрели на господство князей как на иго и ловили каждый случай, чтобы избавиться от него. Малейшая слабость великого князя, неудача его походов, семейная распря, все влекло за собою неминуемое восстание то в том, то в другом поколении. Древляне едва не отделились от Киева после смерти Игоря; полочане уже не признавали власти Святослава; радимичи, вятичи искали независимости во время междоусобия детей его.

Дух раздора господствовал и в частной жизни. Основанием ее было право личной родовой мести. «Кровь за кровь, смерть за смерть» — гласил закон русский. Родственники убиенного или обиженного мстили не только виновному лицу, но и всему семейству его. Легко вообразить, как неиссякаемы были источники распрей и как неприми-

рима была вражда, когда самый ничтожный случай мог вооружить многие семейства одно против другого. Право личной и родовой мести заметно в договорах Олега с греками, которые, заключая с ним дружбу, неизменным условием мира постановили, что жена злодея не должна быть наказываема вместе с мужем, и что если виновный в легком проступке не может вознаградить обиженного всем имуществом, то клятва его прекращает дальнейшую расправу. Самое разительное доказательство, что это право господствовало на Руси, есть смерть Ярополка: Владимир считал кровь старшего брата необходимою для успокоения тени младшего и, без сомнения, с чистою совестью совершил братоубийство.

Таким образом хотя преемники Рюрика успели завязать первый узел общественный, но Русь как государство еще не окрепла в своем основании: право удельное разрывало ее на части; право безусловной дани ослабляло союз между князьями и подданными; право родовой мести замедляло развитие гражданской жизни. Юная Русь легко могла разрушиться и исчезнуть, так точно, как возникали и исчезали прежде нее союзы народов скифских, о которых упоминают древние писатели. Казалось, ей нельзя было миновать этой участи. Сам Владимир готовил ее в жертву безначалия: имея 12 сыновей еще юных, он ожидал только их возраста, чтобы раздробить свою державу сообразно понятиям века. Следствия можно было предвидеть: киевскому престолу надлежало пасть; узы государства должны были расторгнуться, и скорее, чем в полвека, там, где властвовали Олег, Святослав, Владимир, могли явиться независимые кацки, как было до пришествия норманнов. Но Провидение преклось о Русской земле: Владимир дал ей непоколебимую основу, соединил многочисленные поколения неразрывными узами и указал верный путь к гражданственности: в 988 году он принял со всем народом христианскую веру.

IV. ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ (988)

Евангелис, подтверждая всеобщие истины здравого смысла, проповедуя чистейшую нравственность, без противоречия, без перерывов, изображая в Верховном сущест-

ве не карателя смертных, но беспредельную благодать, любовь и надежду, везде и всегда приносило человеку дар, которого никакая мудрость смертного заменить не может: смягчив сердце, озарив ум, дав простор всем благороднейшим способностям души, оно пробуждало в народах стремление к миру и общежитию, соединяло их в благоустроенные общества и утверждало гражданственность на прочных основаниях. Плоды христианства везде были одни и те же, с тем только различием, что в иных странах созревали рано и спокойно, в других поздно, среди жестоких потрясений, в зависимости от того, как внедрялись семена святой веры. От первого посева, от средств, которыми действовали сеятели, зависела участь и история народа. Следовательно, для истинного понятия о влиянии христианской веры на русский народ должно предварительно рассмотреть, каким образом она утвердилась в нашем отечестве.

Нестор, имевший все средства узнать от внуков Владимира поколения главные обстоятельства крещения Руси, передал потомству следующие сведения:

«В 987 году Владимир, созвав бояр и старейшин, говорил им, что приходили к нему болгары и советовали принять свой закон; что немцы также хвалили свою веру; за ними евреи, наконец греки; что последние порицали все иные законы, признавая одну свою веру истинною, и рассказывали много удивительного о сотворении мира, о судьбе первого человека, о будущей жизни, о блаженстве людей праведных, о вечной муке грешных. Бояре и старцы отвечали, что всяк свое хвалит, а не порицает, что у князя довольно людей разумных: пусть пошлет испытать, чья вера лучше. Владимир последовал их совету и отправил десять мужей, смысленых и добрых, узнать, кто лучше всех поклоняется божеству, сперва в Болгарию, признававшую Магомета, потом в немецкую землю, подвластную папе, наконец в Грецию. Императоры византийские Василий и Константин, узнав причину прибытия русских послов, были весьма рады, приняли их с честью и велели патриарху совершить торжественную службу, сказав: «Да видят руссы славу Бога нашего». Изумленные великолепием греческого богослужения, они были в восторге. По возвращении их князь созвал бояр и старцев; послы рассказывали князю и его дружине, что в Болгарии люди поклоняются в капищах, печальных, смрадных; что в храмах немецких много обря-

дов, но мало величия; в Греции же, когда послы вступили в храм, не знали, где они, на небе или на земле; что на земле нет такой красоты, такого величия; что в греческих храмах присутствует сам Бог; и как всякий человек, вкусив сладкое, не хочет горького, так и они, узнав веру греков, не могут служить богам своим.—Бояре и старцы сказали Владимиру, что если бы вера греков была не лучшая, не приняла бы ее бабка великого князя Ольга, мудрейшая из людей. Владимир изъявил желание креститься, не знал только где.

На другой год после этого совещания великий князь пошел с войском в Тавриду и осадил греческий город Херсон (в 2 верстах от нынешнего Севастополя). Жители оборонялись упорно. Владимир велел делать насыпь близ городской стены, чтобы влезть на стены; осажденные, посредством тайного подкопа, уносили землю. Усердие одного грека помогло ему: некто Анастас бросил к осаждающим стрелу с запискою, что на восток от русского стана есть колодези, из которых вода течет в город подземным каналом, что руссы, переняв ее, овладеют городом. Владимир, дав обет принять святое крещение, если покорит Херсон, перекопал трубы; вода остановилась; томимые жаждою, греки сдались. Победитель велел объявить императорам Василию и Константину, что он требует руки сестры их царевны Анны; если же получит отказ, столице их не миновать той же участи, какая постигла Херсон. Изумленные императоры отвечали, что христианка не может быть супругою язычника; приняв же святое крещение, Владимир и руку царевны получит и в царство небесное войдет; иначе сестры своей не отдадут. Князь уверял греческих послов, что он любит греческую веру, уже давно испытал ее, и согласен быть христианином; ждет только царевны и священников, чтобы креститься. Братья с трудом уговорили сестру быть избавительницею империи от лютых завоевателей. С ужасом и скорбью она отправилась в Херсон. Между тем Владимир разболелся так, что ничего не мог видеть. Прибывшая царевна советовала ему креститься, уверяя в немедленном облегчении. Он согласился. Едва исполнился обряд св. крещения и епископ возложил на него руку, великий князь прозрел и воскликнул с восторгом: «Наконец увидел я Бога истинного». Дружина последовала его примеру. Брачное торжество не замедлило совершиться.

Просвещенный учением христианским, Владимир построил церковь в Херсоне, там, где греки сыпали землю, уносимую во время осады, возвратил город императорам и, сопровождаемый супругою, Анастасом, херсонскими священниками, спешил возвратиться в отечество, взяв с собою мощи св. Климента и Фива, иконы, сосуды и прочее. Прибыв в Киев, он велел истреблять кумиры; одни из них были изрублены, другие сожжены. Перуна, главного идола, приказал привязать к хвосту конскому и бросить в Днепр; народ, огорченный поруганием богов своих, расставался с ними, проливая слезы, но противиться не дерзнул. После того Владимир объявил, чтобы все жители, богатые и убогие, собирались на берег днепровский для принятия крещения; если же кто не явится, тот будет ему противен. Киевляне не прекословили, рассуждая, что если бы новая вера была не добрая, князь и бояре не приняли бы ее. В назначенный день бесчисленное множество людей обоего пола стеклось на берег днепровский, и когда явился Владимир с супругою и священниками, весь народ погрузился в воду: одни до персей, другие по самую шею; взрослые держали младенцев. Таинство святого крещения совершилось. В этот день, говорит летопись, земля и небо ликовали. После того великий князь велел построить церкви, там, где стояли кумиры, как в Киеве, так и в других городах и селах. Святая вера озарила всю Русскую землю».

Сказание Нестора несомненно в двух главных обстоятельствах, более всего важных для истории, именно в том, что в половине X века Владимир принял со всем народом своим христианскую веру от греков, содействием греческой царевны Анны, бывшей непременно условием его крещения, и что святая религия водворилась в нашем отечестве мирно, без явного насилия, без упорной борьбы с язычеством. В истине первого события удостоверяет свидетельство современных писателей греческих, немецких, арабских, согласных с Нестором если не в подробностях, по крайней мере в главном обстоятельстве. Истину второго события подтверждает, — кроме молчания наших летописей о борьбе христианства с язычеством, чего они без сомнения не утаили бы, чтобы тем разительнее показать святость торжествующей религии, — состояние Руси в XII веке при внуках Владимира, когда во всех областях, под-

властных его дому, обнаруживаются очевидные признаки исключительного господства христианской веры, между тем как следов идолопоклонства вовсе незаметно.

Считая излишним и едва ли возможным объяснение вопроса, что побудило Владимира оставить веру предков и для чего он воевал с Византией, коей дружба была для него необходима, обратим внимание на обстоятельства, благоприятствовавшие мирному и с тем вместе быстрому распространению христианской веры в Русской земле. Они могли быть следующие.

Славяне-язычники и слившиеся с ними норманны, веря в бытие верховного мироправителя, в провидение, в бессмертие души, не успели, однако, подобно эллинам, составить стройной, разнообразной системы многобожия: следовательно, не находя в вере праотцов удовлетворительного решения многих загадок, рождающихся в уме самого грубого человека, о смерти, о будущей жизни, о добродетели и пороке, охотно расставались с скудной своею мифологией, когда услышали голос истины, столь понятный здравому, светлому смыслу, коим искони отличался народ русский. Надобно было только вразумить их в св. писание.

К величайшему счастью, они приняли Евангелие не из Рима, а из Византии. Латинские миссионеры не обращали ни одного народа в христианскую веру, не вооружив против себя язычников, и с величайшим трудом, при невероятных усилиях, достигали своей цели. Обыкновенно в каждой стране, где они проповедовали учение Христово, их встречали как непримиримых врагов; в отечестве древних саксов, в земле славян западных, в Швеции, в Пруссии, в Ливонии, не говоря уже об Америке, они вступали в жестокую борьбу с туземцами и нередко гибли от ярости озлобленного народа. Виною тому был не столько упорный нрав туземцев, сколько самый образ проповеди: с латинскою библиею в одной руке, с мечом в другой, приходили к ним римские монахи, сопровождаемые нередко войском, совершали непонятные для язычников обряды, на чуждом наречии, требовали себе десятины или десятой части всего имущества их и безусловного повиновения римскому первосвященнику; встречали, разумеется, всеобщий ропот; начиналась борьба; пришельцы или гибли

сами, или одолевали язычников оружием. Так действовали они при Карле Великом и Оттонах, в земле саксов и западных славян: так исчезли в религиозной борьбе целые племена пруссов и ливонцев. Вот почему трирский монах Адальберт, присланный Оттоном I при св. Ольге крестить Русскую землю, едва спасся от ярости озлобленных руссов. Иначе проповедовали Христово учение греческие миссионеры: постигая простую истину, что в делах совести необходимо убеждение, а не насилие, они всегда заботились о переводе св. писания на язык понятный для тех народов, коих желали обратить в христианскую веру, и, далеко превосходя латинских монахов умом гибким, вкрадчивым, красноречием увлекательным, самую чистоту нравов, приобретали доверие полудиких народов и без труда озаряли их светом истины. Так при содействии греков Библия была переведена на языки готский, сирийский, эфиопский, армянский. Они же переложили ее и на славянский, за сто лет до крещения Владимира, трудами братьев *Кирилла и Мефодия*¹⁴, ученых мужей, родом из Фессалоники.

Присланные греческим императором Михаилом в Моравию, по просьбе тамошних князей Ростислава, Святополка и Коцела, для утверждения христианской веры, в чем не могли успеть латинские миссионеры, Кирилл и Мефодий прежде всего приняли на себя труд перевести Библию и церковные книги на язык славянский, будучи убеждены, что самая лучшая проповедь есть Евангелие, когда только истины его будут вняты народу. Важные препятствия ожидали их в этом великом деле: славянской грамоты еще не было; самый язык, выражая мысли народа грубого, едва знакомого с понятиями гражданскими, казалось, не мог передать все красоты греческого языка, столь богатого словами, столь разнообразного оборотами. Благочестивая ревность проповедников указала им средства преодолеть то и другое препятствие. Они составили славянскую азбуку, приняв за основание греческую, с дополнением из еврейской и армянской таких букв, которые выражали звуки, не свойственные грекам. По совершении этого труда приступили к переводу св. писания. Избранное ими наречие, по мнению одних писателей, было чешское или богемское, по мнению других, смешанное из болгарского, сербского и македонского. Блестящий успех увен-

чал труды их: в короткое время они переложили на славянский язык весь круг церковных книг, употребляемых при богослужении. Общее мнение свидетельствует, что ни один из европейских народов не имеет столь верного, точного перевода Библии, как славяне. Не только смысл, самые оттенки слога, величественная простота, торжественность св. писания, все это передано с удивительной точностью. Естественно рождается вопрос, каким образом смогли переводчики выразить высокие, нередко отвлеченные истины евангельские языком народа грубого, не простиравшего понятий далее своего стада, плуга или хищного набега? Трудно решить этот вопрос; нельзя, однако, не заметить, что в самом языке славянском они могли найти помощь к преодолению многих препятствий: служа орудием к выражению мыслей народа, всегда отличавшегося умом светлым, смыслом здравым, редкою сметливостью, язык славянский даже в грубом состоянии имел свойственное ему логическое устройство, соединенное с гибкостью и разнообразием оборотов. Умные переводчики постигли его таинства, смело составляли новые выражения, изобретали новые формы, новые окончания, созидали язык, но язык славянский, правильный, в котором не было ни чуждых звуков, ни чуждых оборотов, исключая разве немногие случаи; все новое было извлечено из его же основных начал и ознаменовано свойственным ему характером. Этот перевод святого писания, составленный для моравов, был введен в Русскую землю вместе с христианскою верою, решительнее всего мог благоприятствовать распространению святого учения в нашем отечестве.

Имея в руках столь верное средство к объяснению христианского вероисповедания, греческие миссионеры, которых имена, исключая одного Анастаса, к сожалению, неизвестны, с тем большим успехом могли действовать в Русской земле, что там умы давно были подготовлены: в Киеве еще при Игоре была церковь св. Ильи пророка; в самой дружине Владимирова деда находились многие христиане; в особенности пример Ольги не мог не оставить сильного впечатления в народе, признававшем ее мудрою.

Много мог содействовать им и сам Владимир. По достоверному сказанию летописи, после крещения он преобразился в иного человека: будучи язычником, он безжалостно истребил семейство Рогвольда, обагрил руки в крови

брата, приносил в жертву идолам людей. Став христианином, он до того смягчился душою, что самых злодеев не хотел казнить смертью и изъявлял живейшее усердие к Богу христианскому: строил во славу его, при помощи греческих художников, великолепные храмы, из которых наиболее достопамятна церковь Десятинная, велел учить отроков грамоте и возвысил сан духовный в глазах народа, предоставив в ведение служителей церкви браки, разводы, несогласия между родителями и детьми, церковную татьбу, непристойные поступки и проч.¹⁵ Кроме того, немедленно по принятии христианской веры он поручил своим детям управление города и области, дав им в советники людей, усердных к христианству.

При таком стечении благоприятных обстоятельств святая вера, согласно преданию Нестора, мирно водворилась в нашем отечестве, как благодать неба, быстро озарила всю Русь и принесла плоды вожделенные.

Вера во Христа Спасителя, имея основанием мир, любовь и надежду, долженствовала неминуемо смягчить нравы, обуздать страсти, ослабить право родовой мести, которое иначе могло быть весьма пагубно, при господстве удельного права.

Кроме того, сильнее языка, самых кровных уз родственных, соединяя людей тесными узами единоверия, она сроднила победителей с побежденными, уничтожила между ними различие и решительнее всех уставов содействовала слиянию разноплеменных обитателей Русской земли в один народ, в одно общество гражданское, внушив ему ясные понятия о будущей жизни, о добродетели, о необходимости закона, верховной власти, т. е. о таких условиях, которые служат основами государства благоустроенного.

Эти плоды были неминуемым следствием свойства самой религии, и Русь разделяла их со всей Европою, обязанностию единственно христианской вере перевесом своим над прочими частями света на поприще гражданственности и образованности. Вместе с тем христианство принесло нашему отечеству другие выгоды, бывшие следствием крещения Владимира по греческому закону: сроднив Русь с Грецией и отдалив ее от Рима, вера даровала нашему отечеству особенное, самобытное направление и образовала из него мир отдельный, отличный от мира западного в главных

условиях государственных, в устройстве иерархии, в круге действий власти светской и духовной, в связях внешней политики и во всех учреждениях внутренних. Ниже увидим, что со времен Ярослава русское духовенство находилось в самых благоприятных отношениях к верховной власти, и отечество наше не испытало тех бедствий, которые были уделом западной Европы, подвластной римскому первосвященнику. Тесная связь с Грецией принесла нам наконец ту пользу, что мы получили из Греции многообразные сведения, столь плодотворные при первом развитии ума гражданского.

Таким образом греки, дав нам перевод св. писания на языке народном, доставили величайшую услугу, какой мы не могли надеяться получить из Рима. Редкое событие имело столь важное, благотворное влияние на судьбу нашего отечества, как ученый труд Кирилла и Мефодия. Слушая Божье слово на языке понятном, русские встретили св. веру как что-то родное, приняли ее без прекословия и так усвоили, что она стала неперменным условием бытия народного, элементом русской жизни, подобно языку или власти самодержавной. У нас не было того странного разлада церкви с обществом, который столь разителен в западной Европе, крещенной римским духовенством. Легко вообразить, как трудно было германским народам убедиться, что св. вера есть необходимое условие их жизни, когда они слышали ее учение на языке невразумительном: протекло несколько веков, прежде чем христианская церковь в западной Европе сроднилась с обществом. Подобная участь грозила и нашему отечеству, если бы греки не принесли нам перевода Библии Кирилла и Мефодия. В их незабвенном труде должно искать источника того религиозного направления, которое постоянно было отличительною чертою русского народа: ибо святая вера слилась с нашей жизнью. Предки наши были убеждены, что только тот, кто исповедует закон христианский по греческим обрядам, заслуживает имя русского; признавались у нас христианами и народы, подвластные папе, но католик не мог быть русским.

Перевод Библии замечателен и в другом отношении: он установил язык. Наши писатели смотрели на труд Кирилла и Мефодия как на образец совершенный, единственный, старались подражать ему в изложении своих мыслей, в оборотах, в слоге. Конечно, излишняя подражательность

сковывала язык и отдаляла мало-помалу письменный или книжный от разговорного, так что впоследствии различие между ними стало весьма ощутимо; но в то же время оно поддерживало в нем единство, не допустило его разрозниться на многие наречия и соблюдало чистоту его от примеси чужеземной. Притом язык письменный одним, так сказать, порывом стал на ту степень, которой достигли германо-латинские наречия через несколько веков, после неимоверных усилий. Славянский перевод Библии, присвоив по крайней мере существенные достоинства греческого, заключая в себе образцы красноречия повествовательного, поучительного, описательного, представлял русским богословам, историкам, поэтам неисчерпаемый источник богатства.

Все это должно было иметь решительное влияние на умственное развитие: мы имели в этом отношении неисчислимые выгоды пред западную Европою. Когда ни один из немецких ученых X века не хотел и не мог выражать скудных мыслей на языке варварском, т. е. народном, когда в самых храмах славили Бога Христианского на языке мертвом, для немногих вразумительном, когда наречия французское, английское, голландское представляли дикую, нестройную смесь выражений латинских и германских и были еще только в зародыше, язык славянский, чистый, величественный, общий для государя и подданных, для духовенства и мирян, имел уже форму постоянную, определенную, в которую влились красоты богатейшего в мире языка греческого. Если же плоды не соответствовали началу, и Европа впоследствии далеко опередила нас на поприще умственного образования, виною тому было стечение многих обстоятельств: по крайней мере, до нашествия монголов мы не уступали Европе в надежде на блестящую будущность.

V. ПРАВЛЕНИЕ ЯРОСЛАВА I (1019—1054)

Владимир, следуя духу времени и коренному обычаю скандинавов, по коему каждый член владетельного дома имел право на участок, вскоре по введении христианской веры разделил Русскую землю на 12 уделов между своими сыновьями и уже сам испытал пагубные следствия такой

системы господства: Ярослав Новгородский не стал платить ему дани, призвал норманнов из-за моря и готовился встретить оружием раздраженного отца. Владимир умер, не успев смирить непокорного сына. По смерти его осталось 8 уделов: в Новгороде княжил Ярослав, в Ростове Борис, в Муроме Глеб, в Древлянской земле Святослав, во Владимире (Волынском) Всеволод, в Тмуторакани Мстислав, в Турове Святополк, в Полоцке дом старшего сына, Изяслава. Непримируемая вражда разделяла князей на три неприязненные партии: Святополк, сын Ярополка, усыновленный Владимиром, не мог забыть смерти отца и по праву родовой мести, еще не искорененной христианскою верою, считал своим долгом успокоить тень его кровавыми жертвами. Изяслав, сын Владимира и полоцкой княжны Рогнеды, отверженный отцом вместе с матерью, смотрел на других сыновей его как на врагов и ненависть к ним передал сыну своему Брячиславу. Прочие дети Владимира должны были опасаться и Святополка и Брячислава. Междоусобия были неизбежны: они обнаружались немедленно по кончине Владимира.

Святополк, объявив себя великим князем, звал братьев именем умирающего отца, который будто бы желал с ними проститься. Не зная о смерти Владимира и не подозревая предательства, они спешили в Киев; тайные убийцы стерегли их на пути: на берегу Альты* умерщвлен Борис князь Ростовский, близ Смоленска Глеб князь Муромский¹⁶, в области Древлянской Святослав. Та же участь готовилась и другим детям Владимира. Сестра их Преслава успела предостеречь князя Новгородского, который между тем находился в затруднительном положении: отказав Владимиру в дани и замыслив отразить его вооруженною рукою, он призвал норманнов. Новгородцы, оскорбленные наглостью пришельцев, многих из них убили. Ярослав, скрыв мщение, созвал на пир знатнейших граждан и велел их умертвить. Едва совершилась эта месть, как пришло известие от Преславы о смерти огорченного отца, о гибели Бориса и Глеба, о грозящей опасности всему дому Владимирову. Тут новгородцы явили редкое великодушие: примирились с князем, с норманнами, и пошли на *Святополка*¹⁷. Разбитый Ярославом на

* Небольшая река, впадающая в Трубеж, близ Переяславля.

берегах Днепра, князь Киевский бежал в Польшу и просил помощи у тестя своего *Болеслава Храброго*¹⁸. Король польский, поддерживая зятя, вступил в Русскую землю и, на берегах Буга разбив войско Ярослава, овладел Киевом. Ярослав едва мог спастись бегством в Новгород, откуда думал удалиться в Скандинавию. Новгородцы не пустили его и снова стали вооружаться; собрали поголовную дань; наняли норманнов.

Между тем Святополк потерял дружбу Болеслава: негодуя на тестя, задумавшего навсегда остаться в богатом Киеве и присоединить этот город к королевству, он велел тайно убивать поляков, беспечно живших по городам и селам киевским. Болеслав, опасаясь вероятно и сам подобной участи, удалился в Польшу, овладев на пути городами червенскими. Вслед за ним бежал и Святополк; обратился к лютым врагам своего отечества, к печенегам, собрал многочисленные толпы их и снова хотел овладеть Киевом. Бодрый Ярослав встретил его на берегах Альты, там, где был умерщвлен Борис. Воспламененный мстостью за кровь брата, он стремительно ударил на своего злодея и, после упорной сечи, одержал победу. Святополк, по сказанию Нестора, в расслаблении ума бежал из отечества и скрылся в Богемии; по известию же Эймундовой саги, был убит в Киевской области норманнами. Ярослав вступил в Киев и начал господствовать над большею частию Русской земли, утвердив власть свою в Киеве, Новгороде, Ростове, Муроме, Турове и земле Древлянской. Полоцк и Тмуторакань остались за прежними князьями; города червенские были в руках поляков.

Но распри потомков Владимира еще не кончились. *Брячислав Полоцкий и Мстислав Тмутораканский*¹⁹ не могли довольствоваться своими уделами и с завистью смотрели на господство Ярослава в большей части государства Владимира. Междоусобия возобновились. Брячислав неожиданно напал на Новгород, ограбил его, однако не мог удержать за собою; был разбит и смирился. Гораздо опаснее был другой враг, Мстислав Тмутораканский: господствуя на берегах Кубани, он ознаменовал себя многими победами над народами кавказскими, разрушил Хазарскую державу в Тавриде, так что самое имя хазар исчезло, оставшись в одной истории, и обратил оружие на Ярослава, вероятно досадуя на присвоение им братних уделов. Рожденный более

для мирного правления, чем для войны, Ярослав не мог устоять против счастливого соперника, проиграл битву у Листвена (в Черниговской области) и должен был уступить брату целую половину Руси на восток от Днепра. Они заключили искреннюю дружбу, и в течение 10 лет, до самой смерти Мстислава, общими силами воевали с внешними врагами. Тесный союз правителя благоразумного с отважным завоевателем восстановил прежние пределы Руси: Мечислав, король польский, потрясенный их оружием, возвратил города червенские (Галицию), отторгнутые отцом его Болеславом. Когда же умер Мстислав, не оставивший потомства, удел его присоединился к области Ярослава, который с тех пор господствовал единодержавно до самой кончины своей, имея влияние и на Полоцк.

Тридцатипятилетнее правление Ярослава достопамятно наиболее в том смысле, что оно совершило основание Русской державы. До него князья норманские, соединяя славян оружием и данью в один покорный себе народ, мало заботились о государственном устройстве, следовали одному влечению страстей, искали только битв, власти, корысти. Мысль о законе заметна в действиях Ольги; но уроки и погосты ее клонились единственно к уравниванию дани. По принятии христианской веры Русь не могла существовать в прежних формах язычества и войны, несогласных с новыми понятиями, внушенными св. верою: внутренние и внешние отношения Руси должны были измениться в главных основаниях. Кровавые распри детей Владимира, при участии соседних народов, еще более обнаружили необходимость лучшего устройства. Ярослав угадал потребность века и в постоянном стремлении к определению прав, обязанностей, внутренних и внешних отношений, наложив печать закона на главные формы русской гражданственности, совершил безотчетное дело своих предков, *основание Русской державы*, и дал судьбе ее решительное направление. Обнаруживая во всех действиях своих дух законодательства, он не столько изданием закона, сколько образом своих деяний утвердил в Руси тот порядок вещей, из которого впоследствии развивались главные явления нашей истории. Он установил: а) отношения Новгорода к великому князю; б) суд и расправу; в) всеобщее господство христианской веры; г) иерархию; д) отношения

Руси к Скандинавии и соседям; е) пределы Русской земли; ж) главные основания удельного права.

Обязанный великокняжеским престолом, спасением своего рода усердию новгородцев, Ярослав в первые годы своего княжения дал им *льготные грамоты*, служившие впоследствии основанием их внутреннему устройству. Эти грамоты истреблены временем и содержание их в точности неизвестно: знаем только достоверно, что в продолжение 4 веков Новгород позволял управлять собою только тем князьям, которые клятвою подтверждали грамоты Ярослава. Вникая, однако, в ход событий, можно полагать, что Ярослав предоставил Новгороду исключительное право зависеть, наравне с Киевом, от великого князя, решать дела внутренние судом народного веча и платить князю дань определенную. Будучи колыбелью Русской державы, но со времени Олега утратив честь видеть в своих стенах престол великокняжеский, Новгород не хотел равняться с прочими городами в образе внутреннего управления. Эта мысль влекла за собою неопределенное, но твердое понятие о самостоятельности, о первенстве, заметное и при Святославе, которому новгородцы грозили избрать своего князя, если он не даст им сына, и при Владимире, которому они отказывали в самой дани. Стремление к самостоятельности могло быть следствием также торговой предприимчивости, пробужденной выгодами местоположения на пути скандинавов в Грецию и близостью Балтийского моря: новгородцы так были богаты, что могли содержать наемное войско, чему примеры мы видели во время войны Владимира с Ярополком, Ярослава с Святополком. Чем более скоплялось богатство, тем скорее развивалась мысль о правах собственности, тем усерднее было желание обеспечить их законом и оградить себя от произвольной власти князей. Впрочем, Новгород не искал совершенной независимости; он желал иметь только то, что впоследствии получал почти каждый монастырь за особенные услуги государю, т. е. *несудимую грамоту*. Слабость преемников Ярослава позволяла ему предаваться всем порывам необузданного своеволия и мало-помалу присвоить некоторые права самостоятельного государства.

В то же время Ярослав даровал Новгороду письменный закон, известный под названием *Русской Правды*, введенный впоследствии во всей Руси. Законодатель хотел уста-

новить лучший порядок суда и расправы, который был раньше основан на праве личной и родовой мести, не согласовался с понятиями христианскими; для этой цели он начертал 17 статей, которыми установил, чего должен страшиться нарушитель общественного порядка и какого удовлетворения мог требовать обиженный. Главные статьи Русской Правды, по новгородскому списку: 1) за смерть мужа мстит брат или сын, или отец или двоюродные братья, или племянники; 2) если не будет мстителя, убийца платит 40 гривен; 3) за удар палкою, жердью, мечом виновный платит 12 гривен; 4) за отсечение руки 40 гривен; 5) за вырвание уса или бороды 12 гривен; 6) за обнажение меча 1 гривну; 7) за увод челядинца и коня 3 гривны; 8) в случае заpiresательства ответчика разбирают дело 12 выборных. После смерти Ярослава дети его прибавили 18 статей о праве собственности, о рабах, рубежах, сене, скоте. Владимир Мономах дополнил Русскую Правду несколькими статьями, о ростах или процентах и проч.

Старинные обычаи, славянские и норманские, освященные временем, были, без сомнения, основанием Русской Правды. Не касаясь тех из них, которые сами по себе имели всеобщую силу закона, например о наследстве, законодатель желал исправить другие, не столь определенные, зависевшие от произвола; хотел согласовать их с правилами здравого рассудка и ослабить слишком вредные для гражданской жизни. Так, принужденный утвердить коренной обычай ранних обществ, право личной и родовой мести, противный и духу христианства и цели общежития, но освященный веками, законодатель старался по крайней мере уменьшить зло, дозволив личную месть только близким родственникам и притом в случае смертоубийства; за прочие же преступления установил денежную пеню. Обиженный получал удовлетворение сообразное обиде и не мог распространять мщения своего далее предела, назначенного законом; таким образом законодатель пресекал бесконечный ряд преступлений, доселе рождавшихся от самовольной расправы, водворял тишину и порядок. Он тем легче мог достигнуть своей цели, что эти законы вполне соответствовали тогдашнему понятию о возмездии за обиду: если бы Ярослав вместо денежной пени установил наказания исправительные, телесные или временное заключение, сообразные с правом греческим и, без сомнения, известные ему,

законы его остались бы недействительны: оскорбленный, не получив возмездия, захотел бы сам искать его.

Льготные грамоты и Русская Правда были первыми делами Ярослава, предвестниками его мудрого правления. Зная, что вера христианская более всех законов могла способствовать успехам жизни гражданской, сын св. Владимира, равно набожный и благочестивый, распространял ее учение в самых отдаленных областях не жестоким преследованием язычества, но средствами благоразумными: строил церкви, из коих в особенности замечателен Софийский собор в Киеве, переводил божественные книги на язык отечественный, сам читал их неутомимо, многое списывал для народного употребления, определял из казны своей содержание служителям церкви, детей их велел воспитывать и с этой целью основал народное училище в Новгороде для 300 отроков. Новое поколение увидело плоды его ревности просвещенной: явились не только достойные настыри, но и писатели красноречивые, преподобный Нестор и св. *Кирилл, епископ Туровский*²⁰. Благоразумная политика Ярослава служила примером для его преемников. Духовенство получило от него новые льготы и важные права: *Уставом о церковном суде* он подтвердил устав Владимира, предоставив кроме того ведению митрополита и епископов многие тяжбы, с определением, чего они должны требовать от подсудимых.

При всей набожности, при всем уважении к сану духовному Ярослав не хотел, однако, чтобы русское духовенство было в исключительной зависимости от греческого патриарха, подобно тому как западное духовенство признавало верховную власть римского папы. Ярослав смотрел на Византийскую империю как на страну современную, как на государство знаменитое, просвещенное, но и Русь признавал державой самостоятельной, неподвластной ни императору, ни патриарху. Он не хотел стерпеть, чтобы подданные его были обижаемы в Царьграде, и, узнав о убиении греками знатного русса, объявил императору *Константину Мономаху*²¹ войну, послал сильное войско под начальством сына своего Владимира и, удовлетворив чести оскорбленного государя, заключил мир, как равный императору самодержец. В том же смысле он действовал и в отношении к патриарху; считал его первосвятителем восточной церкви, но в то же время не отказывался от права назначать в рус-

ские митрополиты сановников по собственному усмотрению, и по случаю разрыва с греками, утвердив своею властью в достоинстве Киевского митрополита, избранного русскими епископами инока *Илариона*²², он определил ясно, что русский первосвятитель должен находиться в полной зависимости от великого князя. Решительность его предупредила гибельные следствия двудержавия, светского и духовного, которых надлежало опасаться при первом неопределенном устройстве иерархии и которые были бы неминуемы, если бы греческие патриархи успели присвоить исключительное право назначить Руси духовных сановников. Преемники Ярослава возобновили отношения с византийскими первосвятителями, требовали от них митрополитов и епископов, предоставляли иногда их суду случаи церковные, но не позволяли им по произволу вмешиваться в дела церкви, тем более в дела гражданские, и нередко, по примеру Ярослава, назначали митрополитов сами. Таким образом, со времен Ярослава установилась русская иерархия, сходная с греческою в устройстве внутреннем, в правах и обязанностях духовенства, в отношениях его к светской власти, тесно соединенная с нею догматами веры, обрядами богослужения, тем не менее самостоятельная и независимая от восточных патриархов в делах внутреннего управления. Нельзя было желать лучшего устройства церкви: она была безопасна и от вредных нововведений и от чужого вмешательства: с одной стороны, составляя нераздельную часть восточной церкви, она не могла принять в свои недра ничего нового без согласия вселенских соборов, следовательно, имела самый прочный залог чистоты вероисповедания; с другой же стороны, имея свой определенный круг, она не могла быть потрясена кознями чуждого властолюбия, по примеру западных государств, подвластных римскому папе.

Определив отношения Руси к стране, давшей ей веру, Ярослав своими действиями указал правила, которых преемники его держались в делах с странюю, давшей Русской земле государей, с единоплеменною им Скандинавией. До середины XI века дружины русских князей нередко пополнялись норманскими витязями, которые охотно приходили в Русскую землю служить князьям ее, брали богатые дары (между прочим с одного Новгорода 300 гривен ежегодно), приносили свои понятия, свои права, свой образ

жизни, следовательно, поддерживали различие между славянами и поселившимися среди них своими единоземцами. После восстания новгородцев на дерзких пришельцев, по смерти Владимира, Ярослав уничтожил собираемый в пользу их налог и тем прекратил выходы скандинавов. Следствием было совершенное уничтожение различия между славянами и водворившимися в земле их норманнами; оно, очевидно, исчезло уже при первых преемниках Ярослава: слово «русс» стало означать славян, слившихся с норманнами; слово «варяг» исключительно скандинавских выходцев, уже чуждых на земле Русской.

В делах с соседями Ярослав действовал как государь, уважавший права чуждого владения, и в то же время как бдительный страж Русской земли: не искал завоеваний, не уступал и своего. Все, что было приобретено оружием предков, считал собственностью своего дома и служил в этом отношении примером для своих преемников. Польша нашла в нем честного соседа: взяв у Мечислава города червенские (Галицию), отчасти построенные Владимиром и неправильно присвоенные Болеславом Храбрым, Ярослав не хотел пользоваться внутренними смятениями польского королевства, приходил туда с войском как миротворец и помогал *Казимиру I*²³ обуздать мятежи в Мазовии; сверх того, вступил с ним в родство, отдав за него сестру свою Марию (Доброгневу). Эта политика, основанная на родстве, постоянно возобновлявшемся, на взаимной помощи и обороне, на обоюдном признании прав владения того и другого дома, служила более трех столетий руководством для его преемников.

Для соседей хищных, чуждых уставов гражданских, тревоживших Русь набегами, Ярослав был грозой. Чаще всего он обращал оружие на печенегов, неоднократно вторгавшихся в южные пределы Руси в последние годы княжения Владимира; решительными победами истребив целые толпы злодеев, он так ослабил их, что они не в силах были тревожить наше отечество. Кроме того, великий князь старался обуздать других соседей, не столь многочисленных, но равно хищных и упорных: ятвягов в нынешней Гродненской губернии, единоплеменных им литовцев в Виленской губернии, чудь в Эстляндии и емь (или ямь) в южной Финляндии. Для защиты Руси от вторжения диких народов, окружавших ее почти со всех сторон, он

основал города и крепости: на берегах Руси для обуздания печенегов; Юрьев или Дерпт для охранения Псковской области; Ярославль на пределах Черемисских. Система обороны государства построением крепостей на границах и неприязнь к диким кочевым народам были руководством для его преемников.

Ярослав не ограничивал своей политики одними соседями: он искал тесной связи с отдаленными европейскими венценосцами, указав тем, что Русь должна принадлежать к системе государств европейских: кроме сестры, Марии, вышедшей за польского короля Казимира I, дочери великого князя были супругами государей знаменитых: Елизавета вышла за Гаральда, принца норвежского, который только рыцарскими подвигами смог заслужить ее руку; Анна сочеталась браком с Генрихом I, королем французским, и была праmaterью Генриха IV; Анастасия с Андреем I, королем венгерским. Сыновья его также избрали супруг иноземных: Всеволод женился на греческой царевне, Изяслав на принцессе польской, Вячеслав на дочери владетеля Штадского, Игорь на графине Орламиндской.

Со времен Ярослава установились и границы Руси: на запад до Финского залива, Нарева, западного Буга, истоков Вислы и гор Карпатских; на юг до верховьев Прута, Ингула, Ворсклы, Хопра и Медведицы; на восток до устья Оки и берегов Волги; на север до Ладожского и Онежского озер. Все, что заключалось между этими рубежами, навсегда удержало имя Руси и, невзирая на чужеземное господство, впоследствии несколько веков продолжавшееся, оставалось русским по вере, языку и внутреннему образу правления.

Важнейшим действием Ярослава, имевшим прямое, решительное влияние на судьбу отечества, было определение главных начал удельного права и взаимных отношений князей в потомстве Владимира св. Назначив каждому из пяти сыновей своих определенную область, он установил, что старший в княжеском семействе есть глава государства, посредник, миротворец и защитник своих братьев, которые обязаны чтить его как отца, но в то же время имели неотъемлемое право на свои уделы. С тех пор Русь образовала систему союзных государств, друг от друга не зависимых, тем не менее соединенных в одно целое верою, языком и господством одного дома.

ГЛАВА II

РАЗДРОБЛЕНИЕ РУСИ НА УДЕЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА

I. УДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА (1054 — 1238)

С середины XI века история нашего отечества изменяется в своем характере. До сих пор она представляла отважные набеги руссов на землю восточных славян со всеми чертами норманской жизни; быстрое расширение господства их от берегов Ильменя сначала к Белоозеру, западной Двине и берегам Оки, потом по Днепру к Черному морю, от Днепра к Дунаю, Висле и Волге; слияние покоренных народов славянских в одно целое силою оружия, установлением дани, христианскою верою. После смерти Ярослава настанет иной порядок вещей: остановленные в стремлении к благословенным странам юга оружием и политикою соседей, еще более удерживаемые в земле славянской выгодами оседлой жизни, руссы не раздвигают своих пределов далее рубежей, определенных Ярославом; внешнее расширение норманской стихии прекращается; его заменяет продолжительная борьба внутренняя.

Это борение, под пером наших летописцев, представляет картину мрачную, утомительную: великаны сумрака Олег, Святослав, Владимир исчезают, вместо них являются Ярославичи, Святославичи, Ольговичи, которые преследуют друг друга, утихнут на короткое время и снова начинают всеобщую борьбу, передавая свои споры детям, внукам и правнукам. Движимые властолюбием их, силы Руси пожирают себя взаимно, как неприязненные стихии.

Читая горькие жалобы современников, потомство с ужасом смотрит на тогдашние бедствия отечества, не понимая, как не могли образумиться князья после неоднократных испытаний, видит, сверх того, в удельных бранях все признаки пагубного феодализма и готово благодарить татар, которые, сокрушив воинственное племя Владимира Святого, дали средства ввести благодетельное единодержавие¹.

Чтобы понять характер и значение удельной системы в русской истории, необходимо вникнуть в дух времени, в порядок вещей, в связь причин и следствий, во все обстоятельства, породившие ее и содействовавшие ее развитию.

Внутренняя борьба есть неизбежное зло каждого возникающего государства. При постоянном сосредоточении разнородных сил к единству гражданское общество образуется не вдруг, а постепенным развитием элементов своих, после продолжительного брожения, доколе каждая стихия не найдет своего места, определяемого обыкновенно свойством самих элементов и взаимным отношением их. Эта борьба, начало органического устройства, по различию обстоятельств, обнаруживалась в разных видах, с разными последствиями: в Греции междоусобиями поколений, в Риме спорами патрициев с плебеями, в германской Европе раздорами королей с папами и баронами, в нашем отечестве бранями удельными. Разделение Руси на уделы было неминуемым следствием укоренившегося в самом начале понятия о праве на верховную власть всех членов господствующей фамилии. Это понятие, определявшее порядок престолонаследия в Скандинавии, принесено было норманнами и в основанную ими Русскую державу. В глазах их благороднейшим коленом было Рюриково: ему принадлежало исключительное право на власть конунга, князя. Вследствие сего уже Рюрик должен был разделить покоренный руссами участок земли славянской со своими братьями на 3 удела: Новгородский, Изборский, Белозерский. Игорь правил всею Русью один потому, что у него не было братьев, Святослав тоже, после смерти его Русь разделена была между его сыновьями на три удела: Киевский, Древлянский, Новгородский. Гибель Олега и Ярополка соединила Русь под власть одного Владимира, который снова раздробил ее по числу сыновей и оставил

после себя 8 уделов: Киевский, Полоцкий, Новгородский, Владимирский, Древлянский, Ростовский, Муромский, Тмутараканский. Ярослав, воспользовавшись смертью братьев, присоединил их уделы (исключая Полоцкий) к своему, но, имея пять сыновей, не мог не разделить между ними своей державы. С тех пор удельная система утвердилась в нашем отечестве окончательно.

Удельная система господства, установленная Рюриком и преемниками его при самом начале Руси, только в общих чертах сходствовала с феодальной, с которою неправильно ее смешивают, в главных же основаниях, в начале, в развитии, в последствиях, существенно отличалась от нее².

Феодальная система представляет противоборство королевской власти со своеволием вельмож, которые, получив земли на праве вассалов, т. е. помощников, обязанных служить своему государю, пользовались слабостью его, хотели утвердить за своим потомством свои поместья и быть независимыми. Короли, выпустив из рук важнейшие права верховной власти, напрягали все силы к обузданию строптивых баронов, но, подавляемые могуществом римских первосвященников, долго не могли достигнуть своей цели и с трудом удерживали за собою титул королевский, доколе усердие городских общин, при ослаблении пап, не дало им средств смирить вассалов. Посему вассальство, своеволие вельмож, папская власть, влияние городских общин были необходимыми условиями феодального правления.

Удельная система имела совершенно другие основания, из которых главными были следующие: 1) каждый потомок Владимира Святого, как член господствующей фамилии, именовался князем и имел право на удел, т. е. на известную область; 2) удельный князь был полный, независимый властитель своего участка имел свою столицу, свою дружину, или войско, своих бояр, назначал епископа, строил города и крепости, издавал законы, производил суд и расправу, награждал и наказывал по произволу, восвал и мирился с кем хотел; 3) старшему в роду из князей удельных принадлежала честь именоваться великим, с правом мирить удельных князей в случае распрей, требовать от них войны с врагами внешними, вообще быть главою Руси; впрочем, он был самовластен только в своем участке, не вмешивался в управление уделами, не собирал с них ника-

ких налогов, даже обязан был давать отчет князьям удельным, которые считали себя не вассалами его, а равными ему государями, и только в общих делах, касавшихся всей Русской земли, должны были прибегать к нему как к общему посреднику; 4) достоинство княжеское было наследственно в мужском колене; сыновья делили между собою отцовскую власть и передавали свои участки своим детям; но престол великокняжеский принадлежал старшему в роду. Вследствие этого удельная система представляла союз многих княжеств, по праву независимых, самостоятельных, но крепко соединенных в одно целое верою, языком, господством одного дома Владимира Святого и убеждением в необходимости одной верховной власти. Ни бояре, ни духовенство, ни городские общины не имели прямого влияния на образование и падение удельной системы: она возникла из дележа Русской земли между многими фамилиями Рюрикова дома и, потрясенная монголами, пала под ударами князей московских и литовских.

При таком различии в основаниях сами междоусобия князей, по-видимому сходные с феодальными, отличаются от них и характером и последствиями. В западной Европе борьба королей с вассалами, споры угнетенного права с грозным своеволием влекли за собою самоуправство вельмож, бессилие закона, разрушение городов, кулачное право. Наши удельные брани, под пером летописцев, представляют беспрерывные споры, походы, битвы, но следствия были иными. Народ не томился в неволе, города не разрушались, нравы не грубели, ибо тут не было вопроса о стеснении княжеской власти. Дело шло только о праве князей на уделы. Они встречали соперников не в боярах, не в народе, не в духовенстве, а в равных себе князьях, в братьях единокровных, преследовали друг друга нередко с ожесточением, но щадили народ, высшие и низшие сословия, берегли их любовь и легко мирились между собою. Оттого удельный период ознаменован цветущим состоянием городов, успехами промышленности, смягчением нравов, могуществом русской силы в войнах с соседними народами. Удельная система принесла и прямую, существенную выгоду: после бурного волнения, более двух веков державшего нравственные силы народа в беспрерывном напряжении, везде, во всей Русской земле, укоренились одинаковые понятия желанья, надежды, и русский тип

так глубоко обозначился, что впоследствии ни время, ни обстоятельства не могли изгладить национального отпечатка.

Возникнув в одно время с утверждением власти норманнов в земле славянской, удельная система существовала в нашем отечестве до конца XVI века, с тем, однако, важным различием, что до середины XI века она обнаруживалась, так сказать, промежутками и уступала внешнему расширению норманнской стихии; с середины же XIII века была подавляема властью монголов, а с середины XV исчезала быстро перед грозным самодержавием; главную всеобщую пружину внутренней и внешней жизни русской она была около двух веков, от смерти Ярослава до покорения нашего отечества монголами. В эти два века внутренней борьбы на Руси развилось и созрело удельное право, дав начало и основание тем формам жизни общественной, в которых впоследствии возникла и образовалась, как стройное целое, с самобытным характером, Московская держава.

Отличительною чертою удельного периода в собственном смысле (1054 — 1238) было неоднократное образование и уничтожение семейного господства в одном роде: сначала оно возникло в доме Ярослава и рушилось при внуках его; потом возобновилось в роде Мономаха и рушилось при детях его; наконец, возникло во многих поколениях и исчезло пред властью государей московских и литовских. Образование и уничтожение семейного господства постоянно сопровождалось спорами старших поколений с младшими. Цель этих споров изменялась по мере развития удельных понятий: при детях и внуках Ярослава был спор за уделы; при детях и внуках Мономаха — за Киевский престол или за первенство; наконец, после *Юрия Долгорукого*³ обнаружилась распря между многими княжествами как независимыми государствами, в которых сверх того повторялась история Ярославичей и детей Владимировых. Таким образом, удельный период представляет четыре главных явления: 1) споры детей и внуков Ярослава за уделы; 2) возвышение дома Владимира Мономаха; 3) падение дома Владимира Мономаха и споры князей за первенство; 4) раздробление Руси на многие княжества независимые.

II. СПОРЫ ДЕТЕЙ И ВНУКОВ ЯРОСЛАВА I ЗА УДЕЛЫ (1054 — 1113)

Ярослав, руководствуясь современным ему понятием о праве собственности, на смертном одре, разделил Русскую землю между своими сыновьями¹ на пять уделов: старшему, *Изяславу*, дал княжества Киевское и Новгородское, *Святославу* Черниговское, *Всеволоду* Переяславское, *Вячеславу* Смоленское, *Игорю* Владимирское на Вольни*. Поручив обе столицы старшему сыну, Ярослав присвоил ему титул великого князя, с правом быть главою Руси, покровительствовать младшим братьям, мирить их в случае споров и защищать притесняемого.

Система господства, определенного Ярославом, имела три главных основания:

1) Право на удел только старших представителей княжеского дома и безудельность младших. К старшему колену принадлежали пять сыновей его; к младшему два внука, не включенные им в число удельных князей, родной *Ростислав* Владимирович и двоюродный *Вселав* Брячиславич Полоцкий.

2) Право удельных князей на пожизненную неотъемлемость предоставленного им участка без определения впрочем порядка престолонаследия.

3) Право великого князя или старшего в роде быть главою Руси, посредником, миротворцем, защитником князей удельных.

Установленная Ярославом система господства, основанная на праве власти только старших представителей княжеского дома, с одной стороны, поддерживала мысль о политическом единстве Руси, соединяя уделы в одно целое кровным родством князей, верою, внутренним убеждением в необходимости согласия для обороны от врагов внешних; с другой, заключала в себе неиссякаемые источники распрей и влекла за собою непрерывную цепь княжеских междоусобий. Главные источники несогласия были: 1) неопределенность отношений великого князя к удельным;

* К уделу Черниговскому принадлежали Чернигов, Тмутаракань (на полуострове Тамань), Рязань, Муром и страна ивичей; к Переяславскому Переяславль, Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье. Удел Владимирский простирался до Сана и Карпатских гор.

2) устранение младших поколений от уделов; 3) слабость первых преемников Ярослава.

По завещанию Ярослава, великий князь должен был быть главою Руси; но преемник его не мог требовать от своих братьев такой же покорности, какою они обязаны были отцу; они видели в старшем брате не столько государя, сколько равного себе владетеля; мысль о равенстве укоренилась глубже, чем мысль о подчиненности: уделы были неотъемлемы. Князья, пользуясь всеми правами независимости, не могли жить мирно друг с другом уже по одним спорам за границы; при воинском же духе норманском, при беспокойной деятельности эти споры были бесконечны, тем более, что дележ был неравен.

Первым поводом к распрям было устранение младших поколений от уделов. Ярослав, поручив Русскую землю только детям и не дав ничего внукам, хотел, кажется, установить законом, что младшее поколение не имеет права на удел, доколе старшее не угагло. По крайней мере, и он, и первые преемники его (Изяслав и Всеволод) следовали этому правилу, т. е. не давали участков младшим в роду потомкам Святого Владимира, хотя в то же время своим детям уделы назначали. Племянники и внуки считали себя обиженными и, по свойственному норманнам обыкновению, добывали области оружием.

В таких обстоятельствах князь Киевский мог удержать за собою первенство с правом повелевать своими братьями только при помощи особенного ума и твердой воли. К несчастью, на киевском престоле в течение 60 лет после смерти Ярослава являлись один за другим три слабых государя: Изяслав I, Всеволод I и Святополк II. Они малодушием своим постепенно унижали сан великого князя, между тем, как удельные владетели, Святослав Черниговский, Олег, Роман, Глеб Святославичи, Всеслав Полоцкий, Ростислав Владимирович, дети его Володарь и Василько, Владимир Мономах, отличались силою души, властолюбием, всеми свойствами норманской удали.

Князья властолюбивые или беспокойные легко находили средства к достижению своей цели, по крайней мере к войне продолжительной и упорной, среди половцев, народа дикого, не разбиравшего, кому принадлежало право на престол, готового по первому призыву явиться в Русскую землю, чтобы грабить ее. Орды половецкие, неизвестного

кочующего племени, приблизились от Каспийского моря к юго-восточным пределам Руси в последние годы княжения Ярослава, частью вытеснив, частью покорив остатки печенегов. Многочисленные вежи их покрывали все пространство от берегов Прута до самой Волги. Не зная земледелия, половцы занимались скотоводством, еще более добычею грабежа и неутомимо вторгались в соседние земли, особенно в южные области Руси, открытые для их набегов. К ним-то обыкновенно обращались князья, теснимые соперниками, и всегда находили толпы грабителей; более всех искали их помощи князья черниговские.

Междоусобия начались враждою старших поколений с младшими, Ярославичей с племянниками, Ростиславом Владимировичем и Всеславом Брячиславичем. Ростислав, обделенный делом, жил праздно в Новгороде, где при Ярославе княжил отец его Владимир. Подстрекаемый воинственным духом, он собрал смелую дружину из новгородцев, напал на Тмутаракань, область Черниговского князя Святослава, овладел ею и выгнал оттуда Глеба Святославича. Это междоусобие вскоре прекратилось со смертью Ростислава, отравленного греками, которые опасались честолюбивых замыслов его на Тавриду (Крым).

Гораздо долее беспокоил Ярославичей Всеслав Полоцкий, обделенный, подобно Ростиславу, при разделе Русской земли. Он не хотел уступить им Полоцк, где княжили дед его Изяслав, старший сын Владимира Святого, и отец, Брячислав, соперник Ярославов, даже думал овладеть Новгородом: напал на него неожиданно и ограбил Софийскую церковь. Ярославичи спешили смирить его, вступили в область Полоцкую, взяли Минск, разбили самого Всеслава и, заманив к себе под предлогом переговоров, вероломно заключили в Киеве в темницу. Управившись с сыном Брячиславовым, они спешили отразить половцев, опустошавших область Киевскую, но сами были разбиты ими на берегах Альты и едва спаслись бегством. Изяслав и Всеволод укрылись в Киеве, Святослав в Чернигове. Киевляне, увидев бегущего князя, взволновались и требовали оружия, чтобы снова идти в битву. Изяслав не хотел вести их: вспыхнул мятеж, которого он не смог усмирить. Народ освободил Всеслава и провозгласил его великим князем. Изяслав бежал в Польшу, к двоюродному брату своему, королю Болеславу II,

сыну Марии Владимировны, взял у него войско и при помощи поляков снова овладел престолом. Всеслав успел скрыться в Полоцке. Тишина водворилась, но на краткое время.

Во время княжения Всеслава в Киеве Святослав Черниговский занял Новгород и не только не хотел уступить его Изяславу, возвратившемуся из Польши, но и самый Киев решил отнять у старшего брата, недостойного быть главою Руси. С князем Черниговским соединился Всеволод Переяславский. Изяслав вторично бежал из отечества, более четырех лет скитался на чужбине, искал покровительства у Болеслава II, у Генриха IV, императора немецкого, у самого папы Григория VII, который воспользовался этим случаем, чтобы причислить Русь к папским владениям. Болеслав не хотел вступить за князя Киевского, император же и папа убеждали Святослава примириться с ним. Но слабые старания их оставались бесплодными до самой смерти князя Черниговского. Тогда Всеволод, невольный участник ссоры, примирился со старшим братом и возвратил ему киевский престол.

Еще прежде Святослава умерли Игорь и Вячеслав, князья Владимирский и Смоленский. Из Ярославичей остались только двое: Изяслав и Всеволод. Они разделили между собою землю Русскую на две половины, хотели изгнать Всеслава из Полоцка, не дали уделов племянникам, Борису Вячеславичу, Олегу и Роману Святославичам, Давиду Игоревичу, назначили только участки своим детям. Этот дележ произвел новое междоусобие: племянники искали уделов вооруженною рукою. Всеслав не думал уступить Полоцк, отбил от Всеволода и сына его Владимира Мономаха. Олег же Святославич, в союзе с Борисом Вячеславичем, призвал на помощь половцев, выгнал Всеволода из Чернигова, сразился с Изяславом, помогавшим брату, проиграл битву и бежал в Тмуторакань. Но эта битва стоила жизни великому князю и Борису.

Главою Руси, более именем и правом, нежели самим делом, остался один Ярославич — Всеволод: он занял престол великокняжеский и утвердил детей Изяславовых в отведенных им уделах, а сыну своему Владимиру отдал Чернигов, продолжал начатое предшественником его усмирение строптивых племянников. Но не ему было управиться

с князем Полоцким и Святославичами: первый воевал с ним неутомимо, опустошая Смоленскую область, Святославичи приходили с половцами из Тмуторакани, даже Изяславичи, благодетельствованные дядею, были недовольны своими уделами, требовали новых и вооружались на Всеволода. Народ между тем роптал на слабость государя, не умевшего унять тиунов и наместников половцы вторгались непрестанно, и только меч Мономахов мог обуздать врагов внутренних и внешних.

Смерть последнего Ярославича, Всеволода, развязала руки князьям второго колена Ярославова, внукам его. Они приступили к дележу земли Русской, предоставив титул великого князя старшему в роду, Святополку Изяславичу, князю малодушному и вероломному. Этот дележ в самом начале рассорил всех князей: каждый из них хотел увеличить свой удел. Святополк, вместо примирения двоюродных братьев, коварными действиями ссорил их друг с другом и с самим собою. Четыре года враждовали князья, изгоняли один другого и равнодушно смотрели на частые вторжения половцев, опустошавших южные области Руси. Владимир Мономах, сокрушаясь о бедствиях отечества и готовясь нанести лютым врагам удар решительный, пригласил князей на *съезд в Любеч*⁵, где с общего согласия разделили Русь, приняв в основание правило, что детям принадлежит удел отцовский. Святополку Изяславичу отдали Киев как столицу великокняжескую и Туров как отчину; Владимиру Мономаху, кроме наследственной области Переяславской, Смоленск; Святославичам: Олегу — Чернигов, Давиду — Рязань, Ярославу — Муром; Давиду Игоревичу — Владимир Волынский; сверх того утвердили за племянниками, Мстиславом, сыном Мономаха, Новгород, за Ростиславичами Володарем и Васильком Перемышль и Теребовль. Всеслав Полоцкий не участвовал в княжеском съезде и удержал за собою Полоцк. Князья клялись жить мирно, решать споры общим согласием и обязались крестным целованием защищать друг друга от всякого притеснителя.

Договор в Любече положил прочное основание самостоятельности князей удельных, предоставив наследственное право поколениям на отцовские участки и власть судить самого великого князя в случае его несправедливо-

сти. Но тишина не могла быть долговременною; в дележе заключались семена распрей. Мономах, присвоив Новгород и Смоленск, вооружал против себя роды Изяслава, Вячеслава, Святослава, и только страхом своего имени мог обуздывать их, накликаая грозу на детей и внуков. Давид Игоревич, со своей стороны, завидовал Ростиславичам за отделение им лучшей части отцовского удела, а великий князь, лишенный даже права посредничества, думал сам о присвоении Червенской области, где господствовали Володарь и Василько. Вражда вскоре обнаружилась злодейством, дотоле неслыханным, ослеплением Василька Ростиславича Теробовльского в Киеве, по приказанию вероломного Святополка вследствие наущений Давида Игоревича. Этот поступок вооружил всех князей удельных на Святополка. Предводимые Мономахом и Олегом, они подступили к Киеву с войском и грозно требовали ответа от великого князя, для чего он не хотел судиться *судом княжеским*, если Василько был виновен. Святополк сложил всю вину на Давида и обязался наказать его, но, вступив в Волынь, обратил оружие на Ростиславичей. Разбитый ими наголову, призвал на помощь князя венгерского Коломана, который с великими силами вступил в Червенскую область. Давид, между тем примирившись с Ростиславичами, призвал половцев под начальством храброго Боняка, ограбившего за несколько лет перед тем самый Киев, и мужественный Володарь, подкрепленный им, снова поразил Святополка и Коломана близ Перемышля. Венгры были изгнаны, но кровавая брань запылала в юго-западной Руси между Святополком, Давидом и Ростиславичами. В то же время половцы опустошали края юго-восточные. Мономах снова успел созвать князей на съезд близ Киева, чтобы примирить ослепленных родственников, и снова успел. Давид, лишенный общим приговором двоюродных братьев, Владимира Волынского, отданного сыну Святополкову Ярославу, смирился и должен был довольствоваться одним Бужском на Волыни. Прочие князья остались при своих уделах. Вскоре водворилась всеобщая тишина внутренняя.

Примирение князей было следствием не столько искреннего желанья мира, сколько внешней опасности отечества, громимого половцами. Пользуясь раздорами нашими, они неумоимо опустошали Русь во все время княжения Свято-

полка, разрушили многие города, построенные Владимиром и Ярославом I на берегах Роси, Сулы, Десны, врывались в самый Киев. Напрасно думал Святополк родственным союзом прекратить их набеги и женился на дочери хана Половецкого Тугоркана: дружба одного хана не мешала другим тревожить Русь. Князья нередко соединяли свои силы, чтобы наказать варваров, но, действуя несогласно, только губили свои рати и внушали врагам новую дерзость. Один Мономах умел с ними управляться: уже при отце своем Всеволоде он славился счастливыми походами в землю Половецкую. При Святополке же, господствуя в области Переяславской, более других подверженной набегам грабителей, был грозным бичом их и стражем отечества: полонив в разное время более ста лучших ханов, он выпустил их из неволи, а более двухсот казнил и потопил. Частные успехи его не могли, однако, даровать государству желаемой безопасности, силы половцев с каждым годом возрастали и грозили новыми бедствиями. На последнем съезде Мономах убедил всех князей, даже полоцкого Давида Всеславича, соединить свои силы, чтобы дружным ударом избавить Русь от лютых злодеев, и повел союзные полки за Дон, в середину земли половецкой, куда, кроме древнего Святослава, ни один русский князь не дерзал углубляться. Враги сдвинули свои вежи и окружили его воинство со всех сторон на берегах Сала*. Но решительная победа русских, сокрушив главные силы половцев, надолго обуздали их и, что всего важнее, доставила Мономаху верховное господство над Русью.

III. ВОЗВЫШЕНИЕ ДОМА ВЛАДИМИРА МОНОМАХА (1113 — 1132)

В продолжение 30 лет, во все время правления Всеволода и Святополка, будучи посредником в княжеских распрях, общим миротворцем, стражем отечества от лютых половцев, Мономах возвышался над всеми современными князьями дальновидной политикой, твердостью, мужеством, народ привык видеть в нем главу Руси. Последние же победы над половцами озарили его такою славою, что имя его, по сказанию летописцев, гремело на востоке и западе,

* Сал впадает в Дон с левой стороны, в земле донских казаков.

и киевляне, после смерти Святополка, не хотели никого видеть на великокняжеском престоле, кроме Мономаха. Достоинство великого князя по праву принадлежало князьям черниговским, отец которых, Святослав Ярославич, был старше Мономахова Всеволода. Но Святославиичи, при всеобщем желании народа, при могуществе Мономаха, не смели спорить с ним о праве на Киев и вместе с другими признали его главою Руси.

Присвоение Мономахом великокняжеской власти мимо старших братьев произвело важную перемену в удельной системе, бывшую следствием его политики. При светлом взгляде на современные события он легко видел, что междоусобия, раздиравшие Русь при Всеволоде и Святополке, должны будут кончиться раздроблением отечества на части самостоятельные и уничтожить мысль о единстве Русской земли. Для устранения этого бедствия, для внутренней тишины, для целостности государственной он считал необходимым восстановить введенную Ярославом I систему господства в одном роде, с правом старшего быть главою, и старался присвоить власть над Русью своему дому. Этой цели он достиг наполовину, еще будучи удельным князем, когда смуты родственников и слабость Святополка позволили ему присоединить к отчине своей, к Переяславлю, Новгород, Смоленск, частью Чернигов. Осталось утвердить за собою Киев, владетель которого мог еще быть главою Руси. Обстоятельства благоприятствовали: сильнейших соперников уже не было в живых, ни Всеслава Полоцкого, ни Олега Черниговского, ни Володаря Перемышльского, все они умерли прежде Мономаха*. Дети их наследовали отцовские уделы, но владели ими до тех только пор, пока исполняли волю великого князя. Непокорные были укрощаемы решительными мерами и теряли свои области, которые переходили в род Мономахов. Эта участь постигла сперва сына Всеславова Глеба, князя Минского, потом сына Святополка Ярослава, князя Владимирского. Первый за непокорность взят был в плен и умер в киевской темнице, второй, также раздраживший Мономаха, тщетно искал помощи венгров и поляков, сам потерял жизнь в борьбе неравной, иноземцы были изгнаны, удел его отдан одному из сыновей Владимира, Андрею.

* Всеслав в 1101, Олег в 1115, Володарь в 1121.

Новгородцы, со своей стороны, испытали строгость великого князя: он смирил их строптивость заточением знатнейших граждан и дал им в посадники киевского вельможу.

Следуя постоянно системе фамильного господства в своем роде, Владимир утвердил большую часть Руси за своими детьми и внуками — Киев, Новгород, Смоленск, Суздаль, Переяславль, Владимир Волынский. Оставались неподвластными его дому только княжества Черниговское, Полоцкое и Червенское, где господствовали потомки других поколений — Святослава, Всеслава и Ростислава, не смея, однако, раздражать великого князя неповиновением. Власть его не уступала Ярославовой. Скрепив Русь внутри, сосредоточив все силы ее в своей державной деснице, он в то же время старался оградить ее извне: Мстислав смирил мятежную чужд, Всеволод Мстиславич Новгородский, внук Мономахов, совершил поход в Финляндию, Юрий Суздальский в Камскую Болгарию, Ярополк Переяславский в землю половецкую. Они везде одолевали врагов, и Русь по-прежнему стала грозною для соседей. Между тем сам Мономах объезжал свои области, строил города (Владимир на Клязьме), воздвигал каменные стены (в Новгороде и Ладоге), созидал церкви, наводил мосты (через Днепр), издавал законы (о ростах, или процентах).

Хитрой политикой, громкими победами, истинными заслугами успев присвоить себе большую часть Руси и установив наследство великокняжеской власти в своем роде, подобно Ярославу, Мономах передал приобретенное им право своим детям, возложив на них трудную обязанность утвердить новый порядок вещей. Первый преемник, старший сын его *Мстислав*⁶ с искусством и успехом следовал политике отцовской, имевшей целью возратить великому князю прежнюю силу, верховное первенство и утвердить его достоинство за одним родом со всею Русью. Для достижения этой цели Мстислав держал удельных князей, своих братьев и племянников, в повиновении беспрекословном, требуя строго, чтобы каждый из них довольствовался своею областью. Князей же другого племени, Святославичей, Всеславичей, Ростиславичей, обуздывал мерами решительными, хотел быть миротворцем их и не давал пощады непокорным. Самым разительным доказательством его силы и очевидного стремления к фамильному господству бы-

до изгнание князей полоцких. Как потомки старшего сына Владимира Святого Изяслава, унаследовав от праматери своей Рогнеды непримиримую ненависть к Ярославичам, они хотели быть независимы, искали всегда случая вредить им и не щадили отечества. Всеслав около 57 лет неутомимо враждовал с Изяславом, Всеволодом, Святополком и был опаснее даже врагов иноземных. Мономах приготовил падение этого враждебного дома, успев обуздать князя Минского. Мстислав сделал более: соединил под свои знамена всех князей, исключая одних Ростиславичей, и послал их в землю полоцкую брать города, полонить князей. Успех был совершенный: все князья полоцкие, три сына и два внука Всеслава*, с женами и детьми, отвезены в Константинополь. Княжества Полоцкое и Минское отданы Изяславу Мстиславичу.

Завоеванием Полоцкой области Мстислав довершил планы Мономаха: сам грозно и твердо как глава и миротворец господствовал в Киеве и Смоленске, братья его княжили: Ярополк в Переяславле, Вячеслав в Турове, Андрей в Владимире, Юрий Долгорукий в Суздале; дети: Всеволод в Новгороде, Изяслав в Полоцке и Минске. Оставались только два удела не в роде Мономаховом — Черниговский, где княжил Всеволод Ольгович в споре с дядею и двоюродными братьями, и Червенский, где господствовали также несогласные потомки Володаря и Василька. Эти уделы, стесняемые со всех сторон детьми Мономаха, должны были исчезнуть сами собою от собственных раздоров; надо было только предупредить распри в самом доме Мономаха. Мстислав видел опасность и старался устранить ее, назначив престол, по смерти брата своего Ярополка, сыну своему Всеволоду, уже господствовавшему в Новгороде. Этой мерой устанавливался порядок престолонаследия по нисходящей линии. Но вопреки дальновидным расчетам и планам Мстислава, междоусобия после смерти его запылали с большею яростью, чем прежде, распри князей из споров дядей с племянниками обратились в злобу родовую, во вражду поколений, стремление частей к самобытности стало неодолимо.

* Давид, Ростислав и Святослав Всеволодовичи, Василько и Иоанн Рогволодовичи.

IV. СПОРЫ КНЯЗЕЙ ЗА ПЕРВЕНСТВО (1132—1157)

Утверждая власть над Русью в своем роде, Мономах надеялся, подобно Ярославу, что при господстве одной фамилии кровное родство князей будет вернейшим залогом целостности государственной и тишины внутренней. И тот и другой равно обманулись: источники распрей остались те же, в истории потомков Мономаха повторилась история Ярославичей, дети его, исключая Мстислава, были малодушны, слабы или вероломны, а внуки его отличались мужеством, смелостью, всеми свойствами витязей норманских. Вражда за дележ между дядями и племянниками была неизбежна.

Сверх того, присвоение младшим родом первенства и большей части Руси, уничтожив мысль о законности старейшинства, определявшего порядок наследства великокняжеской власти, открыло обширное поприще властолюбия князей беспокойных, в самом роде Мономаховом, и дало им смелость идти по следам его. Тем более не думали отказываться от своего права старшие потомки Ярославы, князья черниговские, поскольку киевский престол после Мстислава был приобретением завидным.

Вследствие сего возобновленная Мономахом Ярославова система рушилась: 1) от междоусобия детей и внуков его, от вражды дядей с племянниками; 2) от стремления к первенству князей черниговских, увлекших за собою и другие поколения.

Междоусобия в роде Мономаховом обнаружились немедленно по вступлении на престол киевский слабого Ярополка Владимировича. Мстислав, передавая ему великокняжеское достоинство, обязал его договором уступить в удел сыну своему Всеволоду, князю Новгородскому, Переяславль, отчину Мономахову, с которой соединялась уже мысль о праве на престол киевский. Ярополк хотел исполнить договор, но брат его Юрий, властолюбивый князь Суздальский, сам помышляя о Киеве, выгнал Всеволода из Переяславля. Ярополк, не умев поддержать своих распоряжений решительными мерами и в то же время проникая в замыслы Юрия, отдал Переяславль брату своему Вячеславу, который согласился взамен уступить свой удельный город Туров племяннику, Изяславу Мстиславичу, но вскоре

раздумал, вероятно, устрешенный опасным соседством половцев, и возвратился в Туров. Переяславлем снова завладел Юрий, а Изяслав, оставшись без удела, обратился к брату, Новгородскому князю Всеволоду. Оба Мстиславича соединились с князьями черниговскими, Ольговичами, и пошли на дядей: Всеволод с новгородцами на Юрия, Изяслав с Ольговичами, призвавшими половцев, на Ярополка. Первый проиграл битву на Ждановой горе и был за то изгнан новгородцами, удалился во Псков, где и умер, а второй, опустошив область Переяславскую, примирился с Ярополком и получил от него Владимир Волынский. Переяславль отдан был Андрею Владимировичу.

Князья черниговские искусно вмешались в эту вражду, чтобы разделить силы дома Мономаха и ослабить их раздором, присвоить первенство, принадлежавшее им по праву. Они начали с Новгорода, воспользовавшись своеволием народа, и утвердили там власть свою. Но избранный новгородцами Святослав Ольгович не умел угодить буйной черни, был изгнан и попался в руки соперников. Брат его Всеволод, призвав половцев, опустошил южные области Руси. Тогда все дети и внуки Мономаха соединились дружным союзом и подступили к Чернигову; Всеволод смирился и, чтобы отклонить грозу, заключил договор, ожидая первого случая рассорить Мономахово племя и овладеть киевским престолом. Этот случай вскоре представился. Ярополк умер, место его спешил занять Вячеслав Владимирович. Зная малодушие и беспечность нового великого князя, князь Черниговский быстро подступил к Киеву и выгнал Вячеслава.

Все потомки Мономаха вооружились на Ольговича, привыкнув считать Киев собственностью своего рода. Всеволод спешил предупредить грозу и, послав воевод против Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича, сам пошел на Андрея Переяславского в намерении отнять удел его для брата как будущего преемника своего. Дети Мономаха мужественною обороною удержали за собою свои уделы, но, не успев соединиться, принуждены были заключить мир и оставить Всеволода спокойным обладателем Киева. Мстиславичи даже подружились с ним, в надежде получить после него киевский престол, как он обещал им. Всеволоду оставалось смирить только двух князей, постоянно враждовавших с ним: Юрия Суздальского и Влади-

мира Галицкого. Юрий, младший сын Мономаха, будучи властолюбивее и коварнее старших братьев, давно уже готовил себе киевский престол, не спускал взора с Переяславля и всеми мерами старался утвердить свое влияние в Новгороде. Подстрекаемые его проiscaми, буйные новгородцы изгнали братьев и сыновей великого князя. При всем том не могли поладить с Юрием и предавались всем неистовствам необузданной свободы. Сын же знаменитого Володаря Перемышльского Владимирко, не менее честолюбивый, еще более хитрый и далеко превосходивший Юрия мужеством, бич поляков и венгров, основав свою столицу в Галиче на Днестре, прибирал к своим рукам уделы братьев, вмешивался в раздоры князей северной Руси, искал случая увеличить свою область и простирали свои замыслы на Владимир Волынский, где господствовал сын великого князя. Всеволод убедил своих братьев и дом Мономаха предпринять поход на Галич. Окруженный со всех сторон неприятельским войском, хитрый Владимирко склонил на свою сторону брата Всеволода Игоря обещанием содействовать ему к восшествию на киевский престол и заключил мир. Вскоре нарушил его изгнанием племянника Иоанна Берладника, покровительствуемого Всеволодом, снова вооружил против себя всех русских князей и снова избегнул мщенья мужественною обороною Звенигорода воеводою Иваном Халдеевичем. Между тем Всеволод скончался, назначив преемником себе брата своего Игоря.

Киевляне, раздражаемые неправосудием и грабительством тиунов Всеволода, требовали, чтобы Игорь удалил их и, получив обещание, согласились признать его государем, но, не видя исполнения данного им слова, предложили престол *Изяславу Мстиславичу*⁷, внуку Мономаха, напоминавшему своего деда мужеством, благочестием, приветливостью, столь же хитрому и честолюбивому. Он прибыл с войском из Переяславля и с радостью был провозглашен великим князем, Игоря же народ заключил в темницу.

Овладев Киевом, Изяслав накликал на себя врагов со всех сторон. Князья черниговские должны были вооружиться за право родственника и за право старейших. Сыновья Мономаховы тем более не могли простить дерзкому

племяннику, что Вячеслав уже был великим князем, а Юрий давно искал своего достоинства и питал личную вражду к Изяславу. Владимирку Галицкому, для вернейшего успеха его замыслов, хотелось видеть в Киеве не мужественного Мстиславича, а слабого Игоря. Престол его окружен был отовсюду опасностями, как скала, подмываемая бурным морем. Он устоял на своем, одолел врагов искусною политикою, геройским мужеством и умер великим князем, но под громом браней междоусобных, низринувших престол великого князя Киевского и разорвавших Русь на части.

Прежде всех вооружился Святослав Ольгович для освобождения брата своего Игоря, вслед за ним Юрий Суздальский. Великий князь, действуя быстро и решительно, отражал их набеги и опустошал их собственные области тем успешнее, что князья черниговские, двоюродные братья Святославовы, Изяслав и Владимир Давидовичи, держали его сторону. Вскоре, однако, союзники коварно его оставили, соединившись с врагами. Вероломство их озлобило киевлян, любивших Изяслава: раздраженная чернь умертвила Игоря, уже схимника. Смерть его воспламенила войну всеобщую. Соперники дрались с ожесточением. К счастью Изяслава, Юрий своею медленностью и коварною политикою раздражал союзников, даже собственных детей, между тем как сын Мстислава умел заслужить уважение самих врагов. Князья черниговские предложили мир, дали клятву блюсти Русскую землю заодно с Изяславом и вооружились на Юрия за покушение его овладеть Новгородом.

Святослав Ольгович не мог, однако, забыть смерть брата и, считая великого князя убийцею его, соединился с князем Суздальским, который осадил Переяславль. Под стенами этого города сразились соперники. Осторожный Юрий, пользуясь опрометчивостью племянника, разбил его наголову, овладел Переяславлем, вскоре самим Киевом и распределил уделы. Изгнанный Изяслав, укрывшись в Владимир Волынский, нашел союзников в королях польском, венгерском и богемском, которые привели ему свои войска. Но Юрий умел склонить иноземцев к удалению из Руси, заключил тесную дружбу с Владимирком Галицким и после успешных действий в Волыни, прославивших мужественного сына его Андрея, принудил племянника сми-

риться. Изяслав сложил с себя достоинство великого князя, которое, с общего согласия, предоставили старшему дяде его, Вячеславу, и удовольствовался Владимирскою областью с данями новгородскими.

Юрий не исполнил договора, удержав Киев за собою. Вражда запылала снова, Изяслав быстро пошел на него, выгнал его из столицы, удалил и другого дядю Вячеслава; но в свою очередь разбитый союзником Юрьевым, князем Галицким, удалился в область Владимирскую с твердым намерением победить дядю или умереть. Оставленный всеми князьями русскими, он заключил союз с королем венгерским Гейзою, получил от него 10000 воинов, воинскою хитростью обманул Владимирка, заслонявшего ему дорогу к Киеву, и так быстро подступил к столице, что Юрий едва успел спастись бегством. Киевляне приняли его с восторгом и снова провозгласили великим князем. Для лучшего успеха он умел заслужить любовь добродушного Вячеслава, который охотно согласился разделить с ним престол и признал его сыном своим. Венгры возвратились восвояси. Юрий между тем собрал войско, напряг все силы свои, призвал Ольговичей, половцев и осадил Киев. Вячеслав убеждал Юрия забыть вражду и прекратить кровопролитие, говоря, что Изяслав объявил его своим отцом и государем. Князь Суздальский соглашался признать старшего брата государем, но требовал, чтобы племянники, Изяслав и брат его Ростислав, князь Смоленский, удалились из Киева. Вячеслав не хотел расстаться с ними, тогда решили дело битвою, под стенами Киева, упорною и кровопролитною. Невзирая на мужество сына своего Андрея Юрий был разбит наголову и бежал в Переяславль. Изгнанный и отсюда, ушел в Городню и ждал благоприятнейших обстоятельств от союзника своего Владимирка.

Но Изяслав, умея побеждать, умел и пользоваться победою. Он снова призвал на помощь верного союзника своего короля Гейзу и вместе с ним поразил Владимирка на берегах Сана. Князь Галицкий едва успел укрыться в Перемышле, притворился тяжело раненным и молил союзников о пощаде. Изяслав, зная характер его, хотел довершить месть. Но Гейза, спеша отразить от своих пределов императора Мануила, вступившегося за друга своего, князя Галицкого, склонил союзников к миру и обязал общего врага клятвою навсегда остаться другом Изяславу. Владимирко,

по удалении Гейзы, не думал исполнить договор и снова замышлял поход на Изяслава, услышав, что Юрий опять вооружился. Неожиданная смерть прекратила его замысел. Сын его Ярослав ласкал великого князя, но также следовал политике отцовской, новая всеобщая война грозила отечеству. Изяслав не успел примирить своих врагов и умер, оплакиваемый, как отец, своими подданными.

Вячеслав, пережив племянника, которого он любил как сына, призвал на престол великокняжеский другого Мстиславича, Ростислава, князя Смоленского. Но ни князья черниговские, ни Юрий не хотели признать его государем и сами искали Киева. Изяслав Давидович выгнал Ростислава, а Юрий вытеснил Изяслава и сел на киевском престоле. Он достиг, наконец, своей цели уже в старости, и хотя по смерти Вячеслава имел более других право на первенство, ни князья, ни подданные не любили его. Впрочем, непрерывные междоусобия так всех утомили, что с восшествием Юрия на престол водворилась тишина в Руси, только не долговременная. Мстислав Изяславич, сын главного врага Юрьева, не хотел признать его великим князем и действовал в Волыни как неприятель. Князья черниговские соединились с ним тесным союзом, к которому пристали и другие князья. Всеобщее междоусобие готово было вспыхнуть, смерть Юрия предупредила его. Настал новый порядок вещей.

V. РАЗДРОБЛЕНИЕ РУСИ НА НЕЗАВИСИМЫЕ КНЯЖЕСТВА (1157—1238)

Смертью Юрия Долгорукого рушилась установленная Мономахом система соединения русских княжеств в одно целое властью великого князя Киевского. Доселе, в продолжение 100 лет, невзирая на явное стремление удельных владетелей к самостоятельности, не могла исчезнуть мысль о первенстве князя Киевского, о зависимости от него удельных. На престол его смотрели как на опору верховной власти, и каждый князь, успевавший утвердиться в Киеве, даже без законного права, далеко превосходил всех других силою и мало-помалу приучал их к повиновению: так господствовали Всеволод Ольгович, Изяслав Мстиславич, сам Юрий Долгорукий, воссевший уже на развалинах, ненавидимый родственникам и народу. Он был последним.

Понятие о праве поколений на власть наследственную, на самостоятельность неограниченную достигло полного развития, уничтожило понятие о первенстве киевского владетеля, разорвало союз частей и раздробило Русь в роде Владимира Святого на множество княжеств независимых, из которых каждое представляло мир отдельный, принадлежало исключительно одной фамилии и дробилось в отраслях ее на новые княжества. Здесь везде повторялась история прежней Руси, только в меньшем объеме, ограничиваясь отраслями одного рода: те же междоусобия дядей с племянниками, то же стремление к первенству одних фамилий, противодействие других. При внутреннем волнении княжества еще сталкивались друг с другом за право владения Киевом или Новгородом, переходившими из одного рода в другой, и это столкновение было поводом к новым распрям.

Решительное стремление к отдельной самостоятельности обнаружилось вскоре после смерти Мстислава Великого во всех потомках Владимира Святого. Многие роды угасли, не достигнув этой цели, другие же, пользуясь слабостью преемников Мстислава, в особенности враждою Ольговичей с детьми и внуками Мономаха, утвердили наследственную власть в приобретенных ими уделах и передали ее своим потомкам. Четыре главные отрасли, разделившиеся в конце XII и в начале XIII столетия на многие ветви, господствовали в Русской земле от смерти Юрия до нашествия монголов: 1) в роде Всеслава Полоцкого; 2) Володаря Перемышльского; 3) Святослава Черниговского и 4) Владимира Мономаха.

Род Всеслава Полоцкого был старшею отраслью Владимира Святого. Он господствовал до Мстислава Великого в Полоцке, Друцке, Минске, Логожске, Лукомле и других городах земли Кривской, разделяясь на два главных дома, князей полоцких и минских. Ранее всех других потомков Владимира Святого хотел быть независимым и, не признавая первенства великого князя Киевского, постоянно враждовал с домом Ярослава Мудрого. Потрясенный Владимиром Мономахом, изгнанный в Грецию Мстиславом I, род Всеслава успел снова утвердиться в наследственной области при слабом Ярополке и с тех пор господствовал в ней независимо до начала XIV века. Внутренние междоусобия свирепствовали здесь с таким же ожесточе-

нием, по тем же причинам, как и в других княжествах русских. В непримиримой вражде князя прибегали к чужой помощи и давали повод утвердить над собою влияние князьям суздальским, еще более черниговским, наконец, до того себя ослабили, что не имели средств отразить стремление литовских завоевателей и подпали под их власть.

Род Володаря Перемышльського ранее всех других поколений Ярославов обнаружил стремление к самостоятельности. Он господствовал более 60 лет, до конца XII века, независимо от великого князя Киевского в юго-западной Руси. Здесь, на берегах Днестра, сын Володаря Ростиславича, Владимирко, построил город Галич и положил основание могущественному княжеству *Галицкому*, между Карпатами и обоими Бугами, присоединив к нему уделы братьев и племянников, Перемышль, Теробовль, Звенигород. Не довольствуясь богатою областью, он старался овладеть Волынью и теснил тамошних князей, зависевших от великого князя Киевского. Властолюбие и вероломство его вооружало неоднократно всех почти князей русских на Галич. Всеволод Ольгович и Изяслав Мстиславич несколько раз приходили туда с союзниками и многочисленным войском. Князь Галицкий спасал свой престол частью мужеством, частью помощью венгров и поляков, а более всего распрями своих неприятелей. Для вернейшего успеха в своих властолюбивых замыслах он искусно вмешивался в раздоры потомков Мономаха и в родовую вражду их с Ольговичами, был непримиримым врагом Изяславу Мстиславичу и постоянным другом Юрию Долгорукому, которому более всех других союзников содействовал в изгнании Изяслава из Киева. Преемник его Ярослав Владимирович следовал иной политике, не искал бесполезных завоеваний, любил мир, покровительствовал промышленности, заслужил уважение не только русских князей, чтивших в нем государя мудрого, сильного, но и чужеземных венценосцев. Греческий император Мануил искал его дружбы, греческий царевич Андроник покровительствовал ему, соседние же короли венгерский и польский трепетали перед его могуществом. Плодом мудрой политики Ярослава, названного современниками Осмомыслом, было цветущее состояние Галицкого княжества, богатство жителей, обширная торговля и очевидное смягчение нра-

вов народных. Смертью недостойного преемника его Владимира пресекался знаменитый дом Володаря Перемышльского. Галич после многих волнений перешел в род Романа Мстиславича, князя Волынского.

Род Святослава Черниговского в потомстве двух сыновей его, Олега и Ярослава, разделился на четыре главных отрасли: князей черниговских, северских, рязанских и пронских.

1. Дом Олега, в роде старшего сына его *Всеволода Ольговича*, утвердил господство в княжестве Черниговском, в роде младшего сына Святослава в княжестве Северском.

а) Князья *черниговские* сосредоточивали вокруг себя политику средней Руси: вели беспрестанные войны или заключали союзы с князьями смоленскими, волынскими, галицкими и суздальскими; хотели иметь влияние на Киев, Полоцк, Новгород и нередко достигали своей цели. Присвоение Киева, в особенности Новгорода, вовлекало их в раздоры с владетелями суздальскими, которые со времен Юрия Долгорукого искали первенства над всеми князьями и на этом основании хотели властвовать в Новгороде, составлявшем искони удел великого князя. Все потомки Всеволода Ольговича отличались неутомимою деятельностью, воинственным духом и беспокойным нравом. Славнейший из них был сын Всеволода Святослав: умом и оружием он утвердил господство своего дома в Чернигове (которым овладел было младший род Святослава Ярославича в поколении Давида, под влиянием князя Суздальского, Андрея Боголюбского), искусно ссорил потомков Мономаховых и, с успехом пользуясь их распрями, господствовал в Киеве, Смоленске, Новгороде и Полоцке. Внук его Михаил Всеволодович был свидетелем нашествия Батыева и жертвою своей великодушной твердости.

б) Князья *северские*, потомки большею частью Святослава Ольговича, господствовали в Новгороде Северском, Путивле, Брянске, Трубчевске, Курске и других городах на левой стороне Днепра. Разделяясь на многие отрасли, они устремляли воинственную деятельность свою преимущественно на южных соседей, половцев, и нередко предпринимали отважные походы в землю Половецкую. Из них более всех прославились мужеством ратным два брата, дети Святослава Ольговича, Игорь Северский и Всеволод

Трубчевский, смелый подвиг их описан в Слове о полку Игореве.

II. Дом *Ярослава Святославича Рязанского*, разделенный в роде двух сыновей его Ростислава и Святослава на два поколения, господствовал в *Рязани* и *Муроме*: в начале XIII столетия отрасль князей рязанских утвердилась в *Пронске*, в поколении внука Ростиславова Всеволода Глебовича. Потомки Ярослава Рязанского вели междоусобные войны и дали повод Андрею Боголюбскому подчинить себя его власти, зависимость их от Суздаля еще более утвердилась при Всеволоде Юрьевиче. Но слабый Георгий Всеволодович допустил им возвратить прежнюю самостоятельность.

Род *Владимира Мономаха* в поколении двух сыновей его Мстислава и Юрия, разделившись на многие ветви, утвердил наследственную власть в большей части древней Руси. Старшее поколение Мономахово господствовало в княжествах *Волынском*, *Галицком*, *Смоленском* и *Ярославском*, младшее в *Суздальском*.

I. В *Волынском* княжестве, во *Владимире*, *Луцке* и других городах с середины XII века утвердилось старшее поколение Мстислава I, в роде сына его *Изяслава Мстиславича*. Знаменитейшим из князей этого дома был внук *Изяслав Роман Мстиславич*, который в 1198 году, после смерти *Владимира*, последнего потомка *Володарева*, овладел, при помощи поляков, *Галичем*, прославился редким мужеством и неслыханным тиранством в новом государстве своем: без пощады истреблял вельмож, вымышлял муки и плавал в крови подданных; в то же время был грозою для всех соседей, располагал в *Киевом*, громил *Польшу*, обуздывал *Литву*, *ятвягов* и величался именем самодержца всея Руси. Сын его *Даниил* еще более прославился мужественною борьбою с монголами и упрочил наследственную власть своего дома в княжестве *Галицком*, где потомки его господствовали до соединения *Галиции* с *Польшею* в XIV столетии.

II. В *Смоленском* княжестве утвердилась другая отрасль Мстислава Великого, в роде второго сына его Ростислава. Дом его наиболее прославился двумя героями, Мстиславом Храбрым и Мстиславом Удалым. Мстислав Храбрый, сын Ростислава, ознаменовал себя мужеством в восточной Руси, в делах *Новгорода* с князьями *суздальскими*. Мсти-

слав Удалой, сын Храброго, еще более обессмертил себя изгнанием венгров из Галиции, которою они овладели было по смерти Романа, и битвою с монголами на Калке. В конце XIII века отрасль князей Смоленских в роде Федора Черного утвердилась и в Ярославле.

III. Младший род Мономаха, в поколении сына его Юрия Долгорукого, утвердил наследственную власть в княжестве *Суздальском*. Получив от отца в удел страну, менее других обширную (между Волгою, Клязьмою и Протовою), лесистую, малолюдную, с тремя городами Суздалем, Ростовом и Владимиром, Юрий проложил в лесах пути, построил храмы, обратил язычников в веру христианскую, основал Переяславль Залесский, Дмитров, Юрьев, Москву, правил своим уделом независимо и, вступив на киевский престол, отдал свою отчину сыну Андрею, который по смерти отца принял титул *великого князя*. Возвышаясь над понятиями современников, Андрей Боголюбский хотел ввести единовластие: первый из русских князей не раздавал уделов ни братьям, ни племянникам и с именем великого князя господствовал единодержавно. Недовольный ни обширною областью, которая распространялась до берегов Камы, ни зависимостью или союзом одиннадцати князей, он решился утвердить свою власть в двух главных пунктах Руси, в Киеве и Новгороде, откуда, опираясь на свою отчину, мог повелевать, подобно Мономаху, почти всею землею Русскою. Решительные меры, к которым он всегда прибегал в важных случаях, вели его к цели: Киев был взят приступом и, отданный в управление брату Андрееву Глебу, навсегда утратил первенство между русскими городами. Новгород после упорного сопротивления также признал над собою власть государя Суздальского. Но преждевременная смерть не допустила его ввести новую систему господства. Престол Суздальский, после смерти Андрея, долгое время был предметом распрей между двумя братьями его, Михаилом и Всеволодом Юрьевичами, и тремя племянниками. Всеволод, одолев соперников, поддержал могущество княжества Суздальского и хотя утратил господство над Киевом и Полоцком, зато был сильнее самого Андрея в Северо-восточной Руси, утвердив свое влияние в Рязани, Муроме, Пронске, Новгороде, Пскове и Смоленске. Междоусобие детей Всеволодовых Константина и Георгия, соединенное с правлением слабым, имело

следствием независимость Новгорода, Смоленска, Рязани и раздробление Суздальской области на многие уделы. При всем том Андрей и Всеволод оставили столь сильное впечатление в умах современников, что с тех пор князь Суздальский мог считать себя главою Восточной Руси и преимущественно носил имя великого князя. Перед нашествием монголов княжество Суздальское разделено было в роде Всеволода Великого на три главных удела: Ростовский и Белозерский, где княжили дети Константина Всеволодовича; Владимирский, где господствовал Георгий Всеволодович с титулом великого князя; Переяславский и Тверской, принадлежавший Ярославу Всеволодовичу.

Княжество Новгородское не принадлежало исключительно никакому поколению Владимира Святого, присвоило себе право избирать князя по произволу, ограничило его власть и, управляясь народным вечем, представляло также мир отдельный. Преемники Ярослава I, занятые междоусобиями в южной Руси, упустив из виду северную часть ее, дали время утвердиться в Новгороде стремлению к самостоятельности, заметному уже при первых князьях норманских. Новгородцы с искусством воспользовались этими междоусобиями. Так Святополк II должен был отказаться от намерения поручить Новгород своему сыну и согласился видеть там князя, угодного народу, Мстислава Владимировича. Мономах и Мстислав I остановили бурное стремление к независимости. Но едва вступил на киевский престол слабый Ярополк, новгородцы изгнали своего князя Всеволода Мстиславича, и народное вече, не требуя согласия Ярополка, собственно властью избрало посадника. Этот верховный сановник, раньше зависевший от князя, назначаемого обыкновенно государем Киевским, должен был с тех пор исполнять волю только веча народного. Между тем запылала кровавая вражда Ольговичей с домом Мономаха. Новгородцы пользовались ею искусно, выбирали князя какого хотели, отстраняя слишком сильных из опасения за свои права, и достигли, наконец, чего искали: права избирать князя, угодного народу. Тщетно властолюбивый Юрий употреблял все средства, чтобы смирить их, сеял раздор, неразлучный с господством народным, находил себе в Новгороде друзей, теснил его пределы. Новгородцы ссорились, волновались, топили по-

садников, но всегда при первой опасности дружно стояли за свою волю. Андрей Боголюбский, желая быть главою всей Руси, властвуя неограниченно в наследственной области, назначая князей, себе подручных, в Киев, Рязань, Чернигов, Смоленск, даже в отдаленный Полоцк, требовал безусловной покорности Новгорода, назначал ему князя, хотел быть верховным судьей во всех делах его гражданских и церковных. Новгородцы решились отстоять свое право и подавить самовластие государей суздальских в самом начале: единодушно вооружились за св. Софию, за великий Новгород, отбили грозное ополчение Андрея, состоявшее из дружин союзных с ним князей, и в решительном сражении взяли так много в плен, что за гривну отдавали 10 суздальцев. Андрей устоял, однако, на своем: сначала согласился примириться с новгородцами на *всей воле* их, но вскоре, посредством одних переговоров, довел их до того, что они должны были признать сына его своим князем и представлять на верховный суд Андрея дела гражданские. Успех Боголюбского имел важные последствия: с тех пор каждый великий князь Суздальский старался подчинить себе Новгород и утвердить там верховную власть суда с правом получать ежегодно определенную подать. Новгородцы, при всем желании полной независимости, не могли избавиться от неотступных притязаний князей суздальских, искали союзников в князьях черниговских, смоленских и вообще следовали правилу признавать своим князем только того, кто давал клятву держать их по старине, по льготным грамотам Ярославовым. Если же замечали малейший признак самовластия, немедленно изгоняли его с бесчестьем и призывали другого. Вследствие сего там являлись один за другим князья из рода суздальских, черниговских, смоленских. Редкий из них княжил более 3 лет, и в течение ста лет в Новгороде переменялось 30 князей. Среди бурного волнения образовалось внутреннее устройство новгородское, остававшееся неизменным до Иоанна III. Главные черты его были следующие.

Верховная власть законодательная и судебная, в делах общих государственных, принадлежала *народному вечу*, или земскому совету, составленному из граждан новгородских. Собираясь по звуку вечевого колокола обыкновенно на дворе Ярославовом, иногда в Софийском соборе и в других местах, оно определяло мир и войну с соседями, из-

бирало князя, посадника, владыку (архиепископа), судило государственные преступления, измену, согласие с неприятелями, рассматривало самовольные действия князя и посадника, назначало соразмерные вине их наказания — первому изгнание, второму нередко смерть, — и удовлетворяло жалобам бедных людей на богатых.

Власть судебная в делах гражданских была исключительным правом князя, избранного народным вечем. Он должен был наблюдать за внутренним правосудием и заботиться о внешней безопасности. Для этого имел свою дружину, которая в мирное время производила суд и расправу, в военное составляла княжеское войско. В награду за свои труды князь Новгородский пользовался судными пошлинами и определенным сбором с разных предметов. Во время похода он был главным вождем, но распоряжался действиями вместе с посадником. Вообще князь Новгородский был только верховный судья и защитник Новгорода, если он не исполнял этих двух обязанностей, народное вече удаляло его.

Власть исполнительная была предоставлена *посаднику*, первому сановнику гражданскому, председателю народного вече. Он начальствовал вместе с *тысяцким* над полками новгородскими, вел переговоры, был употребляем в посольствах, помогал князю в суде и расправе, исправлял княжеские обязанности в случае его отсутствия, вообще же был исполнителем всех определений народного вече.

Власть суда духовного принадлежала *владыке*, или архиепископу, избранному вечем и утвержденному митрополитом Киевским. Владыка сверх того принимал деятельное участие в делах гражданских как миротворец, но в свою очередь давал отчет в своих поступках народному вечу.

VI. РУСЬ В НАЧАЛЕ XIII ВЕКА

Главные княжества в Русской земле перед нашествием монголов в начале XIII века были:

- 1) Полоцкое, в роде Всеслава Брючиславича;
- 2) Галицкое, в роде Романа Мстиславича;
- 3) Черниговское, в роде Всеволода Ольговича;
- 4) Северское, в роде Святослава Ольговича;
- 5) Рязанское, в роде Ростислава Ярославича;
- 6) Муромское, в роде Святослава Ярославича;

- 7) Волынское, в роде Изяслава Мстиславича;
- 8) Смоленское, в роде Ростислава Мстиславича;
- 9) Суздальское, в роде Юрия Долгорукого;
- 10) Новгородское.

Невзирая на раздробление государства на непрерывные распри князей, даже на родовую вражду поколений, присвоивших власть наследственную, крепкие узы соединяли все части Русской земли в одно целое, в один мир самобытный, неразрывный, ожидавший только великого ума, чтобы явиться в грозном величии. Во всех обитателях Руси выражался один тип: они говорили одним языком, исповедовали одну веру, находились под властью одного дома, имели одно устройство внутреннее, один взгляд на вещи, одни добродетели и пороки.

Единственным *языком* во всей Русской земле было наречие славянское. На нем говорили князья, бояре, люди духовные и светские, совершали божественную службу, писали законы, церковные книги, летописи. Различие могло быть только между языком книжным и разговорным. Первый, принявший многие формы греческие, введенные переводом Библии, был употребляем в священнодействии и в церковной литературе. Здесь он сохранил все, даже не свойственные ему слова и обороты греческие и, скованный подражанием языку библейскому, не расширял своих пределов. Язык разговорный был живее, разнообразнее, не боялся слов и оборотов чуждых, если они выражали новые идеи, и смело заимствовал их из соседних наречий скандинавских, польских, венгерских, даже половецких. Но, могущественный своими элементами, своим глубоким смыслом, своим мудрым устройством, он сглаживал в словах иноязычных все признаки чужого происхождения, давал им нередко свой смысл, свои формы и усваивал их, как родные звуки, от этого не могло быть резкого различия в наречиях областных: язык книжный был один, язык народный тоже.

Еще более единства мы встречаем в другом основном элементе гражданского общества — в религии. Вся земля Русская исповедовала веру христианскую, по греческому обряду, без малейших отмен в богослужении, в правах и обязанностях духовенства. Ни язычество, ни расколы не возмущали спокойствия церкви. Все священное для Киева было святынею для Галича, Полоцка, Новгорода, Суздаля,

Рязани. Устройство монастырей, обряды священнодействия, разделение иерархии на степени, празднества, посты — все выражало один тип византийский.

Верховная власть над Русскою землею принадлежала *одному дому* Владимира Святого. Хотя род его разделился на многие отрасли самостоятельные, даже одна другой неприязненные, но при всем раздроблении князья тщательно берегли право своего дома на обладание Русскою землею: если угасало одно поколение, другое спешило занять его место. Народ так был убежден в законности, в неизбежной необходимости княжеской власти, и притом одного поколения, что сами новгородцы не могли жить без князя. Тем более не удавалось иноплеменникам оторвать хотя часть земли от того пространства, которое очертил норманский меч во времена Владимира Святого и Ярослава I. Венгры и поляки, пользуясь раздорами князей, неоднократно присваивали юго-западные области Руси, но ненадолго: если один князь был не в силах бороться с иноплеменниками, другие спешили ему на помощь, нередко забывая личную вражду, и прогоняли коварных соседей. Так они действовали в отношении к половцам, к венграм и полякам, отнимали княжества друг у друга, но иноземцев не пускали в Русскую землю, держась правила: *не тронь нашего*.

Кроме убеждения в законном праве одного дома на верховное господство в Русской земле, не исчезала мысль о необходимости *единодержавия*. Эта мысль обнаруживалась неоднократно не только в действиях Владимира Мономаха, но и в политике Андрея Боголюбского, Всеволода Суздальского, Мстислава Удалого. При всей самостоятельности уделов многие из них так ослабели, что сами собою не могли держаться и искали покровительства сильных государей суздальских или галицких. Недаром князья принимали титул великих: они помнили, что некогда этот титул давал право господствовать над всею землею Русскою. Так Всеволод Суздальский, воспитанный в Греции, хотел быть главою государства и повелевать с северо-восточным краем, так Мстислав Удалой господствовал в полуденном, с именем царя Галицкого.

Внутреннее устройство русских княжеств было везде одинаково (исключая Новгород и Псков). Каждый князь пользовался в своем уделе неограниченным правом суда и расправы, мира и войны: определял подати, строил города,

назначал всех сановников светских и духовных. Дружину его составляли бояре, отроки и мечники. С нею он советовался о делах общественных, через нее производил суд и расправу, она же была и главным войском его, в случаях важных созывалось народное вече, которое имело впрочем не только голос совещательный. На войне сам князь предводительствовал главным войском, состоявшим из княжеской дружины и владельцев поземельных, с присовокуплением иногда наемников. Во время битвы он всегда был впереди своей рати и управлял ее движениями. За сбором податей наблюдал также сам князь, который для этого в известное время года объезжал свою область и возвращался в столицу с обозом хлеба, меда, мехов и других товаров. Суд в делах тяжбных и уголовных производили княжеские тиуны, которые определяли соразмерные вине наказания денежной пеней: одна часть ее отдавалась обиженному, другая шла в княжескую казну, третью брал себе тиун. Основанием суда и расправы была Русская Правда, дополненная уставными грамотами князей, носившими один отпечаток.

Если устройство гражданское, при всей неограниченности князей, не представляло отмен замечательных, тем более единства господствовало *в устройстве церковном*, или в иерархии, одной из главных стихий европейской жизни. Главою русской церкви был митрополит Киевский, назначаемый обыкновенно византийским патриархом. От митрополита зависели архиепископ Новгородский, епископы Ростовский, Черниговский, Переяславский, Галицкий, Туровский и другие. Каждый князь, в уделе которого находилась епархия, имел право назначить и низложить епископа, но не иначе как с согласия митрополита, который, сосредоточивая в руках своих верховную власть суда церковного, строго наблюдал за чистотою веры во всей Русской земле, за обрядами богослужения, за исполнением церковных уставов.

Единство главных начал русской гражданственности было неминуемым следствием счастливого соединения двух могущественных элементов, из коих развилась русская жизнь, — норманского и византийского. Элемент норманский отразился в общественной жизни Руси. Он был источником фамильного права одного дома на власть верховную, суда и расправы, хозяйственного управления,

искусства воинского. Могущество его так сильно действовало на все пространство земель, к которым только прикасался скандинавский меч, что ни века, ни иноплеменные народы не могли изгладить этого отпечатка. Но бури, сопровождавшие развитие этого элемента, в начале XIII века еще не утихли и не дали ему созреть. Многое оставалось в Руси нерешенным, когда пришли в нее монголы: не утвердились взаимные отношения князей, не определился порядок престолонаследия, не означились степени сословий, не установились правильные формы суда, закон письменный еще не определил этих условий. Элемент византийский отразился в духовной жизни Руси: греки дали нам свою веру, вместе с обрядами богослужения ввели повсеместно свою иерархию, церковный суд, монастырскую жизнь, принесли образцы своего духовного красноречия, своей истории, познакомили нас со своими искусствами, художествами, своей монетою и торговлей. Тип византийский врезался еще глубже норманского, будучи тесно соединен со святынею народной.

Оба элемента, действуя в своей сфере с равною силою, не противоречили один другому, ибо греки, дав нам свою иерархию, дали вместе с тем и понятие о зависимости ее от государя. Не только каждый князь, в уделе коего была епархия, мог назначить и низложить епископа, но и сам митрополит был утверждаем в сане своею властью великого князя Киевского, который нередко отвергал присланного патриархом греческим первосвященника, требовал другого или назначал своего без согласия патриаршего. Поэтому на Руси не было следов бедственного двудержавия, раздиравшего западную Европу. Согласие обоих элементов, поддерживая политическое единство Руси, в то же время благоприятствовало развитию промышленных и нравственных сил народа.

В начале XIII века Русь заключала в пределах своих лучшие, плодоносившие земли нашего отечества, простираясь от гор Карпатских, Сана, Вислы, Нарева и Немана до устья Оки, от верховьев Ингула, Ворсклы, Хопра и Медведицы до прибрежных пустынь Ледовитого моря. В правление Ярослава I эта обширная страна могла быть значительно населенною по Днепру, Припяти, вообще в юго-западных равнинах. На восток же от Днепра она заключала в себе

безлюдные пустыни или дремучие леса Карачевские, Муромские, Суздальские, в коих обитали рассеянные, полудикие племена.

Двухвековые раздоры не могли, конечно, благоприятствовать успехам народонаселения. От непрерывных походов, от ужасов войны междоусобной Русь, казалось, обратится в унылую степь, города падут, села исчезнут, жители одичают. Вышло иначе: где в XI столетии безмолвствовали пустыни или кочевали отдельные племена без всяких понятий о выгодах общежития, там в XIII веке мы видим *города*. Они возникли с каждым поколением не только в обильных областях Черниговской, Галицкой, Киевской, но и в Полоцкой земле, менее благодарной к трудам земледельца, в самой Суздальской стране, искони покрытой непроходимыми лесами. Среди двухсотлетнего волнения появилось на Руси до 100 городов, более или менее цветущих.

Князья ли воздвигали их для безопасности от неприятелей, более внутренних, чем внешних, или народ чувствовал выгоды общежития и строил их по внутреннему влечению — решить трудно. Из летописей видно, что некоторые из них были основаны князьями в пограничных областях для защиты от печенегов, литвы, половцев и других грабителей, во время же раздоров, когда безначалие и насилие заставляли изыскивать все средства к обороне, внутри государства также могли быть построены крепости, где князья беспокойные или слабые находили убежище и нередко спасались от мести или властолюбия озлобленных родственников. Но таких крепостей было немного, и, кажется, с вероятностью можно думать, что с этой целью основаны были только те города, название которых удобно объяснить, например: Новгород Северский, Стародуб, Переяславль, Дмитров, Владимир, Дедославль. Другие же с непонятными именами — Суздаль, Москва, Рязань, Курск, Путивль, Мценск, Трубчевск, Клецк, Тереховль, Лукомль, Логожск, Чечерск — образовались мало-помалу из многолюдных старинных селений.

Как бы то ни было, русские города XII и XIII столетий существенно отличались от немецких бургов: в них жили не одни князья с воинственными дружинами, но и мирные граждане, которые занимались промышленностью. Древние города, несмотря на частые опустошения, с каждым поколени-

ем становились многолюднее. Новгород во время Ярослава, окруженный топкими болотами и лесами, ограничивал свою предприимчивость землею пермяков и берегами Финского залива. В XIII столетии он овладел уже всем пространством от Белого озера до Мурманского моря и хребта Уральского, получал богатства северной Азии с берегов Оби, где имел уже прочные поселения, был в тесной дружбе с болгарами, доставлявшими его купцам сокровища Персии, посылал корабли в Балтийское море, строил русские церкви на острове Готланде, и его войско проникало до самого Стокгольма. В начале XIII века имя Новгорода уже славилось на берегах Немецкого моря, ибо вскоре он занял почетное место в союзе Ганзейском. Если богатство его могло быть следствием благоприятных обстоятельств, то чем объяснить цветущее состояние других городов, которые как будто возрождались из пепла в новом, лучшем виде? *Киев*, опустошаемый неоднократно половцами, князьями черниговскими и суздальскими, славился красотою и богатством на отдаленном востоке. Купцы же византийские с такою выгодою сбывали на его рынках свои изделия, что ни злодейства половцев, облежавших воды днепровские, ни внутренние смятения наши не устрашали греков, посылавших караваны в область Киевскую. *Смоленск*, *Полоцк*, *Витебск*, в течение 200 лет бывшие постоянною целью княжеских походов, так известны были промышленностью своих обитателей, что купцы готландские, любские, бременские посещали их с охотою, имели в них собственные церкви и заключали торговые договоры, утверждавшие взаимную дружбу. В Галицкой области было много городов цветущих. Поляки и венгры с завистью смотрели на богатство ее князей, имевших средства содержать наемное войско. Король венгерский, удивляясь великолепию Владимира Волынского, говорил, что подобных городов он мало видал и в немецкой земле.

Усердно занимаясь земледелием, торговлей, воздвигая города, предки наши в то же время не чуждались умственной жизни. Правда, уцелевшие памятники русской словесности XII и XIII столетий слишком малочисленны, в сравнении с остатками современной литературы немецкой или французской. Мы знаем только творения трех или четырех духовных писателей, записки одного князя, повесть одного поэта и несколько летописей, но так как время, а более

люди истребили все почти рукописи древние XIV столетия, и произведения русской словесности XII и XIII веков дошли до потомства в позднейших списках, сохранившихся иногда в одном экземпляре, то мы имеем право думать, что весьма немногие из древних произведений нам известны и что большая часть их погибла безвозвратно, не оставив и следов своего существования. Между тем, если странник по немногим развалинам какого-нибудь пантеона умеет угадывать красоту целого строения, то и бытописатель, в полуистлевших отрывках собирая черты народной литературы, может создать живую идею о духе времени и степени гражданской образованности. Летописи Нестора и его продолжателей, поучение Владимира Мономаха, творения Кирилла, епископа Туровского, Слово о Полку Игореве свидетельствуют, что русские, во время господства права удельного, знали уже искусство выражать свои мысли не только ясно, но и убедительно, что им знакомы были произведения словесности византийской, что они имели, наконец, своих историков, своих поэтов.

ГЛАВА III

ИГО МОНГОЛЬСКОЕ

I. ПОКОРЕНИЕ РУСИ МОНГОЛАМИ (1238—1243)

Внутреннее волнение Руси, неминуемое следствие норманского владычества, после двухвековой борьбы потомков Владимира св., с начала XIII века приближалось к развязке: взаимные отношения князей становились яснее, права и обязанности подданных определеннее, возникала самобытная гражданственность. Но прежде, чем закончилась эта борьба молодого государства, прежде, чем созрели понятия о праве и установились формы общественные, туча варваров из глубины Азии прошла по Русской земле, искоренила целые поколения, разрушила до основания города и села, и когда стихла, Русь наполнена была одними развалинами. Сокрушенная тяжкими ударами, она изнемогла, признала над собою власть дикой, степной орды, и в течение ста лет была жертвою беспримерного злополучия. Виною нашего злосчастья был дикий татарин, потрясший всю Азию и низринувший несметные орды лютых завоевателей на Русскую землю.

Средняя Азия, обширная полоса степей от Волги до Японии, от южных пределов Сибири до Китая, Тибета и Каспийского моря, искони была обитаема кочевыми народами. В начале XIII века ее населяли три племени, разделявшиеся на многие поколения, турецкое, тунгусское и татарское. *Турецкое* занимало западные степи этой полосы под именем киргизов, уйгуров, кипчаков и других народов. *Тунгусское* господствовало на востоке, в северном Китае.

Между этими племенами, по верховьям Амура, к югу от Байкальского озера кочевало *татарское*, подвластное китайским императорам, также разделявшееся на многие поколения найманов, меркитов, кераитов, тайджутов и пр. В числе их были и монголы, обитавшие на берегах Онона и Керулена. Татары, отличаясь от прочих народов средней Азии языком и наружным очертанием лица, вели жизнь однообразную, кочевую; обиталищем их были кибитки, богатством стада, отечеством привольные паствы, любимую пищей конина, стихией война. Они были беспрестанно на коне, славились терпением, чутьем удивительным, самым лютым зверством и безотчетным повиновением своим вождям, нойонам, имевшим власть наследственную. Силы их свежие, суровые, неодолимые исчезали в мелких раздорах. Стоило только соединить их, чтобы привести в тренет соседей. Это совершил *Темучин*, впоследствии названный Чингисханом¹.

Темучин, сын Есукая, вождя 40000 семейств монгольских, кочевавших при истоках Амура, до сорока лет своей жизни боролся с одними несчастиями и неудачами: по смерти отца оставленный своею ордою, которая не хотела повиноваться ему, тринадцатилетнему отроку, и присоединилась к другой орде татарской из поколения тайджутов, он долго без успеха силился присвоить наследственную власть над нею; несколько раз попадался в руки неприятелей и только случаем избегал неминуемой смерти. После 20-летних неудач он стал одолевать соперников; прежде всего разбил тайджутов и в 80 котлах сварил пленных. Эта мера доставила ему власть над мелкими ордами. Напрасно вожди окрестных татар составляли союзы, чтобы смирить Темучина: решительными победами над меркитами и кераитами в 10 лет он покорил все племя татарское, соединил рассеянные поколения его в один народ воинственный, непобедимый, и не знал соперников. Упоенный успехом, пожираемый властолюбием, он хотел быть властителем вселенной, на 51 году жизни назвал себя Чингисханом (владыкою сильных) и устремил свою грозную орду на обширные государства Средней Азии с единственной целью быть завоевателем. Успех следовал за успехом. Сперва пала под его неотразимыми ударами империя Тангутская, заключавшая в себе западные области нынешнего Китая; потом Уйгурская, по отраслям хребта Алтайского; вслед за

тем Цинская, в северном Китае, дотоле господствовавшая над татарами; далее Кара-Китайская в Бухарии, наконец Хорезмийская в Персии и Кабуле. Походы его были ознаменованы всеми ужасами опустошений; цветущие города исчезали невозвратно; народы гибли миллионами или становились рабами завоевателя.

Гроза приближалась и к нашему отечеству: в 1224 году² она коснулась южных пределов его. Низринув Хорезмийскую империю, Чингисхан поручил окончательное завоевание этой страны двум полководцам своим: *Джебе и Субедею*³, а сам возвратился к берегам Амура, чтобы с новыми силами нагрянуть на империю южного Китая. Джебе и Субедей, исполнив свое поручение, разорив вконец всю Персию, повели свое войско для соединения с Чингисханом, через Кавказский перешеек, разбили в горах аланов, за ними половцев и погнали тех и других к берегам Днепра. Хан половецкий Котьян, неутомимо преследуемый грозными пришельцами, со всем народом бросился в Галицию и просил защиты у галицкого князя, своего зятя, Мстислава Удалого. Нанесение степных орд из-за Волги было для русских не новостью: князья не робели, соединяли свои дружины и прогоняли хищников. Мстислав, по примеру предков, спешил отразить *народ неведомый*, призвал на ратный подвиг князей Киевского, Мстислава Романовича, и Черниговского, Мстислава Святославича, с некоторыми другими и бодро повел союзные дружины от Днепра на восток к Азовскому морю. Победа над передовыми отрядами монголов близ Днепра увеличила его смелость: он опередил союзников, встретил врагов на Калке, близ нынешнего Мариуполя, и проиграл битву: русские были разбиты наголову; Мстислав Галицкий бежал; князь Киевский погиб. Победители гнались за бегущими до Днепра, опустошая землю Половецкую, но имея в виду не завоевание новых стран, а соединение с ханом, прямо от Днепра повертели на восток и скрылись за Волгою, оставив русских в недоумении.

Судьба как будто отклоняла сокрушительный удар от нашего отечества. Чингисхан, оставив Европу до времени в покое, чтобы довершить покорение Азии, обратил все силы свои на империю Китайскую и едва успел разрушить западную часть ее, кончил дни свои в глубине Татарии 72 лет. Смерть завоевателя, державшего в повиновении разнопле-

менные народы одним ужасом своего имени, одним страхом оружия, должна была, с одной стороны, ободрить побежденных, с другой, остановить стремление монголов, пресыщенных кровью и добычею. Но таково было могущество гения Чингисхана, что покоренные им народы не смели и думать о свободе; монголы же, свидетели его славы, увлекаемые воинственным фанатизмом, мечтали только о битвах и победах, доколе не настало новое поколение, знавшее о Чингисхане по одному преданию. Главное правило его политики — давать мир только побежденным, обратилось в священный закон, и преемник его Угедей, следуя этому правилу, двинул всеми силами монголов на страны азиатские и европейские, еще не признавшие его власти. Они пошли опустошать отдаленные земли четырьмя многочисленными ордами: одна бросилась на Корею, другая на южный Китай, третья на Индию, четвертая на Европу. Корея, Китай, Кашемир были завоеваны в короткое время и, испытав всю тягость рабства, утратили надолго самую надежду на независимость, подобно всем народам, которых сокрушало монгольское оружие. Та же участь постигла и наше отечество.

Одиннадцать внуков Чингисхана соединили свои орды для завоевания восточной Европы. Главным вождем был племянник Угедая, *Батый*⁴, сын Джучи. Он вел до полу-миллиона дикого, степного народа. Не внутренние раздоры, не оружие победителей, не оскудение стран двинули этот народ из родных кочевьев: он шел с безотчетною, фанатическою жаждою крови, убийства, разорения. Стремление его было неотразимо: он ломился огромными массами, одушевленными одною мыслью грабежа, безусловно покорными одной воле и в искусстве губить человечество не встречавшими соперников. Главные основания монгольской тактики были: дружный удар, стремительный натиск, искусная засада, благовременное отступление, отчаянная храбрость в минуты опасности, смерть трусу, ответственность частных вождей в случае неудачи, правильное разделение на отряды и единство в действиях. Борьба с таким народом для нас была невозможна; мы с отчаянным мужеством защищали свою свободу: ни один город не сдавался без сопротивления; редкий князь бежал от врагов без боя; народ стоял грудью за князей, за веру, отбивался в крепостях, в Божьих храмах, и лучше хотел погибнуть в пла-

мени, в жестоких муках с женами и детьми, чем бросить оружие. Но каждый город оборонялся отдельно. Самая очевидная опасность не могла примирить князей и соединить их силы к одной цели. Для этого требовались заблаговременные переговоры, убеждения, окончание старинных распрей; главное, требовался ум Мономаха или Андрея Боголюбского. *Георгий Всеволодович*⁵, сильнейший из современных князей, мог располагать только своею областью Владимирскою, и не имел никакой власти над князьями удельными: они ждали врагов в укрепленных городах и погибали в них с семейством и народом.

В два похода Батый завоевал наше отечество и наложил на него тяжкое иго рабства. В первый поход он направил свои орды из Камской Болгарии на северо-восточную Русь и, разорив Пронск, Белгород, Ижеславец, подступил к Рязани, требуя десятой части всего достояния. Рязанцы отвергли это предложение и, одушевленные примером князя своего Юрия, решились обороняться. После пятидневной осады город был взят и сожжен; князь и подданные, без различия возраста и пола, погибли частью в битве, частью в муках. Отселе Батый двинулся прямо на север; близ Коломны разбил сына Георгия Всеволода, заслонявшего ему путь, сжег Москву и осадил Владимир. Георгий, поручив защиту столицы сыновьям, сам удалился в Ярославскую область, где поджидал князей союзных. Жители Владимира надеялись упорною защитою дать время великому князю собрать силы, но уже поздно. Монголы разрушили этот крепкий город до основания и, чтобы лишить Георгия содействия других городов, рассеялись отрядами по Суздальскому княжеству, опустошая Переяславль, Юрьев, Дмитров, Ярославль, Галич. Между тем сам Батый пошел на великого князя и, сокрушив его силы на берегах *Сими*⁶, впадающей в Мологу, двинулся было на Новгород путем Селигерским, но, не доходя ста верст, собрал свои орды, обратился к югу и, взяв Козельск (в Калужской губернии), после семинедельной осады, вывел монголов из Русской земли на берега Дона, чтобы завоеванием страны половецкой обезопасить свой тыл в движении на Русь Юго-Западную. Развалины городов и сел, несметное множество трупов означали следы Батыева нашествия.

Выгнав половцев из Кипчака в Галицию и Венгрию, Батый двинул свои силы двумя ордами на Юго-Западную

Русь. Одна разрушила до основания Переяславль с окрестными городами, другая Чернигов. И здесь монголы встретили сопротивление отчаянное, но князья не успели соединить подданных и так были ослеплены, что, уже зная о нашествии врагов, еще спорили о верховном праве на Киев. Вскоре вся сила Батыева облегла древнюю столицу Руси, знаменитую на востоке и западе торговлей, богатством, великолепием. *Даниил Галицкий*⁷, преемник Мстислава, отнявший ее у Михаила Черниговского, вверил защиту города боярину Димитрию, а сам удалился в Венгрию искать помощи у Белы IV. Киевляне, ободряемые доблестным вождем своим, оборонялись с мужеством беспримерным; сбитые с укреплений, они резались до последнего издыхания в Софийском соборе. Разрушив Киев, Батый пошел в Вольты и Галицию, где разорил вконец Владимир, Галич, Кременец и многие другие города; отсюда несколько раз вторгался в Польшу, Моравию, Силезию, Венгрию, Далмацию. Владетели этих стран, по слабом сопротивлении, спасали жизнь свою бегством; их подданные гибли в пылающих развалинах городов и сел, под мечами монголов.

Вся Европа была в ужасе, с трепетом ожидая участи Руси, Венгрии, Польши, — и не без основания: западные христиане в суеверном страхе видели в монголах орудие кары небесной и готовились к жертве очистительной. Папа призывал их под знамение креста, но в то же время проповедовал крестовый поход против императора немецкого Фридриха II. Своевольные бароны не думали соединять своих полков с полками этого мужественного героя, и монголы в западной Европе могли встретить отдельные дружины тяжело вооруженных рыцарей, с нестройными толпами крестьян, — преграду ничтожную для их быстрой, многочисленной кавалерии, привыкшей одолевать врагов стремительным натиском, тяжестью удара, искусством движения. К счастью Европы, умер Угедей: Батый поспешил сблизить свою орду с главною, чтобы участвовать в избрании ему преемника, и, оставив Венгрию, расположился кочевать в Кипчаке, или в нынешних степях астраханских и саратовских, откуда мог держать опустошенные страны в повиновении и в то же время действовать на Татарию, смотря по обстоятельствам. Трехлетние интриги, предшествовавшие избранию Гуюка, не любимого Батыем, держали его в бездействии на берегах Волги. Это бездействие продолжалось и во

все время правления Гуюка, который сам собирался идти на Европу; по смерти же его Батый занят был возведением ханов на престол и уже не хотел расстаться с привольными степями астраханскими, где орда его привыкла кочевать как в родной стороне. По стечению этих случайных обстоятельств монголы остановили свое стремление на западную Европу и расположились на берегах Волги.

Орда Батыева, столь знаменитая в нашей истории под именем Золотой, Кипчакской и Сарайской, заняла весь Кипчак, или землю Половецкую, от берегов Днестра до Урала, от Черного и Каспийского моря до Ворсклы, верховьев Хопра и устьев Камы*. Главные силы ее сосредоточились на степях астраханских, столь удобных для кочевого народа. Там, на берегах Ахтубы, в 60 верстах от устьев Волги, Батый построил для себя Сарай, откуда он и первые преемники его властвовали над Русскою землею именем великого хана, который, имея свой юрт в глубине Татарии, между реками Орхоном и Тамиром, в городе Каракоруме, как преемник Чингисхана, был верховным повелителем всего монгольского мира, назначал ханов, начальствовавших отдельными ордами, требовал от них отчета в управлении покоренными землями, особенно в сборе податей, и сам определял налоги. Зависимость частных ханов от великого хана продолжалась недолго: государство Чингизово, составленное из многих разноплеменных народов, соединенных одною силою оружия, одним страхом, без всяких уз общественных, занимая страны, разделенные одна от другой неизмеримыми пространствами, уже из-за самой обширности своей должно было раздробиться на части. Кроме того, по закону Чингизову, потомство каждого из четырех сыновей его имело право на юрт, или удел наследственный: старшему сыну Джучи он назначил Кипчак, Чагатаю Трапсоксиану, или Мавренагар, Угедю страну уйгуров, Тули наследственную Монголию. Самовольное восшествие на престол четвертого преемника Темучина Хубилая и удаление его из

* Орда Батыева состояла из народов татарского племени: оттого летописцы называют их татарами. Но так как Чингиз и преемники его были монголы, то, кажется, справедливее именовать наших властителей монголами. Впоследствии, когда угаснет дом Чингизов и Золотая Орда распадется на части, правильнее будет называть их татарскими ордами.

Каракорума в Пекин ускорило разрыв; в монгольском мире возникло множество самостоятельных орд, которые вели одна с другою междоусобные кровавые войны, сливались, разделялись, исчезали и снова возникали. Главными из них были: Кипчакская, в роде Джучи; Чагатайская, в роде Чагатая; Иранская (Персия), в роде Гулягу, и Китайская, в роде Хубилая.

Ханы Золотой Орды до конца XIV столетия были из поколения Джучи; власть их переходила от брата к брату и от дяди к племяннику. Сперва господствовал в ней Батый, утвердивший владычество монголов в нашем отечестве; за ним брат его Беркай, при котором весь русский народ был обложен поголовною данью; ему наследовал третий брат Батыя Менгутемир, положивший начало введению в орде магометанской веры; после Менгутемира ордою Кипчакскою управляли два хана: младший брат Батыя Ногай западными кочевьями и сын Батыя Тудамангу Сараем. Ногай, господствуя между Доном и Днестром, тревожил частыми походами Польшу и Венгрию; разбил своего племянника, лишил его жизни и овладел всею Золотою Ордою, но через три года был изгнан сыном Менгутемира Тохтою (или Тохтагу) и с отчаяния сам себя умертвил. Потомство Ногая утвердилось в Тавриде, где впоследствии основано отдельное ханство Крымское. Тохта же передал престол Сарайский в 1313 году знаменитому *Узбеку*^{*}, покровителю первых князей московских.

Господство Золотой Орды в Европе органичивалось одною Русскою землею; сопредельные нашему отечеству страны, Венгрия, Польша и Литва, не были ей подвластны. Рабство наше началось с 1243 года, когда Батый потребовал в Сарай русских князей, принял их как вождей покоренной его оружием страны, назначил дань и предоставил себе верховное право располагать судьбою Руси. Оно имеет свой отличительный характер.

Чингисхан и преемники его, покоряя народы, большею частью стоявшие на высшей степени образованности, с одною целью завоевания и грабежа, не хотели и не могли принять на себя заботы внутреннего управления, господствовали издали, требовали одной дани, безусловной покорности, не вмешивались в суд и расправу, ни в отношении своих данников к соседям, имели дело только с тузем-

ными государями, которых возводили на престол или низвергали по произволу, и редко, только в особенных случаях, заменяли их монгольскими сановниками. Для обуздания же покоренной страны, на пределах ее обыкновенно располагалась орда под начальством одного из потомков Чингисхановых.

Вследствие этого, находясь в подданстве монголов, Русь удержала свое внутреннее устройство, по-прежнему имела своих князей, великих и удельных, свой суд и расправу, свою веру, своих сановников, светских и духовных, воевала и мирилась со всеми соседями, не спрашивая согласия ханов, и в то же время испытала все ужасы рабства. Главные черты его в первый век были следующие:

1) Непосредственным, верховным властителем Руси был хан орды Сарайской (Золотой, или Кипчакской). Он присвоил себе право раздавать князьям области по своему произволу, назначать из числа их великого князя, судить их в случае междоусобных споров собственным судом или чрез послов, отнимать у виновного княжество и наказывать его самою смертью.

2) Каждый князь, великий и удельный, не мог прежде вступить в управление наследственной областью, как по утверждении ханом. Для этого он должен был ехать в орду Сарайскую, а в первые годы рабства в Татарию, бить челом хану, искать благоволения сановников его, одаривать жен его, самых служителей, ждать иногда по целому году и часто уступать свое право другому князю, более хитрому, успевавшему заслужить благосклонность хана. В случае немилости ханской он мог спасти себя и народ свой одним смирением, дарами, частыми путешествиями в орду.

3) Утверждая князей владетелями уделов, хан по большей части не отступал от старинного нашего порядка престолонаследия, но имел неограниченное право назначить младшего князя мимо старшего; впрочем, никогда не поручал княжеской власти монгольским сановникам или не потомкам Рюрика.

4) Вся Русь была обложена данью, весь народ был переписан поголовно определенными для сего монгольскими сановниками — баскаками, или численниками; русские платили беспрекословно все, чего требовали ханы; в случае отказа дани платили свою свободу.

5) Сбор дани в первый век нашего рабства был отдаваем ханами, по азиатскому обычаю, на откуп купцам хивинским, бухарским, армянским, еврейским, которые являлись к нам под именем пошлинщиков, таможников, с ханскими грамотами, нередко с отрядами монголов, брали все, что могли, определяли налоги по произволу; в случае неплатежа назначали неумеренные росты, а должников несостоятельных отводили в неволю.

6) Наконец, жертвуя своим имуществом и свободой, мы нередко должны были жертвовать самою жизнью за своих тиранов: князья обязаны были, по первому требованию, посылать свои дружины на подкрепление ханской рати в походах ее на Литву, Венгрию и Кавказ.

Владычество монголов над Русью продолжалось 237 лет, с тех пор, как русские князья признали себя данниками сарайского хана, до того времени, как Иоанн III объявил себя независимым и разрушил орду Кипчакскую. Государственное иго наше имело два периода: в первый век (1243—1328) оно угнетало всю Русскую землю всюю тяжестью своею; во второй век (1328—1480) ханы господствовали только в восточной половине Руси, и притом власть их с каждым новым поколением ослабевала, уступая место иным пружинам; западную же Русь исторгли из власти монголов князья литовские, отняв ее в то же время у потомков Владимира Святого и присвоив себе.

II. РУСЬ ВОСТОЧНАЯ (1243—1328)

По удалении Батыея к берегам Волги Русская земля представляла самое печальное зрелище: цветущие города ее были грудями развалин; несметное множество народа погибло под мечами варваров или в пламени своих жилищ; многие роды княжеские пресеклись. Уныние было повсеместное. Князья вместе с народом упали духом; смотрели на жизнь как на милость завоевателя, в безусловной покорности видели единственное средство спасти ее, и по первому призыву Батыея являлись один за другим в орду смиренно бить челом. Прежде всех отправился туда *Ярослав Всеволодович*⁹, после смерти брата своего Георгия вступивший на престол Владимирский; за ним удельные князья Суздальские и Рязанские; потом Михаил Чернигов-

ский и владетели Северские. Батый назвал Ярослава главою всех князей русских, утвердив однако и других потомков Владимира св. в принадлежавших им уделах, исключая одного Михаила Черниговского: сей благочестивый князь хотел лучше погибнуть, нежели поклониться кумирам, как того требовали монгольские жрецы, и принял в орде венец мученика.

Назначение Ярослава великим князем всея Руси должно было, по-видимому, соединить раздробленные части государства в одно целое: в самом деле, Ярослав, опираясь на волю хана, господствовал в большей части русской земли, назначая наместников в Киев, Чернигов, в княжества Новгородское, Псковское, отчасти в Полоцкое, властвуя в Смоленском, Рязанском, во всех уделах суздальских. Но юго-западная Русь была от него независима: Даниил Романович Галицкий, долго не признавая Батыя своим повелителем, грозил вооружить на монголов европейские государства, умел внушить к себе такое почтение, что хан с радостью утвердил его владетелем западной Руси, как скоро он явился в орду покорным данником после тщетных усилий избавиться от ига. Таким образом, с первых лет монгольского владычества, внутренняя и внешняя политика князей сосредоточилась в двух главных пунктах: во Владимире на Клязьме и в Галиче, с одной стороны в роле Ярослава Всеволодовича, с другой в потомстве Даниила Романовича; и хотя как там, так и здесь все постоянно выражало один тип русский, однако от влияния внешних обстоятельств, от различия в политике князей того и другого поколения, судьба Восточной Руси была отлична от судьбы западной.

Ярослав Всеволодович, покоряясь необходимости, смирением старался отклонить от своего отечества новые бедствия; неоднократно ездил в Орду к Батыю, приносил ему дань, странствовал в неизмеримых степях Татарии, где бил челом великому хану Гуюку и, претерпев все виды унижения, умер на обратном пути из Монголии. Иначе мыслил преемник его *Андрей Ярославич*¹⁰ Суздальский: он хотел воспользоваться общей ненавистью народной и возвратить отечеству независимость оружием, не приготовив средств к одолению монголов, еще крепких внутренним согласием, непобедимых в борьбе открытой. Пре-

ждевременные усилия стоили дорого ему и народу: монголы пришли снова, чтобы вконец разорить русскую землю. Андрей принужден был бежать в Швецию, оставив подданных на произвол врагам. К счастью, явился спаситель.

Старший сын Ярослава, *Александр*¹¹, господствовавший в то время по воле хана в Киеве, поспешил в Орду, укротил гнев Батыея, оправдал свой народ и, признанный главою Руси, возобновил политику отца¹². Не слабость духа, не робость, а любовь к отечеству принудила его унижаться перед монголами; мужество свое он доказал во многих войнах с неприятелями Руси до вступления на великокняжеский престол: будучи удельным князем в Новгороде, Александр смело ополчался на врагов отечества, в кровопролитной сече разбил шведов на берегах Невы, несколько раз истреблял хищных литовцев и своими победами привел в ужас орден Ливонский, но смирялся пред грозным могуществом монголов; угождал Батыю и сыну его Сартаку, коему дряхлый хан при жизни поручил Русь в управление; неоднократно ездил в Орду с богатыми дарами, одаривал ханских вельмож и, в надежде усыпить злодеев, до того выказал свое смирение, что, позволив ханским численникам переписать народ для обложения его тяжкою данью, сам содействовал поголовной переписи и взысканию налогов, обуздывая народ, самых детей своих, в порывах великодушного, но бесполезного негодования. Такой политикой он спас отечество от окончательного порабощения: без этой меры ханы могли лишить князей власти и назначить в правители Руси своих баскаков; монгольский суд, монгольский образ управления, истребление всего русского были бы неминуемым следствием. Братья Александровы Ярослав Тверской и Василий Костромской следовали его примеру.

Но дети и внуки Александра Невского и Ярослава Тверского упустили из виду главную цель их политики. Александр, смирением отклоняя новые нашествия монголов, хотел спасти Русь, ее веру, язык, внутреннее устройство; они же думали только о присвоении великокняжеского достоинства, которое теперь давало власть над Русью, один за другим являлись в орду, клеветали друг на друга, судились судом ханским, набирали толпы монголов и при помощи их изгоняли друг друга. Пагубное ослепление князей про-

должалось более полувека, от смерти Василия Ярославича Костромского до Иоанна Калиты. Во все это время, самое мрачное в нашей истории, мы видим одни крамолы, свирепые раздоры внутренние, непрерывные нашествия монголов, приводимых самими князьями, не менее опустошительные вторжения западных соседей, шведов, ливонских рыцарей, литовцев, очевидное изнеможение беззащитной Руси.

Кровавые междоусобия начались при детях Александра Невского. Сын его Андрей, князь Городецкий, по совету бояр хотел свергнуть с великокняжеского престола родного брата Дмитрия, дарами и лестью склонил на свою сторону хана, получил от него грамоту и войско, разорил всю Владимирскую область от Ростова до Торжка и выгнал Дмитрия. Когда же князь нашел усердных защитников в жителях Переяславля, Андрей вторично привел монголов и снова одолел его. Дмитрий обратился к Ногаю, повелевавшему своею ордою на правом берегу Волги, и выхлопотал от него грамоту. Андрей смирился, но чрез два года успел вооружить против соперника князей удельных и оклеветать его пред ханом. Монголы появились в Руси в третий раз, чтобы возвести Андрея на престол, и напомнили время Батыево: Муром, Суздаль, Владимир, Юрьев, Переяславль, Углич, Коломна, Москва, Дмитров, Можайск и другие города были разорены. Одна Тверь спаслась мужеством юного князя своего, Михаила Ярославича. Вскоре Дмитрий умер. Андрей достиг цели: сел на престол великокняжеский и думал повелевать, по примеру отца, всю Русью; но князья удельные Михаил Тверской, Иоанн Переяславский, *Даниил Московский*¹³ хотели быть независимы. Андрей жаловался хану, хан нарядил суд под председательством своего баскака. Князья были непримиримы: ни угрозы ханского посла, ни убеждения духовенства не могли согласить их; они спорили с Андреем за права независимости до самой смерти его.

Пример Андрея открыл князьям новый путь к великокняжескому престолу, доказав им, что достоинство великого князя принадлежало не тому, кто имел право наследственное, но тому, кто умел угодить хану. Право старейшинства, доселе определявшее порядок престолонаследия, исчезло: им дорожил только тот, кому оно доставалось, т. е. старший в роде; младшие не уважали этого права, предпо-

читая ему ханский произвол, открывавший всем князьям путь к престолу. Вследствие этого смерть каждого великого князя воспламеняла вражду между искателями его достоинства: одни опирались на право, другие на милость хана; спешили в орду, чернили друг друга, не щадили ни даров, ни лести и обыкновенно возвращались в отечество непримиримыми врагами. Народу оставалось терпеть и лить кровь за князей ослепленных.

После смерти Андрея два князя хотели быть главою Руси: племянник Александра Невского Михаил Ярославич Тверской, как старший в роде, и внук Александра *Юрий Данилович Московский*¹⁴, младший из князей удельных; одни города стояли за князя Тверского, другие за Московского. Соперники отправились в орду на суд хана. Хан утвердил Михаила. Юрий отвлек от него новгородцев, дотоле зависевших от великого князя. Михаил привел полки монгольские и смирил Новгород. Князь Московский принял другие меры: уехал в орду, три года кланялся Узбеку, женился на сестре его Кончаке и, получив грамоту на достоинство старейшего князя, повел монголов в Тверскую область для отмщения сопернику. Михаил, не желая раздражать хана, отказывался от чести быть великим князем: Юрий хотел отнять у него наследственную область и пошел с сильною ратью на Тверь. Князь Тверской, доведенный до крайности, встретил врага и поразил его наголову при селе Бертеневе, взяв в плен жену Юрия Кончаку и воеводу Узбека Кавгадыя; но снова предложил великодушный мир, признавая князя Московского великим князем и требуя суда ханского. К его несчастью, Кончака умерла во время мирных переговоров; Юрий бросился к Узбеку и обвинил Михаила в смерти жены своей. Несчастливого призвали в орду и умертвили.

Князь Московский вторично получил грамоту на великокняжеское достоинство; но недолго пользовался плодами своего вероломства: сын Михаила Дмитрий (Грозные очи), им теснимый, жаловался Узбеку и выходил в орде для себя грамоту на первенство. Юрий, чтобы поправить дело, снова отправился в орду; за ним князь Тверской; они предстали на суд хана. Дмитрий так ненавидел своего врага, виновника смерти отцовской, что едва сошелся с ним, вонзил в него меч; вскоре погиб и сам, умерщвленный по приказанию хана.

Александр Михайлович, второй сын Михаила Тверского, признан был Узбеком в достоинстве великого князя; но вскоре утратил его милость, истребив монголов, приведенных в Тверь двоюродным братом ханским Чол-ханом (Щелканом) для обращения народа, как носилась молва, в магометанскую веру. Узбек дал 50000 войска князю Московскому Иоанну Даниловичу, брату Юрия, для наказания Александра и тверитян¹⁵. Область его была опустошена; сам он бежал во Псков; оттуда в Литву. Иоанн, в награду за свое усердие, получил грамоту на достоинство великого князя и, утвердив его навсегда в своем роде, дал судьбе нашего отечества благотворное направление.

Междоусобия потомков Ярослава Всеволодовича имели самое пагубное следствие, коего более всего должно было опасаться наше отечество: князья удельные стали считать себя совершенно независимыми от великого князя и охотнее дружили с монголами, чем с ним, частью для того, чтобы избавиться от его влияния, частью и для того, чтобы присвоить право на первенство, которое, не давая власти, давало средства к обогащению казны: ибо дань переходила в орду через руки великого князя. К концу первого века монгольского владычества силы Руси вконец раздробились и как будто онемели: великий князь мог располагать только своею отчиною и, с трудом отбиваясь от завистливых совместников, был не главою Руси, а только общим собирателем дани для монголов. Не имея сил управиться с внутренними неприятелями, он тем менее мог быть защитником северо-западных княжеств, доселе непосредственно зависевших от великокняжеской власти, Кривских, Псковского и Новгородского. Два сильных врага постоянно тревожили эти области во все продолжение первого века нашего рабства и к концу его успели присвоить многие русские города: то были папы, устремлявшие на Русь шведов и меченосцев, и литовцы, движимые духом завоевания.

Не довольствуясь владычеством над всеми германскими народами, вытесняя греческое духовенство из южных земель славянских, признававших главою византийского патриарха, римские первосвященники со времен Григория VII, покровительствовавшего Изяславу Ярославичу, не теряли надежды подчинить себе русскую церковь и действо-

вали тем ревностнее, что власть их утвердилась в самой Византии, покоренной оружием крестоносцев. Сначала они хотели уловить нас хитрою политикою, обещали князьям защиту апостольского меча и венцы королевские, ссылались на государей умерших, будто бы изъявивших согласие покориться наместнику св. Петра*, в особенности спешили воспользоваться злополучием Руси, сокрушенной монголами: сулили ей свободу, защиту всей Европы, готовой для спасения нашего предпринять крестовый поход, если только наши князья согласятся зависеть от римской церкви, — и все тщетно: ни велеречие легатов, ни папские обещания не могли поколебать нашего православия. Видя безуспешность такой политики, папы прибегли к иным мерам; решились распространить свою власть в нашем отечестве мирским оружием и подстрекали шведов и ливонских рыцарей к обращению русских в латинскую веру силою; те и другие, возбужденные папою, с середины XIII века стали непрестанно тревожить наши северо-западные области, и мы, громимые с востока фанатизмом воинственным, в то самое время на западе должны были бороться с религиозным, не менее сильным и опасным.

До середины XII века русские не имели никаких распрей с шведами. Основание королем *Эриком IX*¹⁶ многих шведских поселений в южной Финляндии служило первым поводом к раздору. Новгородцы с неудовольствием и опасением смотрели на пришельцев, силившихся обратиться в латинскую веру и присвоить себе два народа, изавна подвластные Новгороду — емь и корелу: первый обитал в Ниланде, Тавастланде и Саволаксе (в южной части Финляндии), второй в Карелии. С 1164 года началась война. Русские постоянно одерживали верх: при первом вторжении неприятелей на Ладожское озеро новгородцы истребили множество судов их и удержали за собою емь и корелу; впоследствии выслали многочисленный флот, который, переплыв Балтийское море, пробрался в озеро Мелар (протоком, где основан Стокгольм) и разорил полностью многолюдный город Сигтуну; в конце же XII века, истре-

* Так писал Александру Невскому папа Иннокентий IV, уверяя, будто бы отец его Ярослав, находясь у великого хана в Татарии, дал слово папскому миссионеру Плато-Карпини принять латинскую веру. Мы имеем записки Карпини: он ни слова не говорит о мнимом желании Ярослава оставить веру праотцов.

бив большую часть шведских поселений в Финляндии, сожгли город Або, бывший местопребыванием латинского епископа. Шведы не хотели покинуть Финляндию и напрягали все силы, чтобы удержать ее за собою. Война была непрерывная.

Но до нашествия монголов единственным поводом к раздору шведов с новгородцами было стремление одного народа вытеснить другой из Эми и Карелии. С тех пор началась борьба религиозная. Самым достопамятным явлением в этом смысле был поход шведского полководца Биргера, посланного королем Эрихсоном для обращения новгородцев в латинскую веру, в то самое время, когда Батый громил Южную Русь. Виновником нашествия Биргера был папа, который в 1237 году повелел буллою упсальскому епископу проповедовать в северных странах крестовый поход против Финляндии и Руси. Тогдашний князь Новгородский Александр Ярославич образумил шведов: он разбил их наголову при устье Ижоры, на берегах Невы, собственным копьем возложил печать на лице Биргера, убил епископа и заслужил от потомства прозвание Невского. После смерти Александра, бывшего грозой неприятелей, пользуясь раздорами сыновей его, шведы присвоили всю русскую Емь и часть Карелии, где построили Кексгольм и Выборг; в конце же XIII века хотели овладеть и течением Невы, при устье коей основали Ландскрону в надежде рано или поздно ввести в русских землях римскую веру. Новгородцы вытеснили их и, чтобы удержать за собою Неву, в начале XIV века заложили крепость Орешек (нынешний Шлиссельбург). Непрерывная война утомила оба народа: в 1323 году они заключили вечный мир Ореховский, определив границею обоюдных владений черту от устья реки Сестры до юго-западной части нынешнего Кексгольмского уезда. Этот мир служил впоследствии, до Михаила Федоровича, основанием всех трактатов между Швецией и Россией. Но фанатизм не угас: шведские короли, подстрекаемые папою, вскоре возобновили прежнюю мысль обратить русских оружием в латинскую веру, доколе частые неудачи не убедили их в непоколебимом православии наших предков.

Еще ревностнее служили папе рыцари ордена Меченосцев, овладевшие в первый век нашего ига всей Ливонией, страшные для Пскова и Новгорода, сокрушенные после

долговременной борьбы Иоанном IV. Страна, известная под общим названием Ливонии, заключающая в себе ныне Эстляндию, Лифляндию, Курляндию, искони была обитаема народами частью финского, частью латышского самобытного племени: в Эстляндии эстами и чудью, в Лифляндии ливами и леттами, в Курляндии корсью, или куронами. Первые три народа со времен Ярослава, построившего в земле их Юрьев (Дерпт), зависели от новгородцев, частью от псковитян и князей полоцких, имевших в начале XIII столетия на Двине города с православными церквами, Кокейнос (Кокенгаузен) и Герсике (Крейцбург). Упорствуя в грубом язычестве, в диких нравах, жители Ливонии весьма неохотно платили дань, и для обуздания их князья новгородские приходили к ним с войском. Язычество ливонцев с конца XII века обратило на себя внимание набожных проповедников немецких, которые, следуя общему духу времени, искали только случая и места, чтобы ознаменовать свое усердие к римской вере, тем более к папе. Первым проповедником христианства в Ливонии, по благословению бременского епископа, был августинский священник Мейнгард, построивший на Двине, с согласия *великого* князя Полоцкого, Икскуль, для безопасности своих последователей. По следам Мейнгарда, в самом конце XII века, прибыл с крестоносною дружиною Альберт Буксгевден, решивший надолго судьбу Ливонии. Утвержденный папою в звании Ливонского епископа, он не только положил прочное основание владычеству немцев на Двине построением города Риги, многих костелов и замков, но и приготовил преемникам своего звания верное средство к покорению всей Ливонии, образовав из сподвижников своих, с согласия папы Иннокентия III, военнодуховный орден под названием *Братства креста Господня*. Таково было начало знаменитого ордена Меченосцев. Он получил от папы устав храмовых рыцарей, белую мантию с красным крестом и право на владение покоренными землями, но в зависимости от ливонского епископа. После тридцатилетней трудной борьбы с туземцами меченосцы успели мечом и пламенем подчинить большую часть упорных язычников римской церкви. Покоряя Ливонию, они обращали оружие и на русские пределы, сначала для отражения полоцких князей, силившихся вернуть подвластную им страну на Двине из рук пришельцев, впоследствии для утверждения своего господства и латинской церкви в зе-

млях кривских. Но чувствуя слабость своих средств, встречая неодолимые препятствия в диком упорстве ливонцев и в мужестве русских, меченосцы, с согласия папы Григория IX, в 1237 году присоединились к ордену Тевтонскому, господствовавшему в Пруссии; удержали, однако, свое прежнее устройство, своих епископов, своих гермейстеров, назначаемых великими магистрами тевтонскими, свое право на покоряемые оружием их земли, приобрели только новые силы, новую бодрость, и с тех пор, подстрекаемые римским двором, духом фанатизма, жаждою корысти, вступили в беспрерывную борьбу с князьями полоцкими и новгородскими. Постоянные нападения их на наши пределы начались в то время, когда Батый разрушал Киев, а шведы хотели овладеть Новгородом. Александр Невский едва успел отразить Биргера, должен был спешить на помощь Пскову, коим рыцари уже овладели. Мужественный князь выгнал их из Пскова, освободил Изборск и, поразив главные силы неприятелей на Чудском озере, привел орден в такой ужас, что гермейстер его Вельвен трепетал за самую Ригу и просил помощи у короля датского; между тем, чтобы остановить успехи русских, уступил Новгороду значительную часть Лэтгалии. После смерти Александра война запылала снова. Рыцари, вопреки трактату, напали на новгородцев, шедших в Эстонию против поселившихся там датчан: но при Раковоре или Везенберге в 1268 году потерпели жестокое поражение, положив на месте много и русских, коими предводительствовал князь Дмитрий Александрович. Гермейстер собрал новые великие силы, до 18000, и осадил Псков, имея множество стенобитных орудий. Князь Псковский, мужественный *Довмонт*¹⁷, упорною защитою дал время новгородцам подоспеть на помощь и отбил рыцарей.

При всех неудачах меченосцы хотели непременно овладеть Псковом, который с тех пор был главною целью их походов и стражем русских пределов. К счастью нашему, в конце XIII века в ордене возникли раздоры между епископами и рыцарями за право господства над покоренными землями и на время отвлекли их внимание от Руси.

К довершению бедствий нашего отечества в первый век монгольского владычества на западных пределах Руси усилился народ, дотоле едва заметный в нашей истории, с середины XIV века грозный для всех соседей — литва.

Единоплеменная с коренными древнейшими народами, жившими по юго-восточным берегам Балтийского моря, с пруссами, с зимголою в Семигалии, жмудью в западной части Виленской губернии, с корсью в Курляндии, с ливью и летголою в Лифляндии, литва искони обитала в дремучих лесах между Неманом и Западною Двиною, в нынешней Виленской губернии, где в низших сословиях доселе господствует особенный язык, равно отличный от славянских, немецких и финских наречий. До нашествия монголов она известна была нашему отечеству смелыми набегами, коих целью был один грабеж, упорной привязанностью к полудикой жизни и грубым язычеством. Для обуздания этого свирепого народа со времен Ярослава I редкий из князей западной Руси не ходил в его бедную страну, чтобы завоевать ее. При появлении русских жители скрывались в глуши священных лесов своих и только в крайности платили дань звериными шкурами, даже лыками и вениками. Походы русских князей не всегда были успешны: сам Мстислав Великий, счастливый во всех воинских предприятиях, испытал неудачу в Литве, где погибли целые полки его, разбитые врагами. Скудная дань, которую они иногда платили, стоила нам дорого: князья, частыми вторжениями в Литву озлобив ее обитателей и не успев покорить их своей власти, накликали на себя врагов непримиримых. С середины XII века литовцы стали мстить нам неутомимо, обнаруживая в набегах грозную силу, страшную злобу, отчаянную дерзость: нередко в жестокую зиму вырывались многочисленными толпами из своих лесов и с остервенением опустошали пределы полоцкие, новгородские, псковские, даже волынские. Роман Мстиславич Галицкий в конце XII века прекратил на время их набеги на Воынь и вообще на Юго-западную Русь, одержав над ними несколько побед и грозою оружия внушив им такой страх, что имя его несколько веков памятно было в Литве; там еще в XVI столетии говорили в пословицу: «Романе! Худым живеши, литвою ореши». Он впрягал пленников в соху для обрабатывания земли. В других княжествах соседних, к востоку, при слабости их владетелей, литовцы находили более поживы: в 1224 году они проникли до самой Руси, вскоре появились в области Псковской, потом в Полоцкой, в 1239 году едва не овладели Смоленском; в то же время тревожили и орден Ливонский и Польшу; в одной из

битв с меченосцами они едва не истребили всего ордена: сам гермейстер Вольквин положил в ней голову со многими псковитянами, призванными на помощь.

После завоевания Руси монголами, в первые годы нашего рабства, литовцы выступили из своих лесов с решительным намерением овладеть соседними русскими городами. Ими предводительствовали многие конунгасы, или князьки, главой которых был храбрый и хитрый *Миндовг*¹⁸, первый достоверный князь литовский, имевший свою столицу в Кернове, баснословно производимый польскими летописцами от племени римлян, нашими от князей полоцких. Сперва он двинул весь свой народ, всех подвластных вождей на княжества Кривское, Псковское, Новгородское. Напор литвы так был стремителен, что Александр Невский восемь раз выводил в поле храбрую дружину против новых завоевателей, овладевших уже Торжком; он вытеснил их и спас свои области. Раздор сыновей и внуков его облегчил литовским князьям завоевание княжеств Полоцкого, Минского и Витебского. Новгород и Псков, понимая всю опасность, напрягли все свои силы, чтобы спасти свои города, и отстояли их. Видя здесь неудачу, литовцы обратились к югу, раздвинули пределы свои до самого Пинска и грозили завоеванием Волынских княжеств. С этих пор история Литвы тесно соединяется с историей Юго-Западной Руси.

III. РУСЬ ЗАПАДНАЯ (1238—1320)

Нашествие Батыя оставило в Юго-Западной Руси такие же глубокие следы, как и в восточной: многие цветущие города в Волыни и Галиции были разрушены до основания; в особенности Каменец, Галич, Перемышль; многие поколения волынских князей из рода Изяслава Мстиславича угасли; жители скрылись в лесах или бежали в соседние государства, еще более погибли. Даниил Романович, преемник Мстислава Удалого, видя невозможность бороться с монголами, удалился в Венгрию; по миновании же грозы, когда Батый возвратился к берегам Волги, спешил исцелить нанесенные им язвы: вызвал подданных из лесов, восстановил разрушенные города и необыкновенной деятельностью в короткое время образовал государство могущест-

венное, заключавшее в себе всю нынешнюю Галицию, Волынь, Подолию, часть Гродненской губернии, Люблинского воеводства и большую часть Молдавии.

Держава Галицкая не была подвластна великим князьям владимирским, утвержденным в орде государями всей Руси, ни Ярославу Всеволодовичу, ни Александру Невскому, тем более не преемникам их: ибо Даниил осторожной политикой умел внушить Батыю такое к себе уважение, что когда явился в орду после долговременного отказа с покорностью, хан принял его более как союзника, чем подвластного себе владетеля, и объявил главою Юго-западной Руси. Позже всех других князей признав себя данником монголов, он не терял надежды на независимость, с редким благородием изыскал средства к освобождению себя от ига и, чтобы успеть в своем намерении, решился искать помощи в западных европейских государствах. Более всего он надеялся на папу Иннокентия IV, который мог ополчить Европу на монголов, вступил с ним в дружелюбные сношения и обещал содействовать соединению восточной церкви с западной, о чем папы постоянно заботились, если только согласится на это вселенский собор, который предполагалось созвать, как только Русь будет избавлена от врагов. Иннокентий так обрадовался вызову Даниила, что прислал ему венец королевский и велел проповедовать крестовый поход против монголов. Ополчение, однако, не состоялось из-за раздоров христианских государей. Даниил, видя бессилие папы, прервал отношения с римским двором, удержал за собою титул королевский, остался непоколебим в православии и одним союзом с королями польским, венгерским, богемским хотел избавиться от рабства: укрепил города, собрал войско многочисленное, так хорошо вооруженное, что оно заслужило удивление венгров, которым помогал против императора Фридриха, и, изгнав ханских баскаков из всех областей своих до самого Днепра, объявил себя неприятелем преемника Батыева. Сонмы монголов устремились на Галицкое королевство; Даниил ждал только союзников, чтобы вступить в борьбу: они его оставили. Тут он увидел, что борьба невозможна, снова признал себя данником хана, даже разрушил, по воле его, укрепления Кременца, Луцка, Львова, Владимира. При всем том он и преемники его менее всех русских князей раболепствовали перед ханом: не ездили в орду бить че-

лом, не требовали ханского утверждения в отцовских уделах, заставили монголов уважать себя, грозя иногда тесным союзом с Европою, иногда собственным оружием, главное же, невзирая на раздробление Галицкого королевства по праву удельному, действовали в политике внешней и внутренней с редким в нашей истории единодушием.

После смерти Даниила Галицкое королевство разделилось на четыре удела: в княжестве Владимирском господствовал брат его Василько; в Перемышльском, Луцком и Галицком сыновья Лев, Мстислав и Шварн. Они вели успешные войны с королями польскими и с князьями литовскими, удерживая стремление сих новых завоевателей на южную Русь; строили, обновляли города; платили монголам дань, но не приглашали их для разбора своих наследственных прав на уделы и только в случае войны с соседями призывали их на помощь, как некогда половцев, с теми же последствиями: мнимые союзники более вредили их собственному государству, чем неприятелям, и мало-помалу доводили его до изнеможения. Сын Льва Даниловича Юрий, вступивший на престол в самом начале XIV столетия, соединил под свою державу, по праву наследства, всю юго-западную Русь, и по примеру великого дела своего, в отношениях с иноземцами именовался королем русским (преемники же его назывались королями Малой Руси). Государство его было самым могущественным из всех княжеств русских, занимая страну обширную, плодородную, со многими цветущими городами. При всем том иго рабства тяготело над ним так точно, как и над всею Русью; тяжелая дань, своеволие баскаков, походы монголов на Литву, Польшу и Венгрию, куда они неоднократно вторгались, все это изнуряло Галицкое королевство; оно могло назваться счастливым только по сравнению с другими княжествами.

После монголов главным предметом политики королей галицких была Литва. Миндовг, встретив отпор с Северо-западной Руси, обратил своих князьков на юг и завоевал Новгородок. Даниил Романович спешил заключить против него оборонительный союз с князьями польскими и с орденом Ливонским; в то же время пользовался раздорами литовских князей, вооружал их друг против друга, бил врагов при каждой встрече и проник в самую Литву. Миндовг, теснимый со всех сторон, прибегнул к хитрости: изъясляя

желание креститься со всем народом, он просил покровительства римского папы Александра IV, получил от него сан королевский в награду за мнимое усердие к христианской вере и при посредничестве его избавился от меченосцев; Даниила же Романовича склонил к миру, возвратив ему Новгородок, Слоним, Волковиск и выдав дочь свою за меньшего сына его Шварна, с обещанием не тревожить Воыни. Миндовг обманул и папу, и Даниила: остался язычником, спешил воспользоваться раздором князя Галицкого с монголами и снова обратил оружие на Воыньские княжества; но не успел овладеть ими, быв умерщвлен родственниками.

Смерть его сильно потрясла Литву и была поводом соединения сей страны с Галицким княжеством, к несчастью кратковременного. Сын Миндовга Воишелг, принявший христианскую веру по греческому обряду, еще при жизни отца отказался от света и, удалясь в Полонинскую обитель (Воынской губернии), ревностно исполнял все обязанности инока. Злодейство родственников вызвало его к мести: он свергнул с себя монашескую одежду, явился в Литве грозным мстителем, при помощи сыновей Даниила овладел государством, истребил убийц своего отца и, подозревая подданных в соучастии, плавал в крови их. Несколько сот семейств литовских, гонимые Воишелгом, искали убежища в Пскове и там крестились; в числе их был Довмонт, защитник Пскова, знаменитый набожностью и неоднократным спасением своей новой отчизны от ливонских рыцарей, от самых литовцев. Воишелг искал престола только для того, чтобы наказать родственников, виновных в смерти отца; совершив мечь, он снова в одежде инока удалился в монастырь, а государство уступил усердному сподвижнику, зятю своему Шварну, меньшему сыну Даниила Романовича. Шварн, получив от отца большую часть Галицкого королевства, присоединил к своему уделу все Литовское княжество, в котором господствовал около двух лет. Преждевременная смерть его не допустила утвердиться соединению Литвы с Русью: старший брат его Лев Данилович, наследовав область Шварна, Галицию, не умел утвердить свою власть в Литве, где его ненавидели как убийцу Воишелга. Литовским престолом овладел один из туземцев, язычник Тройден, враг русских. Лев, озлобленный вероломством и считая себя законным наследником Литвы, обратился с просьбой о по-

мощи к хану Саранскому Менгу-темиру. Призванные им монголы, соединясь с полками галицкими, смоленскими, северскими, устремились в Литву, чтобы завоевать ее для сына Даниилова; но остановленные на пути раздорами союзных князей, дошли не далее Новгородека и не столько повредили неприятелям, сколько русским княжествам, разорив на обратном пути множество сел и городов в Галиции. Эта неудача не образумила Льва: он снова призвал монголов из Ногаева улуса; плоды были те же. Тройден и преемник его Витень утвердились на самой Горыни. Малолетство же наследников Льва и пресечение рода Даниила привели всю Волынь во власть князей литовских.

IV. РУСЬ В НАЧАЛЕ XIV ВЕКА

В начале XIV века род Владимира Святого, разделенный по-прежнему на многие ветви, господствовал в зависимости от ханов сарайских в тех же пределах, которые имела русская земля пред нашествием монголов, исключая княжества Кривские, покоренные Литвой, Ливонию, присвоенную меченосцами, и южную Финляндию, отторгнутую шведами. Все пространство от гор Карпатских, берегов Сана, Западного Буга, Псковского озера и Выборга до Волги и Камы, от Ворсклы, верховьев Хопра и Медведицы до Мурманского, или Белого моря, было подвластно одному семейству. Многие ветви его угасли или, не ознаменовав себя ничем достопамятным, не были замечены летописцами. Господствующим поколением, как было до монголов, осталось Мономахово, разделившееся, в потомстве правнука его Ярослава Всеволодовича и правнука Романа Мстиславича, на два главных рода, из которых один сосредоточивал в себе всю политику в Восточной Руси, другой в Западной.

Род Ярослава Всеволодовича, в потомстве трех сыновей его Александра, Андрея и Ярослава, разделился на три ветви: дом Александра Ярославича Невского господствовал в княжестве Московском, дом Андрея Ярославовича в Суздальском и Нижегородском, дом Ярослава Ярославича в Тверском.

Московское княжество было слабее и малолюднее всех прочих княжеств. Москва, самый юный из городов Суздальской области, основанная вероятно не прежде Юрия Долго-

рукого, по крайней мере неизвестная прежде 1147 года, до нашествия монголов, не имела даже своего князя и составляла отчину государей Суздальских. Александр Невский отдал ее в удел младшему сыну своему Даниилу, который, владея сначала одною Москвою с несколькими селами и деревнями, впоследствии увеличил свою область, приобретая, по духовному завещанию племянника своего Иоанна Дмитриевича, богатый и многолюдный Переяславль Залесский. Сын его Юрий присовокупил еще Коломну, отняв ее у князя Рязанского. Иоанн Калита наследовал, по смерти брата, кроме Москвы, Можайск, Коломну, Перемышль, Звенигород, Рузу, Серпухов, Переяславль.

Суздальское, вместе с *Нижегородским*, принадлежало многим князьям из рода Андрея Ярославича; главою их был внук его Константин Васильевич. Господствуя в древних городах, с именем которых современники привыкли соединять мысль о великокняжеском достоинстве, располагая сверх того Нижним Новгородом, Галичем, Костромю, Городцом, Стародубом, Угличем, Константин был сильнейшим государем в восточной Руси.

Тверское княжество, доставшееся по смерти Дмитрия Михайловича, соперника Юрия Московского, брату его Александру, внуку Ярослава Ярославича, состояло из городов Твери, Ржева, Зубцова, Кашина; славилось мужеством народа и благородною твердостью князей, менее всех раболепствовавших хану.

Как правнуки Ярослава Всеволодовича, признанного во время Батыева великим князем всея Руси, князья Московский, Суздальский и Тверской только себя считали вправе быть на великокняжеском престоле; потомки других князей Владимира Святого, не из рода Ярослава Всеволодовича, не оспаривали у них этого права, искали одной независимости и, смотря по обстоятельствам, держались то той, то другой стороны. В числе княжеств второстепенных, относившихся к системе Восточной Руси, сильнейшие были: *Ростовское и Белозерское*, принадлежавшее потомству Константина Всеволодовича, брата Ярослава; *Рязанское*, где господствовали потомки Ярослава Святославича Черниговского в Рязани, Переяславле, Пронске; *Северское*, здесь княжил род Святослава Ольговича и Михаила Всеволодовича, разделяясь на князей Брянских, Козельских, Курских, Глуховских, Одоевских, Карачевских, Трубчев-

ских, Путивльских и других; *Смоленское* оставалось за домом Ростислава Мстиславича, которого отрасль утвердилась сверх того в *Ярославле*; *Киевское* и *Черниговское* княжества не всегда имели своих особенных владетелей: главные города их, состоявшие из одних развалин, с немногими жителями, были управляемы ханскими баскаками. Киев так опустел, что митрополит всяя Руси Максим в конце XIII века перенес отсюда свой престол во Владимир на Клязьме, бывший со времен Ярослава Всеволодовича столицею Руси. Впрочем, в орде было принято за правило считать Киев и Чернигов в числе городов великого князя; но потомки Ярослава, занятые своими распрями, не имели даже времени и подумать о столь отдаленных владениях.

Новгородское княжество по-прежнему принадлежало не исключительному поколению, а тому, кто был признаваем в орде главою других князей. Составляя в некотором смысле майорат каждого великого князя, оно давало ему значительный перевес, если только он умел поладить с вечем. Впрочем, это случалось редко: своеволие черни более ослабляло, чем усиливало великого князя, озадачивая его беспрестанно спорами о праве собирать дань, производить суд и расправу. Владения Новгородские были весьма обширны; в них находились города: Новгород, Ладога, Орешек, Руса, Копорье, Торжек, Вышний Волочок, Вологда, Устюг. Земли: Заволодская (в Архангельской губернии), Печерская, Пермская, Вятская, Югорская, доставлявшие мягкую рухлядь⁹, даже дорогие металлы, были области Новгородские.

Псковское княжество, усвоив внутреннее устройство, сходное с Новгородским, составляло равным образом майорат великого князя. В нем находились города: Псков, Изборск, Опока, Торопец.

В Юго-Западной Руси господствовал также род Владимира Мономаха, в потомстве Романа Мстиславича Волынского. Многочисленные княжества, известные прежде под именем Волынских, Червенских, Туровских, Галицких, принадлежавшие отчасти потомкам Мономаха и Володаря, отчасти другим отраслям Ярослава I, в продолжение XIII века вошли в состав одного могущественного государства, *королевства Галицкого*, в котором хотя были частные уделы, но владетели их беспрекословно признавали над со-

бою господство короля Галицкого, в роде Даниила Романовича. Оно простиралось от устьев Дуная до истоков Немана, от берегов Сана и гор Карпатских до Днепра, включая в своих пределах всю нынешнюю Воынь с частью Киевской губернии, Подолию, Галицию, часть воеводств Люблинского, Сандомирского и Гродненской губернии. Замечательнейшие города, подвластные потомкам Даниила, были: Галич, Львов, Перемышль, Дубно, Луцк, Владимир, Червень, Хелм, Белз, Каменец, Кременец, Овруч, Туров, Пинск, Брест, Волковиск, Новоградок.

К северу от королевства Галицкого, за верховьями Немана, русские земли, принадлежавшие до половины XIII века потомству Всеслава Полоцкого, были во власти частью литовских князей, частью ордена Меченосцев. Первые утвердились в Полоцке, Витебске, Минске и зависевших от них городах; вторые в Крейцбурге, Юрьеве и проч. Владычество тех и других имело совершенно разные начала. Литовские князья были идолопоклонники, признавали Перуна, поклонялись священному огню, обожали леса, но вообще охотно крестились в христианскую веру по греческому обряду и вступали в брачные союзы преимущественно с русскими князьями. Они смотрели на Русь как на новое отечество, где ожидала их лучшая жизнь, и нередко, в случае междоусобий, искали в ней убежища: целые сотни семейств переселились в Псков и Новгород, приняв там христианскую веру. Поступок Войшелга, отдавшего свое государство сыну Даниила Шварну, лучше всего объясняет взаимные отношения Литвы к Руси: оба племени сливались в один народ, в котором русский язык, русская вера, русские уставы должны были господствовать. Меченосцы отбирали наши города с иною целью: они вводили все свое и действовали с таким успехом, что в тех странах, где господствовал орден, все русское исчезало, все становилось немецким; сами названия русских городов и сел были заменены немецкими.

Из вышесказанного очевидно, что Русь в начале XIV века находилась в каком-то нерешительном состоянии: с одной стороны, главные условия жизни общественной, выражавшие всюду один тип, соединяли все земли ее в одно целое, в одно государство, подвластное одному владельческому дому (исключая немногие области); с другой же стороны, стремление князей к самостоятельности разры-

вало ее на части. Это стремление под влиянием монголов было столь сильно, что надлежало опасаться более, чем когда-либо, неминуемого раздробления русской земли на несколько держав самостоятельных, и Галицкое королевство, по-видимому, служило примером для прочих княжеств. При всем том узы единства были несокрушимы: кроме веры, языка, общественных уставов, кроме недостатка физических начал раздробления, сама мысль о первенстве, о верховном господстве того или другого лица, занимавшая, ссорившая всех князей, свидетельствовала, что потомки Ярослава I смотрели на русскую землю по-прежнему: то есть все, что носило на себе русский отпечаток, было их общим достоянием. Уделы переходили из рук в руки, сливались, разделялись и снова соединялись. Как один род успел присвоить власть над всею Юго-Западной Русью, так другой дом мог господствовать в восточной и мало-помалу составить с первым одно семейство: надлежало только решить вопрос, кто кого одолеет. Этот вопрос, однако, до того был запутан, что только продолжительные, кровавые распри могли развязать его.

При таком положении дел нельзя было ожидать скорого облегчения рабства. Главною, единственною целью политики князей было первенство одного над другим. Стремление к нему вооружало их друг против друга. Ханы Сарайские с искусством поддерживали дух раздора, не давали преимущества исключительному поколению и, назначая великих князей то из того, то из другого рода, не усиливали ни одного. Все князья были равны: каждый из них мог надеяться на достоинство великокняжеское, и так как оно стало гораздо почетнее, по крайней мере прибыльнее, чем прежде, получить же его можно было только угодливостью хану, то они, при каждом упразднении престола, спешили в Орду, кланялись хану, искали его родства, одаривали его жен, мурз и возвращались непримиримыми врагами. Следовательно, хан всегда имел средства подавить первый, великодушный порыв к государственной независимости. Притом же Орда была еще так могущественна, что могла бороться со всей Русью.

В Золотой орде с 1313 года господствовал хан, доселе знаменитый на востоке, Узбек. Имя его, по татарским понятиям, соединяло в себе идею всех царственных добродетелей: многие ханы считали себе за честь называться узбеками.

Долговременное 30-летнее царствование, ознаменованное строгим правосудием, крепостью правления, подавило таившиеся в Орде семена раздоров и так ее скрепило, что по первому мановению хана она могла подняться с прежним могуществом и сокрушить любого неприятеля. Важное обстоятельство еще более усилило ее: уже со времен Беркая многие монголы поклонялись лжепророку: Узбек ввел магометанскую веру во всех своих улусах. Дух нетерпимости, на котором основано учение корана, не нашел в монголах столь усердных фанатиков, как в пламенных жителях Аравии: один неудачный опыт в Твери охладил в них ревность к распространению магометанства в нашем отечестве: при всем том, исповедуя веру, согласную с духом завоевания, монголы удвоили свои силы, и при первой борьбе русские могли встретить в них грозных противников.

Вследствие этого предки наши менее чем когда-либо думали облегчить цепи рабства. Оно становилось год от году тягостнее. Князья трепетали ханского зова; пять знаменитых потомков Ярослава I, Михаил Тверской, дети его Димитрий, Александр с сыном, Федор Стародубский были жертвами зверского самовластия Узбека. Баскаки его призывали на суд потомков Мономаха, выслушивали их оправдания и решали княжеские ссоры как верховные судьи. Народ платил дань тяжкую; численники, таможники, мытари объезжали русскую землю, собирали подать с беспримерным тиранством, ставили должников на правеш или отводили в неволю.

Так миновал первый век нашего рабства!

ГЛАВА IV

МОСКВА И ЛИТВА

I. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ (1328—1462)

Участь Руси в первый век ее рабства была самая злосчастная: с востока и юга громили ее степные орды, с севера и запада теснили фанатики и опустошали литовцы; внутри терзали князя. Тяжкие, непрерывные удары довели ее до крайнего изнеможения, до последнего предела бедствия народного, за которым ожидала ее или смерть, или новая жизнь. Судьба ее решилась в первой половине XIV века. Большая, лучшая часть древней Руси Ярослава, исключая области Псковскую, Новгородскую, Суздальскую и Рязанскую, была исторгнута из власти монголов князьями не Рюрикова племени и подпала господству потомков литовского государя Гедимины; она сохранила веру, язык, нравы, обыкновения, самое гражданское устройство; но, утратив господство природных князей, по вступлении внука Гедимины Ягайло на польский престол, должна была разделять судьбу Польши, участвовать во всех войнах ее, во всех неурядицах внутренних, и терпеть гонение за веру. Еще более горькая участь грозила остальной Руси, Восточной, подвластной монголам: народ привыкал к рабству, безмолвно коснел в невежестве и в суеверном страхе смотрел на свою неволю как на удел, назначенный провидением. Князья гордились милостью хана, кланялись Орде и только заботились, чтобы он не отдал их престолов совместникам или своим баскакам. Распри их были непримиримы; более, чем когда-либо, они разрознили русскую силу

и уже не думали о возможности свергнуть иго. Но когда все, казалось, погребло, среди всеобщего расстройстве возвысила главу свою Москва с решительным намерением сосредоточить раздробленные силы русского народа, спасти его от разновластия, от ига чужеземного, и под сенью Москвы, укрепляемая святою верою, Русь воскресала к новой жизни.

Новый благотворный порядок вещей настает в восточной Руси в первой половине XIV века: там с 1328 года водворяется тишина внутренняя. Князья еще спорят о верховном праве, но уже редко осмеливаются решать свои споры кровавыми битвами и уступают исключительное первенство одной фамилии, которая с каждым поколением берет явный перевес. Монголы все еще гнетут народ налогами, но уже определенными, не терзают его откупщиками, как жертву беззащитную и, не раз встретив мужественный отпор князей, властвуют не безусловно. Литва расширяет свои пределы за Днепр, но берет города после долговременного сопротивления и нередко терпит неудачи. Восточная Русь сосредоточивает свои силы; повинуется одному уму, одной воле и обнаруживает явное стремление к независимости. Эта благодатная перемена началась с тех пор, когда Москва стала главою отечества и достоинство великокняжеское утвердилось в потомстве Иоанна Данииловича, внука Александра Невского*.

Иоанн I (Калита) принадлежал к числу тех редких в истории государей, которые, успев разгадать дух времени, изобретают сообразную с ним политику и дают направление судьбе народов. Он понял, что Русь, при всем изнеможении, заключала в себе силы неодолимые, но раздробленные, несогласованные, следовательно слабые, что она умирает единственно от внутреннего неурядиства, от запутанности княжеских отношений, что спасти ее от неминуемой гибели могло только единоедержавие, которое сосредоточило бы все силы ее к одной цели, что для введения единоедержавия необходимо было утвердить власть великого князя за одним родом, который мог бы следовать посто-

* Имя Москвы впервые упоминается в 1147 году, когда Юрий Долгорукий, воюя с Изяславом, пировал в ней со своими союзниками. Она долго именовалась селом Кучковым. Первым достоверным князем ее был младший сын Александра Невского Даниил, который усилил свое княжество приобретением Переяславля Залесского.

янной политике, и укоренить мало-помалу мысль об исключительном праве одной фамилии на достоинство верховное.

В стремлении к этой цели Иоанн встречал великие препятствия. Утвержденный ханом в достоинстве великого князя, он мог властвовать неограниченно только в наследственной области Московской, состоявшей из 8 городов: Москвы, Можайска, Коломны, Звенигорода, Рузы, Серпухова, Перемышля, Переяславля Залесского; сверх того, как великий князь, господствовал в княжествах Владимирском, Псковском и Новгородском; все прочие области, подвластные монголам, имели своих государей, не думавших отказаться от права наследственного. Одни из этих областей принадлежали древним отраслям Ярослава I: Смоленская потомкам Ростислава Мстиславича; Рязанская, Муромская и Пронская поколению Святослава Черниговского; другие же княжества возникли из удела Юрия Долгорукого и также имели своих князей наследственных: в Ростовском и Белозерском господствовали потомки Константина Всеволодовича, в Суздальском и Нижегородском потомки Андрея Ярославича, в Тверском потомки Ярослава Ярославича. Каждый князь удельный считал свою отчину неотъемлемою собственностью и часто хотел лучше погибнуть в Орде, чем уступить ее другому роду. Таким образом, власть великого князя в Восточной Руси имела три степени: в отчине своей он властвовал неограниченно и мог завещать ее в наследство своим детям, даже не спрашивая ханского дозволения, ибо в Орде обыкновенно утверждали сына в отцовской области; княжествами Владимирским и Новгородским он управлял как наместник ханский, но не мог отказать их своим детям, ибо Владимир и Новгород были только пожизненным достоянием каждого великого князя; в прочих областях, имевших своих князей, он был только миротворец; сверх того, получал от них *выходы ордынские*, или ежегодную дань для доставления ханам. Великий князь, в свою очередь, наравне с прочими, зависел совершенно от произвола татарского. Хан мог без всякого суда лишить его верховной власти, самой отчины; никакой ум, никакие доблести не могли отвратить удара в случае ханского гнева; на содействие князей удельных надежды не было: все они ловили первый случай, чтобы самим сесть на престол великокняжеский.

При таком положении дел еще рано было думать об искоренении удельной системы, тем более о свержении ига. Иоанн Калита не искал ни того, ни другого и оставил события идти обыкновенным ходом, как было прежде: не отнимал княжеских уделов, не озлоблял ханов, платил им дань и ездил в Орду. При всем том в кратковременное княжение свое он положил твердое начало новому порядку вещей, из которого развивались последующие события. Постоянным правилом его политики было: 1) дать власти великого князя ту силу, которую она имела при Ярославе I и Владимире Мономахе; 2) утвердить право великого князя исключительно за своим родом; 3) увеличить наследственную отчину, Московское княжество, приобретением новых областей и городов.

Возвышая сан великого князя и присваивая верховную власть своему роду, Иоанн с редким искусством пользовался обстоятельствами времени. Главное орудие к достижению своей цели он нашел в самом источнике нашего злополучия, в Орде. Ханы ордынские, безотчетно управляя нашим отечеством, назначали в свои наместники преимущественно тех князей, которые успевали заслужить их благосклонность смиренною угодливостью, богатыми дарами, поклонами. И прежде Калиты князья искали милости в Орде; но никто из них не умел так угодить ханам, как Иоанн Данилович: он неоднократно ездил к Узбеку, приносил ему груды серебра, представлял детей как будущих усердных слуг ханских и неутомимо преследовал Александра Михайловича Тверского, заслужившего гнев Узбека. Пользуясь беспредельною доверенностью хана, удовлетворяя корыстолюбию монголов, Иоанн самовластвовал в отечестве: именовался *великим князем всея Руси*, теснил князей, страшал их гневом ханским, посылал к ним своих бояр для сбора ордынских выходов, в то же время обогащал свою казну значительной частью дани, собираемой для монголов, и мог накопить себе сел и городов в областях отдаленных.

Не менее надежное орудие нашел Иоанн внутри отечества, в духовной власти митрополита. Пастыри русской церкви искони были миротворцами наших князей; не принимая прямого участия в их спорах, они могли, однако, нередко давать перевес тому, чью сторону держали: ибо глубокое благочестие было отличительною чертою князей и

народа древней Руси. Тяжкое иго, оставив нашим предкам одно утешение, религию, естественно возвысило сан духовный тем более, что и сами монголы оказывали ему явное уважение. Митрополит не мог спорить с великим князем о правах верховной власти, но мог служить ему крепкою опорой. Иоанн Калита угадал эту истину и, будучи еще удельным князем, убедил митрополита всея Руси св. Петра оставить Владимир (куда предшественник сего свяителя, Максим еще в 1299 году перенес свой престол из Киева, теснимого монголами) и поселиться в Москве, где набожный князь обещал ему тишину и безопасность*. Здесь остались и преемники Петра, тем охотнее, что под влиянием князей московских они получали от ханов многие льготы. С тех пор Москва стала выше всех городов, как град первопрестольный, и если владетель ее встречал еще соперников, то мнение общественное было на его стороне. Иоанн Калита и преемники его, понимая всю выгоду столь важного обстоятельства, не решались ни на одно значительное дело без совета и благословения митрополита, который со своей стороны вполне завися от великого князя, служил ему самым надежным орудием к обузданию внутренних мятежников угрозою отлучения от церкви. Так обе власти, духовная и мирская, соединяясь тесными узами, сосредоточивались к одной цели, поддерживали одна другую и вскоре обнаружили силу неодолимую.

Плоды политики Иоанна обнаружились немедленно по его кончине. Три князя искали чести быть наместниками ханскими: Константин Михайлович Тверской, Константин Васильевич Суздальский и *Симеон Иоаннович Московский*¹. Первые два, как старшие в роде, как дяди Симеона, имели неоспоримое право на престол; но сын Калиты представил Узбеку верную службу отца, в то же время не шадил даров ханским вельможам, имея богатую казну, между тем как соперники его не могли сыпать золотом, и был объявлен великим князем. Он вполне понял отцовскую политику: столь же усердно угождал Узбеку и сыну его

* Митрополит Петр, родом из Волыни, постриженный на 13 году в одном пустынном монастыре, выучился там иконной живописи и написал образ Богоматери. Посвящен в митрополиты в 1308 году в Царьграде. Св. Житие его в Степенной книге, сочинено митрополитом Киприаном при Димитрии Донском.

Джанибеку, столь же решительно и грозно властвовал в отечестве. Усыпляя ханов льстивым смирением, он торжественно вступил на престол в соборном храме Владимирском, по примеру отца называл себя великим князем *всех Руси*, и держал удельных владетелей в таком почтительном отдалении, что современники проименовали его *Гордым*. Спокойствие господствовало внутри восточной Руси во все время его правления: уже никто не смел с ним спорить; сами новгородцы, испытав его твердость, должны были платить ему дань.

К несчастью, Симеон княжил недолго; скончался от лютой моровой язвы, известной под именем черной смерти*; из Китая она проникла в Сирию, Египет, Грецию, Италию, Францию, Англию, Германию; отсюда в Новгород и Псков, истребив несметное множество народа; у нас опустели целые города. Судьба, как бы испытывая русскую силу, готовила ей новые удары.

Преемник Симеона, второй сын Калиты, Иоанн, признанный в достоинстве великого князя Джанибеком, далеко уступал отцу и брату в твердости и искусстве государственного управления. Князья удельные, не споря с ним о верховном праве, хотели быть по-прежнему независимыми: резались друг с другом и не слушали князя Московского.

Правда, еще не совсем погибли плоды Иоанна Даниловича: умные бояре, воспитанные в его школе, руководили сыном, следуя указанию великого и мудрого святителя митрополита Алексея, который духовною властью смирял крамольников тем успешнее, что сам он пользовался особенною милостию хана**. Но Иоанн вскоре умер; в то же время, среди кровавых распрей, погибли и узбеки, покровители Москвы. Князья удельные, до тех пор терпевшие ее насилие, единственно из опасения раздражить благосклонных к ней ханов, решились возобновить свои права на первенство. Они тем более надеялись

* Он имел 6 сыновей: четверо из них умерли в младенчестве; двое вместе с отцом.

** Св. Алексей, сын знатного Черниговского боярина Федора Баконта, постриженный 19 лет, возведенный в сан епископа Владимирского в 1352 году, чрез год посвященный в митрополиты, заслужил благоволение Джанибска, исцелив жену его Тайдулу.

на успех, что из дома Московского остались три юных отрока*, внуки Калиты, из которых самым старшим был девятилетний *Димитрий Иоаннович*². Пользуясь их малолетством, Димитрий Константинович Суздальский, внук Андрея Ярославича, получил в Орде грамоту и объявил себя великим князем.

Гений Калиты спас Русь. Мысль об исключительном праве его рода на первенство глубоко укоренилась в умах современников. Митрополит и бояре московские, частью для собственных выгод, частью по убеждению совести, спешили воспользоваться общественным мнением, и, без труда выхлопотав в орде грамоту юному Димитрию Иоанновичу, провозгласили его великим князем. Князь Суздальский не хотел уступить, но, уstraшенный полками московскими, смирился, признал Димитрия главою Руси и впоследствии скрепил дружбу, выдав за него дочь свою Евдокию.

Доселе многие обстоятельства благоприятствовали князьям московским: собственные силы их были слабы; но они находили надежную опору в покровительстве узбеков и, безопасные от западных соседей, удерживаемых Новгородом и Псковом, имели дело только с недалёковидными князьями, которые в надежде, что властолюбие московское скоро минует, не принимали решительных мер. Теперь Москва увеличила свои области, могла выставить многочисленное войско и собственной силою одолеть каждого князя отдельно; но вместе с тем она обнаружила явное стремление к самовластию, открыла глаза соперникам, могла опасаться отчаянного упорства князей, должна была выдержать всю тяжесть ударов князей литовских и обнажить меч на самих монголов. Настало время окончательно решить трудный вопрос о праве, присвоенном Калитою. Дмитрий решил его, к счастью отечества.

По примеру деда и дяди, именуясь великим князем *всей Руси*, он хотел властвовать над князьями удельными, вмешивался в их распри, теснил непокорных, раздавал и отнимал престолы. Князья Ростовские, Нижегородские, Стародубские, Галицкие и многие другие или беспреко-

* Остались два сына Иоанна Димитрий и Иоанн, и двоюродный брат их Владимир, сын Андрея Иоанновича.

словно, или после слабого сопротивления признавали его своим главою. Но Тверь, Рязань и Новгород хотели быть независимы. Самым деятельным и упорным соперником был князь Тверской Михаил Александрович, отец которого погиб в орде по наветам деда Дмитриева, Иоанна Калиты. Увлекаемый родовой местию и по праву старейшинства считая себя законным государем Руси, Михаил не хотел терпеть в своей отчине самоуправства Москвы и просил помощи у зятя своего *Ольгерда*³, женатого на княжне Тверской Улиании Александровне. Князь Литовский три раза поднимал все свои силы и доходил до самой Москвы как победитель, ознаменовав свои походы жестоким опустошением; но каждый раз встречал мужественный отпор и непреклонную волю Дмитрия смирить князя Тверского. Ольгерд прекратил вторжения в Московское государство и оставил шурина на произвол судьбы. Михаил обратился к монголам, выхлопотал у хана грамоту на великокняжеское достоинство, подружился с Новгородом, и все напрасно: непреклонный Дмитрий не уступил ему престола и заставил его смириться. Неудача Михаила, убедив князей в невозможности одолеть государя Московского сильной помощью соседей, даже содействием хана, лишила их всякой надежды возвратить самостоятельность. Смирив князя Тверского, Дмитрий обуздал и другого врага, равно опасного, Олега Рязанского, который, еще при отце его присвоив себе власть над всею Рязанскою областью, объявил себя независимым от Москвы и был жестоким врагом ее. Полки московские овладели Рязанью и отдали ее князю Пронскому; Олег выгнал совместника и притворною дружбою спешил умиловить великого князя. С Новгородом Дмитрий управился впоследствии.

Стесняя князей удельных, государь Московский неоднократно раздражал ханов непослушанием и хотя еще, следуя правилу предков, старался усыпить их ласками, даже ездил в Сарай, но, с одной стороны, сама Орда вызвала его на брань, с другой Русь, оживленная умом Калиты, готова была измерить свои силы, и Дмитрий, достойный представитель народа, одушевленного ненавистью к злодеям, упованием на Бога, решился поднять оружие на монголов.

Орда Батыея, более века постоянно кочуя на Волге, сохранила свой первоначальный полудикий образ

жизни, который не могла смягчить вера магометанская, введенная в конце XIII века. Орда не строила ни сел, ни городов, не любила земледелия и находила легкий способ к существованию в дани покоренных народов. Время охладило в ней воинственный жар, воспламененный Чингисханом; но безотчетная страсть к разрушению только уступила место ненасытному корыстолюбию, которое, изменив цель набегов, не изменило ни лютой кровожадности, ни военного искусства, и Орда, по-прежнему сильная, безусловно покорная своим ханам, могла привести в трепет великие государства. Одолеть и смирить ее внешним оружием было невозможно: при-мыкая с востока к несметным ордам единоплеменников, она всегда имела средства найти, в случае опасности с запада, надежное убежище и оправиться от поражения. Если бы один хан позволил христианам рассеять свои улусы, другой легко мог собрать их, пробудить еще неостывший фанатизм разрушения и снова разгромить Европу. Это была гидра, которая от каждого удара становилась ужаснее. Орда могла погибнуть только сама собою; надобно было выждать, когда внутренний раздор предаст ее в жертву безначалия и сокрушит главную пружину ее крепости, единодушие; раздор же был неминуем, невзирая на все меры дальновидного Чингисхана: орда Сарайская, подобно другим ордам, возникшим из его империи, уже при первых преемниках Батыевых, с каждою переменою хана, была позорищем кровавых сцен; редкий хан вступал на престол, не сорвав головы с своих совместников. Бердибек, внук Узбека, умертвил отца и 12 братьев; преемник и родственник его Кульпа со всеми сыновьями чрез 5 месяцев был убит Наврусом, который в свою очередь зарезан полководцем Хидырем; Хидыря умертвил сын Темирхожа, княживший только 6 дней; его свергнул темник (полководец) *Мамай*⁴, возмутил всю Орду и, назвав ханом Абдула, перешел на правый берег Волги: в Сарае воцарился Мурат, в земле Болгарской явился особенный хан, в Мордовской тоже. Все они резались друг с другом и плавали в крови монголов. Эти неустройства были только предвестниками падения Орды, но не сокрушили ее; головы ханов падали; она же была крепка по-прежнему: отделившиеся части ее не могли жить своей жизнью, легко сливались в одно целое,

и сильный Мамай, погубив всех соперников, без труда восстановил Батыево царство, дав ему в ханы Мамаит Салтана, именем которого сам властвовал. Орда по-прежнему стала неодолима.

Димитрий мыслил иначе: будучи еще в малолетстве свидетелем мятежей ордынских, он думал, что пришло время свергнуть постыдное иго и готовил меч за свободу: договорные грамоты с князьями удельными свидетельствуют, что мысль избавить отечество одушевляла его с первых лет правления. С одной стороны, ободряло его мнимое бессилие Орды, терзаемой внутренними раздорами; с другой же он угадывал, что при всеобщем народном озлоблении на *татар*, достигшем высшей степени, князья удельные волею и неволею должны будут соединить свои полки с московскими. Он так был уверен в успехе, что невзирая на войну с Литвою не препятствовал народу бить отряды монголов, врывавшихся в юго-восточные города во время мятежей ордынских; наконец, управясь с Ольгердом, сам выступил против них с московскими полками и на берегах Вожи (в Рязанской области) истребил несколько тысяч злодеев, посланных Мамаем для разорения Московского княжества.

Мамай поднял всю Орду, чтобы смирить Русь, и для лучшего успеха заключил союз с Ягайлом, великим князем Литовским, который в одно время с ним должен был устремить свои силы на Москву с запада. Димитрий давно ожидал грозы, принял свои меры и такое умел внушить к себе доверие, что, по первому его зову вся Русь Восточная закипела бранною тревогою; все князья, исключая изменника *Олега Рязанского*⁵, даже дети Ольгердовы, Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский, стали с своими полками под знамена московские и, предводимые Димитрием, спешившим предупредить соединение Мамаея с Ягайлом, смело пошли навстречу монголам к берегам Дона. За Доном, на Куликовом поле, орошаемом речкою Непрядвою (Тульской губернии, Епифанского уезда), сразились русские со всеми силами Мамаея. Оба войска бились с ожесточением на пространстве 10 верст. Димитрий был впереди своих полков. Борьба решилась ударом засадного полка под начальством опытного вождя боярина Димитрия Волинского и двоюродного брата великого князя Владимира Андреевича Серпуховского. 200 000 трупов, если верить преданию, покрыли поле

Куликово. Мамай, разбитый наголову, в бегстве искал спасения; остатки его войска были рассеяны близ Мариуполя соперником его Тохтамышем; сам он погиб в Кафе, убитый генуэзцами. Но время нашей свободы было еще далеко.

Для избавления Руси от неволи надобно было разорить вконец улусы Сарайские, чтобы искоренить гнездившуюся там мысль о праве потомков Чингисхана на господство в нашем отечестве. Димитрий не решился на столь трудный подвиг. Русь так дорого заплатила за Куликовскую победу, что долго не могла собраться с силами для борьбы отчаянной; Кипчак же вскоре наполнился несметными толпами татар, взволнованных в глубине Азии новым Темучином, *Тамерланом*⁶. Орда Золотая ожила снова. Тохтамыш, сподвижник Тамерлана, воцарившись в Сарае, хотел властвовать и в Руси; неожиданно ворвался в ее пределы и дошел до самой Москвы. Великий князь удалился из столицы, чтобы собрать войско, поручив Москву Остею, внуку Ольгерда. Мужественный Остей отбил все приступы татар. Тохтамыш вступил в мирные переговоры и, воспользовавшись оплошностью москвитян, поверивших клятве князей нижегородских, что татары не сделают им зла, вероломно ворвался в город и все предал огню и мечу⁷. Разрушив столицу, он грозил опустошить всю землю Русскую, если Димитрий не смирится. Оставленный князьями, не имея средств продолжать борьбу с монголами, он согласился платить дань. Победа Куликовская не принесла тех плодов, коих ожидали современники: они искали свободы и по-прежнему остались в неволе. Тем не менее она имела благотворное влияние на будущую судьбу Руси: слава, озарившая Димитрия, разуверила русских в суеверном мнении о непобедимости монголов, пробудила живейшее желание свободы и, что всего важнее, возвысила в понятиях современников поколение Калиты. Народ не мог забыть Донского побоища и с мыслью о победе сливал мысль о Москве: в ней одной светился отрадней луч свободы.

Оставшись данником Орды, Димитрий не терял надежды на свободу отечества, с твердым упованием передавал ее преемникам и тем ревностнее заботился о довершении мысли своего деда сосредоточить раздробленную Русь в одно государство Московское. Никто из кня-

зей удельных не смел с ним спорить: победа Куликовская поставила его выше всех; одни только новгородцы искали независимости, не хотели относиться в делах церковных к митрополиту, грабили московские города и самовольно отдавали свои волости князькам литовским в управление. Димитрий видел всю опасность от тесной связи их с Литвою и спешил разорвать ее: грозным ополчением 26 областей осадив Новгород, обязал его признать себя верховным государем, внести в казну великокняжескую значительную пеню и платить ежегодно так называемый *черный бор*, или поголовную подать с низших классов.

Усмирением князей удельных, обузданием своеволия новгородцев, отпором Литве, блестящею победою над монголами Димитрий достиг той цели, к которой стремился Калита, бесспорного первенства князя Московского среди потомков Ярослава. Но этого было мало: уделы древние исчезали; новые готовы были возникнуть в самом роде Калиты; могла повториться прежняя история детей Ярослава, Мономаха, Всеволода. Доселе одно случайное малолюдство московского дома спасало его от раздоров. Димитрий оставлял после себя пять сыновей и одного двоюродного брата, Владимира Андреевича Храброго, героя Куликовской битвы; по древнему обыкновению, Владимир, как старший в роде Калиты, имел неоспоримое право на власть великокняжескую; дети же Димитрия должны были получить в наследственную отчину особенные уделы. Наступал решительный перелом, долженствовавший погубить или спасти отечество: при переходе власти великокняжеской из одной линии в другую князья неминуемо равнялись, и мысль о царственности одной фамилии исчезала. Московской державе грозило то же раздробление, с теми же гибельными последствиями, которые испытала Русь после смерти Александра Невского. Димитрий спас ее, утвердив великокняжеский престол исключительно *в своем* роде, с согласия Владимира, который договорною грамотою отказался от первенства и признал племянника, *Василия Димитриевича*^{*} старшим, или великим, князем. Димитрий не мог окончательно уничтожить удельного права, освященного веками, назначив отчины младшим сыновьям своим и брату, не мог установить и наследства престола в прямой

нисходящей линии, объявить преемником Василия не внука, а одного из сыновей своих; но главный шаг был сделан: право старейшинства, еще неискорененное, однако весьма ослабленное, при новых понятиях о державной власти должно было неминуемо уступить место праву первородства*.

Довершив великую мысль Калиты, возвысив свой дом выше всех домов удельных, на чреду царскую, главою Руси восточной, Димитрий оставил своим преемникам довершить то, что сам он начал: сосредоточить русские силы в одну державу Московскую, спасти ее от Литвы, вырвать из рук монголов и утвердить новое право престолонаследия, которое одно могло подавить удельную систему. Два поколения созревала мысль Калиты; еще более требовалось времени, ума, благоприятных обстоятельств, чтобы исполнить планы Донского. Хотя они были неминуемым следствием того, что уже совершилось, и развивались, так сказать, сами собою, вопреки всем препятствиям; тем не менее они могли исчезнуть так точно, как исчезла система Мономаха, если бы благоразумный преемник Димитрия продолжительным 36-летним правлением не дал времени окрепнуть делу отцовскому.

Василий Димитриевич не имел ни блестящих свойств отца, ни его доблести воинской, ни его истинно царского великодушия, ни его благородной смелости; но был очень умен, осторожен и действовал так хитро, дальновидно, что Москва, после смерти его, стояла уже на развалинах удельной системы, готовая вступить в решительную борьбу с Литвою и с Ордою. В делах внутренних он следовал более осторожной системе Иоанна Калиты и Симеона Гордого, чем решительной политике своего отца: подобно Димитрию старался увеличить Московскую державу присоединением тех областей, в которых преемники Калиты господствовали как великие князья, не имея права передавать их своему дому в смысле отчины: столь же неутомимо теснил

* Димитрий назначил: 1) Василию, кроме великого княжества, в особый удел Коломну; 2) Юрию Галич, Звенигород, Рузу; 3) Андрею Можайск, Верею, Калугу, Белозерск; 4) Петру Дмитров; 5) Иоанну несколько сел. Великая княгиня Евдокия получила разные поместья. Владимир Андреевич имел свой удел, состоявший из городов: Серпухова, Боровска, Волока, Ржева и других.

Новгород и князей удельных, вмешиваясь в их распри, требуя их к себе на суд; но все свои действия, по примеру Калиты, подкреплял волею хана Сарайского; для чего, в начале правления, неоднократно ездил в Орду, искал благосклонности царя и тем более успел, что монголы, зная его силу, дорожили его покорностью. При таких мерах князь удельные спасли тень самостоятельности смиренными договорами и постоянною дружбою с Москвою; ни Тверь, ни Рязань не решались вступать с нею в борьбу; а Ростов, Суздаль, Нижний Новгород, Муром один за другим вошли в состав государства Московского.

Усиливая свое княжество внутри, Василий с искусством спасал его извне от властолюбия Литвы и хищности монголов. В Литовском княжестве, во все время его правления, господствовал могущественный *Витолд*, или *Витовт*⁹, желавший освободить Русь Западную от влияния Польши, Русь Восточную от власти монголов, составить из обеих частей одно самостоятельное подвластное ему государство и быть грозою соседей. Он обладал большей частью древней Руси, всеми княжествами заднепровскими, кроме Галицкого, и хотел присвоить области, подвластные московскому государю, невзирая на то, что Василий женат был на дочери его Софии. Для вернейшего успеха Витовт решился прежде всего сокрушить Золотую Орду и предложил Василию напасть на нее общими силами. Великий князь подстрекал славлюбивого тестя к войне с монголами в надежде ослабить врагов врагами, но уклонялся от участия в борьбе их, зная, что Витовт, сокрушив Орду, не пощадит и Москвы. Литовский князь выступил против орды с одними своими полками и на берегах Ворсклы был разбит наголову монгольским полководцем Едигеем. Здесь пали лучшие витязи его и сокрушились его грозные силы. Великий князь до сих пор избегал ссоры с могущественным тестем, дозволив ему овладеть Смоленском, многими городами Рязанскими, теснить Новгород; после поражения Витовта при Ворскле он начал действовать смелее и решительнее, приняв за правило не уступать Литве ничего, что не было ею присвоено прежде, и как скоро литовский князь обнаружил властолюбивые замыслы на Псков, Василий собрал свои полки, выступил в поле, остановил тестя и всегдашнюю готовностью к отпору удерживал стремление его на Русь Восточную.

С той же осторожностью, с тем же благоразумием он действовал в отношении к монголам: главной целью его было ослабить узы рабства и мало-помалу уничтожить в орде мысль о праве ее господствовать на Руси. К этой цели он стремился неумолимо с тех пор, когда грозный завоеватель востока Тамерлан потряс царство Батыя. Сын одного из мелких князьков империи Чагатайской, изнуренной слабостью ханов, властолюбием и раздорами эмиров, предавших ее в жертву гетам или калмыкам, Тамерлан решился освободить свое отечество от власти иноземной и восстановить его прежнее могущество. Начав свое поприще с самыми ничтожными средствами, подобно Темучину, он успел одолеть все препятствия умом, храбростью, искусством, обуздал эмиров, покориł гетов и, упоенный своими успехами, вздумал, по примеру Чингисхана, быть владыкою вселенной. Его оружие вскоре привело в трепет всю Азию: Персия, Сирия, Турция, Индия, Китай, опустошенные свирепым завоевателем, признали власть его над собою. Сподвижник его Тохтамыш, воцарившись в Сарае, после Мамаева поражения на Куликовом поле, при Василии Дмитриевиче хотел быть независимым от своего могущественного покровителя и вступил с ним в борьбу. Разбитый наголову в степях астраханских, он не смирился, собрал все свои силы и напал на Тамерлана близ нынешнего Екатеринограда. Битва была самая упорная и кровопролитная. Монголы резались с остервенением и гибли тьмами. Сотни тысяч трупов покрыли пространство между Терекон и Кумою. Счастливый Тамерлан взял верх и рассеял полки Тохтамыша. Великий князь Московский с радостью услышал о бедствиях хана Золотой орды; но эта радость вскоре обратилась в неописанный ужас: Тамерлан, преследуя бегущего Тохтамыша, перешел Волгу, двинул все свои силы прямо на север к пределам Руси и овладел Ельцом¹⁰. Народ с трепетом услышал о нашествии несметных врагов и ждал возобновления времен Батыя. Василий не потерял бодрости, собрал все свои силы и расположился близ Коломны, для отпора Тамерлану; между тем зная, что только заступничество небес могло спасти и Москву и Русь, он велел перенести чудотворную икону св. Богородицы из Владимира в столицу. В тот самый день, когда все жители Москвы встретили ее с теплою мольбою о спасении, Тамерлан, уже дошедший до верховьев Дона, вдруг обратился на-

зад, вступил в Золотую Орду, разрушил Сарай, опустошил весь Кипчак и скрылся за Уралом¹¹. По удалении Тамерлана Тохтамыш хотел восстановить разоренную Орду; но встретил опасного совместника в одном из потомков Батыя, в Тимур-Кутлуке, который объявил себя ханом ордынским, воцарился в Сарае и изгнал своего соперника; в свою очередь, Тимур был изгнан другими властолюбцами, снова потрясшими орду кровавым междоусобием.

Нашествие Тамерлана и внутренние раздоры до того ослабили Орду, что Василий несколько лет не платил ей дани, не ездил в Сарай смиренно бить челом, не посылал туда и бояр, как бывало прежде; впрочем, не решался озлоблять монголов явным отказом в покорности из опасения образумить злодеев и в надежде, что Орда падет сама собою от собственных неурядиц. Опасения и надежды его были не без основания: победитель Витовта Едигей, угадав намерение Василия, без явной борьбы, одним прекращением связей с Ордою под благовидными предложениями заставить ханов, так сказать, забыть Русь, решился напомнить ему прежнюю покорность князей Московских: неожиданно вторгся в русские пределы, осадил Москву, которой не мог впрочем овладеть из-за мужественной обороны Владимиром Храбрым и, с богатым откупом возвратившись в Орду, грозил великому князю новым вторжением, если он не смирится. Василий покорился необходимости и даже счёл нужным отправиться в Сарай. Но вслед за тем в Орде возобновились жестокие междоусобия; явились многие искатели ханского престола; соперники резались, истребляли друг друга, как было после смерти Узбека. Василий возобновил прежнюю политику, не унижался перед ханами, изредка посылал им дары, но не ездил более в Орду и всегда готов был к отпору.

К концу жизни его Восточная Русь сосредоточилась в одно целое под знамена Москвы; удельные князья так ослабели, что не смели думать о равенстве или соперничестве с князем Московским. Оставалось предупредить междоусобия в самом семействе Калиты. Димитрий Донской успел устранить их на целое поколение благодаря великодушью Владимира Храброго; но в то же время глубоко посеял семя раздоров, назначив великим князем, после смерти старшего сына, одного из прочих. Василий Димитриевич хотел исправить ошибку отца или, лучше сказать, довер-

шить его дело и наименовал себя преемником не брата, *Юрия Димитриевича*¹², которому престол принадлежал по завещанию Донского, а собственного сына *Василия*¹³.

Василий Васильевич, по распоряжению отца, приняв титул великого князя, встретил опасного соперника в родном дяде Юрии Димитриевиче, князе Галицком, имевшем право на престол по завещанию Димитрия Донского. Первым следствием их спора был суд в Орде, напомнивший злосчастные распри детей Александра Невского. Хотя искусство и дары бояр московских склонили хана Улу-Мухаммеда признать Василия главою Руси, но Юрий не хотел уступить, и кровавое междоусобие, доселе шадившее Москву, было другим следствием соперничества князей. Василий имел на своей стороне народ, который, постигая всю выгоду нового порядка престолонаследия, стоял за него усердно, как за государя истинного, законного. Юрий взял верх личным мужеством и искусством; выгнал племянника из Москвы, овладел ею и объявил себя великим князем. Впрочем, торжествовал недолго: смерть скоро пресекала его честолюбивые замыслы. Василий возвратился в Москву; народ встретил его с восторгом; но междоусобие возобновилось на целые 20 лет.

Юрий оставил после себя трех сыновей, беспокойных и жестокосердых, *Василия Косого, Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного*¹⁴. Старший из них Василий Косой не был доволен своим уделом Звенигородским, питал сверх того личную ненависть к Василию, будучи оскорблен матерью его Софиею, объявил себя великим князем, собрал войско и начал опустошать государство Московское. Василий Васильевич успел разбить его, взял в плен и ослепил.

Дмитрий Шемяка, князь Галицкий, решился отомстить за брата и ждал благоприятного случая. Этот случай скоро представился. Хан Золотой Орды Улу-Мухаммед, изгнанный из Сарая, занял Белев; но, вытесненный отсюда по приказанию государя Московского, удалился в Болгарию, восстановил разрушенную Казань, основал могущественное царство и объявил Василию войну за бесчестное удаление из Белева. Великий князь вышел против него с войском, был разбит и взят в плен¹⁵. Пользуясь этим несчастьем, Шемяка объявил себя великим князем и вступил в переговоры с Улу-Мухаммедом о вечном заточении Василия

в Казани. Когда же хан счел за лучшее освободить своего пленника за богатый выкуп, Шемяка уверил удельных князей Тверского и Можайского, что это освобождение было следствием обязательства Василия предать Русь царю Казанскому и условился с ними лишить его престола. Великий князь был схвачен во время путешествия в Троицкий монастырь, ослеплен и сослан в Углич. Шемяка занял Москву. Но жестоким поступком своим он вооружил против себя и народ, и князей удельных; вероломство его довершило общее негодование. Многочисленные доброжелатели Василия, главою которых были князья Ряполовские, решились освободить несчастного слепца. Шемяка, с своей стороны видя всеобщее озлобление народа, должен был уступить ему столицу, признал его великим князем, обязался клятвою возвратить похищенную казну, жить в мире, не сговариваться с неприятелями Москвы и не тревожить ее владений. Василий примирился с ним. Но Шемяка не исполнил ни одного условия, невзирая на красноречивые увещания московских святителей. Следствием была новая война. Соперники собрали все свои силы и сразились под стенами Галича. Здесь была последняя битва междоусобная, знаменитая кровопролитием. Шемяка, разбитый наголову, потерял все свое войско и едва спасся бегством в Новгород, где вскоре умер от яда.

После смерти Шемяки Василий присоединил удел его, княжество Галицкое с Устюгом и Костромою, к своему государству; вслед за тем, изгнав единомышленника его Иоанна Андреевича в Литву, овладел Можайском; вскоре присвоил удел ревностного сподвижника своего князя Боровского, который также должен был удалиться со всем семейством своим в Литовское княжество; наконец, пользуясь смертью Рязанского князя, взял малолетнего сына его в Москву для воспитания и послал своих наместников управлять Рязанью. Кроме того, смирил Новгород и с успехом отражал набеги татар сарайских; с не меньшим успехом удерживал напор литовцев, пользуясь с одной стороны междоусобиями Золотой Орды, с другой неустройствами Литовского княжества, бывшего, после смерти Витовта, жертвою кровавой распри *Свидригайла с Сигизмундом*¹⁶. Вообще к концу княжения, наученный бедственным опытом, еще болсе руководимый советами сына своего Иоанна, юного летами, но зрелого умом, Василий правил твер-

до, благоразумно и явно стремился к той цели, которую указал великий дед его, Димитрий Донской, к соединению восточных русских княжеств в одно государство, подвластное одному семейству; но не искоренял удельной системы и, отнимая княжества у других поколений, чтобы присвоить их своему дому, снова дробил Московское государство между собственными детьми. Новые кровавые распри были неизбежны; к счастью для Руси, преемником Василия Темного был Иоанн III.

II. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ (1320 — 1569)

В то время, когда Восточная Русь, одушевляемая православной верою, руководимая мудрой политикой князей московских, обнаруживала явное стремление к государственной независимости, когда все предвещало ей лучшую долю, Западная Русь успела уже разрушить оковы монгольского владычества и образовать могущественное, самостоятельное государство под именем *Литовского княжества*, грозное для всех соседей воинственным духом своих властителей. Но самостоятельность его продолжалась недолго: через полвека блестящей жизни оно соединило судьбу свою с судьбою Польского королевства, не могло, однако, с ним слиться, не могло и отделиться, должно было терпеть жестокие потрясения внутренние и неоднократно обнажать меч на единовенную, единокровную Русь Восточную.

Образование Литовско-русского княжества многим историкам кажется непонятною загадкою: обыкновенно спрашивают, каким образом народ слабый, малочисленный, упорный в идолопоклонстве, плативший некогда русским князьям дань скудную лыками, вениками, тесным со всех сторон сильными соседями, орденом Тевтонским, рыцарями Ливонскими, русскими князьями, польскими королями, одним словом, народ литовский мог в короткое время, без явных побудительных причин присвоить грозную силу, завоевать все пространство от Западной Двины до Дуная, от Угры до Сана, соединить покоренные народы в государство благоустроенное и своим оружием привести в трепет самих монголов? Предложив такой вопрос, историки оставляют его без ответа. Но сто-

ит только вникнуть в отношения Литвы к Руси, чтобы понять, что такое было княжество Литовское и как оно достигло в XIV веке степени первенствующего государства в Восточной Европе.

Литва, в собственном смысле (особенное племя, живущее в Виленской губернии и доселе сохранившее свой язык), и прежде и после Гедимина, истинного основателя Литовского княжества, всегда была народом малочисленным, подвластным чуждому влиянию во всех условиях жизни общественной; она могла грабить соседние княжества русские и польские только их-за раздоров и слабости их владетелей, так точно, как грабили нас печенеги, половцы, болгары; первый храбрый князь без труда ее обуздал; вспомним победы Романа Волынского, Даниила Галицкого, Александра Невского. Никогда не имела она и гражданственности самобытной, заимствовав внутреннее устройство или от русских, или от поляков, удержав один язык, и то в низших сословиях. Князья литовские успели утвердить свою власть в Западной Руси не победами своего народа, а иными средствами.

С давнего времени они были в тесных родственных связях с потомками Владимира Святого. Сыновья их обыкновенно женились на русских княжнах, дочери выходили замуж за русских князей. Это родство так было постоянно, так часто возобновлялось, что со времен Миндовга, в особенности после Гедимина, редкий из литовских князей не принадлежал по женскому колену к роду Владимира Святого. Так, племянница Миндовга была замужем за Даниилом Романовичем Галицким, дочь его за Шварном Данииловичем; Ольгерд, сын Гедимина, женат был на княжне Тверской, другой сын Любарт на княжне Волынской; сын Ольгерда Корибут на княжне Рязанской, другой сын Свидригайло на княжне Тверской; одна дочь его была замужем за Борисом Константиновичем Суздальским, другая за князем Черниговским; дочь Кейстута за Владимиром Андреевичем Храбрым; дочь Витовта София за Василием Дмитриевичем, сыном Донского. Не упоминаем других родственников связей, не столь замечательных.

Неминуемым следствием родства князей литовских с русскими было другое важное обстоятельство, тесно соединявшее одно поколение с другим: крещение большей части литовских владетелей по греческому закону. Не только Вои-

шелг и Довмонт (причисленный греко-российской церковью к лику святых), все дети Ольгерда исповедовали русскую веру, даже сам Ягайло, крещенный папою как язычник; есть повод думать, что и Ольгерд умер схимником*. Народ литовский большею частью оставался в язычестве, ибо русское духовенство никогда не употребляло насилия к обращению идолопоклонников; сама Пермь озарилась св. учением не прежде Димитрия Донского. Но князья литовские, рожденные от русских княжен, женатые на русских княжнах, крещенные в русскую веру, видели в потомках Владимира Святого своих единоплеменников. Русские князья смотрели со своей стороны также точно и на литовских князей: вели с ними споры и войны в том же смысле, как воевали друг с другом, уступали уделы, менялись ими, ссорились, мирились, роднились. Так Воишелг уступил все свое государство сыну Даниила Шварну; так, внук Даниила отдал детям Гедимины Владимир Волынский; один сын Ольгерда помогал Мамаю против Димитрия Донского; другие дети его поддерживали Димитрия, много содействовали к победе Куликовской и получили от сына Донского уделы даже в княжестве Московском; одним словом, уже со временем Миндовга, а может быть и ранее, литовские князья так тесно были соединены с русскими, что можно было бы согласиться с современными сказаниями о происхождении их от князей полоцких, из рода старшего сына Владимира Святого, если бы наши летописи не удостоверяли, что не все они были христиане и что некоторые из них оставались в язычестве, чего не могло случиться с потомками Владимира св. Теперь стоит только бросить взгляд на состояние Западной Руси того времени, когда возникло Литовское княжество, чтобы понять истинные причины его величия.

Западная Русь в начале XIV века разделена была между двумя главными поколениями: к северу от верховьев Немана, в древних Кривских княжествах, господствовал литовский князь Гедимин, овладевший престолом после смерти Витена, которого он умертвил; к югу, в обширном королевстве Галицком, царствовали правнуки Даниила Рома-

* Ольгерд был убежден к принятию христианской веры греческого закона супругою своею Ульянией, княжною Тверскою, и Печерским архимандритом Давидом.

новича Андрей и Лев, сыновья Юрия Львовича. Гедимин был государь выше века и народа: язычник от колыбели, он оказывал почтение Богу Христианскому, строил церкви в Новгородке и в столице своей Вильне, даже позволял сыновьям своим креститься, старался образовать народ, заключал торговые договоры с Ганзейским союзом, призывал купцов, художников, ремесленников. Он смотрел на Юго-Западную Русь как на легкую добычу, и хотя сын его Любарт, женатый на дочери одного из потомков Даниила, уже господствовал, с согласия Андрея и Льва, во Владимире Волынском, но родство с королями галицкими было только поводом к новым приобретениям. Он вел с ними войны так точно, как прежде и после воевали на Руси князья, братья с братьями, дяди с племянниками. Короли галицкие не в силах были одолеть его; один из них погиб в сражении под стенами Владимира Волынского, другой соединился с князьями Северскими, с монголами, и в свою очередь был поражен на берегах Ирпени, в Киевском княжестве. Эта победа доставила Гедимину весь правый берег Днепра с Черниговом, Киевом и Волынью: он принял титул великого князя Литовского и Русского.

Обеспечив господство в большей части Юго-Восточной Руси родством с потомками Даниила Романовича, довершив приобретение ее силою оружия, Гедимин утвердил свою власть благоразумным правлением: не теснил вероисповедания, не отменял древних уставов, оставил потомков Владимира Святого наместниками в покоренных городах, не отняв у них и княжеского титула; сверх того, признавал верховный суд московского митрополита в делах церковных. Русские без прекословия повиновались ему, уже привыкнув к частым переходам уделов из одних поколений в другие, если только они были отраслями господствующего племени; литовские же князья, по темному преданию, которому впрочем верили современники, еще более по родству их с русскими князьями, считались потомками Владимира св. и уже давно принадлежали к владетельному дому. Гедимина тем охотнее признавали государем в Чернигове, Киеве, Волыни, что здесь видели в нем грозного соперника монголам и избавителя от тягостного рабства: в самом деле, не вступая в явную ссору с Узбеком, даже позволяя приходить его баскакам за дарами, литовский князь не думал ехать в Орду с поклоном и смело ополчался на злодеев, дер-

жавших сторону потомков Даниила. Преемники же его отказались от всяких дружелюбных связей с Ордою, и тем заслужив признательность своих новых подданных, еще более утвердили свою власть любовью народною.

Учитывая все вышесказанное, очевидно, что основанная Гедимином держава, под именем Великого княжества Литовского, было чисто русская, что не только религия, язык, гражданские уставы выражали русский отпечаток, но и сами князья, в глазах современников, принадлежали к владетельному дому Владимира Святого.

Княжество Галицкое, в собственном смысле, не вошло в состав Гедиминовой державы: оно признало над собою власть короля польского. После смерти последнего потомка Даниила Романовича Георгия, которым пресекался знаменитый дом Романа Волынского, галичане призвали на галицкий престол единоверного князя Болеслава Мазовского, обязав его клятвою не отменять древних уставов, не касаться сокровищ ни государственных, ни церковных, и во всех делах важных требовать согласия боярского. Болеслав нарушив клятву, изменил православию, хотел обратить подданных в латинскую веру, угнетал их налогами и заслужил всеобщую ненависть. Он был отравлен. Казимир Великий, король польский, спешил воспользоваться неурядицами Галиции, и в 1340 году овладел ею, дав обещание не теснить греческой веры. Но гонения вскоре возобновились, и Галиция испытала многие бедствия, увеличенные венгерскими королями, искавшими ее престола. С тех пор Львов, Перемышль, Любачев, Санок, Тереховль, Кременец переходили из рук в руки от одного иноплеменника к другому.

Гедимин, следуя обыкновению русских князей, еще при жизни разделил свое государство между семью сыновьями: младшему Явнугу отдал Вильну с титулом великого князя; Монтвиду Кернов и Слоним; Наримунду Пинск, Мозырь и половину Воыни; Любарту другую половину Воыни с городом Владимиром; Ольгерду Крев и Витебск; Кейстуту Самогицию, Троки и Полесье; Кориату Новгородок и Волковиск. Раздробление Западной Руси было непродолжительно: Ольгерд, превосходя всех братьев умом, мужеством, властолюбием, при содействии Кейсту-

та овладел Вильною и присвоил верховную власть над Литовским княжеством. Явнуг нашел убежище в Москве и там крестился; Наримунд в Новгороде, где также принял христианскую веру; братья их, равным образом христиане, оставшиеся в Западной Руси, долго не соглашались признавать Ольгерда государем; наконец, при посредничестве московского митрополита, примирились с ним и остались в своих уделах, но в зависимости от Великого князя Литовского.

Ольгерд, во все продолжение долговременного царствования, был грозою соседей; подстрекаемый властолюбием, он вел непрерывные войны, чтобы расширить, по примеру отца, пределы своего государства. Самую упорной и продолжительной была борьба с орденом Меченосцев; несколько раз он предпринимал походы на Ливонию, проник до самого Юрьева, разрушил Королевец (Кенигсберг); но в свою очередь должен был поднять все силы Западной Руси, чтобы спасти северные владения от Ордена, подкрепленного новыми крестоносцами, пришедшими в великом числе из западной Европы, после заключения мира королем французским Филиппом с Эдуардом Английским. Пользуясь затруднительным положением Ольгерда, Казимир Великий, король польский, занял Брест, Бельз и значительную часть Волыни. Это вовлекло Западную Русь в продолжительную войну с Польшей. Ольгерд восторжествовал и вытеснил поляков из Волыни. Еще счастливее воевал с монголами, разбил три орды, кочевавшие в Подолии, загнал их за Дунай, проник в самую Тавриду и разрушил Херсон.

Действуя, как явный враг монголов, Ольгерд не мог быть другом князей московских, подвластных ханам орды Кипчакской. Симеон Гордый, именуясь великим князем всея Руси, покровительствуя гонимым им братьям, сам вызывал его некоторым образом на брань. Война с меченосцами не позволяла литовскому князю обратить все силы на Восточную Русь. Озабоченный этою войною, он старался исподволь проложить путь к престолам восточных княжеств теми же средствами, которыми действовал отец его в юго-западной Руси: вмешивался в дела новгородские, дал Пскову в наместники сына своего Андрея, хотел быть миротворцем Симеона с князем Смоленским, женился на

княжне Тверской Улиании Александровне и выдал дочь свою за Бориса Константиновича Суздальского. Политика его обнаружилась при слабом преемнике Симеоновом Иоанне II и в малолетство Дмитрия Донского: без явной войны он занял Брянск, Белый, Мстиславль и Ржев, раздвинув пределы своего княжества до берегов Угры. Новгород, Тверь и Смоленск считали его своим покровителем. Одним словом, Ольгерд был в тех же отношениях к Восточной Руси, или к Московскому государству, в каких находился прежде отец его Гедимин к Юго-Западной, или к Галицкому королевству. Как там, так и здесь князья удельные видели в литовских князьях не столько завоевателей, сколько избавителей от ига монгольского: города, более других ненавидевшие рабство, Новгород, Псков, охотно признавали детей и внуков Гедиминовых своими князьями, и если не могли с ними ужиться, то по тем же самым причинам, по которым не ладили с потомками Мономаха. Народ не чуждался их, видя в них ревностных христиан. Оставалось только решить вопрос, кто кого одолеет: сын ли Гедимины, внук ли Калиты? Этот вопрос возник при Дмитрии Донском. Он не только не хотел уступить Ольгерду того, чего литовский князь не успел присвоить в Восточной Руси, но думал присоединить к своей державе и те области, которыми дом Гедимины уже владел за Днепром, следуя правилу великого деда своего, что все русские земли должны войти в состав одного государства, подвластного одному семейству. Отсюда началась родовая вражда между потомками Гедимины и Калиты, как прежде между домами Олега и Мономаха, обратившаяся мало-помалу, после соединения Западной Руси с Польшей, в распрю народную.

Сын Гедимины, разгадав политику Дмитрия Донского, уже безопасный со стороны меченосцев, спешил нанести ему решительный удар; поводом к этой борьбе отчаянной было стеснение князем Московским шурина Ольгерда князя Михаила Александровича Тверского. Три раза он собирал все свои силы и вторгнулся в Восточную Русь, чтобы овладеть ею: в 1368 году в кровопролитной битве близ Тростенского озера (в Рузском уезде), истребил совершенно полки московские, достиг до самой Москвы и не успел взять только одного Кремля; через два года он пришел снова и опять проник до столицы, с той же неудачей; Димит-

рий успел принять свои меры: двоюродный брат его Владимир Андреевич Храбрый, угрожая Ольгерду с тыла, принудил его заключить мир, укрепленный родственным союзом: дочь Кейстута отдала свою руку Владимиру Храброму.

Этот мир через два года был нарушен: Кейстут, посевший в битвах, быстрым набегом разорил Переяславль Залесский и Кашин; вслед за ним явился Ольгерд в третий раз, но встретил Димитрия, готового к бою и, потеряв надежду смирить его, снова заключил мир с условием, чтобы князь Тверской остался независим от князя московского в надежде господствовать в Твери и рано или поздно овладеть Москвой, которая одна только могла с ним бороться. Димитрий, однако, устоял на своем и принудил Михаила Александровича признать себя государем.

Смерть пресекла замыслы Ольгерда и повлекла за собой кровопролитные междоусобия в западной Руси: имея одиннадцать сыновей, он назначил преемником великокняжеского достоинства Ягелла, или Ягайла, сына тверской княжны, миновав не только старших детей, рожденных от первого брака с княжною Витебской, но и брата своего Кейстута, бывшего правой рукой во всех его походах, сверх того, оставил множество племянников и внуков. Кейстут, как старший в роде, решился овладеть великокняжеским престолом, взял Вильну и дал племяннику княжества Кревское и Витебское; но хитрый Ягайло успел одолеть дядю, заключил его в темницу и там замучил; та же участь грозила родным и двоюродным братьям Ягайло; преследуемые его лютостью, они бегством спасали свою жизнь: сын Кейстута, знаменитый впоследствии Витовт бежал в Пруссию, соседнюю страну с отцовским уделом; Ольгердовичи, Андрей и Димитрий, и князья Волынские отдались в покровительство Димитрия Донского. Пользуясь раздорами в семействе Гедиминовом, князь Московский послал сильное войско в литовско-русские области для присоединения их к своей державе; города Стародуб, Трубчевск сдались без бою; другие ждали только рати московской, чтобы отворить ей ворота. Но Димитрий принужден был отозвать войско, получив весть о нашествии монголов. Борьба с Мамаем и Тохтамышем, в которой Ольгердовичи помогали ему как самые усердные и опытные родственники, исключая Ягайло, державшего сторону наших злодеев, не позволила ему исполнить намерения соединить

все русские земли в одно государство. При всем том Русь Западная так сблизилась с Восточною, узы родства так крепко связывали дом Гедимины с родом Калиты, оба поколения так заметно сливались в одно семейство, что спор Донского с Ягайло принимал вид семейной распри, в том смысле, как прежде ссорились наши князья за уделы, только в большом объеме. И тот и другой стремились к первенству, к господству над всеми русскими землями: князья западные из рода Гедимины старались утвердить свою власть в Смоленске, Твери, Пскове, Новгороде, чтобы присвоить и саму Москву; князья московские из рода Калиты отстраивали эти города и в свою очередь помышляли о распространении своих владений за самый Днепр, покровительствуя даже князьям Волынским. Иногда брал перевес владетель Западной Руси, иногда владетель Восточной; даже трудно сказать, от кого более зависели княжества Смоленское, Тверское, Псковское, Новгородское. Одним словом, соединение всех русских земель в одно целое было приготовлено уже при Димитрии Донском. Но судьбе угодно было отсрочить это вождеденное событие, чтобы тяжкими уроками еще более убедить потомство в необходимости единой державы в земле русской.

В 1386 году дом Гедимины вступил на польский престол и, связав судьбу своего государства с судьбою Польши, поставил Западную Русь в такое положение, что она могла соединиться с Восточной только после долговременной борьбы: ибо с тех пор сама Польша должна была неминуемо войти в состав одной державы Русской. Для объяснения этого достопамятного случая бросим взгляд на судьбу Польши до избрания Ягайло в короли.

Польша возникла почти в одно время с Русью, также в отрасли племени славянского, которое дало бытие и нашему отечеству, но под влиянием иных обстоятельств. Народы, вошедшие в состав польского королевства, около того времени, когда оно получило прочное основание введением христианской веры, под общим названием ляхов, или лехитов, разделялись на 4 главные поколения: мазовшан, ленчицан, кюявов и полян, или поляков. Они занимали страну, известную впоследствии под названием Великой Польши и, подобно русским славянам, издревле вели жизнь патриархальную; когда же в VIII и IX столетиях в во-

сточной Европе обнаружилось стремление к жизни общественной, пробужденное христианскою верой, и народы одноплеменные составили союзы для защиты себя от сильных соседей, ляхи, теснимые с запада немцами, с юга чехами, признали над собой верховную власть поколения Пяста, и при Мечиславе I, во второй половине X века, озарились светом христианской веры. Приняв св. учение от латинских проповедников, в то время, когда папа хотел господствовать над всем христианским миром в делах церкви, а римские императоры искали верховной власти в делах светских, Польша не могла избавиться от влияния ни того, ни другого, и вошла в систему западной Римской империи. Мечислав I должен был признать себя вассалом императора, платить ему дань, помогать во всех его войнах и просить королевской короны как милости от папы, в чем однако не преуспел: его не удостоили даже звания *герцога* и считали только *бароном* в разряде владетелей, зависевших от Римской империи.

Сын Мечислава Болеслав Храбрый, современник Владимира Святого и Ярослава I, поставил свое государство на высокую степень могущества, раздвинул его пределы счастливыми победами на юге до гор Карпатских, на западе до Сала и Эльбы, на севере до Балтийского моря, на востоке до западного Буга и Волыни, дал ему внутреннее устройство, служившее впоследствии основанием общественной жизни польского народа, оградил его крепостями, зародил промышленность основанием многих городов и, получив от императора Оттона III титул королевский с правом быть союзником, а не вассалом империи, избавил свою державу от тягостного влияния немцев, даже был грозою самих наследников Оттоновых. Он оставил своим преемникам обширное государство, присоединив к отцовскому достоянию, к Великой Польше, от Руси города Червенские, или западную часть Галиции и Волыни, от чехов Малую Польшу с городами Краковым и Сандомиром, от империи Моравию, Силезию и Померанию. Но так как земли, приобретенные оружием Болеслава Храброго, принадлежали по праву первого владения уже известным династиям и составляли часть их государств, то наследники его должны были или отказаться от его завоеваний, или вести, для удержания их за собою, непрерывные войны с теми державами, которые имели на них первоначальное право. Скорее всего

они утратили города Червенские, где дом Рюрика утвердил свою власть прежде Пястова поколения. Ярослав I возвратил их без труда; с тех пор они составляли неотъемлемую собственность потомков Владимира Святого до середины XIV века. Отказавшись от всяких притязаний на Галицию и Волынь, польские короли утвердили свою власть в землях, известных впоследствии под именем Малой Польши, столицей которой был Краков: ибо здесь не было равных им современников; но усилия их удержать за собою Моравию, Силезию, Лузанию и Померанию были поводом к непрерывным войнам с туземными владетелями, искавшими независимости, и с императорами германскими. При всем том преемники Болеслава Храброго до середины XII века неоднократно брали верх над западными соседями, удержали за собой Силезию, Лузанию, восточную Померанию и были могущественными государями.

Со времен Болеслава Кривоустого в продолжение двух веков Польша была жертвою внутренних междоусобий королевского дома, добычей магнатов, римского двора, немцев, евреев и литвы. Болеслав Кривоустый утвердил в своем государстве удельную систему, так точно, как Ярослав в русской земле: и тот и другой разделил свою державу по числу сыновей на несколько княжеств неотъемлемых, отказав старшему в роде право верховной власти. Болеслав оставил четыре княжества: Краковское (с Померанией и Силезией), Сандомирское, Мазовецкое (с Куявией) и Польское (воеводства Гнезненское и Познаньское). Потомки следовали его примеру и дробили доставшиеся им уделы между детьми на новые участки. Следствия были те же, какие испытало наше отечество: дом Пяста разделился на несколько отраслей самостоятельных, присвоивших наследственное право на известные области. От старшего сына Болеслава Владислава II пошли герцоги силезские в двух главных отраслях: нижнесилезской и верхнесилезской; к первой относились герцоги глогавские, саванские, ельские, швейдницкие, яурские, минстербергские, лигницкие, бригские, волавские и бреславские; ко второй тешенские, заторские, козельские, опельнские, ратиборские. От Мечислава III: князья великопольские, познаньские, калишские. От Казимира II: князья куявские и мазовецкие, подразделявшиеся на ленчицких, серадских, иповроцлавских, черских, плоцких, сохачевских.

Все эти поколения, в виде самостоятельных отраслей, возникли с половины XII до половины XIV столетия: одни угасали; другие занимали их место; иногда сливались, но вскоре разделялись и вновь дробились. Междоусобие было непрерывное: споры за уделы, стремление одних князей к самостоятельности, усилия других присвоить краковский престол, владетель которого принимал титул королевский, оспариваемый впрочем императором и папою, все это влекло за собою пагубные следствия: ослабление государства, медленные успехи гражданственности, кулачное право.

К бедствиям междоусобия присоединялось другое зло, которого мы не испытали. С одной стороны, тесная связь с Германией познакомила высшие сословия с феодальными понятиями: польские магнаты, присвоив себе обширные поместья, искали тех же прав, коими пользовались германские бароны, хотели господствовать в своих отчинах независимо от князей, и самовольно располагали краковским престолом, предлагая оный тому из Пястов, кто обещал не касаться их вольностей. С другой стороны, исключительная зависимость польского духовенства от папы давала римскому двору средства вмешиваться в княжеские раздоры, располагать церковными отчинами и действовать вообще так, как действовали папы во всех подвластных им государствах. Этого мало: не только высшее дворянство и духовенство, противоборствуя соединению польских сил к одной цели, разрушали всякую мысль о единстве и укореняли семена разногласия, мятежа; самое среднее сословие, оказавшее так много услуг в Западной Европе, было чуждым элементом в польском государстве и по языку и по правам своим: оно состояло преимущественно из немцев, которыми некоторые короли населили целые города; захватив в свои руки всю внутреннюю промышленность, эти пришельцы не признавали законов польских и пользовались магдебургским правом. По примеру их то же право предоставлено было и природным полякам привилегированных классов. С середины XIV столетия Польшу наводнили еще евреи, для которых она с тех пор стала истинным отечеством: евреи отбили у немцев торговлю; но сами поляки мало от того выиграли.

В середине XIV столетия состояние Польши было не-

сравненно злополучнее нашего: невзирая на монгольское иго, на распри князей, у нас все условия жизни общественной были ознаменованы каким-то неразрывным единством: все стремилось к дружному согласию и притом все выражало один национальный тип. Власть духовная поддерживала светскую и никогда с нею не спорила; бояре и высшие сословия, не имея даже понятия о правах феодальных, были истинной опорой престола; средние и низшие сословия горели пламенной любовью к своей вере, к своему государю, в котором видели своего судью и защитника. В этом согласии основных элементов государственных заключалась неодолимая сила русского народа. В Польше, напротив того, во всем заметно было разногласие: король спорил с папою, с императором за королевский титул, с родственниками за краковский престол; князья удельные спорили друг с другом за уделы, с королем за независимость, с вельможами за право суда, со средним сословием за пошрины и оброки, с духовенством за десятину. Народ разделялся на природных поляков, на поселенцев немецких, на евреев: те и другие имели свой язык, свои нравы и обыкновения, свой суд и расправу; сверх того, были еще многочисленные классы привилегированные, имевшие исключительное право монополий. Наконец, в самом языке было разногласие с понятиями: в божественной службе, в делах судебных, в словесности господствовал язык латинский, непонятный для большей части народа: так было и во всей Европе (исключая одну Русь, где во всех случаях употреблялся один язык русский); но для государств, возникших на развалинах Римской империи, латинский язык был в некотором смысле родным, по крайней мере благороднейшим, в славянской же земле он решительно был чуждым наречием. При таком разногласии прав, понятий, уставов, при всеобщем противоречии основных элементов государственных Польша едва ли могла существовать в виде самостоятельного государства: ей недоставало внутренней крепкой силы, которая возникает только под влиянием родных уставов, родного языка, родных обыкновений, при неразрывном согласии всех условий общественных. Ей необходима была опора, которая поддерживала бы этот нестройный организм, имевший в себе с самого рождения недуг разрушительный.

В середине XIV века царствовал в Польше Казимир III,

наследовавший от отца власть единодержавную, которую признавали все потомки Пяста, исключая герцогов силезских. Многие отрасли владетельного дома угасли в войнах междоусобных; другие так раздробились, что не в силах были спорить с государем краковским; удельное правление ослабло. Казимир, одаренный умом и характером, умел господствовать самодержавно, вел успешные войны с соседями, строил города, исправлял законы, старался облегчить участь крестьян, заботился о просвещении народа и по справедливости заслужил от потомства имя Великого. Со смертью его угас королевский дом Пяста; хотя не все отрасли его пресекались, но Казимир, вероятно постигнув бедственное положение Польши и надеясь поддержать ее тесным союзом с соседственными государствами, убедил магнатов еще при жизни своей предложить престол племяннику своему Людовику, королю венгерскому. Магнаты тем охотнее согласились на желание Казимира, что надеялись воспользоваться этим случаем к утверждению своих прав, доселе основанных на одном обыкновении, силою закона, и вместе с короной предложили Людовику *pasta conventa*, или условия, органичивавшие власть короля и утверждавшие права дворянства. Людовик подписал *pasta conventa*; но, вступив на престол польский, встретил во всех сословиях такой раздор, что решил возвратиться в Венгрию и, отняв у Польши Галицию, присоединил ее к наследственному королевству.

После сильного потрясения государства всеобщими мятежами магнаты польские объявили королевою меньшую дочь Людовика, пятнадцатилетнюю Ядвигу, снова устранив все поколения Пяста, и искали ей жениха. Естественнее всего было сочетать ее с Вильгельмом, герцогом австрийским, с коим она была помолвлена еще с колыбели; но польский сенат весьма хорошо понимал, что герцог австрийский не в силах будет спасти королевство от страшного врага, грозившего ему с востока, от литовского великого князя Ягайло, который, незадолго перед тем вконец разорив малую Польшу, со своей стороны искал руки Ядвиги и короны Казимира. Он наводил такой ужас на поляков, что его считали косматым чудовищем, и юная Ядвига ни за что на свете не соглашалась отдать свою руку свирепому *язычнику*. Тщетно старались

вельможи победить ее упорство, представляя все бедствия, какие обрушатся на Польшу, если Ягайло получит отказ; королева была непреклонна, пока польские епископы не затронули ее набожности: помня, как безуспешны были все усилия меченосцев ввести в Литву латинскую веру и зная, что не только потомки Гедимины, но и подданные их, оставляя идолов, обнаруживали явную склонность к закону православному, они опасались присоединения всего литовского народа к российской церкви; следовательно, для римского духовенства ничто не могло быть приятнее предложения Ягайло: оно всеми силами поддерживало магнатов, старавшихся склонить королеву к брачному союзу с литовским князем, обещая ей царство небесное. Ядвига принуждена была наконец согласиться. Братья Ягайло уже исповедовали греко-российскую веру; нельзя думать, чтобы и сам он оставался в язычестве: мать его, княжна Тверская, была христианка, отец умер схимником: но честолюбие было главной страстью сына Ольгерда: замучив родного дядю Кейстута, чтобы господствовать в Литве, он по всей вероятности променял православный закон на латинский, чтобы получить титул короля польского и руку прекрасной Ядвиги. В 1386 году он прибыл в Краков, крестился по римскому обряду, вступил в брак с королевой и короновался, дав предварительную присягу соблюдать польские законы, ввести латинскую веру в Литве и соединить наследственное княжество с Польшей в одно государство.

Крещение Литвы совершилось без всякого труда: в Вильне уже давно славословили Христа Спасителя; значнейшие вельможи исповедовали греко-российскую веру. Простой народ был погружен в язычество; поклонялся огню Перуна, обожал змей, боготворил рощи; но естественно уже терял уважение к идолам, презираемым и князьями и высшим сословием. Сам Ягайло с королевой и духовенством прибыл в Вильну, древний огонь велел угасить, змей истребить, рощи вырубить. Идолопоклонники ждали, что небесный гром поразит его, однако тщетно; им дали белые кафтаны, красивую обувь; королева не щадила денег; они с радостью брали дары и принимали к себе латинских священников. Одна жмудь упорствовала: через полвека и она крестилась.

Союз Литовского княжества с польским королевством распался в самом начале. Главной причиной было различие вероисповеданий. Не только в русских областях, подвластных дому Гедимины, вера предков сохранялась во всей чистоте; в самой Вильне были ревностные последователи греческого закона. Все православные смотрели на преданность Ягайло полякам с негодованием; когда же король, ободренный успехом обращения язычников, подстрекаемый римским духовенством, вздумал требовать и от русских присоединения к латинской церкви, они изъявили явный ропот, и чтобы разорвать ненавистный союз с гонителями своей веры, охотно признали великим князем, независимым от короля, двоюродного брата его Витовта.

Витовт, сын Кейстута, вместе с Ягайлом оставил закон православный и перекрестился в Кракове. Но, равнодушный к различию вероисповеданий, он искал одной славы и громкого имени в потомстве: хотел поставить государство своих предков на степень первенствующей державы в восточной Европе и утвердить его самостоятельность. Для этой цели вмешивался в дела меченосцев и неоднократно победами едва не сокрушил Ливонского ордена; перенес свое оружие за Днепр, овладел Смоленском, унизил гордость новгородцев и не завоевал Москву только потому, что встретил деятельность соперника в благоразумном сыне Донского, Василии Дмитриевиче. Монголы его боялись: Витовт легко очистил от их улусов все пространство между Днепром и Азовским морем, несколько тысяч татар переселил в Литву, где потомки их живут доселе, сохранив веру праотцов, и думал господствовать над Золотою ордой, поддерживая Тохтамыша как присяжника своего в борьбе с Тимуром. Жестокое поражение литовцев на берегах Ворсклы Едигеем расстроило замыслы Витовта: он так ослабел, что оставил всех соседей в покое и примирился до времени с Ягайлом, который доселе видел в нем опасного недруга. С тех пор постоянною заботой его было утвердить самостоятельность Литовского княжества. Для этой цели он установил в своем государстве митрополию, отдельную от московской. Витовт не предпочитал латинского вероисповедания греко-российскому и не тревожил совести своих подданных; но не мог равнодушно смотреть на зависимость западного православного духовенства от мос-

ковского первосвященника и, под предлогом неведения Фотия о пастве, требовал у патриарха Цареградского особенного митрополита для своего государства; получив же отказ, велел епископам собственной властью посвятить Григория Цимвлака на киевскую митрополию. Епископы не соглашались долго и уступили только насилью, угрожаемые самой смертью. Разрывая союз духовный с Москвой, Витовт решился уничтожить политический с Польшей и, чтобы поставить свое княжество на равную степень с ней, хотел принять титул королевский. Ягайло, со своей стороны руководимый советами римского духовенства, всеми мерами старался отклонить его от столь пагубного для Польши намерения, умолял папу не давать ему благословения, отговаривал императора, не щадил даров, наконец, когда ничто не помогало, коварно уступил Витовту польскую корону: великий князь отверг ее и пригласил многих венценосцев в Литву быть свидетелями его корования. Скоропостижная смерть разрушила его планы.

Смерть Витовта, вопреки ожиданию римского двора, не утвердила соединения Западной Руси с Польшей: место его занял родной брат Ягайло Свидригайло; он был для королевства опаснее даже своего предместника, питал непримиримую вражду к брату, неоднократно обуздывал его силою оружия, истреблял поляков и, успев заслужить всеобщую любовь русских, видевших в нем защитника своей веры и независимости, подобно предшественнику, хотел принять венец королевский; но не имея талантов его, был не в силах бороться с хитрым Ягайло, который умел произвести в Литве войну междоусобную. Сигизмунд, брат Витовта, поддерживаемый поляками, вооружился на Свидригайло, изгнал его и объявил себя великим князем с обязанностью платить королю дань, помогать ему во всех войнах, уступить Польше Волынь с Подоліей и не думать о венце королевском. Между тем Свидригайло собрал многочисленное войско, призвал на помощь татар, немцев, еще более нашел усердных доброжелателей в самом княжестве и вступил в новую борьбу с Сигизмундом.

Ягайло не дожидая окончания этой войны кровопролитной, и старший сын его Владислав III, избранный по-

ляками в короли, не был признаваем великим князем Литовским, за достоинство которого спорил Свидригайло с Сигизмундом; последний одолел соперника, но, в свою очередь раздражив все сословия жестоким правлением и угодливостью полякам, был убит князьями Чарторыжскими.

После смерти Сигизмунда литовские чины не хотели слышать о подданстве королю польскому и объявили великим князем своим второго сына Ягайло, Казимира. Союз обоих народов рушился. Поляки старались возобновить его, и как только не стало Владислава III, погибшего в войне с турками под стенами Варны, спешили предложить польскую корону Казимиру. Он желал принять ее; но литовские чины, уже испытав многие невыгоды союза с Польшей, отклоняли своего государя. Поляки убеждали его неотступно; целые два года терпели все неурядицы междуцарствия, не теряя надежды на согласие Казимира, не щадили ни даров, ни обещаний; наконец достигли своей цели: великий князь согласился принять польскую корону; но не мог прежде выехать из Вильны в Краков для коронации, как обязавшись не считать великого княжества заодно с королевством, уничтожить все акты соединения, оставить неприкосновенными все права своего народа, гражданские и церковные, и возвратить Литовскому княжеству Волынь с Подолией, бывшую со времен Ольгерда постоянным предметом спора между великими князьями литовскими и королями польскими.

Снова соединив корону великокняжескую с королевскою, Казимир не мог соединить обоих народов: они обнаруживали жестокую неприязнь друг к другу; литовские чины не хотели являться на польские сеймы, собирали свои собственные, неотступно требовали уничтожения прежних актов соединения и грозили войной за Волынь и Подолию. Слабый Казимир, не зная, что делать, думал даже отказаться от короны польской. Смертью его союз опять разорвался. Великое княжество провозгласило своим государем сына его Александра; поляки же, видя явную неприязнь Литвы, не смели уже надеяться на согласие великого князя принять королевскую корону; желали по крайней мере видеть на престоле брата его, чтобы не совсем отделиться, и избрали в короли другого сына Казимира, Иоанна Альбрехта. Оба они правили своими государствами независи-

мо друг от друга. После смерти Альбрехта Александр согласился вступить на польский престол; преемник его Сигизмунд I, младший сын Казимира, также был и литовским князем и польским королем, но обе страны все еще представляли отдельные государства до 1569 года.

III. РУСЬ В СЕРЕДИНЕ XV ВЕКА

1. Государство Московское

В начале второй половины XV века, перед восшествием на московский престол Иоанна III, Русь разделилась на две главные системы, на восточную, или Московскую, и на западную, или Литовскую. Политика Восточной Руси сосредоточивалась в доме Иоанна Калиты, политика Западной в доме Гедимины.

Дом Иоанна Калиты в одно столетие овладел большею частью восточной Руси, сначала присоединением к наследственному уделу сел и деревень в сопредельных областях, потом целых княжеств. Иоанн Калита, получив от брата своего Юрия область небольшую, заключающуюся в границах нынешней Московской губернии, с частью Владимирской, прикупил к ней многие села костромские, ростовские, владимирские, даже новгородские; примеру его следовали дети Симеон Гордый и Иоанн II: они также приобрели значительную часть княжества Рязанского на левой стороне Оки и несколько сел в окрестностях московских. Дмитрий Донской и преемники его действовали еще решительнее: Дмитрий присоединил целое княжество Владимирское, область Мещерскую и часть земли Мордовской; Василий Димитриевич княжества Суздальское, Городецкое, Муромское, Ростовское; наконец Василий Темный отнял Елецкую область у князя Рязанского, сверх того, уделы у двоюродных братьев и оставил своему дому государство обширное.

В состав Московского государства вошли все уделы, возникшие в роде Юрия Долгорукого (исключая Тверской), владимирские, ростовские, суздальские, нижегородские, сверх того многие области, принадлежавшие другим отраслям Владимира св., смоленские, ярославские, черниговские. Род прежних удельных князей не угас: по-

томки их сохраняли даже титул княжеский и имели отчины, которые передавали в наследство детям; но они так раздробились в своих многочисленных отраслях, что многие из них едва удержали за собою несколько деревень и полностью зависели от великого князя Московского, утратив все права государей владетельных. Таких отраслей безудельных, возникших из дома Владимира св., в восточной Руси было до 150: в роде Андрея Ярославича Суздальского считалось 7 отраслей*; в роде Константина Всеволодовича Ростовского до 17 отраслей**; в роде Ивана Всеволодовича Стародубского до 18 отраслей***; в роде Федора Черного Ярославского до 40 отраслей****; в роде Михаила Всеволодовича Черниговского до 43 отраслей*****; сверх того были отрасли безудельных князей: тверских*****, рязанских, северских, волынских.

Дом Калиты спасся от подобного раздробления сколько благоразумною политикою его преемников, столько и случайными обстоятельствами. В роде Калиты право удельное также определяло порядок престолонаследия, но с тем важным различием, что участки были неравны: старший сын всегда получал самую большую часть отцовского достояния. Этого правила держались все князья великие при назначении уделов своим детям. Сверх того, с самого начала княжества Московского господствовала мысль, что право владения принадлежало не всему роду Калиты, а только семейству великокняжескому по нисходящей линии: вследствие этой мысли каждый государь московский, наследовав от отца державу, раздробленную с братьями, мало-помалу соединял ее в одно целое и снова дробил между сыновьями, минуя племянников и двоюродных братьев или назначая им незначительные участки. Притом же сама судьба благоприятствовала быстрому развитию еди-

* В числе их были поколения Скопиных, Шуйских, Горбатов, Глазатых, Ногтевых.

** Между прочими князья Лобановы, Буйносовы, Щепины, Бахтеяровы, Приимковы.

*** Из них наиболее замечательны Пожарские, Ромодановские, Гагарины, Хилковские.

**** Курбские, Шаховские, Львовы, Прозоровские, Засекины, Бельские, Сицкие.

***** Долгорукие, Оболенские, Щербатовы, Одоевские, Репнины, Горчаковы, Воротынские.

***** Холмские, Микулинские, Телятевские, Дорогобужские.

нодержавия в государстве Московском: большая часть сыновей, внуков и правнуков Иоанна Калиты умерли или бездетными или во младенчестве.

Василий II распределил уделы в своем роде следующим образом: 1) старшему сыну *Иоанну*, с титулом великого князя, назначил Москву, Коломну, Владимир, Переяславль, Кострому, Галич, Вятку, Суздаль, Нижний Новгород, Муром, Юрьев, Боровск, Суходол, Калугу, Алексин и большую часть сел московских; 2) *Юрию* Дмитров, Можайск, Мядынь и Серпухов; 3) *Андрею большому* Углич, Устюжну, Бежецк, Звенигород; 4) *Борису* — Ржев, Волок Ламский, Рузу; 5) *Андрею меньшему* — Вологду, Кубену, Заозерье; 6) Половина Ростова, Романов, Усть-Шексна и Нерехта назначены в удел супруге Василия Темного; другая половина Ростова осталась за князьями наследственными; 7) Веря, Вышгород, Малый Ярославец и Белоозеро отданы в удел князю *Михаилу Андреевичу Можайскому*; 8) Ярославль имел своего удельного князя, владевшего им по праву наследства, но в полной зависимости от великого князя Московского; 9) Касимов отдан в удел казанскому царевичу Касиму, также зависевшему от государя Московского.

Вместе с домом Калиты господствовали в Восточной Руси, подвластной монголам, поколения Михаила Ярославича Тверского и Ярослава Святославича Рязанского. Новгород и Псков имели также права держав самостоятельных.

I. Род *Михаила Ярославича* Тверского, властвуя в тех же пределах, в которых заключалось Тверское княжество в половине XIV века, по-прежнему пользовался не только правами независимости, но и равенством в отношении к великому князю Московскому. Разделенная до 1425 года на два удела, на Тверской и Кашинский, отчина Михаила в 1462 году принадлежала одному *великому князю* Михаилу Борисовичу: он владел Тверью, Старицею, Кашином, Зубцовым и Клином.

II. Род *Ярослава Святославича* Рязанского, утратив значительную часть своей отчины, весь левый берег Оки, с областью Елецкою, и все княжество Муромское, сохранил однако свою самостоятельность и господствовал независимо в Переяславле Рязанском, Пронске, Ростиславле, Перевитеске и старой Рязани. Старший в роде из владетелей

Рязанских именовался великим князем, по примеру Московского и Тверского.

III. Княжество *Новгородское*, признавая со времен Иоанна Калиты своим господином или покровителем великого князя Московского, пользовалось по-прежнему всеми правами удельного княжества, сосредоточенными в народном вече. Оно состояло из пятин и волостей. Пятины были: Бежецкая, Вотская, Деревская, Шелонская и Обонежская; волости: Заволочье, Лопь, Двинская земля, Пермь, Печора, Югра; города: Великий Новгород, Ладога, Руса, Торжок, Волок, Великие Луки, Кексгольм, Выборг, Орешек, Каргополь и другие.

IV. Княжество *Псковское*, имея внутреннее устройство подобное Новгородскому и также признавая своим господином великого князя Московского, состояло из главного города Пскова и 12 пригородов, в числе которых находились: Изборск, Опока, Гдов, Торопец и другие.

Из вышесказанного очевидно, что Восточная Русь в 1462 году была разделена на 5 главных частей, а именно:

I. Государство Московское, состоявшее:

- 1) Из великого княжества Московского;
- 2) Из княжества Дмитровского;
- 3) Из княжества Углицкого;
- 4) Из княжества Волоцкого;
- 5) Из княжества Вологодского;
- 6) Из княжества Ростовского;
- 7) Из княжества Ярославского;

II. Великое княжество Тверское.

III. Великое княжество Рязанское.

IV. Княжество Новгородское.

V. Княжество Псковское.

Главою восточной Руси был великий князь Московский. Он имел исключительное право именоваться государем *всей Руси*, вести войну и заключать мир по своему усмотрению; требовать от князей содействия против врагов внешних и внутренних, так что недруг Москвы был неприятелем всех удельных владетелей; господствовать в Новгороде и Пскове; сверх того, только он один мог сноситься с ханами Кипчакскими и от него зависело, платить дань или нет; в первом случае удельные князья обязаны были доставлять в его казну ордынские выходы по расчету. Одним

словом, великий князь Московский сосредоточивал в своем лице всю внешнюю политику, давал ей направление и строго следил, чтобы князья без его ведома ни с кем не ссорились, ни мирились, в особенности с Ордою и Литвою.

Власть государя Московского имела четыре степени: в наследственной отчине она была неограниченна; там великий князь был верховным судьей, правителем и законодателем. В княжестве Новгородском, где народное вече присвоило большую часть прав князей удельных, он довольствовался только определенной данью, под названием даров, виры, пошлин и черного бора. Новгородцы обязаны были платить эту дань государю Московскому как покровителю своему; он же, со своей стороны, обязывался договорными грамотами не вмешиваться в управление внутреннее, без согласия посадника не раздавать областей, ни в каком случае не требовать новгородцев на суд в Москву, не покупать в их княжестве сел, не увеличивать налогов, не назначать от себя таможенных приставов. Еще более ограничено было влияние великого князя на братние уделы: владельцы их пользовались в своих участках такими же правами, какими он в своих, имея долю в самой Москве, где одна треть доходов шла в казну великокняжескую, а две трети принадлежали всем его братьям; они имели свой двор, своих бояр, свое войско, чеканили монету, производили суд и расправу, назначали налоги, вносили определенную часть их в казну великого князя для выхода ордынского только тогда, когда он сам платил дань; иначе оставляли ее у себя; наконец пользовались правом передавать свои отчины детям. Им недоставало одного права мира и войны, чтобы сравняться с государем Московским: в обоих случаях они обязаны были действовать с ним заодно; сверх того, считали его своим покровителем и судьей в семейных спорах. Еще более было ограничено влияние великого князя Московского на владельца Рязанского; а государя Тверского он признавал равным себе, удел же его неприкосновенным даже в том случае, если бы хан Кипчакский вздумал присоединить его к московскому.

Узы нашего рабства с конца XIV века явно ослабевали не столько от победы Куликовской, сколько от внутренних потрясений царства Батыея.

Поражение Мамаю на Придонских полях не сокрушило Золотой Орды. Тохтамыш, один из потомков Чингизо-

вых, сильный дружбою Тамерлана, эмира ханов Чагатайских, изгнав Мамаю и воцарившись в орде, умел восстановить ее грозное могущество, смирил Дмитрия опустошением его государства, заставил платить себе тяжкую дань и возобновил право ордынских ханов располагать великокняжеским престолом. Утвержденный им главою Восточной Руси, Василий Дмитриевич в первые годы своего правления неоднократно ездил в Сарай бить челом. Орда стала сильна по-прежнему. Но в конце XIV века она получила жестокий удар, следствием коего была столетняя непримиримая распря двух поколений, давшая нашему отечеству время собраться с силами. Этот удар нанес ей Тамерлан. Подобно Темучину, сын ничтожного князька в империи чагатайских монголов, он задумал покорить вселенную в то время, когда не имел ничего, кроме тощего коня и дряхлого верблюда, и через несколько лет сделался владыкою 26 держав средней, южной и западной Азии. На пути побед встретив соперника в Тохтамыше и оскорбленный его неблагодарностию, он дал ему два жестокие урока, сперва на Урале, потом на Тереке. Оба раза Тохтамыш был разбит наголову и бежал наконец из Сарая в Литву. Царство Кипчакское было разорено; столица его предана огню; несметное множество монголов погибло. После ухода Тамерлана Тохтамыш возвратился в Кипчак и хотел восстановить Орду; но здесь встретил опасного совместника в сподвижнике Тамерлана, Тимур-Кутлуе. Он вел с ним распря за престол до самой смерти своей; эта распря продолжалась при детях и внуках их. Сторону Тохтамыша держал литовский князь Витовт, желавший видеть его на сарайском престоле, чтобы именем его самому властвовать в Москве; за Тимур-Кутлуя стоял Едигей, также сподвижник Тамерлана, дотоле управлявший ханами Синей или Ногайской орды на Урале. Соединив эту орду с Сарайскою, Едигей одолел Витовта, утвердил Тимура и детей его на кипчакском престоле и располагал им подобно Мамаю. Орда снова стала сильною и опасною для нас, однако не надолго. Чингизиды из рода Тохтамыша не давали покоя тимуридам, которые в то же время не щадили самих себя: братья резались с братьями, сыновья убивали отцов. Вследствие постоянной вражды чингизидов с тимуридами царство Батыея в первой половине XV века распалось на три, не зависимые одна от другой, час-

ти, на орду Большую, или Золотую, на орду Крымскую и на царство Казанское.

Большая орда, оставшись за поколением Тимур-Кутлуга, занимала самую обширную часть улусов Батыя и присваивала себе право господствовать над Русью. При вступлении на престол Иоанна III в ней царствовал один из потомков Тимура, Ахмат, последний наш повелитель.

Крымская орда получила прочное основание со времен внука Тохтамыша Гаджи-Гирея, который вместе с дедом нашел покровителя в великом князе Литовском и, поддерживаемый Казимиром I, объявил себя независимым ханом крымских улусов, мало подвластных властителям сарайским уже со времен Ногая. Гаджи-Гирей, родоначальник крымских Гиреев, господствовавших в Тавриде до Екатерины II, питал родовую вражду к тимуридам, ханам Золотой Орды, и передал свою неприязнь детям и внукам.

Казанское царство возникло в одно время с Крымскою ордою. Основателем его также был чингизид, но не из рода Тохтамыша, Улу-Мухаммед, царствовавший сначала в Золотой Орде, куда приходил к нему на суд Василий Темный, споривший о великокняжеском престоле с дядею своим Юрием Дмитриевичем. Изгнанный из Кипчака Тимуридами, Мухаммед искал покровительства у великого князя Московского и занял Белев; но, вытесненный и отсюда, бежал в Камскую Болгарию. Там обитали татары, перемешавшиеся с потомками древних болгар и черемисов. При Батые и первых преемниках его они зависели от Золотой Орды; впоследствии имели неоднократно своих ханов; грабили русские земли и в свою очередь нередко были смиряемы нашим оружием. Средоточием их была Казань, основанная во время Батыя и разоренная русскими в конце XIV века. Мухаммед построил для защиты новую крепость на выгоднейшем месте, соединил под свою власть всех обитателей древней Болгарии и положил основание сильному государству. Сын его Мамутяк, современник Иоанна III, принял титул царя Казанского, ибо отец его все еще именовался ханом Золотой Орды.

Раздроблению царства Батыя предшествовали кровавые раздоры. Государи московские, Василий Дмитриевич и сын его Василий Темный, не хотели ими воспользоваться и объявить себя независимыми из опасения образумить своих злодеев, искали их дружбы, ездили в орду Сарайскую

для легчайшего стеснения князей удельных, получали от ханов грамоты на целые княжества, например Суздальское, Нижегородское, но вообще старались только потворствовать им и даже не всегда платили дань, объясняясь оскудением своего отечества; если же монголы приходили с оружием, чтобы силою исторгнуть то, чего они не хотели платить, Москва смело ополчалась и вступала в борьбу с врагами. Так сам Едигей, раздраженный неповиновением Василия Дмитриевича, встретил мужественный отпор под стенами столицы и мог взять только временный окуп. Ханы прибегали иногда к решительным мерам и назначали в достоинство великого князя потомков не Иоанна Калиты; но уже поздно: государи московские не уступали своих прав. Одним словом, Москва еще не дерзала на решительную борьбу с Ордою, обращалась к ней иногда в случае необходимости для собственных выгод, постоянно как бы потворствовала ей; но в то же время нередко оказывала явное послушание и не скрывала надежды на близкую свободу: в редкой договорной грамоте великих князей с удельными не находим слов: *аще Богъ освободитъ отъ орды*.

При твердом намерении потомков Калиты свергнуть иго, при очевидном превосходстве русских над монголами в успехах жизни гражданской, при явном изнеможении Орды, рабство наше не могло быть продолжительно: оно приближалось к концу; но следы его уже обнаружились.

Монголы оставили глубокий след в нашем отечестве. Влияние их на судьбу Руси наиболее заметно в ходе самих событий, в раздроблении русской земли на две части, на Московскую и Литовскую, в перевесе князя Московского над удельными. Это, однако, не главное и притом едва ли прямое следствие нашего рабства: правда, поддерживая дом Иоанна Калиты, ханы сильно потрясли удельную систему и приготовили для Руси единое государство; но, вспоминая историю свою до монголов, мы вправе сказать, что и без них удельная система при новых, лучших понятиях о правах верховной власти рушилась бы так точно, как пала феодальная в Западной Европе, где зло укоренилось еще глубже. Притом же ханы не всегда покровительствовали князьям московским: со времен Дмитрия Донского они неоднократно покушались отнять у них первенство, отдавая великокняжеский престол князьям тверским, нижего-

родским, рязанским. Монгольский след глубоко отпечатался в многообразных формах жизни общественной, внутреннем устройстве и в характере народном. С первого взгляда, влияние монголов на гражданственность русского народа не могло быть значительно: они вели жизнь кочевую, далеко уступали нам в развитии ума, не могли передать нам никаких идей гражданских, управляли нашими предками издали, не смешиваясь с ними; наконец мы видели в них злодеев, нехристей, и все *татарское* считали поганым; при всем том они властвовали над Русью долго, более двух веков: влияние было неминуемо.

Для объяснения следствий нашего ига необходимо сравнить в главных условиях жизни общественной Русь XIII века с Русью XV века, чтобы видеть, какие перемены произошли в государственном организме. Главные предметы, на которые должно обратить внимание: 1) право верховной власти; 2) сословия народные; 3) государственное управление в отношении к сбору податей, суду и расправе; 4) дело ратное; 5) язык; 6) вера.

До монголов верховная власть над Русскою землею принадлежала всему роду Владимира Святого, разделенному на многие ветви. Каждый потомок его имел право на удел и в своем участке был государь неограниченный: производил суд и расправу, воевал и мирился по произволу, собирал подати, оставлял свой удел в наследство детям. Каждый владетель довольствовался простым титулом князя, исключая старших в роду, которые назывались великими князьями, вступал на свой стол без пышных обрядов, имел немногочисленную дружину или двор, сам собирал подати, сам производил суд и расправу и распоряжался делами ратными на поле брани.

При монголах в конце их владычества верховная власть над Русскою землею сосредоточивалась в немногих поколениях и притом так, что только одно лицо давало направление общим делам государственным: без согласия его князья удельные не могли ни воевать, ни мириться, иначе подвергались опасности потерять свои уделы. Верховный князь носил титул великого князя всея Руси; принимал свое достоинство торжественно в соборном храме Владимирском; прочие потомки Владимира Святого удержали название князей, но, исключая двух или трех не из дома Иоанна Калиты, утратили все права удельные и вошли в

разряд подданных. Столь важная перемена в понятиях о верховной власти была следствием мудрой политики государей московских, которым много, однако, содействовали монголы.

Меньше перемен заметно в состоянии народа, в разделении его на сословия, в круге его обязанностей и в отношениях к верховной власти. Сословия народные по-прежнему были высшее, среднее и низшее. К первому относились *мужи княжие* или те особы, которые составляли княжеский совет и занимали почетные места в управлении. Они имели звания *бояр*, первостепенных сановников, *воевод*, предводителей войска, *наместников*, областных правителей и *тиунов*, или судей. К среднему классу принадлежали владельцы поземельные, под именем *детей боярских*, *люди градские*, граждане, *гости*; они имели свою собственность недвижимую. В низшем классе состояли *черные люди* и *смерды* (крестьяне), не имевшие ни земли, ни собственных домов, однако лично свободные; наконец, *холопы*, крепостные люди: это были пленники или несостоятельные должники, отдавшие себя в кабалу. Все вообще сословия вполне зависели от своего государя и были обязаны ему безотчетным повиновением. Одни бояре могли переходить от князя к князю, но в таком случае теряли свои поместья. Монголы не имели прямого влияния на развитие гражданских понятий наших, ибо не могли передать нам ничего нового. Заметно, однако, что при них власть князей в отношении к подданным усилилась более прежнего: до монголов неоднократно встречаются вече, или народные собрания в Ростове, Владимире, Киеве; при монголах вече везде замолкли, исключая Новгород и Псков. Все стало покорствовать без всякого условия великому князю: в нем одном видели избавителя от тяжкого рабства; ему готовы были жертвовать и имуществом и жизнью.

Прямое, непосредственное влияние ига обнаружилось в государственном управлении относительно двух главных предметов: сбор податей и суд. До монголов финансовая система наша имела самые простые основания; внутреннее устройство не требовало от государя значительных издержек: заведений общественных не было; судьи получали пошлины со свершенных дел; люди ратные содержали себя сами; в награду за усердие или за отличные подвиги князь раздавал добычу, земли; а чаще всего угощал своих спод-

вижников роскошными пирами. Государственные расходы ограничивались издержками на содержание князя, его семейства и двора. Для покрытия их он имел свои княжеские села, с которых получал доходы естественными произведениями, подобно всем поземельным владельцам; имел свои заповедные леса, рыбные ловли; сверх того, в известное время года объезжал свой удел и собирал дань натурою, по мере возможности, и едва ли в определенном количестве, хлебом, медом, воском, живностью; наконец, с тяжebных и уголовных дел обвиненный судом платил виру, или пеню, в казну княжескую. При такой ограниченности государственных расходов владельцы поземельные и люди зажиточные жертвовали князю только избыток своего достояния; промышленность сельская и городская имела путь свободный, не встречая застав между отдельными княжествами; наконец, не было большой необходимости в звонкой монете: предки наши знали цену серебра и золота, охотно брали и то и другое от греков и немцев для удобства при покупке чужеземных товаров, но в домашнем быту не встречали в дорогих металлах особенной надобности, и обыкновенно ходячею монетою была мягкая рухлядь под названием кун, белок и проч.

Монголы ввели новую, дотоле неизвестную нам финансовую систему: покорив Русь и всеми силами удерживая над нею господство, преимущественно из корысти, они требовали с нас дани. Сбор дани в первые годы нашего рабства было не что иное как грабeж. Ханы присылали своих баскаков с войском брать все, что можно было взять, или отдавали русские княжества в откуп хивинцам, бухарцам, армянам, жидам, которые также приходили с вооруженными отрядами и собирали десятину поголовно. Впоследствии, когда иго смягчилось, в XIV столетии князья московские приняли на себя обязательство доставлять ханам *ордынский выход*. Количество его определено неизвестно: Дмитрий Донской вносил 5.000 руб. тогдашних на свою долю*, прочие князья по соразмерности. Надлежало изыскивать все средства к удовлетворению корыстолюбия Орды; кроме выхода, князья московские должны были доставлять ханам, женам их, мурзам богатые подарки и притом гораздо более других князей, своих соперников:

* Пять древних рублей с двумя гривнами весили фунт.

ибо только дарами они могли поддержать свое право на первенство. Для покрытия столь тягостной повинности введены были разнообразные налоги, отчасти с татарскими названиями: со всех произведений сельской и городской промышленности взималась пошлина в разных видах за провоз, за складку, за меру, за вес, за куплю, за продажу; с дворов, с лавок, с земли, с рыбных ловель, с мельниц, со всего собирали подать. Одним словом, русский не мог ни купить, ни продать самого ничтожного предмета промышленности без явки и без пошлины; для этой цели учреждены были заставы в каждом городе, в каждом селе, при всех перевозах: их отдавали обыкновенно на откуп. Металлическая монета, под татарским названием деньги, нередко с татарским клеймом, заменила прежнюю систему расчетов.

Легко вообразить, как много затрудняли эти налоги развитие промышленности внутренней и внешней: в самом деле, она как будто онемела. Кроме частого опустошения городов и сел монголами, самая безнадежность пользоваться плодами трудолюбия отнимала желание трудиться у земледельцев и у городских промышленников. Даже великие князья (напр. Иоанн Калита) были беднее нынешних зажиточных дворян. Один Новгород постоянно расширял круг своей торговой деятельности: отдаленный от монголов, безопасный от их вторжений, он находился в тесной связи с немецкими землями, был вторым в числе городов, составлявших Ганзу, получал от нее товары европейские, передавал ей произведения востока и славился своими богатствами. Примеру его следовал отчасти и Псков. Но цветущее состояние этих городов не могло оживить внутренние области нашего отечества, где народ, обремененный налогами, страдал в бедности, а города знаменитые Киев, Чернигов лежали в развалинах.

Тягость налога, падавшего на средние и низшие сословия, влекла за собою не менее пагубные следствия в другом отношении: народ прибегал ко всем средствам, чтобы облегчить злополучную участь: унижаясь перед откупщиками, обманывая их, привыкая к разным уловкам, свойственным человеку, угнетенному неволею, он утратил прежнюю благородную гордость и узнал многие пороки. Новый порядок суда и расправы был неизбежен.

До монголов за самые важные преступления виновный платил только своим имуществом, внося определенную за-

коном пеню; обвиняемый же в преступлении недоказанном был судим, смотря по уликам или по свидетельству посторонних лиц, и нередко мог оправдать себя присягою или судебным поединком. Телесное наказание не было терпимо ни в каком случае. Выражение *да будет мне стыдно* служило порукою в ненарушимости самых священных обязательств. Монголы ввели свою расправу: требуя дани, они выводили должников на *правеж*, секли кнутом, пытали, чтобы страхом муки получить то, чего хотели, казнили. Правда, они не вмешивались в суд гражданский; но так как, с одной стороны, при тяжком наказании должников уголовные преступники не могли ожидать лучшей доли, с другой же стороны, нравы народные загрубели и денежная пеня стала возмездием недостаточным, то расправа татарская мало-помалу введена была и в делах гражданских. Со времени Донского уголовных преступников уже казнили. Правеж, кнут, пытка оставались долго памятниками владычества монголов, покуда успехи образованности не смягчили нравов.

Наконец, в деле ратном заметна также значительная перемена. В древних походах на греков, печенегов, половцев, в междоусобных распрях война постоянно была делом княжеских *дружин*: каждый князь имел свою. Она состояла из *бояр, отроков, мечников*. С нею обыкновенно советовался князь о делах общественных, через нее производил суд и расправу; она же была и главным войском его. Отправляясь в поход, князь вооружал свою дружину топорами, саблями, мечами, стрелами, копьями и, присоединив к ней на время нужное число *воев*, или ратников, из своих слуг, иногда из купцов и градских обывателей, редко из земледельцев, составлял *полк*, разделявшийся на стрелков и копейщиков. Главный воевода полка именовался *тысяцким*; впрочем, редкий князь не сам предводительствовал своею *ратью*. При звуке труб вои собирались около княжеского *стяга*, или знамени, и выступали в поход; за ними везли оружие, которое воины разбирали перед началом самой битвы. Впереди *сторожи* разведывали путь, добывали *языков*, искали *сакму*, или след неприятелей, стараясь узнать по нему о числе их и направлении. Встретясь с врагами в поле, союзные князья *держали совет* и устраивали полки: каждый занимал определенное место. Отряд стрелков начинал битву, пуская тучу стрел;

потом вступали в рукопашный бой; иногда хватались за руки и секлись мечами. Князь обыкновенно был впереди, с копьем или топором в руке, ободряя воинов словами и еще более собственным примером. Войско малочисленное ограждало себя *осеком*, или тыном из кольев с насыпью. Участь битвы обыкновенно зависела от смекалки князей: обыкновенно одерживал победу тот, кто успевал зайти врагу в тыл и расстроить его неожиданным ударом. Веселый пир и добыча были наградою победоносной дружине.

Под владычеством монголов военное искусство наше, не изменяясь в основе, в общей идее, мало-помалу получило особенный характер, отпечаток времени и обстоятельств. Главное войско состояло по-прежнему в княжеской дружине, или в *дворе*; однако часто должен был вооружаться и весь народ. Сверх того, при постоянном изнеможении мы отвыкли встречать врагов в открытом поле и более любили воевать под защитою крепостей. Поголовное ополчение и оборонительная война — две отличительные черты ратного дела нашего при монголах. Прибавим и третью: норманны-язычники ободряли себя в битвах мыслью об Одине, о наслаждениях в Валгалле; руссы-христиане в походах половецких призывали на помощь пресвятую Богородицу, в распрях междоусобных мечтали о славе; при татарах умирали с единственною мыслью о терновом венце Христовом. В устройстве ратей, в разделении и отчасти в вооружении войск, в самом образе войны мы встречаем многое, чего не видим в древней Руси и что могло быть заимствовано от монголов. По примеру их мы разделяли свои рати на десятки, сотни и тысячи; движениями ее управляли два или три воеводы, из которых один был старшим; главное же, мы действовали исключительно конницей и притом вооружали весь народ, так, что когда по всей Европе более и более убеждались в необходимости войск постоянных, мы, уже чуждые Европе, вступив в сферу азиатских народов, перенимали ратное дело у своих властителей; мало думали об искусстве и славе; желали только сокрушить врагов массою силы и опустошить вконец неприятельскую землю.

На язык и церковь монголы не имели прямого влияния: исключая немногие слова, означавшие некоторые,

неизвестные нам до них предметы*, язык русский не принял никаких форм татарских; сохранил свою чистоту, свою стройность и по-прежнему служил единственным средством к выражению мыслей для всех сословий светских и духовных, во всех случаях жизни общественной и домашней. Несчастные обстоятельства, в которых находилась Русь под игом монголов, не могли благоприятствовать успехам нашей словесности; при всем том язык сделался обильнее словами и оборотами: русские вполне чувствовали свое положение, не могли утаить своей горести, говорили смело против татар и для выражения своей ненависти, своего злосчастия старались быть красноречивыми. От того, сравнивая письменные памятники XII столетия с памятниками XV века, мы находим в последних более точности, ясности, определенности; формы стали обильнее и разнообразнее.

В том же смысле монголы содействовали развитию религиозных понятий. Одна только вера, надежда на Бога, могла облегчить страдания народные. Умы приняли религиозное направление; возникли многие монастыри, впоследствии знаменитые**; московские митрополиты стали деятельно участвовать в делах государственных, поддерживали самодержавие и, невзирая на дарованные ханами льготы***, благословляли князей и народ на борьбу с злодеями земли русской. Это религиозное направление, однако, не было фанатизмом: всегда благоразумные в делах веры, предки наши чуждались только нововведений, крепко держались старины. И догматы и обряды церкви остались неприкосновенными. Таким образом, дав иное направление почти всем условиям жизни общественной, монголы не изменили того, что служило залогом самобытности народной, ни языка, ни веры.

Больше перемен замечаем в судьбе Западной Руси: там с конца XIV века обнаружилось польское влияние.

* Например, введены слова: алтын, аршин, аул, базар, балалайка, барыш, башня, бусрак и другие немногие, из которых не более 50 сохранились в языке; другие исчезли вместе с владычеством монголов.

** Троицко-Сергиевский; Валаамский; Ипатьевский; Чудов; Симон-ов; Савин; Вознесенский Сретенский; Кириллобелозерский; Соловецкий и многие другие. Вообще с 1240 до 1480 основано до 150 монастырей.

*** Ханы освобождали церковные имения от всяких даней и пошлин; служителей церкви от воинской службы, подвод и всякой работы. См. ханские ярлыки в Древней Российск. Вивлиофике, т. VII.

2. Великое княжество Литовское

Дом Гедимины в одно столетие присвоил себе целую половину Руси Ярослава и Мономаха. Гедимин, наследовав от Витеня Литву в собственном смысле, заключавшуюся в пределах нынешней Виленской губернии, присоединил к ней сначала Кривские княжества, Полоцкое, Минское, Витебское частью посредством родственных связей, частью силою оружия. Здесь он нашел средства без труда овладеть юго-западную Русью, или княжествами Черниговским, Киевским и Волынским. Одни области достались ему также по родственным связям; другие по праву завоевания: князей он сокрушал оружием; народ склонял на свою сторону надеждою на свободу от ига монгольского. Сын его Ольгерд вытеснил мелкие орды монгольские из Подолии и раздвинул пределы своего государства до устья Днепровского. Витовт наконец овладел Смоленском. Соединенные таким образом русские земли получили название Литовского княжества. В половине XV века оно простиралось на север до Динабурга, Великих Лук и Вязьмы; на восток до Калуги, Курска и Ворсклы; на юг до устья Днепровского; на запад до Люблина, Дрогичина и Ковна.

В состав Литовского княжества вошли следующие земли:

I. *Литовские* в собственном смысле: 1) *Литва*, нынешняя Виленская губерния, разделявшаяся на воеводства Виленское и Троцкое; 2) *Жмудь*, или *Шамаите* (Самогиция); ныне Ковенская губерния, уезды Россиенский, Шавльский и Тельшевский. В Литве и Жмуди обитали коренные литовцы, крещенные при Ягайло в римско-католическую веру; но обе эти страны не составляли и 12-й части великого княжества; в прочих 11 частях обитал русский народ.

II. *Русские земли*: 1) *Белая Русь*, княжества Полоцкое, Минское, Витебское, Смоленское, Мстиславское; 2) *Черная Русь*, воеводства Новгородское, Слонимское, Волковское, Слуцкое; 3) *Полесье*, воеводства Брестское, Пинское; 4) *Подляхия* (ныне часть Белостокской области), страна древних ятвягов с русскими городами Бельском и Дрогичином; 5) *Волынь*, воеводства Луцкое, Владимирское, Кременецкое; 6) *Подолия*, воеводства Каменецкое, Летичевское; 7) *Украина*, воеводства Киевское, Черниговское и Новгород-северское.

Заключая в пределах своих преимущественно русские земли, Литовское княжество до вступления Ягайло на польский престол представляло такой же союз княжеств, какой мы видели в восточной Руси. Там были князья частью из рода Гедимины, частью из рода Владимира св. Поколение Гедимины было господствующим и находилось в тех же отношениях к княжеским отраслям из рода Владимира св., к князьям Мстиславским, Воротынским, Одоевским, Брянским, Трубчевским, в каких был дом Калиты к князьям Тверским, Рязанским, Ростовским, Ярославским. Великий князь Литовский стремился к неограниченному, самодержавному господству над всею Западною Русью и утверждал первенство в своем семействе, устраняя как боковые отрасли своего дома, так и другие владетельные поколения*. Одни из удельных князей беспрекословно признавали его своим государем, удерживая впрочем наследственное право на известные города**; другие спорили с ним за самостоятельность, заключали договоры, разрывали их и в случае неудачи сближались с государями московскими***, так точно, как неприятели потомков Иоанна Калиты искали помощи у литовских государей. Одним словом, здесь повторялась история Москвы, с тем, однако, важным различием, что в распри князей литовских не вмешивались монголы, утратившие право господства над юго-западную Русью уже со времен Ольгерда. Легко понять, что при таком ходе событий Литовское княжество, представляя систему русских княжеств, выражало все условия русской жизни, тем более, что дети и внуки Гедимины исповедовали христианскую веру по греческому закону.

После вступления Ягайло на польский престол дела приняли иной оборот. Невзирая на слабость союза Литовского княжества с Польшею, на решительное намерение князей и народа расторгнуть его, поляки исподволь успели ввести в Западную Русь гораздо более новшеств, не свойственных русскому народу, чем монголы в восточную, хотя первые были только союзники и то менее 100 лет, а вторые

* Гедимин передал верховную власть своим детям; Ольгерд своим, устранив братьев и племянников; Ягайло тоже.

** Таковы были князья Одоевские, Трубчевские, Карачевские, Острожские, Слуцкие, Друцкие.

*** Ольгерд спорил с братьями, Витовт и Свидригайло с Ягайло.

властвовали безотчетно уже два века. Польское влияние началось при Ягайло, усилилось при его преемниках и в половине XV века было заметно в образе правления, в составе народных сословий, в правах и обязанностях разных классов, в суде и расправе. Не следует думать, что поляки в XIV и XV столетиях далеко превосходили русских успехами гражданственности: русская жизнь, развившись из собственных начал, имела многие выгоды перед польскою, выражая во всем если не зрелость уставов, то по крайней мере согласие элементов своих. Виною польского влияния на Западную Русь были иные обстоятельства. Более всего содействовал тому сам Ягайло: чтобы получить руку прекрасной Ядвиги, он обещал полякам соединить великое княжество с королевством одно государство, не определив впрочем условий соединения. Но так как вслед за тем Витовт присвоил верховную власть в Литовском княжестве и обнаружил решительное намерение утвердить его самостоятельность, то Ягайло, в надежде разрушить замыслы соперника, на Городельском сейме издал постановление, коим литовское дворянство уравнено с польским во всех правах и обязанностях: оно получило право собираться на сеймы для суждения о делах государственных; неограниченную власть в своих поместьях; гербы, звания по образцу польскому. После того Ягайло царствовал еще двадцать лет и во все время продолжительного царствования своего неутомимо заботился о тесном союзе обоих народов уравниванием их во всех правах, считая это средство единственным способом удержать за своим потомством наследственное государство. Таким образом, уже при нем в Литовском княжестве установились сеймы, появились могущественные магнаты; возникла шляхта, или мелкопоместное дворянство; многие города получили так называемое Магдебургское право; государство разделилось на воеводства и поветы; воеводы, каштеляны, старосты, земские судьи заменили прежних наместников, посадников, волостелей и тиунов. Все это влекло за собою многие перемены в образе внутреннего управления, в суде и расправе, в сборе податей, в деле ратном, наконец в нравах и обычаях. Польский аристократизм обнаружился в Литовском княжестве, и сын Ягайло, Казимир, уже должен был угрождать сеймам.

Впрочем, к середине XV века польские формы еще не успели совершенно вытеснить русские: Литовское княже-

ство удержало свои гражданские законы, свою монету; спасло и главные элементы народности, язык и веру. При Виленском дворе, в высшем обществе, в судопроизводстве, в богослужении господствующим языком был русский. Правда, при недостатке твердых, положительных правил он уже начал принимать польские слова, отчасти самые обороты; но так как для тех и других находились равносильные слова и обороты в русском языке, то он без труда мог освободиться от чуждой ему новизны под пером искусного писателя*.

Вера же православная сохранилась во всей чистоте ее первобытной. Напрасно Ягайло, по внушению римского двора или польского духовенства, думал насильственными мерами поколебать православие, запрещая браки католиков с не католиками, не позволяя последователям греко-российской церкви занимать государственные должности, покровительствуя приверженцем римского закона: старания его были безуспешны и только рождали неприязнь между обоими народами; в Литовском княжестве неоднократно обнаруживалось всеобщее желание разорвать тягостный союз с Польшей. Преемники Ягайло, прекратив гонение за веру, руководствовались до конца XV века благоразумною терпимостью, окружали себя вельможами греческого закона и несколько раз подтверждали права, дарованные православному духовенству Ярославом I и другими князьями из дома Владимира Святого. Самое отделение киевской митрополии от московской, бывшее следствием не религиозного раскола, а политики Витовта, не имело вредного влияния на православие. Киевский митрополит, по примеру Московского, относился в делах церковных не к папе, а к Цареградскому патриарху. Догматы веры и обряды церкви остались неприкосновенными.

В первой половине XV века опасность иного рода угрожала греко-российской церкви в Литовском княжестве; вскоре, однако, и она миновала, не оставив почти никаких

* В актах князей литовских XV века, писанных обыкновенно по-русски, встречаются следующие слова: предкове — предки; шкода — вред; абыхмо — чтобы мы; казалъ — приказал; з'Вильны — из Вильны; маеть — имет; за дьда нашего — при деде нашем; тымь рьчомь — тем речам. Такие нововведения, без сомнения, не могли изменить основного характера языка; притом же они встречаются изредка, и все бумаги литовские XV века легко может понимать каждый не знающий по-польски.

следов: то было так называемое Флорентийское соединение¹⁷, снова доказавшее непоколебимость русских в православии. Император Византийский Иоанн Палеолог, утратив почти все области своей империи, завоеванной турецким султаном Мурадом, и опасаясь вскоре потерять самую столицу, решился искать помощи у западных венценосцев. Папа Евгений IV обещал ему поднять всю Европу против турок, если греческое духовенство согласится с римским на соединение восточной церкви с западною. Император, доведенный до крайности, принял вызов папы; положено было созвать в Италии собор для рассмотрения главных пунктов раскола. Сначала он открылся в Ферраре, куда собрались знатнейшие духовные особы греческие и римские; в числе первых был и московский митрополит Исидор, родом из Фессалоники, снискавший дружбу папы еще до посвящения своего в сан российского иерарха. Ученые богословы с той и другой стороны 15 раз сходились для решения четырех главных вопросов: 1) о происхождении св. духа; 2) о чистилище; 3) о просфорах; 4) о первенстве папы. Эфесский митрополит Марко, муж ученый и непоколебимый, обличив ясными доводами заблуждения латинских теологов, удерживал императора от согласия на соединение. Собор был перенесен во Флоренцию: здесь, вопреки всем усилиям Марка, греческие святители, отчасти обольщаемые надеждою спасти империю помощью папы, отчасти принуждаемые угрозами, силою, томимые голодом, уступили латинским и признали первенство папы, о чем римский двор более всего заботился.

Папа и император равно обманулись в своих ожиданиях: вся Греция изъязвила громкий ропот против Флорентийского соединения: весьма немногие согласились признать папу главою христианства; народ бежал из храмов, где слышал имя его. Усердие к защите империи уступило место богословским прениям, которые кончились тем, что папа был отвержен, а Константинополь взят Магометом II, успевшим воспользоваться несогласиями греков¹⁸. Еще менее успеха видел папа в русской земле. Исидор, подписавший постановление Флорентийского собора, едва появившись в Москве и произнес на литургии имя папы, великий князь Василий Васильевич Темный торжественно уличил его в ереси и предал суду духовному и светскому. Обвиненный в предательстве веры из личных выгод корыстолюбия,

он был заключен в Чудов монастырь, откуда тайно бежал в Рим и умер там в сане кардинала. Евгений надеялся, по крайней мере, утвердить свою власть в Литовском княжестве: в самом деле, Исидор, самовольно приняв звание патриарха, успел при содействии Казимира возвести на Киевскую митрополию ученика своего Григория Болгарина, вместе с ним бежавшего из Москвы; но Григорий был единственный митрополит Западной Руси, признававший власть папскую; после смерти его в течение 150 лет все киевские митрополиты отвергали собор Флорентийский, поддерживали православие и искоренили следы учения Исидора.

Со времен Витовта литовские митрополиты пребывали преимущественно в Вильне, частью в Новгородке, редко в Киеве и заведовали православными епископами Полоцким, Смоленским, Черниговским, Брянским, Туровским, Луцким, Владимирским, Хелмским, Галицким. Греко-русское духовенство менее всех других сословий получило выгод от союза Литовского княжества с Польшею: великие князья неоднократно старались уравнивать его в правах с латинским духовенством и несколько раз торжественно обещали дать митрополиту и епископам место в сенате и на сеймах; но, по упорству римского двора, эти обещания никогда не были исполняемы, и русское духовенство должно было терпеть весьма многие неудобства.

Для малочисленных последователей римского закона, появившихся в западной Руси с конца XIV в., Ягайло учредил епископство в Киеве.

В заключение определим состояние Ливонского ордена от конца XIII века до середины XV столетия: судьба его тесно связана с историей Руси. Основанный Альбрехтом Буксгевденом, под именем *Братства креста Господня*, для обращения обитателей нынешней Лифляндии в христианскую веру, Ливонский орден через 36 лет после своего основания принужден был соединиться с Тевтонским орденом, утвердившимся с тою же целью в начале XIII века в Пруссии, и вскоре овладел всею Лифляндией, Эстляндией и Курляндией. Гермейстеры его назначались или утверждались гроссмейстерами тевтонскими; впрочем, орден действовал самостоятельно. Верховная власть по делам светским и духовным около ста лет сосредоточивалась в лице рижского епископа, возведенного папой в 1255 году в

достоинство архиепископа: он имел право мира и войны, суда и расправы; раздавал земли и поместья; вообще был главою ордена. В конце XIII века власть его стала ослабевать: города, следуя примеру Ганзейских городов, хотели быть независимы в делах внутреннего управления; владельцы поземельные, получившие от архиепископа поместья на праве вассалов, утверждали их за своим потомством и составляли многочисленное сословие феодального дворянства; гермейстер, наконец, стремился к верховному, исключительному господству над всей Ливонией и старался заполучить его из рук архиепископа силою оружия. Явная вражда партий обнаружилась в начале XIV века и прекратилась только с падением ордена в половине XVI века. Главными соперниками были архиепископ и гермейстер; первого поддерживали города, в особенности Рига; второй имел на своей стороне орден, усилившийся особенно с тех пор, когда король датский уступил ему Эстляндию, утраченную в половине XIII века. Междоусобия нередко доходили до ожесточения; несколько раз рыцари брали Ригу приступом. Вследствие непримиримых распрей и решительного стремления разных властей к самостоятельности Ливония к концу XV века разделилась на весьма многие небольшие области, из которых одни принадлежали духовным владетелям, архиепископу Рижскому и епископам Дерптскому, Эзельскому, Курляндскому, Ревельскому; другие ордену, гермейстеру, маршалу, командорам, бальи и рыцарям. От архиепископа зависели 16 городов и замков, от ордена до 50. Столицею гермейстера был Венден. Города находились в цветущем состоянии и вели обширную торговлю с Ганзою; владельцы их имели огромные богатства и большею частью утопали в роскоши. Связь Ливонского ордена с Тевтонским была весьма слабая, особенно с тех пор, когда гроссмейстер принужден был уступить Польше значительную часть орденских владений и признать себя вассалом короля польского.

ГЛАВА V

РУССКОЕ ЦАРСТВО В БОРЬБЕ С ТАТАРАМИ И ПОЛЯКАМИ

I. ИОАНН III (1462—1505)

После смерти Василия Темного в восточной Руси открывается зрелище утешительное — разновластие быстро исчезает; удельная система падает; орда Сарайская гибнет; потомки Чингисхана не смеют даже думать о господстве над Русскою землею; владения их одно за другим входят в состав могущественного царства, получившего с начала XVII века название России. Европа приветствует ее как новую державу; еще не включает в свою систему, но уже охотно ведет с ней деятельные сношения торговые. Русские цари столь же усердно ищут дружбы государей европейских, заимствуют от просвещенных народов плоды ремесел и художеств, не изменяя, однако, прародительским нравам и обыкновениям. Между тем заботятся о лучшем порядке суда и расправы, о военном устройстве, о народной промышленности, в то же время не упускают из виду единоплеменной Руси, отторгаемой Польшей, и с первых лет государственной независимости обнаруживают явное намерение соединить всю Русскую землю под свою державу. Одушевляемая святой верою, скрепляемая самодержавием, Россия к концу XVI века развивает мощные силы.

Виновником достопамятной перемены в судьбе Восточной Руси, основателем могущественного Русского царства был старший сын Василия Темного Иоанн III. На целых два столетия он установил правила внутренней и внешней политики, преемникам оставалось только довершить его планы, чтобы возвеличить свое государство, и ка-

жды раз, когда они следовали его указаниям, отечество наше приобретало новые силы. Не ознаменовав себя никаким блестящим подвигом, который изумил бы современников, не заслужив и признательности их, Иоанн является истинно великим пред судом потомства: все, что донныне терзало Русь, что грозило ей новыми бедствиями, — и разновластие удельное, и монгольское владычество, и стеснение Московского государства домом Гедимины, — все рушилось без тягостной борьбы, как бы само собой, единственной помощью дальновидной политики. Редкий государь умел так хорошо постигнуть потребности своего века и народа, так искусно воспользоваться всеми средствами и так удачно дойти до своей цели, как Иоанн III. Поэтому все, что ни делал он, подобно деяниям Петра Великого, осталось вековым. Но разность между обоими государями была чрезвычайная. Петр созидал все вновь, всему давал новую, лучшую форму европейскую, был героем на полях брани, неутомимым законодателем, художником, учителем своего народа, за каждое дело брался со всей живостью огненного характера и все препятствия одолевал беспримерною силою души, самую быстротою своих действий. Иоанн усердно держался старины отечественной, не изменял ни нравов, ни обыкновений, ни общественных уставов, никогда не славился и личным мужеством, главное же, в каждом предприятии обнаруживал хладнокровную расчетливость, ждал благовременного случая, готовил верные средства, заставлял своих врагов действовать вместо себя и только тогда прибегал к крутым мерам, когда наступала решительная минута: тут он устремлял всю массу своих сил и приводил в движение все приготовленные заранее пружины.

С таким характером при долговременном 43-летнем правлении он постоянно стремился к великой цели, руководившей всеми действиями его — образовать из Русской земли, раздробленной иноплеменниками и природными князьями, державу самостоятельную и благоустроенную. Для достижения этой цели ему надлежало решить много вопросов — уничтожить удельную систему, покорить Новгород, отнять у потомков Чингисхана самую мысль о верховной власти над Восточною Русью, отобрать у потомков Гедимины Русь Западную, собрать все русские земли в одно целое, дать своей державе лучшее устройство внутреннее,

отдалить ее от Азии, к которой она до сих пор примыкала, и сблизить с Европою. Одни из этих вопросов были решены им окончательно, другие же он предоставил времени и благоразумию наследников.

Уничтожение удельной системы совершилось в нашем отечестве не вдруг. Разновластие исчезало постепенно, во все времена Иоаннова правления, и окончательно прекратилось уже при сыне его. Единодержавие было главной целью его политики. Но всегда верный правилу прибегать к решительным мерам только в крайности, он не хотел начинать открытую борьбу с удельными властями, даже заключал с ними договоры о взаимной неприкосновенности отчин, признал великого князя Тверского равным себе государем, не трогал прав ни Пскова, ни Новгорода, дозволил юному князю Рязанскому, воспитанному в Москве, возвратиться в отцовскую область, требовал только, чтобы князья действовали с ним заодно, признавали его старшим и не сговаривались с неприятелями Москвы. Исполняя свято договоры, не нарушая прав удельных, он хотел, чтобы и князья уважали его право *старшинства*, присвоив этому слову тот же смысл, какой имело оно при Владимире Мономахе и при Дмитрие Донском. Без воли его князья не смели предпринять ничего важного, ни заключать союзов, ни искать управы оружием в обыкновенных своих распрях; в противном случае им грозил неумолимый гнев *государя*. Одним словом, еще не касаясь уделов, Иоанн был самодержавным, подобно Владимиру Мономаху. Политика одного сходствовала с политикою другого, с тем, однако, важным различием, что Мономах не искоренял уделов. Иоанн же ловил каждый случай для соединения всех княжеств в одно государство, без явного впрочем насилия, и так искусно вел дела, что уделы исчезали сами собою. Одни князья, не из рода Иоанна Калиты, например, ростовские и ярославские, имевшие небольшие участки, отовсюду окруженные Иоанновыми областями, вскоре убедились, что право владетельное было для них одной тягостью, что отчины их рано или поздно отойдут к Москве, хотели лучше заслужить милость государя и при жизни добровольно уступали ему свои уделы. Другие же, умирая бездетными, передавали ему свои отчины духовным завещанием. Так он приобрел княжества Дми-

тровское*, Вологодское**, Верейское***, Волоцкое****, со многими городами. Третьи, наконец, а именно родной брат государя Андрей Большой***** и шу́рин его князь Тверской Михаил Борисович*****, сами нарушив договор тайными отношениями с Ордою и с Литвою, навлекли на себя гнев Иоанна: первый был заключен в темницу, где и умер, второй бежал в Литву и не возвращался; княжества их, Тверское и Углицкое, присоединены к Москве. Право владетельное удержал один князь Рязанский безусловной покорностью государю Московскому.

Так, к концу правления Иоанна рушилась удельная система в то самое время, когда в Европе пресекалась феодальная, с тем, однако, различием, что Людовик XI, Фердинанд Католик, Генрих VII утвердили самодержавие кровью своих подданных. Иоанн же, одолев величайшие препятствия единственно силой ума, ничем не запятнал своей славы. Конечно, обстоятельства были иные: много помогла ему судьба, многое подготовлено было его дедом и прадедом, при всем том князь Тверской и Андрей Васильевич могли бороться со всяким соперником, кроме Иоанна.

Гораздо труднее было сладить с Новгородом. Здесь Иоанн имел дело не с одним лицом, а с целым народом, готовым умереть за свои льготы, данные Ярославом Мудрым и увеличенные слабыми его преемниками. Вече, присвоив

* С Можайском и Серпуховым, после смерти брата Юрия, умершего холостым, в 1472.

** С Кубеною и Заозерьем, по завещанию брата Андрея Меньшого, умершего бездетным, в 1481.

*** По завещанию дяди Михаила Андреевича (внука Донского), не смевшего отказать наследственного удела своему сыну Василию Удалому, который навлек на себя гнев Иоанна и бежал с женой гречанкой, племянницей Софии, в Литву, в 1483.

**** С Рузюю и Ржевом от племянников, детей Бориса Васильевича Волоцкого, умершего в 1494.

***** Пред нашествием Ахмата он рассорился с великим князем и уехал в Литву к Казимиру; впоследствии не хотел содействовать к совершенному истреблению Орды и не давал вспомогательного войска; заключен в темницу в 1491.

***** Родной брат первой супруги Иоанна. Овдовев в 1483, он хотел жениться на внучке Казимира Литовского и вступил с ним в переговоры. Иоанн объявил ему войну; устранный Михаил отказался от всяких связей с Литвою; но вскоре завел тайную переписку с королем, которая обнаружилась. Войска московские осадили Тверь; Михаил бежал к Казимиру, княжество его присоединено к московскому в 1486.

после Владимира Мономаха право избирать себе князя, вести войну, заключать мир, определять дань, производить суд и расправу со всеми государями владимирскими и московскими постоянно спорило за границы обоюдных владений, за дары и пошлины, предоставленные великому князю, за неподсудность своих граждан его наместникам. С середины XIV столетия, когда начал усиливаться дом Гедимины, новгородцы год от году были неуступчивее в своих правах, требовали от каждого великого князя Московского присяги в ненарушимости старинных льгот, грозя в противном случае признать покровителем своим великого князя Литовского, и неоднократно поручали целые области в управление детям и внукам Гедиминовым. Преемники Иоанна Калиты, теснимые со всех сторон врагами, Ордою, Литвою, князьями удельными, благоразумно уклонялись от разрыва с необузданным народом и подтверждали его права, присвоенные им во время бурного безначалия. Таким образом Новгород считал себя независимым и явно силился отделиться от Московского государства. Иначе думал Иоанн: следуя обычаю предков, в начале своего правления он оставил неприкосновенными все преимущества новгородские. Но при первом порыве своеволия, когда вече оскорбило его наместников, присвоило княжеские доходы и земли и взяло с жителей присягу только именем Новгорода, государь напомнил новгородцам, чтобы они держали имя его *грозно и честно по старине* и не забывали, что предки его именовались великими князьями Владимирскими, Новгородскими и всея Руси. Вече прибегло к обыкновенной политике: подстрекаемое вдовую посадника Борецкого *Марфою*¹, женщиною богатою, честолюбивою, искавшею власти в своем отечестве, оно хотело испугать Иоанна тесным союзом с Казимиром Литовским и торжественной грамотой объявило его своим государем на тех же условиях, как господствовали князья московские. Такой поступок требовал решительных мер к обузданию мятежного народа. Иоанн спешил предупредить Казимира и двинул всеми силами. Все князья удельные, тогда еще не утратившие своих областей, не исключая и Тверского, соединились с ним, грозное ополчение, под личным начальством государя, вступило в область Новгородскую как в землю неприятельскую, опустошая все пространство от Торжка до Ильменя. Победа князя Холмского на берегах

*Шелони*², где легло около 12 000 мятежников, рассеяла их войска. Иоанн, взяв в плен многих знатных граждан. Одним, в том числе и сыну Марфы-посадницы боярину Дмитрию, велел отрубить головы, других разослал по темницам, многим, менее виновным, даровал свободу. Шелонская победа, еще более решительная строгость великого князя образумила новгородцев. Они увидели в Иоанне не соперника, не врага обыкновенного, а государя, имевшего право карать и миловать, и безусловной покорностью спешили смягчить его. Он простил новгородцев, взяв пеню 15500 руб., или около 80 пудов серебра; не уничтожил ни вече, ни древних льгот, признанных прежними князьями, подтвердил их новой договорной грамотой; возвратил завоеванные места; одним словом, согласился править по старине, с той, однако, важной разницей, что присвоил себе верховный суд в случае несогласия его наместников с новгородскими сановниками.

Но судьба Новгорода была уже решена Иоанном. Оставить его при прежних правах было бы несогласно с системой единовластия, уже со времен Калиты признанною необходимым условием бытия Русской державы. Он не решился уничтожить тень его самостоятельности после Шелонской победы из опасения встретить отчаянное упорство в народе, издавна привыкшем к воле, хотел прежде приготовить умы в свою пользу и найти друзей в самом Новгороде. В семь лет он достиг своей цели. Пользуясь верховным правом суда, Иоанн умел заслужить такое уважение умом, беспристрастием, строгостью, что благомыслящие новгородцы, негодуя на внутренние неурядица, на лихоимство своих сановников, охотно прибегали к правосудию великого князя: большая часть народа, все бедные граждане были на его стороне. Видя недругов только в высшем сословии, он был уверен в слабом сопротивлении и ждал одного повода, чтобы сравнять Новгород с прочими городами в общем составе государственного устройства. Этот повод вскоре представился: в 1477 году вечевые послы, прибывшие в Москву, наименовали его *государем* Новгорода, вместо господина, как прежде назывались князья. Он требовал объяснения, не хотят ли новгородцы присягнуть ему как полному властителю? Вече отозвалось с укоризною, что оно не думало давать ему титул государя. Между тем дру-

зья Борецких волновали народ и преследовали друзей Москвы. Иоанн, оскорбленный дерзким ответом, решил навсегда прекратить неустройства, по-прежнему собрал все свои силы, подданные с усердием стекались под его знамена, признавая новгородцев врагами отечества и клятвопреступниками. Друзья Марфы-посадницы подстрекали граждан к мужественному отпору. Отчаянное сопротивление ожидало Иоанна, он избегал кровопролития, теснил народ голодом, искусно вел переговоры. Многочисленные друзья его, главой которых был архиепископ Феофил, одержали наконец верх. Новгород изъявил безусловную покорность. Вече было уничтожено, звание посадника отменено, старинные формы суда и сбора податей, напоминавшие самостоятельность внутреннего управления, уступили место новым формам в духе самодержавия. Иоанн, определив Новгороду наместником своего боярина (князя Стригу-Оболенского), дал слово забыть все прошедшее и наказал только немногих, главных недоброжелателей своих, в том числе и Марфу-посадницу, заключив ее в Нижнем Новгороде.

Иоанн, начав дело, не любил останавливаться на середине. Опасаясь, чтобы не пробудилась в новгородцах мысль о прежних правах, он старался подавить ее при каждом новом неустройстве. Два обстоятельства могли еще воскресить древнюю волю новгородцев: с одной стороны знатные граждане, отказавшись от старинных льгот, сохраняли свои обширные поместья и таили замысел восстановить прежний образ правления; с другой стороны, купцы Ганзейские, приносившие свои понятия о господстве народном, могли волновать умы и поддерживать дух своеволия. Иоанн постепенно искоренил то и другое зло: многие бояре, люди житые и торговые, обвиненные в злых умыслах, были заключены, семейства их переселены в отдаленные области, поместья же розданы московским сановникам*. Купцы ганзейские также были изгнаны из Новгорода в конце правления Иоанна. Раздраженный самоуправством Ревельского магистрата с русскими подданными, государь требовал от Ливонского ордена возмездия и, по-

* Так, в Водской пятине розданы поместья служилым людям Тучковых, Ряполовских, Шереметевых и проч.

лучив грубый отказ, воспользовался этим случаем, чтобы пресечь все связи с немцами. Он велел схватить купцов ганзейских числом до 50, находившихся в Новгороде, и бросить в темницы, где они большей частью умерли, имения же отобрать в казну, лавки, гостинные дворы и божицу запечатать. Эта строгость навела такой ужас на всю Ганзу, что она прекратила на долгое время сношения с Россией и переехала свою торговлю в Ригу, Дерпт, Ревель и Нарву.

Утратив все, что давало силу, скопляло богатства, поддерживало дух независимости, Новгород мало-помалу, к концу Иоанновой жизни, ничем не отличался от других русских городов в общем составе государственного управления. Псков, имевший устройство, сходное с новгородским, спас свое вече, своих посадников, старинные формы суда и расправы единственно постоянной верностью государю Московскому и усердным содействием во всех его предприятиях, особенно в войне с новгородцами. Иоанн не трогал его до первого случая, руководствуясь правилом не употреблять силы без необходимости, и оставил преемникам легкий труд уничтожить старину псковскую.

Освобождение Русской державы от власти монголов есть одно из важнейших деяний мудрой политики Иоанновой, тем более достопамятное, что отечество избавилось от рабства, не ослабив себя трудную борьбою. Падение Золотой Орды, подобно уничтожению удельной системы и покорению Новгорода, совершилось не вдруг, оно было делом всей жизни Иоанна. Зная, что для независимости отечества надобно было сокрушить Орду, рассеять ее улусы и уничтожить гнездившуюся в Сарае мысль о мнимом праве Чингизовых потомков господствовать над русскою землею, Иоанн в то же время видел, что самая блистательная победа не разгромит царства Кипчакского, что решительный удар, как подвиг героя Донского, только образумит злодеев и соединит разделившиеся улусы по-прежнему в один юрт неодолимый. Единственным средством погубить Орду было предать ее в жертву внутренних раздоров. Уже предшественники Иоанна понимали эту истину, но частью от слабости, частью от незрелой еще политики не знали искусства усиливать ордынские распри. Иоанн решился ослабить врагов врагами, довести их до изнеможения и потом уже нагрнуть всюю массою своих сил. Он достиг вожде-

ленной цели с редким успехом, устранил от своей державы бедствия кровопролитной борьбы и избавил ее от ига одним умом.

В первые годы по восшествии на престол, около 10 лет, Иоанн не отказывал в дани хану Большой орды *Ахмату*³, принимал его послов с честью, но без прежнего унижения, посылал в Орду своих с дарами, вообще уклонялся от всякого повода к разрыву, между тем принимал свои меры. Сперва обратил внимание на царство Казанское, не зависимое от Орды, даже неприязненное ей, и хотел присвоить над ним верховную власть, чтобы с одной стороны обезопасить восточные пределы своей державы от опасных хищников, с другой же открыть удобный путь в орду, при первой борьбе с нею, посредством Волги. Но он еще не в силах был сладить даже с отдельною Казанью, неоднократные походы воевод его не имели успеха. Оставив Казань до времени в покое, государь заключил тесный союз с крымским ханом, основанный на взаимных выгодах и тем более прочный. В Тавриде, после смерти *Гаджи-Гирея*, возникли раздоры между сыновьями его. *Менгли-Гирей*⁴, изгнав старшего брата *Нордоулата*, бежавшего в Литву, искал себе покровителя. Ни литовский князь, ни хан Большой орды не могли ему благоприятствовать: первый поддерживал *Нордоулата*, второй питал родовую вражду к потомкам *Тохтамыш*а. Иоанн, зная хорошо все, что делалось вокруг него, предложил союз *Менгли-Гирею*; тот с радостью принял его вызов и заключил самую тесную с ним дружбу. Нельзя было избрать лучшего союзника: *Менгли-Гирей* по первому слову государя Московского громил то Орду, то Литву, не щадил для выгод его ни себя, ни друзей, ни врагов и до конца жизни Иоанна служил ему с редким усердием.

Уверенный в его дружбе, великий князь приступил к делу — прогнал ханских послов и перестал платить дань. *Ахмат*, уже недовольный скупостью великого князя, после тщетных усилий смирить его собственным войском заключил наступательный союз с *Казимиром*, который, упустив из рук своих *Новгород* и думая возвратить его, обещал выставить все свои силы, чтобы в одно время с Ордою ударить на Россию с запада. Иоанн, видя неизбежность борьбы, от которой тщательно уклонялся, принял свои меры: как только двинулся хан, *Менгли-Гирей* вторгся в *Подолию* и остановил *Казимира*. Между тем *звенигородский воевода*

Ноздроватый и крымский царевич Нордоулат, искавший покровительства великого князя и служивший ему залогом верности Менгли-Гирея, с отдельным отрядом спустились на судах Волгою в беззащитные улусы. Сам государь в то же время спешил вывести в поле свои силы; подданные, веруя его уму и счастью, ополчались с восторгом за свободу отечества и, ободряемые духовенством, горели желанием сразиться с врагами — возобновилось время Донского. Иоанн мог обещать себе еще более успеха, чем великий прадед его, имея сильнейшее войско и зная очевидную слабость Ахмата. Но он не хотел жертвовать подданными без нужды, берег свои силы, заслонил только Ахмату путь в Россию на берегах *Угры*⁵ и, вопреки общему желанию, столь красноречиво выраженному в послании ростовского архиепископа Вассиана, уклоняясь от битвы, ждал вестей от Ноздроватого. Тот с полным успехом совершил свое поручение: разгромив улусы, где остались одни старцы, жены и дети, разрушив Сарай, взяв множество пленников, с богатою добычею воротился в отечество. Ахмат с ужасом узнал о разорении своего царства и бежал от русских пределов*. Его постигла участь Мамая: ногайские мурзы, под начальством Шейбанского князя Ивака, кочевавшие по Уралу, спешили воспользоваться злополучием Большой Орды, еще более богатою добычею опустошенных ею литовских городов, вытеснили Ахмата из Приволжских степей, загнали его к берегам Азовского моря и там умертвили. Ивак стал господствовать по Волге, но, не смея и думать о владычестве над Русью, искал одного доброго расположения государя Московского. Дети же Ахмата с остатками своей Орды

* Ахмат шел от Дона мимо Мценска и Одоева к Угре, чтобы соединиться с литовцами; 8 октября подступил к Угре и остановился на правом берегу реки; русские расположились на левом; перестреливались 4 дня. Иоанн предлагал мир и дары; Ахмат, сказав, что князь уже девять лет не платит дани, требовал, чтобы он просил прощения у царского стремени. Переговоры пресеклись; прошло две недели в бездействии. В это время архиепископ Вассиан красноречивым посланием побуждал государя к решительному удару. По наступлении морозов, 7 ноября государь велел войску отступить на поля Боровские, где на выгодном месте думал дать сражение: войско оробело и побежало, никем не гонимое; Ахмат, опасаясь засады, также ударился в бегство в противоположную сторону, разорив на пути 12 литовских городов в отмщение Казимиру, вторично обманувшему хана. В память освобождения России от ига Иоанн установил ежегодный праздник Богоматери 23 июня.

долго скитались по степям между Кумою, Доном и Днепром, вели жестокую войну с Менгли-Гиреем, нередко с успехом, и все еще величались именем наших властителей. Иоанн в союзе с крымским ханом мог бы сокрушить без труда гнездо наших злодеев, но лучше хотел употребить свои силы на важнейшее дело. Через семь лет после неудачного покушения Ахмата, сведав о раздорах, возникших в Казани после смерти Ибрагима, он послал туда мужественного воеводу Холмского, чтобы поддержать партию, благоприятную Москве. Холмский сделал более: взял Казань приступом и возвел на престол меньшего сына Ибрагимова, Магмет Аминя, обязав его быть присяжником и данником Иоанна, брата же его Алегама прислал пленником в Москву. С тех пор тень Батыева царства не находила себе места: с одной стороны теснили ее, по воле государя, казанские татары, с другой неумоимо преследовал Менгли-Гирей как для собственной безопасности, так и еще более в угождение своему могущественному союзнику. Наконец, после неоднократных битв, года за три до смерти Иоанна, деятельный Гирей истребил совершенно орду Кипчакскую. Последний хан ее, все еще считавший себя вправе быть повелителем Руси, Шиг Ахмет, искал убежища в Литве и нашел темницу, он умер пленником в Ковне.

Оставив Менгли-Гирею заботы добывать слабую Орду, Иоанн между тем обратил внимание на Западную Русь. По примеру Димитрия Донского, он считал русские области, подвластные потомкам Гедимины, древним достоянием своего дома, присвоенным иноплеменниками во времена невзгоды отечества, с той же точки зрения смотрел и на владения меченосцев. Мысль о правах дома Калиты на всю Русскую землю неоднократно обнаруживалась в отношениях Иоанна с дворами польским, австрийским и венгерским. Он изъявлял им решительное намерение добывать не только завоеваний Витовта, но и самого Киева со всею Волынью. Предполагая при первом удобном случае возобновить свои права, государь, по обыкновению, готовил верные средства к успеху: заключил тесный родственный союз с господарем Молдавским Стефаном Великим, женив на дочери его Елене старшего сына своего, вступил в дружбу с королем венгерским Матфеем Корвином, преемником знаменитого Гунниада, искал союза с германским

императором Максимилианом и, подтверждая дружественные договоры с Менгли-Гиреем, соглашался действовать против Орды, опасной для одного Крыма, только в таком случае, когда хан не оставит в покое Казимира. Почти со всех сторон окружив литовского государя союзниками, Иоанн нашел друзей в самой Литве. Невзирая на долговременное господство дома Гедимины, в Западной Руси никогда не исчезала мысль о родстве ее с Восточною. Эта мысль, поддерживаемая единоверим, языком, свежими преданиями истории, так сильно обнаруживалась, что Казимир, опасаясь добровольного подданства литовской Руси Иоанну, избегал борьбы с могущественным соперником. В самом деле обитатели заднепровских стран доселе чуждались Московского государства единственно из ненависти к монгольскому владычеству. Но едва рушилось ненавистное иго, они стали смотреть на Иоанна, уже знаменитого умом и славою, как на истинного, природного государя всей русской земли, и друг пред другом искали чести быть его подданными. Прежде всего изъявили это желание правнуки Ольгерда, единоверные нам князья Ольшанский, Бельский, Оленькович, впоследствии князья племени Владимира Святого, имевшие свои отчины в Северском княжестве, Одоевские, Воротынские, Белевские, Перемышльские и другие, давая только знать королю, что слагают с себя звание его присяжников и возвращаются под сень древнего отечества. Казимир требовал, чтобы Иоанн не принимал их, и хотел поддержать свое требование силою оружия. Но в то самое время Менгли-Гирей опустошил Киев и заставил короля подумать о безопасности своих владений. Казимир вскоре умер, в самом начале войны с Иоанном. Литовско-русские чины спешили воспользоваться этим случаем для расторжения тягостного союза с Польшею и объявили своим великим князем сына Казимира Александра, между тем как старший брат его Альбрехт вступил на польский престол. Александр, видя явную невозможность бороться с Иоанном, приобретшим всеобщую любовь в Западной Руси, считал единственным средством к спасению своего престола кровное родство с сильным соперником и просил руки дочери его Елены, уступая Северское княжество. Иоанн охотно согласился на это предложение в надежде соединить русскую землю еще теснейшими узами, поддержать греческий закон, теснимый в

Литве римским духовенством, и прекратить распри обоих государств, проистекавшие не от вражды народной, а от личной неприязни венценосцев. К сожалению, надежда его не исполнилась: Александр, вступая с ним в родство, хотел только связать ему руки, усердно преданный римскому двору, он преследовал своих подданных греческого вероисповедания, саму супругу принуждал к перемене религии. Следствием безрассудной политики его были всеобщие жалобы православных, кончившиеся новым отпадением от Литовского княжества русских городов Чернихова, Рыльска, Стародуба, Новгорода Северского и других. Иоанн принял их под свое покровительство и после тщетных стараний образумить зятя прибегнул к оружию. Кровопролитная война запылала. Московское войско постоянно брало верх, полководец Иоанна, князь Даниил Щеня одержал решительную победу над литовским войском при реке Ведроши (близ Дорогобужа), взяв в плен самого военачальника, князя Константина Острожского. Между тем крымцы опустошили Кременец, Владимир Волынский, Луцк. Доведенный до крайности, Александр искал помощи у Ливонского ордена и нашел сильного союзника в мужественном гермейстере Плеттенберге, который неоднократно победами над русскими войсками, в особенности на Сирице близ Изборска, замедлял успехи нашего оружия. Война становилась год от году упорнее, тягостнее для России. Александр, после смерти брата, вступил на польский престол и мог располагать силами обоих государств. Союзники наши действовали слабо или вовсе отказались от участия: Стефан Молдавский, огорченный гневом Иоанна на свою дочь, пристал к стороне наших неприятелей; Матфей Корвин умер еще до начала войны, место его занял брат Александра Владислав; сам Менгли-Гирей не оказывал прежнего усердия, завися на старости от своих детей и мурз, подкупленных литовским князем; царь Казанский обнаруживал явную неприязнь и беспокоил наши восточные пределы. К этому присоединились семейные горести Иоанна, бывшие следствием смерти старшего сына его. Утомленный непрерывною деятельностью, он избегал борьбы долговременной, держась правила действовать более посредством союзников, чем собственными силами. Александр, со своей стороны, опасаясь турок, еще ревностнее искал мира, требуя, однако, возвращения всех

завоеванных нами городов как своей отчины. Иоанн велел ему сказать, что отчина королевская есть земля польская и литовская, русская же его собственность, и что он намерен добывать Смоленска, Киева и других городов, согласился единственно заключить с Литвою и с орденом перемирие на 6 лет, удержав за собою все княжество Северское и обязав дерптского епископа платить себе ежегодную дань.

Соединяя русские земли в одно целое, в государство единоедержавное, Иоанн в то же время заботился о сближении своего отечества с Европой, вследствие простой мысли, что Россия по своему положению, по вере, по языку должна была войти в состав государств европейских. Тесная связь с Европою началась с первых лет его правления и стала в особенности заметна к концу его жизни. Поводом к этой связи был достопамятный случай, обильный и другими важными последствиями. По завоевании турками Царьграда брат последнего византийского императора Константина Фома Палеолог искал убежища в Риме и там поселился с семейством. Дочь его София, славившаяся умом и красотою, обращала на себя внимание многих европейских венценосцев, в том числе короля французского и герцога медиоланского. Папа Павел II предложил ее руку Иоанну, в надежде, что царица, воспитанная в правилах флорентийского соединения, убедит своего мужа признать римского первосвященника главою российской церкви, и что государь Московский, по родству с Палеологами, освободит Грецию от варваров, по крайней мере не оставит их в покое и отвлечет их силы от Италии, трепетавшей при одном имени Магомета. Иоанн охотно согласился принять руку царицы и сочетался с нею браком, но не исполнил ни одного из папских предложений: не думал признавать духовную власть римских первосвященников в своем государстве и не хотел воевать с турками, сберегая свои силы для сокрушения орд татарских и для борьбы с потомками Гедимины. Брак его с Софией имел совсем другое влияние на судьбу нашего отечества.

Европа, пораженная бедствием Византии, с живейшим любопытством смотрела на страну, куда удалилась последняя отрасль знаменитого дома Палеологов, узнала, что Московия есть держава христианская, что государь ее обладает обширными землями и может бороться даже с тур-

ками. Послы европейские один за другим стали являться в Москву, заключали дружественные и торговые договоры, в особенности надеялись на деятельное участие наше в крестовом походе, о коем думали на западе, для изгнания турок. Иоанн охотно дружил с европейскими государями и хотя не принимал никакого участия в судьбе западного христианского мира, ограничивая свою политику соседственными землями, умел извлечь самые существенные выгоды для своего отечества из союза с европейскими державами: вызывал, в особенности из Венеции, Милана, Флоренции искусных зодчих, литейщиков, монетчиков, серебряников, рудокопов; воздвигал, при пособии их, величественные здания в кремле, лил пушки, чеканил монету, отсыкивал руду, укреплял города. Из художников, прибывших вскоре за Софией, Фиоравенти Аристотель (из Болонии) построил Успенский храм, великолепнейший памятник зодчества XV века, Марко Фрязин Грановитую палату, Павел Дебосис прославился литейным искусством*. Вслед за царевною появились в Москве многие греки, которые принесли с собою драгоценные рукописи, сообщили нам свои сведения, отчасти и политику. Сама София, своим умом, характером, своими советами немало содействовала исполнению великих планов Иоанна. Воспитанная при дворе, искони знаменитом пышностью, она, без сомнения, не могла быть довольна прежним простым образом жизни наших государей. По крайней мере, со времени ее прибытия двор московский уже не уступал в великолепии византийскому: учреждены были многие придворные звания, дотоле неизвестные; введены разные торжественные обряды (например, целование царской руки); в самом титуле и в гербе государя произошли перемены: в сношениях с иностранцами он стал именоваться Царем Белой, или Великой России, исчислял все подвластные ему земли и принял герб византийский, орла двуглавого, соединив его с прежним московским (изображением св. Георгия победоносца). Все это сильно поражало умы подданных и возвышало Иоанна на степень истинного самодержца. Потомки Владимира Святого, наравне с простыми царедворцами, гордились званием боярским и с почтением целовали руку го-

* Искусный зодчий Аристотель, сверх того, лил пушки, чеканил монету, управлял огнестрельным снарядом, или артиллерией.

сударя. Наконец едва ли не Софию должны были благодарить современники за решительность Иоанна вступить в борьбу с Ахматом. По крайней мере, он только тогда перестал платить дань и выгнал послов ордынских из Москвы, когда сочетался с нею браком, а Герберштейн именно свидетельствует, что царица неотступно требовала от него свержения постыдного ига.

Иоанн, наконец, установил порядок и внутреннего государственного устройства. Думать о введении наук, об умственном образовании народа, о смягчении нравов, было еще не время. Прежде всего надлежало умножить государственные силы и доходы, определить формы суда и расправы, главное же — обеспечить судьбу России лучшим порядком престолонаследия. Отличительным характером внутренних учреждений Иоанновых была не столько новизна основных начал, сколько определительность прежних форм гражданственности. Тщательно избегая всего иноземного; усердно держа старину отечественной, он не изменял ни прав, ни взаимных отношений, но в то же время определял им сферу, давал лучшее направление, сообразное с системою единой державы и, подобно Ярославу, наложив печать закона на главные условия жизни общественной, заслужил от потомства справедливое имя законодателя — по указанию его впоследствии развивалась русская жизнь до Петра Великого.

Для умножения военных сил он раздал поместья многочисленному классу людей свободных, детям боярским, которых обязал преимущественно военною службою, так что по первому требованию они выступали в поход в полном вооружении с известным числом ратников. Сверх того, для единства действий принял постоянным правилом разделять войско на полки, ввел разряды, или расписание корпусов по местам; определил взаимные отношения воевод, требовал строгой дисциплины и усилил снаряд, или артиллерию, которая с тех пор была неременной принадлежностью нашего ратного дела. Наконец, он же положил начало войску постоянному, приняв исключительно в службу воинскую многих литовцев и немцев. Для умножения государственных доходов он установил лучший порядок в сборе податей и судебных пошлин. Земледельцы были расписаны на сохи и обложены определенным количеством денег или сельских произведений. Порядок суда и расправы

был определен Уложением, составленным по воле Иоанна в 1497 году дьяком Гусевым*. Тут находятся сверх того постановления о купле, займе, наследстве, землях, холопах и земледельцах. Оно служило основанием Судебнику царя Иоанна Грозного и Уложению царя Алексея Михайловича.

Но важнейшим из внутренних деяний его было распоряжение о нераздельности Московского государства. Первенец Иоаннов от Марии Тверской, именем также Иоанн Младой, имя которого находим во всех актах наряду с именем государя, женатый на дочери Стефана Молдавского, умер прежде отца, в 1490 г., оставив сына Димитрия. Великий князь, уже близкий к дверям гроба, долго не решался, кого назначить себе преемником, внука или второго сына, Василия. Двор разделился на партии. В 1498 доброхоты Василия, без сомнения, против вехом его, хотели избавить его от соперника ядом. Заговор открылся, Иоанн казнил злоумышленников, в числе их и дьяка Гусева, составившего Уложение, к Василию приставил стражу, даже с супругою не хотел видаться, а внука объявил преемником и торжественно венчал на царство в храме Успенском. Через год он примирился с Софией, казнил многих бояр, оклеветавших ее, и назвал Василия государем, великим князем Новгородом и Пскова. Димитрий же именовался великим князем Владимирским и Московским. К счастью отечества, Иоанн успел предупредить бедствия двудержавия: через три года (1502) он разгневался по неизвестным причинам на Елену и Димитрия, запретил внуку именоваться великим князем, приставил к нему стражу, а Василия объявил государем всея Руси. Елена умерла с тоски в 1505 г. Сын же ее оставался в тесном заключении до самой смерти в 1509 г. Назначив старшего сына *Василия*⁶ государем всея Руси, младшим Иоанн дал значительные поместья от трех до восьми городов со многими селами**. Они имели свой двор, своих сановников, пользовались всеми доходами с назначенных им областей, но не имели тех прав владель-

* До 1817 г. это Уложение известно было только по отрывкам, приведенным в сочинении Герберштейна, когда старанием канцлера Румянцева найден современный список его и напечатан Калайдовичем.

** Юрию Дмитров, Звенигород, Кашин, Рузу, Брянск, Серпейск; Димитрию Углич, Хлепень, Рогачев, Зубцов, Опоки, Мещовск, Опаков, Мологу; Симеону Бежецкий Верх, Калугу, Козельск; Андрею Верею, Вышегород, Алексин, Любутск, Старицу, Холм, Новый городок.

ных, которые принадлежали прежним князьям удельным: не могли судить у себя душегубства, не чеканили монеты, не участвовали в откупе государственном, тем более не могли сношаться с иноземными державами. Одним словом, они были только частными владельцами, подобно богатым помещикам, верховная же власть сосредоточивалась в одном лице государя.

II. ВАСИЛИЙ III

Иоанн оставил своим преемникам три великих дела: 1) постепенным соединением всех русских земель в одно целое расширить пределы своей державы на западе до тех рубежей, в коих господствовал дом Владимира Святого прежде монголов; 2) решительным влиянием на судьбу татарских улусов, возникших из Золотой орды, обезопасить государство с востока; 3) общими положительными законами в духе самодержавия определить главные условия общественной жизни и в то же время тесными союзами с западными государями сблизить свое отечество с Европою, чтобы воспользоваться плодами искусств и промышленности образованных народов. Основания политики его так были просты, так явно клонились к благоденствию государства и притом данное им направление так было могущественно, что и внутри и извне все развивалось из начал, им установленных. Вытеснить чуждое господство из западной Руси, обуздать Казань, Астрахань, оторвать Россию от Азии, познакомиться ее с Европою, наложить печать закона на все проявления гражданственности, дотоле основанной большей частью на одних обычаях, — вот цель, к которой неутомимо стремились преемники Иоанна до Петра Великого. Каждый из них по мере сил, способностей различными путями, сообразно с обстоятельствами, подвигался к этой цели. Около двух веков московская политика не изменялась и, как все постоянное, основанное на твердых началах, принесла возделенные плоды. Россия окрепла и приобрела исполинское могущество.

Василий Иоаннович не наследовал от отца ни ума плодотворного, ни искусства гениального, ни самого счастья, но весьма хорошо понимал его планы, старался поддерживать его творение и не уклонялся от проложенного пути.

То же стремление к единодержавию, к господству над западною Русью, бывшею во власти дома Гедиминова, к обузданию хищных народов татарских руководило политикою Василия. Выбор самих средств был одинаков: по примеру отца он искал врагов своим врагам, находил усердных союзников в западных государях, общался с отдаленным востоком и скреплял Россию внутри. Тридцатилетнее государство его было продолжением правления Иоанна, хотя менее счастливым и блестящим.

Мысль о единодержавии была неразлучна с мыслью о соединении всех русских земель в одно целое. Та и другая была основанием политики Иоанна III, к той же цели неутомимо стремился и сын его. В самом начале правления Василий пытался кончить спор дома Калиты с родом Гедиминова за право господства в западной Руси миролюбивым образом. Там, по примеру Польши, утвердилось правление избирательное: после смерти каждого великого князя литовские чины предлагали корону тому, кто казался им более достойным, но сейм уже считал себя вправе располагать престолом по произволу. Василий помнил доброжелательство целых городов и областей заднепровской Руси к отцу его, и после смерти Александра, умершего вскоре после Иоанна, изъявил литовско-русским вельможам намерение быть их государем, чтобы прекратить семейную распрю двух народов единоплеменных и единоверных. Но прежде чем узнали в Вильне о желании государя Московского, брат Александра *Сигизмунд I*⁷ был уже объявлен великим князем литовским и вслед за тем королем польским. Василий не хотел отказаться от прав своего дома на Смоленск, Киев, Волынь. Сигизмунд думал возвратить то, что уже приобрел Иоанн. Важное обстоятельство ускорило разрыв: знатнейший из литовских вельмож, князь Михаил Глинский искал чести служить государю Московскому и с двумя братьями отдался в его покровительство, обещая легкое завоевание Киева и Волыни. Наши войска перешли за Днепр и достигли самой Вильны. Сигизмунд успел, однако, выставить многочисленную рать и вооружить на Россию хана крымского. Избегая борьбы слишком трудной, государь согласился заключить мир. Король утвердил за ним навсегда приобретения Иоанна. Но согласие было непродолжительно: Сигизмунд нарушал договор явным недоброжелательством к Василию, оскорблял его сестру,

вдовствующую королеву Елену, приставив к ней даже стражу, старался рассорить его с братьями, главное же, подстрекал крымских татар к нападению на Россию. Началась вторая война, кровопролитнее первой, она продолжалась 10 лет. Василию помогали император германский *Максимилиан*⁸ и гермейстер ливонский, заключившие с ним дружественный договор; Сигизмунд имел союзника более деятельного в Крымском ханстве, которого вооружил против нас обязательством платить ежегодно по 15000 червонцев. Успех был то на той, то на другой стороне. Василий, сам предводительствуя войском, два раза подступал к Смоленску, жители изъявляли живейшее желание покориться ему, но твердость литовского воеводы Салогуба удерживала их. Наконец, когда государь подступил в третий раз, они сдались ему добровольно, без боя. Сигизмунд, в свою очередь, одержал над московскими полками блестящую победу. Знаменитый пленник наш, князь Константин Острожский, обласканный Василием, дав клятву не изменять ему, передался к неприятелям, принял главное начальство над литовскими полками и при Орше разбил наголову все наше войско, положив на месте до 30000 человек, взяв в плен всех воевод, овладев обозом, знаменами, огнестрельным снарядом. Впрочем, это поражение не имело дальнейших последствий: Острожский тщетно подступал к Смоленску и не мог овладеть им; князь Василий Шуйский, поддерживаемый усердием народа, отстоял город. Государь между тем приобрел нового союзника в великом магистре тевтонском, Альбрехте Бранденбургском, желавшем освободить Пруссию от Польши. Мы оправились от Оршинского поражения. Война возобновилась с новыми усилиями. Тщетно Максимилиан через посла своего барона Герберштейна предлагал свое посредничество к заключению мира: государь требовал Киева, Витебска, Полоцка, и хотя нападение крымских татар, вместе с казанскими дошедших до самой Москвы, побудило его согласиться на пятилетнее перемирие, впоследствии, при посредничестве Карла V, возобновленное еще на 6 лет и утвердившее за ним Смоленск, при всем том он не отказался от прав своих на Киев, Полоцк, Витебск и другие города, искони принадлежавшие роду Владимира Святого.

Главную виною наших неудач в войне с Сигизмундом были неоднократные вторжения крымских татар в восточ-

ные пределы. Со времен Василия начинаются губительные набеги их. Менгли-Гирей, столь усердно служивший Иоанну III, пережил своего союзника и желал с тою же ревностью служить сыну его, но, отягченный старостью, не мог унять ни мурз, ни самих детей, которые за польское золото охотно брались опустошать наши пределы и доходили до самой Рязани, сверх того и сам был недоволен скудными дарами. Тем бедственнее стали их вторжения после смерти Менгли-Гирея: сын его *Магмет-Гирей*⁹ вздумал даже возобновить мнимое право потомков Чингисхана на господство в России, хотел быть судьей между Василием и Сигизмундом, раздавал им города, требовал от нас дани. Россия, укрепленная самодержавием, не могла страшиться прежнего ига, и Василий с презрением отвернул посредничество хана, тем не менее дерзкие замыслы Магмет-Гирея были для нас весьма тягостны. Он успел посадить на престол казанский брата своего *Саип-Гирей*¹⁰, изгнав оттуда нашего присяжника *Шиг-Алея*¹¹, господствовал в Астрахани и таким образом мог двинуть на нас все орды, возникшие из древнего Батыева царства. В то время, когда главные силы наши были на западной границе, Магмет-Гирей со всеми подвластными ордами неожиданно бросился на Москву, разбил наших воевод при Оке и осадил столицу. Чтобы спасти ее от разрушения, бояре московские дали хану богатый откуп и от имени государя, без ведома его, обязались договорною грамотою платить в Крым ежегодную дань. На возвратном пути Магмет-Гирей подступил к Рязани, чтобы и с нее взять также откуп, но воевода рязанский, мужественный Хабар Симский, счастливым ударом смял татар и отбил постыдную грамоту, доказав отечеству, что времена Батыевы возобновиться не могут. Вскоре сам Магмет-Гирей пал под ножами ногайских мурз. Крым на долгое время стал жертвою кровопролитных войн междоусобных.

Кроме затруднительной борьбы с крымским ханом другое важное обстоятельство побудило великого князя оставить до времени Сигизмунда обладателем западной Руси — опасность государства с восточной стороны. С тех пор, как Иоанн Великий наложил на царство Казанское свою руку, оно не могло избавиться от нашей власти, но еще упорствовало в совершенном подданстве. Сам Иоанн перед концом жизни, на смертном одре, должен был заботиться о смирении присяжника своего *Магмет-Аминя*¹², который

по внушениям лукавой жены взволновал подданных и вторгался в пределы нижегородские. Василий, постоянно верный правилам отца, не хотел упустить из рук столь важного приобретения и в самом начале правления принудил Магмет-Аминя раскаяться, обязав его признать свою зависимость от государя Московского. Около 15 лет казанцы были смиренны. После смерти Магмет-Аминя уланы и мурзы их просили себе нового царя от руки великого князя. Он дал им юного Шиг Адея. Дальновидная политика руководствовала этим выбором: Шиг Адей, воспитанный в Москве, усердно преданный Василию, был внуком Ахмата, последнего хана Золотой орды и, следовательно, естественный враг хана Крымского, уже опасного нам своими замыслами. Магмет-Гирей, желавший видеть на казанском престоле брата своего Саипа, умел возмутить строптивый народ, который, негодуя на Адея за усердную преданность великому князю, выгнал его и с радостью принял Саипа. Новый царь, поддерживаемый братом, утвердился на престоле, не хотел слышать о подданстве государю Московскому, без милосердия истреблял наших купцов, резал самих посланников, осаждал Москву вместе с братом. Василий спешил воспользоваться неустройствами Крыма и двинул всеми силами, чтобы исхитить Казань из власти неприязненного нам рода. Саип не мог удержаться на престоле и бежал в Крым. Народ, однако, отказался принять Шиг Адея и с величайшим упорством стоял за племянника Саипова, Сафа Гирея. Государь не хотел видеть и его на престоле, снова двинул всеми силами, после кровопролитных битв Сафа Гирей также удалился. Казанцы смирились. Василий дал им в цари меньшего брата Шиг Адея, Енадея, который обязался быть присяжником его и до того простер покорность, что даже не мог жениться без воли государя Московского. Усмирение Казани, озаботив последние годы Василиевой жизни, отвлекло его внимание от главной цели, от западной Руси.

Тем успешнее следовал Василий политике отца в стремлении к единой державе. В начале его государствования Псков, князь Рязанский, также присоединившиеся от Литвы князья Северский и Стародубский еще пользовались какой-то самостоятельностью. Иоанн оставил им старинное право внутреннего управления, судебной власти и сбора податей — Пскову в благодарность за постоянное усер-

дые граждан, изъявлявших всегда готовность служить ему беспрекословно; князю Рязанскому из-за особенной благосклонности к супруге его, родной сестре своей Анне; князьям Северскому и Стародубскому из опасения, чтобы они не возвратились в подданство государю литовскому; главное же, Иоанн не трогал их старины из-за явной приверженности их Москве. Василий равным образом не имел повода гневаться на них: Псков был щитом Москвы на западе; князь Северский Василий Шемякин грозою Крыма; князь Рязанский терпеливо сносил присоединение целой трети своего княжества к Московскому и не ссорился с Василием за принятие им титула князя Рязанского. Но самая тень отдельной самостоятельности была несогласна с системою единодержавия, и сын Иоанна искал только предлога, чтобы разрушить окончательно удельную систему, во всех областях установить одинаковый образ государственного управления. Внутренние несогласия псковитян и смиренные жалобы их на великокняжеских наместников послужили поводом к обвинению их в строптивости. Василий без всякого кровопролития одним повелением уничтожил народное вече, отменил звание посадника и сравнял Псков с прочими городами, дав ему московских сановников для суда, расправы и сбора податей. Благоразумные псковитяне сами видели необходимость такой меры и хотя с сожалением, но без упорной борьбы расстались с своею стариною. Князь Рязанский Иоанн был обвинен в неприязненных сношениях с Крымом, явился в Москву для оправдания, был заключен в темницу, оттуда бежал в Литву и там умер в неизвестности. Еще горшая участь постигла последнего удельного князя, Василия Шемякина Северского, бывшего бичом татар крымских: оклеветанный недоброжелателями, в особенности родственником и соседом своим Симеоном Стародубским в тайных связях с литовским государем, он без страха явился в Москву, представил несомненные доказательства своей невинности, с честью возвратился в удел и по-прежнему служил отечеству, но через пять лет, снова обвиненный в измене, опять добровольно явился в Москву на суд и уже не возвращался: он умер в темнице.

Смертью Шемякина пресеклись уделы в нашем отечестве. Братья Васильевы, получив по завещанию отца особенные города, но не имея прав владетельных, не тревожили великого князя, как было прежде, бесконечными спора-

ми за границы обоюдных владений, за раздел доходов, не грозили союзами с Литвою, не смели даже думать об утверждении за собою договорными грамотами назначенных отцом участков и усердною службою государю устранили всякий повод к неудовольствию. Наконец, Василий подтвердил самым торжественным и положительным образом устав Димитрия о наследстве престола по праву первородства в прямой нисходящей линии, назначив преемником старшего сына своего, трехлетнего *Иоанна*¹³, рожденного от второй супруги его, Елены Васильевны Глинской, братья великого князя, наравне со всеми подданными, обязались повиноваться младенцу-государю беспрекословно*.

III. ИОАНН IV (1533—1584)

Пятидесятилетнее государственование сына Василия Иоанна Грозного представляет три картины, отличающиеся одна от другой резкими чертами: юность его ознаменована жестокосердием матери, незаконным властолюбием бояр, несчастиями внешними и внутренними; годы зрелого мужества озарены славою побед, мудрою политикою, внутренним благоустройством; на старости он был грозою более подданных, чем врагов отечества.

По завещанию отца Иоанн должен был находиться под опекою матери и бояр до пятнадцатилетнего возраста. Елена правила государством с небольшим 4 года, опираясь на государственную думу, состоявшую из братьев Васильевых

* Первою супругою его была Соломония из дома Сабуровых. После 20-летнего брака Василий развелся с нею за неплодие, силою постриг ее в Суздальский монастырь и женился на Елене. Этот развод с женою невинною и добродетельною заслужил укор современников. Сильнее всех говорил за защиту Соломонии муж ученый и образованный Максим Грек. Вызванный великим князем из славной обители на Афонской горе для рассмотрения и перевода древних греческих рукописей, хранившихся во дворце, Максим с жаром и любовью принялся за это дело, разобрал драгоценную библиотеку великокняжескую, какой, по словам его, не было ни в Греции, ни в Италии, некоторые книги перевел (наприм. Толковую псалтирь), кроме того написал до 150 ученых рассуждений богословского содержания, доселе любопытных резким изображением современных нравов, сделался любимцем государя и заступником людей, невинно гонимых. Неосторожное ходатайство за Соломонию дало повод многочисленным завистникам погубить его. Он заточен в Тверской монастырь, оттуда лет через 20 переведен в Троице-Сергиеву лавру, где и умер в 1556 г.

и 20 знатнейших вельмож, в числе которых были князья Бельские, Шуйские, Глинские, Оболенские, Одоевские; более же других имел силы наперсник великой княгини Овчина-Телепнев Оболенский. В делах внешних Елена не уклонялась от политики своего супруга: без потери продолжала войну с Сигизмундом I, хотевшим возвратить утраченные области, и принудила его к пятилетнему перемирию, уступив один Гомель и удержав новые крепости Себеж и Заволочье; не страшилась угроз хана Крымского и напрягала все силы к утверждению русского владычества в Казани, где мурзы, умертвив Еналея и призвав снова Сафа-Гирея, хотели избавиться от опеки московского двора. Между тем новыми договорами укрепляла дружественные союзы с императором германским Карлом V, с королем шведским, с господарем молдавским и султаном, заботилась равным образом о внутреннем устройстве — строила, возобновляла, укрепляла города, населяла выходцами литовскими и установила лучшую монетную систему, истребив старинные, разнообразные деньги и повелев из фунта серебра чеканить 6 рублей. Одно только пятно очерняет ее память: чтобы утвердить себя и сына на престол, она без жалости губила братьев своего супруга, не пощадив и собственного дяди. Юрий Иоаннович Дмитровский, Андрей Иоаннович Старицкий и князь Михаил Глинский, единственно по наветам наушников, без всякой вины, были ввержены в темницы и там погибли.

Преждевременная смерть *Елены*¹⁴, невзирая на жестокость ее характера, на общую нелюбовь к ней, была для отечества великим несчастьем: государство осталось без правителя. Иоанну не было и 8 лет, боярская дума имела право опеки, по завещанию Василия, но в самых республиках всегда господствует один ум. Тем более нельзя было ожидать доброго от правления двадцати сановников в государстве, основанием которого было единодержавие. Ни один из вельмож, окружавших престол юного Иоанна, не возвышался над другим блестящим талантом, все они стремились к господству, и каждый встречал многих соперников, не уступавших ни в честолюбии, ни в дарованиях, ни в числе приверженцев. Двор разделялся на партии; соперники теснили друг друга, нередко схватывались с оружием в руках. Сильные давили слабых и в свою очередь падали под ударами сильнейших; каждая сторона, взяв верх, спе-

шила воспользоваться незаконною властью, грабила города и целые области; народ, страдая от лихоимцев, от корыстолюбивых олигархов, в то же время с трепетом видел опустошение отечества иноплеменниками. Правление вельмож продолжалось около 10 лет.

Сначала присвоил верховную власть старший из бояр, князь *Василий Шуйский*, за ним брат его *Иван*. Самовластно повелевая в думе, они заключали вельмож в темницы, расхищали казну, грабили своими клеветами все государство, свергли митрополита Даниила и с дерзким нахальством обходились с самим государем.

Князь *Иван Бельский*, ходатайством нового митрополита Иосафа освобожденный из темницы, успел составить сильную партию, устранил князя *Ивана Шуйского* от правления и, присвоив верховную власть, господствовал с братьями умереннее прежних олигархов: уничтожил многие незаконные налоги, введенные его предшественниками, облегчил участь невинных узников, в том числе двоюродного брата Иоаннова Владимира Андреевича Старицкого, и мужественным отпором хану крымскому Саип Гирею на берегах Оки спас отечество от разорения. Власть его, к сожалению, продолжалась не более года.

Иван Шуйский с вооруженными клеветами ворвался в государев дворец, схватил Бельского, митрополита, всех приверженцев умеренной партии и, разослав их в заточение, снова стал главою государства, начались прежние смуты и козни. Пресыщенный властью, он добровольно удалился и сдал правление ближним родственникам своим, главою которых был *Андрей Шуйский*, деспот наглый и свирепый. В присутствии государя, уже тринадцатилетнего, он едва не замучил любимца его *Воронцова*, самое ближнее родство с царским семейством не спасло никого от подозрительного олигарха.

Опасаясь ссылки или казни и наравне с другими стремясь к верховной власти, дяди Иоанна, князья Глинские *Юрий* и *Михайло Васильевичи*, успели низложить *Шуйского* и сами заступили его место. В свою очередь прикрывая замыслы властолюбия волею государя, они без пощады преследовали опасных достоинством вельмож и многим из них отрубили головы. Правление их ознаменовано беспрерывными опалами: они погубили *Шуйского*, *Скопина*,

Темкина, Головина, Бутурлина, Кубенского, Палецкого, Воронцова, Горбатого и других.

Десятилетнее вельможедержавие оставило два вредных следствия. Первым было унижение государства извне: бояре, занятые своими распрями, не могли с успехом поддерживать планы Иоанна Великого, утратили прежнее влияние на Казань, опасались хана крымского, который в правление их казался народу вторым Мамаем, и равнодушно смотрели на господство поляков в Западной Руси. Еще пагубнее было другое следствие — небрежное воспитание Иоанна. С быстрым умом, с твердою волею соединяя пылкое воображение, сильные страсти, он мог быть великим государем при тщательном надзоре, при постоянном направлении к добродетели; бояре действовали именно наперекор: в порывах своеволия, оскорбляя его дерзостью, вкореняя в младую душу его ненависть к самим себе, к своим детям и внукам, они в то же время не обуздывали в нем страстей, чтобы угождением самым вредным наклонностям быть для него необходимыми. Наследовав от матери крутой нрав, Иоанн уже в забавах обнаруживал какос-то жестокосердие; бояре не только не заботились о смягчении его характера, но еще более ожесточали оный: забавлялись, когда он травил собаками своих царедворцев или топтал конем народ. Этого мало: уже с малолетства они приучили его к опалам и с радостью смотрели, как он срывал головы с их совместников.

Достигнув совершеннолетия, Иоанн хотел сам править государством и свою власть освятил торжественным обрядом: в 1547 году он венчался на *царство* в Успенском храме, приняв титул *царя*, с которым у нас соединяли идею неограниченного самодержца. Но вследствие нерадивого воспитания он не знал ни высокого назначения своего, ни истинных потребностей государства, страдавшего и от царских сановников, и от внешних неприятелей; проводил время в шумных забавах, играл милостями и опалами, слушал одних льстецов и наушников. Глинские по-прежнему держали в руках своих кормило правления, заслуживая всеобщую ненависть корыстолюбием клеветов, неправым судом, жестокими казнями. К счастью России, судьба послала ему иных руководителей, которые хотя не могли искоренить вредных семян, но умели в продолжение 13 лет вести его путем славы и добродетели и сделать много для отечества.

Вскоре после царского венчания, при дворе и во всем государстве произошла внезапная перемена: Глинские лишились своей власти, клеветы их удалены, во дворце умолкли шуты и скоморохи, место их заступили мужи умные и добродетельные. Правительство обнаружило необыкновенную деятельность в делах внутренних и внешних, каждое действие его стало выражать мудрую политику, ясную идею о потребностях государства, стремление к благу отечества. Одним словом, возобновилось время Иоанна Великого. Виновником столь благодатной перемены был новгородский иерей *Сильвестр*¹⁵. Он сблизился с государем по случаю великого пожара, испепелившего Москву. Приписывая бедствие чарам Глинских (по разглашениям Шуйских, которые хотели удалить их, чтобы самим первенствовать), разъяренная чернь с неистовством преследовала мнимых чародеев и одного из Глинских, Юрия, дядю государя, умервила в Успенском храме. На пепелище Москвы начался страшный бунт. В то время, когда Иоанн, удалясь на Воробьевы горы, с трепетом слышал вопли мятежников, приходит к нему Сильвестр, укоряет его в сильных выражениях, грозит новым гневом небесным, потрясает его душу. Одаренный от природы умом здравым, Иоанн как будто очнулся, постиг всю бездну зла, в которую ввергли его недостойные любимцы, и решил быть иным человеком, отцом своих подданных, государем в точном смысле.

Укротив мятеж и очистив совесть смиренным покаянием пред собором святителей, юный царь созвал в Москву выборных чинов из всех сословий и, сопровождаемый духовенством, двором, вышел к ним на Лобное место. В трогательной речи изобразил неурядицы прежнего времени, обещал предать забвению все прошедшее и быть *царем правды*. Он сдержал свое слово. Престол его окружили люди, ревностные ко благу отечества. Выше всех не знатностью сана, а доверием государя, стояли два незабвенных мужа, *Сильвестр и Адашев*¹⁶. Сильвестр, сохранив простое звание иерея, был душою правления, виновником всех благих предначертаний Иоанна, стражем его добродетели. Окольничий Алексей Адашев, столь же бескорыстный, не искавший ни чинов, ни богатства, равно преданный царю и отечеству, искусный дипломат, храбрый воин, пользуясь дружбою Иоанна и никогда не употребляя ею во зло, был блюстителем правосудия в государстве, вел переговоры с

иноземными послами и неоднократно с блестящим успехом предводительствовал войском. Соединенные постоянно дружною, одною мыслью об отечестве, они тем скорее могли поставить Иоанна на путь добродетели, что им помогала царица *Анастасия Романовна*¹⁷, дочь боярина Романа Юрьевича Захарьина, государыня умная, благонравная, кротостью своего характера смягчавшая суровый нрав супруга и обуздывавшая его страсти. Сильвестр и Адашев нашли государю людей, равно искусных и в государственном управлении, и на поле ратном¹⁸. Главным вождем был князь Михаил Воротынский, герой Казани, гроза татар крымских. Ему не уступали ни в мужестве, ни в усердии к престолу Иван Шереметев, князь Александр Горбатый-Суздальский, Серебряный-Оболенский, Щенятев, Пронский, Курбский, братья царицы Захарьины и многие другие. Митрополит Макарий, умный и образованный, ревностно содействовал Сильвестру и Адашеву*.

Руководимый советами Сильвестра и Адашева, Иоанн прежде всего обратил внимание на внутреннее состояние державы, расстроенной в его малолетство, повелев боярской думе и собору святителей принять меры к земному строению, или государственному устройству. Воля его была исполнена с беспримерною деятельностью и с вождельным успехом: в короткое время изданы важные законы, охватывавшие многие условия жизни общественной, законы тем более достопамятные, что основанием их служила ясная идея о потребностях государства, о доброй нравственности, о необходимости образования. Правительство более всего заботилось о правосудии: собрав, исправив, дополнив законы, в особенности Уложение Иоанна III и отдельные уставные грамоты, оно ввело во всем государстве общую систему уголовных законов под названием Судебника. Здесь весьма ясно и подробно означены все роды преступлений, определена мера наказаний и ответственность судей. Подданные ограждены были от самовластия наместников мудрым постановлением: городам и селам даровано право из лучших граждан избирать старост и цело-

* Он велел перевести греческую *Минею* и, прибавив к ней *Жития* святых русских, установил для них собором 1547 службу и празднества; приказал сочинить *Степенную книгу* от Рюрика до 1559, первый свод наших летописей, и способствовал учреждению первой в Москве типографии.

вальников, или присяжных, для суда народного вместе с царскими сановниками. Чистота нравов была другим не менее важным предметом заботы правительства: соборным деянием, известным под именем Стоглава, оно установило правила церковного благочиния, искоренило разные соблазны, обуздало суеверие и старалось поставить духовенство на такую степень, чтобы оно служило примером для мирян. Но так как благотворное влияние самых мудрых законов зависит от исполнения их, а чистота нравов неразлучна с образованием ума, то правительство приняло меры к достижению того и другого. Для первой цели учреждена была в некотором смысле исправительная полиция главою ее был Алексей Адашев, он принимал жалобы от всякого обиженного и докладывал их государю. Другие доверенные сановники наблюдали за тишиною общественною, преследовали пьянство, буйство и разные пороки. Городам и селам дозволено избирать, для наблюдения за земскою справою, сотских и пятидесятников из граждан, известных честностью. Для второй цели, для образования подданных, положено было завести народные училища в Москве и других городах. Этого мало: Иоанн поручил саксонцу Шлиту набрать в Германии для царской службы ремесленников, художников, лекарей, типографшиков, людей, искусных в языках и науках. Завистливая политика Ганзы и ливонских рыцарей, опасавшихся нашего просвещения, разрушила великий план Иоанна, и Шлит не успел исполнить его поручения*. При всем том доказательством мудрой заботы его о просвещении подданных служит основание первой у нас типографии в Москве. В 1553 царь повелел устроить особый дом книгопечатания на Никольской улице под руководством двух мастеров — диакона Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца, которые в 1564 году издали Деяния и послания Апостолов, древнейшую из книг, напечатанных в России**.

* С дозволения императора Карла V он нанял в немецкой земле более 120 художников и ученых и отправился в Россию. Любский сенат посадил его в темницу; спутники его рассеялись.

** После смерти Макария, гонимые невежеством, Федоров и Мстиславец удалились из России, милостиво были приняты королем Сигизмундом, завели типографии во Львове, впоследствии в Остроге, где в 1581 году напечатали всю библию, известную под именем Острожской.

Внешняя безопасность государства была обеспечена лучшим устройством войска. Следуя примеру деда, Иоанн роздал земли на пространстве 60 и 70 верст от Москвы боярам, окольниковым, дворянам, детям боярским, с тем чтобы по первому требованию они выступали в походе с определенным числом вооруженных ратников. Таким образом главные военные силы сосредоточились в окрестностях столицы. Впоследствии он велел измерить все государство и уравнивать помещиков землями, смотря по их заслугам и достоинствам, назначил ратным людям денежное жалованье на время похода, определив для того подать на городские промыслы и отменив за то судные платежи, учредил бессменную рать под именем стрельцов и ввел строгую подчиненность, запретив воеводам считаться родословными правами. Следствия этих мер были неисчислимы: с одной стороны, правительство знало свои силы, знало, кто обязан был военной службою и в каком числе мог выставить войско каждый город; с другой стороны, отмена судных платежей имела благоприятное влияние на правосудие, устранив повод к лихоимству. А ровная раздача поместий дала нескольким тысячам людей способных средства быть полезными отечеству. В случае надобности в сражении выступало до 300000 человек, исправно вооруженных.

В делах внешней политики советники Иоанна имели цель высокую: хотели поставить Русское царство на степень первенствующей державы в восточной Европе. Для достижения этой цели они считали необходимым прежде всего избавить отечество от тягостного соседства татарских народов и все свое внимание обратили на царства, возникшие из Золотой Орды. Правительство наше более, чем когда-либо, смотрело на татар как на чуждых пришельцев, как на злодеев русской земли, непримиримых врагов креста Господня. Помня опустошительные набеги их в правление Василия и в малолетство Иоанна, с непрерывною цепью бедствий монгольского ига, зная, что Россия только тогда с успехом станет действовать в отношении к западу, когда будет безопасна от вековых губителей своих, двор московский считал необходимым сокрушить остатки Батыева царства и раздвинуть русские пределы до рубежей, указанных самою природою, до хребта Уральско-го, до берегов Каспийских, до Кавказа и Черного моря.

Силы татар сосредоточивались в трех главных пунктах: в Казани, Астрахани и в Крыму. Казань, укрепленная непри-

ступными твердынями, которые не раз отражали русское войско, была главою могущественного царства. Необширное пространством, заключааясь между Волгою, Уральским хребтом, Камою и Самарою, оно кипело многолюдством и богатством. Подданные царя Казанского — татары, чуваша, мордва, вотяки, черемиса, башкиры — славились и хищностью набегов и деятельною торговлею. Двор его, блистая великолепием востока, состоял из множества князей, мурз, уланов и других сановников. Казанцы более всех других татар обнаруживали стремление к гражданскому устройству; им недоставало одного — определенного порядка престолонаследия. Смерть каждого царя влекла за собою кровавые раздоры. Пользуясь ими, вельможи присвоили право возводить и свергать царей, предавали отечество в жертву безначалия и открыли путь соседям к влиянию на судьбу Казани. Двор московский давал им своего царя, ханы ногайские своего, ханы крымские также. Уступая иногда той, иногда другой стороне, казанцы не хотели, однако, отказаться от независимости и неоднократно обнаруживали грозную силу в борьбе с нами за свободу отечества.

Астрахань была главою другого царства татарского, возникшего в низовьях Волги, после падения Ахматовой орды, вероятно из остатков ее. Оно далеко уступало казанскому в силе, даже в воинственном духе народа. Теснимые с одной стороны ногаями, с другой крымцами, цари астраханские искали то нашего союза, то покровительства султана турецкого и, смотря по обстоятельствам, были то друзьями нашими, то врагами.

Гнездом тарар был Крым. Здесь они сохранили всю воинственность, всю хищность времен Батыевых. Не зная, подобно казанским татарам, выгод торговли, они жили одним грабежом, громили Польшу, Русь Западную, Русь Восточную, требовали даров и от польского короля, и от литовского князя, и от государя московского. Дружба их покупалась весом золота: кто более платил — того они щадили, кто менее — того грабили. Крымские ханы уже со времен Менгли-Гирея зависели от турецкого султана*. Эта зависимость была для них

* В 1476 году визирь Магомед II явился с флотом у берегов Крыма, овладел Кафою, уничтожил здесь господство генуэзцев, покорил весь полуостров и увел в плен Менгли-Гирея с братьями. Султан наименовал его крымским ханом в зависимости от Порты.

более выгодна, чем тягостна: они посылали султану только дары и всегда могли надеяться на сильную помощь в случае опасности, самовластвовали в Орде, воевали и мирились с кем хотели и, как потомки Тохтамыша, мечтали даже о праве господствовать в русской земле. Невзирая на отдаленность от Москвы, они знали все, что делается в нашем отечестве, и готовы были явиться с несколькими тысячами удалых наездников под стенами столицы при первом удобном случае.

Вступая в борьбу со всеми ордами татарскими, московский двор желал не обуздать их, а покорить своей власти. Начали с Казани. Там, после смерти недруга нашего, Сафа Гирея, настало обыкновенное безначалие: мурзы и уланы требовали царя от крымского хана, некоторые желали дружбы с Москвою. Иоанн, по совету бояр, спешил воспользоваться неустройством Казани, сам повел войско и осадил ее, однако без успеха. Враги отбились, мы не хотели отказаться от своего намерения и для вернейшего успеха основали крепость Свяжск, которая могла служить нам опорю в военных действиях. Устрашенные приготовлениями к новому походу, казанцы надеялись выиграть время и просили себе царя от руки Иоанна. Государь дал им Шиг Алея, который был только орудием нашей политики и вскоре жестоким правлением возбудил всеобщий ропот. Сам Адашев отправился в Казань для примирения царя ее с народом и так искусно вел переговоры, что Алей согласился оставить престол и возвратиться в Москву, а подданные его изъявили желание повиноваться наместнику московскому. Адашев дал им князя Микулинского. Но казанцы скоро одумались, не хотели слышать о связях с Москвою и приняли все меры к упорной обороне, избрав главою царевича астраханского, мужественного Едигера. Тогда предпринят был достопамятный поход казанский: 130000 воинов, исправно вооруженных, под личным предводительством Иоанна, обложили Казань со всех сторон. В продолжение пяти недель происходили непрерывные битвы, ознаменованные отчаянным упорством осажденных, геройским мужеством русских и доблестью воевод Иоанна — Воротынского, Горбатого-Шуйского, Микулинского, Курбского, Пронского, Серебряного-Оболенского и многих других. 1 октября 1552 года Казань взята была приступом, царь ее Едигер попал в плен, храбрейшие защитники ее погибли в сечах. Иоанн, уже не думая восстанавливать

Казанское царство, присоединил его к своей державе, назначил наместника, учредил внутреннее управление, построил церкви, монастыри и установил епархию, в которой первым архиепископом был св. Гурий. Мятэжи возобновлялись, но деятельность правительства успела укротить их. Мало-помалу Казань вошла в состав России.

Вслед за падением Казанского царства рушилось и Астраханское, оно было покорено без всякого труда. Сперва Иоанн назначил в Астрахань царем ногайского князя Дербыша, как своего присяжника. Вскоре, узнав о его измене, послал войско немногочисленное, но под начальством деятельных воевод — Пронского и храброго Вешнякова. Они изгнали Дербыша и привели в подданство государю весь край Астраханский.

Слух о наших завоеваниях распространился далеко по Азии: ханы хивинский и бухарский спешили прислать послов для заключения торговых трактатов, царь сибирский предлагал дань, князья черкесские присягнули Иоанну в верности, земли Шевкальская, Тюменская и Грузинская хотели быть в нашем подданстве. Безопасность восточных пределов, деятельная торговля с Азией были неминуемыми следствиями завоевания царств Казанского и Астраханского. Обеспечив себя с востока, правительство наше немедленно обратило все внимание на юг. Покорение Крыма казалось столь же необходимым для безопасности отечества, как и завоевание Казани.

Между Крымом и южными пределами России пролегли необозримые степи, искони обитаемые кочевыми народами разных племен, вер и названий. До начала XIII столетия там являлись печенеги, половцы, в цветущее время кипчакского царства любили кочевать татары, которые с постепенным падением Золотой Орды мало-помалу стали исчезать. Вместо них на берегах Дона, Донца, Ворсклы, в низовьях днепровских появились люди свободные, греческой веры, русского языка, не признававшие над собой ничьей власти. Они слушались только своих атаманов, питали непримиримую ненависть к татарам, тревожили набегами Польшу, Литву, Молдавию, не щадили и России — то были *казаки*. Имя казаков встречается в наших летописях еще в половине XV века, так назывались в то время удальцы бездомовные, бессемейные,

обрекавшие себя на подвиги ратные, в особенности на войну с басурманами. Чуждаясь всяких уз общественных, они не терпели ни сел, ни городов, жили на *украйнах*, или в степях, прилегавших к пограничным городам, сторожили их от внезапного нападения, давая знать о появлении врагов, нередко и сами грабили города, которые брались защищать, частью по удалству, частью по неудовольствию. Тот же смысл соединялся с именем казака и в западной Руси, где они впервые появляются в начале XV века. Так были казаки мещерские, городецкие, касимовские, рязанские, путивльские, рыльские, полоцкие, витебские. Но главным пунктом, где развилась казачья жизнь в полном блеске, было низовье Дона: здесь образовалось казацкое общество, в виде особенного народа, и отсюда пустило оно отрасли до берегов Днепра, Урала, Кубахи. Народ казацкий возник из слияния разноплеменных людей, искавших необузданной воли, в состав его вошли остатки древних половцев, черкесы, переселившиеся с Кавказа, русские удалцы, для которых тягостны были законы, беглые поляки, литовцы, молдаване, отчасти и татары, не терпевшие самовластия ханов. Чудная смесь племен отразилась в чертах казаков, в их языке, в самом образе жизни: лицо их выражает нечто азиатское, язык состоит из слов русских, польских, татарских, бесстрашие в битвах напоминает детей Кавказа, именем которых они гордились, называя себя без разбора и *казаками*, и *черкасами*. Но ближайшее сходство их наречия с языком русским, в особенности вера греческого закона, бывшая неизменным условием для каждого нового пришельца, вступавшего в казацкое общество, свидетельствует, что основание ему положили русские.

Не имея, впрочем, никаких средств объяснить рядом событий, когда и как образовалось на Дону казачество, знаем только достоверно, что оно становится особенно заметным в начале XVI века, что главным притоном его был городок *Раздоры*, при устье северного Донца, что оно представляло воинственное братство, имевшее свои уставы, стихией его была война, главным правилом вечная неприязнь к басурманам и необузданная воля. Атаман водил казаков в битвы, делил добычу, но имел весьма ограниченную власть: все дела важные решались общим приговором в казацких кругах.

Подобное братство появилось в то же время на Днепре, за порогами. Главным притоном его была *Сечь*, или укрепленный городок, находившийся первоначально на острове Хортице. Запорожцы именовали себя и казаками, и черкасами, исповедовали греко-российскую веру, жили одною добычею, слушались одних атаманов и вели непрерывную войну с крымскими татарами, защищая от их нападений Русь литовскую. Сигизмунд I, в благодарность за их услуги, дозволил им селиться в Каневе, Чигирине и Черкасах. Но городская жизнь была для них тягостна: они приходили в города только на зиму, летом же удалялись в Запорожье, где жили на всей воле казацкой.

Намереваясь истребить орду Крымскую, московский двор склонил на свою сторону донцев и запорожцев, обещая им милость царя православного. Те и другие считали Россию своим отечеством и охотно взялись служить государю, признавая его своим истинным покровителем. Знаменитый вождь запорожцев, князь Дмитрий Вишневецкий вступил в царскую службу, предлагая не только разорить Крым, но и завоевать для Иоанна Киев со всеми городами волынскими. Он взял Очаков. Между тем казаки донские не давали покоя Азову. В то же время единоплеменники их, пятигорские черкесы, жившие по берегам Кубани и также усердные к нашему отечеству, овладели Таманом, или древнею Тмутораканью. Хан крымский Девлет Гирей неоднократно покушался смелым набегом устроить Москву, как бывало прежде, но каждый раз встречал на берегах Оки сильное войско, готовое к отпору. Между тем отряды наши заходили ему в тыл и истребляли целые тысячи злодеев, отнимая пленных, коней и добычу. Казаки с каждым годом становились опаснее для хана — на берегах Дона и Днепра появились царские саповники, которые управляли их действиями и водили их в битвы. Из числа их замечателен дьяк Ржевский, несколько лет пугавший Крым: успев заслужить доверенность и донцев, и запорожцев, он тревожил Крым то с запада, то с востока. Но героем этой брани с неверными, грозой Тавриды, был брат царского любимца, Данило Адашев, витязь юный и предприимчивый. С малочисленным отрядом детей боярских и стрельцов он пришел в Запорожье, присоединил к своей дружине казаков, построил лодки, спустился к устью днепровскому, взял на море два корабля и ворвался в Тавриду. Улусы за-

пылали, целые селения были истреблены, хан так оробел, что не смел вступить с русскими в битву, и тщетно старался собрать татар к отпору. Разорив западную часть Крыма, Адашев с торжеством возвратился в Запорожье, с богатою добычею, с множеством освобожденных из плена христиан, готовясь к новым подвигам. К довершению бедствий орды, ее посетил лютый мор: улусы пустели, стада гибли. Царские советники неотступно убеждали государя послать сильное войско для завоевания Крыма, где все предвещало одни победы. Иоанн не согласился, считая орду уже неопасною, и обратил все силы свои на запад, для завоевания Ливонии, вопреки советам Сильвестра и Адашева¹⁹.

Покорением Ливонии Иоанн хотел открыть государству удобный путь к сношениям с Европою, считая тесную связь с западными державами необходимою для успехов промышленности и образования своего народа. Нет сомнения, что и мудрые советники его мыслили так же, но Сильвестр и Адашев хотели сначала управиться с восточными и южными соседями, чтобы тем успешнее действовать на западе. Иоанн после падения Казани, уже презирая Крымскую орду, не могшую сладить с одними казаками, изъявил решительное намерение сблизиться с Европою и не упускал ни одного случая, который мог содействовать столь благородному стремлению. Самым разительным доказательством тому служит радость его при первом появлении в Москве англичан, занесенных бурей в Двинский залив, под начальством капитана Ченслера*, постоянная дружба с английскою королевою Елизаветою и весьма значительные преимущества, предоставленные ее подданным в нашем отечестве, с правом торговать беспошлинно, отыскивать руду, заводить конторы и отправлять товары в Персию. Всеми средствами стараясь сблизиться с Европою, Иоанн не мог быть равнодушен к политике Ливонского ордена, который, опасаясь нашего просвещения, не пропускал через свои земли полезных для нас европейцев, распространял в Германии нелепые басни о русском пра-

* Ченслер в царствование Эдуарда VI был отправлен в северный океан с 4 кораблями, для открытия пути Ледовитым морем в Китай и восточную Индию; товарищ его погиб с 2 кораблями у русской Лапландии; он же, пристав в Двинском заливе, явился в Москве с грамотою Эдуарда ко всем северным и восточным государям о взаимной торговле.

вительстве и при всяком случае оказывал России явную неприязнь. Очевидная вражда меченосцев оправдывала намерение Иоанна сокрушить орден. Кроме того, он считал Ливонию древнею собственностью своего дома и видел в рыцарях чуждых пришельцев, овладевших русскими землями во время бедствий отечества. Главное же, он смотрел на орденские владения, как на легкую добычу соседей — рыцари утратили суровые добродетели своих предков, жили в великолепных замках, утопали в роскоши, проводили дни в весельи, ссорились друг с другом, были в непримиримой вражде с епископами и не слушались своих гермейстеров. Дух воинственного братства в них исчез, его заменил раздор, мужество уступило изнеженности нравов. Пороки так глубоко укоренились, что дряхлый орден не мог существовать независимо и, по примеру Тевтонского, должен был признать покровительство одного из государей — русского, польского или шведского. Иоанн решился предупредить совместников.

Повод к разрыву найти было нетрудно: ссылаясь на договор дела с Плеттенберном, Иоанн требовал от Дерптского епископа дани за 50 лет. После разных отговорок, легко устраненных искусным дипломатом царским Адашевым, епископ обязался заплатить дань, но денег не давал, надеясь выиграть время и получить помощь от гермейстера. Государь послал войско для наказания Ливонии как мятежной области. Оно нигде не встретило врагов в поле и опустошило орденские владения до Риги и Ревеля. Гермейстер просил мир и отправил послов в Москву для заключения условий. Мы прекратили военные действия. Между тем жители орденского города Нарвы вздумали разорить построенный нами на берегу Наровы Иван-город. Адашев объявил послам, что после такого вероломства государь не хочет слышать о мире и требует уже не дани юрьевской, а подданства всей Ливонии как страны, искони составлявшей часть русской земли. Войско наше, предводимое П. Шуйским, Серебряным и Курбским, снова вступило в Ливонию, уже не для разорения, а для завоевания. Жителям, добровольно покорявшимся, давали мир и пощаду, требуя от них одной присяги Иоанну как государю ливонской земли; упорные в сопротивлении не находили себе места; укрепленные города один за другим или сдавались, или испытывали все следствия приступа, редкий из них

мог выдержать осаду, все бежали или признавали власть русских. Гермейстер Фирстенберг, после тщетных усилий ободрить рыцарей к обороне, сложил с себя достоинство. Вместо него избран главою ордена знатнейший из командоров, Готгард Кетлер, рыцарь доблестный, хитрый политик, искусный вождь. Не надеясь спасти Ливонию собственными силами, он искал помощи у королей шведского, датского, польского, у германского императора и римского папы. Все они убеждали Иоанна дать мир Ливонии, и все получили в ответ, что ливонцы древние данники России, что он казнит их за неверность, обманы, торговые вины и разорение церквей. Между тем воеводы его, в особенности Адашев и Курбский, одерживали победы за победами и завоевали большую часть Ливонии, взяв Нейшлос, Дерпт, Везенберг, Лаис, Оберпален, Мариенбург и др. Главные силы меченосцев рушились в кровопролитной битве при Эрмисе, недалеко от Феллина. В ней положили головы последние рыцари. Наконец, с падением самого Феллина орден, оставшись решительно без всякой защиты, не мог долее существовать самобытно.

Но доведенной до крайности Кетлер не хотел слышать о подданстве царю Московскому и решил отдать Ливонию лучше иноплеменнику, чем государю, имевшему по крайней мере на значительную часть ее право древнего господства. Виленским договором гермейстер, с согласия остальных рыцарей, признал *Сигизмунда Августа*²⁰, великого князя Литовского, государем Ливонии, с условием не изменять ни веры ее, ни законов, ни прав гражданских. Сам же получил в наследственное владение Курляндию и Семигалию с титулом герцога, как вассал Польши. Между тем Эстония отдалась в покровительство короля шведского *Эрика XIV*²¹; епископство Эзельское объявило государем короля датского *Фридриха II*²², который дал ему в правители брата своего Магнуса. Орден Меченосцев рушился, владения его разделились на пять частей: восточная часть, прилегавшая к московским пределам, занята была русскими войсками и присягнула Иоанну; северная была во власти шведов; южная покорилась Сигизмунду Августу; Эзель признавал Магнуса; Курляндия и Семигалия составляли герцогство Кетлерово. Этот раздел не был, однако, утвержден обоюдным согласием: Иоанн хотел всей Ливонии; Сигизмунд Август требовал того же; Эрик, не уступая Эс-

тонии, был враг как Польши, так и России; король датский находился в тех же отношениях. Следствием совместничества четырех держав была кровопролитная, двадцатилетняя война России с Польшей и Швецией, породившая долговременное соперничество на севере, оно прекратилось не ранее, как при Петре Великом.

Имея сильное благоустроенное войско, воевод искусных на поле брани, Иоанн без труда надеялся управиться со всеми соперниками, и не без основания. Ливония была беззащитною жертвой, добычей сильного — король шведский, недостойный сын Густава Вазы, Эрик XIV, ознаменовал свое правление безрассудным тиранством, не мог быть нам опасен, как по слабости своих сил, так и по неприязни короля датского, спорившего с ним за Эстонию. Король же датский тем не менее не мог вредить нам, и по отдаленности, и по равнодушию к нему ливонцев. Главным соперником был Сигизмунд Август, имевший на своей стороне право, уступленное ему орденом: располагая силами Польши и Литвы, он мог выставить многочисленное войско и тревожить нас крымским ханом, питавшим непримиримую злобу к России. Но Иоанн имел над ним явный перевес, находя усердных доброжелателей в Западной Руси, где народ, теснимый римским духовенством, смотрел на него как на защитника веры православной. Легкое завоевание Полоцка, считавшегося неприступным и взятого самим государем в начале войны, слабый отпор других городов, очевидное равнодушие заднепровской Руси к королю, все доказывало, что вмешательство Сигизмунда Августа в дела Ливонии будет стоить ему дорого — он мог потерять всю Русь литовскую. Но дела приняли оборот неожиданный. После 20-летней борьбы, после неимоверных усилий Иоанн до того изнемог, что отказался от всех завоеваний на западе, потерял значительную часть Новгородской области и едва не пожертвовал Псковом. Виною тому была удивительная перемена в его характере, обнаружившаяся со всеми ужасными последствиями в самом начале войны с Польшей.

Будучи около 13 лет образцом монархов, ревностных к благу отечества, мудрым законодателем, героем на полях брани, Иоанн в остальное время своей жизни, целых 24 года заставлял трепетать своих подданных. Мучимый

странную подозрительностью, видя кругом себя мнимых изменников, крамольников, он без пощады преследовал злодеев своих и предавал их мучительной казни целыми семействами, не различая ни возраста, ни пола. Причины столь ужасной перемены изъяснить трудно, достоверно только то, что Иоанн стал как будто иным человеком после смерти первой супруги своей, Анастасии Романовны. По наветам наушников, приписывая преждевременную кончину ее чародейству Сильвестра и Адашева, он лишил их своего доверия. Оба они, немедленно по кончине царицы, удалились от двора — Сильвестр в монастырь, Адашев в Ливонию с званием воеводы. Их судили заочно в самовластном управлении государством. Сильвестр заточен в Соловецкую обитель, Адашев отдан под стражу в Дерпте, где вскоре и умер. Между тем царь окружил себя людьми недостойными, в числе которых известны как злейшие враги всех честных граждан *Басманов, Малюта Скуратов, Вяземский*²³, и без пощады начал преследовать друзей Сильвестра и Адашева. Одни из них погибали под секирою палача, другие, впрочем весьма немногие, спасались бегством в чуждые страны. Безмолвная покорность подданных, готовых умереть по первому слову государя, без ропота, исключая одного Курбского, не убедила Иоанна в их невиновности, не рассеяла его подозрений. Он считал необходимым искоренить мнимую крамолу, будто бы гнездившуюся в высшем сословии, и обратил весь гнев свой на бояр, зараженных, по его мнению, властолюбием Адашева и Сильвестра.

Для вернейшего успеха в своем намерении он прибегнул к странному способу: притворно отказался от престола и удалился в Александровскую слободу (ныне город Александров Владимирской губернии), известив столицу, что не может долее видеть беззакония боярского. Когда же духовенство и выборные чины всех сословий явились к нему с неотступною просьбою принять бразды правления, он согласился на общее желание, но с условием, чтобы духовенство не запрещало ему казнить изменников. С тех пор главною заботою его было искоренение крамолы. Он не вмешивался в дела внутренние, исключая только самые важные, и поручил большую часть государства, под именем Земщины, ведению сперва Касимовского царя *Симеона*²⁴, впоследствии избранных бояр. Себе же, в собственное управление, взял до

20 городов* со многими волостями, под названием *опричницы*²⁵, и, учредив многочисленный отряд опричников, или телохранителей, хотел быть только верховным блюстителем тишины общественной. Слобода Александровская была его столицей. Там, в укрепленном дворце, похожем на монастырь, окружив себя новыми любимцами, из которых составил в некотором смысле монашескую братию, он проводил одну половину дня в непрестанной молитве, другую в допросе и казни лиц подозрительных. Никакие заслуги, никакие добродетели не спасали жертв, обвиняемых опричниками. Так погибли герои Казани Шереметев, Щенятев, Горбатый-Шуйский, Воротынский, а также митрополит Филипп, двоюродный брат царя Владимир Андреевич, с супругою и детьми. Гнев его падал на целые города: несколько тысяч народа истреблено в Твери, Новгороде, Москве, наконец, от руки Иоанна пал и старший сын его *Иоанн*²⁶.

После удаления Сильвестра и Адашева Иоанн уже не стал заботиться о внутреннем устройстве государства, о чем так пеклись они, не принимал мер к обузданию хана крымского, злейшего из врагов России, упустил из вида Запорожье, которое прежде готово было присягнуть ему, с трудом удерживал в покорности воинственных сынов Дона, думал отказаться от царства Астраханского, считая невозможным удержать его за Россией, и видел непрестанное волнение в Казани. Он обратил исключительное внимание на Ливонию. Там и в Литве сосредоточивались все русские силы, битвы были непрерывные то с шведами, то с поляками и ливонцами, несколько раз заключали перемирие и снова брались за оружие. Русские бились с обычным мужеством, но уже некому было вести их к победам. Иоанн страшился поручить свои войска героям времен Адашева. Общий ход действий не обнаруживал ни искусства, ни решительности. Потеряв, наконец, надежду присоединить Ливонию к России силою оружия, Иоанн прибегнул к хитрости: склонил на свою сторону владетеля Эзеля, датского принца Магнуса, выдал за него свою племянницу Марию, дочь Владимира Андреевича, и, дав ему титул короля Ливонского, признавал независимость его от России и Польши, требуя от одного Магнуса такой же присяги, какую давали гер-

* Царь объявил своею собственностью города Можайск, Вязьму, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Суздаль, Шую, Галич, Вологду, Устюг, Старую Руссу и др. В Москве же отделил улицы Чертольскую, Арбатскую и половину Никитской.

манские владетельные князья императору. Но молва о жестокосердии московского государя так ужасала Ливонию, что она хотела лучше остаться за королем польским. Сам Магнус, опасаясь погибнуть в России, передался к ее неприятелям. Продолжительное междуцарствие в Польше после смерти Сигизмунда Августа благоприятствовало успехам нашего оружия, даже могло прекратить борьбу слиянием Литвы и Польши с Россией в одну державу. Литовские чины, убежденные в необходимости соединения обеих частей Руси, желали видеть Иоанна на престоле Ягеллоновом. Он упустил столь благоприятный случай и вскоре сам должен был подумать о защите собственных владений. На польский престол вступил *Стефан Баторий*²⁷, муж ума необыкновенного, искусный полководец. Он овладел Полоцком, Великими Луками, вытеснил русские войска из Ливонии и направился прямо к Москве, царские воеводы не смели вступить с ним в битву и бежали. Иоанн боялся за столицу. Но Псков удержал стремление Батория. Упорная оборона псковитян под начальством Ивана Петровича *Шуйского*²⁸ ослабила короля: в неоднократных приступах он потерял лучшую часть войска, ропот шляхты принудил его отступить. Между тем царь, уже не надеясь на собственные силы, успел найти деятельного посредника в папе Григории XIII, изъявив, к величайшей радости его, притворное намерение воевать с турками немедленно по заключении мира с Баторием. Папский легат Антоний Поссевин примирил Россию с Польшею договором запольским, заключенным в деревне Киверове Горе между Опоками и Порховом, в 15 верстах от Запольского Яма. Иоанн отказался от всех притязаний на Ливонию, признав ее польскою областью. Эстония осталась в руках шведского короля, которому царь сверх того уступил русские города: Ям, Иван-город и Копорье.

К бедствиям войны польской присоединилось опустошение отечества ханом крымским. Злобствуя за поиск Адашева и зная, что все наши силы на западной границе, он ворвался в Россию, без труда дошел до Москвы, предал ее пламени и с богатою добычею возвратился в улусы, ознаменовав свой набег пеплом городов и трупами беззащитных россиян, оставленных государем, который укрывался в Новгороде и думал даже удалиться в Англию. Удача ободрила Девлет-Гирея, по прошествии года он пришел вторично с дерзким намерением изгнать Иоанна, но тут встретил его последний вождь, уцелевший от времен Адашевых, князь Ми-

хаил Воротынский. Успев собрать малочисленную дружину, он сразился с ханом в 50 верстах от Москвы, разбил его наголову, взял в плен многих князей, овладел обозом, отбил добычу и наполнил овраги между Лопаснею и Рожаем трупами татарскими, избавив Москву от окончательного разрушения. Сам же получил в награду лютую смерть: обвиняемый в чародействе, он умер в истязании.

В последние годы царствования Иоанна, впрочем без ведома, даже против воли его, положено основание русскому владычеству в западной Сибири. Там, на берегах Тобола, Иртыша и Оби, в конце XV и в начале XVI века из древних улусов татарских, из вогуличей и остяков, составилось сильное царство, столицею которого был город Искер, или Сибирь, в 16 верстах от нынешнего Тобольска. Оно признавало господство князей ногайских. Из них Едигер, уstraшенный падением Казани, обязался платить дань русскому государю. Едигера вытеснил киргизский хан Кучум, который овладел всем пространством от хребта Уральского до верховьев Оби, силою обратил туземцев в магометанскую веру, присоединил к ним хищных киргизов, подружился с ногаями и не хотел уже признавать себя данником Иоанна, под смертною казнию запретив остякам, вогулам, югорцам, посылать в Москву ясак, или дань, мехами. Сверх того подстрекал черемису к мятежу и неоднократно тревожил Пермь набегами. Неприязнь его обнаружилась в то время, когда Адашев замышлял сокрушить орду Крымскую, а государь думал завоевать Ливонию.

Озабоченное делами важнейшими, правительство наше не хотело разделять сил для усмирения Кучума и охотно согласилось на предложение умных и богатых помещиков сольвычегодских, имевших соляные варницы на Вычегде, двух братьев Якова и Григория Строгановых, которые вызвались собственными средствами оберегать Пермь от сибирских и ногайских хищников. Государь дал им земли по Каме и Чусовой, дозволил строить крепости, заводить селения, иметь снаряд огнестрельный, пушкарей и воинов, принимать к себе всяких людей, кроме беглых, ведать и судить их независимо от пермских наместников. Строгановы основали несколько острогов и городков по Чусовой и Сылве, учредили свое войско из бродяг и бездомков, завели пушки и были стражами северо-восточной России, уничтожая все замыслы Кучума взволновать подвластную нам черемису, силою оружия обуздывая

остяков и башкирцев. С 1572 года началась жестокая война их с царем Сибири: Кучум посылал своего храброго племянника Маметкула разорять крепости по Каме и Чусовой. Строгановы, отстояв их, хотели, для обуздания опасного врага, потревожить его в собственных владениях и выпросили у государя жалованную грамоту на построение крепостей по берегам Тобола, на выплавку руд за хребтом Уральским и на беспошлинную торговлю с бухарцами и киргизами. Яков и Григорий умерли, не успев совершить похода: они завещали великое дело меньшему брату Семену, с детьми своими Максимом и Никитою, которые, наследовав ум и деятельность отцов, решились воспользоваться удальством донских казаков, с опасностью быть их жертвою или навлечь гнев государя.

Донские казаки, так усердно служившие России во времена Адашева, после удалении его славились одним разбоем — разбивали караваны, ходившие в Москву от Каспийского моря, грабили царскую казну, не щадили послов азиатских и неоднократно вынуждали государя высылать против себя войско. Смелость их была беспредельна: громя Крым, свирепствуя на берегах Волги, беспокоя нашу Украину, они доходили до Урала, где разрушили Сарайчик, столицу ногаев. Более всех отличался быстротою набегов, мужеством в боях один из атаманов их *Ермак Тимофеев*²⁹, заслуживший за разбои царскую опалу. Строгановы вызвали его на подвиг чести и славы, и указали Сибирь. Он пришел к ним с дружиною охотников, отважных бойцов, числом не более 540 человек, присоединил к ней 300 витязей, служивших Строгановым, устроил войско, назначил атаманов, есаулов, пятидесятников и, дав обет доблести и целомудрия, повел свою рать на судах Чусовою, Тагилем, Турою в сибирское царство. Иоанн, сведав о походе казаков, изъявил Строгановым гнев за дружбу с разбойниками, требовал отозвания их и в случае послушания грозил большою опалою. Но блестящий успех оправдал их. Ермак, после нескольких битв с Кучумовыми войсками, решил борьбу кровопролитною сечею на берегах Иртыша, взял столицу его Искер, пленил самого опасного соперника, царевича Маметкула, загнал Кучума в степи Ишимские и утвердил господство России от хребта Уральского до Иртыша. Храбрейший из сподвижников его, Иван Кольцо, приговоренный за прежние разбои на Волге к лютой казни преступник, явился в Москву и ударил Иоанну челом — царством Сибирским. Государь изъявил милость Строгановым, Ерма-

ку и всем сподвижникам его, послал на подкрепление завоевателям Сибири, уже ослабленным битвами, несколько сот стрельцов под начальством князя Болховского, и велел епископу Вологодскому отправить в новое царство священников для христианского богослужения, Ермаку же поручил главное начальство над покоренными оружием его землями. Русское господство было еще непрочно: Кучум имел многих приверженцев. Мурза его Карача, обманув казаков мнимой преданностью, успел произвести всеобщий бунт в татарах и остяках. Несколько тысяч мятежников осадили Ермака в Искере. Он отбил их и страхом своего имени обуздал недовольных, но болезни уменьшили его дружину, между тем Кучум оправился и, напав неожиданно на казаков, большую часть их истребил. Сам Ермак погиб в сече на берегах Иртыша или, как повествуют другие, утонул в волнах его; остальные казаки, числом не более 150, спешили возвратиться в Россию. Кучум же, овладев Искером, восстановил свое царство. Иоанн не успел утвердить за собою Сибири, и даже была опасность потерять Казанское царство, где возникли новые мятежи, взволновавшие и черемису.

IV. ФЕДОР I (1584 — 1598)

Иоанн оставил сыну своему Федору³⁰ государство, истомленное продолжительной войной за Ливонию, еще более жестоким правлением его, в неприязненных отношениях ко всем соселям. Король шведский овладел древними русскими городами на пределах Эстонии и совершенно отрезал нас от Балтийского моря, король польский, захватив Ливонию, хотел возвратить завоевания Витовта, хан крымский, подстрекаемый Баторием, собирал силы, чтобы снова опустошить Россию, султан турецкий, утвердившись на восточной стороне Кавказского перешейка, думал завоевать Астрахань, орда Ногайская поддерживала Кучума и подсылала отряды злодеев на помощь строптивой черемисе. Западные державы европейские, после неудачной войны ливонской, уже не надеясь на наше содействие в крестовом походе против турок, не дорожили нашим союзом. Одна Англия находилась в тесных связях торговых, но эти связи не приносили нам большой выгоды, предоставив в монополию англичан всю нашу торговлю и оттеснив купцов ганзейских.

Преемник Иоанна, третий сын его от Анастасии Романовны, Федор отличался прекрасными свойствами души, был нрава кроткого, человеколюбивого, набожности беспредельной, с величайшим усердием исполнял все обязанности истинного христианина, но видел в мире только суету, чуждался тягостных забот правления и, имея все добродетели честного человека, был слабым венценосцем, особенно после такого самодержавца, как Иоанн Грозный, и при тех запутанных обстоятельствах, в которых находилась Россия. Зная слабость его, отец назначил ему в помощь верховную думу из пяти знатнейших сановников: князя Ивана Федоровича Мстиславского, Никиты Романовича Юрьева, Ивана Петровича Шуйского, Бориса Федоровича *Годунова*³¹ и Богдана Яковлевича Бельского, но бедствия вельможедержавия, терзавшие отечество в малолетство Иоанна, были еще в свежей памяти у всех, и опасения России за будущую судьбу ее могли бы оправдаться, если бы в числе советников не было Бориса Годунова. Он царствовал именем Федора. Взяв решительный перевес над всеми членами думы по свойству с государем, за которым была родная сестра его Ирина Федоровна, Годунов утвердил свое первенство дальновидным умом, хитрой политикой, искусством властвовать и от начала до конца Федорова царствования, целых 14 лет, был душой правления. Все делалось именем царя, но волей одного Бориса.

С именем Годунова привыкли соединять идею ненасытного честолюбца, направлявшего все действия к незаконному присвоению престола и достигшего своей цели злодейским убийством невинного отрока, царевича *Димитрия*³², последнего отпрыска дома Иоанна Калиты. В самом деле свидетельство современников так единогласно, смерть царевича так была необходима для одного Бориса, что по всей вероятности он заслужил проклятие потомков. Но если трудно оправдать его в предписываемом злодеянии, то с другой стороны нельзя согласиться с мнением тех писателей, которые видят в нем только хитрого честолюбца: он вполне разумел искусство управлять государством, сделал для России много и еще более готовил ей в будущем.

Более всего обнаружился ум Годунова в делах внешних: следуя охранительной политике Иоанна III, равно осторожной, дальновидной и вместе с тем предприимчивой, он

не уступал соседям ничего, что только вошло прежде в состав Московского государства, в то же время старался ослабить недругов России, поселяя между ними раздоры, доводя их до изнеможения и всегда имея в готовности сильное войско, чтобы отразить врагов оружием. Первым делом для него было обуздание мятежной черемисы и прочное утверждение владычества России в западной Сибири. Еще не зная о гибели Ермака, он отправил на помощь ему несколько отрядов стрельцов. Спасшиеся от гибели, сподвижники завоевателя Сибири присоединились к ним и повели их к Искеру, где уже властвовал не Кучум, а соперник его князь Сейдяк, поддерживаемый ногаями. Царские воеводы Чулков и Воейков в решительной битве взяли его в плен и вторично сокрушили царство Сибирское. Кучум еще держался в степи Барабинской, русские отгеснили его далеко за Иртыш и, построив крепости Пелым, Березов, Тобольск, Кетский Острог со многими другими, уже боялись утратить завоевания Ермака.

Не опасаясь татарских народов с востока, Годунов тем более заботился о южных пределах отечества, коим грозил хан крымский. Для обуздания его наш двор сначала хотел вступить в тесную связь с Турцией. Когда же эта мера не удалась, и хан даже подступил к Москве, под стенами коей потерпел впрочем жестокое поражение, правитель иными средствами старался пресечь крымские набеги: он основал многие крепости на южной границе — Ливны, Кромы, Воронеж, Белгород, Оскол, Валуйки, возобновил, укрепил города, в том числе Курск, опустевшие с XIII века, и устроил так называемую засеку — засечную линию укреплений частью естественных, частью искусственных от Брянска до Мурома. В местах лесистых он велел по дорогам валить деревья, в реках на бродах вбивать колья и сваи, в степях копать рвы и делать остроги, особенно старался прервать сакмы, или пути, коими обыкновенно вторгались татары. Этой системе обороны следовали мы до самого Петра Великого. Татары, опасаясь засад и зная, что каждое движение их известно Москве, не смели углубляться в наше отечество, как было прежде, и могли грабить только пограничные селения.

Довольствуясь охранными мерами в отношении к народам татарским, Годунов все внимание свое устремлял на запад. Там он видел в полном блеске развитие гражданственности и старался усвоить ее своему отечеству, не

шадя никаких сокровищ для европейцев, полезных России сведениями или искусствами, вызывая художников, ученых, людей ратных. Для сближения с образованною Европою он старался возобновить союзы с древними друзьями России, с Англией, Данией и Австрией, склоняя их на свою сторону отчасти выгодами торговли, отчасти обещанием воевать с турками. Но сношения с Европой были весьма затруднительны: мы имели один приморский город, на отдаленном севере, куда неохотно пускались иноземцы, тем более, что англичане, присвоив право монополии, устраняли от Архангельска всех других европейцев. Правда, Годунов двукратной войной со шведами успел исторгнуть из рук их русские города, ближайšie к Балтийскому морю, Иван-город и Копорье, также Кексгольм, возвращенные шведами по *Тявзинскому договору*³³; при всем том они не могли доставить нам тех выгод, которые обещали города прибалтийские. Единственным путем в Европу могла быть Ливония. Осторожный Баториум, не вступая в новую борьбу за нее с опасным Баториум, хотел прежде приготовить умы в свою пользу: ласкал ливонцев, охотно принимал их в царскую службу, в то же время искусно сеял раздоры между шведами и поляками, разделявшими орденские владения, и ждал благоприятнейшего времени. Но главным предметом его политики было литовское княжество.

Видя невозможность вырвать Русь из власти поляков силою оружия и считая войну только поводом к порождению ненависти между двумя народами единоверными и единоплеменными, он искал иных средств к соединению всех русских земель в одно целое. Стефан Баторий умер. Польский сейм, в угождение литовским чинам, постоянно желавшим дружбы с Московским государством, просил Федора Иоанновича принять корону Ягеллонову. Государь, следовавший во всем советам Годунова, изъявил согласие, но предложил такие условия, из которых было очевидно, что потомки Калиты всегда считали себя вправе господствовать над русскими землями за Днестром. Он хотел короноваться, как польский король и литовский великий князь, в Москве и носить корону Ягеллонову под шапкой Мономаха. Надменные паны польские считали такие условия унижительными и, вопреки желанию литовских чинов, провозгласили королем шведского принца *Сигизмунда*³⁴,

снова упустив случай найти в России верную союзницу, которая одна могла спасти ее от грядущих бедствий.

Годунов равнодушно смотрел на отказ польского сейма, считая независимым приобретение страны, где укоренилось необузданное безначалие. Он простирали свои виды единственно на Русь заднепровскую. Уже претерпевая гонение от римского двора, многочисленные последователи греко-русской веры в Западной Руси громко изъявляли желание иметь своим государем царя православного, и депутаты их долго не хотели признавать Великим князем Литовским Сигизмунда. Это желание обнаруживалось так явно, что Годунов, предвидя рано или поздно добровольное подданство заднепровской Руси, не хотел прибегать к оружию, из опасения раздражить умы, и надеялся одной политикой довести единоверный народ, угнетаемый римским духовенством, до расторжения тягостного союза с Польшей. Надобно было только поддержать его в православии. Эта обязанность лежала на патриархе византийском как на главе греко-восточной церкви в духовном смысле. С падением же Царьграда греческие первосвятители не могли с успехом бороться с римским папою, который, называя их данниками султана, быстро распространял свою власть. Годунов решился противопоставить ему независимого первосвятителя и убедил Федора учредить престол патриарший в Москве. Возведенному в сан патриарха Московского и Всероссийского митрополиту *Иову*³⁵ вселенские первосвятители предоставили верховное право блюсти христианскую паству на всем пространстве земель русских. С тех пор Москва, заняв место Царьграда, становилась в полном смысле средоточием Русской земли, градом первопрестольным*. Следствия должны были быть самые благодетельные. Но бурное время Самозванцев расстроило великое дело Бориса, породив народную вражду между Москвой и Литвой.

* Некоторые писатели видели в этом деянии Годунова какой-то мелкий расчет честолюбия, предполагая, что правитель, уже помышлявший о престоле, думал найти себе твердую опору в особе патриарха, который своим саном мог его поддерживать. Мнение едва ли справедливое: в таком случае митрополит мог оказать ему ту же услугу. Кроме того благочестивый Федор едва ли согласился бы, без важных побудительных причин, на такое нововведение в церкви; да и сами греческие патриархи не решились бы дать России святителя, который лишал их всех выгод, получаемых ими от нашего отечества.

Доказав редкий ум в делах внешней политики, поставив Россию на высокую ступень могущества, опасного для всех соседей, он был в равной степени искусный строитель державы. Главной целью его внутреннего управления было ввести добрую нравственность, улучшить домашнее хозяйство, пробудить промышленность. С этой целью, кроме строгих указов, запрещавших пьянство, лихоимство и другие пороки, он произвел важную перемену в состоянии народном: в России крестьяне имели обыкновение переходить в известный срок от помещика к помещику. Следствия таких переходов были весьма вредны — народ не заботился о домостроительстве, привыкал к бродяжничеству и полукочевой жизни. Для пресечения зла правитель запретил в 1592 году крестьянский выход, или отнял у земледельцев свободу переходить от одного владельца поземельного к другому и велел им оставаться на тех землях, на которых они жили во время издания указа, одни были закреплены за государем, другие за монастырями, третьи за лицами, имевшими право владеть землей.

V. БОРИС ГОДУНОВ (1598 — 1604)

Смертью Федора Иоанновича пресеклось Рюриково поколение государей московских в роде Иоанна Калиты. Везде и всегда переход державной власти от древней династии к новой обнаруживался жестоким переломом государственным, везде являлись искатели праздного престола, возникали непримиримые партии, свирепствовало безначалие. Соседние державы пользовались неустойчивым *безгосударственным* народом и нередко уничтожали его самобытность. Так воцарились Капетинги, Валуа, Бурбоны, Тюдоры, так пала Бургундия. Отечеству нашему грозил перелом тем более опасный, что русский народ, в продолжение многих веков, привык видеть на престоле государей только царской крови и признавал власть их священной, доступной для одного только дома. Смертью Федора не все отрасли Владимира Святого угасли: в сословии людей *родословных* были потомки даже Юрия Долгорукого, от племени князей суздальских, ростовских, белозерских, стародубских, кроме многих других потомков Владимира Святого, происходивших от рода князей черни-

говских и смоленских*. Но все они давно уже стояли в ряду слуг государя Московского и никто из них никогда не дерзал мыслить о царской короне, принадлежавшей исключительно дому Иоанна Калиты. Если же теперь пресечение царского дома давало им повод вспомнить свое происхождение, то рождался вопрос, кто более других из многочисленных потомков Рюрика имел право на корону? Притом же они могли встретить соперников в доме Романовых и Годуновых, которые в понятии современников стояли ближе к престолу, как члены царского семейства, по свойству с последними государями. Потрясение жестокое, всеобщее было неминуемо.

Перелом обнаружился не вдруг. Важное обстоятельство, казалось, отклоняло его от нашего отечества — уже около 14 лет народ привык покорствовать Борису Годунову. Как шурин последнего государя, как самовластный правитель при жизни его, он давно исключил себя из круга подданных, стал выше всех потомков Владимира Святого, заслонив собой и Романовых, не говоря о Нагих, Сабуровых и других свойственников прежних государей по брачным союзам. Общий голос призвал его на царство. Один Борис понимал непрочность своих прав и более пяти недель отказывался от короны. Наконец, когда все желания слились в один восторг беспредельный, он решился быть родоначальником новой династии**.

Единодушный приговор всех чинов государственных вручил Борису право, которого он не имел. Для утвержде-

* От Суздальских: Шуйские, Скопины; от Ростовских: Приемковы, Бахтеяровы, Буиновы, Лобановы; от Белозерских: Белосельские, Валбольские, Ухтомские; от Стародубских: Гагарины, Палецкие, Пожарские, Ромодановские, Ряполовские, Хилковы; от Черниговских: Горчаковы, Долгорукие, Лыковы, Воротынские, Оболенские, Одоевские, Шербатовы; от Смоленских: Вяземские, Дашковы, Прозоровские, Сицкие и многие другие.

** Федор умер 6 января 1598; Москва присягнула супруге его Ирине; царица отказалась от короны и 15 января удалась в Новодевичий монастырь, где постриглась под именем Александры. Вслед за тем бояре и высшее духовенство предложили венец Борису; он отверг его, объявив намерение также принять схиму. 17 февраля собралась в Кремле земская дума и, по предложению патриарха Иова, положила единогласно просить Бориса о принятии короны; 20 февраля объявили ему об избрании его на царство; 21 февраля все жители Москвы и выборные из городов устремились к Новодевичьему монастырю, с крестами и св. иконами, для убеждения Бориса; он согласился наконец после долговременного отречения; вступил в Москву 30 апреля; короновался 1 сентября.

ния этого права, он принял такие меры, что, казалось, престол его будет непоколебим. Торжественный обет никого не допустить до нищеты, никого не казнить смертью, произнесенный им при коронации, поставил его на ту ступень, на которой предки наши привыкли видеть государей, соединяя с идеей царя идею беспредельной благодати. Новые законы об исключительной зависимости духовенства от патриарха в делах гражданских и окончательное укрепление крестьян за высшими сановниками, соединили выгоды нового царя с выгодами духовенства и дворянства, которые всегда служат опорой монархического правления. Усиливая высшие сословия, Борис тем более старался обезопасить и возвысить себя и свое поколение родством с европейскими государями*, охранительной стражей иноземной, которой он вверил свою особу, и бдительным надзором за опасными соперниками.

Благоразумная политика в делах внутренних и внешних должна была упрочить род Годунова на московском престоле. Мысль, что для России настало время окончательно разорвать тяжкую цепь, связывавшую ее с востоком, и занять почетное место в системе держав европейских, была основой политики Бориса. Он не терял из вида ни народов татарских, ни Сибири, ни Крыма, ни Кавказа, но не хотел иметь их исключительным предметом своей заботы, как прежде, и с искусством пожинал плоды своих предшественников. Довершив покорение западной Сибири основанием многих крепостей, Верхотурья, Туринска, Томска, оградив южные пределы государства от набегов крымцев устройством засеки, еще более всегдашнюю готовность к отпору, он довольствовался одними охранными действиями, жаловал татарских царевичей в цари, сеял между ними раздоры и устремлял все свое внимание на запад. Главной целью его было ослабить постоянных врагов наших Швецию и Польшу, ввести Россию в состав государств христианских и познакомить ее с плодами европейской промышленности и образованности. Для первой цели он искусно пользовался раздорами Швеции и Польши, чтобы захватить из их власти Ливонию, посредством которой Россия

* Дочь его Ксения была помолвлена с датским принцем Иоанном: брак не совершился только по случаю кончины жениха, умершего в Москве от горячки.

могла вступить в отношения с Европой. Для второй имел постоянные отношения, кроме Англии, с германским императором в намерении вооружить Европу против султана и деятельным участием в крестовом походе приобрести право на тесную связь с Европой, для оживления же народной промышленности он открыл к государству свободный доступ всем мореходным державам, в особенности союзу Ганзейскому. Наконец, для образования народного хотел основать в Москве университет. При таких мерах, при таком уме, все покорствовало Борису: народ привык видеть в нем государя великого и с любовью смотрел на юного сына его *Федора*³⁶, украшенного всеми талантами ума и сердца, как на будущую надежду свою. Но закон природы непреложен, новая династия не могла утвердиться на престоле без государственного потрясения — в шестой год царствования Бориса явился Самозванец.

ГЛАВА VI

УНИЯ И САМОЗВАНЦЫ

I. СОЕДИНЕНИЕ ЛИТВЫ С ПОЛЬШЕЙ (1569)

Между тем как Россия, домом Иоанна Калиты избавленная от бедствий удельной системы, исторгнутая из власти монголов, образовала могущественное царство, Литовское княжество, заключавшее в пределах своих лучшую часть древней Руси, утратило прежнюю самостоятельность, вошло в состав польского королевства и допустило наложить на себя иго народу слабому, мало знакомому с порядком гражданским, еще менее с славою завоеваний. Это иго, по своим следствиям, было бедственнее татарского: татары разрушали русские города, губили народ, князей, брали дань тяжкую, но не трогали ни веры, ни языка, ни гражданских уставов, и Россия, спасшая народное достояние, всегда носила в недрах своих залог будущего величия. Поляки, поработив западную Русь не оружием, а политикой, не могли свирепствовать подобно монголам; зато вводили в Литовское княжество свой образ правления, чудную смесь анархии с деспотизмом, потрясали там веру, запрещали язык и, лишая обитателей западной Руси того, что было святыней предков, чем дорожит каждый народ, предавали их в жертву жидам и татарам.

Соединение Литовского княжества с польским королевством совершилось почти через двести лет по восшествии Ягайло на престол Пястов, при последнем потомке его, Сигизмунде Августе¹. Обитатели Западной Руси постоянно уклонялись от тесного союза с поляками и никогда не

желали составлять с ними один народ, чему самым разительным доказательством служит, кроме явного стремления иметь отдельных государей, двухвековой спор за Волынь и Подолию: даже вопреки желанию великих князей, литовские сеймы никогда не соглашались считать эти земли польскими областями. Соседи равным образом смотрели на оба государства как на отдельные державы: последний вождь меченосцев, Готгард Кетлер, принужденный оружием царя Иоанна Васильевича Грозного сложить с себя достоинство гермейстера, согласился уступить орденские владения Сигизмунду Августу с тем неизменным условием, чтобы они вошли в состав не польского королевства, а великого княжества Литовского. Соединения западной Руси с королевством желали, во-первых, сами Ягеллоны; во-вторых, польские вельможи; в-третьих, римское духовенство. Каждый имел свою цель.

Ягайло и потомки его, все без исключения слабые, преданные роскоши, без блестящих свойств ума и души, но все равно тщеславные, охотно принимали корону Пястов как дар, соглашаясь на предлагаемые польскими магнатами условия. Магнаты же со своей стороны не могли найти лучших для себя государей: Ягеллоны без прекословия утверждали прежние их права, не скупились на новые, были равнодушны к своеволию сеймов, раздавали обширные поместья и до того были щедры, что сын Казимира Александр, раздарив все королевские отчины, не знал, чем покрыть расходы собственного стола. К личным выгодам дворянства присовокупилась выгода и всего королевства: признавая королем великого князя Литовского, оно обуздывало воинственный народ, искони страшный оружием, находило в нем защиту от татар крымских и предупреждало опасное для себя соединение западной Руси с восточной. Но едва ли не усерднее всех хлопотало о союзе Литовского княжества с Польшей латинское духовенство: в этом союзе видело оно самое удобное средство к исполнению постоянной мысли римского двора подчинить российскую церковь папе, не терявшему надежды присвоить над ней власть даже после неудачных попыток при Данииле Романовиче и Александре Невском. Надежда его пробудилась с живейшей силой после того, как Ягайло, вступая на престол Пяста, дал легкомысленное обещание обратить в латинскую веру наследственное государство. Думая, что речь

идет о всех подданных его, польские епископы с жаром принялись за дело: по их убеждению, Ягайло издал несколько строгих законов против последователей греческой веры, запрещал браки католиков с не католиками, требовал, чтобы высшие сановники были римского вероисповедания. Хотя эта мера была безуспешна и Литовское княжество неоднократно отделялось от Польши, грозившей гонением православию, римский двор надеялся, что время даст иной оборот дела.

Опасаясь, чтобы с пресечением дома Ягеллона Литовское княжество не отошло к государству Московскому, как того желали все православные, добровольно, целыми городами присоединяясь к державе потомков Иоанна Калиты, польские вельможи, поддерживаемые духовенством, умоляли Сигизмунда Августа принять меры к укреплению союза всех подвластных ему народов. Король неоднократно для сей цели созывал сеймы, но всегда безуспешно, доколе жив был князь Николай Радзивил, канцлер литовский, благородный защитник народности своего отечества; он говорил, что «поляки льнут к Литве, как пчелы к цветам, чтобы, высосав мед, бросить их». После смерти Радзивила, не опасаясь найти упорных противников соединения, Сигизмунд предложил на сейме люблинском исполнить то, что обещал предок его Ягайло, и торжественной присягой утвердить соединение Литвы с Польшей в одно неразрывное государство. Представители великого княжества Литовского, по-прежнему чужаясь поляков, сильно возражали против такой меры, изъявляя громкий ропот. Когда же Сигизмунд прибегнул к насилью, они большей частью оставили сейм, не отклонявшись королю. Волю его согласились исполнить весьма немногие; но в числе их были двое из знатнейших вельмож, имевшие решительное влияние в своем отечестве и по богатству и по многочисленности приверженцев, князь Константин Острожский, воевода киевский, и князь Александр Чарторыйжский, воевода волынский: в угождение Сигизмунду они заглушили упреки народной гордости и подписали постановление люблинского сейма. Положено было Литовское княжество и польское королевство соединить в одну *Речь Посполитую* (*respublica*); ни тому, ни другому не избирать отдельно государя; королю польскому быть и великим князем Литовским; для избрания короля и для суждения о делах государ-

ственных депутатам Литвы и Польши собираться на общем сейме в Варшаве; дела решать большинством голосов; правам и преимуществам обоих народов быть совершенно равными; вероисповеданию оставаться свободным. Таким образом, после двухвековых усилий поляки достигли своей цели: скрепили союз княжества Литовского с королевством; но вскоре они убедились, что в этом вождеденном для них союзе зреют не те плоды, которых они ожидали.

Смертью Сигизмунда Августа угас дом Ягеллонов. Поляки приняли за правило возводить на престол иноземцев и заключать с каждым королем *pacta conventa*, или в некотором смысле контракт, на основании которого государь не имел никакой власти и совершенно зависел от сейма или, справедливее, от вельмож: он делался орудием партий и необузданного своеволия. Оставалось только найти, кто бы согласился подписать *pacta conventa*. Сейм думал избрать австрийского принца; но султан турецкий объявил ему решительную волю, что он не хочет видеть на польском престоле никого из австрийского дома и предлагал в короли французского принца. Поляки охотно согласились на это предложение, во-первых, потому, что они не желали раздражать султана; во-вторых, потому, что самая странность выбора льстила их тщеславию, доказывая Европе, что Речь Посполитая имеет власть вручать корону кому хочет; главное же, дворянство было уверено, что принц, менее всех помышлявший о короне, без прекословия подпишет все предложенные ему условия; духовенство со своей стороны видело в нем самого ревностного покровителя латинской церкви: ибо незадолго перед этим он участвовал в истреблении гугенотов в Париже. Взвесив все выгоды, сейм не признал никого достойнее *Генриха Валуа*² быть королем: он избран панами польскими.

Иные правила руководили представителями великого княжества Литовского. Русские искони привыкли думать, что верховная власть принадлежит тому, кто избран провидением, и что судьба назначила единственно дому Владимира Святого господствовать в Русской земле. С этой мыслью они повиновались князьям из Рюрикова колена; с той же мыслью признавали над собой власть дома Гедимины, считая его, по темному преданию, отраслью того же владетельного племени, от которого происходили и государи московские. Теперь, когда дом Гедимины угас, в права его вступал дом Иоанна Калиты. В самом деле, представители великого

княжества Литовского, с негодованием отвергнув чуждого принца, почти единодушно предлагали корону царю Иоанну Васильевичу Грозному, уже довольно зная о крутости его характера. Иоанн не обнаружил большой охоты принять корону Пястов; сверх того, встретил сильное упорство в поляках; Генрих Валуа между тем прибыл, и литовские чины с огорчением согласились признать его государем. Но Генрих увидел на польских сеймах такое буйное своеволие, что через пять месяцев после коронации тайно бежал из Польши во Францию, где, по смерти Карла IX, его ожидала более завидная корона французская. На место его поляки спешили избрать Стефана Батория, воеводу Семиградского, снова в угождение султану, который считал его своим данником. Баторий был истинно великий государь: с ничтожными средствами, предводительствуя буйной шляхтою, он заставил трепетать Иоанна Грозного и вырвать из рук его Ливонию. Как умный политик, вполне понимая непрочность союза Западной Руси с Польшей и предугадывая, что в нем кроются семена вечного раздора, долженствовавшие погубить Польшу, он искренно желал избавить королевство от грозившей ему беды и предлагал Федору Иоанновичу заключить заранее договор о соединении Речи Посполитой с московским государством, немедленно по кончине одного из обоих государей так, чтобы оставшийся в живых царствовал и в Москве, и в Варшаве. Бояре наши, считая такое предложение коварной сетью, отвергли оное с негодованием. Но едва умер Баторий, при назначении ему преемника литовско-русские чины снова подали решительный голос в пользу Федора Иоанновича и так были тверды в своем намерении, что польские паны должны были с ним согласиться и провозгласили королем русского государя; однако вскоре поставили на своем: успели представить условия, предложенные Федором, унижительными для Речи Посполитой и избрали на престол шведского принца Сигизмунда III, потомка Ягеллона по женскому колену*.

Двукратное, решительное намерение Великого княжества Литовского поручить судьбу свою московскому государю встревожило и римский двор и польский сенат. Они видели, что по соединении Западной Руси с Восточной

* Он был сын Екатерины Сигизмундовны, дочери Сигизмунда I, вышедшей замуж за шведского принца Иоанна, сына Густава Вазы.

Польша должна будет или войти в состав русского государства, подобно царству Казанскому, или, отделившись от Литовского княжества, возвратиться в то ничтожное состояние, в котором была прежде до Ягайла. Конечно, поляки должны были считать себе за честь видеть своими государями таких венценосцев, каковы были потомки Иоанна Калиты; но, признавая власть русского самодержца, магнаты польские не могли ручаться за свою необузданную волю, за право шуметь на сеймах, спорить с королем, самовластвовать в поместьях. Для расторжения союза Западной Руси с восточной в Польше, со времен Сигизмунда III, составлен план искоренить в Литовском княжестве все русское, чтобы, сокрушив самые священные основы бытия народного, создать новое племя и слить его с поляками.

Четыре главные условия служат основанием народности: гражданские уставы, язык, вера, история. Они были главной препоной слиянию обитателей Западной Руси в один народ с поляками, напоминая им на каждом шагу родство с обитателями московского государства. Правда, поляки успели уже ввести в Литовское княжество многие формы своего правления, но законы гражданские оставались чисто русскими. Собранные в одно целое при Сигизмунде I, дополненные при Сигизмунде II и утвержденные Сигизмундом III, они были напечатаны в 1588 году в Вильне под именем Литовского статуса на *русском языке*. Господствующим языком в Литовском княжестве был русский; только в северной части княжества, в воеводствах Виленском и Троцком, удержалось латышское наречие; но обитатели этих областей, составляя в общей массе народонаселения не более 12 части, были слишком малочисленны в сравнении с русским народом; притом же одни низшие сословия сохранили древнее наречие; высшие предпочитали ему язык русский: его употребляли в священнодействии (по греческому закону), во всех делах гражданских, в общежитии; на нем писали все судебные акты и государственные постановления; он был языком придворным до времен Сигизмунда Августа, который стал заменять его польским. Спасая родное слово, народ тем усерднее берег святыню предков: во всех русских областях, вошедших в состав Литовского княжества, господствовал греческий закон. Православные епископы имели свое пребывание в Луцке, Владимире Волынском, Турове, Пинске,

Могилеве, Полоцке. В самой Вильне, средоточии Литвы, исповедовавшей латинскую веру, было более 30 церквей греко-российских и только 7 костелов римских. Там находилась и кафедра православной митрополии. Двор великого князя состоял из вельмож большей частью греческого вероисповедания; в числе их были не только потомки древних русских князей, но и многие коренные литовцы, например: князья Вишневецкие, Дубровецкие, Корецкие, Крошинские, Масальские, Огинские, Острожские, Рожинские, Любецкие, Сангушки, Чарторижские; дворяне Воловичи, Глебовичи, Кмиты, Пацы, Поцеи, Сапеги, Хоткевичи, Хребтовичи и др. Все они исповедовали, до конца XVI века, веру православную. Кроме законов гражданских, языка и веры история живо напоминала обитателям западной Руси, что предки их принадлежали к тому же семейству, от которого произошли обитатели и восточной Руси; их пленяла слава государей московских как слава родины.

Таким образом главные условия народности, то, что составляет неразрывную связь племен, отвлекая Литовское княжество от Польши, сближали его с московским государством. Поляки решили разорвать эту связь. Начали с веры.

II. УНИЯ (1596)

Российская церковь, от самого начала ее до конца XVI столетия, более 6 веков, была единая, нераздельная, составляя часть вселенской православной церкви; последователи ее во всей Русской земле с неуклонным постоянством держались одних и тех же правил, догматов, обрядов. Славянский перевод Библии, трудов Кирилла и Мефодия, служил основою православия; греческий номоканон, заключающий в себе правила святых отцов, вместе с грамотами великих князей и соборными постановлениями, определял суд и расправу; византийский патриарх утверждал русских святителей. Все, что было постановлено вселенскими соборами, соблюдалось у нас строго: все, чему верили, что признавали отцы и деды, переходило, как завет священный, из рода в род, из века в век.

Безмятежность православной церкви основана была преимущественно на благоприятных отношениях духовен-

ства к обществу, установленных при Владимире Святом и Ярославе Мудром, на личных достоинствах святителей и на характере народном. Российское духовенство не составляло, подобно римскому, отдельного мира в государстве: оно вполне зависело от великого князя, без воли которого никакое важное церковное распоряжение не могло быть приведено в действие. Святители по большей части украшались христианскими добродетелями: не вмешивались в дела светские, когда не было на то желания государей; если же являлись на поприще политическом, то всегда к чести своего звания: во время удельное они мирили князей; при монголах благословляли русских на борьбу с губителями отечества; в делах же веры не обнаруживали духа нетерпимости или фанатизма, не искали славы насильственного обращения иноверцев в свой закон и отклоняли вызовы римских пап к прению о вере, считая подобные споры бесполезными. Ревностно исполняя свой долг, распространяя в народе не только истины христианские, но и полезные сведения житейские, например врачебные, служители православной церкви в то же время с редкою скромностью передавали потомству память современных событий в беспристрастных летописях. Одним словом, русское духовенство не было в разладе ни с миром, ни с человеком, ни с властью. Все это отразилось и в народе: предки наши, слушая слова Евангелия на языке понятном, в храмах, исполненных красоты и величия, приобрели ту набожность тихую, мирную, которою они отличались от всех европейских народов. Они смотрели на свою церковь как на единую, святую; чуждались всего нерусского, всякой новизны; желали только одного: безмятежно поклоняться Христу Спасителю, по примеру отцов и дедов.

При таком религиозном направлении в недрах самой церкви не могло быть ни ересей, ни расколов. Изредка находили на нее тучи извне: болгарские и сирские святители, присылаемые греческими патриархами, приносили иногда дух любостыжания, дававший повод к разным соблазнам; но неурядиства продолжались недолго и не оставляли никаких следов. Самое отделение Киевской митрополии от Московской, будучи делом самовластного Витовта, не уничтожило единства греко-российской церкви и не поколебало православия: в Западной Руси, или в великом княжестве Литовском, остались те же догматы, обряды, как и в

восточной. Киевский митрополит, наравне с Московским, признавал верховную власть Византийского патриарха. Следовательно, это отделение не было расколом церкви.

Между тем постоянная опасность угрожала православию с запада, из Рима. Папы, вопреки всем неудачным попыткам, не оставляли нас в покое, при каждом удобном случае возобновляя старания подчинить своей власти Российскую церковь. Так они расставляли сети Роману Вольтскому, Даниилу Галицкому, Александру Невскому, обещая им венцы королевские, в награду за признание своей власти; проповедовали крестовые походы в Швеции, Ливонии, Польше, Венгрии, чтобы силою оружия обратить русских в латинскую веру, и все напрасно: ни князья, ни подданные не изменяли закону прародительскому. Римский двор не терял однако надежды, и в половине XV века успел потревожить греческую церковь в самой Византии, впрочем ненадолго. Собор Флорентийский остался без важных последствий: ни греки, ни русские не хотели признать власть папы. После такой неудачи, казалось, римский двор убедился в невозможности покорять греко-российскую церковь и оставить ее в покое, особенно когда в подвластных ему странах, в Германии, Франции, Голландии, Швеции, Англии, появились многочисленные секты протестантов. Быстрые успехи Лютера, Кальвина и других реформаторов свидетельствовали, что господство папы было слишком тягостно для самых древних его приверженцев. Но политика римского двора не изменялась: воспламеняя в Западной Европе междоусобные войны для истребления лютеран, кальвинистов, цвинглиан, он не спускал глаз и с нашего отечества.

Главным орудием его был *орден иезуитов*¹, учрежденный именно с тою целью, чтобы распространить папскую власть во всех концах мира, между народами, никогда не признававшими ее, взамен утраченного господства в большей части Европы. Иезуиты всегда и везде действовали одинаково, с редким искусством, с неутомимую ревностью, не разбирая средств к достижению цели. При Сигизмунде Августе они появились в Польше; нашли там еще более усердных покровителей, чем в самой Италии, вошли в доверие королям, господствовали на сеймах, в сенате, управляли политикою. Здесь они начали расставлять сети для русских. Иезуиты так были уверены в своих силах, так хорошо умели тревожить совесть людей, что сначала считали возможным совратить

русских с пути православия одним искусством убеждения: с этой целью множество книг, частью полемических, частью догматических, рассеяно было в Литовском княжестве; между тем в Вильне, Полоцке, на Воляни учреждены были школы для воспитания юношества; этого мало: ревностнейший из членов ордена, Антоний Поссевин дерзнул даже думать о возможности склонить Иоанна Грозного к соединению восточной церкви с западною, и после заключения Запольского мира, в награду за свое усердие, просил неотступно царского согласия на спор о вере. Иоанн вступил с ним в богословское прение, торжественно, в присутствии своего двора; три раза беседовал с ним о власти папы, о разности догматов, обрядов, и одною силою здравого смысла, опираясь на правоту своего дела, пристыдил умнейшего из иезуитов в нелепых заблуждениях. В Западной Руси равным образом нашлись ревностные поборники православия: в числе их особенно замечателен князь Константин Острожский; не последнее место занимает и князь Курбский. Вопреки всем усилиям, успех иезуитов был незначителен, и по всей вероятности замыслы их кончились бы ничем, если бы стечение совершенно посторонних для церкви обстоятельств не помогло им.

Луцкий епископ Кирилл Терлецкий, вынудив Константинопольского патриарха Иеремию собрать суд для исследования своих преступлений, в числе которых были даже уголовные*, и, опасаясь лишиться сана, успел вооружить против патриарха Киевского митрополита *Михаила Рагозу*⁴, который, также чувствуя себя не совсем правым, боялся, что и до него дойдет очередь строгого суда патриаршего. Для устранения опасности они согласились отдаться в покровительство папы. Надежда избавиться от беды была главною, побудительною причиною их намерения; к ней присоединилась и другая: потомки Ягайло, уравнив Литовское княжество с польским королевством в правах гражданских, не дали православному духовенству тех преимуществ, которыми пользовалось римское: русские епископы не присутствовали в сенате и при всяком случае уступали латинским. Честолюбивый Рагоза искал тех же выгод и, получив от Сигиз-

* Его обвиняли в двоеженстве, в смертоубийстве, в делании фальшивой монеты, в покровительстве воров.

мунда III обещание на уравнивание прав, начал действовать заодно с Терлецким. Душою советов их был Ипатий Поцей, человек хитрый, искусный в богословии, бывший прежде каштеляном в Бресте, постриженный Терлецким в монахи и посвященный митрополитом Рагозою в сан Владимирского епископа. В первый год своего святительства Поцей созвал четырех епископов в Брест, под предлогом рассуждения о мерах к безопасности православной церкви, утесняемой польским сенатом и латинским духовенством; говорил, что патриархи, подвластные турецкому султану, не пекутся о выгодах русского духовенства, заботятся только о собственном богатстве, утесняют православных поборами, и, как лучшее средство к устранению всех неудобств, предлагал унию или соединение греко-восточной церкви с римскою, на основании Флорентийского собора. Терлецкий был согласен с ним; другие три епископа отвергли эту меру. Поцей решился подготовить прежде умы, объездил всю Литовскую Русь, везде распространяя недоверие к патриархам, и через три года созвал второй собор, многочисленнейший, во Львове; но также без успеха; вслед за тем третий в Бресте. Здесь 2 декабря 1594 года митрополит Рагоза, четыре епископа (из которых двое еще не были посвящены) и один архимандрит подписали соборное определение об Унии*. Положено было: под предлогом нерадения патриархов о российской церкви соединить ее с римскою, на основании Флорентийского собора, признать папу главою всего христианства, но оставить неприкосновенными все обряды греко-восточной церкви, священнодействовать на русском языке и не требовать от папы ставленных грамот на утверждение избираемых епископов.

Главные виновники раскола, Терлецкий и Поцей, с согласия Сигизмунда, тайно отправились в Рим, где, к величайшей радости Климента VIII, представив ему в подлиннике определение Брестского собора, не только признава-

* Постановление подписали: Михаил, митрополит; Ипатий, епископ Владимирский и Брестский; Кирилл, епископ Луцкий и Острожский; Григорий, нареченный архиепископ Полоцкий и Витебский; Дионисий, епископ Хелмский и Бельзский; Леонтий, епископ Пинский и Туровский; Иона, архимандрит Кобринского монастыря, и тот же Иона, назвав себя нареченным епископом Пинским и Туровским. Не согласились на постановление: Нафанаил, архиепископ Полоцкий; Михаил, епископ Перемышльский, и Гедсон, епископ Львовский и Каменецкий.

ли папу главою православной церкви в Литовском княжестве, но и согласились сами собою, даже без ведома пославших, принять многое, чего не было им поручено, например, верование в действительность индульгенций. Между тем епископы Львовский Гедеон и Перемышльский Михаил (Копыстенский), узнав о посольстве в Рим, объявили торжественно, что они не согласны на Унию; еще сильнее и красноречивее говорил и писал против раскола князь Константин Острожский. Напрасно Рагоза, опасаясь восстания, уверял князя, что он не думает изменять православию; молва о предательстве церкви митрополитом взволновала всю Русь Литовскую; низшие сословия изъясляли громкий ропот; высшие не хотели участвовать в коронном сейме, доколе не будет решен вопрос о вере.

Терлецкий и Поцей, возвратясь из Рима с папскою буллою, кою Климент VIII просил Сигизмунда сравнять униатов во всех правах с латинским духовенством (чего король впрочем не исполнил), спешили созвать новый собор опять в Бресте, для торжественного введения Унии. Туда съехалось множество особ духовных и светских из всего княжества Литовского, также из Греции; явились и польские епископы. Но еще до начала совещания обнаружилась непримиримая вражда: собор разделился на две стороны; самая многочисленная, главою был князь Острожский, объявила решительно, что русский народ не хочет слышать об Унии, что митрополит предал церковь папе из личных видов, что он и сообщники его должны быть лишены сана как изменники православия. Противная сторона, слабая числом, но сильная покровительством Сигизмунда, обнародовала акт об Унии, соединилась с латинским духовенством, вступила в костел и на литургии провозгласила имя папы вместо патриаршего. Уния возникла. Но в начале она имела еще менее приверженцев, чем даже собор Флорентийский, и по всей вероятности, при очевидной ненависти к ней народа, исчезла бы сама собою, если бы иезуиты не приняли мер к ее распространению.

Будучи делом немногих лиц, руководимых личными видами, Уния в самом начале находила приверженцев только в таких людях, которые, подобно Рагозе, Терлецкому и Поцею, искали мирских выгод и заглушали упреки совести. Число их не могло быть значительно; русский народ роптал явно на такую неслыханную новость, и весьма есте-

ственно: не имея никакого богословского основания, Уния не была даже учением сект, вроде сект лютеранских; дело шло только о том, кого признавать главою церкви, папу ли, патриарха ли? Нельзя было думать, чтобы русский народ согласился променять патриарха на папу, когда все напоминало ему о Греции, отдаляя от Рима: и обряды богослужения, и догматы веры, и права церкви, и предания истории. Иезуиты, однако, не унывали; руководимый советами их и слепую привязанностью к римскому двору, Сигизмунд III спешил довершить начатое дело: он принял за правило не дозволять посвящения в митрополиты и епископы людей, отвергавших Унию; отдавал униатам богатейшие монастыри и приходы; оказывал им при всяком случае явное доброжелательство, притесняя православных; возводил на степени государственных сановников преимущественно последователей Унии. Неминуемым следствием такой политики была непримиримая ненависть обеих партий; одна старалась уничтожить другую, ибо вместе существовать не могли. Униаты, действуя в духе иезуитов, для собственной безопасности, еще более из видов корыстолюбия, всеми средствами старались умножать число своих последователей и, находя в судах гражданских, епископских, на сеймах, в сенате, в короле ревностных покровителей, преступали нередко пределы справедливости. Ненависть их преимущественно устремлялась на служителей церкви, недоступных соблазну: все непоколебимые в православии подвергались всякого рода оскорблениям; с бесчестьем были изгоняемы из приходов, по ложным доносам предавались суду и нередко оканчивали жизнь в окопах. Целые округа оставались без священников; церкви были заперты или разрушены; некоторые обращены в шинки, в конюшни; мертвых некому было отпевать, младенцев крестить. При таких насильственных мерах Уния распространялась; Сигизмунд и иезуиты радовались исполнению своих замыслов; но радость их была недолговременна: Малороссия доказала им, каких плодов могла ожидать Польша от Унии.

Малороссия, со времен Витовта составляя часть Великого княжества Литовского, заключающуюся в пределах нынешних губерний Киевской, Подольской, Полтавской и Черниговской, в 1569 году, вместе с другими областями

Западной Руси, присоединилась к польскому королевству. Для всех русских областей владычество поляков было тягостно; для Малороссии нестерпимо. Здесь, на берегах Днепра, Десны, Сулы, все носило свой глубоко врезанный отпечаток; Киев, с окрестными городами, с своими храмами, св. угодниками, историческими воспоминаниями, поддерживал народность и не давал ослабеть русскому духу. Поляки не только не могли сродниться с обитателями Малороссии, но и навлекли на себя их ненависть, присваивая земли, угнетая низшие сословия, вводя жидов, иезуитов. Те же бедствия были уделом и других русских областей, соединившихся с Польшею; но Белоруссия, Волынь, Галиция с безмолвием сносили страдания, не находя средств к свержению ига. Малороссия не стерпела своих бедствий: она имела ревностных защитников своей веры, своих уставов, в собственных сынах, в казаках.

Казаки малороссийские образовались по примеру донских. Первоначальное воинственное братство, служившее основанием их, возникло в конце XV века, в низовьях Днепра, под именем черкас и запорожцев. Подобно донским казакам они принимали в свои коши всех людей отважных, искавших необузданной воли. Единственной целью их жизни была война с татарами крымскими и турками. Редкий год проходил без кровавых сеч. Запорожцы обыкновенно садились в легкие челны, спускались по Днепру к лиману и штурмовали татарские крепости Очаков, Белгород, Ислам-Кермень; нередко врывались в Крым; случалось, предпринимали и отважнейшие поиски: появлялись на своих чайках в Черном море, не страшась ни бурь, ни турецкого флота, грабили окрестности Варны, самого Стамбула, даже разоряли берега Анатолии. Несколько раз крымские ханы, подкрепляемые турецкими янычарами, старались истребить запорожцев, слабых числом, сильных редкою отвагою, и всегда без успеха. Казаки рассыпались по островкам днепровским, в густых камышах, встречали врагов ружейною пальбою, бросались в рукопашный бой и отбивались. Многие вожди их еще до конца XVI века вписали свое имя в скрижали истории делами славы. Таковы были: первый известный предводитель их Евстафий Дашкович, товарищи его Ланцкоронский и Вишневецкий. Они водили казаков на Крым, в Черное море, в Молдавию, Венгрию, тревожили иногда Польшу, не щадили и русской

земли. По примеру запорожцев образовались казацкие дружины в малороссийских городах. Они состояли из воинственных людей, соединенных тесными узами братства, свободных от общественных повинностей и зависевших единственно от своих старшин.

Государи московские и великие князья литовские, постигавшие всю важность казачества, которое могло служить оплотом для них против хищных Гиреев, друг перед другом старались присвоить над ним верховную власть. Со своей стороны казаки считали необходимым для себя покровительство христианского государя и долго колебались между Москвою и Литвою. Евстафий Дашкович, которому они обязаны первым правильным устройством, сохранившимся до конца XVI века, указал им на царя Московского как на истинного покровителя: плененный умом и славою Иоанна III, он искал чести служить ему и ударил челом со всем Запорожьем. Обстоятельства, соединенные с отдаленностью казаков от тогдашних московских пределов, не допустили Иоанна утвердить над ними господство. С таким же предложением обратился к внуку его, царю Иоанну Грозному, один из преемников Дашковича, князь Дмитрий Вишневецкий, обещая исторгнуть из власти поляков Киев, Волынь и Подолию. Государь, имея в виду завоевание Ливонии и желая быть покойным со стороны великого князя Литовского, отвергнул уже занятые Вишневецким во имя его киевские города и принял только его одного в свою службу. Несчастливая перемена в характере Иоанна побудила Вишневецкого удалиться из России.

Стефан Баторий спешил воспользоваться несогласием казаков с Москвою. Лучше всех предшественников постигая выгоды от присоединения их к королевству, он ласкал их, давал им жалованье, сулил разные льготы в случае подданства, и достиг своей цели: они согласились признать его своим покровителем и обязались быть стражами Украйны от татар. Баторий дал малороссийским казакам правильное устройство, сообразное с их нравами и обычаями: разделил их на 10 полков, или поветов (Чигиринский, Корсунский, Черкасский, Уманский, Ладыженский, Богуславский, Киевский, Переяславский, Полтавский и Миргородский); каждый полк избирал своих старшин: обозного, судью, писаря, есаула, хорунжего, полковника, сотника и атамана;

имел свой суд и расправу, получал во время службы жалованье. Главное начальство поручено было гетману, которому Баторий дал королевское знамя, бунчук, булаву и город Батурин в столицу. Право избирать гетмана предоставлено казакам, которые сверх того были освобождены от податей и земских повинностей. Определенное число их простиралось до 20 000. Таким образом, казаки составили в некотором смысле постоянное земское ополчение Малороссии. Оставшиеся на днепровских порогах удержали имя запорожцев. Притон их назывался Сечью и был переносим, смотря по обстоятельствам, с одного места на другое. Главная Сечь находилась на Хортицком острове, ниже порогов, в 15 верстах. Там жили казаки холостые, искавшие опасности, грабежа и необузданной воли.

Признав своим покровителем польского короля, казаки не требовали от Речи Посполитой ничего, кроме свободы бить неверных и неприкосновенности своих уставов. Сигизмунд III вздумал отнять у них и то, и другое. Вместо того чтобы пользоваться мужеством казаков и образовать из них оплот для Польши от вторжений крымских татар, даже при содействии их завоевать Тавриду, Сигизмунд видел в них только виновников вражды Польши с Крымом. В самом деле, считая, подобно рыцарям средних веков, войну с неверными главной целью всех мыслей и желаний, витязи малороссийские стекались в Запорожье, не давали покоя ни туркам, ни татарам и отважными поисками в Черном море накликали на Польшу месть самого султана, которого она страшилась как опаснейшего неприятеля. Но принятые королем меры к обузданию воинственных детей Малороссии только раздражали их. Сигизмунд хотел лишить их того, чем более всего они дорожили: воли и веры. Притеснения начались с 1589 года, когда сейм определил: быть казакам в ведении коронного гетмана, от коего вполне зависеть и старшинам их; без позволения его не ходить на поиски; малороссийским помещикам не отпускать крестьян к запорожцам, не продавать им, под смертную казнь управляющих поместьями, ни пороха, ни свинца, ни жизненных припасов. Столь насильственные меры взволновали казаков; они спешили доказать сейму свою волю: соединились с донцами, пустились в Черное море, выжгли Трапезунт, ограбили Синопе и, возвратясь в Сечь с добычей, обратили оружие и на поляков. Киевский воевода

князь Острожский с трудом успел смирить их. Сигизмунд должен был убедиться, что только благоразумная осторожность могла утвердить зависимость Малороссии от королевства; король действовал вопреки правилам здоровой политики: он считал самым лучшим средством к обузданию казаков Унию. По воле его Станислав Жолкевский с многочисленным польским войском вступил в Малороссию, требуя, чтобы казаки обязались присягою в повиновении коронному гетману и признали папу со всеми постановлениями Брестского собора. Всеобщий ропот Малороссии был ответом воззванию униатов. Казаки провозгласили своим гетманом храброго Наливайку, встретили Жолкевского близ Чигирина, разбили его наголову, опустошили Волынь и Белоруссию.

Запылала в Малороссии война почти непрерывная между казаками и поляками; первые сражались за веру праотцов, за права, утвержденные Баторием; вторые напрягали все силы к распространению Унии: началась непримиримая вражда, доходившая до ожесточения. Сейм неоднократно определял искоренить поголовно всех казаков; они, в свою очередь, возненавидели своих притеснителей более самих татар и не давали пощады ни старому, ни малому. Успех борьбы был то на той, то на другой стороне: когда пал Наливайко, взятый в плен под Лубнами и замученный в Варшаве, казаки, оставшись без вождя, не в силах были изгнать иезуитов и униатов, поддерживаемых польскими войсками. Беспрецедентное гонение было уделом Малороссии: русский народ объявлен на сейме *бунтливым* и осужден в рабство; русские помещики утратили свои земли, перешедшие в руки польских шляхтичей, если не хотели признать Унию; русские храмы были запечатаны или отданы в аренду жидам, которые отпирали их для священнодействия не иначе как за известную плату, до пяти талеров; крестины, свадьбы и похороны также были в откупе у жидов.

Но Малороссию хранило Запорожье: туда, в неприступную для поляков Сечь, стекались враги Унии. Избранный ими в гетманы Петр Конашевич Сагайдачный успел внушить к себе уважение Сигизмунда III сколько грозою своего оружия, столько и важными услугами, оказанными Польше во время московского похода в 1618 году и еще более при осаде Хотина турками. В первом случае Сагайдач-

ный избавил сына Сигизмунда от стыда бесславного отступления из пределов России и доставил ему все выгоды *Дулинского договора*⁵, во втором помог Владимиру отстоять Хотин, спасти Польшу от вторжения 100 000 турок и татар. Пользуясь своими силами, ревностный в православии, он четыре раза принуждал сейм издавать постановления в пользу греко-российского духовенства; обуздывал униатов и иезуитов; писал против них весьма умные сочинения, еще более действовал: по его старанию Иерусалимский патриарх Феофан посвятил в киевские православные митрополиты Иова Борецкого.

По смерти Сагайдачного гонение возобновилось с беспримерным ожесточением во всех русских областях, подвластных Сигизмунду; более всего страдала Малороссия. В доказательство, с каким насилием польское правительство обращало православных в Унию, приведем один пример: установлен был так называемый *пасочный* сбор, отданный на откуп жидам; только они имели право продавать пасхальные хлебы к празднику святого воскресения; униаты покупали их за обыкновенную цену; неуниаты платили пошлину. Первые отличались от последних лоскутком бумаги с надписью «*униат*». Если же при освящении хлебов откупщик находил испеченные прихожанами, он взыскивал с них в пеню тройную цену. Сверх того, требовалось непременно, чтобы каждое семейство покупало столько хлебов, сколько было в нем душ, не исключая и младенцев.

Такие меры снова вывели казаков из терпения: они избрали вождем Тараса Трясилу и близ Переяславля разбили наголову шедшего для усмирения их коронного гетмана Конецпольского. Вся Малороссия восстала; польские помещики большею частью изгнаны, несколько тысяч жидов изрублено. Но время ее спасения было еще далеко. Сигизмунд выслал сильное войско. Николай Потоцкий успел окружить казаков, предводимых Павлюком, и обещал им пощадку в случае покорности. Павлюк положил оружие; его схватили, отвезли в Варшаву как пленника и там со всеми старшинами предали мучительной казни: с Павлюка, с живого, содрали кожу. Вслед за тем сейм постановил, что казаки равны крестьянам, и назначил для управления ими комиссара с неограниченною властью живота и смерти. Малороссы еще раз пытались

свергнуть его: провозгласили гетманом Острианицу и разбили вероломного Потоцкого. Торжество их было недолговременно: мужественный Острианица был схвачен, подобно Павлюку, обманом и испытал ту же участь: он был колесован; сподвижники его погибли не менее мучительной смертью. С ним Малороссия потеряла последнюю надежду на освобождение от польского ига и во все время правления Владислава была беззащитною жертвою самовластия магнатов, изуверства иезуитов, корыстолюбия жидов. Владислав не был виновен в угнетении Малороссии: он жалел о злосчастной доле ее и неоднократно предлагал сейму облегчить ее участь; но каждый раз встречал непреклонное упорство в польских вельможах и епископах: первые не хотели расстаться с обширными поместьями, отнятыми у казаков, вторые не теряли надежды утвердить Унию.

III. САМОЗВАНЦЫ (1604 — 1613)

Вскоре после того, как Западная Русь была взволнована Унией, иного рода потрясение поколебало Русь Восточную и едва не предало ее в руки иноплеменников. Оно было следствием прекращения державной династии и в главной идее сходствует с подобными переворотами западных народов: как там, так и здесь возникал спор за корону между многими искателями; тем не менее события, ознаменовавшие его, беспримерны в истории. Оно представляет странную борьбу двух венценосцев, равно умных, хитрых, избранных государственными чинами, с неизвестными бродягами, увлекшими за собою все сословия одним именем младенца, давно лежавшего в могиле. Русский народ, одушевленный свойственно ему привязанностью к роду законных царей своих, вопреки всем свидетельствам, не хотел верить, что дом Иоанна мог угаснуть, думал спасти последнюю ветвь его и до того был введен в заблуждение, что, даже после Расстриги, стоило только жиду назвать себя Димитрием, чтобы видеть полцарства русского у ног своих. Слепление продолжалось целые шесть лет; впоследствии, когда неоднократные уроки образумили наших предков, страсти уже не знали границ, и внутренние неурядица наши при-

няли характер обыкновенного в подобных случаях безначалия: возникли партии, вмешались соседи; начались междоусобные войны; явились защитники народной славы; национальное чувство пробудилось и, поддерживаемое религией, спасло Россию, вручив судьбу ее дому Романовых.

При таком ходе событий внутренний перелом России отличается от подобных случаев, встречающихся в истории прочих держав, особенным характером, в котором отразилась вся душа русского народа. Это не был кровавый спор за веру, потрясаемую сектами, столь несвойственный русским, ни политический раскол, порожденный неясностью или столкновением прав нескольких фамилий, ни порыв народного своеволия: это было красноречивое выражение двух главных страстей русского народа — беспредельной любви к царскому дому и ненависти к иноземному владычеству. Первая страсть отразилась в удачной борьбе самозванцев с Борисом Годуновым и *Василием Шуйским*⁶; вторая в борьбе русского народа с поляками и шведами. Покидая Бориса и Василия, все сословия стекались под знамена *Расстриги*⁷ и *Тушинского вора*⁸, с одною мыслью спасти царскую отрасль. Когда же обман обнаружился несомненно, все восстало в грозном величии под знаменами *Ляпунова* и *Пожарского*⁹ за Русскую землю, терзаемую иноземцами. Оттого время самозванцев, начавшись всеобщим взрывом, через несколько лет кончилось всеобщею тишиною, не оставив никаких следов в государственном организме, не изменив прежних уставов, понятий, отношений, между тем как подобные явления в других странах влекли за собою долголетнее брожение умов и нередко изменяли коренные уставы государственные. Вследствие сего время самозванцев достопамятно не по влиянию на государственное устройство, а по разнообразию чудных, почти невероятных событий, по красноречивому выражению народного характера, по действиям лиц, являвшихся на сцене. Оно представляет три главные картины: борьбу Годунова с первым самозванцем, кончившуюся падением того и другого; борьбу Василия Шуйского со вторым самозванцем, имевшую такой же конец: борьбу русского народа с поляками и шведами за государственную независимость, прекращенную воцарением дома Романовых.

1. Лжедмитрий I (1605 — 1606)

Главным источником всеобщего потрясения Московского государства было странное событие, доселе еще не вполне разгаданное, случившееся за 7 лет до восшествия Бориса на престол, при Федоре Иоанновиче, — смерть младшего брата царского, девятилетнего Димитрия. По завещанию отца, Иоанна Грозного, получив в удел город Углич, царевич жил там под надзором матери и дядей из рода Нагих до 1591 года, когда вся Россия узнала о жалостной кончине его. Разнеслась молва, что сын дьяка Битяговского, управлявшего хозяйством Углицкого двора и подкупленного Борисом, Данило с двоюродным братом Качаловым 15 мая, среди белого дня, зарезал царевича, игравшего на дворе с своими сверстниками; пономарь соборной церкви, увидевший убийство, ударил тревогу; народ сбежался, умертвил обоих Битяговских, Качалова и других подозреваемых людей. Хотя следствие, произведенное по царскому повелению князем Василием Шуйским, нашло, что Димитрий погиб не от рук Битяговских и Качалова, как полагали жители Углича, а в припадке падучей болезни сам накололся на нож, и вдовствующая царица за небрежение сына была пострижена, дяди же царевича заключены в темницы, а жители Углича за мятеж сосланы в сибирские пустыни, где они впоследствии населили Пелым; но дело тем не кончилось. Странность случая, дотоле беспримерного, притом не совсем ясного, повела к догадкам; волнение Углича, растерзавшего одного из царедворцев и несколько других подозрительных людей, давало новый повод к сомнению; показание же дяди царевича Михаила Нагого, который при допросе упорно свидетельствовал, что убийцами Димитрия были Битяговский и Качалов, убедило многих, что царевич не сам был виною своей смерти. Это убеждение естественно родило вопрос, для чего же злодеи омыли руки в крови царственного отрока? Восшествие Бориса на престол служило ответом на этот вопрос, показав, что смерть Димитрия только для него была необходима.

Догадки о преступном участии Годунова в истреблении последней отрасли древней династии мало-помалу покрыли смерть царевича непроницаемым мраком, из которого легко могли родиться новые толки в народе. Эти тол-

ки тем более плодились, что Борис, возвышаясь над понятиями современников, разными новостями возбуждал против себя всеобщий ропот, и следовательно приготавливал умы к верованию в самые несбыточные сказки, имевшие целью повредить ему: беспримерная строгость, с которою он преследовал пьянство как преступление уголовное, вооружало против него едва ли не все сословия; изменение закона о выходах крестьянских, по которому крестьяне господ мелкопоместных могли переходить от помещика к помещику, а крестьяне казенные, боярские, святительские, монастырские не имели этого права, озлобляло и народ, и владельцев: крестьяне роптали на кабалу, мелкие помещики на их свободу. Не менее пиши к неудовольствию находили бояре и вообще люди родословные в очевидной привязанности Бориса к иноземцам и в тайном бдительном надзоре, даже в насильственных мерах к сохранению внутренней тишины, к обузданию крамол, столь обыкновенных при воцарении новой династии. Наконец, естественные бедствия, голод и мор, свирепствовавшие несколько лет подряд с неслыханной лютостью, невзирая на старания Бориса облегчить народное злополучие, все располагало умы к волнению, к толкам: народ готов был верить всему чудесному, всему нелепому, что только могло вредить Годунову*.

При явном недоброжелательстве к Борису, при легковерии народном нетрудно было взволновать умы самую нелепою молвою, если только она сообразовалась с духом века. В шестой год царствования Бориса в Литве явился человек ума быстрого, мечтательного, души беспредельно дерзкой, готовый на всякое отчаянное предприятие, именую себя сыном Иоанна Грозного, Димитрием, спасшимся в Угличе от убийц, подосланных Годуновым. Он открылся сперва в Брагине князю Адаму Вишневецкому, у которого был слугою; тот познакомил его с своим братом Константином Вишневецким; Константин ввел его в дом тестя сво-

* Так его обвиняли: в нашествии хана Крымского на Москву, призванного будто бы им чтобы замять дело о царевиче; в подмене царского сына дочерью; в смерти самого Федора и родной сестры Ирины, им отравленной; в ослеплении казанского царя Симсона, в котором он видел мнимого соперника; в смерти датского принца Иоанна, жениха его дочери; в отравлении самого себя и пр. Все эти обвинения неосновательны.

его, знатного вельможи польского Юрия Мнишка, воеводы Сендомирского, который, впав в неоплатные долги, охотно взялся помогать мнимому Димитрию, в надежде поправить свои финансы, и представил его королю. Сигизмунд III не мог забыть отказа Бориса признать его наследственным королем шведским, не мог не заметить видов Годунова на Ливонию, и тем ласковее принял Самозванца, что советники королевские, иезуиты видели в нем надежное орудие к утверждению своей власти в России, о чем они усердно в то время хлопотали. Признанный королем, Лжедимитрий легко мог набрать значительную дружину частью из беспокойной шляхты, частью из запорожских казаков, среди которых он жил некоторое время до появления в Литве и в 1604 году отправился к пределам России искать московского престола. Борис принял все меры к уничтожению безумного предприятия в самом начале: известил короля и польских вельмож, что мнимый Димитрий есть беглый монах Чудова монастыря, Гришка Отрепьев, послал для улики людей, знавших его до побега из Москвы, учредил бдительную стражу на границе и вместе с патриархом обнародовал манифест, которым старался разуверить подданных, описав подробно всю жизнь Самозванца. Невзирая на меры Годунова Лжедимитрий в октябре 1604 года появился в пределах московских и провозгласил Бориса похитителем престола*.

С ничтожными средствами начав дерзкую борьбу с могущественным Борисом, Самозванец около 4 месяцев видел слабую надежду на успех. Правда, вся почти Северская страна признала его своим государем: Чернигов, Путивль, Рыльск выслали ему хлеб-соль; вскоре весь южный край взволновался; в самой войске Бориса обнаружилось какое-то недоумение; но упорная защита Новгорода Северского

* Доказательства, что мнимый Димитрий — самозванец: 1) смерть царевича в Угличе, где весь народ видел его живым, видел и мертвым; 2) свидетельство матери Димитрия, отвергшей самозванца в решительную минуту; 3) свидетельство Басманова и других лиц, уверявших в том историка Бера; 4) разногласие писателей и нелепые подробности о мнимом спасении царевича. Общее мнение признает его Отрепьевым, основываясь на свидетельстве Бориса Годунова, который по горячим следам мог узнать, кто был его соперник: Борис убедился в том донесением своих сановников, посланных в Польшу для разведывания и в особенности дяди Отрепьева, то же говорившего и современному историку Петрею.

мужественным Басмановым остановила распространение мятежа; столица и все другие города московские не изменяли государю; бояре и высшие сословия были верны присяге; битвы же при Новгороде Северском, в особенности при Добрыничах, близ Севска, едва не сокрушили Самозванца: запорожские казаки большею частью его оставили; польская дружина вместе с воеводою Сандомирским возвратилась восвояси; сам Лжедмитрий, с трудом спасшийся от плена, едва мог держаться в Путивле и думал бежать в Польшу. В то самое время внезапно умер Борис, и дела приняли другой оборот.

Скоропостижная смерть его сильно поколебала умы, как явный знак небесного правосудия. Приписывая ее самоубийству, следствию угрызения совести, народ был в недоумении и только ждал, чью сторону возьмет войско, осаждавшее Кромы, где засели приверженцы Лжедмитрия, донские казаки, под начальством атамана Корелы. Войско осталось еще верным роду Годунова и, подобно Москве, беспрекословно присягнуло сыну Бориса, юному Федору. Теперь все зависело от искусства и усердия военачальников: главный из них, тот, на кого полагал всю надежду умирающий Борис, кто более всех вредил Самозванцу и за свое усердие был честим при дворе пред всеми боярами, Петр Басманов, приняв начальство над войском, провозгласил царем *Димитрия*. Что побудило его к такому поступку, неизвестно, по крайней мере не уверенность в правах мнимого Димитрия, тем более не страх; по всей вероятности, увлекаемый беспредельным честолюбием, он хотел отдать престол безродному обманщику в надежде быть первым при царе, чего не мог бы достигнуть при Федоре, окруженном своею роднею. Измена Басманова решила борьбу: царская рать, увлеченная примером его, предалась Самозванцу; Москва последовала примеру войска; за Москвою все города присягнули *Димитрию*, который от Путивля до самой столицы везде был встречаем с восторгом, как сын Иоаннов. Феодор Борисович погиб лютой смертью.

При всех благоприятных обстоятельствах требовалось много ума, много силы душевной, чтобы низринуть дом Годунова и овладеть московскою короною. В самом деле, Лжедмитрий достиг своей цели, очаровав современников

сколько именован Димитрия, столько личным мужеством и редким искусством властвовать над всем окружающим. Тот же ум быстрый, ту же волю решительную Самозванец обнаружил и на престоле. Он постиг безмерное величие России в сравнении с другими христианскими державами и, как глава многих царств, подвластных русскому скипетру, не довольствуясь царским титулом, принял название императора; учредил сенат; думал дать лучшее устройство государству; вводил регулярное войско; заботился о народном образовании, о смягчении нравов, о сближении России с Европою, в особенности с Франциею, едва ли не лучше всех современников понимая Генриха IV, к которому питал такое уважение, что хотел лично с ним познакомиться; наконец, хорошо разумея истинные отношения России к соседним державам, ревностно готовился к походу на турецкого султана как врага христианской веры и тем более нашего отечества, по враждебному влиянию его на хана Крымского и других владетелей татарских.

Но постигая потребности государства, Лжедимитрий не понимал собственного положения и вскоре утратил любовь народную. Он возбудил против себя всеобщую ненависть не мнимыми злодеяниями, в которых глухо обвиняют его наши летописи, именуя тираном кровожадным, отступником веры, богомерзким человеком; напротив того, он явил редкий пример великодушия, простив князя Василия Шуйского, уличенного в замысле свергнуть его с престола, простил многих других людей, замышлявших мятеж, и не только не думал изменить греко-российской вере, но даже рассорился с папою за слабое содействие иезуитам. Самозванец озлобил все сословия легкомыслием: бояре негодовали на него за колкие насмешки над их невежеством и за беспрестанные похвалы всему иноземному; духовенство было озлоблено отнятием у монастырей поместьев, назначенных на жалованье войску; народ не мог соединить, по тогдашним понятиям, с идеею царя его воинских потех, его частью простой, частью разгульной жизни, его презрения грубых, тем не менее освященных веками обычаев. Общее негодование уже обнаружилось, когда появилось в Москве более 2000 поляков с невестою Лжедимитрия, *Мариною Мнишек*¹⁰: дерзким своеволием, непомерною гордостью, оскорблением святыни они вывели Москву из терпения. Мятеж вспыхнул; народ, предводимый

князем Василием Шуйским, вломился в кремль; Самозванец был растерзан¹¹; многие поляки убиты; Марина, отец ее, родственники едва избегли смерти и заключены в темницы.

2. Лжедмитрий II (1606 — 1610)

По низвержении самозванца Москва провозгласила царем Василия Иоанновича Шуйского за спасение отечества от злодея. Новый царь сделал все для утверждения себя на престоле: дал обет блюсти закон; объявил себя потомком Александра Невского*; обнародовал многие акты, свидетельствовавшие о самозванстве предшественника; перенес для той же цели из Углича в Москву мощи св. Дмитрия; избрал патриархом святителя ревностного, непоколебимого в православии, казанского митрополита *Гермогена*¹²; расположил войско по Оке и Украине; вступил в переговоры с польским королем для оправдания Москвы в уничтожении поляков.

Но ни заслуги, ни знаменитость рода, ни государственный ум Василия не могли водворить тишины в России, где все располагало к мятежу. Умы, встревоженные самозванцем, приготовленные ко всему чудесному и нелепому, волновались от каждого неосновательного слуха; враги общественного порядка пользовались легковерием черни, подстрекали народ к восстанию и находили усердных соумышленников в людях знатных, которые частью из нелюбви, частью из зависти к новому государю, охотно содействовали успехам его неприятелей. Та же сказка, которой воспользовался Отрельев к потрясению Годунова, колебала престол и Шуйского: по-прежнему разглашали нелепую молву о спасении мнимого Дмитрия от ярости обманутого народа. Но эта молва ослепляла одну чернь; главные крамольники ей не верили и только для личных выгод содействовали заблуждению народа. Оттого кратковременное царствование Василия (не более 4 лет) представляет непрерывный мятеж государственный, ознаменованный низкой крамолой, изменами и вероломством соседей.

* Шуйские ведут свой род не от Александра Невского, а от брата его Андрея Ярославича Суздальского. Родоначальником их был князь Василий Кирдяпа, сын Дмитрия Константиновича, соперника Донского.

Восстание в пользу мнимого Димитрия, спасшегося будто бы в Москве, обнаружилось там же, где встретили и первого самозванца с хлебом-солью, в стране Северской. Виновником мятежа был князь *Шаховской*¹³, любимец Отрепьева, лучше всякого знавший о смерти его. Будучи назначен Василием воеводой в Путивле, он разослал грамоты по всей южной России о новом спасении сына Ионнова. Долго, более года, не было охотника выступить на сцену под маской Димитрия; но между тем как в Польше родственники воеводы Сандомирского, а в России единомышленники Шаховского искали человека, способного играть роль самозванца, грамоты мятежников произвели желаемое действие: вся южная Россия закипела бунтом, распространившимся от Путивля до Смоленска, Казани и Астрахани. Прежде всего составилось ополчение в городах северских из беглых крестьян, из холопей боярских и казацкой вольницы; честные граждане были увлечены примером или силой. Начальство над северским войском, во имя Димитрия, принял холоп князя Телятёвского, *Иван Болотников*¹⁴. Он пошел к Москве, разбил наголову близ Кром двух царских воевод и своими успехами взволновал землю рязанскую, где также собралось войско, главным вождем которого был Прокопий Ляпунов; примеру Рязани последовали города смоленские и частью тверские. Вторая победа Болотникова над царскими войсками при селе Троицком открыла ему путь к Москве; под стенами ее он соединился с Ляпуновым и, став лагерем в селе Коломенском, объявил Шуйского сверженным с престола. Москва, однако, уверенная в гибели первого самозванца, тем более оказывала усердие к защите царя законного, что мятежники без пощады опустошали ее окрестности. В самом стане Коломенском возник раздор: воеводы, избранные городами, не признавали власти Болотникова; притом и *Димитрий* все еще не являлся. Василий воспользовался этими обстоятельствами, объявил милость за раскаяние, лютую казнь за упорство и, приняв с честью Ляпунова, увидевшего обман, образумил рязанцев. Болотников, оставшись с одними казаками и северскими бродягами, выбитый из Коломенского стана юным *Скопиным-Шуйским*¹⁵, долго держался в Калуге; вытесненный и отсюда, засел в Туле, где присоединились к нему казаки донские, под начальством бродяги *Илейки*¹⁶, выдававшего себя еще при Отрепьеве за ца-

ревича Петра, мнимого сына Федора Иоанновича. С невероятными усилиями, после трехмесячной осады и непрерывного ряда битв, овладев Тулой, полонив и Болотникова, и Лжепетра, царь рассеял главное скопище мятежников и думал без труда управиться с остальными, еще державшимися в Калуге, Козельске и в других городах южной России. Но бедствия только начинались.

В то время, когда Василий стоял под Тулой, в Стародубе Северском явился наконец мнимый Дмитрий, по всей вероятности орудие поляков, и едва ли не жид: по крайней мере так признавал его достоверный современный историк польский, Кобержицкий*. Сысканный и руководимый любимцем Отрепьева, Меховецким, он без труда успел склонить на свою сторону все города северские, уже приготовленные Болотниковым. Главной опорой его, однако, были польские паны, друг за другом спешившие в Россию с сильными дружинами не столько для мнимого Дмитрия, сколько для корысти, князь Рожинский, Тышкевичи, в особенности отважный Лисовский. Самозванец шел к Москве, по дороге, проложенной Болотниковым; всюду встречал усердных доброжелателей до самого Брянска, который остановил его и дал время Василию собрать войско, распущенное по домам по взятии Тулы. Но это войско, вверенное брату царскому Дмитрию Шуйскому, было разбито близ Болхова и с ужасом бежало к Москве. Самозванец шел по пятам его, достиг до столицы и в 12 верстах от нее, по Волоколамской дороге, укрепился в селе Тушине, ожидая добровольной сдачи Москвы.

Семнадцать месяцев стоял *Вор Тушинский* под Москвой. Силы его с каждым днем увеличивались. Весь запорожский кош пришел к нему на помощь. Казаки, по выражению современников, как муравьи, рассеялись по русской земле; пришли и новые дружины из Польши, под начальством знаменитых в то время удальцов, из которых прославился храбростью и разорением русской земли староста Усвятский, *Ян Сапега*¹⁷; более же всего содействовало успеху *царика* соединение его с Мариной, которая, по-

* Жидом он назван и в грамоте царя Михаила к Морицу, принцу Оранскому. Авраамий Палицын считал его поповским сыном, Матвеем Веревкиным. По словам Петрея, он был белорус из местечка Сокола.

лучив свободу возвратиться в отечество, явилась в Тушино и отдалась Самозванцу, вопреки обещанию не признавать его своим мужем. Бессовестный поступок ее, убедив многих в истине молвы о спасении Димитрия, поколебал и Москву: легковверные стали толпами переходить к царю. Мязтеж готов был вспыхнуть в столице. Непредвиденное обстоятельство спасло Василия от рук злодея.

Ожидая неминуемой покорности Москвы, Самозванец отрядил Сапегу и Лисовского к Троицкой лавре, чтобы овладеть ее несметными богатствами, и сверх всякого чаяния встретил упорное сопротивление. Основанная среди оврагов и гор в половине XIV века св. Сергием Радонежским, разрушенная Едигеем, возобновленная в начале XV века преподобным Никоном, Троицкая Сергиева лавра в половине XVI века была обведена каменной оградой, высотой в 4 сажени, толщиной в 3, с башнями и глубоким рвом. Иоанн Грозный, благоговей к памяти св. Сергия, благословившего Димитрия Донского на борьбу с Мамаем, не щадил ничего для его обители, привлекавшей святостью своего основателя ежегодно несметные толпы молельщиков: построил в ней два великолепных собора, каменный дворец и несколько зданий для монашествующих; возвел игумена на степень архимандрита, дал ему несудимую грамоту, подчинил ведению его 11 монастырей и все отчины монастырские, рассеянные по всей России, освободил от пошлин и оброка. В начале XVII века в них было до 100 000 крестьян; а в ризнице хранились богатства несметные в монетах, в сосудах, дорогих каменьях и проч.

Кроме надежды на поживу, поляки хотели овладеть монастырем и для того, чтобы лишить Василия весьма крепкой опоры: обитель давала ему деньги, тревожила грамотами умы в Тушинском стане и высылала по дорогам вооруженных монахов для истребления шаек Самозванца. Осадив лавру с 30 000 войском, Сапега и Лисовский сперва думали взять ее лестью, но без успеха, потом надеялись разгромить твердыни ядрами и около 6 недель палили из 60 пушек: стены тряслись, но не падали. Окруженные со всех сторон неприятелем, вдесятеро сильнейшим, томимые голодом, холодом, ослабленные болезнями, но ободряемые мужественными воеводами, князем Долгоруким и Голохвастовым, еще более упованием на св. Сергия, старцы монастырские, при содействии нескольких сот стрельцов, с

удивительным мужеством более года отражали все приступы храбрейших вождей польских, с искусством разрушали тайные подкопы, неоднократно делали счастливые вылазки и отстояли лавру. Знаменитая осада ее много повредила Самозванцу и спасла Москву: ибо лавра на целые 16 месяцев приковала к своим стенам лучшую часть его войска и отдалила от столицы самых опасных врагов, Сапегу и Лисовского.

Но пример Сергиевой лавры не находил подражания в городах: они большей частью без битвы сдавались шайкам Самозванца, бродившим во всех направлениях от столицы. Один Ростов, ободряемый митрополитом своим Филаретом, дерзнул сопротивляться и был разрушен; все прочие города, откуда Москва ожидала помощи, один за другим признавали царика, даже отдаленный Псков. Под знаменем Москвы остались только Лавра, Переяславль-Рязанский, Смоленск, Новгород, Нижний, Саратов и Казань. Столица, со всех сторон окруженная крамолюю, бунтом, уже колебалась в верности Василию. Доведенный до крайности, он решился прибегнуть к последнему средству спасти себя, к помощи иноземной и через племянника своего, князя Михаила Васильевича Скопина, просил войска у шведского короля Карла IX, предлагавшего союз и помощь, еще при первом явлении Тушинского Вора, которого шведское правительство считало орудием Сигизмунда, непримиримого врага Швеции. Охотно исполняя желание царя, король послал ему на помощь 5 000 воинов, с тем чтобы Василий платил им ежемесячно 100 000 ефимков, уступил Швеции Кексгольм и помог Карлу отнять Ливонию у Сигизмунда. Наемное войско прибыло под начальством шведского генерала *Якова Делагарди*¹⁸, уже знаменитого подвигами в Голландии, впоследствии еще более славного образованием Густава Адольфа. Мужественный Скопин нашел в нем достойного себе сподвижника, равно юного, столь же храброго и искусного, и прежде всего спешил восстановить власть царскую в северных областях от Копорья и Белозерска до Москвы, от Пскова до Муром, изгнанием шаек Самозванца. Подкрепляемый наемниками, он менее чем в полгода очистил все пространство от Новгорода до столицы; выгнал поляков и русских крамольников из Русы, Орешка, Порхова, Торопца, Торжка, Твери, Переяславля, Владимира, Ярославля, разбил Сапегу наголову при Колязине монастыре и, заняв

крепкую позицию в Александровой Слободе, удерживал всю северную Россию в покорности.

Встревоженный первыми победами Скопина, Самозванец спешил решительным ударом низринуть Шуйского с престола и, после нескольких неудачных попыток, в июне 1609 года двинул всю тушинскую силу, около 60 000 человек, на Москву. Столица, уже ободренная славой подвигов юного героя, с живейшим усердием ополчилась за государя и дружным отпором рассеяла многочисленную рать злодея, так, что только оплошность царских воевод дала ему время снова утвердиться в Тушине. Царство обмана исчезло; царство закона восстанавливалось; волнение умов было еще сильно, но уже явно склонялось в пользу Василия: с одной стороны, доблестный Скопин с каждым днем увеличивал число доброжелателей к своему дяде; с другой, поляки, клеветы Самозванца, опустошая города и села, не шадя ни врагов, ни друзей, возбуждали всеобщую ненависть к виновнику народных зол, и только закоснелые мятежники упорствовали в бунте.

В то самое время, когда все благоприятствовало Василию, и Москва с нетерпением ожидала Скопина, чтобы истребить Тушинского Вора, Сигизмунд III, доселе тайно вредивший государю московскому покровительством Самозванца, вступил явным неприятелем его в Россию. Сейм, по желанию короля, определил войну за убийство многих поляков, погибших в Москве с Отрепьевым, и за долговременную, бесчестную неволю послов республики, Олесницкого и Гонсевского. Но это было только предлогом; за год перед тем послы королевские заключили с русскими боярами мирный трактат, которым все неудовольствия обеих сторон были прекращены, и Василий, свято исполняя условия договора, устранял всякий повод к неприязни. Истинной виной вторжения Сигизмунда была надежда овладеть московским престолом, внушенная ему немногими крамольниками, личными врагами Василия*, которые уверили польский сенат, что при первом появлении короля в пределах России все государственные чины встретят его с радо-

* Боярином Мих. Салтыковым, князем Вас. Рубцем-Мосальским, Юр. Хворостининым, Плещесвым, Молчановым и Андроновым, трескратно нарушившими присягу.

стью. Он спешил воспользоваться смятениями нашего отечества и сам повел войско к Смоленску, чтобы, взяв его без выстрела, идти к Москве. Вторжение Сигизмунда довершалось бедствия Василия; падение его было неминуемо. Он решился, однако, на борьбу и, сверх чаяния, находил в ней средства утвердить свой престол. Первым плодом войны с Польшей было удаление Самозванца от Москвы: доселе он мог держаться в Тушине только оружием поляков; Сигизмунд, задумав сам искать московского престола, естественно не хотел более покровительствовать ему и требовал, чтобы все поляки, служившие Лжедимитрию, явились в войске королевском. Это повеление взволновало стан тушинский: одни поляки хотели идти к королю; другие, впрочем немногие, остались при царице. Страшась плена, Самозванец бежал в Калугу и засел там с Мариной, уже не опасный для столицы*. Тушино опустело. Правда, избавясь от одного врага, Василий должен был вступить в борьбу с другим, сильнейшим; но Сигизмунд не мог заменить Вора Тушинского: не имея даже мнимого права на корону московскую, он не только не находил в России многочисленных приверженцев, подобно Лжедимитрию, но и вооружал против себя обе главные партии, доселе раздиравшие отечество, Московскую и Тушинскую: они соединились в один русский народ, которому владычество иноземное было ненавистно. При самом вступлении в Россию Сигизмунд убедился, сколь жестоко обманула его надежда на добровольную покорность Москвы: Смоленск, первый русский город, остановил его стремление; мужественный воевода *Шейн*¹⁹ встретил короля не хлебом-солью, а градом пуль и ядер. Между тем, как поляки занялись осадой Смоленска, Василий, уже безопасный от Вора Тушинского, нашел в подданных такое усердие, что мог выслать в поле 80 000 войско, вдвое сильнейшее польского, под начальством брата своего и Делагарди. Король находился в затруднительном положении: он не смел ждть под Смоленском воевод Василия, которые без труда могли рассеять поляков. Ему оставалось или выступить навстречу московской рати, чтобы отразить ее или удалиться восвояси; но в первом случае он опасался оставить в тылу у себя храброго Шейна; во втором боялся

* Там он через год был застрелен на охоте ногайским князем Петром Арасланом Урусовым, в отместку за смерть отца, утопленного в Оке.

мятежа в королевстве, если бы возвратился со стыдом без боя. Таким образом, он думал уже не о московском престоле, а о сохранении своего войска и своей чести, и предлагал мир царю Василию. Все надежды Шуйского рушились смертью Скопина.

Два раза Василий был на краю гибели, и каждый раз спасал его Скопин: в 1606 году от Болотникова решительной победой под стенами Москвы; в 1609 от Вора Тушинского битвами с Сапегой, Лисовским и другими клеветами его. Заслужив любовь всеобщую, беспредельную, только он один поддерживал союз между государем нелюбимым и народом мятежным. Скоропостижная смерть его разорвала этот союз: Москва, погребая 23-летнего стратега своего как единственного защитника, обнаружила непримиримую ненависть к дому Василия, обвиняемому общим мнением народа в смерти героя*. Слух об отраве Скопина поколебал самых верных царю: княжество Рязанское, взволнованное Прокопием Ляпуновым, отошло от Василия; примеру его последовали и другие области. Этого мало: только Скопин мог ладить с наемными иноземцами, людьми разных вер и наций; только для него Делагарди сражался за Василия и обуздывал свое войско, часто роптавшее за недоплату жалования. Усердие шведского генерала тем более охладело, что военачальником назначен царский брат Дмитрий Шуйский, воевода неискусный, нелюбимый и притом подозреваемый в злодействе, опечалившем всю Россию. Таким образом, смерть Скопина, отняв у Василия искусного полководца, лишив его и любви народной, и усердия иноземной дружины, приготовила падение его дома. Царь мог выслать сильное войско против Сигизмунда; но умы уже волновались; в самой Москве мятеж готов был вспыхнуть; требовалось одного удара, чтобы рассеять московскую рать и низринуть царя. Этот удар нанес ему Жолкевский.

Узнав о движении московского войска на помощь Смоленску, Сигизмунд отрядил против него коронного гетмана Станислава Жолкевского, которому не мог дать, впрочем, более 3 000 человек. С горстью людей смелый гетман углубился в Россию, чтобы не только отразить во-

* Пируя у царского брата Дмитрия Шуйского, Скопин выпил чашу, поднесенную женой его, и в тот же день умер, исходя кровью.

евод царских, но еще овладеть Москвой, свергнуть Василия с престола и возвести на него королевича Владислава, как желали того весьма немногие крамольники. 24 июня 1610 года он напал на пятидесятитысячное войско московское при селе Клушине, близ Царева Займища. В пылу сражения шведы и другие наемники наши передались неприятелю, вопреки всем усилиям Делагарди удержать их от столь бесчестного поступка. Дмитрий Шуйский оробел и бежал; за ним бросилась вся рать его и рассеялась; дорога к Москве была открыта. Первым следствием сего поражения было всеобщее восстание городов и появление Самозванца под стенами Москвы с надеждой овладеть ею до прибытия поляков; вторым низвержением Василия: жители столицы, подстрекаемые Захарием Ляпуновым, братом воеводы рязанского, свели царя с престола и силой постригли его в монахи. Жолкевский спешил воспользоваться плодами своей неожиданной удачи: предложил москвитянам в цари *Владислава*²⁰ и отправился к столице.

3. Междуцарствие (1610 — 1613)

После сведения Василия с престола дума боярская, приняв верховную власть, приглашала все города к восстанию, к присылке людей ратных и государственных чинов для избавления Москвы от неприятелей и для избрания государя всей землей. Между тем в столице составились четыре партии: одна, руководимая Ляпуновыми, надеялась восстановить тишину в России избранием царя по единодушному определению земской думы; другая, главою коей был князь Мстиславский, для спасения царства предлагала скипетр Владиславу; третья, самая слабая, хотела Тушинского Вора; народ же, вняв гласу патриарха Гермогена, желал видеть на престоле *Михаила Романова*²¹. Появление Жолкевского под стенами Москвы решило вопрос в пользу королевича: 17 августа 1610 года гетман заключил с боярами договор, по которому Владислав объявлен царем российским, с властью наследственной, но ограниченной духовенством в делах веры, боярами в правосудии и управлении. Владислав не имел права: 1) строить иноверные храмы, отнимать у церквей имущества и вступаться в дела святительские; 2) без согласия бояр не мог изменять судебник

как основание гражданского правосудия, казнить смертью, лишать имущества, вводить новые налоги; 3) до вступления на престол обязан был принять православную веру, прекратить связь с папой, утвердить смертную казнь для всякого, кто переменит греческий закон, принять все титулы царские и жениться на россиянке. С такими условиями Москва присягнула королевичу беспрекословно; за Москвой многие города: Рязань, Тверь, Владимир и другие. Торжественное посольство, главою которого были ростовский митрополит *Филарет*²² и боярин князь Василий Голицын, отправилось к Смоленску с предложением престола всей Русской земли сыну Сигизмунда; между тем поляки, вопреки договору, вступили в Москву и заняли кремль. Сверженный царь вскоре отправлен в Польшу пленником, там он и умер после двухлетних страданий, в неволе.

Сигизмунд, не довольствуясь видеть венец Мономаха на главе своего сына, хотел сам царствовать в России; соглашался на предложение московских послов, но под разными предлогами не отпускал Владислава; требовал прежде всего сдачи Смоленска, от своего имени давал повеления боярской думе, награждал царской казной своих доброжелателей, жаловал чины и поместья. Дума, составленная из людей недалёковидных, из бояр Мстиславского, Куракина, И. Н. Романова, Шереметева, Нагова, Лыкова, Трубецкого, окруженная сверх того польскими войсками, исполняла волю короля, называла его в своих грамотах самодержцем всей Руси и неоднократно предписывала Шеину сдать Смоленск. Шеин не повиновался, объявив, что он готов присягнуть Владиславу, а королю Смоленска не отдаст. В том же смысле вели переговоры и послы московские, требуя немедленного прибытия королевича в Москву, на основании заключенного с Жолкевским договора. Сигизмунд медлил; напрасно сам гетман, покинув столицу, спешил образумить короля, представлял ему очевидную невозможность властвовать в России, грозил в случае упорства всеобщей войной: все убеждения его были тщетны. Король хотел непременно овладеть Смоленском, считая отступление бесславием и надеясь на легкое завоевание государства Московского. Проникнув в его замыслы, без надежды на успех своего посольства, Голицын и Филарет дали знать патриарху о грозящей опасности. Шеин, со своей стороны, о том же известил всю Россию.

Гермоген, по низложении Шуйского предлагавший возвести на престол Михаила Романова, долго не соглашался признать королевича царем, из опасения за православие. Умный Жолкевский успокоил его совесть, заслужил его благоволение и убедил согласиться на избрание Владислава, дав слово, что он примет закон греко-русский. Вести от послов московских обнаружили замыслы Сигизмунда, тут восьмидесятилетний старец, строгий блюститель веры и законов, непоколебимый столп православия, возвысил красноречивый голос в защиту церкви, отечественных уставов, государственной независимости, разрешил Москву от присяги Владиславу, разослал грамоты по всем городам с призывом к спасению веры и благословил Шеина на упорную защиту. Тщетны были убеждения боярской думы, советовавшей ему успокоить умы и покориться воле Сигизмунда; тщетны были и угрозы поляков: он проклял изменников и звал верных под знамена церкви и отечества. Воззвания Гермогена потрясли всю Россию; города вооружались с беспримерным единодушием, сообщались один с другим, пересылая грамоты патриарха; не хотели признавать ни Сигизмунда, ни Владислава; думали только о спасении царства от ига иноземного и клялись в непримиримой ненависти к чужеплеменным притеснителям отечества.

Гермоген был душой народного восстания; Прокопий Ляпунов руководителем. В одно время читали его убедительные грамоты вместе с патриаршими от Рязани до Вологды, от Великого Новгорода до Нижнего. Он указывал цель и средства к тому, чего требовал Ермоген; назначал, когда полки должны выступить, где соединиться и к какому сроку обложить Москву, чтобы вырвать ее из рук поляков. Воззвания Ляпунова довершили всеобщее волнение: все сословия ополчились единодушно; дружины 25 городов двинулись к Москве, почти в одно время, в начале весны 1611 года: сам Ляпунов выступил из Рязани с полками рязанскими и северскими, князь Дм. Трубецкой из Калуги; атаман Заруцкий из Тулы, князь Репнин из Нижнего, князь Масальский из Мурома, князь Пронский из Романова, Мансуров из Галича, Нашокин из Вологды, князь Волконский из Костромы, Волынский из Ярославля, Измайлов из Владимира, атаман Просовецкий из Суздаля, Вельминов из Новгорода.

Узнав о восстании городов, Москва уже не таила своей злобы к полякам и нетерпеливо ожидала первого знака, чтобы истребить своих злодеев. Появление передовой дружины Ляпунова, под начальством князя *Пожарского*²³, взволновало столицу: народ бросился на кремль, где засели поляки в числе 5 000 человек, с 2 000 немцев, под главным начальством Гонсевского. Враги, чтобы отвлечь озлобленных москвитян, зажгли столицу; пожар быстро разлился по всему городу и вскоре обратил его в пепел. Гонимые более огнем, чем оружием, жители не могли ни овладеть твердынями кремля, ни спасти своих домов, объятых пламенем, и рассеялись по всем дорогам. Пожарский, тяжело раненный, отступил; Гонсевский же, подкрепленный полковником Струсем, пробившимся сквозь русские полки среди пылающих развалин, удержал за собой кремль и заключил патриарха в темницу.

Дружины городовые, по распоряжению Ляпунова, подступили к Москве в одно время и увидели только пепелище, среди коего стоял неприступный кремль и каменные башни Китай-города, занятые поляками. Ляпунов и сподвижники его вытеснили врагов из Китая, но не могли овладеть кремлем. Осада длилась, вожди действовали без общего плана, завидовали и не помогали друг другу. Тщетно выборные из войска, приняв на себя звание земской думы, старались устранить зло, вручив верховную власть трем воеводам, Ляпунову, Трубецкому и Заруцкому, с правом собирать государственные подати для земского дела, раздавать поместья, награждать и наказывать: осаждающие разделились на три партии, одна другой неприязненные; верные отечеству пристали к Ляпунову; все бродяги, служившие некогда Вору Тушинскому, к боярину его Трубецкому, хотевшему быть единственным, главным военачальником; казаки к Заруцкому, который таил замысел овладеть Москвой для Марины, чтобы вместе с ней царствовать именем сына ее. Гонсевский умел пользоваться распрями русских вождей, искусно сеял между ними раздоры, сносился с Заруцким и успел наконец погубить главного поборника государственной независимости; Ляпунов пал жертвой злодейского замысла. Гонсевский составил от имени его подложную грамоту о мнимом намерении истребить всех казаков и подослал ее в русский стан; казаки, подстрекаемые Заруцким, взволновались и умертвили Ляпунова.

Смерть Ляпунова рушила состав народного ополчения, дружины его, служившие вере и отечеству, потеряв вожда, рассеялись по своим городам; Трубецкой и Заруцкий остались под Москвой, но только для того, чтобы присягнуть новому самозванцу, беглому дьякону Исидору, принявшему имя Димитрия в Пскове; Казань и вятские города провозгласили царем сына Марины; Новгород избрал шведского королевича Филиппа и отдался генералу Делагарди; Смоленск был взят Сигизмундом; доблестный Шеин отведен пленником в Варшаву, вслед за Голицыным и Филаретом; последняя надежда истинных сынов отечества, Ермоген погиб в душевной темнице. Хоткевич, сменив Гонсевского, занял кремль свежим войском и только ждал Сигизмунда, чтобы сдать ему Москву; между тем вместе с Сапегою и Струсем громил области Тверскую, Владимирскую, Ярославскую, встречая единственно нестройные толпы крестьян и шайки шишей, или партизанов. Россия была в каком-то ужасном оцепенении. Одна Троицкая лавра, неусыпно бодрствуя за Москву, скликала вновь защитников св. веры и не находила: неудача первого восстания охладила усердие городов; они читали грамоты лавры с умилением и отвечали ее призывам скорбным молчанием. Но бедствия России достигли наконец предела.

В то время, когда Россия была беззащитной жертвой иноземцев или злодеев, когда все в ней падало, рушилось, разрывалось, среди всеобщего оцепенения умов, в Нижнем Новгороде муж рода незнатного, смысла мудрого, души великой, *Козьма Минин*²⁴ сказал согражданам, что отечество гибнет, что Москва вскоре будет в руках Сигизмунда, что пришло время стать за веру и Россию: «Ополчимся стар и млад, говорил Минин, найдем людей ратных, продадим свои дома, заложим жен, детей и выкупим отечество». Нижегородцы исконе славилась преданностью закону и усердно стекались на зов Минина, с радостью приносили на городскую площадь все, что им было драгоценно, для найма ратных людей, и сами вооружались. Вскоре составилось сильное ополчение. Минин избрал военачальником нижегородской рати славнейшего из сподвижников Ляпунова, князя Дмитрия Михайловича Пожарского, озаменованного рапами в битвах с поляками среди пылающей Москвы; но сам был при нем безотлучно, руководил дейст-

виями вождя, участвовал во всех его предначертаниях, распорядился общественной казной и, как гений-хранитель, одушевлял полки бескорыстной любовью к отечеству. Для вернейшего успеха, при самом начале восстания, Минин принял титул *выборного человека всего московского государства*. Нижегородцы были представителями России; союзников их общее мнение признавало друзьями отечества, противников врагами. Состав нижегородского ополчения отличался и целью и основанием от войск, собранных Ляпуновым: воевода рязанский созывал дружины без разбора, русские, казацкие, польские, и хотел, очистив Москву от поляков, провозгласить царем шведского принца, полагая, что только иноземец державного племени мог властвовать в России, и что всякой другой будет снова жертвой зависти и крамолы, подобно Годунову и Шуйскому. Минин, напротив того, решился возвести на престол кого Бог даст, кого изберет вся Русская земля, и для этой цели созвал под знамена Пожарского одних истинных сынов отечества, отвергая всякую помощь иноземную*.

Ровно через год после восстания Ляпунова в Рязани поднялись нижегородцы на святое дело, на спасение отечества, под знаменем Пожарского, по мысли Козьмы Минина. Дружины городов низовских, окраинных и поморских, спешили с ними соединиться. Сборным местом назначен был Ярославль. Войска горели нетерпеливым желанием очистить Русскую землю; князь удерживал их рвение и около полугода простоял в Ярославле. Виной этой медлительности, непонятной для современников, были многие важные обстоятельства: надлежало образумить князя Трубецкого, присягнувшего под столицей Псковскому Лжедмитрию, чтобы избежать ссоры с его войсками; надобно было очистить все пространство между Москвой и

* Подробности о Минине неизвестны; знаем только, что он торговал мясом или, как говорят летописи, был художеством говядарь и заведовал Нижегородским посадом в звании старосты. О Пожарском сохранилось более сведений: он родился в 1578 г., в 1598 в числе стряпчих подписал избирательную грамоту о возведении Бориса Годунова на престол; в 1608 разбил наголову тушинских злодеев недалеко от Коломны; в 1609 рассеял скопище разбойников атамана Салькова; в 1610 при всеобщем волнении удержал Зарайск в верности Василию; в 1611 бился под Москвой и, раненый, отвезен в Троицкую лавру, отсюда в свою отчину Нурецкую волость, где явился к нему Минин. Он имел звание стольника и пожалован прямо в бояре при Михаиле Федоровиче.

Новгородом от шаек Хоткевича, Лисовского и Струся, завладевших даже многолюдными городами, чтобы не лишиться себя содействия северо-восточного края; в особенности было необходимо переговорить с новгородскими послами относительно избрания царем шведского королевича. Устроив все дела в Ярославле, убедив Трубецкого презреть Самозванца, изгнав поляков из северо-восточных городов, отклонив новгородцев от шведского королевича, Пожарский в августе 1612 года двинулся к Москве, в самое решительное время, когда Сигизмунд шел уже к пределам России, чтобы короновать Владислава.

20 августа 1612 года нижегородская рать явилась под Москвою и на другой день вступила в жестокую битву с гетманом Хоткевичем, который, незадолго перед тем выступив из столицы для сбора, по обыкновению, съестных припасов, возвращался с целым обозом и хотел пробраться в кремль. Пожарский бился с ним трое суток, по словам летописца, не слезая с коней, в четвертые одолел: гетман, разбитый наголову, бежал в Литву. Но храбрый сподвижник его Струсь не хотел сдать кремль и оборонялся до последней крайности; поляки терпели все ужасы голода и ждали Сигизмунда, который, узнав о поражении Хоткевича, ускорил поход. Время было дорого; при короле находился и Владислав: одно имя его могло уничтожить все усилия русских, тем более, что полки Трубецкого, скопища бродяг, обнаруживали явную неприязнь к нижегородцам. Сам Трубецкой, гордясь званием боярина, которое дал ему Вор Тушинский, не хотел действовать заодно со стольником Пожарским. За Россию бодрствовал Козьма Минин: при содействии келаря Троицкой лавры Авраамия Палицына он примирил военачальников; в час решительного приступа казаки Трубецкого поддержали нижегородцев: 22 октября 1612 Струсь положил оружие и сдал кремль. В то самое время Сигизмунд был уже под Вязьмой, не смея идти далее, он вступил в переговоры с московскими воеводами; все предложения его были отвергнуты; он хотел овладеть по крайней мере Вязьмой, и был отбит; думал взять Волоколамск, и тут не было успеха. Недостаток в съестных припасах, жестокая стужа и победы русских воевод принудили его возвратиться восвояси. К концу 1612 года Москва и вся средняя Россия торжествовала свое спасение.

IV. ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА РОМАНОВА НА ЦАРСТВО (1613)

Освободив Москву от армии Сигизмунда, Пожарский разорвал последние узы, связывающие судьбу России с именем Владислава. Уже около двух лет, с тех пор как Ляпунов вооружил все сословия на поляков, народ не хотел слышать о королевиче; но не решался приступить к избранию царя, доколе столица была в неволе. Свобода ее казалась необходимым условием государственной независимости: только в Москве русские привыкли видеть своих царей; там они венчались и державствовали, сосредоточивая в своем лице все источники гражданской жизни и деятельности; там покоились и бранные останки их. Без Москвы, при всей злобе к Сигизмунду, при всех бедствиях *безгосударственного*, ненавистного времени, русские на могли отнять скипетр у Владислава и вручить его иному лицу. Наконец она была свободна. Вожди народного ополчения известили все государство о спасении града первопрестольного и призывали лучших, разумных людей для избрания государя всей земли. Выборные большей части городов, светские и духовные, не замедлили явиться и составили земский совет. Но вопрос, кому вручить царство, привел всех в недоумение. Общий голос требовал царя православного, русской крови, который мог бы примирить все партии и спасти отечество от притязаний иноземцев: кто же, бояре ли, знаменитые заслугами, люди ли родословные, потомки Рюрика, родственники ли последних двух царей, имели более права на престол, земский совет долго не мог решить. Избиратели были несогласны в основных понятиях о праве, и крамолы уже разделяли их на партии. К счастью, Ермоген и по смерти хранил Россию. Все знали, кого желал благословить на царство великий мученик за веру и отечество; мысль его озарила все умы ярким светом: земский совет, внимая замогильному гласу его, как гласу неба, решился признать государем того, кто уже самым рождением был исключен из круга подданных, и 21 февраля 1613 года единодушный выбор пал на Михаила Романова, *благоцветущую отрасль благородного корня*. В тот же день вся Москва ему присягнула. За Москвой присягнула вся Россия с тем же единодушием, прежде чем послы земского совета успели прибыть в Костромскую Ипатьевскую обитель,

где находился Михаил с матерью своей, старицей Марфой, не ведая и не помышляя о великом назначении своем*.

Михаил до 16 года своей жизни, до самой той минуты, когда вся Россия признала его своим государем, был чужд не только дел правления, но и самого света: пяти лет разлученный с отцом, он провел отроческие годы большей частью в келье монастырской при горестной матери, неволей постриженной в монахини, и вышел на свет только для того, чтобы видеть все бедствия разрушенной Москвы, томиться в тяжком плену и едва не погибнуть под ножами злодеев**. Не думая никогда о престоле, он с трепетом слушал послы земского совета, предлагавших ему царство, и решительно отказался от короны. Его ужасала мысль, что русские избрали и свергли уже четырех царей, что отец его, пленник Сигизмунда, будет жертвой мести, что государство, разоренное, истерзанное, погибнет среди новых мятежей, которых не в силах укротить слабая рука неопытного правителя. Он видел перед собой бездну, куда влекли его против воли как жертву невинную. С трудом убедили его послы вступить в храм св. Троицы для выслушивания соборного послания; тщетно молили его спасти отечество: Михаил был непреклонен. Духовенство и бояре прибегли к последнему средству, взяли св. иконы, пали перед ним на колени со всем народом и объявили, что, избранный самим Богом, он не имеет права снять воли Божьей, что от-

* Михаил Федорович, сын боярина Федора Никитича (в монашестве Филарета), родного племянника Анастасии Романовны, первой супруги Иоанна Грозного, матери последнего царя Рюрика рода, Федора Иоанновича, родился в правление дяди, царя Федора, 12 июля 1596 г. и был единственной отраслью древнего царского дома по женской линии. Дед его, Никита Романович, был женат на Евдокии, дочери кн. Александра Горбатого, потомка князей Суздальских.

** Отец Михаила, боярин Федор Никитич Романов, по наветам злых людей в июне 1601 года сослан царем Борисом в Сийскую Антонисву обитель и там пострижен с именем Филарета; мать его, Ксения Ивановна, урожденная Шестова, также постриженная под именем Марфы, заключена в Заонежский погост; 5-летний Михаил с теткой кн. Марией Никитичной Черкасскою отправлен на Белоозеро. В марте 1602 Борис, убежденный в невинности Романовых, облегчил их участь: Филарет посвящен в архимандриты; Михаил же отдан матери, которая удалилась в свою отчину Клин, а в 1606 году в Ипатьевский монастырь. Жолкевский, опасаясь прав Михаила, отдал его Гонсевскому; он находился в Москве до прибытия Пожарского, испытал все бедствия осажденной столицы. Когда общий голос призвал его на царство, шайка поляков хотела умертвить его: он спасен незабвенным Сусаниным.

каз его погубит государство, что он и мать его будут отвечать перед судом Всевышнего за гибель отечества, за падение православной веры. Михаил не мог более противиться, и 3 марта 1613 года изрек торжественно: «Если того хочет Бог, да будет тако!»

Избрание шестнадцатилетнего юноши главой государства, обуреваемого внутренними раздорами, терзаемого со всех сторон хищными соседями, всегда будет украшать страницы истории русского народа как живое, красноречивое выражение одной из главных его добродетелей. Не крамола, не преступные замыслы немногих лиц или сословий, надеявшихся воспользоваться слабостью юного венценосца, чтобы увеличить права свои, возвели Михаила на царство: он признан общим, единодушным голосом всего народа, который наконец десятилетними страданиями убедился, что престол есть святыня, доступная только тому, кого избрало Провидение, что никакие таланты, никакие заслуги не спасут державы от неурядиц, если верховная власть будет вручена лицу не царской крови. Эта мысль выражалась, впрочем, всегда в понятиях и действиях русского народа, и едва ли не живее, чем в других гражданских обществах: самая привязанность к самозванцам проистекала из того же источника; но чудное стечение обстоятельств уклонило наших предков от правила, которому столько веков они были верны. Жестокий урок наконец образумил их; они выпутались из сетей, так хитро расставленных честолюбцами, нашли царя истинного, законного, нашли его так неожиданно, внезапно, так усердно верили в грядущее благоденствие, что справедливо могли сказать: «*Сам Бог избрал Михаила*»²⁵. При таком ходе событий, вопреки сказанию Котошихина, не могло быть речи об ограничении прав новой царственной династии: ей вручали власть самодержавную в обширном смысле, не предлагая никаких условий; желали только, чтобы «Россия сияла подобно солнцу и на все стороны ширилась, как при царе Федоре Иоанновиче, чтобы окрест ее все было в подданстве и послушании, а внутри царствовали мир, тишина и православие». Со своей стороны все сословия дали клятву: 1) служить Михаилу и потомству его без всякой хитрости; 2) не искать другого государя; 3) биться с врагами и изменниками его, не шадя голов своих; 4) исполнять все ве-

ления его беспрекословно; оберегать царское здравие как зеницу ока.

Русские не изменили своей клятве: поддержали юного царя, спасли себя и царство и обрели под скипетром Михаила мир и тишину, как пловцы после яростной бури. 21 февраля 1613 года было пределом государственно-го перелома, неминуемого бедствия при переходе верховной власти от древней династии к новой. Россия, избавясь от него, как от тяжкого недуга, вскоре залечила свои раны и явилась в том же виде, в каком оставила ее древняя династия, не изменив в главных основаниях своего гражданского устройства. Новой династии дана была власть наследственная, самодержавная; все формы государственного организма остались прежние. Тем не менее следствия внутренней и внешней борьбы были ощутимы. Многие города лежали в развалинах; села опустели; государственные доходы пресеклись; целые области остались без воевод и других сановников; земское управление ослабло; повсюду обнаруживались шайки грабителей; везде и во всем царствовал беспорядок. Но главнейшим плодом была взаимная вражда России и Польши: мы не могли простить полякам вероломного вмешательства в наши неурядицы, грабежей и кровопролития; они злобились на нас за неудачу в своих замыслах, за гибель своих единоплеменников.

ГЛАВА VII

ЦАРСТВОВАНИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ ДО ПЕТРА ВЕЛИКОГО

I. МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1613—1645)

При вступлении Михаила на престол состояние России было ужасно: города пограничные, служившие ей оплотом, находились в руках иноземцев или злодеев; в Кексгольме, Орешке, Копорье, в самом Новгороде господствовали шведы; в Смоленске, Дорогобуже, Путивле, Чернигове — поляки; псковские пригороды были добычею Лисовского; Рязань, Кошира, Тула с трудом отбивались от татар крымских и ногайских; в Астрахани злодействовал Заруцкий; в Казани гнездилась крамола. Внутри государства, близ городов и монастырей, еще не разрозненных, обещавших поживу грабителям, в виду самой столицы, бродили шайки казаков донских и запорожских, целые отряды поляков и татар. Вся земля была опустошена, люди ратные умирали с голода, сбор земских повинностей прекратился; в казне не было ни копейки. Царские сокровища, драгоценные короны, скипетры, каменья, сосуды, все было расхищено и отвезено в Польшу. Престол юного государя окружали царедворцы разных партий — и клеветры Годунова, и слуги Отрепьева, и защитники Шуйского, и доброжелатели Владислава, самые сообщники вора Тушинского, люди противоположных понятий, но равно честолобивые, непреклонные там, где дело шло о местничестве. Сословия низшие, озлобленные десятилетними бедствиями, уже привыкали к безначалию и не без труда признавали власть закона.

С упованием на одного Бога Михаил принял венец царский и, к удивлению потомства, совершил свой трудный подвиг с редким успехом. В шестой год его правления Россия наслаждалась уже миром, и только потеря Смоленска с утратою городов при Финском заливе, напоминала ей минувшие бедствия. Нет сомнения, что все сословия, утомленные безначалием, всеми силами поддерживали юного государя, не щадя за него ни жизни, ни имущества, что неоспоримое право на престол было крепчайшею опорою его, и что опытные бояре руководили им своими советами. Тем не менее Михаилу принадлежит слава благоразумного правителя, соединившего в себе все необходимые качества для успокоения государства. Величайшее искусство, которого не имели ни Годунов, ни Шуйский, состояло в том, чтобы не охладить к себе любви подданных. Умы же в то время так были раздражены, так легко принимали всякого рода впечатления, что с одной стороны каждый неверный шаг вел в бездну, с другой каждая мудрая мера скрепляла союз государя с подданными. Чистый в совести, непричастный ни одной партии, Михаил покрыл забвением все прежние грехи своих царедворцев: не хотел знать, кто был приверженцем Годунова, Отрепьева, Шуйского, вора Тушинского или Владислава, не возвышал никого, самых сродников своих, на степень царских любимцев, каждому давая дело по способностям; щадил права людей родословных, разбирал их споры в случае местничества, оправдывал правых, строго наказывал виновных. Перед судом его все были равны. Сам Пожарский, через год по изгнании поляков из Москвы был выдан головою за неправоe местничество. Суд нелицеприятный, кротость без слабости, твердость без жестокости приобрели Михаилу всеобщую любовь высших сословий. Низшим угодить было нетрудно: народ благословлял небо, даровавшее отечеству царя православногo, царской крови, спасителя веры, прав, нравов и обычаев, более ничего не требовали.

Но в первые шесть лет правления Михайлова Россия должна была употребить невероятные усилия, чтобы избавиться от врагов, теснивших ее со всех сторон извне, терзавших внутри. В одно и то же время она вела войну с Заруцким, с Сигизмундом, с *Густавом Адольфом*¹, с татарами крымскими и ногайскими, с отрядами казаков и поляков, гнездившихся в городах и селах. Правительство обнаружи-

вало деятельность удивительную; усердие было всеобщее, враги нередко одолевали наши войска, били воевод и являлись под самую Москву, но нигде не встречали изменников: все сословия стояли грудью за царя православного; неприятели исчезли один за другим и оставили нас в покое.

Безрассудной политикой лишив сына московской короны, легкомысленный Сигизмунд еще надеялся поправить свою ошибку и возвратить то, что было уже невозвратимо. Около 4 лет он не приступал, однако, к решительной борьбе с Михаилом и дал ему время управиться с Заруцким, примириться с Швецией, обуздать внутренних мятежников. Сигизмунд был не в силах вредить нам: в Польше царствовало всеобщее волнение; на сеймах упрекали короля в бесполезных тратах; войска, участвовавшие в московском походе, требовали недоплаченного жалованья; шляхта не хотела идти в Россию, доколе не получит денег вперед, а у короля не было ни гроша. Образовались три сильные конфедерации, которые, захватив королевские поместья, лишили Сигизмунда всех средств к продолжению войны с Россией. Он прибегнул к интригам, предлагал вступить в мирные переговоры и решить дело судом цесаря Матфия, склонив его между тем на свою сторону. Бояре и высшие сановники Михаила, с которыми польские вельможи вели переговоры о мире, отвечали им с благородною гордостью: «Нечего нам с государем вашим судиться пред цесарем». Они перечислили все неправды короля, бессовестную осаду Смоленска, вероломное занятие Москвы, плен царя Василия, разрушение столицы, неволю постов Голицына и Филарета, смерть патриарха Гермогена, разорение всей России, поругание святых храмов; объявили, что сам король уничтожил договор Жолкевского, что Владимиру не царствовать в России и что все чины государственные поклялись умереть за Михаила Федоровича. Несколько раз съезжались уполномоченные с обеих сторон и не могли согласиться, требовали, чтобы король возвратил Смоленск, вывел свои войска из России, заплатил миллион рублей за убытки и признал царем Михаила. Поляки и посредники цесарские предлагали одно средство к миру — возведение Владислава на престол московский. Между тем частные неприязненные действия не прекращались, пользуясь очевидным бессилием Сигизмунда, правительство

наше спешило очистить от поляков все города, коими они овладели во имя Владислава: Дорогобуж, Вязьма, Белый были взяты царскими войсками без труда; Смоленск не сдавался, там находился многочисленный отряд польский. После тщетных усилий взять крепость приступом царские воеводы решились обложить ее со всех сторон, чтобы голодом принудить осажденных к сдаче. Эта мера могла иметь успех, но деятельный гетман Хоткевич подоспел вовремя с подвозом съестных припасов, искусною хитростью обманул русских и подкрепил осажденных. Спустя некоторое время Гонсевский разбил царских воевод наголову и принудил снять осаду. Мы действовали слабо под Смоленском, будучи принуждены обратить свои силы на другие опаснейшие пункты.

Более всего тревожило Михаила и его советников скопище злодеев, главою которого был атаман Заруцкий. Узнав о восстании нижегородцев и о походе Пожарского к Москве, Заруцкий удалился с Мариною на берега Дона в надежде найти усердных ей защитников в земле донских казаков. Правительство с величайшею деятельностью спешило уничтожить его замыслы, послало на Дон богатые дары, чтобы удержать казаков в повиновении законному государю, и отправило несколько отрядов для преследования Заруцкого. Разбитый царскими войсками близ Воронежа, он бросился к Волге, овладел Астраханью, провозгласил Марину царицею и просил помощи у шаха персидского. Князь Одоевский вытеснил его из Астрахани, загнал в море и, в июне 1614 года схватив на Яике, представил с Мариною в Москву. Заруцкий был посажен на кол, Марина кончила жизнь в темнице, сын ее повешен.

Казнь Заруцкого усмирила беспокойный Дон. План Марины пресек все новые попытки самозванцев, но еще стоило большого труда подавить издыхающее безначалие: весь северо-восточный край был добычею злодеев. Казаки донские и малороссийские, запорожцы, холопы боярские гнездились в городах и селах, грабили беззащитных жителей и в конце 1614 года соединились в грозное скопище, избрав атаманом Баловню. Все пространство от Твери до Вятки и Вологды, от Белозерска до Углича и Нижнего было опустошено. Тщетно государь старался смирить их мерами кротости, обещая забвение всего прошедшего и цар-

скую милость, тщетно духовенство старалось обуздать их верою: они упорствовали в мятеже. Выслано сильное войско, боярин Лыков преследовал грабителей неумолимо от Вологды до Москвы, разбил их наголову в виду столицы и загнал на Украину.

В то время, когда Одоевский умирал юго-восточный край, а Лыков северо-восток, князь Пожарский напрягал все силы, употреблял все искусство, чтобы избавить Россию от страшного скопища людей разных вер и наций, преимущественно польских удалцов, злодействовавших под начальством полковника Лисовского. Беглец, осужденный в своем отечестве на смертную казнь, сей отважный литвин явился в Россию еще при воре Тушинском, действовал в его пользу, но не делился с ним добычею и смелостью в битвах, разорением городов приобрел в Польше такую славу, что шляхта считала себе за честь служить в отряде *лисовчиков*. Дружина его состояла из самых отчаянных головорезов, брала приступом города многолюдные, не щадила ни пола, ни возраста, ни святыни. По избрании Владислава на русский престол он удалился в Псковскую область, гнезвился там более четырех лет, неоднократно приступал к твердыням Пскова и держал псковитян в бесперывном страхе. В 1614 году Сигизмунд вызвал его к новому опустошению России, сам не имея средств вредить ей. Лисовский явился в южных областях и бил воевод одного за другим. Правительство Михаила, постигая всю опасность, отрядило против него славнейшего из воевод, князя Пожарского. Пораженный под Орлом, Лисовский с неимоверною быстротою переходил от города к городу с огнем и мечом опустошения, разорил Белев, Перемышль. Болезнь Пожарского развязала ему руки: он бросился прямо к северу, разбил при Ржеве Шереметева, оттуда обратился к востоку, тревожил Углич и Кашин, Ярославль и Кострому, Владимир и Муром; от Муroma кинулся в область Рязанскую. Михаил высылал рать за ратью для преследования злодея; воеводы не могли его догнать, часто теряли следы его, и Москва неоднократно вооружалась, ожидая внезапного нападения. Наконец, русские войска настигли его при Алексине и со всех сторон окружили: после жестокой сечи Лисовский пробился и ушел в Комаринскую волость, замышляя новый поход во внутренность России. Внезапная смерть избавила ее от врага лютого.

Избраием Михаила лишенный надежды видеть брата своего на русском престоле, Густав Адольф перестал думать о соединении московской короны с шведскою и решился лучше присвоить одну Новгородскую область под предлогом вознаграждения за понесенные Швецией убытки. Царь выслал войско под начальством князя Трубецкого для изгнания шведов из пределов России: Делагарди не допустил его до Новгорода и в 30 верстах, при Бронницах, разбил наголову. В то же время сам король осадил Псков. Ободряемые мужественным воеводою Морозовым, псковитяне с блестящим успехом отражали все приступы короля, убив на вылазке храброго фельдмаршала его Горна. Упорная оборона Пскова, при деятельном посредничестве английского агента Джона Мерики, побудила Густава снять осаду и склониться на мирные предложения. Он удалился с братом своим в Швецию, уполномочив Делагарди вступить в переговоры с русскими сановниками. Вскоре заключен мир в деревне Столбове. Россия уступила Швеции Иван-город, Ямбург, Копорье, Орешек и всю Ингрию, заплатив сверх того 20000 рублей. Король возвратил все прочие города, занятые шведами, Новгород, Старую Русу, Порхов, Гдов, брат его Филипп отказался от всяких притязаний на московскую корону. Невзирая на значительные пожертвования, на потерю приморских городов, столь необходимых нам для отношений с Европою, Михаил торжествовал Столбовский мир как победу, и в знак благодарности к усердию Мерики, бывшего деятельным посредником при заключении договора, позволил англичанам свободную, беспошлинную торговлю во всем государстве: ему нужно было сосредоточить все свои силы для отпора непримиримому врагу России, Сигизмунду.

Еще прежде заключения Столбовского мира Варшавский сейм после неотступной просьбы Сигизмунда определил послать войско в Россию для возведения Владислава на престол московский силою оружия. Главное начальство над коронными войсками принял сам королевич в надежде своим присутствием поколебать верность россиян к законному государю. Гетман Хоткевич распоряжался военными действиями, впрочем под руководством особенных комиссаров, назначенных недоверчивым сеймом. Вступив в пределы России, Владислав без труда овладел Дорогобу-

жем и Вязьмою, где воеводы считали оборону невозможною. Но Можайск, защищаемый храбрым боярином Лыковым, остановил быстрое стремление неприятелей, принудил их целую зиму провести в Вязьме, испытать голод, холод, все невыгоды войны среди народа ожесточенного; окрестные города не думали изменять Михаилу. Ропот в войске, недостаток съестных припасов и неоднократные повеления сейма кончить войну переговорами побудили Владислава предложить мир. Русское правительство между тем приняло все меры к защите Москвы, куда с усердием спешили городовые дружины со всех сторон, и не хотело слышать о мире, доколе неприятель не выступит из русских пределов.

Не взяв Можайска, поляки хотели овладеть по крайней мере городком Борисовым, близ Можайска, чтобы открыть путь к Москве, но и там не было успеха. Эти неудачи, при непрестанных спорах королевских комиссаров с Хоткевичем, при неплатеже жалованья, так озлобили своевольную шляхту, что она толпами удалялась из Можайского стана и спешила восояси. При Владиславе осталось не более 1000 человек регулярного войска, с несколькими сотнями лисовчиков. Он не знал, на что решиться, и уже думал отступить с бесславием, без всякого успеха, как неожиданно прибыл к нему запорожский гетман Сагайдачный, которого склонил Сигизмунд золотом поспешить на помощь сыну. Гетман привел в стан королевича 40000 казаков испытанного мужества. Ободренный Владислав, оставив Можайск, двинулся прямо к столице и из Тушинского лагеря отправил к Михайловым боярам грамоту, которой требовал немедленного повиновения, грозя в случае непослушания мезтью. Бояре возвратили ее без ответа. Королевич решился взять Москву штурмом: приступ был неудачен. Окольный Годунов, защищавший Арбатские ворота, на которые направлены были силы неприятельские, отбил врагов с полным успехом. Владислав желал мира. Переговоры открылись на реке Пресне, в виду столицы. Царский уполномоченный, боярин Шереметев, объявил королевским комиссарам, что не будет речи о мире, если они станут называть Владислава царем, и как скоро польские уполномоченные начали доказывать права его на престол московский, он исчислил все неправды короля и удался. Переговоры пресеклись. Владислав возобновил их,

соглашался отказаться от царского титула, но требовал, чтобы все чины московского государства отправили торжественное посольство в Варшаву просить у него прощения в бунте и чтобы уступили ему Псков, Смоленск и города Северские. Бояре отвергли это предложение с негодованием. Королевич отступил к Троицкой лавре, где намерен был зимовать, чтобы весной возобновить войну и разорить вконец все Московское государство. Но войско его не хотело служить без жалованья, а комиссары, исполняя повеления сейма, настаивали о мире. Русское правительство с своей стороны желало избавить Россию от лютых лисовчиков и запорожцев. После продолжительных прений, наконец, заключено было перемирие на 14 лет в селе Деулине (в 7 верстах от Троицкого монастыря). Решено было: все неприязненные действия прекратить, Владиславу отказаться от титула царского, Михаилу от ливонского, черниговского и смоленского. Россия уступила Польше области Смоленскую, Черниговскую и Северскую. Пленников, в том числе Филарета и Шеина, освободили. Владислав отступил и оставил нас в покое.

Мир, прекративший две главные войны, польскую и шведскую, был куплен дорогою ценою. Россия утратила все свои области прибалтийские и отказалась от права на Ливонию, для приобретения которой предшественники Михаила употребляли много усилий; утратила и Смоленск, бывший по своим твердыням и по своему положению надежным оплотом против неприязненной Польши. Но эти утраты далеко уступали тем выгодам, которые доставили оба договора — Столбовский и Деулинский, — государство приобрело независимость, рассчитавшись с Польшей и Швецией. Кроме того, тяжкая борьба с иноземцами за веру, за народную самостоятельность, скрепила неразрывными узами союз Михаила с подданными, не дала времени крамольникам затеять новые мятежи и, украсив страницы русской истории новыми делами храбрости, преданности к престолу, возвысила, облагородила дух народа, ибо здесь дело шло не о завоевании чуждых стран, а о спасении народной чести, царя и веры. Какая борьба могла быть возвышеннее?

Совершив подвиг великий, успокоив государство извне, доставив народу тишину вожделенную, Михаил, немедленно по замирении с Польшею, приступил к другому

делу не менее трудному, к внутреннему устройству. Долговременные войны оставили глубокие следы: целые области запустели, редкий город не пострадал от грабителей, поместья обезлюдели или среди смут перешли от законных владельцев в чужие руки, целые посады городские записались за боярами, чтобы избавиться от платежа городских повинностей. Правительство требовало денег, подданные просили льготы, главный источник государственных доходов, сбор поземельный, при всеобщем неустройстве так был скуден, что государь для содержания войска неоднократно должен был прибегнуть к добровольным приношениям и к чрезвычайным налогам на монастыри и на людей торговых. Беспорядки всякого рода так были многообразны, что требовалось несколько десятилетий для восстановления закона. К счастью России, юный царь имел теперь опытного руководителя в отце своем, Филарете. Немедленно по возвращении из плена, возведенный в сан патриарха, Филарет был не только советником, но и соправителем своего сына. Имя его являлось во всех грамотах наряду с царским, он участвовал во всех государственных распоряжениях и нередко давал указы от своего лица даже по таким делам, которые выходили из круга действий прежних первосвященников, в своих же многочисленных поместьях он управлял безотчетно, собственной властью назначая подати, определяя наказания, и без доклада государю вершил все дела, исключая уголовные. Послы иноземные, вслед за царской аудиенцией, непременно представлялись патриарху, чего прежде никогда не бывало.

Филарет в самом начале своего первосвященничества представил государю все внутренние неустройства и для устранения их предложил меру простую, но весьма важную по следствиям: произвести всеобщую перепись государства. Земский совет, одоббив предложение патриарха, назначил из высших сановников писцов и дозорщиков. Первых послали в города и области неразоренные, вторых в места, пострадавшие от неприятелей. Те и другие должны были составить подробные ведомости о пространстве земель, принадлежавших городам, монастырям, казне и частным лицам, со всеми угодьями, о количестве собираемых с них доходов, хлебом, сеном и разными произведениями, о числе дворов обывательских. Несколько лет составлялись эти ведомости, так называемые писцовые книги. Следствия

были весьма важны: с одной стороны, правительство, зная, с кого требовать и чего требовать, увеличило свои доходы и военные силы; с другой стороны, каждый помещик имел определенный рубеж, далее которого не простирали своего притязания: оттого большая часть споров, тяжб пресекалась сама собою. Почти каждый помещик получил от государя жалованную грамоту, в которой именно было означено, какие ему принадлежали земли и деревни.

Водворяя порядок внутри, государь в то же время старался восстановить прежние отношения России к дружественным державам. Русские послы один за другим отправлялись в Англию, Данию, Нидерланды, к императору римскому, к султану турецкому, к шаху персидскому. Послы иноземные непрерывно являлись в Москве с мирными уверениями. Целью этих сношений были преимущественно взаимные выгоды торговые. Михаил не искал ни плодов европейской образованности, ни новых средств к устройству внутреннему. Во всех делах он неуклонно следовал правилу привести государство в то положение, в котором оставил его последний государь древней династии, царь Феодор Иоаннович. При такой политике новая война с Польшей была неизбежна: безопасность государства требовала возвращения Смоленска и других городов, присвоенных Сигизмундом во время бедствий отечества.

Уже в третий год после примирения с Польшей государь объявил земскому совету, что король нарушает мирное постановление, что Владислав, вопреки трактату, удерживает титул царя и великого князя Московского, что пограничные литовские сановники осваивают русские владения, что в грамотах к двору московскому польские паны пишут укоризны, что турецкий султан Осман, шведский король Густав Адольф и хан крымский убедительно просят вооружиться на общего врага и уже начали военные действия. «Если теперь, говорил государь совету, при таком утеснении, Сигизмунд не хочет дружбы с Россией, чего же ожидать впоследствии, когда он примирится с Турцией и Швецией? И не потеряем ли мы дружбы союзников, если отвергнем их предложения?» Все чины земского совета отвечали государю единодушно, что они рады биться с королем польским, не щадя голов своих.

В самом деле, нельзя было ожидать удобнейшего времени к вознаграждению всех потерь, нанесенных России Польшей. Сигизмунд, вмешавшись в дела Молдавии и войну Семиградского князя Бетлема Габора с Фердинандом II, навлек на себя мщение турецкого султана. Знаменитый Жолкевский был разбит наголову под Цецорою и вместе с войском потерял жизнь в сей несчастной битве; через год султан двинул всеми силами империи, и великий визирь Гуссейн, с 300000 турок и татар, подступил к Хотину, чтобы, овладев им, разгромить Польшу во всех направлениях. Гетман Хоткевич, еще могший заменить Жолкевского, умер в Хотине. Между тем Густав Адольф овладел Ригию, Митавою и завоевал всю Ливонию. Нам стоило только выслать войско, чтобы отнять Смоленск. Михаил, руководимый правилами чести, не хотел начать войну без предварительного объяснения с королем и через посольство требовал удовлетворения в обидах. Благоприятное время было упущено, между тем как двор московский переписывался с варшавским, королевич Владислав, поддерживаемый гетманом Запорожским Сагайдачным, отстоял Хотин, принудил турок отступить и склонил султана к миру, без всякой для Польши потери. Густав Адольф, с своей стороны довольный успехом, завоеванием Риги, заключил с Сигизмундом перемирие при посредничестве Франции. Мы же, после тщетных переговоров, остались при прежних неудовольствиях. Король на все представления нашего двора отвечал новыми обидами.

Оскорбляемый явною неприязнью поляков, Михаил не хотел ждать окончания перемирия и спешил воспользоваться междуцарствием, наставшим в Польше по смерти Сигизмунда. Готовясь к войне упорной и продолжительной, русское правительство заблаговременно приняло все меры к успеху: собрало многочисленное войско, наняло в Англии, Голландии, Швеции дружины иноземные, вызвало из-за границы искусных генералов, инженеров, закупило множество ружей, пушек, пороху, назначило главным полководцем воеводу, знаменитого доблестью боярина Шеина. Целью похода был Смоленск. Шеин обложил его со всех сторон многочисленным войском. Между тем сильные отряды опустошали литовские владения от Батурина до Полоцка. Поляки были изгнаны из всех русских городов между Днепром и Вязьмою. Осада Смоленска про-

должалась 10 месяцев, голландские пушки разбивали стены, подкопы разрушали их, осажденные, томимые голодом, готовы были сдать, но сам Владислав подоспел на помощь, и дела приняли другой оборот.

С войском, вчетверо слабее русского, король отбил Шеина от Смоленска и принудил заключиться в окопах, где русские неоднократно должны были выдерживать стремительные атаки королевские. Вскоре из наступательного положения они перешли в оборонительное. Владислав, как опытный полководец, занял в тылу их Дорогобуж, где был склад съестных припасов. Несколько раз Шеин пытался выйти из окопов, чтобы смелым ударом решить борьбу, но тщетно: войско пало духом. Второстепенные воеводы слабо содействовали главному полководцу, генералы и полковники иностранные ссорились и резались друг с другом, в русском лагере открылись повальные болезни, целые полки бежали в свои области, опустошаемые татарами крымскими, напавшими на нашу Украину по старанию Владислава. Болезни и побеги так ослабили войско, что Шеин из одной Москвы ожидал спасения. Михаил выслал на помощь ему князей Черкасского и Пожарского, но они решились идти не далее Можайска. Шеин вынужден был заключить капитуляцию: оставил королю весь свой лагерь, где было 123 орудия, и вывел одно войско, покрыв бесславием свое знаменитое имя. По возвращении в Москву он был казнен как изменник.

При всех успехах Владислав желал однако мира: войско его роптало, по обыкновению, за невыдачу жалованья, турки, с которыми он вел войну, тревожили его королевство, перемирие с Швецией приближалось к окончанию. Михаил, со своей стороны, еще более желал прекратить столь белственную войну, кроме того, что после поражения Шеина трудно было собраться с новыми силами, он в то же время оплакивал потерю отца, патриарха Филарета, умершего во время Смоленского похода, и заботился о восстановлении Москвы, опустошенной пожаром. Без дальних споров заключили вечный мир близ Вязьмы на речке Поляновке, на основании договора Деулинского.

Одной из главных причин неудачи Смоленского похода было вторжение крымских татар в южные области наши в то самое время, когда Шеин боролся с Владиславом. Ратные люди, узнав о разорении своих городов, толпами бе-

жали из-под Смоленска для спасения семейств и тем ослабили Шеина. Думая обуздать крымцев, Михаил ежегодно посылал им *поминки*, или дары, и в особенности искал дружбы турецкого султана, посредством которого мог удерживать хищников от нападений на Россию. Но так как эта политика не всегда имела успех, и хан, взяв от нас золото, нередко вслед за гонцами приходил с сильным войском опустошать Елец, Ливны, Белев и другие города Украины, то русское правительство прибегло к другим мерам для защиты государства, именно к тем самым, которыми Годунов держал в страхе южных соседей России. Михаил велел оградить Украину рядом оборонительных линий: одну провел от верховьев Хопра через Цну по Сосне до Оки, другую от Воронежа мимо Белгорода до Ворсклы; на этих местах были построены временные остроги и постоянные городки, между прочим Тамбов, Козлов, Нижний Ломов, Верхний Ломов, Оскол и другие. С тех пор татары, по крайней мере, не тревожили самой Москвы.

Отважное дело донских казаков давало Михаилу вернейшее средство к обузданию Крыма. Соединившись с 4000 запорожцев, донцы, под начальством атамана Осипа Петрова, нагрянули на Азов, взяли его штурмом и не хотели возвратить султану. Тщетно приходил несколько раз сам визирь с многочисленным войском для изгнания казаков: целые шесть лет они отбивали все приступы турок и в 1641 году предложили Азов Михаилу. Государь долго не знал, на что решиться: с одной стороны, владея столь важным городом, он мог беспрестанно тревожить хана и отвлекать его от России; с другой стороны, надлежало опасаться упорной войны с Турцией, которая грозила поднять все свои силы. Михаил созвал в Москву земский совет для рассуждения, что делать. Общее мнение было принять Азов и послать казакам войско на помощь. Люди ратные изъявляли готовность идти на самого султана. Миротлюбивый Михаил, испытав в войнах с соседями одни неудачи, решился отказаться от предложения казаков и велел им выйти из Азова, они повиновались. Султан остался по-прежнему союзником государя Московского.

Не успев исторгнуть владения предков из рук западных соседей, Михаил расширил пределы своего государства далеко на восток: большая часть Сибири покорена в его цар-

ствование. Борис Годунов утвердил русское господство на берегах Туры, Тобола, Иртыша и Оби, обложив данью туралинцев, вогулов, самоедов, остяков березовских и нарымских, завоевав степи Ишимскую и Барабинскую, построив города Пелым, Березов, Верхотурье, Тобольское, Сургут, Нарым, Томск и другие. Населенные казаками, пленниками, ссылочными, отчасти казанскими татарами и русскими семействами, эти города держали в страхе мелкие орды и доставляли в Москву огромное количество мехов. Молва о богатствах Сибири привлекала туда людей предприимчивых под именем промышленников: они приходили целыми толпами, соединились с сибирскими казаками и, преследуя зверей, достигли самых берегов Енисея. Поколения татар и остяков, встречавшиеся им на пути, должны были признавать себя данниками московского государя.

Смуты самозванцев остановили стремление промышленников. При всеобщем неустройстве сибирские казаки, не получая из России ни хлеба, ни оружия, оставляли города или с трудом отбивались от хищных киргизов, которые с неудовольствием смотрели на появление русских и старались вытеснить их. Многочисленные приверженцы Кучумова дома ободрились и подстрекали остяков к изгнанию царских воевод. Во многих областях вспыхнули мятежи. Михаил укротил волнение сибирских народов, укрепил построенные Борисом города, населил их русскими, прислал ратных людей и оружие, основал многие слободы, ввел порядок в управлении подвластными народами, разделив их на волости и назначив определенный ясак, или сбор дани мехами, до сих пор зависевший от произвола, во всех городах построил церкви и многие монастыри, вообще старался образовать из сибирского края русскую область и для управления ею учредил особенное ведомство в Москве, под именем Сибирского приказа. Для надзора же за благочестием и для обращения язычников в христианскую веру установил епархию, назначив в Тобольске архиепископом мужа ревностного и просвещенного Киприана, которому потомство обязано достоверными сведениями о первом завоевании Сибири. Киприан знал сподвижников Ермака и составил из их сказаний любопытную летопись.

Между тем предприимчивые промышленники стремились далее и далее на восток, за Енисей. Летом по течению

рек, зимою на лыжах они углублялись в необозримые пустыни и дремучие леса, ловили зверей, боролись с климатом, с татарами, тунгузами и якутами, одолевали мелкие орды туземцев мужеством, искусством и огнестрельным оружием, брали с них ясак и каждую орду объявляли подвластною русскому государю. Многие из вождей их не уступали Кортцу ни в смелости, ни в корыстолюбии. По следам промышленников шли казаки и ратные люди, строили города и остроги, или укрепленные станы, и утверждали власть царя Михаила от берегов Оби до Камчатки. В первые годы его царствования довершено было завоевание западной Сибири до Енисея покорением самоедов и кузнецких татар, вслед за тем обложены данью качинцы, камачинцы и тубинцы, далее тунгузы и буряты, потом якуты, юкагиры и коряки. По мере расширения русского господства возникали города Кузнецк, Енисейск, Красноярск, Братский Острог, Илимск, Якутск и др. В Ибрите установилась ежегодная ярмарка.

II. АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1645 — 1676)

Кротким, благоразумным правлением Михаил достиг той цели, для которой государственные чины призвали его на царство: прекратив все споры за московскую корону, примирив партии, враждовавшие внутри отечества, восстановив власть закона, он утвердил свою династию, так что, казалось, не было перерыва между поколением Иоанна Калиты и домом Романовых. Главный вопрос был решен, но многое оставалось еще неоконченным: продолжительные войны, истощив казну, вынудили правительство ввести разные налоги, обременительные для низших сословий, со всех произведений, сельских и городских, взимались тягостные пошлины в разных видах, установлены откупы, обогащавшие не столько казну, сколько людей частных высшего сословия. Вкравшись, сверх того, многочисленные злоупотребления: люди знатные, пользуясь прежними неустройствами, закрепили за собой целые слободы и посады в городах, избавили их от общественных повинностей и дали им средства отбить промыслы у других городских обывателей. Значительные поместья перешли, вопреки постановлениям прежних государей, в ведение мо-

настырей и, подобно отчинам боярским, пользовались многими выгодами, которых не имели земли государственных. При многочисленных изъятиях, при разных льготах, дарованных частным лицам и обществам, не было равенства ни в платеже податей, ни в суде и расправе. Купечество роптало явно на гостей иноземных, присвоивших исключительное право беспошлинной торговли и захвативших в свои руки всю внутреннюю промышленность. В кругу людей знатных наконец обнаруживался дух вражды по расчетам местничества. Одним словом, хотя прежние партии замолкли, дух мятежа исчез и все сословия изъявляли беспредельную преданность к дому Романовых, но по стечению обстоятельств внутри государства господствовало общее неудовольствие. Не менее затруднительны были и внешние дела. Еще не решен был окончательно вопрос о правах Швеции и Польши на русские области, отторгнутые Сигизмундом III и Густавом Адольфом. Конечно, договорами Столбовским и Поляновским Россия отказалась от древних владений своих по Днепру и при Балтийском море, но Швеция и Польша так неправильно присвоили их, потерянные земли так были необходимы для безопасности России, что мы не могли забыть своей утраты, и невыгодное положение поставляло нас в неминуемую неприязнь к соседям. Малороссия наконец, родная нам по вере и языку, искони подвластная потомству Рюрика, умоляя защиты русского правительства от притеснения поляков, грозила вовлечь нас в войну тяжкую и в случае согласия, и в случае отказа. Преждевременная смерть, унесшая Михаила в цветущих летах, не допустила его решить столь важные вопросы, с которыми соединялась судьба нашего отечества. Он оставил их сыну своему Алексею.

С именем царя Алексея Михайловича потомство привыкло соединять идею государя мудрого, деятельного в устройстве внутреннем, счастливого в делах внешних. Так судят о нем, не зная вполне его деяний, чем более современных свидетельств обнаруживается, тем справедливее становится приговор потомства. Наследовав от отца своего державу, еще не исцелившуюся от ран, нанесенных ей самозванцами и вероломными соседями, бессильную внутри, слабую извне, носившую в недрах семени неустойчивости, взаимного борец сословий, без всякого веса в политической системе западных государств, даже без на-

дежного оплота против неприязненных соседей, ожидавших только случая вновь ограбить и унижить ее, мудрый Алексей оставил своим преемникам государство сильное, благоустроенное, с явным перевесом над опаснейшей соперницей Польшей, со всеми средствами к господству над европейским севером, уважаемое на западе, грозное на востоке и юге.

Великие таланты Алексея Михайловича обнаруживались не вдруг: начало его правления предвещало времена беспечного Феодора. Вступив на престол 16 лет, юный царь не занимался делами государственными, все время проводил в путешествиях по окрестным монастырям или в соколиной охоте, любимой им до страсти. Кормилом государства правили бояре, главой их был *Борис Морозов*². Успев приобрести доверенность Алексея как воспитатель его, Морозов еще более приблизился к престолу, сочетавшись браком с младшей сестрой царицы Марии Ильиничны, первой супруги государя, из рода Милославских, и хотел быть вторым Годуновым, но мог равняться с ним разве одним честолюбием. Насколько Годунов умел заслужить всеобщую признательность мудрым правлением, настолько Морозов навлек на себя всеобщую ненависть ненасытным корыстолюбием. Окружив престол своими родственниками и клеветателями, он скрывал от государя бедствия народные, не думал облегчать их, даже присоединил к ним новые: ввел тягостные налоги, в особенности *на соль*³, отдал в откуп многие необходимые для общежития предметы. Более всего роптал народ на лихоимство судей и с негодованием смотрел на каменные палаты людей приказных. Естественные бедствия, неурожай, голод, падеж скота, частые пожары привели народ в ярость: в Москве вспыхнул страшный *мятеж*⁴, чернь до того озлобилась, что, растерзав двух сановников, дерзнула требовать головы Морозова. Государь для спасения своего любимца сам вышел к народу и ласковой речью укротил недовольных. Морозов был удален, столица успокоилась, но зло распространилось по всему государству. Волнение Москвы отозвалось во многих городах; около четырех лет оно обнаруживалось беспрестанно то в той, то в другой стороне, сильнее всего в Новгороде и Пскове. Новгородцы едва не умертвили своего митрополита *Никона*⁵, и только твердость этого знаменитого святителя могла образумить их.

Псков усмирен был силой оружия, причем пролито много крови. При светлом уме, при добром сердце Алексей постиг истинные причины народных бедствий, не стал верить любимцам, во все вникал сам и обратил самое заботливое внимание на государственное устройство.

Две главные мысли руководили Алексеем в делах внутренних: 1) он желал искоренить многообразные злоупотребления, вкравшиеся со времен самозванцев, 2) старался ввести во всем порядок, согласие, все основать на законе, утвердить добрую нравственность, влияние веры. Он не вводил, подобно великому сыну своему, почти ничего нового, не изменял форм управления, не заботился о народном образовании науками и искусствами, вообще усердно держался прародительских обычаев и уставов, но каждой отрасли тогдашней гражданской деятельности указывал место, давал направление, назначал круг действия. Постоянно следуя системе стройного единства и порядка, он не довольствовался, подобно предшественникам, отдельными узаконениями, но все явления государственной жизни охватывая во всем объеме, издавал целые уставы, где главные случаи были предусмотрены и определены законом.

Прежде всего он старался устроить правосудие как главный источник общественного порядка. Немедленно после московского мятежа государь повелел собору, составленному из лиц духовных и светских, рассмотреть прежние законы, дополнить их, исправить и ввести в общее употребление. Воля монаршая была исполнена князьями Одоевским и Волконским с двумя дьяками. В два месяца с половиной они совершили великий труд: с редкою отчетливостью рассмотрели главные случаи суда гражданского и уголовного, привели их в ясную систему, определили все виды преступлений и каждому из них назначили соразмерное, по тогдашним понятиям, наказание. Выборные из всех сословий, призванные государем для *великого царского и земского дела*, слушали составленный Одоевским и Волконским свод законов, нашли его соответствующим цели и одобрили. Этот свод напечатан и введен в государстве под именем *Соборного уложения*⁶. Основанием его служила великая мысль, которую поняли в Западной Европе не ранее XVIII века: государь объявил, что суд для всех лиц и званий должен быть единым. Впоследствии, когда опыт указал необходимость некоторых перемен в законодатель-

стве, Уложение было дополнено так называемыми *новоуказными статьями*; важнейшею из перемен было смягчение смертной казни для уголовных преступников. Алексей однако не довольствовался одним изданием законов: он хотел, чтобы их свято исполняли, и принял на себя трудную обязанность непосредственного блюстителя правосудия, каждый обиженный имел к нему свободный доступ и мог бить челом на неправый суд. Сохранилось предание, что в Коломенском селе, где более всего любил жить Алексей, перед дворцом, против царской спальни, стоял жестяной ящик. Как только вставал государь от сна и подходил к окну, являлись челобитчики и, поклонившись до земли, опускали в ящик жалобы, которые потом приносили государю.

Вместе с тем он обратил внимание на другой не менее важный предмет. После всеобщей переписи земель и дворов при Михаиле Федоровиче прошло более 20 лет. Многие поместья перешли от законных владельцев к незаконным, люди сильные отняли земли у слабых, в самих городах вельможи закрепили за собой целые посады и слободы, сверх того, отчины монастырские и боярские пользовались многими льготами, вследствие дарованных им тарханских грамот. Вообще не было соразмерности в повинностях, так что вся тягость налога падала на земли государственные. Алексей постепенно уничтожил эти неудобства: составлены вновь писцовые книги, которые служили единственным средством к определению законного права на отчины и поместья; земли, неправильно присвоенные частными людьми и монастырями, возвращены законным владельцам; посады и слободы, приписанные к людям знатным, для уклонения от повинностей, обращены в государственные; тарханские грамоты, дававшие исключительные льготы немногим людям, к подрыву общего благосостояния, большей частью были уничтожены.

Та же мысль о соразмерном уравнении прав и обязанностей побудила государя даровать важные преимущества торговому сословию. Русское купечество постоянно было опорой престола: во время тягостных войн оно не щадило своих богатств на пользу государственную, и правительство всегда находило в усердии городов средства к исполнению своих намерений. Но обязанное значительными повинностями, торговое сословие было затрудняемо в своих

оборотах двумя важными неудобствами: исключительными правами иноземцев и внутренними таможенными. Иноземные купцы, преимущественно английские, получив при Иоанне Грозном многие выгоды перед русскими, в царствование Михаила Федоровича присвоили право беспошлинной торговли внутри государства. Они завели конторы в Москве, Новгороде, Пскове, Архангельске, Вологде, Ярославле, имели деятельных агентов в других городах и, располагая огромными капиталами, при свойственной им смелости и предприимчивости, захватили в свои руки весь сбыт нашей промышленности. Сверх того, действуя, по выражению современников, скопом и заговором, они покупали русские товары самой ничтожной ценой, свои же продавали безмерно дорого. Русские купцы находились в полной от них зависимости и не могли с ними соперничать именно потому, что англичане торговали беспошлинно. Они же, отправляя товар из города в город, везде, на реках, на дорогах, на мостах, при выезде, при въезде, на каждом шагу, встречали таможи и заставы, где должны были платить пошлины за провоз, за склады, за сани, за вес, за продажу и прочее. Таможи, собиравшие пошлины частью для казны, частью для монастырей, частью для помещиков, были отдаваемы на откуп. Легко вообразить, как страдала промышленность и как бедственно было положение торговца. Государь, вняв жалобам русского купечества, устранил оба неудобства: англичанам повелел объявить, что за многие неправды они должны удалиться из внутренних городов России и торговать только у Архангельска, с платежом пошлин, наравне с другими купцами иностранными, права и обязанности которых впоследствии, в 1667 году, определены *торговым* уставом; внутренние таможи по деревням, на мостах и перевозах уничтожены; оставлены только в городах, где собиралось, исключительно в пользу казны, при продаже товара по 10 коп. с рубля⁷.

Заботясь о порядке внутри государства, Алексей Михайлович столь же ревностно заботился о внешней безопасности его: города пограничные были укреплены; на южных пределах основаны крепости; воинству дано лучшее устройство; люди, обязанные ратной службой и содержащиеся на собственный счет, уравниены поместьями и отчинами; многим назначено постоянное жалованье; при-

званы из-за границы опытные офицеры для обучения наших ратей воинскому искусству по европейскому образцу; умножены полки драгунские и рейтарские; усилена артиллерия; увеличено число стрельцов; издан воинский устав, в котором подробно объяснены все обязанности людей ратных, все роды движений и приемов*. Вообще в образе войны мы начали подражать европейцам, но состав войска оставался прежний: исключая стрельцов, не было постоянной рати, воины, по окончании похода, сложив оружие, обращались к сельским занятиям.

Не менее достопамятны меры к лучшему устройству церкви. Не уступая ни одному из своих предшественников в ревностном благочестии, Алексей желал, чтобы святая вера была исповедуема во всей чистоте, чтобы люди духовные служили примером для мирян и православие царствовало во всем государстве. В стремлении к этой цели он нашел весьма деятельного сотрудника в патриархе Никоне. Сын нижегородского крестьянина, по любви к монашеской жизни отрекшийся от мира и суровыми добродетелями достигший звания игумена одной из Белозерских пустынь, Никон в самом начале царствования Алексея успел обратить на себя внимание государя умом, даром слова и молвой своих добродетелей. Благочестивый Алексей с первого свидания так полюбил его, что велел ему остаться в Москве со званием архимандрита Новоспасского монастыря, часто беседовал с ним и дозволил докладывать себе о всех беспомощных, сиротах или утесненных неправосудием. Вскоре он был посвящен в Новгородские митрополиты с правом иметь надзор за гражданскими сановниками, а после смерти патриарха Иосифа возведен на степень патриарха и был осыпан царскими милостями, которых вполне был достоин. В том и другом звании он оказал пламенное усердие к престолу: управляя Новгородской митрополией, он, с опасностью собственной жизни, укротил мятеж, грозивший важными последствиями; достигнув сана патриарха, с тем же усердием благоразумными мерами остановил распространение моровой язвы. Но главная заслуга Никона в том, что никто из современников не содей-

* Напечатан в 1647 году, под заглавием: Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, со многими чертежами. По некоторым признакам, эта книга переведена с немецкого.

ствовал ревностнее его мудрому Алексею в постоянном стремлении к утверждению порядка, доброй нравственности. Никон установил в церквях благолепие, ввел живописные иконы, учредил согласное, партесное пение, строго наблюдал за нравственностью служителей церкви, с не меньшей строгостью смотрел и за государственными сановниками, исправлял церковные книги, собирал летописи, заботился о переводе на русский язык с греческого полезных сочинений⁴. В награду за столь великие услуги государь даровал ему несудимую грамоту, или право управлять безотчетно духовным ведомством, кроме дел уголовных.

Наконец добрая нравственность народа была предметом постоянной заботы государя. Собственным примером подавая высокий образец жизни семейной и гражданской, Алексей требовал строго и от поданных исполнения гражданских обязанностей. Не довольствуясь многими постановлениями о благочинии, он старался пресечь один из главнейших источников разврата — пьянство. Ненавидя его, подобно Годунову, он принял меры еще более строгие: решительно запретил существовавшее дотоле вольное курение вина и пива, повелев в одних городах и главных селах открыть кружечные двory от казны, с тем чтобы горячительные напитки продавались только в известные сроки в умеренном количестве. Таким образом, не вводя ни наук, ни искусств, не учреждая общественных заведений для успехов промышленности, исправляя только старое, Алексей давал лучшее направление главным условиям гражданственности и содействовал благоустройству государства.

Высокая мысль руководила в делах внешней политики: подобно Димитрию Донскому, Иоанну III, Иоанну Грозному, он понимал необходимость и возможность восстановить Русскую землю в древних ее пределах, сосредоточить ее в одно целое и кончить вековой спор России с Польшей за Литовское княжество для блага обеих держав. Он действовал в этом смысле так постоянно и верно, что при нем, ровно за 100 лет до Екатерины II, Польша добровольно отказалась от своей самостоятельности, поручив судьбу свою российскому государю, и если Алексей не успел скрепить союз обоих народов, по стечению разных случайных обстоятельств, по крайней мере доказал, что рано или поздно Польша должна войти в состав России. Мысль о соединении русских земель в одно целое обнаружилась в самом на-

чале его правления: еще не вступая в борьбу с соседями, присвоившими наши земли, с Польшей и Швецией, он принял титул *обладателя всех северных стран, отчича и дедича*, давая тем знать, что не думает отказаться от достоинства своих предков, и ждал только справедливого повода к разрыву с соседями. Этот повод доставила ему Малороссия, с судьбой которой тесно связаны все его действия внешней политики.

В начале царствования Алексея Михайловича бедствия Малороссии достигли крайнего предела: все, что даровал ей Стефан Баторий, было отнято; земли перешли в руки польских помещиков; казаки утратили все свои преимущества и были сравнены с крестьянами; в судах царствовала явная несправедливость; деньги находились в руках жидов; города лежали в развалинах; более всего страдала церковь православная: польское правительство решилось или обратить всех обитателей Малороссии в унию, или передать их в жертву татарам. Утратив самую надежду на лучшую долю, Малороссия уже не оборонялась и только молила государя Московского, как единственного защитника, о своем спасении. В 1625 году казаки через Киевского митрополита Иова искали покровительства Михаила Федоровича и получили отказ, царь жалел о злосчастной доле своих единоверцев, но не хотел начать новой войны с Польшей, испытав в прежних войнах только неудачи. Алексей был смелее: считая своей обязанностью восстановить Русскую землю в древних ее пределах, он ждал только удобного времени к исполнению мысли, руководившей политикой прежних государей. Это время, наконец, настало. Россия успокоилась от внутреннего волнения и могла вступить в борьбу со всяким соперником; Малороссия, между тем, одушевленная умом и храбростью *Богдана Хмельницкого*⁹, напрягала последние усилия к свержению тягостного ига.

Сын Чигиринского сотника, убитого в сражении с турками под *Цецорой*^{*}, Хмельницкий наравне с другими казаками терпел насилие от польских помещиков, Чигирин-

⁹ В 1620 близ Прута; там сражались казаки под знаменами Жолковского, который погиб со своим войском. Богдан взят был в плен турками и получил свободу года через два, при размене пленных. В молодых годах он учился в Киеве, потом у иезуитов и хорошо знал латинский язык. Настоящее имя его было Зиновий: Богданом назвал его крестный отец, князь Сангушко.

ский подстароста Чаплицкий отнял у него землю, покушался убить его самого. После тщетных стараний найти удовлетворение судебным порядком он подал жалобу Владиславу и получил в ответ, что король не в силах помочь ему и что он может искать управы собственной саблей, о чем Владислав писал и к наказному гетману на жалобы других казаков. Между тем Чаплицкий похитил его жену и публично наказал плетьюми любимого сына. Хмельницкий помнил королевское слово и решился отомстить за себя и отчизну. По примеру всех недовольных он удалился в Сечь, на зов его стеклись запорожцы, хан Крымский Ислам, раздраженный отказом сейма в платеже обыкновенной дани, прислал ему сильное подкрепление. Более всего однако он надеялся на усердное содействие Малороссии, терзаемой поляками, и не обманулся. Двукратное поражение польских войск, при Желтых водах и под Корсунем (в Киевской губернии), ободрило унывший народ, он ополчился поголовно. Несколько тысяч польских шляхтичей и жидов, угнетавших Малороссию, были жертвой народной злобы. Неустройства Польши после смерти Владислава благоприятствовали успехам Хмельницкого: провозглашенный гетманом запорожского войска и *всей Малороссийской Украйны на обеих сторонах Днепра*, он одерживал победу за победой. Важнейшей была победа над самим королем Яном Казимиром, преемником Владислава, при Зборове. Здесь, окруженный казаками и татарами, король согласился возвратить все прежние права Малороссии; удалить из пределов ее поляков, жидов, иезуитов; даровать полную свободу последователям греко-российской церкви не только в Малороссии, но и во всем великом княжестве литовском; митрополиту же киевскому дозволить присутствовать в сенате наравне с римскими епископами. Положено сверх того, чтобы число казаков простиралось до 40 000. Они со своей стороны обязались жить мирно и оберегать пределы Польши.

Варшавский сейм, подтвердив в общих выражениях мир с казаками, не думал исполнять Зборовский договор, так как одно из главных условий его, о праве киевского митрополита присутствовать в сенате, было отвергнуто. Угадывая коварство поляков и ожидая грозы, Хмельницкий спешил обезопасить себя союзами с соседями: без ведома короля вел сношения с государем Московским, с ко-

ролем шведским, с ханом крымским, с султаном турецким, с господарем молдавским, с князем трансильванским. Взаимная недоверчивость, еще более ненависть народная были поводом сперва к возобновлению частных битв, между отдельными отрядами, вскоре ко всеобщей войне. Ян Казимир вторично принял начальство над многочисленным войском и, получив от папы освященное знамя с мечом для истребления иноверцев, двинулся в Малороссию. Хмельницкий в союзе с ханом крымским встретил его под Берестечком на берегах Стыри и, после кровопролитной сечи, из-за малодушного бегства татар проиграл битву. Увлеченный в виде пленника в Крым, он ценой золота искупил свободу, снова явился в Малороссию, снова собрал сильную дружину, но счастье ему изменило — после нескольких неудачных сражений он вступил в переговоры с польскими военачальниками, Потоцким и Радзивилом. Мир заключен при Белой Церкви. Решено было: казакам состоять из 20 000 и жить только в Киевском воеводстве; гетману их быть в зависимости от коронного гетмана; с соседями не общаться, жидам по-прежнему предоставить право откупов, польским помещикам возратить малороссийские земли.

Договор Белоцерковский вовлек Малороссию в те же бедствия, от которых она страдала и раньше. Поляки считали ее по-прежнему верной добычей и начали теснить ее обитателей. Казаки, получив дозволение жить только в Киевском воеводстве, при недостатке земли, не имели средств содержать себя, толпами удалялись в Московскую Украину, к верховьям Донца и Оскола, основали там слободы (из которых возникли Харьков, Изюм, Сумы, Ахтырка) и под именем слободских казаков, признали себя подданными московского государя.

Хмельницкий недолго мог терпеть угнетение своей отчины. Но, уже испытав жестокий урок под Берестечком, он видел невозможность избавить Малороссию собственными силами и, не надеясь ни на хана крымского, ни на турецкого султана, в 1652 году отправил в Москву посольство ударить челом православному государю со всем Запорожьем.

Если Густав Адольф заслужил признательность современников и потомства участием в судьбе германских протестантов, тем более права имел Алексей Михайлович

вступить за Малороссию: не говоря уже о побуждениях веры, без пощады преследуемой поляками, о единоплемненности народа, о единодушном желании казаков быть в подданстве царя православного, самая безопасность России требовала, чтобы государь принял под свое покровительство Малороссию; в противном случае она могла признать над собой власть султана: ибо ненависть ее к польскому игу была так беспредельна, что она хотела лучше подружиться с непримиримыми врагами, крымскими татарами, и отдаться туркам, чем быть в зависимости от поляков. Следовательно, Россия должна была опасаться весьма невыгодного соседства турок, которых она постоянно старалась отдалить от своих пределов. К этому присоединилось и личное оскорбление государя польским правительством, оставившим, вопреки договору, без наказания многих польских сановников, писавших с явным неуважением ко двору Московскому*.

Еще прежде заключения Зборовского договора, в 1648 и 1649 годах, Хмельницкий умолял государя принять Малороссию под свою высокую руку. Поражение под Берестечком заставило его еще усерднее желать покровительства Москвы. Алексей, предвидя тяжкую войну, хотел, чтобы все государство приняло участие в столь великом деле, и предложил просьбу Хмельницкого на рассмотрение земскому совету. Выборные чины из всех сословий, светских и духовных, объявили единогласно, что если король не сделает удовлетворения московскому двору в справедливых жалобах и не облегчит участи казаков, быть Малороссии за Россией. Государь принял на себя долг посредника: Хмельницкому советовал примириться с Польшей; Казимиру через торжественное посольство объявил, что он согласен забыть личные обиды, в которых не получал удовлетворения, если польское правительство даст мир Малороссии, избавит ее от Унии, оставит в покое православную церковь и исполнит все условия Зборовского договора. Польские сенаторы отвечали упреками на столь справедливое предложение, говорили, что двор москов-

* В 1650 полномочные послы обоих дворов в Варшаве между прочим постановили: виновных в прописке царского титула наказать; книги, напечатанные в Польше, предосудительные для России, истребить; самозванца Анкудинова, называвшего себя сыном царя Димитрия, выдать. Варшавский двор не исполнил ни одного из этих условий.

ский не имел никакого повода требовать наказания виновных в оскорблении царской особы, что Хмельницкий есть бунтовщик, не заслуживающий никакой пощады и что Уния должна господствовать в Малороссии по-прежнему. После такого ответа государь не хотел долее медлить и объявил Малороссии, что он согласен принять ее в свое подданство. Вслед за тем царский боярин Бутурлин отправился в Переяславль и там 8 января 1654 года привел Хмельницкого со многими старшинами к присяге. За ним все полки малороссийские на обеих сторонах Днепра, числом 17, поклялись без всякого прекословия быть в вечном подданстве у царя православного*. Государь жалованной грамотой подтвердил все льготы, дарованные Стефаном Баторием, дозволил казакам избирать гетмана, иметь свой суд и расправу, своих старшин и урядников и определил число казаков до 60 000. Таким образом, не пролив капли крови, Алексей Михайлович, опираясь на свои права, возвратил отечеству древнюю область его и принял титул *государя всея великия и малыя России*, но право владеть ею надлежало еще утвердить оружием.

Казимир, узнав о подданстве Малороссии российскому государю, объявил ему войну. Алексей, предупреждая врагов, спешил нанести Польше решительный удар. Многочисленное войско, более 200 000, вступило в земли, подвластные Казимиру, четырьмя армиями: главные силы, под личным начальством государя, двинулись к Смоленску; боярин Шереметев устремился на литовско-русские города по Двине; князь Трубецкой — на Могилев; казаки — на города северские. Блестящий успех был следствием решительных мер, принятых Алексеем. Города литовские, не имея ни средств, ни охоты обороняться против русских войск, один за другим сдавались им. Тщетно коронный гетман Радзивил старался удержать быстрое стремление царя и воевод его, пораженный двукратно близ Орши и Шклова князьями Черкасским и Трубецким, он удалился к Неману, оставив все пространство между Березиной и Дес-

* Полки были: Чигиринский, Белоцерковский, Корсунский, Черкасский, Каневский, Уманский, Брашлавский, Киевский, Павлоческий, Винницкий, Кронивенский, Переяславский, Черниговский, Нежинский, Миргородский, Прилуцкий, Полтавский.

ной во власти русских. Менее чем в полгода они овладели Смоленском, Могилевом, Полоцком, Витебском со всеми окрестными городами, и только моровая язва, распространившаяся по всему государству, остановила быстрые успехи нашего оружия.

Между тем Польша обратила на себя оружие другого врага, не менее опасного. После отречения шведской королевы Христины от престола Ян Казимир, как единственная отрасль знаменитого дома Густава Вазы, приняв титул короля шведского, навлек на себя месть преемника Христины, Карла X, который, помышляя единственно о славе завоевателя, о лаврах Густава Адольфа, искал только предложения к разрыву с каждым из своих соседей. Ян Казимир не мог быть опасным для него соперником, по ненависти шведов к Сигизмунду III и его детям, но Карл с величайшей радостью принял вызов и устремился на Польшу с намерением, покорив ее, присвоить господство в Северной Европе. В один поход он завоевал все польские области на левом берегу Вислы, овладел Варшавой, Краковом и загнал Казимира в Силезию. Курфюрст Бранденбургский охотно согласился содействовать Карлу, чтобы сбросить несносное для его честолюбия звание вассала польского, и соединил свои войска со шведскими. Поляки, поражаемые при каждой встрече, предложили Карлу королевскую корону, которой он впрочем не принял.

Польша была в оцепенении. Пользуясь слабостью ее, русские войска, снова предводимые самим государем, заняли без боя Минск, Ковно, Гродно, Пинск, Вильну и почти все Литовское княжество. Между тем Хмельницкий с царским воеводой Бутурлиным опустошил Волынь и Галицию до самого Люблина. Изгнанный из королевства, Ян Казимир прибегнул к великодушию российского государя и вступил с ним в переговоры. Уполномоченные с обеих сторон заключили в Вильне трактат следующего содержания: 1) признать царя Алексея Михайловича королем польским при жизни Казимира, по смерти которого русскому государю вступить на польский престол; 2) Белоруссию и Малороссию присоединить к Московскому государству; 3) последователям православной и римской веры в польских областях предоставить полную свободу богослужения; 4) Унию искоренить; 5) России и Польше до окончательного соединения без общего согласия не заключать

мира, не вступать в войну с соседями. Таким образом то, чего желал Баторий, о чем думал Владислав IV, казалось, было суждено совершить Алексею Михайловичу. Но поляки как будто требовали новых уроков, чтобы убедиться в необходимости присоединения к России.

Искренно веря торжественным обещаниям Казимира и сенаторов его, считая Польшу своей собственностью, Алексей Михайлович спешил избавить ее от Карла и, оставив малочисленные отряды в Литве, обратил победоносные войска свои на Лифляндию, занятую шведами. Динабург, Кокенгаузен, Дерпт и другие города сдались ему, одна Рига держалась. Между тем король датский, опасаясь честолюбия Карла, также объявил ему войну, курфюрст бранденбургский разорвал союз со Швецией и примирился с Казимиром, обещавшим ему полную независимость, император Леопольд I, не желая со своей стороны видеть в Карле X второго Густава Адольфа, объявил его врагом империи. Окруженный со всех сторон неприятелями, Карл обратил свое оружие на того из них, кто более мог вредить самой Швеции, и вступил в упорную борьбу с королем датским, оставив Польшу в покое. Она оправилась в своих силах. Казимир после жестоких поражений при всеобщем неустройстве королевства так возненавидел заботы правления, что помышлял единственно о сложении с себя тягостной короны, видел невозможность самобытного существования Польши и желал искренно дружбы российского государя. Но сейм, постоянно волнуемый партиями, в особенности интригами королевы, думавшей предложить престол французскому принцу Конде, решился нарушить Виленский договор и возобновил войну с Россией, чтобы отнять занятые русскими войсками города в Малороссии и Литовском княжестве. Алексей, объявив войну Швеции единственно для спасения Польши от Карла, спешил примириться с ним и договором в Велиесаре прекратил военные действия на 3 года, удержав завоеванные города в Лифляндии, до заключения вечного мира. Вслед за тем объявлен разрыв с Польшей. Вновь началась утомительная восьмилетняя борьба, ознаменованная победами польских вождей, неудачами русских воевод, но заключившаяся выгодным для нас миром, который утвердил перевес России над Польшей. Главную роль в этой войне играла Малороссия.

Богдан Хмельницкий кончил жизнь вскоре после Ви-

ленского договора. Крепкая при нем единоплеменником, одушевленная желанием свергнуть ненавистное иго, после смерти избавителя своего, Малороссия постоянно была раздираема партиями. Предметом интриг и кровавых споров было гетманское достоинство. Со времен Хмельницкого оно стало гораздо почетнее и прибыльнее, чем прежде: гетман имел способы приобрести несметные богатства, считал себя вправе сношаться с соседними государствами, управлять Малороссией самовластно и казнить смертью подчиненных. Избрание его зависело от казаков, каждый смелый честолюбец мог надеяться получить булаву гетманскую, искатели являлись один за другим беспрестанно — резались друг с другом, отдавались на покровительство то русского государя, то польского короля, обманывали обоих и накликали месть на свою отчизну. Следуя внушениям единственно честолюбия, не дорожа благом своей родины, многие из них, вопреки всем расчетам здравого ума, считали возможным самобытное существование Малороссии в виде отдельного государства, неподвластного ни России, ни Польше, и, добиваясь чести быть независимыми владетелями ее, нередко, впрочем ненадолго, успевали обождать казаков несбыточными надеждами. В стремлении к этой цели каждый из них сперва старался заслужить доверие и благосклонность двора московского и под личиной усердия к государю, склонял на свою сторону обитателей Малороссии, не желавших ничего, кроме покровительства царя православного. В то же самое время за Днепром обыкновенно являлся другой гетман, поддерживаемый поляками, начиналась кровавая борьба, гетман, утвержденный московским двором, в надежде одолеть совместника, перешел на сторону поляков с выгодными для себя условиями. Соперник его, оставленный польским правительством, объявлял себя подданным русского государя, находил всеобщее усердие в обитателях Малороссии, одолевал предателя, в свою очередь изменял России и уступал место другому честолюбцу. Неминуемым следствием такой безрассудной политики было непрерывное волнение Малороссии, опустошаемое поляками, казаками, русскими, татарами. За пять лет после смерти Хмельницкого являлось до 12 гетманов. Сперва начался спор между Виговским и Юрием Хмельницким, сыном Богда-

на. Первый успел заслужить доверенность московского двора, при помощи его вытеснил соперника и передался полякам в надежде быть владетельным князем Малороссии. Казаки выгнали его за дружбу с Польшей и провозгласили Юрия Хмельницкого, который, подобно Виговскому, присягнув сначала России и потом, передавшись Польше, в свою очередь был вытеснен другими честолюбцами, следовавшими той же политике. Из них наиболее замечательны Брюховецкий и Дорошенко: первый утвердился на левой стороне Днепра в зависимости от России; второй на правой как присяжник Польши, но скрывая в душе безрассудный замысел, давший повод вмешаться в дела Малороссии Оттоманской Порте.

При таком положении дел Малороссия, переходя из рук в руки, отдаваясь то России, то Польше, поддерживала войну между обеими державами. Казалось, спор будет бесконечен. В первые четыре года перевес был на стороне Польши. Безопасная от Швеции, дружная с крымскими татарами, она устремила все свои силы на Россию и одержала многие значительные победы. Русские войска, стоявшие в Литве, на Волыне и в Украине, были разбиваемы по частям. Виной наших неудач было местничество воевод и истощение государства неимоверными усилиями в первой войне с Польшей. Царские воеводы, по расчетам родословным, питая взаимную зависть, действуя без общего плана, выдавали друг друга. Так, Виговский, воспользовавшись несогласием князя Трубецкого с Ромодановским, нанес первому жестокое поражение под Конотопом, второму под Нежиным. Вслед за тем Чарнецкий разбил Хованского недалеко от Слонима, за ним Долгорукого и очистил от русских войск всю Литву, кроме Вильны, которая, желая остаться в подданстве Алексея Михайловича, несколько раз отражала от своих стен самого короля. Между тем Шереметев, действовавший в Волыни, был окружен Любомирским под Чудновым и положил оружие: следствием этого поражения была измена Юрия Хмельницкого, предавшего в руки поляков Малороссию. Потери наши в первые четыре года польской войны так были значительны, что государь спешил прекратить споры со шведским королем для устремления всех сил на поляков и договором в Кардисе отказался от всех завоеваний в Лифляндии, уступив даже те города,

которые оставлены были за Россией перемирным трактатом в Велиесаре.

Не имея ни одного отличного полководца, который мог бы равняться дарованиями с Чарнецким, Любомирским, Вишневецким и другими польскими вождями, прославившими царствование Яна Казимира, государь не находил искусства и в ближних боях, заведовавших внутренним управлением. Изнурительные войны, при неоднократных опустошениях России моровой язвой, истощили казну. Для поправления расстроенных финансов царские советники прибегли к странным мерам: велено пустить в ход медные деньги одинаковой величины, формы и ценности с серебряными. Сначала они пошли в оборот и года два держались в цене, но как только народ заметил, что серебряная монета исчезла, и возродилось подозрение на корыстолюбие многих сановников, скупавших ее для собственных выгод, курс на новые деньги быстро начал понижаться, так, что за 12 и 15 рублей медных давали рубль серебра*. Неминуемым следствием такой несоразмерности была дороговизна жизненных припасов, распространился всеобщий ропот, в Москве обнаружился ужасный *мятеж*¹⁰, с трудом укрошенный силой оружия, причем несколько тысяч человек лишилось жизни. Самая отмена медной монеты разорила вконец многие сотни семейств. Внутреннее изнеможение препятствовало успехам войны с Польшей. При всем том государь не унывал от неудач и твердо стоял за свои права, за свою честь. Неустройства Польши облегчили ему средства кончить войну за Малороссию к выгоде России.

Польша, невзирая на наши неудачи, на воинские дарования Чарнецкого, быстро утратила перевес, приобретенный ею в первые четыре года. Она достигла высшей степени внутреннего расстройства. Никогда польские сеймы не были так бурны, своеволие магнатов так необузданно, фанатизм так беспределен, как в царствование Яна Казимира, когда один депутат мог уничтожить постановление целого сейма, сказав только *не позволяю*, если был не согласен

* В 1657 и 1658 медные деньги ходили наравне с серебряными, в 1659 рубль серебром был дороже рубля медью на 3 копейки, в 1660 20 копеек, в 1661 70 коп., в 1662 12 рублей.

с общим мнением*. Рокоши, или восстания, недовольных против правительства были беспрерывны. Латинское духовенство явно проповедовало войну против диссидентов, или иноверцев. Нельзя обвинять Казимира в тех бедствиях, которые терзали Польшу в его правление: он был государь добрый, храбрый, дальновидный и пожинал только то, что посеяли его предшественники, в особенности Сигизмунд III.

Угадывая безнадежное состояние королевства, его неизлечимые недуги, он торжественно сказал сейму, что поляки сами погубят свое отечество, что Польша рано или поздно будет добычей соседей, что Россия, Австрия, Пруссия разделят ее по частям и уничтожат ее самобытность. Поляки не верили прозорливому государю, не хотели прекратить своих междоусобий и, с величайшим трудом соединившись под королевское знамя, чтобы спасти Юрия Хмельницкого, теснимого в Малороссии Ромодановским, едва перешли Днепр с гордым намерением сокрушить Россию, оставили короля и удалились восвояси под предлогом неуплаты жалования. Любомирский начал открытую войну с Казимиром и так озаботил его, что король упустил Малороссию из вида.

Пользуясь бездействием Польши, занятой мятежом Любомирского, царские воеводы снова успели овладеть Полоцком, Витебском, Динабургом и всеми городами малороссийскими на левом берегу Днепра, где новый гетман Брюховецкий, вытеснив искателей булавы, согласился признать себя в безусловном подданстве Российскому государю. Царь Алексей Михайлович мог бы теперь довершить удар и возвратить все Литовское княжество, если бы совершенно постороннее войне обстоятельство не отвлекло его от дел внешней политики. То было несогласие с патриархом Никоном.

С обширным умом соединяя суровый до излишества нрав и неуступчивый характер, Никон вооружил против себя всех царедворцев беспредельным доверием государя, еще более взыскательным надзором за их поступками, строгостью укоризны, отчасти и неуместным тщеславием. Алексей Ми-

* Это право называлось *libetum veto*; оно укоренилось в Польше с 1652 года.

хайлович долго был недоступен наушникам, любил патриарха как друга, поручал ему во время польских походов свое семейство, советовался с ним о всех делах важных. Своенравие Никона доставило завистникам случай низринуть его. Осыпанный царскими милостями, патриарх дерзнул огорчить государя по поводу самого ничтожного случая* и, заметив к себе минутную холодность, своевольно удалился из Москвы в построенный им Воскресенский монастырь, где единственно по внушению оскорбленного самолюбия говорил смело про двор, про царицу. Этого мало: в пылу негодования он написал оскорбительное для государя письмо к греческим первосвятытелям. Дерзкие речи его были доведены до сведения царя; письмо перехвачено. Многочисленные враги Никона, светские и духовные, спешили очернить его. Патриарх легко мог бы возратить утраченную милость доброго государя, если бы изывил смирение. Вместо того он стал действовать еще вышемерно, торжественно проклинал врагов и, самовольно явившись в Москве, невзирая на прежнее отречение от патриаршего престола, спорами с царскими сановниками в Успенском храме произвел столь сильное впечатление в народе, что надлежало опасаться серьезных беспорядков, обыкновенных в тогдaшнее время. Уже возникала соблазнительная распря о пределах власти царской и патриаршей. Мудрый Алексей постиг всю опасность и спешил подавить зло в самом начале — он просил вселенских патриархов рассудить его с Никоном. Первосвятытели Александрийский и Антиохийский прибыли в Москву, нарядили суд и на торжественном соборе из светских и духовных чинов признали Никона виновным в оскорблении царской особы, в излишнем властолюбии, в непристойных поступках: он был лишен сана и сослан в монастырь в звании монаха**. Никон, без всякого сомнения, не хотел действовать в пользу поля-

* Случай был следующий: в 1658 г. 4 июля грузинский царевич Теймураз был угощаем при дворе. Никон, не получив приглашения, послал во дворец спросить о причине столыника своего: тот поссорился с окольным Хитрово; Никон грозил и требовал удовлетворения. Государь отвечал ему собственноручным письмом, что он рассмотрит дело. Патриарх, подождав неделю, разгневался и, торжественно в Успенском соборе сказав народу, что он более не пастырь, удалился в Воскресенский монастырь.

** Никон сослан в Белозерский Ферапонтов монастырь, по кончине царя Алексея Михайловича переведен в Кириллов монастырь, откуда царь Федор Алексеевич дозволил ему возвратиться в Воскресенский; он умер на дороге в Ярославле в 1681 году.

ков, но неблагоприятные поступки его озаботили царя на целых три года, именно в то время, когда внешняя политика требовала всего внимания государя. Обязанный успехами первой войны с Польшей личному предводительству, устранившему все споры о местничестве, он не решался теперь отлучаться из Москвы и вести войска свои к победам.

Занятые внутренними неурядицами, соперники вели войну слабо и неоднократно предлагали мир. Переговоры тянулись целых три года и, вероятно, при неуступчивости обеих сторон продлились бы еще несколько лет, если бы вмешательство Турции в дела Малороссии не ускорило развязки. Поводом к тому было безрассудное честолюбие Дорошенко. С 1665 года Малороссия разделялась Днепром на две половины: левая сторона, признавая гетмана Брюховецкого, была в подданстве России; правая, избрав вождем чигиринского казака Петра Дорошенко, находилась в зависимости от Польши. Оба гетмана, по обыкновению, питали непримиримую ненависть и старались вытеснить друг друга. Брюховецкий, в надежде удержаться помощью России, ублажал московский двор, принял сан боярина, женился на дочери Шереметева, допустил царским наместникам наложить поголовную подать на казаков. Дорошенко стремился к иной цели другими путями: решительнее всех предшественников считая возможным самобытное существование Малороссии в виде отдельного государства, неподвластного ни Польше, ни России, по примеру Молдавии и Трансильвании, он успел взволновать казаков мечтой о полной независимости. Мужество в боях, пылкий нрав, увлекательный дар слова, порывы к необузданной воле, все согласовалось с тогдашним расположением умов, и казаки привыкли смотреть на Дорошенко как на второго Богдана Хмельницкого. Вооружая против себя и Россию и Польшу, для вернейшего успеха он обратился с просьбой к султану принять Малороссию в покровительство Порты. Султан, занятый войной в Кандии, не хотел развлекать своих сил, однако же обещал прислать войско. Переговоры Дорошенко не могли укрыться ни от московского двора, ни от варшавского. Предугадывая грозу и не видя надежды удержать Малороссию, Казимир спешил примириться с Алексеем Михайловичем. Договор заключен в

*Андрусове*¹¹ на следующих условиях: 1) прекратить неприязненные действия на 13 лет 6 месяцев, между тем условиться о вечном мире; 2) Смоленску и Северскому княжеству остаться за Россией; 3) Полоцк, Витебск и города южной Лифляндии, занятые русскими войсками, возвратить Польше; 4) Малороссию разделить на две половины: полкам на левой стороне Днепра быть под властью России, на правой в зависимости от Польши; 5) Киев возвратить Польше через два года; 6) запорожцам состоять под покровительством обеих держав с обязанностью оберегать пределы их от татар и турок.

Андрусовский договор, избавив Россию от тягостной войны с Польшей и доставив ей значительные выгоды, из которых главной было расширение пределов ее по самый Днепр, не успокоил Малороссии. Казаки с горестью услышали, что государь отказался от Заднепровской Украины, что самый Киев должен быть возвращен полякам*. Более всего не нравились условия договора честолюбивому Дорошенку и митрополиту Иосифу Тукальскому: первый помышлял о господстве над всей Малороссией; второй опасался прежнего гонения православной церкви униатами. Ропот распространился и по Русской Украине, где носилась молва, поддерживаемая Нежинским епископом Мефодием, что московский двор ведет переговоры с варшавским об уступке Польше всей Малороссии. Дорошенко восстал явно против условий Андрусовского договора, объявил Казимиру, что ни он, ни казаки не хотят слышать о повиновении Польше, что полякам не владеть Киевом, и предложил Алексею принять его в подданство со всей Малороссией, как было при Хмельницком. Царь советовал ему смириться. Дорошенко восстал и на Россию как союзницу ненавистной Польши, склонил на свою сторону Брюховецкого надеждою турецкого покровительства и коварным обещанием признать его гетманом всей Малороссии. Брюховецкий рад был случаю избавиться от русских воевод, назначенных наместниками в малороссийские города, произвел всеобщий мятеж в подвластной ему Украине и спешил встретить, как друга, хитрого Дорошенка, ко-

* Источное исполнение поляками Андрусовского договора побудило государя удержать Киев. Варшавский двор, после многократных домогательств, отказался от него в 1686 году.

торый велел его схватить и предать в жертву разъяренной черни, а сам провозгласил себя гетманом всей Малороссии, независимым от Польши и России.

Никогда не было в Малороссии столь ужасного волнения. Оно отозвалось на Дону и по Волге. Буйные головы запорожские, вероятно, подстрекаемые Дорошенко, с намерением развлечь наши силы пробрались на Дон, возмутили там целые станицы, которые правительство старалось унять от грабежей, провозгласили атаманом удалого казака донского *Степана Разина*¹² и бросились к берегам Волги, где этот злодей за несколько лет перед тем испытал удачу разбоя*. Предводительствуя сильным скопищем, Разин взял приступом Царицын и Астрахань, распустил молву, что защиты его ищет мнимый царевич Алексей с патриархом Никоном, что он идет освободить крестьян от помещиков, и взволновал все Приволжье**. Саратов сдался мятежнику, который с 200 000 шел уже к Нижнему, ознаменовав свой путь неопишесыми злодеяниями.

Волнение южных и восточных пределов могло быть тем опаснее, что султан турецкий уже собирал войска для поддержания Дорошенка. Благоразумные меры правительства прекратили неурядица прежде, чем турки появились в Малороссии. Спокойствие в Украине было восстановлено без труда: государь уверил обитателей ее, что он не предаст их полякам. Дорошенко же союзом с неверными возбудил против себя негодование и должен был удалиться за Днепр; казаки охотно согласились признать гетманом полковника Многогрешного, усердно преданного престолу. Долее упорствовали сообщники Разина, но мужественная оборона Симбирска боярином Шереметевым остановила распространение мятежа по Волге, а деятельность других царских воевод, разбивавших отряды Разина по частям, в особенности боярина Милославского, овладевшего Астраханью, так ослабила злодея, что он был выдан правительству и получил достойную казнь. Строгость наказания усмирила Дон и Приволжье.

* В 1663 году Разин ограбил окрестности Астрахани и, разорив несколько городов персидских при Каспийском море, едва не вооружил на Россию шаха. Разбитый князем Львовым, он смирился тогда и получил прощение.

** В Астрахани погиб смертью мученика митрополит Иосиф.

Между тем гроза, которую и Россия и Польша равно старались отклонить, разлилась в Заднепровской Украине, не коснувшись наших пределов. Ненависть обитателей ее к польскому владычеству обнаружилась с такой силой, что, утратив надежду на присоединение к России, они решились признать покровителем своим лучше турецкого султана, чем польского короля, и охотно стекались под знамена Дорошенка, видя в нем единственного избавителя от ненавистного ига. Магомет IV спешил воспользоваться столь благоприятными обстоятельствами в надежде утвердить свою власть не только в Малороссии, но и в Польше, где царствовала всеобщая анархия, по случаю отречения Казимира от престола. Многочисленное войско турецкое под личным предводительством султана со всей крымской ордой вступило в польские пределы. Падение Каменца Подольского, осада Львова и опустошение многих городов до того устрешили преемника Казимира Михаила Вишневецкого, что, опасаясь потерять все королевство, он предложил султану мир и согласился на весьма тягостные условия: договором в Буджанове король обязался платить туркам ежегодно дань и уступить им Малороссию. Правда, варшавский сейм, по удалении Магомета, считавшего войну конченной, не подтвердил Буджановского договора, и польский полководец Ян Собесский, возобновив войну, поразил неприятелей под Хотинном; но турки не могли быть вытеснены из занятых ими городов в Польской Украине. Началась жестокая борьба.

Заднепровская Малороссия, осыпанная пеплом городов, облитая кровью несчастного народа, неоднократно обращалась к царю Алексею Михайловичу с убедительной просьбой спасти ее от турок и поляков. Государь, уже недовольный Польшей за неоднократное нарушение Андрусовского договора, за явную неприязнь, за упорное уклонение от вечного мира, вознегодовал на нее еще более после того, как слабое правительство ее, постоянно утесняя казаков, допустило туркам вмешаться в дела Малороссии. Очевидно было, что султан, овладев Польской Украиной, не оставит в покое и Русской. Безопасность государства возлагала на него обязанность принять участие в стране, которая так усердно желала быть ему подвластной и которую польский король так равнодушно предал в добычу туркам. В 1674 году государь объявил заднепровским казакам, что он согла-

сен принять их в подданство. Все десять полков, находившихся за Днепром, с радостью присягнули ему, оставили Дорошенка и признали гетманом всей Малороссии Самойловича.

Утверждая власть за Днепром, Алексей Михайлович предвидел, что ни король, ни султан, не оставят его спокойным обладателем. Он не страшился войны с обоими со-
вестниками и ревностно готовил свои меры. Но смерть пресекла драгоценную жизнь его в то самое время, когда надлежало решить и участь Малороссии и запутанные отношения России к Польше и Турции.

III. ФЕДОР II (1676—1682)

Царствование Федора Алексеевича было в полном смысле продолжением государствования Алексея Михайловича, без всякой перемены в политике внешней и внутренней. Юный летами*, обремененный телесными недугами, но крепкий духом, деятельный для блага отечества, Федор весьма ясно понимал мысль мудрого отца о необходимости даровать государству положительные законы, для обеспечения личной безопасности и права собственности, и утвердить господство в Малороссии, которое долженствовало вести к расширению нашего владычества в юго-западной Руси. При неутомимом стремлении к той и другой цели, он успел ознаменовать кратковременное царствование свое многими достопамятными делами; из них наиболее замечательны по влиянию на судьбу России: 1) окончание споров за Малороссию с соседями; 2) законы о праве собственности; 3) уничтожение местничества.

После двадцатилетних неурядиц, в конце царствования Алексей Михайловича, вся Малороссия, исключая Чигирин, признала своим государем русского самодержца и провозгласила Самойловича гетманом на том и на другом берегу Днепра. Алексей не успел однако окончательно присоединить ее к своей державе. Честолюбивый Доро-

* Родился 30 мая 1661 г., вступил на престол 29 января 1676 г., следовательно 15 лет без 4 месяцев. Алексей назначил его преемником пред самою кончиною.

шенко не сдавал Чигирину, звал турок, татар. Король польский Ян Собесский требовал Киева на основании Андрусовского договора, считал господство наше за Днестром нарушением мира и грозил войною. Опаснее всех совместников был султан, который, признавая Заднепровье, на основании Буджановского договора с Польшею, своею собственностью, решился утвердить власть во всей Украине. При таком положении дел надлежало опасаться борьбы упорной. Федор, верный плану отца, зная, что приобретение Малороссии было первым шагом к исполнению мысли Димитрия Донского, Иоанна III, Иоанна IV, тем более Алексея Михайловича, не боялся совместничества трех соперников и смело ополчился на врагов.

Прежде всего он спешил избавить Малороссию от опасного честолюбца Дорошенка, который, вопреки всем неудачам, не переставал волновать казаков в надежде присвоить над ними власть независимую. Многочисленное русское войско под начальством Ромодановского подступило к Чигирину; Дорошенко, тщетно ожидавший помощи турок и татар, потерял наконец надежду достигнуть своей цели, положил оружие, отдал Самойловичу все знаки гетманского достоинства, присягнул в верности российскому государю и впоследствии кончил дни в неизвестности, частным человеком*. Между тем польский король назначал гетмана за гетманом для управления Заднепровскою Україною и требовал настоятельно, чтобы Россия не вмешивалась в ее дела, но, получив в ответ, что Польша, после уступки Малороссии мусульманам, не имеет права спорить о ней, замолчал до времени, ожидая, чем кончится загоревшаяся война России с Турциею.

Султан два раза высылал сильное войско к Чигирину, чтобы, взяв его, овладеть Киевом и всею Малороссией. В первом походе турки потерпели жестокое поражение. Ромодановский и гетман Самойлович подоспели на помощь храброму воеводе Ржевскому, оборонявшему Чигирин, разбили визиря и прогнали его за Днестр, отняв весь обоз и пушки. Султан выслал другое сильнейшее войско. Ромодановский не пустил неприятеля за Днепр и, стараясь вытеснить его из Украины, вступил в кровавую борьбу. Главные силы сосредоточились в окрестностях Чигирина,

* Он похоронен недалеко от Москвы в селе Ярополче.

несколько раз оба войска схватывались и боролись с неимоверным ожесточением*. Города были разрушены до основания; все Заднепрье от самого Киева до Запорожья обратилось в пустыню. Турки, наконец, уступили, ушли восвояси и могли только сказать, что злосчастная Украина не скоро оживет после нанесенного ими опустошения.

Варшавский двор не хотел, вопреки договорам, подать нам помощь и, думая воспользоваться затруднительною войною России с Турциею, с угрозами требовал возвращения всех городов, покоренных Алексеем Михайловичем. Федор был непреклонен, согласился отдать только Велиж и Себеж, занятые после Андрусовского договора, и возобновить перемирие на 13 лет, в течение коих положено было условиться окончательно, при посредничестве других держав, о Киеве и Заднепровской Украине.

Султан, испытав двукратную неудачу в войне с Россией и намереваясь обратить силы свои на Австрию, где ожидал более добычи, не возобновлял походов, тревожил нас только крымскими татарами, впрочем без важных последствий, наконец, предложил мир и договором в Бахчисарае отказался от всех притязаний на Заднепровскую Украину, с тем, чтобы ни Россия, ни Турция не возобновляли разрушенных там городов, исключая Киев, Триполь, Васильков и Стайки, уступленные России. Запорожье равным образом осталось в нашем подданстве. Таким образом Федор Алексеевич, смилив Дорошенка, обуздав турок и поляков, имел утешение видеть окончание 27-летней войны за Малороссию. С тех пор ни Турция, ни Польша не решались оспаривать ее у России.

Озабоченный делами внешними, Федор не упускал из виду внутреннего устройства: с самого начала его правления неоднократно были издаваемы законы, коими определено право собственности. Существовавшие доселе постановления имели предметом преимущественно два первых условия гражданского общества: порядок суда и сбор податей. Право владения недвижимою собственностью было также поясняемо, в особенности Алексеем Михайловичем,

* Главное дело было на берегу Днепра близ Чигирина 19 августа 1678 г. Визирь лишился двух третей армии. Ромодановский мог бы истребить ее вконец, но оплошал и был смещен князем Черкасским.

но не вполне, более руководствовались обычаями. Федор рассмотрел столь важный предмет во всем объеме его, привел в ясную систему все случаи перехода земель, поместьев и отчин из рук в руки, ознаменовав свои законы печатью справедливости и уважения к праву собственности*. Основные мысли, коими он руководствовался, приносят ему честь законодателя справедливого. Кроме того, по примеру отца, Федор заботился о народной нравственности, в особенности о просвещении духовенства, и для образования его учредил первое в России училище — *Славяно-греко-латинскую академию*¹³.

Но важнейшим из внутренних деяний Федора Алексеевича было уничтожение *местничества*¹⁴, права людей родословных считаться службою предков, при занятии должностных мест. По общему господствовавшему мнению, два лица не могли служить в равных званиях, если предки одного стояли хотя бы одною степенью выше предков другого в ряду государственных сановников. Тем более считалось неприличным сыну или внуку боярина быть под начальством сына или внука окольного. В противном случае он навлекал бесчестие себе и дому своему. Для разбора родословных отношений с давних времен существовало в Москве особенное ведомство, под именем *разряда*. Главною обязанностью его было вести разрядные книги, или списки, в которых записывались царские указы о назначении к должностям сановников придворных, гражданских и военных. Как только государь объявлял поход, прием посла, торжественный выход, пир и тому подобное, каждый, до кого только относился царский указ, немедленно справлялся по разрядным книгам, не занимали ли его предки — отец, дед, прадед, прапрадед — высших мест в сравнении с предками его сверстника, назначенного в равную, тем более в высшую должность, и если находил, что за десять, за двадцать, даже за сто и более лет прародители его действительно стояли выше, а прародители сверстника ниже, он бил государю челом, что ему служить невместно, и высчитывал всю свою родословную. Тот, на кого жаловался недовольный, считал притязание его обидою для себя, и с

* Важнейшие постановления 10 марта и 24 мая 1676 г. и 10 августа 1677.

своей стороны бил челом о бесчестии и обороне. Дела подобного рода казались настолько важными, что обыкновенно сам государь с боярами принимал на себя труд справляться по разрядным книгам, чья просьба справедливее, и, смотря по обстоятельствам, решал спор указом: правых оправдывал, виновных в неуместном притязании наказывал строгим выговором, заключением в тюрьму, денежной пенею, батогами, кнутом, нередко повелевал выдавать спорщика обиженному головою, то есть заставлял просить у него прощения, с унижительными обрядами.

Первые признаки местничества заметны еще до Иоанна III, но он, установив разряд для записи служб своих сановников, положил законное основание родословным расчетам. Нет сомнения, что дальновидная политика руководила им в этом случае: стремясь к самодержавию, отнимая у князей все права владетельные, жалуя их в сановники московские, он хотел внушить им мысль, что право на милость государя, на высший почет, принадлежало не тому, кто был потомком Владимира Святого, а тому кто мог похвалиться усердием предков к московскому престолу. Следовательно, князья уравнивались с простыми подданными и занимали места иногда выше их, иногда ниже, смотря по фамильным заслугам. Той же политике следовал внук его Иоанн Грозный, казнивший смертью за самый легкий проступок и терпеливо разбиравший споры воевод о местах по службе предков. Таким образом, местничество принесло вначале ту пользу, что ослабило княжеские поколения и усилило власть верховную. Имея законное основание, оно так глубоко вкоренилось в общественное мнение, так тесно слилось с ним, что после Иоанна Грозного считалось уже неприкосновенным и в некотором смысле стесняло власть самодержавную: воля государя была священна во всех случаях, кроме расчетов об *отечестве*; подданные беспрекословно исполняли все веления его, не роптали на самые тяжкие опалы, отнимавшие у них имущество, свободу, жизнь, но как только сталкивались права родословные, обиженный отказывался от назначенной ему должности и часто охотнее подвергался ссылке в Сибирь, чтобы только не запятнать своей чести, то есть не стоять на равной степени с товарищем, прапрадед которого был в низшем звании в сравнении с его прапрадедом. Легко вообразить, до какой степени заботили государя пустые споры

людей самых близких к престолу и сколь пагубны были неминуемые следствия несогласия, породжаемого местничеством. Наиболее терпело от него государство в военное время. Во-первых, потому что правительство при выборе воевод должно было руководствоваться не личными достоинствами, а родословными правами, следовательно, выбор падал нередко на людей неспособных; во-вторых, потому, что при всех стараниях государя нельзя было избежать столкновения родословных прав: в таком случае самая очевидная опасность не могла образумить людей упрямых, воеводы отказывались от мест и не хотели вести войско, когда неприятель был уже в пределах государства. Мало того, распределение мест по *отечеству* нередко обнаруживалось на поле брани, воеводы кичились службою своих предков и выдавали друг друга. Наветы их погубили Шеина под Смоленском, Ромодановского под Конотопом, Шереметова под Чудновым, Хованского в Литве и проч.

Местничество тем более приносило вреда, что равно опасно было и обуздывать его, и поддерживать. Борис Годунов хотел искоренить зло явным пренебрежением родословных счетов, строгим наказанием послушников и вооружил против себя общественное мнение. Михаил Федорович не решился идти наперекор веку, рассматривал жалобы недовольных и до того уважал общий предрассудок, что велел спасителя России, князя Пожарского, через год после изгнания поляков, выдать боярину Салтыкову за неправое местничество. Следствия были не менее пагубны: ни одна война не проходила без споров и каждая оканчивалась поражением наших войск. Алексей Михайлович вполне понимал весь вред и всю нелепость предрассудка, но, считая невозможным искоренить его, облегчал зло мудрою мерою: при начале почти каждого похода объявлял строгое повеление быть воеводам без мест и не считаться родословными правами, с тем, что назначение их не будет принимаемо в расчет впоследствии и не должно служить им укоризною. Правда, эта мера не всегда имела успех, и не раз упорство сановников разрушало лучшие планы Алексея, но печальные опыты уже доказывали необходимость искоренить зло.

Федор Алексеевич решился уничтожить местничество. Поводом к тому послужила признанная всеми необходимость лучшего устройства ратей для отпора новому, опасно-

му врагу — туркам. Государь, немедленно после заключения договора с Оттоманской Портой, повелел составить думу из выборных чинов военного сословия под председательством умного, образованного вельможи князя Голицына, с тем чтобы она рассмотрела, какие нужно принять меры для обороны государства от врагов, обнаруживших в деле ратном много искусства и новые хитрости. Дума признала необходимым дать лучшее устройство войску, установить единство в действиях, разделить полки на роты, вместо же сотенных голов назначить ротмистров и поручиков, без всякого отношения к правам родословным. Вслед за тем по воле государя она представила примерный список ротмистров и поручиков. Но так как в этом списке не были указаны из-за малолетства дети Трубецких, Одоевских, Куракиных, Ромодановских и других вельмож, следовательно, надлежало опасаться упреков, гонений, всеобщего несогласия в государстве, то для *совершенного устроения* дума просила не допускать на будущее время родословных расчетов ни в каких случаях, ни в военных, ни в посольских, ни при дворе, ни в приказах. Федор того только и ждал: созвал торжественный собор из верховных сановников, светских и духовных, предложил им мнение выборных людей, описал самыми мрачными красками весь вред, всю нелепость местничества и требовал совета. Собор единогласно говорил, что время уничтожить столь пагубный предрассудок. Государь спешил воспользоваться счастливою минутою и, зная, что одного постановления недостаточно, что распри возобновятся, если будет к тому повод, повелел принести разрядные книги и в присутствии собора предать их огню, для утешения же столбовых фамилий позволил составить *родословную книгу* единственно с той целью, чтобы память предков не исчезла. Собор постановил быть всем чинам без мест и служить там, где государь укажет, под опасением строгого наказания в случаях прекословия.

IV. ИОАНН V И ПЕТР I ПОД ОПЕКОЙ ЦАРЕВНЫ СОФИИ (1682—1689)

Смерть Федора, лишив Россию государя умного, украшенного истинно царскими добродетелями, тем более опечалила отечество, что некому было принять скипетр из

рук его. Он оставил после себя двух братьев, Иоанна и Петра. Первый достиг совершеннолетия, но телесные недуги не позволяли ему заниматься делами правления, второй отличался умом необыкновенным, но был только 10 лет. К довершению несчастья, Федор не назначил ни преемника себе, ни правительственной думы, как прежде бывало в подобных случаях, и оставил подданных в недоумении. Между тем двор, уже с последних лет царствования Алексея Михайловича разделялся на две неприязненные партии, из коих одна держалась фамилии Милославских, другая — дома Нарышкиных. Милославские приблизились к престолу по свойству с первою супругою царя Алексея Михайловича, Марией Ильиничной, матерью пятерых сыновей (в том числе Федора и Иоанна), и шести дочерей, из которых наиболее достопамятна царица *София*¹⁵. Нарышкины были родственники второй царицы, Наталии Кирилловны, пережившей супруга и имевшей одного сына Петра с двумя дочерьми. Непримируемая вражда разделяла обе партии со времени смерти Алексея Михайловича. Милославские, чтобы удалить Нарышкиных от двора, успели обвинить их перед Федором в намерении возвести на престол после смерти Алексея четырехлетнего Петра. Федор, кажется, не был убежден в их преступлении, однако счел нужным сослать в Пустозерск главного руководителя дома Нарышкиных, Артемона Сергеевича Матвеева, мужа знаменитого умом и любовью народною.

После смерти Федора Нарышкины превозмогли своих совместников. Люди благомыслящие были на их стороне: Петр уже в младенческих забавах обнаруживал такие таланты, что все желали видеть его на престоле и не опасались малолетства государя в надежде на благоразумие матери его Наталии Кирилловны и боярина Матвеева. Иоанн не спорил с братом и охотно уступил ему корону, когда на вопрос патриарха Иоакима, кому быть преемником Федора, государственные чины отвечали единогласно: *Петру*. Он был признан царем в Москве, за Москвою присягнула ему вся Россия беспрекословно.

Но Милославские не хотели уступить Нарышкиным и, ослепляемые властолюбием, для свержения соперников прибегли к преступным мерам. В Москве и других городах со времен Иоанна Грозного находились отряды постоянного войска под именем стрельцов. Обязанные бессмен-

ною службою для охраны общественной тишины и безопасности, они жили в городах особенными слободами, разделялись на полки, зависели в управлении, суде и расправе от особого высшего ведомства, стрелецкого приказа, пользовались многими преимуществами пред другими служилыми людьми, получали определенное жалованье, хлеб, воинские снаряды, освобождены были от податей и могли торговать беспошлинно. Более других ратных людей того времени привычные владеть оружием, которого никогда не покидали, они неоднократно содействовали успехам наших войн с неприятелями и оказывали постоянное усердие к престолу. Но с тех пор, как им дозволено было пускаться в торговые промыслы, столь несообразные с воинским званием, многие из них разбогатели, считали службу тягостью, предавались роскоши, разгульной жизни и завели у себя, по казацкому обычаю, круги, в которых судили и рядили о низших начальниках, добираясь и до высших. Признаки солдатского своеволия обнаружались перед самою кончиною царя Федора Алексеевича. Стрельцы определили в своих кругах избавиться от многих полковников, заслуживших общую ненависть отчасти строгостью, отчасти притеснениями, и приготовили челобитную, исполненную дерзких угроз. Она представлена была преемнику Федору Петру. Новое правительство, еще слабое, старалось укротить волновавшихся стрельцов ласками, и в угождение им строго наказало семнадцать полковников. Стрельцы, казалось, были довольны и присягнули Петру, но дух мятежа не исчез — требовалось одной искры. Милославские решились употребить их орудием своей злобы: вскоре разнеслась молва, что Нарышкины, при содействии иноземных врачей, погубили Федора и грозят подобною участью брату его, царевичу Иоанну. В преступном заговоре участвовала и сестра Иоанна, царевна София, которая, с редким умом соединяя безмерное честолюбие, досадовала на устранение брата своего от престола, завидовала Наталии Кирилловне и не могла забыть, что если бы Иоанн был царем, кормило правления непременно досталось бы ей. Агенты ее действовали с успехом. Через две недели после воцарения Петра в стрелецких слободах вспыхнул мятеж. Обманутые ложною молвою, стрельцы с неистовством вломились в кремль, окружили дворец, хотели видеть Иоанна, увидели его, думали разойтись, но подстрекаемые клевере-

тами Софии, говорившими, что рано или поздно Нарышкины изведут царевича, бросились на обреченные заранее жертвы, умертвили до 70 человек, в том числе двух братьев Наталии Кирилловны, боярина Матвеева, Языкова и других сановников, сверх того объявили царевича Иоанна государем вместе с Петром, а Софию провозгласили правительницею. Патриарх и двор умоляли ее исполнить желание войска для спасения государства от новых бедствий, она притворно отказывалась, наконец согласилась.

Присвоение двадцатипятилетнюю царевною верховной власти мимо двух вдовствующих цариц, двух теток и двух старших сестер*, решительнее всего свидетельствует о преступном участии Софии в стрелецком бунте. Но дела приняли такой оборот, что она могла раскаяться в своем желании править государством, и ей стоило многих трудов, чтобы спасти себя, свое семейство, самую церковь от тех опасностей, которые были следствием ее безрассудного честолюбия. Одно зло рождало другое. Стрельцы, обласканные правительницею, награжденные отчинами своих жертв, даже похвальными грамотами и почетным наименованием *надворной пехоты*, не знали пределов своеволия: с шумом являлись во дворец, спорили с боярами, требовали новых наград, теснили граждан и готовы были снова взволноваться при первом удобном случае. Своеволие их было тем опаснее, что в то самое время обнаружилось зло иного рода, грозившее потрясти все государство: секта староверов явно восстала на правительство. Она возникла в первые годы святительства Никонова, по случаю исправления церковных книг и введения живописных икон. Предшественник Никона, патриарх Иосиф, заметив, что рукописные книги, за недостатком печатных употребляемые в церквях, наполнены были грубыми ошибками, поручил особой комиссии исправить их и напечатать. Выбор пал на людей отчасти злонамеренных, отчасти зараженных предрассудками: то были протопопы Аввакум, Стефан, попы Лазарь, Никита, диаконы Федор и Григорий, знаменитые впоследствии ересиархи. Частью по суеверию, частью по невежест-

* Царицы были: Наталия Кирилловна и Марфа Матвеевна, вторая супруга Федора; тетки: Анна и Татьяна Михайловны; старшие сестры: Евдокия и Марфа Алксеевны. София родилась в 1657.

ву, может быть даже с умыслом, они издали бывшие в руках их неисправные списки без всяких поправок, включив даже нелепые толкования. Никон, приняв звание первосвященника, спешил перепечатать книги, изданные при патриархе Иосифе, по другим спискам, сверенным с текстом, и строго наказал прежних поправщиков. Преданные суровым патриархом истязанию, расстриженные и изгнанные из Москвы, они удалились в села и деревни с злобою в сердце и разгласили в народе, что святая вера гибнет, что Никон отступил от православия. Вопли их поколебали людей суеверных: возникла странная секта старообрядцев, сперва в отдаленных лесах, потом обнаружилась в селах и городах. Она отвергала, вместе с исправленными книгами, все, что ни вводил Никон для благолепия церкви и торжественности богослужения, живописные иконы, согласное пение и проч. Порожденная суеверием и невежеством, не имея ни догматического основания, ни политической цели, эта секта не заслуживала названия раскола и, слабая в начале, могла быть уничтожена без труда мерами кротости или, еще скорее, презрением. Никон считал нужным и возможным истребить ее страхом наказания, и только увеличил число людей, упорных в заблуждении. Лжеучители нашли последователей даже в духовенстве. Соловецкий монастырь в последние годы жизни царя Алексея Михайловича отрекся от повиновения не только патриарху, но и самому государю, выдержал долговременную осаду и с трудом был усмирен оружием. Вопреки всей строгости мер, принятых Алексеем и Федором к уничтожению нелепого соблазна, старообрядцы появились и в Москве. Здесь они уже давно имели многих тайных последователей в стрельцах. Сам начальник их, князь Хованский, человек ограниченного ума, был старовер.

Ободренные удачею стрелецкого мятежа и тайно подстрекаемые Хованским, староверы спешили воспользоваться слабостью правительства и, в один день окружив Успенский храм, где патриарх Иоаким совершал литургию, требовали торжественного прения о вере. София, при явной склонности Хованского и многих стрельцов к мятежу, не имея средств обуздать крамольников силою и опасаясь восжечь войну междоусобную, решила обличить лжеучителей в нелепых толках, и приняв от них челобитную, повелела патриарху рассмотреть ее. Созван был

собор из высших сановников духовных и светских, под председательством самой Софии. Начальникам старееров дозволено также явиться в палату собора. Святители рассмотрели каждый пункт челобитной и без труда опровергнули их от первого до последнего. Один из ересиархов, Никита Пустосвят, видя слабость своего учения, до того озлобился на ревностного защитника православия, Афанасия, архиепископа Холмогорского, что бросился к нему и едва не задушил его. Такое неистовство, при красноречивых укоризнах Софии, воспламенило в стрельцах, непричастных соблазну, усердие к престолу и образумило многих единомышленников Никиты, увидевших в нем безрассудного мятежника. Верные долгу стрельцы спешили переловить его сообщников, которые частью разбежались. Сам он был казнен.

Но едва миновала одна опасность, обнаружилась другая: начальник стрелецкого приказа, князь Хованский, неумеренным честолюбием возбудил новые беспокойства. Явным потворством заслужив любовь стрельцов, он хотел самовластия, не слушал царских указов, грозил новыми мятежами и, как носилась молва, думал даже овладеть престолом. При тогдашних неурядицах надлежало всего страшиться. София, постигая всю опасность, решилась взять стрельцов в свои руки, чтобы избавить государство от новых зол. По обыкновению она удалилась в Троицкий монастырь со всем царским семейством, пригласила Хованского с сыном, под предлогом объяснения по делам, велела схватить их на дороге и отрубить обоим головы. Стрельцы хотели отомстить за смерть своего покровителя и снова произвели мятеж, но узнав, что дружины городовые, призванные царевною, подоспели к ней на помощь, изъявили раскаяние и выдали главных крамольников. Более других виновные были казнены, прочие сосланы в отдаленные города. В Москве же оставлены только те, на которых София могла положиться в случае надобности, и начальство над стрелецким приказом вверено Шакловитому, готовому исполнять все ее желания. Дух мятежа так несвойствен русскому народу, что беспорядки, бывшие в Москве, не простирались далее столицы и не нарушали спокойствия государства, наслаждавшегося глубокою тишиною. Обуздав стрельцов, правительница обратила все внимание на дела внешние, не упуская из

вида и внутренних. Семилетнее господство ее ознаменовано таким умом, такую заботою о лучшем порядке суда и расправы, о благоустройстве общественном, даже о смягчении народных нравов*, что, казалось, возобновилось мудрое правление Алексея Михайловича, и София могла бы назваться достойною исполнительницею его предначертаний, если бы не преступным образом получила верховную власть.

Польша, как и прежде, была главным предметом внешней политики нашего двора. София с искусством и успехом пользовалась обстоятельствами времени. Польский король Ян III (Собеский), после неудачной войны с турками, начавшейся еще при его предшественнике, уступил султану Подолию, жалел о потере и помышлял поправить неудачу. Для этой цели он заключил союз с императором Леопольдом I, также утратившим большую часть Венгрии; к союзу их приступила Венеция; сверх того папа обещал вооружить и всю Европу. Положено было напасть на Турцию со всех сторон. Султан хотел уничтожить в самом начале все планы союзников решительным ударом. Визирь осадил Вену. Ян III подоспел ей на помощь, разбил турок наголову под стенами столицы, вытеснил их из австрийских владений и перенес оружие на берега Дуная в Молдавию и Валахию. Но вся тяжесть войны пала на него одного: император помогал слабо и даже спорил за трофеи Венской победы. Утратив надежду на помощь немецких войск, король искал других союзников, умолял всех европейских государей предпринять крестовый поход, вел переговоры с персидским шахом, более всего желал содействия России, которая, по своему положению и по своим средствам, могла развлечь силы султана. Послы его один за другим являлись в Москве с убедительными письмами к обоим государям о союзе против турок. Правительство наше, после заключения Бахчисарайского договора, не имело повода к разрыву с турками, и скорее могло желать ослабления Польши, чтобы тем легче возвра-

* Главные узаконения: 1683 г. Сыщиков наказ для пресечения побегов крестьян от помещиков, Писцовый наказ для размежевания отчин и поместьев; многие дополнительные к Уложению постановления о суде и расправе, о поместьях, отчинах, благочинии и др. Она заботилась об основании театра.

тить русские земли за Днепром, о чем заботились все московские государи от Димитрия Донского до Федора Алексеевича. По крайней мере такая политика была бы согласна с правилами варшавского двора, который, вопреки договорам, не только не помогал нам во время жестокой борьбы с турками, но даже хотел воспользоваться затруднительным положением нашим и требовал Смоленска, Киева со всею Украиною. С другой, однако, стороны, турки, отняв у Польши Подолию, могли овладеть большей частью Литовского княжества и приблизиться к московским пределам, чего мы постоянно избегали при тогдашней силе Оттоманской Порты и при неутомимом стремлении султанов к новым завоеваниям. Кроме того, в награду за содействие королю можно было надеяться убедить его к прекращению всех притязаний Польши на Смоленск, Украину и Киев, неоднократно возобновлявшихся после Андрусовского перемирия. Хотя эти притязания не имели никакого веса, тем не менее София желала кончить навсегда недоразумения между обоими дворами, как для того, чтобы лишить Польшу всякого повода к разрыву в случае войны России с другими соседями, так и для того, чтобы заслужить славу окончания тридцатилетнего спора за Малороссию, изнурившего государство: она могла приобрести общее доверие и утвердить себя на престоле. Действуя в таком смысле, царица не отказывалась от союза с королем, но требовала, чтобы он согласился на вечный мир. Переговоры тянулись около двух лет, под руководством умного вельможи, князя *Голицына*¹⁶. Ян III долго тешил себя надеждою победить нашу непреклонность, наконец, должен был согласиться на все требования Софии. Послы его заключили в Москве в 1686 году *договор*¹⁷, коим король отказался навсегда от всех городов и земель, уступленных России, до известных сроков, при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, сверх того, обещал покровительствовать в своем государстве последователям православной веры.

Исполняя московский договор и надеясь блеском побед еще более заслужить общее доверие к своим талантам, следовательно продлить свое господство, София вооружила такое войско, с каким Иоанн Грозный завоевал Ливонию, Алексей все Литовское княжество. Около 200000 че-

люлек под начальством Голицына двинулись на Крым, чтобы сокрушить последнюю татарскую орду. Голицын два раза предпринимал поход и каждый раз неудачно. В первом походе он не дошел даже до Перекопа: недостаток съестных припасов, нестерпимый зной, степные пожары принудили его возвратиться без боя, с весьма значительной потерей. Невзирая на явную неудачу, правительница, верная своему плану, наградила Голицына и других воевод так, как прежние государи не жаловали за самые блестящие победы. Второй поход был равно безуспешен: Голицын достиг Перекопа и сразился с татарами, но битва была нерешительна, войско, истомленное трудными переходами через степи, потеряло всю бодрость, и Голицын поспешил возвратиться в Москву, где София осыпала его новыми наградами.

Петр до сих пор не принимал никакого участия в делах правления. Он жил с матерью в селе Преображенском, редко являлся в Москву, единственно для торжественных случаев, для приема послов, для праздничных выходов. Между тем достиг совершеннолетия, знал свои права и требовал, чтобы София сложила с себя правление, однако тщетно: царица упорствовала в желании быть самодержицею, как она стала именовать себя, наравне с обоими царями, со времени заключения вечного мира с Польшею. Неудача последнего крымского похода была поводом к явному несогласию; Петр порицал все действия правительницы, в особенности неуместные награды. С каждым днем она убеждалась более и более в непреклонной воле брата вступить в свои права. Он потребовал, наконец, чтобы София не являлась народу при торжественных выходах. Тут увидела царица, что ей остается или уступить брату, или устранить его самого, и решила на последнее, в надежде поддержать себя снова стрельцами. Шакловитый взялся умертвить Петра, по желанию ли Софии или без ведома ее, неизвестно. Но злодейский заговор был открыт двумя сообщниками Шакловитого, которые ужаснулись при мысли о царубийстве и с раскаянием явились в Преображенское. Петр удалился в Троицкую лавру как единственное убежище от рук злодеев. За ним последовали все верные долгу и присяге, число их несравненно превосходило число крамольников. Одни стрельцы, и то не все, держа-

ли сторону Софии. Москва не думала за нее вооружаться. Равнодушие к ней было очевидно. Оставленная, наконец, почти всеми, даже родными сестрами и тетками, удалившимися в Троицкую лавру, царевна смирилась. Петр заключил ее в Новодевичий монастырь, с торжеством вступил в Москву и начал править государством, не лишив царского имени Иоанна, который сохранял его до самой смерти (1696), без деятельного впрочем участия в правлении.

ГЛАВА VIII

ОЧЕРК РУССКОЙ СТАРИНЫ

Конец XVII века был завершением древнего русского мира: с наступлением XVIII столетия в государстве Московском, под скипетром Петра Великого, начинается новый порядок вещей, настает новый мир; в княжестве Литовском обнаруживается сильное влияние Польши. Чтобы понять, в каком состоянии нашел свое государство Петр и какую перемену произвели поляки в судьбе западной Руси, необходимо бросить взгляд на главные формы, в которых проявлялась жизнь русского народа в конце XVII века, когда в Восточной Руси она вполне развилась из собственных начал и созрела пред серпом Петровым, а в Западной, после векового изнеможения под игом поляков, едва не угасла. И так как жизнь народа, достигшего известной степени гражданского устройства, всегда обнаруживается в трех видах, в государственном, общественном и частном, или семейном, то следует рассмотреть: 1. *жизнь государственную*, или те формы, в которых Русь являлась в кругу прочих держав как общество гражданское, составленное из разных сословий и управляемое верховною властью, на основании своих законов; 2. *жизнь общественную*, или те формы, в которых народ обнаруживал свои промышленные, умственные и нравственные силы; 3. *жизнь частную*, формы домашнего быта каждого сословия. Предметы первого отделения: 1. верховная власть, 2. церковь, 3. народные сословия, 4. основные законы, 5. образ управления, 6. суд и рас-

права, 7. дело ратное; предметы второго отделения: 1. промышленность земледельческая, мануфактурная и торговая, 2. монета, мера, вес, 3. науки и художества, 4. язык; предметы третьего отделения: 1. нравы и обычаи, 2. одежда, пища и проч. Подробное развитие этих предметов слугит содержанием особенной науки о *русских древностях*.

1. ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ

В России верховная власть законодательная, правительственная и судебная сосредоточивалась в одном лице *государя, царя и великого князя всея Руси*. Права неограниченного единодержавия установились со времен Иоанна III, уничтожившего все преграды, которые встречало оно в удельных понятиях и в притязаниях ханов Золотой Орды. Не надобно впрочем думать, будто этот государь присвоил то, чего не имели его предки: как при начале Руси, так и во время господства удельной системы, даже под игом монгольским, каждый владетельный князь был самодержавен в своей отчине, относительно к подданным; он спорил за уделы с родственниками, с равными себе князьями, но не встречал соперников ни в высших сословиях, ни в городах, ни в духовенстве. Иоанн наследовал ту же власть и только расширил круг ее действия за пределы Московского княжества, присоединив к нему отчины других поколений Владимира Святого так точно, как присоединяли их к своему княжеству Ярослав I, Владимир Мономах, Андрей Боголюбский, Даниил Галицкий, Димитрий Донской. Преемники Иоанна утвердили его великое дело, и хотя Василий Шуйский, вступив на престол, дал присягу, в угоду своей партии, не казнить никого без суда боярского, не отнимать имений у наследников преступника, а Владиславу предписаны были земскою думою многие другие условия, но как в том, так и в другом случае выражалось не общее желание ограничить верховную власть, а совсем иное побуждение. Обет Шуйского изумил все сословия, как дело неслыханное, и скорее повредил ему, чем принес пользу. Условия же, предписанные Владиславу, как иноземцу, клонились единственно к охранению прежнего порядка вещей: этими условиями земская дума надеялась спасти то, чем дорожил народ. Лучшим доказательством всеобщего убеждения в необходимости самодержавия для России слу-

жит восшествие на престол Михаила Федоровича: ему и потомству его государственные чины вручили ту же власть, какую имела прежняя династия, без всяких условий.

Государь имел исключительное, неограниченное право издавать законы, отменять прежние постановления, увеличивать подати, распорядиться государственными доходами, воювать и мириться, судить, награждать и наказывать своих подданных по произволу. Особа его была священна и неприкосновенна. Иноземцы, бывшие в Москве в XVI и XVII столетии, единогласно свидетельствуют, что русские смотрели на государя как на земного Бога и безропотно исполняли его веления. Впрочем, несправедливо говорят некоторые из писателей иностранных, что русские цари руководствовались одним произволом: они имели неоспоримое право издавать и отменять постановления, но в то же время признавали святость закона, так, что ни в одном европейском государстве закон не имел более силы, чем в нашем отечестве. С постепенным развитием понятия о самодержавии установились исключительные преимущества верховной власти: титул, престолонаследие, коронация, избрание супруги, двор.

Московские государи до Иоанна III именовались *великими князьями всея Руси*. Иоанн установил двойкий титул, большой и малый; в первом исчислялись все подвластные ему области таким образом: «Божиею милостию великий государь Русския земли, великий князь Иван Васильевич, царь всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Псковской, Тверской, Югорский, Вятский, Пермский, Болгарский и иных»*. При каждом из его преемников царский титул распространялся, по мере приобретения новых земель; при Василии III прибавлены слова: «государь и великий князь Новгорода, Низовския земли, Смоленский, Черниговский, Рязанский, Волоцкой, Ржевский, Бельский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдор-

* Иоанн III не всегда назывался царем, однако нередко; постоянно же так именовался Иоанн IV с 1547 года; примеру его следовали и преемники до Петра Великого. Слово царь есть не сокращенное *caesar*, а древневосточное, сохранившееся в языке еврейском и введенное к нам переводом Библии. С этим словом соединили у нас идею самодержавной власти; оттого в летописях и государственных актах называются царями императоры византийские, ханы кипчакские, султаны турецкие. Западных же венценосцев мы называли королями.

ский, Кондийский»*. При Иоанне IV: «царь Казанский, царь Астраханский, всея Сибирския земли и северных стран повелитель и государь Лифляндския земли». При Федоре I: «всея Руси самодержец». При Михаиле Федоровиче, вместо Лифляндския земли «государь Иверския земли, грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных многих государств государь и обладатель». При Алексее Михайловиче: «государь царь и великий князь всея великия, малыя и белыя России, Литовский, Волынский, Подольский, Витебский и иных многих государств и земель восточных, западных, северных, отчич, дедич и наследник, государь и обладатель». Большой титул употреблялся преимущественно в отношениях с иноземными государями, вообще в делах посольских; в прочих случаях, со времен царя Алексея Михайловича, довольствовались словами: «государь царь и великий князь великия, малыя и белыя России»**.

Порядок престолонаследия основан был на праве первородства в прямой нисходящей линии; он установился также со времен Иоанна III, принявшего коренным законом, что державная власть переходит от отца к сыну и притом должна быть нераздельною. Мысль о естественном праве сына на отцовское достояние обнаруживалась и прежде, с самого начала Руси; но два обстоятельства препятствовали ее развитию: от незрелости гражданских понятий думали, что старший в семействе, дядя, имеет всегда преимущество пред младшим, племянником, и что в отцовском достоянии каждый сын должен иметь свою часть и притом равную. Понятия о первородстве, о старейшинстве, о равенстве всех сыновей сталкивались одно с другим и порождали непрерывные междоусобия. В доме Иоанна Калиты,

* В отношениях с австрийским двором Василий называл себя Император; цесарь, со своей стороны, именовал его *Kauser*. Титул императора давали короли английской и французской Иоанну IV, Федору I и Михаилу Федоровичу.

** Слово Россия встречается в государственных актах и прежде Алексея Михайловича, именно при Борисе Годунове, но не столь постоянно; чаще писали Государство Московское. По всей вероятности, оно введено первоначально старинными филологами нашими, которые, основываясь на греческом произношении рос, стали употреблять его в актах церковных, откуда оно перешло и в государственные. В XVI веке Герберштейну говорили, что Россия есть настоящее название страны, обитаемой русским народом.

частью от политики князей, частью от случайных обстоятельств, право старейшинства было устранено, и верховная власть переходила от отца к детям, с тем, однако, что старший сын великого князя наследовал титул и большую часть городов отцовских, а младшие сыновья получали особенные уделы, с правом самостоятельного господства и с неременною обязанностью признавать великого князя общим судьей и миротворцем. Такой порядок престолонаследия обнаруживал более зрелые понятия о верховной власти; но для поддержания его, для единства государственного, надобно было отнимать уделы у боковых линий, и жестокая борьба Василия Темного с двоюродными братьями могла несколько раз повториться, если бы Иоанн не успел установить коренным законом нераздельность самодержавия в прямой нисходящей линии. Василий Иоаннович мог передать престол трехлетнему сыну, уже без всякого прекословия со стороны братьев. Совершеннолетие наследника считалось с 15 лет. В случае малолетства преемника для управления государством царь назначал верховную думу или регентство из ближайших родственников и знатнейших вельмож.

Со времен Иоанна III каждый новый государь, исключая сына его Василия, через несколько дней после вступления на престол *венчался на царство*. Нет сомнения, что и прежде князья, принимая верховную власть, освящали свое право торжественным обрядом: по свидетельству летописей, многие из них, при занятии великокняжеской столицы, были встречаемы духовенством с крестом и святыми иконами, шли прямо в соборную церковь, брали с народа присягу и садились на *столе отче и дедне* (на престоле отцовском и дедовском). Под владычеством монголов князья московские объявляемы были великими князьями всея Руси в соборном храме Владимирском. Но торжество в подобных случаях до конца XV века ограничивалось, кажется, благословением митрополита и народною присягою. Иоанн III установил обряд коронации, впервые совершенный над внуком его Дмитрием и впоследствии дополненный его преемниками. Сей обряд происходил в 1498 году таким образом.

В назначенный день государь, сопровождаемый двором, ввел пятнадцатилетнего Дмитрия в церковь Успенской Богородицы, где приготовлен был амвон с тремя се-

далищами для государя, преемника и митрополита. Близ амвона стоял аналой, на нем лежали венец и бармы Мономаха*. После молебна Богоматери и св. чудотворцу Петру Иоанн и митрополит сажались; Димитрий стоял на высшей ступени. Государь, обратясь к митрополиту, сказал, что предки его искони давали великое княжество первоуродным сыновьям своим, что он также благословил старшего сына своего (Иоанна Младого); но так как его не стало, то благословляет внука великим княжеством Владимирским, Московским, Новгородским; в заключение требовал благословения первосвященника. Митрополит пригласил князя вступить на амвон, осенил его крестом и, положив руку на главу его, громко молил о благодати Всевышнего. Архимандриты подали бармы. Иоанн принял их из рук митрополита и возложил на внука; потом надел на него венец. После многолетия Димитрий принимал поздравления сперва духовенства, потом бояр и других сановников; слушал литургию, ходил в венце и бармах на поклонение святым иконам и мощам, также праху предков, в храмы Архангельский и Благовещенский. При выходе из Успенского собора сын Иоанна Юрий осыпал его в дверях золотыми и серебряными монетами. Великолепный пир и дары заключили торжество.

Иоанн Грозный венчался на царство почти с теми же обрядами, как и Димитрий. Коронация Федора Иоанновича была торжественнее: митрополит вручил ему скипетр, помазал мирром и приобщил святых тайн; сверх того говорил речь, в которой напомнил главные обязанности венценосца: хранить закон и царство; иметь духовное повиновение к святителям и веру к монастырям; уважать бояр и их родовое старейшинство. В тот же день объявлены многие милости. Венчание Федора служило образцом для его преемников.

Форма народной присяги на верность новому государю установлена Борисом Годуновым: все чины клялись перед иконою Владимирскою служить верою и правдою царю, царице и детям их; не изменять им ни словом, ни делом; не вредить ни зельем, ни чародейством; доносить о всяких скопах и заговорах; не уходить в чужие земли.

* Бармы — драгоценное украшение со священными изображениями, покрывают грудь и плечи. Их возлагают на себя наши государи при коронации.

Во времена удельные князья избирали себе невест преимущественно из княжеских и других владетельных домов: одни женились на русских княжнах; другие на греческих царевнах; третьи на польских принцессах, даже на дочерях половецких ханов. Государи московские следовали тому же правилу до великого князя Василия Иоанновича, который впервые отступил от господствовавшего обыкновения: он и преемники его до конца XVII века избирали себе невест из класса подданных*. Выбор государевой невесты производился обыкновенно, впрочем не всегда, из числа многих девиц. Для этой цели, по царскому указу, дворяне знатные и незнатные привозили в Москву к назначенному сроку своих дочерей; здесь они представлялись государю, который смотрел более на личные достоинства, чем на знатность рода, и означал свой выбор, вручая платок той, которая более других ему нравилась.

По единогласному свидетельству иноземных наблюдателей, царский двор в конце XVII столетия, не уступая ни одному из дворов европейских в многолюдстве, в богатстве, великолепии, отличался от них восточную пышностью и особенным этикетом. Московский этикет, вопреки мнению некоторых писателей, был не подражанием сарайскому, а следствием политики Иоанна III и постепенного раз-

* Симсон Гордый женат был на Марии, княжне Тверской; Иоанн II на Феодосии, княжне Брянской; Димитрий Донской на Евдокии, княжне Нижегородской; Василий I на Софии, дочери Витолда; Василий II на Марии, княжне Боровской; Иоанн III сперва на Марии, княжне Тверской, потом на Софии, царевне Греческой. — Василий III на Соломонии, дочери простого дворянина Сабурова; по разводе с нею, на Елсене, дочери литовского выходца Василия Глинского; Иоанн Грозный, после смерти своей первой супруги Анастасии Романовны, дочери окольного Роману Юрьевича Захарина, на Марии, дочери черкасского князька Темрюка; в третьем браке на Марфе, дочери новгородского купца Собакина; в четвертом на Анне, дочери незнатного сановника Колтовского; в пятом на Анне Васильчиковой; в шестом на Василисе Мелентьевой; в седьмом на Марии, дочери незнатного сановника, Федора Нагого; Федор I на Ирине Годуновой; Борис на Марии Скуратовой; Василий Шуйский на княжне Буйносовой-Ростовской; Михаил Федорович сперва на княжне Долгорукой Марии Владимировне, потом на Евдокии Лукьяновне Стрешневой; Алексей Михайлович на Марии Ильиничне Милославской, после смерти ее на Наталье Кирилловне Нарышкиной; Федор Алексеевич на Агафье Семеновне Грушецкой, после смерти ее на Марии Матвеевне Апраксиной; Иоанн Алексеевич на Прасковье Федоровне Салтыковой. Первою супругою Петра Великого была Евдокия Федоровна Лопухина.

вития идеи о самодержавии. Монголы не произвели замечательных перемен в устройстве великокняжеского двора: как при них, так и до них царедворцы в собственном смысле были немногочисленны; лица, окружавшие великого князя, составляли в одно время и двор его, и совет, и войско; должности гражданские не различались резко от придворных. Исключительные звания царедворцев с определенными преимуществами, с известною степенью в разряде гражданских сановников установлены Иоанном III, который, вскоре после брака с царевною Софьей, учредил сан конюшого, ясельничего, постельничего, казначея. Этот умный государь подражал не сарайским ханам, а греческим императорам. Сходство многих чинов московских с византийскими, в особенности же самих обрядов придворных, подтверждает эту догадку. Преемники Иоанна понимали его мысль, увеличивали число должностей и уже к концу XVI века образовали двор многочисленный, во многом сходный с византийским.

В XVII столетии он состоял из множества сановников, которых вообще можно разделить, по различию обязанностей, на три главные разряда: одни имели под своим надзором отдельные части дворцового ведомства; другие исправляли разные должности при особе государя; третьи составляли почетную стражу и прислугу. К первому разряду относились: 1. *дворецкий*, главный начальник дворцового приказа и зависевших от него царских волостей и сел: соединяя в лице своем обязанности нынешнего обер-гофмаршала и министра императорского двора, он имел надзор вообще над всеми царедворцами и в особенности над лицами, управлявшими отдельными частями, из которых *степенные ключники* заведовали дворами сытным, кормовым, хлебным; *дворцовые стряпчие* — царским погребом; *казначей* — казною и сокровищами; *оружейничий* — царским оружием; *шатерничий* — всем, что относилось до украшения царских палат; *истопничий* наблюдал за чистотою и порядком внутри дворца. 2. *конюший* (обер-шталмейстер) начальствовал над обширным ведомством, конюшенным приказом и приписанными к нему землями и волостями; помощником ему служил *ясельничий*: в ведении его находились столповые приказчики, смотрители царских конюшен, *стремянные конюхи* (берсейторы), *возницы* и проч. 3. *сокольничий* и 4. *ловчий* управляли двумя отдельными,

также значительными в старину частями, соколиною и звериною охотою. Из царедворцев, исправлявших при особе государя разные должности, знаменательны: 1. *кравчий*, один из важнейших сановников, главный надзиратель всего, что относилось к царскому столу; 2. *чашиник* наблюдал за добротой царских напитков; 3. *постельничий* за государевую опочивальнею; 4. *стряпчие* имели в своем ведении царскую шапку, рукавицы, посох и проч.; 5. *стряпчие с ключом* держали ключ от царских покоев; 6. *рынды* стояли обыкновенно близ трона во время торжественных случаев. Лица, не исправлявшие при дворе определенной должности, служившие отчасти стражею и во время похода составлявшие собственный царский полк, имели звание *стольников*. При торжественных пиршествах они ставили на царский стол кушанья и снимали их; угощали послов; сопутствовали государю во время путешествий и походов; многие сверх того назначались в разные гражданские и военные должности, воеводами в города, начальниками отрядов, посланниками, гонцами и проч. Наконец при дворе находилось множество *дворян и жильцов*, людей благородного звания, присылаемых из городов поочередно, для охраны особы государя, для большей пышности двора и для исправления разных должностей.

Пышность русского двора более всего обнаруживалась при торжественном приеме послов иноземных. Дворец наполнялся, кроме царедворцев, государственными сановниками. Все они являлись в богатых парчовых и бархатных кафтанах, в высоких собольих и чернолисых шапках. Нередко присутствовало высшее духовенство и почетное купечество. Царь сидел на серебряном троне, в одежде, облитой золотом, унизированной драгоценными камнями, с короною на голове, с скипетром в одной руке, с державою в другой. По сторонам его стояли рынды, в белых атласных кафтанах, высоких шапках, с золотыми на груди цепями, висящими крестообразно, с секирами на плече. Вдали от трона, по обеим сторонам приемной палаты, сидели патриарх, митрополиты, архиепископы, бояре и другие знатные сановники. Посол должен был несколько раз кланяться и, приветствуя государя, неоднократно повторять весь царский титул. По окончании аудиенции он был угощаем во дворце (или на дворе посольском) роскошным пиром, который часто продолжался от полудня до вечера. Обилие

яств и напитков, груды серебра и золота, блестящий наряд царедворцев, торжественность, с которою государь угощал, все приводило иностранцев в изумление.

В Литовском княжестве, при первом образовании его Гедимином, Ольгердом и Витовтом, верховная власть законодательная, правительственная и судебная сосредоточивалась так же, как и в Московском государстве, в одном лице великого князя, имевшего неограниченное право мира и войны, суда и расправы, награждения и наказания. Со времени несчастного союза с Польшею дела приняли иной оборот. Когда Ягайло вступил на престол Пястов, в польском королевстве обнаружались все признаки грядущего безначалия: магнаты уже предписывали условия королю и присвоили себе многие из прав его. Ягайло не только не думал об усилении королевской власти, к чему тогда стремились все европейские государи, но и в наследственном княжении вводил польский образ правления. К этому странному поступку побуждали его два главных обстоятельства: ревность к обращению русского народа, ему подвластного, в латинскую веру и старание удержать Литовское княжество, отторгаемое Витовтом и Свидригайлом, за своим родом. Для достижения той и другой цели он старался уравнивать оба народа во всех правах гражданских. Первый шаг был сделан: преемники его уже не в силах были удержать порывы безначалия. Все, что отнимали у короля поляки, распространялось и на Литовское княжество: поляки же не знали меры необузданному своеволию, и хотя литовские чины нередко чуждались заносимых из Польши нововведений, несогласных с русским характером, с русским образом мыслей, в особенности с русскими понятиями о необходимости самодержавия, но польский сенат постоянно был верен правилу уравнивать оба народа, чтобы тем крепче соединить их. Оттого польская зараза распространялась и усиливалась в Литовском княжестве при каждом новом короле: ибо каждый потомок Ягайло упускал более и более королевских прав из рук своих. При Ягайло начались сеймы из высших сановников светских и духовных, для суждения о делах государственных; при сыне его Казимире установились сеймики, посылавшие на общий сейм своих депутатов, из мелкого дворянства, без согласия которых король не мог ни на что важное решить-

ся; при Александре, сыне Казимира, дворянство захватило в свои руки большую часть королевских поместьев и лишило короля обильного источника силы; при Сигизмунде I оно уже спорило с королем о праве войны и налога; при Сигизмунде Августе стало вмешиваться в семейные дела своего государя, с угрозой требуя развода с королевою; Генриху Валуа были предписаны многие условия, с объявлением, что если он не исполнит их, поляки вольны сложить с себя подданство; Сигизмунд III был судим сеймом, признал себя виновным и, положив начало конфедерациям или восстанию дворянства против короля и сената, вел с ними войны и заключал договоры как с соседними державами; наконец, при Яне Казимире получило силу закона *liberum veto*¹, или право каждого сеймового депутата уничтожать постановление целого сейма одним словом: *не по волюю*. После таких ударов власть королевская разрознилась, ослабла к концу XVII века. Король стал не верховным повелителем, в котором сосредоточивались бы все пружины власти, как было прежде, а высшим сановником, которому подданные предписывали законы даже в семейной жизни его. Утратив право издавать законы, судить преступлений, распоряжаться и господствовать, он отличался от подданных только тем, что, по древнему обыкновению, имел королевский титул, вступая на престол, совершал обряд коронования, окружал себя многочисленным двором, председательствовал в сенате, раздавал звания и награды, от своего имени обнародовал законы, вообще сохранял наружные признаки верховной власти; но существенных, королевских прав ее не имел: они были у него отняты и достались отчасти сейму, отчасти сенату, еще более дворянству. В Польше не было средоточия, которое находим и в республиках; там все было в раздоре и разладе: даже королевы постоянно спорили с королями.

Одною из главных причин ослабления королевской власти был беспорядок в престолонаследии. Уже при Ягайло было принято за правило, что король при жизни своей не может назначить себе преемника и что государственные чины изберут из его фамилии достойнейшего. Такое правило влекло за собою множество неустройств; по крайней мере еще знали, где искать нового короля. По пресечении же династии Ягеллоновой последняя надежда на лучшее престолонаследие исчезла: поляки стали избирать

королей из разных домов чужеземных, скликали кандидатов, предлагали им условия, разделялись на партии, ссорились и нередко решали свои споры саблями, дозволяя в то же время вмешиваться в свои дела иноземцам.

Ничто не может сравниться с теми бедствиями, которые испытало вместе с Польшею Литовское княжество, с постепенным ослаблением верховной власти. Закон был бессилён: ибо некому было охранять святость его. Каждый шляхтич считал себя вправе издавать и отвергать законы. Нельзя однако не заметить, что литовско-русские чины, только по стечению многих запутанных обстоятельств, допустили против воли водвориться в их отечестве польскому безначалию: несколько раз, как уже неоднократно мы видели, они старались разорвать тягостный союз с Польшею, поручая судьбу свою московским государям.

II. ЦЕРКОВЬ

Церковь установилась в нашем отечестве на прочном основании, в стройном виде, вскоре после введения христианства на Руси. В Византии, откуда мы заимствовали святую веру, церковное устройство вполне было определено задолго до крещения Руси: главные вопросы, так часто и так продолжительно волновавшие умы на западе, о догматах и обрядах, о правах и обязанностях духовенства, об отношениях его к миру и верховной власти, на востоке, в Византии, давно были решены святыми отцами, исполненными глубокого смысла, истинного благочестия. Мы приняли церковь в прекрасном образе как благодать неба, как мирную наставницу, кроткую в душе, понятную уму и сердцу, с величественным глаголом славянским: мы встретили ее радостно и полюбили как мать родную.

В первоначальном виде она установилась по образцу византийской. Греческие святители принесли нам свои догматы и обряды, ввели торжественное велелепие богослужения, образовали иерархию; впоследствии сообщили уставы монастырские и Кормчую книгу, или собрание правил св. отцов и соборов по делам церковным. Единоверие и единомыслие поддерживалось особенно тем, что митрополиты всяя Руси и епископы до конца

XIII века были большею частью греки*. При таком образовании церковь наша составляла нераздельную часть православной вселенской, и Русь считалась в числе экзархий, подвластных Византийскому патриарху, который сосредоточивал в своем лице верховную власть духовного суда, разрешал недоумения и посвящал митрополитов. При всем том Российская церковь была более в союзе с Византийскою, чем в зависимости. Три обстоятельства, определенные при самом начале, утверждали ее самостоятельность: 1. патриарх мог назначить и посвятить митрополита не иначе, как с согласия великого князя; 2. не вмешивался в дела нашей церкви, если мы не обращались к его суду; 3. русские епископы имели право посвящать митрополита, избранного великим князем, не требуя согласия патриаршего. Сами византийские первосвятители признавали самостоятельность нашего митрополита, присылая к нему грамоты не за восковою печатью, а за свинцовою: эту честь они оказывали только владетельным особам.

Таким образом, первосвятителем Российской церкви, в точном значении слова, был митрополит Киевский и всея Руси. Он заведовал общими делами, наблюдал за чистотою веры, за точным исполнением уставов, посвящал епископов и только в особенных случаях обращался к суду Византийского патриарха. Вторую степень после него занимали епископы, управлявшие делами своих епархий, которых вначале было шесть: Киевская, Новгородская, Ростовская, Владимирская на Волыни, Белгородская и Черниговская. Епископы были избираемы князьями с спархиальным духовенством; посвящались митрополитом и вместе с ним составляли освященный собор. Подведомственное им духовенство разделялось также по образцу византийскому, только с меньшим числом степеней и сановников.

Первые князья христианские даровали духовенству важные преимущества, содействовавшие прочному утверждению церкви: со времен Владимира Святого и Ярослава оно имело свой суд, независимый от светского; пользова-

* По счету митрополита Евгения, до перенесения митрополии из Киева во Владимир на Клязьме в 1299 году было у нас 25 митрополитов: в том числе греков 18, русских 5, неизвестных 2.

лось всеми доходами с данных ему земель; не платило податей и налогов; имело право разбирать преступления против веры и благонравия, семейственные союзы: наблюдало, наконец, за торговыми мерами и весами. Руководством по управлению дел церковных была принята Кормчая книга, дополненная постановлениями соборов, бывших в России.

Заключая в самом начале все условия благоустроенного общества, где каждый член имел определенный круг, где все было в тесном союзе и при строгой подчиненности сосредоточивалось к одной цели, русское духовенство находилось в самых благоприятных отношениях к верховной власти и к миру. Митрополиты и епископы, зная свои права и обязанности, так хорошо определенные в Византии, более всего заботились о православии народном, о чистоте святой веры, о неизменяемости уставов, о строении церкви, и только по желанию, по призыву князей, принимали участие в делах государственных. Только в двух случаях они выходили на сцену мира и всегда к чести своего сана: они являлись или умными советниками государей, или кроткими миротворцами в княжеских распрях, и никогда не спорили о пределах власти светской и духовной: ибо одна не сталкивалась с другою². Брани удельные не могли разъединить церкви или поставить ее в разлад с властью: под громом междоусобий она наслаждалась тишиною, принимала в свои недра людей, утомленных распрями, и нередко мирила озлобленных родственников. Еще более услуг оказала церковь государям и отечеству, еще теснее соединилась с обществом, во время монгольского владычества. Ханы Золотой Орды, понимая всю важность духовенства, оказывали ему явное уважение в надежде склонить его на свою сторону, чтобы тем спокойнее господствовать над Русью: служители церкви были избавлены от податей и разных повинностей; земли их от оброка. Эта мера только содействовала размножению духовного сословия и усиливала его влияние на дела мира, ко вреду монголов. Во всех концах Руси возникли монастыри; уже при самом введении христианской веры составились братства из благочестивых отшельников, возненавидевших суету мира и устроивших обители по уставу Студийского монастыря; внутренние междоусобия размножили эти братст-

ва; при монголах число их увеличилось*. Иноки, воспламеняемые благочестивою ревностью, ободряли унывший народ, поддерживали дух крепости и мужества, смотрели на монголов как на злодеев Русской земли, вписывали в хартии бедствия отечества на память векам, и между тем, как святители всеми силами поддерживали родившуюся в уме Иоанна Калиты мысль о единой державии, они, при первой борьбе с монголами, благословляли народ на брань священную.

Столь же благодетельны были отношения Российской церкви к миру: чуждая духа нетерпимости, она исподволь, мерами кротости и убеждения, разливала свет религии во всех странах, где русские князья утверждали власть свою, и принимала под кров свой покоренных язычников без трудной борьбы, без насилия. Так крещена была страна Суздальская и Пермская, первая при Юрии Долгоруком, вторая при Димитрии Донском**; в той и другой возникали храмы прежде, чем появлялись города и села. Миряне видели в служителях церкви людей благочестивых, не зараженных ни духом любостяжания, ни жестоким фанатизмом, говоривших языком понятным и нечуждым общества,

* Древнейшими монастырями, основанными при первых князьях христианских, считаются: Киево-Выдубицкий, Киево-Златоверхомихайловский, Киево-Печерская лавра, Юрьев Новгородский и Новоторжский: они возникли в XI ст.; в XII основан 41 монастырь, в том числе Антониев Новгородский, Авраамиев Смоленский, Боголюбов Владимирский, Хутынь Новгородский; в XIII ст. 22, между прочими Великоустюжский, Отрочь, Данилов, Богоявленский Московский; в XIV ст. 80, в том числе Святогорский Псковский, Валаамский, Ипатьев, Троицкая Сергиева лавра, Евфимиев Суздальский, Андрониев, Борисоглебский, Ростовский, Чудов, Симонов, Савин Сторожевский, Кириллобелозерский, Макарьев Желтоводский; в XV ст. 70, в том числе Лужецкий, Соловецкий, Вяжский, Колязин, Печерский, Псковский, Волоколамский.

** Просветителем земли Пермской был юный монах, родом из Устюга, именем Стефан. Воспламененный ревностью к обращению идолопоклонников, он выучился языку пермскому, изобрел для него азбуку, перевел главные книги церковные и с евангельскою проповедью явился среди грубых язычников. Пермские слушали его с изумлением и крестились тысячами. Тщетно кудесники, или жрецы, старались вооружить против него народ: Стефан кротостью, умом и смирением заслужил общую любовь и доверие. Идолы были везде разрушены; кумирницы преданы огню; место их заступили святые храмы. Возведенный в сан Пермского епископа, Стефан довершил свое великое дело и оставил в народе благодарную о себе память. Он скончался в 1396 году и причтен церковью к лику святых.

с которым они соединялись узами родства кровного: брак был неперенным условием белого духовенства. Кроме того, миряне находили в пастырях разумных советников: при постоянных связях с Византией духовенство обладало многими, весьма важными для того времени сведениями: знало силу целебных трав, занималось врачеванием, могло разрешить вопросы людей любопытных о чуждых странах, о необыкновенных явлениях природы и о делах старины отдаленной.

Четыре века с половиною устраивалась наша церковь, представляя утешительное явление: извне она была спокойна, огражденная крепкою властью князей от излишних притязаний Византийских патриархов, тем менее доступная Римскому папе, уважаемая самими монголами; внутри наслаждалась глубокою тишиною: ее не возмущали ни секты, ни споры духовной власти с мирскою, ни даже богословские прения, свойственные греческому духовенству, несродные русскому, которое всегда их чуждалось. Иерархия наша образовала общество благоустроенное, покорное верховной власти, крепкое и нераздельное по составу своему.

В таком положении была наша церковь, когда Русь разделилась на две системы, на восточную и западную. С постепенным образованием двух самостоятельных государств возникли две независимые одна от другой митрополии, Московская и Киевская. Начало разделению иерархии положено при митрополите Фотии в 1416 году, когда Витовт принудил епископов Западной Руси избрать в Киевские митрополиты Григория Цимвлака; после Флорентийского собора разделение утвердилось*. С тех пор церковь испытала ту же участь, какую имели все элементы русской жизни: в Московском государстве, неуклонно следуя первоначальному назначению своему, она еще теснее прежнего соединилась с обществом и получила лучшее устройство, приспособленное к потребностям века и народа, не изменив главным основаниям своим; в Литовском княжестве, поставленная в невыгодные отношения к миру и верховной власти, она испытала жестокое гонение под игом иноверцев.

* К Московской митрополии в начале разделения иерархии причислялись епископства: Новгородское, Черниговское, Суздальское, Ростовское, Владимирское, Переяславское, Белгородское, Юрьевское, Рязанское, Тверское, Сарское, или Сарайское.

Московские государи весьма хорошо понимали все, чем обязана была Русь святой вере: они помнили, что церковь спасла самобытность народную, что в недрах ее являлись великие мужи, которые облегчали отечеству цепи рабства, поддерживали единовластие и служили для мирян примером доброй нравственности. Видя в церкви священный залог бытия народного, главный источник общественного благоустройства и образования, они старались поставить ее на высокую степень, жаловали духовенству все возможные льготы, в то же время строго смотрели за порядком церковного управления, за чистотою веры и тщательно берегли свое право на власть самодержавную, неограниченную.

Государи из дома Иоанна Калиты подтвердили духовенству все прежние права его и увеличили их новыми значительными преимуществами. Митрополиты стали деятельнее прежнего участвовать советами в делах государственных; благочестивые цари наши не предпринимали ничего важного, не спросив мнения первосвященника, имея впрочем право согласиться с ним и не согласиться. Это участие обнаружилось при Иоанне Калите, в особенности при Иоанне II, усилилось при Иоанне III и достигло высшей степени при Иоанне IV, когда митрополит Филипп убеждал государя отменить опричнину. С постепенным возвышением святительского сана ослабевала зависимость митрополита от Византийского патриарха, частью вследствие политики государей московских, не терпевших чуждого вмешательства в свои дела, частью вследствие неустойчивости, порожденных в Греции Флорентийским собором. Наконец, после завоевания турками Царьграда митрополит уже не испрашивал патриаршего утверждения и был посвящаем русскими епископами.

Заняв высшее место в ряду государственных сановников, митрополит, на основании дарованных ему грамот государями из дома Иоанна Калиты, управлял обширными поместьями своими независимо от светских властей, назначал подати и налоги, имел своих бояр, заместников, тиунов, стольников, дворян и других сановников. В суд его никто не вмешивался. Соразмерные преимущества получало и прочее духовенство. Многим монастырям и соборам пожалованы были государями несудимые и тарханские грамоты: первые давали им право независимого суда и управ-

ления в монастырских землях; вторые освобождали их от разных повинностей, налогов, пошлин и проч. При таком устройстве церковного управления духовенство в XVI столетии обладало несметными богатствами, имело в своих руках обширные поместья и могло выставить целые полки для царской службы.

Невзирая, однако, на все эти преимущества, на право самостоятельного суда, на изъятие от большей части общественных повинностей, духовенство оставалось по-прежнему в безусловной зависимости от власти самодержавной: только государь мог назначить, по собственному выбору, митрополита и других святителей; только его согласие давало силу несудимым, тарханским и поместным грамотам; каждый царь имел неотъемлемое право подтвердить их или уничтожить; так, при Иоанне IV установлено было законом, что монастыри не должны более увеличивать свои поместья и укреплять за собою без царского указа новые земли, если даже они будут отказаны духовными завещаниями частных лиц. В случае несогласия между светским и духовным ведомством государь решал дело по своему усмотрению. Одним словом, он был, как и прежде, верховным судьей, законодателем, правителем.

Учреждение патриаршего престола в Москве при последнем потомке Иоанна Калиты Феодоре Иоанновиче не изменило отношений церкви ни к миру, ни к верховной власти. Патриарх отличался от митрополита только высшим званием по чину духовной иерархии, с большею торжественностью был посвящаем, священнодействовал с некоторыми отменами и как равный греческим патриархам первосвятитель управлял в полной от них независимости делами Российской церкви. Кроме того, вместе с новым саном учреждены четыре митрополии, Новгородская, Казанская, Ростовская, Сарская, шесть архиепископств и восемь епископств. Церковь получила более блеска, более определенности в отношениях святителей; но по внутреннему составу оставалась в прежнем виде. Патриарх был назначаем единственно волею государя, имел все права и обязанности прежнего митрополита, пользовался несудимою грамотою как царскою милостью, не вмешивался без воли самодержца в дела гражданские и сам подлежал ответственности.

Патриархи управляли Российской церковью с небольшим сто лет, с 1589 года по 1700. Их было 10, в следующем порядке: 1) Иов при Феодоре Иоанновиче и Борисе Годунове; 2) Ермоген при Василии Шуйском и во время междоусобицы; 3) Филарет и 4) Иоасаф I при Михаиле Феодоровиче; 5) Иосиф, 6) Никон, 7) Иоасаф II и 8) Питирим при Алексее Михайловиче; 9) Иоаким и 10) Адриан при Феодоре Алексеевиче и Петре Великом. Святительство патриархов ознаменовано постоянною заботою о церковном устройстве вследствие живой, ясной мысли, пробудившейся с восшествием на престол дома Романовых, о необходимости лучшего порядка по всем отраслям государственного управления. Церковь наша, имея чистые начала, не допускала в свои недра значительных беспорядков; но из-за влияния разных обстоятельств неустройства были неизбежны: многое, что приносило пользу Московскому княжеству в XIV и XV веке, например, увеличение монастырских поместий, оказалось неудобным для Русского царства в XVII столетии; вкравшись сверх того злоупотребления, порожденные невежеством. В стремлении патриархов к церковному устройству обнаружился в полном блеске кроткий характер нашего духовенства, столь несходный с характером латинского: когда папы, вопреки очевидной невозможности, упорствовали в старинных предрассудках, шли наперекор веку и воспламеняли в Европе кровавые войны, наши благочестивые иерархи, большею частью по собственному побуждению, упреждали время, видели все, что было вредно, сознавали необходимость перемен, даже отказывались от многих преимуществ, уступая их миру, и ревностно содействовали, по крайней мере не прекословили стараниям государей о благоустройстве общественном. При них изданы многие постановления о церковном благочинии; низшее духовенство поручено строгому надзору епископов и благочинных; отменены тарханские грамоты, которыми пользовались монастыри, в подрыв государственной казне и промышленности; подтверждены указы Иоанна Грозного о неувеличении церковных земель; исправлены служебные книги; введено в церквах согласное пение; определены ясно права патриарха, обязанности его, отношения к духовенству и к верховной власти, наконец, для образования достойных служителей церкви учреждена в Москве духовная академия под названием Славяно-греко-латин-

ской. Таким образом, сохранив во всей чистоте догматы святой веры, получив определенное устройство, слившись с народною жизнью, церковь наша исполнила свое назначение и мирно управляла совестью людей, ободряя народ в години несчастья, возвышая и укрепляя дух его верою в Провидение, усердием к престолу.

При чистоте начал, при определенности отношений, при непоколебимости уставов церковь наша не представляла повода к соблазну и, крепкая собственною силою, без труда уничтожала все, неизбежные в обществах, замыслы людей злонамеренных или суеверных, старавшихся потревожить ее спокойствие. Так, в правление Димитрия Донского открылась в Новгороде секта *стригольников*³, основателем коей был какой-то изувер Карп Стригольник: он утверждал, что иереи, поставляемые, по тогдашнему обыновению, с некоторой платой, недостойны своего сана и что истинные христиане должны от них удаляться. Многие поверили ему, и в Новгороде произошло волнение: раздраженный народ утопил Стригольника в Волхове; секта его тем более усилилась. Димитрий спешил известить о том патриарха Цареградского: патриарх советовал не употреблять насилия и искоренить зло одним убеждением. В самом деле, посланный великим князем в Новгород Суздальский архиепископ Дионисий без труда успокоил совесть людей простодушных, доказав, что плата, определенная законом, не есть лихоимство, и примирил их с церковью. Ересь пресеклась в самом начале.

При Иоанне III обнаружилось зло другого рода, и также в Новгороде. Еврей Схариа, хитрый враг христианства, успел обольстить людей слабоумных, даже из духовного звания, иудейскою каббалою, наукою пленительною для невежд, основанною будто бы на преданиях Моисеевых, на книге, полученной Адамом от Бога, на искусстве изъяснять сновидения, угадывать будущее, и нашел многочисленных последователей в самой Москве, даже при дворе великого князя. Он действовал тем успешнее, что немногим была известна главная цель его учения — поколебать христианство в самом источнике. Но как скоро эта цель обнаружилась усердием Новгородского архиепископа Геннадия и св. Иосифа Волоцкого, Иоанн принял свои меры: собор, по воле его, предал ересь проклятию, а виновников ее осудил на заточение. В конце жизни его она вновь от-

крылась; государь решился на крайнее: главные преступники были сожжены всенародно. С тех пор *жидовская ересь*⁴ не возобновлялась не столько от строгости великого князя, сколько от нелепости самого соблазна.

Были и другие случаи, менее замечательные. Все они имели столь слабое основание, что не могли породить никакой секты, и если летописцы представляют их в виде опасного раскола, то это должно приписать единственно пламенному усердию нашего духовенства к вере чистой: самый ничтожный случай воспламенял его благочестивую ревность. По крайней мере достоверно, что никакой раскол не поколебал церкви в Московском государстве до половины XVII века, когда возникла секта староверов, начавшаяся при патриархе Никоне, усилившаяся в конце XVII столетия, неискорененная и доныне. Она родилась от стечения многих, совершенно посторонних для церкви обстоятельств. В характере наших предков было вообще заметно уклонение от всякой новизны, как вредной, так и полезной: они хотели жить и думать, как жили и думали отцы и деды; умели ценить новое, иноземное; но лучше желали остаться при своем, при старом. Такой образ мыслей, с одной стороны, был источником многих благородных деяний, с другой стороны, порождал закоснелость ума и благоприятствовал предрассудкам. Всякое новое учреждение в церкви должно было потревожить совесть людей простодушных: так и случилось. Патриарх Никон, признав необходимость исправить напечатанные при его предшественнике, Иосифе, служебные книги и приступив к делу, при пособии многих ученых иноземцев, призванных из Греции, даже из Литовского княжества, где уже господствовала Уния, возбудил против себя сильный ропот; личная ненависть прежних издателей книг содействовала умножению числа недовольных; наконец, введение живописных икон и некоторые другие перемены дали повод людям злонамеренным вооружить закоснелых в предрассудках сперва против Никона, потом против всего духовенства. Излишняя строгость к пресечению зла довершила остальное: образовалась многочисленная секта староверов, разделявшаяся на многие толки. Все они принимают за основание, что службу должно совершать по книгам, напечатанным прежде Никона, поклоняться старым иконам, креститься двумя перстами, имя Спасителя писать Иус, вместо Ии-

сус, и прочее. Сверх того, каждое толкование имеет еще свои правила. Сначала староверы скрывались в скитах, в глуши лесов, потом появились в селах и городах, наконец в самой Москве, и при царевне Софии произвели сильное волнение. Сколь ни бедственно было зло, сколь ни пагубны плоды его, но стоит только вникнуть в основания, чтобы убедиться, как нелепо заблуждение и как легко оно должно исчезнуть само собою, с постепенным развитием ума: нигде здравый смысл так не благоприятствует церкви, как в нашем отечестве; чем более узнаем ее, тем более чтим ее святость.

Иной была участь православной церкви в западной Руси. Там со времени восшествия Ягайло на польский престол начался непрерывный ряд бедствий; настало гонение православной веры, сперва тайное, временное, потом с конца XVI века открытое, постоянное, систематическое. Следствия были ужасны, равно вредны и для Литовского княжества и для Польши: обнаружился раскол; возникли две непримиримые партии; умы заразил фанатизм; запылали религиозные войны; к концу XVII века правая сторона изнемогла; гонители взяли верх; но не успели искоренить веры чистой и приготовили горькую чашу своим детям и внукам.

Началом бедствий православной церкви в Литовском княжестве было обращение Ягайло из политических видов в латинскую веру; дети его и внуки, подобно ему, слепо преданные папе, не могли быть покровителями православия; правда, великие князья литовские неоднократно издавали постановления о свободе вероисповедания в своем государстве*, но, во-первых, нередко сами нарушали их, устраняя некатоликов от занятия государственных должностей; во-вторых, латинское духовенство, пользуясь явным предпочтением и покровительством великих князей литовских, утесняло православие, заводя свои монастыри, соблазняя народ, основывая свои школы для воспитания юношества; в особенности усилилось оно после Флорентийского собора, когда лжепатриарх Исидор успел возвести на Киевскую

* Ягайло в 1433 году; Казимир в 1440; Александр в 1499; Сигизмунд Август в 1569; Генрих Валуа в 1573; Стефан Баторий в 1576; Сигизмунд III в 1587; Владислав IV в 1633; Ян Казимир в 1649; Михаил Корибут в 1669; Ян III Собесский в 1676; Август II в 1697.

митрополию клеврета своего Григория Болгарина. При таком затруднительном положении мирские выгоды не могли не поколебать людей слабодушных, соблазняемых кроме того езуитами. Но все старания римского двора до конца XVI столетия большею частью оставались бесплодными: Флорентийское соединение было отвергнуто; после Григория Киевского митрополией в течение 150 лет управляли святители, избираемые православными епископами и утверждаемые греческими патриархами. Духовенство вообще было верно своему долгу и закону праотцов; дворянство и народ, с немногими исключениями, были непоколебимы в православии. Знатнейшие фамилии в западной Руси и Литве держались греческого закона*. Литовское княжество в конце XVI века состояло из 9 епархий; ими управляли православные епископы: 1) Владимирский и Брестский; 2) Луцкий и Острожский; 3) Полоцкий и Витебский; 4) Львовский и Каменец-Подольский; 5) Перемышльский и Самборский; 6) Хельмский и Бельский; 7) Пинский и Туровский; 8) Киевский и 9) Могилевский. Верховная власть церковного управления сосредоточивалась в особе митрополита, имевшего со времен Григория Цимвлака свое пребывание в Вильне, отчасти в Новогородке и Киеве. Митрополит, в свою очередь, подлежал суду Византийского патриарха. Догматы, обряды богослужения, церковные правила, все оставалось неизменным, как было прежде до разделения Всероссийской иерархии.

В таком положении находились дела, когда возникла Уния. Встреченная всеобщим ропотом русского народа, но поддерживаемая польским правительством и римским двором, в особенности иезуитами, она быстро распространилась по Литовскому княжеству и произвела бедственный

* Из князей: Вишневецкие, Волынские, Головчинские, Друцкие, Горские, Добровицкие, Заславские, Збаражские, Корецкие, Коширские, Крошинские, Лукомские, Масальские, Огинские, Острожские, Полубенские, Пузины, Рожинские, Сангушки, Слуцкие, Соколинские, Соломо-рецкие, Чарторыжские. Из дворян: Боговитины, Боксы, Бржовские, Воины, Воловичи, Вяжевичи, Гарабурды, Глебовичи, Горностаи, Гулевичи, Дорогостайские, Деревинские, Ермолинские, Загоровские, Зеновичи, Калиновские, Кирдесвы, Кмиты, Кышки, Копецы, Корсаки, Кропивницкие, Ложки, Мелешки, Мишковы, Обуховичи, Олизаревичи, Павловичи, Пацы, Поцы, Сапегы, Сосновские, Семашки, Тышкевичи, Тризны, Халецкие, Ходкевичи, Хрептовичи, Чолганские, Шишкевичи, Ярмолинские и многие другие.

раскол, ознаменованный ожесточением партий. Причины успехов Унии заключались не в склонности к ней народа, а в мерах, коими польское правительство ее распространяло.

В самом начале Сигизмунд III употребил насилие. Вопреки всеобщим жалобам благочестивых на Михаила Рагозу как на отступника король поддержал его в сане митрополита, изъявил милость сообщникам его, а после смерти Михаила избрал и утвердил преемником его главного виновника раскола, Ипатия Поцея; между тем строго запретил въезд в Литовское княжество греческим святителям, ловил их как самозванцев и не позволял избирать епископов православному духовенству, которое вскоре, по смерти Гедсона, осталось без пастыря, а после смерти Константина Острожского потеряло и последнего защитника. Вся надежда оставалась на единовенную Москву; но Москве, терзаемой самозванцами, не время было думать о делах литовских. Ободряемые Рагозою, Поцеем, Терлецким, при явном покровительстве короля, при беззащитном положении противников униаты быстро увеличивали число своих приверженцев надеждою мирских выгод.

Впоследствии, когда восстала за веру праотцов Малороссия, польское правительство, опасаясь встретить подобный ропот в других областях Литовского княжества, прекратило явное гонение и прибегло к другим мерам. Эти меры в XVII столетии были приведены в систему и постоянно руководствовались королями, сеймом, сенатом, римским духовенством. Они были следующие: 1) на каждом почти сейме рассуждали о бедствиях раскола, порожденного Унией, о необходимости примирить партии, об утеснениях, которые терпело православное духовенство, и несколько раз были издаваемы в этом смысле законы, которыми повелевалось прекратить всякого рода насилия, даровать свободу вероисповедания и обеспечить гражданские права благочестивых*; но исполнение сеймовых конституций откладывалось от одного сейма до другого; между тем униаты и иезуиты действовали неутомимо. 2) Пользуясь явным покровительством королей, униаты, в особенности перешедшие в Унию латинские монахи, для занятия мест епископских, под разными

* Таковы сеймовые конституции: 1607, 1609, 1618, 1620, 1627, 1631, 1632, 1633, 1635, 1641, 1647, 1648 и т. д.

предлогами, прибирали к своим рукам богатейшие монастыри и приходы; могли обещать тишину, богатства, почести своим последователям; уделом же православных было постоянное, хотя скрытное, гонение; в особенности терпело духовенство: священники были обвиняемы и судимы по ложным доносам; подвергались позору и унижению, зависели от произвола польских помещиков, даже от жидов, и, лишенные всех средств к образованию, впадая в нищету и невежество, не могли иметь влияния на мирян. 3) Но более всего содействовали успехам Унии езуиты: с самого начала XVII столетия они успели уничтожить все почти школы, основанные для образования православного духовенства и дворянства, завели свои училища, где с свойственным искусством внушали ненависть ко всему русскому, любовь и уважение ко всему польскому.

При таких мерах, к концу XVII столетия, униаты не только утвердились в Литовском княжестве, но и приняли многие обряды латинские: на Брестском соборе 1594 года положено было в основание Флорентийское соединение с тем, чтобы литургия совершалась по старине, на русском языке, чтобы все догматы и обряды церковные остались неприкосновенными, чтобы в избрании и посвящении митрополита и епископов папы не участвовали: вопреки сему униаты с каждым поколением более и более отдалялись от православной церкви в образе богослужения, в обрядах, в храмовых украшениях; наконец, стали требовать папского утверждения своим епископам.

Все это жестоко волновало православную церковь в Литовском княжестве, постепенно уменьшая число сынов ее; самые ревностные из них, терпя горе и унижение, принимали Унию, дети их и внуки веру латинскую. В двух только пунктах поддерживалось благочестие: в Киеве, где со времен гетмана Сагайдачного возобновлен был сан православного митрополита, и в Могилеве, где также находился православный архиепископ. Во всех прочих епархиях епископами были униаты; правда, и здесь низшие классы народа большею частью не изменяли закону предков; но, подвластные иноверным помещикам, поверженные жидами в нищету и невежество, они были слабою опорой православия.

III. СОСЛОВИЯ НАРОДНЫЕ

Образовав гражданское общество, под влиянием христианской веры и монархической власти русский народ уже в первые века жизни государственной заключал начала свойственного всем европейским народам разделения на четыре главные сословия: духовенство, дворянство, средний и низший классы⁵. Развитие этих начал совершилось, однако же, при других обстоятельствах и имело иные следствия. Самостоятельность российской церкви, соединенная с зависимостью первосвященника ее от государя, поставила духовенство в другие отношения к миру; крепость монархической власти при отсутствии феодалной системы дала иное направление дворянству и, естественно, имела решительное влияние на состав среднего и низшего класса. Права и обязанности духовенства объяснены в статье о церкви, здесь обратим внимание на прочие три сословия.

Дворянство, в смысле благородного класса людей, служивших государю и отечеству в разных почетных званиях и пользовавшихся особенными преимуществами, существовало в русской земле искони. Оно было неминуемым следствием установления монархической власти. Лица, окружавшие князя, как исполнители воли его, как помощники в управлении государством, становились на высшую степень в сравнении с другими подданными и выходили из разряда простолюдинов: заслуги отца облагораживали сына, который с отцовским именем и достоянием более других имел средства приблизиться к престолу, приобретал то же или высшее звание и передавал воспоминание семейных заслуг потомству как родовую собственность. Таким образом наследственное благородство установилось уже в первые веки бытия Руси. На нем основалось русское дворянство.

Ядром нашего дворянства была княжеская *дружина*. Первоначально она состояла из норманнских витязей, имевших даже титул светлых князей, вероятно, по их происхождению от скандинавских конунгов, из славянских старейшин, или начальников поколений, из лиц, доказавших государю свое усердие, служивших ему умом и мечом. Под общим именем *мужей княжих* они имели разные звания, самым почетным было боярское, которое *жаловалось*

немногим за особенные заслуги. Бояре исправляли важнейшие должности: были советниками князя, предводительствовали войском, управляли городами и областями, как полномочные наместники. Вторую степень после них занимали *отроки, мечники, гридни, тиуны*: они были телохранителями государя, избранными воинами, составляли его двор, производили именем его суд и исполняли все его веления. Владимир Святой говорил, что серебром и золотом не добудешь дружины, а дружиной добудешь то и другое. Все потомки его следовали этому правилу: изъевляли своим боярам и другим ближним людям особенное уважение, советовались с ними о всех делах важных, уделяли им часть воинской добычи и щедро награждали их преданность,

Впоследствии, с постепенным развитием понятий о верховной власти, то, что составляло дружину, стало именоваться *двором* (со времен Андрея Боголюбского). Титул светлых князей исчез, сделавшись собственностью одних потомков Владимира Святого. Отроки, гридни, мечники получили общее название *дворян и слуг* княжеских. Впрочем, обязанности их остались прежние: они были в одно время и царедворцами, и телохранителями, и воинами своего государя, исправляли, кроме того, разные должности гражданские. Бояре сохранили свой сан и по-прежнему были первостепенными сановниками при дворе и на поле ратном. Каждый потомок Владимира Святого имел свой двор или своих бояр и дворян, которых избирал преимущественно из людей благородных, доказавших свое усердие, и награждал их заслуги отчасти приобретенною добычею, отчасти землями с наследственным правом. И так как уделы дробились с каждым поколением, то по мере размножения княжеств размножалось число бояр и дворян. Редкий город не имел их, ибо почти каждый значительный город имел своего князя.

Между тем возник другой многочисленный класс людей свободных, благородных происхождением, имевших свои земли — то были *дети боярские*. По всей вероятности, первоначально так назывались потомки бояр. Звание боярское было столь почетно, что сыновья их без сомнения должны были гордиться своим происхождением, и так как не все могли получить места при дворе, то им не оставалось более другого звания, кроме детей боярских. Это звание

они передавали своим детям, внукам и правнукам, вместе с отцовским достоянием. Не имея определенной должности, они вошли в состав помещиков, свободных владельцев земли; сохранили, однако, понятие о том, чем были их предки, считали себе за честь служить князю на поле брани, являлись под знамена его с своими людьми и образовали в некотором смысле земское ополчение, готовое вооружиться по первому требованию. Князья постигли всю важность этого сословия и старались его увеличить. Для того включали в число детей боярских и непотомков бояр, то есть давали земли людям, способным к службе, с обязанностью быть готовыми к походу, и называли их детьми боярскими, потому что это слово уже означало не потомков бояр, а поместных владельцев. Дети боярские стали иметь доступ ко двору и вошли в сословие дворян, хотя не все преимущества были им предоставлены.

Князья московские, по примеру других князей удельных, имели своих бояр, дворян и детей боярских. С постепенным расширением их княжества увеличился и их двор. В состав его вошли: дворяне и дети боярские князей удельных, уступая в преимуществе собственно московским; знатные выходцы иноземные, получившие от государей земли на праве поместном; впоследствии все потомки удельных князей, отказавшихся от прав владетельных, они удержали большею частью титул княжеский, но не смели и думать о каких-либо особенных правах, и служили наравне с прочими подданными. Все эти лица образовали в совокупности то, что мы привыкли называть дворянством, хотя этого слова, в нынешнем его значении, не было в языке наших предков.

Русское дворянство могло гордиться своим началом: представляя благородное сословие людей, происходивших отчасти от племени Владимира Святого, отчасти от витязей, знаменитых заслугами или преданностью престолу, оно не уступало в знатности рода ни одному европейскому дворянству. Назначение, данное ему московскими государями, еще более увеличило его достоинство: русский дворянин был обязан непременно служить государю и отечеству в таком звании, которое соответствовало старинному понятию о мужах княжиих, о княжеской дружине. Ни в одном европейском государстве эта обязанность не была столь определительна и неизбежна, как в России. Каждый

служил до последних сил, до гроба царю и отечеству, пользовался уважением сообразно с званием, коего достигал, и своими заслугами облагораживал детей, внуков, правнуков, так, что его потомки гордились службою предков и считали их доблесть семейною. Из этого только начала могло возникнуть местничество, обычай вредный по следствиям, но благородный по началу, ибо в основание расчетов, при занятии должностных мест, брали фамильные заслуги.

Оттого у нас не было ни почетных титулов, ни чинов, не соединенных ни с какою должностью, были только степени, означавшие личный сан, с определенным кругом обязанностей и с соразмерными преимуществами. Первую, высшую степень занимали сановники государственные, бояре, окольные и думные люди; вторую — придворные, стольники и стряпчие; третью — военные, дворяне московские, дворяне городские и дети боярские.

Бояре были первыми лицами в большой думе или верховном совете, занимали первоклассные должности воевод, наместников, послов, управляли приказами, ведали делами Москвы во время царского отсутствия, вообще считались знатнейшими сановниками и имели право выезжать с многочисленною свитою. *Окольные* заведовали преимущественно судом, заседали в думе с боярами, назначались большею частью товарищами их или в должности второстепенные. Нередко, впрочем, исполняли и важные поручения, наряду с боярами, посольские, придворные, военные, гражданские. Число бояр и окольных в разное время составляло от 5 до 70. *Думные люди* были те лица, которые, не достигнув еще звания боярина или окольного, имели однако право присутствовать в большой думе и судить о делах государственных.

Стольники и *стряпчие* были преимущественно сановники придворные. Первые, во время торжественных пиршеств ставили яства на царские столы и исправляли разные должности при особе государя, постельничих, рынд, возниц, вторые имели в своем ведении царские покои, одежды, разные части дворцового управления. Кроме того, те и другие были определяемы во многие должности военные, гражданские, посольские, наместниками в города, судьями в приказы, воеводами отдельных отрядов, посланниками, гонцами и проч. Стольники стояли выше стряп-

чих, и часто исправляли такие поручения, которые давались обыкновенно боярам. Сверх того, лучшие из них поступали в думные люди. В конце XVII столетия их считалось до 3000 человек.

Дворяне московские, то есть благородные люди, имевшие поместья в Московском уезде, должны были оберегать царский двор, служить телохранителями государя, в то же время часто употреблялись для важных поручений, в почетные должности судей, воевод, посланников. В начале XVII века их было до 300, а в конце до 2000. *Дворяне городовые* и *дети боярские*, поместные владельцы, обязанные преимущественно воинскою службою, составляли земское ополчение и главную силу наших войск. Они выступали в поход по первому приказанию, с своими людьми, которых вооружали и кормили на собственный счет, кроме того, по примеру московских, служили в разных гражданских должностях по своим городам. Лучшие из них, под именем *выборных* и *жильцев*, от 2000 до 3000, присылались поочередно в Москву для охранения царского двора. Многие из выборных и жильцев поступали в стряпчие, в стольники, также назначались гонцами, воеводами небольших городов и проч.

Все эти сановники принадлежали к тому классу людей, который впоследствии, со времен Петра Великого, получил название дворянства. Главные преимущества их были: свобода от платежа податей, право владеть землею и крестьянами (с конца XVI века), исключительный доступ ко двору и к должностям почетным. Общею обязанностью была царская служба. Сановники первых двух классов, государственные и придворные, назначались царскими указами; звание их было не наследственное, а личное. Впрочем, высшие степени принадлежали преимущественно известным родословным фамилиям. Два обстоятельства тому содействовали: 1) заслуги отца давали сыну все средства достигнуть равного звания, открывая доступ ко двору и дорогу к постепенному возвышению; 2) старинный обычай, имевший силу закона, требовал непременно равновесия фамильных прав: потомки знатных фамилий считали неприличным занимать одинаковую должность с такими лицами, которые не могли гордиться службою предков, иначе они бесчестили свой дом. Этот обычай, известный под именем местничества,

с одной стороны ставил правительство в необходимость избирать для почетных званий сановников только из известного круга, из людей родословных или таких лиц, коих предки удостоились чести быть вписанными в разряде. С другой же стороны, подстрекая самолюбие, рождал благородное соревнование между многими семействами и служил сильным побуждением к приобретению отличий. Таким образом высшее дворянство в некотором смысле было наследственным, по крайней мере люди родословные всегда имели преимущество перед неродословными, доколе Федор Алексеевич не уничтожил этого различия. Звание дворян и детей боярских обыкновенно переходило от отца к сыну. Как столько сын достигал совершеннолетия, ему давали поместье для отправления царской службы и записывали в звание отцовское. Для этой цели особенные чиновники под именем окладчиков отправлялись по царскому указу в города, разбирали, какие *недоросли* и *новики* были годны в службу, разделяли их на статьи, смотря по способностям, и отводили им участки. Земли давались всем вообще сановникам, не исключая и бояр соразмерно с степенью каждого, от 250 четвертей до 100; сверх того производилось и жалованье. Усердная служба награждалась повышением в сан, причаею к поместному и денежному окладу, обращением поместьев в отчину, дорогими шубами, кафтанами, золотыми ковшами, цепями. Самую лестную наградою было, если государь присылал придворного сановника спросить воеводу, отличившегося на поле брани, о здоровье. Преступники подвергались наказанию на основании общих законов: лишению сана, ссылке, кнуту, смертной казни.

Среднее сословие, заключаая в себе класс людей свободных, занимающихся преимущественно городскою промышленностью, возникло в нашем отечестве в первые века бытия его и до нашествия монголов имело значительный вес. Князья благоприятствовали успехам торговли, в коей и сами участвовали, покровительствовали людям торговым, дозволяли городам иметь свой суд и расправу. Владычество монголов, остановив развитие городской промышленности в самом зародыше, ослабило и среднее сословие. По свержении ига города не в силах были подняться: их подавляли многообразные нало-

ги, установленные внутри государства на торговые промыслы, права иноземцев на беспошлинную торговлю, исключительные льготы, дарованные монастырям. Тщетно дальновидные советники Иоанна Грозного старались возвысить среднее сословие, дозволив ему избирать по примеру новгородцев, собственных старост и целовальников, или присяжных, и даровав ему право собственного суда под наблюдением царских наместников. Оно так было бедно и несло столь тягостные повинности, что целые посады и местечки охотно записывались за боярами и другими знатными сановниками, считая для себя выгоднее быть в состоянии людей, подвластных помещику, чем пользоваться обременительным правом свободы. В самом деле посады и местечки, приписанные к боярам, имея сильных покровителей, избавлялись от многих налогов и подрывали промышленность городских обывателей. Алексей Михайлович, понимая всю важность торгового класса, более всех предшественников содействовал его благосостоянию и был истинным покровителем городов. При нем все торговые местечки и посады, приписанные к знатным людям, были объявлены отчиною государя; внутренние таможи и заставы, затруднявшие движение промышленности, большею частью уничтожены; разнообразные пошлины с перевозимых товаров облегчены; тарханные грамоты потеряли свою силу; иноземцы утратили право монополии. Мудрые меры его нескоро, однако, могли поставить среднее сословие на ту степень, которую оно должно было занимать. Для этого требовалась деятельность промышленности, которая, вследствие продолжительного влияния разных бедственных обстоятельств, находилась в совершенном упадке.

В XVII столетии среднее сословие разделялось на людей торговых и людей служилых. К первому классу относились: 1) гости, 2) гостинная сотня, 3) суконная сотня, 4) черная сотня. Ко второму: 1) стрельцы, 2) казаки, 3) пушкарки, 4) станичники и другие воинские люди. Звание *гостей* было жалуемо государем за особенные, важные заслуги. Оно доставляло многие преимущества: гость освобождался от земских и городских повинностей, отправлял за море товары, торговал оптом, не платил пошлин, мог владеть землею и крестьянами, имел приезд ко двору и был судим государем

или боярами*. К *гостинной и суконной* сотням причислялось лучшее купечество московское, торговавшее оптом и сукнами, с изъятием от многих пошлин. Из гостинной сотни избирались таможенные и кабацкие головы. Все прочие мелкие торговцы, также ремесленники, относились к *черной* сотне, к классу людей тяглых, обязанных податями и всеми городскими повинностями. Люди служилые, стрельцы, казаки, пушкари, станичники, принадлежали к среднему сословию в том смысле, что многие из них получали в собственность небольшие участки земли, могли отправлять торговые промыслы и пользовались многими льготами; которых не имело низшее сословие.

Низшее сословие разделялось на два класса, на крестьян и холопей. Крестьяне, вообще все люди, занимавшиеся сельскими промыслами, но не имевшие ни собственной земли, ни дворов, до конца XVI века были лично свободны: по собственному выбору они заключали условия на определенные сроки с поместными владельцами, пользовались их землею за известную плату, и по миновании срока, рассчитавшись с помещиком, переходили к другому или оставались у прежнего. Есть повод думать, что с самых древних времен был срок для обоюдных расчетов, Юрьев день осенний. Право переходить от помещика к помещику называлось *крестьянским выходом*. Оно влекло за собою множество неурядиц: народ, привыкнув к бродяжничеству, к полукочевой жизни, не заботился о сельском хозяйстве; многие земли оставались необработанными; в государственных доходах нередко обнаруживались недоимки; дворяне и дети боярские не могли выводить полное число ратников для защиты отечества. Для прекращения столь важных неурядиц в царствование Федора Иоанновича указом 1592 года повелено крестьянам оставаться на тех землях, где они жили; в 1597 году этот указ был подтвержден. Борис Годунов, вступив на престол, дозволил в 1601 году выход крестьянам мелких помещиков, но это распоряжение было оменено в 1606 году в правление Лжедмитрия, боярским приговором и в особенности ука-

* Несправедливо думают, что было еще торговое звание выше гостя, звание именитых людей. Так, со времен царя Василия Шуйского назывались Строгановы, которые были не купцы и не гости, а богатые помещики Сольвычегодские, имевшие свои города, крепости и войско. Наравне с первыми сановниками они писались с «вичем», например, Григорий Дмитриевич.

зом царя Василия Шуйского в 1607 году. С того времени крестьяне были приписаны к земле и стали принадлежать или государю, или духовенству, или частным владельцам. Различия между ними не было: они обрабатывали землю, платили оброк, подлежали суду владельца, исключая уголовные преступления, и были продаваемы вместе с землею. Звание *холопей* существовало также с самых древних времен: то были или пленники, или несостоятельные должники, давшие на себя кабалу, т. е. крепость служить заимодавцу до смерти или до известных сроков. Те и другие находились в полном распоряжении господина, не имевшего над ними только права живота и смерти.

В Литовском княжестве, до соединения его с Польшою, народные сословия имели те же названия, находились в тех же отношениях одно к другому, как и в московском государстве. Со времен Ягайло вследствие принятого поляками правила уравнивать оба народа во всех правах и преимуществах, установились польские формы, образовались два класса дворянского сословия. К первому относились высшие сановники духовные и светские, под общим названием *сенаторов*, архиепископы, епископы (римского закона), воеводы и каштеляны. Ко второму принадлежали все прочие лица благородного происхождения или возведенные частью королем, частью сеймами, в дворянское достоинство, под именем *шляхты*. Сенаторы светские были назначаемы из знатнейших фамилий, сохраняли свое звание до смерти, составляли совет государя, участвовали в сеймах и отправляли важнейшие должности военные и гражданские. Звание шляхетское было наследственное, переходило от отца к детям и соединялось с значительными преимуществами: шляхтич не платил никаких податей, владел своею землею и крестьянами безотчетно, участвовал в поветовых сеймиках и генеральных сеймах, если был избран в нунции, поступал во все земские почетные должности, также в духовные звания. Благородное происхождение, засвидетельствованное законным образом, герб, утвержденный сеймом, исключительное занятие воинскою или гражданскою службою, вот главные условия, которые в совокупности давали право на звание шляхтича. Он терял это право, если не хотел служить или был обвинен в уголовном преступлении, в особенности если отправлял торговлю или другой промысел. Последнее условие много содейст-

вовало усилению магнатов, или высшего дворянства: с постепенным размножением благородного сословия появились целые толпы бедных шляхтичей, которые, не имея ни кола, ни двора, не могли содержать себя иначе, как милостию богатых фамилий, поступали к ним в службу, отправляли при дворе их разные должности от дворецкого до кучера и на сеймах стояли грудью за своих патронов, готовые обнажить сабли по первому их слову.

При таком устройстве, где честный промысел мирного гражданина считался несовместным с благородным званием, где закон внушал презрение к промышленности, среднее сословие находилось в ничтожном состоянии. Жители городов, под общим именем мещан, не имели права ни владеть землею, ни участвовать в сеймах, несли тяжкие повинности и большею частью находились во власти магнатов, которые владели целыми городами. Ягеллоны старались поддержать промышленность и давали некоторым городам право магдебургское, на основании коего мещане зависели единственно от своего войта, избирали своих бурмистров, имели свой суд, пользовались правом розничной торговли, между тем, как иногородцы могли торговать у них только оптом, освобождались сверх того от многих налогов и пошлин, но эта мера не имела успеха, во-первых, потому что не все города получали подобные льготы, во-вторых, потому что и магдебургское право не спасало торгового класса от евреев, которые, захватив в свои руки всю промышленность, разорили вконец и городских, и сельских обывателей.

Евреи появились в Литовском княжестве и образовали отдельное сословие не прежде Ягеллонов. Пока русские земли, вошедшие в состав Гедиминова государства, находились во власти потомков Владимира Святого, евреи были там мало заметны: русские князья не позволяли им селиться в своих областях и нередко строго преследовали их. Той же политики держались московские государи. В особенности не жаловал их Иоанн Грозный, Федор Алексеевич подтвердил старинный закон не допускать их в Москву. В Польше, напротив того, они всегда находили приют, более всего размножились при начале крестовых походов. Гонимые в Германии, как враги Христовы, они толпами переселялись в Краков, где исстари было главное пристанище их, оттуда проникали в другие польские горо-

да. Болеслав, герцог Великопольский, в середине XIII века дозволил им строить синагоги и заниматься торговлею. Казимир Великий по слепой привязанности к еврейке Есфири подтвердил грамоту Болеславу, дав ей силу во всем королевстве. При Ягайло она распространена и на Литовское княжество. С тех пор народная промышленность пришла в совершенный упадок. Евреи овладели всеми отраслями се ко вреду всех сословий: дворянство было разорено арендаторами, городские и сельские обыватели доведены до нищеты шинкарями. Тщетно преемники Ягайло старались поправить зло, повелев евреям жить в городах отдельными кварталами, запретив брать более 20 процентов и торговать вином: они стали необходимы для шляхтичей, мещан и крестьян. Первым советником Яна III (Собесского) был еврей.

Низшее сословие состояло из земледельцев: они были приписаны к земле и находились в полном распоряжении помещиков, не дававших никому никакого отчета в управлении своими поместьями. Крестьян государственных почти вовсе не было: все они большею частью принадлежали дворянству.

IV. ЗАКОНЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Законодательство не достигло в нашем отечестве к концу XVII века того полного, разнообразного развития, какое находим мы в западных европейских государствах. Два главных обстоятельства были тому виною: во-первых, внутренние и внешние бедствия замедляли вообще успехи гражданственности; во-вторых, предки наши, незнакомые с римским правом, должны были сами изобретать все свои законы, исключая церковные, между тем как германские народы находили обильный запас основных начал в кодексе Юстиниановом. Оттого многие условия общественной жизни нашей, даже в конце XVII века, не были определены уставами письменными и сохранились только в виде обыновений, освященных веками. При всей неполноте старинные законы наши были, однако, достаточны для охраны личной безопасности и права собственности, постоянно выражали стремление к общественному благоустройству, основанное на здравых, чистых понятиях о доброй

нравственности, и, что всего важнее, были чтимы как непреложные веления верховной власти, коей народ привык повиноваться безусловно, ибо исключительное право издавать законы искони принадлежало единственно государю. Государи, с своей стороны, вполне понимали всю важность своего права: при каждом новом постановлении обыкновенно советовались с боярами, с высшим духовенством, нередко хотели знать потребности всего народа, призывали для этой цели выборных чинов в Москву и, по зрелом соображении, издав закон, строго наблюдали за исполнением его. В особенности ознаменовал себя истинным духом законодательным дом Романовых.

Древнейшие уставы наши принадлежат Владимиру Святому и Ярославу I. Нет сомнения, что и прежде их понятна была необходимость закона: самое пришествие Рюрика было следствием общего желания славян установить в земле их порядок, Олег в договорах с греками ссылался на русский закон, Ольга вводила разные уставы, но, по всей вероятности, у нас не было письменных законов до принятия христианской веры, которая, изменив многие отношения между людьми, пробудила мысль о законе письменном. Вместе с христианством появилось новое сословие — духовенство. Первоначально составленное из греческих миссионеров, оно спешило обеспечить свои преимущества. Владимир определил их уставом о церковном суде. Ярослав, подтвердив его и даровав духовенству новые преимущества, в то же время определил суд гражданский *Русскою Правдою*. Дети и внуки Ярославовы дополнили ее постановлениями о праве собственности. В этих первых законах, кроме главного предмета их, ясно выражались права верховной власти, отношения сословий, образ управления. Следовательно, главные условия юного общества были определены. Чего не решал закон, то решалось обычаем.

Внутренние междоусобия, наставшие после смерти Мстислава Великого, не давая князьям времени думать о внутреннем устройстве, замедляли успехи законодательства; еще менее могли благоприятствовать им монголы. Между тем гражданские понятия изменились, Русская Правда устарела и не могла решать всех случаев, немногие грамоты удельных князей не могли дополнить этого недостатка, и когда Русь разделилась на две системы — на московскую

и литовскую — в той и другой обычаи служили вместо закона. Эти обычаи, освященные веками, в московском государстве постепенно принимали форму закона, изменяясь и развиваясь по мере успехов внутреннего устройства, сообразно с потребностями века и народа. Право издавать закон, искони принадлежавшее верховной власти, сохранилось неприкосновенным. Каждый государь из рода Иоанна Калиты, тем более из дома Романовых, ознаменовал свое царствование постоянной заботой о приведении отечественных уставов в порядок и систему. Формы их стали многочисленны и разнообразны. Важнейшие из них: *уложение*, полная система всех вообще государственных законов; *судебник*, собрание правил о суде и расправе для всего народа; *уставная грамота*, положение о количестве пошлин судебных и таможенных, примененное к местным потребностям города или области; *несудимая грамота*, право сословия пользоваться собственным судом; *тарханная грамота*, право на изъятие от разных налогов и повинностей; *поместная грамота*, право на владение землею, и многие другие.

В Литовском княжестве, даже после первого соединения его с Польшею, долго господствовали старинные русские законы по делам гражданским и церковным. Еще Александр, сын Казимиров, современник Иоанна III, подтверждал устав Ярославов о суде и господствовавшие издревле обычаи, которые сохранились отчасти и в *литовском* статуте, составленном на русском языке при Сигизмунде I и дополненном при Сигизмунде II. Впоследствии статут был изменен сеймовыми конституциями, давшими перевес польским формам над русскими.

Власть верховного правителя искони принадлежала князю. Он имел безотчетное право вести войну и мириться, назначать подати, награждать и наказывать. Исполнение воли его возлагалось на дружину, которая в одно время составляла и двор его, и совет, и войско. Тот же порядок сохранился в главных чертах и в Московском государстве: право великого князя как верховного правителя, осталось неприкосновенным. В его воле были мир и война, суд и расправа, награда и наказание. Между тем с постепенным развитием гражданских понятий, при возрастающей непрерывно многосложности дел, государи московские убедились в необходимости

поручать известные отрасли управления не лицам, а постоянным ведомствам, из которых каждое имело свой круг, свои право и обязанности. Эти ведомства к концу XVII столетия получили определенную форму. Первое место из них занимала большая дума, составленная из бояр и высших сановников, под председательством самого государя, она рассуждала о всех делах важных, преимущественно о новых законах, и рассматривала действия всех вообще ведомств в случае жалоб или недоумений. Второе место занимали приказы: каждый из них состоял из одного боярина или другого знатного сановника, с одним или двумя товарищами. Они слушали дела, предлагаемые дьяками, и давали свои решения, или представляли об них государю. По роду дел разделялись и приказы, важнейшие из них в XVII столетии были: а) по делам дворцовым — большой дворец, мастерская палата, оружейный приказ; б) по делам иностранным — посольский приказ; в) по управлению государственных доходов — приказ большой казны, приказ денежного дела, казенный двор, новая четь, печатный приказ; г) по делам судным — золотая расправная плата, московский судный приказ, земский двор, разбойный приказ, холопий; д) по делам военным — разряд, пушкарский приказ, стрелецкий, рейтарский; е) по управлению областей — Владимирская четь, Галицкая четь, Костромская четь, Новгородская четь, Устюжская четь, Казанский дворец, Сибирский приказ, Малороссийский приказ; ж) по делам церковным — патриарший приказ.

Низшие ведомства областные имели общее название *земских изб.* Они находились в каждом уезде и состояли в ведении голов и старост, избираемых миром, под надзором царских воевод и наместников.

В Литовском княжестве, при сильном влиянии польских форм, установился чуждый образ управления, решительно несогласный с русскими понятиями, вместе с тем нестройный, уничтожавший всякую мысль о порядке. Там не было одной твердой власти, которая могла бы двигать и одушевлять все пружины государственные; ее заменяли бурные сеймы, многочисленные собрания дворян и римского духовенства. Эти сеймы, введенные поляками, представляют беспримерное явление в истории: у всех народов древних и новых дела в подобных со-

браниях решались большинством голосов. В Польше требовалось единогласие, если даже один нунций или депутат не соглашался на предложенную меру, постановление целого сейма было недействительно. При таком расстройстве Литовское княжество в XVI и XVII столетиях было жертвою постоянного безначалия, которое отражалось во всех отраслях государственного управления.

V. РАТНОЕ ДЕЛО

Обязанность защищать отечество от внешних врагов лежала преимущественно на благородном сословии, на дворянах московских, дворянах городских и детях боярских. Разделяясь обыкновенно на три статьи, на лучшую, среднюю и худшую, они владели в своих уездах землею определенной меры, от 300 до 150 четвертей или от 150 до 75 десятин, иные как родовую отчину, другие как пожизненным поместьем, с известным числом дворов крестьянских; пользовались с своего участка всеми доходами и платили в казну определенные законом подати. В мирное время лучшие из дворян и детей боярских являлись к царскому двору, получали звание стольников и стряпчих, служили телохранителями государя; исправляли должности областных воевод и другие обязанности. Прочие жили в своих отчинах и поместьях, ожидая указа, чтобы явиться на царскую службу. Ни сами они, ни дети их не могли переходить в другие звания купцов, посадских или холопей боярских. Сыновья их, достигнув 17 лет, записывались в службу в том же классе, к коему принадлежали отцы, и если родовые отчины были недостаточны, получали поместья, смотря по роду и способностям. Для того города имели своих окладчиков, которые в известные сроки, иногда во время самой войны, разбирали новиков и недорослей и *верстали* их поместьями, иногда и денежными окладами. Каждый помещик верстанный обязан был, по первому царскому указу, выступить в поход в определенный срок. Отправляясь на войну, он являлся в сборное место к своей десятине (то есть отряду) на коне и приводил с собою несколько своих людей, число которых определялось вели-

чиною поместья*, в полном вооружении и с потребным на время похода количеством съестных припасов. Городовые воеводы доставляли в разряд подробные списки, сколько приписано к каждому городу дворян и детей боярских и сколько за ними поместьев. Согласно этим спискам разряд, по мере надобности, определял указами, какие именно служилые люди, из каких городов и в каком числе должны явиться в сборное место в известный срок. Тут их перекликали. Неявившиеся теряли свои поместья и отчины, были высылаемы силою и подвергались наказанию батогами и тюремному заключению. Отличившиеся усердием, мужеством, ранами получали прибавку поместья и денежных окладов, царские награды, высшие должности.

Дворяне и дети боярские, вооружаясь только на время войны, при нечаянных вторжениях не успевали на защиту отечества и не могли действовать с успехом против пехоты польской и шведской. Государи московские старались заменить этот недостаток введением пешего постоянного войска. Оно получило первое начало в половине XVI века, в царствование Иоанна Грозного, под именем стрельцов. Так назывались ратники бессменные, набираемые из волостных сельских жителей и вооруженные пищалями. Они составляли гарнизоны в Москве и в городах пограничных; в мирное время охраняли свои города от внезапного нападения; в военное же присоединялись к войску, служили опорой конным ратникам и были употребляемы преимущественно для осады городов. В конце XVI века число стрельцов московских доходило до 10000. В городах пограничных было их гораздо более. Они разделялись на приказы, или роты, в 500 человек; каждая рота на сотни; сотни на десятки. Ротою начальствовал голова, сотнею — сотник, десятнею — десятник. Головы получали жалованья от 30 до 60 р. (тогдашних), сверх того земли от 300 до 500 четвертей; сотники от 10 до 20 р., десятники до 10 р., стрельцы по 4 и 5 рублей, да ржи и овса по 12 четвертей. В случае похода давали им лошадей на подъем из царских табунов и телеги

* Со 100 и 200 четвертей земли добрый помещик обыкновенно выставлял по 1 всаднику и пехотинцу, вооружая их луком, бердышем и рогатиною.

для перевозки съестных припасов, назначены были даже люди, готовившие им пищу. Кроме полевой воинской службы, они обязаны были стоять на страже при дворце и в других местах, наблюдали за порядком в городе, служили для разного рода посланий, сверх того, в торжественные дни, когда царь принимал послов, относили на посольский двор почетный обед в числе 300 или 400 человек. В XVI веке, невзирая на свою малочисленность, стрельцы много содействовали успехам нашего оружия. Царь Алексей Михайлович увеличил число их до 40000 и Уложением утвердил приобретенные ими со времен Иоанна IV преимущества: свободу от платежа судебных и печатных пошлин, право торговли и винокурения, зависимость от особенного ведомства, стрелецкого приказа. Столь важные права побуждали многих торговцев записываться в стрельцы и дали повод к большому беспорядкам.

Кроме стрельцов, Иоанн IV учредил особенный отряд телохранителей под названием опричников, сперва из 1000, потом из 6000 человек. В опричники были принимаемы большею частью беспоместные дети боярские, обязавшиеся клятвою служить царю верою и правдою, оберегать его денно и нощно, доносить на изменников, не дружить с боярами, не знать ни отца, ни матери. Это было в некотором смысле военное братство. Вооруженные мечами и бердышами, они носили богатую одежду, нередко парчовую, под черною рясою. Символом их обязанности были собачьи головы и метлы. Этот отряд лет через шесть уничтожился, но мысль о необходимости особенных верных телохранителей царских не исчезала. Обязанность их поручена была впоследствии иноземным наемникам, из коих Борис Годунов образовал сильную дружину. Она состояла из 2500 немцев, поляков и греков, с окладами от 12 до 60 руб.; капитаны же ее получали до 120 руб. и земли в поместье от 600 до 1000 четвертей. В смутное время самозванцев эта дружина рассеялась. Михаил Федорович и Алексей Михайлович столь же благосклонно принимали в свою службу иноземцев, только с иною целью. Поручив свою священную особу русской верности, они вызывали их частью для усиления своей рати регулярным войском, которое нанимали только на время войны, частью для введения в свои полки европейского устройства. Для первой цели приглашал их Михаил, для второй мудрый сын его.

Так в трудном борении с Польшею, Михаил Федорович набирал неоднократно в Голландии, Голштинии, Швеции и Англии целые полки из *охочих немцев* (кроме *французов и папистов*) с полным вооружением. При царе же Алексее Михайловиче в русской службе мы находим двух генералов, более 100 полковников, многих подполковников, капитанов, поручиков, знаменщиков, все из иностранцев, из немцев, голландцев, англичан, шотландцев. Поручая главное начальство над войском русским боярам, царь принял постоянным правилом назначать полковников и капитанов из иностранцев. Многие из них постоянно поселились в России и имели обширные поместья. Под руководством этих опытных наемников уже со времен Михаила Федоровича мы составили несколько полков конных по образцу европейскому, под названием *драгун и рейтар*, из беспоместных детей боярских и сельских обывателей. Дворяне, дети боярские, стрельцы, рейтары, иноземцы были главными силами нашими в XVI и XVII столетиях, число их доходило обыкновенно до 200000. В случае войны затруднительной к ним присоединялись: а) *люди даточные*, т. е. поселяне из отчин боярских, церковных и купеческих (по 1 человеку с 20 и 30 дворов), вооруженные луками, наиболее рогатинами и топорами; б) ногаи, черкесы или казаки, мордва, черемиса. При таком устройстве мы могли выставить в поле более 300000 ратников.

Со времен Иоанна III до Петра Великого, не изменяя состава своей рати, мы столь же постоянно держались и правил войны. Со всех сторон окруженные злыми врагами, из которых одни простирали жадный взор на наши земли, другие силились свергнуть иго Москвы, третьи искали случая ограбить ее, мы среди самого мира наблюдали благоразумную осторожность и изыскивали средства к обороне отечества. В XVI веке правительство наиболее заботилось о безопасности юго-восточной границы от казанцев и крымцев; в XVII с падением царства казанского, с присоединением Малороссии и Сибири все внимание наше было устремлено на северо-западные пределы, к стороне Польши и Швеции. Мы постоянно следовали правилу ограждать себя рядом крепостей, которые, останавливая неприятеля, могли дать нашему войску время собраться. С этой целью все города пограничные были укреплены, некоторые искусными инженерами. В особенности славилась

твердыни Смоленска с подземными выходами, где осажденные могли противодействовать земляным работам осаждающих. В каждом городе находился постоянный гарнизон из детей боярских, сменяемых по прошествии известного срока другими, из стрельцов и казаков. Сверх того, по южной границе от Брянска до Мурома при Борисе Годунове и Михаиле Федоровиче устроена была *засака*, линия укреплений, в местах лесистых из завалов срубленными деревьями, в местах безлесных из земляных валов с деревянными острожками, по рекам на переправах, из свай и кольев. На юг от засеки простирались обширные, безлюдные степи, непроходимые для нашего войска из-за густой, высокой травы, но весьма удобные для вторжения самых злобных наших врагов — татар крымских. Известными только им путями, или *шляхтами*, Муравским, Калмиюским, Изюмским и другими, они вторгались в наши пределы всегда неожиданно, предавая все огню и мечу, увозя в плен множество народа. Для наблюдения за хищниками мы высылали каждое лето в украинские степи станицы (из одного Белгорода до 20 станиц) т. е. небольшие отряды *ездоков и вожей*, под начальством одного сына боярского. Станичники, доезжая до урочных мест (до верховьев Самары, до Айдара и проч.), обязаны были немедленно извещать городовых воевод, если встретят татар, увидят *сакму* (свежий след их похода) или узнают от языков о намерениях хана. Попав на сакму, они старались узнать по следу о числе неприятеля, с опасением вперяли взор в степи и нередко, табун диких лошадей лошадей приняв за отряд войска, скакали стремглав к воеводам с пустыми вестями, которые часто заставляли правительство собирать войско.

Ту же осторожность мы наблюдали и на западной границе, в особенности в отношении к Польше: при малейшем несогласии наши вестовщики ловили языков и старались выведать от них, идут ли ляхи на Москву, нет ли в Польше розни, дал ли король панам гроши, на сколько времени и проч. Наконец, по доставлении сведений полных (достоверных) мы брались за оружие, действуя одинаковым образом в войнах оборонительных и наступательных, касательно сбора и вооружения людей служилых, разделения их на отряды, назначения воевод и проч.

Прежде всего объявлялся царский указ на постельном крыльце стольникам, стряпчим, дворянам московским,

жильцам и другим служилым людям, о намерении государя идти войною на супостатов или о необходимости оборонять отечество: для того повелевалось им быть готовыми на государеву службу, лошадей кормить и запасы готовить. Указы подобного содержания рассылались с гонцами в города, ближайšie к театру войны, для объявления дворянам и детям боярским. Через некоторое время (иногда через месяц и более) рассылали другие указы из разряда, которыми определялось: в какие города людям служилым отправлять свои запасы, к какому сроку и в каком месте самим явиться. (В войне с крымцами и поляками назначали обыкновенно сборным местом Серпухов, Коломну, Путивль, Смоленск и пр., а сроком Ильин день, Троицын день, Светлое воскресенье и т. п.). Спустя месяц или более гонцы скакали с новыми указами об отсрочке служилым людям во всех делах судебных, кроме татевных, разбойных и убийственных. Между тем высельщики отправлялись в поместья дворян и детей боярских с объявлением, кто именно должен выступить в поход, руководствуясь списками, присланными из разряда или данными от городских воевод, но так как после подачи списков в разряд, многие дворяне умирали и жребий службы нередко падал на старух и вдов, то бояре и думные дворяне, с званием окладчиков, верстали в то же время, на место умерших, недорослей и новиков. Каждый дворянин должен был явиться в свою *десятню* с известным числом вооруженных людей на конях, смотря по величине поместья.

Вследствие этих указов поднималось, наконец, наше ополчение, по всем дорогам везли съестные припасы, сухари, толокно, сушеное и соленое мясо (ибо каждый помещик сам обязан был заботиться о своем продовольствии на все время похода), дворяне и дети боярские спешили в сборное место к известному сроку. Тут делали им смотр. Назначенный для того боярин выкликал поименно каждого ратника, наблюдая особенно за тем, чтобы все были налицо.

После собрания всех служилых людей областных и после присоединения к ним стрельцов, иноземцев, казаков, мурз татарских, людей даточных, войско разделяли на 5 полков: большой полк, правую руку, левую руку, сторожевой полк и передовой. Каждый полк состоял из несколь-

ких отрядов, разделенных на сотни и означаемых именем городов, к коим приписаны были служилые люди. *Большой полк* был главным войском; *правая рука* и *левая рука* были отдельными армиями и часто находились от большого полка в расстоянии 200 и 300 верст; сторожевой полк составлял резерв, передовой — авангард. Каждым полком начальствовали непременно два, иногда три генерала, обыкновенно из бояр и окольных, редко из стольников, с именем *воевод*, имея в своей зависимости *голов*, *сотников* и проч. Первый воевода был старшим, второй товарищем. Их назначал сам государь, наблюдая не столько личные достоинства, сколько знатность рода. Для того обыкновенно справлялись с *родословными книгами*, чтобы не назначить младшего по роду первым воеводою, или в большой полк, а старшего вторым, или в сторожевой, в передовой, в правую руку и в левую руку. В противном случае, в самых решительных обстоятельствах воеводы ссорились и не хотели помогать друг другу. Часто во время похода они присылали просьбы к царю, жаловались на *бесчестье* и просили перевода из одного полка в другой или отказывались от службы. *Снаряд* (артиллерия) имел своего собственного воеводу. Артиллерия наша была довольно многочисленна, она состояла из тяжелых осадных орудий, из картаун, полевых пушек и фальконетов. Со времен Иоанна III мы умели лить орудия сами, сверх того много получали из Голландии, Ливонии и Польши. В мирное время снаряды хранились в Москве, Пскове, Смоленске и Новгороде.

Войска, наконец, выступали в поход. Впереди шел *ертоул*, т. е. отряд легкой кавалерии, для разведывания пути; за ним тянулось все войско, разделенное на полки. Воеводы были в середине с своими *набатами* (литаврами) обозы сзади. В пути соблюдали величайшую осторожность: *разъезды* во всех направлениях на несколько десятков верст обозревали страну и разведывали о неприятеле. Вообще как в оборонительных, так и в наступательных войнах мы старались как можно ближе держаться крепостей и предпочитали ожидать врагов на стенах крепости, нежели в чистом поле. Встретясь с неприятелем в открытом месте, мы ограждали себя особенного рода укреплением, *гуляем*. Так назывались несколько сот телег или саней, особенного устройства со щитами. Их ставили перед сражением вокруг

пехоты плотно друг к другу. За каждую телегою располагались по 10 стрельцов, которые стреляли из-за них, как из-за каменной стены. Под защитою гуляя наша пехота была непобедима.

Конница начинала сражение: бросалась, по татарскому обычаю, с ужасным криком и старалась дружным ударом поколебать неприятеля. Если враги расстраивались от первого натиска, мы одерживали победу, если же они стояли твердо, наши всадники мешались и в беспорядке обращались в бегство. Имея малых, весьма быстрых коней, наиболее ногайской породы, русские сидели на них поджав ноги, так, что легко обращались во все стороны и могли стрелять и рубить во всех направлениях, но именно от того сидели так нетвердо и так легко были сбиваемы в схватке, что никогда не выдерживали упорной битвы. В случае расстройства кавалерии вся надежда оставалась на пехоту, которая в своем гуляе удерживала неприятеля, давая время искусному воеводе снова собрать всадников и вести их в атаку. Посему личное мужество воевод наиболее содействовало нашим успехам, о чем свидетельствуют все многочисленные войны наши XVI и XVII веков. Овладев полем сражения и рассеяв врага, мы не столько заботились о преследовании его, сколько о разорении неприятельской земли, все предавали огню и мечу, не щадили ни возраста, ни пола. При осаде крепостей мы редко отваживались на приступ: облегали их со всех сторон, пресекая подвоз съестных припасов и стараясь одолеть осажденных голодом. Между тем беспокоили их непрестанною пальбою, для чего подкатывали под самые стены туры, из коих стреляли без умолку. Траншеи вели редко, хотя и знали их пользу. Иногда, однако, прибегали к подкопам, к взрыву стен и всегда имели наемных инженеров, большей частью немецких.

За удачное окончание похода и за блистательную победу царь обыкновенно награждал воевод таким образом: 1) спрашивал о здоровье большого воеводы, меньших и всего войска; 2) присылал в раздачу несколько *золотых и полузолотых* португальских, венгерских; 3) жаловал дорогами шубами, кафтанами, золотыми и серебряными чашами и ковшами, также прибавкою к окладам, к поместьям. За ошибки и нерадение наказывал опалкою (удалял от дво-

ра, лишал поместьев), за измену — смертною казнию. Войско после заключения мира распускалось по домам.

Литовское войско в общих чертах, в составе и образе войны было схоже с московским. Главная сила его заключалась также в дворянстве, на коем лежала обязанность оборонять отечество. Но устройство полков, разделение, вооружение — все было польское. Дворянское ополчение состояло из гусар и панцерников. Они выступали в поход на конях, окруженные своими пахоликами. К ним присоединялись жолперы, большею частью пехотинцы, получавшие от короля жалованье. Войско разделялось на полки, роты и хоругви. Главным предводителем его был литовский гетман, действовавший независимо от коронного, или польского, гетмана.

VI. ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЧАСТНАЯ

Общественная жизнь, выражение народной деятельности в разных отраслях промышленности и образования ни в Московском государстве, ни Литовском княжестве не развилась с таким блеском и полнотою, как в западных государствах. Русский народ всегда обнаруживал стремление к гражданственности, спасал ее среди величайших бедствий, отличался предприимчивостью, сметливостью ума, но многое препятствовало развитию добрых качеств его. Естественное положение Руси, окруженной с севера, востока и юга полудикими племенами, с запада прилегавшей к неприязненным соседям, отдаленной от морей, не могло благоприятствовать успехам мануфактур и торговли. Злосчастное владычество монголов подавило семена промышленности, принесенные греками, в самом зародыше. Торговые связи с Европою, начавшиеся в Новгороде через *Ганзейский союз*, усилившиеся со времен Иоанна IV посредством Англии, скорее вредили нам, чем доставляли пользу. Русское купечество, не имея сил соперничать с иноземным, передавало в его руки городскую и сельскую промышленность. Невзирая на мудрые меры царя Алексея, мы не имели ни одной замечательной мануфактуры и должны были покупать самые необходимые предметы, сукна, ружья за границую дорогою ценою сырых произведений.

Столь же медленны были успехи умственной деятельности. В одних монастырях являлись любознательные люди, которые вписывали современные события в летописи, наблюдали течение небесных светил, занимались врачеванием, изредка философствовали о предметах нравственности и богословия. Но их опыты, драгоценные для потомства, как обильный запас фактов, как выражение века, были слишком слабы в смысле науки; ни одна отрасль знания не была возделана, не получила изящной формы⁷.

Русский язык, еще не определенный умозрительными исследованиями филологии, разделялся на три наречия: великороссийское, малороссийское и белорусское. Первое господствовало в Московском государстве: здесь, в устах народа, оно сохраняло коренные свойства русского слова, точность идеи, живость и плавность оборота, силу выражения. Памятниками народного языка остались песни и немногие акты, писанные не приказными людьми. Вместе с языком народным образовался книжный, или деловой, отличавшийся своими формами, нередко странностью и затейливостью выражения. Белорусское наречие, господствовавшее в литовском княжестве, представляло безобразную смесь слов и оборотов русских с польскими и латинскими. В малороссийское вошли, кроме того, многие слова татарские.

Недостаток образования имел невыгодное влияние на частную жизнь всех сословий. Высший круг отличался недоступною спесью, презрением всего иноземного, азиатской пышностью. Низшие классы, коснея в невежестве, заражены были многими предрассудками. Но при всей грубости нравов и обычаев, предки наши умели служить своим государям, любили пламенно свою веру, отечество, свои уставы, нередко являли доблести изумительные. В недрах нашего отечества, в добрых качествах русского народа, в счастливом сочетании главных условий гражданского общества заключалась исполнская сила: надобно было только пробудить ее, чтобы поставить Россию на высокую ступень в системе европейских государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ «Русская история» Н. Г. Устрялова была издана в 1836—1841 гг. в качестве учебного пособия, составленного автором на материале лекций по русской истории, читаемых им с 1831 г. в С.-Петербургском университете. Хронологические рамки «Русской истории» охватывали период с древнейших времен до окончания царствования императора Александра I (1801—1825 гг.). В 1847 г. Н. Г. Устрялов расширил свой труд написанием «Исторического обозрения царствования императора Николая I», доведя таким образом историю России до середины XIX в. «Русская история» Н. Г. Устрялова стала первым печатным университетским курсом лекций, первым в России достаточно полным и всесторонним изложением отечественной истории в соответствии с тогдашним уровнем развития исторической науки. Труды предшественников Устрялова не давали полноценного изображения прошлого страны, страдали публицистичностью, вольным толкованием исторических источников, допускали много фактических ошибок и т. д. На базе «Русской истории» Н. Г. Устрялов написал также два кратких учебника для гимназий и реальных училищ. Учебники Н. Г. Устрялова до 60-х гг. XIX в. были единственными учебными пособиями, по которым русское юношество изучало историю своего Отечества.

² Н. Г. Устрялов придерживается традиционной для XIX в. версии о варяжском (норманском) происхождении Русского государства. В современной исторической науке «Норманская теория» вызывает серьезные возражения и подвергается вполне обоснованной критике. Большинство историков придерживается мнения о том, что древнерусское государство возникло как результат длительного самостоятельного развития славянского общества.

³ *Владимир I Святой* (ум. 1015 г.) — князь Киевский с 980 г., сын князя Святослава и его ключницы Малуши Любечанки; с 969 г. князь в Новгороде. После смерти отца одержал победу над старшим братом Ярополком. В 988 г. ввел на Руси христианство. Канонизирован православной церковью.

⁴ *Ярослав I Мудрый* (ок. 978—1054 гг.) — великий князь Киевский,

сын князя Владимира I, крупный государственный деятель и полководец. В 1036 г. разгромил и уничтожил печенегов. Поставил первого русского митрополита Иллариона без ведома Константинопольского патриарха. Ярослав положил начало составлению древнерусского свода законов под названием «Русская правда». При нем были организованы школы для обучения юношей начальной грамоте, создавались библиотеки, переписывались книги, строились новые города (Юрьев, Ярославль) и церкви, устанавливались династические связи с Западной Европой и Византией.

⁵ *Иоанн I Калита* (1328—1340 гг.) — великий князь Владимирский, внук Александра Невского, сын первого московского князя Даниила Александровича. Иоанн Данилович заложил основы могущества Московского княжества, стал первым собирателем Русской земли вокруг Москвы. При нем Москва стала резиденцией митрополита (1326 г.) и фактической столицей Руси.

⁶ *Алексей Михайлович Романов* (1629—1676 гг.) — русский царь с 1645 г., сын первого царя из династии Романовых — Михаила Федоровича. В его правление усилилась централизация власти, укрепилась российская государственность. При нем Земский собор принял «Уложение» (1649 г.), были приняты Таможенный (1653 г.) и Новоторговый (1667 г.) уставы. При Алексее Михайловиче произошло воссоединение Украины с Русским государством (1654 г.), были возвращены Смоленская и Северская земли, активно осваивались Сибирь и Дальний Восток.

⁷ Н. Г. Устрялов первым из русских историков достаточно подробно рассмотрел историю Литовского государства (Русь Западная), значительную часть которого составляли западные русские земли, не попавшие под власть Золотой Орды (Полоцкая, Витебская, Смоленская, Чернигово-Северская, Киевская, Владимиро-Волынская земли, Белая и Черная Русь, а также другие исконно русские территории).

⁸ *Гедимин* (1316—1341 гг.) — князь Литовский. Значительно расширил территорию своего княжества, укрепил княжескую власть. При нем начался период расцвета и могущества Литвы. Дочь Гедимины Августа была замужем за московским князем Симеоном Гордым (1316—1353 гг.).

⁹ *Иоанн III Васильевич* (1440—1505 гг.) — великий князь Московский с 1462 г. и «государь всея Руси» с 1485 г. Укрепил единство и могущество Московского княжества, превратил его в общерусское государство. Значительно расширил территорию государства. При нем было окончательно свергнуто Ордынское иго (1480 г.). Иоанн III был женат на племяннице последнего византийского императора Константина Палеолога — Софье, что давало ему право рассматривать себя как преемника Византийской Империи.

¹⁰ *Ягайло (Ягелло)* (1377—1392 гг.) — князь Литовский, внук Гедимины, сын Ольгерда, с 1385 г. стал польским королем с именем Владислав II. Первый глава объединенного польско-литовского государства, перешел в католичество, пытался насаждать в Литве польские порядки и обычаи. Проводил враждебную по отношению к Москве политику.

¹¹ *Екатерина II Великая* (1729—1796 гг.) — Софья-Фредерика-Августа Анхальт-Цербтская, жена императора Петра III, с 1762 г. российская императрица. В ее правление к России были присоединены западные русские земли (1772 г.) и Польша (1793 г.).

¹² *Петр I Великий* (1672—1725 гг.) — российский царь с 1682 г. и император, сын Алексея Михайловича, выдающийся государственный деятель и военачальник.

¹³ *Александр I* (1777—1825 гг.) — российский император с 1801 г., сын Павла I и императрицы Марии Федоровны. В 1813—1814 гг. возглавлял антинаполеоновскую коалицию европейских держав, 31 марта 1814 г. вступил в Париж во главе союзных армий.

¹⁴ *Наполеон I Бонапарт* (1769—1821 гг.) — французский генерал, первый консул (1799—1804 гг.), а затем и император Франции. (1804—1814 гг.). Выдающийся политический деятель и полководец.

¹⁵ *Николай I Павлович* (1796—1855 гг.) — российский император с 1825 г., третий сын Павла I и императрицы Марии Федоровны. Провел ряд преобразований в стране — финансовая реформа, реформа государственных крестьян, кодификация законов, проведение промышленных выставок и т. д.

¹⁶ В лекциях Н. Г. Устрялова значительное место отводилось разбору первоисточников, их характеристике и классификации, подвергались критике мнения различных историков. С полным правом Н. Г. Устрялова можно считать одним из основателей отечественного источниковедения и историографии.

¹⁷ *Нестор (Нестор Летописец)* (ок. 1056—1114 гг.) — монах Киево-Печерского монастыря, древнерусский историк и публицист, составитель летописного свода «Повесть временных лет».

¹⁸ *Курбский Андрей Михайлович* (1528—1583 гг.) — политический и военный деятель, из рода ярославских князей. Входил в Избранную раду, участвовал в казанских походах 1545—1552 гг. Во время Ливонской войны (1564 г.) бежал в Литву. Принимал участие в войне Польши против России, возглавлял одну из польских армий. В 1564—1579 гг. направил три послания Ивану IV, составившие их знаменитую переписку.

¹⁹ *Авраамий Палицын* (ум. 1626 г.) — келарь Троице-Сергиева монастыря, автор «Сказания» об осаде монастыря поляками в 1608—1610 гг., ценнейшего источника по истории России начала XVII в.

²⁰ *Шушерин Иван Корнилиевич* (ум. в 1693 г.) — крестоносец (ставрофор) Никона, автор книги «Известия о рождении и о воспитании и о житии святейшего Никона патриарха» (1681—1686), в 1667 г. заключен на три года в тюрьму, затем сослан в Новгород.

²¹ *Котошихин Григорий Карпович* (ок. 1630—1667 гг.), подъячий Посольского приказа. В 1658—1661 гг. — в русском посольстве, ведшем переговоры со Швецией. В 1666 г. бежал в Швецию, где написал свое знаменитое сочинение «О России в царствование Алексея Михайловича». В Швеции казнен за убийство хозяина дома, в котором жил.

²² *Прокопий Кесарийский* (между 490 и 507 — после 562 гг.) — византийский историк, советник и приверженец Велизария. Сочинения Прокопия Кесарийского являются важным источником по истории Византии VI в. и ранней истории славян.

²³ *Маврикий* (582—602 гг.) — византийский император.

²⁴ *Константин VII Багрянородный* (913—959 гг.) — византийский император, стал единоличным правителем после смерти своего тестя и соправителя Романа (920—944 гг.).

²⁵ *Лев Диакон* (род. ок. 930 г.) — византийский историк X века, написал историю Византии за период с 959 по 975 гг.

²⁶ Н. Г. Устрялов перечисляет имена арабских купцов, оставивших записки о своих посещениях Руси.

²⁷ Перечисляются имена западных (немецких и польских) хронистов.

²⁸ *Плано-Карпини Иоанн* — итальянский путешественник XIII в.;

Рубруквис (Рубрук) Вильгельм — францисканский монах, путешественник, XIII в.

²⁹ *Марко Поло* (1254—1324 гг.) — итальянский путешественник. Находился 17 лет на службе у монгольского хана Хубилая. Оставил описание своих путешествий в «Книге». Умер в Венеции.

³⁰ *Контарини Амброджо* (ум. в 1499 г.) — посол Венецианской республики при дворе персидского шаха Узун-Гасана. Был в России с 25 августа 1476 г. по 21 января 1477 г.

³¹ *Иовий Павел (Джовио Паоло)* (1483—1552 гг.) — епископ г. Комо. Книга о московитском посольстве написана по рассказам русского переводчика и посла Дмитрия Герасимова к римскому папе Клименту VII в 1525 г. Павел Иовий сам в Москве никогда не был.

³² *Герберштейн Сигизмунд* (1486—1566 гг.) — словенец, дипломат, императорский посол в России в 1516—1517 и в 1525—1526 гг.

³³ *Ченселер (Ченслор) Ричард* (ум. в 1566 г.) — английский мореплаватель, главный кормчий флотилии Хью Уиллоби, снаряженный английскими купцами для отыскания северного морского пути в Индию. Был в России в 1553—1554 г.

³⁴ *Дженкинсон Антоний* (ум. в 1610 или 1611 гг.) — английский купец и дипломат. Посещал Россию несколько раз. Первый раз был в Москве в 1557—1558 гг. по поручению английского правительства и Московской компании; Баус (Боус) Джером — английский посол в России в 1583—1584 гг. Противник англо-русского сближения. Доставлял в Англию ложные сведения; *Горсей Джером* (ум. после 1626 г.) — торговый агент Московской компании, в России с 1573 г. С 1580 г. глава московской конторы «Русского общества английских купцов». Покинул Россию в 1591 г. С 1610 г. — шериф Букингемского графства; Рандольф Томас (1523—1590 гг.) — английский дипломат, в 1568—1569 гг. посол в России, защищал интересы Московской компании и вел переговоры об англо-русском союзе.

³⁵ *Поссевин (Поссевино) Антонио* (1534—1611 гг.) — секретарь ордена иезуитов, папский легат, дипломат, глава дипломатической миссии, прибывшей в Москву для участия в русско-польских переговорах о перемирии.

³⁶ *Флетчер Джайлс* (1548—1611 гг.) — доктор гражданского права, посланник английской королевы Елизаветы к царю Федору Ивановичу. Был в Москве в 1586—1589 гг.

³⁷ *Маржерет Жак* (ок. 1550 — не позднее 1618 г.) — французский офицер, в 1600—1609 гг. капитан иноземных телохранителей царей Годунова и Лжедмитрия I. Жил в Москве с 1601 по 1611 гг.

³⁸ *Бер Мартин* (1577—1646 гг.) — студент Лейпцигского университета, приехавший в 1601 г. в Россию. Во время смуты жил сначала в Москве, потом — в Козельске и Калуге. Участвовал в создании «Московской хроники», был автором одной из ее редакционных обработок. Из России уехал в 1611 г.

³⁹ *Жолкевский Станислав* (1547—1625 гг.) — польский полководец. Один из организаторов польской интервенции в Россию. 24 июля 1610 г. нанес решающее поражение войскам Василия Шуйского под Клушином и во главе польской армии вступил в Москву. Автор «Записок о Московской войне».

⁴⁰ *Маскевич Самуил* (ок. 1580—1632 гг.) — польский дворянин, офицер, слонимский писарь. Был в России в 1609—1612 гг.

⁴¹ *Петрей де Ерлезунд Петр* (Пэр Пэрсон) (1570—1622 гг.) — шведский дипломат и историк. Приехал в Россию в 1601 г. для сбора информации о событиях в России. На основании своих донесений, отправленных из Москвы в Стокгольм в 1602—1604 гг., написал «реляцию», которая стала одним из первых печатных трудов о смуте.

⁴² *Олеарий (Эльшлегер) Адам* (ок. 1599—1671 гг.) — немецкий ученый и путешественник. Посетил Россию в 1633—1634 и 1635—1639 гг., составил описание своих путешествий.

⁴³ *Августин фон Мейерберг* (1612—1688 гг.) — австрийский дипломат. Был в России во главе австрийского посольства в 1661—1662 гг.

⁴⁴ *Коллинс Семюэль* (ум. в 1671 г.) — англичанин, придворный врач царя Алексея Михайловича в 1659—1669 гг.; *Рейтенфельс Якоб* — уроженец Курляндии, в 1670—1673 гг. жил в Москве; *Стрейс (Стройс) Йенс Йенсен* (ум. в 1694 г.) — голландский путешественник, парусный мастер на первом русском корабле «Орел» в 1669 г.; *Таннер Бернгард Леопольд Франциск* — чешский путешественник, был в Москве вместе с польским посольством Чарторыйского и Сапеги с 1678 по 1682 гг.

⁴⁵ *Олег* (879—912 гг.), *Игорь* (912—945 гг.), *Святослав* (957—972 гг.) — киевские князья.

⁴⁶ *Владимир Всеволодович Мономах* (1054—1125 гг.) — великий князь Киевский с 1113 г., внук Ярослава Мудрого и византийского императора Константина Мономаха. Руководитель походов русских князей против половцев. Написал «Устав» и «Поучение» Мономаха.

⁴⁷ *Карамзин Николай Михайлович* (1766—1826 гг.) — выдающийся русский писатель, историк и публицист. Автор «Истории Государства Российского» (в 12 т., 1816—1829 гг.).

⁴⁸ *Эверс Иоганн Филипп Густав* (1781—1830 гг.) — историк древнерусского государства и права, с 1818 г. ректор Дерптского университета; *Круг Иоганн Филипп* (1764—1844 гг.) — историк, археограф; *Френ Христиан Мартин Иохим* (1782—1851 гг.) — востоковед, нумизмат, академик с 1817 г.; *Лерберг Арон Христиан* (1770—1813 гг.) — историк; *Погодин Михаил Петрович* (1800—1875 гг.) — историк и публицист, профессор Московского университета.

⁴⁹ Вторая часть «Русской истории» Н. Г. Устрялова охватывает период от начала правления Петра I до окончания царствования императора Николая I. Этот период автор определяет как период «новой истории» России.

⁵⁰ *Мартенс Георг Фридрих* (1756—1821) — немецкий дипломат и профессор международного права. Выполнял обязанности секретаря Венского конгресса (1814—1815 гг.). Стал зачинателем издания международных трактатов, которые начал публиковать с 1776 г.

⁵¹ *Макаров Алексей Васильевич* (ок. 1674—1740 гг.) — сын подьячего из Вологды, «кабинет-секретарь» Петра Великого с (1704 г.), вел переписку царя (в том числе и секретную), сохранил свое положение при Екатерине I. При Петре II в связи с ликвидацией Кабинета — личной канцелярии царя — президент Камер-коллегии. При Анне Иоанновне попал в опалу.

⁵² *Голиков Иван Иванович* (1735—1801 гг.) — курский купец, историк-самоучка. Собрал значительное число документов, рукописей, в том числе и письма Петра I. Автор многотомного труда «Деяния Петра Великого» (1788—1789 гг.) с «дополнениями» (1790 — 1797 гг.).

⁵³ *Крекшин Петр Никифорович* (1684—1763 гг.) — дворянин, историк-любитель. Собирал рукописные материалы по русской истории

X—XVIII вв. Автор записок о времени Петра I; *Неплюев Иван Иванович* — из бедных дворян, сенатор, дипломат, в 1721—1734 гг. русский резидент в Константинополе, позднее губернатор оренбургский. Оставил записки о своем времени; *Меншиков Александр Данилович* (1673—1729 гг.) — государственный и военный деятель, генералиссимус (1727 г.). Сын придворного конюха, с 1686 г. — денщик Петра I. Прodelал путь от сержанта Преображенского полка до светлейшего князя и генерал-фельдмаршала. Отличился в Северной войне (1700—1721 гг.). При Екатерине I фактический правитель государства. В 1727 г. сослан Петром II в Березов, где и умер.

³⁴ *Корб Иоганн Георг* (ок. 1670—ок. 1741 гг.) — секретарь австрийского посольства в Москве, автор «Дневника путешествия в Московию (1697—1699 гг.).

³⁵ *Гордон Патрик (Петр Иванович)*, (1635—1699 гг.) — шотландец, служил в шведской и польской армиях. С 1661 г. на русской службе, генерал и контр-адмирал. В 1689 г. поддержал Петра I в борьбе с Софьей. Участник Азовских походов (1695—1696 гг.) и подавления восстания стрельцов 1698 г. Оставил три тома дневников на английском языке.

³⁶ *Перри Джон* (1670—1732 гг.) — английский инженер, шлюзный мастер, на русской службе с 1697 г. Руководил строительством Волго-Донского канала. Автор мемуаров «Повествование о России»; *Схелтема М. И.* Исторические рассказы о пребывании Петра Великого в Голландии (Саардаме). Лозанна, 1842 г.

³⁷ *Адлерфельд Густав* (ум. 1709 г.) — придворный хронист шведского короля Карла XII, написал «Историю войны Карла XII (1706—1709 гг.). Погиб в сражении при Полтаве.

³⁸ *Вебер Христиан Фридрих* — ганноверский резидент в России, автор сочинения «Преобразованная Россия» (тт. 1—3, 1721—1740 гг.), содержащего материалы о внутренней и внешней политике России, государственных, экономических и культурных реформах Петра I.

³⁹ *Бассевич (Бассевич) Геннинг Фридрих* (1680—1749 гг.) — граф, президент Тайного совета герцогаства Шлезвиг-Гольштинского, резидент в России, вел переговоры о заключении брака герцога Голштинского со старшей дочерью Петра I Анной. Автор «Записок о России при Петре Великом», охватывающих события 1713—1725 гг.

⁴⁰ *Берхгольц (Берхгольц) Фридрих Вильгельм* (1699—1765) — камер-юнкер герцога голштинского Карла-Фридриха, оставил «Дневник» — повествование о последних годах жизни Петра I (опубликован в 1785—1787 гг.) и «Записки камер-юнкера».

⁴¹ *Миних Бурхардт Кристоф (Христофор Антонович)* (1683—1767 гг.) — герцог курляндский, на русской службе с 1713 г., генерал-фельдмаршал, руководил строительством Ладожского канала. При Анне Иоанновне президент Военной коллегии; во время русско-турецкой войны в 1730-х гг. командовал русскими войсками. При Елизавете Петровне сослан в Пелым. Возвращен из ссылки при Петре III и в дальнейшем был командиром балтийских портов и каналов; *Миних Иоганн Эрнст* (1707—1788 гг.) — сын Б. Х. Миниха, в 1743—1763 гг. в ссылке, с 1774 г. — президент Коммерц-коллегии; *Шаховской Я. П.* (1705—1777 гг.) — сенатор, обер-прокурор Синода в 1742—1753 гг., генерал-прокурор Сената 1760—1761 гг. Человек легендарной честности, шепетильный и пунктуальный в финансовых делах. Оставил «Записки» о своем времени.

⁴² *Манштейн Христов Герман* (1711—1757 гг.) — военный деятель, в

1736—1744 гг. на русской службе, адъютант Б. Х. Миниха, позднее служил в Пруссии. Автор «Записок о России, 1727—1744 гг.».

⁹³ *Линар Мориц Карл* (1702—1718 гг.) — граф, саксонский посланник в России, фаворит Анны Леопольдовны.

⁹⁴ *Раумер Фридрих* (1781—1873 гг.) — немецкий историк и политик, автор книги по «новой» истории Европы, основанной на материалах британских и французских государственных архивов.

⁹⁵ *Воронцова-Дашкова Екатерина Романовна* (1743—1810 гг.) — княгиня, деятель русской культуры и науки, одна из активных участниц переворота 1762 г., директор Петербургской академии наук и президент Российской Академии (1783—1796 гг.). Автор интересных мемуаров; *Порошин Семен Андреевич* (1741—1769 гг.) — в 1758 г. окончил Сухопутный шляхетский корпус. Воспитатель цесаревича Павла Петровича. В 1764—1765 гг. вел дневник (издан в «Русской старине» в 1881 г.) — ценный источник по истории императорского двора и дворцовых группировок; *Храповицкий Александр Васильевич* (1749—1801 гг.) — государственный деятель, писатель. Один из секретарей Екатерины II (1783—1793 гг.). Оставил дневник «Памятные записки».

⁹⁶ *Сезюр д'Агессо Луи-Филипп де* (1753—1830 гг.) — французский политический деятель, дипломат, писатель. В 1785—1789 гг. был посланником при Петербургском дворе, автор мемуаров о своем пребывании в России.

Глава I. ОСНОВАНИЕ РУСИ

¹ *Карл Великий* (768—814 гг.) — франкский король, выдающийся полководец и государственный деятель, с 800 г. — император.

² *Юстиниан I Великий* (527—565 гг.) — византийский император. Велзарий — полководец Юстиниана I.

³ *Шафарик Павел Йосеф* (1795—1861) — словацкий славист, литератор. С 1848 г. директор библиотеки Пражского университета. Основные сочинения: «Славянские древности» (тт. 1-2, 1837—1842), «Славянская этнография».

⁴ *Иродот (Геродот)* (ок. 484 — ок. 425 гг. до н. э.) — древнегреческий историк, прозванный «отцом истории».

⁵ *Хозрой* — шах Ирана Хосров I Ануширван, VII в.

⁶ *Людвиг Кроткий (Благочестивый)* — франкский король, преемник Карла Великого; *Карл Лысый* — франкский король, сын Людовика. При них начался и произошел распад империи Карла Великого.

⁷ Н. Г. Устрялов излагает легенду о призвании варягов в соответствии с теми представлениями, которые господствовали в исторической науке.

⁸ Имена братьев Рюрика — *Синеуса и Трувора* — являются вымышленными. Современные историки объясняют появление их в летописи несверным пересказом автором какого-то скандинавского сказания о деятельности Рюрика. «Рюрик сине хус трувор» означает в переводе с древнeshведского «Рюрик с домом и дружиной».

⁹ Спор о норманском или славянском происхождении названия племени «русь» продолжается и в наши дни.

¹⁰ Варягами на Руси называли не какое-то племя или народ, а отряды наемников, живущих за счет военной добычи, торговой деятельности, по-

лучающих плату за службу. Основную массу разноплеменных варягов составляли шведы. Однако «варягами» были также норвежцы, датчане, славяне, германцы.

¹¹ *Байер Готлиб Зигфрид* (1694—1738 гг.) — немецкий историк и филолог, академик, работал в России; *Миллер Герард Фридрих* (1705—1783 гг.) — историк и археограф. В России с 1725 г., с 1731 г. профессор истории, член Петербургской Академии наук; *Шлецер Август Людвиг* (1735—1809 гг.) — немецкий историк, философ, статистик. В 1761—1767 гг. работал в России, изучал летописи.

¹² *Тредиаковский Василий Кириллович* (1703—1769 гг.) — поэт, ученый, переводчик «Древней истории»; *Татищев Василий Никитич* (1686—1750 гг.) — государственный деятель, историк. Участник Северной войны. Автор «Истории Российской»; *Болтин Иван Никитич* (1735—1792 гг.) — историк, государственный деятель. Подготовил издание Пространной редакции «Русской правды», автор многих исторических исследований; *Ломоносов Михаил Васильевич* (1711—1765 гг.) — великий русский ученый-энциклопедист, написал несколько трудов по истории России.

¹³ *Хильдерик III* — последний франкский король из династии Меровингов (смещен в 751 г.); *Хильперик* — король вандалов, персизбран в 530 г.; *Дагоберт I* — король франков из династии Меровингов, сын Хлотаря II (VII в.). При них стала оформляться феодальная система в Западной Европе (VI—VIII вв.).

¹⁴ *Кирилл и Мефодий* — славянские просветители, составители древнеславянского алфавита.

¹⁵ Н. Г. Устрялов, как и многие другие историки XIX в., резко противопоставляет язычество и христианство, много говорит о позитивных изменениях в общественной жизни Руси, и даже изменении характера самого князя Владимира после крещения. Однако сколько-нибудь значительных перемен на Руси после принятия христианства не произошло. Отступившее язычество продолжало существовать на протяжении многих столетий как самостоятельное социальное явление, оставаясь источником народного сознания. Христианство только внешне смогло ликвидировать язычество (постепенно лишь к началу XX в.), но не смогло выкорчевать корни мировоззренческой традиции русского народа.

¹⁶ *Борис и Глеб* — русские князья, дети князя Владимира и греческой царевны Анны, первые святые, канонизированные русской церковью, убиты в 1015 г. В современной науке существует гипотеза о причастности князя Ярослава к убийству своих братьев.

¹⁷ *Святополк I Владимирович Окаянный* (ок. 980—ок. 1019 гг.) — князь Киевский, сын Владимира Святого, считается убийцей Бориса и Глеба.

¹⁸ *Болеслав I Храбрый* (992—1025 гг.) — польский король.

¹⁹ *Брячислав Изяславич Полоцкий* — племянник Ярослава Мудрого; *Мстислав Ярославич Тмутараканский* (ум в 1035 г.) — младший брат Ярослава.

²⁰ *Кирилл Туровский* — епископ и духовный писатель 2-й пол. XII в., автор многих сочинений: «Притча о человеческой души и о телеси», «Послание или «повесть» к Василию игумену Печерскому», «О белоризнице человеце по мнишеству». Прозван «русским Златоустом».

²¹ *Константин IX Мономах* (1042—1054 гг.) — византийский император.

²² *Иларион* — первый русский митрополит (1051—1054 гг.), писатель и публицист, автор знаменитой книги «Слово о Законе и Благодати».

²⁹ *Казимир I* (ок. 1037—1058 гг.) — польский король. Женился на дочери Владимира, сестре Ярослава Мудрого, Марии Добронеге.

Глава II. РАЗДРОБЛЕНИЕ РУСИ НА УДЕЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА

¹ Н. Г. Устрялов одним из первых заметил положительные результаты монголо-татарского нашествия, которое способствовало прекращению княжеских междоусобиц и создало предпосылки для образования единого государства с сильной центральной властью.

² Н. Г. Устрялов вполне обоснованно обращает внимание на существенные различия западной феодальной и русской удельной систем. Под западным феодализмом историк понимал социально-политическую систему государственного устройства, базирующуюся на вассалитете, самостоятельной роли городских общин и католической церкви. Удельная система на Руси основывалась на совершенно иных элементах. Удельные князья имели все атрибуты суверенной власти и считались не вассалами великого князя, а равными ему государями.

³ *Юрий Долгорукий* (ок. 1090—1157 гг.) — князь Ростово-Суздальский и Киевский, сын Владимира Мономаха. Считается основателем Москвы. Дети Ярослава Мудрого — *Владимир* (ум. 1052 г.), *Изяслав* (ум. 1078 г.), *Святослав* (ум. 1076 г.), *Всеволод* (ум. 1093 г.), *Вячеслав* (ум. 1056 г.), *Игорь* (ум. 1060 г.) — удельные князья.

⁵ Съезд русских князей в г. Любече состоялся в 1097 г. по инициативе Владимира Мономаха. Князья решили поддерживать единство Руси в борьбе с половцами, но провозгласили принцип: «Каждо да держит отчину свою».

⁶ *Мстислав Великий* (1125—1132 гг.) — великий князь Киевский, сын Владимира Мономаха. После его смерти Русь распалась на отдельные княжества, политическая раздробленность стала фактом.

⁷ *Изяслав Мстиславич* (ум. 1154 г.) — князь Киевский, сын Мстислава Великого.

Глава III. ИГО МОНГОЛЬСКОЕ

¹ *Темучин (Чингисхан)* (1154—1227 гг.) — монгольский хан, объединивший монголов в могучую державу, создал мощную армию. В 1206 г. провозглашен «великим ханом».

² Битва на р. Калке произошла 16 июня 1223 г. В тексте Н. Г. Устрялова ошибочно указан 1224 г.

³ *Джебе-нойон* и *Субедей-багатур* — полководцы Чингисхана.

⁴ *Батый (Бату-хан)* (ум. 1255 г.) — монгольский хан, внук Чингисхана, возглавил татаро-монгольское нашествие на Русь в 1237—1240 гг.

⁵ *Георгий (Юрий) Всеволодович* (1218—1238 гг.) — великий князь Владимирский, сын князя Всеволода Большое Гнездо. Погиб в сражении на р. Сить.

⁶ *Сить* — река, приток *Мологи*. В марте 1238 г. на ее берегах русская рать во главе с Юрием Всеволодовичем потерпела поражение от монголо-татарских войск.

⁷ *Даниил Романович Галицкий* (1201—1264 гг.) — князь Галицкий и Волынский, сын князя Романа Мстиславича. В 1238 г. овладел Галичем,

затем занял Киев. В 1245 г. в битве под Ярославлем Галицким разгромил венгерские и польские войска, объединил Галицкое и Волынское княжества. В 1254 г. принял от папской курии королевский титул.

⁸ *Узбек* (1312—1353 гг.) — хан Золотой Орды.

⁹ *Ярослав Всеволодович* (1238—1246 гг.) — великий князь Владимирский, сын Всеволода Большое Гнездо.

¹⁰ *Андрей Ярославич* (ум. 1264 г.) — великий князь Владимирский с 1249 г., брат Александра Невского.

¹¹ *Александр Ярославич Невский* (1220—1263 гг.) — выдающийся государственный деятель и полководец, князь Новгородский, Киевский, с 1252 г. великий князь Владимирский.

¹² Александр Ярославич отправился в Орду с доносом на своего младшего брата Андрея, бывшего великим князем. По распоряжению Батыя на Русь была послана двойная карательная экспедиция татар, одна — под руководством Неврюя против Андрея Ярославича, другая — под руководством Куремши против Даниила Галицкого. Андрей и его брат Ярослав были разгромлены татарами в сражении при Северном Переславле (май или июль 1252 г.) Александр вернулся во Владимир великим князем.

¹³ *Даниил Александрович Московский* (ум. 1303 г.) — первый князь Московский с 1276 г., родоначальник московской княжеской династии, младший сын Александра Невского.

¹⁴ *Юрий Данилович* (1303—1325 гг.) — князь Московский. Был женат на сестре хана Золотой Орды Узбека Кончаке (Агафье).

¹⁵ Н. Г. Устрялов повествует о погроме Твери татарами в 1328 г. при участии Ивана Даниловича.

¹⁶ *Эрик IX* — король Швеции (2-я пол. XII в.).

¹⁷ *Довмонт* (1264—1299 гг.) — князь Псковский, был женат на внучке Александра Невского — Марии Дмитриевне, принял крещение под именем Тимофея. В 1268 г. участвовал вместе с русскими князьями в Раковорской битве с немцами.

¹⁸ *Миндовг* (1230—1263 гг.) — основатель Литовского княжества, расширил свои владения за счет Западной Руси. В 1262 г. разбил у оз. Дурбе крестоносцев Тевтонского ордена. Погиб в результате заговора.

¹⁹ Мягкая рухлядь — пушнина.

Глава IV. МОСКВА И ЛИТВА

¹ *Симеон Иванович Гордый* (1316—1353 гг.) — старший сын Ивана Калиты, великий князь Московский.

² *Дмитрий Иванович Донской* (1350—1389 гг.) — великий князь Московский, укрепил могущество Москвы. Отражал нападения Литовского князя Ольгерда (1368, 1370, 1372 гг.), разбил мурзу Бегича в 1378 г. на р. Воже, а в 1380 г. в Куликовской битве разгромил хана Мамай. Впервые передал своему сыну Василию по наследству великое княжение.

³ *Ольгерд* (1345—1377 гг.) — великий князь Литовский, старший сын Гедимина от русской княжны Ольги. Сам Ольгерд был дважды женат на русских княжнах — витебской и тверской, принял православие, в крещении взял имя Александр. Ольгерд был представителем русской культуры и покровительствовал православию.

⁴ *Мамай* (ум. ок. 1381 г.) — темник, хан Золотой Орды, был женат на

дочери хана Бердибека. Потерпел поражение от русских войск на Куликовом поле. Свергнут ханом Тохтамышем, убит в Крыму.

⁵ *Олег Иванович Рязанский* (ум. в 1402 г.) — великий князь Рязанский (с 1350 г.), соперник московских князей. В действительности Олег изменником не был. Московские полки не смогли бы защитить Рязань от ордынского погрома, если бы он вступил в союз с Дмитрием Ивановичем. Олег Рязанский вынужден был силой обстоятельств договариваться с Мамасом о выступлении против Москвы. Однако именно Олег первым предупредил Дмитрия о предстоящем походе Мамай на Русь, а рязанские воины так и не присоединились к ордынским полчищам на Куликовом поле. Сын Олега Федор был женат на дочери Дмитрия Донского Софье (с 1387 г.).

⁶ *Тамерлан (Тимур)* (1336—1405 гг.) — монгольский полководец и завоеватель, в 1395 г. разгромил и подчинил себе Золотую Орду.

⁷ Хан Тохтамыш захватил и сжег Москву в 1382 году.

⁸ *Василий I Дмитриевич* (ум. в 1425 г.) — великий князь Московский, сын Дмитрия Донского, получил великое княжение по наследству без согласования с Ордой.

⁹ *Витовт* (1392—1430 гг.) — великий князь Литовский, сын Кейсту-та, был женат на дочери тверского князя, православный. В 1395 г. захватил Смоленск, значительно расширил территорию княжества за счет русских земель. Вел войну с Василием I в 1406—1408 гг. Участвовал в сражении с тевтонскими рыцарями под Грюнвальдом (Танненбергом) в 1410 г. во главе литовско-русской рати.

¹⁰ Нашествие Тамерлана (Тимура Завоевателя) состоялось в 1395 г. Войска Тимура подвергли разорению часть Рязанской земли и повернули обратно в южные степи. Очевидно, затяжная война с Русью не входила в планы полководца, занятого покорением Золотой Орды.

¹¹ Легенда приписывает чудо спасения Москвы иконе Владимирской Богородицы, которая по указанию Василия I и митрополита Кирилла была специально доставлена в Москву.

¹² *Юрий Дмитриевич* (ум. в 1434 г.) — князь Галицкий и Звенигородский, сын Дмитрия Донского.

¹³ *Василий II Васильевич Темный* (1425—1462 гг.) — великий князь Московский, вел войны с сыновьями Юрия Дмитриевича Василием Косым и Дмитрием Шемякой.

¹⁴ *Василий Косой* (ум. в 1447 г.), *Дмитрий Шемяка* (ум. в 1453 г.), *Дмитрий Красный* — сыновья Юрия Дмитриевича.

¹⁵ 7 июля 1445 г. в битве близ суздальского Спасо-Ефимьева монастыря Василий II потерпел поражение от татар и попал в плен.

¹⁶ *Свидригайло* (сын Ягайло) и *Сигизмунд* (брат Витовта) вели борьбу за власть в Литовском княжестве после смерти Витовта в 1430 г.

¹⁷ На Ферраро-Флорентийском соборе (1438—1439 гг.) была заключена уния (договор) между католической и православной (греческой) церквями. Условия унии для православных были уничижительны, они фактически подпадали под власть римского папы. Византия надеялась в этом случае на военную помощь со стороны католической Европы. Однако никакой реальной помощи она так и не получила. Русский митрополит Исидор, подписавший унию с латинянами, по возвращении в Москву был лишен сана, а митрополитов стали избирать из среды русского духовенства.

¹⁸ Константинополь был взят войсками турецкого султана Магомета II 29 мая 1453 г. Последний византийский император Константин XI Палео-

лог погиб в бою. Завоевание турками Византии было воспринято на Руси как знак того, что греческое православие, заключившее союз с католиками, окончательно разрушилось, утратив свое право на руководство церковью.

Глава V. РУССКОЕ ЦАРСТВО В БОРЬБЕ С ТАТАРАМИ И ПОЛЯКАМИ

¹ *Марфа-Посадница*, вдова новгородского посадника Исаака Борецкого, глава антимосковской группировки, искала союза с Западом и Литвой. В 1478 г. взята под стражу, умерла в заточении.

² В сражении на р. Шелони в 1471 г. московское войско Ивана III численностью ок. 5 тыс. человек разгромило 40-тысячную новгородскую рать.

³ *Ахмат (Ахмед)* — хан Большой Орды, пытался восстановить свою власть над русскими землями в 1480 г.

⁴ *Менгли-Гирей* — крымский хан, союзник Руси.

⁵ Стояние на р. Угре (приток р. Оки) продолжалось с лета до осени 1480 г. Все попытки татар перейти Угру оказались безрезультатными. Расчеты хана Ахмата на помощь польского короля Казимира IV не оправдались. Ахмат ушел в Орду, фактически признав свое поражение.

⁶ *Василий III Иванович* (1505—1533 гг.) — великий князь Московский и всея Руси, сын Ивана III и Софьи Палеолог. Завершил дело объединения русских земель, усилил государственную власть, ликвидировал удельную систему. Прозван «последним собирателем земли Русской».

⁷ *Сигизмунд I* — польский король и великий князь Литовский.

⁸ *Максимилиан I* (1459—1519 гг.) — германский император, в 1514 г. подписал договор с Василием III.

⁹ *Магмет-Гирей (Мухаммед-Гирей)* — крымский хан, сын Менгли-Гирея.

¹⁰ *Саип-Гирей (Сагиб-Гирей)* — с 1521 г. казанский хан, брат Мухаммеда-Гирея, покинул Казань в 1524 г. после похода Василия III.

¹¹ *Шиг-Алей (Шигалей)* — казанский хан в 1518—1521 гг., внук хана Ахмата, ставленник Василия III, свергнут с престола казанской знатью.

¹² *Магмет Аминь (Мухаммед-Эмин)* (ум. в 1518 г.) — казанский хан.

¹³ *Иоанн IV Васильевич Грозный* (1530—1584 гг.) — великий князь (с 1533 г.) и царь (с 1547 г.) Московский и всея Руси. Выдающийся государственный деятель, реформатор, писатель. Пытался укрепить централизацию и самодержавие. При нем начался созыв земских соборов, составлен судебный кодекс «Судебник» (1550 г.), проведены реформы управления и суда. Покорил последние оплоты Золотой Орды — Казанское (1552 г.) и Астраханское (1556 г.) ханства. Установил тесные экономические связи со странами Западной Европы. Для борьбы со своими врагами внутри страны ввел опричнину (1565—1572 гг.) и использовал особое опричное войско.

¹⁴ *Елена Глинская* внезапно скончалась 3 апреля 1538 г., когда ей было всего 30 лет. Существует версия об отравлении ее боярами.

¹⁵ *Сильвестр* (ум. ок. 1566 г.) — протопоп, политический деятель и писатель. Был священником в Новгороде, с 1540-х гг. — в Благовещенском соборе Московского Кремля. Приближен Иваном IV, один

из руководителей Избранной рады. В 1560 г. удален от двора и пострижен в монахи Соловецкого монастыря. Обработал и дополнил «Домострой».

¹⁶ *Адашев Алексей Федорович* (ум. 1561 г.) — один из руководителей правительства Избранной рады, окольный, начальник Челобитного приказа, ведал личным архивом Ивана IV. Дипломат и воевода в Ливонии в 1560 г.

¹⁷ *Анастасия Романовна Захарына* (ум. 1560 г.) — с 1547 г. жена царя Ивана IV, мать царя Федора Иоанновича. Сестра основателя рода Романовых Никиты Романовича Захарына — отца патриарха Филарета и деда царя Михаила Федоровича.

¹⁸ Вокруг молодого царя Ивана IV обзавелся кружок приближенных к нему лиц, который князь А. Курбский позднее назвал на польский манер Избранной радой. Это название позже закрепилось в исторической науке. Избранная рада не была официальным государственным учреждением, однако в 1547—1560 гг. являлась фактическим правительством и управляла государством от имени царя.

¹⁹ Некоторые советники царя считали Ливонскую войну (1558—1583 гг.) политической ошибкой Ивана IV. Между тем для России она была жизненно необходима — выхода к Балтийскому морю требовали ее экономические и военные интересы. Действительной ошибкой царя было заключение с Ливонией перемирия летом 1559 г., когда он поддался антивоенным настроениям Адашева и Сильвестра.

²⁰ *Сигизмунд II Август* (ум. в 1572 г.) — польский король, последний из династии Ягеллонов.

²¹ *Эрик XIV* (1533—1577 гг.) — король Швеции в 1560—1568 гг.

²² *Фридрих (Фредерик) II* (1559—1588 гг.) — король Дании.

²³ *Алексей Данилович Басманов* (ум. 1571 г.), *Афанасий Иванович Вяземский* (ум. 1571 г.) — приближенные Ивана IV, опричники, по подозрению в «измене» казнены по приказу царя; *Скуратов Малюта Григорий Лукьянович* — один из главных организаторов опричнины, ведал сыском и пытками. В декабре 1569 г. задушил митрополита Филиппа (Колычева). В январе 1570 г. участвовал в разгроме Новгорода. Героически погиб в бою во время осады крепости Витгенштейн в Ливонии в 1573 г. Дочь Малюты Скуратова Мария была замужем за Борисом Годуновым.

²⁴ *Симеон Бекбулатович* (в иночестве Стефан, до крещения — Саин Булат) (ум. 1616 г.) — служилый касимовский хан. В 1575—1576 гг. Иван IV посадил его на великое княжение, после чего сделал Симеона великим князем Тверским. При Лжедмитрии I пострижен в Кирилло-Белозерском монастыре.

²⁵ *Опричнина* (от «опричь» — кроме) — традиционно означала часть княжества, которую после смерти князя выделяли его вдове «опричь» всех уделов. В 1565 г. это слово приобрело совершенно иной смысл — земли, находящиеся в исключительном владении царя. Территории страны, не вошедшие в опричнину, именовались «земщиной».

²⁶ В порыве гнева 9 ноября 1581 г. Иван IV убил своего старшего сына Ивана, который пытался заступиться за беременную жену.

²⁷ *Стефан Баторий* (1533—1586 гг.) — сын трансильванского воеводы Стефана. В 1576 г. избран на сейме польским королем. В 1579 г. захватил Полоцк, в 1580 г. — Великие Луки, в 1581 г. осадил Псков, но потерпел неудачу. В 1582 г. заключил Ям-Запольский мир с Россией.

²⁸ *Шуйский Иван Петрович* (ум. 1588 г.) — князь, воевода. Возглавлял оборону Пскова (1581—1582 гг.), глава Регентского совета при царе Федоре Ивановиче (с 1584 г.). Возглавил антигодуновскую партию, осенью 1586 г. сослан и умершвлен.

²⁹ *Ермак Тимофеев* (ум. 1584 г.) — казачий атаман, предводитель похода в Сибирь (1581—1584 гг.).

³⁰ *Федор Иванович* (1557—1598 гг.) — царь с 1584 г., третий сын Ивана IV и Анастасии, женат на сестре Бориса Годунова Ирине (с 1580 г.). Реальная власть находилась в руках Регентского совета, а потом — Бориса Годунова.

³¹ *Годунов Борис Федорович* (1551—1605 гг.) — русский царь с 1598 г. Выдвинулся в годы опричнины, пожалован в бояре, наместник Рязанский и Астраханский. В ходе борьбы с членами Регентского совета стал фактическим правителем России. В 1598 г. избран на Земском соборе царем.

³² *Дмитрий Иванович Угличский* (1581—1591 гг.) — царевич, сын Ивана IV от последней жены — Марии Федоровны Нагой. После смерти царя отправлен в Углич. Н. Г. Устрялов разделяет мнение историков XIX в. о виновности Бориса Годунова в гибели царевича, по приказу которого Дмитрий якобы был убит. Более тщательные исследования угличской трагедии приводят к выводу о несчастном случае и самоубийстве царевича. Большинство современных историков придерживается этой точки зрения.

³³ 18 мая 1595 г. в Тязвине (близ Иван-города) был подписан мирный договор со Швецией, по которому Россия вернула себе Иван-город, Ям, Копорье и волость Корелу.

³⁴ *Сигизмунд III Ваза* (1566—1632 гг.) — король польский и великий князь Литовский с 1587 г. Король Швеции с 1592 г., низложен в 1599 г. Ученик иезуитов и проводник католической реакции (что и привело к его свержению шведским протестантским дворянством). В 1600—1629 гг. несколько раз пытался вернуть шведский трон. Проводил политику колонизации Украины, Белоруссии. В 1604—1605 гг. скрытно поддерживал авантюру Лжедмитрия I, с 1609 г. начал открытую интервенцию против России.

³⁵ *Иов* (ум. в 1607 г.) — первый патриарх всея Руси (с 1589 г.). Содействовал избранию на престол Бориса Годунова. В июне 1605 г. свергнут сторонниками Лжедмитрия I и сослан в Старицкий монастырь. В 1607 г. возвращен в Москву по требованию Василия Шуйского и нового патриарха Гермогена.

³⁶ *Годунов Федор Борисович* (1589—1605 гг.) — царь с 13 апреля по 1 июня 1605 г., сын Бориса Годунова. При приближении армии Лжедмитрия I к Москве схвачен вместе с матерью и вскоре убит.

Глава VI. УНИЯ И САМОЗВАНЦЫ

¹ Согласно Люблинской унии 1569 г. Польша и Литва объединялись в одно государство — Речь Посполитую.

² *Генрих Валуа* — французский принц, избранный королем Польши (1573—1574 гг.).

³ *Орден иезуитов* был основан Игнатием Лойлой (1491—1556 гг.) в 1540 г. и сразу оказался под особым покровительством папы римского.

В отличие от других монашеских орденов иезуиты были людьми чисто светскими, выступая в роли политиков, дипломатов, воспитателей, врачей, искусных мастеров. Ради торжества «дела Христова» они пускали в ход любые средства: лесть, интриги, клевету, яд, организацию заговоров и убийств. Слово «иезуит» приобрело нарицательный смысл, ассоциируясь с коварством, предательством, неразборчивостью в средствах.

⁴ *Михаил Васильевич Рагоза* (1589—1596 гг.) — митрополит Киевский, ставленник иезуитов, первый митрополит Унии.

⁵ Деулинское перемирие было подписано между Россией и Речью Посполитой 1 декабря 1618 г. Согласно договору Россия лишилась Смоленска и Чернигово-Северских земель.

⁶ *Шуйский Василий Иванович* (1552—1612 гг.) — русский царь в 1606—1610 гг. Князь, боярин с 1584 г., возглавлял следствие о гибели царевича Дмитрия в 1591 г. В 1604 г. — назначен командовать армией против Лжедмитрия I, нанес поражение самозванцу в сражении при Добрыничах в 1605 г. После вступления Лжедмитрия I в Москву возглавил против него заговор. В 1606 г. избран царем. Неудачи в борьбе с Лжедмитрием II привели к свержению Василия Шуйского и пострижению в монахи. Увезен в плен поляками, где и умер.

⁷ *Лжедмитрий I* («Расстрига») (ум. 1606 г.) — самозванец, выдававший себя за спасшегося царевича Дмитрия — сына Ивана IV. Его действительное происхождение неясно. Вероятно, он был дьяконом Московского Чудова монастыря Григорием Отрепьевым. Появился в Польше в 1602 г. Осенью 1604 г. при поддержке Польши, католической церкви начал войну с Борисом Годуновым. 20 июня 1605 г. вступил в Москву и стал царем. Убит в результате заговора 17 мая 1606 г.

⁸ *Лжедмитрий II* («Тушинский вор») (ум. 1610 г.) — авантюрист, выдававший себя за спасшегося царевича Дмитрия. Происхождение его неясно. В 1607 г. захватил Брянск, затем Тулу. С мая 1608 г. обосновался под Москвой в с. Тушино, где было образовано правительство. Начало польской интервенции (осень 1609 г.) привело к распаду тушинского лагеря. В июне 1610 г. снова подошел к Москве, затем бежал в Калугу, где и был убит.

⁹ *Ляпунов Прокофий Петрович* (ум. 1611 г.), *Пожарский Дмитрий Михайлович* (ум. 1642 г.) — военачальники, руководители первого и второго народных ополчений.

¹⁰ *Мнишек Марина* (ок. 1588 — не ранее 1614 г.) — жена Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, дочь польского магната Юрия Мнишка. В 1606 г. венчалась с Лжедмитрием I в Москве. После гибели мужа содержалась в Ярославле. В 1608 г. бежала в Калугу к Лжедмитрию II, которого признала мужем. После гибели Лжедмитрия II сошлась с атаманом Заруцким, претендующим на русский престол от имени своего малолетнего сына от Лжедмитрия II Ивана («ворёнка»). После освобождения Москвы от поляков бежала в Астрахань, а потом на р. Яик, где была схвачена и выдана московским властям. Умерла в заточении.

¹¹ Лжедмитрий I был зарублен, его тело было выставлено на поругание на Красной площади. Через трое суток труп сожгли, пепел смешали с порохом и выстрелили из пушки в ту сторону, откуда самозванец пришел в Москву.

¹² *Гермоген (Ермоген)* (ок. 1530—1612 гг.) — патриарх всея Руси с 1606 г. Твердый защитник интересов России и православия. Отказался подпи-

сать грамоту о передаче Смоленска Польше (1610 г.). Выступал против польской интервенции. Заключен в Чудовом монастыре. Оказывал моральную поддержку второму ополчению (1612 г.). Умер голодной смертью в заточении.

¹³ *Шаховской Григорий Петрович* — князь, активный участник событий смуты. Сторонник Лжедмитрия I. В 1606 г. сослан воеводой в Путивль. Заявил о «спасении» Дмитрия. Был в армии Болотникова; после сдачи в 1607 г. Тулы сослан на Кубенское озеро, освобожден отрядами Лжедмитрия II. Участвовал во втором ополчении, пытался спровоцировать казаков на грабеж городов.

¹⁴ *Болотников Иван Исаевич* (ум. 1608 г.) — предводитель восстания крестьян и холопов 1606—1607 гг. Именем царя Дмитрия собрал войско, которое нанесло ряд поражений армии Василия Шуйского, в октябре 1606 г. осадил Москву, но взять ее не смог. Отступил сначала в Калугу, а затем в Тулу, где армия Болотникова была окружена (июнь—октябрь 1607 г.). После сдачи города Болотников сослан в Каргополь, где ослеплен и утоплен.

¹⁵ *Скопин-Шуйский Михаил Васильевич* (1586—1610 гг.) — князь, выдающийся полководец. После воцарения Василия Шуйского — воевода, боролся против восстания Болотникова. В 1608 г. вел переговоры в Новгороде с представителями шведского короля Карла IX о военной помощи России. В 1609 г. совместно с корпусом Я. Делагарди нанес поражение войскам Лжедмитрия II под Торжком, Тверью и Дмитровом, освободил поволжские города. В марте 1610 г. снял осаду Лжедмитрия II с Москвы. После вступления в столицу внезапно умер. По мнению большинства современников, отравлен.

¹⁶ *Петр Федорович (Илейка Муромец)* (ум. в конце 1607 г. или нач. 1608 г.) — самозванец, выдававший себя за мифического сына царя Федора Ивановича Петра. Выходец из посадских людей г. Мурома, стал терским казаком. В 1605 г. избран атаманом и провозглашен царевичем Петром. Во главе казачьих отрядов двинулся к Москве, но после гибели Лжедмитрия I присоединился к армии Болотникова в Калуге. После падения Тулы 10 октября 1607 г. был взят в плен войсками Василия Шуйского и вскоре повешен.

¹⁷ *Сапега Ян-Петр* (1569—1611 г.) — политический и военный деятель, староста усвятский. В августе 1608 г. с одобрения Сигизмунда прибыл в Тушинский лагерь. В 1608—1610 гг. — возглавлял осаду Троице-Сергиева монастыря. После распада Тушинского лагеря поддерживал Лжедмитрия II до вторичного его прихода к Москве. Пришел на помощь осажденному в Москве польскому гарнизону, умер в Москве.

¹⁸ *Делагарди Яков Понтус* (1583—1652 гг.) — шведский полководец и государственный деятель. По договору между Россией и Швецией во главе 15-тысячного отряда прибыл в Новгород в распоряжение М. В. Скопина-Шуйского для борьбы с поляками. Участвовал в освобождении Твери (1609 г.), вместе с русскими войсками вошел в Москву (март 1610 г.). Во время сражения под Клушином (1610 г.) большая часть армии Делагарди перешла к полякам, а сам он с оставшейся частью ушел на Север и начал захват русских земель. В 1611 г. им были захвачены Корела, Новгород и новгородские земли. Участвовал в шведско-русских переговорах, закончившихся Столбовским миром (1617 г.).

¹⁹ *Шейн Михаил Борисович* (ум. 1634 г.) — воевода, возглавлял оборону Смоленска от войск польского короля Сигизмунда III с сентября 1609 г. по июнь 1611 г. (21 месяц). Был взят в плен поляками, отпущен в Россию

после Деулинского перемирия. В 1632—1634 гг. возглавлял осаду Смоленска, но был разбит поляками. Казнен в Москве как изменник.

²⁰ *Владислав IV* (1595—1648 гг.) — король Польши с 1632 г., сын Сигизмунда III. После поражения армии Василия Шуйского под Клушином Боярская Дума признала Владислава русским царем и послала за ним посольство. Его воцарение первоначально не состоялось из-за желания Сигизмунда III самому занять российский престол, позже — благодаря успехам освободительного движения. В 1617—1618 гг. пытался вернуть себе корону. По Поляновскому миру 1634 г. отказался от своих претензий на русский трон.

²¹ *Михаил Федорович Романов* (1596—1645 гг.) — с 1613 г. первый царь из династии Романовых, сын патриарха Филарета.

²² *Филарет (Романов Федор Никитич)* (ок. 1554—1633 гг.) — патриарх всея Руси, сын Никиты Романовича Юрьева. В 1601 г. во время опалы Романовых пострижен в монахи и сослан. Возвращен Лжедмитрием I и поставлен в ростовские митрополиты (30 июня 1605 г.) В лагере Лжедмитрия II провозглашен патриархом. В 1609 г. участвовал в посольстве для приглашения на русский престол королевича Владислава. За выступление против решения Сигизмунда III занять трон арестован и содержался в плену до 1619 г. Отпущен в Россию после Деулинского перемирия и вскоре пожен в патриархи.

²³ *Пожарский Дмитрий Михайлович* (1578—1642 гг.) — князь, один из руководителей освободительной борьбы русского народа против польских и шведских интервентов. С февраля 1610 г. воевода в Зарайске, где организовал отпор захватчикам. В нач. 1614 г. принял участие в формировании первого ополчения, в марте 1611 г. — участвовал в сражении за Москву. В конце 1611 г. вместе с Кузьмой Мининым возглавил второе ополчение, освободившее Москву 26 октября 1612 г. В 1613—1618 гг. руководил военными действиями против интервентов. Во время войны с Польшей 1632—1634 гг. командовал армией прикрытия в районе Можайска.

²⁴ *Минин Кузьма Анкудинович* (наст. фамилия Захарьев-Сухорукий) (ум. в 1616 г.) — организатор и один из руководителей второго ополчения (1611—1612 гг.). В 1611 г. — земский староста в Нижнем Новгороде, в 1612—1613 гг. входил в «Совет всей земли» (фактическое правительство России). После воцарения Михаила Романова — думный дворянин.

²⁵ Дореволюционные историки (в том числе и Н. Г. Устрялов) в значительной степени идеализировали картину избрания Михаила Романова на царский престол. На самом деле избрание Михаила в цари было бесспорно объективной расстановкой политических сил, которая сложилась в русском обществе после освобождения Москвы от интервентов. Кандидатура Михаила Романова (к моменту избрания ему было 17 лет) была поддержана боярами, которые надеялись управлять от его имени («умом Миша молод, не дошел»), а дворяне видели в Романовых противников ненавистных им Шуйских.

Глава VII. ЦАРСТВОВАНИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ ДО ПЕТРА ВЕЛИКОГО

¹ *Густав II Адольф* (1594—1632 гг.) — король Швеции с 1611 г. В 1614—1617 гг. вел захватническую войну с Россией, завершившуюся Столбовским мирным договором (1617 г.).

² *Морозов Борис Иванович* (1590—1661 гг.) — боярин, воспитатель царя Алексея Михайловича с 1634 по 1647 гг., был женат на младшей сестре жены царя Марии Ильиничны Милославской — Анне Ильиничне. Имел неограниченное влияние на царя. В июне 1648 г. выслан в Кирилло-Белозерский монастырь, в октябре вернулся в Москву. Политической активности не проявлял.

³ Налог на соль был введен весной 1646 г. Из-за дороговизны соли вздорожали многие продукты питания (соль была единственным консервантом, позволявшим хранить мясо и рыбу), что вызвало недовольство значительной части населения. В конце 1647 г. соляной налог пришлось отменить.

⁴ Стихийное восстание в Москве началось 1 июня 1648 г. Возмущенные люди остановили царский кортеж и потребовали царя их выслушать. Алексей Михайлович обещал принять меры, но по приказу Л. Плещеева народ стали разгонять плетьюми. 2 июня восставшие ворвались в Кремль, разгромили около 30 домов богатой московской знати. Алексей Михайлович вынужден был выдать на растерзание толпе нескольких своих придворных и выслать Б. И. Морозова из Москвы.

⁵ *Никон (Никита Минов)* (1605—1681 гг.) — церковно-политический деятель. С 1646 г. — архимандрит московского Новоспасского монастыря, с 1649 г. — новгородский митрополит, в 1652—1667 гг. — патриарх Московский. Проводил церковную реформу. Церковным собором 1666 г. лишен сана патриарха и сослан в Ферапонтов монастырь, с 1676 г. — в Кириллов монастырь, где и умер.

⁶ Уложение было принято Собором в 1649 г. Представляло собой свод законов и состояло из 25 глав и 967 статей. Явилось законодательным итогом всех государственных и общественных отношений, выработанных допетровской Русью. Уложение оставалось в силе до издания новых законов в середине XIX в. Подлинник Соборного Уложения 1649 г. дошел до наших дней.

⁷ Таможенный устав (1653 г.) устанавливал единый сбор в размере 10 «денег» с рубля. Половина его платилась при покупке и половина при продаже товара. Все внутренние таможи были ликвидированы, никаких иных пошлин, кроме «рублевой», не предусматривалось. В 1667 г. таможенные правила были еще раз переработаны в Новоторговом уставе. Иностранные купцы лишались привилегий и также облагались пошлиной.

⁸ Н. Г. Устрялов идеализирует деятельность патриарха Никона. На самом деле реформа проводилась жесткими методами, насильственно, не получила поддержки в народе и привела к расколу. Властолюбивая натура Никона усугубила и без того болезненные реформы церкви.

⁹ *Хмельницкий Зиновий (Богдан) Михайлович* (ок. 1595—1657 гг.) — с 1648 г. гетман Украины, руководитель национально-освободительной борьбы народа против Польши. В 1647 г. в битвах у Желтых Вод и под Корсунью разгромил поляков, в 1649 г. одержал победу под армией короля Яна-Казимира под Зборовом. В январе 1654 г. на Переяславской раде призвал к воссоединению с Россией.

¹⁰ «Медный бунт» произошел в Москве в 1662 г. Причиной его стало обесценивание медных денег, которые правительство выпускало большими партиями для покрытия государственных расходов. Серебряная монета постепенно выходила из обращения (серебром выплачивались налоги, население «придерживало» серебро на «черный день» и т. д.), а медные деньги быстро теряли свою покупательную способность. Это вызвало

взрыв недовольства москвичей. С 1663 г. правительство прекратило выпуск медных денег.

¹¹ Андрусовское перемирие было подписано в 1667 г.

¹² *Разин Степан Тимофеевич* (уб. 1671 г.) — казак, руководитель восстания в 1667—1671 гг.

¹³ Славяно-греко-латинская академия была основана в 1687 г. в Москве.

¹⁴ *Местничество* — порядок замещения служебных должностей «по родовитости». Система местничества установилась на Руси с конца XV в. и стала существенным тормозом для развития страны. Решение об отмене местничества было принято Боярской думой 12 января 1682 г. Официальный указ предписывал торжественно, при свидетелях, сжечь разрядные книги.

¹⁵ *Софья Алексеевна (Правительница)* (1657—1704 гг.) — царевна, дочь Алексея Михайловича и Марии Милославской. Правительница России в 1682—1689 гг. В 1689 г. заточена в Новодевичий монастырь, в 1698 г. под именем Сусанны пострижена в монахини.

¹⁶ *Голицын Василий Васильевич* (1643—1714 гг.) — князь, с 1676 г. боярин, приближенный царя Федора Алексеевича. Фаворит царевны Софьи. В 1687 и 1689 гг. руководил походами в Крым. После прихода к власти Петра I лишен боярства, вотчин, поместий, сослан в Архангельский край, где и умер.

¹⁷ «Вечный мир» с Польшей был подписан в 1686 г. По этому договору Россия навсегда получала Кисев, Смоленск и Левобережную Украину. Подписание этого мирного договора было значительным внешнеполитическим успехом России.

Глава VIII. ОЧЕРК РУССКОЙ СТАРИНЫ

¹ «*Liberum veto*» («право свободного запрещения») — порядок принятия решений в польском сейме, установленный законом. Все дела в общем сейме должны были решаться единогласно. Это означало, что любой член сейма мог парализовать принятие не устраивающего его решения. Такой порядок работы сейма создавал условия для подкупа депутатов как со стороны магнатов и финансовых кругов Польши, так и со стороны иностранных государств.

² Н. Г. Устрялов рисует идиллическую картину отношений между церковью и властью, церковью и народом, а также внутри православной церкви (между Константинополем и Русью), такими они в действительности не были ни в один период истории.

³ *Стригольники* — еретическое течение XIV в., появилось во Пскове и Новгороде. Происхождение этого названия не совсем ясно. По одной из версий еретики стали именоваться по прозвищу основателя секты диакона Карпа («Стригольника»), который постригал новопредставляемых диаконов. Стригольники выступали против церковной иерархии, против назначения священнослужителей за плату («по мзде»), истинной церковью признавали апостольскую, потому что только апостолы были настоящими пастырями. Стригольники отвергали православные храмы, почитание икон и совершение таинств. Священники, по мнению стригольников, должны быть неимущими, бедными людьми. В повседневной жизни стригольники вели аскетический образ жизни.

⁴ *Жидовствующие* — ересь XV в. Первым распространителем ее был еврей Схария, который попал в Новгород из Литвы в свите киевского князя в 1470 г. Агитационным рычагом еретиков были ссылки на Ветхий Завет, на его непреходящее значение. Жидовствующие отрицали божественность Иисуса Христа, не признавали церковную иерархию, поклонение иконам, церковные таинства, придерживались некоторых еврейских догматов и обрядов.

⁵ Следует заметить, что исторических источников, дающих информацию о социальном составе Руси IX—XVII вв., определяющих характер и положение сословий, отдельных групп населения, явно недостаточно для полного изложения этого предмета. В этой области остается немало спорных вопросов, ведутся научные дискуссии. Н. Г. Устрялов (как и другие историки прошлого и настоящего) излагает свою точку зрения на этот предмет, поэтому его изыскания могут претендовать только на большую или меньшую вероятность, но не полную достоверность.

⁶ Будучи связан водными путями с Балтикой, Новгород уже в XII в. вел активную торговлю с Западной Европой. Важнейшим торговым партнером Новгорода стал самый крупный среди ганзейских городов (Ганза — союз германских вольных торговых городов) — Любек.

⁷ Известный русский богослов и философ Г. Флоровский (1893—1979) объясняет долгое «молчание» Руси кризисом «византийской культуры в русском духе». «За молчаливые допетровские века, — писал он, — многое было испытано и пережито. И русская икона с какой-то вещественной бесспорностью свидетельствует о сложности и глубине, о подлинном изяществе древнерусского духовного опыта, о творческой мощи русского духа... Вообще нельзя объяснять трудности древнерусского развития из бескультурности. Древнерусский кризис был кризисом культуры, а не бескультурности или некультурности». (Г. Флоровский. Пути русского богословия, Вильнюс, 1991. С. 1—2).

Часть вторая

НОВАЯ ИСТОРИЯ

ГЛАВА I

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

РОССИЯ И ПЕТР

В 1689 году, когда семнадцатилетний Петр, удалив Софию, взялся мощной рукой за кормило правления, Россия была обширнейшей державой в мире, заключая в пределах своих 266 000 квадратных миль. Западная пограничная черта ее пролегла от Колы через Ладожское озеро и истоки Тосны к Чудскому озеру; отсюда мимо Смоленска, Рославля и Киева, к Запорожью; южная от порогов Днепровских через херсонские, екатеринославские и астраханские степи к устью Терека; оттуда по северному берегу Каспийского моря и по течению Урала до верховьев Тобола; далее мимо кочевьев киргизских, зюнгарских, монгольских и маньчжурских до Охотского моря; восточная касалась Камчатки, северная Ледовитого океана.

Неизмеримое пространство земель, находящихся в климате более умеренном, чем суровом, доставляя народу все необходимое, избавляло его от зависимости соседей. Россия изобиловала произведениями по всем царствам природы, хотя ископаемые были еще мало известны, и слыла в Европе страной богатой. Ее тучные нивы, обширные пахоты, дремучие леса с их соболями, куницами, медведями, реки, наполненные рыбой, множество домашнего скота, зверей, птиц, несметные рои пчел, все изумляло иноземных путешественников.

Народонаселение далеко не соответствовало простран-

ству: число его не превышало 10 миллионов. Успехи его были замедляемы сначала внутренними междоусобиями, владычеством монголов, потом непрерывными войнами с соседями, естественными бедствиями, недостатком охранных мер. В России обитали многие разноплеменные народы; но главным, господствующим по вере, языку и многочисленности, был народ русский, населявший без примеси те земли, на которых было основано государственное могущество, именно большую часть древней Руси, вошедшую в состав России, от Новгорода до Путивля, от Смоленска до Казани. Обитатели Малороссии и земли войска донского были также русскими, хотя во многом отличались от единоплеменных жителей московского государства. Сверх того, во всех городах, покоренных царским оружием или основанных вне пределов Руси, в пермских, казанских, сибирских, воеводы, люди приказные, служилые, отчасти и промышленные, были русские. Все дела гражданские отправлялись на русском языке, по русским уставам. Русский элемент господствовал над финским, татарским, сглаживал постепенно тот и другой и скреплял обширные части России в одно целое.

Счастлирое сочетание главных начал гражданского общества увеличивало внутреннюю крепость и силу государства. Власть верховная, самодержавная сосредоточивалась в одном лице государя, царя и великого князя. Как неограниченный законодатель, правитель и судья, он двигал силами России по своему усмотрению, находил в подданных безусловную покорность и одним словом мог ополчить все государство. Царский указ служил законом для всех, имея равную силу для высших и низших сословий, для светских и духовных. Сановники, назначаемые волей государя в приказы и на воеводства, заведовали судом и расправой, делами посольскими, военными, финансовыми, управлением областей и городов; царское согласие давало силу правам; царский гнев уничтожал их. Духовенство не зависело ни от приказов, ни от воевод, имея собственное управление, главой которого был патриарх; но сам первосвященник наравне с другими обязан был отчетом во всех действиях своих государю; без воли его не вмешивался в дела гражданские и не выходил из ряда подданных. Царское самодержавие не было, однако же, безотчетным произволом: требуя от подданных строгого исполнения своих указов,

государь и сам уважал святость закона, не решая ни одного важного дела без справки с существующими уставами или, в случае недостатка их, без совета и приговора боярского. Были, конечно, исключения; но они редки. Все вообще государи московские отличались преданностью духу законодательства. Законы были немногочисленны и немногосложны, но достаточны для охраны личной безопасности и права собственности частной и государственной.

Честь оборонять отечество от врагов иноземных принадлежала лучшему, благородному сословию, дворянству, обязанному без исключения воинской и гражданской службой. По царскому указу оно вооружалось со своими людьми, выводило их в поле, билось с неприятелем мужественно и, по окончании похода, слагало оружие, чтобы исправлять гражданские обязанности царской службы. Милостивое слово государя было самой лестной наградой за важнейшие подвиги. Правда, ополчение дворянства, при усовершенствовании военного искусства в Западной Европе, становилось ненадежной обороной внешней безопасности, и многие печальные опыты доказывали необходимость лучшего устройства военного; при всем том русская храбрость и любовь к отечеству служили ручательством государственной независимости.

К выгодам России, в смысле державы могущественной, благоустроенной и самобытной, должно присовокупить и добрые свойства народа. Его благочестие тихое, глубокое, его беспредельная преданность престолу, покорность властям, терпение удивительное, ум светлый, основательный, душа добрая, гостеприимная, нрав веселый, отважность среди величайших опасностей, наконец гордость национальная, породившая уверенность, что нет на свете страны краше России, нет государя сильнее царя православного — были такие свойства, которые надобно было только развить и направить, чтобы возвести Россию на высшую ступень могущества, славы и благоденствия.

Но этого условия, этого счастливого направления народных сил отечеству нашему недоставало, и Россия в глазах образованной Европы казалась страной *варварской*. Мнение, конечно, нелепое: государство, где господствовала христианская вера во всей чистоте, где понятна была необходимость правления благоустроенного, основанного на законе, где справедливость и добродетель были так же чти-

мы, как и во всей Европе, не заслуживало подобного названия. При всем том, имея главные, существенные условия гражданского порядка, Россия лишена была других выгод, равно необходимых для государства, которое и по вере, и по языку, и по своей истории принадлежало Европе. В ней не было и следов европейской жизни, столь необходимого явления в истории человечества.

В XVII веке Европа уже пожинала плоды своих усилий, ознаменовавших XV и XVI столетия; вследствие изобретения книгопечатания, открытия Америки и других всемирных событий она стремилась образовать одно семейство, основанием которого служила система политического равновесия; силы промышленные развивались с невероятной быстротой; торговля охватывала весь мир; умственная деятельность была развита в высшей степени; науки и искусства процветали во многих странах; Франция гордилась веком Людовика XIV¹. Знание, искусство, вкус изящный стали необходимыми условиями гражданского общества, как лучшее украшение жизни, как основа крепости государственной, и европеец перед всеми обитателями других частей света справедливо мог гордиться правом властвовать над вселенной.

Россия не принимала никакого участия в великом деле европейского образования, даже не успела ознакомиться с плодами его. Возникнув из хаоса удельных княжеств, под губительным владычеством монголов, от самого рождения своего до конца XVII века она вела непрерывную борьбу с многочисленными врагами то внутренними, то внешними, напрягала все свои силы к утверждению государственной самостоятельности и, отвергнутая от западного мира монголами, потом заслоненная поляками и ливонцами, напоследок шведами, не могла войти в систему европейских государств. Политика ее ограничивалась обузданием татарских поколений, спорами с Польшей за Литовское княжество, распрями со Швецией за порубежные владения. Мы не имели времени думать о просвещении и образовали мир отдельный. Эта отдельность спасла, может быть, наше отечество от многих зол и скрепила обширные части его узами неразрывными; зато, с другой стороны, имела не всегда выгодное влияние на жизнь общественную и частную.

Не подстрекаемые соревнованием с другими народами, мало знакомые с постепенным усовершенствованием ре-

месел, с развитием знания, с утончением вкуса, предки наши подвигались медленно на поприще гражданской образованности, не обнаруживая ни деятельности, ни предприимчивости. Промышленность в течение многих веков была в одном состоянии, в колыбели. Класс производящий собирал только то, что давала ему щедрая природа, мало заботясь об улучшении своих промыслов. Примеру его следовал класс обрабатывающий: не было ни фабрик, ни мануфактур замечательных, исключая самые необходимые заведения для домашнего обихода²; лучшие изделия шерстяные, шелковые, золотые, железные, все, что могло служить к украшению или к удобству жизни, мы получали из-за границы, и за все это платили дорого сырыми произведениями³. Класс торговый ограничивал свою деятельность перевозкой из города в город хлеба, соли, пеньки, дегтя, сала и прочего. За границу сами мы торговать не посылали: их скупали за безделицу агенты англичан и голландцев, отчасти на рубеже, отчасти, вопреки постановлениям, внутри государства, и вывозили из архангельского порта, единственного пункта, откуда мы, так сказать, выглядывали в Европу⁴. Еще менее могло быть деятельности в умственном развитии, в утончении вкуса; мало было людей грамотных, сами вельможи не все умели писать. Из наук мы знали только историю и теологию; но история наша была бессвязной летописью, в том же почти виде, в каком оставил ее Нестор; с середины XVII столетия даже летописцы наши замолкли.

Слабое развитие промышленных и умственных сил много вредило и внешнему могуществу, и внутреннему благосостоянию, и нравам народным. Россия заключала в недрах своих неистошимые источники силы государственной: по первому слову государя она выводила в поле до полумиллиона храбрых воинов, презиравших все опасности, готовых переносить все тяготы воинской службы, безусловно преданных царю и отечеству; имела все средства к содержанию и вооружению своих ополчений и, безопасная с севера и востока, могла устремить всю массу своих сил на юг или запад, чтобы смирить крымских хищников или возвратить древнее достояние свое из рук иноплеменников. В самом деле, правительство наше постоянно заботилось о том и другом; но, к удивлению потомства, после многолетней борьбы не успело сладить ни с полудикой ор-

дой крымской, ни с расстроеной Польшей; вело с ними борьбу непрерывную, утомительную и нередко терпело неудачи. При невежестве воевод, при неустройстве ополчений бесполезна была и русская храбрость, и русская сила. Даже турки превосходили нас в ратном искусстве; в этом сознавался сам царь Федор Алексеевич. Не менее страдало и внутреннее благосостояние; при всех дарах, которыми природа наградила наше отечество, народ вообще был беден, с трудом удовлетворял самым необходимым потребностям и едва мог уплачивать казенные сборы, хотя ни в одном государстве подати не были так малозначительны, как в России.

Русские города со своими неуклюжими домами, с неправильными, грязными улицами, без обильных рынков, без общественных заведений походили более на деревни, чем на города. Домостроительство было в совершенном упадке. Нравы народные представляли смесь добрых качеств, свойственных русскому народу, со многими недостатками. С одной стороны, глубокое благочестие отличало все сословия, преданность к царскому дому была беспредельная, старость и заслуги пользовались всеобщим уважением, гостеприимство обитало в самых бедных хижинах, любовь к родине одушевляла всех; с другой стороны, в обществе господствовали предрассудки, не допускавшие никакой новой идеи; самые благодетельные учреждения, выходявшие из обыкновенного порядка вещей, казались ересью; ум хотел быть неподвижен. Невежество породило многие пороки, вредные и для общего, и для частного блага. В судах, вопреки всей строгости законов, укоренилось лихоимство; разбои и грабежи приводили в ужас целые города; пьянство было заразой всеобщей; оно породило множество других омерзительных пороков. Для обуздания постепенного распространения буйства, разврата надлежало усилить строгость мер: казни стали жестокими, пытки ужасными⁵.

Соседство наше было тягостно. *Швеция* со времен *Густава Адольфа*⁶ имела очевидный перевес над Россией: владея Померанией, Лифляндией, Эстляндией, Ингрией и Финляндией, покровительствуя герцогу Голштинскому, она господствовала на водах Балтийских, поддерживая свое первенство сколько славой прежних побед, столько и сильным войском, лучшим в Европе. Столбовский дого-

вор, подтвержденный в Кардисе⁷; определил ее отношения к России: мы утратили древнее достояние свое, часть Новгородской области при Финском заливе, и были отрезаны от Балтийского моря.

Польша, господствуя в Заднепровской Руси, в Литовском княжестве и Галиции, вела с Россией непрерывный спор до 1686 года, когда московский договор, по-видимому, положил конец взаимным распрям. Но мир не мог быть прочен: вопреки договору поляки уже возобновили гонение православной веры в Западной Руси, бывшее главным источником несогласия. Кроме того, стоило большого труда, чтобы ужиться в мире с таким беспокойным соседом, какова была Речь Посполитая: волнуемая партиями, подстрекаемая турками, татарами, французами, мечтающая о восстановлении княжества Ягайло, она грозила нам вечной войной.

На юге надлежало опасаться неустройств *казацких*. Воинственные сыны Малороссии и Дона были в ладу с московским двором и стражами от крымских хищников; но слишком горячо, может быть, любили свою волю, свои права, и от внутренних несогласий готовы были по первому знаку взволноваться. За ними таился враг неутомимый, нередко напоминавший губительными набегами времена Тохтамыша⁸: *Крымская* орда, в союзе с другими татарскими ордами, облекая северный берег Черного моря, была тем опаснее для нас, что Гирей имели средства бороться с Россией за польское золото при помощи султана. С севера и востока границы наши были безопасны; но эта единственная, хотя немаловажная выгода, которую мы имели: на севере охраняли нас вечные льды, на востоке слабость полудиких орд.

В таком состоянии находилась Россия в 1689 году. Закрывая в недрах своих неистошимые источники могущества, крепости, богатства, она не ведала своих сил, как будто дремала под тенью невежества, и казалась исполином страшным, но безопасным: самые мелкие враги тревожили ее, оскорбляли, грабили; старались только продлить ее сон, предчувствуя, что пробуждение ее будет ужасно. Она наконец воспрянула: явился Петр.

На Петра потомство привыкло смотреть как на государя великого и по талантам, и по действиям, не всегда однако же превозмогавшего свой век, не всегда счастливого в

выборе средств к достижению предположенной им цели. Удивляются его неутомимой деятельности, его чудной любознательности, его нелицеприятному правосудию, бережливости, искусству узнавать людей и личной храбрости; с почтением говорят о его победах, о его войске, флоте, об издании многих полезных законов, о начале фабрик, о смягчении нравов народных; но в то же время жалеют, что воспитание не дало лучшего направления его великим способностям, что первые любимцы внушили ему безотчетную привязанность ко всему иноземному, презрение ко всему русскому, что много вводил он лишнего, много уничтожал полезного и, заботясь о просвещении подданных, мало думал о собственном образовании: не умел обуздывать своих страстей и не всегда возвышался над своим веком, которому платил дань подобно всем слабым смертным. Полагают, однако же, что вообще по справедливости он заслужил название Великого; сравнивают его с Карлом Великим, с Иоанном III, находят много сходства и заключают свое суждение тем, что Петр не уступает славнейшим венценосам*.

Такой взгляд слишком ограничен. Для истинного понятия о Петре надобно рассматривать его с двух сторон: как человека и как царя России. В первом смысле он является лучшим украшением человечества, во втором — создателем России, истинным виновником ее могущества, славы и благоденствия. История всемирная должна говорить о нем как об исполине среди всех мужей, признанных ею великими; история русская должна вписать имя Петра в свои скрижали с благоговением.

Все так называемые великие государи, изумлявшие блеском своих деяний современников и потомство, возвышались над другими сколько собственными талантами, столько и течением благоприятных обстоятельств. Величие их состояло в том, что они, наследовав от своих предшественников огромные средства, умели угадать и собственные силы и слабость преград, которые хотели одолеть, действовали дружно со своим народом, удовлетворяя его самолюбие, находили усердных, опытных помощников и достигали своей цели — всемирной славы. Так воспользо-

* Мнение Карамзина, изложенное в его любопытном сочинении: «О древней и новой России».

вался Александр Македонский⁹ фалангою и греческим искусством, Карл Великий¹⁰ — воинственным духом франков и мечтою восстановления Римской империи, Людовик XIV — трудами Кольберта, талантами Тюренья, гением Расина, Наполеон¹¹ — революцией. Ни один из них не шел наперекор вкусу.

Петр наследовал также средства огромные, но, чтобы дойти до избранной им цели, надлежало одолеть преграды, для всякого другого неодолимые. Она вовлекла его в борьбу со всем окружающим, он шел наперекор всему: сражался со всеми сословиями, со всеми понятиями, предрассудками, со всем, что было дорого народу, со всеми соседями, боролся с природою, с семейством, с женою, сестрою, сыном, наконец с самим собою, с собственным невежеством, с собственными страстями. Что же вышло?

Александр Македонский, Карл Великий, Людовик XIV, Наполеон, по-видимому, все строили, созидали, творили, но потомству оставили после себя одну славу: творение их исчезало вместе с ними. Петр, по-видимому, все уничтожал, разрушал, творил незаметно, часто одним указом среди всеобщего ропота, и оставил после себя державу могущественную, которая при каждом из его преемников по данному им направлению более и более возвышалась, усиливалась, устраивалась. Он разрушил Московское государство и создал Россию.

Такая разность в результате была следствием различия побуждений. И Александр, и Карл Великий, и другие знаменитые венценосцы обыкновенно смотрели на свой народ как на орудие, как на средство к исполнению более или менее обширных планов, отделялись от государства, действовали большей частью по эгоизму и гонялись за мечтой своей, а не народной: она исчезала вместе с ними, и дела входили в прежний порядок. Петр сливался со своим государством: смотрел на Россию как на свою царицу, олицетворял ее кесарем Ромодановским¹², стал перед ней наряду с подданными и служил ей верой и правдой, проходя все степени службы от барабанщика до генерала. Он не знал иной славы, кроме славы России: для России он работал с топором в руках на Саардамской верфи; для России обрекал себя на строгий суд потомства делами ужаса и крови; в жертву России принес родного сына; готов был неоднократно принести самого себя, никогда не изменял тому,

что говорил он на полях полтавских, среди огня боевого, осыпaeмый градом пуль: «Петру жизнь его недорога; только бы жила Россия в блаженстве и славе».

Славою же и блаженством государства он считал образование народное, и никто из самых знаменитых ревнителей просвещения не ценил так высоко знания и искусства, как Петр. Были многие покровители наук и изяшных художеств; но все они уважали наиболее то, что могло служить украшением двора их и века, что льстило современному вкусу; притом же Периклы, Медичи, Людовики¹³ ободряли науки и искусства в такое время, когда все к тому стремилось; имя их осталось символом счастливого соединения многих талантов; но не они подготовили их развитие. Петр со всей пылкостью своего характера любил знание во всех отраслях его, с полным убеждением, что науки, искусства, ремесла, облагораживая человека, дают ему право быть царем природы и служат одним из главных условий величия и благоденствия государственного. Все, что обнаруживало хотя бы искру искусства, было для него предметом живейшего любопытства; все охватывал он, все изучал, всему давал цену, вес, всему покровительствовал. Любознательность его была ненасытная, беспредельная. Ни один ученый не любил своей науки, составлявшей его славу, так страстно, как любил Петр все науки, все искусства, все ремесла, от созерцаний высшей математики до умения плести лапти.

Этого мало: с умом великим он соединял и душу великую; бесстрашно являлся среди скопища злодеев, посягавших на жизнь его, терпеливо слушал грубые, но правдивые упреки Долгорукого¹⁴, подписал смертный приговор сыну, плакал о Карле XII¹⁵, готов был погибнуть с женой, с войском, с Россией за Кантемира¹⁶, и погиб преждевременно, спасая несколько солдат. Если достоинство человека должно измерять достоинствами ума и души, вместе с его делами, Петр останется лучшим украшением человечества, доколе не явится другой, ему подобный.

Для России Петр был тем же, чем были для Европы крестовые походы, книгопечатание, открытие Америки и другие источники ее образования. Россия обязана ему не только регулярным войском, флотом, сенатом, синодом, коллегиями, регламентами, первыми фабриками, первыми школами, академиями, победами, господством при Бал-

тийском море, связью с Европой, перевесом на севере — она обязана ему и современным, нынешним своим состоянием: мы пожинаем плоды; сеял Петр. Он был для России внезапным лучезарным светилом, которое все грело, оплодотворяло, живило; он расторг оковы нашего невежества, прогнал вековой сон наш; дал нам очнуться, оглянуться на самих себя, на соседей, на природу; воззвал нас к лучшей жизни гражданской, указал нам наши средства, путь, которым должны мы идти неуклонно.

В одно царствование Петра, продолжавшееся не более 36 лет, Россия узнала и большей частью усвоила все, чем Европа, на поприще своего образования, обязана была неозримому ряду событий, многосложной цепи благоприятных случаев, от изобретения книгопечатания до Вестфальского мира. Петр воплощал в себе два столетия. Оттого во всех действиях его, во всех свойствах ума и души выражались качества сверхъестественные. Деятельность его была непостижимая: он не давал покоя ни себе, ни подданным; даже в редкие минуты отдыха лицо его обнаруживало беспрерывными судорогами кипевшую в нем жизнь; часто силы телесные изнемогали перед силой душевной, и Петр от избытка ее впадал в мучительную болезнь. Работая за два века, чтобы создать целую жизнь народа, он действовал с быстротой невероятной, как будто предчувствуя, что судьба не продлит его жизнь. Он боялся оставить свое творение неоконченным, беспрестанно изобретал новые планы, один другого смелее, труднее, и для исполнения их не щадил ни себя, ни народа: крутость мер была неизбежна, особенно если вспомнить, что непреклонное стремление его ко всему новому сталкивалось с не менее крепкой привязанностью народа ко всему старому. Ему надлежало одолеть могущественную силу вековых предрассудков, и Петр одолевал ее столь же мощными средствами, не страшась ни ропота современников, ни суда потомков.

Невзирая, однако, на быстроту или, справедливее, на поспешность действий, он глубоко укоренял семена новой жизни, и редкое из них не принесло плодов вожденных: дела его ознаменованы печатью крепости несокрушимой. Это важное достоинство проистекало от двух условий. С одной стороны, Петр имел чудное свойство: вникал в самые малейшие подробности до последнего корабельного гвоздя, но не терялся в мелочах, не упускал

целого из вида и смотрел на общую связь всех предметов, всех условий времени и места, взором орлиным, с высоты, для всякого другого недостижимой; оттого он не действовал наугад, а стремился к своей цели прямо, верно. С другой стороны, решительность его в исполнении самых отважных мыслей, соединенная с волей непреклонной, с карой неизбежной в случае противодействия, изумляя, потрясая современников, производила в них столь сильное впечатление, что голос Петра казался народу непреложным приговором судьбы.

Рассматривая с этой точки зрения действия и свойства бессмертного преобразователя России, нетрудно отвечать на упреки некоторых писателей, которые вместо того, чтобы изъяснять истинное величие Петра, обвиняют его в излишнем пристрастии к иноземному, в нелюбви к русскому, в жестокости характера, в неудачном выборе средств. То, что называют пристрастием к иноземному, было только выражением пламенной любви его к образованности; мнимое презрение к русскому опровергается самими фактами, которые свидетельствуют, что истинные, основные начала русской народности были развиты Петром в полном блеске; крутость мер была следствием современного порядка вещей и принятой им системы решительного, всеобщего преобразования; на упрек же в неудачном выборе средств лучшим ответом служит Россия как создание Петрово. Вообще все, в чем осуждают его, доказывает только то, что мы еще не вникли ни в дела его, ни в мысли, ни в состояние государства до него и после него. Чем более будем узнавать Петра, тем более станем гордиться им¹⁷.

Царствование Петра в высшей степени многосложно и так обильно событиями, решавшими участь России, что весьма трудно представить даже важнейшие деяния его в кратком очерке; для основательного о нем понятия надобно изучить все его узаконения, из которых редкое не заключает в себе семени новой жизни; надобно постигнуть все действия его, из которых в каждом скрывалась мысль глубокая. Впрочем, события, ознаменовавшие время Петра, представляют три главные картины: в первой, с 1689 по 1700 год, мы видим образование самого Петра, развитие душевных способностей его, при новых мерах к лучшему устройству войска, без отмены, однако же, прежнего по-

рядка вещей; во второй, с 1700 по 1709 год, Петр является в борьбе внутренней и внешней; та и другая идет своей очередью: внутри он борется с невежеством и предрассудками, извне с Карлом XII; в третьей, с 1709 по 1725, Петр сокрушает все встречавшиеся ему преграды; следствием было возвышение России извне, решительное преобразование государства внутри.

I. ОБРАЗОВАНИЕ ПЕТРА (1689—1699)

Первые десять лет царствования Петра Великого достопамятны не столько обилием государственных событий, изменивших состояние России, сколько развитием душевных способностей Петра, образованием его гения и утвердившимся направлением его воли. В эти десять лет он понял свое призвание и остался верен ему до гроба.

Петр обязан всем, что его прославило и возвеличило, единственно самому себе. Воспитание предшественников его было очень ограничено; по крайней мере многие из них, еще до вступления на престол, достигали зрелых лет, принимали деятельное участие в делах государственных и опытом заменяли науку; так образовали себя Иоанн III, сын его Василий, Федор Иоаннович, Борис Годунов, Алексей Михайлович, Федор Алексеевич. Петр и этой выгоды был лишен: после смерти отца он остался 4 лет, после смерти старшего брата 10, и самый важный для человека возраст, когда первые впечатления решают всю жизнь его, провел некоторым образом в опале: устраняемый властолюбивой Софьей от дел государственных, он жил до 17 лет вдали от двора, в селе Преображенском, при горестной матери, изредка являясь в Москву, единственно для торжественных случаев. *Наталья Кирилловна*¹⁸ отличалась прекрасною душою и здравым умом; но, при тогдашнем воспитании женского пола, не в силах была подготовить своего сына к высокому назначению; наставник же его, избранный Федором Алексеевичем, дьяк *Зотов*¹⁹ не имел ни сведений, ни дарований, кроме того неоднократно был отрывается от своего питомца посылками в Крым и другими делами. Петр сам нашел себе руководителя в муже незабвенном, женецце *Лефорте*²⁰.

По примеру соотечественников, искавших чести, золота и славы на чужбине, Лефорт с юных лет странствовал по Европе: сначала служил во Франции в королевской гвардии; потом в Голландии, под знаменами *Вильгельма Оранского*²¹; впоследствии при датском посольстве, наконец, в царствование Федора Алексеевича принятый на русскую службу с чином капитана, участвовал в крымских походах. Он имел ум образованный, много видел, много испытал, славился мужеством в боях, веселым нравом, приятным обхождением. Петр узнал его и полюбил как друга. Умный женевец, при обильном запасе сведений, удовлетворял любопытству отрока-царя, жаждавшего познаний; рассказывал ему о Европе, о подвигах знаменитых полководцев, о художествах, о мореплавании, о всем, что развилось в Европе и что было еще чуждо в России. С восторгом слушая его рассказы, Петр прежде всего решился завести войско по образцу европейскому.

Мысль устроить европейское войско пробудилась в Петре еще отроке, в правление Софьи, когда он жил с матерью в селе Преображенском. Наталия Кирилловна имела многочисленный двор из стольников, стряпчих и других чинов; дети их служили Петру для забавы. Он составил из своих сверстников потешную роту, дал им ружья, сам взял барабан и объяснял все хитрости и приемы ратного дела. Софья не препятствовала брату набирать охотников в потешные, полагая, что игры отвлекут его внимание от короны, и Петр имел полную волю в своих действиях: царицыны стольники, сокольники, придворные служители, люди знатные и незнатные записывались в потешные. Число их до того умножилось, что значительная часть их была отделена в село Семеновское. Бесперывное занятие воинским делом, строгая дисциплина, единообразие оружия и одежды, готовность переносить все тяготы службы были главными условиями потешного войска. Петр был для всех примером, исправляя самые трудные обязанности солдата: стоял на часах, копал рвы, возил землю, терпел холод, голод, вопреки пожеланиям доброй матери, неоднократно старавшейся отклонить его от столь тяжелой потехи.

По удалении Софьи Петр немедленно приступил к правильному устройству потешного войска: умноженное дворовыми людьми, получившими от господ своих свобо-

ду, и беспоместными дворянами, оно составило значительный корпус, разделенный на два полка, — Преображенский и Семеновский; впоследствии было названо царскою гвардией и служило ядром регулярного войска в том смысле, что потешные не выходили из своего звания, получали от государя оружие, жалованье, провиант, единообразную одежду и главным предметом своих занятий имели изучение ратного дела по правилам науки. Старинный образ войны исчез не скоро: по-прежнему стрельцы, дети боярские и дворяне до самого конца XVII века составляли главную силу русской рати, но Петр уже готовил умы к перемене: неоднократно он давал примерные битвы, в которых с одной стороны сражались стрельцы, с другой потешные; последние всегда брали верх. Эти битвы часто доходили до ожесточения и оканчивались кровопролитием; в особенности достопамятен так называемый поход Кожуховский.

Изучая ратное дело на суше, Петр столь же ревностно хотел узнать его и на море. Плодом этого усилия было начало русского флота. Еще царь Алексей Михайлович думал ввести в России кораблестроение: во время войны с Карлом X, надеясь овладеть Ливонией и приблизиться к Балтийскому морю, он нанял в Голландии корабельных мастеров и приготовил материалы. Неудача Ливонской войны обратила его внимание в другую сторону: он хотел открыть путь в Персию посредством Волги и Каспийского моря. Голландцы заложили верфь на Оке, в селе Деднове (Коломенского уезда), построили корабль «Орел» и довели его до Астрахани. Этот корабль был сожжен Разиным, и царь Алексей, обремененный делами Малороссии, отложил исполнение своей мысли до другого времени; но вскоре умер. Федор и София не решились возобновить намерение отца, вероятно предвидя слишком великие затруднения и мало пользы, по отдаленности России от морей Балтийского и Черного. Иначе думал Петр. Из числа судов, построенных при Алексее Михайловиче, в селе Измайлове сохранился один бот. Петр увидел его случайно, приказал голландцу Брандту исправить, спустить в Язу, оттуда в Москву-реку и с восторгом смотрел на силу паруса, на действие руля. Он велел построить несколько подобных судов сначала на Москве-реке, потом на Переяславском озере, где сам работал топором, и вскоре соорудил целую флотилию. Озеро было

для него тесно: он хотел видеть море и несколько раз пускался в Белое, на купеческих кораблях, во время бури, подвергая опасности свою жизнь.

Удовлетворив первому стремлению и убедившись в неисчислимых выгодах, которые могла получить Россия от заведения флота, Петр не знал, где положить ему основание. Два моря прилегали к пределам государства, Белое и Каспийское. Первое открывало ему путь в Европу, но было слишком отдалено и опасно; второе могло служить для отношений с одною Персией и казалось Петру озером. Он обратил взор к югу и хотел утвердить свое господство на северных берегах Черного моря, при устьях Днепра и Дона. Оба пункта находились во власти турецкого султана, со всеми берегами Черноморскими. Петр решился воевать с султаном, не столько для открытия доступа к Черному морю, сколько для изучения ратного искусства на самом деле. К этим двум причинам присоединилась и третья, не менее побудительная. Двор наш обязан был договором 1686 года помогать польскому королю *Яну III Собескому*²² в трудной борьбе его с Портою²³ и не успел еще ничего сделать. Крымские походы Голицына остались без последствий и не отвлекли турецких сил от Польши. Король неотступно требовал исполнения Московского договора. Петр охотно согласился на его просьбу и в 1695 году предпринял поход.

Главную целью похода был Азов, напоминавший древнюю цветущую торговлю генуэзцев и венециан. Отборное войско из двух потешных полков, подкрепляемое стрельцами и казаками, под начальством трех генералов, отправилось на мелких судах к устью Дона. Петр находился при нем в звании бомбардира Преображенского полка, окруженный иноземными инженерами. Второе сильнейшая армия с боярином *Шереметевым*²⁴ послана была к низовьям днепровским, где она без труда овладела турецкими крепостями в лимане. Русские осадили Азов и при всех усилиях могли взять только две каланчи, построенные выше его. Город, охраняемый сильным гарнизоном, получая съестные припасы и военное снаряжение с моря посредством турецкого флота, выдержал осаду. Петр, после тщетных попыток взять его приступом, убедился, что без морской силы нельзя ничего сделать, и отступил с намерением предпринять иные меры.

Сразу после окончания похода заложена была корабельная верфь в Воронеже; там работали зиму и лето; до 30 военных судов были готовы весной 1696 года. Петр снова подступил к Азову; боярин *Шейн*²⁵ осадил его с суши; сам государь, приняв начальство над флотом, сооруженным в Воронеже, отбил турецкие корабли от устья Дона и осадил крепость с моря. Осада продолжалась два месяца. Пять раз крымский султан Нурадин с многочисленным турецко-татарским войском напал на русский лагерь, чтобы подать помощь гарнизону, и каждый раз, разбитый наголову, отступал с уроном. Между тем земляные работы проведены были с большим искусством и успехом, чем прежде; крепостные стены падали, бастионы разрушались; осажденные изнемогали от голода и битв непрерывных. Азовский паша не смел ждать решительного приступа и сдал крепость победителю²⁶.

Петр открыл доступ к Черному морю и спешил извлечь пользу из первого приморского пункта: исправил полуразрушенные твердыни азовские как надежный оплот против турок и татар; для военной же гавани и торгового порта избрал другое удобное место, где основан им Таганрог; заложил здесь несколько кораблей; вслед за тем приказал рыть канал от Иловли до Камышенки для соединения Волги с Доном, чтобы облегчить доставку корабельных лесов и открыть удобный путь промышленности для самых отдаленных областей своего государства. Турция не могла его оставить спокойным обладателем Азовского моря, тем более допустить к распространению завоеваний по берегам черноморским, и вооружалась. Петр принял свои меры: соорудил на воронежской верфи сильный флот из 60 кораблей, фрегатов и гальетов, из которых многие построены частными людьми; основал верфь в Брянске на Десне; подтвердил наступательный союз с Австрией и Венецией и заставил Польшу действовать согласно со своими намерениями, с твердостью и искусством отклонив грозившую с этой стороны опасность. Собеский, самый деятельный враг турок, умер в июне 1697 года; поляки разделились на две партии; пользуясь неустойчивостями их и интригами королевы, Версальский двор, по внушению Порты, предлагал в польские короли принца Конти, ко вреду России, которая должна была опасаться его как союзника султана. Петр хорошо понимал Польшу: смотрел на нее как на игрушку соседей и, объявив сейму, что не хочет

видеть француза на польском престоле, послал сильный корпус, большею частью из стрельцов, к литовской границе, под начальством князя Григория Ромодановского, для поддержания партии курфюрста Саксонского Фридриха Августа, искавшего также польской короны: решительность Петра увенчалась полным успехом: курфюрст вступил на польский престол под именем *Августа II*²⁷ и дал слово действовать против турок по-прежнему.

Таким образом, все внимание Петра устремилось на юг: там, на берегах черноморских, он хотел утвердить свое господство, чтобы включить Россию в число морских держав. Для достижения этой цели надлежало вступить в решительную борьбу с Турцией. Тесный союз с Австрией, Венецией и Польшей, доказанное мужество вновь образованного войска, значительный флот, недавние победы, все обещало успех борьбы, но Петр не был доволен ни самим собою, ни своими сподвижниками: под стенами Азова он убедился, что с одной стороны только европейское искусство может дать России перевес над Турцией, с другой же стороны, что оно еще слишком мало знакомо и ему и его подданным. Кроме того, не слава завоевателя пленяла Петра: давно уже он устремлял все мысли и желания к одной великой цели, к образованию государства, к пробуждению умственной и промышленной деятельности народа в той степени, как общественная жизнь развилась в Западной Европе. Раньше он знал ее только по слуху, по рассказам пришельцев, золотом привлекаемых в русскую службу: ни Лефорт, ни Гордон, ни другие иностранцы не могли удовлетворить его любопытству, вникавшему во все подробности. Чтобы узнать Европу, он решился увидеть ее сам, и в 1697 году предпринял первое путешествие за границу, довершившее его образование.

Это путешествие -- явление беспримерное в истории. Государь самодержавный, в полном цвете лет, с душою славолюбивою, едва узнав прелесть власти неограниченной, едва увенчав себя лаврами победы, добровольно уклоняется от блеска самодержавия, от славы завоевателя и берет на себя тяжкий труд изучить на чужбине науки, искусства, ремесла, чтобы передать их народу, закоренелому в ненависти ко всему иностранному. Под скромным именем Петра Михайлова, со званием десятника, государь вме-

шался в число дворян, составлявших посольскую свиту Лефорта, Головина и Возницына, отправленных в знатнейшие европейские государства в качестве великих царских послов, с изъявлением любви и дружбы российского монарха. Лефорту и товарищам его предоставил Петр всю честь торжественных свиданий с иноземными венценосцами, всю пышность и роскошь королевских пиров и увеселений; себе же, вместе с многими дворянами посольской свиты, предназначил изучение всего полезного для России, в особенности кораблестроения, мореплавания, военного дела, со всеми относящимися до того искусствами и ремеслами. Между тем боярин Шереметев послан на Мальту в науку к рыцарям, умевшим лучше других воевать с турками.

Удаляясь из отечества надолго, он поручил управление государством совету бояр под председательством князя Федора Юрьевича Ромодановского, дав ему титул князя-кесаря; регулярное войско, врученное Шеину и Гордону, охраняло Москву; сильные корпуса расположились на литовской границе близ порогов днепровских и в окрестностях Азова.

Очевидная цель путешествия возбудила опасение в приверженцах старины, особенно в стрельцах, роптавших на явное намерение Петра заменить их регулярным войском. В надежде на содействие стрельцов три злодея, увлекаемые ненавистью к новому порядку вещей, окольный Соковнин, думный дворянин Цыклер и стольник Пушкин составили заговор²⁸, целью которого было умертвить государя. Умысел был открыт; преступники получили достойное наказание, и заговор не имел никаких последствий, показав, однако, Петру, какие опасности ожидали его в будущем. Он был недоступен страху. Думая об одной России, жертвуя для блага ее и народного образования собственным спокойствием, самой жизнью, он оставил государство в добычу вероятным козням сестры и весною 1697 года выехал из пределов России, направляя путь чрез Ливонию, Пруссию, Бранденбург и Ганновер в Голландию.

В Ливонии Петр нашел мало любопытного; одни укрепления Риги обратили на себя его внимание; он хотел осмотреть их, но, получив отказ рижского губернатора Дальберга и оскорбленный вообще недружелюбным приемом его, спешил далее, в Курляндию. Не встретив и здесь ниче-

го замечательного, он оставил послов в Митаве для переговоров с курляндским герцогом, а сам морем из Ливавы отправился в Кенигсберг²⁹, где курфюрст Бранденбургский Фридрих I принял его весьма ласково, угостил пышно и заключил с русским посольством дружественный договор, основанный на взаимных выгодах торговли и обороны. Петр с величайшим вниманием осматривал Кенигсберг, не нашел в нем деятельного развития промышленности, которая была еще в колыбели, и несколько раз изъявлял сожаление, что бранденбургское правительство не умеет пользоваться близостью моря и судоходными реками; взамен того видел стройное войско, образованное великим курфюрстом, и превосходную артиллерию. Кенигсберг был для него и для спутников его школою военной науки: там он провел несколько времени, вникая во все подробности военного дела, показал быстрые успехи в изучении его, в чем получил письменное свидетельство от кенигсбергских профессоров, и, дав им несколько дворян из посольской свиты в обучении, отправился через владения курфюрста Ганноверского в Голландию.

Голландия была главной целью его путешествия. Она занимала одно из первых мест в системе европейских держав по многочисленному флоту, по деятельной промышленности и по внутреннему устройству. Здесь во всем блеске увидел Петр плоды того, что наиболее уважал он, плоды искусства, знания, труда и терпения. Плотины, ограждающие села и города от ярости моря, бесчисленные каналы, прорезывающие землю во всех направлениях, гавани, наполненные кораблями, разнообразные фабрики, общественные заведения, богатство и довольство народа, все это до того поразило Петра, что он полюбил голландцев более всех народов и впоследствии всегда указывал на них своим подданным как на образец³⁰. Здесь он решился остаться надолго, чтобы изучить все отрасли знания. Первою мыслью его было усовершенствовать сведения в кораблестроении, приобретенные им на Переяславской и Воронежской верфях. С десятью дворянами из посольской свиты, в числе которых был и любимый денщик государя Меншиков, он явился в городке Саардаме, в виде корабельного плотника, с топором в руке, и немедленно принялся за работу на Саардамской верфи. Отсюда недели через две перебрался в Амстердам. Успехи его в кораб-

лестроении были так быстры, что он заслужил звание мастера. Вслед за тем на яхте, построенной собственными руками, он стал изучать искусство мореплавания и вскоре своим бесстрашием, сметливостью, знанием дела привел в удивление опытных моряков. Все науки, служащие основанием тому и другому искусству, были предметом его любознания. Кроме того, он учился физике, анатомии, хирургии; брался за все ремесла и в каждом становился мастером. Спустя полгода он убедился, что сведения голландцев в кораблестроении и в других искусствах более основаны на практике, чем на теории, и решился узнать основные начала в Англии, где многие знания возведены были на степень науки.

В начале 1698 года он посетил Лондон, Гринвич, Оксфорд, не оставив ни одного предмета без внимания, без исследования, большую часть времени провел в Лондонском адмиралтействе. Между тем царские послы, ожидавшие возвращения государя в Гааге, заключили с Генеральными штатами³¹ торговый и союзный договор; наняли множество всякого рода художников и ремесленников, закупили кораблей, оружия, военных снарядов, инструментов, мануфактурных произведений и послали целые караваны к архангельскому порту.

После возвращения из Англии в Голландию Петр отправился с посольством в южные страны европейские через немецкие земли, миновав Францию, из-за неудовольствия на Версальский двор за его домогательство возвести, вопреки желанию московского двора, на польский престол французского принца Конти. Государь спешил через ганноверские, бранденбургские и австрийские владения в Италию, преимущественно в Венецию, которая славилась не менее Голландии сильным флотом и процветающими фабриками. На пути в южные страны он посетил Вену для найма опытных офицеров и в особенности для убеждения Леопольда I продолжать турецкую войну, которую Венский двор намерен был прекратить³². Император принял Петра с величайшим радушием и охотно согласился отпустить в Россию многих офицеров и генералов, в том числе герцога фон Крои как опытного полководца, но, вопреки царскому желанию, хотел прекратить борьбу с Турцией, дав, впрочем, слово не приступать к отдельному миру без ведома союзников. Петр, после тщетных убеждений, со-

гласился со своей стороны начать переговоры о мире и, оставив для этой цели одного из послов, *Возницына*³³, для присутствия на конгрессе, который должен был открыться в Карловиче, принял все нужные меры к путешествию в Италию и уже готовился к отъезду, как с величайшим огорчением узнал о новом бунте стрельцов, побудившем его возвратиться в отечество.

С постепенным преобразованием войска усилилась ненависть стрельцов к Петру; при новом порядке вещей они более всех теряли: старинные льготы их по делам торговым не могли иметь места; тем более не было надежды на привольную жизнь среди семейств, или буйного разгуля: ее заменял солдатский строй со всеми тяготами военной службы. Стрельцы злобились на Петра, виновника такой перемены. Петр, со своей стороны, не любил стрельцов как представителей старой системы войны, столь несогласной с его намерениями, как упорных приверженцев Софьи и злодеев своего дома: он не мог забыть первого стрелецкого бунта, убийства двух родных дядей своих и семилетнего удаления своего от престола; помнил и второй мятеж в защиту князей Хованских, еще более третий, когда только небесный промысел спас его от руки Шакловитого. Не доверяя стрельцам, Петр хотел исподволь уничтожить их корпус; они угадали его намерение, прибегли к отчаянным мерам и погубили себя.

Еще во время пребывания в Голландии государь получил известие, что в Москве было смятение по случаю разнесшейся молвы о мнимой смерти его за границей, что виновниками слуха были стрельцы и что Ромодановский успел прекратить волнение. Петр был недоволен слабыми действиями своих бояр; впрочем, считая дело конченным, продолжал путешествие. В Вене он узнал о новом бунте. Стрельцы, посланные в 1697 году на литовскую границу вместе с другими ратными людьми для поддержания Августа II на польском престоле, после долговременной разлуки со своими семействами начали роптать на тягость службы и желали возвратиться в Москву. Софья завела с ними переписку, подстрекая их к бунту; клеветы ее распустили слух, что царь ведет с собою целую армию иноплеменников для истребления стрельцов. Составился заговор: положено было семилетнего сына Петра, Алексея,

объявить государем, а Софью правительницею; Петра же умертвить, не впуская в пределы государства. Мятеж вспыхнул. Четыре стрелецкие полка, стоявшие в Торопце, прогнали своих полковников и капитанов, избрали на их место своих, захватили пушки и устремились к Москве для расправы с приверженцами Петра. В столице распространился всеобщий ужас; бояре, управлявшие государством, долго не знали, на что решиться, наконец, велели Шеину идти с полками Преображенским и Семеновским против мятежников. Шеин встретил их за 46 верст от Москвы, близ Воскресенского монастыря, на берегах Истры, и после тщетных стараний образумить непокорных вступил в битву: нестройные толпы их рассеялись от первого залпа. Стрельцы, участвовавшие в мятеже, большею частью были переловлены, и по приговору бояр наказаны, многие смертью, еще более ссылкой в дальние города; главные же виновники оставлены под крепкою стражей до возвращения государя.

По первому известию о мятеже Петр оставил Вену и поспешил в Россию; на пути он узнал об усмирении стрельцов, но уже не хотел продолжать путешествия по Европе; думал только о необходимости искоренить зло и явился в Москве грозным судьей. Несколько недель протекло в допросах и пытках в селе Преображенском, в присутствии государя; открылось, что Софья была виновницей мятежа; что заговорщики сносились со стрельцами астраханскими и азовскими; что в преступном замысле участвовали и другие лица. Виновных нашлось несколько сот человек: все они казнены; одни погибли в мучениях пытки, другие под секирою палачей, третьи на виселице, перед кельей царевны Софьи. Казни возобновлялись несколько раз, наполняя ужасом Москву и все государство³⁴. В столице не осталось ни одного стрельца; непричастные к бунту должны были продать свои дома и с семействами переселиться частью в Азов, частью в Астрахань и в другие города. Там они удержали свое имя и нередко участвовали в походах; но стрелецкий корпус уничтожился еще в конце XVII века. Софья пострижена под именем Сусанны в Новодевичьем монастыре, где умерла в 1704 году. Та же участь постигла и супругу Петра, царицу *Евдокию Федоровну*³⁵, мать царевича Алексея Петровича: подозреваемая в доброжелательстве к приверженцам старины, она была заключена в Суздаль-

ский девичий монастырь, под именем Елены. В то же время пострижена и сестра государя, царевна *Марфа Алексеевна*³⁶.

Уничтожение стрелецкого войска в Москве было началом решительного преобразования государства и народа.

II. НАЧАЛО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ (1699—1709)

Путешествие по Европе открыло Петру новый мир, украшенный всеми прелестями знания, искусства и трудолюбия, пленительный для светлого ума его. Все, что видел и узнал он на Западе, оставило в душе его неизгладимые впечатления и утвердило его более, чем прежде, в решительном намерении познакомиться своих подданных с европейскими науками, искусствами, ремеслами. Для достижения этой цели он считал необходимым: во-первых, уничтожить все, чем отличался русский народ от европейцев в главных условиях жизни общественной и частной, не касаясь коренных начал государственных; во-вторых, открыть России доступ к Балтийскому морю, которое могло служить ей удобным путем для отношений с Европою. Исполнение той и другой мысли вовлекло его в трудную борьбу внутреннюю и внешнюю. С одной стороны, уничтожая старое и вводя новое, иноземное, он должен был сражаться с гордостью народной, с упорным суеверием, с закоренелыми предрассудками; с другой стороны, стремясь утвердиться при Балтийском море, он возобновлял старинный спор России с соседями о господстве над Ливонией. Борьба внутренняя и внешняя продолжалась 10 лет, без решительных последствий, пока гром победы под Полтавою не увенчал усилий Петра, доказав подданным мудрость его внутренних мер, соседям непобедимость его оружия. Таким образом, второе десятилетие царствования Петра представляет два главных явления: внутри борьбу с невежеством и предрассудками за новый, лучший порядок вещей; извне борьбу с Карлом XII за берега Балтийского моря.

В борьбе внутренней Петр одолевал все преграды беспримерной силой души, неутомимой деятельностью, постоянством во всех предначертаниях и глубоким знанием человеческого сердца. Часто прибегал он к строгости не-

умолимой; нередко действовал насмешкою, еще более собственным примером и наставлениями: в полном смысле он был учитель своего народа, умный, приветливый для всех сословий, правосудный без лицепрятия, в то же время взыскательный и строгий до жестокости.

Преобразование началось с частной жизни русского народа. Наружное отличие прежде всего обратило на себя внимание Петра. Первостепенные сановники, явившиеся к нему с приветствием, по случаю благополучного возвращения из путешествия, встретили в Преображенском дворце брадобрея, который объявил, что только тот может видеть государя, кто откажется от своей бороды. Военачальник Шеин первый согласился пожертвовать столь драгоценным для русского украшением. Примеру его последовали другие вельможи и царедворцы. Многие не хотели подражать Шеину: их преследовал брадобрей, который являлся всюду с неумолимою бритвою на царских пирах, во дворце, в приказах. Петр сначала хотел видеть всех своих подданных без бороды³⁷, но, убежденный ходатайством патриарха Адриана и некоторых святителей, согласился не беспокоить духовенства; впоследствии непреклонное упорство престарелых вельмож, ознаменованных заслугами и украшенными сединами, также убедительные просьбы купечества и затруднения со стороны низшего класса народа побудили государя сделать снисхождение и для прочих сословий. В 1705 году он повелел: в Москве и в других городах всем царедворцам, людям приказным и служивым, купцам и посалским брить бороды и усы, если же кто желал остаться с бородою, тот обязан был платить ежегодно пошлину от 30 до 100 рублей с крестьян, при въезде в город, в воротах взыскивалось по 2 деньги с человека. Этот указ повторялся неоднократно. То же распоряжение было сделано насчет одежды. В 1700 году всем сословиям, исключая духовенство и крестьян, предписывалось носить венгерские кафтаны, замененные в следующем году немецкими; кто желал остаться в русском платье, обязан был платить пошлину, конный 2 рубля, пеший 40 коп.; между тем в гостиных рядах запрещалось под строгим наказанием торговать русской одеждой.

Сближая своих подданных с европейцами по наружному виду, Петр не оставил без внимания самого образа жизни. До сих пор господствовало у нас вредное для общежи-

тия обыкновение, затворничество женского пола. По примеру азиатцев, люди хорошего тона считали неприличным являться в общество с женами и дочерьми; не позволяли им участвовать в своих беседах с друзьями и приятелями и тщательно скрывали их от любопытных взоров, так, что сам жених мог увидеть в первый раз свою невесту только под венцом брачным. Самым лестным знаком дружбы или уважения было, если жена хозяина выходила к гостю с рюмкой водки, подносила ему с поклоном и немедленно удалялась. Этот обычай имел вредное влияние в двух отношениях: с одной стороны, грубели наши нравы; мужчины, не удерживаемые чувством приличия, так свойственного прекрасному полу, предавались буйному веселью; пьянство стало пороком всеобщим. Женщины, в свою очередь, имея самый ограниченный круг понятий, не могли ни пробудить чувства изящного, ни дать лучшего направления вкусу, которое бывает обыкновенно плодом деятельного участия их в развитии общественных понятий. С другой стороны, немаловажный вред был и для семейной жизни: так как жениху не позволялось видеться с невестой, то родители вели между собою переговоры о сватовстве и заключали браки по произволу, не спрашивая согласия ни жениха, ни невесты. Семейный раздор был неизбежен. Петр спешил уничтожить столь пагубный предрассудок: для этой цели он часто давал веселые пиры в своем дворце, еще чаще любил веселиться в домах своих подданных; созывал множество гостей и требовал, чтобы все они приезжали с своими женами и дочерьми, которые должны были плясать под немецкую музыку, в немецких и французских костюмах. В праздничные дни бояре и другие знатные сановники являлись при дворе также со своими женами, разряженными по французской моде. Но так как старинное обыкновение исчезало в одной Москве и притом только в присутствии государя, в домашнем же быту оно оставалось в прежней силе, то царским указом 1702 года повелено: браки совершать непременно с согласия жениха и невесты, для чего за шесть недель быть сватовству, чтобы жених мог познакомиться с невестой. Эта мера положила решительное начало уничтожению предрассудка, отдалявшего один пол от другого, и мало-помалу произвела перемену в общежитии, придав ему более человечности, утонченности, вкуса.

Желая доставить своим подданным существенные выгоды семейной жизни, Петр обратил внимание и на другой предрассудок, вредный не столько для успехов общежития, сколько для домашнего хозяйства, на излишнюю азиатскую роскошь своего времени. Люди знатные считали необходимыми условиями своего достоинства многочисленную дворню, богатую одежду парчовую, облитую золотом, дорогие собольи шапки, шубы, великолепные хоромы, в которых было более богатства, чем вкуса. Враг всякой роскоши, Петр ездил по городу в одноколке с одним денщиком, часто без него, носил кафтан из толстого сукна, жил в тесном дворце, вообще наблюдал величайшую бережливость в домашнем хозяйстве, стирававшуюся до того, что даже башмаки его были с подметками. Пример государя, подкрепляемый строгими замечаниями, если не уничтожил, по крайней мере сильно ослабил господствовавшую до тех пор роскошь.

Еще деятельнее заботился Петр о преобразовании и улучшении государственной и общественной жизни. Ни одна отрасль ее не оставлена им без внимания, но более всего замечательны меры его к устройству войска, финансов, к пробуждению промышленной и умственной деятельности народа. Все они имели одну цель: поставить Россию на ту ступень, на которой видел он благоустроенные государства на Западе. Многие, что вводил он, заимствовано в Европе; еще более создано собственным гением его, при ясном понятии о потребностях и средствах России.

Войско было решительно преобразовано в главном составе его, в разделении на части, в вооружении, в продовольствии. Петр не сразу уничтожил старинные сборы дворян и детей боярских, выходявших на войну со своими крестьянами и после окончания похода слагавших оружие: неоднократно в трудной борьбе с Карлом XII он прибегал к этой мере, требуя строго, под угрозой смертной казни, чтобы все люди служивые были налицо; не совсем уничтожил и стрельцов, которые составляли гарнизоны в разных городах и исчезли мало-помалу вследствие принятого им правила не записывать вновь на стрелецкую службу. Но уже в 1699 году он сформировал 29 полков регулярных по образцу немецкому; вслед за тем ввел рекрутские наборы,

сделавшиеся постоянными с 1705 года: со всего государства, не исключая и монастырских отчин, собиралось с известного числа дворов определенное число людей средних лет на царскую службу, в рекруты³⁸. Их вооружали, одевали и кормили за счет казны и, выучив воинскому строю, записывали в солдаты. Солдат не возвращался в прежнее звание, не мог заниматься ни земледелием, ни торговлею, получал от государя все необходимое, зависел во всех случаях единственно от военного начальства и служил отечеству на поле брани до гроба или до последних сил. Таким образом возникло новое сословие, военное: в состав его поступали, кроме даточных крестьян, беспоместные дворяне и дети боярские, церковные служители, вольноотпущенные, посадские, иногда по собственному желанию, чаще по царскому указу³⁹. Солдаты распределялись по полкам, из которых каждый имел свой мундир и свое название. Устройство их было совершенно отлично от прежнего московского и во всем сходно с немецким: то же разделение на отряды, то же единообразие в оружии, те же названия чинов, сохранившиеся большею частью донныне. Потешные полки Преображенский и Семеновский были переименованы в гвардию. Одним словом, в течение второго десятилетия Петрова царствования в русской армии не сохранилось почти ни одной черты прежних ополчений наших, исключая разве только то, что вместе с регулярным войском нередко участвовали в походах целые тысячи казаков, татар и калмыков, не терпевших строевого порядка. Старинные же добродетели русских ратников, мужество в боях, терпение, безусловная покорность власти, поддерживаемые дисциплиною, развились с большим блеском, чем прежде. В награду за доблесть государь учредил в 1699 году орден апостола Андрея Первозванного⁴⁰, наименовав первым кавалером его адмирала *Головина*⁴¹, вторым гетмана *Мазену*⁴². Морские силы были умножены построением военных судов на верфях Воронежской, Брянской, Архангельской, Олонецкой. Впрочем, блестящая эпоха Петрова флота относится к третьему периоду.

Содержание морских и сухопутных войск требовало значительных издержек, которых не в состоянии были покрыть собираемые казной доходы. Надлежало искать новые источники государственного богатства. При тогдашней незрелости понятий о политической экономии это бы-

ло нелегко. Петр собственным гением открыл многие пути, коими сокровища потекли в царскую казну без значительного отягощения народа, хотя нельзя не согласиться, что никогда ни прежде, ни после налоги не были так многочисленны и разнообразны, как в Петрово время. Важнейшие меры его к умножению государственных доходов были: 1) установлен лучший порядок при сборе поземельных податей и таможенных пошлин, со строгой отчетностью и ответственностью тех начальств, которые ими заведовали; 2) окончательно уничтожены тарханы, или частные льготы разных лиц и обществ, освобождавшие их от платежа податей и пошлин; 3) умножены права казны располагать такими источниками доходов, которые должны быть собственностью всего государства, а не частных лиц; ей предоставлено исключительное право винокурения, рыбных ловел, соляной продажи; 4) введены многие налоги, падавшие не на лица, а на предметы; из числа их в особенности замечательны пошлины, определенные в 1699 году гербовою бумагою, с купчих записей, крепостей и разных судебных актов; пошлины с мельниц, торговых бань, постоялых дворов; также возобновлены прежние сборы с мостов, перевозов, весов, мер и проч. Все эти источники большею частью отдаваемы были на откуп⁴³.

Порядок внутреннего управления в главных чертах оставался еще неизменным; по-прежнему воеводы ведали своими областями; дела сосредоточивались в приказах. Между тем и в этом отношении было положено начало важным переменам. Более всего замечательны две меры: учреждение монастырского приказа и устройство ратуши. Первая мера имела целью увеличение государственных доходов; вторая пробуждение народной промышленности.

После смерти десятого и последнего патриарха Всероссийского Адриана (15 октября 1700 г.) Петр решился отменить сан патриарший, вероятно, потому, что видел в нем крепкую опору старого порядка вещей: по крайней мере достоверно, что предшественник Адриана Иоаким смотрел с неодобрением на привязанность юного царя ко всему иноземному. Как бы то ни было, Петр поручил блюсти патриарший престол Рязанскому митрополиту *Стефану Яворскому*⁴⁴ и в то же время обратил внимание на монастырские имения.

Монастыри владели значительными поместьями и вотчинами и все доходы с них обращали на свое содержание; кроме того, пользовались разными исключительными льготами. Богатства монастырские были несметны. Устремляя все свои мысли к преобразованию россиян в народ трудолюбивый, промышленный, просвещенный, Петр заметил, что, с одной стороны, в стенах монастырских искали убежища люди праздные, ленивые, избегавшие царской службы; с другой стороны, богатые вотчины монастырские, обращаемые исключительно в пользу монашествующих, не доставляли казне никакой выгоды и лишали государство значительного дохода⁴⁵. Для устранения этих неудобств Петр установил строгие правила для пострижения в иноки и повелел разделить патриарший разряд, главное ведомство по делам церковным, на два приказа, на патриарший и монастырский. Первому поручены дела духовные, касавшиеся веры, совести и церковного суда, под надзором блюстителя патриаршего престола; второму вверено управление монастырскими поместьями, независимо от первого, под председательством гражданского сановника (боярина Мусина-Пушкина)⁴⁶. С учреждением монастырского приказа иноки освободились от забот хозяйственных и стали получать от него ежегодно жалованье (по 10 рублей и по 10 четвертей хлеба); остальные суммы были обращены на богоугодные заведения, на госпитали, училища и содержание войска. Впоследствии, перед концом жизни, он возвратил духовенству отобранные поместья, но в то же время дал лучшее назначение их доходам и установил особенное ведомство для надзора за сбором податей.

Среднее сословие, в недрах которого должна была возникнуть отечественная промышленность, было предметом самого заботливого попечения государя. Он понимал, как трудно было русскому купечеству выйти из своего ничтожного состояния без особенного покровительства. Чтобы увеличить массу торгового сословия, поставить его на почетную ступень, освободить от тягостного вмешательства чиновников в дела его, от неправосудия и лихоимства, Петр даровал купечеству право избирать из среды своей достойных людей, под именем бурмистров, для управления всеми делами торговыми, независимо от воевод и приказов, позволив в то же время сельским промышленникам записываться в посады. Четыре бурмистра составляли ра-

тушу, или совет. В первоначальном устройстве, кроме дел торговых, ратуша заведовала сбором всех вообще городских доходов, делами и судом иноземцев, приезжавших в Россию для торговли, продажей вина, соли, рыбными ловлями и вносила доклады свои прямо к государю. Между тем положено было основание многим фабрикам и заводам, суконным, оружейным, парусным и прочим. Вскоре Петр сделал себе мундир из первого русского сукна и с величайшей радостью уведомил о том любимца своего Меншикова.

Столь же деятельные и решительные меры приняты были к умственному образованию подданных. Государь повелел учредить школы при архиерейских домах для образования детей священнослужительских в языках латинском и греческом и разослал испытанных им самим наставников по всем главным городам для обучения дворян грамоте, цифири (арифметике) и геометрии, объявив притом указом, что не успевшие в науках из духовного сословия не могут поступать ни в какое другое звание, кроме солдатского, а не выдержавшие экзамена из дворян не имеют права жениться. Между тем основана в Москве школа Навигаторская³⁷, велено издавать во всеобщее сведение куранты, или газеты, переведены на русский язык многие книги математические, исторические, и напечатаны частью в Амстердаме Ив. Тессингом, частью в Москве в учрежденной вновь типографии, для которой сам государь образовал нынешний гражданский шрифт, применяя буквы в очертании их к латинским. Молодых дворян посылали ежегодно за границу и, после возвращения в отечество, испытывал их сам государь. Ни одно из предприятий Петра не было так трудно, как просвещение народа. Здесь он боролся прямо с невежеством. Усилия его были не напрасны: в 1700 году он начал учить свой народ грамоте и цифири; в 1724-м уже мог основать Академию Наук.

III. БОРЬБА С КАРЛОМ XII (1700—1709)

Сражаясь внутри государства с предрассудками, суевением, упорным невежеством, Петр в то же время вел борьбу внешнюю, труднее и опаснее внутренней, с соперником, достойным его, с Карлом XII, королем шведским.

Внешняя борьба проистекала из того же источника, как и внутренняя. Для развития промышленных и умственных сил своего народа Петр желал открыть европейской образованности ближайший путь в Россию посредством Балтийского моря и, тем сблизив свое государство с просвещенным Западом, включить его в систему держав европейских. Но это море, так необходимое для Петра, было недоступно: шведы, присвоив господство над древними владениями Ливонского ордена (Лифляндией и Эстляндией) и над русскими землями, прилежавшими к Финскому заливу, Ингрией и Карелией, отрезали Россию от вод прибалтийских. Ему оставалось одно средство проложить дорогу к Балтийскому морю — оружием. Вот главная, истинная причина упорной борьбы его с Карлом. Не оскорбительные поступки рижского губернатора, вскоре преданные забвению, даже не права прежних московских государей на Ингрию, уступленные Швеции договорами Столбовским и Кардисским, вооружали Петра против Карла: он требовал того, что было необходимо для России, без чего она не могла достигнуть высокой, указанной им цели. Швеция не уступала: война была неизбежна. Впрочем, есть повод думать, что он надолго отсрочил бы ее, если бы важное обстоятельство не побудило его ускорить разрыв. То был союз против Швеции, заключенный королем датским *Фридрихом IV*⁴⁸ с польским королем Августом II. Оба они вооружились по своим причинам.

Фридрих IV, потомок старшей отрасли Ольденбургского дома, господствовавшей в Дании, наследовал родовую вражду к герцогу Голштин-Готторпскому, потомку младшей отрасли того же дома. Начало распрей между тою и другою линией положено в середине XVI века, когда *Фридрих I* разделил соединенную дотоле Данию с Голштинией и Шлезвигом между сыновьями, поручив одному наследственную власть в королевстве датском, другому в герцогстве Голштинском, с тем, чтобы обе части составляли одно государство, и чтобы в то же время владельцы той и другой, король и герцог, имели все права самостоятельные. Столь неопределенные отношения порождали бесконечные споры, которые неоднократно обнаруживались кровопролитною войною. Король старался подчинить себе герцога; герцог отстаивал свои права и обыкновенно поддерживал себя союзом со Швецией, постоянной соперницей Дании.

В конце XVII века герцог построил в своих владениях крепости, но так как они были скрыты по приказанию короля, то он удалился в Швецию и просил защиты у Карла XII. Карл, воспитанный вместе с ним и незадолго пред тем отдавший ему руку сестры своей, вступился за него. Король датский, готовясь к войне, спешил укрепить союз, заключенный еще отцом его (Христианом V) с Августом II, чтобы тем легче смирить герцога и дать отпор шведам.

Август II, курфюрст Саксонский, избранный в польские короли при содействии Петра I, встретил в Польше неприязненную партию, желавшую видеть на престоле французского принца Конти. Для обуздания своих недоброжелателей, еще более для присвоения своему дому наследственной, неограниченной власти над Польшею он хотел окружить себя саксонским войском. Но так как, по законам Речи Посполитой, иноземное войско допускалось в пределы ее только в случае внешней войны, то Август искал предлога к разрыву с кем-либо из соседей и, ссылаясь на данное при воцарении обязательство возвратить отторгнутые от Польши земли, решился воевать со Швецией, отнявшей у поляков Лифляндию. Эта война казалась ему тем удобнее и выгоднее, что в Лифляндии в то время господствовало всеобщее неудовольствие на шведское правительство.

При Карле учреждена была комиссия для разбора поземельных прав лифляндского дворянства, которое, пользуясь благосклонностью прежних королей и неясностью законов, приобрело богатые поместья и тем лишило казну значительных доходов. Комиссия, не обратив внимания на давность владения, определила, чтобы дворянство довольствовалось только теми землями, которыми исстари владело, и чтобы все, принадлежавшее когда-либо орденскому капитулу, гермейстеру, архиепископу и епископам, возвращено было казне. Такое распоряжение произвело в Лифляндии всеобщий ропот. Дворянство отправило к королю четырех депутатов с жалобой: они раздражали Карла излишней смелостью, и, преданные суду как мятежники, были приговорены к смертной казни. Из числа их один, *Рейнгольд Паткуль*⁴⁹, спасся бегством, поступил на службу Августа II и, уверив его в легком завоевании Лифляндии, убедил поспешить с войной. Воспламененный мстью к шведскому правительству, он столь же усердно подстрекал датского короля и вскоре стал душой тайного союза,

заклученного в 1698 году между Фридрихом IV и Августом II против Швеции.

Для вернейшего успеха союзники старались склонить на свою сторону и российского государя, зная, что царь очень желал приобрести хотя бы один приморский пункт при Финском заливе. При личном свидании с Августом в местечке Раве, на пути из Вены в Москву, Петр обнаружил намерение объявить Карлу XII разрыв и, по возвращении в столицу, заключил с саксонским министром договор, которым обязался начать войну со Швецией немедленно по примирении с Оттоманской Портой, о чем посланник его Возницын вел переговоры в Карловиче. Но так как здесь заключено было перемирие только на два года, то Петр отправил в Константинополь думного дьяка *Украинцева*⁵¹ для условия о прочном мире, чтобы обратить все свои силы на запад. Украинцев успешно исполнил поручение государя, заключив с Портой мир на 30 лет, с тем, чтобы Азов с его округом остался за Россией и чтобы взятые русскими войсками турецкие крепости были срыты. На другой день после обнародования мира с Турцией Петр объявил разрыв Швеции и двинул свою армию к Нарве, между тем как Август уже осадил Ригу, а Фридрих вступил в Голштинию.

Так началась 21-летняя война, известная под именем великой войны Северной, ознаменованная блестящими победами, высокими талантами главных ратоборцев, еще более достопамятная своими следствиями: она изнурила как Швецию, так и Польшу до изнеможения и возвеличила Россию, включив ее в систему держав европейских.

В начале войны Швеция находилась в затруднительном положении: она не могла ожидать деятельной помощи от союзников своих, от Франции, Голландии и Англии, занятых спором за испанское наследство; собственные же силы ее, казалось, были слишком слабы для отражения могущественных неприятелей, напавших на нее с трех сторон. Шведское правительство тем более не надеялось на успех борьбы и тем охотнее желало вступить в переговоры для исполнения требований Дании, Польши и России, что главой государства был король еще юный, едва достигший совершеннолетия и дотоле занимавшийся только увеселениями рассеянной жизни или травлею диких зверей в дрему-

чих лесах Далекарлии. Но этот король был Карл XII, соединявший с искусством великого полководца необузданную храбрость солдата, волю непреклонную, железную, деятельность неутомимую и редкую чистоту нравов. Рожденный для войны, он находил удовольствие в одних битвах, в течение 10 лет не знал соперника на поле брани и был грозой севера. Узнав о вступлении неприятелей в шведские области, он неожиданно явился в сенат, где уже рассуждали о средствах примирения с союзниками, и сказал решительно, что сам он никогда не начал бы войны, но что теперь не положит оружия, до тех пор пока не сокрушит врагов своих. Эти слова, произнесенные с твердостью и уверенностью, ободрили сенат и нашли отголосок в народе.

Карл принял начальство над войском немногочисленным, зато стройным, привыкшим побеждать врагов, и первый сокрушительный удар направил на Данию. Шведы переплыли Балтийское море и неожиданно явились под стенами Копенгагена⁵¹, в то время, когда Фридрих IV занимался осадой и срытием крепостей Голштинских. Он спешил на помощь столице. Карл, приняв все меры к решительному приступу, предложил ему на выбор, или видеть Копенгаген разрушенным, или немедленно заключить мир с герцогом Голштинским. Устрашенный Фридрих выбрал последнее, и договором Травендальским, обязавшись не беспокоить герцога и вознаградить его за все убытки, отказался от союза с Петром и Августом.

Смирив короля датского, Карл обратился на царя России. Озабоченный делами турецкими, Петр позже своих союзников выступил в поход и с 35000 регулярного войска явился под стенами Нарвы в то время, когда Карл, кончив дела в Дании, уже переплывал Балтийское море и спешил к берегам Лифляндии. Государь надеялся овладеть Нарвой, прежде чем король подаст ей помощь, считая покорение этой крепости весьма важным в том смысле, что она могла служить опорой военных действий. Комендант ее *Горн*.⁵² не хотел сложить оружия и оборонялся с таким мужеством, русское же войско вело осаду так искусно, что, невзирая на двухнедельный, почти непрерывный огонь, долженствовавший обратить ничтожный город в пепел, крепость не сдавалась. Не взяв силою, Петр думал покорить ее голодом и превратил осаду в блокаду, укрепив русский лагерь, рас-

кинутый на пространстве 7 верст полукружием около Нарвы. Вскоре сами осаждающие стали чувствовать недостаток в съестных припасах и военных снарядах. Для ускорения подвоза тех и других, для усиления армии новыми полками и для переговоров с Августом о будущем плане военных действий Петр оставил свой лагерь, поручив главное начальство над войском австрийскому генералу, герцогу *фон Кроу*⁵³, и отправился в Новгород, в том предположении, что еще успеет возвратиться до прибытия Карла, о котором не было верного известия⁵⁴. На другой день, после его отъезда, король неожиданно явился перед русским лагерем с войском вдвое слабее числом, но вчетверо сильнее устройством и опытностью генералов⁵⁵. Предводимые самим королем, шведы, как львы, бросились на русские окопы, овладели лагерем без труда и произвели в нем всеобщее смятение. Главнокомандующий растерялся: вместо того, чтобы собрать войско, изумленное, но еще не кинувшее оружия, и вести его в битву, он созвал военный совет, где рассуждал, не лучше ли сдать на капитуляцию? Между тем время было упущено: солдаты, не видя ни генералов, ни офицеров, искали спасения в бегстве. Предложение герцога было принято военным советом, и вся русская армия положила оружие к стопам Карла, кроме двух гвардейских полков, которые отбились от неприятеля и переправились через Нарву. Более 170 орудий, столько же знамен, множество пленных, в том числе сам главнокомандующий со всеми генералами, и 7000 убитых были трофеями победы Карла.

После такого удара, считая Петра соперником бессильным, победитель оставил его без внимания и обратил оружие на Августа II с решительным намерением наказать его как главного виновника войны низложением с польского престола. Август начал войну неудачной осадой Риги, обманулся в ожиданиях на содействие как лифляндского дворянства, так и польского сейма, и должен был выдержать борьбу одними саксонскими войсками. После тщетных усилий овладеть Ригой он вверил свою армию фельдмаршалу Штейнау с повелением не пускать шведов через Двину, чтобы между тем выиграть время и склонить сейм к содействию. Штейнау мог остановить шведов, но Карл обманул его искусным движением, сбил саксонцев с берегов Двины и загнал их в Литву.

Так началась пятилетняя борьба в Польше, ознаменованная блестящими победами Карла, жестокими поражениями Августа. Неумоимо преследуемый из города в город, из одной страны в другую, в Литве, в Польше, в Волини, в Белоруссии, в Саксонии Август тщетно напрягал все силы, чтобы удержать на своей главе корону Собеского, увидел себя в опасности потерять наследственное государство и принужден был, наконец, в угождение неумолимому сопернику, отказаться от польского престола. Карл обязан был своим торжеством сколько собственным воинским талантам, далеко превосходившим слабые способности Августа, столько и содействию поляков. Вместо того, чтобы при первом вторжении шведов стать грудью за своего короля, поляки начали спорить с ним за право вводить иноземное войско в пределы республики, требовали удаления как саксонских, так и русских полков, присланных Петром на помощь, между тем не принимали никаких мер к отпору неприятелю и по обыкновению разделились на партии, главой которых были личные непримиримые враги, Огинский и Сапега. Партия Огинского поддерживала Августа, партия Сапеги благоприветствовала шведам и была тем опаснее, что к ней присоединился примас королевства, кардинал Радзеевский.

Пользуясь несогласием и раздором панов, Карл без труда овладел Варшавой; Август удалился в Краков, собрал все свои силы и решился на битву; Карл жестоко поразил его при Клиссове и овладел Краковом, но зато упустил из рук своих Варшаву, которую занял Август. Правда, королю шведскому нетрудно было вытеснить его отсюда, но так как он не заботился об утверждении за собою покоряемых мест, то соперник его находил убежище везде, где только не было шведов. Варшава, Краков, Лемберг, Торн и многие другие города несколько раз переходили из рук в руки. Карл обратится на юг, Август уйдет на север; тот настигнет его на севере, этот явится на западе, оттуда на восток, займет Варшаву, овладеет Краковом, снова уступит их, снова овладеет и опять потеряет. Таким образом, неумоимо преследуя своего соперника, из города в город, король шведский исходил Польшу во всех направлениях от Немана до Одера, от истоков Днестра до Двины, нигде не встречал отпора и при всем том не мог вытеснить Августа из пределов республики, чтобы отнять у него корону.

Карл обратился к иным мерам: созвал сейм, велел объявить курфюрста лишенным престола и избрать нового короля, указав на Якова Собеского, сына знаменитого Яна III. Август успел схватить его и увезти в Саксонию, где заключил в темницу. Карл выбрал другого совместника, в лице *Станислава Лещинского*⁵⁶, воеводы Познаньского, вельможи умного, одаренного прекрасными свойствами души и заслужившего дружбу Карла. Станислав был коронован. Август, однако, не удалялся из Польши, имел многочисленную партию, в особенности был поддерживаем Петром, который прислал ему на помощь князя Меншикова с сильным корпусом, и Станислав царствовал только там, где был шведский лагерь. Борьба продолжалась по-прежнему уже шестой год. Варшава доставалась то Августу, то Станиславу; примеру ее следовали другие города.

Между тем Петр, оставленный как будто без внимания Карлом, имел время подготовиться к борьбе упорной и воспользовался им как нельзя лучше. Нарвское поражение не лишило его бодрости: едва миновал первый ужас народа, он собрал новое войско, устроил новую артиллерию, укрепил границы, послал помощь Августу II и весною 1701 года мог начать военные действия по плану, хорошо обдуманному и исполненному. Искусно поддерживая курфюрста Саксонского в борьбе с королем шведским и отдаляя таким образом опасного соперника от пределов своего государства, Петр между тем внушал своему войску бодрость и приучал его к огню боевому частыми стычками с мелкими отрядами шведов; в то же время приводил в исполнение любимую мысль свою утвердиться при Балтийском море.

Лифляндия, Эстляндия, Ингрия были театром его подвигов, школою его войска и генералов. Области эти были унизаны крепостями, со всеми средствами к упорной обороне, с сильными гарнизонами, с мужественными комендантами, с обильным запасом продовольствия и военных снарядов, но не имели в поле значительного корпуса, который мог бы подавать крепостям помощь. Карл так мало заботился о Петре, что все свои силы вывел в Польшу, оставив в Лифляндии и Финляндии малочисленные отряды под начальством Шлиппенбаха и Кронгиорта. Петр прежде всего хотел ободрить войско и послал Шереметева опустошить окрестности Дерпта. Шереметев сделал более: два-

жды разбил Шлиппенбаха, сперва при Эррестфере, потом при Гумельсгофе⁵⁷. Победа была нетрудная, но первая над шведами; государь так обрадовался ей, что сказал: «Слава Богу! Мы наконец можем бить шведов» и возвел своего генерала в достоинство фельдмаршала, дав ему кроме того орден св. апостола Андрея Первозванного.

Вслед за тем Петр приступил к осаде крепостей, начав с самой слабой и более других отдаленной, с Нотебурга, или Орешка, находящейся на острове, при истоке Невы из Ладожского озера. Обложив ее с обоих берегов многочисленною армией, вдесятеро сильнейшей гарнизона, Петр-сам распорядился осадюю, ставил орудия, палил день и ночь в звании капитана бомбардирской роты, и когда в стенах крепости открылся пролом, вызвал охотников на приступ: оба полка гвардейские изъявили готовность. Подполковник *Голицын*⁵⁸ выбрал лучших, посадил отряд на суда и под картечными выстрелами причалил к острову, где находилась крепость. Но так как штурмовые лестницы оказались на полторы сажени короче и посаженные могли без труда истребить русский отряд, бросая в него гранаты, стреляя из ружей, то Петр дал приказание отступить. Голицын (будущий фельдмаршал) отвечал посланному: «Скажи государю, что теперь я принадлежу не Петру, а Богу», велел оттолкнуть суда от берега, бросился на крепость и взял ее.

С восторгом смотрел Петр на покорение Нотебурга как на ключ к Балтийскому морю и назвал его Шлиссельбургом⁵⁹. В самом деле, после падения Нотебурга другая шведская крепость, Канцы, находившаяся недалеко от устья Невы, там, где ныне Большая Охта, не могла долго обороняться и сдалась победителю. Петр овладел всем течением Невы до самого моря и геройским подвигом ознаменовал русское господство при Финском заливе. Шведская эскадра, не зная, что Канцы уже в руках русских, хотела подкрепить гарнизон и, сделав условный сигнал, бросила якорь. Два корабля отделились от нее и вошли в устье Невы, с тем чтобы на другой день высадить вспомогательный отряд. При наступлении ночи Петр, взяв свою гвардию, на канонирских лодках пробрался Фонтанкою до шведских кораблей, окружил их со всех сторон, бросился на abordаж и в числе первых взошел на судно неприятельское. Блестящая победа увенчала его искусство и храбрость: оба корабля взяты были русскими. В награду за этот подвиг он получил

орден Андрея Первозванного, вместе с поручиком Меншиковым. Вслед за тем, 16 мая 1703 года, на острове Луст-Эйланде он положил основание русской крепости, названной Санкт-Петербургом.

Покорив всю Ингрию, Петр двинул свои войска на Эстляндию и Лифляндию и повелел сначала опустошить ту и другую страну, чтобы легче овладеть тамошними крепостями. Шереметев исполнил волю государя со всею жестокостью, свойственной старинным русским воеводам, при вторжении в неприятельскую землю. Разорив три четверти Эстляндии и Лифляндии, с городами Вейсенбергом, Вейсенштейном, Обер-Паленом, Феллином, Вольмаром, Венденом, Рингеном и многими другими, обращенными в развалины, он изнурил главные крепости Нарву и Дерпт. Петр взял их одну за другою кровопролитным приступом; вместе с ними овладел большею частью Лифляндии. Для окончательного завоевания этой страны, оставалось покорить Ригу и вытеснить корпус *Левенгаупта*⁶⁰, искавшего в стенах ее убежища. Государь придумал искусный план, исполнение которого поручил Шереметеву: надлежало отрезать Левенгаупта и напасть на Ригу врасплох. Но Шереметев оплошал и сам потерпел жестокое поражение при Гемауртсгофе. Петр вознаградил неудачу, заняв Митаву и большую часть Курляндии.

Таким образом, покоряя постепенно крепости в Ингрии, Эстляндии и Курляндии, русские войска сближались с театром войны польско-шведской. Петр принял деятельное в ней участие и более, чем прежде, старался поддержать Августа, чтобы утомить Карла, не впуская его в пределы России. Для этой цели заключив новый союз с королем польским, государь поручил ему главную армию свою, состоявшую из лучших, отборных полков, с условием не вступать с шведами в решительную битву и истреблять их отряды по частям. К несчастью, Петр не мог дать в руководители Августу лучшего своего генерала, более других опытного в принятой государем системе войны, Шереметева. Он был послан к берегам Волги для укрощения мятежа, который вспыхнул в Астрахани и грозил взволновать Дон, Урал и Терек. Виною смятения были стрельцы, сосланные в Астрахань, после уничтожения их корпуса в Москве. Они злобились на Петра как на го-

нителя своего. С ними соединились все приверженцы старины, не хотевшие расстаться с бородою, в особенности беглые монахи. Число мятежников достигало нескольких тысяч. Они овладели Астраханью, умертвили тамошнего воеводу Ржевского и злодействовали, как некогда скопища Разина. Шереметев, после тщетных увещаний положить оружие, вступил в бой, рассеял нестройные толпы злодеев, загнал их в крепость Астраханскую и, овладев ею приступом, восстановил спокойствие на берегах Волги⁶¹.

Между тем отсутствие его едва не погубило главной русской армии. Август, которому вверил ее Петр для содействия саксонцам и полякам, раздробил свои войска на несколько корпусов и, дав Карлу возможность обратить все его силы на одну русскую армию, поставил ее в такое положение, что она, для избежания неравной битвы, заперлась в Гродно, где Карл окружил ее со всех сторон, пресек подвоз съестных припасов и все пути к отступлению. Томимая голодом, она должна была или выйти из крепости и вступить в бой с превосходными силами, или положить оружие. Опасность ее тем более увеличилась, что Август в самую решительную минуту покинул Гродно, оставив вверенное ему войско на произвол судьбы. Петр нашел средства спасти свою армию. Отдаленный от нее на несколько сот верст, он принял столь мудрые меры, что генералам его, запертым в Гродно, оставалось только в точности исполнять его предписания, чтобы вывести из засады русские полки и отступить в пределы России. Карл не решился преследовать их, отсрочивая борьбу с Петром до совершенного низложения Августа и тем охотнее обратил на курфюрста последний удар, что в то самое время саксонские войска, под начальством Шуленбурга, были разбиты наголову при Фрауштадте шведским генералом Рейншильдом. Здесь главная армия Августа была уничтожена, и Саксония осталась без защиты.

Карл спешил воспользоваться победою Рейншильда, чтобы заставить курфюрста смириться, и вступил с огнем и мечом в наследственное его государство. В самом деле, доведенный до крайности, соболезная об участии злосчастной Саксонии, опустошаемой шведами, Август молил о пощаде, соглашаясь на все условия, какие Карлу угодно было предписать. Полномочные его заключили в Альтран-

штадте договор⁶², которым обязали своего государя сложить польскую корону, признать Станислава королем, заплатить шведам огромную контрибуцию, отказаться от союза с царем российским и, вопреки праву народному, выдать министра Петрова, Паткуля. Невзирая на всю тягость условий, Август должен был утвердить столь унижительный договор и выдал Паткуля Карлу, который велел его колесовать как изменника. Августу готовилось новое унижение. Во время переговоров он находился со слабыми остатками своего войска в корпусе Меншикова, не сказывая ни ему, ни Петру о примирении с шведами. Меншиков решился воспользоваться отдаленностью Карла, напал на шведского генерала Мардефельда при Калише⁶³ и истребил весь его корпус, принудив курфюрста саксонского, вопреки желанию его, принять участие в битве. Карл объявил договор нарушенным и угрожал мстью. Август, будучи невольным участником победы, спешил умиловить шведского государя, виделся с ним, оправдывался, но зато должен был написать поздравительное письмо к Станиславу Лещинскому, который после этого был признан королем во всей Польше, трепетавшей при одном имени Карла.

Не одна Польша, вся Европа смотрела на него с ужасом как на воителя страшного, непобедимого. *Евгений Савойский*, *Мальборо*⁶⁴, славнейшие полководцы своего времени, явились к нему с почтением. Сам император немецкий не хотел спорить с ним за нарушение нейтрального права при переходе из Польши в Саксонию чрез имперскую землю и не смел прекословить, когда шведский король, по примеру Густава Адольфа, объявив себя защитником лютеранского вероисповедания, гордо требовал окончательного восстановления прав протестантов. Карл достиг высшей степени славы и величия, не хотел думать, чтобы мог кто-либо спорить с ним на поле битвы, и в полной уверенности обратил оружие на Петра, которого доселе он не беспокоил, с решительным намерением и его низложить с престола.

Лишенный содействия союзников, Петр не доверял своим силам и предложил Карлу мир, требуя по-прежнему одного приморского пункта в Ингрии. В ответ на это предложение король шведский назначил генерала Шпарра губернатором Москвы. «Брат мой Карл хочет быть Алексан-

дром, но во мне не найдет от Дария», — сказал Петр и начал готовиться к борьбе решительной. Наступило время трудное для России и царя ее. Ей грозил враг неумолимый в мести, страшный победами, равно искусный и мужественный, доселе не находивший соперника на поле брани и уже давший нам почувствовать тяжесть своего удара: с именем Карла была неразлучна идея Нарвского поражения. Перевес был на его стороне. Правда, после битвы под Нарвою русское войско привыкло твердо стоять в поле; генералы стали искуснее; сам Петр глубоко изучил военную науку. Но и соперник его в семь лет развил силы исполина: имея под Нарвою не более 14000 человек, он мог устремить теперь на Россию 115000 храбрых шведов, закаленных в битвах, слепо веривших в счастье своего короля-героя, готовых вместе с ним броситься во все опасности, одолеть все преграды. Разделенная на три сильные корпуса, шведская армия с трех сторон готова была вторгнуться в Россию: сам король с главными силами мог идти на Москву из Польши; Левенгаупт из Лифляндии на Псков, или Новгород; Либекер из Финляндии на юный Петербург, которым Петр дорожил более Пскова.

Между тем южным пределам грозили другие враги. Турки, подстрекаемые агентами Карла, изъявляли неприязненные намерения; казаки донские, взволнованные мятежником *Булавиным*⁶⁵, едва не овладели Азовом, и хотя решительные меры правительства рассеяли мятежников, принудив многих из них укрыться с атаманом своим Некрасовым в Запорожье⁶⁶, но в то самое время созрела ббольшая опасность: виновник его, при огромных средствах, действовал с величайшею тайной в пользу неприятелей России. Это был гетман Малороссии Иван Мазепа. Раньше он изъявлял Петру величайшее усердие: осаждал с ним Азов; посылал полки казацкие в Воынь и Литву на помощь Августу; не щадил и казны войсковой для царских нужд. Государь так был уверен в его преданности и усердии к московскому престолу, что, получив первый навет на него от генерального судьи Кочубея и полковника Искры, приказал выдать того и другого как злых клеветников Мазепе на лютую казнь. Тем гибельнее могли быть следствия измены, которою замыслил он предать Малороссию врагам России. Не думая о выгодах своей отчизны, подстрекаемый единственно честолюбием, он заключил с королем Станиславом тайный дого-

вор с тем, что все полки малороссийские соединятся с Карлом при вторжении его в Россию и потом останутся в подданстве Польши; сам же он получит Витебск и Полоцк на правах герцога Курляндского.

Не подозревая замыслов Мазепы и думая, что Карл обратит главный удар всеми силами от пределов Лифляндии, в соединении с Левенгауптом, при содействии Либекера, Петр сосредоточивал свои войска на берегах Двины и, согласно с мнением военного совета, положил вести войну оборонительную, приняв за правило: не вступать с неприятелем в решительную битву и затруднять его поход упорною защитою крепостей, обороною переправ через реки, в особенности опустошением страны, где он будет идти, с тем чтобы лишить его всех средств продовольствия и, ослабив в отдельных битвах, истребить по частям. Для этой цели он приказал устроить на западной границе от Пскова до Брянска оборонительную линию из засек, завалов, рвов; укрепил твердыни Смоленска, Пскова, Новгорода, даже Москвы; велел народу, при первом вторжении неприятеля, истреблять съестные припасы и скрываться в крепостях; между тем ополчал всю Россию.

Карлу предстояли три пути к Москве: через Новгород, через Смоленск и через Украину. Избрав первый путь, он мог соединиться с Левенгауптом и Либекером, следовательно, действовать всею массою своих сил, но должен был прежде взять Новгород и идти странною лесистою и бесплодною, где русские могли затруднять каждый шаг его. Второй путь, на Смоленск, представлял те же неудобства, лишая сверх того главную армию содействия Левенгаупта; третий путь еще более отдалял ее от корпусов, стоявших в Лифляндии и Финляндии, но эта невыгода вознаграждалась надеждою на силы Мазепы, на восстание Малороссии и Дона, на содействие хана Крымского, даже турецкого султана, которого король уже подстрекал к разрыву. При том же на Украине приготовлены были Мазепою большие запасы, и отсюда шведская армия могла идти прямо к Москве странною хлебородною, более удобной для войны наступательной, чем оборонительной.

Карл избрал путь через Украину и так искусно умел скрыть план своих действий, что Петр долго не мог определить, какое направление примет шведская армия, и не хотел согласиться с князем Меншиковым, разгадавшим

с самого начала похода намерения короля вторгнуться в Малороссию. Сосредоточив все свои силы в окрестностях Смоленска, государь не успел затруднить переправу шведов через Друч при Головчине и через Днепр при Могилеве. Карл легко разбил отдельные корпуса русской армии и вступил в область Северскую.

Здесь, наконец, обнаружилось истинное его направление. Петр принял свои меры: сдвинул свои войска, стал во фланге неприятельской армии, шел с нею рядом, тревожил ее непрестанно со всех сторон, истреблял отделявшиеся отряды (в особенности при селе Добром) и так усердно жег окрестные города и села, что Карл встречал на пути одни развалины. Опасаясь погубить свое войско голодом, он дал приказание Левенгаупту, шедшему из Лифляндии с огромным обозом съестных припасов и военных снарядов, поспешить на соединение с главной армией. Русские генералы, узнав о том, предложили послать несколько полков на встречу Левенгаупту, чтобы истребить его корпус, прежде чем он соединится с королем.

Предприятие было так важно, так много обещало выгоды, что Петр взял исполнение его на себя и едва не упустил Левенгаупта. Проводник, еврей, подосланный шведами, повел его по ложному направлению к Смоленску, уверяя, что там он встретит неприятеля, между тем как Левенгаупт, следуя другим путем, был уже в окрестностях Могилева, в нескольких переходах от шведской армии. К счастью, государь заметил свою ошибку заблаговременно, поворотил свое войско, пустился по следам шведского генерала, настиг его недалеко от Пропойска, при деревне Лесной, принудил к битве и, невзирая на превосходство сил, на отчаянную храбрость неприятеля, разбил его наголову, так, что Левенгаупт потерял более половины своего корпуса со всем обозом и явился в королевский лагерь беглецом⁶⁷. Следствия этой битвы были весьма важны для той и другой стороны: русские помнили поражение Шереметева при Гемауртсгофе и считали Левенгаупта лучшим полководцем Карла. Петр, доказав им, что и его можно разбить даже с меньшими силами, внушил войскам веру в самих себя и в искусство своего государя. Более всех радовался Шереметев: он благодарил царя письмом за победу, отомстившую за неудачный бой при Гемауртсгофе. С другой стороны, Карл лишился, вместе со значительным корпусом, целого

обоза съестных припасов и военного снаряжения, столь необходимых для его измученной армии.

Еще имел он надежду поправить затруднительное положение свое в Малороссии, куда неотступно звал его Мазепа, уверяя, что все казацкие полки присоединятся к шведскому войску и что король найдет обильные запасы, заготовленные в Батурине, Ромне, Гадяче и других городах. Но и эта надежда жестоко обманула Карла. Гетман успел передаться к нему на берегах Десны только со своими клеветами, число которых было незначительно, и с несколькими тысячами казаков, приведенных в шведский лагерь обманом. Малороссия не изменила своему государю: Карл нашел в ней, вместо радушного приема и полных магазинов, упорную оборону крепостей с дымящимися городами и селениями. Это объясняется не столько усердием казаков к русскому престолу, сколько благоразумием принятых царем мер. Едва узнав об измене Мазепы, государь немедленно послал в Малороссию Меншикова для уничтожения планов злодея, прежде прибытия короля. Меншиков исполнил его волю с быстротою и искусством: встретив волнение в одном Батурине, где засели сообщники Мазепы, Чечеля и Кенигсек, он взял город приступом и разорил до основания, переловив главных мятежников. Удар нанесен был весьма кстати: он навел ужас на скрытых сообщников Мазепы, таившихся в других городах, между тем как верные престолу и раскаявшиеся преступники были обнадежены царскою милостью. Казаки, обманом Мазепы приведенные в шведский лагерь, толпами возвращались к своему долгу, и Малороссия встретила короля как неприятеля. Здесь он увидел те же развалины городов и сел, оставленных и сожженных народом, которые встречал на каждом шагу в области Северской. Все магазины, заготовленные Мазепою, были разорены деятельным Меншиковым. На место изменника по воле Петра избран в гетманы полковник *Скоропадский*⁶⁸, которого вся Малороссия признала своим вождем.

К довершению несчастья Карла, в конце 1708 года наступила столь жестокая стужа, что птицы замерзали на лету, и только безграничная преданность к королю, разделявшему с воинами все трудности похода, не допускала шведов до отчаяния. Для спасения войска Карлу оставалось выйти из России в пределы Польши: он не любил от-

ступать, хотел принудить Петра к решительной битве в надежде, сокрушив его силы, открыть путь к Москве, и подвигался вперед, углубляясь в Малороссию. На пути его лежала Полтава. Петр на всякий случай оставил в ней сильный гарнизон под начальством полковника *Келина*⁶⁹. Карл думал без труда овладеть ею и сверх чаяния ошибся. Келин не сдавался. Не привыкнув встречать преграды, король хотел непременно взять Полтаву и тем охотнее расположился под ее стенами, что с одной стороны надеялся заманить Петра в битву, с другой хотел подождать, чем кончатся начатые им весной 1709 года переговоры с турками. В самом деле султан, подстрекаемый шведскими агентами, думал объявить России разрыв, и присяжник его, хан Крымский, уже обнаружил неприязненные действия. Решительность Петра устранила опасность: он вооружил сильный флот в Воронеже и, показавшись с ним на Азовском море, так перепугал Порту, что султан счел за лучшее не принимать участия в шведской войне и запретил крымцам тревожить Россию.

Между тем Полтава не сдавалась. Храбрый Келин с успехом отбивал неоднократные приступы королевские: несколько раз неприятельские бомбы производили в городе пожар; враги влезали на стены и ставили на них королевские знамена; Келин, поручая женщинам и старцам тушить огонь, сам бросался в сечу, сбивал шведов с укреплений, счастливыми вылазками тревожил неприятельский лагерь, брал пушки, пленных. Царское войско, стоявшее недалеко от Полтавы, на другом берегу Ворсклы, поддерживало мужественный гарнизон; заметив, что он уже изнурил себя непрерывными битвами и терпел недостаток продовольствия, искусный Меншиков ввел в крепость сильный отряд с достаточным количеством съестных припасов. Осада длилась два месяца.

Истомив свою армию неоднократными приступами, голодом, потеряв множество орудий, истратив снаряды, к довершению несчастья получив в перестрелке с казаками жестокую рану в ногу, Карл ничего более не желал, как решительной битвы, чтобы или одолеть Петра в открытом поле, или пасть по крайней мере со славою. Государь уже не уклонялся от сражения. Карл, видя готовность русских, не хотел долее медлить, и 27 июня 1709 года открылся бой Полтавский⁷⁰. Оба венценосных сопер-

ника сами предводительствовали своими армиями. Начал Карл. Сидя в носилках, окруженных драбантами, он повел свое войско прямо на редуты, устроенные перед русским лагерем, и прорвался до самых окопов, но здесь встречен был таким жестоким огнем из пушек, что войско его с ужасом бросилось к лесу, лежавшему впереди русского лагеря, и там с трудом построилось в боевой порядок. При этом замешательстве правое крыло, под начальством Рооса, отделилось от армии и было истреблено князем Меншиковым. Между тем государь вывел главные силы свои из окопов, стройно двинул их на врагов и, объезжая полки, говорил воинам, что пришел час, который решит судьбу России, что они идут сражаться не за Петра, а за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за веру православную, что их не должна смущать молва о мнимой непобедимости неприятеля, неоднократно ими побежденного, что им надобно иметь перед очами правду и Бога, ратующего за них. «А о Петре ведайте, — заключил государь, — ему жизнь его недорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе». Вскоре войска сошлись, и запылала главная битва. Петр охватил неприятельскую армию с обоих флангов. Шведы не стояли и двух часов: они ударились в бегство, мимо Полтавы, по направлению к Днепру. Карл несколько раз падал со своих носилок, разбиваемых пушечными ядрами, и бежал вслед за остатками армии. Поражение ее было совершенное. Вскоре она не существовала. Одна половина ее пала на полях Полтавских; другая, под начальством Левенгаупта, искавшая спасения в бегстве и думавшая пробраться в Крым, положила оружие на берегу Днепра при Переволочне, где настигли ее Меншиков и Голицын. Немногие остатки вместе с королем добрались было до Буга: их догнали русские отряды и частью полонили, частью истребили; сам Карл едва успел ускользнуть от плена, переправясь через Буг с одним Мазепой, чтобы найти убежище в областях турецких. Весь его лагерь, вся его артиллерия, все генералы, министры, все досталось Петру, пожавшему таким образом плоды мудрых мер, которые с самого начала похода он предпринял, чтобы истребить шведскую армию. Борьба с Карлом кончилась. В России и во всей северной Европе настал новый порядок вещей, третий период царствования Петра.

IV. ВНЕШНЕЕ ВОЗВЫШЕНИЕ РОССИИ (1709—1725)

Редкая битва имела столь важные следствия, как битва Полтавская: одним ударом она низринула Швецию с высоты величия и поставила Россию на степень первенствующей державы в Европе. Сокрушив грозного воителя, могущественного и собственным талантом, и мужеством сподвижников, и славою побед, она лишила его всего, кроме горького воспоминания прежних успехов: ему не осталось средств оправиться от громового удара. Швеция, истомленная неимоверными усилиями, не могла, как ни желала она, воскресить павшего героя: на полях полтавских погиб цвет ее народонаселения. Области ее остались без защиты, в жертву соседей, давно уже роптавших на ее чрезмерную силу. Все враги ее вооружились, чтобы довершить ее падение, и Швеция, вслед за Полтавскою битвою, утратила свое первенство на севере. Оно досталось России.

Россия, изумив Европу блестящею победою, обнаружила исполинскую силу, примкнула к берегам Балтийским, выставила сильный флот, грозное войско и с торжеством вступила в систему образованного мира, готовая уничтожить Польшу, разгромить Швецию, поддержать юную Пруссию. На царя ее, на победителя Карла, самые отдаленные державы смотрели с почтением, дорожили его союзом, охотно вступали с ним в торговые отношения и не смели оскорблять русского флага, который вскоре стал развеваться на водах Балтийских. Не менее важны были последствия Полтавской битвы и для внутренней крепости государства. Народ, торжествуя свою победу, какой он еще никогда не одерживал, примирился со всем, что так казалось ему тягостным, и уже безропотно смотрел на внутреннее преобразование, в котором видел источник недавней славы и залог будущего величия. Петр, со своей стороны, сокрушив врага европейским искусством, болсе, чем когда-либо, считал необходимым всеобщее, решительное преобразование, но, умудренный опытом, не довольствовался одними частными мерами, а действовал по плану обширному, охватывавшему все отрасли государственной жизни. Таким образом, третий период царствования Петра представляет два главных явления: извне утверждение политического могущества России в Европе, внутри всеобщее преобразование государства.

С полей полтавских Петр устремил победоносные войска свои к берегам Балтийским, чтобы завоеванием приморских крепостей Риги, Ревеля и Выборга упрочить русское господство в Лифляндии, Эстляндии, Ингрии и южной Финляндии; в то же время отделил значительный отряд в Польшу для изгнания оставшихся там шведов и для утверждения Августа, который с первою вестью о Полтавской победе объявил договор Альтранштадтский недействительным. Полный успех увенчал деятельность Петра. Шведские крепости в Лифляндии, Эстляндии и южной Финляндии оборонялись с упорством, не сдаваясь до последней возможности, но, оставленные без помощи, не в силах были отбить русских. Петр без опасения мог разделить свою армию на несколько корпусов, чтобы охватить весь берег Прибалтийский от устья Двины до Выборга и овладел им в один год: Шереметев взял Динаминд и Ригу; Баур Пернаву и Ревель; Апраксин Выборг, Брюс Кексгоlm. Между тем Меншиков помог Августу вытеснить шведов из Польши в Померанию, изгнать Станислава и овладеть польским престолом. По примеру курфюрста саксонского, датский король нарушил договор Травендальский и предложил дружбу российскому государю.

Петр имел много причин к негодованию на прежних союзников своих, не помогавших ему в самое затруднительное время, но для выгод отечества он скрыл свою досаду, забыл прошедшее, дал слово действовать совокупными силами, и северный союз возобновился на прежних основаниях, с тою важною отменою, что король польский должен был отказаться от надежды присвоить Лифляндию. Союзники решились: войскам саксонским теснить шведов в Померании; войскам датским сделать высадку в Шонию; между тем Петр готовил Швеции удар с другой стороны: чтобы добиться ее согласия на уступку Лифляндии, Эстляндии, Ингрии и южной Финляндии, он собирался переплыть Балтийское море и под стенами Стокгольма продиктовать условия мира. Положение Швеции было опасное. Король оставил ее, изнуренную, беззащитную, в жертву врагам, по-видимому, не принимал никаких мер к обороне государства и беспечно жил под Бендерами*. Непредвиденные обстоятельства расстроили план

* Года два он стоял лагерем на берегу Днестровском, близ Бендер; наводнение 1711 года принудило его расположиться близ местечка Варшны, севернее Бендер на полчаса пути.

союзников. Саксонцы встретили упорное сопротивление в Померании; датчане высадили свои войска в Шонии, но были разбиты наголову при Гелзингборге графом Штейнбоком, успевшим сверх всяких ожиданий собрать ветеранов, и со стыдом возвратились восвояси. Петр отозван был от берегов Балтийских к берегам Черноморским, где поднялась гроза страшная.

Карл оставался в Турции не без дела. Думая без труда управиться с королями датским и польским, опасаясь одного государя российского, он неотступно убеждал султана объявить России войну в надежде сокрушить единственного соперника силами оттоманскими. Петр успел склонить на свою сторону верховного визиря Чурлули, и Ахмет III⁷¹ даже согласился в начале 1710 года подтвердить договор Константинопольский с тем условием, чтобы Карлу был открыт свободный путь через Россию в Швецию. Король не поехал. Агенты его, польские генералы Понятовский и Потоцкий, при помощи французского посла и хана крымского, скучавшего в бездействии, оклеветали миролюбивого Чурлули и возвели в достоинство верховного визиря Мегмета-Пашу⁷². Карл между тем внушил к себе живейшее участие народа турецкого, которому он полюбился необузданною храбростью; даже мать султана пленилась его славой. Уступая общему рвению подданных, в ноябре 1710 Ахмет объявил России разрыв под предлогом, что царь выстроил крепости, опасные для Крыма, и овладел частью Польши с намерением вторгнуться в турецкие владения. Султан двинул все силы империи, вывел в поле около 300000 человек, собрал до 400 орудий и, поручив свою многочисленную армию верховному визирю, велел вести ее за Дунай, чтобы вторгнуться в Россию.

Никогда Петр так не желал отклонить разрыв с Портой, как в это время: не обещая никаких выгод, Турецкая война отвлекала его от главной цели, уже близкой. Видя неизбежность войны, он желал, по крайней мере, отдалить ее от пределов России и вступить в борьбу в Молдавии и Валахии, тем болес что надеялся склонить на свою сторону господарей обоих княжеств, недовольных жестоким и неправосудным правлением Порты. В самом деле, и тот, и другой, Кантемир Молдавский, Бранкован Валахский⁷³, дали слово вооружить свой народ, приготовить для продоволь-

ствия российской армии обильные запасы и вместе с нею смирить Турцию, изъявляя в то же время желание отдаться в покровительство России. Кантемир заключил в этом смысле договор; Бранкован обещал приступить к союзу, как только русские достигнут пределов Валахии. Теперь весь успех похода зависел от того, чтобы предупредить неприятеля на берегах Дуная и занять Молдавию, прежде чем турки успеют овладеть ею. Петр надеялся кончить войну одним ударом. Собрав до 40000 лучшего войска, состоявшего наиболее из пехоты, в том числе из обоих полков гвардейских, и вверив его Шереметеву, он велел как можно скорее спешить к пределам Молдавии; вслед за войском отправился и сам, сопровождаемый своею супругою, Екатериною Алексеевною.

Едва русские перешли Днестр, как уже стали нуждаться в съестных припасах. Кантемир не успел принять мер к обеспечению их продовольствием. Необыкновенной зной иссушил и нивы, и луга; саранча истребила остальное. Войско с трудом достигло Ясс. Здесь фельдмаршал созвал военный совет. Общее мнение было остановиться в Яссах, чтобы устроить магазины и учредить опору военных действий. Кантемир убеждал спешить к Дунаю, уверяя, что там, в окрестностях Браилова, заготовлены огромные запасы для турецкой армии, и что русские без труда овладеют ими. Петр все еще надеялся предупредить врагов на Дунае, согласился с Кантемиром и велел идти вперед. Войско двинулось правым берегом Прута, по направлению к местечку Фальчи, вступило в страну песчаную, опаленную зноем, и едва сделало несколько переходов, как разнеслась весть, что турецкая армия уже более недели переправилась через Дунай, что она заняла Фальчи и идет навстречу русским в числе 250000 человек; Бранкован же изменил своему слову и остался в подданстве турецком. При чрезмерном превосходстве неприятельских сил, при малочисленности русской конницы отважиться на бой значило идти на верную гибель. Петр велел отступить к Яссам, но уже поздно. Турки настигли его в открытом поле, на берегу Прута. Русское войско остановилось, оградил себя обозом, укрепило лагерь окопами и приготовилось к бою. Визирь двинул янычар густыми толпами, чтобы ворваться в лагерь. Петр сосредоточил всю свою артиллерию на том пункте, куда обратился главный напор неприятеля, зарядил пушки двой-

ными зарядами и встретил врагов таким огнем, что они бросились назад, оставив на месте более 7000 трупов. Столь неожиданная встреча побудила визиря, не вступая более в решительную битву, окружить русских со всех сторон, пресечь им все пути к продовольствию, отнять даже возможность брать воду из Прута и голодом принудить их к сдаче. Турецкие силы окружили русский лагерь со всех сторон⁷⁴.

Положение Петра было отчаянное; войско его, изнуренное голодом, истомленное жаждою, не могло и думать о победе, если бы отважилось вступить в битву с врагами, в несколько крат сильнейшими; отступление было также невозможно; одна татарская конница легко истребила бы его по частям, во время похода. Оставалось одно средство спасти жизнь — положить оружие: мог ли решиться на это Петр, еще недавно увенчанный лаврами Полтавской победы? В то самое время, когда и государь, и фельдмаршал, и все генералы его не знали, на что решиться, в уме Екатерины блеснула счастливая мысль: предложить визирю мир с выгодными для Турции условиями. Военный совет решился испытать это неверное средство и в то же время единогласно определил: если будет отказано в честном мире, бросить обоз и пробиваться сквозь неприятеля с оружием в руках. С предложением мира послан был в турецкий лагерь барон *Шафиров*⁷⁵; государь уполномочил его уступить туркам Азов, Таганрог и другие окрестные места; шведам все, что завоевано у них, исключая одну Ингрию, в вознаграждение которой соглашался отдать даже Псков. Ответа долго не было; русское войско приготовилось к бою; наконец, визирь отвечал, что он согласен, и сверх всякого ожидания требовал только возвращения Азова с его округом, уступки татарам Запорожья, невмешательства России в дела Польши и свободного пропуска Карла XII, которого удалить из Турции и без того хотелось Петру. Государь с радостью принял эти условия; одно только препятствие мешало немедленному заключению договора: турки требовали еще выдачи Кантемира, скрывавшегося в русском стане. Петр сказал, что он скорее согласится уступить половину царства до самого Курска, чем нарушить данное слово. Визирь настаивал. Государь отдал приказ к битве, и Кантемир был спасен. Едва заключили мир и подписали договор, Карл прискакал из Бендер в ту-

рецкий лагерь в несомненной надежде найти там в плену царя московского, и с горестью увидел, что русское войско с барабанным боем, с распущенными знаменами уже удалялось к пределам отечества.

Султан подтвердил Прутский договор. Карл успел уверить его, что визирь, имевший случай полонить московского царя со всем войском его, за ничтожную сумму продал славу Оттоманской империи. Мегмет был свергнут; вместо его назначен Юсуф-Паша, и, по старанию Карла, в конце 1711 года Порта опять объявила войну России, под тем предлогом, что Петр не выводит войск из Польши и не отдает Азова. Войны, однако, не было. Шафиров, бывший заложником исполнения Прутского договора, успел, при содействии английского и голландского посланников, внушить султану, что прежде возвращения Азова король шведский должен выехать из Турции. Снова заключили договор на основании Прутского, и снова, по проискам Карла, через несколько месяцев Порта объявила разрыв за вмешательство России в польские дела. Татары разорили Украину; главные силы турецкие сосредоточились в Адрианополе, чтобы идти за Дунай к пределам России. Возвращение Азова успокоило, наконец, султана; он подтвердил в Адрианополе мир с Россией на 25 лет, на основании Прутского договора, и вслед за тем велел сказать Карлу, что пора ему удалиться из пределов Оттоманских. Король не хотел ехать, и когда явился отряд янычар в числе 14000 человек, чтобы выпроводить его силою, он укрепил деревянный дом свой близ Бендер, вооружил людей, вступил в битву, отбивался целый день, доколе турки не зажгли его дома. Он выскочил оттуда, опаленный, с окровавленною шапагою; его схватили и отвезли в Демотику, близ Адрианополя. Здесь он подружился с новым визирем и опять едва не вооружил Порты, наконец, увидев безуспешность своих усилий и в то же время узнав о бедственном положении королевства, с гневом удалился из Турции: не хотел принять от султана ни даров, ни конвоя, сел на коня и с одним проводником, под чужим именем, проехав Валахию, Трансильванию, Венгрию, Австрию, Брауншвейг, неожиданно появился в Штральзунде, единственном городе, который остался в руках шведов из всех владений их в земле немецкой.

Во время пятилетнего пребывания Карла в Турции Швеция утратила Померанию и Финляндию. В потере первой области виноват был сам Карл. В 1710 году морские державы, при посредничестве императора немецкого, на конгрессе в Гааге решили для устранения северной войны от земли немецкой считать Померанию страной нейтральной. Карл отверг это посредничество с негодованием. Короли датский и польский спешили овладеть ею. Правда, в продолжение двух лет они ничего не могли сделать, завидовали, не доверяли друг другу, не соглашались в плане действий, не умели пользоваться сильной помощью российского государя, даже думали тайно заключить отдельные договоры и нередко терпели неудачи: король датский был жестоко поражен шведским генералом Штейнбоком при Гадебуше, но к союзникам прибыл сам Петр, и дела получили иной оборот. Государь принял начальство над их войсками, разбил Штейнбока и запер его в Тенингене, где, окруженный в основном русскими войсками под начальством Меншикова, он положил оружие и сдался военнопленным. Вследствие поражения Штейнбока вся шведская Померания была занята союзными войсками, исключая Штральзунд и Штетин, но первый едва мог обороняться, а второй, доведенный князем Меншиковым до крайности, отдался в покровительство короля прусского *Фридриха Вильгельма*⁷⁶, который взял его под секвестр до уплаты шведским правительством издержек, употребленных им для спасения этого города от врагов; и так как вслед за тем Карл отказал в вознаграждении, то король прусский занял Штетин своими войсками.

Потеряв Померанию, Швеция утратила и Финляндию: ею овладел Петр с той целью, чтобы действовать отсюда на самое королевство, если Карл не согласится на уступку берегов прибалтийских. Завоевание Финляндии ознаменовано блестящими подвигами и государя и генералов его. Там находился значительный шведский корпус под начальством *Либекера*⁷⁷, которому сенат велел оборонять крепости до последней крайности. Петр искусством движений вытеснил его из области Нюландской, овладел Гельсингфорсом и Або⁷⁸. Шведский сенат, недовольный действиями Либекера, назначил вместо него генерала *Армфельда*⁷⁹, который обещал скоро очистить Финляндию. Князь Голи-

цын выбил его самого из многих укрепленных мест и загнал в Остроботнию. Здесь, при деревне Наппо, Армфельд вступил в решительную битву; Голицын поразил его наголову и рассеял весь его корпус. В то же время сам Петр одержал блестящую победу на море при Гангуте⁸⁰, взяв в плен адмирала Эреншильда со всею эскадрою. Завоевание островов Аландских было следствием этой победы. Наконец, с покорением остальной крепости, Нейшлота, шведы очистили почти всю Финляндию, оставив ее во власти русских.

Возвращение Карла не только не поправило расстроенного положения Швеции, но еще увеличило ее бедствия. Кроме трех прежних врагов, он вооружил против себя еще двух, короля прусского и курфюрста Ганноверского: с первым рассорился за Штетин, не признавая заключенного Швецией с Пруссией условия о секвестре; со вторым за шведские города Верден и Бремен, которыми курфюрст хотел овладеть, по договору с королем датским. Кроме того, Англия и Голландия решились принять участие в Северной войне, по неудовольствию на Карла, позволившего своим каперам брать нейтральные суда. Таким образом, составился против Швеции союз из 7 государств: России, Польши, Дании, Ганновера, Пруссии, Англии и Голландии. Душою союза был Петр. Он мирил союзников, споривших за добычу, посылал им войско, деньги, управлял их действиями и хотел нанести Швеции удар решительный, чтобы смирить упорного Карла, который, потеряв и Штральзунд, все еще не думал о мире. Для этой цели государь отправился в Копенгаген, убедил союзников сделать высадку в Шонию и с общего согласия принял начальство над соединенным флотом, состоявшим из 83 кораблей русских, датских, английских и голландских. Но в то самое время, когда он готовился поднять паруса и плыть к берегам Швеции, датское правительство изъявило к нему странное недоверие, вообразив, будто он хочет овладеть Копенгагеном, отказало его войскам в продовольствии, даже думало при содействии английского флота захватить русские корабли и вообще стало действовать вместе с *Георгом Ганноверским*⁸¹ и Августом Польским так неприязненно, что Петр не хотел жертвовать своею армией в пользу вероломных союзников, отказался от высадки в Шонию и, дав повеление

войскам возвратиться в Россию, перестал участвовать в северном союзе, надеясь одними собственными силами управиться с Карлом.

Раздоры врагов Швеции не могли укрыться от дальновидного министра и любимца Карла, приобретшего полное доверие его, барона *Герца*⁸². Он решил ими воспользоваться, чтобы спасти Швецию. Для этой цели составил искусный план, основанием которого было примирение Петра с Карлом. Дело казалось невозможным: ни тот, ни другой не хотел отказаться от Лифляндии, Эстляндии и Ингерманландии. Герц придумал средство согласить выгоды и с тем вместе удовлетворить честолюбие обоих государей. По совету его Карл предложил мир; Петр охотно принял предложение, и переговоры немедленно открылись на Аландских островах, между Герцем с одной стороны, Брюсом и Остерманом с другой. Они тянулись недолго: Герц заблаговременно условился с Петром в Гааге, при личном свидании, в главных основаниях мира. Карл уступал России Лифляндию, Эстляндию, Ингрию, Карелию и часть Финляндии с Выборгом. Петр обещал свергнуть Августа с польского престола, возвести вместо него Станислава, послать на помощь Швеции корпус для войны с Данией и Ганновером и содействовать ей в покорении Норвегии. Кроме того, Герц, в согласии с испанским министром, кардиналом Алберони, замышлял лишить ганноверский дом английской короны и отдать ее претенденту. Таким образом, пламя Северной войны должно было распространиться по всей Европе.

Неожиданное происшествие предупредило бурю: при осаде Фридрихсгалла, на границах Норвегии, Карл был убит в окнах выстрелом из фальконета. Герц, возбудивший против себя злобу шведских магнатов неограниченным доверием короля, был обвинен в измене и лишился головы на эшафоте. Сестра Карла *Ульрика Элеонора*⁸³, провозглашенная королевою, стала следовать иной политике, вопреки намерениям брата: с Петром, которого Карл уже считал своим союзником, она решилась воевать всеми силами; с прочими врагами, коим предшественник ее готовил месть, спешила примириться: Августа признала королем польским, оставив Станислава на произвол судьбы; курфюрсту Ганноверскому уступила Бремен и

Верден; королю прусскому Штетин и верхнюю Померанию; королю датскому Шлезвиг, лишив герцога Голштин-Готторпского родовой области. В вознаграждение этих потерь королева льстила себя надеждою возвратить при содействии английского короля земли, покоренные русским оружием.

Петр скоро доказал всю неосновательность такой надежды. Он велел адмиралу *Апраксину*³⁴ с многочисленным галерным флотом переплыть Балтийское море и опустошить восточные берега Швеции, выше и ниже Стокгольма. На глазах королевы запылали города, села, дворцы. Устрашенная Элеонора просила английского короля поспешить с защитою и отказалась от правления в пользу своего супруга, принца Гессен-Кассельского Фридриха, который вступил на престол с ограниченной властью. Георг выслал на помощь новому королю сильный флот под начальством адмирала Норриса. Этот флот появился в Финском заливе, угрожая Петербургу. Петр не боялся угроз. Приняв на себя оборону своей столицы, в случае нападения неприятелей, он послал вторично свои галеры, под начальством князя Голицына, громить Швецию. Голицын сделал более: опустошив Умео, он встретил шведскую эскадру из пяти больших военных судов при острове Гренгаме, напал на нее, разбил, овладел 4 фрегатами и с торжеством привел их в С.-Петербург, почти на глазах английского адмирала. Опасаясь за самый Стокгольм, шведское правительство отозвало Норриса из Финского залива для обороны столицы и предложило Петру мир. Он не отказывался, но, зная, что шведы хотят только выиграть время, не прекращал военных действий, и между тем как открылись переговоры в Ништадте, Голицын высылал отряд за отрядом для опустошения восточных берегов Швеции. Города и села пылали на пространстве 300 верст. Невзирая на решительное намерение Петра заключить мир на основаниях Аландского конгресса, шведские полномочные, граф Лиленстедт и генерал Стремфельд, жарко спорили с русскими, генералом Брюсом и бароном Остерманом, за Лифляндию и в особенности за Выборг. Государь не хотел изменить ни одной статьи своих требований, грозил прекратить переговоры и уже отдал повеление князю Голицыну напасть на самый Стокгольм с островов Аландских; шведы уступили. 30 августа 1721 года мир был заключен в Ништадте: Россия получила на вечные времена Лифляндию, с острова-

ми Эзелем и Даго, Эстляндию, Ингерманландию, Карелию и часть Финляндии с городом Выборгом, обязавшись уплатить Швеции за Лифляндию два миллиона ефимков.

Россия с восторгом услышала о вожделенном мире. Народ радовался прекращению войны многолетней, ознаменованной в глазах его и блестящими успехами и немаловажными тратами. Петр смотрел на договор Ништадтский как на залог грядущего величия России, как на исполнение главной мысли, постоянно его занимавшей: в Ништадте скрепилась навсегда связь России с образованным миром, открылся обширный путь ее промышленной деятельности, положен краеугольный камень решительному перевесу ее на севере. Она становилась первенствующей державою среди своих соседей, и государь ее имел полное право принять поднесенный ему сенатом и синодом титул: Великого Императора, Отца отечества.

Торжествуя вместе с народом счастливое окончание долговременной войны, Петр говорил своим сподвижникам, что никогда отечество не заключало столь выгодного мира, что тем ревностнее надобно трудиться для блага общего и в надежде на мир не должно ослабевать в воинском деле; иначе с Россией будет то же, что было с греческой империей: то есть уже в минуты торжества он задумывал новые планы к усилению государственного могущества, обращал свои взоры на восток и запад и спешил доказать тому и другому, что недаром он носит титул Императора. В одно время он принял деятельное участие в делах Персии, Голштинии и Польши.

Давно уже Петр думал о востоке в том смысле, что Россия более других держав европейских может извлечь выгоды из торговых отношений с богатыми странами Азии. В особенности ему хотелось проложить дорогу в восточную Индию. Для этой цели он неоднократно снаряжал экспедиции; из них наиболее достопамятна экспедиция князя *Бековича*⁸⁵ в 1717 году к Хивинскому и Бухарскому ханам: ему поручено было склонить того и другого к подданству России и разведать путь в восточную Индию. С отрядом из 7500 человек Бекович переплыл Каспийское море и привел в ужас хивинцев, но собственная неосторожность погубила его: с малочисленною свитою он отправился к хану

для личного свидания, был вероломно схвачен и умерщвлен; отряд его большей частью погиб. Невзирая на эту неудачу, Петр не терял надежды открыть доступ к богатствам южной Азии и воспользоваться неурядицами Персии для утверждения своего влияния на Востоке.

В Персии уже более 12 лет свирепствовало кровавое междоусобие. Шах Гуссейн, не знавший ничего, что делалось за воротами его сераля, окруженный недостойными любимцами, вооружил против себя подданных правлением столь же слабым, сколько и жестоким; более всех злобились на него афганцы, воинственное племя, обитавшее в Кандагаре. В 1709 году они восстали явно: отважный мятежник Мир-Вейс воспламенил их храбрость, обещал им свободу от ненавистного ига персидского, разбил войска шаха и привел в трепет Испагань. Гуссейн, через резидента нашего Артемия Волынского, еще в 1712 году просил помощи у российского государя: Петру в это время было не до Персии. Между тем неурядица ее увеличилась. Мир-Вейс умер, но сын его Мир-Махмуд был ужаснее самого отца. Он осадил Испагань, взял ее, заключил Гуссейна в темницу, а себя объявил шахом. Сын Гуссейна Тамасип ускользнул от рук злодея и вступил с ним в борьбу, но, чувствуя слабость своих сил, просил о защите и государя российского и султана турецкого. Петр решился подать ему руку помощи вследствие важных государственных побуждений: приверженцы Махмуда взволновали Кавказ; шайки разбойников без милосердия грабили русских купцов и в одной Шемахии убили 300 человек; выгодный для нас торг ширванским шелком совершенно прекратился. Кроме того, русский двор узнал, что султан намерен послать в персидские области войско не столько для содействия Тамасипу, сколько для утверждения своего господства между Черным и Каспийским морями: такой замысел был для нас опасен. Чтобы устранить турок от вмешательства в дела Персии, обеспечить русскую торговлю на Каспийском море и, если возможно, проложить ей путь до самой Индии, государь спешил до прихода оттоманских войск овладеть западным и южным берегом Каспийского моря.

Думая кончить дело одним решительным ударом, Петр сам отправился в поход и взял с собою 30000 лучшего войска. При первом появлении русских Тарки, столица Шах-мала, и крепкий Дербент сдались им без сопротивления.

Государь двинулся далее к Баку, откуда жители прислали к нему депутатов с приветствием и с убедительною просьбою принять их под свое покровительство. Кавказ затрепетал, услышав впервые гром русского оружия. Неожиданное обстоятельство принудило Петра возвратиться со всею армией в Астрахань: буря разметала суда, шедшие с провиантом для войска; ему предстояла опасность погибнуть с голода. Кроме того, государь убедился, что на Кавказе гораздо удобнее вести войну отдельными экспедициями, чем огромною массою сил. Вследствие того из Астрахани он послал несколько отрядов на западный берег Каспийского моря для покорения Баку и других крепостей закавказских. Между тем жители города Решта, будучи под угрозой бунтовщиков, просили у него покровительства. Государь отправил на помощь им отряд под начальством полковника Шипова и, вслед за тем усилив его другим отрядом генерала Матюшкина, невзирая на изменившееся расположение персиян, обосновался на южном берегу Каспийского моря. По возвращении государя в С.-Петербург прибыл к нему посол Тамасипа для заключения оборонительного союза: именем шаха он уступил России города Дербент, Баку, области Гилян, Мазандеран и Астрабад; Петр, со своей стороны, обязался послать корпус на помощь Тамасипу. Турция с неудовольствием смотрела на вмешательство России в дела Персии, но вскоре успокоилась, когда Петр согласился, чтобы она овладела Грузией, страню лезгинцев, тавлинцев, нижним Дагестаном и частью Ширвани. Тамасип не утвердил, однако, договора, заключенного послом его в С.-Петербурге, и русские войска, занявшие Гилян, должны были отбиваться как от его приверженцев, так и от сообщников Мир-Махмуда. Петр не хотел отказаться от господства на южном берегу Каспийского моря и, без сомнения, успел бы достигнуть своей цели, если бы судьба продлила жизнь его.

Утверждая влияние России на Востоке, император давал чувствовать свое могущество и Западу. Дальновидная политика его обнаружилась в делах Голштинии и Польши.

Герцог Голштин-Готторпский Фридрих IV, друг и сподвижник Карла XII, потеряв жизнь в сражении при Клиссове в 1702 году, оставил свое государство двухлетнему сыну Карлу Фридриху⁶, рожденному от старшей сестры

короля шведского Ядвиги Софии. Родственник юного герцога, владетельный епископ Любский, принял на себя управление Голштинией и до 1713 года вел дела неплохо, соблюдая строжайший нейтралитет во время разгоревшейся войны на севере после Полтавской битвы. Но когда Петр разбил графа Штейнбока, правитель открыл шведскому генералу убежище в Голштинии, позволив ему вступить в Тёнинген. Король датский ждал только повода рассориться с герцогом, объявил поступок правителя нарушением нейтралитета и занял Шлезвиг своими войсками. Тщетно герцог искал защиты у Карла XII после возвращения его из Турции: король не в силах был помочь племяннику, хотя любил его как сына и видел в нем своего преемника. Внезапная смерть Карла XII отняла у герцога последнюю надежду на возвращение наследственной области. Устраненный от шведского престола, принадлежавшего ему по праву как сыну старшей сестры Карла, он нашел в тетке своей Ульрике Элеоноре не покровителя, а врага: она лишила его не только Карловой короны, но и наследственной области Шлезвига, предоставив королю датскому. Герцог имел еще надежду на посредничество Венского двора, ручавшегося в ненарушимости Травендальского договора; обманувшись и в этой надежде, он обратился к великодушью Российского государя: в начале 1721 года сам прибыл в С.-Петербург с просьбою о защите, увидел здесь старшую дочь Петра Анну, красоты редкой, души еще более прекрасной, и предложил ей свою руку. Петр вступился за Карлова племянника: на конгрессе Ништадтском в числе главных условий мира он требовал, чтобы шведское правительство признало права герцога на шведскую корону и на Шлезвиг. Но так как Остерман известил государя, что нет никакой надежды достигнуть этой цели, что Элеонора, передав престол супругу своему принцу Гессен-Кассельскому, всеми мерами старается утвердить его за своим потомством и готова продолжать войну, между тем для России, вновь угрожаемой войною с Турциею, необходимо было поспешить заключением мира, то Петр не хотел более настаивать; обещал, однако, герцогу возобновить свое посредничество при первом удобном случае и сдержал свое слово: по старанию его, вскоре после Ништадтского мира, шведский сенат признал права Карла Фридриха на шведскую корону и дал ему титул королевского высочества. Вслед за тем госу-

дарь помолвил свою дочь, цесаревну Анну, с герцогом и потребовал от короля датского возвращения Шлезвига; получив же отказ, условился с шведским правительством принудить датчан к уступке силою. Война готова была вспыхнуть: России открывался путь к утверждению ее влияния на Западе. Преждевременная смерть разрушила великий план Петра.

Столь же дальновидная политика руководила Петром в делах польских. Для Польши он был то же, что Иоанн III для Казани. Как московские государи со времен Иоанна распоряжались судьбою Казанского царства, так российские императоры со времен Петра стали распоряжаться судьбою польского королевства. Оба они имели целью обуздать врагов, равно неприязненных, вредивших России неумоимо, угрожавших ей непрерывною цепью зол, и оба действовали так искусно, так хорошо понимали истинное положение дел в той и другой стране, что преемникам их оставалось только следовать их планам, для возвеличения отечества. Влияние России на судьбу Польши было неизбежно.

Уже предшественники Петра принимали участие в домашних делах Польши; впрочем, оно ограничивалось одною Западною Русью, где Москва покровительствовала православной вере, гонимой римским духовенством, и неотступно требовала возвращения русских областей, вошедших в состав Литовского княжества. В избрание королей и внутренние междоусобия московские цари почти не вмешивались, предоставляя самим полякам или, справедливее, соседним державам право назначать Польше государей. Петр имел в виду другую, высшую цель. С самого начала своего правления он убедился, что Речь Посполитая, составленная из разнородных частей, раздираемая партиями, при бессилии короля, в собственных недрах носила начала разрушения, что она не могла избавиться от влияния соседей, и что Россия, из-за тесной связи с нею, скрепленной Литовским княжеством, перед всеми державами имела право вмешиваться в польские дела для обеспечения своего спокойствия внутреннего и внешнего. Чем более узнавал он поляков, тем более убеждался в этих истинах и тем решительнее действовал. Первым шагом к утверждению могущественного влияния России на дела Польши было

восшествие курфюрста Саксонского на престол Пястов. Август был обязан короною Собеского Петру. Вторжение Карла XII в Польшу дало государю повод ввести туда свое войско и принять деятельное участие в раздорах магнатов. Он объявил себя посредником между королем и подданными, ласкал, жаловал панов, покорных Августу, строго наказывал мятежников. Посредничество его обратилось в диктаторский голос после Полтавской победы: изгнав Станислава и возвратив престол Августу, Петр поступал с ним, как некогда Иоанн III с Магмет-Аминем: судил его с подданными. Как скоро беспокойные паны составляли конфедерацию против короля, вообще не любимого народом, государь звал обе стороны к себе на суд; разбирая причины неудовольствия конфедератов, требовал объяснения от королевских послов, от самого короля и предписывал условия мира. Резидент его в Варшаве, князь Григорий Долгорукий, нередко господствовал на сеймах. Русские войска не выходили из Польши, как ни домогались удаления их магнаты, даже при содействии турок.

Петр поддерживал Августа до тех только пор, пока видел в нем исполнителя своей воли. Когда же заметил его умысел присоединиться к врагам России, государь условился с Карлом низложить его с престола, и только смерть короля шведского спасла Августа. После заключения Ништадтского мира влияние России на дела Польши усилилось. Петр объявил себя покровителем не только единоверных обитателей Литовского княжества, но и всех вообще диссидентов, то есть не исповедающих римско-католической веры. Поводом к тому было возобновленное римским духовенством гонение на всех не католиков, в особенности усилившееся с 1720 года. Последователи греко-русской веры, также протестанты, лютеране обратились к нашему двору с жалобами, с убедительными просьбами о защите. Государь вступился за них и требовал от короля объяснения. Король долго молчал в надежде замять дело, наконец вследствие настоятельного принуждения отвечал, что принесенные русскому двору просьбы несправедливы. Петр, получив между тем неоспоримые доказательства жестокого гонения православных в Литовском княжестве, предложил сейму назначить комиссаров со стороны Польши и России для разбора и удовлетворения беспрестанных жалоб. Но так как на это предложение ответа

не последовало, то он велел сказать королю, что если к известному сроку сейм не назначит комиссаров, русские войска вступят в пределы республики, и тогда горе гонителям. Война с Польшей была неизбежна; следствия можно было предвидеть: Литовское княжество, при всеобщем озлоблении русского народа на польское правительство, должноствовало присоединиться к России, в которой видело оно защитницу своих прав и религии. Смерть Петра отсрочила это долгожданное событие на полвека.

V. УСТРОЙСТВО РОССИИ ПЕТРОМ I (1709—1725)

Сколь ни блистательны победы и завоевания Петра, как ни многозначительны следствия дальновидной политики его, но истинное величие Петра не в победах, не в завоеваниях, а в мудром устройстве государства. Многие уставы его изменились вследствие иных потребностей времени; многие планы его умерли вместе с ним; при всем том ему принадлежит слава творца России. Гражданственность наша возникла из начал, установленных большей частью Петром. Ни одна отрасль ее не ускользнула от его внимания: каждой давал он направление к одной высокой цели, постоянно руководившей им, к преобразованию полуазиатской жизни нашей в жизнь европейскую, без вреда, однако, основным началам народности. Все, что благоприятствовало этой цели, Петр поддерживал, усиливал, облагораживал; все, что противоречило ей, уничтожал без пощады, заменяя старое новым. Таким образом, главные элементы нашей народности, самодержавие, православие, взаимные отношения сословий, язык, все, чем могли гордиться наши предки, что слилось с русскою жизнью, Петр хранил и усиливал, но он был враг непримиримый всему, что осталось в России после владычества монголов, что укоренилось в ней среди неустройств или под сению невежества. Рассматривая с этих двух точек внутренние учреждения Петра, укажем, какое дал он образование главнейшим условиям государственной, общественной и семейной жизни нашей.

Основное начало бытия России, даровавшее ей и крепость несокрушимую, и могущество неодолимое, самодержавие развилось при Петре в полном блеске и достигло ве-

личественного знаменования. Петр смотрел на себя как на верховного, исключительного хранителя неограниченной власти, врученной предку его Богом и Россией, и в то же время как на первого исполнителя ее законов. Как хранитель самодержавия, он властвовал над подданными единственно по внушению своего ума и своей совести, не стесняясь ничем, ни старинными льготами сословий, ни древними обычаями, ни прежними уставами: давал и отменял права по произволу; росчерком пера разрушал дело веков. Сильная воля его уничтожила сан патриарха; один указ лишил Малороссию гетмана; дворяне записывались на службу солдатами, иначе теряли свое дворянство; учились арифметике и геометрии, иначе не имели права жениться. Вообще Петр властвовал неограниченнее всех своих предшественников.

Но, возвышаясь над подданными до высоты недостижимой как законодатель, судья и правитель, Петр становился рядом с ними перед лицом России. Ей служил он как первый лучший ее подданный: требуя от других безотчетного повиновения своим законам, сам чтил их как святыню; не щадил ни стрельца, ни раскольника, ни вельможи, ни самых близких любимцев за нарушение закона: перед законом были все равны; перед ним и сам он безмолвствовал.

Яснее всего выражалось его понятие о государстве в тех случаях, когда Россия торжествовала над своими врагами. Государь, в мундире Преображенского полка, вводил войско с триумфом в столицу, являлся с рапортом к кесарю Ромодановскому, олицетворявшему Россию, и докладывал ему о победе. Кесарь хвалил Петра за службу, спрашивал, по старому обычаю, о здоровье, давал ему чин, и надобно было видеть, как радовался государь, получив, по словам его, незаслуженную милость кесаря. Но самым разительным свидетельством его самоотвержения для блага России был поступок его с царевичем *Алексеем*⁸⁷.

Алексей, старший сын Петра от первой супруги его Евдокии Федоровны из рода Лопухиных, до совершеннолетия пользовался нежною любовью и доверием родителя. Бедствие матери, сосланной в монастырь за излишнюю привязанность к старине, не имело, кажется, никакого влияния на отношения отца к сыну. Петр смотрел на Алексея как на своего преемника, и принял все меры к его вос-

питанию. Когда царевичу исполнилось 10 лет, государь начертал план учения, выбрал умных наставников, в числе которых был барон Гизен, поручил главный надзор над воспитанием князю Меншикову как лучшему исполнителю своих планов, заботился и сам о развитии умственных способностей сына: объяснял ему важность наук и искусств, брал его с собою в походы и путешествия; когда же достиг он совершеннолетия, велено было министрам, в отсутствие государя, докладывать ему о всех делах государственных — и все было тщетно: доброе семя, по словам Петра, падало на камень. Царевич имел ум и способности, сердце доброе, но, по стечению многих обстоятельств, уклонился от пути, указанного отцом, возненавидел все, чем дорожил Петр, замыслил уничтожить его величественное творение и погиб как преступник перед государем и отечеством. Первой виной его злосчастия была мать. Слепая привязанность Евдокии к старинным обычаям оставила глубокие следы в уме царевича: находясь при ней до 9 лет, он привык смотреть с невыгодной стороны на дела отцовские. После удаления царицы еще можно было дать лучшее направление его склонностям: к несчастью, развитие умственных и нравственных способностей Алексея совершилось во время трудной войны со Швецией, когда ни Петр, ни Меншиков не имели возможности наблюдать за первыми его впечатлениями. Неудачный выбор людей в свиту царевича довершил остальное: Дубровский, *Кикин*⁸⁸ и другие тайные приверженцы старины внушали ему беспрепятственно, что Петр был гонителем его матери, что все нововведения клонились ко вреду государства, что в народе господствует всеобщий ропот. Царевич не терпел ничего иноземного, ненавидел науки, проводил время в праздности или в грубых забавах со своими любимцами и с черствой душой слушал советы отцовские; впрочем, умел скрывать свои чувствования, и государь заметил дурные склонности его уже тогда, когда трудно было искоренить их. Не отчаяваясь, однако, в исправлении сына, Петр иногда угрозами старался пробудить в нем мысль о высоком назначении его, о необходимости образования, и чтобы еще более примирить царевича с выгодами просвещения, отправил его путешествовать по Германии, повелев в то же время избрать супругу из немецких принцесс. Выбор Алексея пал на дочь герцога Брауншвейг-Бланкенбургского Шарлотту

Софию, отличавшуюся умом, сердцем и красотою. Петр охотно согласился на брак, в надежде, что умная, кроткая Шарлотта образумит своего мужа. Вышло иначе: Алексей недолго жил с нею согласно; стал ее ненавидеть, огорчал непрестанно и своими поступками так раздражил Петра, что государь не хотел ни говорить с ним, ни видеть его. Наконец, когда Шарлотта, родив сына, скончалась более с тоски, чем от болезни, Петр потерял с нею последнюю надежду и, сокрушаемый горестью о преждевременной смерти любимой невестки, в день ее погребения написал сыну строгое письмо, требуя, чтобы он исправился, и угрожая в противном случае отрешением от престола*. Алексей отвечал, что он чувствует себя неспособным к правлению государством и желает постричься в монахи. Государь дал ему время одуматься, сам отправился за границу, и когда назначенный срок миновал, потребовал сына к себе, в Копенгаген, для личного объяснения. Алексей отправился в путь: но, достигнув Кенигсберга, скрылся. Долго никто не знал, что с ним случилось, пока капитан гвардии Румянцев не открыл его убежища: царевич ушел в Австрию и явился к императору немецкому с жалобами на отца, с мольбою спасти его от невольного пострижения. Император скрыл его, сперва в Тироле, потом в Неаполитанском замке Сент-Эльмо. Сильные представления нашего двора принудили Австрию отказаться от покровительства непокорному сыну. Толстой привез царевича в Москву, где Петр уже отрешил его от престола и нарядил комиссию для исследования поступков его. Как ни виновен был царевич, государь обещал ему пощаду, если он ничего не утаит и откроет всех сообщников своих. Царевич дал клятву признаться во всем и обманул раздраженного отца. Комиссия обнаружила многое, чего Алексей не хотел сказать: открылось, что он говорил дерзко о государе, желал ему смерти, грозил погубить, после кончины отца, всех приверженных ему вельмож, радовался молве о волнении войска и народа, клеветал немецкому императору и, что всего важнее, заготовил в Вене письма к сенаторам и архиереям, подстрекая тех и других к мятежу; найдено, кроме того, что преступные замыслы его были известны матери Евдокии Федоровне, тетке царевне

* Розыскное дело о царевиче Алексее Петровиче, в Московском вестнике, 1829.

Марии Алексеевне, и многим другим лицам; вообще, вопреки обещанию, он таил истину, пугался в ответах, спасал своих приверженцев. Такое упорство ужаснуло Петра. Он увидел, что сын, чуждый раскаяния, притворно отрекался от престола, питал надежду властвовать в России и грозил искоренить семена образования. Петр заглушил чувства отца перед гласом отечества и предал Алексея верховному суду, составленному из 144 лиц, в том числе из всех сенаторов и высшего духовенства. Суд, рассмотрев все дело и допросив царевича, приговорил его, как преступника против отечества, отца и государя, к смертной казни. Алексей с ужасом услышал приговор, пал без чувств и в тот же день скончался.

Злосчастное дело царевича имело важные следствия: в беспредельной заботе об участи России, опасаясь, чтобы не повторилась когда-либо подобная история, Петр объявил манифестом, что государь имеет власть назначить преемником кого ему будет угодно, по собственному благоусмотрению, не стесняясь старинным правом первородства. Это отменение основного закона нашего отечества послужило впоследствии источником многих неурядиц, пока император Павел I не определил в точности порядка престолонаследия постановлением мудрым, обеспечившим судьбу России.

Православие имело в Петре крепкого хранителя и поборника. По примеру всех предшественников своих, он заботился о благочестии народном, вменяя подданным в первую обязанность исполнение христианского долга и подвергая нарушителей его суровому наказанию. Из этого начала проистекали многие строгие указы его о благочинии и порядке. В управлении духовным ведомством произведены им значительные перемены. Из них в особенности замечательны две: учреждение Святейшего Синода и устройство церковных имуществ.

Патриархи, управлявшие церковью до времен Петра Великого, с успехом поддерживали православие, заботились о народном благочинии и с похвальным усердием служили государям. Петр не назначил преемника последнему из них, Адриану, потому что, замыслив всеобщее преобразование государства, он опасался встретить слишком сильного защитника старины в особе патриарха, которого го-

дос мог иметь невыгодное влияние на умы народные. Для устранения споров он поручил блюсти до времени патриарший престол Рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Впоследствии, когда преобразование государства окрепло, Петр восстановил права и обязанности патриарха, но вверил их не одному лицу, а собору нескольких лиц, под именем святейшего правительствующего синода. Название святейшего было символом достоинства патриаршего, и в этом смысле Синод провозглашается донныне в церковном служении везде, где упоминался патриарх. Вселенские первосвятители Константинопольский, Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский, охотно признали его своим во Христе *братом* с тою же властью, с теми же правами, какие сами имели, сообщались и совещались с ним, как прежде с патриархом Московским и всея Руси. Таким образом, с учреждением Синода единство нашей церкви с Греко-восточною не ослабело и значение российской иерархии не изменилось; между тем управление делами церкви было вообще улучшено⁹⁹. К этому много содействовали две важные меры Петра: во-первых, издание *духовного регламента*, где с величайшею точностью определены права и обязанности, круг власти и ответственность духовенства; во-вторых, назначение в Синоде *овер-прокурора* из гражданских сановников с правами и обязанностями генерал-прокурора при Сенате, для наблюдения за правильным ходом дел и за исполнением законов: по словам государя, он был царское око.

Церковные имущества получили от Петра более правильное, более сообразное с целью их устройство; после установления Синода они были изъяты из ведомства монастырского приказа и поручены управлению духовных властей, но вместе с тем при Синоде учреждено особенное ведомство под названием *камер-конторы*, составленное исключительно из гражданских лиц, со всеми правами и обязанностями камер-коллегии, для наблюдения за сбором и правильным употреблением доходов с монастырских поместьев; одни из них обращались на монастыри и духовенство, другие на училище и госпиталь. Впоследствии Петр думал даже присоединить церковные имущества к общим государственным, а духовенству назначить определенное содержание, освободив его от забот хозяйственного управления, но преждевременная кончина не дозволила ему до-

вершить этого важного дела. Мысль его была исполнена Екатериною II.

Эти перемены внушили мысль сперва Сорбоннской академии, потом английским богословам возобновить старинную попытку о соединении восточной церкви с западною. Петр не вмешивался в дела духовные; не хотел даже, по примеру Иоанна Грозного, входить в богословские споры и поручил российским святителям рассмотреть то и другое предложение. На вопросы сорбоннских учителей отвечали митрополит Стефан Яворский и архиепископ Феофан Прокопович благоразумным замечанием, что православное духовенство усердно молит Всевышнего о соединении церквей; но что столь важное дело может быть решено не Парижской академией, а Вселенским собором. О предложении же английских богословов: Синод сносился с Константинопольским патриархом, который советовал известить их, что догматы православной церкви давно уже исследованы, приняты св. отцами, утверждены вселенскими соборами, и что следовательно всякое новое мудрование будет ложь. Тем дело и кончилось.

Народные сословия искони разделялись у нас на четыре разряда: духовенство, дворянство, средний класс и низший класс. Находясь вообще в благоприятных отношениях между собою и к верховной власти, образуя одно целое, они не требовали значительного преобразования. Петр действительно не изменил основных начал, определявших права их и обязанности, но яснее указал цель, к которой каждое из них должно было стремиться, скрепил внутренний состав их, усилил их значение.

Права, обязанности, круг власти и действий духовенства с точностью изложены в духовном регламенте: духовенство имело свой суд, свою расправу, свое управление (сосредоточенное в Синоде), свои источники доходов, пользовалось важными преимуществами, между прочим свободою от податей и разных повинностей; в то же время должно было строго исполнять свои обязанности.

Дворянство до времен Петра состояло из благородных фамилий, из поместных владельцев, служивших государю и отечеству умом и оружием, в разных почетных должностях придворных, гражданских, военных, с разными званиями, от бояр до детей боярских. Оно было опорю пре-

стола и защитой государства; пользовалось многими преимуществами, присвоенными во всех странах благородному сословию, и несло важные обязанности, из которых главной была обязанность являться на защиту отечества по первому указу. Но, существуя на деле, оно не имело одного общего названия и в составе своем казалось чем-то неясным, нестройным и неопределенным. Петр даровал ему жизнь органическую. Слово дворянин, означавшее прежде известный сан между стольником и жильцом, теперь стало знаменовать каждого члена благородного сословия, приобретшего право на известные преимущества или собственными заслугами или службою предков. Табелю о рангах 1722 года разделив всех государственных сановников военных, придворных и гражданских на 14 классов, Петр установил, что в военной службе чин обер-офицера, а в гражданской 8 класс дают наследственное право дворянства, хотя бы получившие тот или другой чин происходили из простолюдинов; это же право предоставлено и тем лицам, которые могли доказать, что они были потомками благородных фамилий, служивших отечеству в почетных званиях, с которыми соединялось понятие о дворянстве.

Дворянин пользовался важными преимуществами. Как лучший член общества, он возвышался над прочими сословиями исключительным правом на разные почетные должности, был в некотором смысле помощником государю в исполнении законов, мог владеть землею и крестьянами, лично освобождался от податей и от пыток по делам судебным. Этим правам соответствовали и обязанности: от каждого дворянина Петр непременно требовал двух условий, образования и службы; хотел, чтобы русский дворянин непременно знал грамоту, арифметику, геометрию и служил отечеству с низших чинов столь же ревностно, как сам он служил. Все дворяне, достигавшие определенного возраста и еще не записанные на службу, должны были являться в Москву или С.-Петербург на *смотр* государю: он разбирал их по способностям, угадывая с первого взгляда, чем кто может быть полезен, и давал им назначение: одних записывал в солдаты, других в матросы, третьих определял к делам гражданским, четвертых посылал для науки за границу; остальных учил воинскому строю, готовя к занятию разных должностей по армии, — и горе не явившимся на

смотр государя по лености или нерадению: они теряли свои отчины. Вообще принято было за правило, что дети благородных фамилий не прежде приобретали право владеть недвижимую собственностью, как прослужив 7 лет в военной службе, или 10 в гражданской: иначе до старости они оставались *недорослями*. Нигде и никогда с именем дворянина не соединялась столь высокая идея, как в России при Петре: русский дворянин был в полном смысле благороднейший член общества, первый слуга государя и защитник отечества.

Чтобы еще более возвысить дворянское достоинство, Петр издал в 1714 году достопамятный закон, впоследствии отмененный императрицей Анной, об имении, установив, что дворянин не имеет права ни продать, ни заложить своей недвижимой собственностью и должен передавать ее одному из сыновей своих, по своему благоусмотрению, разделяя прочим деньги и движимое имущество. Целью этого закона было: во-первых, предупредить раздробление дворянских отчин, вредное, по словам Петра, как для самих дворян, впадавших в бедность, так и для государства, терявшего свои доходы; во-вторых, размножить класс людей промышленных, искусных и ученых: Петр полагал, что дети дворян, не получив ни земли, ни деревни, должны будут собственными трудами, знанием, искусством добывать пропитание и приобретать уважение общества.

Среднее сословие в России обязано бытием своим Петру. До него ни люди торговые, ни люди ремесленные не пользовались необходимой для них льготой, правом собственного суда, и по всем делам своим зависели от гражданских ведомств, часто от произвола воевод и дьяков. Со времени учреждения ратуши жители городов и посадов, занимавшиеся промыслами, получили от Петра неоцененный для них дар, право суда и расправы по своим делам, независимо от гражданских ведомств. Среднее сословие возникло одним мановением мудрого государя. Этого мало: при самом начале оно стало на почетную степень. Петр вверил ратуше сбор многих государственных доходов, например от винокурения, соляной продажи, рыбных ловель; подчинил ей иноземцев, торговавших в России, и сам решал ее доклады. Впоследствии, с учреждением коллегий, источники доходов сосредоточились в камер-коллегии; при всем том главный магистрат, заменивший ратушу, управлял де-

лами торговыми в зависимости от одного сената. Ремесленники разделены были на цехи и также имели свою расправу по делам, относящимся до их звания.

Низшее сословие достигло при Петре того состояния, к которому оно стремилось при его предшественниках. Писцовые книги при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче определили положение земледельцев, дотоле колебавшееся между укреплением к земле и свободою перехода, но не вполне решили этот вопрос, бывший источником многих неустройств, и не уничтожили различия между отчинами и поместьями. Петр укрепил крестьян окончательно введением ревизии, или подушной переписи: она уравнила казенные подати, обогатила казну, обнаружила государственные силы и вообще содействовала порядку.

Определяя отношения сословий, Петр весьма много заботился о единстве своих уставов. Он хотел, чтобы народы, подвластные его скипетру, гордились именем россиян, чтобы все они пользовались одинаковыми правами и несли одинаковые обязанности. Обстоятельства времени не дозволили ему исполнить эту мудрую мысль; по крайней мере он не упускал ее из вида, и решительные меры его к установлению в Малороссии общего порядка дел служат доказательством его заботы о слиянии всех частей империи в одну державу, устроенную по одним началам.

Государственное управление в главных чертах получило при Петре совершенно новые основания. До него все дела общие сосредоточивались в приказах, высших ведомствах, в которых председательствовали знатнейшие сановники; дела областные зависели от воевод и наместников. Ни приказы, ни воеводы не имели определенных правил, часто руководствовались произволом и не подлежали почти никакой отчетности. От того вкравлись многие злоупотребления: в судах царствовало лихоимство; народ платил много, казна получала мало; доходы, ей принадлежавшие, обогащали людей приказных. Звание воевод было так прибыльно, что многие разорившиеся вельможи просили у государя, как милости, отпустить их на воеводства хотя бы на год, для поправления своих дел. Петр с самого начала своего царствования неусыпно заботился о точном исполнении законов, о честном правосудии, о неприкосновенности казенного интереса, о без-

опасности лиц и частной собственности. Для этой цели он издавал неоднократно строгие указы, определял суровые наказания нарушителям законов, преследовал лихоимцев и вредителей государственной пользы как злодеев, учреждал разные ведомства для лучшего суда, сбора податей, для облегчения народного. Но так как многие опыты убедили его, что зло укоренилось слишком глубоко и что частные, отдельные меры не приносят желаемого успеха, то он решился преобразовать управление во всех видах его.

Основной мыслью Петра было оградить подданных от произвола исполнителей закона. Долго придумывал он средства к достижению этой цели; наблюдал ход управления во многих государствах европейских, советовался с учеными правоведами, вникал в дух русских законов; наконец, убедился, что существовавший в то время порядок управления в Швеции, будучи применен к потребностям России, может довести до предположенной им цели, и в 1716 году начал вводить *коллегиальный* порядок для всех вообще дел государственных и областных, духовных и светских, военных и гражданских. Все управление разделено было по роду дел на несколько ветвей: каждая ветвь поручена была совету, составленному из трех и более членов, имевших права и обязанности равные; старший член председательствовал в совете и предлагал дела суждению своих товарищей; дела решались единогласным приговором, в случае же разногласия большинством голосов или переносились в высшее ведомство. На этом начале в последние 10 лет своего царствования Петр образовал всю систему управления по всем отраслям его, от самых общих до самых частных.

Верховный надзор над исполнением законов, высший суд, поиск новых мер к устройству государственному, решение вопросов по части законодательной, право объявлять чины и возводить в дворянское достоинство, все общее, главное, вверено Петром Сенату, который, будучи учрежден в 1711 году для управления государством с обширною властью, на время отлучек Петра из России, в 1718 году получил окончательное оформление. Он состоял из президентов всех коллегий и других лиц, определяемых императором; генерал-прокурор давал движение делам, имея главной обязанностью наблюдать за точным исполнением законов.

Отдельные отрасли государственного управления поручены были коллегиям в собственном смысле. В них сосредоточивались все дела, относящиеся к безопасности внешней, безопасности внутренней, государственным доходам и промышленности. Внешней безопасностью заведовали коллегии иностранных дел, военные и адмиралтейская; внутренней безопасностью юстиц-коллегия, вотчинная и главный магистрат; государственными доходами и расходами камер-коллегия (доходы), штатс-контора (расходы) и ревизион-коллегия (проверка доходов с расходами); народной промышленностью коммерц-коллегия, мануфактур-коллегия и берг-коллегия. Надзор за исполнением законов во всей империи поручен обер-фискалу, которому подчинены были фискалы, находившиеся во всех городах. Генерал-рекетмейстер принимал жалобы на неправый суд и докладывал сенату или самому государю. Общий порядок производства дел определен генеральным регламентом; сверх того, каждая коллегия получила от государя особенный регламент. Все почти регламенты написаны самим Петром ясно, определенно, с удивительным знанием всех подробностей, с живейшим выражением главной мысли его — утвердить закон, правосудие и благосостояние народное.

Для лучшего порядка в областном управлении Петр еще в 1708 году разделил все государство на 8 губерний: Московскую, С.-Петербургскую, Киевскую, Смоленскую, Архангелогородскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую. Впоследствии присоединились еще четыре: Рижская, Ревельская, Нижегородская и Астраханская, и каждая из них подразделена была на свои провинции, числом вообще до 39. Губерниями управляли губернаторы и вице-губернаторы, провинциями воеводы и коменданты. Дела сосредоточивались в губернских канцеляриях, которые были не что иное как областные коллегии, состоявшие, под председательством губернатора, из нескольких членов, избираемых дворянством. Инструкции губернаторам, вице-губернаторам и воеводам служили регламентами.

Суд гражданский получил новые лучшие основания. В самом начале своего царствования Петр повелел разбирать дела судебные по свидетельству посторонних лиц; вслед за тем отменил правож, горькое воспоминание мон-

гольского ига; наконец, издал достопамятный указ о *форме суда*, имевший целью дать быстрое и вместе с тем правильное движение делам судебным. Неопределенность и запутанность законов не укрылись от проницательности Петра. Неоднократно принимал он меры к правильному своду всех вообще законов в намерении составить из них один общий кодекс, и в особенности заботился об этом в последние годы своего царствования, но не успел совершить столь великого дела, которое было бы венцом всех трудов его.

Государственные доходы в царствование Петра увеличились впятеро не столько от введения новых налогов, сколько от лучшего порядка в сборе податей и от строгого преследования вредителей государственного интереса. В 1725 году они достигали 10 186 000 рублей (тогдашних.) Главнейшие источники были: подать подушная до 4 290 000, сборы таможенные более 1 200 000, питейные более 980 000, соляные 662 000. Расход был соразмерен приходу. Петр был так распорядителен, что только в начале войны шведской прибегал к займам в Голландии; в конце же царствования без труда мог заплатить два миллиона за Лифляндию и не оставил после себя ни копейки долга. Главные статьи расхода были: содержание войска сухопутного, около 4 млн, флота до 2 млн, артиллерии 400000, гвардии 340000; коллегии иностранных дел 700000. Вообще за всеми расходами в 1725 году оставалось в казне 200000 рублей. Монетная система также была улучшена Петром: при нем стали впервые чеканить серебряные рубли и строго наблюдали за чистотою металлов.

Войско обращало на себя постоянную заботу Петра. Он думал, что государство тогда только может процветать, когда усовершенствуется ратное дело, в котором видел ручательство внешней безопасности, источник порядка, основу доблестей и образования. Оттого он высоко ценил службу военную, сам проходил все ступени ее, гордился чином полковника и установил законом, что звание офицера дает право на дворянство, что неслужащий дворянин самого знатного рода должен отдавать почтение и уступать место офицеру, и что военный чин имеет преимущество пред равным чином гражданским. Этому высокому понятию о важности военного звания

соответствовала и служба. Война была у нас всегда главным делом лучшего класса народного, дворянства. Петр оставил это правило неизменным и требовал, чтобы все дворяне без исключения являлись на поле чести. Но при Петре они служили не по-прежнему: в старину много стоило труда и хлопот собрать поместных владельцев к неизвестному сроку с их людьми, едва вооруженными; по окончании похода они рассыпались по деревням. Петр хотел, чтобы все служили так, как он сам служил; чтобы каждый знал свой долг, свое дело, и недаром носил звание русского дворянина. Вследствие такого правила он не давал своим дворянам покоя: одних записывал и определял в полки; других требовал к себе на смотр и учил воинскому строю. Каждый дворянин начинал службу свою с солдата и производился в чин по свидетельству не одного генерала, а всех офицеров того полка, в котором он состоял. Лениность, нерадение, уклончивость от службы наказывались жестоко. Зато лестная награда была уделом истинных слуг отечества: с ними делил государь все труды, и редкий замечательный подвиг оставлял без внимания: он сыпал наградами; жаловал медали, деньги, деревни, свои портреты, знаки Андреевского ордена, графские и княжеские достоинства.

Положив первое прочное начало образованию регулярного войска в 1705 году введением рекрутского набора, Петр довершил оное в 1716 году изданием Воинского устава, бессмертного памятника трудов и ума его. Этим уставом с величайшей точностью определены все начала воинского устройства, порядка и службы, и война с тех пор стала для нас искусством, требовавшим долговременной науки. Нестройное ополчение прежних времен исчезло; его заменило войско регулярное. Оно состояло из трех частей: из гвардии, армии и гарнизонов. В гвардии были два полка пехотные, Преображенский и Семеновский; в армии 50 полков пехотных и 33 конных; в гарнизонах 51 полк пехоты и 4 конницы. Число всего войска регулярного достигало 180 000 человек. Флот был создан Петром: при начале его царствования у нас не было ни одной галеры; по кончине своей он оставил России 48 линейных кораблей и около 800 мелких военных судов с 28 000 флотских чинов и служителей. Морская служба столь же ясно, как и сухопутная, была определена Морским уставом.

Промышленность народная, в особенности мануфактурная, обязана бытием своим также Петру; при нем устроились первые фабрики суконные, оружейные, парусинные, стеклянные, шпалерные и многие другие; при нем получили свое начало и горные сибирские заводы. Вообще им основано более 200 фабрик и заводов. Промышленность торговая, поддерживаемая мудрым устройством таможенной части, льготами, дарованными русскому купечеству, связью с Европою, также возникла из своего ничтожного состояния волею Петра.

Но из всех условий гражданской жизни образование народное было едва ли не главным предметом заботы Петра. В подданных своих он хотел видеть людей способных к исполнению тех обязанностей, которые требовались званием каждого из них. Дворян и духовенство он учил наукам, учредив для первых школы провинциальные, для вторых школы архиерейские; фабрикантов и заводчиков учил искусствам и ремеслам, выписывая для этой цели мастеров из заграницы, поощряя важными преимуществами усовершенствование каждой отрасли промышленной; земледельцев учил удабривать землю, пахать ее, жать хлеб, косить сено, разводить домашний скот, строить дом, плести лапти. Этого мало: он думал уже и об ученом образовании. Еще в 1716 году начертан им план *Академии наук*, заслуживший одобрение знаменитого Лейбница, а в 1725 году утвержден и устав ее. Целью учреждения академии, по плану Петра, было: во-первых, исследование ученых истин по главным отраслям знания; во-вторых, подготовка искусных наставников для отечественных школ; в третьих, создание учебных руководств. По этому плану академия должна была дать правильный ход воспитанию русского юношества. Мысль Петра исполнилась не скоро; при всем том ему осталась слава истинного виновника нашего образования.

Важнейшая заслуга его в том, что он пробудил и оживил умственные способности наши, дремавшие под бременем невежества. Ему не суждено было видеть вокруг себя ни возвышенных поэтов, ни красноречивых историков, которые прославляли бы его подвиги; даже учрежденные им училища долго не могли принести желаемых плодов, частью от того, что основание их было непрочно, частью и от того, что умы слишком загубели, но он сделал главное:

разрушил вековое поверье своего народа о превосходстве русских нравов и обыкновений перед всякими другими. Петр беспрестанно твердил своим подданным, что государства цветут только образованием, что науки и искусства составляют необходимое условие общественного и частного благоденствия и что Россия терпела в прежнее время многие бедствия не столько от силы соседей, сколько от собственного невежества. Эту мысль повторял он при всяком удобном случае со свойственным ему красноречием. Каждая новая победа на суше или на море, каждый замечательный успех в промышленности, все давало ему повод говорить, что дела идут недурно, что они пойдут еще лучше, если подданные его не ослабнут на трудном поприще образования. Так говорил он своим сподвижникам; так писал он многие свои указы, и огненные слова его оставили в умах впечатление неизгладимое.

Окрылив русский ум, Петр оживил и *русский язык*. До него русское слово развивалось медленно, сколько от недостатка идей, столько и еще более от стараний наших грамотеев не уклоняться от того образа изложения, которому следовали отцы и деды: они считали красотою слога строгое следование старинным формам, введенным за несколько веков первыми памятниками нашей словесности. Народ давно оставил эти формы обветшалые и создал свой язык, живой, выразительный; люди грамотные не хотели знать его, усердно держались старины и составили свой язык, разделявшийся на книжный и приказный. Первый употреблялся везде, где хотели блеснуть красноречием, преимущественно в духовных сочинениях; второй в деловых бумагах. И тот и другой отличался затейливостью форм, нередко неправильностью оборота, темнотою выражения. Петр писал так, как думал и говорил; пример его нашел подражателей; язык книжный стал сливаться с разговорным; русская речь оживилась. Правда, вместе с тем введены многие слова иностранные, отчасти необходимые, отчасти лишние, но это множество слов чуждых, немецких, голландских, английских, французских не могло иметь слишком вредных следствий: слова лишние исчезли сами собою, как только родилась мысль о чистоте языка; необходимые остались в нем, обрусели, и обогатили наше слово.

Наконец, смягчение народных *нравов и обычаев*, загрубевших под сенью невежества, было также предметом по-

стойной заботы Петра. Более всего он старался утвердить в обществе человечность, зная, что от успехов общежития зависят успехи ума и вкуса. Освободив для этой цели благородных жен и девиц из недоступных теремов, дав им почетное место в обществе, он с тою же целью установил, в последние годы своего царствования так называемые *ассамблеи*, или вечерние собрания. Люди состоятельные должны были в известное время принимать гостей званых и незваных, без лишних впрочем издержек; требовалось только, чтобы комнаты были освещены, чтобы хозяин и хозяйка были ласковы с гостями и угощали их одним чаем. Люди молодые танцевали; пожилые беседовали или играли в дозволенные игры. Каждый офицер штатский и военный мог приходить в дом, где была ассамблея, и веселился, как ему было угодно, не нарушая только приличия. Нередко сам государь посещал подобные собрания неожиданно и был душою всеобщего веселия. Сверх того, учреждены были гулянья в Летнем саду, куда собиралась вся лучшая публика, по барабанному бою, под опасением взыскания штрафа за неявку.

Даруя отечеству новую, лучшую жизнь во всех условиях бытия гражданского, Петр упрочил свое великое дело перенесением столицы из Москвы в С.-Петербург в 1713 году, через 10 лет после его основания: здесь все носило печать жизни европейской; отсюда новые идеи, нравы, обычаи должны были распространяться в другие города. Петербург стоил Петру и России невероятных трудов и жертвований. Основанный среди болот непроходимых, на правом берегу Невы, где были только две хижины карельских рыбаков, в краю отдаленном от средоточия России, он быстро возник волею Петра и вскоре украсился изящными зданиями в голландском вкусе; для постройки его приходили ежегодно, в течение многих лет сряду, их самых дальних областей по 40 000 работников, из которых многие погибали от трудов и болезней; несколько раз государь останавливал во всей империи производство каменных работ, высылая всех каменщиков на берега Невы; неоднократно вода затопляла весь город, и необходимо было возвышать землю насыпями; наконец, для продовольствия его надлежало прорыть каналы Вышневолоцкий и Ладожский. Все эти траты и жертвования вознаградились сторицею: Петербург был залогом и хранителем нашего образования.

VI. СПОДВИЖНИКИ ПЕТРА I

Петр имел редкий и счастливый дар находить людей способных. Уважая одни таланты, он искал их везде, угадывал, развивал, с величайшим искусством пользовался ими, осыпая избранных счастливых почестями и богатствами. В школе его образовались многие, до сих пор знаменитые мужи. Одни достопамятны как любимцы государя, вполне заслужившие его привязанность редким усердием и соединением многих способностей; другие прославились наиболее на поле ратном; третьи искусством дипломатическим; четвертые личным, высоким характером. Некоторые из них кончили свое поприще в царствование Петра; многие пережили своего государя и поддержали его великое творение. Не все они остались без упрёка перед судом потомства; но в свое время принесли больше пользы своими достоинствами, чем вреда своими слабостями и пороками.

В многочисленной толпе сподвижников Петровых два человека обращают на себя особенное внимание потомства как любимцы государя: им вверял он тайные думы свои; их удостоивал своею дружбою и отличал перед всеми другими, хотя умел отдавать справедливость каждому таланту: то были Лефорт и Меншиков.

Имя *Лефорта* неразлучно с именем Петра. Потомство привыкло верить, что этот умный, опытный женевец был истинным виновником мысли преобразовать Россию, что он пробудил в отроке-царе жажду знания, освободил его от оков невежества, указал ему цель, средства и кончил свое поприще тогда, когда питомец его, постигнув свое назначение, свои силы, не мог уже идти другою дорогою. Одним словом, думают, что без Лефорта Петр не был бы Петром. История не решает предположений и скорее может сказать, основываясь на достоверных свидетельствах, что живейшая любовь к знанию, к науке, пробудилась в Петре еще отроке, прежде, чем он узнал Лефорта. Кроме того, все великое, чем прославил себя преобразователь России, совершено им уже после смерти его любимца, умершего перед самым началом шведской войны: гений Петра развился в полном блеске собственною силой. При всем том заслуги Лефорта несомненны. Петр любил его как друга, плакал горько над трупом его и долго не мог забыть своей потери. Редкое бескорыстие, благородный ха-

рактер, веселый нрав, личная храбрость, преданность беспредельная — вот качества, которыми Лефорт заслужил любовь государя. Место его занял князь Александр Данилович Меншиков.

В молодости *Меншиков* понравился государю ловкостью, расторопностью, природным умом. Петр записал его в потешные, определил в число своих денщиков и взял с собою в Голландию, где еще более полюбил его за охоту к корабельному делу. По возвращении в отечество государь называл его не иначе как Алексашею, удостоивал полного доверия и не ошибся в выборе. Меншиков был самый ревностный исполнитель царской воли; отличался кроме того бесстрашием в битвах и вскоре явил талант искусного военачальника. На него посыпались награды: за участие в разбитии шведских кораблей при устье Невы он получил Андреевский орден, вместе с государем, в чине поручика; за победу при Калише возведен в достоинство графа Римской империи; вслед за тем пожалован чином действительного тайного советника, подполковником Преображенского полка, званием генерал-губернатора Ингерманландии и титулом светлейшего князя Ижорского; наконец, на полях полтавских государь присвоил ему чин генерал-фельдмаршала. Впоследствии он с успехом начальствовал русскими войсками в Померании, был президентом военной коллегии, первенствующим членом в сенате, принимал иноземных послов, жил с царскою пышностью и возвышался над всеми вельможами. В последние годы царствования Петра он утратил доверие государя: виной тому было ненасытное любостяжание. Получая вместе со знаками отличий обширные поместья, он не довольствовался несметными богатствами, хотел больше и больше, пускался в подряды, ко вреду казны, к подрыву частных лиц, неоднократно терпел гнев государя, был судим в Сенате, и только воспоминание прежних заслуг, еще более покровительство царицы Екатерины спасало его от опалы.

Совсем иных свойств был другой сподвижник Петра на болях брани, муж ума и совета, граф Борис Петрович *Шереметев*. Потомок древнего дворянства знаменитого дома, служившего московским государям в первоклассных чинах, со славою и честью, он возведен за победы над крымцами в достоинство боярина на 30-м году, в день коронации Иоанна и Петра; участвовал в заключении московского до-

говора, в крымских походах Голицына, в первой войне Петра с турками и после взятия Азова отправился путешествовать по южной Европе, чтобы изучить военное искусство: был в Германии, Италии и у мальтийских рыцарей. Удостоенный ими командорского креста св. Иоанна Иерусалимского, он возвратился в отечество с умом просвещенным, с новыми сведениями в воинском искусстве, с презрением к старинным предрассудкам, но с пламенной ревностью к государю и к отечеству. После битвы под Нарвою Петр поручил ему главное начальство над войсками, посланными для разорения Лифляндии. Шереметев опустошил ее вконец и первый одержал победу над шведами, разбив Шлиппенбаха при Эратсфере; за эту победу государь пожаловал его саном генерал-фельдмаршала, вслед за тем орденом св. Андрея Первозванного, наконец за усмирение Астраханского мятежа графским достоинством. Важнейшим делом Шереметева было знаменитое отступление русской армии под его начальством, по плану Петра, через Днепр, Сожь и Десну, при вторжении Карла XII в пределы России. Немало содействовал он и разгрому короля под Полтавой, где был главным предводителем, распоряжаясь впрочем всеми действиями по воле и указанию государя. В следующем году овладел Ригой. В Прутском походе он также был главнокомандующим и, вероятно, не подверг бы войска опасности, если бы Петр внял его совету и не углубился в Молдавию. В последние семь лет своей усердной службы Шереметев с успехом действовал в Польше и Померании. С талантом искусного полководца он соединял личную храбрость, благороднейший характер и беспредельную преданность государю, не запятнав ничем своей доброй славы. Ужасное разорение Лифляндии было тогда необходимою. Он умер за семь лет до кончины Петра.

Шереметев предводительствовал сухопутными войсками; вождем морских сил был граф Федор Матвеевич *Апраксин*, получивший звание адмирала после смерти предшественника его, Головина. Всегда ревностный слуга царский, неутомимый в трудах, почтенный по характеру, Апраксин оказал Петру важные услуги удачными действиями в Финляндии во время шведской войны, в 1708 году он спас едва возникший Петербург от шведского генерала Либекера, которому Карл поручил напасть на Россию с севера, между тем как сам шел на нее с запада. Апраксин дал

шведам такой отпор, что Либекер должен был остаться в бездействии. Графское достоинство было наградою за этот подвиг. В 1710 году адмирал покорил Выборг; в следующих годах, вместе с князем Голицыным, предводительствовал войсками в Финляндии и руководил боевыми операциями в Швеции, имевшими целью принудить упорное правительство к миру. Он недолго пережил своего государя, которого любил как отца.

Храбрейшим, неразлучным сподвижником Петра во всех его походах был князь Михайло Михайлович *Голицын*. Сын боярина и Курского воеводы, двенадцати лет записанный в Семеновский полк солдатом, он с юных лет ознаменовал себя редким мужеством, душою возвышенною и славными ранами. Ни одно почти достопамятное военное дело времен Петровых не обходилось без Голицына: он участвовал в обоих походах Азовских, в разгроме стрельцов при Воскресенском монастыре, в битве под Нарвою, где спас Семеновский полк от шведов, в завоевании Нотебурга, взятого генеральским подвигом его, достойным лучших времен Рима, и в покорении Канцев, Нарвы и других городов. При вторжении Карла XII в Россию Голицын одержал первую победу над шведами, на глазах короля, при селе Добром, за что награжден Андреевским орденом; вслед за тем отличился необыкновенным мужеством в битве с Левенгауптом при деревне Лесной, где сражался как лев. С тем же мужеством он бился на полях полтавских, предводительствуя гвардией; с малым отрядом первый настиг Левенгаупта при Переволочне и вместе с Меншиковым принудил его сдать; участвовал и в Прутском походе; здесь, в решительную минуту, в военном совете он подал голос: лучше погибнуть, чем положить оружие. Завоевание Финляндии было большей частью делом Голицына: он поражал шведов везде, где ни встречал, в особенности при деревне Наппо; кроме того, участвовал в Гангутском сражении, взял четыре фрегата шведских при Гренгаме, и во время Ништадтских переговоров, расположившись на островах Аландских с намерением высадить войско для разорения Стокгольма, навел такой ужас на шведский сенат, что Фридрих I спешил согласиться на все пожертвования, каких требовал Петр. Голицын не участвовал в одном Персидском походе. Он славился умом образованным, любил

науки и основал Харьковский коллегийум, укрепив за ним, для содержания, значительное поместье.

Старший брат его, *Дмитрий Михайлович*, занимался более делами гражданскими; имел обширный ум, дар слова, но душу коварную, честолюбивую и не терпел новых обычаев. Впрочем, покровительствовал просвещению: памятником его любознательности было драгоценное собрание книг и рукописей, большею частью исторических, находившееся в подмосковном селе его, Архангельском.

С тою же ревностью, хотя не с такими блестящими талантами, служили Петру граф Головин, князь *Репнин*, князь *Григорий* и *Василий Долгорукие*, *Батурлин*, *Крюйс*, *Брюс* и многие другие⁹⁰.

Из дипломатов, образовавшихся под его руководством, замечательны: граф *Головкин*⁹¹, неразлучный спутник Петра во всех его походах; он заведовал всеми отношениями с чужестранными дворами в звании государственного канцлера. Барон *Шафиров* оказал важные услуги России, заключив договор при Пруте и удержав потом Турцию от нового разрыва; в последние годы царствования Петра он впал в немилость и лишен всех чинов за дерзкие поступки в Сенате. Барон *Остерман*⁹² был дипломат в полном смысле: умный, образованный, в высшей степени хитрый и уклончивый, он был душою Аландского и Ништадтского конгрессов; еще более прославился в царствование преемников Петра. Граф *Ягужинский*⁹³ был также дипломат искусный, умевший приобрести полное доверие государя; сверх того, он исполнял важную должность генерал-прокурора.

Наконец, к числу достопамятных лиц времен Петра Великого принадлежат: князь Федор Юрьевич Ромодановский, князь Яков Федорович Долгорукий, митрополит Рязанский Стефан Яворский и архиепископ Новгородский, первенствующий член Синода, *Феофан Прокопович*⁹⁴. Ромодановский начальствовал Пресображенским приказом, где, до учреждения сената, были судимы государственные преступники; славился точным исполнением царской воли и возвышался над всеми вельможами званием кесаря. Долгорукий обессмертил свое имя не столько делами, сколько высоким характером и редкой твердостью духа: он служил Петру уже в преклонных летах, любил его со всем жаром верноподданного, понимавшего все вели-

чие его, но не хотел быть льстецом, говорил и действовал с неуклонным прямотушием, грудью стоял за истину: часто резким прекословием раздражал государя и тем более заслуживал его уважение, что при внимательном исследовании дела справедливость была на стороне Долгорукого. *Стефан Яворский*, блюститель патриаршего престола, муж ума высокого, ревностный к вере и к государю, содействовал ему в устройстве духовного ведомства. *Феофан Прокопович* славился как искусный проповедник и красноречивый писатель своего времени.

ГЛАВА II

ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ДО ЕКАТЕРИНЫ II

I. ЕКАТЕРИНА I (1725—1727)

После смерти Петра Великого остались две вдовствующие царицы: *Екатерина Алексеевна*¹, коронованная императрицей в 1724 году, и *Евдокия Федоровна*, постриженная в инокини под именем Елены в 1698 году; три дочери Петра, цесаревны: Анна, невеста Голштинского герцога; Елизавета, бывшая впоследствии императрицей, и *Наталья*, умершая через два месяца после смерти отца; один внук, десятилетний сын царевича Алексея, *Петр*; три племянницы, дочери царя Иоанна Алексеевича: *Екатерина*, супруга Мекленбургского герцога Карла Леопольда, *Анна*, вдовствующая герцогиня Курляндская, и *Прасковия*; две внучки *Наталья*, дочь царевича Алексея, и *Анна*, дочь герцогини Мекленбургской Екатерины.

Петр, отменив древний порядок престолонаследия, основанный на праве первородства в прямой нисходящей линии по мужскому колену, манифестом 1722 года объявил, что царствующий государь имеет власть передать престол, кому он заблагорассудит; но себе преемника не успел назначить: он не хотел так рано кончить свою жизнь, думал одолеть самую смерть, и когда решился объявить свою волю о наследнике, не мог уже произнести ни одного слова: смерть сковала ему язык. С ужасною вестью о приближающейся кончине Петра столица узнала и другую весть, не менее ужасную, что Россия остается без государя. По справедливости надлежало бы обратиться к древнему закону и

вручить скипетр внуку императора, десятилетнему царевичу Петру Алексеевичу как единственной отрасли дома Романовых в мужском колене. В самом деле, когда не осталось никакой надежды на спасение умирающего государя, многие вельможи, Голицыны, Долгорукие, Трубецкие, Апраксины, Головкины, Нарышкины, Салтыковы согласились провозгласить императором юного царевича: одни по убеждению в правах его, другие с мыслью господствовать во время его малолетства, третьи в надежде восстановить старые обычаи. Между тем образовалась другая, сильнейшая партия, желавшая возвести на престол вдовствующую императрицу. Эта партия далеко превосходила первую и числом приверженцев и деятельностью главных руководителей: Екатерина имела на своей стороне всех иностранных генералов и офицеров, находившихся на русской службе, гвардию, флот: Синод также ей благоприятствовал, следуя убеждению архиепископа Феофана Прокоповича. Главными, наиболее деятельными приверженцами ее были князь Меншиков и Голштинский, министр граф Бассевиц. Первый мог потерять все, в случае воцарения внука Петрова, и мог еще более возвыситься под державою Екатерины: он готов был прибегнуть к самым решительным мерам, со свойственной ему смелостью и быстротой. Вторым также надеялся на многое от Екатерины для своего герцога, в споре его с Данией, и опасался проиграть дело, если бы на престол вступил Петр. Бассевиц был человек хитрый, искусный в интригах и предприимчивый; он составил план действия; подстегнул честолюбие Меншикова, который окружил дворец гвардией, почти силою отвлек императрицу от умирающего Петра, ввел ее в залу, где собрались главнейшие сановники для совещания, и прежде чем они успели на что-либо решиться, по данному им знаку раздались восклицания гвардии: «Да здравствует Екатерина!» К этому присоединилось свидетельство архиепископа Феофана Прокоповича, что Петр короновал свою супругу именно с намерением оставить ей престол.

Екатерина родилась в самом бедном семействе, в Курляндском городе Якобштат; осиротев в младенчестве, она долго знакома была с одним горем, пока не сжалился над нею лютеранский пастор из Мариенбурга Глик: он взял ее, беззащитную сироту, к себе в дом и воспитывал вместе со своими дочерьми. При осаде Мариенбурга русскими вой-

сками (1702), когда комендант решился взорвать крепость на воздух, чтобы погибнуть под ее развалинами со всеми жителями, Глик, узнав об этом намерении, вышел из города заблаговременно, с семейством своим и, окруженный множеством женщин и детей, со славянской библией в руках, явился к фельдмаршалу Шереметеву, моля о пощаде и предлагая свои услуги к переводу немецких книг на русский язык. Шереметев принял его благосклонно и отправил в Москву: а пятнадцатилетней Екатерине дал убежище в своем доме; отсюда она поступила в дом Меншикова. Здесь увидел ее Петр, пленился ее красотой, веселым нравом, кротким характером, природным умом и в 1707 году сочетался с ней браком, объявленным впоследствии через четыре года. Екатерина была неразлучной спутницей государя во всех его походах; с редкой твердостью переносила труды невероятные и, что всего труднее, умела смягчать пылкий, часто неукротимый характер своего супруга. От полноты или, справедливее, от избытка сил умственных и душевных, после внезапного волнения, Петр нередко страдал тяжелой болезнью души: запирался в кабинете, не хотел никого видеть, по нескольку дней ни ел, ни пил, тосковал и кипел гневом. В такие минуты горе тому, кто решался утешать его. Но достаточно было услышать ему очаровательный голос Екатерины, чтобы прийти в себя и успокоиться. Незабвенную услугу оказала она государю и отечеству на берегах Прута: счастливая мысль ее предложить туркам мир спасла и Петра и его войско от вероятной гибели. В память этого подвига, по возвращении из турецкого похода, государь учредил, во имя ее, орден *Освобождения* св. великомученицы Екатерины; а в 1724 году короновал ее императрицею за мужественные труды на службу отечества и, если верить преданию, уже тогда предназначил ей престол. В дела государственные при жизни Петра она не вмешивалась, не имея к тому ни склонности, ни возможности, ни предварительного образования. Она была только заступницей несчастных: многих знатных особ, впадавших в немилость, в том числе и Меншикова, нередко спасало ее ходатайство перед грозным монархом.

Кратковременное, двухлетнее царствование ее было в некотором смысле продолжением царствования Петра Великого: чуждая науки и опытности, более склонная к семейной жизни, чем к управлению обширнейшей держа-

вой, где требовалось много ума и искусства для слияния старого с новым, Екатерина понимала все величие дел Петровых, благоговела к его подвигам, смотрела на его планы как на завет священный и заботилась только о том, чтобы не разрушить его творения. С этой целью она окружила себя главными сподвижниками покойного императора, лучше других понимавшими его намерения, советовалась с ними о всех делах важных и для лучшего порядка образовала из них высшее государственное ведомство, верховный тайный совет. Он состоял из шести членов, под председательством самой императрицы, из генерал-фельдмаршала князя Меншикова, генерал-адмирала графа Апраксина, канцлера графа Головкина, вице-канцлера барона Остермана, князя Д. Голицына и графа Толстого. Все дела, требовавшие императорского утверждения, рассматривались в верховном совете и решались большинством голосом. Указы его были исполняемы Сенатом, Синодом и коллегиями как царские указы. Правда, совет должен был часто уступать необузданной воле Меншикова, который, пользуясь неограниченным доверием императрицы, достиг той степени высоты и силы, на которой некогда стоял Годунов при царе Федоре Иоанновиче, но самовластие Меншикова, тягостное для его сослуживцев, отчасти убыточное и для казны, не вредило государству в общем составе его: Екатерина хотела непременно следовать политике Петра, сама вникала во все дела важные, и могущественный временщик должен был исполнять волю государыни.

Таким образом, руководимая и собственным здравым умом, и дарованиями учеников бессмертного преобразователя России, она с успехом поддерживала его творение, не вводя ничего нового, довершала его планы и, кротостью мер успокаивая умы, примиряла самых упорных приверженцев старой жизни с новой. Спор с Данией за Шлезвиг, защита диссидентов в Польше и утверждение русского господства за Кавказом, главные предметы внешней политики Петра в последние годы его царствования, обратили на себя заботливое внимание и Екатерины.

Герцог Голштинский Карл Фридрих, обрученный при жизни Петра со старшей дочерью его, Анной Петровной, сочетался с нею браком через четыре месяца после кончины государя. Вслед за тем императрица возобновила на-

стоятельное требование о возвращении Шлезвига ее зятю и приказала вооружить сильный флот, получив неудовлетворительный ответ от короля датского². Всеобщая война угрожала Европе: с северным вопросом о правах герцога Голштинского на Шлезвиг соединялся южный вопрос о правах Испании на Гибралтар, о торговле Австрийских Нидерландов с восточной Индией, о назначении Марии-Терезии наследницей Карла VI; из этого вопроса, после многих споров, образовались два союза, разделившие всю Европу на две неприязненные половины, Венский и Ганноверский. Главою первого был немецкий император: с ним соединились короли испанский, прусский и многие владетели германские; главою второго был король английский: сторону его держали короли французский, датский, шведский и голландские штаты. Император немецкий, понимая силу России, обратился к С.-Петербургскому кабинету с просьбой оказать ему помощь в случае войны, казавшейся неизбежной, и обещал императрице содействовать возвращению Шлезвига ее зятю, основываясь на праве поручителя в исполнении Травендальского договора. Екатерина тем охотнее приняла этот вызов, что Карл VI имел усердного ходатая в князе Меншикове: недовольный высшей почестью, до которой только может достигнуть подданный, он желал возвести свое потомство на императорский престол посредством бракосочетания великого князя Петра Алексеевича с одной из дочерей своих. Для убеждения государыни на этот брак он искал сильного заступника и нашел его в цесаре: Карл VI, заботясь единственно об утверждении своей прагматической санкции, взялся склонить императрицу к исполнению желания Меншикова в надежде привлечь Россию на свою сторону, и не обманулся. Побуждаемая советами честолюбивого временщика и еще более выгодами своего зятя, Екатерина приступила к Венскому союзу, дав обещание послать императору на помощь, в случае войны, до 30000 войска; император же обязался поддерживать права Голштинского герцога на Шлезвиг. Король прусский тоже. Россия вооружилась. Между тем английский король Георг II выслал в Балтийское море сильный флот под начальством адмирала Вагера, который, соединившись с датским, расположился в виду Ревеля, чтобы запретить русскую эскадру, готовую отплыть с десантными войсками к Копенгаге-

ну. Неприязненный поступок Англии тем более раздражил императрицу, что Лондонский кабинет в то же время прислал оскорбительную ноту с изъявлением своего неудовольствия на вооружение России. С.-Петербургский кабинет отвечал на эту ноту с благородной гордостью, усиливал свои меры, и война готова была вспыхнуть. Смерть императрицы предупредила всеобщий разрыв. Дела приняли другой оборот. Герцог лишился покровительства России; немецкий император, также утратив надежду на ее содействие, счел за лучшее кончить свои неудовольствия миролюбивым образом. Выиграл один Меншиков: духовным завещанием императрица назначила дочь его Марию Александровну невестою великого князя.

Дела польские были другим важным предметом политики нашего двора. Гонения на диссидентов в Польше продолжались по-прежнему; в особенности много пострадали последователи православного вероисповедания в Белоруссии. Умоляя императрицу о защите, они присылали к ней жалобу за жалобой на тягостные притеснения. Екатерина вступилась за них и неоднократно обращалась к Августу II с требованием оставить всех вообще диссидентов в покое. Польское правительство, по обыкновению, оправдывалось; между тем гонение не прекращалось. Следствием такой политики была очевидная холодность между обоими дворами, которая едва не обратилась в разрыв за Курляндию.

Последний потомок Готгарда Кетлера, Фердинанд, достиг глубокой старости. С кончиной его должен был угаснуть владетельный дом Кетлера. Август II сначала обнаружил намерение присоединить Курляндию к Речи Посполитой, в виде лена, и разделить ее на воеводства; но так как российское правительство объявило, что он не имеет на это права, то король вздумал возвести на герцогский престол сына своего графа Морица Саксонского. В самом деле, по старанию его курляндские чины избрали Морица еще при жизни Фердинанда и предложили ему вступить в брак с *Анной Иоанновной*, вдовствующей герцогиней Курляндской¹, которая со своей стороны была согласна и ждала только дозволения императрицы. Екатерина думала иначе: она готовила корону герцога князю Меншикову, без сомнения, вследствие желания его, и спешила уничтожить

избрание Морица; для этой цели самого князя отправила к Анне Иоанновне с убеждением не соглашаться на брак, а графа Ягужинского в Польшу с настоятельным требованием, чтобы сейм не вмешивался в дела курляндские. И тот и другой исполнили волю государыни, действуя с искусством и решительностью, к неудовольствию Августа и самой герцогини, которая жаловалась даже на самовластие Меншикова, без дальних впрочем последствий. Мориц был удален, и хотя Меншиков, как иноверец, не успел получить Кетлеровой короны, о чем он хлопотал, но главный шаг был сделан: теперь Россия стала назначать герцогов Курляндии.

На востоке дела шли столь же успешно. Генералы Матюшкин и Лавашев, подкрепленные новыми войсками, распространили русское господство по всему западному берегу Каспийского моря, оставалось только утвердить его за Россией договорами с Персией и Турцией. Для этой цели Екатерина назначила главнокомандующим на Кавказе князя В. В. Долгорукого, одного из лучших генералов Петрова времени. Он удачно повел дела, Турция согласилась на уступку России Ширванской области; шах персидский со своей стороны изъявлял желание подтвердить трактат, заключенный послом его в С.-Петербурге при Петре Великом. Вообще в царствование Екатерины Россия не утратила прежнего веса в отношении к прочим державам; даже Турция смотрела на нее с почтением благодаря искусству посланника нашего *Неплюева*⁴.

Внутреннее положение государства равным образом не изменилось, оставаясь в том же виде, в каком оно находилось в конце жизни Петра. Правда, не было уже той неутомимой деятельности, той гениальной изобретательности, которая требовала от всех сословий постоянного напряжения сил, тревожила, оживляла умы и подготавливала их к плодотворному развитию, живейшее стремление к лучшему, к непрерывному преобразованию, не дававшее покоя ни Петру, ни подданным его, прекратилось вместе с его жизнью, при всем том Екатерина с благоговением смотрела на величественный памятник трудов своего предшественника, старалась довершить его планы, и в этом смысле царствование ее могло еще казаться продолжением Петрова: по крайней мере, установленный им порядок в главных чертах не изменялся.

Из внутренних действий Екатерины, по замыслам Петра, наиболее замечательны подробное объяснение закона о наследстве частного недвижимого имущества; меры к скорейшему окончанию начатого при Петре свода законов; учреждение комиссий под председательством Остермана для нахождения средств к успешнейшему ходу внутренней торговли (плодом ее был достопамятный вексельный устав, изданный при Петре II); преобразование камер-конторы, для управления монастырскими поместьями, в коллегию экономии, с зависимостью по делам духовным от Синода, по делам гражданским от Сената; искусные меры к устранению малороссийских казаков от избрания гетмана; подтвердительные указы об отправлении детей дворянских и купеческих за границу для науки, камчатская экспедиция капитана Беринга для исследования вопроса о соединении Америки с Азией, наконец открытие академии наук в С.-Петербурге 27 декабря 1725 года под председательством первого президента ее, лейб-медика Блюментроста.

Но важнейшим деянием Екатерины, достопамятным и по началу, которое служило ему источником, и по влиянию на судьбу государства, было распоряжение ее о престолонаследии. По закону Петра, она имела право назначить себе преемником кого ей было угодно: надлежало ожидать, что выбор ее падет на старшую дочь, герцогиню Анну Петровну, отличавшуюся умом редким, образованным, душой возвышенной, всеми свойствами мудрой государыни. Но Екатерина хотела быть великодушной и справедливой: по старинному закону престол принадлежал сыну царевича Алексея *Петру*⁵, как единственной отрасли дома Романовых в мужском колене. Императрица, постигая всю важность права, освященного веками, признанного всеми народами, и в то же время убеждаясь в необходимости твердого, определенного порядка престолонаследия как главнейшего залога тишины государственной завещанием на смертном одре установила, что ей наследует великий князь Петр Алексеевич; по пресечении же дома его вступает на престол поколение старшей ее дочери, Анны Петровны, после него дом Елизаветы Петровны, с тем, однако, чтобы мужское колено имело преимущество перед женским и чтобы государь России был непременно православного вероисповедания. Столь мудрое распоряжение,

согласное с древним русским обычаем, придав большую определенность закону Петра, должно было обеспечить судьбу отечества, и Екатерина скончалась спокойно, на 43-м году своей жизни.

II. ПЕТР II (1727—1730)

Назначив преемником себе двенадцатилетнего внука, Екатерина вверила управление государством, до совершеннолетия императора, верховному совету, который должен был всегда состоять из девяти особ, иметь полную власть самодержавного государя, кроме отмены закона о престолонаследии, и решать все дела большинством голосов. Юный император мог присутствовать в Совете, с тем, однако, чтобы впоследствии, после окончания опеки, он ни от кого не требовал отчета в управлении. Опекунскими и правителями были назначены: герцогиня Голштинская Анна Петровна, супруг ее Карл Фридрих, цесаревна Елизавета Петровна и шесть членов учрежденного в 1726 году верховного тайного совета. Воспитание юного императора Екатерина поручила мужу знаменитому умом и образованием, вице-канцлеру Остерману, который составил для него превосходный план ученья. Петр обнаруживал прекрасные свойства ума и души: характер твердый, волю решительную. Россия ожидала от него много доброго. Надежда ее не исполнилась: он царствовал недолго, менее трех лет, не успел развить своих талантов и был только орудием сильных временщиков, Меншикова и Долгоруких, равно честолюбивых и своекорыстных.

Уже при Екатерине Меншиков хотел господствовать безотчетно; благоразумная императрица удерживала его в порывах самовластия и нередко напоминала ему обязанности подданного; теперь, когда скипетр был в руках отрока, он не знал меры своему честолюбию и думал только о возведении свосго дома на престол императорский. Важное обстоятельство благоприятствовало столь дерзкому замыслу, вследствие интриг его, по убеждению Венского двора, Екатерина духовным завещанием назначила дочь его Марию Александровну невестою Петру и поручила опеке заботиться о браке. Считая дело конченным, как будущий тесть императора, он присвоил кормило правления: требо-

вал безусловной покорности, давал повеления верховному совету, распоряжался казной и делами, судил и рядил как хотел. Члены Совета перед ним безмолвствовали, или, в случае прекословия, слышали оскорбительные упреки, даже угрозы. Герцогиня Голштинская Анна Петровна, огорченная самовольными поступками князя и не видя возможности смирить его, удалилась из России вместе с супругом в Голштинию. Сам император находился под строгим надзором будущего тестя, жил в его доме, скучал и, вопреки желанию, должен был обручиться с назначенною ему невестой. День обручения ознаменован был ужасною опалой: Меншиков излил злобу на зятя своего генерал-полицмейстера Девиера, на члена Верховного совета Толстого, на генерала Бутурлина и других сановников: обвиняемые в намерении отклонить Екатерину от согласия на брак великого князя с княжною Меншиковой, они были наказаны как государственные преступники: Девиер кнутом и ссылкой; прочие лишением чинов и деревень. В числе опальных был и молодой князь *Иван Алексеевич Долгорукий*⁶, которого Петр любил как друга. Слезы императора едва возвратили его ко двору.

Меншиков заботился только о выгодах своего семейства; кормилом государства правил неискусно. Четырехмесячное самовластие его разрушило многие планы Петра: вопреки мудрому намерению дальновидного монарха, он восстановил гетманщину, освободил казаков от зависимости Сената, вверил управление ими иностранной коллегии, даже дела духовные, касающиеся Малороссии, передал в ее ведение. Другим, не менее важным нарушением Петровой системы было уничтожение главного магистрата, в котором мудрый преобразователь России видел надежнейшую опору промышленного сословия: кроме того, некоторым архиепископам, например Ростовскому, дозволено пользоваться, также вопреки законам Петра, всеми доходами епархии без всякого отчета, о довершении великих планов покойного государя он не думал, даже многие старался разрушить, запретив между прочим продолжать работы по Ладожскому каналу, почти законченному деятельностью Миниха.

К счастью для России, Меншиков самовластвовал недолго: его низвергли другие честолюбцы, князья Долгорукие. Один из них, князь Иван Алексеевич, почти ровесник

императора, вместе с ним воспитанный и нежно им любимый, юноша ловкий, пылкий, умный, ненавидел временщика как врага своего дома, передавал государю всеобщие жалобы двора и народа, уверял, что Меншиков думает овладеть престолом и что одно слово императорское уничтожит его замысел, пока есть еще время. Петр решился, ждал только случая к разрыву. Повод найти было нетрудно: почти в одно время Меншиков удержал у себя 9000 червонных, назначенных в подарок великой княжне Наталье Алексеевне, запретил главному казначею отпускать деньги без своего повеления, даже по указам Верховного совета, и при освящении церкви в Ораниенбауме стал на приготовленном для императора месте. Такие поступки убедили Петра в справедливости опасений Долгорукого: он дал приказ генерал-полицмейстеру Салтыкову арестовать Меншикова, вслед за тем лишил его всех чинов и удалил в Ранненбург⁷ (Рязанской губернии), оставив однако при нем все его имение, в котором находилось до 100000 крестьян. Непримиримые враги хотели довершить удар и убедили императора нарядить суд. Обвиняемый в несчастьи царевича Алексея Петровича, в тайной переписке со шведским сенатом во время болезни Екатерины, в присвоении значительной суммы, принадлежавшей герцогу Голштинскому, в незаконном самовластии и других преступлениях, Меншиков лишен был всего и сослан с семейством в Сибирь, где провел остаток дней своих на берегах Оби, в городе Березове. Он перенес несчастье с редкой твердостью духа, утешал семейство, соорудил собственными трудами церковь, но не мог пережить любимой дочери своей Марии Александровны и умер вскоре после нее, незадолго до кончины Петра.

После удаления Меншикова император изъявил Верховному тайному совету решительное намерение управлять государством, дав повеление не исполнять ни одного указа без собственноручной его подписи. В самом деле, невзирая на свою юность, он начал ежедневно присутствовать в Совете. Но это продолжалось недолго, с одной стороны, тягость царственных забот была еще не по силам его, и Совет вскоре получил новое приказание решать дела прежним порядком, с другой стороны, князья Долгорукие, окружившие престол, не хотели или не могли поддержать его благое намерение. Главный из них, любимец императора, князь Иван Алексеевич, не достиг еще юношеского

возраста, искал одних увеселений и не имел понятия о делах. Отец его был столь ограниченного ума, что завидовал счастьем сына и старался повредить ему в мнении государя. Двоюродный дядя Ивана Алексеевича князь Василий Лукич славился умом и образованием, но готов был жертвовать всем для личных выгод. Князь Василий Владимирович, назначенный при Екатерине главнокомандующим в Персии и после падения Меншикова призванный ко двору, был искусный дипломат, храбрый генерал, усердный к престолу, но не имел значительного влияния.

Отстранив и Остермана, и Голицыных, и Апраксиных от Петра, Долгорукие стремились к той же цели, которую имел в виду Меншиков, искали чинов, знаков отличий, богатства, для себя и для родни. Пятнадцатилетний временщик украшен был Андреевской и Александровской лентами, со званием обер-камергера, отец его пожалован в высший чин и также кавалером обоих орденов, Василий Лукич занял место в Верховном совете, Василий Владимирович возведен в достоинство генерал-фельдмаршала. Казной они распоряжались как хотели. Но главной заботой их было породниться с императорским домом. В этом они также едва не преуспели. Петр пленился красотой княжны Екатерины Алексеевны, сестры своего любимца, и предложил ей руку. Ждали только совершеннолетия императора для бракосочетания. Между тем своекорыстные временщики не берегли ни государства, ни государя.

Из-за слепой ненависти к иноземцам они смотрели с невыгодной стороны на великое творение Петра, оставили все планы его без внимания, даже действовали вопреки его системе, убедив императора покинуть С.-Петербург и переселиться в Москву. Столь же легкомысленно они поступали и с государем: внушили ему страсть к охоте и по целым неделям скакали с ним по окрестностям Москвы, отвлекая от дел, не щадя его здоровья. Гофмейстер Петра Остерман видел его редко, тщетно старался образумить временщиков и опасался за жизнь своего питомца. Опасения его сбылись, в 1729 году в Москве свирепствовала смертельная оспа, уже унесшая жизнь сестры государя, Натальи Алексеевны; Долгорукие строго запретили являться во дворец из домов, зараженных болезнью, но сами так были неосторожны, что один из них, князь Сергей Григорьевич, у которого дети были в оспе, ежедневно посещал

государя. Петр заболел, впрочем неопасно, но еще не совсем оправясь, поехал зимою кататься со своею невестой, слег снова и уже не встал. Он скончался 18 января 1730 года, 14 лет, на руках Остермана, к общей горести всех подданных, благословлявших его память за многие поступки.

III. АННА ИОАННОВНА* (1730—1740)

Смертью Петра II пресеклось мужское колено дома Романовых. Женская линия разделялась на две династии: к первой, старшей, принадлежали дочери царя Иоанна Алексеевича: *Екатерина Иоанновна*, герцогиня Мекленбургская, с дочерью *Анною Леопольдовною*; *Анна Иоанновна*, герцогиня Курляндская, и *Прасковья Иоанновна*; ко второй, младшей: дочь Петра Великого *Елизавета Петровна* и внук его *Карл Петр Ульрих*, сын герцогини Голштинской Анны Петровны, умершей в 1728 году.

Право на престол, по завещанию Екатерины I, принадлежало потомству старшей дочери ее, в лице Карла Петра Ульриха. Он был еще в колыбели и находился с отцом своим в Голштинии. Ни малолетство, ни отдаленность не лишали его права. Верховный совет рассуждал иначе. Составленный большею частью из людей властолюбивых, привыкших господствовать, он дерзнул воспользоваться малолетством законного наследника, чтобы захватить власть в свои руки и самодержавие заменить олигархией. После смерти Петра II совет состоял из 8 членов: канцлера графа Головкина, вице-канцлера барона Остермана, двух князей Голицыных (Дмитрия Михайловича и Михаила Михайловича), и четырех князей Долгоруких (Василия Лукича, Василия Владимировича, Михаила Владимировича и Алексея Григорьевича). Главными виновниками замышляемой перемены были князь *Дмитрий Голицын** и князь Василий Лукич Долгорукий. Немедленно по кончине императора они предложили ограничить власть самодержавную, подчинив ее Верховному совету, и льстивыми доводами склонили на свою сторону товарищей, кроме Остермана, который не принимал никакого участия в совещании, ска-

* Феофан Прокопович. История о воцарении на престол Анны Иоанновны. СПб. 1837.

завшись больным. Головкин и фельдмаршал Голицын также весьма неохотно согласились на предложенную меру. Положено было: возвести на престол такую особу, которая обязалась бы управлять государством под влиянием Верховного совета, с тем, чтобы без разрешения его не объявлять войны, не заключать мира, не вводить новых налогов, никого не награждать, не наказывать и не избирать преемника. Оставалось найти лицо, которое с такими условиями захотело бы царствовать. Князь Алексей Григорьевич Долгорукий предлагал свою дочь, невесту покойного императора, основывая право ее на престол на подложном завещании, которое составил он вместе с сыном от имени Петра. Старания его были тщетны. Некоторые говорили в пользу царицы-инокини Евдокии Феодоровны, это предложение также было отвергнуто. Наконец решились возвести на престол вдовствовавшую герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну, миновав старшую сестру ее Екатерину, из опасения самовластия герцога Мекленбургского, и в надежде, что Анна, восходя на престол сверх всякого чаяния, согласится на все. Ей предложено было, кроме вышеозначенных условий, еще одно: не вступать в брак без согласия Совета.

Для исполнения преступного замысла Совет прибегнул к мерам столь же незаконным: хотел обмануть и Анну, и Россию. Герцогине сказали, что условия составлены по требованию всего народа; народу объявили, что сама государыня так хочет царствовать. Когда по предложению Совета знатнейшие чины духовные, гражданские и военные согласились на избрание герцогини Курляндской, не помышляя ни о каких условиях и думая, что ее возводят на престол как старшую отрасль дома Романовых, князь Василий Лукич Долгорукий немедленно отправился в Митаву, в звании депутата от Верховного совета, с двумя единомышленниками, сенатором Голицыным и генералом Леонтьевым под именем депутатов от Сената и дворянства. Явившись к герцогине, он предложил ей корону и условия от лица будто бы всей России. Анна между тем, до прибытия депутатов, узнала тайно от генерал-прокурора Ягужинского и камергера Левенвольда, что в коварном замысле ни Сенат, ни духовенство, ни дворянство не принимают никакого участия. В надежде без труда уничтожить заговор она подписала акт и по требованию Долгорукого известила ма-

нифестом о своем согласии править государством по указанию Верховного совета⁹.

Этот манифест изумил всю Россию. Дворянство роптало явно на столь неслыханную новость. Всеобщий ропот обратился в живейшее негодование, когда Головкин и Остерман объяснили загадку, дав знать, что ограничение самодержавия было делом только шести человек, Голицыных и Долгоруких. На них стали смотреть как на врагов отечества; говорили, что государству грозят шесть атаманов, что они рассорятся друг с другом, растерзают Россию бранями междоусобными и упьются ее кровью. Синод не хотел слышать о новом образе правления и предписал в службе церковной провозглашать императрицу самодержицею. Сенат, гвардия, дворянство ожидали только прибытия государыни, чтобы возвратить ей все права предков.

Тщетно Верховный совет старался успокоить умы лестью, угрозами; наблюдал за всеми движениями императрицы, даже приставил к ней стражем князя Василия Лукича Долгорукого, который без себя никого не впускал в ее комнаты. Москва волновалась; в домах знатнейших вельмож, Трубецкого, Черкасского, Бярятинского, Апраксина тайно собирались поборники закона, горевали о России и придумывали меры к восстановлению самодержавия. После многих планов, по мысли Остермана, согласились торжественно просить императрицу об уничтожении условий, предложенных ей в Митаве. В десятый день после воцарения Анны многочисленные приверженцы ее, отслужив молебен в Успенском соборе, явились во дворец и, вопреки усилиям Долгоруких, представили императрице челобитную, сочиненную князем *Антиохом Кантемиром*¹⁰, подписанную знатнейшими вельможами, дворянами, офицерами гвардии, числом до 300 человек; государыня, выслушав прошение, приказала принести акт, подписанный ею в Митаве, разорвала его в присутствии Верховного совета и объявила, что, согласно с желанием подданных, она будет царствовать, как царствовали ее предки.

По единогласному свидетельству современников, императрица Анна имела здравый ум, сердце незлобное, любила справедливость, строго наказывала преступления, столь же щедро награждала заслуги; ревностно заботилась и о внутреннем устройстве, и о внешнем могуществе сво-

ей державы. Ей не доставало одного — опытности государственной. Прожив 20 лет в Курляндии, без всякого участия в правлении, она сверх всякого ожидания увидела себя главою как будто незнакомой державы, волею Петра вдвинутой в Европу, но еще не занявшей определенного места между европейскими государствами, еще не созревшей в гражданском устройстве: в России все было ново, все требовало тщательного определения, разграничения, истолкования. Советники и руководители были необходимы для Анны. Конечно, найти их было нетрудно: еще здравствовали многие сподвижники Петровы, украшенные сединами, умудренные опытом. В самом деле в первые годы своего правления императрица оказывала многим из них особое доверие и охотно следовала их советам. К несчастью, это продолжалось недолго: скоро выше всех русских вельмож стал курляндский шляхтич *Бирон*¹¹, он заслонил собою учеников Петра и окружил престол иноземцами, своими клеветами и угодниками. Многие из них отличались блестящими дарованиями, умом, образованностью; но душа в них была не русская: они смотрели на Россию как на страну, где можно приобрести почести, богатства, власть, и выгодами ее жертвовали самолюбию Бирона. Оттого царствование Анны представляет две совершенно различные картины: в первые три или четыре года, когда императрица следовала внушению собственного ума и сердца и уважала советы людей благонамеренных, народ благословлял свою долю: в делах внутренних обнаруживалось живейшее стремление к лучшему устройству; в делах внешних выражалась благоразумная политика. В последние шесть лет, когда все делалось по воле Бирона, отечество равно страдало и внутри, и извне: внутри терзали Россию необузданные страсти Бирона; извне мы вели разорительную войну, ознаменованную доблестью русских воинов, славою оружия, но более вредную, чем полезную.

Главными советниками и руководителями Анны в счастливый период ее царствования были канцлер граф Головкин, фельдмаршал князь Голицын, вице-канцлер граф Остерман и фельдмаршал граф Миних. Первые два нам известны из истории Петра Великого как усерднейшие сотрудники его; последние два также вышли из его школы, но прославились наиболее в царствование Анны.

Остерман, родом из Вестфалии, вступил в русскую службу в начале Шведской войны и под руководством такого наставника, каким был Петр, служил России с честью и славою на дипломатическом поприще. При его содействии заключен Прутский договор; он управлял ходом Аландского конгресса, в особенности же оказал важную услугу в Ништадте, успев склонить шведских полномочных к таким уступкам, каких мог только желать Петр. С талантами умнейшего дипломата Остерман соединял искусство самого тонкого и дальновидного царедворца; держался обыкновенно сильной стороны, умел предугадывать ее падение и заблаговременно приставал к другой стороне, противной. Так он покинул Шафирову, чтобы угодить Меншикову; покинул Меншикова, даже помог низвергнуть его, когда заметил возрастающую силу Долгоруких; Долгоруких оставил немедленно, как только увидел непрочность их господства, и столь же ревностно содействовал падению их, сколь усердно служил им прежде. В награду за деятельное участие в уничтожении замыслов Верховного совета императрица Анна возвела Остермана в графское достоинство, и вверила ему управление внешними делами государства. Под руководством Петра Великого, разгадав истинные потребности и отношения России к соседям, он усилил внешнее могущество ее и мог бы принести ей еще более пользы, если бы не был скоро принужден угождать прихотям Бирона¹².

Миних, родом из Ольденбурга, еще в юных летах успел обратить на себя внимание славного полководца принца Евгения Савойского, под знаменами которого он сражался с французами в войне за испанский престол; впоследствии с честью служил разным немецким владетелям и польскому королю Августу II. В Россию он прибыл в конце Шведской войны. Петр Великий высоко ценил в нем дарования искусного инженера, поручил ему строение Ладожского канала и вскоре оказал такое доверие, что новый любимец императора возбудил зависть к себе в самом Меншикове. Мудрый Петр не ошибался в выборе людей: с умом быстрым, с образованием многосторонним Миних соединял неутомимую деятельность, усердие, готовность на всякое отважное предприятие и редкое присутствие духа среди величайших опасностей. Вскоре обнаружилась в нем доблесть военачальника. Но, подобно Остерману, он не мог

принести России всей пользы, какой могла ожидать она от его талантов: он должен был унижаться пред грозным временщиком и думать более о Бироне, чем о России¹³.

Первые государственные действия Анны наполнили радостью всю Россию. После смут и неурядиц, ознаменовавших самовластие Меншикова и Долгоруких, народ увидел на престоле государыню умную, милостивую и в то же время твердую. Все сословия смотрели на нее как на спасительницу государства от величайших зол, коими грозило отечеству самоволие аристократов; радовались счастливому окончанию переворота, не стоившего ни капли крови, и тем более благословляли небо, что императрица явила неожиданную милость главным виновникам: пострадали одни Долгорукие и то не все, наказаны были только Иван Алексеевич, Алексей Григорьевич и Василий Лукич, более за небрежение покойного императора, чем за намерение ограничить самодержавие. Первые два сосланы в Березов, последний в Соловецкий монастырь; родственникам их велено удалиться в поместья и жить там без выезда. Фельдмаршал князь Василий Владимирович остался при дворе, в доверии у государыни.

Вслед за тем императрица обратила самое заботливое внимание на внутреннее устройство и внешнее положение государства. В том и другом случае она старалась поддержать творение Петра Великого, уклоняясь от его планов только там, где требовали того изменившиеся обстоятельства. Порядок в управлении, строгое правосудие, устройство воинское, развитие промышленности, образование народное, добрая нравственность, все отрасли общественной жизни были предметами государственной заботы Анны. Многие учреждения принесли честь ее уму и сердцу. Прежде всего она уничтожила Верховный совет и восстановила Сенат, утративший свою силу при Екатерине I и Петре II, дав ему более правильное против прежнего устройство. По плану Миниха, он разделен был на 5 департаментов: один из них заведовал делами духовными, когда они касались сената, другой военными, третий финансами, четвертый правосудием, пятый промышленностью. Каждый департамент состоял из 4 или 5 сенаторов, рассматривал предварительно дела по своей части и вносил их в общее собрание, где они решались большинством голосов. Сенат получил ту же

власть, какую имел он при Петре Великом, и нескоро утратил ее, с учреждением кабинета министров, во второй год царствования Анны. Кабинет имел то же назначение, какое дано было Екатериною I тайному совету: то есть императрица при решении дел, не доверяя собственной проницательности, хотела знать мнение людей опытных и с этою целью образовала совет, в котором сама председательствовала, из четырех членов: из канцлера Головкина, вице-канцлера Остермана, князя Черкасского и графа Миниха. В кабинет вносились бумаги, представляемые на утверждение самой императрицы; сверх того там рассматривались все вопросы политические. Общее управление по делам, не требовавшим высочайшего указа, сосредоточивалось в Сенате, как было при Петре Великом. Прочие ведомства получили новые, определенные штаты, с значительным увеличением окладов; приняты были меры к скорейшему окончанию свода законов; предписаны строгие правила относительно правосудия; в особенности много сделано по части военной: русская армия явилась в новом, блестящем виде. Это было делом Миниха. Он образовал тяжелую кавалерию из нескольких кирасирских полков, коих прежде не было, учредил два новых гвардейских полка, Измайловский и Конный, улучшил артиллерию, положил прочное начало инженерному искусству, исправил крепости и обесмертил свое имя основанием кадетского корпуса для воспитания молодых дворян, готовившихся вступить в военную службу. Кроме того, он завел в армии такую дисциплину, что с тех пор русская пехота стала считаться лучшею во всей Европе. По его же старанию императрица уравнила окладами русских офицеров с иностранцами, находившимися в русской службе и получавшими жалованья вдвое более. Служба дворян также была облегчена: при Петре каждый дворянин служил с малолетства до старости, до последних сил; государыня дозволила из трех или четырех братьев одному оставаться дома для управления хозяйством; прочие поступали в службу на 20-м году и 25-ти лет могли выходить в отставку, с повышением чина. Дворянству оказана была другая великая милость: по закону Петра 1714 года владелец поместья не имел права ни продать, ни заложить недвижимой собственности и мог оставить ее в наследство только одному сыну, без раздела с прочими детьми. Сенат представил императрице, что этот закон приносит более вреда, чем

пользы. Государыня повелела отменить его и руководствоваться по-прежнему Уложением царя Алексея Михайловича. Не менее важные льготы получили и другие сословия: купечеству прощены таможенные недоимки за несколько лет; подушный оклад с крестьян уменьшен значительно. Для улучшения промышленности приняты были многие меры; из них наиболее замечательно устройство горных заводов в Сибири умом и деятельностью Геннина, по плану Петра Великого. Не менее заботилась императрица и о народном образовании: положено было прежде всего завести училища на прочном основании для детей духовного звания. Таковы были внутренние действия Анны в первые годы ее правления.

В делах внешних она следовала политике благоразумной, согласной с тогдашним положением империи. При самом восшествии на престол она изъявила решительное намерение даровать государству тишину, которой желали все сословия тем сильнее, что Россия уже около полувека не имела отдыха. С 1687 года она вела непрерывную брань с соседями, сперва с турками, потом со шведами, наконец с персиянами: споры с турками и шведами прекратились; война Персидская продолжалась уже девятый год без решительных последствий. Кроме того на западе не было еще кончено запутанное дело герцога Голштинского, едва не вовлекшее при Екатерине I в борьбу почти со всею Европою. Оба вопроса, и персидский, и голштинский, были следствием дальновидной политики Петра Великого; но важность их понимал один Петр; извлечь из них пользу мог также один Петр. Народу казались они излишним бременем: на персидские области, покоренные русским оружием, смотрели как на бездну, поглощавшую и людей и деньги; в споре с Данией за права герцога Голштинского видели дело чуждое России. Так же точно смотрела и Анна на оба вопроса: она решила прекратить, к общему удовольствию подданных, распри с Персией и Данией.

В самом деле, для утверждения русского господства на западном и южном берегу Каспийского моря требовались новые значительные усилия: надлежало вступить в борьбу с воителем грозным, наполнившим восток молвою побед, с предприимчивым Надиром. Будучи долгое время атаманом разбойников и успев приобрести громкую славу, он

воспламенился честолюбием, вздумал восстановить прежнее могущество Персии, покинул постыдное ремесло разбойника и предложил свое мужество, с многочисленными толпами приверженцев, к услугам сына Гуссейна, шаха Тамасипа. Доведенных до крайности победами турок и успехами мятежников, овладевших с Испаганью почти всей Персией, шах скитался в Мазандеране, без войска и без надежды возвратить престол, и тем радостнее принял предложение Надира, что видел в нем последнего защитника. Вскоре дела приняли другой оборот. Победа следовала за победою. Мятежники затрепетали. Надир быстро вытеснил их из главных городов, овладел Испаганью, возвратил шаху престол и, успокоив Персию, устремил победоносное оружие на внешних врагов отечества, в особенности на турок. Сокрушительный удар, нанесенный им турецкой армии под стенами Тавриза, встревожил Оттоманскую Порту: в Константинополе вспыхнул мятеж; султан Ахмет III был свергнут с престола; Махмед V занял его место. Между тем в пользу Тамасипа обнаружилось волнение в областях прикаспийских, занятых нашими войсками; народ вооружался поголовно, и только искусство генерала Левашева спасало русские отряды от истребления. Левашев просил у двора сильной помощи. Императрица вместо войска спешила отправить к Испаганскому двору барона Шафирова с мирными предложениями, соглашаясь возвратить Персии все завоевания Петра. Шафиров вступил в переговоры в Ряще с послами шаховыми и вскоре условился в главных основаниях мира; положено было: русским войскам немедленно очистить все персидские области на южном берегу Каспийского моря; западный же берег, между старою русскою границей и рекой Курою, возвратить немедленно по прекращении споров между Персией и Турцией. Все желание нашего кабинета ограничивалось восстановлением старинной дружбы с Персией и удалением турок от господства на Кавказе. Шах утвердил договор, заключенный в Ряще, и Левашев перевел свой отряд на левый берег Куры, ожидая окончания войны Персии с Турцией, разгоревшейся с новой силой¹⁴.

Вслед за тем прекратились наши несогласия с Данией за Шлезвиг. Прежнее прямое участие Петербургского кабинета в распрях герцога Голштинского с королем датским обратилось в посредничество, к которому присту-

пил и немецкий император. Герцогу предложили отказаться от спорной половины Шлезвига за 1 миллион рейхсталеров с тем, что если в течение двух лет он не примет этой суммы, считать дело конченным: в то же время с соперником его оба двора заключили оборонительный договор, которым ручались в целости и неприкосновенности датских владений.

Вследствие изменившихся обстоятельств, уклоняясь от политики Петра Великого в делах с Персией и Данией, императрица Анна тем ревностнее поддерживала его планы в отношении к Польше и Турции. Петр положил начало решительному влиянию России на судьбу Польши, покровительствуя Августу II; Анна утвердила это влияние, назначив ей короля по собственному благоусмотрению.

Август II умер в начале 1733 года. С тех пор как угасла в Польше династия Ягеллонов и утвердилось избирательное правление, смерть каждого короля приводила Речь Посполитую в неописанное расстройство и волновала в то же время большую часть Европы. Гордые паны, являвшиеся на сейм для избрания короля, обыкновенно разделялись на три главные, одна другой неприязненные, партии, на австрийскую, французскую и российскую; бывали сверх того доброжелатели Турции, Швеции; сильные магнаты имели также своих приверженцев. Все эти партии питали одна к другой ненависть непримиримую потому, что каждая руководствовалась не общим благом отечества, а личными видами, от которых отказывалась только в крайности; выбор короля всегда решался оружием: кто побеждал, тому доставался престол. Соседние державы не могли не вмешиваться в королевские выборы: Польша постоянно вела бесконечные споры с окрестными народами; следовательно, для соседей было весьма важно, кто будет на ее престоле, друг им или недруг. Петр Великий постиг, что Россия из-за тесных связей с Польшей, через Литовское княжество, более других держав имеет право распоряжаться ее судьбою, и с блестящим успехом пользовался своим правом. Той же политике следовала и Анна.

По смерти Августа II сейм, созванный в Варшаву, по предложению примаса королевства, архиепископа Гнезненского, Фелора Потоцкого, изъявил желание устранить всех чужеземных искателей короны и вручить ее Пясту, по

крайней мере природному поляку. Петербургский и Венский кабинеты одобрили намерение сейма. Но так как вслед за тем выбор пал на Станислава Лещинского, тестя Людовика XV, то оба кабинета объявили, что они не хотят видеть на польском престоле союзника Франции, грозившего неприязнью той и другой державе, — Австрии по спорам ее с Францией за наследство Карла VI, России по воспоминанию прежней неудачи при Петре Великом. Между тем явился другой искатель польской короны, сын умершего короля, курфюрст Саксонский Август III; он без труда успел склонить на свою сторону и Россию, и Австрию: императрице обещал содействовать ее видам при избрании герцога Курляндского; императору дал слово признать прагматическую санкцию. Для обоих дворов нельзя было желать лучшего короля. Вследствие того, отвергнув Станислава, они потребовали, чтобы сейм провозгласил королем Августа. Это требование было тем основательнее, что курфюрст имел сильную партию на сейме. Главою ее был канцлер великого княжества Литовского, князь Михаил Вишневецкий. После тщетных усилий воспрепятствовать избранию Станислава он отделился от его приверженцев, оставил Волю (место собрания сейма), перешел на правую сторону Вислы и, разрушив мост, укрепился в Праге, предместьи Варшавском. Единомышленники Потоцкого преследовали его и вступили с ним в кровопролитный бой. Дело осталось нерешенным. Примас надеялся одержать верх, потому что Станислав успел уже прибыть в Варшаву и французским золотом усилил свою партию. Но торжество его было непродолжительно: по приглашению Вишневецкого в пределы Польши вступили русские войска под начальством генерала *Ласси*¹⁵; они вскоре явились на берегах Вислы, без труда овладели Варшавой и загнали Станислава в Данциг, между тем как вновь созванный сейм провозгласил королем курфюрста Саксонского. Август немедленно прибыл и короновался. Для утверждения его на престоле оставалось смирить конфедератов, державших сторону Франции, и вытеснить Станислава из пределов республики. Первое дело шло успешно: нестройные толпы конфедератов, бодро вступавшие в бой с саксонскими войсками, рассыпались и исчезали при первом появлении русских штыков; по свидетельству очевидцев, триста русских солдат не уклонялись от боя, встретив три тысячи поляков, и

удерживали за собою поле сражения. Труднее было управиться со Станиславом. Жители Данцига стояли за него грудью и тем упорнее оборонялись, что, надеясь на хорошие укрепления и многочисленный гарнизон, ожидали помощи от Франции, в чем уверил их посол Людовика XV, бежавший вместе со Станиславом из Варшавы. Для покорения города силой недостаточно было и всей армии, с которой Ласси вступил в Польшу; он должен был еще раздробить ее на несколько отрядов, из которых одни охраняли Варшаву, другие преследовали конфедератов, и начал осаду с малочисленным корпусом, при 3 или 4 полевых орудиях. Приступы были неудачны; приверженцы Станислава ободрились: французская эскадра появилась в Балтийском море. Императрица Анна спешила подкрепить свои войска, находившиеся в Польше, и назначила главнокомандующим графа Миниха. Дела приняли иной оборот. Деятельный Миних взял в плен французский отряд, сделавший высадку, собрал сильную артиллерию и начал такую канонаду по Данцигу¹⁶, что Станислав увидел невозможность обороны, убежал тайно, переодетый крестьянином, и едва мог пробраться во Францию; город же сдался на произвол победителю, обязавшись заплатить значительную контрибуцию и отправить к императрице торжественную депутацию для исходатайствования прощения в *мятеже*.

С падением Данцига Станислав потерял надежду удержать за собою польскую корону; он охотно отказался от нее, предпочитая тихую жизнь и занятия науками тяжкому бремени управлять строною, раздираемою партиями. Но Версальский кабинет считал для себя стыдом покинуть королевского тестя и, не успев подать ему помощь в свое время, решился возвести его на польский престол, когда уже было поздно. Людовик XV объявил войну императору немецкому за участие в избрании Августа. Эта война дорого стоила Австрии; войска ее были поражаемы французами и союзниками их везде, на Рейне, в Медиолане, в Неаполе, в Сицилии. Тщетно престарелый вождь Евгений Савойский напрягал все силы, чтобы остановить победителей; прочие генералы действовали неискусно. Карл VI трепетал уже за саму Вену. Российская императрица послала ему на помощь значительный корпус под начальством генерала Ласси. Однако прежде чем русские войска достигли Рейна, Версальский кабинет изъявил желание примириться, при-

знал Августа королем и возвратил императору большую часть покоренных земель в северной Италии, обязавшись в то же время поддерживать прагматическую санкцию; Карл VI с своей стороны уступил Станиславу Лотарингию в пожизненное владение с тем, что после смерти его она присоединится к Франции, и отказался от прав своих на Неаполь и Сицилию. Окончательный мир, успокоивший западную Европу, заключен в 1738 году в Вене*.

Вслед за окончанием Польской войны начались бедствия России, напоминавшие ей несчастное время Иоанна Грозного. За милостью к самым виновным преступникам настало гонение, поражавшее опалами людей невинных; за мудрым строением державы — всеобщее разорение народа; за успехами в делах внешних — долговременное кровопролитие, не вознаградившее блеском оружия несметных потерь государства. Императрица не изменилась: по-прежнему желала она счастья верному и доброму народу; умела ценить дарования людей достойных. Единственным виновником перемены в состоянии России был Бирон.

Внук конюшего при дворе герцога Курляндского, в молодости он воспитывался в Кенигсбергском университете, впрочем недолго: спасая себя от позорного наказания за бесчестные поступки, он бежал оттуда и определился в дворецкие к какому-то лифляндскому помещику; был однако слишком честолюбив, чтобы служить частному лицу, и вздумал искать звания камер-юнкера при дворе царевича Алексея Петровича. Эта попытка не удалась: ему велено немедленно удалиться из С.-Петербурга. Бирон достиг своей цели в Митаве. Здесь он вкрался в доверие гофмейстера Анны Иоанновны Бестужева, при помощи его попал в камер-юнкеры, оклеветал своего благодетеля, удалил его от двора и вскоре приобрел неограниченное доверие герцогини. Курляндские дворяне ронгали на милость ее к человеку низкого происхождения, души злобной, коварной, ума недалёкого, корыстолюбия ненасытного и, вопреки всем усилиям Бирона, не соглашались принять его в свое сословие. Столь же невыгодного мнения о нем бы-

* В благодарность за содействие нашего двора Август признал обер-камергера императрицы Бирона герцогом Курляндии, где в 1737 году пресекся господствовавший дотоле в зависимости от Польши дом Кетлера.

ли и в России: верховный совет, предлагая герцогине императорскую корону, просил оставить его в Митаве. Бирон остался; но вслед за императрицей, к общему неудовольствию, появился в Москве и в день коронации был пожалован обер-камергером, графом Российской империи и кавалером ордена св. апостола Андрея Первозванного, а через несколько лет потом те же самые бароны, которые отказали ему в звании дворянина, покорились ему как герцогу Курляндскому.

В первые три года он мало вмешивался в правление, потому что не имел понятия о делах государственных, занимался только лошадьми и картами; зато в последние семь лет царствования Анны все делалось по его воле и все пред ним трепетало. Из всех известных временщиков едва ли кто был так самовластен, как Бирон; императрица с удивительным самоотвержением исполняла все его прихоти, жаловала, кого он жаловал, преследовала, кого не любил он, и нередко, обливаясь слезами, подписывала смертные приговоры людям невинным в угождение Бирону.

Он имел множество страстей самых необузданных, самых разнообразных, и все они терзали Россию как жертву беззащитную. Его подозрительность не давала покоя ни государыне, ни вельможам, ни народу: при дворе, в столицах, в городах рассеяны были многочисленные шайки шпионов, которые следили не только за действиями или словами, но и за самыми мыслями; вкрадывались в семейства, подслушивали разговор отца с сыном, мужа с женою, и горе тому, на кого они доносили. Обвиняемых приводили в тайную канцелярию, учрежденную Бироном, и предавали пытке. Ссылка в Сибирь была самым легким наказанием, многих секли кнутом, многим резали язык, многие погибали под секирою палача, немало было и колесованных. Всеобщее веселье народа, который так ликовал в первые годы царствования Анны, обратилось в мрачную тоску: никто не был уверен, что завтра он встанет с той же постели, на которую лег сегодня. Притом же Бирон и не терпел увеселений народных.

Мстительность его была неумолима. Императрица Анна простила Голицыных и Долгоруких за преступное намерение ограничить власть ее. Бирон не мог забыть, что те и другие убеждали государыню не брать его в Москву, пылал к ним местью беспощадною и не успел погубить только

фельдмаршала Голицына, сподвижника Петрова: он умер прежде, чем злобный временщик начал самовластвовать. Брат его Дмитрий, один из главных членов Верховного совета, был обвинен в неправом решении частного дела, и кончил дни в Шлиссельбургской крепости. Злосчастнее была участь Долгоруких. Лишенные чинов и сосланные частью в свои деревни, частью в Березов и Соловецкий монастырь, девять лет они страдали без ропота, благодаря небо за спасение своей жизни и не теряя надежды на милость государыни. В самом деле императрица дозволила некоторым из них, менее виновным, явиться ко двору, даже удостоила их доверия. Один из князей Долгоруких был назначен посланником в Лондон. Этого было довольно, чтобы раздражить мстительного Бирона: он представил императрице, что Долгорукие сосланы единственно за нерадение о покойном императоре; намерение же их возвести на престол свою родственницу, княжну Екатерину, осталось без наказания. Несчастных привезли в Петербург, предали пытке и приговорили к лютой казни: любимец Петра II, исторгнутый из объятий жены и двух сыновей, был колесован*; трем родственникам его, в том числе князю Василию Лукичу, отрублена голова; братья фельдмаршала сосланы в вечную каторгу. Казнь совершилась в Новгороде¹⁷.

Вслед за ней новая ужаснейшая опала поразила мужа, ослывшегося умом и усердием к престолу, кабинет-министра Артемия Волынского. Долго он пользовался доверием императрицы и самого Бирона, которому умел угождать как искусный царедворец. Его погубило одно неосторожное слово, сказанное временщику. В 1740 году в кабинете министров рассуждали о требовании польским правительством вознаграждения за разные убытки: Бирон держал сторону поляков как вассал Речи Посполитой по званию герцога Курляндского; Волынский доказывал, что их требования несправедливы, и в жару спора объявил, что, не будучи вассалом Польши, он не находит повода помогать народу, искони неприязненному России. Бирон принял эти слова на свой счет и убедил императрицу нарядить суд над Волынским. Его обвинили в разных вредных

* Жена его Наталья Борисовна, дочь фельдмаршала Шереметева, оставила любопытные записки, из которых отрывки напечатаны в Сказаниих о роде князей Долгоруких. СПб. 1840.

умыслах, клонившихся к оскорблению государыни; в доказательство того приводили, что Волинский приказал перевести на русский язык книгу Макиавелли и поднес ее императрице. Преданный жесточайшим пыткам, он вынес такие мучения, что впоследствии, в благословенное царствование Екатерины II, министр ее граф Никита Иванович Панин, читая следственное дело, от ужаса едва не был разбит параличом. Невинность Волинского была очевидна. В ней убеждена была и сама государыня; но тщетно старалась она спасти страдальца и долго не подписывала приговора, каждый раз заливаясь слезами, когда представляли ей доклад. Бирон требовал головы несчастного неотступно, с угрозами удалиться из России, если жив останется враг его. Приговор был подписан; Волинского вывели на площадь и там, среди изумленного народа, палач отсек ему сперва правую руку, потом голову. Так мстил Бирон! Несколько тысяч человек обоего пола и всякого возраста были жертвою его злобы: одних губил он на эшафоте, других заключал в душные темницы, третьих ссылал в Сибирь, где впоследствии, в царствование Елизаветы, с трудом могли отыскать многих людей невинных.

Между тем как в столицах и городах все сословия трепетали, из опасения раздражить подозрительного тирана самым неумышленным словом, в селах и деревнях народ стоял от его корыстолюбия, столь же ненасытного, сколько беспредельна была месть его. Со времени ревизии в 1719 году, в подушном окладе обнаружилась значительная недоимка, которая, невзирая на строгие меры Петра, с каждым годом накапливалась. Для взыскания ее Екатерина I учредила при Сенате доимочный приказ; зло, однако, не уменьшалось и еще более увеличилось при Петре II, когда вообще мало думали о порядке управления. В начале царствования Анны казна считала в недоимке более 7 млн. руб. тогдашних. Императрица видела необходимость усилить строгость мер и восстановила доимочный приказ, оставшийся в бездействии при ее предшественнике. К несчастью, в России настал голод, продолжавшийся несколько лет; жители самых хлебородных областей впали в крайнюю бедность. Со справедливой строгостью соединяя милость, государыня неоднократно облегчала участь своих подданных, прощая им подушные оклады. Бирон внушил ей иные мысли: недоступный состраданию, чуждый мило-

сердия, презирая все русское, употребляя самое слово «русский» единственно в смысле укоризны, он не хотел слышать о всеобщем бедствии; взял в свое ведение доимочный приказ и прежде всего обратил всю злобу на губернаторов: посланные им офицеры заключали областных начальников в кандалы за мнимое нерадение о взыскании податей; вслед за тем воинские команды отправлены были в села и деревни для правежа недоимок. Возобновилось татарское время. Исполнители Бироновой воли забирали все: хлеб, скот, одежду; дома предавали огню, а крестьян выводили в поле и там, нередко в жестокую стужу, держали на правеже, т. е. секли беспощадно; целые деревни опустели; многие были сожжены; жители сосланы в Сибирь. Но так как беспрерывное отправление отдельных команд оказалось неудобным и безуспешным, то самим полкам поручено было заботиться о своем содержании, и каждому из них назначены были деревни, где солдаты брали все, что могли.

Взысканные таким образом миллионы рублей не смешивались с общими доходами, а поступали в секретную казну; суммами ее распоряжал один Бирон безотчетно и употреблял их в свою пользу, на покупку поместьев в Польше и Германии, на конские заводы, на великолепные экипажи и прочее. Государство разорилось; правительство же было без денег, так, что в конце царствования Анны не знали, чем покрыть издержки придворной конторы.

Дорого стоило России любостяжание Бирона; не дешево обошлось и своеобразие его в управлении внешними делами государства. Он был истинным виновником безуспешного окончания войны, предпринятой с самой полезной целью, при самых благоприятных обстоятельствах, ознаменованной блестящими успехами, но по прихоти Бирона кончившейся одним разорением государства.

Как только Август II утвердился на польском престоле, императрица, по совету Миниха, двинула победоносные войска свои с берегов Вислы к берегам черноморским, чтобы исполнить одну из главных мыслей Петра Великого обезопасить южные пределы государства от неутомимых хищников, не дававших нам покоя, от татар крымских. Со времен царя Алексея Михайловича набеги их не столь были опустошительны, как прежде: в воинственных сынах Малороссии отечество находило доблестных защитников,

всегда готовых на брань с неверными. Тем реже татары осмеливались тревожить наши пределы, когда мы имели в своих руках Азов. Недаром Петр так неохотно расставался с ним: едва русские, вследствие Прутского договора, вышли из Азова, татары появились в Воронежской губернии; сожгли множество деревень и до 15000 человек увели в неволю; вслед за тем разорили окрестности Изюма и Харькова, едва не овладели Астраханью; дерзость их с каждым годом увеличивалась. Петр неоднократно обращался к Оттоманской Порте с настоятельным требованием смирить крымцев, признававших над собою верховную власть султана: турецкое правительство, по слабости или по недоброжелательству к России, не исполняло справедливых требований нашего двора, и государь увидел необходимость искать защиты в собственном оружии. В конце жизни его все было готово к походу: на Украине собрано войско; в Брянске и Воронеже построено несколько тысяч плоскодонных судов, на коих Петр предполагал спуститься в одно время Днепром и Доном к берегам черноморским, чтобы разгромить разбойничье гнездо. Смерть императора спасла Крым. Мысль его не находила исполнителей ни при Екатерине I, ни при Петре II; татары пользовались нашим бездействием и грабили Украину по-прежнему.

В начале царствования Анны петербургский кабинет решительно потребовал от Порты удовлетворения; султан отвечал, что татары люди вольные и что нет средств смирить их; но вслед за тем и сам обнаружил явное презрение к правам народным: впутавшись в трудную борьбу с мужественным Надиром, он решился устремить все силы Порты на Персию и дал повеление хану Крымскому вторгнуться в Дагестан. Тщетно резидент наш представлял Дивану, что татары не иначе могут пробраться чрез Кавказ, как вступив в русские владения на Кубани и Тереке, и что для перехода через них надобно прежде испросить согласие российского двора. Султан ничего знать не хотел. Татары двинулись всей ордой, встретили русские войска между Терекком и Сунджою, воспользовались оплошностью главнокомандующего на Кавказе принца Гессен-Гамбургского, пробились сквозь рассеянные отряды наши и исполнили волю султана. Столь очевидное нарушение права народного произвело живейшее неудовольствие в нашем кабинете.

Императрица ожидала только окончания польских дел, чтобы немедленно обратить все свои силы на татар, и как только Польша успокоилась, фельдмаршал Миних получил повеление опустошить Крым, генерал Ласси — овладеть Азовом. Между тем Остерман известил визиря о разрыве, подсчитав все неудовольствия российского двора. Время для похода избрано было самое благоприятное: Турция вела утомительную борьбу с Персией и не в силах была подать помощь татарам; Россия же могла надеяться на содействие Австрии по договору 1726 года, еще более на свои собственные войска, доведенные Минихом до такого устройства, что они, в походе к Рейну, изумили немцев строгой дисциплиной, бодростью, знанием военного дела.

Поход был удачный. Ласси овладел Азовом. Миних, не щадивший ни себя, ни войска, быстро перешел степи, отделявшие Украину от Крыма, встретил всю орду на Перекопской линии, считавшейся непроходимой, рассеял татар, взял Перекоп приступом и опустошил западную часть полуострова до самой столицы ханской Бахчисарая, предав огню и мечу все, что ни встретил на пути. Он не мог, однако, утвердиться в Тавриде, по недостатку продовольствия; взорвал Перекоп и возвратился на Украину. Хан оправился от поражения и всю зиму тревожил нашу армию в ее квартирах, не теряя надежды спасти себя помощью Турции.

В самом деле, султан успел заключить мир с Персией и, не опасаясь более грозного Надира, обратившего победоносные войска свои на восточную Индию, надеялся отстоять Крым. Правда, это было нелегко: ему надлежало бороться не с одной Россией. Император немецкий Карл VI изъявил согласие поднять оружие против турок: обязанный договором 1726 года содействовать нам вспомогательным корпусом до 30 000 человек, он сделал более: решился устремить на Турцию все свои силы в несомненной надежде вознаградить потерю итальянских областей на счет султана. Союзники условились напасть в одно время на все области Порты от моря Азовского до Адриатического. Ласси должен был вторгнуться в Крым, Миних овладеть Очаковым и Бендерами, австрийские генералы вытеснить турок из принадлежавших им городов в Сербии, Боснии, Кроации и Валахии, с тем чтобы перенести оружие за Дунай и совместными силами решить дело в Болга-

рии. Русские генералы действовали с блестящим успехом. Ласси довершил разорение Крыма, ознаменовав свой поход редким мужеством. Хан ждал его на Перекопской линии со всею ордой и несколькими тысячами янычар в твердом намерении не пускать русских в полуостров. Ласси выбрал другую дорогу: сверх всякого чаяния, перешел Сиваш, или Гнилое море, вброд, ворвался в Крым и явился в тылу хана. Враги оробели и укрылись в горы. Русские напомнили жителям Крыма поход Миниха. Опустошение было страшное: вся восточная часть Тавриды покрылась пеплом и трупами.

Миних, уже заслуживший от русских прозвание Сокола, явился под стенами Очакова, охраняемого крепостью твердынь, мужеством многочисленного гарнизона, и немедленно повел войско на штурм; бой был жестокий; турки оборонялись отчаянно; русские нападали с обычным мужеством; но положение их становилось опасным: двухдневный непрерывный бой доказал невозможность взять Очаков приступом; надлежало заняться долговременной осадой; войско же терпело недостаток в съестных припасах и видело вокруг себя необозримую, опаленную степь, где не было ни хлеба, ни травы. Миних знал хорошо русского солдата: дав повеление взять крепость во что бы то ни стало, сам повел Измайловский полк на штурм и под заревом пожара, объявшего весь Очаков, собственными руками водрузил императорское знамя на стенах его.

Не так действовали австрийские генералы. Один вступил в Сербию, и был прогнан турками; другой показался в Боснии, и был разбит; третий появился в Валахии, и потерпел жестокое поражение. Император, недовольный поступками своих полководцев, заменил их другими; дела пошли еще хуже. Цесарь заговорил о мире. Но турки легко могли заметить, что в цесарском войске нет уже Евгения, хотели сами предписать условия мира и осадили Белград, служивший ключом к австрийским владениям. Недостаток денег, расстройство армии, очевидный упадок воинского духа, явное несогласие и невежество генералов, все это заставило трепетать императора: он обратился к Людовику XV с просьбой о заступничестве. Версальский кабинет охотно взялся примирить Австрию с Турцией и, дав приказание посланнику своему при Оттоманской Порте маркизу Вильневу принять участие в переговорах, в то же вре-

мя предложил свое посредничество российскому двору. Остерман, зная хорошо, что целью этого посредничества было устранить русских от господства при Черном море, отклонил предложение Франции. Но Бирон, вопреки Остерману, убедил императрицу послать к Вильневу полномочие к заключению мира. Переговоры открылись под стенами Белграда в лагере визиря. Цесарский посланник граф Нейперг уступал все, чего ни требовали турки; столь же щедр был и Вильнев насчет России.

Незадолго до подписания договора русское войско ознаменовало себя новым подвигом, доказавшим, сколь великие выгоды могла бы получить Россия, если бы в дипломатические дела не вмешивался Бирон. В то время как визирь осадил Белград, сераскир Вели-паша с многочисленной армией вступил в Бессарабию, чтобы вторгнуться в Россию. Миних ждал только случая сразиться с главными силами турок и повел навстречу им мужественное русское воинство, далеко впрочем уступавшее в числе неприятельскому. Близ Хотина, при местечке Ставучанах, соперники встретились. Вели-паша укрепил свой лагерь и, окружив Миниха со всех сторон, надеялся истомить его армию голодом и принудить ее положить оружие без боя. Миних, по обыкновению, стал впереди своих колонн, бросился на укрепленный лагерь сераскира, положил на месте до 15 000 человек, овладел артиллерией, обозом и навел на турок такой ужас, что они стремглав побежали к Дунаю. Следствием этой победы было падение Хотина, сдавшегося без выстрела, и подданство Молдавии¹⁸. Господарь ее Гика бежал вслед за турецким войском; знатнейшие чины встретили Миниха при вступлении в Яссы с хлебом-солью и согласились признать господарем русского генерала князя Кантемира в зависимости от России. Фельдмаршал спешил воспользоваться плодами своих успехов и уже думал идти на берега Дуная, чтобы там нанести решительный удар туркам, мечтал даже о восстановлении Греческой империи: неожиданная весть о Белградском мире остановила его на пути побед и славы. Договор был подписан через три дня после Ставучанской битвы¹⁹. Австрия возвратила Турции все, что приобрела она за 20 лет пред тем подвигами Евгения, отказалась от всех прав на принадлежавшую ей часть Сербии, Валахии, уступила Белград и Орсову, обязавшись собственными войсками скрыть белградские укрепления. Россия ничего не потеряла, но также ничего и не получила, невзирая на все ее

победы и жертвоприношения. Каждый поход стоил ей несметных сумм и многих тысяч людей; каждый раз армия уменьшалась почти наполовину; солдаты гибли тысячами не от меча неприятельского, а от болезней, порождаемых наиболее недостатком продовольствия и трудностью переходов по степям украинским и бессарабским. В вознаграждение всех наших потерь султан согласился скрыть Азов до основания, с тем чтобы ни Россия, ни Турция им не владели, уступить нам степь между Бугом и Донцом, отказаться от Запорожья, с которым Порта не могла сладить, и дозволить русским купцам отправлять товары в Черное море, но не иначе как на турецких кораблях. Россия возвратила Порте Очаков, Хотин и обязалась не беспокоить Крымского хана.

Истерзав Россию, Бирон готовил нашему отечеству еще ужаснейшую долю: он хотел продлить свое господство надолго после смерти Анны Иоанновны и принял столь искусные меры, что дерзкий замысел его едва не удался. При самом воцарении императрица изъявила намерение утвердить престол в своем доме, устранив династию Петра Великого. Единственной отраслью дома царя Иоанна Алексеевича, в случае смерти государыни, была дочь герцогини Мекленбургской Екатерины, умершей в 1733 году, племянница императрицы, принцесса *Анна Леопольдовна*²⁰: потомству ее, волею Анны Иоанновны, предназначался престол. Государыня искала ей достойного жениха. Бирон сначала думал женить на ней своего сына; план его не удался. Принцесса сочеталась браком, по старанию Венского двора, с Антоном Ульрихом, принцем Брауншвейг-Люнебургским. От этого брака в 1740 году родился сын, *Иоанн Антонович*²¹. Вслед за тем императрица впадала в тяжкую болезнь, предвестницу близкой кончины. Она спешила объявить преемником своим шестинедельного Иоанна; не знала только, кому вручить правление до совершеннолетия императора: племянницу свою, принцессу Анну, считала неспособной; супруга ее, Антона Ульриха, не любила, по наветам временщика; способнее всех казался ей Бирон; но она опасалась погубить его завистью вельмож. Между тем Бирон только и мечтал о регентстве и, чтобы вернее успеть в своем желании, решился заставить знатнейших вельмож просить государыню о назначении его регентом империи. Для этой цели призвав к себе Миниха, Остермана, Головкина, Левенвольда, князя Черкасского и других особ, пользовавшихся

доверием императрицы, с отчаяньем известил ему о безнадежном положении государыни; в то же время советовал подумать о том, что грозит России, если кормило правления достанется в неискусные руки принцессы или ее супруга, и убеждал спешить избранием в правители мужа, доказавшего свои таланты, усердие и опытность. Все, слышавшие эту речь, легко видели, к чему она клонится; вельможи ненавидели Бирона; но императрица была еще жива, и малейшее противоречие злобным видам временщика могло каждому стоить головы. Участь Волинского была в свежей памяти. Князь Черкасский первый подал голос, что никого нет достойнее его светлости герцога Курляндского править государством. То же сказали Миних, Остерман и другие. Остерман взялся склонить императрицу на общее желание и представил ей манифест о назначении Бирона регентом империи до совершеннолетия императора. Несколько дней она не хотела подписать манифеста; наконец, после неотступных убеждений Остермана, согласилась уже в беспомощности и вскоре скончалась. Бирон с торжествующим лицом явился среди многочисленного собрания вельмож, съехавшихся во дворец, чтобы узнать последнюю волю императрицы, объявил себя регентом, благодарил за честь и в восторге воскликнул: «Господа! Вы поступили, как римляне».

IV. ИОАНН III (1740—1741)

Последняя воля императрицы Анны была исполнена; Россия, всегда покорная гласу царей своих, без прекословия присягнула внуку ее, восьмилетнему младенцу, и признала ненавистного Бирона правителем империи. Но воля Анны не могла уничтожить права на престол, принадлежавшего династии Петра Великого, в лице внука его, Карла Петра Ульриха. Утвержденное при Екатерине I народною присягою, оно было тем крепче, что основанием его служил древний государственный закон, определявший у нас искони порядок престолонаследия. Каждое уклонение от этого закона в прежнее время предавало отечество в жертву междоусобных браней: подобного бедствия надлежало и теперь опасаться; к счастью, правая сторона восторжествовала без труда и дело кончилось гибелью многих лиц.

Именем императора Иоанна III Россия была управляема год с небольшим сначала Бироном, в звании регента, потом принцессою Анною Леопольдовною, с титулом правительницы. Бирон властвовал недолго, только три недели (с 17 октября по 8 ноября 1740 года). В последние годы царствования Анны Иоанновны, раздражив все умы необузданным тиранством, он едва ли мог бы изгладить в сердце озлобленного народа воспоминание минувших бедствий самым благодетельным и мудрым правлением; по крайней мере теперь, когда ему не оставалось ничего более желать, время было позаботиться о примирении себя с русским народом делами правосудия и милосердия. Он не думал об этом и жаждал крови по-прежнему. Все его милости состояли в том, что он сорил государственною казною, большею частью для своих клеветов, и прощал подушные сборы в надежде вознаградить их сторицею; между тем система его управления не изменилась: он хотел господствовать ужасом. Не проходило дня без новых опал. Бироновские шпионы были деятельнее, чем прежде; беспрестанно доносили о мнимых заговорах, толкуя каждое слово в дурную сторону; обвиняемых нередко сажали в крепость и там подвергали жесточайшим мучениям пытки.

Такие поступки возбудили всеобщий ропот: дворянство не могло скрыть своего негодования, и несколько человек более отважных* решились просить мать императора принять кормило правления, по примеру того, как Анна Иоанновна уничтожила, при воцарении своем, господство верховного совета, но они избрали предводителем своим князя Черкасского, человека слабого характером: он известил регента о грозившей опасности. Бирон принял свои меры: участники заговора были схвачены и преданы мучительной пытке. Столица была в неопisanном ужасе. Сам отец императора, принц Антон Ульрих, за участие адъютанта его в заговоре должен был выслушать самые оскорбительные упреки в присутствии всего двора и получил приказание отказаться от генеральского чина, пожалованного ему покойною императрицею; мало того, он был арестован! Мать императора принцесса Анна трепетала, когда приходил к ней регент. Ждали указа о высылке ее с семейством за границу, о чем Бирон уже поговаривал в жарких спорах с ее супругом.

* Пустошкин, адъютант принца Грамотин, поручики Ханыков, Аргамаков, Бровкин и др.

Среди всеобщего оцепенения умов не робел один герой Очаковский, фельдмаршал Миних. Побуждаемый отчасти жалостью к царскому семейству, отчасти досадою на регента, не хотевшего ни с кем делить своей власти, еще более подстрекаемый надеждою самому овладеть кормилом правления, Миних открылся принцессе в намерении избавить и ее и Россию от мучителя; просил только дозволения действовать ее именем. Она согласилась с радостью. При явном озлоблении всех сословий на Бирона фельдмаршал мог бы арестовать его среди белого дня, кода он обыкновенно посещал принцессу, и заключить в крепость в полной уверенности, что никто за него не вступится. Но Миних любил каждому делу своему давать некоторый блеск и выбрал самую трудную дорогу: он решился схватить Бирона ночью, в собственном дворце его, сооруженном тремястами солдат, и благодаря расторопности адъютанта своего Манштейна совершил опасный подвиг благополучно, не пролив капли крови. Столица с величайшею радостью узнала о падении регента; радость ее откликнулась во всей России. Принцесса объявила себя правительницею и была признана беспрекословно. Бирона отвезли в Шлиссельбургскую крепость: там он впал в совершенное отчаяние и в малодушном страхе едва не лишился рассудка, когда услышал смертный приговор, произнесенный учрежденною для суда его комиссией. Правительница даровала ему жизнь, заменив казнь ссылкойю в Пелым, где построили для него особенный дом по плану Миниха.

С падением Бирона верховное управление сосредоточилось в кабинете министров, который получил более правильное образование. Он разделен был на три департамента: Миних, в звании первого министра, заведовал делами военными; Остерман, пожалованный в генерал-адмиралы, дипломатическими сношениями и флотом; канцлер князь Черкасский и вице-канцлер граф Головкин делами внутренними. Начальство над войском вверено было отцу императора, принцу Антону Ульриху, возведенному в достоинство генералиссимуса.

Руководствуясь советами Остермана и Миниха, так хорошо знавших Россию и так ясно понимавших ее желания и надежды, принцесса старалась поддержать доброе расположение умов делами кротости и милосердия. Прежде все-

го она освободила из оков несколько тысяч невинных узников, заключенных Бироном в темницы или сосланных в Сибирь. Вслед за тем явила милости каждому сословию: вельмож и войско осыпала наградами; духовенству возвратила поместья и отчины, отобранные в казну незадолго до кончины императрицы Анны, повелев в то же время строго соблюдать правила церкви и сохранять православие; купечеству даровала два весьма важные постановления, долженствовавшие усилить развитие народной промышленности: устав о банкротах и регламент о фабриках; народу простила недоимки за несколько лет. Кроме того, повелела умножить в государстве училища. Одним словом, принцесса так хорошо умела угодить всем сословиям, что Россия благословляла ее правление.

Но искренние друзья Анны, более других проникательные, с опасением смотрели на будущее. С одной стороны их беспокоила молва о намерении цесаревны Елизаветы Петровны возвратить отнятое у ее дома право на престол; с другой же стороны, с каждым днем они убеждались, что правительница собственною неосторожностью погубит и себя, и семейство, и всех своих приверженцев. В самом деле, принцесса со многими прекрасными свойствами души соединяла многие недостатки: была очень вспыльчива, своенравна, легкомысленна и беспечна. Явив редкую деятельность в начале правления, она скоро до того возненавидела заботы государственные, что не хотела являться на торжественных выходах, тем неохотнее слушала доклады своих министров и все время проводила среди немногих друзей, из которых главными были фрейлина Юлиана Менгден, австрийский посланник маркиз Ботта и саксонский посланник граф Линар. Они заводили при дворе интриги, ссорили принцессу с ее супругом, вооружали ее против Миниха, чернили Остермана и кончили тем, что погубили правительницу.

Не доверяя Остерману, не слушаясь Миниха, следуя единственно внушениям своих наперсников, принцесса вмешалась в дело постороннее для России, в спор Пруссии с Австрией за Силезию: следствием этого вмешательства было, во-первых, удаление Миниха, служившего крепкою опорой престола Иоанна; во-вторых, несогласие с Версальским кабинетом, который вооружил на правительницу извне Швецию, внутри Елизавету.

Фридрих II, король прусский²², при самом вступлении на престол, незадолго до кончины императрицы Анны, задумав отнять Силезию у наследницы Карла VI, *Марии Терезии*²³, искал дружбы нашего двора и предложил Петербургскому кабинету заключить оборонительный союз. Вызов его был принят тем охотнее, что принц Антон Ульрих был с ним в родстве, а Миних не мог простить Венскому кабинету Белградского мира; договор был заключен с обязательством помогать друг другу во всякой войне, кроме Персидской или Турецкой. Вслед за тем Фридрих вторгнулся в Силезию. Мария Терезия немедленно обратилась к российскому двору с просьбою о помощи, на основании прежних трактатов²⁴, и нашла деятельного ходатая в графе Линаре, которому курфюрст Саксонский предписал в то же время расстроить согласие России с Пруссией. Линар без труда склонил принцессу нарушить договор с Фридрихом и заключить против него союз с Марией Терезией. Миних считал тем более несправедливым воевать с королем, не подавшим никакого повода к неудовольствию, еще недавно уверял его в дружбе, стоял за него грудью и спорил в кабинете с Остерманом, который по обыкновению держался того, кто был сильнее: а граф Линар делал все, что хотел. Правительница изъявила фельдмаршалу свой гнев: он подал в отставку, и был уволен.

Но между тем как собиралось войско на западной границе для помощи Марии Терезии, Версальский кабинет, также объявивший притязания на часть австрийских владений, спешил отвлечь наши силы в другую сторону и озаботить правительницу внутри. Вследствие того один посол французский в Стокгольме подстрекал Швецию к войне с Россией; другой посол Франции, в Санкт-Петербурге, маркиз Шетарди изъявил цесаревне Елизавете готовность своего короля содействовать ей к восшествию на престол императорский.

Склонить Швецию к войне было нетрудно: Франция располагала ее политикой. С тех пор как преемница Карла XII Ульрика Элеонора допустила сенату ограничить права королевские, дворянство овладело верховною властью, разделилось на многие партии и, как обыкновенно бывает, дозволила иноземцам вмешиваться в дела королевства. После многих неустройств, обессиливших Швецию, образовались две главные, одна другой неприязненные, партии *Горна* и *Гил-*

ленборга²⁵. Горн был главою людей благомыслящих, равно заботившихся и о внутренней тишине и о внешнем спокойствии. Жить с Россией в согласии они считали необходимою, предвидя, в случае войны, одни новые траты. Гилленборг был вождем всех людей беспокойных, требовавших сильного потрясения внутреннего и войны с соседями. Лет десять обе партии старались одолеть одна другую с переменным счастьем; сперва перевес был на стороне Горна; теперь он достался Гилленборгу. Приверженцы его, подстрекаемые золотом Франции, уже несколько лет грозили России войною, выжидая удобного случая отнять у нее завоевания Петра. Казалось, это время наконец настало: на русском престоле был младенец. Французский посол, выполняя волю своего кабинета, уверял, что Россия находится в совершенном бессилии, и слова свои подкреплял золотом. По требованию Гилленборга сенат объявил нам войну под разными ничтожными предлогами; в манифесте, между прочим, было сказано, что шведы намерены освободить Россию от господства иноземцев и возвести на престол Елизавету Петровну, но главною целью было возратить все, что уступлено было Петру по Ништадтскому договору.

Шведский манифест сильно встревожил правительницу более всего потому, что русский флот во время господства Бирона пришел в самое жалкое состояние: адмиралтейство не могло вывести в море ни одного корабля; суда сгнили; матросов не было. К счастью, шведы вздумали бороться с нами на сухом пути, чтобы прежде всего вытеснить нас из Финляндии. Сподвижник Миниха, фельдмаршал Ласси спешил предупредить их вторжение, быстро повел войско против неприятеля, напал при Вильманстранде на генерала Врангеля, разбил его наголову и взял в плен со всем корпусом²⁶. Опасаясь подобной участи, главнокомандующий шведскою армиею генерал Левенгаупт спешил удалиться от русских пределов.

Правительница торжествовала. Не менее торжествовала и Франция, успев впутать Россию в войну на севере и отклонить ее от содействия Марии Терезии. Между тем *Шетарди*²⁷ не отчаивался потревожить принцессу и с другой стороны. Он свел тесную дружбу с лейб-медиком цесаревны *Елизаветы Петровны*²⁸ *Лестоком*²⁹, человеком хитрым, честолюбивым и отважным. Пользуясь доверием цесаревны, Лесток беспрестанно твердил ей о правах ее на пре-

стол, о всеобщей привязанности к ней народа, о возможности исторгнуть кормило правления из рук неосторожной Анны. Елизавета хорошо понимала права своего дома, но, любя жизнь мирную, беспечную, она с боязнью смотрела на заботы государственные и, вероятно, не решилась бы искать короны, если бы сама правительница не принудила ее: принцесса хотела выдать ее замуж за одного из мелких владетелей немецких с намерением удалить ее из России, а себя объявить императрицею. Цесаревна вовсе не желала вступать в брак, рассорилась с принцессою, с которой жила доголе дружно, редко стала с нею видаться и начала беспокоиться о будущем: Лесток уверил ее, что правительница думает заключить ее в монастырь. Елизавета решилась.

Ночью 25 ноября, взяв с собою камер-юнкера своего Воронцова и Лестока, цесаревна отправилась в Преображенский полк; солдаты с умилением смотрели на нее как на дочь Петра Великого, изъявляя готовность возвести ее на престол. Цесаревна строго запретила им проливать кровь; велела только взять под стражу правительницу с ее семейством и главными приверженцами. Все кончилось в несколько часов. Принцесса Анна, супруг ее и сын были перевезены из императорского дворца в дом Елисаветы; Миних, Остерман, Головкин, Левенвольд, Менгден заключены в крепость. Утром того же дня все полки гвардейские с радостью присягнули новой императрице; вслед за ними все чины светские и духовные.

Участь Анны и семейства ее были горестные. Елизавета сначала хотела отправить ее с сыном и супругом в Германию, но, подумав, что Россия может дорого заплатить за свободу Иоанна, если он вздумает искать престола, решилась пожертвовать человеколюбием ради безопасности государства. Остановленное в Риге на пути в Германию, семейство Анны более года содержалось под строгим караулом в Динаминдской крепости; оттуда перевезено в Раненбург, город Рязанской губернии. Здесь принцесса разлучена была с сыном: сама она с супругом отправлена в Холмогоры, где смерть постигла ее в 1746 году; принц Антон Ульрих жил после нее лет тридцать и умер также в Холмогорах. Сын их Иоанн был заключен в Шлиссельбургской крепости и погиб там в начале царствования Екатерины II. Два младшие брата его и две сестры, получив свободу в 1780 году, отправлены были в Данию. Главные приверженцы Ан-

ны Леопольдовны также пострадали: лишенные чинов и всего имения, они были сосланы в Сибирь. Миних более 20 лет, до воцарения Петра III, находился в заточении в Пелыме, в том самом доме, который он приказал выстроить для Бирона, переведенного в Ярославль; товарищи его Остерман, Головкин, Левенвольд, Менгден кончили жизнь в Сибири.

V. ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА (1741—1761)

Падение принцессы Анны должно было прекратить неприязненные действия Швеции, объявившей России войну преимущественно за устранение Петровой династии от престола: по крайней мере так сказано было в Шведском манифесте. В самом деле, немедленно по воцарении Елизаветы, граф Гилленбург прибыл в С.-Петербург для мирных переговоров, но так как в награду за мнимое содействие к низвержению Иоанна он настоятельно требовал уступки Выборга с принадлежавшей им частью Финляндии и Карелии, Елизавета же хотела непременно сохранить все приобретения своего отца, то переговоры пресекались в самом начале, и война возгорелась снова. Театром ее попрежнему была Финляндия. С обеих сторон силы были равные, но главнокомандующий шведской армией граф Левенгаупт отличался только слепой ненавистью к России, не имея ни дарований, ни сведений полководца, между тем как русский фельдмаршал Ласси и сподвижник его генерал Кейт действовали с тем же искусством, которым ознаменованы все их походы. Борьба кончилась в одно лето совершенным поражением шведов и завоеванием всей Финляндии.

Весною 1742 года Ласси быстро и смело повел войска на неприятеля, чтобы отгеснить его за реку Кимень. Левенгаупт мог без труда остановить русских, встречавших на пути естественные преграды, часто непроходимые теснины, но он счел за лучшее уклониться от боя и отступить к Абову. Ласси преследовал его с обычною деятельностью, загнал шведов за Кимень и, став на дороге к Абову, прижал их к морю. Неприятель укрепился недалеко от Гельсингфорса, ожидая помощи от стоявшей на виду у него эскадры. Вскоре, однако, появились русские галеры

и прогнали неприятельский флот. Левенгаупт мог спасти свою армию только битвой; вместо того он бросил ее и удалился в Швецию, где сенат предал его суду и казнил. Покинутые шведы упали духом, положили оружие, отдали всю свою артиллерию и с бесславием возвратились во свояси³⁰. Финляндия, оставленная без защиты, была занята русскими войсками. Шведский сенат изъявил желание примириться, и в Абопе открылись переговоры. Военные действия, однако, не прекращались: неприятель хотел выиграть время и снарядил сильнейший флот; мы также успели вывести в море несколько линейных кораблей под начальством адмирала Головина. Между тем сам Ласси сел на галеры и готовился переплыть Ботнический залив, чтобы напомнить Швеции времена Петра, когда Апраксин и Голицын громили ее прибрежные города и села. Такое намерение ускорило ход переговоров: мир был заключен в Або³¹. Швеция уступила России на вечные времена область Кименегорскую, или часть Финляндии до реки Кимени, с городами Фридрихсгамом, Вильманстрандом, и остальную часть Карелии с крепостью Нейшлотом.

С воцарением Елизаветы исчезло мнение, что только иноземцы могут поддерживать творение Петра Великого. Престол ее окружили одни русские вельможи; все отрасли государственного управления вверены были русским. Господство иноземцев кончилось: устрешенные падением Бирона, Миниха, Остермана, друзья и помощники их спешили удалиться. В числе их Россия потеряла много людей достойных, в особенности из школы Миниха, явивших вскоре блестящие таланты в Австрии, Пруссии, Франции; таковы были: Кейт, полководец Фридриха II, молодой Ласси, сын фельдмаршала, вождь Марии Терезии, Левенталь, сподвижник маршала де Сакса, Манштейн и многие другие. Сам Лесток, оказавший Елизавете столь важную услугу, осыпанный сначала наградами, возведенный в графское достоинство, мог держаться при дворе до тех пор, доколе уклонялся от дел; как скоро вздумал вмешиваться в политику, его немедленно удалили и сослали в Устюг, где он содержался под стражею до воцарения Петра III. Даже миролюбивый Эйлер, занимавшийся единственно математическими вычислениями, счел за лучшее переселиться в

Берлин. Только два замечательные иностранца, фельдмаршал Ласси и генерал Фермор остались в России, заслужив общую признательность бескорыстным усердием к престолу и благородным характером.

Не жалуя иноземцев, мы не думали, однако, возвращаться к старой жизни, как было при Петре II; напротив, перенимали европейские обычаи охотнее прежнего; при дворе стал господствовать французский язык со всеми условиями французской моды. Мы перестали верить, что только немцы необходимы для России: русские хотели действовать сами и действовали с блестящим успехом, устраивая государство внутри, возвеличивая извне. Творение Петра не разрушалось сколько потому, что Елизавета благоговела к его памяти, к его уставам и намерениям, столько, и еще более, потому, что жизнь европейская слилась с русскою жизнью.

Из лиц, окружавших престол Елизаветы, одни пользовались ее особым доверием, заправляли ходом дел и большею частью кончили свое поприще вместе с ее жизнью; другие только начали обнаруживать свои дарования в ее царствование и прославили себя при Екатерине II. В числе первых особенно замечательны: Бестужев-Рюмин, Воронцов, Шуваловы, Разумовские; в числе вторых Румянцев и Панины. В конце жизни Елизаветы заговорили и о Суворове, еще полковнике. Как те, так и другие, исключая Бестужева, явились на государственном поприще людьми молодыми, неопытными, в незнатных чинах, и скоро доказали, что не одни Минихи и Остерманы могут водить русские войска к победам или устраивать государство.

Граф Алексей Петрович *Бестужев-Рюмин* служил с честью Петру Великому и преемникам его в звании резидента и посланника при разных европейских дворах, где умел заслужить общее уважение умом, искусством, образованием. Незадолго до смерти императрицы Анны Бирон вызвал его в С.-Петербург и назначил членом кабинета министров. Милость регента, еще более зависть Остермана едва не погубили его: преданный суду правительницею Анною за содействие планам Бирона, он был исключен из кабинета. Ходатайство Лестока доставило ему звание вице-канцлера; вскоре императрица Елизавета убедилась, что никто из вельмож ее не знает так хорошо хода европейской политики, как Бестужев, и вверила ему управление делами дипло-

матическими. Целые 16 лет он пользовался доверием государыни, но в последние годы ее жизни впал в немилость, частью от собственной неосторожности, частью по наветам многочисленных завистников своих.

Место Бестужева занял граф Михаил Илларионович *Воронцов*, служивший при цесаревне Елизавете камер-юнкером и за деятельное участие в низвержении Иоанна возведенный в высшие степени. Уступая предшественнику в образовании и искусстве дипломатическом, он превосходил его честностью и благородством характера.

Столь же быстро возвысились и *Шуваловы*. Их было трое: два родные брата Александр Иванович и Петр Иванович и дальний родственник их Иван Иванович. Первые два служили вместе с Воронцовым при дворе цесаревны камер-юнкерами, содействовали ей к восшествию на престол, были пожалованы графами и стали наряду с первыми вельможами; последний обязан своим возвышением сколько их покровительству, столько и личным достоинством. Все они, до самой кончины Елизаветы, были могущественными людьми и оставили по себе память в потомстве. Граф Петр Иванович оказал отечеству великие услуги улучшением разных отраслей государственных; Иван Иванович обессмертил свое имя просвещенною заботою о народном образовании.

Еще замечательнее быстрое возвышение *Разумовских* из самого незнатного звания до первых степеней. Старший брат, граф *Алексей Григорьевич*³², был обер-егермейстером и генерал-фельдмаршалом: младший, Кирилл Григорьевич, президентом академии наук и последним гетманом Малороссии. Подобно Шуваловым, они пользовались неизменным доверием государыни и заслуживали ее вполне беспрельдною преданностью престолу, любовью к отечеству, природным умом, еще более редким благодушием. Нет сомнения, что если бы такие люди окружали престол Анны, Россия не испытала бы тех бедствий, которые были уделом ее под железным скипетром Бирона.

Елизавета не отличалась ни блестящими свойствами ума, ни опытностью в делах государственных, едва ли не более всех своих предшественниц любила удовольствия двора, блиставшего роскошью и утонченным вкусом, и уклонялась от тягостных забот правления, предоставив их своим министрам, но она имела сердце доброе, хотела цар-

ствовать кротостью, не щадя однако в случае надобности самых близких к ней особ, и умела заслужить живейшую признательность подданных. Желая мира и тишины, она не хотела тревожить ни себя, ни народа смелыми предприятиями, которые могли бы расширить пределы империи или произвести важные перемены внутри государства. Все ее мысли и желания клонились к одной цели, к утверждению порядка, установленного Петром Великим, и сохранению внешнего спокойствия России. С этой целью уничтожив в самом начале своего царствования кабинет министров и восстановив прежние права сената, вверила ему верховное управление внутренними делами, повелела строго соблюдать законы Петровы и отменила многие действия своих предшественников, несогласные с его видами. Для сохранения же внешнего спокойствия государства она заключила дружбу со всеми соседями и оборонительные договоры с первенствующими державами Европы.

Не менее заботилась и о будущей участи России: немедленно по вступлении на престол она назначила преемником себе родного племянника своего, сына старшей сестры, Анны Петровны, владетельного герцога Голштинского, Карла Петра Ульриха; он прибыл в Россию в 1742 году и тогда же принял греко-российское вероисповедание, с именем великого князя Петра Федоровича, а через два года сочетался с дочерью принца Ангальт-Цербстского Софией Августою, нареченною, по принятии греко-российского закона, великою княгинею Екатериною Алексеевною. Обеспечив таким образом и внутреннее спокойствие, и внешнюю безопасность, и будущую участь России, Елизавета на целые 14 лет даровала государству вождеденную тишину, царствовала кротко и счастливо: народ любил ее как дочь Петра Великого, еще более как государыню добрую, милостивую и благочестивую. Царствование ее казалось золотым после Бироновских ужасов.

Невзирая, однако, на принятую систему уклонения вообще от всяких важных перемен, 14 лет мирного царствования Елизаветы ознаменовались многими полезными учреждениями внутри государства и деятельным участием нашего двора в делах европейских. Слава улучшений в устройстве внутреннем принадлежит наиболее *Шуваловым, Петру Ивановичу и Ивану Ивановичу*; честь

искусных действий на поприще дипломатии *Бестужеву-Рюмину*³³.

Граф Петр Иванович Шувалов был вельможа роскошный и расточительный; для покрытия своих огромных издержек он не щадил государственной казны и, пользуясь неограниченным доверием Елизаветы, присвоил исключительное право на отпуск за границу многих прибыльных предметов торговли, сала, леса, ворвани; установленная им монополия столько же вредила частным лицам, сколько и государству. Но, удовлетворяя своему корыстолюбию, он в то же время ревностно заботился о лучшем устройстве разных отраслей и оказал отечеству услуги незабвенные. В 1753 году представлен им сенату достопамятный проект об уничтожении внутренних таможен и застав, обременявших народ бесчисленными неудобствами: крестьянин, отправляясь в город с возом хлеба, на каждом мосту, который встречал на дороге, платил пошлину; сверх того, при въезде в город, при складке товара, при продаже, на обратном пути вносил столько разных сборов, что нередко возвращался домой без хлеба и без денег. Эти сборы существовали в семнадцати разных видах. Народ был обременен налогами; казна же не получала от них и миллиона рублей: наживались одни целовальники и приставы таможенные. Шувалов изъяснил сенату, что подобные налоги могли быть необходимы, когда народ не платил подушной подати, но что по введению ее справедливость требует уничтожить прочие внутренние сборы; в замене же получаемого от них дохода предложил возвысить пошлины на товары, привозимые из-за границы. Сенат принял мнение Шувалова с восторгом; императрица охотно утвердила доклад сената, и внутренние таможи были уничтожены во всей империи, к величайшей радости народа.

Вслед за тем учреждены были два государственных заемные банка, дворянский и коммерческий, где каждый, представивший залог вещами, товарами или недвижимым имуществом, мог получать на известный срок до 10 000 рублей за умеренные проценты, именно за 6, между тем как при займе у частных лиц платили по 10, по 15, даже по 20. Редкие меры правительства имели столь благоприятное влияние на общее расположение умов, как уничтожение застав и учреждение банков: каждый извлек из них более

или менее существенную пользу, и все сословия благословляли имя Елизаветы.

Граф Шувалов много содействовал улучшению и военного дела. Русская артиллерия так им усовершенствована, что вскоре она привела в трепет Фридриха II. По званию генерал-фельдцейгмейстер, он заботился о ней неусыпно, придумывал новые орудия, устраивал оружейные заводы, учил офицеров и солдат беспрестанно, нередко изумлял французских артиллеристов, тогда лучших в Европе, быстротою, точностью и смелостью своих канониров. По его же проекту составлены подробные правила относительно содержания и продовольствия войск, в чем русская армия наиболее нуждалась, подвергаясь во время похода опасности погибнуть с голода от неустройства провиантского ведомства. Графу Шувалову принадлежит, наконец, первая счастливая мысль разделения всей империи на пять частей для сбора рекрут с каждой полосы по очереди, в облегчение народа. Со времен Петра Великого армия пополнялась всеобщим рекрутским набором, смотря по надобности, со всего государства, в неопределенные сроки. Шувалов нашел эту меру неудобною, во-первых, потому, что для приема рекрут отправлялись в губернии многочисленные команды, ослаблявшие полки; во-вторых, при значительной убыли солдат поступало в армию вдруг множество людей, не знавших службы; в-третьих, помещики от внезапного требования рекрут не всегда были готовы к поставке их и с великим трудом могли выполнять свои обязанности. Во избежание этих неудобств Шувалов предложил установить ежегодный определенный набор со ста душ по одному человеку, возложив его на губернаторов, но не со всего государства, а только с пятой части, так что очередь поставки рекрут доходила до каждого общества и селения через 5 лет. Такая мера освобождала полки от посылки команд, давала время вновь набранным рекрутам приучиться к службе, главное же, определяя срок, доставляла селениям возможность приготовиться и распорядиться.

Сверх того, императрица утвердила еще два проекта: о составлении нового уложения, сообразного с потребностями века и с обычаями народа, и о всеобщем размежевании земель; оба они остались, однако, без исполнения.

Родственник графа Петра Ивановича, Иван Иванович Шувалов, вельможа просвещенный, умный, благонаме-

ренный, с не меньшею ревностью и успехом трудился для образования народного. Россия обязана ему основанием первого своего университета в Москве в 1755 году и академии художеств в С.-Петербурге. Академия наук, доведенная до совершенного упадка во время Биронова господства, получила новый устав, определивший круг ее обязанностей и давший ей более средств к прочному существованию. Морская академия, учрежденная Петром Великим, получила совершенно новое устройство, более прочное и основательное, под именем Морского корпуса. Но важнейшею мерою к образованию народному было намерение Шувалова учредить во всех главных городах гимназии; обстоятельства времени не позволили исполнить эту благую мысль во всей ее полноте. По его же представлению императрица строго запретила русским дворянам поручать детей воспитанию иноземцев, не получивших аттестата от академии наук или от Московского университета.

Если эти и многие другие полезные учреждения должно приписать наиболее министрам и советникам Елизаветы, то ей самой принадлежит слава важного улучшения в уголовном нашем законодательстве. Побуждаемая чувством милосердия, она повелела: преступников, подлежавших лишению жизни, по прежним законам, за убийство, разбой, грабеж, наказывать вместо *натуральной смерти политической*: т. е. виновного в тяжком уголовном деле, по объявлении смертного приговора, клали на плаху, секли кнутом и ссылали в каторжную работу. Первоначальный указ об этом дан был фельдмаршалу Ласси в 1743 году; впоследствии через 10 лет он подтвержден сенатом.

Молва о счастливом царствовании Елизаветы, о благоденствии ее подданных распространилась далеко за пределы империи. Несколько тысяч сербов, подвластных австрийскому дому, недовольных притеснениями римского духовенства, изъявили желание переселиться в Россию, под кров государыни единой верной. Императрица, с согласия Венского двора, охотно приняла их в свое подданство и приказала отвести им земли на южных пределах, в степях, уступленных России Белградским договором. Сперва прибыл полковник Хорват с многочисленными толпами сербов, единой верных им македонян, бол-

гар, волохов, и занял степь на правой стороне Днепра, в верховьях Ингула, там, где ныне находится Елизаветград. Вслед за ним полковники Шевич и Депрерадович привели также несколько тысяч славянских народов и поселили их на пределах Украйны, между Бахмутом и Луганью. Эта колония, названная Новою Сербией, получила многие преимущества, между прочим свободу от податей, и могла принести значительную пользу государству: она увеличила наши средства к обороне в краю, подверженном беспрестанным набегам татар. Хорват и Шевич обязались составить из своих единоплеменцев 4 полка гусарские и пандурские, каждый в 4 тысячи человек, и вскоре оказали услугу в Семилетней войне. Еще более пользы надлежало ожидать для занятого ими края: в самом деле трудолюбивые сербы положили начало гражданской жизни в степях безлюдных, искони привыкших видеть только временные кочевья полудиких народов.*

Между тем как Шуваловы устраивали Россию внутри, Бестужев-Рюмин с искусством управлял ее внешнею политикою. Елизавета хотела одной только безопасности государства со стороны соседей и уклонялась от всякого повода к разрыву. Бестужев, соединяя с подробным знанием всего хода политики смелость, решительность и зрелое искусство дипломата, думал, что для России настало, наконец, время занять в системе европейских держав почетное место, на которое она имела право по своим средствам. Он хотел, чтобы ни один важный вопрос на западе, тем более у соседей, не был решен без влияния Петербургского кабинета, и доставил своей государыне славу первого деятельного участия в делах европейских: никогда ни при Петре Великом, ни при Анне Иоанновне это участие не было так решительно и могущественно, как при Елизавете.

Влияние России обнаружилось прежде всего в важном вопросе, колебавшем Швецию и грозившем взволновать северную Европу. После смерти королевы Ульрики Элеоноры, скончавшейся бездетною в 1741 году, шведский сенат решился заблаговременно избрать преемника ее супругу: выбор пал на герцога Голштин-Готторпского Карла Пе-

* Скальковский. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 2 ч. Одесса. 1836.

тра Ульриха, имевшего право на корону по ближнему родству его с домом Карла XII; но так как герцог в то же время был объявлен наследником российского престола, то сенат вступил в переговоры с королем датским, который предлагал своего сына в намерении соединить скандинавские государства в одну державу. Петербургский кабинет не мог равнодушно смотреть на тесный союз Швеции с Данией и со своей стороны предложил принца Голштинского Адольфа Фридриха; сверх того, явились еще другие искатели шведской короны. Шведы разделились на партии, из которых сильнейшими были датская и голштинская; междоусобная война готова была вспыхнуть. Жители Далекарлии, взволнованные датчанами, осадили Стокгольм. Императрица, по совету Бестужева, спешила поддержать приверженцев принца Голштинского и отправила на помощь им отряд войска под начальством генерала Кейта, тогда еще находившегося в русской службе. Кейт смирил недоброхотов России, прогнал датчан, и партия голштинская восторжествовала. После того мы могли считать себя безопасными со стороны Швеции: наследник шведского престола Адольф Фридрих был дядя наследнику российского престола, великому князю Петру Федоровичу.

Вскоре могущественное посредничество России решило другой спор, еще более запутанный, обратившийся в бесконечную распрю, в ожесточенную вражду, которая целые 8 лет терзала Европу за вопрос об австрийском наследстве. Главные соперники дочери Карла VI, объявившие права на ее владения, курфюрст Баварский, курфюрст Саксонский, король прусский, король сардинский, после пятилетней брани один за другим сошли с театра войны и, после стараний английского короля примирились с Марией Терезией. Версальский кабинет, принявший сторону врагов ее, чтобы ослабить и унижить дом Габсбургский, не прекращал неприязненных действий и решился овладеть Австрийскими Нидерландами. Мария Терезия не в силах была подать им помощь и предоставила защиту их верным союзникам своим, англичанам и голландцам. Блестящие победы французского вождя маршала де Сакса над союзными войсками при Фонтенуа и Року, доставив Австрийские Нидерланды в руки французов, открыли им путь в Голландию. Жители ее, подкрепляемые англичанами, оборонялись храбро, но поражение герцога Кумберландского

под стенами Маастрихта маршалом де Саксом и взятие неприступной крепости Берг-оп-цома сподвижником его графом Левенталем (учеником Миниха) навело ужас на всю Голландию. Английский король, после тщетных усилий вытеснить французов из покоренной ими страны, опасаясь уже за самый Ганновер, обратился с просьбою о помощи к российской императрице на основании оборонительного договора, заключенного с нашим двором в 1747 году. Елизавета спешила послать на защиту Голландии значительный корпус (37.000) под начальством князя Репнина. Он быстро прошел Польшу, Моравию, Богемию и явился на берегах Рейна, к изумлению западной Европы, вторично увидевшей на полях Франконии русское воинство. Прибытие его решило спор. Правда, еще прежде мирные переговоры открылись в Ахене, но вопрос был так запутан, претензии так были многосложны, что надлежало опасаться нового разрыва. Движение Репнина к пределам Голландии устранило все споры: Франция, уже утомленная войною, не хотела вступать в новую борьбу с Россией, уменьшила свои требования, даже согласилась остаться в тех же пределах, которые определены Утрехтским трактатом, как ни унижительно были его условия для Версальского кабинета, и вождеденный мир, благодаря нашему участию, успокоил наконец Европу.

Бестужев поставил Россию в такое положение, что западные венценосцы с величайшим старанием, наперебой друг пред другом, искали дружбы Елизаветы. Англия платила нам за союз огромные суммы. Императрица хотела быть посредницею в непрерывных спорах, возникших на западе, и через 8 лет после Ахенского мира приняла самое деятельное участие в новой войне между Австрией и Пруссией, известной под именем Семилетней. В первые годы своего царствования она была в тесной дружбе с Фридрихом II; по желанию его, охотно согласилась в 1743 году подтвердить старинный союз России с Пруссией, обязалась помогать королю в случае нападения на него кого-либо из соседей, ручалась в ненарушимости Бреславского договора, утвердившего за Фридрихом Силезию; сверх того с обеих сторон условились охранять права диссидентов в Польше и с общего согласия назначить герцога Курляндского, престол которого оставался свободным со времени

падения Бирона. Согласие между обоими дворами было непродолжительно: оно расстроилось от многих обстоятельств, заставивших российский двор смотреть на Фридриха как на возмутителя всеобщего спокойствия. Первою виною раздора был сам Фридрих.

Едва заключив мир с Марией Терезией и курфюрстом Саксонским в Бреславле, он сверх чаяния снова вооружился, разорил Саксонию и вторгнулся в Богемию, чтобы новыми победами прославить себя в Европе и тем крепче утвердить за собою Силезию. Такой поступок не мог не возбудить живейшего негодования Елизаветы, искренне желавшей всеобщего спокойствия. Она стала смотреть на Фридриха как на государя честолюбивого, готового жертвовать всем ради своей славы и личных выгод. Кроме того, до нее дошли слухи, что король, пламенный почитатель Вольтера, говорит и действует в духе его школы и своими насмешками не щадит ни русских министров, ни самой императрицы. Такие поступки, оскорбляя самолюбие Елизаветы, тем более увеличили неприязнь ее к Фридриху, что и Бестужев-Рюмин имел причины не любить его. Венский двор, руководимый Кауницом, министром хитрым и дальновидным, спешил воспользоваться неудовольствием нашего двора и в 1746 году предложил подтвердить оборонительный договор, с тем что если король прусский снова, т. е. уже в третий раз, вторгнется в австрийские владения, Россия немедленно пошлет на помощь Марии Терезии до 30 000 человек. Елизавета согласилась охотно, получив обещание, что и Австрия будет помогать ей в случае войны с турками или с другими соседями, кроме Персии.

Фридрих в продолжение 10 лет был спокоен, не тревожил ни Австрии, ни Саксонии, ни России, занимался науками, поэзией, писал мудрые законы, прекрасные стихи, беседовал с учеными, развивал промышленность; между тем, ежегодно увеличивал свою армию, учил солдат неутомимо и держал в готовности стотысячное войско, доведенное во всех частях до такой степени совершенства, что подобного не бывало еще в Европе. Кауниц с опасением смотрел на могущество Пруссии, грозившей исторгнуть первенство Австрии между немецкими державами, по крайней мере, разделить с нею господство в Германии, и счел нужным увеличить средства обороны своей государыни новыми союзами: ему удалось склонить на свою сторону боль-

шую часть Европы, даже старинную соперницу Австрии, Францию. Договором 1756 года обе державы обязались помогать одна другой всеми силами, в случае неприятных действий короля прусского. К этому договору, известному под именем Версальского³⁴, приступили Россия и Саксония. По сознанию самого министра Фридриха Герцберга, главною целью союзников было обезопасить Австрию от новых притязаний Пруссии; король думал иначе: узнав о существовании Версальского договора, он полагал, что союзники ожидают только удобного случая отнять у него Силезию, даже уничтожить его королевство, и решился сам начать борьбу, прежде чем враги соберутся с силами. Прусские войска вступили в Саксонию. В Дрезденском архиве Фридрих нашел подлинные документы о союзе Австрии, России, Саксонии и Франции против Пруссии и обнаружил их в свое оправдание. Но доводы его никого не убедили: все почти владетели Германии приняли сторону Марии Терезии. Швеция также. Англия, обязавшись помогать Пруссии, вскоре оставила ее, и Фридрих должен был один бороться со всею Европою.

В продолжение семи лет он с удивительным мужеством и искусством отбивался от врагов, которые со всех сторон нападали на его королевство, одерживал блестящие победы, не унывал после жестоких поражений и обессмертил себя подвигами доблести редкой, но Пруссия дорого заплатила за славу своего короля: после семилетней борьбы она представляла одни развалины городов и сел. Нет сомнения, что Фридрих не вверг бы своего народа в бездну злосчастия, если бы сам не начал войны.

Самым опасным врагом Пруссии была Россия, которая едва не подавила ее своими исполинскими силами. Елизавета, объявив Фридриха нарушителем всеобщего спокойствия, решилась отнять у него средства тревожить в будущем спокойствие Европы. С этой целью она хотела: Силезию возвратить Австрии, большую часть Пруссии отдать Августу III в вознаграждение понесенных им убытков от троекратного разорения Саксония, а Фридриха оставить при одной Бранденбургии. Военные действия с нашей стороны начались через год после разрыва; мы совершили в Пруссию пять главных походов, ознаменованных храбростью войск, мужеством генералов, страшным опустошением земли неприятельской. Императрица строго повелела

соблюдать дисциплину и щадить мирных жителей: регулярные войска исполняли ее волю; но казаки и калмыки не давали никому пощады. Театром наших действий было пространство между Неманом и Эльбой.

Первые два похода были без важных последствий. Фельдмаршал граф Апраксин, заняв Мемел, вторгнулся в восточную Пруссию с 70 000 армией, в то время когда Фридрих, разбитый при Коллине, удерживал напор австрийцев на Силезию. Еще не зная русских, он думал без труда управиться с ними, и поручил фельдмаршалу Левальду вытеснить их из Пруссии. Левальд, имея не более 40 000 человек, напал на Апраксина при Гросс-Егерсдорфе и потерпел жестокое поражение сколько от собственной неосмотрительности, столько и от искусства генерала *Румянцева*³⁵, подавшего помощь фельдмаршалу в решительную минуту. Апраксин, однако, не воспользовался победою и, к общему удивлению, отступил к пределам России. Загадка вскоре объяснилась. В это самое время Елизавета опасно занемогла; при дворе уже отчаивались. Бестужев, зная, что наследник ее смотрел с живейшим неудовольствием на войну с Фридрихом II, которого он уважал и любил как друга, хотел угодить будущему императору и дал Апраксину повеление возвратиться в Россию. Императрица, оправившись от болезни, с негодованием услышала об отступлении своей армии и строго наказала главных виновников: Бестужев был лишен всех чинов и сослан в деревню; Апраксин предан суду.

Вместо него главнокомандующим армией назначен генерал Фермор, отличившийся блестящим мужеством в турецких походах, под знаменами Миниха. Заняв Торн и Эльбинг, Фермор достиг берегов Одера и осадил Кистрин, чтобы, взяв эту крепость, перенести войну в середину Пруссии и овладеть Берлином. Фридрих, уже увенчанный лаврами на полях Росбаха и Лейтена, успев отбиться от французов и отвлечь силы австрийцев в Богемию, спешил остановить успехи русской армии. При Цорндорфе, недалеко от Кистрина, он напал на Фермора. Русские стояли твердо; пруссаки, предводимые самим королем, сражались как львы. Бой был жестокий; ни в одной битве за все время Семилетней войны не погибло так много людей; более 30 000 трупов покрыли поля Цорндорфские. После невероятных усилий Фридрих поколебал русскую армию

и сбил с поля сражения, но потерял цвет своего войска и, глядя на стройные ряды русских, явившихся готовыми к битве на другой день, не мог не сказать, что «их легче перебить, чем победить». Простояв с неделю на виду у неприятеля, Фермор вывел войска в Польшу и был щедро награжден императрицею: она пожаловала ему орден св. Андрея Первозванного и графское достоинство; впрочем, Фермор сложил с себя главное начальство над войском, которое поручено графу Петру Семеновичу Салтыкову, дотоле еще не ознаменовавшему себя никаким замечательным подвигом. Фермор согласился принять участие в походе, с званием корпусного генерала.

До сих пор союзники вели войну без общего плана; теперь они условились напасть на Пруссию в одно время со всех сторон. Положено было: русским войскам открыть военные действия на Одере; вслед за тем австрийским вторгнуться в Бранденбургию из Силезии, французским с берегов Рейна, шведским из Померании. Более 350 000 человек готовились наполнить Пруссию пеплом и развалинами. Гроза была страшная. Фридрих не робел; он ждал только, где она разразится, чтобы встретить ее с мужеством героя. Быстрое движение Салтыкова к Франкфурту-на-Одере удостоверило короля, что главный удар последует с востока: туда он обратился с лучшими войсками своими и напал на Салтыкова при Кунерсдорфе; после кровопролитного боя ему удалось сломить левое крыло русских, но граф П. И. Панин остановил его стремление. Фридрих, желая довершить победу, велел своему войску, утомленному упорным боем, сбить Панина: несколько раз пруссаки бросались на него с обычным мужеством и каждый раз, встречаемые жестоким огнем и штыками, отступали в беспорядке, наконец выбились из сил и расстроились. Салтыков, заметив ослабление неприятеля, ударил на него конницею под начальством храброго Румянцева и австрийского генерала Лаудона, незадолго перед тем присоединившегося к русской армии. Тщетно король старался личным примером ободрить свое войско: оно бежало в совершенном беспорядке. Вся прусская артиллерия осталась в руках победителей. Более 7 000 неприятельских трупов покрыли поле битвы, столько же попало в плен. Никогда еще Фридрих не претерпевал столь жестокого поражения, как при Кунерсдорфе³⁶: он считал свою гибель неизбежною и только хотел

пасть со славою. Несогласие союзных полководцев спасло его. Салтыков, узнав, что австрийский фельдмаршал Даун вопреки условию не трогается с места, не хотел подвергать свою армию всем тягостям войны за чужое дело и после тщетных стараний убедить Дауна к решительным действиям вывел свое войско из Пруссии в Польшу на зимние квартиры. Фридрих оправился.

В следующем году несогласие русского фельдмаршала с австрийским обратилось в явный раздор, и четвертый поход наш кончился тем, что генерал Чернышев успел занять отдельным отрядом Берлин, но на короткое время: Фридрих разбил австрийцев и освободил свою столицу. В пятом походе начальство над войском, из-за болезни Салтыкова, вверено графу Бутурлину. Он был еще неуступчивее своего предместника, беспрестанно спорил с австрийскими генералами и, приняв за правило не нападать на короля, а только обороняться от него, целый год не ознаменовал себя никаким подвигом. При всем том положение Фридриха было самое затруднительное: малочисленное войско его состояло из рекрут и пленных; лучшие генералы его погибли в битвах; области его, разоренные вконец, находились большей частью в руках неприятелей; казна его истощилась. Враги были неумолимы; намерение уничтожить его королевство было очевидно. Неожиданное событие спасло его: Елизавета скончалась 25 декабря 1761 года, передав престол другу Фридриха, *Петру III*³⁷.

VI. ПЕТР III (1761—1762)

Преемник Елизаветы, сын старшей сестры ее Анны и герцога Голштин-Готторпского Карла Фридриха, внук Петра Великого и Карла XII, император Петр III, при самом восшествии на престол объявил манифестом, что кротость Елизаветы будет направлять всеми действиями его и что в то же время он постарается идти по стопам великого деда своего. В самом деле, Петр III был государь кроткий, ревностно заботился о лучшем устройстве своей державы и успел ознаменовать кратковременное царствование свое, продолжавшееся не более полугода, замечательными предположениями, из которых многие были исполнены впоследствии, с некоторыми перемена-

ми, Екатериною II, немало содействовали славе ее царствования.

Первым делом его было примирение с Фридрихом II. Пятилетнее участие России в войне Австрии с Пруссией становилось тяжким для нас бременем, не принося никакой пользы. Елизавета надеялась в один поход, одним ударом смирить Фридриха; вышло иначе: мы должны были вступить в борьбу утомительную, сражаться за чужое дело и дорогою ценою покупать свои победы. Петр тем скорее желал прекратить столь тягостную борьбу, что постоянно был против войны с Пруссией; не имел никакого повода враждовать с королем ее; смотрел на него как на героя своего времени, удивлялся его необыкновенным талантам и считал себе за честь носить мундир прусского полковника. Никто из современников не умел так хорошо ценить достоинства Фридриха, как Петр. Одушевленный чувством самой искренней и бескорыстной дружбы, император, немедленно по вступлении на престол возвратил прусскому королю все владения его, занятые русскими войсками, без всякого возмездия, требуя одного братского союза, соглашаясь даже помогать Пруссии в войне с ее врагами³⁸. Фридрих с величайшею радостью принял предложение российского государя; оборонительный договор был заключен в С.-Петербурге. Главная русская армия, под начальством фельдмаршала Бутурлина, возвратилась в Россию; отдельный корпус генерала Чернышева, находившийся в распоряжении австрийского фельдмаршала Лаудона, присоединился к прусской армии.

Мир с Фридрихом был тем необходимее для России, что император вознамерился обратить все ее силы против старинного врага своего дома, против короля датского. Полувековой вопрос о Шлезвиге не был еще решен. Конвенция, заключенная при императрице Анне между дворами Петербургскими, Венским и Копенгагенским об уступке Шлезвига датскому королю за 1 миллион рейхсталеров, не прекратила спора: тогдашний герцог Голштинский Карл Фридрих, отец Петра III, не согласился на условия, предложенные союзниками. Дело осталось незаконченным. Прения возобновились в царствование Елизаветы. Датский посланник граф Линар умел склонить на свою сторону канцлера Бестужева, который хотел решить распрю миролюбивою сделкою; сама императрица желала этого охотно. Но великий князь, наследовавший после смерти отца престол

Голштинский, постоянно отвергал все предложения датского двора, настоятельно требовал возвращения Шлезвига и, вступив на престол императорский, решился поддержать свое право силою оружия. Война Дании была объявлена; король прусский обязался открыть свободный путь русским войскам через свое королевство; полки со всех сторон спешили в Померанию; многочисленный флот готовился выйти в море для осады Копенгагена; сам государь хотел отправиться к армии, вверенной главному начальству графа Румянцева. Стечение непредвиденных обстоятельств прекратило войну в самом начале и спасло северную Европу от всеобщего потрясения³⁹.

С тою же решительностью и быстротою Петр производил разные перемены внутри государства. В самом начале своего царствования он даровал дворянству такие преимущества, каких оно не имело ни прежде, ни после Петра Великого: старинная, неременная обязанность каждого помещика вступать в государственную службу была отменена; дворянин мог служить и не служить, по своему благоусмотрению; при отставке получал чин и имел право во всякое время отправляться за границу⁴⁰. Государь требовал одного: чтобы дворяне воспитывали своих детей сообразно их званию. В то же время уничтожил тайную розыскных дел канцелярию, строго запретив произносить «слово и дело», чем нередко пользовались люди злонамеренные ко вреду честных граждан; вслед за тем восстановил коллегию экономии для управления церковными поместьями, изъяв их из духовного ведомства в предположении назначить служителям церкви жалованье из монастырских доходов, остатки которых приказал употреблять на устройство инвалидов домов; повелел отменить многочисленные монополии, введенные при императрице Елизавете; наконец, приказал учредить государственный банк с капиталом в 5 миллионов рублей для выпуска билетов от 10 до 1000 рублей каждый с повелением принимать их во всех платежах как звонкую монету для облегчения денежных оборотов. Войску дано было новое устройство, по образцу прусскому. В законах государственных предполагалось произвести важные перемены. Кратковременность царствования лишила Петра возможности исполнить как эти, так и многие другие планы. С воцарением супруги его Екатерины начинался иной порядок дел, третий период новой русской истории.

VII. РОССИЯ К 1762 ГОДУ

В периоде, протекшем от смерти Петра Великого до воцарения Екатерины II, одни писатели видят спор двух державных династий, дома Иоанна с домом Петра, другие борьбу двух партий, русской с иноземною. Ни то, ни другое не было отличительным характером этого времени. Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна царствовали спокойно, без спора и без совместников; один Иоанн III встретил опасную соперницу и должен был уступить ей престол, но при этом случае борьба не была продолжительна: все кончилось в несколько часов. Елизавета царствовала без совместников; Петр III также не спорил с домом Иоанна. Столь же неправильно смотрят на борьбу двух партий, русской с иноземною как на главное выражение рассматриваемого нами периода: правда, они существовали при Екатерине I, Петре II и Анне Иоанновне, усиливаясь взять перевес одна над другою, доколе не утвердилось при Елизавете господство русских, но борьба их, состоявшая более в мелких, личных интригах, не имела значительного влияния на государственную систему. Справедливее скажем, что отличительною чертою этого времени было постепенно возрастающее могущество России с заметными успехами жизни внутренней, при всей слабости преемников Петра.

До Екатерины II Петр не имел достойного себе преемника. Все лица, управлявшие после него судьбою России, около 40 лет, благоговели к его памяти, изъявляли желание подражать ему, хотели довершить его планы, но это было не по их силам. Важнейшие предначертания Петра остались без исполнения: главная мысль последних лет его царствования, прочное органическое устройство государства, не получила дальнейшего развития; начатый им свод законов не подвинулся вперед; областное правление не улучшилось; в суде главным средством к открытию истины служила пытка; решительные меры Петра к оживлению промышленных и умственных сил народных ослабили в царствование его преемников, и не прежде как через 30 лет после него возник один университет с двумя гимназиями. Дальновидные намерения его в делах внешней политики также не все исполнились: Закавказье было брошено; единоверцы наши в западной

Руси страдали под игом поляков; крымцы грозили нам грабежом, даже после Минниховых походов.

Преемники Петра не только не довершили великих намерений его, но нередко уклонялись и от того, что было им сделано, по своекорыстным видам могущественных временщиков. Так Меншиков восстановил в Малороссии старинный образ управления, несогласный с выгодами России, отмененные Петром; так Бирон увеличил права Лифляндии и Эстляндии, вопреки намерениям Петра. Столь же несогласно с его целью промышленное сословие утратило дарованные им преимущества, а дворянство приобрело такие права, каких оно не имело ни при Петре, ни прежде его, получив свободу служить и не служить отечеству. Кроме того, в государственных действиях преемников Петра не было постоянной определенной системы: что делал один, то уничтожал другой, большею частью по видам сильных временщиков, сменявшихся беспрестанно с воцарением каждого нового государя. Так, один из важнейших вопросов о церковных имуществвах был решаем несколько раз совершенно различно: Екатерина I поручила наблюдать за употреблением собираемых с них доходов коллегии экономии; Анна Иоанновна изъяла их из духовного ведомства, дав коллегии экономии права монастырского приказа; Анна Леопольдовна возвратила их духовным властям в безотчетное распоряжение; Елизавета Петровна сначала подтвердила эту меру, уничтожив и коллегию экономии, но в конце жизни приказала назначить для управления монастырскими имениями военных офицеров; Петр III повелел включить их в общий состав государственных имуществ и восстановил коллегию экономии на правах монастырского приказа. Не менее перемен было с сенатом: при Петре Великом он представлял высшее государственное ведомство, правительственное и судебное; Екатерина I подчинила его верховному совету; Анна Иоанновна в начале царствования восстановила его в прежнем виде, но потом учредила над ним кабинет министров; Елисавета снова восстановила его и опять подчинила конференции министров. Подобные явления повторялись и в многих других случаях: следствием было всеобщее противоречие законов.

Гений Петра, между тем, невидимо хранил Россию. Она жила дарованною им жизнью. То, о чем он более всего заботился, пробуждение спящих сил народа, сверши-

лось. Оно стало проявляться извне и внутри. Извне Россия обнаружила грозное могущество: от руки Анны Курляндия получила герцога, Польша короля; Миних смирил гордость Турции; Елизавета решила запутанный спор о короне Карла XII, прекратила ожесточенную борьбу на берегах Рейна и привела в трепет Фридриха II. Вся Европа стала искать дружбы России, и западные венценосцы один за другим давали нашим государыням императорский титул, в котором отказывали Петру Великому: Анна была признана в сане императрицы королем датским, курфюрстом Саксонским; Елизавета императором немецким, королем английским и султаном.

Внешнее могущество России так быстро возрастало, что Елизавета казалась Европе несравненно сильнее самого Петра, и справедливо. Созданная им система государственного устройства окрепла. Его мудрые регламенты, его уставы воинские и гражданские, его многочисленные указы, постоянно выражая одну мысль, привели в стройное движение общественные силы и направили их к той цели, которую он указал так ясно, так убедительно своими подвигами. Воспоминание дел его питало народную гордость, и Россия уже не могла уклониться от пути, по которому повел ее Петр.

С постепенным усилением внешнего могущества улучшалась и внутренняя жизнь России, сообразно с видами Петра, не столько от стараний преемников довершить его планы, сколько вследствие неизбежного хода гражданственности, по данному им направлению. Не все, но многие надежды его исполнились, в особенности в царствование Елизаветы, когда возникло новое поколение с новыми понятиями и потребностями. В законодательстве, в суде и расправе обнаружилось более кротости: жестокие наказания старого времени, терзавшие человечество, были смягчены; Елизавета полагала возможным отменить смертную казнь; Петр III намеревался уничтожить и пытку; страшное «слово и дело» перестало пугать людей невинных. Понятия о государственном и народном богатстве прояснились: при Елизавете нашли средство избавить народ от многих тягостных поборов, без ущерба казны, и увеличить общественное благосостояние отменой внутренних таможен и учреждением государственных банков. Еще более успехов заметно в военном деле: основанное Петром на истинных началах науки и на строгих правилах дисциплины, оно не изменило данному им напра-

влению и развилось в полном блеске: при Елизавете русский солдат едва ли не лучше умел владеть штыком и управлять пушкою, едва ли не крепче стоял в поле, чем при Петре; по крайней мере он заслужил удивление Фридриха II. Правда, мужеству воинов не всегда соответствовало искусство генералов, но это, кажется, зависело более от умения выбирать их, нежели от недостатка талантов: Екатерина II нашла полководца, который нанес Турции такой удар, какого она еще никогда не испытывала, и этот полководец, Румянцев-Задунайский, образовал свой гений при Елизавете.

Не столь деятельно было развитие народных сил по разным отраслям промышленности, искусства и знания, однако не бесплодно. Русские фабрики и заводы могли удовлетворять одну из главных потребностей государства, довольство войск необходимыми вещами. Изящные искусства и художества становились для нас понятнее. Русские вельможи времен Елизаветы умели ценить гений архитектора Растрелли и осыпали его золотом за великолепные палаты, которые он строил им в итальянском вкусе. Итальянская опера увеселяла двор. В произведениях отечественной словесности выражалось совершенно новое, отличное от прежнего, направление: писатели наши стали избирать темою не одни богословские задачи, и самые слабые опыты их обращали на себя внимание современников: императрица Анна слушала Телемахиду Тредьяковского, правда без большого удовольствия; за то истинно прекрасное было ценимо, как нельзя более: оду Ломоносова на последний воинский подвиг Миниха, на взятие Хотина, читали с восторгом. Но что всего важнее, под пером Ломоносова русский язык стал освобождаться от тех оков, которыми опутал его ложный вкус старинных грамотеев наших, и русское слово заговорило наконец со свойственной ему силою, ясностью, выразительностью.

Нравы и обычаи смягчились постепенно и заметно, по крайней мере в высшем кругу: при Анне Иоанновне господствовала странная смесь невероятной роскоши с грубым вкусом, хотя двор ее состоял большею частью из иностранцев; при дворе Елизаветы, окруженной одними русскими, охотно слушали итальянскую музыку и смотрели на трагедии Сумарокова во вкусе Расина и Вольтера. Всего этого желал Петр и все было плодом семян, так глубоко и так искусно внедренных его творческою рукою в русскую почву.

Глава III

ЕКАТЕРИНА II*

От смерти Петра Великого до воцарения Екатерины II Россия не уклонялась от пути, указанного ей волею мудрого преобразователя: торжествовала извне, устраивалась внутри, развивала просвещение: мощные силы ее пробуждались. Все это было, однако, только следствием данного Петром направления государственной жизни нашей. Преемники его заслужили благодарность потомства единственно тем, что умели ценить его намерения и не мешали развитию его мыслей, хотя не всегда с успехом поддерживали их и нередко уклонялись от его предначертаний.

С воцарением *Екатерины II*¹ возобновилось в некотором смысле время Петра: с тою же заботою она старалась возвеличить государство извне, учредить порядок управления внутреннего, образовать подданных. Цель одна, результат огромный; но средства иные. Петр имел дело с народом, упорно косневшим в невежестве, и побеждал его упорство волею непреклонною; без пощады разрушал вековые предрассудки, чтобы создать вновь целую жизнь народа; творил все сам, образуя и себя и своих сподвижни-

* Историю царствования Екатерины II писали Сумароков (3 части, СПб. 1832) и Лсфорт (5 частей, М. 1837), оба равно неудовлетворительно. О сочинениях иностранцев, например Кастеры, не стоит упоминать.

ков; шел к своей цели прямо, открыто; думал об одной России, приносил ей в жертву народ, самого себя, собственную славу. Екатерина нашла много сделанного: нашла мудрые законы, которые надлежало только дополнить и приноровить к обстоятельствам времени; подданных, уже не отвергавших образования; наконец, многих помощников, равно искусных и на поле брани, и в совете государственном. Ей не нужно было начинать новую борьбу внутреннюю; надобно было только вести народ по той дороге, которую указал ему Петр, и она повела его с торжеством, со славою, как вождь просвещенный.

Не имея ни всеобъемлющего взора Петра, ни его изумительного дара вникать во все подробности, ни его величественного самоотвержения, не допускавшего даже тени тщеславия, ни его нелюбезного беспристрастия в оценке талантов, в награде заслуг, не говоря уже о доблестях вождя и героя на поле брани, Екатерина обладала в высшей степени искусством пользоваться благоприятными обстоятельствами времени, лучше всех современных государей понимала истинное положение дел в Европе, знала безмерную силу России, слабую сторону соседей, знала, что нужно ее народу, была сверх того неутомимо деятельна в устройстве государственном, и своими делами заслужила имя достойной преемницы Петра Великого. Многие мысли его получили при ней органическое развитие; многие планы его были исполнены; многое, чего не скоро надеялся он достигнуть, было создано, и Россия под державою Екатерины приобрела, с громкою славою в Европе, новый залог государственного благоденствия: законы усовершенствовались, нравы смягчились, промышленные и умственные силы народа стали заметно развиваться.

Тридцатичетырехлетнее царствование Екатерины II, столь же многосложное и обильное событиями, как и царствование Петра Великого, можно разделить на 3 периода: в первые двенадцать лет по восшествии на престол (1762—1774) внутри государства Екатерина улучшила многие отрасли управления, оставив их до времени в том виде, в каком они были прежде; извне политикою утвердила решительное влияние России на судьбу Польши, оружием потрясла Турцию; следующие за тем четырнадцать лет мирного правления (1774—1788) ознаменованы расширением

южных пределов России до берегов Черного моря и мудрым устройством внутренним; в остальные восемь лет (1788—1796) Екатерина вела войны со всеми соседями: с Турцией, Швецией, Польшей, Персией; войны с Турцией и Швецией утвердили за Россией те выгоды, которые она приобрела прежними успехами, распространив сверх того границы ее на юге до Днестра; война с Польшею кончилась присоединением к империи всего Литовского княжества вместе с Курляндией; война с Персией, прекращенная в самом начале кончиною императрицы, приготовила подданство Грузии.

Такое разделение, согласное с главным ходом событий, имеет основанием другое, не менее важное обстоятельство: Екатерина, бесспорно, была душою всех предприятий, ознаменовавших ее царствование; но в то же время, в обширных предначертаниях ее более или менее участвовали сильные вельможи, которые нередко давали направление самому ходу дел. В каждом из означенных нами периодов являются иные лица.

В первый период главными деятелями были *Орловы, Панины и Румянцев*². Из Орловых наиболее замечательны два брата: князь Григорий Григорьевич и граф Алексей Григорьевич. Оба они, достигнув степени первоклассных вельмож при воцарении Екатерины, славились редкою неустрашимостью, мужественною красотою, обширным умом, усердием к престолу. Императрица уподобляла их древним римлянам и особенное доверие оказывала старшему брату, князю Григорию Григорьевичу, о котором всегда отзывалась как о гении. Незадолго до заключения Кайнарджийского мира он удалился от двора и провел остаток дней своих частью за границею, частью в Москве. Вскоре по удалении его прекратил свое государственное поприще и граф Алексей Григорьевич, прославивший себя подвигами на водах Архипелага. Без большой силы при дворе, но с равно блестящими свойствами душевными и телесными был третий брат их граф Федор Григорьевич, один из героев Чесменской битвы, витязь доблестный, вельможа умный и образованный.

Влияние Орловых разделяли Панины. Старший брат, граф Никита Иванович, заведовал иностранною коллегией и с величайшим искусством управлял делами внешней политики, занимаясь в то же время с неусыпною заботою

воспитанием великого князя Павла Петровича, по званию обер-гофмейстера, возложенному на него еще императрицей Елизаветой. Ум просвещенный и дальновидный, твердость характера, благородство души доставили ему всеобщее уважение как в России, так и при дворах европейских. Младший брат, граф Петр Иванович, с юных лет до глубокой старости служил отечеству на поле брани, сражался под знаменами Миниха и Ласси, участвовал во всех главных битвах с Фридрихом II и в каждой из них доказал свое мужество. При Екатерине, в первую войну с турками, он начальствовал отдельной армией и много содействовал успехам русского оружия взятием Бендер. Последним подвигом его было усмирение юго-восточного края, взволнованного Пугачевым. Сверх того он был муж совета и долго имел при дворе значительный вес, который приобрел своим умом и прямодушием.

Постоянно вдали от двора, но на степени близкого к престолу вельможи был в то же время граф Петр Александрович *Румянцев*, главный, истинный виновник славы русского оружия, озарившей первый период царствования Екатерины. Он глубоко изучил военное искусство в войне Семилетней, сражаясь с Фридрихом II; в цветущих летах, назначенный Петром III предводительствовать войсками в датском походе, он удалился на время от дел после воцарения Екатерины; вскоре, однако, принял в свое управление Малороссию; вслед за тем получил звание главнокомандующего по случаю неудачного начала первой турецкой войны. Он привел Порту в трепет и с оружием в руках предписал условия мира, доставившего отечеству неисчислимыя выгоды. Все это было исключительно делом Румянцева, который в одно время должен был бороться и со всеми силами Турции и с личными врагами своими: первых он одолевал оружием, вторых доверием императрицы и твердостью характера. Его походы были превосходною школою для многих генералов, впоследствии заслуживших жезл фельдмаршальский; из нее вышли: князь Григорий Александрович *Потемкин*, граф Александр Васильевич *Суворов*, князь Николай Васильевич *Репнин*, граф Михаил Федотович *Каменский*, князь Михаил Илларионович *Кутузов*³. Как они, так и многие другие считали себе за честь служить под знаменами Румянцева. Ему же обязаны своим возвышением и образованием знаменитые министры Екатери-

ны: граф Александр Андреевич *Безбородко* и граф Петр Васильевич *Завадовский*⁴.

Во втором периоде царствования Екатерины главным деятелем является одно лицо, князь Григорий Александрович Потемкин. Орловы удалились от дел; П. И. Панин также; брат его остался при дворе и до конца жизни пользовался доверием государыни, но уже часто уступал могущественному сопернику; Румянцев редко приезжал в Петербург и занимался только делами Малороссии. Потемкин стал выше всех их, сосредоточивая в одном себе то влияние, которое имел каждый из них: заменял собою Орловых в общих государственных предначертаниях, брал перевес над Паниным и преемником его Безбородко в делах внешней политики, думал заменить Румянцева на полях брани. В последние годы жизни Екатерины более других замечательны Зубовы, князь *Платон Александрович* и граф *Валериан Александрович*⁵.

Каждый из означенных нами трех периодов царствования Екатерины равно достопамятен и внешними делами и внутренними; но как те и другие представляют две отдельные картины или, лучше сказать, две непрерывные цепи, где каждое звено крепко соединяется с предыдущим и последующим, то, для большей ясности, мы разделим деяния Екатерины на две части и сначала рассмотрим ее внешние действия, потом укажем на важнейшие из внутренних учреждений.

I. ВНЕШНИЕ ДЕЛА (1762—1768)

Екатерина вступила на престол в шестой год Семилетней войны, раскинувшей опустошительное пламя свое по всей Европе, по восточной и западной Индии, по водам Атлантического и Тихого океана. Кровавая борьба приближалась к развязке; всеобщее изнурение требовало мира; громкие победы, страшные поражения становились реже; брань затихала, но вопрос еще не решился; о мире не было ни слова, и утомленная Европа с опасением ожидала, чью сторону возьмет преемница Петра III, полагая, что только решительный удар России может прекратить ожесточенную борьбу двух главных соперников, Марии-Терезии и Фридриха II. Екатерина не приняла ни той, ни другой сто-

роны; постоянным правилом ее внешней политики, от начала до конца царствования, было правило Петра Велико-го: не вмешиваться в чужие для России дела, если нельзя было извлечь из них прямой, существенной пользы для государства; участие же в Семилетней войне доселе только изнуряло империю, не обращая никаких выгод в будущем. Самое падение неопасной для нас Пруссии могло только усилить Австрию, ко вреду политического равновесия Европы. Вследствие того императрица объявила, что она намерена соблюдать строгий нейтралитет между воюющими державами и повелела генералу Чернышеву, состоявшему со своим корпусом под начальством Фридриха II, возвратиться в Россию. Примеру ее последовал король шведский. Мария-Терезия увидела невозможность одними собственными силами одолеть прусского короля и решила прекратить войну. Гебуртсбургский мир успокоил Европу на востоке, Парижский на западе.

Фридрих II не мог не убедиться, сколь полезна для него будет дружба России и как опасна может быть неприязнь ее, с величайшим усердием искал тесного союза с нашим двором и заключил с ним договор, равно выгодный для обоих государств, тем более для России: обязались помогать друг другу во всех войнах с соседями, но Фридрих, изнуренный тягостною борьбою, долго не мог предпринять ничего важного; Екатерина же беспрестанно составляла новые планы, один другого смелее, обширнее, и находила в прусском короле верного союзника.

В то же время императрица избавила Россию от другой войны, долженствовавшей вовлечь империю в новые бесполезные траты, от войны, объявленной Петром III датскому королю вследствие полувековой распри Голштинии с Данией за Шлезвиг. После смерти Петра III спорное право на эту страну принадлежало малолетнему сыну его, великому князю Павлу Петровичу как наследному герцогу Голштинии. Екатерина, не желая изнурять Россию войною за дело для нее постороннее, именем великого князя отказалась не только от Шлезвига, но и от всего герцогства Голштинского, получив от Дании взамен той и другой страны графства Ольденбург и Дельменгорст, которые тогда же предоставила владетельному епископу Любскому как представителю младшей линии Готторпского дома, с тем, однако, что Павел Петрович и потомки его удерживают ти-

тул герцогов Голштин-Готторпских. Великий князь, достигнув совершеннолетия, утвердил это условие, и спор за Шлезвиг более не возобновлялся. Признательный король Дании, по примеру Фридриха II, вступил в тесный союз с императрицею и впоследствии оказал России немаловажную услугу при разрыве со Швецией.

Не вмешиваясь в дела чуждые для России, Екатерина пристально вникала в отношения своего государства к соседям и ревностно старалась исполнить мысль Петра Великого о возведении России на ту степень, на которую она имела право по своим силам, на степень первенствующей и господствующей державы в восточной Европе. Расстройство соседей благоприятствовало видам Екатерины.

Швеция, с потерей Лифляндии, Эстляндии, Ингрии, южной Финляндии и Померании, утратила прежний вес в политической системе Европы. Необузданное самовластие аристократов довершило ее бессилие. Власть королевская, ограниченная при Фридрихе I конституцией 1720 года, изнемогла вконец при слабом преемнике его Адольфе Фридрихе, допустившем исторгнуть у себя последнее право назначать государственных сановников, даже воспитывать собственных детей. Все делалось волею дворянства, которое, в свою очередь, было только орудием двух неприязненных партий, *шапок* и *шляп*, несогласных ни в делах внешней политики, ни в системе внутреннего управления, но равно пагубных для королевства. От непрерывных беспокойств, от всеобщего расстройства внутреннего управления все отрасли промышленности пришли в совершенный упадок; народ с трудом доставал себе насущный хлеб; источники государственных доходов иссякли; сухопутные и морские силы были ничтожны, и только золото Франции могло еще поддерживать действия шведского правительства.

Польша, составленная из самых неприязненных начал общественной жизни, давно уже в собственных недрах носила зародыш неминуемого разрушения. При Августе III зло обнаружилось вполне: во всех частях государственного состава воцарилось всеобщее расстройство. Верховная власть законодательная и правительственная сосредоточивалась в сейме, многочисленном собрании областных депутатов, решавших мир и войну, повышение и понижение налогов, перемены в законодательстве, вообще все, что ка-

салось Речи Посполитой. Но сеймовые определения только тогда имели силу, когда все депутаты изъявляли согласие на предложенную меру; при Августе III, в 30 лет, это случилось не более одного разу: *liberum veto*, или право каждого депутата останавливать решение целого собрания одним словом «не позволяю» обыкновенно уничтожало все, что ни определял сейм. Оттого целые тридцать лет Польша оставалась как будто без правительства. Владыками ее были многочисленные и могущественные магнаты: они присвоили почти все коронные поместья, жили в них с королевскою пышностью, имели войско, укрепленные замки, воевали друг с другом, самовластвовали в судах, с целыми полками являлись на областные сеймики и нередко пушками решали выборы депутатов. Златая вольность польская была не что иное как своевольное господство нескольких тысяч деспотов необузданных. Вся тягость безначалия падала на массу народа, на городских обывателей и земледельцев; те и другие терпели все бедствия рабской доли и ни в каком случае не могли искать защиты от самовластия магнатов ни у короля, ни у закона. К увеличению расстройств, в Польше, при государях из дома Саксонского водворилось всеобщее развращение нравов вследствие роскоши двора, влияния партий, корыстолюбия жидов и вмешательства женщин в дела правительства. Религиозные споры довершили расторжение всех уз общественных, а восшествие королей по праву избрания предало Польшу в руки иноземцев. Все это довело ее до того предела политического ничтожества, за которым самобытное возрождение бывает невозможно.

Иного рода неурюстройства приготавливали ослабление *Турции*: от необузданного своеволия янычар, располагавших трюном султанов, Константинополь нередко бывал позорищем кровавого междоусобия; религиозные распри вовлекали турок в тяжкую борьбу с персиянами. Кроме того, жестокость правления, равно сурового и неправосудного, часто производила опасные мятежи в странах греческих и славянских, подвластных туркам. Впрочем, еще не потрясенная победами Румянцева, Оттоманская Порта в правление Мустафы III, султана умного и деятельного, была государством сильным и тем более опасным для соседей, что Белград служил ей ключом в австрийские владения, а татары крымские, буджакские и кубанские готовы были,

по первому слову султана, нагрянуть на южные пределы России.

Персия, возведенная шахом Надиром на высокую степень могущества, после смерти его, с половины XVIII столетия, разделилась на две неприязненные партии, на западную, или Иран, и на восточную, или Афганистан. Занятые собственными междоусобиями, шахи не тревожили России со стороны Кавказа, и она могла направить все силы свои на запад и юг.

При восшествии Екатерины на престол Россия была в мире со всеми соседями: договоры Абовский, Московский, Белградский и Рящский прекратили наши войны с Швецией, Польшей, Турцией и Персией. Но определенное ими положение внешних дел было не вполне удовлетворительно. Более всех соседей тяготили и беспокоили нас Польша и Турция. С одной стороны, Польша, при внутреннем расстройстве, допуская иноземцев вмешиваться в свои дела, возбуждала в нашем правительстве справедливое опасение встретить в ней оружие неприязненных держав в случае разрыва с кем-либо из соседей; сверх того, при всем бессилии и изнеможении она постоянно тревожила нас вечными спорами за границы, жестоким гонением наших единоверцев, необузданным своеволием сеймов, неоднократно изъявлявших неприязнь к России. С другой стороны, Турция, упорная в ненависти к христианам, постоянно чуждая общенародных правил европейской политики, производила самое вредное влияние на южные области наши: имея Черное море, так сказать, под рукою, мы лишены были всех выгод торгового мореплавания, столь необходимого для развития промышленности в Украине и Малороссии. Порта уклонялась от всяких дружелюбных сношений с нами; подвластные же ей татары крымские, буджакские, кубанские, облегая черноморские берега, по свойственной им хищности делали непрерывные набеги на пределы империи, тревожили Малороссию, грабили ее города и села. Южный край наш, столь благословенный климатом и дарами природы, представлял степь, среди которой виднелись только крепости, населенные ландмилиционными полками. Такое положение дел не могло продолжаться под державою Екатерины, яснее всех преемников Петра понимавшей выгоды и невыгоды империи.

Немедленно по восшествии на престол она решила смирить и Польшу и Турцию; не знала только, куда прежде направить удар, на запад или юг. Фельдмаршал Миних, возвращенный Петром III из Сибири, обласканный Екатериною, старец, убеленный сединами, но сохранивший всю пылкость юных лет, всю отважность души равно деятельной и честолюбивой, советовал императрице завоевать Константинополь, выгнать турок в Азию и восстановить Греческую империю, о чем он уже думал, поражая турок в Молдавии, и о чем впоследствии целые 20 лет мечтал в Сибири. Предложение Миниха было заманчиво: Екатерина с обширным умом соединяла пылкое воображение, предприимчивость, решительность, любила блеск, славу и не чужда была духа завоеваний. Мысль Миниха разделяли и наперсники императрицы Орловы, равно смелые и предприимчивые. При дворе уже думали о походе на Крым. Но Екатерина отсрочила удар, чтобы прежде управиться с Польшей.

В XVI и XVII столетии нередко обнаруживалась мысль о необходимости соединения Речи Посполитой с Московским государством под одну державу, чтобы прекратить вековую вражду двух народов, равно тягостную для обоих. Мысль эта выражалась неоднократно, и притом чаще с польской, нежели с русской стороны. Так, поляки предлагали свою корону Иоанну Грозному, Федору Иоанновичу, Михаилу Федоровичу, Алексею Михайловичу, с тем чтобы одно государство присоединилось к другому, как равное к равному. Разные обстоятельства отклонили это соединение. Между тем Россия, под державою дома Романовых, быстро развила свои силы, а Польша, среди неурядиц избирательного правления, с такою же быстротою утратила свое прежнее могущество; равенство исчезло, и Петр Великий стал думать уже не о соединении, а о господстве в Польше, понимая, что бессильная внутри, слабая извне, она неминуемо должна находиться под влиянием какой-нибудь могущественной державы, и что Россия более всех других имеет на то право из-за тесных связей с Польшей через Литовское княжество. Мысль Петра так была основательна, что Польша не могла избавиться от влияния России и после смерти его, невзирая на частые уклонения преемников от указанной им политики. Август III был возве-

ден на престол императрицею Анною и признал обер-камергера ее Бирона герцогом Курляндии. Даже при Елизавете, менее всех заботившейся о делах польских, Россия не утратила своего перевеса. Екатерина возобновила мысль Петра со свойственной ей решительностью, твердостью и искусством.

Предвестником ее намерения утвердить влияние России на дела Польши было восстановление Бирона в достоинстве Курляндского герцога. Низринутый Минихом и сосланный в Пелым, по восшествии Елизаветы на престол он был переведен в Ярославль, где жил до воцарения Петра III. Курляндия между тем была управляема именем польского короля, но русскими министрами. Это продолжалось до Семилетней войны, когда императрица Елизавета согласилась признать курляндским герцогом, по ходатайству Августа III, сына его принца Карла. Он получил от короля инвеституру и прибыл в Митаву. Но курляндские чины разделились на две неприязненные партии: одна признала герцогом Карла, другая просила наш двор о возвращении Бирона. Уже Петр III думал исполнить желание последней партии и призвал Бирона из Ярославля ко двору. Екатерина, немедленно после восшествия на престол, объявила его герцогом, предписав ему предварительно такие условия, что Курляндия с этих пор стала как бы подвластною нам страню. Принц Карл должен был удалиться в Саксонию.

Вслед за тем началось решительное влияние России на судьбу Польши. Август III умер в 1763 году; после смерти его открылось обыкновенное зрелище: могущественные магнаты, окруженные многочисленными клеветами, с целыми полками своих челядинцев явились в Варшаву, на избирательный сейм, не столько с желанием получить королевскую корону, сколько с твердым намерением отдать ее тому, кто мог обещать им более воли. Иноземных искателей было немного. Польша так пала в глазах Европы, что только один курфюрст Саксонский, сын умершего короля, вписал себя в число кандидатов, и то более в угождение честолюбивой супруге своей, чем по собственной охоте. Сейм устранил его, объявив, как прежде при избрании Августа III, что только потомок Пяста может требовать королевской короны. Редкий поляк не считал себя Пястом и не думал быть королем. Возникали партии.

Сильнейшими были две — князей Чарторыйских и графа Браницкого. Князья Чарторыйские хотели возвести на престол племянника своего *Станислава Августа Понятовского*⁶, чтобы именем его господствовать в Польше. Браницкий искал короны для себя и был поддерживаем сколько собственными клеветами, столько и многочисленными приверженцами князя Радзивила. Обе стороны, по обычаю, обратились к иноземным державам с просьбою о помощи, Чарторыйские к России, Браницкий к Франции.

Екатерина, естественно, не могла равнодушно смотреть на интриги партии Браницкого и предписала министру своему графу Кейзерлингу действовать согласно с видами Чарторыйских. Она тем охотнее согласилась исполнить их просьбу, что знала Понятовского, бывшего прежде посланником в С.-Петербурге, как человека образованного и приятного в обществе, но слабого характером и без блестящих свойств ума; следовательно, возводя его на престол, могла надеяться утвердить в Польше влияние России, необходимое для спокойствия империи. Король прусский Фридрих II благоприятствовал намерениям императрицы вследствие заключенного незадолго пред тем союзного договора. Граф Кейзерлинг и прусский посланник, действуя искусно, подготовили умы в пользу Понятовского; но принятые ими меры казались приверженцам его слишком нерешительными; опасаясь перевеса противной партии, Чарторыйские снова обратились к нашему двору с просьбою прислать войско и более деятельного министра. Императрица назначила в помощь Кейзерлингу князя Николая Васильевича Репнина, вельможу молодого, умного, равно искусного и смелого; между тем русский корпус занял Варшаву. Репнин уладил все споры на избирательном сейме, и Понятовский был провозглашен королем под именем Станислава Августа. Граф Браницкий, после тщетных усилий взволновать Литовское княжество, заперся в укрепленном замке своем в Белостоке.

Не сомневаясь, что новый король Польши, обязанный престолом России, будет действовать сообразно с ее выгодами, императрица спешила кончить старинное дело о диссидентах, служившее одним из главных источников распри между Россией и Польшей.

II. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРАВ ДИССИДЕНТОВ* (1768)

В акте Люблинского сейма 1569 года о соединении Литовского княжества с Польским королевством сказано, что оба государства соединяются в одно как равное с равным, и что литовские чины будут пользоваться всеми правами польских чинов. К большому утверждению взаимного согласия, в 1573 году постановлено сохранять мир между диссидентами, т. е. несогласными в делах религии (*inter dissidentes in rebus religionis*). Здесь впервые является это слово, означая последователей всех христианских вероисповеданий: и греко-российского, и римско-католического, и протестантского, и лютеранского. Равенство гражданских прав, невзирая на различие веры, было признаваемо до начала XVII века одним из числа коренных государственных законов Польши: по крайней мере всегда провозглашалось в сеймовых актах и в присягах королевских. Вопреки, однако, торжественным постановлениям сеймов и обещаниям королей, со времен Сигизмунда III открылось жестокое гонение некатоликов, в особенности последователей православной церкви, которые были многочисленнее других диссидентов. Начавшись Унией, оно продолжалось в XVII столетии под разными предложениями; впрочем, на сеймах все еще говорили о равенстве прав; короли все еще обещали защиту иноверцам. С 1717 года само правительство польское стало издавать строгие законы против диссидентов, называя так всех вообще некатоликов: им запрещено было строить новые церкви, поправлять ветхие, вслед за тем у них отнято право участвовать в сеймиках для избрания депутатов на общий сейм; еще суровее было распоряжение 1733 года, когда сейм постановил устранить диссидентов от всех должностей общественных.

Россия постоянно покровительствовала своим единоверцам: за них Иоанн III воевал с зятем своим Александром Литовским, Василий Иоаннович с Сигизмундом I, Алексей Михайлович вел упорную борьбу с Яном Казимиром; царица София не иначе согласилась на заключение вечного мира с Польшей, как с тем условием, чтобы Ян Собеский и преемники его обязались не тревожить право-

* Бантыш-Каменский. История об Унии. Москва, 1805.

славных в Литовском княжестве. Это условие, внесенное в Московский договор 1686 года, было нарушено при Августе II, и Петр Великий едва снова не объявил Польше войны. После смерти его дело тянулось одними переговорами: двор наш постоянно получал жалобы на нестерпимое притеснение православия, и послы наши при Варшавском дворе обыкновенно представляли королям и сеймам сильные ноты: так было при Екатерине I, при Анне Иоанновне, при Елизавете Петровне, в особенности при Петре III, который даже условился с Фридрихом II восстановить права диссидентов силой оружия. Польское правительство, обязавшись Московским договором 1686 года не беспокоить наших единоверцев, не оспаривало права ни Петру Великому, ни его преемникам вступаться за православие, и если не удовлетворяло их требованиям, то всегда под каким-нибудь ничтожным предлогом. Между тем гонение постоянно усиливалось.

Восшествие Станислава Августа на престол, по воле и под защитой российской императрицы, вновь пробудило надежду в многочисленных обитателях Литовского княжества православного закона найти в короле покровителя их прав гражданских и религиозных. Эта надежда с живейшей силой выразилась в прекрасном слове белорусского епископа Георгия Копиского, сказанном Станиславу Августу в виде приветствия по случаю вступления его на престол. С трогательным красноречием Георгий изобразил всю тягость страданий православного народа и всю несправедливость польского правительства. Речь его обратила на себя внимание всей Европы: ее переводили на все языки и читали с умилением.

Отголоском всеобщего, живейшего участия европейских держав в судьбе диссидентов были настоятельные требования дворов английского, прусского, шведского, датского, представленные двору варшавскому, вслед за смелой нотой князя Репнина, о восстановлении в Польше прав единоверцев, на основании древних, коренных законов Речи Посполитой. Сейм, увлеченный фанатизмом краковского епископа Каэтана Солтыка, отверг справедливые требования пяти держав. Отказ его произвел всеобщий ропот в Польской Пруссии и в Литовском княжестве; в Торне и Слуцке составились конфедерации или союзы дворян, протестовавших против определения сейма; вслед

за тем возникли конфедерации в других местах, числом до двухсот. Предводители их соединились в Радоме и провозгласили вождем своим знатного вельможу, князя Радзивила, который охотно принял на себя это звание, отчасти по убеждению в правоте дела диссидентов. Волнение было страшное; все грозило жестоким междоусобием.

Король, до сих пор державший сторону, противную диссидентам, увидел необходимость покориться силе обстоятельств, призвал русские войска на помощь и собрал чрезвычайный сейм для вторичного рассмотрения дела диссидентов, изъявив вместе с сенаторами предварительное согласие на восстановление их прав и преимуществ. Первые заседания сейма были бурны: епископы Солтык, Залуцкий и некоторые другие по-прежнему волновали умы, говоря с безрассудной дерзостью и против диссидентов, и против императрицы. Репнин взял их под стражу и отправил в Россию. Сейм смирился: назначенная им комиссия рассмотрела в присутствии посланников союзных держав как требования диссидентов, так и основные законы польской конституции. В начале 1768 года, согласно с мнением комиссии, сейм постановил: 1) все законы, изданные с 1717 года против диссидентов, отменить; последователям греко-российского и евангелического вероисповедания предоставить право свободно отправлять свое богослужение, строить церкви, заводить училища, присутствовать в сенате и участвовать в совещаниях сейма; 2) правлению в Польше быть избирательному; дворянству пользоваться всеми прежними преимуществами; дела государственные решать единогласным приговором сейма; 3) с российским двором заключить вечный мир и дружбу; императрице предоставить право оберегать как преимущества диссидентов, так и неприкосновенность основных законов Речи Посполитой. Договор был заключен; сейм закрыт; русские войска получили повеление возвратиться в отечество. Польша затихла, как затихает море перед грозной бурей.

Сколь ни справедливо было решение дела диссидентов, но поляки видели в нем только малодушную слабость сейма, гордость Репнина, безусловную покорность Станислава Августа российской императрице. Умы волновались. Каменецкий епископ Красинский, товарищ Солтыка, приготовил поляков к восстанию: ускользнув от рук Реп-

нина, переодетый, он исходил всю Польшу и везде возбуждал непримиримую ненависть к диссидентам, королю и России. Требовалось одной искры, чтобы воспламенить всеобщий пожар: она вспыхнула в подольском городе Баре. Здесь единомышленник Красинского Пулавский составил конфедерацию против короля. Вслед за тем обнаружилось подобное восстание в Галиче и Люблине, потом в Закрочиме близ Варшавы, далее в Кракове, наконец во многих других городах. Волнение распространилось с необыкновенной быстротой.

Король и польские сенаторы, не имея средств укротить его, вновь обратились к российской императрице с просьбой о помощи: она повелела нескольким полкам своим соединиться с королевскими для усмирения мятежников. Кровавая война запыхала в Польше. Сильные числом, но слабые разногласием главных вождей, раздробленные на мелкие отряды, конфедераты везде уступали русским поле битвы, бегали из укрепленных замков, скрывались в лесах, вновь соединялись и снова рассыпались при появлении русских штыков. Красинский увидел невозможность достигнуть своей цели без посторонней помощи и обратился к Версальскому двору. Глава тогдашнего министерства французского, герцог *Шуазель*⁷, желавший восстановить влияние Франции на дела севера, устраненное политикой нашего двора, спешил воспользоваться неустройствами Польши и, послав на помощь конфедератам многих искусных офицеров со значительной суммой денег, в то же время предписал французскому послу в Константинополе, графу Верженю, склонить султана Мустафу III к войне с Екатериной. Вержень действовал с успехом: в конце 1768 года конфедераты с радостью услышали о разрыве Порты с Россией.

III. ПЕРВАЯ ВОЙНА ТУРЕЦКАЯ (1768 — 1774)

Со времени заключения Белградского мира, около 30 лет, не было ни тесной дружбы, ни войны между Россией и Турцией. Хотя Порта неоднократно давала нам повод к неудовольствию, допуская крымских татар грабить южные пределы империи, двор наш, занятый делами на западе, уклонялся от разрыва с Турцией. Екатерина, также устрем-

ляя все свое внимание на Польшу и на внутреннее устройство государства, хотела до времени жить в мире с султаном. Он сам вызвал ее на брань.

Уже со времен Петра Великого одним из главных правил турецкой политики было устранять от Польши влияние России. Этого правила держались все предшественники Мустафы III. Тем с большим неудовольствием он смотрел на воцарение Станислава Августа, что видел в нем орудие Екатерины, не хотел признать его королем и настоятельно требовал, чтобы двор наш вывел свои войска из Польши и не вмешивался в дела Речи Посполитой. Хотя по Белградскому договору Порты не имела права на такое требование; при всем том для избежания войны с Турцией, как скоро сейм кончил дело диссидентов, согласно с желанием императрицы русские войска, помогавшие Станиславу Августу, получили повеление возвратиться в отечество, о чем резидент наш при Оттоманской Порте *Обресков*⁸ дал знать дивану. В то самое время возникла конфедерация в Баре⁹. Вся Польша взволновалась. Король убедительно просил императрицу оставить несколько полков в Польше для укрощения мятежа. Она исполнила его желание.

Русский отряд, преследуя барских конфедератов, загнал их в пограничное татарское местечко Балту и сжег его. Министерство наше уведомило о том Порту, изъявляя готовность доставить ей удовлетворение. Но султан, подстрекаемый французским послом, видел в этом ничтожном случае явное нарушение договоров, заключил Обрескова в Семибашенный замок и, объявив России войну, дал повеление крымскому хану немедленно вторгнуться в наши пределы. В жестокую зиму 1768 года татары ворвались в Новую Сербию и опустошили ее. Между тем Порты подняла все свои силы, более 300000 человек, под начальством визиря, готовились весной 1769 года вступить в Польшу для изгнания оттуда русских войск и для свержения Станислава Августа с престола.

Императрица со своей стороны вооружила две армии: первая, под начальством князя Александра Михайловича Голицына, должна была удерживать визиря от вторжения в Польшу; вторая, под предводительством графа Петра Александровича Румянцева, обороняла южные пределы от крымских татар; сверх того посланы отряды на Кубань, для отвлечения турецких сил, и на Кавказ, для содействия вла-

детелям Карталинии, Имеретии и Мингрелии, желавшим освободиться от Порты.

Первый год войны (1769) не ознаменован никаким решительным действием. Визирь перешел Дунай и направил путь в Подолию; Голицын, заслонив ему дорогу при Хотине, не пустил его через Днестр и упорным сопротивлением довел турецкую армию до такого расстройства, что она в беспорядке возвратилась к Дунаю. Хотин сдался русским, впрочем не столько вследствие распоряжений главнокомандующего, сколько по малодушию коменданта. Не вполне довольная действиями Голицына, Екатерина отозвала его ко двору и поручила главное начальство над войском графу Румянцеву. Положено было овладеть турецкими крепостями на левом берегу Дуная, начав с Бендер. Между тем русский флот был отправлен в Средиземное море, чтобы потревожить Турцию с такой стороны, где она считала себя совершенно безопасной. Султан, также недовольный своим визирем и крымским ханом, сменил того и другого. Верховным визирем был назначен Галиль паша, крымским ханом Каплан Гирей.

Весной 1770 года Турция сосредоточила свои силы, более 250000 человек, на левом берегу Дуная, между Прутом и Днестром. Русское войско было в несколько крат малочисленнее неприятельского, но Екатерина писала Румянцеву, что римляне не хотели знать числа врагов и только спрашивали, где они. Румянцев спешил оправдать слова императрицы: узнав, что крымский хан уже появился в окрестностях Бендер, осада которых поручена была графу П. И. Панину, и что турки переправляются через Дунай для соединения с татарами, он повел свое войско левым берегом Прута против хана, в намерении разбить его прежде, чем визирь успеет подать ему помощь. Для ускорения похода велено было оставить обоз и бросить рогатки, которые до той поры считались необходимыми в войнах с турками. «Огонь и меч будет вам защитой», — говорил Румянцев русским солдатам. 7 июля он увидел на берегах Ларги стотысячную армию хана крымского, напал на нее в укрепленном стане, овладел им со всею артиллерией, рассеял татар и двинулся вперед на самого визиря¹⁰, который с главным войском шел по следам хана и уже достиг пути Траянова.

Здесь на берегах реки Кагула встретился с ним Румянцев. Визирь остановился, чтобы укрепить по обычаю свой лагерь и дать время крымскому хану собрать свою орду, для нападения на русских с тыла, между тем, как сам он намеревался ударить на них спереди. Положение Румянцева было опасное: в армии его, ослабленной моровою язвой и отделением нескольких полков для прикрытия подвоза съестных припасов, находилось не более 17 000 человек, изнуренных быстрыми переходами, недавней битвой и недостатком продовольствия. В виду ее стояли 150 000 турок, с тыла грозили 80 000 татар. В таких обстоятельствах редкий полководец сохранил бы присутствие духа; Румянцев не оробел и, дав войску несколько часов для отдыха, повел его в бой. Вся армия разделена была на пять кареев: генералу Бауру поручено было напасть на левое крыло неприятеля, князю Репнину и графу Брюсу обойти правое, Племянникову и Олицу ударить в центр. Главнокомандующий был впереди.

В ночь на 21 июля кареи тихо и бодро подступили к неприятелю и на рассвете дружно устремились на лагерь, уже наполовину укрепленный глубокими, тройными рвами. Турки изумились неожиданному появлению русских, однако вскоре оправились, тучами высыпали из своих окопов и стремительным натиском смяли Племянникова. Правое крыло наше поколебалось; одни полки были изрублены янычарами, другие быстро отступали. Румянцев бросился в огонь и словами: «Стой, ребята!» удержал робких, ободрил храбрых. Под личным начальством его русские ударили в штыки и привели в трепет неприятеля. Удачные выстрелы артиллерии довершили его смятение. Через несколько часов упорной битвы полки наши ворвались в лагерь со всех сторон. Визирь бежал в Болгарию; вслед за ним бросилась вся турецкая армия и с величайшим трудом перебралась через Дунай; несколько тысяч турок погибло в волнах его. Крымский хан, успевший зайти в тыл нашего войска и уже стоявший недалеко от места сражения, также ударился в бегство и укрылся в Очакове. Весь турецкий лагерь, весь обоз, вся артиллерия, несметные сокровища доставили в руки победителей¹¹. Всегда суровый и строгий, Румянцев с веселым лицом объехал ряды своих сподвижников и благодарил их за мужество; воины отвечали единогласно: «Ты сам прямой солдат». Императрица

наградила его за победу при Ларге орденом святого Георгия I класса, за подвиг при Кагуле — жезлом фельдмаршалским.

Торжествуя на суше, русское оружие торжествовало и на морях. Незадолго до решительного поражения турецкой армии при Кагуле истреблен весь флот Оттоманский при Чесме*. Осенью 1769 года две русские эскадры отправились из Балтийского моря в Средиземное. Первой эскадрой начальствовал адмирал *Спиридов*¹², второй — контр-адмирал Эльфинстон. Несмотря на суровость времени, на жестокие бури, на малую опытность тогдашних мореходцев наших, Спиридов быстро прошел воды балтийские, Зунд, Каттегат, запасая всем необходимым в Англии и вскоре появился в Средиземном море к величайшему удивлению турок, вовсе не ожидавших видеть русские корабли на водах Архипелага. Вслед за Спиридовым прибыл и Эльфинстон. У берегов Мореи обе эскадры соединились и по воле императрицы поступили под главное начальство графа Алексея Григорьевича Орлова, который прибыл к флоту из Италии с братом своим, равно мужественным и предприимчивым, Федором Григорьевичем. Главной целью этого похода было отвлечь турецкие силы высадкой в Морею, где уже давно приготавлилось восстание греков против Оттоманской Порты. Русские без труда овладели Наварином и Модоном. Майноты вооружились, примеру их следовали жители и других стран. Для усмирения греков и для отпора русским султан послал в Морею войско и снарядил весь флот свой.

Капитан-паша явился в берегов Мореи и при Наполиди-Романи встретился с эскадрой Эльфинстона. Русские напали на него храбро, невзирая на превосходство сил, турецкий военачальник уклонился от решительного боя и поплыл к берегам Малой Азии, чтобы подкрепить себя еще несколькими кораблями, шедшими из Константинополя. Граф Орлов при первом известии о появлении турецкого флота на водах Архипелага посадил все войско на суда, поднял кейзер-флаг и погнался за капитаном-пашою. Нездолго искал он неприятеля.

* Глов. Чесменский бой, в Отечественных записках, изд. Свиньным, том 3. — Грейг. О Чесменской битве, в морском сборнике.

Турецкий флот, почти вдвое сильнее русского, занял крепкую позицию в Хиосском проливе и расположился полумесяцем, под защитой батарей, устроенных на берегу малоазийском. Здесь напал на него Орлов: в авангарде был Спиридов, в центре сам граф, в арьергарде Эльфинстон. Капитан-паша, незадолго до сражения, сдал начальство над флотом храброму товарищу своему Гассан-бею¹³, сам же удалился на берег. Бой был жестокий: с обеих сторон дрались с остервенением неописанным; линии отстояли одна от другой на пистолетный выстрел; ядра пронизывали суда насквозь; корабли сцеплялись и взлетали на воздух; люди гибли в огне, в воде, в рукопашном бою. Героем этой битвы кровавой был адмирал Спиридов: после упорного сражения с тремя турецкими судами он сцепился с самим Гассаном, оба адмиральских корабля взорвало*. Турки обеспамятели от ужаса и в беспорядке бросились в Чесменскую гавань, чтобы укрыться от русских под батареями.

Орлов спешил довершить поражение неприятеля. Сам он со всем флотом своим расположился при входе в залив, а капитан-командору Грейгу велел с отдельной эскадрой напасть на турок. Грейг со свойственным ему мужеством ворвался в залив, удачными выстрелами заставил умолкнуть батареи, зажег несколько кораблей и вслед за тем пустил четыре брандера, два из них, под начальством Ильина и Дугдаля, пробрались в середину неприятельских кораблей и сцепились с ними. Пламя охватило весь турецкий флот, вскоре огонь разлился по всему заливу; через 6 часов вся морская сила Оттоманская была истреблена; около 100 судов погибло, спасся один корабль, но и тем завладели русские¹⁴. Весть об истреблении флота привела в ужас диван; Мустафа трепетал за свою столицу, опасаясь, что русские прорвутся сквозь Дарданеллы. В самом деле знаменитые укрепления их, считавшиеся недоступными, находились в самом жалком состоянии, но Орлов занялся покорением Архипелагских островов и упустил благоприятное время. Французский агент барон Тотт успел исправить дарданелльские замки, наполнил их многочисленной артиллерией, укрепил Стамбул, и когда главнокомандующий русским флотом, по завоевании Митилена и Лемноса, ре-

* Спиридов и Гассан спаслись из объятых пламенем кораблей за несколько минут до взрыва.

шился было войти в пролив, турки встретили его таким огнем, что он мог потерять все свои корабли.

При всем том чесменская победа имела важные следствия: она сильно потрясла Турцию. Подвластные Порте народы греческие и славянские восстали поголовно, чтобы свергнуть с себя ненавистное иго; паша египетский Али-бей поднял оружие против султана. Русский флот господствовал на водах Архипелага и, отвлекая турецкие силы на море, много содействовал успехам нашего оружия на суше. Еще важнее были следствия побед Румянцева, так как почти все турецкие крепости на левом берегу Дуная покорились русскому оружию — князь Репнин овладел Измаилом, Килиею, Акерманом; граф Панин Бендерами; вслед за тем сдались Браилов, Букарест и Журжа; Румянцев утвердился в Молдавии и Валахии. Главное же, на берегах Кагула положено начало освобождению татар от влияния Турции: вслед за бегством визиря, татары буджакские объявили себя независимыми от Порты, изъявляя готовность признать над собою покровительство России. То же намерение обнаружилось и в Крыму: крымские татары после поражения при Ларге и Кагуле так упали духом и так мало полагались на защиту Порты, что оказывали слабое сопротивление князю Василию Михайловичу Долгорукому, посланному в 1771 году для завоевания Тавриды. Разбив хана Селим-Гирея на Перекопском перешейке, он без большого труда овладел всеми крепостями полуострова. Селим бежал в Турцию. Татары объявили себя независимыми, провозгласили ханом Сагиб-Гирея и признали над собою покровительство России. Победы Румянцева отозвались и за Кавказом: ободренные успехами русского оружия, владетели Грузии явно восстали против Порты.

Столь жестокие удары поколебали твердость неустрашимого Мустафы: потеряв весь флот, всю артиллерию, не имея средств собрать новое войско, опасаясь с одной стороны грозного Румянцева, с другой не менее страшного Орлова, видя на западе восстание греков и славян, на севере отпадение Крыма, на востоке волнение Грузии, на юге мятеж Али-бея, султан начал трепетать за свою империю и для спасения себя обратился к Австрии и Пруссии с просьбою о защите. Венский двор горячо вступился за него: глава тогдашнего министерства австрийского, хитрый и даль-

новидный князь Кауниц боялся, чтобы при новых успехах русского оружия с падением Порты не рушилась политическая система равновесия, бывшая главным предметом его заботливости, и предложил Фридриху II употребить вооруженное посредничество для примирения воюющих держав.

Фридрих II со своей стороны не хотел увеличивать столь памятное для него могущество России, заботился о спасении Турции, к которой всегда мог прибегнуть в случае надобности, и тем охотнее желал видеть конец войны, что с продолжением ее он должен был платить нашему двору ежегодно значительную сумму денег на основании договора 1764 года; но в то же время опасаясь потерять дружбу Екатерины, единственной союзницы своей, он ограничился только тем, что известил наш двор о желании султана примириться, изъявляя готовность содействовать к заключению мира. Императрица отвечала, что она вовсе не желает продолжать войны, начатой самим султаном, и уже повелела графу Румянцеву вступить с турками в переговоры; но что прежде всего Обресков должен быть освобожден; впрочем просила Фридриха не мешаться в ее дела и посоветовать то же самое венскому кабинету; для сведения же обоих дворов, сообщила прусскому королю, что независимость татар и свободное плавание русских кораблей по Черному морю и по водам Архипелага будет основанием договора, а присоединение Молдавии и Валахии к России вознаградит ее за многие пожертвования.

Последнее условие встревожило Кауница, который никак не хотел видеть Молдавию и Валахию во власти России, предполагая со временем, при первом удобном случае, присоединить ту и другую страну к Австрии. Вследствие этого он склонил Марию Терезию к заключению оборонительного союза с Турцией, собрал многочисленную армию в Венгрии и пригласил Фридриха действовать совокупными силами в защиту султана. Но прусский король дал знать Марии Терезии, что в случае разрыва Австрии с Россией договор обязывал его помогать российской императрице, и двинул свою блестящую кавалерию. Всеобщая война готова была вспыхнуть. Для отклонения грозы Фридрих II придумал средство в одно и то же время вознаградить Россию, спасти от нее Молдавию и Валахию, поддержать падающую Турцию, успокоить Австрию и расши-

рить пределы собственных владений. Средством к тому служила Польша, страна, подавшая повод к войне, которая грозила потрясти всю Европу.

Кровавое междоусобие, следствие Барской конфедерации, изнурило Польшу до самого крайнего изнеможения. Она утратила последние силы. Конфедераты, беспрестанно поражаемые русскими войсками, везде уступали им поле битвы. Тщетно французское министерство старалось ободрить их; сам Дюмурье, присланный Шуазёлем предводительствовать мятежниками, был неоднократно разбит Суворовым и удалился восвояси. Невзирая, однако, на явную неудачу в своих замыслах, враги короля, диссидентов и России не смирялись; бесчисленные шайки с оружием в руках бродили в Польше по всем дорогам, где не было русских, все предавали огню и мечу и производили новые волнения.

При таких неуроядках все узы общественного порядка рушились. Польша достигла последнего предела бессилия, и то, что за сто лет говорил Ян Казимир, должно было совершиться. «Придет время, — сказал он в 1661 году на Варшавском сейме, — когда Речь Посполитая, ослабленная собственными раздорами, сделается добычею соседей: Бранденбургия возьмет Пруссию, Москва — Русь Белую, Австрия — Краков». Слова Яна Казимира едва не исполнились еще в XVII столетии, когда шведский король Карл X предлагал царю Алексею Михайловичу завоевать Польшу и одну часть ее присоединить к России, другую к Швеции. С тех пор мысль о польском разделе не исчезала: она была понятна даже турецкому дивану, который в начале 1770 года предлагал цесарскому посланнику барону Тугуту свергнуть общими силами Станислава Августа с престола и разделить Речь Посполитую между Австрией и Турцией.

Исполнителем мысли Яна Казимира был Фридрих II. Пользуясь очевидным бессилием Польши, он предложил Кауницу, при свидании с императором Иосифом в Нейштате, отделить от Речи Посполитой соседственные воеводства под предлогом разных на нее старинных притязаний. К этой мере Фридрих был побужден невыгодным положением своего королевства. Имея государство, составленное из разных частей, пересекаемое чуждыми землями, в особенности польскими, он желал расширить свои владения, чтобы тем удобнее поддерживать Пруссию на той сте-

пени политического могущества в системе европейских государств, на которую он возвел ее. Кауниц, с своей стороны неумолимо заботясь об увеличении могущества Австрийской монархии, считал весьма удобным вознаградить за счет Польши невозвратную потерю Силезии и утрату земель по Белградскому миру, и если не вдруг решился принять предложение Фридриха, то потому только, что должен был прежде склонить на оное Марию Терезию; сверх того не знал, согласна ли будет на раздел Польши российская императрица. Дело вскоре объяснилось: Мария Терезия, убежденная доводами хитрого министра, повелела войскам своим занять польскую область — староство Спиржское — с соляными копиями Велички и Бохнии, под тем предлогом, что оно прежде составляло часть Венгерского королевства. Вслед за тем прусский король ввел свои войска в воеводства Кульмское и Познаньское, под видом кордона для охранения своих областей от моровой язвы, и отправил в С.-Петербург брата своего, принца Генриха. Принц, равно искусный и на поле брани и на поприще политики, служивший Фридриху правою рукою во всех его предприятиях и вполне разделявший его мысли о расширении границ Пруссии, ждал только благоприятного случая объяснения с императрицею на счет Польши. Этот случай вскоре представился.

Станислав Август тщетно домогался склонить венский двор к возвращению староства Спиржского; Кауниц объявил решительно, что оно, по старинным правам, должно быть присоединено к Австрии. Король обратился с жалобою к Екатерине и просил ее покровительства. Императрица, получив письмо Станислава Августа, сказала Генриху, что если венский двор считает себя вправе требовать от Польши земель, прежде ему принадлежавших, то другие державы имеют на то еще более права. Принц спешил воспользоваться этим замечанием и с свойственным ему красноречием представил императрице необходимость разделить Польшу между тремя державами, доказывая, что страна сия, как главная виновница Турецкой войны, должна вознаградить Россию за ее жертвования, что прусский король, уже заплативший по случаю войны значительные суммы, также имеет право требовать от Польши вознаграждения, и что только этим средством можно будет избежать разрыва с Австрией, которая за Молдавию и Валахию

готова воспламенить всеобщую войну. Екатерина легко могла заметить, как из слов принца, так и из действий Австрии и Пруссии, что оба двора уже условились исполнить свое намерение; следовательно, препятствуя им, могла опасаться разрыва не только с венским двором, но и с берлинским. Дело рассмотрено было в верховном совете, где большинство голосов было в пользу предложения прусского двора. Императрица согласилась с ним, и Фридрих II спешил составить план разделения Польши. Положено было отделить от нее по равной части для каждой из трех держав, по их выбору.

Екатерина довольствовалась присоединением Белоруссии, но требования Австрии и Пруссии были весьма неумеренны. Австрия хотела присвоить почти целую треть Польши до самой Варшавы, Пруссия не менее значительную часть, с городами Данцигом и Торном. Екатерина объявила их притязания несогласными с договором и готова была отказаться от участия в разделе. Но Фридрих II отступился от Данцига и Торна; Австрия также умерила свои требования, и окончательным договором в С.-Петербурге было постановлено: 1) к России присоединить землю между Днепром, Западной Двиной и Дручем, известную ныне под именем Белоруссии; 2) к Австрии Галицию; 3) к Пруссии Померанию, за исключением Данцига, и часть Великой Польши до реки Нетцы. Вслед за тем договор был предъявлен Варшавскому двору, Станислав Август созвал сейм, который, после тщетных усилий воспрепятствовать исполнению намерения трех держав, должен был на оное согласиться. Союзники ручались в неприкосновенности остальных областей Речи Посполитой, но с тем условием, чтобы поляки не изменяли установленного ими в королевстве порядка, относительно как образа правления, так и прав диссидентов. Сохранение этого порядка приняла на себя Екатерина¹⁵.

Неминуемым следствием польского раздела было уклонение Австрии от участия в делах турецких. Порта уже заплатила ей значительную сумму вперед, на основании оборонительного союза, в полной уверенности на ее содействие, но венский двор, довольный тем, что Россия согласилась не требовать ни Молдавии, ни Валахии, не думал более о вооруженном посредничестве, и Екатерина, не опасаясь вмешательства Австрии, спешила пожать плоды своих побед.

Как ни блистательны были успехи русского оружия в турецкой войне, императрица искренне желала мира. Внутри государства свирепствовала жестокая моровая язва. Невзирая на принятые правительством меры, она проникла из Молдавии в Малороссию, оттуда быстро разлилась по южным областям империи, и в половине 1771 года обнаружилась в Москве. Главнокомандующий столицей, граф Салтыков, удалился в свои поместья. Народ пришел в ужас, не хотел слышать ни о каких предохранительных мерах, считая их виной мора, толпился перед Варшавскими воротами и увеличивал зло. Тщетно архиепископ Амвросий, святитель ревностный и просвещенный, старался образумить жителей Москвы; разнесся слух, что он в заговоре с врачами и морит народ. Неистовая чернь умертвила его, исторгнув из Чудова монастыря, в Москве вспыхнул бунт. К счастью, императрица назначила заблаговременно в помощь Салтыкову деятельного генерала Еропкина, который смирил непокорных. Вскоре прибыл в Москву сам Орлов (Григорий Григорьевич) и мерами настолько решительными, насколько и благоразумными, остановил распространение болезни. Но она долго, более года, свирепствовала как в самой столице, так и в южных областях империи. В одной Москве погибло более 130000 человек.

При лютой язве продолжение войны с Турцией было тяжким бременем для государства и народа. Сверх того еще не видно было конца польским неурядицам, которые могли потребовать новых усилий, притом же на севере произошла важная перемена: *Густав III*¹⁶, король юный и смелый, успев обуздать самовластие аристократов в Швеции, по внушениям Франции обнаруживал неприязнь к России. Все это заставляло Екатерину желать мира с Турцией. По воле ее фельдмаршал Румянцев еще в 1771 году известил визиря, что если Порта намерена прекратить войну, то она легче достигнет своей цели без вмешательства посторонних держав, вступив в переговоры прямо с российским двором. Султан в то время надеялся на содействие Австрии и отвечал Румянцеву гордо, но когда увидел, что надежда его будет тщетной, потребовал перемирия, освободил Обрескова и прислал полномочных в Молдавию.

Конгресс открылся в местечке Фокшаны¹⁷; сюда прибыли также посланники Австрии и Пруссии, но не участвовали в переговорах. Совещания были, впрочем, непро-

должительны: князь Григорий Григорьевич Орлов, уполномоченный императрицей, требовал прежде всего независимости татар крымских; турецкий посол объявил, что такое условие послужит основанием двух калифатств и что султан, по правилам своей веры, не может на то согласиться. От излишней горячности обеих сторон переговоры пресекались в самом начале. Но так как и Россия, и Турция чувствовали равную необходимость мира, то нетрудно было согласиться о назначении другого конгресса, в Бухаресте¹⁸. Здесь не было ни графа Орлова, ни австрийского посланника Тугута, мешавшего своими внушениями успешному ходу переговоров в Фокшанах, и Обресков успел склонить турецких полномочных к уступке во многих пунктах; но главное условие — независимость татар — по-прежнему было камнем преткновения. Бухарестский конгресс кончился ничем.

Турки успели между тем собраться с силами и тем ревностнее готовились к новой борьбе, что Франция обещала прислать флот в Архипелаг и вооружить на Россию короля шведского. Екатерина решилась нанести Порте новый удар, который расстроил бы ее надежды и доставил бы России мир, соответствующий ее победам и жертвованиям. Румянцев получил повеление перейти Дунай, разбить визиря и с оружием в руках предписать султану условия мира. Тщетно фельдмаршал представлял двору, что в главной армии его не более 20 000 человек, в том числе половина рекрутов, едва умеющих держать ружье, между тем как за Дунаем стоит визирь с многочисленной армией, готовой к упорной обороне, под защитой неприступных крепостей Болгарии. Императрица отвечала Румянцеву, что у него никогда не было более войска, напомнила правило римлян спрашивать только, где враги, и требовала непременно исполнения ее воли. Фельдмаршал повиновался, перешел Дунай и едва не погиб с войском и со своей славой. Визирь стоял на Балканах: чтобы достигнуть до него, русский полководец считал необходимым прежде всего обеспечить свой тыл покорением крепостей, которыми унизан правый берег Дуная. Начали с Силистрии; гарнизон ее был вдвое многочисленнее русской армии. Неимоверные усилия до того изнурили войско Румянцева, что он уже думал не о победах, а о безопасном отступлении. Но оно казалось невозможным — одна турецкая армия, под начальством сера-

скира, заполняла путь к обратной переправе через Дунай; другая, под начальством самого визиря, готова была спуститься с гор и задавить русских огромной массой своих сил; третья легко могла напасть на них из Силистрии. Генерал Вейсман спас Румянцева, прикрывая отступление изнуренной русской армии, с малочисленным корпусом он напал на сераскира при деревне Кайнарджи, разбил его наголову и очистил путь к переправе. Но дорогой ценой была куплена эта победа — смертью храброго Вейсмана. Чтобы поправить неудачу и вместе с тем исполнить волю императрицы, вторично требовавшей решительных действий, Румянцев хотел для утверждения себя на правом берегу Дуная воспользоваться осенним временем, когда турецкие войска по обычаю расходятся большей частью по домам. Благоразумные меры его не были увенчаны желаемым успехом, как из-за недостатка средств, так и из-за оплошности генералов. Русская армия опять возвратилась из-за Дуная с потерей. Приписывая все неудачи столь несчастного похода одной зависти сильных временщиков при дворе, которые таили от императрицы истинное положение армии, не хотели подкрепить ее и в то же время распоряжались военными действиями, Румянцев с горестью смотрел на увядающую славу свою, впал в тяжелую болезнь и просил отставки. Екатерина спешила подкрепить его полками, стоявшими в Польше, и уполномочила вести войну, как он заблагорассудит, просила только одного мира, необходимого в тогдашнем положении государства, потрепанного Пугачевым, и соглашалась даже на некоторые изменения условий, объявленных на Букарестском конгрессе.

Весною 1774 года, с удвоенною армией, в числе 46 000 человек, фельдмаршал в третий раз перешел Дунай, осадил Рушук, Силистрию и велел генералам Каменскому и Суворову идти на визиря, собравшего все силы оттоманские в неприступной Шумле. Румянцев хотел запереть его на Балканах, чтобы тем удобнее заняться осадю крепостей по правому берегу Дуная. Суворов сделал более: при Козлуджи, с 8 000 корпусом он разбил наголову 40 000 турок¹⁹, овладел их лагерем и навел такой ужас на главную неприятельскую армию, что когда товарищ его, Каменский, расположился в виду Шумлы, угрожая отрезать визиря от Адрианополя и пресечь подвоз съестных припасов, турки

толпами бросились из лагеря. Оставленный всем войском своим, визирь известил султана, что он не имеет средств держаться на Балканах. Мустафы III уже не было: он умер в начале 1774 года. Преемник его, Абдул Гамид, не имея ни твердости, ни решительности предшественника, уполномочил своего полковника к заключению мира. В надежде выиграть время и собраться с силами визирь предложил возобновить конгресс. Румянцев требовал, чтобы турецкие полномочные немедленно явились к нему для выслушивания и подписания условий мира. Они прибыли в главную квартиру его, находившуюся в деревне Кайнарджи²⁰, недалеко от Силистрии, и там, в ставке российского фельдмаршала, подписали изготовленные Репниным те самые условия, которые уже были объявлены на Букарестском конгрессе. Порта обязалась: 1) признать независимость татар крымских, буджакских и кубанских; 2) уступить России Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн; 3) открыть русским купеческим кораблям свободное плавание из Черного моря в Средиземное; 4) предоставить русским подданным в турецких областях все льготы, которыми пользовались французы и другие, наиболее покровительствуемые народы; 5) даровать всеобщее прощение грекам, славянам, молдаванам и валахам; 6) допустить российских резидентов в Царьграде ходатайствовать перед диваном по делам московским; 7) уплатить нашему двору 4 500 000 рублей за военные издержки; 8) признать российскую государыню в сане падишаха; 9) все прежние трактаты (в которых была речь о Польше) отменить.

Весть о счастливом окончании Турецкой войны тем более обрадовала Екатерину, двор и народ, что в это самое время в юго-восточных пределах империи, между Волгою и Уралом, свирепствовало страшное волнение, угрожая потрясти все государство: то был мятеж пугачевский*. Он вспыхнул в сентябре 1773 года на Яике, нынешнем Урале, и целый год, как опасный пожар, беспокоил правительство. Яицкие казаки, отрасль донских, со времен царя Михаила Феодоровича подвластные русским государям, до Петра Великого жили в своем отдаленном и богатом краю на

* Пушкин. История Пугачевского бунта в полном собрании его сочинений.

всей воле казацкой: сами избирали атамана и старшин, не знали ни податей, ни повинностей, несли легкую службу по наряду Астраханского приказа, разгуливали по Каспийскому морю, грабили персидские торговые суда и нередко получали строгие выговоры от двора московского. Для обуздания их своеволия Петр отдал яицкое войско в ведомство военной коллегии, сделал ему перепись, определил службу и сам назначил атамана. Казаки возмутились и хотели бежать в киргизские степи. Петр смирил их. Но память старинной воли не могла скоро исчезнуть, и на Яике в середине XVIII столетия бывали частые беспокойства. Сильнее всего они обнаруживались в последние годы царствования Анны и в начале правления Екатерины. В 1771 году надлежало послать войско для усмирения мятежников; они были укрощены силою оружия; звание атамана уничтожено, власть его поручена яицкому коменданту. Казаки покорились необходимости, но роптали более прежнего и ждали только вождя, чтобы возвратить старинную волю. Он не замедлил явиться.

Беглый казак с Дона, из Зимовейской станицы, *Емельян Пугачев*²¹ шатался по яицким хуторам, поносил распоряжения правительства и подговаривал недовольных отдаться под защиту Порты. Его поймали, отвезли в Казань и присудили к ссылке в каторжную работу. Незадолго до исполнения приговора он бежал и снова появился на Яике. Там между тем составилась заговор: несколько предприимчивых злодеев из простых казаков* задумали, по словам их, тряхнуть Москвою при помощи самозванства; им было известно, что уже не раз люди злонамеренные на Дону и в Украине пытались обмануть легковерных молвою, будто император Петр III жив. Попытки не удалась, но в краю отдаленном, среди народа малообразованного, злоумышленники надеялись на успех, и орудием своим избрали Пугачева, как самого дерзкого, отважного и предприимчивого из всех казаков; сверх того полагались и на его сведения в военном деле, приобретенные им в походах против турок и поляков. Он дерзнул принять на себя имя императора Петра III и в сентябре 1773 года начал действовать.

Невзирая на всю нелепость замысла успехи его были невероятно быстры: выступив на позорное попрание с 300

* То были: Зарубин, Овчинников, Шигаев, Лысов, Чумаков.

человек, он вскоре собрал до 30 000 мятежников, в короткое время овладел почти всеми городами и крепостями по Уралу, осадил Оренбург, взволновал башкирцев, калмыков, киргиз-кайсаков. Главною причиной его успехов была оплошность местных начальств, в особенности Оренбургского губернатора Рейнсдорпа, генерала усердного, но слабого и недалёковидного — имея возможность потушить мятеж в самом начале, он дал ему время разгореться и, невзирая на все старание, не мог уже сладить с ним. Зло довершил генерал Карр, присланный из Петербурга на помощь Рейнсдорпу: прибыв к Уралу, в полной уверенности без труда кончить дело, Карр не принял никаких мер к успеху, с ужасом узнал о числе мятежников, сказался больным, оставил войско и уехал в Москву. Пугачев имел время усилиться, употребив в свою пользу другое важное обстоятельство: яицкие казаки были большею частью старообрядцы, как и сам он, боялись потерять свои бороды, о чем уже носилась молва, и с радостью услышали, что мнимый император жалует их «крестом, бородою и вечною волею». Все яицкое войско возмутилось. Волнение быстро распространилось от Урала к Волге. Ужас и недоумение колебали Казань.

Императрица увидела необходимость принять решительные меры. Генерал *Бибиков*²², муж знаменитый блестящими подвигами в Польше, уполномочен государынею к прекращению мятежа. Он прибыл в Казань, успокоил умы, ополчил сильное войско, избрал искусных генералов и прежде всего спешил освободить от осады Яицк, Оренбург, Уфу, доведенные мятежниками до последней крайности. Мудрые меры полководца, равно искусного и деятельного, обещали близкий конец беспокойствам: полковник Михельсон спас Уфу, генерал Мансуров освободил Яицк, князь Голицын разбил самого Пугачева под стенами Оренбурга и загнал его в степи, к берегам Тобола. Мятеж готов был затихнуть, но дела вдруг приняли неожиданный оборот. Бибиков скончался в цвете лет и силы, преемник его, князь Щербатов, не умел довершить истребление злодея и продолжительным бездействием дал ему время снова усилиться. Преследуемый одним слабым отрядом Михельсона, Пугачев бросился к Уральским заводам, захватил казну, взволновал заводских людей, вылил пушки, призвал башкирцев, татар, калмыков и от верховьев Уфы с много-

численными толпами кинулся на Казань. Она была без войска, слабый гарнизон ее обеспамятовал от ужаса и заперся в ветхий кремль, куда удалились и городские жители без надежды на спасение. Пугачев без труда овладел городом, разграбил его, сжег до основания и готовился овладеть крепостью, чтобы, взяв ее, идти прямо к Москве.

Пораженная бедствием Казани, императрица объявила государственному совету, что она сама примет начальство над войском для спасения империи. Граф Никита Иванович Панин едва отговорил ее от этого намерения: брат его граф *Петр Иванович*²³, покоритель Бендер, живший вдали от двора, из усердия к престолу вызвался довершить дело Бибикова. Между тем, как новый полководец принимал меры к безопасности Москвы и собирал войска, храбрый Михельсон уже успел сокрушить злодея. Узнав о движении Пугачева к Волге, он быстро пошел по следам его, настиг его вблизи пылающей Казани и, невзирая на чрезмерное неравенство сил, немедленно вступил в бой. Три раза возобновлялась битва, и каждый раз одолевал Михельсон. Мятежники рассеялись. Пугачев бросился на правый берег Волги, распустил свои манифесты и, частью страхом, частью лестью взволновал все Приволжье, хотел кинуться к Москве, где сообщники обещали ему полный успех. Неутомимый Михельсон заслонил ему путь при Арзамасе и, как грозный мститель, погнал его вниз по Волге, не давая ни минуты покоя. Не думая более о Москве, Пугачев хотел пробраться в Турцию или Персию, бежал стремительно, разоряя на дороге все села и города, в том числе Пензу, Саратов, и уже был в нескольких переходах от Астрахани, откуда мог без труда уйти в море. Михельсон настиг его ниже Царицына, разбил наголову, перебросил через Волгу и загнал в степи. Здесь, за Елтонским озером, злодей был окружен войсками, которые быстро сходились со всех сторон по распоряжению графа Панина. Преследуемые Суворовым, принявшим начальство над отрядом Михельсона, сообщники Пугачева не видели никакой надежды выпутаться из расставленных им сетей, хотели заслужить милость правительства и, на берегах Узеня связав своего атамана, представили его в Яицк коменданту. Отсюда он был перевезен в Москву и там получил достойную казнь. Вслед за тем деятельные меры Панина успокоили юго-восточный край империи.

Екатерина желала, чтобы самое имя злодея изгладилось из памяти народной, запретив произносить его и переименовав Яик Уралом.

Вскоре после прекращения пугачевского бунта получена была от султана давно ожидаемая ратификация Кайнарджийского договора. Императрица спешила изъявить свою признательность народу, воинству и вождям его за великие труды и славные победы, доставившие государству неисчислимыя выгоды. Манифестом 17 марта 1775 года она даровала своим подданным многие льготы: облегчила налоги, уничтожила разные местные сборы, стеснявшие городскую и сельскую промышленность, смягчила жестокие наказания для нижних воинских чинов, предала забвению всякого рода уголовные дела, бывшие 10 лет безгласными, обнародовала прощение всем лицам, замешанным в мятеже пугачевском. Вслед за тем 10 июля, в день заключения Кайнарджийского договора, во всей империи было празднование мира, главное торжество происходило в Москве. Здесь императрица, окруженная блестящим двором своим, при бесчисленном стечении народа, приносила благодарение Всевышнему в Успенском соборе и потом, в грановитой палате, приветствовала вождей победоносного русского воинства, награждая каждого из них по заслугам. Награда Румянцеву была истинно царская. Он получил: за великие подвиги похвальную грамоту с наименованием *Задунайского*, за разумное полководство — алмазами украшенный повелительный жезл, за храбрые предприятия — шпагу, осыпанную бриллиантами, за победы — лавровый венец, за мир — масличную ветвь, в ознаменование монаршего благоволения — бриллиантовые знаки ордена святого апостола Андрея Первозванного дорогой цены, в честь ему и в поощрение потомства — медаль с его изображением, для увеселения его — деревню в 5000 душ, на постройку дома — 100 000 рублей, для стола — серебряный сервиз, для убранства комнат — картины. За торжественным пиром он сидел рядом с императрицею. Вслед за тем прошли великолепные празднества, которые продолжались несколько дней в Москве, в С.-Петербурге и во всей империи.

Недаром веселилась Екатерина и ликовал народ ее: редкая война была так блистательна, как война румянцевская:

редкий мир был так выгоден для России, как мир Кайнарджийский. Подвиги русских на Кагуле, при Чесме, за Дунаем, на Балканах не уступают славнейшим деяниям времен древних и новых; договор Кайнарджийский освободил татар от власти султана, избавил Россию от тягостного соседства турок, открыл свободный путь нашей торговле из Черного моря в Средиземное, приготовил подданство Крыма, Грузии и независимость Греции.

IV. ГРЕЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Время, протекшее от конца первой Турецкой войны до начала второй, было самым блестящим периодом в царствование Екатерины. Увенчанная славою побед, окруженная сонмом храбрых вождей, мудрых министров, располагающая судьбою Польши, грозя тою же участью Турции, она умела внушить Европе высокое понятие о своем могуществе. Знаменитые венценосцы, Фридрих Великий, *Иосиф II*²⁴, Густав III, короли Английский, Французский, Датский, Польский, наперебой друг перед другом, искали ее союза, гордились ее дружбою, льстили ее вельможам, отчасти сами являлись к ее двору и нередко действовали по тому направлению, какое давал им Петербургский кабинет. Французские и немецкие ораторы, поэты, философы прославляли ее доблести; сам *Вольтер*²⁵, не шадивший никого, до небес превозносил царицу севера. Голос его был отголоском всей Европы.

Внутри империи царствовала глубокая тишина, и все принимало новый лучший вид: города быстро возникали; пустыни населялись трудолюбивыми земледельцами; все приходило в порядок; везде заметно было веселье и довольство. Двор отличался пышностью и блеском необыкновенным; высшее общество не уступало ни одному европейскому в образованности и утонченности нравов; в среднем классе нередко обнаруживалось живейшее стремление к науке; отличные таланты явились на поприще словесности. Русское слово заговорило яснее, выразительнее, красноречивее прежнего. Пользуясь вождеденною тишиною, Екатерина обратила все внимание свое на внутреннее устройство империи и обессмертила свое имя учреждениями незабвенными, которые навсегда останутся залогом на-

шего благоденствия; между тем с искусством пожинала плоды своих побед: раздвигала пределы государства на юге, увеличивала могущественное влияние его на западе; давала чувствовать силу свою всей Европе. Главной целью ее внешней политики была Турция.

Со времени заключения Кайнарджийского договора в Европе распространилась всеобщая молва о намерении Екатерины овладеть Константинополем и на развалинах Османской Порты восстановить Греческую империю. Молва эта была не без основания. Мысль об изгнании турок в Азию долгое время занимала все кабинеты; с середины XV до конца XVII века Европа смотрела на них как на чуждых пришельцев, как на врагов христианства и образования и неоднократно собиралась предпринять крестовый поход. Последним героем религиозной борьбы с османами был славный Собеский. В первой половине XVIII века непрерывные войны на западе и востоке, на севере и юге отвлекли общее внимание от Турции, дав иное направление европейской политике. Россия развила огромные силы и привела в трепет соседей. Громимые русским оружием, они обыкновенно искали защиты у Порты: к ней прибегнул Карл XII после Полтавской битвы; к ней обращался и Фридрих II, пораженный на полях Кунерсдорфа; чрез нее думал освободить Польшу от нашего влияния герцог Шуазель. Европейские кабинеты стали смотреть на Турцию как на оплот против распространения русского могущества, и венский двор, испуганный победами Румянцева, едва не объявил нам войны, чтобы спасти Порту. Опасения его на этот раз были напрасны: занятая делами Польши, озабоченная внутренними неурядицами, Екатерина, среди самых блестящих успехов своего оружия в Молдавии, за Дунаем, на водах Архипелага, желала мира и, не думая о завоевании Константинополя, хотела только избавить свою империю от соседства турок и обеспечить торговлю своего народа на морях Черном и Средиземном.

Но вслед за окончанием Турецкой войны действительно родилась в уме ее мысль о возможности восстановить Греческую империю на развалинах Османской Порты²⁶. Эта мысль занимала ее лет 15 и была, кажется, следствием Кайнарджийского договора. Исполнив главное желание двора, освободив татар от власти турок, открыв русским кораблям свободный путь из Черного моря в Архи-

пелаг, Румянцев в то же время принудил Диван признать право России покровительствовать единоверным ей многочисленным народам греческим и славянским, в особенности обитателям Молдавии и Валахии. Кайнарджийский договор поставил Турцию относительно России почти в то самое положение, в какое привел Польшу московский трактат 1686 года. История диссидентов могла повториться в летописях оттоманских. Екатерина не оставила без внимания столь благоприятного обстоятельства. Граф Никита Иванович Панин старался отклонить ее от предприятия отважного, грозившего вовлечь империю в борьбу со многими европейскими державами, но дальновидный и осторожный министр встретил сильного соперника в любимце счастья, пламенно желавшем изгнать турок из Европы.

Незадолго до окончания турецкой войны при дворе Екатерины стал возвышаться молодой, до того едва заметный царедворец, вскоре заслонивший собой всех вельмож, не исключая ни Паниных, ни Орловых, ни Румянцева. То был князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический. Сын небогатого смоленского дворянина, в юности он готовил себя к духовному званию, учился в Московском университете и приобрел обширные сведения в богословии. Честолюбие увлекло его на другое поприще: он вступил в военную службу, успел обратить на себя внимание Екатерины при самом восшествии ее на престол, был в то время вахмистром конногвардейского полка, сблизился с Орловыми и получил звание камергера, впрочем до самого начала Турецкой войны оставался незаметным. Между тем честолюбие снедало его: горя желанием выйти из толпы, он испросил дозволения отправиться в армию под знаменами Румянцева, с блестящим мужеством действовал при Ларге, при Кагуле, за Дунаем, приобрел особенное расположение фельдмаршала и возвратился ко двору с чином генерал-поручика, с Георгиевским крестом на шее. Но столь быстрое возвышение только воспламенило его честолюбие: он хотел ближе всех вельмож стать к трону, удалить князя Орлова, взять перевес над Паниным, над Румянцевым и, действуя с искусством, быстро достиг своей цели. Императрица удостоила его такого доверия, каким еще никто не пользовался при дворе ее, осыпала его всеми возможными для подданного поче-

стями, наградила несметными богатствами и целые 15 лет ни одного важного дела не предпринимала без совета с Потемкиным. Екатерина уважала в нем ум необыкновенно светлый, дальновидный, быстро обнимавший предметы со всех сторон, душу гордую, бесстрашную, вместе с тем незлобную, пылкое воображение, беспрестанно творившее новые планы, предприимчивость, не знавшую никаких преград, и беспредельное усердие к славе императрицы, к величию империи.

Если Потемкин не во всех отношениях оправдывал столь высокое мнение своей государыни и, по свидетельству беспристрастных наблюдателей современных, с блестящими достоинствами соединял многие важные недостатки, неограниченное, часто мелкое честолюбие, самолюбие беспредельное, расточительность непомерную. При всем том никогда Россия так не благоденствовала, никогда так стройно, так величественно не развивались мысли Петровы, как в то время, когда близ трона Екатерины стоял Потемкин. Конечно, сама государыня была душою всего, и престол ее окружали многие другие мудрые советники; тем не менее достоверно, что могущественный князь Тавриды имел решительное влияние на все, и на выбор людей, близких к императрице, и на внутреннее устройство, и на внешнюю политику. Имя его всегда будет напоминать одну из самых блестящих эпох русской истории.

Мысль Екатерины восстановить Греческую империю сделалась любимой мечтою Потемкина. Императрицу пленяло величие предприятия, обещавшего ей бессмертную славу, России сугубое могущество, как неминуемое следствие восстановления единой державы на развалинах неприязненного государства. Потемкина подстрекали и другие побуждения: достигнув высшей степени почестей, доступной для подданного, он желал иметь еще славу полководца, завидовал лаврам Румянцева, искал поприща достойного своей предприимчивости и своего честолюбия. Кроме того, как ревностный поборник православной веры, глубоко изучивший ее историю, он с живейшим негодованием смотрел на господство магометан в стране, где была колыбель христианства, где святое учение сохранилось во всей чистоте своей и откуда оно проникло в Русскую землю. Таким образом, подстрекаемый и политическими и религиозными побуждениями, он с живейшим

усердием подкреплял намерение своей государыни воскресить Греческую империю и готовил средства.

Для исполнения столь великого и многосложного предприятия необходимо было прежде всего склонить на сторону России первостепенные державы Европы, в особенности Австрию, которая по своему положению и по своей политике более всех других государств могла содействовать или препятствовать видам Петербургского кабинета на Оттоманскую Порту. Дело казалось невозможным. Мария Терезия по личным предубеждениям постоянно уклонялась от искренней дружбы с Екатериною; первый министр ее князь Кауниц, считая себя творцом и опорой политического равновесия в Европе, принял за правило не допускать Россию к увеличению ее могущества; глава русского министерства по делам внешней политики граф Н. И. Панин со своей стороны старался поддерживать дружбу своей государыни с королем прусским, в котором видел защитника европейской тишины от честолюбивых замыслов Венского двора. Неожиданный случай должен был, по-видимому, еще более отдалить оба кабинета.

В конце 1777 года умер курфюрст Баварский Максимилиан-Иосиф; смертью его пресекся дом, господствовавший в Баварии, которая после того должна была перейти в род курфюрста Пфальцкого Карла-Теодора. Венский двор, давно желавший присвоить ее и расширить пределы Австрии до Рейна, тем легче убедил Карла-Теодора уступить свое право Марии Терезии, что после смерти его как Бавария, так и Пфальц должны были достаться дальнему родственнику, герцогу Цвейбрикенскому. Последний, однако, протестовал против заключенного им условия и обратился с просьбою о защите к королю прусскому. Фридрих II вступился за него, и после тщетных переговоров с Венским двором двинул войска свои в Богемию. Австрия также вооружилась: жестокая война готова была вспыхнуть.

Мария Терезия на закате дней своих с ужасом видела возобновление войны Семилетней и, чтобы отклонить ее, обратилась к посредничеству России и Франции, отдавая на суд их дело о баварском наследстве. Версальский кабинет склонялся на ту и другую сторону; но Екатерина объявила решительно, что в случае разрыва Австрии с Пруссией она будет, согласно с договором и справедливостью, по-

могать Фридриху II всеми силами империи. Эта угроза произвела столь сильное впечатление, что Австрия немедленно отказалась от своих требований, возвратила Баварию Карлу-Теодору и примирилась с Пруссией в Тешене. При таком ходе дел сближение Венского двора с С.-Петербургским кабинетом, как того желал Потемкин, казалось невозможным: вышло иначе.

Венский двор не терял надежды присвоить Баварию. Карл-Теодор соглашался обменять ее на Австрийские Нидерланды. Но так как при этом обмене надлежало опасаться нового противодействия со стороны Фридриха II, постоянного, неутомимого соперника Австрийскому дому, наиболее сильного тесным союзом с могущественною Россией, то Мария Терезия решилась прежде всего снискать дружбу Российской императрицы и отдалить ее от прусского короля. Предприятие было не легкое: уже более 15 лет Фридрих помогал Екатерине во всех делах ее с Польшей и Турцией, оберегал ее от Швеции и Австрии, платил ей огромные суммы, пользовался искренним уважением ее, имел на своей стороне графа Панина и был душевно любим цесаревичем Павлом Петровичем, который всегда с признательностью вспоминал, что семейным счастьем своим он обязан Фридриху, главному виновнику второго брака его с принцессою Вюртембергскою, незабвенною Марией. Чтобы ослабить столь прочный союз, австрийская государыня отправила в С.-Петербург дипломата искусного: то был сам император немецкий Иосиф II, сын и будущий преемник Марии Терезии.

Узнав о намерении Екатерины обозреть Белоруссию, Иосиф изъявил желание видеться с нею. Вызов его был принят охотно. Свидание происходило в Могилеве²⁷ на Днепре; оттуда, через Москву, император прибыл в Петербург и вполне достиг своей цели. Его ум образованный, обогащенный самыми разнообразными сведениями, его пленительная простота в обращении, живейшая любовь к полезному и изящному, умение приноровляться ко времени и к лицам, все это произвело сильное впечатление на Екатерину и двор ее.

Тщетно Панин старался представить Иосифа императором честолюбивым, скрывавшим под личиною простоты самые дальновидные планы: Потемкин был на стороне им-

ператора, который очень тонко и искусно льстил его самолюбию и обещал содействовать его видам на Оттоманскую Порту. Екатерина и Иосиф расстались искренними друзьями, дав слово помогать взаимно во всех предприятиях. Фридрих II спешил изгладить впечатление, произведенное при нашем дворе императором, и вскоре по отъезде его прислал в Петербург будущего преемника своего, Фридриха-Вильгельма, но уже поздно — его приняли холодно. Вслед за тем прусский король получил отказ на возобновление оборонительного союза, разрыва с Пруссией не было, но уже не было и той искренней дружбы, которая доселе так тесно соединяла оба кабинета. Главною виною этой холодности было неосторожное предложение Фридриха заключить оборонительный союз между Россией, Пруссией и Турцией для противодействия честолюбивым планам немецкого императора: Екатерина увидела, что на короля нельзя надеяться в случае войны с Портою и охотно предпочла дружбу Австрии Прусскому союзу. Граф Н. И. Панин с опасением смотрел на сближение своего двора с Венским, видел в нем первый шаг честолюбивого Потемкина к предприятию отважному, грозившему Европе всеобщей войною, и, чтобы отвлечь внимание императрицы от Греческого проекта, решился занять ее делом равно достойным ее славы, но более соразмерным могуществу империи и согласным с общим требованием века — плодом его ума и усилий был вооруженный нейтралитет.

V. ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ (1780)

Вооруженным нейтралитетом называется союз, заключенный в 1780 году во время Североамериканской войны, по предложению Российского двора между многими европейскими державами для охраны морской торговли тех народов, которые не принимали участия в борьбе Англии с ее колониями. Главою и опорой этого союза была Россия.

С давних времен европейские кабинеты чувствовали необходимость обеспечить неприкосновенность нейтрального флага и груза в случае разрыва между морскими державами, но при всех усилиях не могли достигнуть этой цели. Общее правило — вольный флаг, вольный груз — было толкуемо совершенно различно, смотря по обстоятельст-

вам. Например, англичане, не принимая участия в войне Франции с Испанией, хотели иметь полную свободу в торговых сношениях как с другими нейтральными странами, так и с воюющими державами, но те же самые англичане в случае разрыва с каким-либо государством пресекали ему все пути к торговле с прочими народами, объявляли его гавани в блокаде и захватывали шедшие к ним нейтральные корабли с грузами под видом контрабанды. Так же точно поступали французы, испанцы, голландцы. Торговые договоры, определявшие, что должно считать контрабандою, не обеспечивали права нейтральных народов, во-первых, потому, что не с каждою из воюющих держав заключаемы были подобные трактаты; во-вторых, потому, что самое понятие о контрабанде было весьма различно: нейтральные народы под этим словом разумели только оружие; воюющие — все, что могло приносить пользу их соперникам, даже самый хлеб. От произвольного толкования договоров самоуправство господствовало на морях, и при каждой войне европейская торговля терпела величайший вред. В особенности много страдала она во время Североамериканской войны, в которой участвовали главные морские государства Европы, Англия, Франция, Испания. Каперы их разъезжали по всем морям, ловили нейтральные корабли под самыми несправедливыми предлогами и объявляли их трофеями.

Русский флаг также был оскорблен. Испанское правительство конфисковало взятые его каперами два корабля наши, нагруженные хлебом, под тем предлогом, что груз их был назначен в английскую крепость Гибралтар. Раздраженная таким самоуправством Екатерина приказала вооружить сильную эскадру, чтобы потребовать от Испании удовлетворения. Английский посланник при С.-Петербургском дворе кавалер Гаррис, дипломат хитрый и искусный, спешил воспользоваться столь благоприятным случаем для убеждения императрицы принять участие в Североамериканской войне в виде посредницы, о чем Лондонский кабинет в то самое время особенно заботился. Вступив в трудную и неудачную борьбу со своими колониями, великобританское правительство вооружило против себя еще Францию и Испанию, было в раздоре с Пруссией, не в ладах с Голландией и Данией; одним словом, не имело в Европе почти ни одного союзника и очень желало завести

тесную дружбу с Россией. В самом деле, при разрыве с Мадридским двором сближение с Лондонским кабинетом было для нас почти неизбежно, и Гаррис тем легче надеялся достигнуть своей цели, что он успел уже склонить на свою сторону князя Потемкина обещанием содействовать ему в случае войны с Оттоманскою Портою. Граф Панин дал иной оборот делу.

Он представил императрице, что время положить предел самоуправству морских держав, на которое ропщет вся Европа, и что российская государыня заслужит всеобщую признательность современников и бессмертную славу в потомстве, если, не ограничиваясь настоящим поступком испанского правительства, она примет меры к охране прав нейтральных и на будущее время. Следствием этого представления была достопамятная декларация 28 февраля 1780 года о вооруженном нейтралитете²⁸. Екатерина известила все дворы европейские, что во время войны с Портою, не нарушив ничьих прав нейтральной торговли, она надеялась на подобное уважение и к Русскому флагу со стороны держав, занятых Североамериканскою войной; но так как поступки их доказывают противное и наносимый ими вред европейской торговле должен обратить на себя общее внимание государств нейтральных, то она решилась принять все зависящие от нее меры к охране чести ее флага и собственности ее подданных. Прежде всего, однако, считает нужным изложить торжественно, пред лицом всей Европы, те правила, которым она намерена следовать и которые должны предупредить всякое недоразумение. Вследствие того объявляет: 1) нейтральные корабли могут свободно ходить из порта в порт и приставать к берегам воюющих держав; 2) товары воюющих народов на нейтральных кораблях должны быть неприкосновенны, исключая контрабандные; 3) контрабандою признаются одни военные снаряды и оружие; 4) гавань только тогда считается в блокаде, когда вход в нее заперт неприятельскими кораблями; 5) для охраны свободы и безопасности русской торговли будет вооружена достаточная эскадра, которая не допустит никого, кто бы то ни был, оскорблять честь Русского флага.

Европа приняла эту декларацию с восторгом; все кабинеты признали изложенные в ней начала самыми мудрыми и справедливыми и наперерыв друг пред другом спешили заключить союз с двором Российским, изъявляя готов-

ность содействовать ему к охране нейтрального флага. Одна Англия с живейшим негодованием выслушала декларацию Екатерины: она сама хотела предписывать законы на морях, совершенно противоположные началам вооруженного нейтралитета, и сверх всякого чаяния увидела Россию главою великого семейства европейских народов. Не смея явно противодействовать столь грозному союзу, лондонский кабинет не отвергал и вместе с тем не признавал декларации 28 февраля, ограничившись учтивым ответом нашему двору, что он всегда считал своею обязанностью оказывать всякое уважение Русскому флагу.

Между тем, вопреки ожиданию Панина, императрица тем менее думала отказаться от Греческого проекта, что вооруженный нейтралитет скорее мог содействовать ему, чем препятствовать, сближая с Россией всю Европу, кроме Англии. Граф Никита Иванович удалился от дел и года через три умер. Потемкин стал действовать свободнее и с искусством приготовил присоединение Крыма к Российской империи, долженствовавшее служить первым шагом к исполнению Греческого проекта.

VI. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА (1783)

Татары крымские, буджакские и кубанские кайнарджийским договором объявлены были независимыми как от России, так и от Турции. Им предоставлено было избирать хана из Чингизова племени. Хан должен был только извещать оба двора о своем восшествии на престол; сверх того получал от султана, как от верховного халифа, духовное благословение и знаки своего достоинства — соболью шубу, чалму, саблю. Впрочем Порта обязалась не вмешиваться ни в избрание хана, ни в дела его по внутреннему управлению. Россия также. Но эта независимость была одною мечтою. Оттоманская Порта, принужденная оружием Румянцева отказаться от Крыма, не теряла надежды возвратить страну, служившую ей надежным оплотом против русских, и визирь объявил откровенно полномочному послу нашему князю Репнину, что если Крым останется независимым, война между Турцией и Россией неизбежна. Не менее заботился С.-Петербургский кабинет об утверждении своего влияния над татарами, чтобы избавить на-

конец империю от их губительных набегов и дать средства народной промышленности воспользоваться теми выгодами торговли, которые обещал ей договор кайнарджийский. Татары со своей стороны были неспособны наслаждаться независимым состоянием, по крайней мере не обнаруживали стремления к самостоятельности и, разделившись на две неприязненные партии, отдавались то России, то Турции, смотря по тому, чья сторона брала верх. Целые 8 лет Крым был позорищем кровавых смут.

Первым ханом независимых татар был тот самый Сагиб-Гирей, которого возвел на ханский престол как присяжника России еще в 1771 году завоеватель Крыма князь *Долгорукий*²⁹. Он властвовал недолго: привязанность к иноземным обычаям, преданность России, готовность исполнять волю нашего двора вооружили против него доброжелателей Турции. Мятеж вспыхнул: враг русских, Девлет Гирей воцарился в Крыму; Сагиб едва спасся бегством и просил помощи у Екатерины. Императрица велела вступить в Крым несколькими полками под начальством Суворова. Девлет бежал в Турцию; но вместо Сагиба мурзы провозгласили ханом Шагин Гирея, человека легкомысленного, непостоянного, способного только служить орудием чужой политики³⁰.

Порта не хотела признать его как приверженца России, еще более преданного русскому двору, чем Сагиб Гирей, и вооружила против него Селим Гирея. Между соперниками началась жестокая резня. Русские поддержали Шагина, вытеснили Селима и заняли главные крымские города. Порта с своей стороны выслала в Черное море сильный флот с многочисленным десантным войском. Им предводительствовал сам капитан паша, знаменитый Гасан-бей, получивший от султана повеление сделать высадку на южный берег полуострова, избегая, однако, явного разрыва. Деятельный Суворов не спускал глаз с турецкого флота, являлся везде, где ни показывались турки, с войском, готовым к бою, и не пустил их в Крым. Эта неудача так раздражила диван, что он готов был объявить России войну. Посредничество Франции отклонило разрыв. Озабоченная войною с Англией, она желала сблизиться с Россией, и Версальский кабинет убедил Порту признать Шагин Гирея ханом. После того русские войска очистили Крым.

Но татары, подстрекаемые и русскими, и турецкими агентами, волновались по-прежнему. Легкомысленный хан едва мог держаться на шатком престоле, со всех сторон окруженном недовольными, в числе которых были даже родные братья его. Турки заняли Тамань; в Крыму вспыхнул всеобщий мятеж. Шагин бежал в Херсон, под защиту русских. Этот мятеж был последний. Князь Потемкин принял решительные меры, которыми положен конец и неустройствам, и мнимой независимости Крыма. С первой вестью о появлении турок на Тамане, многочисленное войско русское, разделенное на несколько корпусов, по распоряжению Потемкина быстро заняло все земли татарские: одни полки вступили в Крым, другие в страну кубанскую, вытеснив оттуда турок. Шагин между тем сложил с себя ханское достоинство и удалился в Воронеж. Крымские и нагайские мурзы волею и неволею присягнули на вечное подданство Екатерине. Крым присоединился к Российской империи. Манифест³¹, написанный умным пером графа Безбородко, возвестил об этом важном событии России Европе и Турции.

Вслед за тем грузинский царь Ираклий II также по старанию князя Потемкина объявил себя вассалом российской императрицы. Не имея средств укротить внутренние мятежи и избавиться от притязаний Персии и Турции, из которых каждая старалась поработить Грузию, Ираклий надеялся спасти свой трон единственно помощью мужественной и единой России, которая уже в 1774 году избавила его государство от постыдной дани, платимой султану. Договором³², заключенным с князем Потемкиным, он отказался от всяких сношений с Персией или другою какою-либо державою и признал над собою покровительство и верховную власть Екатерины с тем, чтобы Грузия оставалась наследственной в его роде; но каждый новый царь обязан был испрашивать у нашего двора подтверждение и инвеституры, состоявшее в грамоте, в знамени с императорским гербом, в сабле, жезле и горностаевой мантии; должен был содействовать нам в случае войны и без ведома нашего резидента в Тифлисе не мог иметь сношений с иноземными владетелями; впрочем правил своим народом самодержавно, на основании грузинских законов. Россия обещала, в случае надобности, помощь и защиту.

Присоединение Крыма и подданство Грузии произвело в Турции всеобщий ропот; народ требовал войны с Россией; сам визирь был на его стороне; но так как войска наши стояли на южных пределах в готовности, и в то же время новый союзник Екатерины, Иосиф II, дал знать Порте, что в случае разрыва он соединит всю свою армию с российской, то Диван признал за лучшее вступить в переговоры и прибегнул с просьбою к дворам английскому и французскому принять участие в делах крымских. Императрица не хотела слышать ни о каком посредничестве и требовала от Порты решительного ответа, признает ли она присоединение Крыма к России. Визирь хотел непременно войны; но все прочие члены Дивана объявили, что война с Россией поведет к новым тратам, и склонили султана отказаться от всяких притязаний на Крым. Вследствие сего посланник наш в Константинополе *Булгаков*³¹ заключил с великим визирем конвенцию, которую статья кайнарджийского договора о независимости Крыма была уничтожена и Кубань назначена границею между Россией и Турцией. О Грузии в этой конвенции ничего не сказано, потому что Порта еще договором кайнарджийским отказалась от всяких на нее притязаний.

Внутренние неурюстройства, так долго терзавшие Крым, оставили глубокие следы: многие тысячи татар погибли среди кровавых междоусобий или бежали в Турцию, на Кавказ, в Хиву и Бухарию; армяне переселились в Нахичеван; греки в Нежин; города и села, дотоле кипевшие многолюдством, опустели и скоро обратились в развалины. Екатерина переименовала его в Таврическую губернию и вверила управлению князя Потемкина, поручив ему и новую Сербию с берегами черноморскими под общим названием Екатеринославской губернии. Потемкин вполне оправдал доверие императрицы: населил пустыни трудолюбивыми земледельцами, возобновил разрушенные города, основал новые, устроил Черноморский флот, пробудил промышленность, уничтожил Запорожскую Сечь, бывшую притоном грабежей и разбоя, вообще положил прочные начала гражданской жизни в странах, которые доселе, в течение многих веков, были обитаемы хищными народами. Дело столь великое и трудное стоило государству несметных сумм; Потемкин истратил не одну

сотню миллионов рублей. Многочисленные недоброжелатели его при дворе внушали императрице, что все сии траты не принесут никакой пользы, что даже приобретение Крыма не стоит столь огромных пожертвований. Государыня решила сама обозреть свои новые области и в 1787 году совершила путешествие в Крым, надолго памятное Европе.

Окруженная избранным обществом, в том числе послами австрийским, английским и французским, Екатерина, с торжеством достойным царицы севера, предприняла путешествие по направлению к Киеву зимою, в начале 1787 года; более ста экипажей быстро катились за ее великолепною каретой по гладкой дороге; около 600 лошадей было приготовлено на каждой станции; для ночлега выстроены были дворцы, из которых многие сохранились доселе; целые леса горели для освещения пути вечернею порою. Бесчисленные толпы народа стекались из самых дальних мест, чтобы видеть свою государыню. Знатнейшие сановники духовные и гражданские приветствовали ее в каждом городе пышными речами. Архиепископ Могилевский Георгий Кониский сказал в Мстиславле: «Оставим астрономам доказывать, что земля около солнца обращается; наше солнце вокруг нас ходит».

Из Киева Екатерина отправилась в прелестнейшее весеннее время Днепром на раззолоченных яхтах и в Кременчуге вступила в области новороссийские, вверенные управлению Потемкина. Привыкнув считать их печальною, безлюдною степью, она с радостью увидела совсем иное зрелище: по обоим берегам Днепра являлись то стройные полки, в простых, но весьма удобных и нарядных мундирах, придуманных Потемкиным, то веселые хороводы поселян, то многочисленные стада, вдали тучные пашни и красивые деревни³⁴. Роскошный климат юга дополнял очарование. К довершению блеска два венценосца явились к Екатерине с почтением: в Каневе польский король Станислав-Август, ожидавший ее здесь целые три месяца; близ Кайдака император Иосиф II, под именем графа Фалькенштейна. Станислав-Август отклонялся императрице в тот же день; Иосиф остался, положил вместе с государынею первый камень основанию Екатеринославля, посетил Херсон, построенный Потемкиным, видел Черноморский флот наш, удивлялся богатству страны и, хотя за-

мечал в делах Потемкина более блеска, чем прочности, не мог не отдать справедливости его уму и ревности к славе государыни.

Крым изумил обоих венценосцев роскошною природою, прелестными видами, патриархальною простотою нравов обитателей, преданностью татар к новой царице их, развалинами древних городов и севастопольскою гаванью, так удачно избранною Потемкиным. Все, что видела Екатерина в новороссийском крае, оставило в ее уме самые приятные впечатления. Убежденная в важности для империи вновь присоединенных областей и в великих заслугах Потемкина, она решилась не щадить ничего для устройства новороссийского края и изъявила свою признательность главному виновнику столь драгоценного приобретения, дав ему название Таврического.

VII. ВТОРАЯ ВОЙНА ТУРЕЦКАЯ (1787—1791)

Путешествие Екатерины в Крым встревожило Турцию. Диван с недоверчивостью смотрел на многочисленную российскую армию, собранную Потемкиным в краю новороссийском, еще более на свидание и дружбу императрицы с Иосифом II. Кабинеты лондонский и берлинский, руководимые нашими недоброжелателями Питтом и Герцбергом, увеличивали опасения Порты и подстрекали ее к войне с Россией: первый мстил нам за вооруженный нейтралитет, второй за союз с Австрией. Английский и прусский посланники в Константинополе внушили Дивану, что при свидании Екатерины с Иосифом заключен договор об уничтожении Турецкой империи, что союзники ожидают только удобного случая для начатия войны, что Порта должна предупредить их и воспользоваться благоприятным временем, обещавшим содействие Швеции и Польши. Внушения наших недоброхотов были успешны: едва императрица возвратилась в С.-Петербург, Булгаков был заключен в Семибашенный замок, и Порта объявила России войну³⁵. Главным предлогом к ней было вмешательство нашего двора в дела Грузии и покровительство молдавскому господарю Александру Маврокордату, нашедшему в России спасение от лютой казни. Истинной причиной разрыва была надежда Порты завоевать Крым при содействии Англии.

Вызывая Россию на новую брань, Турция накликала на себя грозу опасную. Как ни деятельно готовилась она к войне в продолжение нескольких лет, как ни много надеялась на своих союзников, Россия имела над нею явный перевес и могла ожидать более успехов, чем прежде. Силы наши не были отвлекаемы ни поляками, ни крымскими татарами; сосредоточенные на южных пределах империи, они представляли огромную массу войска, хорошо устроенного, исправно вооруженного и уверенного в победе: Кагул, Чесма, Балканы были в свежей памяти; герои задунайские еще здравствовали; Румянцев достиг преклонных лет, но сохранил всю бодрость юности, всю крепость силы; одно имя его заменяло целую армию: под знаменем его русский солдат готов был перенести все трудности, одолеть все преграды. Кроме того Иосиф II при первом известии о заключении посланника нашего в Семибашенный замок изъявил готовность воевать с турками и вооружил многочисленное войско. Порга, между тем, не приготовилась даже к отпору, не собрала достаточной армии и не привела крепостей в оборонительное состояние. Все предвещало России самые блестящие успехи. Уверенная в своих средствах, Екатерина хотела освободить от власти султана Молдавию, Валахию, Болгарию и образовать из них независимое государство под именем Дакии. Потемкин стремился далее: он только и ждал разрыва, чтобы исполнить любимую мысль свою — овладеть Константинополем, разрушить Турецкую империю и на развалинах ее основать Греческое царство. Европа почти уверена была в неминуемом падении Оттоманской Порты.

Последствия не оправдали, однако, всеобщих ожиданий: борьба была упорная, жестокая; русские ознаменовали себя новыми подвигами на суше и на море; вожди времен кагульских покрыли себя новой славой; Иосиф II помогал нам всеми силами: но война кончилась тем, что после огромных жертвований Россия едва удержала за собою прежние свои приобретения, и с трудом присоединила к ним один Очаков, стоивший нам целой армии. Главной виной тому было неудачное начало войны, ободрившее Порту и давшее время ее союзникам расстроить наши планы.

Екатерина вооружила многочисленное войско, до 120 000 человек; Иосиф собрал до 200 000. Русские войска

разделены были на две армии, екатеринославскую и украинскую. Первая, под начальством Потемкина, должна была овладеть Очаковым, чтобы отнять у Порты последнее средство к влиянию на Крым и окончательно утвердить русское господство на северном берегу Черного моря; вторая, под предводительством Румянцева, предназначена была к занятию Молдавии для отвлечения главных сил турецких от Очакова и для содействия австрийской армии на Дунае. По завоевании Очакова, Бендер, Белграда и других крепостей неприятельских союзные войска должны были перейти за Дунай и там, на полях Болгарии или за Балканами, нанести туркам удар решительный. План составлен был искусно, но исполнение его далеко не соответствовало предначертанию.

Очаков в начале войны не имел ни сильного гарнизона, ни надежных укреплений, и тем легче было овладеть им, что екатеринославская армия могла выступить в поход по первому повелению, чтобы чрез несколько недель явиться под стенами крепости. Благоприятное время было упущено. Потемкин, доселе неутомимо деятельный, беспрестанно составлявший новые планы, один другого отважнее, по объявлении разрыва внезапно впал в непонятное бездействие и долго ни на что не решался. Целый год прошел в одних приготовлениях. Турки между тем успели ввести в Очаков целую армию, наполнили его съестными припасами, военными снарядами, воздвигли, при помощи французских инженеров неприступные твердыни там, где прежде были только земляные валы с ветхими башнями, и вывели сильный флот в Черное море. Сам капитан-паша, храбрый Гассан-бей осенью 1787 года появился под стенами Очакова с тем, чтобы истребить черноморскую флотилию нашу, тревожившую крепость. Правда, отважный принц *Нассау-Зиген*³⁶ с одними гребными судами жестоко поразило его на Днепровском лимане, и славный Суворов, довершив поражение Гассана с Кинбурнской косы, ожидал только хотя слабой помощи своему малочисленному отряду, чтобы взять крепость приступом; но Потемкин хотел сам пожать лавры победы, медленно подвигался с главною армией и ровно через год, по объявлении войны, начал осаду Очакова.

Осадные работы были ведены очень неискусно — целых четыре месяца протекли в бесполезных трудах. Меж-

ду тем наступила суровая, дождливая осень, за нею необыкновенно холодная зима; солдаты укрывались в сырых землянках и тысячами умирали от болезней; немало погибло их и в кровавых сечах на вылазках, которыми турки часто тревожили русский лагерь. Все генералы были убеждены, что один только решительный приступ мог спасти и войско и славу русского оружия. Отважнейший из них, Суворов, решился без воли фельдмаршала завязать с турками жаркое дело, в надежде, что главнокомандующий подкрепит его и введет в бой всю армию, но жестоко обманулся. Отряд его, не получив помощи, большей частью погиб, сам он был опасно ранен и удален на время от службы. Потемкин все надеялся принудить коменданта сдаться без боя и избегал кровопролития; комендант, однако, не сдавался, а в русском лагере уже чувствовали недостаток в провианте. Как бездействие, так и отступление сделалось невозможным.

Фельдмаршал изъявил, наконец, согласие на приступ, и 6 декабря пал Очаков. Штурм не продолжался и двух часов; но он был ужасен; еще ужаснее было трехдневное кровопролитие после взятия крепости. Разъяренные долговременным упорством неприятеля, солдаты с остервенением истребляли турок, не различая ни пола, ни возраста; их погибло до 30 000 человек. Укрепления Очакова были скрыты, и там, где в 1788 году стояли грозные твердыни, окружавшие город многолюдный и богатый, с великолепными мечетями, базарами, фонтанами, ныне стоит унылый городок, более похожий на слободу, с несколькими десятками хижин, из коих половина необитаема.

Еще неудачнее действовали союзники наши, австрийцы. Император Иосиф собрал до 200 000 человек в надежде вознаградить потери прежних лет и вверил свое войско фельдмаршалу Ласси как искуснейшему из австрийских полководцев, доказавшему свои воинские дарования в войне Семилетней. Но Ласси не оправдал надежд императора. Не желая навлечь на себя главные силы неприятеля, он уклонялся от решительных действий, которые могли бы встревожить турок, и ограничивался блокадою ничтожных крепостей по Дунаю, еще более устройством оборонительной линии, долженствовавшей обезопасить австрийские области на всех пунктах по южной границе от вторжения

неприятеля. С этой целью, раздробив свою огромную армию на 6 главных корпусов и множество мелких отрядов, он растянул ее в виде кордона на пространстве 200 миль от пределов Молдавии до Адриатического моря. Целый год прошел в одних приготовлениях к переходу через Дунай, в неудачных попытках овладеть Белградом и в обложении Хотина. Долговременное бездействие, среди болот, при ненастном времени, породило повальные болезни; войско упало духом; народ был в унынии; венгры явно роптали. Напрасно сам Иосиф прибыл к войску для ускорения военных действий: беспрестанная перемена планов, нерешительность в исполнении их, бесполезные переходы с места на место, недостаток продовольствия, все это довершило изнурение войска.

Турки заметили слабую сторону союзников: визирь с главной армией своей перешел через Дунай и напал на императора при Слатине; силы соперников были равные; австрийцы имели на своей стороне перевес искусства и решительной победой могли бы поправить свои дела; но Ласси, вопреки общему мнению всех генералов, убедил императора отступить под защитой темной ночи. Войско оробело и бежало в величайшем беспорядке; свои не узнавали своих и стреляли друг в друга. Сам Иосиф едва спасся от плена быстротою коня своего. С сокрушенным сердцем, с неизлечимою болезнью в груди он возвратился в столицу, чтобы принять меры уже не к завоеванию Константинополя, а к защите собственных владений. Взятие Хотина принцем Кобургским, незадолго до падения Очакова, остановило визиря, но далеко не вознаградило огромных жертв австрийцев.

Недовольная столь нерешительным ходом войны, Екатерина полагала, что одной из главных причин тому было разделение русских на две отдельные армии, и не без основания: соперничество Потемкина с Румянцевым сильно вредило единству действий. Герой дунайский сложил с себя звание главнокомандующего; украинская армия соединилась с екатеринославскою. Потемкин мог располагать теперь всеми силами империи и по-прежнему не предпринимал ничего решительного. Более полугода протекло в одних приготовлениях к осаде Бендер. Турки между тем, уже безопасные со стороны Австрии, направили все свои

силы против русских в Молдавию. Но здесь встретил их Суворов и напомнил им времена кагульские.

Получив под свое начальство одну из дивизий прежней Украинской армии, не более 8000 человек, Суворов скучал долговременным бездействием на берегах Серета до июля 1789 года, когда, к величайшей радости его, турки решились перейти Дунай, чтобы через Молдавию и Бессарабию добраться до главной русской армии, стоявшей неподвижно между Днестром и Бугом. На пути турок, при местечке Фокшаны³⁷, находился австрийский корпус принца Кобургского, который, считая себя не в силах выдержать напор многочисленного неприятеля, решился отступить и просил помощи у русских с одним желанием, чтобы они выручили его из опасности. Суворов получил повеление присоединиться к принцу; с быстротой, только ему свойственной, он явился в австрийский лагерь и немедленно отдал приказ напасть на турок. Удар был так стремителен, что враги обеспамятели от ужаса и поколебались. Австрийцы, ободренные примером русских, сразились с мужеством необыкновенным и довершили поражение неприятеля. Турки обратились в бегство и стремглав бросились за Дунай; вся артиллерия их со всем обозом досталась в руки победителей. Исполнив свое поручение, Суворов отделился от принца Кобургского и занял прежнюю позицию свою на берегах Серета, нетерпеливо ожидая дальнейших распоряжений главнокомандующего.

Но при Фокшанах был разбит только отдельный тридцатитысячный корпус турецкой армии: главные силы под начальством самого визиря, около 100 000 человек, находились за Дунаем. Он спешил отомстить за столь неожиданное поражение, перешел со всею армией Дунай, вступил в Молдавию и расположился на берегах Рымника³⁸, чтобы, укрепив по обычаю лагерь, напасть на принца Кобургского, стоявшего в нескольких верстах от занятой турками позиции. Принц спешил уведомить Суворова о грозившей ему опасности. Суворов не замедлил явиться, совершив самый трудный переход скорее, чем ожидали его австрийцы, и по-прежнему отдал приказ готовиться к нападению на врагов. Тщетно представлял ему австрийский полководец, что при чрезвычайном неравенстве сил одно только благовременное отступление может спасти их малочисленный отряд от явной гибели. Суворов не хотел слы-

шать о ретираде и объявил, что если австрийцы не хотят сражаться, он и без них разобьет визиря. Принц должен был уступить его непреклонной воле. Бой был жестокий и продолжительный.

Союзные войска напали дружно на неприятельскую армию, расположенную в четырех укрепленных лагерях. Ни топкие болота, считавшиеся непроходимыми, ни глубокие рвы, ни отчаянная храбрость янычар, ни многочисленная артиллерия, ничто не могло остановить Суворова и достойного сподвижника его. Поддерживаемый принцем, он брал лагерь за лагерь, выбил турок из окопов, из лесов, рассеял всю неприятельскую армию и прогнал ее за Дунай, Визирь бежал в Шумлу и там умер с тоски. Следствием этой победы, доставившей Суворову графское достоинство, с титулом Рымникского, и орден святого Георгия Победоносца 1-й степени, было легкое завоевание Акермана и Бендер.

Невзирая на столь блестящие успехи нашего оружия, Порта не изъявляла склонности к миру и упорно требовала возвращения Крымского полуострова, в надежде на помощь союзника деятельного, который неумоимо тревожил нас на севере с самого начала Турецкой войны. То был Густав III, король Шведский, государь смелый, предприимчивый, с умом образованным, с душою возвышенной, но беспокойный характером, непостоянный в действиях и честолюбивый до мечтательности. Наследовав от отца государство расстроенное, изнуренное господством дворянства и влиянием иноземным, без всякого веса в политической системе Европы, Густав решился избавить Швецию от самоуправства аристократов и возвести ее на ту степень могущества, которую она занимала до конца XVII века. Первое предприятие было увенчано счастливым успехом: поддерживаемый духовенством, войском, городами, король в 1772 году ограничил самовластие высшего сословия, обуздал партии и расширил пределы власти королевской. Но мысль его возвести Швецию на прежнюю степень политического могущества, была одной мечтой, тем более несбыточной, что в таком случае надлежало возвратить невозвратимое — области, утраченные по Ништадтскому договору. В самом деле Густав таил непримиримую ненависть к России, исторгшей у Швеции первенство на севере, ждал благоприятного случая и едва не

объявил нам войны еще в 1773 году, во время Пугачевского бунта.

При таком неприязненном расположении шведского короля, нетрудно было английскому министерству склонить его к разрыву с Россией, чтобы в одно время озаботить нас и на севере и на юге. Густав заключил с Турцией договор, обещал содействовать ей к возвращению Крыма, вооружил на счет ее войско и флот, вступил в Финляндию³⁹ и объявил нашему кабинету, что он согласен оставить нас в покое, если императрица откажется от Крыма, примирится с Турцией на условиях Белградского договора и уступит Швеции все, чем она владела в Финляндии. Король требовал решительного ответа, давая знать, что он не намерен вступать ни в какие объяснения. Граф Сегюр заметил, что Густав пишет так, как будто уже выиграл три великих сражения. «Если бы он овладел даже Петербургом и Москвою, — возразила Екатерина, — и тогда не приняла б я столь унижительных условий, сама выступила б с войском и доказала б свету, что можно сделать, предводительствуя русскими».

Дела наши на севере были, однако, затруднительны: все войска наши находились на юге, под Очаковым и в Молдавии; в Петербурге оставалась одна гвардия, в то время немногочисленная, с инвалидными командами, всего не более 14 000 человек. Положение России могло быть еще опаснее, если бы Густав помедлил разрывом несколько дней, чтобы дать нашему флоту время уйти из Балтийского моря в Средиземное, куда он был назначен для действий в Архипелаге. К счастью неприятель оставил это важное обстоятельство без внимания, и адмирал Грейг, один из героев чесменских, бодро встретил шведский флот, под начальством герцога Зюдерманландского, недалеко от Готланда⁴⁰. Бой был жестокий. Грейг одолел, отбил герцога и загнал его в гавань Свеаборгскую, откуда он при наступлении осени уплыл к берегам Швеции. Действия самого короля на сухом пути, в Финляндии, были еще безуспешнее: раздробив свою армию, чтобы в одно время овладеть Выборгом, Нейшлотом, Вильманстрандом, Кексгольмом, он ослабил свои силы и целое лето ничего не делал. В шведском войске обнаружился ропот; финны возмутились явно; дворянство объявило, что король не имеет права начинать войны наступательной без согласия сейма; между тем датчане, ис-

полняя союзный договор с нашим двором, начали неприязненные действия против шведов, соединили свой флот с русской эскадрой, находившуюся в Копенгагене, и угрожая овладеть Готенбургом, принудили Густава оставить нас до времени в покое и возвратиться в Стокгольм, для защиты собственных владений. Неудача его дала Екатерине повод написать забавную оперу, под названием: «Горе-богатырь». Он успел, однако, выпутаться из своего опасного положения, чтобы снова потревожить Россию.

Встреченный в Стокгольме всеобщим ропотом дворянства, Густав удалился в Далекарлию, где некогда знаменитый предок его Густав Ваза нашел храбрых защитников своего трона. Жители Далекарлии не изменились: воспламененные красноречием любимого короля, они восстали поголовно, спасли Готенбург от датчан и привели в трепет строптивое дворянство. Опираясь на усердие народа, Густав восторжествовал над врагами внутренними, смирил войско, обуздал вельмож, укрепил и расширил власть королевскую. Англия избавила его от войны Датской: утраченный объявлением лондонского кабинета выслать флот в Балтийское море, датский король примирился с Густавом и дал ему возможность устремить все силы на Россию.

В 1790 году война возобновилась с ожесточением: главные действия происходили в Финском заливе*. Шведский флот, под начальством герцога Зюдерманландского, успел выйти в море прежде, чем соединились обе эскадры наши, Ревельская и Кронштадтская, и, пользуясь своим превосходством, смело напал на Ревель, однако, без успеха. Отбитый *Чичаговым*⁴¹, он обратился на Кронштадт, чтобы уничтожить стоявшую здесь эскадру под начальством адмирала Круза, и тем очистить путь Густаву, шедшему с галерным флотом и десантными войсками к Петербургу. Храбрый Круз, сподвижник Орлова и Спиридова на водах архипелагских, встретил шведов при острове Сескаре и вступил в жестокий бой. Целый день от зари до поздней ночи канонада отдавалась в С.-Петербурге. Столица была в ужасе. Одна Екатерина не теряла присутствия духа, и когда Густав хотел знать, слышны ли были пушечные выстрелы в С.-Петербурге, велела ему сказать, что она уже 25

* Шишков. О шведской кампании в 1789 и 1790 г. В Отечестве. Зап. Свиньица, 14—23.

лет слышит пустые пушки. Круз отбил шведов и соединился с Чичаговым который, по смерти Грейга принял главное начальство над русским флотом, вскоре заставил неприятеля дорого заплатить за намерение потревожить царицу севера.

Герцог Зюдерманландский, после неудачного сражения при острове Сескаре, удалился в Выборгский залив, где стоял сам король с гребным флотом. Чичагов расположился при входе в залив, запер шведов и привел их в отчаянное положение. Целый месяц окруженные со всех сторон, с моря и с сухого пути, русскими, они начали чувствовать недостаток в хлебе и пресной воде, потеряли надежду на спасение, впали в уныние, и принц Нассау-Зиген, сподвижник Чичагова, уже предлагал королю сдаться на капитуляцию. Густав прибегнул к последнему средству, которое могло спасти его или погубить невозвратно: он решился пробиться; сам повел свои корабли под непрерывным огнем всего Русского флота, на легком судне разъезжал по заливу, бросался во все опасности, одолевал все преграды, явил доблести героя, равно храброго и искусного, пробился сквозь Русский флот и спасся в заливе Свеаборгском, но с потерей целой трети морских сил своих. Вскоре, однако, ему удалось отомстить за это поражение: принц Нассау-Зиген, преследуя бегущих шведов, напал на гребную флотилию их при Роченсальме, среди шхер. Корабли его частью сели на мель, частью разбились о подводные камни; вся эскадра пришла в величайшее смятение; ободренные шведы напали на нее дружно, овладели многими русскими судами и полонили до 6 000 человек. Сам принц едва спасся бегством.

При всем том после поражения под Выборгом Густав желал прекратить столь тягостную войну, предвещавшую Швеции одни потери: русские господствовали на Балтийском море, и храбрый Чичагов готовился идти к Стокгольму. Тем охотнее склонялась на мир Екатерина: дела с турками становились затруднительны; верный союзник ее Иосиф II умер; преемник его Леопольд II, озабоченный мятежом нидерландским, спешил кончить распри с Портою и уже вступил с ней в переговоры; вся тягость войны турецкой падала на одну Россию, которая сверх того должна была опасаться разрыва с Англией, Пруссией и Польшей. При обоюдном желании мира нетрудно было

согласиться в условиях. Переговоры были непродолжительны: трактат подписан 3 августа 1790 года в Верельской долине, на берегах Кюмени. Обе державы остались при прежних своих границах. Густав обязался не вмешиваться в дела России с Турцией, Екатерина с своей стороны согласилась признать установленный им в Швеции образ правления и заплатить ему значительную сумму, в виде вспоможения, чтобы отвлечь его от союза с неприязненной нам Англией.

Оставленная королем шведским, Турция не теряла надежды на содействие других своих союзников. В самом деле, еще в 1790 году Пруссия, заключив с нею оборонительный трактат, условилась с Англией принудить Россию и Австрию прекратить войну и возратить Порте все отнятые у нее крепости. К этому союзу примкнули Голландия и Польша. Посредники назначили конгресс в Рейхенбахе и пригласили туда уполномоченных со стороны воюющих держав, для выслушания условий. Леопольд II принял предложение и согласился примириться с Турцией на основании Белградского договора. Екатерина, поблагодарив посредников за доброе старание, отвечала, что она не намерена допускать постороннего вмешательства в свои дела, уклонилась от участия в конгрессе и в то же время предписала Потемкину нанести туркам удар решительный.

Главкомандующий спешил очистить от них левый берег Дуная и направил удар на главный пункт, где они держались, на крепость Измаил. Окруженная неприступными твердынями, наполненная всякого рода припасами и снарядами, она была защищена 42 000 лучшего турецкого войска и могла выдержать долговременную осаду. Приближение зимы благоприятствовало осажденным, и все предвещало русским времена очаковские. Но Потемкин знал, кому поручить столь важное дело: он поручил его Суворову. 2 декабря 1790 года Суворов подступил к Измаилу с осадным корпусом, состоявшим из 40 000 человек; с неделю готовил туры, фашины и лестницы; вслед за тем повел войско 6 колоннами на приступ. Осажденные оборонялись с упорством невероятным; но что могло остановить Суворова? Через 6 часов кровопролитного боя русские ворвались в город со всех сторон и овладели им. Гарнизон большей частью погиб; спаслось от смерти не более 9 000, взятых в плен.

Падение Измаила поколебало твердость Порты и встревожило ее союзников. Англия, Пруссия и Польша вооружились. Британский флот готовился идти в Балтийское море; прусские войска двинулись к пределам Курляндии; польские вступили в Волынь. Екатерина видела опасность своего положения, но оставалась непреклонною в намерении кончить споры с Турцией без постороннего вмешательства, и брала свои меры к борьбе с новыми врагами России. Твердость ее отклонила грозу. Много помогли ей сверх того и обстоятельства. Английский парламент с ропотом выслушал предложение Питта о войне с Россией, и глава оппозиции, красноречивый Фокс так сильно и с таким успехом восстал против министерства, что Екатерина, в ознаменование своей благодарности, приказала поставить бронзовый бюст его в Царскосельской галерее, рядом с Демосфеном. Английский народ решительно не хотел войны с Россией из опасения за свою торговлю. Пруссия равным образом желала избежать разрыва с нами, предвидя неминуемую войну с Францией, где уже свирепствовала революция. Главные недоброжелатели наши Питт и Герцберг лишились своих должностей; по удалении их, оба кабинета, лондонский и берлинский, стали действовать миролюбивее и, зная, что Екатерина не примет с их стороны никакого предложения, обратились к Дании с просьбой убедить императрицу даровать Турции мир на умеренных условиях.

Государыня, уже утомленная столь трудной войной, согласилась не требовать независимости Молдавии и Валахии, но по-прежнему была непреклонна в намерении удержать Очаков, для безопасности Новороссийского края, не хотела слышать о возвращении Крыма и опять повторила, что примирится с Турцией без посредников. Порта между тем, потерпев новый значительный урон, со своей стороны решила уступить: последний удар нанес ей сподвижник Румянцева, князь Репнин, начальствовавший русской армией за отсутствием Потемкина, отозванного на время в С.-Петербург. Узнав, что визирь собрал все свои силы при Мачине для вторжения в Бессарабию Репнин решился предупредить его, перешел Дунай, напал на турок и, при содействии Кутузова, разбил их наголову. Султан дал повеление вступить в переговоры; предварительные условия были подписаны в Галаце, с русской стороны князем Репниным, с турецким визирем. Императрица охотно приняла

их и отправила Потемкина для заключения окончательного договора. Местом конгресса назначен был город Яссы. Болезнь Потемкина и последовавшая за ней кончина его остановили ход переговоров; по прибытии в Яссы графа Безбородко они возобновились, и вождеденный мир наконец был подписан 29 декабря 1791 года⁴². Турция обязалась в точности исполнять все условия Кайнарджийского договора, признать господство России над Крымом и уступить ей с Очаковым пространство между Бугом и Днестром.

VIII. ПАДЕНИЕ ПОЛЬШИ (1792—1794)

Вслед за окончанием второй Турецкой войны Екатерина объявила разрыв Польше за нарушение польским правительством договора 1775 года, определявшего взаимные отношения обоих государств. Этим договором Польша обязалась иметь постоянную дружбу с Россией и признала ручательство российской императрицы в неприкосновенности своей конституции, утвержденной с обоюдного согласия, на основании старинных прав и привилегий Речи Посполитой. Положено было: избирательный образ правления оставить неизменным; в королевское достоинство возводить только потомков Пяста; дела государственные решать на сейме единогласным приговором; надзор за исполнением законов иметь непременно совету, учрежденному под председательством короля из нескольких сенаторов и дворян по выбору сейма; диссидентам предоставить свободу богослужения, с правом занимать должности гражданские и военные, и посылать своих депутатов на сейм; число войска не увеличивать свыше 30 000 человек.

Под щитом Екатерины Польша лет 12 наслаждалась глубокой тишиной, столь редкой в ее истории, обратила свою беспокойную деятельность на предметы полезные и ревностно стала заниматься промышленностью и науками; многие льготы, дарованные российской императрицею, благоприятствовали ее торговле; любовь короля к просвещению содействовала успехам словесности; труды Нарушевича, Красицкого и других писателей сего времени обратили на себя внимание Европы. Поляки должны были благословлять свою долю и тем теснее соединиться с Россией, что только под ее щитом могли избавиться от бесчис-

ленных неустройств, которые так долго терзали злосчастную Польшу. Они поступили иначе. Мечта о возможности освободиться от неизбежного влияния соседей, сделавшегося необходимым условием политического бытия Речи Посполитой, заразила беспокойные умы поляков, слабых в беде, гордых в счастье. Невзирая на все выгоды установленной и поддерживаемой Екатериною порядка дел, на неприкосновенность старинных уставов, на самостоятельность внутреннего управления, они жалели об утрате какой-то златой вольности, которая была только необузданным своеволием, равно бедственным для Польши и для соседей, злобились на Екатерину, отнявшую у них средства вредить себе и другим, выжидали благоприятного случая, чтобы освободиться от ее спасительного покровительства, и спешили воспользоваться нападением Турции и Швеции на Россию.

Сейм, созданный в конце 1788 года, действуя по внушению многочисленных недоброжелателей наших, разорвал с нами дружбу, уничтожил договор 1775 года, оскорбил императрицу. Первым нарушением дружбы и доброго согласия был отказ сейма в свободном пропуске русских войск через польские владения в Молдавию и Бессарабию и в продовольствии украинской армии, хотя на основании договора обе державы обязались одна другой взаимной помощью. Екатерина удивилась такой политике Варшавского двора и предложила заключить оборонительный союз против Турции, которая грозила равно обоим государствам; сейм, отвергнув предложение императрицы, в то же время определил увеличить польскую армию до 100 000 человек и подвинуть ее к пределам России. Вслед за тем польское правительство заключило трактат с Пруссией, державшей сторону Турции, и обязалось помогать ей всеми силами Речи Посполитой. Мало того: с самой Турцией поляки вели переговоры о войне с Россией. Но главным нарушением союза с нашим двором было постановление сейма об отмене основных законов Речи Посполитой, в неприкосновенности которых ручалась Екатерина: под предлогом избавить королевство от старинного зла, избирательного правления, 3 мая 1791 года сейм обнародовал конституцию⁴³ о наследстве польской короны, по смерти Станислава Августа, в доме курфюрста Саксонского, об уничтожении права сеймовых депутатов на *liberum veto*, о

решении дел большинством голосов, об отмене неперменного совета.

Новая конституция произвела в Польше всеобщий энтузиазм; но встретила также и сильных противников. Следствием был раздор, какого никогда еще не испытывала Польша: вражда воцарилась в недрах семейств, между кровными родственниками; брат восстал на брата: Игнатий Потоцкий был главным виновником и приверженцем конституции; брат его Феликс Потоцкий — непримиримым врагом ее. С сим последним соединились сенатор Северин Ржевуский и другие знатные лица. Объявив, по обычаю, протест против определения сейма, они составили конфедерацию⁴⁴ в подольском городе Тарговицы, и прибегли к нашему двору с просьбой о защите старинных прав польского народа и о спасении его от тех бедствий, которыми угрожали ему мнимые учредители нового порядка. В самом деле польские революционеры под благовидным предложением таили опасные замыслы: имели непрерывные сношения с французскими революционерами и действовали в их духе; в Варшаве и других городах образовались клубы по примеру якобинцев.

При таком положении дел странно было бы ожидать от российской императрицы согласия на новую конституцию, которая явно клонилась ко вреду России. Государыня признала тарговицкую конфедерацию и для подкрепления ее повелела войскам своим вступить в пределы Польши двумя армиями: одна, под начальством Каховского, из Бессарабии двинулась на Волынь; другая, под предводительством Кречетникова, из Белоруссии заняла Литву, где также возникла конфедерация в Вильне по примеру тарговицкой. Станислав Август, увлеченный нашими недоброхотами и непостоянством своего характера, соединился с мятежным сеймом в надежде не столько на собственные силы, сколько на помощь Франции, Австрии и Пруссии. Но эта надежда жестоко обманула его. Франция ограничилась одним пышным одобрением действий Варшавского сейма; Австрия соединилась с Россией. Пруссия также. Берлинский двор, доселе руководимый Герцбергом, подстрекал поляков, обещал заключить с ними оборонительный союз, возратить от Австрии Галицию, и едва не объявил войны обсем империям; в награду же за свои услуги требовал от Польши Данцига и Торна, которые очень желал приобре-

сти еще Фридрих Великий. Отказ сейма в уступке сих городов охладил дружбу Пруссии, а падение Герцберга склонило ее на нашу сторону. Берлинский двор убедился, что без согласия России он не достигнет своей цели — приобретения Данцига и Торна, заключил союз с С.-Петербургским кабинетом и двинул свои войска в одно время с русскими в польские пределы.

Союзные армии встретили слабый отпор, частью от присоединения многих поляков к торговицкой конфедерации, частью от неискусства главнокомандующего мятежниками, еще неопытного юноши, племянника королевского, Иосифа Понятовского. Силы поляков, раздробленные на мелкие отряды, не успели соединиться и, разбитые по частям, исчезли в два месяца. Один *Костюшко*¹⁶, храбрый литвин, служивший прежде в Америке под знаменами Вашингтона, удерживал некоторое время быстрое стремление русских войск; но и он, разбитый, наконец, в Литве и на Волыни, скоро увидел невозможность борьбы.

Станислав Август прибегнул к великодушию Екатерины с просьбой даровать Польше пощаду. Императрица отвечала ему, что только присоединение поляков к торговицким конфедератам может прекратить военные действия. Король повиновался; примеру его последовали знатнейшие вельможи, сенаторы и другие государственные сановники, исключая Костюшка, Игнатия Потоцкого, Колоната, Зайончека и других приверженцев конституции 3 мая, удалившихся отчасти в Саксонию, отчасти и виленская, соединились в одну, под названием светлейшей генеральной конфедерации, собрались в Гродно, и под председательством короля составили сейм для окончательного устройства судьбы Польши. Екатерина убедилась, что не будет конца тревогам ее империи, доколе столь беспокойный сосед не потеряет последних средств вредить ей, и предприняла свои меры: решила возвратить Польшу в первобытное ее состояние, в коем находилась она до соединения с Литовским княжеством.

Гродненский сейм, после долговременных и жарких споров, по настоящему требованию российского посланника Сиверса, согласился присоединить к России древние области ее — Волынскую, Подольскую и Минскую, пространством в 4600 квадратных миль с 3 миллио-

нами жителей. Пруссия получила воеводства Великопольские, с Данцигом и Торном. После сих уступок Речь Посполитая ограничилась 4000 квадратных миль и признала над собою покровительство России. Станислав Август обязался ни с кем не воевать, не заключать договоров без согласия С.-Петербургского кабинета; военные силы Польши, сообразно с потребностями и средствами ее, положено уменьшить до 15 000 человек; остальные затем уволить или соединить с русскими. Образ правления, определенный договором 1775 года, восстановлен; непрменный совет также. Генерал Игельстром, полномочный посол Екатерины, занял Варшаву войском для водворения порядка.

Поляки смирились, но ненадолго: не прошло и полугода по закрытии Гродненского сейма, как вспыхнул в Польше всеобщий мятеж, какого никогда еще не бывало, вследствие обширного заговора, составленного Игнатием Потоцким, Колонтаем, Зайончеком и другими недоброжелателями России; главою и руководителем их был Костюшко, человек с редкими свойствами ума и души, достойный лучшего поприща, но увлеченный в толпу своекорыстных мятежников мечтательною привязанностью к республиканской свободе. После присоединения короля к тарговицкой конфедерации, удалившись в Дрезден, он с большим искусством действовал на беспокойные умы своих единоземцев и усыплял Игельстрома.

Самый ревностный из его агентов, генерал Зайончек, несколько раз тайно пробирался в Варшаву и, при помощи банкира Капусты приготовил всеобщее восстание. Заговорщики условились напасть на русские отряды, охранявшие спокойствие Польши, в такое время, когда менее всего можно было опасаться кровопролития — на страстной неделе. Мятеж обнаружился сперва в Кракове, где знамя бунта поднял Мадалинский; вслед за тем в Варшаве, Вильне, Гродне, Люблине и Сендомире. Застигнутые врасплох, русские гибли под ножами тайных убийц или в кровавых сечах, среди разъяренной черни. В одной Варшаве пало более 2000 человек; барон Игельстром едва спасся бегством в Пруссию. Вся Польша восстала.

Костюшко не замедлил явиться на кровавое позорище, собрал сильную армию, вооружил крестьян косами,

принял звание диктатора, учредил революционное правительство и начал действовать. Фридрих-Вильгельм, имевший в готовности многочисленное войско, хотел смирить Варшаву и осадил ее; неожиданное восстание в тылу его Познаньской области, взволнованной Домбровским, принудило пруссаков отступить, без всякого успеха. Мятеж усилился, охватил всю Литву, поколебал Волынь, грозил Белоруссии и приближался к берегам Днепра. Враги России торжествовали; но торжество их было непродолжительно.

Екатерина умела потушить опасный пожар в самое короткое время. Главным помощником ее в этом трудном деле был герой Задунайский. Убедившись в необходимости поверить войско полководцу, равно искусному и на поприще брани и в делах политики, она известила Румянцева о своем затруднительном положении, изъявляя надежду, что он не откажет помочь ей и согласится принять начальство над армией, назначенной для усмирения Польши. «Вы знаете, — писала императрица, — как помнит отечество ваши незабвенные заслуги и как обрадуется войско, когда услышит, что обожаемый Велизарий снова им предводительствует». Со времен очаковских оставив службу, Румянец жил в своих Малороссийских поместьях, страдал тяжким недугом, еще более скорбел душой и быстро приближался к дверям гроба; но на закате дней не угасло в нем пламенное усердие к престолу и России; не угас и гений войны. «Мне ли, — отвечал он государыне, — шадить остаток сил своих, когда каждый готов пролить кровь за отечество?» Принял начальство над войсками и в одно лето смирил Польшу.

Главным действующим лицом был Суворов. По окончании второй Турецкой войны, Суворов занимался устройством Новороссийского края. Вызванный из Крыма на новое поприще, он явился к фельдмаршалу, получил все необходимые наставления и начал действовать с той удивительной быстротой, которая так отличала все его подвиги. Румянец поручил ему прежде всего обезоружить Польские войска на Волыни, еще не принявшие открытого участия в мятеже, но уже готовые к восстанию. Невзирая на всю трудность такого дела, соединенного со многими препятствиями, Суворов исполнил данное ему поручение с успехом: в самое непродолжительное время обезоружил не-

сколько десятков тысяч человек, рассеянных на обширном пространстве, и притом не пролив капли крови.

Вслед за тем фельдмаршал повелел ему соединиться с генералом Ферзенем, стоявшим на левом берегу Вислы, и идти прямо на Варшаву, как на главное гнездо мятежа. На пути к ней при Бресте расположился многочисленный корпус Сераковского, который, для вернейшего успеха велел другому предводителю мятежников, Макрановскому, зайти Суворову в тыл, собирался поставить русских между двух огней и истребить их. Суворов, невзирая на чрезмерное неравенство сил, сверх всякого чаяния сам напал на Сераковского, разбил его наголову и вслед за тем поразил Макрановского. Дорога к Варшаве была открыта; оставалось только соединиться с Ферзенем, без которого Суворов с своими 7000 не мог предпринять осады польской столицы. Костюшко спешил предупредить их соединение, пошел на Ферзена и вступил с ним в бой при местечке Мациовицы, в 12 милях от Варшавы; бой был упорный; Костюшко сражался с отчаянным мужеством; но не в силах был одолеть русских, потерял весь свой корпус, сам попался в плен и, бросив свою саблю, с горестью воскликнул: *finis Poloniae!*

В самом деле некому было заменить Костюшка. Уныние овладело поляками; они считали гибель Польши неизбежной, не могли без трепета произнести имени Суворова и уже думали положить оружие; но главные виновники мятежа успели ободрить народ, приготовились к обороне упорной, обратили столицу в крепость неприступную, собрали в ней все свои силы и распустили слух, что русскими предводительствует не сам Суворов, а однофамилец его: им хотелось продлить войну в надежде на помощь Франции или Турции или на какое-нибудь случайное обстоятельство. Мечты их скоро рассеялись.

Соединившись с Ферзенем, Суворов подступил к Праге, которая по своим укреплениям считалась оплотом столицы, и не без основания: твердыни ее, всюду униженные орудиями, казались неприступными; перекрестный огонь грозил уничтожить все усилия осаждающих; гарнизон был почти вдвое многочисленнее всей армии Суворова; отчаяние усугубляло мужество осажденных. Одна только правильная осада с войском, вдсятеро сильнейшим, могла принудить крепость к сдаче; Суворов не имел на то ни вре-

мени, ни желания. Предложив революционному правительству покориться без боя, с обещанием забвения всего прошедшего, и получив грубый отказ, он решился взять Прагу штурмом; в три дня кончил все приготовления; в четвертый двинул свое храброе войско, большей частью сподвижников измаилских, семью колоннами на приступ. Солдаты, одушевляемые любимым вождем, устремились на крепость в одно время с трех сторон, с мужеством немощным: ни глубокие рвы, ни волчьи ямы, ни непрерывный огонь артиллерии, ничто не могло остановить их. После четырех часов упорной битвы, ознаменованной беспощадной злобой с обеих сторон, Прага была взята и разрушена. Суворов с трудом мог унять кровопролитие, уже бесполезное.

Варшава и вся Польша оцепенела от ужаса, узнав о падении Праги. Главные виновники мятежа, те самые, которые незадолго пред тем клялись погибнуть с оружием в руках и предлагали умертвить всех русских пленников, бежали за границу, как преступники, похитив казну, собранную с обманутого народа; революционное правительство рушилось. Варшава покорилась без всяких условий, с одной мольбой о пощаде, и торжественно встретила Суворова с хлебом-солью; прочие города последовали ее примеру и были заняты частью русскими, частью австрийскими и прусскими войсками, вступившими в Польшу после того, как все было кончено: войска мятежников везде положили оружие без всякого сопротивления и мирно разошлись по домам. Польша смирилась и с покорностью выслушала последний приговор союзных держав.

Кабинеты С.-Петербургский, берлинский и венский условились прекратить ее самостоятельное бытие, которым она не могла пользоваться без вреда соседям и собственному благоденствию⁴⁶. Станислав Август отказался от престола; вассал Польши герцог Курляндский Петр Бирон также сложил с себя свое достоинство. Области Литовская, Гродненская и Курляндия присоединены были к России; воеводства Краковское, Сендомирское и Люблинское к Австрии; остальные земли с городом Варшавой к Пруссии. Обитатели всех присоединенных к России областей были сравнены в правах и преимуществах с прочими подданными Российской империи введением учреждения о губернии-

ях. Таким образом мудрая Екатерина исполнила то, чего желали древние православные цари наши, к чему неоднократно стремились сами поляки, о чем думал Петр Великий и что было неизбежно, как неминуемое следствие векового хода событий.

По окончании польских дел Екатерина решилась принять деятельное участие в судьбе западной Европы, потрясаемой Французской революцией. Еще задолго до начала ее, вникая в положение дел во Франции, императрица предугадывала бедствия, грозившие дому Бурбонов, и жалела об ослеплении версальского кабинета; с тою же прозорливостью постигла всю бездну зла, как скоро вспыхнула революция. Но занятая тогда с одной стороны войною Турецкой, с другой неприязнью Швеции, Англии, Пруссии, она ограничилась только тем, что прекратила сношения с Францией и повелела удалить из империи всех французов, признававших революционное правительство. Когда же Густав III, примирившись с Россией, изъявил намерение вооружить Европу и предпринять поход против мятежной Франции с союзными войсками европейских держав, Екатерина охотно согласилась помогать ему и договором в Дротнинггольме обязалась содействовать успеху его предприятия значительной суммой денег. Преждевременная смерть Густава не допустила исполнить составленный им план; преемник его решил соблюдать строгий нейтралитет. Между тем открылись неурядица в Польше: озабоченная ими, Екатерина не могла участвовать в первом общем союзе, заключенном почти всеми европейскими государями, вскоре по смерти Густава III, для восстановления падшего трона Бурбонов; была, однако, душою союза, подстрекала Пруссию, Австрию к решительным мерам, давала мудрые советы эмигрантам и с живейшим негодованием смотрела на слабый успех общих усилий, бывший следствием разномыслия союзников: в самом деле, они действовали так несвязно и несогласно, что французы без труда били войска их по частям. Революция торжествовала. Пруссия и вслед за ней Испания, претерпев одни неудачи, удалились с театра войны и заключили с Францией мир. Союз рушился. Французы утвердили свое влияние в Голландии и Италии. Император немецкий с трудом спасал от них Германию. Чтобы поддержать его в борьбе с революцией и с тем вместе восстановить порядок в западной Европе, Екатерина

решилась сблизиться с Великобританией, которая более других держав могла содействовать ее намерению. Английский посланник при С.-Петербургском дворе, лорд Витворт предлагал нашему правительству составить против Франции тройной союз из России, Англии и Австрии. Императрица одобрила его предложение, соглашалась соединить свой флот с английским, послать на помощь Австрии до 60 000 человек, и уже повелела собирать войско. Но прежде формального заключения договора смерть пресекла драгоценную жизнь ее, и предпринятое ею великое дело восстановления европейских государств, низринутых Французскою революцией, было совершено, уже через 20 лет после ее кончины, императором Александром I.

В последний год царствования Екатерины русское оружие огласило громом своим Кавказ. Хан Астрабатский Ага-Могамед, овладев персидским престолом, внезапно вторгнулся в Грузию, разорил ее вконец, загнал царя ее в горы и отчасти силою, отчасти лестью подчинил своей власти Карталинию, Имеретию, и другие области, признававшие над собой покровительство России. Императрица немедленно отправила за Кавказ сильный корпус под начальством графа Валериана Александровича Зубова для изгнания персиян и для усмирения взволнованных ими народов. Граф Зубов, генерал еще юный, но храбрый и искусный, привел в трепет Закавказье; быстро покорил Дербент, Баку, Ганжу и готовился потревожить саму Персию. Смерть императрицы остановила его на пути побед. Преемник Екатерины, император Павел I отозвал его и повелел войскам своим возвратиться из-за Кавказа; но слава оружия Екатерины произвела там столь сильное впечатление, что Грузия, по смерти Аги-Могамеда, умершвленного собственными рабами, добровольно изъявила желание быть в подданстве у российского государя и вскоре присоединилась к империи.

IX. ВНУТРЕННИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ (1762 — 1796)

После Петра Великого гражданская жизнь по данному им направлению развивалась быстро и непрестанно требовала новых учреждений, которые могли бы распутать и определить многосложные условия нового порядка вещей.

Преемники Петра не всегда удовлетворяли этому требованию; с одной стороны, многие меры, необходимые в конце XVII века, но тягостные через 50 лет, когда предположенная ими цель была достигнута, оставались во всей своей силе; с другой стороны, многие планы Петра, неразлучные с его системою общего преобразования, были забыты; сверх того, от частых перемен в системе управления, возникло противоречие законов; к тому же вкралось немало беспорядков, под влиянием сильных временщиков, господствовавших именем Анны и Елизаветы.

Екатерина, при самом восшествии на престол, изъявила ревностное желание обновить то, что устарело, дополнить, чего недоставало, уничтожить лишнее, трудилась неутомимо, отменяла разные беспорядки, монополии, тягостные поборы, устраивала по мыслям Петра разные части управления, утверждала правосудие, заботилась о лучшем воспитании; но недовольная мерами частными, привыкнув всегда действовать по плану обширному, в пятый год своего царствования она решилась дать государственному составу совершенно новое образование, которое привело бы все силы народные в стройное органическое движение. С этою целью она хотела составить для своей империи общее уложение, сообразное с степенью современного просвещения, с местными потребностями и с обычаями народными; а для лучшего успеха в 1767 году учредила в Москве комиссию⁴⁷ из выборных чинов всех званий и сословий, начиная от сенаторов до крестьян, с тем чтобы каждый из них объяснил свои нужды и желания. В руководство же комиссии государыня написала Наказ, удививший Европу мудростью начал, кротостью правил, принятых в основание русского законодательства. Комиссия не удовлетворила ожиданиям императрицы: созванные в числе 645 человек со всех концов империи, избранные из всех сословий, состояний и племен, обитающих в России, несогласные ни в степени образования, ни в требованиях и надеждах, члены комиссии большею частью не понимали цели своего призвания. Скоро убедилась императрица в бесполезности столь многочисленного и разнородного собрания для предположенной ею цели: при начале первой Турецкой войны комиссия была распущена.

Но Наказ остался бессмертным памятником ума и великодушия Екатерины. Заключая в себе только план уло-

жения, одни общие черты и указания, он не мог служить законом положительным; зато превосходно объяснил идею закона с применением основных начал к коренным уставам русского народа, к его истории и обычаям. Наказ Екатерины поразил самых строгих философов необыкновенною ясностью взгляда на сущность закона, искусным выводом всех обязанностей общественных из самых начал гражданского общества, старанием государыни обеспечить права сословий, устранить всякого рода произвол, согласить наказание с преступлением, уничтожить все дикое, бесчеловечное.

По началам, изложенным в Наказе, Екатерина устроила свое государство. Не имея того творческого дара, который так величественно проявлялся во всех действиях Петра, как всеобъемлющий, всеоживляющий гений, Екатерина созидала немного: важнейшие учреждения ее были только развитием мыслей Петровых. Взамен того она в высшей степени разумела тайну государственного благоустройства: с светлым умом, с быстрым соображением, с редкою прозорливостью вникала во все условия общественного бытия, все приводила в порядок, во всем водворяла деятельность, жизнь и по справедливости могла гордиться устроенным ею хозяйством.

Сотрудниками и помощниками императрицы в столь великом деле были многие люди, доселе знаменитые заслугами и умом государственным; из них наиболее достопамятны: *Бецкий, Вяземский, Чернышев, Безбородко и Заводовский*⁴⁸.

Иван Иванович Бецкий был один из тех истинных, бескорыстных друзей человечества, которые так редко встречаются в истории. Соединяя с умом образованным, обогащенным науками в лучших европейских университетах самую благородную и возвышенную душу, человеколюбие беспредельное и ревностное усердие быть полезным отечеству, он выступил на государственное поприще вскоре по воцарении Екатерины, уже в старости преклонной, и более 25 лет, до последнего изнеможения сил, неутомимо трудился над устройством благотворительных и воспитательных заведений. Редкий год проходил, когда бы он не представлял императрице какого-нибудь важного проекта для общей пользы, жертвуя при каждом случае немалою частью своего достояния. Торжественная признательность

сената от лица всей России была ему наградою современников; потомству оставил он имя, которым Россия всегда будет гордиться.

Князь Александр Алексеевич Вяземский около 30 лет до самой смерти своей (1793), исправляя важную и многотрудную должность генерал-прокурора и заведя государственными доходами, был по своему званию главным помощником Екатерины во всем, что касалось внутреннего устройства империи, в особенности по делам областного управления, известного ему во всех подробностях. Ум образованный, редкое бескорыстие, трудолюбие неутомимое, честность и прямотушие постоянно отличали его долговременную службу. Императрица гордилась им, как своим учеником.

Граф Захар Григорьевич Чернышев, генерал-фельдмаршал и президент военной коллегии (до 1782), доказавший свое мужество и искусство в Семилетней войне, заслужил особенное уважение Екатерины пламенным усердием к ее престолу и отечеству, прозорливостью, трудолюбием и умом образованным. Под его надзором изданы многие положения для устройства армии; он же содействовал и к составлению Учреждения о губерниях.

Граф Александр Андреевич Безбородко, сын малороссийского генерального судьи, в молодых годах редкими способностями своими обратил на себя внимание фельдмаршала Румянцева, который вверил ему в управление походную канцелярию. Под руководством Задунайского, равно великого и на поле брани и на поприще государственном, Безбородко образовал свои блестящие дарования, сделался известным императрице и в день празднования Кайнарджийского мира поступил ко двору для принятия прошений; вслед за тем получил должность первого секретаря при кабинете государыни. Одаренный умом гибким и проницательным, сведениями обширными, памятью изумительной и необыкновенным искусством излагать самое запутанное дело ясно, красноречиво, он скоро заслужил полную доверенность императрицы и немало содействовал ей пером и советом в начертании многих важных уставов. С 1780 года вследствие представленного им мемориала о внешней политике, определенный членом иностранной коллегии, Безбородко занимался преимущественно дипломатическими делами и, по смерти графа Н. И. Панина,

имел наиболее веса в коллегии; но в то же время редкое из внутренних учреждений было издаваемо без его совета и поправок.

Граф Петр Васильевич Завадовский выступил на государственное поприще из той же школы, откуда вышел и Безбородко, из походной канцелярии Румянцева. Умом образованным, любовью к просвещению, опытностью в делах он обратил на себя особенное внимание императрицы и, после Бецкого, был одним из главных ее помощников при составлении плана народного образования; впоследствии, при императоре Александре, он был первым министром народного просвещения.

Много сверх того помогал государыне в устройстве империи и князь Потемкин. Участие его несомненно: важнейшие законы Екатерины относятся ко второму периоду ее царствования, следовательно к тому времени, когда сей могущественный вельможа имел самое сильное влияние на все действия внешние и внутренние. Главным исключительным делом его было образование Новороссийского края.

Законодательство Екатерины так многосложно и разнообразно, что подробное развитие всех ее учреждений в хронологическом порядке не может иметь места в кратком очерке, притом же, подобно Петру Великому, она произвела многие благодетельные перемены не указами, а принятой вообще системой управления. Яснее и понятнее будут заслуги ее на поприще государственного благоустройства, если мы рассмотрим, в каком положении нашла она главные условия общественной жизни нашей и какое дала им образование.

Священный залог величия и благоденствия нашего отечества, *самодержавие*, достигшее при Петре Великом полного развития и при его преемниках нередко изумлявшее Европу шумным падением могущественных временщиков, не утратило внутренней крепости и в царствовании Екатерины⁴⁹, но смягчалось в своих внешних проявлениях, приняв утешительный для народа образ благодати неземной, которая более зиждет и дарует, более хранит и милует, чем разрушает и карает, щедро сыплет свои дары и с величайшей разборчивостью наказывает преступление, соразмеряя строгость со степенью вины и прежними заслугами виновного.

Екатерина царствовала, подобно Петру Великому, самодержавно, неограниченно, не деля ни с кем своей власти, не уступая никому своих прав, воля ее служила законом, и горе тому, кто дерзал не исполнять велений государыни. Но ни при дворе, ни вне двора не было тех страшных опал, которые так часто поражали самых первых вельмож при императрицах Анне и Елизавете, когда злоба временщика могла отнять и честь и жизнь у человека, ознаменованного заслугами. Время опал миновало с воцарением Екатерины; с ними исчезли ужасы тайной канцелярии, пыток, жестоких казней; исчезло ненавистное *слово* и *дело*, заставлявшее прежде с опасением оглядываться на каждого, кто произносил имя кроткой Елизаветы или сильного вельможи. Спокойствие души заменило прежнюю боязнь. Екатерина хотела, чтобы ее более любили, чем боялись, возвышала нравственное достоинство своих подданных, дорожила их жизнью, честью, уважала доброе мнение народа, презирала злые толки, не терпела рабского унижения, заменив слово *раб* словом *верноподданный*, требовала одного усердия к престолу, без гнева слушала справедливые возражения, и граф Петр Иванович Панин нередко напоминал в сенате времена Долгорукого. Оттого уж с первых лет ее правления, по крайней мере в высшем кругу, пробудилось благородное самолюбие и образовалось мнение общественное, русские полюбили самодержавие более прежнего.

Православная церковь, под щитом государыни равно мудрой и благочестивой, наслаждалась глубокою тишиною. Все, что доселе нарушало ее спокойствие или грозило со временем потревожить ее, было устраняемо мудростью Екатерины. Главное зло, которое так долго угнетало наших единоверцев и единоплеменников под ярмом польским, прекратилось с падением Речи Посполитой. Екатерина спасла несколько миллионов русского народа от тягостного ига и возвратила им все права гражданские и религиозные, включив их в одно великое семейство своих подданных. Важный и запутанный вопрос о монастырских имениях долго, около трех веков занимавший наше правительство, был решен окончательно, по мыслям и намерениям Петра Великого.

Со времен Иоанна III правительство наше заботилось о том, чтобы дать многочисленным монастырским поместь-

ям более правильное устройство, сообразное с их первоначальным назначением. Мудрый Иоанн даже думал отобрать их в казну, но не успел. Преемники его старались по крайней мере ограничить увеличение церковных имений. Петр Великий исполнил мысль Иоанна со свойственной ему решительностью и быстротою. В 1701 году, восстановив монастырский приказ, он поручил его ведению судом, расправою и всякими сборами все отчины патриаршие, архиерейские и монастырские; монахам и монахиням велел производить определенное жалованье хлебом и деньгами из монастырских доходов, остатки же их обращать на другие потребности государства, примущественно на дела богоугодные. Вследствие сих мер управление патриаршими, архиерейскими и монастырскими крестьянами поручено было гражданским лицам, независимо от духовного ведомства. Через 20 лет потом, по представлению синода, что церковные отчины от гражданских управителей пришли в скудость, государь повелел передать их из монастырского приказа в ведение синода; но для лучшего порядка в сборе податей и управлении учредил при синоде коллегия под именем камер-конторы, с тем чтобы она из собираемых доходов отпускала определенное духовным властям и монастырям содержание не иначе как по штату, утвержденному в 1724 году, а остатки отсылала, с подробным расчетом, в камер-коллегию. При императрице Екатерине I камер-контора преобразована в коллегию экономии, в зависимости от сената, а при императрице Анне вступила во все права монастырского приказа.

Правительница Анна отменила распоряжение Екатерины I и Анны Иоанновны, повелев все вообще церковные отчины поручить духовным властям, а в коллегию экономии доставлять одни только доходы. Императрица Елизавета, в начале своего царствования, уничтожила и коллегию экономии, отдав в полное распоряжение синода все церковные отчины; для управления же ими повелела учредить при синоде канцелярию. Впоследствии через 13 лет она приказала духовные поместья управлять не монастырскими людьми, а отставными штаб- и обер-офицерами. Указ этот оставался без исполнения до императора Петра III, который подтвердил его и в то же время велел восстановить коллегию экономии в Москве, отдав ей в полное управление монастырские отчины и подчинив ее

сенату. Все сии меры противоречащие запутали дело о монастырских имениях, а быстрые перемены подавали повод к неудовольствию. Екатерина кончила вопрос так, как желал того Петр Великий.

При самом восшествии на престол она учредила комиссию из первостепенных чинов духовных и светских для окончательного устройства церковных имений, сообразно с истинным их назначением, с общею пользою государства, с самою целью монастырской жизни. Комиссия постановила: церковные поместья, в коих считалось более 900 000 душ, изъять из духовного ведомства и поручить управлению коллегии экономии, обложив всех крестьян, вместо прежних разнородных сборов хлебных, пашенных, сенокосных, единообразным оброком по 1 руб. 50 коп. с души; доходы с них употреблять на приличное содержание и благолепие церквей, на жалованье духовным властям и монашествующим, на учреждение семинарий и другие дела богоугодные; все вообще монастыри разделить на три класса и каждому из них предоставить известную степень, с соразмерным содержанием; пустыни и малолюдные обители упразднить или обратить в приходские церкви; белое духовенство освободить от тягостного сбора деньгами и хлебом, определенного при патриархах на духовные училища; отставных воинских чиновников не посылать более в монастыри для прокормления, как было прежде, а назначить им для жительства крайние города и производить пенсии из экономических доходов. Императрица утвердила все распоряжения комиссии, щедро рукою назначила содержание, избавила монашествующее духовенство от несообразных с его званием хлопот хозяйственных, правительственных и судебных, учредила в духовном ведомстве стройный порядок и, обратив дарованные монастырям благочестивыми дателями поместья именно для той богоугодной цели, для которой они были предназначены, с вожделенным успехом, по мыслям Петра Великого, решила вопрос многосложный и запутанный, более двух с половиною веков занимавший наше правительство.

Народные сословия получили от Петра устройство мудрое; при первых преемниках его от частых перемен в системе управления великое дело его расстроилось; права, обязанности и взаимные отношения сословий перепутались.

Право духовенства владеть поместьями несколько раз отменялось и снова подтверждалось; дворянство приобрело такие преимущества, каких не имело оно ни при Петре, ни прежде его; средний класс, напротив того, утратил все дарованные им льготы. Екатерина, в самом начале своего царствования устроив судьбу духовенства, как выше нами показано, впоследствии определила и другим сословиям ту сферу, которую имел в виду Петр Великий.

Дворянство, существуя в России искони как сословие, имевшее свои исключительные преимущества, до начала XVIII столетия являлось в виде нестройном, неясном, даже без общего названия. Петр с большею точностью определил состав его, права и соответствующие благородному званию обязанности; от каждого дворянина он требовал двух неперемных условий, усердной службы отечеству и приличного образования, наказывая уклонение от службы и нерадение к наукам как уголовные преступления; впрочем, не терял надежды, что придет время, когда эта строгость не будет необходимою. Императрица Анна признала возможным облегчить службу дворян, назначив ей 25-летний срок; императрица Елизавета заменила прежние суровые наказания за небрежное воспитание детей легким денежным штрафом; император Петр III даровал дворянству, вопреки намерениям своего деда, свободу служить и не служить, с тем только ограничением, что военные чины не могли получать отставки в военное время, кроме того, дозволил беспрепятственный выезд за границу, вступление в службу к иноземным государям и произвольное воспитание детей в полной уверенности, что благородное сословие, по свойственному усердию, всегда будет опорой престола и что нерадивые к благу отечества или к собственному образованию заслужат всеобщее презрение. Столь неожиданная милость императора до того обрадовала все дворянство, что сенат определил воздвигнуть великодушному монарху памятник из чистого золота. В самом деле, акт, известный под именем грамоты на вольность и свободу дворянства, свидетельствует о редком великодушии Петра III и доверии его к подданным. Недоставало сему акту только двух условий, необходимых при тогдашнем положении дел: с одной стороны, не были приняты меры к пробуждению благородного честолюбия, долженствовавшего заменить прежние принудительные законы, следователь-

но, надлежало опасаться всеобщего уклонения дворян от государственной службы, как боялся того уже Миних при императрице Анне; с другой стороны, при всех преимуществах, дарованных Петром III, дворянство не получило собственного суда и освобождения от телесного наказания, более важных и необходимых. Кроме того, очень запутан был главный вопрос — кто именно имеет право именоваться дворянином и каким образом оно приобретается.

Екатерина, признав акт Петра III не вполне соответствовавшим требованию времени и пользе государственной, для рассмотрения его, вскоре по восшествии на престол учредила комиссию из первых сановников*, и по зрелом соображении всех обстоятельств в 1785 году даровала дворянству Жалованную грамоту⁵⁰, бессмертный памятник ее ума и великодушия. Здесь с искусством, только ей свойственным, она умела согласовать законы и намерения Петра Великого с актом Петра III и существенными потребностями государства. Определив с точностью на основании законов Петра Великого состав благородного сословия, значение его и степень в государстве, Екатерина не только подтвердила все, что было даровано ему Петром III, но и увеличила права его другими не менее важными преимуществами. Она установила, что дворянин ни в каком случае не лишается своего звания, если не обвинен судом в преступлении, разрушающем дворянство, передает его жене и детям своим, судится только равными себе, свободен от телесного наказания, не платит лично никаких податей и владеет всем, что находится в его имении, как неотъемлемой собственностью. Вместе с тем Екатерина не упустила из виду и мысли Петра Великого — поставить дворян в необходимость служить престолу и отечеству с тем усердием, которое соответствовало бы их преимуществам. С этой целью она даровала дворянству право участвовать в земском управлении посредством избираемых из среды благородного сословия чинов в разные почетные должности областных сановников, облеченных властью суда и расправы; для выбора же их установила в каждой губернии дворянские собрания, которые сверх того определяют, кто имеет право

* В ней присутствовали: граф Бестужев, граф К. Г. Разумовский, граф Воронцов, князь Шаховской, граф Н. Н. Панин, граф Чернышев, князь Волконский и князь Г. Г. Орлов.

на звание дворянина, исключают из благородного сословия людей недостойных и могут ходатайствовать у престола о своих нуждах и пользах. В дворянском собрании, столь важном по его назначению и по его влиянию на благоденствие целой области, присутствует каждый дворянин, но участвовать в выборах может только тот, кто в государственной службе достиг офицерского чина, без чего самые богатые помещики не могут быть избраны ни в какую общественную должность, не имеют голоса при выборах и совещаниях, даже не должны сидеть вместе с заслуженными. После такой меры уклониться от службы отечеству и престолу захочет разве только тот, кто не имеет в себе искры благородного самолюбия, но подобные люди, силой привлеченные в службу, принесли бы ей больше вреда, чем пользы. Екатерина была уверена, что число их с каждым поколением будет уменьшаться, и русское дворянство оправдало ее надежды, доказав неоднократно, что оно помнит свое древнее назначение — быть опорой престола и щитом отечества.

Среднее сословие, до начала XVIII столетия едва заметное, созданное и устроенное мудростью Петра Великого, вскоре по кончине его обратилось в первобытное ничтожное состояние. С упразднением главного магистрата в царствование Петра II оно утратило столь необходимое для него право собственного суда и подпало, по-прежнему, самоуправству воевод. Бирон довершил удар разорением многих городов. В царствование императрицы Елизаветы главный магистрат был восстановлен, но с весьма ограниченным кругом действия. Между тем возникли монополии: главные статьи заграничного торгового хлеба, мясом, рыбой, икрой, мехами, табаком, салом, смолой, холстом и другими предметами предоставлены были в исключительную собственность немногим частным лицам, наиболее графу Шувалову. Сверх того, торговля с Китаем, Бухарией, Персией, Турцией, Италией находилась также в руках компании. Наконец, были монополии на заведение ситцевых фабрик, на ввоз шелка и проч. Все это в высшей степени затрудняло успехи народной промышленности и подавляло среднее сословие, которое может существовать только под защитой законов, охраняющих плоды трудолюбия, обеспечивающих права личные и собственность.

Екатерина, немедленно по восшествии на престол, спешила восстановить разрушенное творение Петра Великого. С этой целью она прежде всего уничтожила тягостные монополии и отменила многие, исстари заведенные местные сборы с продукции сельской и городской; в то же время возобновила разрушенные города, воздвигла новые в местах удобных по своему положению, установила порядок городского управления. Плодом ее двадцатилетней неусыпной заботы было основание двухсот с лишним городов, из коих многие вскоре достигли цветущего состояния*. Но еще недоставало общего учреждения, которое утвердило бы существование среднего сословия на прочных началах, как хотел того Петр Великий. Екатерина исполнила его мысли, издав Городовое положение. Для среднего сословия оно то же, что Жалованная грамота для дворянства: им даровано городам неоценимое для них право собственного суда и управления; учреждены выборы; предоставлены каждому обывателю значительные льготы, соразмерные их личному достоинству; труд, знание, искусство признаны государственными добродетелями, дающими право на общее уважение; личная безопасность и собственность обеспечены. Вследствие сих мер возникло, наконец, в нашем отечестве среднее сословие в том виде, как ныне оно существует. Низшее сословие осталось в прежнем положении, без значительных перемен в его состоянии.

* Из городов, основанных Екатериной, наиболее замечательны: Александров, Ардатов, Балашов, Бийск, Богодухов, Богородицк, Богородск, Богучар, Борисоглебск, Боровичи, Брашлав, Буй, Белополье, Валдай, Весъегонск, Ветлуга, Вилейки, Волчанск, Волянь, Воскресенск, Вышний Волочек, Вязники, Гжатск, Горбатов, Демьянск, Дисна, Дмитриев, Доморовицы, Дубно, Егорьевск, Екатеринославль, Ельня, Жиздра, Залонск, Заславль, Звенигород, Зиньков, Игумен, Ирбит, Калязин, Киржач, Кириллов, Кирсанов, Княгинин, Кобрин, Кобыляки, Ковель, Ковров, Кологрив, Корчева, Краснокутск, Красный, Кременчуг, Крестцы, Королевск, Кузнецк, Лабунь, Лебедян, Липецк, Липовец, Литин, Лугань, Лукьянов, Льгов, Макарьев, Макарьев-на-Унж, Малоархангельск, Медынь, Меленки, Мирополье, Моздок, Мозырь, Молога, Моршанск, Мышкин, Недригайлов, Нерехта, Несвиж, Нижнедевицк, Никитск, Николаев, Новоржев, Одесса, Орехов, Осташков, Острог, Петровск, Петрозаводск, Повенец, Подольск, Покров, Поречье, Постап, Проскуров, Рыбинск, Речица, Семенов, Сергач, Сердобск, Сердоболь, Скопин, София, Спасск, Судогда, Сураж, Сычевка, Тим, Ушица, Фатеж, Хвалынский, Херсон, Хмельник, Холм, Шавли, Щигры, Юхнов, Ямполь.

В государственном управлении Екатерина ввела больше порядка лучшим устройством правительственных мест. До восшествия ее на престол два важных неудобства замедляли ход управления: с одной стороны, дела разнородные стекались в одно и то же место; с другой же, дела однородные разделялись между разными ведомствами. Кроме того, оклады были так скудны, что не обеспечивали содержания чиновников. Следствием были многие беспорядки: накопление дел, медленность в делопроизводстве, лихоимство. Для устранения их императрица разделила сенат и коллегии на несколько департаментов, с тем чтобы каждый из них заведовал однородными делами во всем государстве; лишние ведомства, приказы сибирской, розыскной, конторы печатная, раскольническая и другие были закрыты. Содержание чиновников улучшено значительным увеличением окладов.

Но важнейшей мерой Екатерины для внутреннего благоустройства, имевшее самое благодетельное влияние на все отрасли гражданской жизни нашей, было образование областного управления по мыслям Петра Великого.

В старину, до конца XVII века, управление городами и приписанными к ним уездами возложено было на воевод, царских сановников, облеченных властью гражданского суда и расправы, сбор казенных доходов вверен был таможенным головам и целовальникам, дела уголовные вершили губные старосты, избираемые миром из честных и заслуженных дворян. Царь Федор Алексеевич отменил этот порядок и сосредоточил все отрасли областного управления в лице воевод, предоставив им суд гражданский и уголовный, сбор податей, дела купеческие и земское благочиние. Такое соединение разнородных обязанностей в одном лице влекло за собой многие неудобства. Воевода, обремененный делами, не в силах был сладить с ними, находил множество случаев к удовлетворению беззаконного корыстолюбия и самовластвовал в своем уезде.

В постоянном стремлении учредить во всем стройный порядок и бдительный надзор за исполнениями законов, Петр Великий положил иные основания областному управлению. Он разделил государство на губернии, каждая состояла из нескольких провинций, управляемых воеводами, в зависимости от губернаторов как главных начальников губернии. Те и другие наблюдали за порядком и благоу-

ройством вверенных им областей, правильным ходом дел, точным исполнением законов, имели всю власть правительственную, но лишены были права судить дела гражданские, уголовные, торговые и не вмешивались в казенные сборы. Для дел судебных учреждены были в городах провинциальных нижние суды, в городах губернских надворные суды, из особенных чиновников, определяемых юстиц-коллегией, наиболее из заслуженных дворян. Сбором казенных податей заведовали комиссары под наблюдением камеригов, назначаемых камер-коллегией, дела торговые вверены были городским магистратам под ведением главного магистрата, зависевшего, наравне с коллегиями, от сената. В губернских и воеводских канцеляриях должны были присутствовать выборные из дворянства, под именем ландратов, на правах коллегияльных. Петр не успел дать областному управлению полного образования и не везде открыл нижние суды, по недостатку способных людей, но положил прочное начало внутреннему благоустройству, ограничив самовластие воевод, отделив дела казенные от частных, судные от полицейских, дозволив дворянству и купечеству избирать людей достойных для участия в областном управлении. Преемникам Петра оставалось только довершить начертанный им план немногими дополнительными постановлениями. Они расстроили его мудрое дело и возвратились к прежнему порядку.

В царствование Екатерины I отменены были надворные и нижние суды, камериры и комиссары как бремя бесполезное, тягостное для казны и для народа, все части областного управления вверены воеводам, с обширной властью суда и расправы по делам гражданским, уголовным, торговым, частным и казенным. При Петре II Меншиков, уничтожив главный магистрат, окончательно подчинил купечество воеводам, а Долгорукие написали для них инструкцию, служившую около полувека главным уставом областного управления. Все дела, самые разнородные, стекались в воеводскую канцелярию, состоявшую из воеводы, товарища его, секретаря и двух или трех писцов. Воевода, обыкновенно из отставных штаб-офицеров, решал каждое дело окончательно, не имея только права приводить в исполнение смертные приговоры, которые утверждало правительство. Легко вообразить, что с самой доброй волей, с неутомимой деятельностью, с при-

мерным бескорыстием, одному лицу невозможно было управиться со всеми делами. Бесчисленные беспорядки были неизбежны. Тяжбы тянулись по несколько десятилетий; земская полиция ослабла; разбои и грабежи приводили в трепет путешественников. Кроме того, так много представлялось поводов к лихоимству, что правительство нашло вынужденным сменять воевод через каждые два года и запретило им покупать имения в тех провинциях, которыми они управляли.

От пронизательного взора Екатерины не могли укрыться все неудобства воеводского управления, столь несогласного ни с мыслями Петра Великого, ни с потребностями России. Долго искала она средства к лучшему устройству государства: строго наблюдала за действиями воевод, ограничивала самовластие, давала им инструкции, определяла в губернаторы людей, лично ей известных и пользовавшихся ее доверием. Но так как невозможно было искоренить зло мерами частными, то она решилась ввести совершенно иной порядок управления, согласный в главной идее с намерениями Петра Великого, и в 1775 году Учреждением губерний с блестящим успехом исполнила то, чего так пламенно желал мудрый преобразователь России, развив его мысль с той определенностью и полнотой, которая отличала все ее указы.

Россия, доселе нестройно разделенная на 20 областей, под именем губерний*, несоразмерных ни пространством, ни числом жителей, столь же неудобно подразделенная на провинции, с разными местными правами, образовала в

* Губернии до 1775 года были: 1) Московская, в ней провинции: Переяславль-Залесская, Углицкая, Владимирская, Ярославская, Костромская, Суздальская, Юрьев-Повольская, Переяславль-Рязанская, Калужская, Тульская; 2) С.-Петербургская; 3) Новгородская, провинции: Псковская, Великолуцкая, Тверская, Белозерская; 4) Выборгская; 5) Архангельская, провинции: Вологодская, Устюжская, Галицкая; 6) Смоленская; 7) Киевская; 8) Белгородская, провинции: Севская, Орловская; 9) Воронежская, провинции: Елецкая, Тамбовская, Шацкая; 10) Нижегородская, провинции: Арзамасская, Алатурская; 11) Казанская, провинции: Свияжская, Вятская, Пермская, Симбирская, Пензенская; 12) Астраханская; 13) Оренбургская, провинции: Уфимская, Илецкая; 14) Сибирская; провинция Енисейская; 15) Иркутская; 16) Новороссийская; провинции: Екатеринославская, Елисаветградская; 17) Слободско-Украинская; провинции: Острожская, Изюмская, Сумская, Ахтырская; 18) Рижская; 19) Ревельская; 20) Малороссия.

царствование Екатерины одно стройное целое, соразмерное в частях, везде подчиненное одному порядку управления. Императрица повелела учредить наместничества, или губернии, таким образом, чтобы каждая из них заключала в себе от 300 до 400 тысяч жителей, с подразделением на уезды в 20 и 30 тысяч душ. Два, иногда три наместничества вверялись главному управлению государева наместника, или генерал-губернатора. Избранный самой императрицей из высших лиц, ознаменованных заслугами на поприще гражданском или военном, наместник был блюстителем порядка и правосудия, стражем законов, ходатаем за пользу общую и государеву, заступником притесненных, побудителем безгласных дел, вообще хозяином вверенной ему области, но не судьей.

Для суда уголовного и гражданского, для финансового и полицейского управления учреждены были особые присутственные места, большей частью с коллегиальным порядком делопроизводства. В каждом уезде установлены *уездные суды* для суда и расправы дворян, *городовые магистраты* для дел среднего сословия, *нижние расправы* для суда однодворцев и государственных крестьян, *казначейства* для сбора и хранения доходов, *нижние земские суды* для полиции. Из этих мест, составлявших низшие инстанции, дела переносились, по апелляциям или на ревизию, в высшей инстанции, находившиеся в каждом губернском городе: из уездных судов в *верхние земские суды*, из городских магистратов в *губернские*, из нижних расправ в *верхние*. Наблюдение же за правильным делопроизводством и за точным исполнением законов вверено было в каждой губернии трем *палатам*: по делам уголовным всех сословий палате уголовного суда; по всем делам гражданским палате гражданского суда: по казенным сборам казенной палате. *Губернское правление* сосредоточило в себе власть исполнительную и полицейскую, имея в своем ведении нижние земские суды, городничих и исправников. Для разбора дел уголовных и гражданских, сопровождаемых стечением разных обстоятельств, которые иногда отягощают судьбу преступника выше меры вины его, также для полюбившего решения тяжёлых дел, учреждены в губернских городах особенные суды, под названием *совестных*. Сверх того, установлены *дворянские опеки и сиротские суды*, для попечения о сиротах и вдовах дворянского и купеческого сосло-

вия. Наконец, устройство народных школ, богаделен, сиротских домов, вообще все дела богоугодные вверены *приказам общественного призрения*.

Екатерина с величайшей точностью и дальновидной мудростью определила состав присутственных мест, права их и обязанности. Она предоставила себе назначать только главных сановников губерний, облеченных властью правительственной, наместников, губернаторов, вице-губернаторов; сенату поручила избрание представителей губернских присутственных мест и чиновников, заведовавших казенными доходами; все прочие лица, советники, заседатели, ассессоры, имевшие голос совещательный или власть исполнительную, избирались, отчасти губернским правлением, отчасти дворянством и купечеством. Каждое судебное место было составлено из нескольких членов на правах коллегиональных и действовало в своем кругу самостоятельно, но в то же время находилось под наблюдением высшей инстанции и наместника, который, не имея права вмешиваться в суд, мог, однако, давать делам быстрое, правильное течение и пресекать беспорядки, подвергая виновных законной ответственности, донося о них сенату и самой императрице.

Устройство губерний, по плану Екатерины, сопряжено было с большими затруднениями: надлежало передавать дела и казну из города в город; разграничивать одну область от другой, устанавливая во всем иной порядок: находить людей, способных к исполнению обязанностей новых и важных. Последнее обстоятельство было в особенности затруднительно. Оттого учреждение губернии вводилось постепенно целых 20 лет, распространяясь мало-помалу на всю империю; началось оно с Тверской губернии в 1775 году и закончилось на Виленской в 1796. Екатерина имела однако удовольствие видеть благодетельные плоды своего учреждения, хотя вся польза его вполне обнаружилась впоследствии.

Правильным отделением казенных дел от частных, судебных от полицейских, уголовных от гражданских Екатерина достигла той цели, к которой так усердно стремился Петр Великий: установила строгий порядок во всем ходе областного управления; присутственные места, имея определенный круг действий, не мешая одно другому, могли исполнять свои обязанности с большим успехом, чем воеводские

канцелярии, где от стечения разнородных дел все было перемешано и перепутано. Оттого увеличился сбор казенных доходов, облегчился набор рекрутов, затихли грабежи и разбои, дотоле приводившие путешественников в трепет. Другое, не менее ревностное желание Петра ограничить произвол, утвердить власть закона было равным образом до известной степени исполнено: коллегиальные формы, участие сословий в областном благоустройстве посредством выборов, строгая ревизия низших инстанций высшими, в особенности непрременная воля императрицы, чтобы никто не был наказываем без суда законного, все это в высшей степени благоприятствовало правосудию, обеспечивало неприкосновенность личную и право собственности. Третья великая мысль Петра пробудить в народе дух общечеловечности, соревнования, благородное самолюбие, с учреждением губерний, уже не могла остаться одной мечтой, как того боялся он. Внутренняя жизнь наша, хотя медленно, но заметно стала принимать иной, лучший вид. Дворяне доселе скрывались в глуши своих поместьев и только по призыву на службу или по делам тяжбы приезжали в город; теперь с учреждением выборов, они соединились в многолюдное общество, познакомились друг с другом, менялись мыслями, желаниями и по врожденному самолюбию старались не уронить себя в глазах целого сословия. Благородное соревнование пробудилось. Города до сих пор отличались от значительных сел и местечек большей частью только многолюдством, базарами, стечением разного народа в воеводские канцелярии на суд и расправу. Теперь они оживились появлением многочисленного дворянства, украсились общественными зданиями, даже приняли вид столицы, где величавые наместники, окруженные блестящей свитой, жили с царской пышностью, в великолепных палатах, воздвигнутых щедрой императрицей. Все это в совокупности хотя не скоро, но решительно подействовало на развитие ума и вкуса, на успехи промышленности, на смягчение нравов.

Учреждение губерний достопамятно и в том смысле, что посредством сего все разнородные части нашего отечества слились при Екатерине II в одно стройное целое; особенные областные формы суда и расправы исчезли. Екатерина гордилась своими губерниями так точно, как гордился Петр Великий своими коллегиями, хотела, чтобы все

народы, вошедшие в состав России, повиновались закону русскому, и неуклонно руководствовалась от начала до конца царствования бессмертным изречением, что «она не Лифляндская императрица, а Всероссийская».

Всеобщее обмежевание земель в империи, казенных и частных, после учреждения губерний, было важнейшей мерой Екатерины к внутреннему благоустройству. Поместное право владения доселе определялось писцовыми книгами времен царя Михаила Феодоровича, с тех пор состояние России так изменилось, пределы ее так расширились, что эти книги сделались слишком недостаточными. Проект всеобщего обмежевания по плану графа Шувалова, утвержденный императрицей Елизаветой, оказался неудобисполнимым. Екатерина в первые годы своего царствования начертала новые правила, более сообразные с обстоятельствами времени, и успела привести в известность по крайней мере главные, наиболее заселенные земли своего государства: обмежевание началось с Московской губернии, потом распространилось на прочие области средней России и определило до 152 миллионов десятин. После кончины императрицы это важное дело осталось без движения. Пустые, но плодородные земли на южных пределах империи заселены трудолюбивыми поселенцами, которые толпами приходили из Германии, Швейцарии, Франции и других стран Европы, привлекаемые значительными выгодами. Вскоре там, где были степи, возникли цветущие колонии. Лучшее устройство врачебной части, в особенности введение прививания оспы, благоприятствовало успехам народонаселения.

Устройство государственных финансов тем более обращало на себя постоянное внимание Екатерины, что для исполнения обширных предприятий ее, внешних и внутренних, слишком недостаточны были средства, которые наследовала она от своих предшественников, надлежало увеличить доходы по крайней мере вдесятеро. В царствование Екатерины они возросли от 20 до 50 миллионов серебром, без отягощения подданных. Императрица знала великую тайну в одно и то же время обогащать и казну и народ, и в искусстве умножать доходы едва ли не превосходила Петра Великого, но далеко уступала ему в умении соразмерять с ними расходы.

Главный, обильный источник государственного богатства Екатерина нашла в новом, лучшем порядке сбора казенных доходов и в соразмерном с ценностью предметов уравнивания податей. Управление финансами при Петре Великом сосредоточивалось в трех высших ведомствах: в камер-коллегии, в штатс-конторе и ревизион-коллегии; первая ведала доходами, вторая расходами, третья проверяла те и другие. Сбор доходов возложен был на комиссаров под наблюдением камериров. Преемники Петра запутали мудрое и вместе с тем простое учреждение его беспрестанными переменами. Коллегии несколько раз соединялись и разделялись; сбор податей возложен был на воевод и на многие отдельные ведомства, под названием доимочного приказа, канцелярии конфискации и контор разных наименований. Каждое из них мешало одно другому. Народ был обременен тягостью налога; казна между тем получала так мало, что при императрице Анне нечем было вооружить флот и покрыть расходы придворной конторы, а при императрице Елизавете надобно было прекратить на продолжительное время выдачу всех казенных сумм для удовлетворения одной армии, действовавшей в Пруссии. Екатерина восстановила порядок управления государственными финансами, учрежденный Петром Великим, дав ему более стройное и определенное образование.

Исключительная обязанность собирать доходы возложена на уездные казначейства, учрежденные во всей империи в единообразном виде, со всеми предосторожностями строгой отчетности и поверки. Управление государственными имуществами и оброчными статьями в каждой губернии, также надзор за действиями казначейств, поверка доходов, отпуск сумм, раскладка податей, все это вверено казенным палатам, которые в свою очередь состояли под ведением четырех экспедиций, установленных при сенате, взамен учрежденных Петром Великим коллегий. Начальником экспедиций и главой финансового управления во всей империи был государственный казначей, обязанный отчетом сенату. Для руководства уездных казначеев и казенных палат, князь Вяземский написал превосходные наставления, определившие с редкой точностью весь ход делопроизводства. Им же сочинены подробные уставы таможенный, соляной и заведены впервые ежегодные предварительные сметы. Вследствие сих мер водворился, нако-

нец, в наших финансах должный порядок, первое условие частного и государственного хозяйства. Значительное увеличение доходов было следствием неминуемым.

Улучшение монетной системы равным образом содействовало богатству государственному и частному. Доселе все сословия терпели два важные неудобства в своих денежных оборотах. Во-первых, от несоразмерно малого, относительно к народонаселению, количества звонкой монеты, не могли составить значительные частные капиталы, нелегко было народу уплачивать государственные подати, самое движение капиталов, при обширном пространстве империи, при слабом кредите, затруднялось тяжестью металла. Во-вторых, в общежитии был весьма ощутим недостаток разменной монеты, столь необходимой в домашнем хозяйстве, для мелких расчетов. Оба неудобства не могли укрыться от Петра Великого, уже он думал и заботился о поиске средств к облегчению денежных оборотов, на вексельных началах, и к увеличению количества разменной монеты введением медных денег, назначив им относительно к серебру цену и повелев принимать их во все платежи казенные и частные. Петр III намеревался исполнить еще неясную мысль своего деда о государственном кредите выпуском банковых билетов в 500 и 1000 рублей каждый, суммою на 5 миллионов, но не успел, притом же начала учрежденного им банка были так нетверды и неопределенны, что мера эта едва ли принесла бы значительную пользу. Обращение медной монеты, от частых перемен ее ценности, более обременяло, чем облегчало народ: при императрице Анне чеканили монету из пуда меди 10 рублей, при императрице Елизавете сначала по 8, потом по 16, при императоре Петре III по 32. Распоряжения о приеме медных денег также изменялись: иногда они были допускаемы во все платежи, иногда только в некоторых случаях; иногда по наименованию их достоинства, иногда ниже или выше. Например, в одно царствие Елизаветы казна принимала пятикопеечники сначала за 5 коп., потом за 4, впоследствии за 3, наконец за 2. Вследствие сих перемен, медная монета потеряла в народе доверие и огромные запасы ее оставались на монетных дворах без всякого движения. Екатерина устранила оба неудобства: разменной монете дала ход, определив ей цену постоянную, относительно соразмерную с серебром и допустив прием ее во все платежи без

изъятия; для облегчения же денежных оборотов ввела ассигнации.

В 1768 году она учредила ассигнационный банк, с капиталом в 1 миллион рублей золотом и серебром, и повелела ему пустить в ход такую же сумму банковыми билетами, под именем ассигнаций, от 25 до 100 рублей каждую, с тем чтобы они были принимаемы во все платежи казенные и частные, наравне с золотыми и серебряными деньгами; жславшие обменять их получали немедленно из банка, на предъявленную сумму, звонкую монету. Народ принимал ассигнации так охотно и с таким доверием к правительству, что императрица увидела возможность постепенно увеличить количество их до 100 миллионов рублей. В продолжение 20 лет (до 1789 года) они мало изменялись в курсе, имея цену звонкой монеты. Впоследствии курс на них, от чрезмерного выпуска билетов, значительно понизился, впрочем они не утратили общего доверия, остались деньгами, умножили капиталы и служили самым удобным средством к денежным оборотам*.

Для этой же цели Екатерина преобразовала кредитные установления, основанные императрицею Елизаветою, под именем дворянского и коммерческого банков; каждый из них имел капитала не более 750 тысяч рублей, производил ссуду за 6 процентов не более, как на 1 год, и требовал уплаты всей занятой суммы вдруг за один раз. Оба они принесли немаловажную пользу, но не вполне соответствовали обширности империи и потребностям народа. Екатерина учредила вместо них государственный заемный банк, с капиталом в 33 миллиона рублей, с обширным кругом действий, со всеми предосторожностями к облегчению возврата сумм: ссуда производилась за 5 процентов, уплата капитала разложена была по равным частям на 20 лет для дворян и на 22 года для городских обывателей. Все сии меры в совокупности, в высшей степени благоприятствуя развитию государственного и частного хозяйства, обогатили и казну и народ.

* Ассигнации пушены в оборот с 1 января 1769 года. В первые пять лет ассигнационный рубль был принимаем за 98 и 99 коп. серебр., в 1774 рубль за рубль; в следующие за тем девять лет по 99 коп., с 1784 до 1787 по 98 коп., в 1788 по 92 коп., в 1789 по 91; в 1790 по 87; в 1791 по 81; в 1792 по 79; в 1793 по 74; в 1794 по 71; в 1795 по 68 коп. серебром.

Русское войско до конца XVII века состояло из нестройных ополчений поместных владельцев, из многочисленных масс, которые, при всем мужестве, при всем усердии к престолу и отечеству, нередко терпели жестокие поражения от врагов менее многочисленных, но более опытных в военном деле. Петр Великий преобразовал старинную полуазиатскую рать свою в войско регулярное, европейское, научил ее военному искусству и одержал верх над славнейшим полководцем XVIII века. Его мудрые регламенты, его неутомимая забота о ратном деле, его подвиги, высокие образцы стратегии и тактики, дали военным силам нашим такое развитие, что преемникам Петра оставалось только поддерживать его систему для возвеличения могущества империи. Они нередко уклонялись от его предначертаний, но в этом случае не расстроили его великого творения в такой степени, как прочие дела его. Правда, созданный им флот уже в царствование Анны Иоанновны пришел в упадок и мало поправился при императрице Елизавете, зато войско сухопутное сохранило прежний грозный вид, прежнее устройство, даже в некоторых частях было усовершенствовано умом Миниха и Шувалова. Миних умножил число гвардейских полков, образовал тяжелую кавалерию, устроил корпуса инженерный и кадетский, сравнивал русских офицеров с иностранными в производстве чинов и в окладах. Шувалов усовершенствовал нашу артиллерию, привел в лучший порядок способы продовольствия и облегчил народ в рекрутской повинности. Император Петр III предполагал дать своему войску новый вид введением прусского устройства.

Екатерина, признав за лучшее строго держаться уставов Петра Великого, при самом восшествии на престол отменила распоряжение Петра III о преобразовании армии по примеру прусской и восстановила ее в том виде, какой имела она при императрице Елизавете. Вскоре, однако, убедилась она в необходимости усовершенствовать разные части военного управления, в особенности по морскому ведомству, и учредила под собственным председательством комиссию из опытных лиц для устройства армии и флота. Забота ее увенчана была вожделенным успехом. Русский флот в короткое время возник из прежнего ничтожного состояния, распространил ужас на водах Архипелага, привел в трепет Швецию и готов был состязаться с

морскими силами Англии. В войске сухопутном произведены многие улучшения, преимущественно старанием Румянцева, Потемкина и Чернышева. Постоянною заботою их было учредить в общем составе армии строевой порядок, обеспечить ее продовольствие, без обременения народа, облегчить тяжелую службу солдата, сохраняя всю строгость военной дисциплины. Для этой цели многие иррегулярные полки малороссийские и новосербские обращены в регулярные; вся вообще кавалерия переформирована, с лучшим разделением частей ее; в провиантском ведомстве введено более порядка; вооружение улучшено; самое обмундирование получило иной вид, к облегчению солдат и к выгоде казны. Впрочем, нельзя не согласиться, что Екатерина не успела довести всех частей многосложного военного управления до того совершенства, которого достигли другие отрасли государственных, и преемникам ее осталось многое к исправлению. Взамен того она умела возвысить в войске природное мужество, пробудить благородное самолюбие, живейшую ревность к славе государыни и отечества. Нередко русская армия терпела все возможные недостатки, изнемогала под бременем нужд, но всегда бодро встречала врагов, не считая числа их, и для славы императрицы готова была броситься во всякую опасность. «Да здравствует Екатерина!» — единодушно воскликнули солдаты в решительный час Кагульской битвы и рассеяли врагов несметных. С тою же мыслью о славе императрицы, о величии империи русские сражались за Дунаем, в Архипелаге, на Висле и на водах Балтийских. Екатерина успела дать столь счастливое направление воинственному духу русского народа удачным выбором полководцев, ознаменовавших ее царствование делами доблести беспримерной. Немало содействовало тому и искусство ее отличать и награждать заслуги с тою лестною внимательностью, которою она так сильно действовала на умы и сердца своих подданных. Каждая награда ее имела неоцененную прелесть: крест св. Георгия вызывал героев на поле чести и производил соревнование даже в иноземцах.

В образе войны нашей произошла в ее царствование утешительная перемена: повелевая вождям своим разить войска неприятельские огнем и мечом везде, где ни встретят их, Екатерина требовала непременно, чтобы они щадили народ безоружный, не истребляли ни городов, ни сел

без воинской необходимости. Воля ее была исполняема: войска наши перестали опустошать покоренные земли с тою жестокостью, которая так памятна была Лифляндии при Петре Великом, Крыму при Анне Иоанновне, Пруссии при Елизавете Петровне. Мало того: в царствование Екатерины русские научились побеждать врагов не массою сил, как бывало прежде, а с помощью военного искусства, которое они постигли во всех его условиях. Наставником их, образователем целого ряда вождей-героев был природный русский, угаданный и избранный Екатериною, Румянцев-Задунайский. Из школы его вышли Суворов, Потемкин, Репнин, Каменский, Кутузов.

Развитию промышленных сил народа Екатерина много содействовала учреждением лучшего порядка во всех отраслях государственной жизни, отменю монополий, водворением внутренней безопасности, дарованием важных преимуществ среднему сословию, увеличением капиталов и непрерывною деятельностью, поощрявшею народ к трудолюбию. Впрочем, заботливость ее в этом случае ограничивалась только общими мерами и служила, так сказать, приготовлением к будущему развитию, которое обнаружилось не прежде императора Александра I. Меры частные, долженствовавшие непосредственно содействовать успехам отечественной промышленности, были немногочисленны и не всегда удачны, наиболее потому, что не соответствовали намерениям Петра Великого. Мудрый Петр видел в своем народе еще младенца на поприще знания, искусства, ремесел, и считал первым долгом своим раскрыть его силы, образовать его способности, поощрить его деятельность и дать ей благоприятное направление. Для этой цели он учредил три коллегии, из коих одна заведовала мануфактурами, другая горным делом, третья торговлей внутренней и внешней. Главной обязанностью коллегий было приискание средств к водворению в России всех полезных отраслей трудолюбия, усовершенствование ремесел, надзор за ходом народной промышленности и направление ее к одной цели. Сам государь написал для коллегий мудрые регламенты, строго смотрел за действиями их, радовался каждому успеху, каждому новому заведению, поощрял людей предприимчивых, давал им льготы, награды и имел удовольствие видеть плоды своих попечений: вся-

кого рода фабрики, дотоле неизвестные в России, возникали одна за другою.

Екатерина предоставила промышленное сословие самому себе, собственным его силам, и избавила его от руководства правительства. С учреждением губерний Петровы коллегии были уничтожены; сначала закрыта берг-коллегия, потом мануфактур-коллегия, напоследок и коммерц-коллегия; дела их распределены по казенным палатам. Императрица поставила в обязанность палат поощрять народную промышленность и полагала, что они найдут к тому более средств, по ближайшему усмотрению местных выгод. Но, во-первых, палаты были заняты одними текущими делами, в особенности надзором за казенными доходами; во-вторых, трудно было найти для каждой палаты опытных руководителей в столь важном деле, как промышленность; главное же, не было одного общего ведомства, которое всем распоряжалось бы и всему давало бы деятельное, единообразное движение. Кроме того, значительный ввоз иностранных товаров, при слабости таможенного надзора, вверенного также казенным палатам, подавлял всякое полезное предприятие наших мануфактуристов в самом начале. Русские фабрики могли изготовлять только простые изделия для обыкновенного домашнего обихода; все предметы мануфактурного искусства по-прежнему были привозимы из-за границы; Россия покупала их дорогою ценою и баланс торговый был не всегда в ее пользу.

Несравненно успешнее действовала Екатерина на образование своих подданных. Мудрые меры ее приготовили Россию к тому деятельному развитию умственных сил, которое с таким блеском обнаружилось в царствование Александра I. Главными советниками и помощниками ее в этом великом деле были И. И. Бецкой и граф П. В. Завадовский. Первый трудился в начале ее царствования, второй — в конце.

Вникнув в историю нашего образования, Бецкой убедился, что жертвования правительства на отправление молодых людей за границу и на заведение училищ в России не вполне принесли желаемые плоды, что невежество еще упорно боролось с просвещением и что главною виною тому было могущественное господство старинных предрас-

судков, переходивших, как наследство, от отцов и матерей к детям. Для устранения столь важного неудобства Бецкой считал необходимым отделить новое поколение от старого и воспитать его с иными понятиями и желаниями. С этой целью он предложил императрице учредить в столицах и во всех главных городах воспитательные заведения, мужские и женские, для всех сословий, с тем чтобы дети поступали в училища в отроческом возрасте с умом, еще не зараженным предрассудками, чтобы они оставались там безвыходно по крайней мере до 18 лет и возвращались в дом родительский не прежде как по совершенном развитии умственных и душевных способностей, по данному им направлению, под руководством опытных наставников. Для каждого сословия предполагалось устроить особенные заведения, где воспитание должно было согласоваться с званием и наклонностями учащихся, более же всего оберегать их ум и сердце от вредного влияния дурных примеров и старинных предрассудков. Одним словом, Бецкой хотел создать новое поколение, способное лучше старого ценить истинную пользу наук и искусств. Императрица вполне разделяла его мысли и одобрила составленный им план народного образования.

Этот план есть плод ума необыкновенного и глубокого знания человеческого сердца; но при исполнении его встретились неодолимые препятствия в недостатке наставников и сумм. Бецкому удалось, на изложенных началах, учредить или преобразовать училища в одних столицах. В С.-Петербурге он основал воспитательное заведение для благородных девиц при Воскресенском (Смольном) монастыре, имевшее самое благодетельное влияние на развитие ума, вкуса и нравственности высшего и среднего общества; подобное же заведение для девиц мещанского сословия; горный кадетский корпус, артиллерийский и инженерный корпус. В Москве он учредил воспитательный дом для приносимых детей и коммерческое училище, впоследствии переведенное в С.-Петербург. По тем же началам преобразованы им кадетские корпуса, морской и сухопутный, и академия художеств, которую он отделил от Московского университета, и учреждением при ней воспитательного училища предоставил возможность готовить искусных зодчих, живописцев и ваятелей из природных русских.

Устройство училищ в губернских городах, по плану Бецкого, требовало значительных издержек и по недостатку сумм оказалось невозможным. Императрица увидела необходимость вместо воспитательных заведений учредить учебные и притом на счет не государственного казначейства, а приказов общественного призрения. Основание их возложено было на особенную комиссию, в которой главным действующим лицом был граф Завадовский. По плану, начертанному комиссией Екатерина предполагала открыть в городах уездных *малые народные училища*, из 2 классов, для первоначального образования детей всех сословий без различия, в губернских *главные народные училища*, из 4 классов, для обучения юношества свободного состояния наукам математическим, естественным, словесным, отчасти изящным художествам; в руководство наставникам комиссия изготовила очень хорошие учебные книги по всем необходимым отраслям знания, при содействии опытных педагогов, вызванных из Австрии; для облегчения и увеличения способов к дальнейшему образованию юношества назначено было основать университеты в Екатеринославле, Пскове, Чернигове и Пензе. Надзор за общим ходом просвещения поручен *Главному правлению училищ*. Хотя издержки по этому плану значительно сокращались, при всем том источники приказов общественного призрения были слишком скудны, и главные народные училища открыты только в немногих городах; а из университетов ни один не основан. Посему Екатерина содействовала образованию своих подданных наиболее теми заведениями, которые учреждены умом и усердием незабвенного Бецкого. Кроме того, все дела ее царствования так благоприятствовали развитию благородных способностей русского народа, что нельзя было не ожидать плодов вожденных.

До Петра Великого ученая и литературная деятельность наша ограничивалась тесным кругом духовенства. В кельях монастырских люди благочестивые и любознательные наблюдали течение небесных светил, угадывали силу целебных трав, извлекали из греческих хроник сведения о веках давно минувших, записывали современные события отечественные, философствовали об истинах религиозных. Плодом их усилий было множество хронографов, ле-

тописей, жизнеописаний святых угодников и частью полемических, частью догматических сочинений о предметах богословских. Все эти труды тогдашней учености носят на себе один отпечаток: цель их религиозная; взгляд более наблюдательный, чем испытывающий; язык библейский, резкой чертой отделенный от народного. Современники читали их как душеспасительные книги, для потомства они имеют ту же цену и сверх того очень любопытны по множеству сведений, из которых мы узнаем старину родную. Миряне редко брались за перо, тем реже уклонялись от общего взгляда, и едва ли не один Курбский, историк Иоанна Грозного, составляет блестящее исключение.

Петр Великий хотел, чтобы все отрасли знания, процветавшие в Европе, были доступны его подданным; заставлял их изучать природу и человека; указывал им на высокое значение математики, естествознания, истории; переводил на русский язык труды немецких и голландских ученых; собирал замечательные предметы искусства и природы; заботился об издании русских летописей; образовал гражданскую печать; освободил язык от оков старинной книжной схоластики; положил основание академии наук, которая должна была руководствовать образованием русского народа и знакомить его с новыми открытиями в области знаний. Петр не имел удовольствия видеть плодов своих усилий. Церковная литература процветала по-прежнему. Святой Димитрий, митрополит Ростовский⁵¹, с блестящим успехом подвигаясь на трудном поприще против раскольников, обнаруживал деяния святых мужей, чтимых православной церковью; Стефан Яворский и действиями и сочинениями был оплотом православия; Феофан Прокопович и Гавриил Бужинский с искусством изображали великие подвиги Петра, вразумляя современников в его бесмертные заслуги. Но литература изящная была еще в колыбели; науки едва водворялись. При всем том направление было дано, цель указана. Русский ум не мог дольше коснеть в оковах невежества.

Уже при первых преемниках Петра Великого, когда возникло новое поколение, с новыми желаниями и потребностями, явились писатели, если без блестящих талантов, то по крайней мере с любовью к науке и с замечательными для того времени сведениями. *Третьяковский*⁵², при всей бездарности своей, с примерным усердием занимался

всеми отраслями словесности и угадывал свойственные русскому языку законы стихотворства; с такой же ревностью трудился *Татищев*⁵³ над отечественной историей и географией, имея в виду уже критический свод летописей; *Кириллов*⁵⁴ первым стал собирать статистические материалы и доказывать пользу ученых путешествий по России; Крашенинников исполнил его мысль, совершил путешествие на Камчатку. Кантемир даже вышел из толпы удачным подражанием Горацию, живым и остроумным изображением пороков людей и смешных недостатков современного общества. С.-Петербургская академия наук, невзирая на многие неблагоприятные обстоятельства, в которые нередко поставило ее тягостное влияние людей неученых, трудилась с пользой для знания и для России: братья Бернулли, Делиль, в особенности знаменитый Эйлер оказали незабвенные услуги математике; Байер, одним из первых филологов своего века, был в то же время первым критическим исследователем русской истории; неутомимый и равно ученый Миллер познакомил Россию и Европу с богатством исторических материалов наших, многие из них обработал, еще более приготовил для будущих бытописателей; Фишер, Гмелин и Крашенинников расширили область географии и естествознания своими сочинениями о Сибири и Камчатке. Благочестивые проповедники не умолкали: Феофилакт Лопатинский, архиепископ Тверской, ревностно говорил и писал в защиту православной церкви, презирая гнев Бирона и с христианским смирением перенося страдания от злобного временщика. Столь же смело гремел при дворе Елизаветы *Дмитрий Сеченов*, митрополит Ростовский⁵⁵, против роскоши своего века, между тем как Гедеон Кривовский, епископ Псковский, поучал царедворцев добродетели усладительным красноречием. Величественное слово наше, освобожденное Петром от вериг старинной книжной схоластики, но в то же время обремененное излишним наплывом наречий, недолго могло терпеть новые, не свойственные ему оковы: в конце царствования Анны, на чужбине, в Марбурге, раздались громкие, чистые звуки русского языка и занялась заря народной словесности. Там пел про подвиги Миниха, про славу Анны, бедный рыбак холмогорский, *Михайло Ломоносов*⁵⁶. Он не отличался даром изобретения, был более подражателем, чем творцом, писал оды, трагедии, поэмы, похвальные речи не

только по влечению истинного художника, сколько по требованию обстоятельств, в особенности по желанию мещанина своего Ив. Ив. Шувалова, и даже охотнее занимался мозаикой, чем литературой. Но он глубоко изучил русское слово, постиг его тайны, объяснил его идею и дал отечественной словесности сильное движение. Оно обнаружилось в царствование Екатерины II.

Не уступая и Фридриху Великому в образовании многостороннем, в любви к наукам, Екатерина далеко превосходила его уважением народной словесности: в то время, когда Фридрих, природный государь Германии, не терпел немецкого языка и презирал его литературу, она, урожденная принцесса немецкая, до зрелых лет не слышавшая ни одного русского звука, в России, в новом отечестве своем, полюбила русское слово как свое родное, и в незабвенных собраниях Эрмитажа, в беседах с избранными друзьями, говорила не иначе, как по-русски. Мало того, на русском языке она писала свои остроумные дармы для эрмитажного театра, читала летописи, грозные сказания Курбского, древние хартии, распутывала по ним еще неразвитую нить отечественных событий, исправляла ошибки недогадливых бытописателей и сама составляла исторические руководства для своих внуков; сверх того нередко участвовала в повременных изданиях, отвечала на литературные вопросы *Фонвизина*⁵⁷ и усердно занималась сравнительным словарем всех известных на земном шаре наречий. Довольно было бы одного царственного примера Екатерины, чтобы пробудить в народе изящный вкус, любовь к словесности и вызвать таланты на поприще литературной деятельности. Она сделала более: преобразовала академию наук, даровав ей все возможные средства к расширению области знания; учредила Российскую академию, вменив ей главную обязанность очищать язык, награждать таланты; составила комиссию для перевода лучших сочинений древних и новых; открыла бытописателям архивы; повелела издавать летописи, считавшиеся государственной тайной; дозволила частным лицам заводить типографии и каждый удачный опыт на поприще наук или словесности приветствовала с тем лестным вниманием, которым так дорожили ее благодарные подданные. Вследствие сих мер все приняло в России иной вид.

Академия наук получила новую жизнь. В недрах ее опять воцарился великий геометр, светило своего века, Леонард Эйлер, удалившийся из России при воцарении Елизаветы и вызванный из Берлина Екатериной. Он возвратился в академию, где провел лучшие годы своей жизни, уже в старости преклонной и скоро лишился зрения; но тем светлее прозрел очами умственными, и при помощи изобретенного им анализа подвинул все отрасли математики на несколько столетий вперед. Между тем товарищи его Паллас, Гмелин (младший), Гильденштетт, Лепехин, Озерецковский, Зуев, Рычков, Фальк, Георги по воле и по указанию императрицы путешествовали по отдаленным странам юго-восточной России, описывали произведения природы, нравы, обычаи, памятники древности, впервые взглянули на отечество наше взором ученым и собрали неоцененный запас сведений по части зоологии, ботаники, минералогии, географии, технологии, сельского хозяйства и статистики. Не менее 12 астрономов в то же время отправились из С.-Петербурга в Колу, Астрахань, Якутск и другие места наблюдать прохождение Венеры перед Солнцем для точнейшего определения нашей солнечной системы. Стриттер собрал и привел в порядок рассеянные по разным редким книгам драгоценные известия византийских писателей о нашем отечестве. С неменьшим успехом трудилась основанная Екатериной Российская академия. Ее словарь и грамматика не потеряли своей цены до сих пор, тем более принесли пользы в свое время, определив значение слов и формы языка. Московский университет, также осыпанный щедротами Екатерины, в царствование ее оказал незабвенную услугу всему государству, приготовив под руководством опытных профессоров Барсова, Десницкого, Чеботарева и других отличных наставников несколько сот молодых людей к занятию мест в государственной службе, распространяя просвещение в самые отдаленные края России. Учрежденное при нем Вольное Российское собрание немало содействовало успехам словесности и истории. В недрах университета письменный язык заметно очищался от вериг старинной схоластики, от чуждых слов и оборотов, более и более усваивал самобытный характер и роднился с языком народным.

В царствование Екатерины наиболее процветала литература изящная: век ее был веком славы, родной сестры поэзии. От того явилось множество поэтов, и редкие из них, в глазах современников, не стояли наряду с мировыми гениями. Были у нас свои Гомеры, свои Пиндары, Анакреоны, Горации, Софоклы, большей частью посредственные стихотворцы; были, однако, писатели и с замечательным дарованием: Богданович, Хемницер, Фонвизин, Дмитриев; был, наконец, поэт истинно великий, достойный представитель своего блестящего времени — Державин⁵⁸. В последние годы царствования Екатерины выступил на поприще литературы и *Карамзин*⁵⁹, образователь нашего слова.

ГЛАВА IV

ПАВЕЛ I

Кончина императрицы Екатерины II поразила Россию глубокою горестью: все сословия чтили в ней государыню мудрую, великодушную, щедро и непрестанно благотворившую подданным, неутомимо деятельную для славы и величия народного, и если в последние годы ее жизни империя чувствовала некоторое отягощение от непрерывных войн, от расстройств финансов, то теперь все было забыто: благодарный народ помнил одни ее победы, милости, законы и с живейшей признательностью благословлял память матери-царицы. Не менее сильное впечатление произвела смерть Екатерины и в Европе. Никто из современных ей государей не украшал трона таким величественным блеском; никто из них не мог заменить ее в борьбе с революцией, грозившей низринуть престолы и предать Европу всем ужасам безначалия. Екатерина одним сиянием своего царственного величия охраняла права венценосцев; все истинные друзья мира и порядка, утраченные успехами революции, раздорами и слабостью противников ее, смотрели на великую царицу севера как на твердый оплот европейской монархии, возлагали все упование свое на ее истинно царский ум, ее искусство, ее огромные силы, и нетерпеливо ожидали прибытия войск ее на берега Рейна для восстановления порядка, ниспровергнутого Францией.

С кончиной Екатерины рушились все надежды, с ее жизнью угасло для Европы лучезарное светило.

Преемником Екатерины был единственный сын ее и Петра III *Павел I*¹. Воспитанный под руководством графа Н. И. Панина опытными наставниками, в числе коих первое место занимает митрополит Платон, Павел обогатил природный ум свой, быстрый и живой, сведениями разнообразными; был врагом неги и роскоши, неутомимым в трудах, строгий блюститель порядка, взыскательный за малейшее упущение и необыкновенно щедрый в награде за слуг. Бескорыстное великодушие в общих делах Европы было отличительной чертой его внешней политики. До восшествия на престол он жил большей частью в Гатчине, в кругу семейства и немногих любимых им особ, не вмешиваясь в правление, между тем внимательно следил за ходом дел, видел многое, что оставалось незаметным Екатерине, среди блеска двора пышного и роскошного, и вступил на престол с твердым убеждением в необходимости перемен по всем частям управления. Его окружили иные лица, политика внешняя изменилась, внутренняя также.

Из знаменитых сподвижников Екатерины II, действовавших в последние годы ее царствования, только двое остались при дворе Павла — граф Безбородко и князь Репнин. Оба они были осыпаны милостями: Безбородко возведен в княжеское достоинство и получил звание канцлера, Репнин пожалован в генерал-фельдмаршалы. Славнейший из сподвижников Екатерины, граф Румянцев-Задунайский, также обратил на себя внимание нового императора, но уже не мог служить ему: он сошел с блестящего поприща своего в могилу, вслед за Екатериной. Государь почтил память великого вождя трехдневным военным трауром и сооружением в честь емуobelиска с надписью: Румянцева победам. В числе новых лиц, едва заметных при дворе Екатерины и окруживших престол ее преемника, наиболее достопамятны по влиянию на дела: граф *Иван Павлович Кутайсов*, обер-шталмейстер, любимец государя граф *Федор Васильевич Ростопчин*, член иностранной коллегии; князь *Александр Борисович Куракин*, вице-канцлер; брат его князь *Алексей Борисович*, генерал-прокурор, и барон, впоследствии граф *Алексей Андреевич Аракчеев*, генерал-инспектор артиллерии². Все они приобрели особое доверие государя в то время, когда он был

наследником престола, щедро были награждены за преданность к его особе и быстро возвысились до степеней первоклассных.

При воцарении императора Павла Россия вела войну с Персией за Грузию и деятельно готовилась к борьбе с Францией. Государь решился даровать подданным мир, в котором они давно уже чувствовали потребность, прекратил войну с Персией, отозвал войска свои из-за Кавказа и в то же время объявил дворам Лондонскому и Венскому, что он готов соблюдать заключенные с ними дружественные трактаты, но, что посвящая все заботы спокойствию и благоденствию подданных, находит неудобным, при тогдашнем состоянии России, приступить к предположенному тройному союзу. Поход за границу против Франции был отменен. Все внимание императора устремилось на дела внутренние: он занялся войском, финансами, областным управлением и в короткое время произвел многие перемены.

Под знаменами Румянцева, Суворова и других полководцев времен Екатерины II русское войско постоянно торжествовало над врагами отечества, но по влиянию разных посторонних обстоятельств не во всех отношениях соответствовало тем строгим началам воинского порядка, которые имел в виду Петр Великий: в производстве чинов, в исполнении обязанностей службы, в содержании и довольствии солдат вкрались некоторые отступления от уставов Петровых. Император Павел, немедленно по восшествии на престол, издал давно уже приготовленный им воинский устав, в подробности определивший как обязанности военных чинов, так и все условия военной службы; сам наблюдал за точным исполнением предписанных им правил, вникал в самые мелкие подробности; требовал службы неуклонной, ревностной; щедро награждал за усердие и исправность и строго наказывал за малейшее отступление от введенного им порядка, невзирая ни на какое лицо. Неусыпными трудами его русская армия доведена до той степени дисциплины, которою она со времен его стала изумлять Европу.

Государственные финансы в последние годы царствования Екатерины находились не в цветущем состоянии: обременительные войны с Турцией, Швецией, Польшей, Персией истощили казну; доходы не покрывали расходов;

внешний долг, незначительный до начала второй Турецкой войны, от новых займов увеличился до 46 миллионов рублей серебром; долг внутренний, составившийся от выпуска ассигнаций, достигал до 157 миллионов; заграничные переводы были невыгодны; денежный курс с каждым годом быстро понижался; ассигнационный рубль со времени второй Турецкой войны постепенно падал и в 1796 году стоил только 68 коп. на серебро; всеобщее потрясение европейской торговли Французской революцией расстроило и наши коммерческие обороты; банкротства увеличились; общественный кредит колебался. Для поправления государственных финансов и для восстановления кредита император Павел сократил многие расходы, назначил немалую сумму на выкуп ассигнаций, повелел чеканить звонкую монету высшей пробы, золотую 94 вместо 88, серебряную 83 вместо 72, пересрочил внешние долги с выгодными условиями на 12 лет с обязательством уплачивать капитал по мере способов государственного казначейства, издал строгий банкротский устав, возвысил подушный оклад, гильдейские повинности, цену гербовой бумаги и другие сборы.

В порядке внутреннего управления, установленного при Екатерине II учреждением губерний, произведены многие перемены: в провинциях Остзейских, в областях, возвращенных от Польши, в Малороссии, в земле войска Донского и Финляндии восстановлены старинные присутственные места с прежними формами судопроизводства; число губерний великороссийских уменьшено соединением двух и трех в одну³; верхняя и нижняя расправы уничтожены; дела торговые, мануфактурные и горные исключены из ведомства казенных палат и сосредоточены в тех коллегиях, которые прежде ими управляли. Многие статьи жалованной дворянству грамоты и городского положения также изменены. Одной из главных забот императора Павла было предохранить народ как от естественных, так и от нравственных бедствий. Для первой цели он повелел завести повсеместно в селах и деревнях хлебные запасные магазины на случай неурожая; издал карантинный устав с точным определением карантинных подробностей; учредил в губернских городах врачебные управы для надзора за врачами, аптекарями, вообще за всем, что могло содействовать здравью народному, и основал две

медико-хирургические академии — одну в Москве, другую в С.-Петербурге; для второй цели приняты строгие меры к устранению от русского народа зловредных понятий, рассеваемых из Франции, и установлена цензура для привозимых из-за границы книг.

Свидетельством заботы императора Павла о просвещении подданных служит основание университета в Дерпте, духовной академии в С.-Петербурге, училища ордена св. Екатерины, Мариинского института и Военно-сиротского дома (позднее Павловского кадетского корпуса) с отделениями при полках для воспитания и приготовления к службе детей офицерских и солдатских. Здесь многие тысячи сирот, дотле часто не имевшие ни крова, ни хлеба, под щитом благодетельного правительства нашли все средства быть полезными отечеству и престолу. Главным, самым деятельным помощником государю в деле народного образования была супруга его, императрица *Мария*⁴: приняв под свой попечительный надзор воспитательные заведения для женского пола, она скоро возвела их на такую степень совершенства, что Россия может гордиться ими перед всей Европой.

Но важнейшим из государственных деяний императора Павла для благоденствия подданных был акт, обнародованный им в день коронации 7 апреля 1797 года и составленный еще в 1788 году, с согласия и совета императрицы Марии, об утверждении коренным государственным законом порядка престолонаследия в прямой линии императорского дома по праву первородства⁵.

Между тем, как ни желал государь, в начале своего царствования, не вмешиваться в дела западной Европы, обстоятельства вынудили его наконец принять деятельное в них участие. Французское революционное правительство, начав с 1792 года борьбу со всей почти Европой, взяло верх над соединенными усилиями западных держав, овладело Австрийскими Нидерландами, Голландией, принудило королей прусского, испанского, сардинского к заключению невыгодного для них мира, завоевало северную Италию, утвердило свое влияние в южной, восторжествовало наконец и над императором немецким Францом II. Полководец республики, еще юный, но уже славный Бонапарт после многих побед над австрийскими войсками в северной Италии

двумя решительными битвами при Арколи и Риволи рассеял все силы их, вслед за тем покорил крепкую Мантую, на которую Франц II возлагал последнюю надежду и быстрым вторжением в Тироль привел в трепет Вену. Император немецкий положил оружие и должен был согласиться на тягостные условия мира: договором Кампо-Формийским он отказался от Бельгии и Ломбардии, и хотя взамен их приобрел половину Венецианской республики, но в то же время должен был согласиться на присоединение другой половины ее к Франции, и дал слово склонить имперский сейм к уступке французскому правительству левого Рейнского берега. Для сей последней цели созван был конгресс в Раштадте. Директория, не довольствуясь выгодными условиями Кампо-Формийского договора, объявила на конгрессе новые, вовсе неожиданные притязания, требовала присоединения всех Рейнских островов, срытия крепостей на правом берегу, отказалась от вознаграждения германским государям, которые теряли свои земли на левом берегу, между тем волновала Швейцарию, не выводила, вопреки договору, своих войск из северной Италии, теснила короля Сардинского, Геную, самовластвовала в Риме и Неаполе.

Павел I тем менее мог оставаться спокойным зрителем наглых поступков директории, что с одной стороны ручательство нашего двора в точном соблюдении условий Тешенского договора возлагало на него обязанность охранять права германских владетелей, с другой стороны, свойственное ему великодушие вызывало его подать руку помощи столь многим венценосцам, утесняемым необузданностью революционеров. Кроме того, он с живейшим негодованием смотрел на быстрое распространение в западной Европе революционных правил, клонившихся к ниспровержению всех начал нравственности и порядка. Особенное обстоятельство еще более раздражило его против Франции.

В начале XVII века последний потомок князей Острожских, учредив из обширных владений своих на Волыни майорат, завещал его дому князей Заславских с тем, чтобы, по пресечении сего дома, из майората заведено было в Польше приорство Мальтийского ордена святого Иоанна Иерусалимского. Род князей Заславских угас еще в 1673 году. Но вследствие разных притязаний польских вельмож

на Острожское имение приорство учреждено не было, и Мальтийский орден не пользовался предоставленными ему выгодами до 1773 года, когда союзные державы, участвовавшие в первом разделе Польши, определили привести в исполнение завещание князя Острожского. Вследствие сего в Польше установилось приорство с шестью командорствами. Главным местопребыванием его был город Острог, на содержание его назначено отпускать по 120000 флоринов из Острожского имения. Оно существовало в Польше до последнего раздела ее и уничтожилось по присоединении Волыни к Российской империи.

По восшествии императора Павла на престол прибыл в С.-Петербург полномочный посол ордена бабьи граф Литта ходатайствовать о восстановлении польского приорства. Государь, с юности питавший особенное уважение к доблестям мальтийских рыцарей, милостиво принял посольство и сделал более, чем ожидали рыцари: учредил вместо польского приорства российское с десятью командорствами, назначил для него резиденцией С.-Петербург и повелел отпускать на содержание его вместо 120 000 по 300 000 флоринов (75 000 руб. серебр.) из государственного казначейства. Великий магистр Роган, во изъявление признательности к великодушию Российского императора, прислал ему крест знаменитого Лавалета с просьбой принять титул Покровителя державного ордена св. Иоанна Иерусалимского. Государь согласился и уведомил европейские кабинеты, что он с особенной благодарностью примет каждую услугу, оказанную с их стороны ордену. Все дворы отдавали полную справедливость Российскому монарху и обещали содействовать его намерениям. Одна директория поступила иначе. Едва прекратив войну с Германией, директория вздумала овладеть Египтом, чтобы занять и войско и предприимчивого полководца республики. На пути к Египту Бонапарт пристал к Мальте и обманом, при содействии немногих изменников, овладел ею без выстрела. Директория одобрила его поступок и присоединила Мальту к Франции, назначив пенсию великому магистру барону Гомпешу. Приорство российское объявило Гомпеша предателем ордена; сан великого магистра был поднесен императору Павлу. Государь согласился принять его и деятельно начал готовить меры, чтобы положить предел наглому хищничеству республики.

Впрочем, неосновательно считают некоторые историки занятие Мальты главной причиной войны Павла с Францией. Оно могло только ускорить поход. Истинной виной разрыва было великодушное намерение государя спасти Германию от революционеров и восстановить ниспровергнутый ими порядок в западной Европе. Он решился поднять оружие вследствие убедительной просьбы двора Венского, потерявшего надежду на успешный ход Раштадтских переговоров, и еще прежде занятия Мальты отправил в Берлин фельдмаршала князя Репнина с поручением сблизить Пруссию с Австрией и склонить Берлинский кабинет к войне с Францией. Юный король прусский Фридрих-Вильгельм III, незадолго перед тем вступивший на престол, не сомневался в бескорыстном намерении Российского государя, но с недоверием смотрел на политику Венского двора, в особенности на действия первого министра императорского барона Тугута, не щадившего ни Италии, ни Германии для выгод Австрийского дома, и все усилия Репнина сблизить Берлинский двор с Венским остались тщетными: Фридрих-Вильгельм решился соблюдать строгий нейтралитет. Тем радостнее принял Репнина немецкий император и тем охотнее согласился он заключить тесный союз с Россией, что вследствие жарких споров на Раштадтском конгрессе война была неизбежна. Франц II только ждал прибытия русских войск для объявления разрыва.

Павел изъявил готовность послать на помощь Австрии два корпуса числом до 40 000 человек под начальством генералов Розенберга и Римского-Корсакова: первый должен был содействовать австрийцам и изгнанию французов из Италии; второй вытеснить их из Швейцарии; вслед за тем государь заключил союз с Англией, с обязательством отправить на помощь ей корпус генерала Германа для освобождения Голландии; в то же время сблизился с турецким султаном, который, будучи раздражен нападением французов на Египет, охотно согласился соединить флот свой с русским. Черноморская эскадра под начальством адмирала *Ушакова*⁶ с торжеством прошла мимо Константинополя и вместе с турецкими кораблями пустилась в Средиземное море для изгнания французов из островов Ионийских. Сверх того, вследствие особенного договора с королем обеих Сицилий, Павел обещал послать не-

сколько русских батальонов в южную Италию для защиты Неаполя.

Таким образом вторично составилась против Франции грозный союз из пяти держав, России, Австрии, Англии, Турции и Неаполя. Душою союза был Павел. Он не искал ни завоеваний, ни новых приобретений, жертвовал своими войсками единственно для усмирения Франции, хотел спасти от ее владычества Италию, Германию, Голландию и восстановить трон Бурбонов⁷; но главные союзники его имели свои особенные виды, мешали действиям Российского императора, и плодом второго общего вооружения Европы была только слава русского оружия, огласившая долины Италии, горы Альпийские и обессмертившая имя великого полководца.

Венский двор, испытав доселе в борьбе с Францией одни неудачи, не доверял искусству своих генералов и предложил звание главнокомандующего юному Фридриху принцу Оранскому, явившему способности искусного полководца. Но так как принц умер еще до начала войны, то император немецкий обратился к Российскому государю с убедительной просьбой прислать в Италию для предводительства союзными войсками грозу турок и поляков славного Суворова, избранного еще Екатериной II для усмирения Франции. Ходатайство Венского двора поддерживал и Лондонский кабинет. По кончине Екатерины, уволенный от службы, Суворов жил в селе Канчанске, небольшом имении своем Боровицкого уезда, скучал в бездействии, но не унывал, охотно занимался сельскими делами, ходил на пашню, ловил рыбу, работал в огороде, а более всего молился за царя и Россию. Государь собственноручным письмом уведомил его о желании немецкого императора. Суворов охотно принял предложение и отправился в Вену. Между тем война давно уже началась. Она вспыхнула в южной Италии.

Неаполитанский король Фердинанд IV, непрерывно оскорбляемый самовластными поступками директории, в нетерпеливом желании избавиться от ее тягостного влияния не дождался общих действий союзников, собрал до 70000 человек, вверил свое войско австрийскому генералу Маку, внезапно напал на врагов, занимавших папские владения, и вытеснил их из Рима. Успехи его были непродолжительны. Французский генерал Шампионет собрал

рассеянные отряды свои, разбил Мака наголову, овладел Римом, Неаполем, принудил Фердинанда удалиться в Сицилию и образовал из его владений Парфенопейскую республику под защитой Франции. Король сардинский Карл-Эммануил, в свою очередь теснимый генералом Жубером, удалился из Турина в Сардинию, оставив итальянские области свои в добычу врагам: французы овладели Пьемонтом, заняв в то же время великое герцогство Тосканское. Вслед за тем рушился Раштадтский конгресс; директория напала на империю немецкую с трех сторон: из Франции двинулся Журдан, из Швейцарии Массена, из северной Италии Шерер. Австрийские полководцы эрц-герцог Карл и генерал Край остановили быстрое стремление врагов, даже разбили несколько отдельных отрядов, но, ограничившись оборонительными действиями, не получили никаких выгод от первых успехов своих. Французы по-прежнему имели грозный вид; твердой ногой стояли в северной Италии, где все крепости были в их руках, господствовали в Турине, Флоренции, Риме, Неаполе; не уступали ни шагу в Швейцарии, и борьба становилась тем сомнительнее, что главное начальство над итальянской армией принял Моро, доселе не встречавший соперника в военном искусстве. В таком положении находились дела, когда прибыл в Италию Суворов*.

Вверенная ему армия состояла из русского 22-тысячного корпуса Розенберга и 40 000 немецких войск. Император Франц, ограничивая все свои желания прикрытием Тироля и возвращением потерянной Ломбардии, поручил русскому полководцу овладеть крепостью Мантуей и оттеснить французов за реку По, не перенося военных действий на правый берег ее, где, по мнению военного совета императорского, перевес легко мог склониться на сторону неприятеля. Суворов дал слово сделать более, очистить всю Италию от французов, с тем только, чтобы гофкригсрат (военный совет) не вмешивался в его распоряжения и начал действовать.

Предоставив Краю осаждать Мантую, сам он с главными силами быстро устремился на Моро, стоявшего за ре-

* Фуке. История Российско-Австрийской кампании 1799 года, 3 ч. СПб. 1825. — Милютин. История войны России с Францией, в царствование императора Павла I в 1799 году, 5 том. СПб. 1852.

кой Аддой, нанес ему решительный удар при Кассано, загнал его в Пьемонт и вытеснил французов из всех городов и крепостей ломбардских, кроме одной Мантуи, которая оставалась еще в их руках. Император Франц, по внушению военного совета своего, снова подтвердил Суворову не переходить реки По и заняться осадой Мантуи. Но Суворов, зная, что из южной Италии спешил на помощь разбитому Моро отважный Макдональд с 35-тысячным корпусом, видел необходимость предупредить соединение французских войск, перешел По, занял Александрию, Турин, оттеснил Моро в Апеннинские горы и потом быстро обратился на Макдональда, который вступил уже в области Тосканские.

Соперники встретились на берегах Тидоны. Силы их были равны числом и храбростью солдат. Суворов напал на врагов стремительно, сражался двое суток, отбросил Макдональда за Требию, и там, где некогда Аннибал сокрушил римлян, русский полководец нанес не менее жестокое поражение французам. Макдональд был разбит наголову, потерял половину армии, всю артиллерию и за остатками рассеянного войска бежал в ущелья Альп приморских. Суворов хотел истребить его вконец; но вскоре должен был возвратиться к Александрии, узнав, что Моро заходит ему в тыл и что австрийский генерал Край, коему велено было действовать против неприятеля, стоит неподвижно близ Мантуи вследствие особенного предписания Венского двора.

Неоднократное вмешательство гофкригсрата в военные действия до того наконец огорчило Суворова, что он просил государя об увольнении. Император Павел и со своей стороны был недоволен поступками австрийского министерства с королем сардинским, который тщетно домогался возвращения ему Пьемонта, уже большей частью очищенного от французов: Венский двор не позволял Карлу-Эммануилу даже приехать в Турин и назначил своего губернатора для управления Пьемонтом с очевидным намерением присоединить эту страну к числу своих областей. Не теряя, однако, надежды устроить дела сообразно с справедливостью, государь не изъявил согласия на отозвание своего фельдмаршала из Италии, где между тем присутствие его было необходимо более, чем когда-либо.

После поражения при Требии господство французов в Италии рушилось. Они с трудом держались только в Ни-

це и Тортоне; король неаполитанский возвратился в свои владения; Рим был освобожден; неприступная Мантуя пала; цитадели Туринская и Александрийская сдались победителю. Франция с изумлением и ропотом услышала о потере Италии; директория решилась употребить последние усилия для вторичного завоевания оной, собрала многочисленную армию, назначила главнокомандующим полководца искусного и храброго, хотя еще молодого, генерала Жубера и велела ему стремительным ударом вытеснить союзные войска из Пьемонта. Жубер с 40 000 храбрых солдат, одушевленных доверием к талантам любимого вождя, спустился с хребта приморских Альп и занял выгодную позицию на высотах близ Нови, откуда начинаются равнины, орошаемые Бормидою и Скривией. Невзирая на крепкую позицию его, Суворов повел войска свои в бой. Храбрейший из сподвижников его князь *Багратион*⁸ двинулся прямо на высоты, в центр неприятеля; в авангарде его находился великий князь *Константин Павлович*⁹, явивший редкое мужество в битве при Требии; австрийские генералы Край и Мелас, начальствуя флангами, храбро поддерживали нападения русского корпуса. Битва была жестокая, французы не уступали ни шагу. Никогда Суворов не встречал столь упорного сопротивления и уже сам повел в огонь своих гренадеров, но Багратион успел наконец взобраться на высоты, между тем как Мелас, по распоряжению фельдмаршала, зашел неприятелю в тыл. Французы дрогнули и отступили в горы, оставив на месте сражения до 7000 трупов, всю артиллерию, обоз и множество пленных, в том числе четырех генералов. Жубер был убит. Сподвижник его Моро с трудом мог собрать рассеянные отряды французской армии и скрылся в ущельях Альп приморских¹⁰.

За четыре месяца Суворов уничтожил три многочисленные армии, разбил лучших полководцев Франции и ниспроверг ее господство над Италией, утвержденное пятилетними победами. В награду за блестящие подвиги император Павел возвел его в княжеское достоинство с титулом Италийского и пожаловал ему свой портрет «в ознаменование признательности государя», как сказано в рескрипте, «к великим делам подданного, им же прославляется царствование наше». Вслед за тем объявил приказ: отдавать фельдмаршалу, даже в присутствии го-

сударя, все воинские почести, установленные для особы Его Величества.

Победы Суворова встревожили Францию. Имя его производило в Париже такое же впечатление, как некогда в Варшаве. В самом деле он только ждал изгнания Массены эрцгерцогом Карлом из Швейцарии, чтобы вторгнуться в южную Францию, овладеть Лионом и идти прямо на Париж. Союзные дворы Лондонский и Венский решили иначе; составлен новый план войны; решено было: Суворову вступить с русскими войсками в Швейцарию, соединиться там с корпусом Римского-Корсакова, вытеснить неприятеля и напасть на Франш-Конте; эрцгерцогу Карлу действовать по Рейну; Меласу охранять Италию; герцогу Йоркскому с английскими войсками и русским вспомогательным корпусом Германа очистить от французов Голландию.

Суворов вовсе не ожидал такого распоряжения. Эрцгерцог Карл продолжительным бездействием при Цюрихе допустил директорию ввести в Швейцарию до 70 000 человек, между тем как в обоих русских корпусах не могло быть под ружьем более 45 000. Привыкнув, однако, не считать числа врагов, Суворов согласился выступить на предназначенное ему поприще и только просил Венский двор не выводить эрцгерцога из Швейцарии до соединения русских войск, предвещая, что в противном случае Римский-Корсаков не в силах будет устоять против Массены и неминуемо погибнет. *Тугут*¹¹ дал слово исполнить его желание, но опасения Суворова сбылись. Прежде чем он мог выступить из Пьемонта, эрцгерцог, узнав о движении незначительного отряда французов к Филиппсбургу, потянулся со всей армией своей в Швабию и оставил Корсакова одного на берегах Лимата на виду у многочисленных врагов. Массена спешил до прихода Суворова воспользоваться превосходством своих сил, напал на Корсакова близ Цюриха, разбил его наголову и отбросил, с потерей 10 000 человек и всей артиллерии, к северу, за Рейн, к Шафгаузену, в то самое время, как герой итальянский с малочисленным войском пробивался с юга через Альпы, одолевая врагов и природу.

Задержанный окончательными распоряжениями к занятию Тортоны, Суворов выступил из Пьемонта с 18 000 человек, через 11 дней после выхода эрцгерцога Карла из

Швейцарии. Избранный им путь к соединению с Корсаковым пролегал от Белинцоны через Альпийский хребет Сен-Готард в прямом направлении к Швицу и оттуда к Цюриху. Войска должны были взбираться по узким тропинкам на высоты, терявшиеся в облаках, спускаться в бездны и опять подниматься на крутизны, где каждый неверный шаг стоил жизни. Артиллерия не могла следовать за армией; надлежало ограничиться одними горными орудиями. Недоступные по самой природе высоты Сен-Готарда были заняты дивизией французского генерала Лекурба, которая овладела всеми ущельями и едва проходимыми путями, имея все выгоды боя на своей стороне.

Суворов разделил свою армию на две колонны: первая, под личным предводительством его, должна была напасть на Лекурба с фронта; вторая, под начальством Розенберга, зайти ему в тыл. Войско бодро стало взбираться на крутизны Сен-Готарда. Впереди шел Багратион вместе с великим князем Константином Павловичем; русские очищали себе путь штыками, лезли на высоты неприступные, спускались в пропасти, выбивали французов из ущелий, из мрачных пещер и в непрерывной борьбе с природой и неприятелем перебрались за хребет. Там обе колонны соединились, совершили трудный переход через Русу, по Чертову мосту, и спустились в цветущую долину Мутен, с полной надеждой на близкий конец своим трудам. Но здесь ожидали их новые, важнейшие опасности.

В Мутентале Суворов получил роковую весть о поражении Корсакова, в то же время узнал, что все пути к дальнейшему движению заняты неприятелем, в несколько крат сильнейшим, что сам Массена стоит уже близ Швица, готовый ударить на русских всей массой своих сил. Истребление армии Суворова казалось неизбежным: запертая в Мутентале, отрезанная от корпуса Корсакова, она далеко уступала неприятелю в числе войск; к довершению опасности чувствовала уже недостаток в продовольствии и военных снарядах. Одно средство могло, по-видимому, избавить ее от верного плена или гибели неминуемой — отступление в Пьемонт. Суворов не допускал даже мысли о ретираде и спас себя, свою славу, свое храброе войско новыми победами.

Оставив прежнее прямое движение к Цюриху, как уже бесполезное, он повернул из долины Мутен вправо на Гла-

рис к Граубиндену, чтобы выйти из Швейцарии и, соединившись с корпусом Корсакова, составить новый план военных действий. Массена сосредоточил все свои силы в окрестностях Мутенталья и напал на русских со всех сторон: сам он ударил в тыл, Молитор с фронта, Лекурб с флангов. Суворов шел как лев, недоступный страху; остановился, чтобы отразить Массену, и опрокинул его к Швицу; потом ударил на Лекурба и взял его в плен; наконец, сокрушив и Молитора, с торжеством победителя вступил в Гларис. За Гларисом, на пути в Граубинден, французы еще раз пытались напасть на русскую армию; но, отбитые с уроном, перестали тревожить ее; теперь оставалось ей только одолеть естественные преграды: надобно было в ненастную осень перейти три высокие хребта, покрытые снегом, где не было и следов человеческих. Русские встретили те же бездны, скалы и горные потоки, как на Сен-Готарде, преодолели все препятствия и достигли Граубиндена, где, утомленные шестнадцатидневным походом, беспримерным в истории, они восстановили свои силы. Признательный государь наградил Суворова за подвиги в Швейцарии саном генералиссимуса. Из Граубиндена Суворов предлагал эрцгерцогу Карлу снова вступить в Швейцарию выше и ниже Констанского озера и совокупными силами напасть на французов, но так как австрийский полководец не согласился с ним в плане военных действий, он вывел свои войска в Баварию и расположил их на зимних квартирах между Иллером и Лехом.

Император Павел, уже недовольный Венским двором по делам пьемонтским, еще более вознегодовал на него за несвоевременное удаление эрцгерцога Карла из Швейцарии, имевшее следствием поражение Корсакова, объявил Францу II, что он прекращает с ним общее дело, и велел Суворову возвратиться в Россию, где престарелый герой, обремененный летами, телесными и душевными недугами, вскоре кончил жизнь свою. Последние минуты его отравлены были вестью о новом торжестве французов в Италии. По удалении русских войск прибыл в Италию Бонапарт, возвратившийся из Египта, одним ударом при Маренго уничтожил все силы Австрии, снова привел в трепет Вену и в Люневиле предписал немецкому императору условия еще тягостнее кампоформийских: все требования Франции, предъявленные на Раштадтском конгрессе, были удо-

влетворены. Прекращая дружбу с Австрией, Пáвел не терял надежды смирить Французскую республику и восстановить ниспровергнутый ею порядок в западной Европе, при содействии другой союзной державы, Англии. Вскоре, однако, убедился он, что великобританское правительство заботится единственно о собственных выгодах, не думая о правах других государств, соблюдение которых составляло главную цель внешней политики российского государя.

По договору, заключенному с Англией в конце 1798 года, снаряжена была экспедиция из английских и русских войск, для изгнания французов из Голландии и для восстановления там власти штатгалтера в Оранском доме. Главным предводителем экспедиции был герцог Йоркский; под начальством его находилось до 40 000 человек, в том числе 17-тысячный русский корпус Германа. Французский генерал Брюн, занимавший Голландию, имел не более 25000. Все предвещало несомненный успех экспедиции. Союзные войска, почти вдвое сильнее неприятельской армии, имели надежду на содействие тайных многочисленных приверженцев дома Оранского; герцог Йоркский известен был личным мужеством; помощник его, генерал Аберкромби отличался воинским искусством; Герман уже прежде доказал свою храбрость в войне с турками; корпус его состоял из лучших полков русских.

Едва узнали в Голландии о приближении союзных войск к берегам ее, батавский флот, состоявший из 14 военных кораблей, поднял оранский флаг, соединился с английским флотом и был уведен со всем экипажем в Портсмут. Вслед за тем союзные войска сделали высадку, почти без сопротивления, в Норт-Голланде и напали на Брюна при Бергене. Герцог Йоркский разделил свою армию на три колонны, с тем чтобы, охватив неприятеля с обоих флангов, зайти ему в тыл. Русский корпус, составлявший правую колонну, должен был сломить французов в самом крепком пункте их позиции, при Бергене; он исполнил свое дело как нельзя лучше: ударил на врагов с обычным мужеством, выбил их штыками из трех укреплений, овладел Бергеном, отнял 14 орудий и целых 15 верст гнал Брюна без отдыха. В это самое время герцог Йоркский, долженствовавший поддерживать нападение Германа, увяз с войском своим в болотах зюдерзейских, где оказался без всякой причины. Брюн вскоре заметил, что его преследует

только один корпус, подкрепил себя свежими войсками, привел расстроенную свою армию в порядок и всеми силами напал на Германа. Русские сражались до последнего изнеможения, не теряя надежды на помощь англичан. Но так как герцог не продвинулся ни шагу вперед, Герман решился отступить для соединения с ним. Столь неожиданный оборот дела расстроил корпус; он разделился на два отряда: один, окруженный со всех сторон французами, взят был в плен с самим Германом; другой пробился штыками и достиг позиции англичан, но потерял как свои, так и неприятельские пушки, отнятые при Бергене. Вскоре сам главнокомандующий, опрокинутый при Алкмаре, отступил в самую северную часть Норт-Голланда, и там в тесном пространстве между морем и Зюдерзее, в болотах, был заперт французами. Войско его, ослабленное болезнями, упало духом. Чтобы спасти себя от верного плена, он заключил с Брюном постыдную капитуляцию, посадил войско на суда и возвратился в Англию, где народ встретил его с негодованием. Остатки русского корпуса были перевезены на остров Джерзей.

Великобританское правительство, захватив в свои руки весь Батавский флот, оставило французов спокойными обладателями Голландии и не изъявляло более ревности к восстановлению дома Оранского. Такая политика не могла не раздражать императора Павла, который жертвовал своими войсками вовсе не с тою целью, чтобы увеличивать морские силы Англии. Впрочем, он скрыл свое негодование, остался верен договору и ревностно заботился о заключении общего северного союза против Франции, доколе новые события не обнаружили вполне своекорыстных видов английского министерства.

Среди всеобщего расстройства европейских дел Французскою революцией Англия ниспровергла основные начала вооруженного нейтралитета. Под благовидным предлогом пресечь все торговые отношения с незаконным правительством Франции, английское министерство в 1793 году предписало своим адмиралам останавливать на всех морях купеческие корабли для исследования, не назначен ли груз их в какой-либо французский порт, повелев в таком случае брать их и отводить в английские порты. Императрица Екатерина признала со своей стороны необходимость этой временной меры, но с тем условием, чтобы

военный конвой дружественной державы освобождал нейтральный корабль от всякого осмотра.

В 1800 году шесть датских купеческих судов, под конвоем одного фрегата, были остановлены в Ламанше английскою эскадрою; капитан фрегата не хотел допустить осмотра; завязался бой; суда были взяты и отведены в Англию. Датское правительство громко жаловалось за оскорбление чести своего флага; английское, напротив того, со своей стороны считало себя оскорбленным и отправило к Копенгагену сильную эскадру требовать удовлетворения. Столь явная несправедливость побудила Данию искать защиты у России как главной покровительницы вооруженного нейтралитета. Император Павел с живейшим негодованием услышал о нарушении права народного и велел немедленно наложить эмбарго на английские суда, находившиеся в российских портах, доколе Дания не получит удовлетворения. Лондонский кабинет уступил, но вслед за тем нанес оскорбление самому императору.

Конвенцией 1798 года дворы С.-Петербургский и Лондонский положили по изгнании французов из Мальты возвратить ее ордену св. Иоанна Иерусалимского. В 1800 году Мальта сдалась англичанам; Павел, как гроссмейстер ордена, назначил ей своего губернатора и требовал исполнения договора. Лондонский кабинет, ссылаясь на то, что в трактате неясно было сказано о возвращении Мальты ордену, не выводил своих войск и не скрывал намерения удержать остров в своих руках, как собственное завоевание. Раздраженный столь вероломною политикою, Павел объявил Англии разрыв, велел вторично наложить эмбарго на суда ее подданных, заключил оборонительный союз с Данией, Швецией, Пруссией и решился примириться с Францией как главной соперницей Англии. Первый консул Французской республики Бонапарт спешил воспользоваться благоприятным расположением российского императора и отправил к нему послом любимца своего Дюрока с планом экспедиции в восточную Индию. Всеобщая война на севере вспыхнула в начале 1801 года: прусские войска вступили в Ганновер; датские заняли Любек и Гамбург, чтобы уничтожить там английскую торговлю; Швеция вооружилась; Россия деятельно готовилась к борьбе на суше и на море. Англия, со своей стороны, отправила сильный флот под начальством Нельсона к Копенгагену с тем,

чтобы прежде всего заставить датского короля отступить от союза и потом устремиться к берегам России. Все предвещало войну жестокую и кровопролитную. Кончина императора Павла прекратила ее в самом начале¹².

Поставив главной целью своей внешней политики охрану прав европейских государств от властолюбия Франции и Англии, Павел вовсе не искал завоеваний и не заботился о расширении пределов собственной империи. При всем том в царствование его Россия приобрела область обширную, богатую произведениями природы, знаменитую историческими событиями, еще более выгодную для нашего отечества по своему положению в политическом смысле. То была Грузия.

Признав над собою покровительство России еще в 1783 году при царе Ираклии II, Грузия под сильною защитою Екатерины, сохраняя собственное управление, наслаждалась редкою в ее истории тишиною до самой смерти Ираклия. По восшествии на престол сына его Георгия Ираклиевича, Ага-Могамед, похититель персидского трона, вторгся в ее пределы, предавая все огню и мечу. Горские племена пристали к нему и довершили опустошение. Екатерина спасла единоверный народ от разрушителя. Граф Зубов прогнал его за Аракс, восстановил трон Георгия, наполнил все Закавказье славою своего имени, грозою русского оружия. Грузины с восторгом приветствовали юного вождя-героя как своего избавителя; окрестные народы с трепетом произносили его имя.

Внезапное удаление Зубова со всем войском, по воле Павла, ободрило горские племена, хан Аварский Омар снова потряс трон Георгия и напомнил Грузии опустошения Ага-Могамеда. Георгий обратился к великодушному российского императора с убедительною просьбою о защите. Государь послал войско под начальством генерала Лазарева, оно сокрушило Омара. Спокойствие водворилось за Кавказом. Но Грузии угрожали новые бедствия: Георгий Ираклиевич был при смерти; братья и дети его, питая друг к другу непримиримую ненависть, спорили о престоле и готовились истерзать несчастный народ междоусобиями. Младший брат Георгия царевич Александр передался к персиянам, чтобы тем вернее овладеть при помощи их грузинским престолом и погубить других соперников.

Георгий на смертном одре дал своим вельможам спасительный совет присоединиться к России: они с радостью исполнили желание великодушного царя и немедленно по кончине его отправили в С.-Петербург полномочных послов от имени всего народа с предложением Грузинского царства российскому императору. Дети Георгия не решились прекословить общему желанию. Один Александр Ираклиевич, удалившийся в Персию, оставался непреклонным в намерении овладеть престолом. Павел принял предложение, и манифестом 18 января 1801 года возвестил о присоединении Грузии к Российской империи. Вслед за тем она была включена в состав России под именем Грузинской губернии и вверена управлению генерал-губернатора Кноринга на основании общих законов.

ГЛАВА V

АЛЕКСАНДР I

В день восшествия на престол, 12 марта 1801 года, *Александр*¹ объявил манифестом, что он «будет править Богом врученный ему народ по законам и по сердцу премудрой бабки своей, Екатерины Великой, да вознесет Россию на верх славы и да утвердит ненарушимое блаженство всех верных подданных». Изрекая эти утешительные для народа слова, он указал себе две цели: с одной стороны, извне хотел водворить в Европе царство мира и порядка, считая славу миротворца выше славы завоевателя; с другой стороны, внутри желал оградить непоколебимость закона, обеспечить права лиц и сословий, дать новую жизнь промышленности и образованию.

В стремлении к первой цели Александр встретил опасного противника, который не только хотел поработить Европу, но и сокрушить Россию. Этот противник был *Наполеон*². Непобедимый в битвах, неистощимый в заговорах политики, долго тревожил он наше отечество и свою грозную неприязню, и свою коварную дружбу: на полях брани наносил нам тяжкие удары, заключая мир, вовлекал нас в распри с другими державами. Оттого в первые одиннадцать лет царствования Александра тяжкое бремя лежало на России: спасая себя и Европу, она вела непрерывную цепь кровавых войн, видела несметную гибель своих сы-

нов, страдала от расстройства финансов, от замешательства торговли внутренней и внешней. Но среди всех бедствий верила царскому слову *вознести ее на верх славы* и не обманулась: никогда ни одно государство не имело столь завидной участи, не выносило столь трудной борьбы, не совершало столь великого подвига, как наше отечество в 12-й год царствования Александра. Укрепленная великодушностью своего государя, Россия отразила напор всех сил Европы, сокрушила завоевателя непобедимого, затмевавшего гением и могуществом всех прежних властителей вселенной, спасла образованный мир от его ненасытного властолюбия и вознеслась на такую степень величия, какой не достигал еще ни один народ.

Александр исполнил и другой обет своей — утвердить ненарушимое блаженство подданных охраной прав, законов, покровительством промышленности и образования. В этом великом деле ему предстоял подвиг многотрудный: среди непрестанных забот политических, под громом браней непрерывных ему надлежало вникнуть во все части управления до самых мелких подробностей, многое изменить, многое исправить, многое вновь создать, чтобы согласить и уставы, и действия с желаниями своей души, полной любви к человечеству, правосудию и образованию. Он трудился неутомимо, и двадцатипятилетнее царствование его представляет непрерывную цепь мудрых учреждений, содействовавших внутреннему благоустройству, успехам промышленности, в особенности просвещению народному.

История деяний Александра, согласно вышеизложенному ходу событий, может быть разделена на три периода: в первые одиннадцать лет (1801—1811) он ревностно заботился о внутреннем благоустройстве, в то же время политикою и оружием старался положить пределы безграничному властолюбию Наполеона, без желаемого, однако же, успеха. В следующие за тем четыре года (1812—1815) он достиг этой цели, избавил Европу от самовластия французского императора и возвратил права царям и народам. В остальные десять лет (1816—1825) все внимание его было устремлено на утверждение установленного им порядка извне и внутри империи. Впрочем, поскольку царствование его, подобно царствованию Петра Великого и

Екатерины II, представляет две равно блестящие стороны, внешнюю и внутреннюю, то мы, для большей ясности, рассмотрим ту и другую отдельно.

I. ДЕЛА ВНЕШНИЕ (1801—1805)

На исходе XVIII века политические дела Европы до того запутались, вражда кабинетов так была многосложна, что народы, утомленные непрерывными войнами, не видели конца своим страданиям и грустно встретили девятнадцатое столетие. Сверх всякого чаяния на востоке возшла звезда мира: в России воцарился любимый внук Екатерины, император Александр, с искренним желанием даровать тишину Европе, так давно терзаемой кровавыми бранями, и немедленно по восшествии на престол изъявил намерение прекратить распри России с Англией, Францией, Испанией, Австрией, соглашаясь уступить во многих спорных пунктах, в надежде, что и другие венценосцы последуют его примеру. Мир с Англией заключен в С.-Петербурге: Александр отказался от Мальты, не приняв сана великого магистра ордена св. Иоанна Иерусалимского, предоставив его тому, кого изберут рыцари, и решил главный спорный вопрос о нейтральной торговле тем, что нейтральный флаг не покрывает неприятельского груза, и что воюющие державы могут останавливать, для осмотра, нейтральные суда даже под конвоем, вознаграждая, однако, за убытки, в случае неосновательного подозрения. Эти два правила признаны также Швецией, Данией, Пруссией. На севере водворилась тишина. Вслед за тем российский посол граф Морков заключил в Париже мирные договоры с Испанией и Францией о восстановлении на прежнем основании дружественных и торговых отношений. Франция обязалась вывести свои войска из Египта, примириться с Портою, вознаградить сардинского короля за Пьемонт, в согласии с Россией устроить дела Германии и Италии и принять меры к охране свободы нейтральной торговли. Дружба с Австрией возобновлена без всякого затруднения.

Для общего спокойствия оставалось примирить главных соперников — Англию с Францией. Александр уклонился от всякого участия в их распре, но кроткая политика

его произвела благотворное влияние в той и другой стране. Англичане громко требовали мира, французы также; противился ему один прозорливый Питт, глава великобританского министерства, неутомимый враг Франции; он должен был удалиться от дел; преемник его поспешил заключить мир в Амьене. Франция отказалась от всяких видов на Египет, Неаполь и Рим; Англия от занятых ею колоний французских, испанских, голландских, исключая Цейлон и Тринидат, с обещанием в течение трех месяцев возвратить остров Мальту ордену св. Иоанна Иерусалимского. Всеобщий мир водворился на суше и на морях. Но Европа недолго наслаждалась спокойствием.

Амьенский мир, так обрадовавший континентальные державы, в Англии вызвал живейшее неудовольствие. До сих пор главною целью всех усилий ее было возвратить Францию в те пределы, которые имела она до революции, и восстановить независимость держав, подпавших ее влиянию. Не видя в договоре никаких распоряжений на счет Голландии, Бельгии, Швейцарии, северной Италии, англичане с изумлением спрашивали свое министерство: разве для того они пожертвовали во время войны на одни субсидии континентальным державам более 12 миллионов фунтов стерлингов, чтобы решить вопрос о Цейлоне и Тринидате? Уступая общему негодованию народа, министерство определило не выводить великобританских войск из Мальты и таким образом нарушило Амьенский договор в самом начале. Следствием было возобновление вражды, которая обнаружилась сперва бранью журналистов, потом упреками кабинетов. Тщетно Александр старался своим посредничеством предупредить разрыв: война между Англией и Францией вспыхнула через год после заключения Амьенского договора. Если сначала Англия возбудила против себя континентальные державы, как первая виновница войны, то поступки Бонапарта вскоре оправдали политику Лондонского кабинета.

Доселе Бонапарт заслуживал только удивления и признательности современников. Изумив и врагов, и друзей блеском побед, он твердою рукою схватил кормило правления в мятежной Франции, заставил умолкнуть безумных революционеров, пресек буйные замыслы анархистов, задушил безбожие, восстановил святые алтари, успокоил, возвеличил Францию и примирил ее с европейскими мо-

нархами. В лучах чистой, ничем не запятнанной славы, как великий полководец и мудрый правитель стоял он пред судом самых строгих современников. Но устраняя от Европы грозу революции, он готовил ей цепи рабства.

Было время, когда Бонапарт, еще незаметный поручик артиллерии, ограничивал все свое честолюбие генеральскими эполетами. Через пять лет он уже не довольствовался званием главнокомандующего, захотел быть властителем Франции и был им. Еще пять лет, и он, с императорскою порфирию на плечах, задумал предписывать законы Европе, которая вскоре почувствовала тяжесть его железного скипетра. Не уважая ни права народного, ни самых священных обязательств, ни достоинства монархов, он одним почерком пера уничтожал самостоятельность европейских государств, включая их в состав Франции, и с каждым годом раздвигал пределы своего владычества, угрожая порабощением всему образованному миру.

II. ВОЙНА АВСТРИЙСКАЯ (1805)

Вопреки данному России обязательству, Бонапарт не только не вознаградил короля сардинского за Пьемонт, но и последние владения его в северной Италии присоединил к Франции. Кроме того занял французскими войсками Рим, Неаполь, Ганновер, утвердил свое господство в Швейцарии, наконец, вопреки всем правам народным, велел схватить, по одному неосновательному подозрению, принца крови, герцога Ангенского, спокойно жившего в Баденских владениях, и расстрелял его как преступника, а себя провозгласил императором французов под именем Наполеона и вслед за тем королем итальянским.

Европа с изумлением следила за возрастающим самовластием повелителя Франции и тщетно ожидала защиты от главных представителей своих, от Австрии и Пруссии. Ни та, ни другая держава не решилась вступить с ним в распрю, обе они спешили признать его в сане императора и безмолвствовали в деле герцога Ангенского. Сам папа Пий VII прибыл во Францию и короновал Наполеона. Среди всеобщего оцепенения один Александр не скрывал своего негодования и как только узнал о несчастной участи герцога Ангенского, немедленно потребовал от Наполеона

объяснения, что побудило его нарушить народное право вторжением в Баденские земли и за какую вину умерщвлен последний потомок великого Конде? Ответ так был груб и оскорбителен для чести и достоинства российского государя, что он увидел необходимость прекратить с Францией все отношения и принять меры к обузданию ее властителя.

С этою целью Александр предложил Англии, Австрии и Пруссии вооружиться общими силами для спасения Европы от ненасытного властолюбца. Главою английского министерства в то время был Виллиам Питт, снова вступивший в кабинет после разрыва Амьенского мира: вполне понимая опасные замыслы французского императора и притом надеясь отвлечь его силы от Англии, которой он угрожал высадкою, Питт с радостью принял предложение нашего кабинета и немедленно составил план общего союза, заслуживший одобрение Александра. Договором, заключенным в С.-Петербурге между Россией и Англией, положено было: при содействии Австрии, Пруссии и Швеции вооружить против Франции до 500 000 человек, напасть на нее со всех сторон, на море и на суше, возвратить ее в те пределы, которые имела она до революции, и обеспечить на будущее время спокойствие Европы.

Австрия тем охотнее согласилась приступить к союзу, что образование Итальянского королевства внушило ей живейшее опасение; притом же для нее снова блеснула надежда возвратить потерянную Ломбардию. Король шведский *Густав-Адольф IV*³, лично оскорбленный Наполеоном, до того ненавидел его, что готов был вступить с ним в борьбу с одними силами своего королевства. Но Пруссия решилась остаться нейтральною: душою Берлинского кабинета был граф Гаугвиц, министр малодушный и недалекновидный; вопреки общему желанию двора и народа он убедил своего государя не вмешиваться в войну с Францией, как ни старался склонить его Александр к участию в общем деле. *Фридрих-Вильгельм III*⁴, помня неудачи прежних двух подобных союзов и не доверяя политике Венского двора, считал систему строгого нейтралитета единственным средством спасти Пруссию от бедствий войны и собрал сильную армию только для того, чтобы охранять неприкосновенность пределов своего королевства.

Нейтралитет Пруссии много повредил общему делу, лишив союзников возможности отвлечь силы Наполеона

нападением на него с севера и дозволив ему сосредоточить все войска на одном пункте, а неудачный план кампании, составленный в Вене, дал ему средства нанести союзникам решительный удар при самом начале войны. Австрийские генералы, князь *Шварценберг* и барон *Мак*⁵, полагая, что театром действий по-прежнему будет Италия, в военном совете с русским генералом бароном Винценгероде определили: австрийские войска разделить на три армии; одной из них, главной, под начальством эрцгерцога *Карла*⁶, напасть на Итальянское королевство, другой из Тироля вторгнуться в Швейцарию, третьей, в числе 80 000 человек, под начальством эрцгерцога *Фердинанда*⁷, руководимого генералом Маком, оставаться в оборонительном положении в Баварии на берегах Леха, до прибытия русских войск в числе 90 000, и по соединении с ними вступить в Швабию, для вторжения оттуда в Франш-Конте, как только эрцгерцог Карл управится с Наполеоном в Италии.

Наполеон одним ударом расстроил все предположения и надежды Венского двора. По первому известию о разрыве он с неимоверною быстротою двинул свои войска из Франции, Голландии и Ганновера прямо в сердце Австрии, в тыл главных армий ее, без сопротивления переправился через Рейн, склонил на свою сторону Виртемберг, Баден, Баварию, перешел через прусские владения, (княжество Аншвахское), не обращая внимания на нейтралитет Берлинского кабинета, и сосредоточил все свои силы на берегах Дуная, в окрестностях Ульма, на виду Мака, предупредив своей быстротой соединение его с первою русскою армией, которую вел на помощь ему Кутузов. При очевидном неравенстве сил Маку оставалось одно — отступить заблаговременно к берегам Инна, где уже появились русские колонны, и с помощью Кутузова остановить стремление неприятеля. Мак стоял на берегах Иллера, не принимая никаких мер ни к отступлению, ни к обороне. Наполеон зашел ему в тыл и, окружив его со всех сторон, начал истреблять австрийскую армию, раздробленную на мелкие отряды, по частям. Одна половина ее погибла под ударами *Нея*, *Сульты*, *Даву*⁸; с другою Мак бросился в Ульм и после слабого сопротивления сдался военнопленным с остатками своего войска.

Уничтожив таким образом целую армию, Наполеон устремился со всеми силами на русское войско в 50000

человек, стоявшее на берегах Инна, чтобы, сокрушив и его, овладеть Веной. Кутузов не мог и думать о возможности отразить напор втрое сильнеешего неприятеля, тем более спасти Вену, вовсе не подготовленную к обороне, и решил отступить в Моравию для соединения там с другою русскою армией, шедшей от берегов Вислы под начальством *Буксгевдена*⁹. Кутузову предстоял подвиг трудный: надлежало пройти 360 верст в ненастное осеннее время, в непрерывной борьбе с врагом сильным и искусным. Наполеон преследовал его стремительно; французские маршалы настигали его неоднократно; он останавливался, вступал в бой, отбивался от врагов и при Кремсе переправился на левый берег Дуная. Здесь встретил он маршала *Мортье*¹⁰, который с многочисленным корпусом хотел пресечь ему путь в Моравию; Кутузов напал на него и нанес ему столь жестокое поражение, что сам маршал едва не попался в плен, потеряв большую часть своего корпуса.

Между тем Наполеон овладел беззащитной Веной и, пользуясь оплошностью коменданта, не успевшего разрушить мост на Дунае, как было ему приказано, перевел на левый берег три корпуса *Мюрата*, *Сульты*, *Ланна*¹¹ с повелением предупредить русских при Шенграбене, лежавшем на пути в Моравию, и отбросить их назад. Кутузов послал вперед Багратиона для занятия Шенграбена прежде неприятеля и приказал ему держаться там до последней крайности, чтобы между тем с армией выиграть несколько переходов и безопасно отступить к Брюну. Багратион с шеститысячным отрядом должен был отразить напор почти половины французской армии до 60 000 человек под начальством славнейших маршалов Наполеона; встретил их с мужеством *Леонида*¹², принудил остановиться и дал Кутузову время отступить на такое расстояние, что уже нельзя было настигнуть его; сам же, окруженный со всех сторон, вступил в жестокий бой, очистил себе путь сквозь неприятельские колонны штыками; отбил от изумленных врагов, считавших гибель его неизбежною, спас и армию и большую часть своего отряда.

В Моравии Кутузов соединился с Буксгевденом и, по воле государя, принял главное начальство над союзной армией, численностью до 80 000 человек, в числе коих было 15 000 австрийцев. Она расположилась в Ольмюце, где находилась и главная квартира обоих императоров. Наполе-

он, между тем, сосредоточил свои силы в окрестностях Брюна, с нетерпеливым желанием решительной битвы. При всех успехах положение его становилось опасным: с одной стороны Фридрих-Вильгельм, оскорбленный нарушением нейтралитета Пруссии, при личном свидании с императором Александром в Берлине, изъявил согласие приступить к союзу и уже собирал войско для нападения в тыл французам; с другой стороны, эрцгерцог Карл, поразив *Массену*¹³ в северной Италии, с многочисленной армией быстро приближался к пределам Венгрии, где готовилось поголовное ополчение: от берегов Вислы шла третья русская армия; кроме того, *Нельсон*¹⁴ незадолго пред тем истребил весь французский флот при Трафальгаре, и англичане легко могли потревожить саму Францию высадкой на западные берега ее.

При таких обстоятельствах, сколько Наполеон желал решительной битвы, чтобы одним счастливым ударом поправить свои дела, столько польза союзников требовала уклоняться от нее, чтобы дать время королю прусскому и эрцгерцогу Карлу приступить к совокупным действиям. В особенности надобно было дожидаться прибытия третьей русской армии. Так думал и Кутузов. Но он был главнокомандующим только по имени. Душою военного совета и всех предначертаний был австрийский генерал Вейротер, исправлявший должность генерал-квартирмейстера. Не имея точных сведений о положении французских войск, он уверил обоих императоров, что Наполеон стоит при Брюне в слабых силах, что корпуса Бернадота и Даву не успели с ним соединиться и что нельзя сомневаться в победе, доколе он не сосредоточит своих сил. Вследствие этого решено было напасть на неприятеля в занятой им позиции, в том предположении, что войско его гораздо слабее союзного, хотя на деле оказалось, что корпуса Даву и *Бернадота*¹⁵ были у него под рукою и французская армия не уступала союзной ни в числе, ни в храбрости. Следовательно, теперь все зависело от искусства военачальника, но Наполеон уже доказал при Риволи, как далеко превосходил он Вейротера.

Кутузов двинулся вперед и расположил свою армию по диспозиции Вейротера, в боевой порядок, на виду у врагов, при Аустерлице. Русские полки стали на флангах, под командою Багратиона и Буксгевдена; центр заняли австрийцы, с небольшою частью русских, под на-

чалъством Коловрата. При корпусе его находились оба императора, вместе с главнокомандующим. По плану Вейротера, Буксгевден должен был обойти неприятеля левым флангом и тем решить битву; но вследствие такого распоряжения войско растянулось на обширное пространство; фланги потеряли взаимную связь, центр ослабел. Наполеон ударил в него главною массою своих сил под начальством маршала Сульта, смял Коловрата, овладел всеми выгодными пунктами позиции, разрезал союзную армию надвое и стремительно напал на оба фланга, на левый корпусом Даву, на правый корпусом Бернадота, поддерживая тот и другой уже победоносными колоннами Сульта. Русские стояли твердо и долго не уступали неприятелю ни шагу; но, лишенные центра, раздробленные на две армии, без взаимной помощи одна другой, не могли наконец выдержать общего дружного удара всех сил Наполеона. Тщетно цесаревич Константин старался остановить стремительные порывы неприятеля императорской гвардией; тщетно сам государь вводил в битву полки, подвергая опасности драгоценную жизнь свою, чтобы поправить дело; союзная армия расстроилась и отступила в беспорядке к пределам Венгрии, с значительною потерею: до 10 000 легло на полях битвы; столько же попало в плен; много сверх того утонуло в озере Сачанском, где обломился лед под тяжестью орудий. Вся почти артиллерия досталась победителю¹⁶.

Невзирая на жестокий урон, Александр не потерял бодрости и спешил ввести армию в Венгрию, чтобы там соединиться с эрцгерцогом Карлом и возобновить борьбу. Но союзник его Франц II счел за лучшее примириться с Наполеоном и при личном свидании с ним, на третий день после Аустерлицкой битвы, заключил перемирие. Главной статьей его было немедленное удаление русской армии к пределам империи. Александр не мог долее оставаться с войсками своими в австрийских владениях и велел им возвратиться в Россию; но решительно отказался от участия в мирных переговорах, зная, что Наполеон, упоенный своими успехами, не приминет предписать самые тягостные условия, и не обманулся: Пресбургским трактатом¹⁷ император Франц потерял Венецию, Тироль, Форальберг и многие другие области, где насчитывалось до трех миллионов

жителей, заплатил 100 миллионов контрибуции и признал союзников Франции, курфюрстов Баварского и Виртембергского, королями, а маркграфа Баденского великим герцогом.

III. ВОЙНА ПРУССКАЯ* (1806—1807)

Александр возвратился из-под Аустерлица с твердым намерением при содействии Англии, Пруссии и Швеции спасти Европу от грозного властолюбца. Но удаление Австрии с театра войны поколебало твердость и других союзников российского государя. Прусский министр граф Гаугвиц, присланный королем к Наполеону незадолго до Аустерлицкой битвы требовать удовлетворения за нарушение своего нейтралитета и, в случае отказа, объявить разрыв, вместо того, испуганный Аустерлицкою победою, поспешил заключить с французским министром договор, столь же странный, сколько и неожиданный: Пруссия согласилась забыть нанесенное ей оскорбление, возобновила прежнюю дружбу с Францией и уступила ей Аншпахскую область, взамен коей получила курфюршество Ганноверское, занятое французскими войсками, но принадлежавшее королю английскому. После такого договора Александр тем более мог надеяться на содействие Пруссии, что Гаугвиц поставил ее в неприязненные отношения к Англии и Швеции.

Вслед за тем и Лондонский кабинет обнаружил склонность к миру. Неутомимый враг Наполеона, Виллиам Питт, умер, сраженный, как полагают, горестною вестью о потере Аустерлицкой битвы; главою министерства стал знаменитый соперник его, Фокс. Политика Англии изменилась: Питт не иначе соглашался на мир с Францией, как с тем условием, чтобы она возвратилась в прежние пределы, бывшие до революции; Фокс считал возможным примириться с нею на основании правила *uti possidetis*, и вследствие вызова французского министра *Талейрана*¹⁸ поручил лорду Ярмуту вступить с ним в переговоры, объявив, впрочем, что Англия не согласится на мир, если в нем не будет участвовать Россия.

* Михайловский-Данилевский. Описание войны в 1806 и 1807 годах. Спб. 1846.

Хотя правило, принятое Фоксом в основание договора, не соответствовало намерениям Александра, но, уже покинутый двумя союзниками, он мог опасаться, что Англия для собственных выгод не откажется заключить с Францией отдельный трактат и что в таком случае для России как война, так и мир с Наполеоном равно будут затруднительны. Вследствие сего государь отправил в Париж статского советника Убри для мирных переговоров. Между тем Наполеон отнял престол у короля неаполитанского и возвел на оный старшего брата своего *Иосифа*¹⁹; объявил притязания на Сицилию, чтобы отдать ее также Иосифу; другого брата, Людовика, провозгласил королем голландским; сам же принял титул протектора Рейнского союза, т. е. подчинил своему влиянию Баварию, Виртемберг, Баден и все мелкие государства юго-западной Германии. После таких самовластных поступков примирение было невозможно, оставалось решить спор оружием, и скоро запылала кровавая брань. На театр войны выступила Пруссия.

Фридрих-Вильгельм, поставленный Гаугвицем в необходимость подтвердить заключенный им в конце 1805 года трактат с Францией, отказался от Аншпаху и занял Ганновер в том предположении, что найдет в императоре французов искреннего и усердного союзника. Надежда была тщетная: во время переговоров с Фоксом Наполеон изъявил готовность возратить Ганновер Англии, нимало не заботясь о вознаграждении Пруссии; в то же время, учредив Рейнский союз, обнаружил явное намерение поработить своей власти всех мелких владетелей германских и принудил Франца II отказаться от титула немецкого императора. Политика его, столь же коварная, как и неприязненная, возбудила живейшее негодование в прусском народе, который со времен Фридриха Великого считал себя опорой независимости Германии и не мог равнодушно смотреть на ее порабощение ненасытным властолюбцем. Все сословия громко требовали войны с Францией. Главою недовольных была сама королева. Фридрих-Вильгельм уступил наконец общему желанию: собрал все свои силы на западных границах и решительно потребовал от Наполеона удаления французских войск за Рейн, из пределов земли немецкой; между тем, предвидя неизбежную войну, обратился с просьбою о содействии к рос-

сийскому государю. Александр охотно согласился послать ему на помощь два корпуса *Беннигсена*²⁰ и *Буксгевдена* до 90 000 человек. 10 октября 1806 года заключен был договор, через две недели Беннигсен перешел границу и направил путь к Силезии, для соединения там с прусскою армией; вслед за ним двинулся и Буксгевден. Но прежде чем русские генералы достигли берегов Вислы, многочисленное и блестящее воинство Фридриха-Вильгельма уже не существовало.

Вступая в борьбу с Наполеоном, Пруссия повторила ошибку Австрии: вызвала его на брань и начала военные действия, не дав России времени прислать ей помощь. Следствия были те же. Прусская армия, в числе 100 000 человек, под начальством Фердинанда, герцога Брауншвейгского, была уничтожена при Йене и Ауерштедте: одна половина ее легла на полях битвы или попала в плен; другая обратилась в бегство и, настигнутая неприятелем в разных местах, положила оружие²¹. В один день Фридрих-Вильгельм потерял все свое войско; вслед за тем и все королевство. Поражение при Йене было для Пруссии громовым ударом: она оцепенела от ужаса; самые надежные крепости, знаменитые своими твердынями, имевшие все средства к продолжительной обороне, Эрфурт, Штетин, Кюстрин, даже неприступный Магдебург, сдавались на капитуляцию, почти без выстрела, при первом появлении французских отрядов, нередко состоявших из легкой конницы. Берлин встретил торжествующего победителя с покорностью; не сдались ему только Данциг, где заперся генерал Лесток с остатками прусского войска (не более 20 000 человек), и Кенигсберг, куда удалился сам король. Сто тысяч пленных, четыре тысячи орудий и множество знамен были трофеями Йенской победы.

После завоевания Пруссии неприятельские войска сосредоточились на левом берегу Вислы для борьбы с Россией. Наполеон хотел сокрушить наше отечество, чтобы ниспровергнуть последнюю преграду властолюбивым замыслам своим, и для вернейшего успеха спешил с одной стороны взволновать Польшу, с другой вооружить на нас Турцию. Старания его были небесплодны: поляки, обольщенные мечтою прежней воли, встретили его в Варшаве с восторгом и составили несколько полков, которые под начальством *Домбровского*²² и *Зайончека* присоединились к

неприятельской армии. Турция, по внушениям Франции, обнаружила неприязненные действия и вынудила наш двор ввести значительное войско в Молдавию. Россия находилась в положении трудном. На западные пределы ее быстро стремилось двухсоттысячное войско, одушевленное славою, победами и полным доверием к искусству и счастью своего полководца. Русская армия, стоявшая на берегах Буга и Нарева, также кипела мужеством, но была вдвое малочисленнее неприятельской; притом же, до самого столкновения с врагами на берегах Вислы, оставалась без вождя. Назначенная единственно для содействия пруссакам, она должна была поступить под главное начальство Фердинанда Брауншвейгского и состояла в ведении двух корпусных командиров Беннигсена и Буксгевдена, не подчиненных друг другу. К довершению опасности, Порта отвлекла значительную часть наших сил в Молдавию в то самое время, когда необходимо было сосредоточить их на западной границе для борьбы с Наполеоном.

Александр, возвестив народу манифестом, что общий враг Европы угрожает отечеству и что меч, извлеченный честью на защиту союзников, должен обратиться на оборону самой России, принял все возможные меры к отражению неприятеля от пределов империи. Главнокомандующим действующей армией назначен генерал, давно известный искусством и личною храбростью, сподвижник Румянцева и Потемкина, фельдмаршал граф Михаил Федотович Каменский. Вслед за тем повелено в пограничных и внутренних губерниях, в течение одного месяца образовать милицию, или земское войско, в числе 612 000 человек, для подкрепления действующей армии и для защиты империи, если бы неприятель, сверх всякого чаяния, ворвался в ее пределы. Каждая губерния должна была в определенный срок собрать, вооружить и снабдить продовольствием известное число ратников из мещан, крестьян и однодворцев; дворянству предоставлено было назначить из среды своей тысячных, пятисотенных, сотенных и других начальников земского войска; купечество призвано к добровольным приношениям деньгами, хлебом, вещами; духовенству предписано от святейшего Синода проповедовать в церквях о грозящей отечеству опасности и о необходимости всеобщего вооружения. Воззвание государя о поголовном ополчении принято было с восторгом: дво-

рянство со свойственным ему усердием выводило целые полки на службу царскую и само вооружалось; приношения купечества были обильны; духовенство с жаром проповедовало против общего врага; народ считал его антихристом и тем ревностнее готов был положить живот за веру и отечество. Впрочем, на этот раз судьба спасла Наполеона от грозного мщения русского народа: война не коснулась пределов России, и земское войско не принимало в ней участия. Спор был решен между Вислою, Неманом и западным Бугом.

Здесь, на равнинах древней Мазовии и восточной Пруссии, храброе воинство русское, невзирая на все невыгодные обстоятельства, на превосходство сил неприятельских, на ошибки своих вождей, на недостаток продовольствия, целые полгода оспаривало победу у полководца искусного, привыкшего одним ударом сокрушать царства. Правда, он наконец восторжествовал, но далеко не достиг той цели, которую имел в виду, нападая на Россию, и должен был сознаться, что есть еще народ, способный спасти свою независимость от его алчного властолюбия.

Кровавая борьба началась в глубокую, ненастную осень, среди топких, едва проходимых болот Мазовии, на берегах Вкры и Нарева. Наполеон перешел Вислу со всеми своими войсками, чтобы одною битвою истребить русскую армию. В самом деле, она подвергалась явной опасности: корпусные генералы, в ожидании прибытия главнокомандующего, не знали, как действовать, наступательно или оборонительно; дивизии были разбросаны без надлежащей связи, и все предвещало русской армии ту же участь, какая постигла австрийскую под Ульмом. Главнокомандующий наконец прибыл; но не оправдал ни доверия государя, ни общих надежд. Обремененный старостью и недугами, он приказал поспешно отступать к пределам империи, сам между тем сложил с себя главное начальство, будучи предводителем не более четырех дней, и уехал в Россию в самую критическую минуту, когда стройные колонны неприятеля, искусно направленные Наполеоном, быстро подвигались вперед, чтобы разрезать и сокрушить русскую армию. Покинутая вождем, без всякой связи в действиях, рассеянная на обширном пространстве, она, казалось, погибнет неминуемо.

Смелость Беннигсена и мужество князя Голицына спасли ее. Первый, вопреки повелению фельдмаршала, решил укрепиться при Пултуске и жестоко поразил маршала Лана, который хотел выбить его из занятой им позиции. Еще славнее был подвиг другого: застигнутый во время отступления главными силами Наполеона, под личным начальством его, Голицын остановился с дивизией своей при местечке Голыmine, вступил в упорный бой, сражался целый день среди снежного вихря и дождя, отразил вчетверо сильнейшего неприятеля на всех пунктах и расстроил весь план Наполеона, не допустив его пресечь линию отступления русской армии. Сражения при Пултуске и Голыmine так утомили французские войска, что необходимо было ввести их в зимние квартиры, и Наполеон с досадою возвратился в Варшаву. Русская армия в стройном порядке отступила к Остроленке, ожидая назначения нового вождя. Государь избрал Беннигсена.

Главкомандующий спешил оправдать доверие императора подвигом отважным. Заметив, что левое крыло неприятеля под начальством Бернадота, расположенное в окрестностях Эльбинга, потеряло связь с главною армией, Беннигсен решился истребить его и с большею частью своих сил двинулся на Бернадота. Встревоженный столь смелым предприятием, Наполеон принужден был, против воли, в жестокую стужу подняться с зимних квартир и устремил все свои силы в тыл русской армии, угрожая отрезать ее от пределов России. К счастью, Беннигсен случайно узнал о намерении неприятеля, оставил Бернадота в покое и отступил к Прейсиш-Эйлау.

Здесь напал на него Наполеон, имея на своей стороне перевес силы и искусства. Русские встретили врагов с мужеством непоколебимым и, отбив первый удар, в свою очередь напали на них с такою яростью, что французы дрогнули, и сам Наполеон уже трепетал за участь битвы. В пылу сражения храбрый *Дохтуров*²³ истребил целый корпус маршала *Ожеро*²⁴ и прорвал центр неприятельской армии. Но Беннигсен упустил благоприятную минуту для окончательного удара, и кровавый бой, кипевший двое суток почти непрерывно, остался нерешенным. Потеря²⁵ с обеих сторон была ужасная: 12 000 русских и вдвое более французов легло на снежных полях эйлауских. Войска так ослабли, что невозможно было возобновить битву на третий день;

соперники разошлись в разные стороны: Беннигсен обратился к Кенигсбергу и, снабдив там армию съестными припасами, занял крепкую позицию при Гейльсберге; Наполеон отступил к югу, в прежние зимние квартиры. Бездействие продолжалось около четырех месяцев.

Двукратно обманувшись в надежде кончить войну одним ударом и удостоверившись в необыкновенном мужестве русских, Наполеон стал действовать с величайшею осторожностью и беспрестанно умножал свою многочисленную армию: вскоре она возросла до 250 000 человек. Александр, со своей стороны, подкрепил Беннигсена большею частью гвардии и резервными войсками, но поскольку при всем том перевес сил по-прежнему оставался на стороне неприятеля, превосходившего русское войско по крайней мере 80 тысячами человек, то государь требовал помощи у Австрии и Англии, зная, что для той и другой державы торжество Наполеона будет пагубно и что обе они имеют все средства отвратить опасность деятельным содействием общему делу. Надежды его не исполнились.

Венский двор, получив приглашение С.-Петербургского кабинета принять участие в войне с выгодными для себя условиями, по внушению эрцгерцога Карла отозвался, что Австрия, истощенная прежними усилиями, не раньше как через три года может собрать достаточную армию, и ограничился тем, что отправил в Варшаву барона Винцента с предложением своего посредничества. Наполеон, с трепетом ожидавший вместо барона Винцента появления 150 тысяч австрийцев в тылу своей армии, скоро удостоверился, что опасения его были напрасны, тешил австрийского посланника, поддерживал нерешительность Венского двора и вовсе не думал о его посредничестве.

Еще равнодушнее к общему благу Европы была Англия. Тщетно Александр убеждал великобританское министерство сделать высадку в Голландию или на западные берега Франции, чтобы отвлечь силы Наполеона: целых шесть месяцев оно манило нас обещаниями, наконец, собрало войска, но одну часть их отправило к Буэнос-Айресу, другую к Египту, а против Наполеона послало только 20-тысячный корпус в Померанию, пред самым концом войны. Не получая никакой помощи войсками, государь желал, чтобы Лондонский кабинет оказал ему по крайней мере содействие в займе 6 миллионов фунтов стерлингов у англий-

ских капиталистов, для покрытия военных издержек, обязуясь уплатить всю сумму в определенный срок, и в том получил отказ с такими странными объяснениями и с такими неуместными требованиями, что российский император не мог не оскорбиться ими: великобританское министерство не доверяло нашему двору в уплате требуемой суммы и не иначе соглашалось поручиться в займе, как с тем условием, чтобы российское правительство отказалось от пошлин с английских товаров, привозимых в Россию, предоставив взимать их лондонским банкирам!

Подняв оружие против Наполеона единственно для спасения Европы от его самовластия и будучи оставлен ею в то самое время, когда вся тяжесть брани пала на одну Россию, Александр имел полное право прекратить войну, с выгодными для себя условиями, ибо Наполеон, после битвы Эйлауской, охотнее желал мира, чем борьбы с Россией. Но руководимый честью и великодушием, государь решился еще раз испытать счастье оружия и повелел Беннигсену начать военные действия; сам между тем прибыл в Мемель, где находился король прусский.

Беннигсен, около четырех месяцев стоявший неподвижно в укрепленном лагере Гейльсбергском, в конце мая двинулся на левое крыло французской армии, расположенное при Гутштате, под начальством Нея; но действовал так медленно и несвязно, что Наполеон успел заблаговременно подкрепить своего маршала, сосредоточил войска, принудил русскую армию отступить и напал на нее всеми силами при Гейльсберге. Беннигсен отразил стремительный напор его с полным успехом, усеяв неприятельскими трупами поля Гейльсбергские; при всем том, узнав, что французские колонны заходят ему во фланг, со стороны Кенигсберга, счел за нужное отодвинуться к Фридланду и здесь, на левом берегу Алле, вступил в решительный бой.

Русская армия поставлена была в самую невыгодную позицию, в углу, образуемом водами Алле: прижатая тылом к реке, стесненная на флангах, разрезанная в середине озером и глубоким оврагом, она не могла ни развернуть своих сил, ни подвинуться вперед, ни отступить в порядке. Жестокий бой начался вместе с солнечным восходом. До самого полудня, когда силы с обеих сторон были в равновесии, русские отражали врагов на всех пунктах и могли бы одержать победу, если бы главный вождь их был решитель-

нее и искуснее; Беннигсен не воспользовался благоприятными минутами, допустил Наполеона ввести в дело все его корпуса и был подавлен огромною массою сил. Перед вечером вся армия неприятельская стройными колоннами напала стремительно, дружно. Утомленные дневным непрерывным боем, русские встретили врагов с мужеством отчаяния: одни полки гибли в неравной битве; другие становились на их место и в свою очередь погибали. Ни один батальон не запятнал русского имени; редкий генерал не был ранен; цесаревич Константин, князь Багратион, Дохтуров, *Уваров, Раевский, Голицын, Платов*²⁶ показали чудеса храбрости — и все было напрасно: около полуночи русская армия была разбита²⁷. Беннигсен, потеряв до 16 000 храбрых воинов, спешил вывести свое войско из западни, куда поставил его так неосмотрительно, с величайшим трудом перешел на правый берег Алле, оттуда в большом беспорядке отступал за Прегель, быстро преследуемый врагами, наконец, достиг Немана и на правом берегу его остановился, соединившись с резервными войсками, которые привел ему на помощь князь Лобанов-Ростовский. Наполеон шел по следам русской армии до самого Тильзита и неоднократно достигал арьергард ее; но каждый раз Платов с донскими казаками удерживал быстрое стремление неприятеля и давал Беннигсену время отступить невредимо.

Неудача Фридландской битвы не лишила Александра средств к продолжению войны; армия его, подкрепленная резервами, опять готова была встретить врагов на правом берегу Немана и отразить их от пределов империи. Но, огорченный равнодушием Англии и Австрии в деле, касавшемся не столько России, сколько их собственных выгод, он не хотел более изнурять своего отечества новыми усилиями, и решился примириться, даже сблизиться с императором французов. Наполеон с радостью услышал слово мира и охотно согласился на свидание с российским государем, для скорейшего окончания всех споров. Они виделись на Немане, в устроенном на волнах его павильоне, и там условились в главных статьях договора, который вскоре после того был заключен в Тильзите²⁸, сперва между Россией и Францией, потом между Францией и Пруссией.

Александр сохранил целостность своей империи и воспрепятствовал уничтожению прусского королевства,

склонив Наполеона к возвращению многих областей его законному государю; при всем том Фридрих-Вильгельм потерял почти половину своего государства, будучи принужденным отказаться от всех владений своих между Рейном и Эльбою и от областей, присоединенных с 1772 года от Польши: первые вошли в состав частью Вестфальского, частью Саксонского королевства; из вторых, за отделением Белостокской области, уступленной России взамен Еверской земли, образовано герцогство Варшавское, которое отдано также королю Саксонскому. Кроме того король прусский обязался заплатить Наполеону огромную контрибуцию и до окончательного с ним расчета должен был оставить многие из своих крепостей в руках французов.

Господство Наполеона над большею частью Европы было утверждено: Александр и Фридрих-Вильгельм признали его императором французов, королем итальянским и протектором Рейнского союза; братья его Иосиф, Людовик и Иероним также признаны королями, первый неаполитанским, второй голландским, третий вестфальским. Для общего успокоения Европы Александр согласился вывести свои войска из Молдавии и Валахии и примириться с Турцией при содействии Наполеона; на себя же принял посредничество к примирению Франции с Англией, с тем, что если великобританское правительство в течение пяти месяцев не согласится на мир, основанием которого должна была служить свобода мореплавания, то Россия, по примеру прочих держав, союзных с Францией, приступит к континентальной системе Наполеона, имевшей целью лишить Англию средств к продолжению войны и потрясти в самом основании ее политическое могущество, пресечением всех путей к сбыту ее изделий и колониальных товаров на землю Европы.

IV. ВОЙНА ШВЕДСКАЯ* (1808—1809)

Исполняя Тильзитский договор, Александр известил великобританское правительство, что пора даровать Европе вождеденное спокойствие прекращением ожесточен-

* Сухтелен. Картина военных действий в Финляндии 1808—1809. СПб. 1832. — Михайловский-Данилевский. Описание Финляндской войны. СПб. 1841.

ной распри между Англией и Францией, что он согласен быть их посредником и берет на себя обязанность доставить Англии мир, сообразный с ее честью и достоинством. Лондонский кабинет отвечал сухо, недоверчиво отзывался о союзе России с Францией, и в залог миролюбивых намерений российского императора требовал прежде всего возобновления выгодного для себя торгового трактата; между тем выслал в Балтийское море сильную эскадру, повелев ей взять и отвести в Великобританию датский флот под предлогом спасти его от Наполеона, который, как ходила молва, хотел овладеть им. Английский адмирал лорд Кеткерт внезапно явился перед Копенгагеном в то время, когда все войска *Христиана VII*²⁹ находились в Голштинии, и объявил волю своего двора. Король, справедливо раздраженный столь неслыханным поступком, с благородною твердостью отвечал, что он скорее погибнет, чем согласится на унижительное для чести своей требование. Англичане сделали высадку, устроили батареи и страшную канонаду, в несколько часов, обратили в пепел и развалины беззащитный Копенгаген; датский флот был уведен; корабельные верфи разрушены; арсеналы разграблены.

Европа с живейшим негодованием услышала об этом событии и тем более роптала на виновников его, что Христиан пользовался всеобщим уважением кабинетов, заслужив его своей мудрой и умеренной политикой. Великобританское министерство спешило оправдать свои действия неосновательными доводами и, отдавая все дело на суд российского императора, соглашалось примириться с Данией при его посредничестве. Ответом Александра была декларация о разрыве с королем великобританским. Государь тем более был раздражен жестоким поступком с Данией, постоянною союзницею России, что Лондонский кабинет, предлагая ему посредничество, как будто вмешивал его самого в свои действия: все связи с Англией были прекращены; российский посол отозван; конвенция 1801 года уничтожена; вооруженный нейтралитет возобновлен на тех самых началах, которые провозглашены были Екатериною II; Балтийское море объявлено закрытым для английских судов, как военных, так и купеческих.

Разрыв с Великобританией не имел тех следствий, каких надлежало ожидать: он ограничился только прекращением торговых связей и потерей русской эскадры, захва-

ченной англичанами в Лиссабоне, на обратном пути ее из Архипелага; пределов империи они не тревожили; зато воспламенили жестокую войну между Россией и Швецией.

Объявив о возобновлении на севере вооруженного нейтралитета и о закрытии Балтийского моря для английских судов, российский двор требовал содействия Дании и Швеции на основании трактатов 1780 и 1800 годов; датский король охотно согласился исполнить требование российского императора и заключил с ним союз; шведский государь Густав IV Адольф поступил иначе: под разными предложениями отрекался от обязанности содействовать в этом случае России, хотел остаться нейтральным, в то же время вел переговоры с Лондонским кабинетом о тесном союзе и настаивал на удалении французских войск из северной Германии. Тщетно наш двор доказывал ему явное противоречие такой политики и убеждал в неизбежной по тогдашним обстоятельствам необходимости приступить к вооруженному нейтралитету: он отвечал упреками, даже угрозами, решительно принял сторону Англии, заключил с нею оборонительный союз, собрал войско для вторжения в Зеландию и, вынудив российского императора взяться за оружие, арестовал посла его в Стокгольме, без всякого основательного повода, вопреки праву народному.

Война России с Швецией открылась в начале 1808 года. Зимой, в феврале месяце, русская армия в числе 16 000 человек, под главным начальством графа Буксгевдена, перешла Кюмень, вступила в Шведскую Финляндию и в один месяц овладела ею почти без боя. Шведские войска не уступали русским ни в числе, ни в храбрости, и могли бы остановить их на первом шагу в стране, столь удобной для обороны, если бы Густав заблаговременно принял меры к ее защите. Вместо того, сам вызывая могущественного соседа на брань, он как будто не ожидал разрыва; войска его, рассеянные малыми отрядами на всем пространстве Финляндии, спокойно стояли на зимних квартирах, и только тогда начали собираться, когда русские уже переступили границу.

Король наименовал главнокомандующим финляндской армией графа Клингспора и дал ему повеление сосредоточить разбросанные отряды, избегая решительной битвы. Буксгевден с искусством воспользовался благоприятными обстоятельствами; разделил свою армию на три ко-

лонны и быстро двинул их вперед для занятия главных стратегических пунктов Гельсингфорса, Або, Тавастгуса, Куопио и Вазы. Благоразумные меры его увенчались полным успехом: русские колонны, предводимые храбрыми генералами, шли стремительно, невзирая на суровую стужу, на глубокие снега, на теснины и утесы, всюду выбивали шведов, брали города и приводили народ в подданство российскому государю. Клингспор отступил к самому северу, Улеборгу. Вся Финляндия, вместе с Аландскими островами, была занята русскими.

Но завоевание их было непрочно, доколе в руках шведов оставался Свеаборг: укрепленный природою и пятидесятилетними трудами искусных инженеров, охраняемый семитысячным гарнизоном, наполненный огромным количеством военных снарядов и съестных припасов, недоступный ни с одной стороны, он был истинным ключом Финляндии и вполне оправдывал надпись, иссеченную на твердых его, что «он дает мудрому владычество над морем и над землею». Взять его правильною осадою было невозможно; штурм также не обещал успеха.

Генерал Сухтелен, управлявший осадными работами, под главным начальством графа Каменского, нашел средство овладеть столь важным пунктом без боя. Комендантом Свеаборга был адмирал граф Кронштет, старый воин, храбрый на море, но робкий и нерешительный на суше. Сухтелен завел с ним переговоры и, сверх всякого чаяния, склонил его сдать крепость на капитуляцию³⁰. Русские нашли в ней одних пушек более 2 000 с несметными запасами мелкого оружия и военных снарядов; а в гавани до 130 военных судов, которые также сданы были Каменскому. С покорением Свеаборга русские твердо стали в Финляндии. Александр объявил ее навсегда присоединенною к империи и для удержания за собою столь драгоценного приобретения усилил армию Буксгевдена до 50 000 человек.

Окончательное покорение Финляндии стоило нам многих трудов и немало кровопролития. Густав-Адольф решился во что бы то ни стало вернуть ее: вследствие сего разгорелась война жестокая, ознаменованная равною храбростью с обеих сторон и тем более для нас достопамятная, что она служила превосходною школою для многих из наших генералов, которым суждено было вскоре выступить на обширнейшее поприще. В ней участвовали, кроме

Каменского, Багратион, Барклай-де-Толли, братья Тучковы, Витгенштейн, Коновницын, Раевский, Голицын, Кульнев и многие другие³¹. По местному положению страны, не позволявшему действовать сосредоточенными силами, Буксгевден должен был разделить свою армию на несколько отдельных отрядов, рассеять их по всему пространству Финляндии и каждому генералу, командующему отрядом, предоставить свободу и власть действовать сообразно обстоятельствам. Многие из них несли все обязанности главнокомандующих и имели хорошую возможность развить свои воинские дарования в борьбе с врагами, равно искусными и храбрыми.

Всеобщая война запыхлала весной 1808 года. Клингспор, значительно усиленный, получил повеление вытеснить русские отряды из северной и южной Финляндии; король с гвардией взял на себя задачу очистить от них южную часть. Английский флот должен был содействовать ему в Финском заливе. В начале кампании перевес был на стороне шведов. Клингспор стремительно напал на Раевского, оттеснил его до Тавастгуса и утвердился в средней Финляндии; король частыми высадками тревожил Буксгевдена в окрестностях Або и овладел Аландскими островами. Русский флот, под начальством адмирала *Ханыкова*³², охранявший южные берега Финляндии, удалился в Ревель, чтобы избежать неравной битвы с английским флотом, и даже потерял один фрегат.

Вскоре дела приняли иной оборот. В кровавой битве при Оравайсе Каменский разбил Клингспора и отбросил главную армию неприятельскую за Улеборг; вслед за тем Багратион и Барклай-де-Толли навели ужас на саму Швецию. Багратион с сильным корпусом перешел Аландский архипелаг, вытеснил шведов из всех островов и утвердился там; еще более достопамятный и отважный переход совершил Барклай-де-Толли через Ботнический залив от Вазы к Умео: он шел трое суток по грядам льда, покрывавшего в виде огромных скал пролив Кваркен, без проводников, по указанию компаса, взбирался на льдистые скалы, переходил расселины как широкие реки, проводил ночи в биваках, над пучиною, готовую взволноваться от первого порыва южного ветра и поглотить весь отряд. Провидение хранило Барклая: он достиг твердой земли, овладел Умео и занял Вестрботнию.

Приписывая столь несчастную войну упорству короля, шведы изъявили сильное негодование. Густав-Адольф принужден был отказаться от престола. Регентом государства провозглашен дядя его герцог Зюдермаландский, вскоре вступивший на престол под именем Карла XIII. Новое правительство Швеции изъявило желание заключить с Россией мир и уступало ей всю Финляндию, но не хотело отказаться от Аландских островов, вследствие чего война опять разгорелась и пламя ее снова охватило пределы Швеции: Каменский обошел Ботнический залив и вторгнулся в Вестрботнию.

Карл XIII увидел необходимость согласиться на все требования нашего двора. Договором в Фридрихсгаме³³ Швеция уступила России всю Финляндию по реку Торнео, с Аландскими островами, и обязалась принять участие в континентальной системе, т. е. запереть шведские порты для английских кораблей.

V. ВОЙНА ТУРЕЦКАЯ* (1806—1812)

По заключению мира с Швецией русские войска с берегов Торнео и Ботнического залива двинулись на берега Дуная, где незадолго пред тем запылала брань кровавая, воспаленная также Наполеоном еще в 1806 году. Вскоре после Аустерлицкого похода Наполеон заключил тесную дружбу с турецким султаном Селимом III и в самом начале войны Прусской дал повеление послу своему в Константинополе генералу Себастиани вооружить Порту на Россию, чтобы отвлечь силы наши от содействия Фридриху-Вильгельму. Хитрый Себастиан успел уверить султана, будто Россия намерена завоевать Турцию. Султан начал обнаруживать к нам неприязненное расположение: вопреки трактатам, без согласия нашего двора, сменил преданных нам господарей Молдавского и Валахского и запер Дарданеллы для русских военных кораблей. Война сделалась неизбежной. Александр решился предупредить турок и велел генералу Михельсону с 80.000 армией занять Молдавию и Валахию, объявить между тем

* Михайловский-Данилевский. Описание Турецкой войны. 1806—1812. 2 ч. СПб. 1843.

султану, что Россия не начнет военных действий, если Порта исполнит договор, откроет Дарданеллы и восстановит господарей, сверженных без всякого основательного повода. Великобританский посланник при дворе Царградском сир Арбутнот с жаром поддерживал справедливые требования нашего двора и призвал на помощь английскую эскадру, стоявшую близ Тенедоса: адмирал Дукворт с 12 кораблями и многими брандерами вступил в Дарданелльский пролив, без вреда миновал береговые укрепления, считавшиеся недоступными, и внезапно явился под стенами Стамбула с угрозою разрушить его, если Порта не примирится с Россией. Испуганный Диван готов был уступить; но деятельный Себастиан ободрил его, советовал продлить время переговорами, между тем вооружал народ, укреплял Константинополь, Дарданеллы и в одну неделю выставил на берегах такие батареи, что Дукворт счел за лучшее удалиться в Архипелаг для спасения своей эскадры, которую турки уже намеревались истребить в Дарданелльском проливе. Порта объявила России разрыв.

Военные действия начались весною в одно время на Дунае, за Кавказом, в Черном море и в Архипелаге. Михельсон утвердился в Молдавии и Валахии, овладев Бухарестом; *Гудович*³⁴ разбил Арзрумского сераскира на берегах Арпачая; адмирал *Сенявин*³⁵ одержал блестящую победу над турецким флотом на водах Лемноских, напомнив туркам времена Чесменские, и грозил пробиться сквозь Дарданелльский пролив, чтобы навести ужас на сам Константинополь, как получено было повеление прекратить военные действия против Турции на море и суше, для заключения с Портою мира, при посредничестве Франции, на основании Тильзитского трактата.

Михельсон вступил в переговоры с турецкими уполномоченными, и в Слободзее согласился на восьмимесячное перемирие, до заключения прочного мира; между тем русские и турецкие войска должны были очистить Молдавию и Валахию. Петербургский кабинет не утвердил последней статьи Слободзейской конвенции, предвидя, что турки не оставят Молдавии в покое, в чем не ошибся: едва русская армия отодвинулась от Дунайского берега, неприятель спешил занять его. Вследствие чего фельдмаршалу князю Прозоровскому, назначенному главнокомандующим пос-

ле смерти Михельсона, повелено было не выходить из Молдавии, удерживаясь впрочем от разрыва.

Бездействие с обеих сторон продолжалось более полутора лет. Турция, занятая внутренними неурядицами, восстанием сербов, неповиновением пашей, буйством янычар, охотно избегала борьбы с Россией. Александр, озабоченный войною с Швецией, желал прежде всего кончить споры на севере, чтобы тем решительнее действовать на юге; притом же для него, на основании Тильзитского договора, необходимо было согласиться с Наполеоном насчет условий мира с Турцией, и не прежде, как при личном свидании их в Эрфурте. Этот вопрос был решен тем, что Наполеон согласился не прекословить расширению пределов России на берегах Дуная, предоставить ей самой склонить к тому Порту и отказываясь от всякого посредничества.

По возвращении из Эрфурта государь поручил князю Прозоровскому пригласить турецких полномочных в Яссы для постановления мирных условий. Конгресс открылся в начале 1809 года. С.-Петербургский кабинет требовал от Турции двух условий: уступки Молдавии и Валахии и разрыва с Англией. Порта отказала в том и другом. Военные действия тогда же возобновились; впрочем, до 1810 года ведены были слабо и безуспешно. Князь Прозоровский, генерал старый, обремененный недугами, целое лето занимался осадю Журжи и Браилова, не мог взять ни той, ни другой крепости и допустил турок утвердиться на левом берегу Дуная. После смерти его главное начальство над армией принял князь Багратион. Исполняя повеления двора, он перешел Дунай и осадил Силистрию. Осада была неудачна. Визирь послал на помощь крепости тридцатитысячную армию, которая расположилась в нескольких верстах от русского лагеря, в укрепленном стане. Багратион напал на нее, и был отбит. Недостаток продовольствия принудил его возвратиться в Молдавию.

На место Багратиона главнокомандующим молдавской армией в 1810 году назначен генерал юный, но уже знаменитый блестящими подвигами в Пруссии и Швеции, граф Николай Михайлович Каменский. С появлением его на берегах Дуная все приняло иной вид: турки, доселе тревожившие саму Молдавию, не смели показаться в поле и прятались по крепостям.

Каменский хотел в одно лето решительным ударом кончить войну, тем более тягостную для России, что политические дела на западе снова принимали грозный вид. Он перевел все свои силы, до 80 тысяч, в Болгарию и, в одно время осадив отдельными корпусами Рушук, Силистрию и Базарчик, сам с главным корпусом двинулся на Балканы, чтобы овладеть ключом Турции, неприступною Шумлюю, где заперся визирь, с большей частью своих войск. Поход был блестящий: Силистрия сдалась после кратковременной осады; Базарчик взят приступом; все пространство от Дуная до Балкан было очищено от неприятелей. Они держались только в Шумле, Рушук и Варне. Визирь изъявил желание заключить перемирие; Каменский требовал решительного мира, с тем чтобы Дунай был границей между обеими империями, и, не получив согласия, приступил к Шумле.

Двенадцать русских батальонов после невероятных усилий взобрались на высоты, окружающие крепость с севера, и там, после двухдневного боя, утвердились. Оставалось только подкрепить их и поднять орудия на высоты, чтобы разгромить город. Главнокомандующий из-за недостатка осадных орудий счел за лучшее обложить крепость и пресечь подвоз съестных припасов в надежде принудить визиря к сдаче голодом. Мера эта, однако, не имела желаемого успеха. Русская армия прежде турецкой почувствовала недостаток продовольствия и отступила к Рушук, где дела шли также неудачно. Осадные работы были ведены неискусно; гарнизон не думал о сдаче.

Каменский решился взять Рушук штурмом. Войско, одушевленное словами любимого вождя, бодро пошло на приступ, но не в силах было взобраться на высокие стены, обороняемые отчаянною храбростью многочисленного гарнизона; турки сделали удачную вылазку и расстроили наши колонны. Войско было в смятении. Тщетно главнокомандующий посылал полки за полками в кровавую сечу и возвестил, что он сам идет на штурм: русские были отбиты на всех пунктах с потерей 8 000 человек.

Визирь ободрился и задумал привести Каменского в то же положение, в какое за год перед тем он поставил Багратиона. До 40 000 турок расположились недалеко от Рушук при Батыне, в четырех укрепленных лагерях, под начальством сераскира. Но Каменский только и ждал, чтобы не-

приятель появился в открытом поле: стремительно напал на сераскира и разбил его наголову. Следствия Батынской победы были весьма важны: Рушук, Журжа, Никополь сдались на капитуляцию. Русские прочно укрепились на правом берегу Дуная.

Султан не изъявлял, однако, наклонности к миру: тайно подстрекаемый французскими агентами, он решил продолжить войну и тем ревностнее готовился к ней, что русская армия на Дунае, с самого начала 1811 года, уменьшилась до половины отделением пяти дивизий к берегам Днестра по случаю возникших тогда несогласий с Францией. Притом же не стало грозы Турции: Каменский впал в тяжкую болезнь и вскоре кончил славную жизнь свою.

Преемник его, генерал Кутузов, принужденный действовать оборонительно, не обнаруживал в глазах турок ни смелости, ни решительности своего предшественника. Они ободрились. Визирь оставил Шумлу и с огромными силами двинулся к Дунаю, чтобы вытеснить русских из занятых ими крепостей. В самом деле, Кутузов очистил Рушук, Силистрию, Никополь, переправился на левый берег и расположился при местечке Слободзее. Это была сеть, раскинутая умом великого полководца для неприятеля.

Обе армии два месяца стояли в бездействии, одна на виду у другой, отделяясь только рекою. Визирь наконец решился с главными силами также перейти Дунай, верстах в четырех выше русского лагеря, не встретил почти никакого сопротивления и утвердился на левом берегу; но вскоре дорого заплатил за эту удачу. Кутузов немедленно приказал выстроить редуты против турецкого лагеря полукругом так, чтобы неприятель не мог двинуться вперед ни на шаг; между тем генералу Маркову велел с отдельным корпусом незаметно перейти на правый берег и пресечь сообщение визиря с Рушуком. Марков с блестящим успехом исполнил свое поручение, напал на турок, стоявших близ Рушука³⁶, врасплох, рассеял их без труда, расположился прямо против турецкого лагеря, направил на него турецкие пушки и начал жестокую канонаду. Визирь постиг всю опасность своего положения и тайным бегством в Болгарию спасся от плена. Армия его, состоявшая из янычар и отборных войск Турции, большей частью погибла от голода и болезней; остальные, в числе 12 000 человек, со всей артиллерией, сдались Кутузову.

Столь жестокий удар, лишив султана средств продолжать войну, склонил его к миру. Договором в Бухаресте³⁷ Порты согласилась уступить России часть своих владений между Днестром и Прутом, известную под именем Бессарабии, с крепостями Хотинном, Бендерами, Аккерманом, Кильею и Измаилом. Графское и вскоре потом княжеское достоинство было наградой Кутузову за блестящий подвиг его, увенчанный столь вожделенным миром: редкий договор был для России так выгоден по обстоятельствам времени, как договор Бухарестский: им прекращена война тягостная в то самое время, когда отечеству необходимо было сосредоточить все свои силы на западной границе для борьбы со всей Европой. Турция примирилась с нами за месяц до вторжения Наполеона в Россию, и Александр утвердил трактат в Вильне, уже в походе против грозного неприятеля.

VI. ВОЙНА ПЕРСИДСКАЯ (1804—1813)

Среди непрестанных браней на западе, с Францией, Турцией, Швецией, Александр в то же время вел непрерывную войну на востоке с Персией, войну, едва заметную для современников, озабоченных всемирными событиями, тем не менее достопамятную для потомства и по доблестям русского оружия и по важности следствий: ознаменованная подвигами *Цицианова*, *Гудовича*, *Тормасова*³⁸ и *Котляревского*, она утвердила господство России за Кавказом.

Добровольное подданство Карталинии, Кахетии и Сомхетии, под общим именем Грузии, императору Павлу I должно было иметь неминуемым следствием присоединение к России и других мелких владений Закавказских, уже приготовленное предшествовавшими событиями: единовольные нам цари Имеретийские и князья Мингрельские искали защиты нашего двора еще при царе Алексее Михайловиче; шамхал Тарковский³⁹, ханы Дербентский и Бакинский изъявляли преданность к российскому престолу со времени Петра Великого; а владетели Ширвани, Шеки, Ганжи и Карабаха, уstraшенные победами графа Зубова, отдались в покровительство Екатерины II. Оставалось привести их в окончательное подданство и смирить еще

многих независимых ханов, беков, усмеев⁴⁰ и султанов, господствовавших между Кавказом и Араксом, без чего обладание Грузией не могло быть ни безопасно, ни полезно для России⁴¹. Исполнение этого важного дела Александр поручил генералу князю Цицианову, грузину по рождению, русскому по душе, пламенно любившему Россию, равно храброму полководцу и искусному правителю, коротко знакомому с Закавказским краем, где дом его принадлежал к числу знатнейших фамилий и находился в родстве с последним грузинским царем Георгием XIII, женатым на княжне Цициановой.

Назначенный в 1802 году главнокомандующим Грузией на место генерала Кноринга, Цицианов с неутомимой деятельностью занялся внутренним благоустройством и внешней безопасностью вверенного ему края. Для первой цели он старался пробудить народную промышленность, ввести более порядка в управлении и обеспечить правосудие. Для второй спешил грозой оружия смирить неприязненных ханов, тревоживших Грузию с востока. Опаснее всех был сильный владетель Ганжи Джеват-хан, деспот вероломный и кровожадный. Покорившись в 1796 году Екатерине II, впоследствии он изменил России, передался на сторону Персии и грабил купцов тифлиссских. Цицианов вступил в его область, осадил Ганжу и взял ее приступом. Хан был убит во время штурма; дети его погибли в сече или бежали. Народ присягнул на вечное подданство российскому государю. Ганжа переименована Елизаветполем и со всем ханством присоединена к Грузии. Из-под стен Ганжи Цицианов отрядил генерала Гулякова смирить непокорных лезгинов, тревоживших Кахетию. Храбрый Гуляков загнал их в горы, проник в самые неприступные ущелья и хотя жизнью заплатил за свою отважность, при всем том навел такой ужас на хищных обитателей Лезгистана, что они прислали в Тифлис депутатов с просьбой о пощаде. Примеру их последовали хан Аварский и султан Элисуйский. Вскоре князья Мингрелии и Абхазии покорились российскому государю; имеретийский царь Соломон также вступил в вечное подданство.

Персия с завистью и опасением смотрела на быстрые успехи русского оружия за Кавказом. Встревоженный падением Ганжи, *Фетх-Али-шах* подослал грузинского царевича Александра возмутить подвластных нам ханов; между

тем сыну своему *Аббасу-мирзе*⁴² с многочисленную армией велел перейти Аракс для усмирения непокорного вассала своего сардаря⁴³ Эриванского и для содействия царевичу Александру. Цицианов, зная неприязненное расположение Персии и предвидя неизбежную с нею войну, решился овладеть Эриванью, которая по своим твердыням, знаменитым на востоке, могла служить ему надежную опорою для военных действий. На берегах Занги, при монастыре Эчмиадзинском, он встретил Аббаса-мирзу с войском, вчетверо сильнейшим русского отряда, и разбил его; вслед за тем вторично поразил персиян под стенами Эривани; победил наконец самого шаха, пришедшего на помощь сыну, но не мог взять крепости и после изнурительной осады, от недостатка продовольствия и от повальных болезней, принужден был возвратиться в Грузию. Эта неудача имела неблагоприятные следствия.

Шах, при содействии царевича Александра, успел возмутить весь Лезгистан, Осетию, Кабарду, ханов Дербентского, Бакинского и Кубинского. Военная дорога, проложенная через Кавказ, была пресечена горцами; Грузия подверглась нападениям взволнованных лезгинов и осетинцев. Цицианов спешил потушить столь опасный пожар; удачные экспедиции в горы навели там ужас на хищных обитателей и восстановили прерванное ими сообщение кавказской линии с Грузией; осетинцы также были приведены к повиновению. Оставалось смирить мятежных ханов Дагестана, главою коих был владетель Бакинский, коварный Гуссейн-Кули-хан. Цицианов вступил в его область и, осадив Баку, требовал безусловной покорности. Хан, изъявляя притворное смирение, предложил главнокомандующему принять ключи городские. Князь с малочисленную свитою отправился в крепость и едва приблизился к ней, был сражен двумя пулями, пущенными по тайному приказанию Гуссейна.

Весть о смерти полководца, бесстрашного в сечах, одною грозою своего имени державшего в повиновении строптивые племена, снова взволновала весь край Закавказский. Из всех подвластных нам ханов один шамхал Тарковский не поднял знамени бунта и остался верен присяге; даже царь Имеретийский Соломон вступил в сношения с врагами России. Персияне ободрились и опять перешли за

Аракс; турки, со своей стороны, вследствие разрыва России с Портою, угрожали нападением на Грузию.

Преемник Цицианова граф Гудович неоднократно экспедициями в горы, по обеим сторонам Кавказа, обуздал лезгинов, чеченцев и союзников их; взял Баку, смирил хана Дербентского; разбил турок при реке Арпачае и прогнал персиян за Аракс; между тем адмирал Пустошкин взял и разорил Анапу.

С таким же успехом продолжал усмирение Закавказского края преемник Гудовича генерал Торماسов. Взятием Поти и вторичным разорением Анапы он лишил турок возможности поддерживать восстание в Имеретии и Абхазии; царь Имеретийский отказался от престола; государство его вошло в состав российских владений; спокойствие в Абхазии восстановлено; а неоднократные победы над соединенными войсками турецкими и персидскими обезопасили Грузию от вторжения главных ее неприятелей.

По отозвании Торماسова в Россию, где предназначалось его талантам обширнейшее поприще в борьбе с Наполеоном, начальство над Закавказским краем, после кратковременного управления маркиза *Пауллуччи*, вверено генералу *Ртищеву*⁴⁴. Турция, вследствие Бухарестского трактата, прекратила неприязненные действия. Персия, уstraшенная непрерывным рядом неудач, также изъявила готовность к миру, и Аббас-мирза вступил с главнокомандующим в переговоры на берегах Аракса при посредничестве английского посланника. Переговоры были, однако, безуспешны и скоро пресеклись. Ртишев возвратился в Тифлис, оставив на левом берегу Аракса генерала Котляревского с 2 000 человек при 6 орудиях для наблюдения за действиями персиян. Аббас-мирза сосредоточил главные силы свои на правом берегу против русских и послал несколько тысяч человек огнем и мечом разорять области Шекинскую и Ширванскую, между тем готовился к переправе для истребления малочисленного отряда нашего на левом берегу Аракса.

Котляревский подвигом отважным и блестящим расстроил замыслы неприятеля: он сам перешел чрез Аракс, стремительно напал на Аббаса-мирзу, выбил его из укрепленного лагеря, отбросил всю его армию к местечку Осландузе и там истребил ее вконец. Следствием этой победы, одержанной слабым отрядом над врагом вдесятеро силь-

нейшим, было очищение всего левого берега Аракса от персиян. Шах все еще упорствовал в войне, покуда новый подвиг Котляревского, еще более славный, нежели первый, штурм Ленкорана, не склонил его к миру.

Устрашенный грозным движением русских к пределам Персии, шах согласился на все требования нашего двора. Договор подписан в урочище Гюлистане⁴⁵, в Карабахской области: Персия признала господство России над ханствами Карабахским, Ганжинским, Шекинским, Ширванским, Дербентским, Кубинским, Бакинским, Талышинским и отказалась от всяких притязаний на Дагестан, Грузию, Имеретию и Абхазию. Император российский обещал, со своей стороны, помощь и содействие тому из сыновей шаха, кто будет им назначен наследником персидского престола.

VII. ВОЙНА 1812 ГОДА

Тесный союз Александра с Наполеоном, заключенный в Тильзите, был скреплен при втором свидании их в Эрфурте; здесь, распорядясь судьбой царств и народов Европы, они изъявили взаимную готовность на все, чего каждый из них желал достигнуть. Александр не прекословил возведению Иосифа Бонапарта на престол испанский, обещал помогать Франции в случае разрыва с Австрией и усилить меры против Великобритании, упорной в неприязни к его союзнику. Наполеон, со своей стороны, не противоречил присоединению к России Финляндии, Молдавии и Валахии, согласился вывести войска свои из прусского королевства и снять несколько миллионов контрибуции. В продолжение двух лет ничто не нарушало согласия двух могущественных властителей Европы. Они переписывались как искренние друзья, сообщали друг другу свои планы и намерения и доказывали Европе взаимную дружбу самым делом, в особенности Александр: он свято исполнял договор Тильзитский. При таком положении дел Европа, потеряв в российском государе единственного защитника своей независимости и свободы, мало-помалу привыкала к владычеству дома Бонапарта, считала его неизбежным и терпеливо сносила свою долю. Новые опыты

самовластия французского императора — присоединение Голландии, северной Германии, вольных городов Гамбурга, Любека, Бремена, падение самого папы, сверженного с престола, уже ничто не удивляло европейских народов: все казалось в порядке вещей, и, по всей вероятности, нескоро кончилось бы господство грозного завоевателя, если бы он, упоенный мечтою о всемирном владычестве, не вздумал поработить и Россию.

Александр, согласившись на значительные уступки в Тильзите и Эрфурте, принял за основание своей политики два неизменных правила: с одной стороны, дал себе слово свято исполнять возложенные на себя обязательства в надежде, что Наполеон, достигнув высшей степени величия, удовольствуется наконец в своих властолюбивых замыслах и дарует Европе мир; с другой стороны, твердо решился не уступать ни в чем, что было бы несообразно с честью и достоинством российского императора.

Наполеон, между тем, вторично сокрушив Австрию войною 1809 года и сочетавшись браком с дочерью императора Франца I Эрцгерцогинею Марией Луизой, более чем когда-либо возмечтал о всемирном владычестве, хотел поставить себя выше всяких условий, законов, прав и, господствуя от Мадрида до Немана, все еще томился жаждою войны, славы и завоеваний: он досадовал, что за Неманом есть держава, ему неподвластная, и решился поработить ее. Для этой цели он начал действовать в отношении России так точно, как поступал некогда с Австрией и Пруссией, не уважал ни дружбы ее государя, ни святости заключенных с ним обязательств, звал его на брань и готовил удар сокрушительный. Александр, непоколебимо твердый в правилах принятой им политики, с жаром вступился за свою честь, за достоинство своего сана, за независимость своей империи. Вследствие этого, уже в начале 1810 года возникли между обоими императорами взаимные споры, которые через два года кончились войною.

Первым поводом к несогласию была Польша. Образовав в 1807 году герцогство Варшавское, Наполеон дал слово не расширять его пределов; тем более содействовать восстановлению польского королевства: вопреки этому обещанию в 1809 году он увеличил герцогство воеводствами Подляхским, Люблинским и Сандомирским, отнятыми у Австрии, и внушил полякам разные несбыточные надеж-

ды: они возмечтали о возможности присоединить к герцогству все бывшее великое княжество Литовское. Двор наш, встревоженный и действиями Наполеона и притязаниями поляков, предложил Тюльерийскому кабинету заключить формальное обязательство согласно данным прежде обещаниям. Наполеон уполномочил посла своего в С.-Петербурге Коленкура вступить по сему предмету в переговоры и объявил, что он не только не думает восстановить Польшу, но даже согласен само имя ее истребить из актов и истории; между тем заключенного послом его договора не утвердил и таким образом обнаружил враждебные замыслы на Россию.

Вторым поводом к несогласию был самовольный поступок его с герцогством Ольденбургским, обязанным России своим политическим существованием. По договору 1766 года, подтвержденному в 1773-м, российский императорский дом уступил королю датскому родовые владения свои в герцогстве Голштинском, а взамен их получил графства Ольденбург и Дельменгорст, которые вскоре после того обращены были во владетельное герцогство Голштин-Ольденбургское, в пользу младшей линии Готторпского дома, главою которого был император Российский как представитель старшего колена. Таким образом, возникнув из областей, составлявших родовую отчину императорского Российского дома, герцогство Ольденбургское находилось под покровительством России и, по пресечении царствовавшего в нем рода, должно было поступить под Российскую державу. Самостоятельность его обеспечивалась и Тильзитским договором. Кроме того, племянник герцога, принц Георг Ольденбургский получил руку родной сестры Александра, великой княгини Екатерины Павловны. Следовательно, всякое распоряжение относительно герцогства, без согласия Российского императора, было бы явным оскорблением его достоинства. Так точно и поступил Наполеон. В 1810 году герцог известил государя, что французские войска заняли его владения и декретом сената он лишен своей наследственной области. Изумленный столь неожиданным событием, Александр потребовал объяснения от Тюльерийского кабинета и получил в ответ, что Ольденбург действительно присоединен к Франции для пресечения англичанам всех путей в Европу, но что император французов готов вознаградить герцога горо-

дом Эрфуртом. Александр с негодованием отверг это предложение, ибо не хотел дозволить Наполеону наглого самоуправства, и повелел послу своему в Париже князю Куракину подать формальный протест, известив о своем неудовольствии и прочие дворы Европы. Наполеон громко жаловался на протест и считал себя оскорбленным, хотя сам давно уже забыл все условия приличия. Вслед за тем новое важное обстоятельство еще более рассорило обоих императоров.

Континентальная система год от году становилась для России тягостнее, расстраивая народную промышленность и государственные финансы. Огромные запасы наших продуктов, доставлявшие и казне и частным лицам значительный доход, лежали без движения в приморских городах из-за невозможности оправить их за границу. Внутренние обороты пресекались; вексельный курс упал; ассигнации быстро понижались в цене; дороговизна была чрезвычайная, в особенности на колониальные товары. Эта система до такой степени была несообразна с развитием европейской промышленности и с благоденствием народов, что сам Наполеон допускал в виде изъятий, для выгод Франции, ввоз колониальных произведений, даже английских товаров, между тем от других держав неотступно требовал строгого соблюдения предписанных им правил. При очевидной невозможности поддерживать континентальную систему во всей ее обширности, при явном ослаблении Наполеона, Александр тарифом 1810 года дозволил привоз колониальных товаров под американским флагом и запретил многие предметы роскоши, получаемые наиболее сухим путем из Франции. Наполеон принял этот тариф за объявление разрыва, и если тогда же не начал войны, то потому только, что был озабочен делами испанскими и считал необходимым увеличить свои силы.

1811 год прошел в бесплодных переговорах, в упреках, отчасти в уверениях дружбы; между тем с обеих сторон готовились к войне решительной, на жизнь или смерть. Приготовления Наполеона были огромные: Франция со всеми землями, вошедшими в состав ее, ополчилась поголовно; Австрия, Пруссия, Саксония, Бавария и все государства Рейнского союза обязались выставить вспомогательные войска; вследствие сих мер к началу 1812 года Наполеон имел под ружьем более 1 200 000 человек; из них одна по-

ловина предназначена была частью для покорения Испании, где кипела брань кровавая, частью для обороны французской империи и усиления войск; другая под названием Великой армии, в числе 700 000 человек, с 1 400 орудий, через Саксонию, Пруссию, Польшу двинулась к берегам Вислы, чтобы по первому мановению своего вождя вторгнуться в Россию⁴⁶. Под знамена Наполеона стали лучшие войска двадцати народов Европы. Только англичане, датчане, шведы и турки не участвовали в его походе на наше отечество.

Еще недовольный столь огромными средствами, каких не имел до сих пор ни один завоеватель, он старался рассеять силы России, воспламеняя войну на севере и юге: склонял на свою сторону короля шведского обещанием возвратить ему Финляндию и подстрекал турок к упорной борьбе на Дунае для возвращения, при его содействии, всех земель, потерянных Портою со времени Кайнарджийского договора. Сверх всякого чаяния, коварные внушения его остались бесплодными. Делами Швеции, за болезнью короля, управлял наследный принц, француз по рождению, прежний сподвижник Наполеона, маршал Бернадот, но он лучше многих понимал характер ненасытного завоевателя и, убежденный в несомненной истине, что с падением России не устоять и Швеции, предложил Российскому государю совокупными силами действовать против общего врага. Тесный, искренний союз был заключен между Россией и Швецией. Благородный поступок наследного принца шведского обезопасил наши границы на севере; искусство Кутузова прекратило тягостную войну на юге: на конгрессе Бухарестском он успел внушить визирю те же мысли и опасения, какие занимали и принца. Султан согласился на мир. При всем том положение России было опасное.

С самого начала 1811 года русское правительство деятельно готовило меры к обороне государства; усиливало и умножало корпуса, подвинутые к западной границе, воздвигало укрепления в Киеве, Динабурге, Бобруйске, Дриссе; составляло запасные депо внутри империи для усиления действующих армий; производило многие полезные перемены в составе и устройстве военных сил благодаря неутомимой ревности тогдашнего военного министра Барклая-де-Толли. Невзирая, однако, на заботу правительства, русское войско, предназначенное для оборо-

ны империи, было вдвое малочисленнее неприятельского. Оно состояло: во-первых, из трех действующих армий, в числе 218 000 строевых, готовых встретить врага на западной границе; во-вторых, из запасных войск, из рекрут и вновь сформированных полков, расположенных внутри империи, в числе 180 000 человек. Численная слабость наших сил, в сравнении с силами неприятеля, была тем ощутимее, что из-за неизвестности, откуда последует главный удар, невозможно было сосредоточить войска на одном пункте, и действующие армии, размещенные в значительном расстоянии одна от другой, занимали обширное пространство по западной границе от Двины до верховьев Стыри, на протяжении 400 верст. Главнокомандующий первой западной армией Барклай-де-Толли стоял в Виленской губернии; князь Багратион со второй армией в Гродненской; Тормасов с обсервационной в Волынской. Армия Дунайская, сильная числом (более 50 000), испытанная в боях, оставалась в Валахии, под начальством адмирала Чичагова, в бездействии, до утверждения султаном Бухарестского мира, о чем узнали уже после вторжения Наполеона; следовательно, она не скоро могла поспеть на защиту отечества⁴⁷.

Внутри империи господствовало всеобщее недоумение; все сословия готовы были ополчиться за царя и за царство; но имя Наполеона приводило в трепет многих: походы австрийский и прусский были еще свежи в памяти; многие были убеждены, что Россия погибнет, — и в знамении небесном, в огромной комете видели подтверждение своим гаданиям. Впрочем, общее мнение было лучше погибнуть, чем покориться ненавистному врагу; боялись только, чтобы государь, по свойственному ему великодушию, не уступил, и трудно изобразить одушевление русского народа, когда с вестью о вторжении неприятеля в пределы России по всем концам империи в святых храмах раздались слова Александра: «Не положу оружия, доколе не единого неприятельского воина не останется в моем царстве».

Так разгорелась война беспрецедентная в истории и по могуществу соперников и по важности результатов, война, долженствовавшая решить участь всего образованного мира. Дело шло не об одной России: ясно было, что с падением нашего отечества, единственного оплота безграничного

самовластия Наполеона, исчезнет последняя тень самостоятельности государств европейских. Спасая себя, Россия спасла и Европу.

Война началась 12 июня переходом французской армии через Неман между Ковно и Гродно. Наполеон с большей частью своих сил двинулся к Вильне на Барклай-де-Толли, направив в то же время брата своего Иеронима, короля Вестфальского, на Багратиона: он хотел быстрым движением разрезать наши армии, чтобы истребить их отдельно одну за другою, и едва в том не успел⁴⁸. По первоначальному плану, составленному прусским генералом Фулем⁴⁹, главною целью наших действий было дать врагам отпор на границах империи и поразить их при первом удобном случае. Барклай-де-Толли должен был стать твердо в укрепленном лагере на Двине, при Дриссе, и там удерживать главные силы неприятеля, между тем как Багратион с Торماسовым и Чичаговым будет действовать ему во фланг и в тыл. Вследствие чего Барклай-де-Толли сосредоточил свой корпус в окрестностях Вильны и двинулся прямо на север, для занятия укрепленного лагеря при Дриссе; Багратион расположился у Слонима. Таким образом, желания Наполеона исполнялись: главные армии наши потеряли взаимную связь и отделились одна от другой на 300 с лишним верст. Между ними стал маршал Даву, занявший Минск многочисленным корпусом.

К счастью, чрезмерное превосходство сил неприятеля внушило опасения на счет возможности остановить его на Двине, тем более что укрепления при Дриссе оказались не вполне надежными. План действий изменен: решено во что бы то ни стало соединить обе западные армии и только тогда вступить в бой. Барклай-де-Толли потянулся вверх по Двине к Витебску, куда велел спешить и Багратиону. На Двине, для прикрытия Пскова и Новгорода, оставлен один корпус графа Витгенштейна, который, укрепившись близ Полоцка, с блестящим успехом исполнил возложенное на него поручение и первый обрадовал Россию победами над врагами*.

* При Клястицах 20 июля он разбил маршала Удино; 5 августа вновь поразил его под Полоцком, а 6 августа сразился с товарищем его С. Спром и принудил неприятеля остановиться на Двине, чем обеспечил Псков и даже С.-Петербург.

Не сомневаясь в храбрости войск, Александр счел нужным заблаговременно прибегнуть к чрезвычайным мерам защиты, на случай неблагоприятного хода войны: на походе к Полоцку 6 июля он подписал воззвание к Москве и манифест ко всему народу о всеобщем вооружении; вслед за тем отправился в первопрестольный град свой и там, собрав дворянство и купечество, объявил о необходимости поголовного ополчения для усиления действующих армий и для обороны империи. Ответом Москвы была единодушная готовность пожертвовать всем за царя и царство: дворянство обязалось выставить целые полки; купечество не щадило своих сокровищ; народ требовал оружия, чтобы идти на врагов. Примеру Москвы следовали прочие города с таким пламенным усердием, что император признал достаточным составить ополчение только в 17 губерниях, ближайших к театру войны. За один месяц, на счет дворянства и купечества, вооружилось более 200 000 ратников, готовых умереть за свободу отечества, за честь своего государя.

Между тем военные действия приняли оборот неожиданный. Барклай-де-Толли, отступив к Витебску, стал здесь твердо, с решительным намерением дать генеральное сражение, как только прибудет Багратион, которого ожидал с часу на час, и, чтобы выиграть время для соединения с ним, приказал графу *Остерману*⁵⁰ удерживать неприятеля при местечке Островне. Целый день бесстрашный Остерман сражался с Мюратом. Неприятель ломился как бурный поток, огромными массами; русские орудия были подбиты; целые полки изрублены; Остерман оставался непоколебим среди огня боевого, и на вопрос, что прикажет делать, когда враги более и более усиливались, отвечал хладнокровно: «Стоять и умирать». Он не уступил ни шагу; на другой день сменил его Коновницын. Вторично завязался жестокий бой; Наполеон ввел в дело почти половину армии, сам распоряжался сражением и к вечеру сломил Коновницына; на третий день очередь дошла до графа *Палена*⁵¹; он с равным успехом целые сутки удерживал врагов, изумляя их самих искусством движений и мужеством необыкновенным.

После трехдневной борьбы с отдельными корпусами неприятелю удалось, наконец, добраться до главной Русской армии, стоявшей на левом берегу Двины под Витеб-

ском: вечером 15 июля развернулись на виду у нее все силы врагов. Наполеон с нетерпением ждал рассвета, предвестника битвы и победы. Войска наши, уже скучая продолжительным бездействием, жаждали боя как пира и столь же нетерпеливо готовились к делу решительному. Сверх всякого чаяния, главнокомандующий отдал приказ — отступить. Армия тихо снялась с лагеря и ночью удалилась в таком порядке, что Наполеон на другой день долго не мог разведать, по какой дороге направила она свой путь, по Московской или Петербургской. В русском лагере ничего не было ни брошено, ни забыто; французы нашли в нем только одного солдата, спавшего под кустом. Следы армии исчезли; после узнал Наполеон, что она потянулась к Смоленску.

Виною неожиданного отступления Барклая-де-Толли было известие, что вторая армия не в силах пробиться к Витебску и идет на Смоленск. Багратион получил повеление поспешить на помощь первой армии в Слониме уже в то время, когда с одной стороны король Вестфальский зашел ему в тыл с Гродно, с другой стороны Даву перерезал ему путь к Витебску, заняв Минск и угрожая поставить его между двух огней. Багратион отразил короля и быстро двинулся на Бобруйск, чтобы оттуда через Могилев и Оршу прямою дорогою выйти на Витебск. Даву, следуя кратчайшим путем, предупредил его в Могилеве. Русские пошли напролом, и в тот самый день, когда Барклай-де-Толли располагался на Двине, под Витебском, с нетерпением ожидая прибытия второй армии, она сражалась за 200 верст от него, на берегах Днепра, под Могилевом, при Салтановке⁵². Бой был жестокий; русские колонны, предводимые Раевским и *Паскевичем*⁵³, нападали с мужеством невероятным, но не в силах были вытеснить многочисленного, равно храброго неприятеля из крепкой позиции; при всем том Даву считал себя счастливым, что успел отбиться, и целые пять суток не трогался с места, ожидая нового нападения. Багратион между тем переправился за Днепр, с искусством скрыл свои движения и суворовским маршем через Мстиславль достиг Смоленска. Там соединился он с первой армией и подчинился Барклаю-де-Толли как лицу, облеченному полным доверием государя, хотя в чине был старше своего товарища и неоднократно в прежние походы имел его под своим начальством.

При соединении первой армии со второй сосредоточилось у Смоленска до 120 000 человек под ружьем. Главнокомандующий изъявил намерение, к общей радости войска, начать наступательные действия, армия двинулась вперед, в прямом направлении к Витебску. Но едва сделала она несколько переходов, как было получено известие, что неприятельские войска тянутся между Двиною и Днепром на Поречье; Барклай взял вправо, к северу от Смоленска. Известие было, однако, ложным: Наполеон шел в противоположную сторону, на Красный, без труда перевел через Днепр до 200 000 человек и устремился к Смоленску с юга в несомненной надежде овладеть им врасплох, зайти русской армии в тыл и отрезать ее как от Москвы, так и от южных губерний.

Искусное движение его едва не увенчалось полным успехом: в Смоленске находился один полк; главнокомандующий стоял в 40 верстах, нисколько не подозревая об угрожавшей ему опасности, а неприятель был уже в Красном, откуда прежде русской армии он мог достигнуть Смоленска. Дорога почти была открыта: при Красном находился только семитысячный отряд, составленный большею частью из рекрут, еще не видавших огня. Наполеон даже не думал о нем. Но этим отрядом командовал *Неверовский*⁵⁴. С горстью людей он решился удержать неприятеля хотя на несколько часов и вступил в жестокую борьбу со всем авангардом французской армии. Многочисленная конница неприятеля, предводимая самим Мюратом, стремительно напала на него огромными массами с фронта, с флангов, с тыла. При самом начале сражения Неверовский потерял все бывшие при нем орудия, но не потерял присутствия духа: свернув батальоны в каре, он встретил врагов с мужеством героя, опрокинул их и начал отступать медленно, стройно, задерживая неприятеля на каждом шагу, отражая его ружейным огнем и штыками; он отступал как лев, по словам французов. Мюрат сорок раз пускал в атаку свою кавалерию, истощил все свои усилия, и все напрасно: Неверовский отбил, дав время корпусу Раевского занять Смоленск.

Но опасность еще не миновала. Главнокомандующий, не имея верных сведений о том, что происходило на левом берегу Днепра, оставался в прежней позиции своей, между тем как все силы Наполеона грозною тучею облегли Смо-

ленск с трех сторон, чтобы на другой день взять его и, овладев московскою дорогою, ударить в тыл главной армии нашей. Раевский, известив Барклая-де-Толли о настоящем положении дел, решился с 16-тысячным корпусом оборонять, до прибытия армии, город обширный, обнесенный ветхими укреплениями, воздвигнутыми еще в конце XVI века, против 200 000 человек. 4 августа на рассвете французы пошли на приступ во многих местах; главный натиск был на королевский бастион, где стоял Паскевич. Раевский хотел лучше погибнуть под развалинами Смоленска, чем уступить его врагам, сражался целый день и к вечеру отбил неприятеля, уже на виду главной армии, которая не шла, а бежала к месту сражения и сосредоточивалась на противоположном берегу Днепровском.

Наполеон ждал, что Барклая-де-Толли для спасения Смоленска решится на битву, приготовился встретить его в открытом поле, заранее торжествуя победу. Главнокомандующий мыслил иначе: менее чем когда-либо считал он возможным вступить в бой с неприятелем почти вдвое сильнейшим; главною заботою его было снова овладеть московскою дорогою, едва не занятою врагами, и сблизиться с ополчением, которое спешило из Москвы и Калуги, чтобы хотя несколько уравновесить свои силы с силами Наполеона. Вследствие чего решено было: армии отступить по направлению к Дорогобужу; а для прикрытия отступления корпусу Дохтурова, сменившему утомленные войска Раевского, оборонять Смоленск до последней возможности.

Наполеон на рассвете возобновил приступы, впрочем слабо, в надежде выманить Барклая в открытое поле; узнав, наконец, что русская армия потянулась правым берегом Днепра к Дорогобужу, он спешил овладеть Смоленском, чтобы напасть на нее, и повел общую атаку; половина французской армии вступила в дело. Атака не удалась; Дохтуров отразил врагов на всех пунктах. День склонялся к вечеру. Наполеон, вне себя от ярости, велел идти напролом, и накануне Преображения Господня решилась участь Смоленска. Загремела страшная канонада; город вспыхнул во многих местах; пожар разлился рекою; бомбы градом падали на дома и церкви, где толпились несчастные смоляне с женами и детьми, испуская вопли отчаяния. Здания разрушались, башни падали; но русское войско

стояло по стенам непоколебимо и с хладнокровным мужеством отражало врагов, ломившихся в город. Дохтуров и Коновницын отбивали французов; Неверовский поляков. С наступлением ночи неприятель удалился с потерей 12 000 человек⁵⁵.

Главнокомандующий, достигнув своей цели, велел Дохтурову оставить развалины Смоленска и присоединиться к армии, которая была в полном движении к Дорогобужу. Наполеон, все еще надеясь настигнуть ее, занял опустевший Смоленск и перевел на московскую дорогу главные силы свои в намерении догнать рассеянные корпуса наши. В самом деле, маршалу Нею и Мюрату удалось отрезать наш аррьергард; но храбрый Тучков успел спасти его, пожертвовав своим отрядом и собственной свободой. Армия отступила к Дорогобужу, оттуда к Вязьме, наконец к Цареву-Займищу в таком порядке, что Наполеон, следуя за нею по пятам и имея почти непрерывно стычки с нашим аррьергардом, не успел отбить ни одного орудия, ни одной повозки.

На пути от Смоленска неприятель находил одни развалины сел и деревень, сожженных самими жителями, которые скрывались в лесах, предав огню все, чего не могли взять с собою. Он шел без проводников и часто блуждал по проселочным дорогам. Война сама собою принимала такой точно вид, как за сто с лишним лет пред тем, во время нашествия Карла XII, с тою только разностью, что Петр Великий действовал по плану заранее предначертанному, с полным и ясным убеждением в необходимости уклоняться от решительного боя, доколе неприятель, завлеченный в безлюдные пустыни, не ослабеет в своих силах. Петр не щадил ни городов, ни сел, предавал их огню, строго приказывал народу удаляться в леса, и Карл на пути своем везде находил пепел, развалины и безлюдные пустыни. То же встречал и Наполеон благодаря самоотвержению русского народа, который, по влечению собственного ума и сердца, старался вредить неприятелю, не щадя ни крова своего, ни последнего имущества. Следствия должныствовали быть неминуемо те же, какие испытал Карл XII под Полтавою, и беспристрастное потомство никогда не забудет великой заслуги Баркляя-де-Толли, спасшего русскую армию постоянным уклонением от боя, который погубил бы ее возвратно, вместе с Россией и с Европой. Современники рассуждали иначе⁵⁶.

С самого начала войны при дворе, в войске, в народе господствовало общее желание решительной битвы: о ней твердил Барклаю князь Багратион еще до соединения с ним под Смоленском; о ней говорило все войско, молил народ; ее желал сам государь. Несколько раз Барклай-де-Толли останавливался на виду у неприятеля, делал распоряжения к бою, укреплял позицию и, когда все было готово, приказывал отступать, к общей горести России. Никто не мог постигнуть, куда и для чего он ведет храбрую армию? После потери Смоленска войска перестали приветствовать его обычным ура; Багратион и Беннигсен были в явной с ним ссоре; прочие генералы досадовали на мнимую нерешительность главнокомандующего; народ потерял к нему доверие и роптал.

Александр, встревоженный быстрым стремлением неприятеля в самое сердце России, еще более разномыслием Барклая с Багратионом, предложил все дело на рассмотрение особенного комитета, составленного из 6 лиц, пользовавшихся наибольшим доверием государя*. Комитет признал, что «недеятельность в военных операциях происходила от недостатка положительного над всеми армиями единоначалия и что для успешного хода войны необходимо назначить одного общего главнокомандующего, избрание которого должно быть основано на известных опытах в военном искусстве, на отличных талантах, на общем доверии и на старшинстве». Выбор пал на того, кто уже давно обращал на себя взоры всей России, на вождя русского именем и душою, поседевшего в боях, ознаменованного славными ранами, известного редким искусством и твердостью характера, на князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, занимавшегося в то время образованием С.-Петербургского ополчения. Государь утвердил выбор комитета⁵⁷ и предоставил Кутузову полную власть действовать по собственному его усмотрению, запретив одно — вступать в переговоры с Наполеоном.

Русская армия в глубоком унынии стояла при Царевзаймище, уже в 170 верстах от Москвы, с нетерпеливым, еще более недоверчивым ожиданием вновь обещанной Барклай-де-Толли битвы, когда разнеслась радостная весть о при-

* Из фельдмаршала Салтыкова, генералов Вязьмитинова, Аракчеева, Балашева, князя Лопухина и графа Кочубея.

бытии нового главнокомандующего: войско воспрянуло духом и закипело мужеством. Ждали близкого сражения, и не обманулись: Кутузов, для спасения Москвы, еще более для удовлетворения общего желания, решился на бой; хотел только подкрепить армию ополченными войсками и найти выгодную позицию. Вскоре *Милорадович*⁵⁸ привел более 15 000 резервного войска и сформированного им храброго ополчения московского; позиция, удобная к обороне, найдена между Гжатском и Можайском, в 108 верстах от столицы, на берегах Колочи, при селе Бородине. Здесь остановился Кутузов, чтобы заслонить правопрестольный град от завоевателя.

Русская армия, в числе 120 тысяч человек, с 640 орудиями расположилась на пространстве 7 верст между речкой Колочой и старой Смоленской дорогой⁵⁹. В центре стал Дохтуров; на правом фланге Милорадович, Остерман, Багговут, Уваров и Платов с казацкими полками; на левом фланге Раевский, Тучков, Коновницын, Воронцов и Неверовский. Впереди линии на холмах находились редуты; пред корпусом Раевского, на возвышенном кургане, устроен был люнет⁶⁰, служивший ключом позиции. Центром и правым крылом командовал Барклай-де-Толли; левым крылом Багратион. Кутузов распоряжался общим ходом сражения.

Наполеон, имея в строю до 135 000 человек и более 1000 орудий, сосредоточил силы свои на двух пунктах, против Багратиона и Барклая-де-Толли, чтобы, сломив левое крыло и прорвав центр русской армии, отбросить ее за Колочу, зайти ей в тыл и овладеть московской дорогой. Битва началась 26 августа с первым лучом восходящего солнца жестокою канонадою с обеих сторон по всей линии. Сквозь дым и пламя Мюрат, Ней, Даву и Жюно обрушились на левый фланг наш, между тем как вице-король Евгений столь же стремительно ударил в центр. И там и здесь русские стояли непоколебимо; первый удар был отбит. Кутузов, проникнув в намерение неприятеля, подкрепил центр и левое крыло свое войсками с правого фланга. Неприятель усилил огонь: 400 орудий направлены были на Багратиона, чтобы приготовить Мюрату успех вторичного нападения. Багратион со своей стороны выдвинул более 300 пушек и с холмов перекрестным огнем обстреливал равнину, по которой

французы должны были идти в атаку. Они шли медленно, грозными колоннами, в мертвом молчании, ружье наперевес, смыкая ряды, вырывааемые ядрами и картечью, и уже приближались к нашим редутам. Багратион бросился вперед и ударил в штыки. Закипел рукопашный бой; кровь лилась рекою; целые дивизии исчезали в несколько минут. Невзирая на превосходство сил, неприятель долго не имел перевеса, доколе тяжкая рана не принудила Багратиона оставить поле сражения. Тут наши полки замялись и отодвинулись назад, саженой на 400, чтобы занять высоты перед деревнею Семеновскою. Коновницыну удалось привести их в порядок и удержать неприятеля до прибытия неустрашимого защитника Смоленска Дохтурова; присланный Кутузовым заступить место Багратиона, он свернул полки в каре, троекратно отбил самые стремительные атаки всей неприятельской кавалерии и до конца сражения не отступил ни на шаг.

Столь же тщетны были усилия Наполеона прорвать центр нашей армии. Надлежало прежде всего овладеть грозным люнетом, устроенным на кургане, впереди корпуса Раевского, и потом сломить бесстрашного Баркляя, непоколебимого в сечах. Это трудное дело Наполеон возложил на славнейшего из сподвижников своих, на вице-короля Евгения, дав ему половину своей армии. Как скоро Мюрат обрушился на левое крыло, вице-король устремился на люнет. Здесь стоял Паскевич со своей храброй дивизией. Он встретил врагов с обычным мужеством, потерял почти всю свою дивизию, но, подкрепленный *Ермоловым*, графом *Кутайсовым* и *Васильчиковым*⁶¹, удержался на кургане. Громада войск неприятельских была отбита.

Наполеон, усилив Евгения свежими войсками, приказал готовиться к решительному удару и открыл огонь из всех батарей своих по нашему центру. Выстрелы с обеих сторон были так часты, что между ними не оставалось промежутка; залпы слились в один гул, который уподоблялся непрерывным перекатам грома. Земля тряслась; солнце померкло в облаках дыма; казалось, наступил час разрушения вселенной. Барклай-де-Толли, предугадывая общую атаку, спешил подкрепить свое войско последними резервами и с бесстрашием истинного героя стал впереди полков, под тучею бомб и ядер. Войско приветствовало его, в первый раз после падения Смоленска, единодушным ура

и, словно богатырской грудью, отразило последний решительный удар Наполеона. Неимоверные усилия его прорвать центр нашей позиции кончились тем, что после 10 часов жесточайшего боя ему удалось только овладеть курганной батареей; но сбить русской армии он не мог. К вечеру неприятельские атаки прекратились, и остальное время протекло в непрерывной канонаде, доколе ночь не положила конца сражению, превосходившему жестокостью и кровопролитием все известные битвы⁶². С той и другой стороны вышло из строя более 100 000 человек. Мы потеряли до 50 000; многие генералы были ранены; в числе убитых находились граф Кутайсов и братья Тучковы. Рана пресекла впоследствии и славную жизнь Багратиона.

Ночью Наполеон отступил в ту же позицию, которую занимал он перед сражением; Кутузов остался на поле битвы и, к общей радости войска, отдал приказ на другой день атаковать неприятеля. Но собранные им в ту же ночь сведения о великой убыли людей, особенно на левом фланге, убедили его в необходимости отступить за Можайск, чтобы привести армию в порядок и сблизиться с резервами, которые должны были подкрепить ее. На рассвете 27 августа он оставил поля Бородинские и пошел по московской дороге; вслед за ним двинулся и Наполеон. Пять суток шел Кутузов, тщетно ожидая прибытия свежих войск: они были еще далеко.

У самой Москвы, между деревней Фили и Воробьевыми горами, армия остановилась с мыслью победить или пасть под стенами столицы. Фельдмаршал, оглядев позицию, предварительно избранную Беннигсеном, признал ее неудобною к битве, собрал военный совет и предложил вопрос, ожидать ли нападения неприятеля в невыгодном месте или для спасения армии оставить Москву без боя и отступить далее? Мнения разделились. Беннигсен говорил, что стыдно оставить Москву без выстрела, что занятие столицы французами произведет неблагоприятное впечатление в России и в Европе, что нельзя еще отчаиваться в победе, и для лучшего успеха предлагал: сосредоточив главные силы на левом фланге, ночью двинуться вперед и напасть на центр неприятеля, уже ослабленный отделением многих отрядов для обхода русской армии. Барклай-де-Толли признавал эту меру слишком отважною: находил, что армия не в состоянии ждать неприятеля.

ля в занимаемой ею позиции, тем более идти ему навстречу, и советовал, оставив Москву без боя, отступить по Владимирской дороге. После жарких споров совет разделился на две половины: с Беннигсеном согласились Дохтуров, Уваров, Коновницын и Ермолов; с Барклаем граф Остерман и Толь; последний с той только важной разницей, что считал за лучшее выйти не на Владимирскую дорогу, а на Калужскую. Раевский также примкнул к стороне Барклая, предоставляя впрочем самому фельдмаршалу судить, какое действие произведет в политическом отношении известие о взятии Москвы. «С потерю Москвы, возразил Кутузов, не потеряна Россия, доколе сохранена будет армия. Уступлением столицы мы приготовим гибель неприятелю. Я намерен идти на Рязанскую дорогу; знаю, что вся ответственность обрушится на меня; но жертвую собою для блага отечества». Повелительное слово фельдмаршала «приказываю отступить» прекратило все споры.

На другой день рано утром русская армия снялась с лагеря. Солдаты думали, что они идут в обход, на бой решительный; вскоре дело объяснилось. С мрачным безмолвием, с невыразимою горестью в душе, но без ропота и уныния, в строгом порядке вступали полки за полками в Дорогомиловскую заставу и среди изумленного народа, по извилистым улицам столицы, с немалым трудом выходили на Рязанскую дорогу, между тем как Милорадович, начальствуя арьергардом, удерживал стремительные напоры врагов.

В Москве никто не предполагал, что Кутузов решится оставить неприятелю без боя первопрестольный град России. Правда, за несколько дней пред тем, по распоряжению московского главнокомандующего графа Ростопчина, вывезены были государственные сокровища, важнейшие архивы, казенное имущество во Владимир, в Нижний Новгород, в Казань, и дворянство заблаговременно удалилось в свои поместья; но мысль, что войско еще не разбито, что оно скорее погибнет под стенами столицы, нежели отдаст ее без боя, удерживала в стенах ее большую часть народонаселения. В неминуемой битве и победе уверял Москву до последней минуты и Ростопчин, призывая народ к единодушному содействию армии. Все ополчались поголовно; тысячи толпились перед арсена-

лом, где даром раздавалось оружие, и бодро готовились идти на врагов.

Неожиданное движение армии на Рязанскую дорогу привело народ в крайнее недоумение, которое тем более увеличилось, что ни Кутузов, ни Ростопчин не отдали никакого приказа, как принять неприятеля. Покинутая войском, градоначальником, сенатом, всеми властями духовными и светскими, Москва, по-видимому, должна была встретить торжествующего победителя с тою же покорностью, как встречали его в Милане, Вене, Берлине, Мадриде, чтобы уничиженным приветствием спасти свои дома от грабежа и расхищения. Но не таков народ русский! Вслед за армией двинулось все народонаселение столицы, бросило свои жилища, имущество, и рассеялось в разные стороны, предпочитая верную нищету, самую гибель ненавистному владычеству пришельца. Неудавшиеся выбраться скрылись в погребах и подвалах. В один день опустела Москва; на шумных площадях ее воцарилась мертвая тишина. Наполеон, шедший по следам русской армии, до самого Кремля, не встретил ни одной русской души. Москва приняла его как мертвая могила.

Мало того: едва вступил он в чертоги наших царей, а солдаты его, побуждаемые голодом и корыстью, бросились грабить безлюдные дома, в разных частях города вспыхнул пожар. На другой день Москва уже пылала со всех сторон. Ее жгли русские⁶¹. С самого начала войны народ постоянно одушевлен был одною мыслью: лучше все сжечь, чтобы ничего не доставалось неприятелю. Тщетно Наполеон, с тоскою и содроганием взиравший на распространение огня, приказывал тушить его: пожарных труб не было; их вывез Ростопчин за несколько часов до восшествия неприятеля в столицу; огонь разлился рекою; воздух, казалось, потерял равновесие; поднялась буря, и пламенное море поглотило Москву. Наполеон едва мог выбраться из пылающего Кремля в Петровский дворец; войско его должно было расположиться в чистом поле. Пять суток свирепствовал пожар; в шестые он стал затихать, не находя себе более пищи: златоглавая Москва была уже грудой пепла и развалин. Уцелели одни соборы с немногими зданиями в Кремле и в Китае; девять десятых частей были жертвою огня. Враги довершили разорение Москвы: они разграбили ее, не пощадив ни святых храмов, ни памятников искусства и истории.

Но гибель Москвы спасала Россию и Европу. Император Александр в начале войны возвестил, что он не положит оружия, доколе ни единого врага не останется в русском царстве. Теперь, узнав о разрушении древней столицы своей, государь сказал, что после такой раны всякая другая ничтожна, и принял твердое намерение не покидать оружия, доколе *не отомстит за оскорбленное отечество* сокрушением самого Наполеона. «Я или он, говорил Александр, он или я, но вместе мы царствовать не можем».

С такую же великодушною твердостью, с самоотвержением, достойным лучших времен Рима, узнал русский народ о падении Москвы. Сначала роковая весть о занятии неприятелем столицы поразила Россию и привела ее в уныние, как предвестница постыдного мира; но скоро обнародован достопамятный манифест о непоколебимом намерении императора не вступать с Наполеоном ни в какие переговоры. «Не в ту страну зашел он, говорил Александр, где один смелый шаг поражает всех ужасом и преклоняет к стопам его и войско и народ. Россия не привыкла покорствовать, не потерпит порабощения, не предаст законов своих, веры, свободы и, спасая себя, спасет независимость царей и царств». С благоговением слушал народ слова Александра и ополчался на войну священную. Мысль отомстить за оскорбленное отечество одушевила все сословия. Война народная запылала. От Смоленска до Москвы, по обеим сторонам пути неприятельского, вооружились все уезды: городские и сельские обыватели составили многочисленные партии, соединились с летучими отрядами партизанов и вредили врагам всеми возможными средствами: истребляли их обозы, запасы продовольствия, вырезали целые отряды, отбивали артиллерийские парки, губили пришельцев без пощады огнем и железом. Жены выходили на поиски со своими мужьями*.

Подвигнув таким образом народ к мести неумолимой, гибель Москвы поставила неприятеля в затруднительное положение и в другом смысле: Наполеон смело углублялся в самое сердце России в несомненной надежде не только принудить Александра к унижительному миру, но и найти в Москве те же средства, какие находил в Вене и Берлине к

* Партизанскими отрядами начальствовали Сеславин, Фигнер, Давыдов и другие.

восстановлению сил своей армии, измученной и расстроенной дальнею дорогою и непрерывными битвами. Войска его столь же нетерпеливо желали достигнуть Москвы, думая, что там ожидает их славный мир со всеми выгодами победителей, с обильным продовольствием, с удобными квартирами, с богатою добычею. Они представляли Москву земным раем: она встретила их адом: Все, что было для них необходимо, после столь трудного похода, большей частью истребил пожар. Войско упало духом, предалось грабежу и расстроилось более прежнего. Над развалинами Москвы померкла счастливая звезда Наполеона. Кутузов довершил удар.

Движением на Рязань великий вождь русского народа хотел только отклонить от себя внимание неприятеля, чтобы тем удобнее занять старую Калужскую дорогу, на что решился он еще прежде совещания под Москвою, и с вожделенным успехом достиг своей цели. Между тем как Наполеон, озабоченный пожаром, потерял из виду русскую армию и, думая, что она идет по Рязанской дороге, радовался этому движению, Кутузов от Боровского перевоза круто повернул направо, вышел на старую Калужскую дорогу и стал в укрепленном лагере при селе Тарутине на берегу Нары, в 80 верстах от столицы⁶⁴. «Теперь ни шагу назад», — сказал фельдмаршал и сдержал свое слово. Со вступлением его в Тарутинский лагерь перевес военных действий явно склонился на сторону русскую: прикрыв южные хлебородные губернии, Кутузов стал во фланге неприятельской армии так, что с успехом мог действовать на растянутый путь ее сообщений, даже предупредить ее кратчайшею дорогою в случае отступления к Смоленску. Для вернейшего удара оставалось только усыпить врага и выиграть время, необходимое для восстановления сил русской армии и для изнурения неприятеля. Сверх всякого чаяния, Наполеон попался в расставленные ему сети: он прожил в Москве целых пять недель.

Как ни торжественны были слова Александра не вступать ни в какие переговоры с притеснителем царств и народов, Наполеон не верил им и три недели ожидал в Москве послов от российского государя с предложением мира: они не явились. Армия его между тем истощила запасы продовольствия, найденные в Москве, и с величайшим

трудом получала их из окрестностей, где кипела война народная. За сеном и соломою выходили целые полки с орудиями и не всегда возвращались с добычею. Постигая всю опасность своего положения, Наполеон решился сам заговорить о мире и с этой целью отправил в Тарутинский лагерь генерала *Лористона*⁶⁵. Кутузов отвечал, что он уполномочен вести войну, а не переговоры, что ему запрещено даже произносить слово мир, но что, впрочем, он доведет до сведения государя о желании императора французов. Протекло еще две недели: ответа не было; голод в Москве увеличился; солдаты питались кониною; кавалерия едва двигалась.

Пятинедельное бездействие Наполеона в Москве было для России даром неба: изнузив и расстроив неприятеля, оно укрепило и почти вдвое усилило русскую армию, дав притом время разгореться войне народной. Кутузов привел в Тарутинский лагерь до 75 000 воинов, истомленных тяжким походом и непрерывным рядом битв. Три недели отдыха восстановили их силы; вновь сформированные войска, в числе 30 000 человек, присоединились к армии; подвезены всякого рода запасы; прибыли 26 полков казацких с берегов Дона, где, по призыву атамана Платова, вооружился стар и млад на защиту веры и царя. Армия кипела мужеством и жаждою мести за оскорбление России. Настало, наконец, время рассеять мечты Наполеона о мире и выгнать его из пределов отечества. 6 октября Кутузов начал действовать наступательно.

Первый удар был направлен на авангард неприятельский, стоявший верстах в десяти от Тарутинского лагеря⁶⁶, под начальством Мюрата, при деревне Винкове. Фельдмаршал поручил генералу Беннигсену напасть на него с половиной русской армии. Положено было: графу Орлову-Денисову с казацкими полками зайти ему в тыл, чтобы отрезать путь к отступлению, а *Багговуту*, *Остерману* и *Строганову*⁶⁷ атаковать в одно время французский лагерь. Казаки внезапным ударом привели Мюрата в такое замешательство, что если бы прочие войска своевременно вступили в дело, весь 25-тысячный корпус его был бы истреблен или взят в плен. Смерть Багговута, убитого первым неприятельским ядром в самом начале сражения, и некоторые другие обстоятельства расстроили план атаки, и Мюрат быстрым отступлением к Москве спас свой отряд. При

всем том графу *Орлову-Денисову*⁶⁸ удалось отнять 38 орудий и захватить немалое число пленных. Весь неприятельский лагерь остался в руках русских.

Еще прежде поражения Мюрата Наполеон, видя изнурение своей армии и уже сомневаясь в успехе мирных переговоров, начал готовиться к оставлению Москвы, чтобы сблизиться с огромными запасными магазинами, устроенными в Минске, Витебске и Вильне, и с отдельными корпусами своими, стоявшими в окрестностях Смоленска, Полоцка, Риги и Бреста. Наступательное движение Кутузова уничтожило в нем последнюю надежду на мир и ускорило поход. Избранный им путь пролегал через Боровск, Малоярославец, Калугу, Ельню и Смоленск к Витебску. Кратчайшей дорогой, столбовой Смоленской, идти он не решился, потому что здесь, в краю, опустошенном на обширное пространство по обеим сторонам дороги, невозможно было найти средств к продовольствию армии.

Неприятель выступил из Москвы 7 октября, имея под ружьем более 100 000 человек; за армией следовали многочисленные толпы лиц разного звания и тянулся бесконечный обоз в четыре ряда повозок, фур и телег на пространстве 30 верст, с небольшим запасом продовольствия, с огромным количеством военных снарядов, с несметным množеством золота, серебра и разных драгоценных вещей, похищенных в Москве.

Но, еще недовольный беспощадным разграблением древней столицы нашей, Наполеон, в бессильной злобе на Александра и Россию, дал маршалу Мортье повеление взорвать Кремль со всеми церквями и соборами, сжечь царский дворец и разрушить все остальные здания, уцелевшие от пожара, кроме одного Воспитательного дома. Варварское намерение его, достойное времен Аттилы⁶⁹, было исполнено: Мортье зажег дворец, подвел мины под Кремль и под святые храмы и, оставив в них зажженные фитили, удалился с остатками войска. В полночь на 11 октября взлетели кремлевские стены в пяти местах, дворец сгорел, но соборы уцелели⁷⁰. Казаки *Иловайского*⁷¹, тотчас после ухода французов из Москвы, заняли ее пепелище.

В то самое время Наполеон был уже в окрестностях Боровска; главной заботой его было скрыть от Кутузова путь своего отступления, обойти грозные твердыни Тарутинские и прежде русской армии достигнуть Калуги, откуда

ему легко было бы ускользнуть от мести русских движением на Смоленск местами, еще не разоренными войною. При первом известии о появлении врагов близ Боровска дальновидный фельдмаршал проник в замысел хитрого неприятеля и принял свои меры: вся русская армия немедленно поднялась с берегов Нары и быстро двинулась к Малоярославцу, чтобы здесь, заслонив Калугу, преградить французам путь в край неразоренный и заставить их выйти из России тою же дорогою, которою они пришли, столбовою Смоленскою.

В одно время подходили войска обеих сторон к Малоярославцу, французские из Боровска, русские из Тарутина, и по мере сближения корпусов разгоралось сражение, долженствовавшее решить участь войны. Первый бой завязался между Дохтуровым и вице-королем Евгением; вскоре вступили в дело Раевский и Даву; наконец, и остальные корпуса. Шесть раз Малоярославец переходил из рук в руки⁷²; в стенах его кипел кровавый бой, ознаменованный равным ожесточением с той и другой стороны. Когда темная ночь прекратила битву, Кутузов отодвинулся от Малоярославца за несколько верст, чтобы занять более выгодную позицию, с твердым намерением отстоять Калугу; но неприятель не решился возобновить сражения и отступил к Боровску, чтобы оттуда через Верею и Борисов выйти при Можайске на Смоленскую дорогу.

Для выхода из обширной России Наполеону не оставалось иного пути, кроме дороги, им самим опустошенной и усеянной трупами. Начался второй период войны — преследование и истребление врагов. «Потушим кровью неприятельскою пожар московский», — сказал Кутузов, повторяя слова Александра, и погнался за Наполеоном. Сам он с главной армией взял направление, параллельное к Смоленской дороге; Милорадовичу с отдельным отрядом приказал не упускать врагов из виду и нападать на них беспрестанно слева; Платову и Паскевичу идти вслед за ними по пятам; казакам и партизанам тревожить оба фланга.

Милорадович напал на растянутую армию неприятеля близ Вязьмы, отрезал корпус маршала Даву, составлявший арьергард, и нанес ему жестокое поражение, убедившее французов, что их преследует не партия казаков, как уверял Наполеон, а вся русская армия. Они дрогнули и ускорили шаг. За Вязьмой настигли их два новых бедст-

вия: голод и холод. Немногие запасы продовольствия, взятые из Москвы, истощились; на дороге все было разорено; по обеим сторонам ее, рядом с армией, шли партизаны, казаки, вооруженные крестьяне, истребляя отряды, отделявшиеся для собрания съестных припасов. В то же время за Вязьмою выпал первый снег, забушевала вьюга, настали русские морозы, правда еще несильные, но уже нестерпимые для обитателей полуденной Европы, особенно во время ночлегов на снегу, под открытым небом. Лошади падали. Орудия и обозы отставали от бегущей армии и были подбираемы казаками. Тем дружнее и решительнее было преследование русских. За Дорогобужем, вправо от Смоленской дороги, атаман Платов нагнал вице-короля Евгения и разбил его на берегах Вои, близ Духовщины. При Красном Кутузов настиг самого Наполеона; Милорадович истребил целый корпус Нея. Отсюда отступление французской армии обратилось в бегство. Одна гвардия сохраняла воинственный вид; прочие войска, изнуренные голодом и стужей, в беспорядочных толпах бежали от грозных казаков, гибли в снежных пустынях от изнеможения или под ударами озлобленного народа, который вышел из лесов с неумолимой местью. Титул князя Смоленского был достойной наградой Кутузову за истребление большей части сил Наполеона в окрестностях Смоленска; но главный, окончательный удар по плану, составленному самим Александром, готовился впереди, на берегах Березины. Здесь предполагалось уничтожить французскую армию до последнего человека. Этот план начертан был еще до занятия неприятелем Москвы, тотчас после Бородинской битвы, и получен Кутузовым во время движения его с Рязанской дороги на старую Калужскую.

Не сомневаясь в неизбежном отступлении врагов из России, государь хотел преградить им путь на Березине, в окрестностях Борисова. Для этой цели предназначались с юга две армии, молдавская адмирала Чичагова и обсервационная генерала Торماسова, слитые в одну на Волини, с севера корпус графа Витгенштейна, оберегавший пространство между Псковом и Полоцком. Государь дал повеление: Чичагову отбросить противопоставленные ему войска австрийские и саксонские под начальством князя

Шварценберга к пределам Галиции, а графу Витгенштейну вытеснить французов из занятого ими Полоцка, отодвинуть их в Литву, и на берегах Березины соединиться с Чичаговым для воспрепятствования Наполеону вырваться из России, в то время когда главная армия погонит его назад. После сражения при Малоярославце Кутузов подтвердил обоим генералам волю государя, известив их, что враг бежит из пределов отечества. Все шло как нельзя лучше. Чичагов отвлек Шварценберга корпусом генерала Сакена, без большого труда успел прибыть на Березину и занять Борисов сильной армией молдавской, испытанной в боях, кипевшей мщением и не изнуренной битвами. Граф Витгенштейн, со своей стороны, еще в начале августа поразив маршала Удино при Клястицах, впоследствии выбил из Полоцка другого маршала Сен-Сира, принудил к бездействию третьего маршала Виктора, утвердился на берегах Улы и вступил в связь с Чичаговым.

Приближаясь к Березине с армией голодной, расстроенной, уменьшенной до половины, почти без конницы, Наполеон шел на явную гибель. Впереди его в Борисове и за Березиною стояла боевая армия молдавская; с тыла неутомимо преследовали его Платов, Милорадович и Ермолов; слева теснил и гнал его сам Кутузов; справа стоял Витгенштейн, ознаменованный поражением двух маршалов. К довершению отчаяния неприятеля, после сильных морозов вдруг наступила оттепель; тронулся лед на Березине, и переправа сделалась невозможной. Всевышний явно карал врагов России за пролитую ими кровь, за лютый грабеж, за осквернение святых храмов.

Дальновидные меры Александра и мудрые распоряжения Кутузова не увенчались, однако, полным успехом. Остатки великой армии французской, соединившись с корпусами Виктора и Удино, успели сверх всякого чаяния, хотя и с большою потерю, переправиться через Березину и выбраться на дорогу к Вильне. Виною тому был Чичагов. Он дал вытеснить себя из Борисова и потянулся вниз по Березине, оставив без внимания броды, находившиеся в противоположной стороне, при деревне Студянке⁷³. Наполеон незаметно построил здесь мосты и перевел значительную часть оставшихся у него войск, с потерю 20000 пленными, многих тысяч убитыми, почти всей артиллерии и обозов. Сокровища, похищенные в Москве, остались у

русских. Прискорбно было Кутузову слышать об уходе врагов из расставленных им с таким искусством сетей, но провидение довершило его дело.

На другой день после Березинской переправы за оттепелью наступил жестокий мороз, который с каждым днем усиливался и дошел до того, что он стал нестерпим даже для русских солдат. Стужа была постоянная от 25 до 30 градусов. Неприятели костенели от холода, гибли тысячами и устлали своими трупами пространство от Березины до Вильны. Тщетно Наполеон хотел здесь остановиться и привести в порядок свои рассеянные войска; армия его более не существовала. Не доходя Вильны, в местечке Сморгонях, он покинул своих злосчастных сподвижников и с двумя любимцами своими, Коленкурром и Дюроком, поспешил в Париж — собирать новое войско.

Из приведенных им в Россию 700 000 человек, вооруженных и нестроевых, не возвратилось за Неман и десятой части⁷⁴. Уцелели только отдельные корпуса Австрийский и Прусский, действовавшие на Волыни и в Курляндии; от главной же, или так называемой Великой армии не осталось и 20 000 человек, убежавших беспорядочною толпою за Неман при Ковно. Наполеон потерял в России 200 000 пленными, более 400 000 погибшими на полях битвы или от ран, изнеможения, голода и стужи, более 1000 орудий, до 100 знамен и штандартов и несметное количество всякого рода запасов и снарядов. В день Рождества Христова русский народ торжествовал свое избавление *от нашествия галлов и с ними двадцати язык*: уже ни единого неприятельского воина не осталось в империи Александра.

Россия искупила свою независимость, честь и прежнюю славу жертвою достойною: при нашествии неприятеля число войск ее, стоявших по западным границам от Финляндии до Дуная, простиралось до 400 000 человек; во время войны составились сильные резервы из вновь набранных рекрут; образовалось многочисленное ополчение; вооружились донские казаки. Все эти войска, постепенно принимая участие в Отечественной войне, к концу ее слились в одну массу под знаменем Кутузова; но Кутузов привел на берега Немана не более 100 000 человек. В главной армии его, составленной из войск Баркляя-де-Толли и Багратиона, впоследствии усиленной резервами, ополчениями и казаками, не было и 40 000 человек. Много пало сы-

нов России на полях битв; немало погибло их и безоружных в городах и селах, истребленных врагами, в пламени жилищ, от меча неприятельского, от голода, холода и заразных болезней. В Смоленской губернии, в одном податном состоянии, еще в 1816 году оказывался недочет до 60 000 душ против исчисления 1811 года. Несметны также были потери движимого и недвижимого имущества. Все города и села от Вильны до Москвы на обширное пространство были разорены огнем и мечом, как всепожирающею лавою: исчисленные убытки одних частных лиц в Московской губернии простирались до 280 млн рублей. А кто может оценить потерю памятников отечественной старины и ее истории?

VIII. ОСВОБОЖДЕНИЕ ГЕРМАНИИ ОТ ВЛАСТИ НАПОЛЕОНА* (1813)

Избавив Россию от оков, приготовленных ей Наполеоном, Александр решился освободить и Европу от его самовластия. Ему предстоял второй великий подвиг, едва ли не труднее и не славнее первого. Спасая свою империю от хищного завоевателя, он находил огромные средства в доблестном самоотвержении русского народа, готового умереть за царя и царство, в неизменной вере всех сословий в могущество России, в мужестве войска, испытанного боями, в искусстве вождя, великого умом и душой, наконец в самом пространстве империи, в ее суровом климате, в неистощимых способах к подкреплению армии.

За пределами России Александр не мог найти подобных средств: его встречала Европа, раболепно вооруженная за Наполеона. Франция, еще безусловно покорная своему властителю, по первому призыву его собирала последние силы и ополчалась вместе с Италией и Голландией, которые составляли области французской империи; Германия с тайной радостью услышала об истреблении великой армии в пределах России, но, еще оглушенная недавними ударами Наполеона, не смела даже думать о возможности избавиться от его господства, слепо верила в его грозное

* Михайловский-Данилевский. Описание войны 1813 года. Спб. 1840.

могущество, в его неизменное счастье, и тем покорнее несласвой тяжкий жребий, что германские владетели, большей частью обязанные своими королевскими коронами императору французов, были его вассалами: он располагал силами государей Баварии, Саксонии, Виртемберга, Бадена, Гессена и других членов Рейнского союза: король датский смотрел на него как на своего покровителя; на престолах испанском и вестфальском были его родные братья; королевство Неаполитанское принадлежало его зятю.

Только Австрия и Пруссия, сохраняя тень государственной самостоятельности, подавали Александру слабую надежду на содействие великодушным усилиям его к освобождению Европы; но Венский двор выжидал, какой оборот примут дела, и колебался между Россией и Францией, склоняясь впрочем более на сторону последней, как потому, что император австрийский был тесть Наполеона, так и потому, что неудачи прежних войн были в свежей памяти австрийцев. За уступку Иллирии и северной Италии Франц I изъявлял готовность ополчить все свои силы на помощь зятю. Пруссия кипела мщением к своему неумолимому притеснителю, но все главные крепости ее, сам Берлин, находились в руках французов, и король ее, при всем желании успехов Александру, не знал, на что решиться, до появления русских знамен на берегах Одера.

Одним словом, Европа волей-неволей была вооружена за Наполеона, и тем труднее, казалось, бороться с ним, что уже немного старых солдат стояло в рядах русской армии; для пополнения же ее требовались огромные усилия, которые, по-видимому, должны были истощить Россию вконец.

Но Александр был непоколебим в великодушном намерении спасти Европу — и спас ее, одолев препятствия, для всякого другого неодолимые. Только он, равно мудрый политик и полководец искусный, равно твердый и великодушный, мог разуверить Европу в непобедимости Наполеона, соединить ее венценосцев союзом неразрывным, беспримерным в истории, и довести их, среди неисчислимых преград, под знаменем победы от берегов Эльбы до Парижа; только его войска, им лично предводимые, одушевленные славой недавних подвигов, могли устоять против новых ударов, с отчаянием наносимых врагом грозным, и отразить их своей богатырской грудью.

Добровольно возлагая на себя столь великий и многотрудный подвиг, Александр спешил перенести победоносное оружие свое на рубеж земли немецкой в той надежде, что германские народы, увидев знамена русские, восстанут за свою независимость, и общий порыв народов увлечет кабинеты. Кутузов, достигнув Вильны, предполагал остановиться здесь на несколько недель для восстановления сил армии, утомленной быстрым преследованием неприятеля, чтобы было с чем, по его словам, явиться за границей. Государь велел ему, не теряя ни одного дня, идти вперед, и для ускорения военных действий, еще более для немедленного решения предстоявших вопросов политических, сам прибыл в главную квартиру фельдмаршала. С этих пор до окончания войны он безотлучно находился при войске. 1 января 1813 года Кутузов перешел границу империи, реку Неман при Мерече, и громким приказом возвестил своим сподвижникам, что они идут под знаменем Александра освобождать Европу. Варшавское герцогство было без труда очищено от неприятелей за исключением главных крепостей; Милорадович отгеснил австрийцев и саксонцев в Галицию и занял Варшаву; Витгенштейн столь же успешно действовал против пруссаков и французов в Курляндии и восточной Пруссии. В начале февраля русские знамена уже развевались на берегах Одера.

Между тем государь, предвидя борьбу упорную, повелел для подкрепления своих сил составить резервную армию из запасных войск, из старых солдат, излечившихся от ран и болезней, и из вновь набранных по манифесту 30 ноября 1812 года рекрут по 8 человек с 500 душ. Составление резервной армии поручено было князю *Лобанову-Ростовскому*⁷⁵, который вполне оправдал доверие государя: в самое короткое время из дальних губерний он привел на берега Немана и Вислы целые полки рекрут, выучил их военному делу, устроил многочисленную артиллерию, приготовил провиант и образовал шесть корпусов. Вскоре запылала война кровавая; русские полки исчезали на полях Саксонии и Силезии; но, подкрепляемая резервами, действующая армия наша всегда находилась, к изумлению иностранцев, в полном составе, и самые жестокие битвы не ослабляли ее.

Благовременное и превосходное устройство резервов оказалось тем более полезным, что надежда Александра на

общее, единодушное содействие германцев к их собственному освобождению, исполнилась нескоро, только тогда, когда они удостоверились в крепкой защите могущественной России, и русская армия должна была отразить своей грудью всю тяжесть первых ударов Наполеона. Народы германские встречали русских с радостью, как своих избавителей, и готовы были соединиться с ними против общего врага; но кабинеты еще медлили, сомневаясь в возможности избавиться от власти Наполеона. Один король прусский Фридрих-Вильгельм III полностью доверился Александру, заключил с ним самую искреннюю дружбу и договором в Калише обязался помогать ему всеми силами⁷⁶. Пруссаки с восторгом читали воззвание своего короля о поголовном ополчении, вооружились единодушно и становились под знамена Кутузова.

Но Фридрих Вильгельм долго был единственным союзником Александра и вначале мог подкрепить его немногочисленной армией, будучи принужден отрядить несколько корпусов для осады собственных крепостей, занятых неприятелем. Тщетно Кутузов прокламацией из Калиша приглашал членов Рейнского союза последовать примеру короля прусского и ополчиться за свою независимость: они собирали последние силы свои для Наполеона. Ряды его армии быстро наполнялись полками саксонскими, баварскими, виртембергскими, баденскими, гессенскими, вестфальскими. Австрия решила уклониться до времени от участия в войне и предложила свое посредничество к общему примирению, думая собраться с силами и впоследствии, смотря по обстоятельствам, принять ту или другую сторону.

Таким образом Александр выступил на поле священной брани за освобождение Европы только с одним союзником. Положение его было тем затруднительнее, что Наполеон, располагая силами Франции, Голландии, Италии и всех государств Рейнского союза, в два месяца, с непостижимой быстротой, успел вооружить более 300000 человек. Полки его со всех сторон стекались на берега Сала, и уже в апреле месяце он сосредоточил в окрестностях Лейпцига более 130000 солдат, правда еще молодых, но храбрых, готовых умереть за своего вождя-героя. Неожиданное появление его с такими огромными силами навело ужас на Германию и погасило в ней едва блеснувшую надежду на

свободу. К довершению общего уныния разнеслась весть, что тот, на кого германцы наиболее возлагали свое упование, кто впервые разгадал тайну победить непобедимого, *великий старец* князь Кутузов лежал в Бунцлау на одре смертном.

Союзники имели под ружьем также не менее 300000 человек, но из них многие полки еще не успели прибыть с берегов Вислы и Немана, другие были заняты осадой крепостей в Пруссии и Польше, так, что во главе союзной армии считалось с небольшим 70000. При всем том Александр не хотел дольше медлить, чтобы не охладить последнего рвения германских народов и, из-за болезни Кутузова назначив главнокомандующим графа Витгенштейна, велел ему идти вперед для изгнания врагов из пределов земли немецкой. Оба государя находились при войске, разделяя с ним все трудности похода. В Саксонии они были приняты с таким же восторгом, как и в Силезии, хоть король саксонский был на стороне неприятеля.

Близ Люцена, там, где некогда пал Густав Адольф, сражаясь за свободу вероисповедания с Фердинандом II, впервые сразился Александр за свободу Европы с Наполеоном. Витгенштейн с большим искусством расположил свои движения и врасплох напал на французскую армию с правого фланга, в то время когда она, вовсе не ожидая атаки с этой стороны, тянулась от Люцена к Лейпцигу. Искусный план Витгенштейна не увенчался успехом сколько от несвоевременного вступления в дело прусских войск, столько и от оплошности генерала Винценгероде, не умевшего с пользой употребить русскую кавалерию, которая, далеко превосходя неприятельскую, должна была решить участь битвы. Наполеон успел возвратить шедшие к Лейпцигу корпуса, сосредоточил все войска свои в окрестностях Люцена и взял перевес в силах⁷⁷. При всем том, после жестокого боя, продолжавшегося от раннего утра до глубокой ночи, союзники удержали поле сражения и решили на другой день возобновить битву. Неожиданное препятствие, недостаток военных снарядов, принудило их возвратиться в Дрезден, оттуда отступить к Бауцену.

Здесь они подкрепили себя свежими войсками, приведенными Барклаем-де-Толли, и за Бауценом, на крутизнах, омываемых водами Шпрее, заняли крепкую позицию, имея под ружьем до 100000 человек. Неприятель напал на

них со 150000 армией. Сражение было жестокое и кровопролитное. Бой кипел двое суток на пространстве 10 верст. Наполеон истощил все свое искусство, чтобы одержать верх и тем привлечь к себе Австрию, которая уже внушала ему опасения. Наконец он восторжествовал: союзники оставили поле сражения, где с обеих сторон легло до 40 тысяч человек, и отступили в Силезию для сближения со своими резервами. Наполеон преследовал их до самого Одера. Но надежда его на присоединение Австрии не исполнилась.

Еще прежде Бауценского сражения Александр успел склонить на свою сторону императора Франца I, дав ему слово возвратить Австрии Иллирию и прежний вес в делах Европы, чего Венский двор тщетно домогался получить от Наполеона. Франц I тем охотнее согласился содействовать российскому государю, что душой Венского двора был в то время *Меттерних*⁷⁸, муж ума высокого и дальновидного, вполне разгадавший Наполеона. Поставив себе главной целью, при тогдашних благоприятных обстоятельствах, вывести униженное отечество свое на прежнюю степень политического могущества в Европе, он ясно понимал, что Наполеон не допустит его до исполнения этого плана: для сего надлежало ограничить Францию прежними пределами ее, исторгнуть из ее власти Италию, Голландию, Испанию, возвратить свободу Германии и усилить Пруссию. Ту же цель имел и Александр. Франц I, удостоверившись в бескорыстном великодушии его, по убеждению Меттерниха, решился вскоре после люценского сражения поднять оружие против зятя, жертвуя общему благу Европы и выгодам своего государства нежною привязанностью к любимой дочери.

Но так как Австрия тогда еще не готова была выступить на поле брани, то Венский двор, незадолго до Бауценского сражения, предложил обеим сторонам заключить перемирие для восстановления общего мира при посредничестве Австрии. Предложение Венского двора было принято после Бауценской битвы: Наполеон покупал свои успехи так дорого, что ему необходимо было собраться с новыми силами; сверх того он льстил себе надеждой во время мирных переговоров сблизиться с Александром и расстроить его согласие с Францом I, чтобы отомстить Австрии за ее вмешательство. Тем охотнее желали союзные монархи прекра-

тить на время военные действия: войска их были приведены в значительное расстройство и только отдохновение могло восстановить их силы. Перемирие заключено было на 6 недель в Плесвице⁷⁹; для суждения о мире положено составить конгресс из уполномоченных лиц от дворов Российского, Австрийского, Прусского и Французского.

Конгресс открылся в Праге уже к концу перемирия: остальное время протекло в бесполезных спорах о том, как вести переговоры, — письменно или словесно. Очевидно было, что никто не имел надежды на мир и каждый хотел только собраться с силами. Наконец за два дня до срока Наполеону сообщены были от Венского двора условия мира: союзники требовали уничтожения Рейнского союза и Варшавского герцогства; восстановления Пруссии в прежних ее пределах; независимости Испании и Голландии; уступки Иллирии императору австрийскому и ручательства в общем спокойствии и политическом равновесии. Наполеон, изъявляя притворное согласие на предложенные ему условия, требовал изменения по некоторым статьям и хотел продлить переговоры, чтобы выиграть время еще более в надежде своей хитрой политикой поколебать единодушие союзников. Но 29 июля, едва кончился срок перемирию, конгресс был закрыт, и война снова запылала.

Александр между тем приготовил огромные средства к сокрушению Наполеона. Русская армия, изнуренная жестокими битвами в Саксонии и Силезии, приведена была в самое блестящее состояние умом и деятельностью Барклай-де-Толли, принявшего над ней главное начальство после бауценского сражения. Силы ее возросли до 250000 человек. Король прусский успел со своей стороны вооружить также более 200000. Мало того: в то самое время, когда открылись переговоры в Праге, Австрия решительно приняла сторону союзников и договором в Рейхенбахе, в главной квартире Александра, обязалась поднять оружие против Наполеона, если он не согласится на предложенные в Праге условия. По закрытии конгресса Франц I объявил ему разрыв, и 260000 австрийцев стали в рядах союзных войск. Кроме того, в Рейхенбахе заключен договор с Англией, которая обязалась помогать союзникам огромным количеством денег, снарядов и разных вещей; наследный принц шведский прибыл с войском в северную Германию и также приступил к общему делу. Таким образом старани-

ями Александра составился против Наполеона крепкий, неразрывный союз из пяти держав, и в два месяца вооружено более 800000 человек с 2000 орудий. Наполеон со своей стороны успел собрать в Германии более 400000 человек при 1300 орудий.

Будучи истинным виновником грозного ополчения Европы и ревностнейшим ее защитником, Александр по самым талантам своим имел неоспоримое право на главное предводительство союзными силами, и как австрийский император, так и прусский король неоднократно предлагали ему быть вождем Европы. Государь, всегда руководимый редкой скромностью, отклонил от себя звание главнокомандующего, предоставив союзникам облечь им способнейшего из генералов, с тем, чтобы важнейшие распоряжения свои он представлял на рассмотрение верховного совета, составленного из трех союзных монархов и нескольких лиц, известных опытностью. Выбор пал на австрийского фельдмаршала князя Шварценберга, генерала храброго, деятельного и благоразумного, но без блестящих дарований, далеко уступавшего эрцгерцогу Карлу, Барклаю-де-Толли или Витгенштейну, тем более Наполеону. Впоследствии, когда от разномыслия верховного совета и ошибок Шварценберга война приняла оборот неблагоприятный, государь стал сам распоряжаться военными действиями, нередко вопреки намерениям главнокомандующего, давал от себя приказания отдельным армиям, вникал во все подробности, был душой военных и политических соображений, истинным вождем соединенных сил Европы, Агамемноном ее венценосцев.

По плану, утвержденному союзниками в Трахенберге, действующие войска их, за исключением осадных корпусов, в числе 488 000 человек разделены были на три армии: богемскую, или главную, силезскую и северную. Первая поручена князю Шварценбергу, вторая прусскому генералу *Блюхеру*³⁰, третья наследному принцу шведскому (Бернадоту). Русские войска были раздроблены и вошли в состав трех армий, где русские полководцы заняли второстепенные места под начальством иностранных генералов*. Глав-

* Барклай-де-Толли с корпусами Витгенштейна и Милорадовича подчинен был Шварценбергу, Сакен и Ланжерон Блюхеру, Воронцов и Винценгероде Бернадоту.

ная армия должна была действовать наступательно; отдельные отвлекать силы неприятеля, прикрывая Силезию, Польшу и Пруссию. Начало похода ознаменовано жестокою неудачею, не поколебавшею только Александра и его воинства.

Союзники, узнав, что Наполеон, по закрытии конгресса в Праге, обратился с большею частью своих сил к пределам Силезии на Блюхера, условились стать на пути неприятельских сообщений. Главная армия, в числе 200 000 человек, спустилась с Богемских гор и подошла к Дрездену, служившему ключом военных действий Наполеона. Там был один только корпус Сен-Сира. Пользуясь столь благоприятным обстоятельством, Александр хотел немедленно вести войска в бой и овладеть Дрезденом: в успехе ручалось и мужество войска, и явное превосходство сил союзных; но Шварценберг хотел дожидаться одного австрийского корпуса, отставшего в горах Богемских, ждал его целые сутки и дал Наполеону время подоспеть на помощь Сен-Сиру со стотысячною армией.

Тогда, по совету генерала Жомини, Александр признавал за лучшее отступить, чтобы занять более выгодную позицию; с мнением его был согласен и король прусский. Уже отдан был в главной квартире приказ к отступлению: вместо того, сверх всякого чаяния, Шварценберг двинул всю свою армию пятью колоннами к Дрездену на приступ. Александр увидел необходимость против воли своей вступить в бой, который вскоре закипел на пространстве восьми верст вокруг дрезденских укреплений. Наступившая ночь прекратила сражение; в следующий день оно возобновилось с большею жестокостью. Государь стоял под выстрелами: в двух шагах от него пушечным ядром сражен знаменитый Моро, незадолго пред тем прибывший из Америки в главную квартиру союзников. Король прусский также находился на боевом поле. Одушевляемые присутствием монархов, разноплеменные войска их не уступали друг другу в мужестве; но Наполеон, далеко превосходя Шварценберга в искусстве, с успехом воспользовался ошибками его: отрезал целую дивизию австрийскую, стоявшую на левом фланге, принудил ее положить оружие и восторжествовал на всех пунктах; союзная армия была отбита. Шварценберг повел ее назад в Богемию. Войска шли в глубоком унынии

едва проходимыми путями по скатам Рудных гор среди проливного дождя, до того растворившего землю, что не только обозы и орудия, но и люди едва могли двигаться. Расстройство было неопишное. К довершению всего разнеслась весть, что Богемия уже занята неприятелем и путь к отступлению отрезан.

В самом деле, в начале сражения под Дрезденом, уже не сомневаясь в победе, Наполеон дал приказание генералу Вандамму двинуться с 35 000 корпусом в тыл союзной армии и, овладев богемским городом Теплицем, стать на пути ее отступления. Занятие Теплица казалось Наполеону настолько важным, что он обещал Вандамму в случае успеха жезл маршалский. Неминуемым следствием было бы совершенное расстройство союзной армии, которая могла потерять в горах свои обозы и орудия. Русская гвардия, предводимая графом Остерманом, спасла ее.

Во время общего движения из-под Дрездена граф Остерман, отступая с одною гвардейскою дивизией и частью пехотного корпуса, узнал, что Вандамм уже стоит возле Рудных гор на пути к Теплицу, и решился во что бы то ни стало не допустить его до столь важного пункта: с 18 000 отрядом он пробился штыками сквозь французский корпус, спустился в Богемию и обосновался в трех милях от Теплица, при Кульме²¹. Здесь напал на него Вандамм всем корпусом. Русские были непоколебимы и с геройским мужеством целый день отражали все усилия вдвое сильнейшего неприятеля. Храбрый вождь их потерял руку, оторванную ядром: место его занял Ермолов и не уступил ни шагу. Между тем Александр, узнав о затруднительном положении своей гвардии, поспешил послать ей на помощь Баркляеде-Толли и прусского генерала Клейста. Вследствие заблаговременных мер государя *Вандамм* был окружен со всех сторон и взят в плен с большею частью своего корпуса. Кульмская победа имела чрезвычайно важные следствия: она расстроила весь план Наполеона, принудила его остановиться в Дрездене, спасла и ободрила главную армию союзников.

В то же самое время отдельные армии, силезская и северная, одержали значительные успехи, которые также немало содействовали благоприятному обороту дел. Блюхер нанес жестокое поражение Макдональду на бере-

гах Кацбаха; наследный принц шведский разбил наголову маршала Удино близ Берлина при Гросс-Берене, вслед за тем поразил маршала Нея при Денневице. Во всех этих сражениях русские принимали самое деятельное участие: *Сакен*⁸² был правою рукою Блюхера и главным виновником его успехов.

Победы под Кульмом, при Кацбахе, у Гросс-Берена и Денневица, принудив Наполеона сосредоточить все силы его в окрестностях Лейпцига, внушили Александру счастливую мысль изменить прежний план войны и составить новый, по которому союзные армии должны были действовать не отдельно, а совокупно и одновременно против одного пункта, чтобы стеснить неприятеля со всех сторон и дружным ударом сокрушить его вконец. Исполнение этого плана трудного и многосложного государь принял на себя: руководя движениями Шварценберга, он в то же время давал отдельным армиям самые точные и определенные наставления, большею частью собственноручные, каким образом они должны были вступить в связь между собою и с главною армией; предусмотрел все случаи и на каждый из них сообщил свое разрешение. Мудрые предначертания его, плоды глубокого знания дел и опытности воинской, были увенчаны самым блестящим образом. Союзные армии в стройном порядке, в одно время, с разных сторон, подступали к Лейпцигу: Блюхер и Бернадот с севера от Виттенберга, Шварценберг с юга из Теплица, Беннигсен с резервной русской армией, составленной в Польше, со стороны Дрездена. Общее движение началось в конце сентября: более полумиллиона разноплеменных воинов стекалось с разных сторон на берега Эльстера, по указанию Александра.

Наполеон видел грозу и принимал меры. Главною заботою его было расстроить сосредоточенное движение союзников. Для этого он хотел разбивать их армии по частям, по мере того, как они приблизятся к Лейпцигу, и кинулся было на Блюхера. Прусский полководец, исполняя в точности повеление российского императора, счастливо уклонился от приготовленного ему удара; между тем Александр ускорил поход главной армии, быстро подступил к Лейпцигу, отвлек Наполеона от Блюхера и принудил его к бою, долженствовавшему иметь самые важные следствия. В случае победы над главной армией союзников Наполеон без

труда мог управиться с Блюхером, потом с Бернадотом, и дать всему ходу дел иной оборот; в случае же неудачи ему угрожала опасность быть окруженным и подавленным огромною массою союзных сил. Он призвал на помощь все искусство своего гения и не восторжествовал только потому, что против него стоял Александр с русским войском. Они сразились 4 октября⁸³.

В пылу сражения под Лейпцигом, когда наступила решительная минута, Наполеон устремил всю свою кавалерию с огромною массою пехоты в центр союзной армии и тяжестью удара прорвал его. Войска пришли в расстройство и отступали в беспорядке; батареи смолкли. Оставалось сломить один гренадерский корпус Раевского, свернутый в каре и со всех сторон окруженный неприятельскою конницею. Но Раевский стоял непоколебимо, как твердая скала среди бурного моря. Непоколебим был и Александр: под тучею ядер он хладнокровно раздавал приказания о сближении резервных войск на помощь Раевскому и не прежде уклонился из-под выстрелов, как по восстановлении боя, когда Орлов-Денисов, лейб-казаками государя удержав главную массу неприятеля, дал время Барклаю-де-Толли ввести в дело тяжелую конницу, а Сухозанет выдвинул резервную артиллерию и жестоким огнем из 112 орудий привел французов в трепет и принудил их отступить. Не столь счастливо действовали австрийцы на левом фланге, между Плейссою и Эльстером, где Шварценберг, вопреки мнению императора Александра, поставил свои войска: заключенные между двумя реками, они двигались с трудом, и несколько батальонов с генералом Мерфельдом положили оружие.

При всем том Наполеон, отбитый от центра, не успел сломить войск Александра, которые удержали за собою поле сражения, и по окончании битвы прислал к союзным монархам пленного генерала Мерфельда с предложением перемирия, обязуясь удалиться со всеми войсками за Рейн. Александр оставил этот вызов без ответа и только ждал присоединения отдельных армий к главной, для окончательного удара. Вскоре они прибыли и заняли свои места, по указанию Александра, образуя полукружие около Лейпцига между Плейссою и Партою. На правом фланге стал Бернадот с Блюхером, на левом Шварценберг, в

центре Беннигсен, командуя войсками русскими и прусскими. Число союзных сил простиралось за 300 000 человек⁸⁴. У неприятеля было более 170 000.

6 октября последовала, наконец, эта общая решительная битва, избавившая Германию от Наполеона. На пространстве одной квадратной мили сразились до 500 000 человек при 2 000 орудий. Неприятель держался крепко в течение целого дня в местах, удобных к обороне. Самый упорный бой происходил в центре, где русские войска на глазах своего государя, с обычным мужеством нападали на главные силы Наполеона и теснили их к Лейпцигу. Усилия русских войск с успехом поддерживали Бернадот, Блюхер и Шварценберг. Со всех сторон стесненный, избитый и расстроенный, при наступлении ночи неприятель оставил поле сражения и заключился в Лейпциге, чтобы оттуда с рассветом дня выбраться на дорогу к Эрфурту и уйти за Рейн. Угадывая намерение его, Александр при первых лучах солнца повел войска свои на приступ и овладел Лейпцигом после кровопролитного боя⁸⁵.

Наполеон, потеряв около половины своей армии, большую часть орудий и обозов, ударился в бегство и, преследуемый легкими войсками, преимущественно казаками, возобновил в памяти своих сподвижников несчастное отступление от Малоярославца к Вильне, с тою только разницей, что не было русского мороза; но было то же расстройство армии и тот же ужас преследовал ее в Германии, как и в России. На Майне готовилось ей окончательное истребление. Король баварский, по убеждению Венского двора, незадолго до лейпцигской битвы, присоединился к союзникам, и фельдмаршал его Вреде, подкрепленный австрийцами, с 50 000 войском расположился при Ганау, на пути отступления французов. Наполеон смял австро-баварскую армию и переправился за Рейн.

Но Германия была спасена: многочисленные крепости ее, занятые французскими войсками, при первом известии о битве под Лейпцигом водрузили знамя свободы; государи Рейнского союза провозгласили себя независимыми от императора французов, и вся земля немецкая торжествовала свое освобождение, как за год пред тем Россия, признавая в один голос спасителем своим императора Александра.

IX. НИЗВЕРЖЕНИЕ НАПОЛЕОНА* (1814)

Изгнанием неприятеля из пределов Германии, казалось, достигнута была цель союза, заключенного в Теплице, и как австрийский император, так и прусский король изъявили желание примириться с Наполеоном в полной уверенности, что он, разбитый и сокрушенный, не решится более тревожить спокойствие Европы. Они тем охотнее соглашались на мир, что вторжение во Францию, унизанную крепостями, наполненную храбрым и многочисленным народом, казалось делом слишком отважным. Вследствие сего из Франкфурта-на-Майне австрийский министр Меттерних дал знать французскому правительству о готовности союзников заключить мир, с тем чтобы Франция ограничилась своими естественными пределами, Рейном, Альпами, Пиренеями и чтобы она не вмешивалась в дела Германии, Голландии, Италии, Швейцарии и Испании.

Иначе мыслил Александр: лучше союзников постигая характер своего противника, он знал, что Наполеону трудно будет отказаться от прежнего величия, что мир будет только кратковременным перемирием и что неистощимый и беспокойный гений его найдет средства к новому потрясению Европы, которая не будет иметь покоя, доколе не сокрушится его могущество. Кроме того, мысль отомстить за оскорбленное отечество глубоко запала в душу Александра. Посему, не отрекаясь от участия в мирных переговорах, государь настаивал на необходимости продолжать войну и убеждал своих союзников для окончательного удара внести оружие в пределы Франции, прежде чем неприятель соберется с силами.

В самом деле, Наполеон, изъявляя притворное согласие на предложенные ему условия, требовал объяснения по некоторым статьям, между тем не торопился отправлять уполномоченного для переговоров, которые должны были открыться в Мангейме, и призывал Францию к поголовному ополчению. Союзники убедились, что он хочет только выиграть время, и решили идти за Рейн, объявив воззванием французскому народу, что ве-

* Михайловский-Данилевский. Описание похода во Францию в 1814 году. Спб. 1836. 2 части.

дут войну не с ним, а с Наполеоном. Александр не замедлил начертать план кампании и 1 января 1814 года перешел через Рейн при Базеле свою гвардию. По указанию его перешли через эту заветную реку союзные войска шести держав европейских.

Они вступили в пределы Франции в числе 400 000 человек, двумя армиями. Главная, под начальством Шварценберга, составленная из войск австрийских, русских, прусских, баварских, виртембергских и баденских, перешла через Рейн в конце 1813 года на пределах Швейцарии и направила путь к верховьям Сены, где должна была соединиться с нею армия Силезская, составленная из войск русских и прусских и предводимая славным Блюхером. Она переправилась через Рейн в январе 1814 года между Майнцем и Кобленцем и, оставив несколько отрядов для блокады рейнских крепостей, быстро двинулась к верховьям Марны. Число русских войск, вступивших во Францию, было более 100 000 человек. Они имели своих вождей, но по-прежнему размещены были между немецкими войсками и состояли под главным начальством иноземных полководцев. Барклай-де-Толли и Витгенштейн со своими корпусами находились в Главной армии; Сакен и Ланжерон⁸⁶ в Силезской, где русских войск было почти вдвое более, чем прусских. В состав ее поступил впоследствии и 35 000 корпус Винценгероде, отделенный из Голландии от Северной армии.

Вступив в пределы Франции, союзники почти без выстрела прошли горы Вогезские и отрасли Юры и спустились в долины, омываемые водами Сены и Марны. Неожиданное и смелое вторжение их привело Наполеона в затруднительное положение. Встреченный после бегства из Германии всеобщим ропотом своих подданных, горькими слезами вдов и сирот и смелыми упреками законодательного совета, он тщетно призывал народ к поголовному ополчению для изгнания иноземцев: французы вооружались неохотно и едва 100 000 человек мог он собрать под свои знамена для борьбы с неприятелем грозным, вчетверо сильнейшим, одушевленным славою и победами. При всем том он не терял ни бодрости, ни уверенности в могуществе своего гения; ему надобно было только остановить стремление союзников хотя бы на один месяц, чтобы воспламенить народ, усилить и обучить вновь набранное войско и дождаться

ся боевых легионов испанских, которым он велел как можно скорее спешить во Францию.

В надежде выиграть время он прислал в лагерь союзников министра своего Коленкура с уверениями в искреннем желании мира на объявленных ему из Франкфурта-на-Майне условиях и с предложением прекратить военные действия, для начала переговоров. Притворное смирение его едва не достигло своей цели. В стане союзников заговорили о возможности положить конец кровопролитию и вступить в переговоры. Один Александр, проникая в замысел хитрого неприятеля, настаивал в необходимости продолжать войну и предписать Франции иные условия, более сообразные с успехами оружия и пожертвованиями союзников. Мнение его одержало верх. Перемирие было отвергнуто; для мирных же переговоров решено составить в Шатильоне конгресс из уполномоченных министров русского, австрийского, английского и прусского, с тем чтобы они договаривались с Францией от лица всей Европы, требовали возвращения ее в пределы 1792 года, независимости Германии, Голландии, Италии, Швейцарии и Испании. Уполномоченному со стороны России графу Разумовскому государь приказал не торопиться с ходом переговоров и не подписывать никакого обязательства, не испросив предварительно высочайшего разрешения.

Новые условия мира должны были поставить Францию в те границы, которые имела она до революции, при древних королях своих. Наполеон объявил, что он скорее погибнет, чем согласится на столь оскорбительное требование и, поспешно собрав 70 000 армию, двинулся на союзников. В одно время открылся конгресс в Шатильоне и запылала жестокая борьба на берегах Сены и Марны, борьба равно блистательная как для Наполеона, так и для Александра. Первый явил в ней все свое искусство, всю неистощимость своего гения; второй, не уступая своему сопернику ни в личном мужестве, ни в искусстве воинском, восторжествовал над ним необыкновенною твердостью души.

Главная армия союзников в числе 230000 человек, предводимая князем Шварценбергом, выбравшись из отраслей Юры, раздробилась на девять колонн, которые разными путями, медленно и несвязно, спускались на берега Сены. Блюхер разделил свое 130000 войско также на несколько отрядов и, два из них оставив для осады Майнца и

Касселя, с остальными шел на соединение с Шварценбергом. Едва достиг он берегов Марны, Наполеон начал военные действия, имея в виду воспользоваться раздроблением союзных сил, стать в промежутке обеих армий и поразить их одну за другой. Искусный план его едва не увенчался успехом. Он стремительно напал на Блюхера, который, не подозревая близости неприятеля, застигнут был врасплох и начал отступать, не сосредоточив своих отрядов. Но мужество русских войск, предводимых Сакеном, удержало стремление неприятеля и дало время императору Александру подоспеть на помощь раздробленной армии Силезской с войсками Главной армии. Союзные силы, благодаря его деятельности, сосредоточились под Бриенном. Здесь напал на них Наполеон и, опрокинутый на всех пунктах, отступил к городу Труа со значительной потерей, оставив в руках победителей 73 орудия. Битвой распоряжался Блюхер, но главным виновником успеха был Сакен, прорвавший русской пехотой центр неприятельской армии.

Союзники спешили воспользоваться плодами первой победы своей на полях Франции и предложили Блюхеру снова отделиться от Шварценберга и берегами Марны через Шалон идти прямо на Париж, между тем как Главная армия деятельно будет преследовать Наполеона и откроеет себе путь к столице Франции берегами Сены. Скоро узнали, что неприятель не решился держаться в Труа и отступил далее; легкое покорение Парижа казалось несомненным, и уже составлен был план занятия его. Вышло иначе. Сверх всякого чаяния, Наполеон успел посеять в главной квартире союзников разномыслие, которое имело пагубные следствия.

Пораженный под Бриенном, Наполеон дал Коленкуру повеление согласиться на все требования союзных монархов и подписать договор, если они немедленно прекратят военные действия. Французский министр объявил о том конгрессу. Полномочные австрийский, прусский и английский с радостью услышали столь желанную весть и хотели немедленно приступить к заключению трактата; но так как Разумовский не решался подписать его без воли своего государя, то министры трех союзных держав, Меттерних, Гарденберг и лорд Кастельере, представили российскому императору от имени своих дворов мнение, в котором, единогласно признавая, что цель войны достигнута и

что время положить конец кровопролитию, испрашивали повеления Разумовскому подписать трактат. Тщетно доказывал им Александр, что неприятель далек от намерения заключить мир на предложенных ему условиях и что единственной целью его было выиграть время для поражения союзников (в чем государь и не ошибался, как впоследствии оказалось из перехваченных бумаг Наполеона); министры были непреклонны. Оставалось с ними согласиться. К счастью, в эту критическую минуту получено из армии Блюхера известие, оправдавшее опасения российского императора.

В прениях о мире прошло более недели; главная армия союзников не преследовала неприятеля, хотя для нее дорог был каждый час. Шварценберг, вследствие тайного повеления своего кабинета, под разными предлогами не трогался с места и спокойно стоял в окрестностях Труа, между тем как Блюхер в полной уверенности, что левый фланг его прикрыт Главной армией, шел вперед берегами Марны и, преследуя встреченного им на пути маршала Макдональда, неосторожно растянул свои войска на обширное пространство между Шалоном и Мо.

Наполеон, не дожидаясь ответа от Коленкура, спешил воспользоваться бездействием Шварценберга и разобщением положением Силезской армии, зашел Блюхеру во фланг и начал бить разбросанные корпуса его по частям. Первый жестокий удар нанес он русскому корпусу Олсуфьева при Шампобёре и, частью истребив его, частью взяв в плен, разрезал Силезскую армию надвое; вслед за тем быстро напал на другой русский корпус Сакена, также отдельный, при Монмирале, и после двухдневного кровопролитного боя отбросил его к северу со значительной потерей; наконец, обратился на самого Блюхера и поразил его наголову при Вошане, где прусский полководец был окружен со всех сторон и едва не попал в плен. Силезская армия была рассеяна. Французы, одушевленные победами своего императора, деятельно стали ополчаться; народная война, доселе едва заметная, вспыхнула; вооруженные крестьяне высыпали на дороги и напали на разбитые остатки Силезской армии. Коленкур заговорил на конгрессе иным тоном.

Поражение Блюхера и надменный тон Коленкура лучше всего доказали, как прозорлив был Александр. Союзни-

ки убедились в необходимости продолжать войну, доколе не сокрушится могущество Наполеона. Но вопрос, как действовать в столь затруднительных обстоятельствах, снова породил жаркие прения, рассорил обоих главнокомандующих, возбудил ропот в войсках и едва не нарушил восстановленного согласия кабинетов. Сначала положено было сосредоточить обе армии в окрестностях Труа и там вступить с Наполеоном в решительное сражение. Блюхер с непостижимой быстротой собрал свои разбитые корпуса, привел их в порядок и ранее назначенного срока присоединился к Главной армии с нетерпеливым желанием боя, которого желало и все войско, уже роптавшее на бездействие Шварценберга. Вместо того австрийский полководец, при всем превосходстве сил своих, не доверяя успеху битвы, счел за лучшее отступить и к общему неудовольствию потянулся к верховьям Марны. Блюхер решительно отказался следовать за ним, хотел один драться с Наполеоном и, зная, что отступление совершалось вопреки намерениям Александра, убедительно просил у него дозволения действовать отдельно от Шварценберга с войсками русскими и прусскими.

Государь решил положить конец всем недоразумениям и составил военный совет, на который пригласил обоих союзников своих, с их министрами и генералами. Шварценберг настаивал на необходимости общего отступления к Рейну; большинство голосов склонялось на его сторону наиболее потому, что ходил слух о движении маршала Ожеро с 50000 армией от Лиона в тыл союзников. Тщетно доказывал Александр, что отступление к Рейну ополчит всю Францию, приведет в уныние союзные армии и что войне не будет конца. Партия Шварценберга упорно стояла на своем, доколе государь не сказал решительно, что в таком случае он отделит русские войска от союзных и со своими гренадерами пойдет на Париж. Король прусский склонился на его сторону; император австрийский также объявил, что он не отстанет от своих союзников. Прения кончились, и с общего согласия было решено: Главной армии, в случае сильного напора неприятеля, отступить до Лангра и там, соединясь с австрийскими резервами, принять сражение; Силезской обратиться к Марне, где к ней примкнут корпуса Винценгероде, Бюлова и Воронцова, после чего идти ей на Париж; на юге составить

отдельную армию, которой действовать против маршала Ожера, для обеспечения сообщения с Рейном.

Восстановленное единомыслие союзных монархов было утверждено достопамятным договором в Шомоне. Россия, Австрия, Пруссия и Англия обязались не заключать отдельного договора и не покидать оружия, доколе не будет достигнут мир, который ручался бы в ненарушимости государств европейских; на сей конец каждая из трех первых держав согласилась выставить по 150000 человек; Англия приняла на себя расходы войны. Для утверждения же политического равновесия в Европе определено продолжить силу и действие договора на 20 лет. Вслед за тем объявлено Коленкуру, что если в течение 10 дней условия мира не будут приняты, всякие переговоры прекратятся. Срок миновал без удовлетворительного ответа, и конгресс был закрыт.

Между тем вследствие решения военного совета Главная армия, уклоняясь от боя, потянулась назад к Лангру, а Силезская двинулась к Парижу. Наполеон, поручив маршалу Удино следовать за Шварценбергом, сам с главными силами, в числе 40000 человек, погнался за Блюхером. Прусский полководец с радостью услышал о своем преследовании, свернул с Парижской дороги вправо для подкрепления себя войсками Винценгероде и Бюлова и, соединившись с ними, укрепился в окрестностях Лаона, имея под ружьем более 100000 человек. Наполеон напал на него с армией, втрое слабее числом, но сосредоточенной в одну массу, между тем как Блюхер разбросал свои войска, и графу Воронцову пришлось целых 6 часов с одним корпусом удерживать стремительный напор всех сил Наполеона, у Краона. Русский генерал отбил, не оставив в руках неприятеля ни одного орудия, и дал время главнокомандующему сосредоточить войска под стенами Лаона; здесь произошло общее двухдневное сражение, ознаменованное новой доблестью русских войск, предводимых Сакеном и Воронцовым. Неприятель был отбит на всех пунктах и отступил к Соассону с потерей 12000 человек и 6 орудий.

Не успев поразить Блюхера и отбросить его от театра войны, Наполеон обратился на Главную армию, которая между тем, опрокинув Удино, по настоянию Александра перешла из оборонительного положения в наступательное. Лаонская победа ободрила князя Шварценберга; но вслед

за тем узнал он, что корпус графа Сен-При разбит наголову при Реймсе. Это известие привело фельдмаршала в неопределимое недоумение: он двигал корпуса назад и вперед, направо и налево, и растянул свою армию на пространстве ста верст. Наполеону предстоял удобный случай истребить ее по частям и снова дать иной оборот всему ходу войны.

В самом деле, он устремился на разбросанные корпуса Шварценберга с быстротой молнии, в надежде застигнуть их врасплох, однако же обманулся. Император Александр успел сосредоточить при Арси-Сюр-Об до 90000 человек; остановил стремление неприятеля и сам напал на него. Бой был жестокий, но нерешительный; войска обеих сторон провели ночь на месте сражения, на виду друг у друга. На следующий день битва должна была возобновиться; сверх всякого ожидания, Наполеон отступил к берегам Марны по направлению к Сен-Дизье, в надежде увлечь за собой союзников к Рейну и тем спасти свою столицу, которую уже не мог отстоять открытым боем. Он полагал, что Шварценберг испугается, увидев неприятеля в тылу своем, пойдет за ним и даст случай разбить себя, по крайней мере удалиться от Парижа.

Надежда его едва не исполнилась. Шварценберг хотел было гнаться за ним и уже отдал войскам повеление идти к Сен-Дизье, приглашая следовать за собой и Блюхера, который, после продолжительного бездействия в Лаоне, появился на берегах Марны. Александр распорядился иначе: узнав о тайном намерении Наполеона увлечь за собой союзные силы к берегам Рейна из перехваченного письма его к Марии-Луизе, государь убедил своих союзников обратиться в противоположную сторону, к открытой и незащищенной столице Франции, зная, что покорение ее лишит неприятеля средств продолжать войну. По мысли и по воле Александра, обе армии двинулись на Париж, а за Наполеоном послан только один корпус барона Винценгероде, чтобы скрыть от него направление главных сил.

На пути к Парижу, близ Фер-Шампенуаза, союзники встретили двух маршалов, Мармона и Мортье, шедших со значительными силами на соединение со своим императором. Граф Пален, начальник авангарда Главной армии, стремительным ударом смял их, разбил и обратил в бегство. Государь, следуя за графом Паленом, нечаянно встретил два других неприятельских корпуса, опрокинутых

Блюхером на Главную армию, напал на них с одной своей кавалерией и скоро принудил их положить оружие. Десять тысяч пленных, в том числе 9 генералов, 80 орудий и огромный обоз были трофеями сражения при Фер-Шампенуазе, ознаменованного личной храбростью Александра. Дорога к Парижу была теперь открыта.

Союзные войска бодро шли между Марной и Сеной. Мысль, что они идут на Париж, одушевляла всех, и генералов и солдат. Государь непрестанно объезжал ряды своих храбрых сподвижников и говорил им, что Париж недалеко. Они приветствовали своего царя-героя громким ура, удваивали шаги, дружно гнали пред собой разбитые корпуса Мортье и Мармона; живо наводили разрушенные мосты, выбивали неприятеля на переправах и в пятый день похода с восторгом увидели наконец высоты Монмартра, освещенные яркими лучами заходящего солнца. «Здравствуй, батюшка Париж! Как-то расплатишься ты за матушку Москву!» — говорили русские солдаты.

Столица Франции не имела никаких укреплений искусственных; взамен того окружившие ее с востока и севера высоты Бельвиля и Монмартра служили ей крепким оплотом. Они были унизаны орудиями и усеяны войсками, которые успели собрать Мортье и Мармон, счастливо ускользнувшие от преследования союзников. Разбитые корпуса их подкрепила национальная гвардия. Сверх того, вооружились все ветераны и воспитанники Политехнической школы, которые добровольно вызвались управлять орудиями. Пользуясь выгодами местоположения, маршалы решились обороняться до последней крайности, чтобы дать своему императору время зайти союзникам в тыл и расстроить все их планы.

Движение союзников к Парижу недолго оставалось тайной для Наполеона. Едва управились они при Фер-Шампенуазе с Мортье и Мармоном, Наполеон вдруг обратился на следовавший за ним корпус барона Винценгероде, который принял за авангард армии Шварценберга, напал на него всеми силами при Сен-Дизье, нанес ему жестокое поражение и от пленных узнал, что Александр уже далеко, на пути к Парижу. Роковая весть поразила его, как гром. С отчаянием в душе он погнался за союзниками; пятидесятитысячная армия его не шла, а бежала берегами Се-

ны для спасения столицы, и в то время когда подступал к ней Александр, Наполеон, опередивший свои войска, был уже в Фонтенбло, в 50 верстах от Парижа, с нетерпением ожидая прибытия отставшей армии своей, чтобы ударить врагам в тыл.

Отважное предприятие союзников могло иметь пагубные следствия от малейшего промедления. Но душой всех действий их был Александр, всегда неутомимо деятельный, непоколебимо твердый и прозорливый. Подступив к Парижу вечером 17 марта, он немедленно дал знать жителям его прокламацией от имени Шварценберга о непреклонном намерении союзных монархов установить во Франции такое правительство, которое примирило бы ее с Европой и даровало бы ей тишину и благоденствие; парижане приглашались к содействию этой цели. Но так как маршалы успели уверить народ, что перед глазами его не вся союзная армия, а только остатки корпусов, разбитых и гонимых Наполеоном, и прокламация осталась без ответа, то государь, дорожа каждым часом, не хотел длить время в бесполезных переговорах и отдал войскам повеление готовиться к штурму. Всю ночь провел он в трудах, нетерпеливо ожидая рассвета, чтобы решить судьбу Франции оружием.

Высоты Бельвиля поручено взять Барклаю-де-Толли войсками Главной армии; Монмартр велено штурмовать Блюхеру. Оба они должны были двинуться в одно время, в 5 часов утра. В строю союзных войск было до 100000; у неприятеля вдвое меньше; но Блюхер поздно получил приказ о содействии главной армии и вступил в дело не прежде полудня, так что вся тяжесть битвы сначала лежала на одних русских войсках Барклая-де-Толли. Французы встретили их с ожесточением, имея все местные выгоды на своей стороне. Русских вел в битву тот, кто всегда водил их к победе, неустрашимый Раевский. Подкрепленный гренадерами Милорадовича, прусской и баденской гвардиями, он сбил неприятеля на всех пунктах, отнял у него всю артиллерию, утвердился на высотах Бельвиля и направил русские орудия на Париж. Мармон обратился к Александру с просьбой пощадить столицу Франции. Государь остановил грозное стремление разъяренных войск и послал к маршалу флигель-адъютанта своего Орлова с требованием немедленно положить оружие. «Волей или неволей, сказал Александр,

на штыках или в триумфе, на развалинах или в чертогах, но сего же дня Европа должна ночевать в Париже.»

Между тем как только затих бой на Бельвиле и Орлов вступил в переговоры с Мармоном, раздался гром орудий на высотах Монмартра⁸⁷: их штурмовали Ланжерон и Рудзевич. Тут действовали исключительно русские полки: с обычной храбростью, в несколько минут они взобрались на крутизны, казавшиеся неприступными, утвердили на них русское знамя и огласили Монмартр русскими песнями. Австрийцы не принимали участия ни в том, ни в другом сражении; прочие войска немецкие вступили в дело в конце битвы, когда победа была уже несомненна. Она куплена русской кровью, в числе 9000 союзных воинов, положивших жизнь под стенами Парижа, 7000 было русских.

Беззащитная столица Франции, увидев войска свои рассеянными, а союзников на высотах Бельвиля и Монмартра, пришла в неопикуемый ужас. Мысль, что Александр предаст ее на разграбление озлобленным солдатам, господствовала и в стенах Парижа и в стане союзных воинов. Французам казалось невозможным оставить без отщепенения Москву, столь безжалостно ими разоренную и разграбленную; русские, со своей стороны, помнили глубокие раны, нанесенные неприятелем их отечеству; еще более злились пруссаки. Сто тысяч штыков жаждали крови. Одно слово Александра — и столица Наполеона была бы грудой пепла и развалин. Великая душа не знала мести. Как только смирился Париж и маршал Мармон подписал капитуляцию о безусловной сдаче его союзникам, государь объявил депутатам города, пришедшим с мольбой о пощаде, что война с Францией кончена, что он пришел даровать ей мир и благоденствие. 19 марта, в день навсегда незабвенный для России, Александр вместе с верными сподвижниками своими, королем прусским, торжественно вступил в столицу Франции⁸⁸. Парижане приветствовали его радостными восклицаниями, и не скрывали ненависти к Наполеону.

Пользуясь благоприятной минутой, государь в тот же день обнародовал прокламацию, которой объявил, что ни он, ни союзники его не намерены входить ни в какие переговоры с Бонапартом или с кем-либо из членов его семейства, предоставляя самим французам учредить у себя пра-

вительство, сообразное с их желаниями и потребностями. Основываясь на этой прокламации, Французский сенат объявил Наполеона низверженным с престола. После сего со всех сторон начали обращаться к российскому императору представители разных партий с неотступными просьбами учредить во Франции правление, сообразное с видами каждой из них. Во дворце его толпились и роялисты, и республиканцы, и бонапартисты. Одни умоляли о восстановлении трона Бурбонов, другие домогались народного правления, третьи ходатайствовали за сына Наполеона. Александр склонился на сторону первой партии, и Людовик XVIII был провозглашен королем Франции. Французы присягнули ему беспрекословно, зная, что того хочет император Александр. Наполеон отрекся за себя и за своего сына от престола и удалился на остров Эльбу под прикрытием отряда союзных войск, которому стоило немалого труда спасти его в южной Франции от ярости озлобленной черни.

Главное дело было кончено: тот, перед кем так долго трепетали цари и народы, кто одним именем своим приводил в ужас всю Европу и стоял на высшей степени величия, дотоле недоступной ни одному смертному, Наполеон был низринут умом и волей Александра. Оставалось определить положение Франции в политической системе европейских государств. Многие считали необходимым для общего спокойствия поставить ее в число второстепенных держав, даже разделить на части. Великодушие Александра спасло ее от раздела и уничтожения. Он принял в основание мира Европы с Францией то самое начало, которое имел в виду при первой борьбе с Наполеоном в 1805 году и которое повторил снова по переходе через Рейн: Франция, для собственного ее спокойствия, должна была остаться нераздельной и занять почетное место наряду с первыми державами европейскими в политической системе их; для спокойствия же соседей и всей Европы отказаться от всякого насильственного влияния вне своих естественных границ. Вследствие этого государь предложил ограничить ее тем пространством, которое она имела при законных королях своих до революции и которое не препятствовало ей быть сильной и счастливой. Союзники согласились с мнением российского императора. *Людовик XVIII*⁸⁹ должен был признать справедливость предложенных им ос-

нований мира тем более, что сам он был чужд всех переворотов, потрясавших Европу после смерти брата его Людовика XVI, и договором, заключенным с союзными монархами в Париже 18 мая 1814 года, отказался от всех областей, присвоенных французским правительством со времени революции.

Общим требованием было, чтобы Франция по крайней мере вознаградила разные государства за огромные траты, нанесенные им самовластием Наполеона. Могущественное ходатайство Александра спасло ее и от контрибуции: он убедил своих союзников уничтожить все долговые притязания их к французскому правительству. Мало того, памятники искусств и художеств, собранные Наполеоном в Париже с разных стран Европы в виде дани, остались неприкосновенными, равно как и памятники, сооруженные в воспоминание побед при Аустерлице, Йене, Ваграме. Великодушие государя тем не ограничилось: он даровал свободу и средства возвратиться в отечество двумстам тысячам французов, находившихся в России в плену. Франция превозносила до небес добродетели Александра, признавая его в один голос своим спасителем. С тем же восторгом приняла его свободная Британия, которую посетил он с королем прусским на обратном пути в отечество.

Россия торжествовала. При первом известии о взятии Парижа святые храмы наполнились толпами бесчисленного народа, воссылавшего теплые мольбы благодарения Всевышнему. Все сословия ликовали, ибо каждое из них приняло деятельное участие в великом подвиге царя своего, прославившем отечество. Никогда радость не была столь общей, никогда чувство народного достоинства не выражалось так сильно и красноречиво, как в это незабвенное время. Манифест государя, подписанный в Париже в день заключения мира, о прекращении лютой брани и о водворении в Европе всеобщего спокойствия, увенчал все надежды и довершил общие ликования. Россия с нетерпением ожидала своего царя-героя, чтобы изъявить ему свою признательность.

Упреждая единодушное рвение всех сословий, святейший Синод, Государственный совет и правительствующий сенат в общем чрезвычайном собрании постановили:

1) принести государю-императору от лица торжествующей России всеподданнейшее поздравление и живейшую благодарность за великие труды, подъятые им для славы и благоденствия державы; 2) приложить к священному имени его титул *Благословенного*, тем более приличный скромности и смирению государя, что великие подвиги его очевидно ознаменованы покровительством высшего промысла; 3) для придания потомству славы России и сердечной благодарности к виновнику оной выбить медаль и воздвигнуть памятник с надписью: *«Александру Благословенному, императору Всероссийскому, великодушному держав восстановителю, от признательной России»*. Для исходатайствования на все это монаршего согласия отправлены были три знатные сановника, в качестве депутатов с просьбой, подписанной всеми членами чрезвычайного собрания. Депутатами были: князь Куракин, генерал Тормасов и граф Салтыков. Они встретили государя на обратном пути его в Россию, в Баденских владениях. Он ехал под именем генерала Романова, уклоняясь от пышных встреч и восторженных приветствий освобожденной им Германии. Признательность подданных тронула его до глубины души; но на принятие подданного титула и на сооружение памятника он не согласился вследствие правил скромности и смирения, всегда руководивших его поступками: «Да соорудится мне памятник в чувствах ваших, отвечал государь, да благословляет меня в сердцах своих народ мой, как я его благословляю в моем сердце».

Х. ВОДВОРЕНИЕ В ЕВРОПЕ ВСЕОБЩЕГО МИРА (1815—1825)

Освободив Европу от грозного завоевателя, Александр принял деятельное участие и в восстановлении государств, ниспровергнутых или потрясенных Революцией и Наполеоном. В Париже, при подписании мирного договора, он условился с своими союзниками составить в том же году общий конгресс для распределения земель, возвращенных от Франции, и для окончательного устройства политических дел Европы. С этой целью в сентябре 1814 года собрались в Вене многие короли, герцоги, принцы и полномоч-

ные министры от всех держав европейских. По прибытии государя из России конгресс открылся. Никогда в Европе не было столь торжественного и блестящего соединения знаменитых венценосцев и мужей государственных, никогда и предметы совещаний не были так важны и многосложны: надлежало перестроить всю Европу, не теряя из виду ни старых прав, ни новых притязаний, распутать бесчисленные столкновения, утвердить политическое равновесие держав и обеспечить целостность и спокойствие народов.

При разрешении столь трудных вопросов главным руководителем, душою конгресса, был Александр: среди всех венценосцев он первенствовал на поприще политики так точно, как на полях брани, и дальновидным умом и возвышенным характером. К нему обращались короли и министры; он сам вел переговоры с теми и другими, входил в жаркие прения и собственною рукою писал дипломатические ноты с тем же увлекательным красноречием, которое было так пленительно в устах его. Полномочные министры России, участвовавшие в конгрессе, графы Разумовский, Штакельберг и Нессельроде были только исполнителями его предначертаний.

Из всех вопросов, предложенных Венскому конгрессу, самым запутанным и вместе с тем наиболее важным для России был вопрос о Польше.

Вследствие неотвратимого хода событий, около двух веков постепенно разрушаясь и умирая от собственных неустойчив, от внутреннего смертельного недуга, Польша в конце XVIII столетия утратила бытие самостоятельное и вошла в состав трех соседних держав, России, Австрии и Пруссии. Приговор судьбы, предугаданный за полтора столетия Яном Казимиром, был исполнен. Полякам оставалось покориться неизбежному року и терпеливо сносить свою долю или, справедливее, благословлять Провидение, избавившее их от бедствий безначалия, включившее их в семейство трех могущественных народов и даровавшее им тишину под защитою законов в недрах государств благоустроенных. Они судили иначе.

Мечта о золотой вольности не покидала их, тревожила легковверные умы, внушала им разные несбыточные планы, наконец, утвердила их в мысли о возможности восстановить Речь Посполитую могущественною рукою Наполео-

на. На него поляки смотрели, как на своего спасителя, с радостью стекались под его знамена и торжествовали победы его над Австрией, Пруссией, как свои собственные. Наполеон поддерживал их мечты. Очень хорошо понимая, что Польша не может существовать самобытно, он хотел только привязать к себе поляков и употребить их орудием к исполнению властолюбивых замыслов своих на Россию. С этой целью образовал он в 1807 году, из польских областей, принадлежавших Пруссии, герцогство Варшавское, дал ему конституцию, с особенным управлением, под верховною властью короля Саксонского, и чрез два года потом расширил пределы герцогства присоединением земель, отнятых у Австрии по Венскому договору.

Обольщаемые словами и поступками хитрого честолюбца, поляки умоляли его довершить возрождение Польши присоединением к герцогству великого княжества Литовского, и с восторгом услышали наконец о разрыве его с Александром: они думали, что сильным ударом непобедимого сокрушится Россия и на развалинах ее воскреснет Речь Посполитая, вовсе не подозревая, что незадолго пред тем Наполеон предлагал нашему государю истребить из актов истории самое имя Польши. При нашествии его на Россию герцогство Варшавское ополчилось поголовно и, невзирая на слабые средства свои, выставило 80 000 храбрых воинов, которые под начальством *Понятовского*⁹⁰ присоединились к Великой армии, и с беспощадною злобою вступили в пределы нашего отечества. Поляки не уступали самим французам в мужестве под стенами Смоленска, на полях Бородинских, и далеко превосходили их неумолимою ненавистью ко всему русскому: с ожесточением разрушали Москву, не давали пощады ни возрасту, ни полу, не уважали ни святыни, ни памятников древности. Между тем Варшава мятежными воззваниями волновала Литву. В Вильне также праздновали победы Наполеона; многие паны изменили долгу присяги. Поляки торжествовали, и легко вообразить ужас их, когда сверх всякого чаяния, вопреки всем расчетам и надеждам, вслед за бегущими толпами Великой армии, на берегах Вислы появилось грозное русское воинство, предводимое Кутузовым. Польша оцепенела от страха и с безмолвным смирением ожидала приговора российского императора.

Занятая вооруженною рукою, она не смела и думать о снисхождении раздраженного победителя, готовилась испытать все тягости контрибуции, все ужасы военной расправы, ожидала конечного разорения своих городов и сел, пожаров, грабежей, ссылок, заточений, всех бедствий немолимого мщения. Александр поступил иначе. Войскам повелено соблюдать строжайший порядок; запрещено заводить с народом ссоры и делать ему упреки; для управления общественными делами учрежден верховный совет под председательством сенатора Ланского из природных поляков; оставлены неприкосновенными лица, права и законы; дарована пощада не только герцогству, но и Литве; о контрибуции не было и слова. Мало того, на расходы по управлению, которых не в силах были покрыть истощенные Наполеоном польские финансы, государь неоднократно присылал значительные суммы из России.

Невольны пораженные столь неожиданным великодушием, поляки благословляли имя Александра, и уже потеряв всякую надежду на возрождение Речи Посполитой, молили его об одной милости, о присоединении герцогства Варшавского к России. Государь одним указом мог бы включить Польшу в состав своей империи как страну, покоренную русским оружием. Он готовил ей иную долю. Давно уже в душе его таилась мысль о возможности согласить выгоды России с притязаниями поляков на самостоятельность народную. Он полагал, что соединив раздробленные части Польши в одно целое и дав ей сообразное с обычаями народными особенное управление, под верховною властью российского императора, можно будет достигнуть двоякой цели: с одной стороны, успокоить умы в Польше и пресечь ее внутренние волнения, с другой же стороны, образовать из нее крепкий оплот для империи на западе. Александр думал, что поляки под сенью его престола найдут то, чего они так давно и так тщетно искали и, обязанные своим счастьем, исполнением самых пламенных желаний своих единственно великодушию российского императора, примирятся с Россиею и станут за нее грудью в случае разрыва ее с кем-либо из западных соседей. Таким образом, всегда верный исполнитель планов мудрой бабки своей, он уклонился от ее политики только в одном этом случае. Польша вскоре доказала ему, как справедливо мыслила и действовала Екатерина II.

Не сомневаясь в готовности поляков признать верховную власть российского императора, Александр отсрочил исполнение своей мысли до окончания борьбы с Наполеоном, тем более, что герцогство Варшавское возникло из областей, принадлежавших Австрии и Пруссии, и присоединение его к России, без предварительного согласия той и другой державы, могло бы повредить предположенному союзу нашего двора с обоими кабинетами, столь необходимому при тогдашних обстоятельствах. Вследствие этого в Калише и Теплице государь условился с королем прусским и императором австрийским решить дело о герцогстве Варшавском с общего согласия трех держав, при восстановлении мира в Европе. Поляки так усердно желали быть в подданстве российского императора, что когда, по заключении договора в Рейхенбахе, разнеслась молва о намерении союзных монархов вновь раздробить герцогство, депутаты от всех воеводств явились к Александру, шедшему в то время на Париж, с мольбою не предавать их в руки немцам и включить Польшу в состав Российской империи. Он советовал им ждать благоприятнейших обстоятельств, обещал сделать для них то, чего они сами не ожидают, и исполнил свое обещание.

Первым словом его на Венском конгрессе была Польша. Он объявил, что герцогство Варшавское, покоренное и исторгнутое из власти Наполеона русским оружием в то время, когда Россия боролась с ним одна, без союзников, должно служить ей вознаграждением за ее огромные жертвования и усилия к спасению Европы, и что он предоставляет себе дать герцогству устройство, наиболее сообразное с выгодами империи и желаниями польского народа. А поскольку в состав герцогства вошли области, отнятые Наполеоном у Пруссии и Австрии, и конгресс принял за основное правило поставить обе державы на ту степень, которую занимали они до своего раздробления, то и начертан был план вознаградить их землями, исторгнутыми оружием союзников у Наполеона или его приверженцев, Австрию Иллирией, Пруссию Саксонией, лишив короля саксонского наследственного государства за упоенную привязанность его до последней минуты к общему неприятелю.

Кабинет Берлинский охотно соглашался на эти меры, потому что Саксония достаточно вознаграждала Пруссию

за прежние потери ее. Кабинеты Лондонский и Венский, признавая со своей стороны справедливым вознаграждение Пруссии насчет Саксонии, находили присоединение Польши к России несовместимым с системою политического равновесия и предлагали образовать из нее государство независимое под управлением особенной династии. Еще более настаивал на самостоятельности Польши французский полномочный министр Талейран, который, сверх того, с жаром вступился за короля саксонского. Таким образом Россия за все свои пожертвования и усилия к освобождению Европы от власти Наполеона должна была довольствоваться одною славою великодушного подвига, между тем как державы, ею спасенные, приобрели бы новые области и силы.

Александр тем более не мог согласиться на восстановление Польши в прежнем виде, что самостоятельность ее была бы одною мечтою и непрязненные нам кабинеты не преминули бы утвердить в ней свое влияние ко вреду России. Австрийский министр, князь Меттерних, составил иной план, с которым согласился и английский полномочный лорд Кастельре: разделить герцогство Варшавское на три равные части между Россиею, Австриею и Пруссиею с тем, чтобы сей последней державе уступить еще северную Саксонию, а южную оставить во власти наследственного короля. Государь объявил, что кабинеты могут делить герцогство, как им угодно, но что прежде надобно выгнать оттуда русские войска. Испуганные угрозою Александра, Англия и Франция заключили против России тайный союз, к которому, по приглашению их, приступили Бавария и другие немецкие державы. Германия забыла все, что ни сделал для нее государь России, и готова была обнажить мечь на своего освободителя.

Всеобщая война казалась неизбежною. Александр не страшился борьбы с Европою; но его ужасала мысль о новом кровопролитии, о новых бедствиях народов. Франц I также не решался поднять оружие на своего друга, которому он столько был обязан. Фридрих Вильгельм с своей стороны хотел быть в мире с Россией и Австрией. Одушевленные чувством самой искренней приязни, союзные монархи согласились сделать друг другу взаимные уступки, и в то время, когда полномочные министры их потеряли всякую надежду на мир, дружба венценосцев спасла

Европу от всеобщей брани, которая могла иметь самые пагубные следствия. Решено было: герцогство Варшавское присоединить навсегда к России, под именем царства Польского, за исключением области Познаньской, отданной королю прусскому, области Краковской, объявленной республикою, и соляных копей Велички, возвращенных Австрии вместе с областью Тернопольскою, которая с 1809 года принадлежала России. Саксония разделена на две части: северная присоединена к Пруссии, южная оставлена во владении наследственного короля. Полномочные министры Англии и Франции не смели прекословить приговору трех могущественных монархов, и вождеденное согласие восстановилось на конгрессе в то самое время, когда только единодушие кабинетов могло спасти Европу от нового потрясения, приготовленного ей неумолимым честолюбием Наполеона.

Узнав о разномыслии кабинетов на Венском конгрессе и о возникших в то же время неурядицах во Франции, где народ роптал на правление Людовика XVIII, Наполеон думал, что заключенный против него союз рушился, и что ему, при столь благоприятных обстоятельствах, нетрудно будет взволновать легкомысленный народ и свергнуть Бурбонов. С этой целью тайно оставив Эльбу, он сделал высадку в южной Франции. Надежда на французов не обманула его: они толпами стремились к нему навстречу, город принимал его с торжеством, войска изменяли королю и предавались похитителю. Он без выстрела дошел до Парижа и едва не захватил Людовика. Франция провозгласила его своим императором⁹¹. Но не то сказала Европа.

После изгнания Людовика в Бельгию, овладев кормилом правления, Наполеон известил союзных монархов, что, призванный на престол единодушным желанием французского народа, он готов исполнять все условия Парижского договора и жить в мире со всеми державами. Ответом ему была достопамятная декларация конгресса, который торжественно, пред лицом Европы, объявил его врагом и возмутителем всемирного спокойствия, лишившим себя покровительства законов и заслужившим одно мщение гражданских обществ. Наполеон не потерял ни бодрости, ни надежды рассорить союзников, призвал Францию к пого-

ловному ополчению и сообщил Александру найденный в кабинете Людовика XVIII тайный договор, заключенный против России, во время споров за Польшу, дворами Венским, Лондонским и Тюльерийским. Государь даже не подозревал о существовании подобного трактата. Изумленный и огорченный столь неожиданною новостью, в особенности участием Людовика XVIII в договоре, он не поколебался, однако же, в намерении низложить врага Европы, оставил без ответа все предложения его, подтвердил дружбу с Австрией, Англией, Пруссией, пригласил к общему союзу всех владетелей европейских и по-прежнему явился на полях брани главою венценосцев, душою всех предначертаний, истинным вождем соединенных сил Европы.

При первом известии о быстрых успехах Наполеона, Александр составил из первенствующих генералов, находившихся в Вене, военный совет, который, следуя указаниям государя, определил: 1) немедленно выставить против Франции три армии, чтобы дружным ударом с трех сторон сокрушить неприятеля; 2) Шварценбергу действовать с австрийскими, баварскими, виртембергскими и баденскими войсками от пределов Швейцарии; Блюхеру с пруссаками от Нижнего Рейна; Веллингтону с англичанами и голландцами из Бельгии; 3) русской армии, незадолго пред тем вступившей в царство польское, спешить на помощь союзникам к берегам Рейна, под начальством Баркляя-де-Толли. Европа снова ополчилась.

Александру предстоял новый труд соглашать в одно время и своекорыстные притязания держав в Вене и разнородные мнения союзников на счет военных действий. Общая опасность помогла ему уладить дела на конгрессе. Он оставил Вену, выступил на театр войны и расположился в Гейдельберге, где с нетерпением ждал прибытия своих войск, чтобы подкрепить Блюхера, жестоко разбитого неприятелем при Линьи. В числе 225 тысяч русская армия быстро шла с берегов Вислы к берегам Рейна; стройные полки ее уже начали появляться в окрестностях Гейдельберга, когда разнеслась весть о решительном поражении Наполеона при Ватерлоо⁹² соединенными силами Веллингтона и Блюхера. Александр немедленно перевел свои войска через Рейн при Мангейме и двинулся прямо на Париж.

Едва миновал он Вогезские горы, как получено известие, что столица Франции уже занята войсками Веллингто-

на и Блюхера, что в ней господствует безначалие и всеобщее смятение и что народ, раздираемый партиями, доведенный до отчаяния поступками англичан и пруссаков, в один голос призывает Александра спасти его от бедствий войны междоусобной и от мщения озлобленных победителей. Государь опередил свои войска, с малочисленную свитою проехал более 200 верст по стране неприязненной, внезапно явился в Париже и был принят народом как ангел-спаситель. Военное самоуправство было немедленно прекращено, законное правительство восстановилось, Людовик XVIII снова вступил на престол. Политическое поприще Наполеона кончилось: захваченный англичанами в Рошфоре, он, по определению союзных монархов, заточен на остров св. Елены. Многочисленные приверженцы его положили оружие, как скоро узнали, что участь его решена невозвратно. Франция смирилась и с покорностью ожидала приговора союзных монархов о будущей судьбе своей, возлагая все упование единственно на великодушие императора Александра. Надежда не обманула ее.

Европа в один голос требовала вознаграждения за все свои траты и верного ручательства в будущей безопасности. Удовлетворяя общему желанию, некоторые кабинеты снова изъявили мысль отделить от Франции все, чем завладела она со времен Людовика XIV и что издревле входило в состав Германской империи. Эта мысль нашла отголосок и в Вене: там думали образовать из Бургундии, Лотарингии и Эльзаса независимое королевство Бургундское и отдать его эрцгерцогу Карлу. Молва о разделе быстро разнеслась по всему королевству и поразила народ глубокою скорбью. Король был в отчаянии. Великодушие Александра вторично спасло Францию от раздробления. Он убедил своих союзников оставить ее в прежних пределах, за исключением нескольких пограничных мест, уступленных Голландии, Пруссии, Австрии, Швейцарии и Сардинии. Его же могущественное посредничество облегчило и условия договора, которым Франция купила мир Европы. Союзники требовали от нее 800 миллионов франков контрибуции, полного удовлетворения частным лицам и ведомствам разных держав по долговым притязаниям и уступки союзным войскам на семь лет 18 крепостей в северо-восточных областях, для утверждения внутреннего спокойствия Франции и для охранения безопасности соседних держав. Александр

сбавил с контрибуции 100 миллионов и двумя годами сократил срок военного занятия, дав слово и ранее вывести союзные войска из пределов Франции, если позволит ее внутреннее состояние. На сих основаниях заключен второй Парижский мир, 8 ноября 1815 года. Как ни тягостны были для Франции условия договора, учредившего над нею опеку европейских держав и обязавшего ее огромною контрибуцией, но без великодушного покровительства Александра она испытала бы совсем иную участь, в чем сознаются все историки беспристрастные.

Окончательное примирение Франции с Европой было также делом Российского государя, даровавшего ей возможность выполнить одно из самых трудных условий договора, без чего она нескоро освободилась бы от войск союзных. Французское правительство, обязавшись, сверх уплаты контрибуции, удовлетворить долговые притязания частных лиц и ведомств разных держав, засвидетельствованные законным образом, с ужасом увидело, что сумма предъявленных счетов более чем втрое превосходила самую контрибуцию. Не имея никаких средств к буквальному исполнению договора, оно неоднократно обращалось к разным державам с убедительною просьбою положить предел неумеренным требованиям их подданных, и везде слышало одни отказы. В особенности настойчивы были мелкие владетели немецкие. В Вене и Берлине также говорили о необходимости полного удовлетворения. К довершению злополучия Франции начался голод. Народ был в отчаянии. Людовик XVIII решился прибегнуть к великодушному посредничеству Александра и снова нашел в нем спасителя своего королевства. Государь склонил своих союзников уполномочить герцога Веллингтона для рассмотрения долговых притязаний и для окончательного по ним расчета с французским правительством, в то же время собственноручным письмом изъявил герцогу свое искреннее участие к Франции и убедительно просил его облегчить ее злополучную долю. Герцог, исполняя волю российского императора, кончил все расчеты, к полному удовольствию Людовика XVIII.

Ободренный столь счастливым успехом, Людовик обратился к Александру с новою просьбою: освободить Францию от военного занятия, которое, кроме огромных расходов на содержание 150 000 армии, оскорбляло народ-

ное самолюбие. Для решения этого вопроса государь предложил своим союзникам составить конгресс из полномочных министров пяти держав: России, Австрии, Пруссии, Англии и Франции. Предложение его было принято; конгресс открылся в Ахене, куда прибыл и сам государь с императором австрийским и королем прусским. Совещания были непродолжительны. Александр, удостоверенный французским министром, герцогом Ришелье, в спокойствии Франции и в безопасности соседних держав, предварительно изъявил согласие на исполнение просьбы короля французского. Все кончилось в два заседания. Франция была освобождена и как держава самостоятельная заняла свое место в политической системе Европы, в числе государств первоклассных.

После водворения в Европе вожденного мира на суше и на морях главной целью внешней политики императора Александра в остальные годы его царствования было сохранение всеобщего спокойствия народов и политического равновесия держав от новых потрясений. Вопреки предсказаниям Наполеона, он не думал господствовать, подобно тому в Европе не искал ни новых приобретений для своей империи, ни нового блеска для собственной славы. Душа его, чуждая прельщений земного величия, доступна была одному желанию, внушенному св. верою и живейшею любовью к человечеству, соединить Европу в одно семейство, утвердить братское согласие между враждебными народами и подчинить политику кабинетов высоким истинам закона христианского. Руководимый сим неземным побуждением, он предложил еще в 1815 году, незадолго до подписания второго Парижского договора, верным друзьям и сподвижникам своим, императору австрийскому и королю прусскому, заключить неразрывный союз, основанный на св. заповедях Христа Спасителя, благовествующего людям жить не во вражде и злобе, а в мире и любви. Предложение его было принято без прекословия, и 14 сентября 1815 года тремя государями подписан в Париже начертанный Александром акт *Священного союза*. Монархи согласились: «Как в управлении собственными подданными, так и в политических отношениях к другим правительствам руководствоваться заповедями св. Евангелия, которые, не ограничиваясь приложением своим к одной част-

ной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и водить их деяниями, как единственное средство, утверждающее человеческие постановления и вознаграждающее их несовершенство. Вследствие сего положили соединиться узами неразрывного братства и оказывать друг другу во всяком случае, во всяком месте взаимную помощь и доброжелательство; подданных же своих считать как бы членами одного семейства и управлять ими в том же духе братства, для сохранения веры, правды и мира». Акт Священного союза был обнародован Александром по возвращении из Франции в отечество, в день Рождества Христова. Его читали в церквях. Христианские венценосцы один за другим приступили к союзу, за исключением только английского короля, который объявил, что он признает святость правил, провозглашенных российским государем, но по формам английской конституции не может дать торжественного обязательства.

Цель Священного союза с большою точностью определена Ахенским конгрессом. Декларация, написанная рукою Александра и обнародованная от имени пяти держав — России, Австрии, Англии, Франции и Пруссии, — возвестила Европе, что Священный союз не клонится ни к новым политическим соображениям, ни к перемене отношений, определенных существующими трактатами, что единственным предметом действий его всегда будет соблюдение тишины и утверждение постановлений, которые служат основанием и залогом спокойствия народов, что союзные монархи признают неперемennую обязанностью своею следовать неуклонно указаниям народного права и что они почтут себя счастливыми, если попечением их умножится внутреннее благосостояние государств, процветут мирные искусства гражданские и утвердятся в сердцах народов спасительные чувства веры и нравственности, благотворное действие которых столь видимо ослабло, как сказано в декларации, в наши времена злополучные.

Чистый по началу, бескорыстный по цели, не стесняя свободного развития ни умственных, ни промышленных сил народных, требуя только неприкосновенности уставов, мира и тишины, Священный союз в то же время угрожал спокойствию Европы. Во время всеобщей борьбы народов с Наполеоном в западных государствах возникли многочисленные тайные общества под разными названиями, имевшие снача-

да главной целью свергнуть ненавистное иго и восстановить независимость держав. Впоследствии, когда цель эта была достигнута, общества приняли иной характер: во всей западной Европе они распространили страсть к политическим переменам, несбыточные надежды и мечты. Дух революции, как тлетворная язва, заразил умы в Германии, Италии, Испании. Своекорыстные честолюбцы спешили воспользоваться благоприятными для них обстоятельствами, чтобы ниспровергнуть едва восстановленный Венским конгрессом порядок и на развалинах его утвердить собственное владычество. Благовременные и решительные меры, предложенные князем Меттернихом и утвержденные немецкими кабинетами на Карлсбадском конгрессе, предохранили Германию от приготовленных демагогами бедствий. В Испании слабое и с тем вместе неправосудное правление Фердинанда VII не в силах было подавить зло. Революция вспыхнула среди войска; народ принял сторону мятежной армии. Король, доведенный до крайности, согласился на конституцию, которая лишила его всех прав верховной власти и предоставила их кортесам. Подобное волнение вскоре обнаружилось в королевстве неаполитанском: люди ничтожные, из общества карбонариев, возмутили чернь, войско шитом против новых потрясений, более чем когда-либо принудили короля Фердинанда IV принять Испанскую конституцию. Дух мятежа проник в Португалию и в северную Италию.

Встревоженный волнением итальянских народов, Венский двор, для безопасности собственных областей, собрал на южных границах многочисленную армию; между тем обратился к императору Александру с просьбою о содействии к защите Европы от революционных замыслов, и с предложением составить для этой цели конгресс, на основании Ахенского договора. Государь изъявил свое согласие и немедленно отправился для свидания с австрийским императором в Троппау. Здесь в присутствии обоих монархов учредился конгресс из полномочных министров России, Австрии, Англии, Франции и Пруссии. При самом начале совещаний возник вопрос, имеют ли право союзные державы вмешиваться в дела самостоятельного государства? Князь Меттерних доказывал необходимость сего начала для общего спокойствия Европы, без чего не могла быть достигнута и цель Священного союза; прусский министр князь Гарденберг держался того же правила;

полномочные Англии и Франции были противного мнения. Александр согласился с Меттернихом. Вследствие сего решено было восстановить законный порядок в Неаполе силою оружия союзных войск; короля же неаполитанского пригласить в Лейбах, для совещания о мерах к утверждению его престола; между тем на помощь ему послать австрийскую армию.

Новое важное событие еще более убедило Александра в необходимости мер, предложенных Меттернихом: едва прибыл он в Лайбах для свидания с Фердинандом и для окончательного решения дел итальянских, как вспыхнула революция в Пьемонте. Австрийскому войску велено вступить и в сию страну. Неаполитанские мятежники рассеялись при первом появлении генерала Фримона; не храбрее были карбонарии и в Пьемонте. Те и другие, постыдным бегством спасая преступную жизнь свою, доказали, что единственною целью их восстания был грабеж и разорение мирных граждан. Законные правительства были восстановлены без труда как в южной, так и в северной Италии. Оставалось успокоить Испанию, которая, став жертвою безначалия, обратилась в кровавое позорище мятежей и всякого рода неистовств.

Для решения судьбы ее союзные монархи условились в непродолжительном времени составить новый конгресс в одном из итальянских городов, пригласив к участию в нем полномочных министров Англии и Франции, уклонившихся от постановления Лайбахского. Конгресс открылся в Вероне. Здесь, по мысли императора Александра, с общего согласия пяти держав, решено было укротить волнения Испании силою оружия; а исполнение этой меры возложено на Людовика XVIII. Французское войско, предводимое герцогом Ангулемским, перешло Пиринеи, рассеяло мятежные толпы, овладело Малридом, разогнало кортесов и восстановив власть королевскую, утвердило Фердинанда VII на престоле.

Между тем, как западная Европа, под щитом Александра, успокаивалась от внутренних волнений и дух революции заметно стал ослабевать, встречая грозное противодействие в Священном союзе, на востоке совершилось весьма важное событие, обратившее на себя внимание всего христианского мира и в особенности озаботившее Александра в остальное время его жизни. То было восстание греков против Порты Оттоманской.

Около четырех веков подвластные народу иноверному и жестокому, обремененные тягостными налогами, гонимые и презираемые, греки не утратили, однако, ни воспоминаний прежней свободы, ни надежды на избавление от ига несносного, и непримиримую ненависть к своим тиранам передавали из века в век, из рода в род, как завет священный. От того, со времени падения Константинополя, редкое двадцатилетие проходило без кровавой брани; каждое поколение, под знаменем креста, ратовало за веру и свободу; восстание обнаруживалось почти непрерывно, то на островах Архипелага, то в ущельях Эпира и Пелопоннеса; иногда действовали отдельные дружины отважных удальцов, клефтов и паликаров, иногда поднимались и целые области. В начале XIX века резались с турками сфакиты на острове Крит, майноты в Пелопоннесе, сульоты в Эпире. Султан едва мог смирить их.

Европейские кабинеты не только не оспаривали у греков права мести и защиты вооруженною рукою, но и нередко подавали им надежду на содействие христианских держав к освобождению их от ига. Более всего уповали греки на единовенную Россию и во всех войнах ее с Турциею, со времен императрицы Анны, принимали деятельное участие. Российское правительство, со своей стороны, делало все возможное к облегчению злополучной доли их. Екатерина II договором кайнарджийским обязала султана не притеснять греков в свободе богослужения, не обременять их излишними налогами, господствовать над ними с жестокостью и предоставить им право переселения в другие земли. Все эти условия подтверждены в Яссах и потом, при Александре I, в Бухаресте.

Вопреки торжественным обязательствам, Порты угнетала греков и единовенных им сербов правлением столь же неправосудным, как и жестоким. Иго становилось тем несноснее, что в Грецию, до конца XVIII века покрытую мраком невежества, мало-помалу начал проникать свет наук, непримиримый враг деспотизма. В особенности он стал быстро распространяться с тех пор, когда в Вене, в 1814 году, возникло тайное общество, под именем Гетерии, имевшее целью приготовить эллинов к грядущему возрождению самым действительным способом, образованием. Основанное людьми благомыслящими, с целью утешительною, общество возбудило живейшее участие к

своим трудам во всей Европе; в числе членов его были даже венценосцы. Оно располагало огромными суммами, воспитывало молодых эллинов в лучших университетах европейских, учреждало в Греции народные школы, водворяло в ней дух братства, единодушные и пламенное желание свободы.

В самое короткое время греки как будто переродились и готовы были, по первому призыву, ополчиться на оттоманов. Оставалось склонить к участию в освобождении их главные европейские кабинеты, без чего самое единодушное восстание не в силах было бы свергнуть ига турецкого. Содействие держав христианских казалось несомненным: близ трона императора Александра, располагавшего политикою и судьбою Европы, стоял ревностнейший из гетеристов, муж, знаменитый умом, великий душою, родом грек с острова Корфу, граф Иоанн Каподистрия. С 1815 года любимый статс-секретарь императора, поручавшего ему самые важные дела политические и высоко ценившего его таланты, он неотступно ходатайствовал за своих злосчастных единоземцев пред государем равно великодушным и благочестивым, и уже не отчаивался в успехе, когда неожиданное событие, следствие необдуманного предприятия, расстроило все его планы, уничтожило все надежды. То было восстание князя Александра Ипсиланти в Молдавии, преждевременно взволновавшее всю Грецию.

Сын молдавского господаря, умерщвленного самым вероломным образом, по воле султана, вскоре по заключении Ясского мира, Александр Ипсиланти с двумя братьями своими нашел убежище в России, поступил в военную службу и, будучи еще юношею, ознаменовал себя и доблестью, и славными ранами во время борьбы Александра с Наполеоном: двадцати лет он потерял руку под Витебском. Государь пожаловал его в генерал-майоры и осыпал милостями все его семейство. По окончании всеобщей войны Ипсиланти сблизился с графом Каподистрией, познакомился с главнейшими членами Гетерии, узнал истинную цель их союза и, побуждаемый как мщением за отца, так и личным честолюбием, решился действовать немедленно. В 1821 году он явился в Молдавии, собрал малочисленную дружину и пышным манифестом, обнародованным в Яссах, возвестил грекам, что час их свободы настал, что Рос-

сия готова подать им руку помощи и что он берет на себя звание главного вождя в борьбе за веру и свободу. Случилось то, чего надобно было ожидать: в Морее и на островах Архипелагских обнаружилось волнение.

Александр тогда находился в Лайбахе. Озабоченный мятежами Испании, Португалии, Неаполя и Пьемонта, он с огорчением услышал о восстании греков, которое, казалось, было следствием революционных покушений, волновавших западную Европу, и торжественно изъявил свое неудовольствие. Князь Ипсиланти был исключен из русской службы, а Порте дано знать через российского посла барона Строганова, что государь не только не одобряет мятежа, столь несогласного с его правилами, но и предлагает свое содействие к восстановлению тишины в пределах оттоманских, в полной уверенности, что турецкое правительство, наказав виновников бунта, окажет пощаду людам невинным. Султан Махмуд II отвечал послу самыми несправедливыми и обидными упреками, винил Россию в преступном намерении князя Ипсиланти, отдал приказ не пропускать русских судов чрез Босфор без строгого досмотра, и в собрании Дивана изъявил страшное намерение истребить в своей империи все народонаселение христианское. Турки были призваны к поголовному восстанию в защиту Магомета.

Угадывая волю своего повелителя, они с неумолимою злобою напали на безоружных греков. В Константинополе и других городах открылось зрелище ужасное, которое будет приводить в содрогание самое отдаленное потомство: кровь христиан лилась рекою; не было пощады ни женам, ни детям; не было убежища для злосчастных ни в домах, ни в святых храмах. Греческий патриарх Григорий был замучен самым бесчеловечным образом: злодеи распяли его с двумя епископами в том самом храме, где он совершал божественную службу в день Воскресения Христова.

Испуганные остервенением иступленного народа, представители христианских держав в Константинополе грепетали за собственную жизнь и едва смели ходатайствовать о пощаде злосчастливым грекам. Один русский посол барон Строганов с благородною твердостью вступился за своих единоверцев и в сильных выражениях требовал от султана унять бесчеловечное кровопролитие, восстановить разрушенные церкви, оправдаться пред Европою в убие-

нии первосвященника и исполнить все условия договоров, заключенных с Россией, угрожая в противном случае чрез 8 дней удалиться из Константинополя. Убийства прекратились, но другие требования удовлетворены не были. По миновании назначенного срока посол сел на корабль и отправился в Одессу, где жители приняли его с торжеством за его великодушную твердость. Государь одобрил все действия барона Строганова и отдал повеление сосредоточить войска на южных пределах империи. Война с Турцией казалась неизбежною. Россия ожидала ее с нетерпением. Вышло иначе.

Кабинеты Лондонский и Венский, опасаясь нарушения системы политического равновесия, предложили императору российскому свое посредничество к примирению его с султаном. Государь, искренно желая всеобщей тишины, согласился возобновить переговоры с Турцией в надежде кончить все споры с нею миролюбивым образом. Порты, со своей стороны, изъявила намерение удовлетворить требованиям нашего двора, тайно решившись не исполнять их. Переговоры с нею ведены были через английского посла в Константинополе, лорда Странгфорда. Султан соглашался на сделанные ему предложения о выводе турецких войск из Молдавии и Валахии, о пропуске русских судов из Черного моря в Средиземное без досмотра, о возобновлении торговли, о даровании пощады грекам, о восстановлении церквей, но под разными предлогами откладывал исполнение этих условий.

Тщетно император Александр и союзники его в доказательство миролюбивых расположений своих к Турции на Веронском конгрессе вновь объявили торжественно, что они не одобряют восстания греков, даже не приняли отправленного ими посольства; султан по-прежнему действовал двусмысленно и посылал войско за войском в Морею и острова Архипелагские истреблять христиан. Кровавые меры его довели греков до отчаяния; они решились или умереть с оружием в руках, или избавиться от ига. Четырехлетние переговоры с Портою остались безуспешны. Она не исполнила ни одного из справедливых требований нашего двора. Терпение Александра кончилось: в октябре 1825 года он повелел вручить султану сильный протест и, предвидя необходимость обнажить меч за оскорбленное достоинство России в защиту остальных греков, еще не по-

гибших от изуверов, известил о том европейские кабинеты. Преждевременная кончина⁹³ постигла его в самом начале нового великого подвига, который был так необходим для славы его царствования.

XI. ВНУТРЕННИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ (1801—1825)

Возвеличивая государство извне, Александр в то же время неутомимо заботился о внутреннем благоустройстве своей империи. Современники еще помнят, да и самые акты свидетельствуют, с каким неусыпным рвением трудился он для блага своих подданных, как внимательно вникал во все нужды их и как тщательно старался все привести в порядок, укрепить, обеспечить, смягчить и облагородить. Под благотворным скипетром его Россия как будто переродилась: поколение ему современное или им воспитанное резко отделилось от старого в образе жизни, в желаниях и надеждах; многостороннее образование стало необходимым условием, потребностью общества; нравственные, умственные, промышленные силы русского народа развились заметнее прежнего и принесли вожделенные плоды.

Первым делом Александра, по восшествии на престол, было исполнить то, что изрек он при самом воцарении, к неизъяснимой радости всей России, дав обет править государством по законам и по сердцу бабки своей Екатерины II, коей память была так любезна и ему и народу. Во 2-й день апреля 1801 года он прибыл в Сенат и в общем собрании повелел прочесть подписанные им в тот же день пять манифестов: первым он утвердил все права и преимущества благородного сословия, изображенные в пожалованной дворянству грамоте; вторым восстановил городское положение во всем пространстве его; третьим облегчил участь земледельцев, отменив разные повинности и запретные правила, стеснявшие сельскую промышленность; четвертым даровал помилование всем лицам, находившимся под следствием и судом, исключая уголовных преступников; пятым уничтожил тайную розыскных дел канцелярию, существовавшую под именем тайной экспедиции, предав дела ее вечному забвению. Вскоре после того, присутствуя в святейшем Синоде, он повелел восстановить закон императора Павла I об освобождении священников и дьяконов, впадших в уголовные

преступления, от торговой казни. День коронации, 15 сентября 1801 года, ознаменован делом незабвенным: Сенату поручено освободить из заточения и ссылки множество всякого звания людей, пострадавших более за неосторожные и легкомысленные поступки, чем за дела, действительный вред государству наносящие. Уничтожение пытки довершило подвиг Александрова великодушия: красноречивым указом, данным Сенату, государь повелел во всей империи объявить непрременную волю свою, чтобы нигде, ни под каким видом, судебные места, при исследовании преступлений, не допускали никаких истязаний или пристрастных допросов, и чтобы самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, было навсегда стерто из памяти народной.

Впоследствии Александр даровал своим подданным разные новые преимущества, главною целью которых было возбудить промышленную деятельность и возвысить дух сословий. Дворянству предоставлено право участвовать в заграничной оптовой торговле произведениями своих имений и записываться в первые две гильдии купечества. Духовенству разрешено приобретать земли, с освобождением домов священнослужителей от постоя, поземельного сбора и других повинностей. Купечеству даны новые выгоды, отличия и способы к распространению торговых предприятий: право записываться в гильдии и пользоваться их преимуществами предоставлено одним верноподданным; учреждены почетные звания первостатейных купцов и мануфактур-советников; купцам первой гильдии открыт путь к приобретению орденов особенными заслугами; купцы 3-й гильдии освобождены от рекрутской повинности, наравне с двумя первыми; обществам дана власть исключать из своего сословия людей, изобличенных в бесчестных поступках. Крестьянам казенным дозволено приобретать незаселенные земли и записываться в купечество. Крестьянам помещичьим дарована защита правительства в случае жестоких поступков владельцев; увеличению крепостного состояния положен решительный предел прекращением раздачи населенных земель в собственность частным лицам.

Изливая милости на все сословия, обеспечивая их права и преимущества, восстанавливая мудрые учреждения Екатерины II, измененные или ослабленные после ее кончины, Александр в то же время изыскивал средства к деятельному и непрерывному развитию всех отраслей государственного

благоустройства и народного благосостояния. Установленные для сей цели Петром Великим коллегии, благодетельные для своего времени, не соответствовали более потребностям века, после тех перемен, которые произошли в состоянии русского народа в XVIII столетии. Круг государственной и общественной деятельности так расширился, что коллегии не могли обнимать всех отраслей ее и при обветшалых формах своих не в силах были содействовать намерениям государя, пламенно желавшего дать всему новую жизнь. Он преобразовал их в министерства⁴.

Цель учреждения министерств изъяснена в манифесте 8 сентября 1802 года; там сказано, что «благоденствие народа незыблемо и ненаруσιμο утверждено быть может тогда единственно, когда правительство будет иметь спасительные средства не только исправлять всякое явное, пагубными следствиями обнаруживаемое зло, но в особенности искоренять самое начало оногo, отвращать все причины, дающие повод к нарушению общего и частного спокойствия, открывать нужды народа, предупреждать их и благоразумно, ревностно, деятельно способствовать соблюдению необходимого во всем порядка и умножению богатства природных и искусственных произведений, основанием силе и могуществу империи служащих». Для этой цели разделены государственные дела на разные части, сообразно их естественной между собою связи, и поручены ведению избранных самим государем министров*. Им вменено в обязан-

* Первоначально утверждено было восемь министерств: военное, морское, иностранных дел, внутренних дел, юстиции, финансов, коммерции и народного просвещения. Впоследствии, при новом распределении государственных дел в 1810 году, образовано министерство полиции, а министерство коммерции упразднено, и дела его распределены между министерствами финансов и внутренних дел. В 1816 году круг действий военного министерства ограничен одною хозяйственною частью, прочие дела поручены начальнику главного штаба (что продолжалось до преобразования военного министерства в 1836 году). В 1817 году с министерством народного просвещения соединено главное управление делами всех вероисповеданий, впоследствии, однако (в 1824 году), снова отделенное. В 1819 году министерство полиции упразднено и дела его переданы в министерство внутренних дел.

Первыми министрами были: военным — генерал Вязмитинов, морским — адмирал Мордвинов, иностранных дел — канцлер граф Воронцов, внутренних дел — граф Кочубей, юстиции — действ. тайн. советн. Державин, финансов — граф Васильев, коммерции — граф Румянцев, народного просвещения — граф Завадовский.

ность непрерывным действием и надзором обеспечивать законам и учреждениям скорое и точное исполнение, с обширным кругом власти по всем делам, не выходящим из установленного порядка; для суждения же о делах, требующих общего соображения всех министров или высочайшего разрешения, учрежден Комитет министров; а в случае необходимости нового закона или отмены прежнего министрам предоставлено вносить дело в Государственный Совет, установленный еще в 1801 году и окончательно образованный в 1810-м из лиц, пользовавшихся особенным доверием государя. Совету поручено сообразовывать все части государственного управления в главных отношениях к законодательству, рассматривать законы, уставы, учреждения в первоначальных предначертаниях и проверять отчеты министров. Наблюдение же за точным исполнением законов, также разрешение разных недоумений и все, что касается суда гражданского или уголовного, возложено на Правительствующий Сенат как высшее судебное сословие.

По учреждении министерств государь имел больше возможности вникнуть во все части общественного благоустройства и придать им то направление, которое соответствовало его видам. Если же по влиянию разных обстоятельств не все отрасли государственной жизни доведены были до желаемого совершенства, то многие из них показали успехи изумительные.

Военные силы империи в царствование Александра достигли необыкновенного развития. После непрерывного семилетнего ряда войн тягостных, ознаменованных жестокими битвами в Австрии, Пруссии, Финляндии, на Дунае, за Кавказом, Россия нашла в недрах своих довольно средств для борьбы со всею Европою; покинутая всеми союзниками, без посторонней помощи, она отразила напор соединенных сил двадцати западных народов и мужеством сынов своих сокрушила могущество завоевателя, казавшееся непоколебимым. Мало того: по окончании общей брани, требовавшей неимоверных пожертвований, она готова была снова поднять оружие против новых возмутителей спокойствия, и в 1815 году русская армия была даже сильнее, чем в 1812. Столь изумительное явление было следствием мудрых мер Александра, умевшего воспользоваться оборонительными способами неистощимой империи своей и

придать им стройное направление. Ему принадлежит неоспоримая слава образователя нашей победоносной армии. От начала до конца царствования он с неутомимой заботой вникал во все части военного управления, в самые мелкие подробности, изыскивал средства к лучшему содержанию и продовольствию войска, вводил полезные перемены в составе полков, в их вооружении, в самом наружном виде, поддерживал строгую дисциплину, требовал от всех чинов неуклонной точности, исправности, знания военного дела. Исполнителями его мыслей и предначертаний были преимущественно два министра: Аракчеев и Баркалай-де-Толли. Первый довел до высшей степени совершенства артиллерию и разные отдельные части военного управления; второй установил стройный порядок в общем составе военного ведомства двумя важными положениями: *образованием военного министерства и учреждением большой действующей армии.*

Мало того: с самого восшествия Александра на престол в рядах нашей армии воскрес ратный дух времен Екатерины II. Дворянство охотно становилось под знамена юного государя, умевшего вдохнуть в благородное сословие живейшее соревнование и любочестие. Поражение при Аустерлице оскорбило народную гордость, и битвы при Пултуске, Гейльсберге, Прейсиш-Эйлау, при самом Фридрихсберге были предвестниками того неимоверного самоотвержения, с которым русские войска вскоре вступили в решительную борьбу со всеми силами западной Европы. Погибнуть или одолеть было единственною их мыслью: глубокое чувство народной чести, ясное сознание своего долга одушевило каждого воина от фельдмаршала до солдата. Это чувство, врожденное русскому народу, но еще не вполне развитое, пробудил Александр своими красноречивыми манифестами, еще более собственным примером, явившим свету высокий образец и умиленного самоотвержения и возвышенного сознания собственного достоинства.

Александр сроднил свои войска и с другим не менее благородным чувством, которое внушала им Екатерина II: грозные в битвах, неумолимые ко врагу вооруженному, они щадили неприятеля безоружного, не разоряли без воинской необходимости городов и сел, как бывало прежде,

и до такой степени были снисходительны к побежденным народам, что по взятии Парижа французы радовались, когда в домах их останавливались русские солдаты. Славы победителей великодушных не отнимет у нас Европа, а слава воинская останется неизгладимою в скрижалях истории, где всегда будут сиять имена Кутузова, Барклай-де-Толли, Багратиона, Витгенштейна, Дохтурова, Раевского, Коновницына, Милорадовича, Остермана-Толстого, Платова, Неверовского, Паскевича, Ермолова, Толя и многих других вождей, которые образовали свои таланты наиболее в царствование Александра, служившего для них примером и личного мужества, и военного искусства.

Промышленные силы народа в первую половину царствования Александра не обнаруживали заметной деятельности. Как ни заботился государь о распространении и усовершенствовании всех отраслей трудолюбия, даруя льготы, облегчения, поощряя и покровительствуя всему полезному, наши фабрики и мануфактуры долго оставались в том же положении, в каком они были при Екатерине II, едва удовлетворяя самым существенным потребностям государства: в 1809 году правительство с трудом могло заготовить необходимые для армии вещи, а сельское хозяйство даже упало более прежнего; торговля внутренняя и внешняя равным образом находилась в большом расстройстве. Виною столь тягостного положения дел было стечение многих неблагоприятных обстоятельств. Прочному основанию и деятельному развитию промышленности мануфактурной препятствовал чрезвычайный ввоз изделий чужеземных, подавивший ее в самом зародыше. Промышленность сельская много пострадала от континентальной системы, которая, заградив сбыт за границу морем сырья, составлявшего главное богатство наше, нанесла равно сильный удар и купцу, и земледельцу, нисколько не вознаграждая причиненного ею вреда мнимым содействием нашей мануфактурной промышленности: она не препятствовала наплыву сухим путем через западную границу изделий иностранных, по-прежнему наводнявших империю. Лишенные возможности сбывать свои громоздкие продукты морем, единственным путем для их перевозки, мы в то же время не могли получать колониальных товаров, столь необходимых для наших фабрик, и более чем когда-либо обращали свои капиталы в пищу чужеземной деятельности и роскоши.

В таком положении находилась наша промышленность в первые десять лет царствования Александра, когда наконец положен предел тому и другому злу: тарифом 1810 года разрешен привоз колониальных произведений и запрещены все изделия чужеземные, роскошь питающие. Этот тариф, возбудивший столь сильное негодование Наполеона, имел для России самые благодетельные следствия; капиталы не переводились за границу; все приняло иной вид в государстве. Спустя шесть лет тариф 1810 года дополнен новыми правилами, главною целью коих было облегчить нужды потребителей и пробудить соревнование в промышленном сословии.

Необходимость запретной системы для успехов отечественной промышленности обнаружилась в 1820 году, когда после издания нового тарифа на противоположных началах, быстрое падение многих фабрик и заводов доказало, что они не в силах соперничать с иностранными и только охранные меры правительства могут их поддерживать. Вследствие этого первым делом графа Канкрин, по назначении его министром финансов, было восстановление системы 1810 года с значительными переменами и улучшениями; в числе их в особенности замечательно преобразование таможенного управления, положившее запрет тайному ввозу иностранных товаров.

Когда установилась таким образом прочная, на истинных началах основанная система охранения и поощрения отечественной промышленности, многочисленные меры Александра, принятые к оживлению разных отраслей ее с самого начала его царствования, принесли вожеленные плоды. Дарованные им льготы, при бдительном надзоре и руководстве правительства, оживили земледелие, скотоводство, шелководство и виноделие в краю полуденном, благословенном природою, но дотоле еще мало возделанном трудами человека. Там, где прежде были степи, в царствование Александра появились многочисленные стада овец тонкорунных и табуны превосходных коней. Крымский полуостров обратился в цветущий сад. Промыслы горные, приведенные в лучшее устройство Горным положением, уже не ограничивались одною выплавкою чугуна и меди: богатая Сибирь открыла свои сокровища государству и частным промышленникам, получившим от щедрого государя право добывать и разрабатывать в свою пользу

драгоценные металлы. В особенности изумительны были успехи горного дела в последние годы царствования Александра, когда ученые исследования обнаружили за Уралом неисчерпаемые источники богатства государственного и частного. Просвещенное руководство, охрана, поощрение, всякого рода льготы пробудили промышленность мануфактурную; торговля внутренняя и внешняя оживилась как вообще от развития промышленных сил народа, так в особенности от лучшего устройства путей сообщения, водных и сухопутных, получивших иной вид с тех пор, как учредился корпус путей сообщений.

Венцом трудов Александра для блага России, славнейшим делом его блестящего царствования было распространение образования⁹⁴ во всех концах империи, во всех слоях народных. С тех пор как Великий Петр задумал просветить Россию и мощною рукою двинул ее к этой цели, все преемники его поставляли себе за долг, за славу поддерживать данное им направление; но никто из них, не исключая и Екатерины II, не заботился об исполнении мыслей Петра с таким жаром, с таким вожделенным успехом, как Александр. Он первый признал образование народа непременным условием благоустроенного государства, столь же необходимым для его могущества, для благоденствия общего и частного, как сильное войско, цветущие финансы, деятельная промышленность, нелицеприятное правосудие, и, руководствуясь сим правилом, учредил министерство народного просвещения.

Оно немедленно занялось исполнением намерений государя и начертало план общего народного образования, утвердивший просвещение России на прочных началах. До сих пор в городах губернских существовали *главные и малые народные училища*, открытые при Екатерине II, но большею частью только по имени: многие не имели ни домов, ни средств к своему содержанию; наставников и воспитанников было мало; звание учителя не обещало никаких выгод, которые могли бы привлечь людей достойных к поднятию тяжкого бремени; успешное окончание курса наук также не вознаграждалось особенными преимуществами для учащихся; молодые дворяне охотнее шли в полк, чем в училище, и еще в начале XIX столетия немало нашлось в армии унтер-офицеров из дворян, не знавших грамоты.

Александр, переименовав главные народные училища в гимназии, малые — в уездные училища, даровал тем и другим средства к их содержанию; повелел сверх того для первоначального образования учредить училища приходские; установил бдительный надзор, единство и порядок в управлении, осыпал наставников и учащихся важными преимуществами и объявил, что по прошествии пяти лет никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном училище. Между тем основаны педагогические институты в Москве и С.-Петербурге для образования учителей, вызваны из-за границы ученые профессора, преобразованы университеты Московский, Виленский и Дерптский, учреждены университеты в Казани, Харькове, впоследствии в С.-Петербурге; к довершению всего, указом 1809 года запрещено производить в 8 и 5 классы не имеющих университетских аттестатов. Вследствие этих мер учебные заведения наполнились молодыми людьми всех сословий, и поколение, возникшее под державою Александра, с жаром предалось науке.

ГЛАВА VI

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

I. ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ (1825)

В последние годы своего царствования император Александр I неоднократно предпринимал продолжительные путешествия для обозрения отдаленных стран своей обширной империи. Он посетил и пустынные дебри Каянии, и роскошные берега Волги, и драгоценные пески хребта Уральского, а в 1825 году край Новороссийский, сопровождая супруге своей, императрице Елизавете Алексеевне, которая отправилась в Таганрог по совету врачей, находивших теплый климат нужным для восстановления ее здоровья. Устроив все необходимое для спокойствия государыни в Таганроге, император поехал в Крым. Доселе он был всегда здоров и не чувствовал никаких недугов, кроме головных болей и бывшей раны на ноге от ушиба и последовавшей на ней рожи; но во время поездки в Крым простудился и уже больной возвратился в Таганрог. Недуг сначала казался неопасным. В надежде на крепость своего телосложения государь пренебрег советами врачей, скоро слег в постель и более не вставал. Ни нежные попечения супруги, не отходившей от скорбного одра, ни усилия врачебной науки, ни мольбы подданных не спасли Александра: он скончался 19 ноября 1825 года. Императрица Елизавета Алексеевна с необыкновенною твердостью приняла последний вздох его, сама закрыла ему глаза и собственноручным письмом известила государыню императрицу Марию Федоровну о невозвратной потере. Но смерть была уже рядом: скоро угасла и Елизавета.

Роковая весть о кончине императора Александра достигла С.-Петербурга на восьмой день, в ту самую минуту, когда государыня Мария Федоровна, с императорскою фамилиею, в храме зимнего дворца воссылала теплые мольбы ко Всевышнему о здравии державного сына своего. Во время молебствия граф Милорадович вызвал великого князя *Николая Павловича*¹ из церкви и сказал о полученном известии. Оба они вошли в ризницу, где была императрица Мария Федоровна, и объявили ей ужасную весть. Оставив скорбящую мать на руках супруги своей, великой княгини Александры Федоровны, великий князь тотчас пошел к внутреннему пикету, бывшему в тот день от лейб-гвардии Преображенского полка, и объявил ему, что Россия лишилась общего отца, что теперь все обязаны присягою законному государю Константину и что он идет присягать ему. То же объявил он двум другим внутренним караулам, Кавалергардскому и Конногвардейскому, и поручил тогдашнему дежурному генералу, генерал-адъютанту Потапову объявить главному дворцовому караулу и принять от него присягу; сам же с графом Милорадовичем и бывшими тут генерал-адъютантами пошел в большую церковь, где присягнул императору Константину и подписал присяжный лист со всеми присутствовавшими. Примеру его последовали все чины военные и гражданские, во дворце бывшие.

Вслед за тем, согласно с волею покойного императора, в чрезвычайном собрании Государственного Совета раскрыть предъявленный ему еще в 1823 году пакет, за императорскою печатью, с собственноручною надписью Александра: «Хранить до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия в чрезвычайном собрании». Пакет сей заключал в себе: 1) письмо цесаревича Константина к покойному государю от 14 января 1822 года о добровольном отречении его от престола, на который по рождению своему он мог когда-либо иметь право, с просьбою утвердить таковое намерение императорским словом и согласием государыни Марии Федоровны; 2) ответ Александра от 2 февраля того же года о согласии как с его стороны, так и со стороны императрицы на просьбу цесаревича; 3) манифест 16 августа 1823 года, утверждающий право на престол, по случаю добровольного отречения цесаревича, за великим князем

Николаем Павловичем, на точном основании акта о престолонаследии. Из манифеста открылось, что такие же акты и с тою же надписью хранились в Правительствующем Сенате, в Святейшем Синоде и в Московском Успенском соборе.

Великий князь, которому акты эти были совершенно неизвестны, не желая и не считая себя вправе признавать невозвратным отречение цесаревича, в свое время не обнародованное и в закон не обращенное, настоял на немедленном приведении к присяге всего государства старшему брату своему, Константину Павловичу, чтобы ограждать коренной закон престолонаследия от всякого прикосновения, отклонить самую тень сомнения в чистоте намерений своих и предохранить отечество от малейшей, даже мгновенной неизвестности о законном государе. Вследствие сего, по распоряжению Правительствующего Сената, Россия присягнула императору Константину, и министр юстиции довел о том до сведения его всеподданнейшим рапортом².

Последние дни жизни императора Александра были ознаменованы тяжким сердцу его открытием. Известно ему было уже за несколько лет, что горсть дерзких безумцев думала преобразовать правление государства, в подражание извергам Франции в конце XVIII столетия; но сердце государя, предпочитавшее всегда милость строгости, взирало на сие гибельное начало великодушно и полагало, что время излечит людей, из коих многие, по образованию и способностям ума, могли еще быть полезными государству. Государь терпел и хранил известное ему¹ и весьма немногим доверенным в глубочайшей тайне, но бдительно следил за происходящим. Наконец, открылось ему, что великодушную его настало время положить конец, и извещенный о замышленном цареубийстве и более и более распространяющейся наглости заговорщиков, государь повелел захватить главные тогда известные лица. Сие повеление было последнее, данное им, и ему обязана Россия предупреждением гибельных замыслов, которых одни только частные попытки ознаменовали последние числа 1825 года.

По кончине государя бывшие при нем начальник Главного штаба генерал Дибич, генерал-адъютант князь Волконский и генерал-адъютант Чернышев сошлись в

необходимости тотчас донести о сей важной тайне новому государю, и послали в безызвестности, где император Константин, два донесения, одно в Варшаву, другое в Петербург, с повелением, поскольку императора Константина в столице еще не было, вручить донесение, по отменной важности его, великому князю Николаю Павловичу. Так и сбылось. Но, получив пакет, адресованный императору, великий князь был в большой нерешимости, несмотря на объявленное приказание привезшему, вскрыть ли пакет или нет? Рассудив, однако же, что подданный должен всегда жертвовать собою, когда для пользы службы сие необходимо, он решился вскрыть донесение, готовый принести себя в жертву справедливому гневу императора Константина, ежели бы государь не оправдал его действия. Ужас объял великого князя, когда он увидел, что донесение заключало в себе не только раскрытие огромного заговора, с наименованием участников, но что многие из них были в самой столице. Не имея никакой власти, великий князь должен был или скрыть о том до повеления императора, или объявить военному генерал-губернатору графу Милорадовичу, который один в столице в отсутствие государя мог действовать с полною властью. Так и было исполнено. Граф Милорадович принял меры, по обстоятельствам возможные; причем открылось, что большая часть названных лиц была в то время, под разными предложениями, в отсутствии; за ними тотчас было послано. Дело осталось в тайне между графом и великим князем.

Между тем известие о кончине Александра пришло в Варшаву прямо из Таганрога двумя днями ранее, нежели в С.-Петербург. Цесаревич остался непоколебим в своем намерении, и письмом от 26 ноября, снова уступая все права на престол брату своему Николаю Павловичу, просил принять от него первого верноподданническую присягу.

Сколь ни положительны были все сии акты, как ни ясно представлялось в них отречение государя цесаревича непоколебимым и невозвратным, великий князь Николай Павлович не провозглашал себя императором до окончательного изъявления воли старшего брата на присягу, уже всем государством ему принесенную. Цесаревич не замедлил подтвердить свое намерение, и рапорт министра юстиции возвратил нераспечатанным. Тогда, наконец, последо-

вал манифест 12 декабря о восшествии на престол государя императора Николая I. Россия с умилением узнала о великодушной, беспримерной в истории борьбе двух братьев, уступавших друг другу право на венец, блистательнейший в мире. Все государственные сословия, все чины духовные, военные и гражданские, народ, войска с живейшим усердием клялись в верности юному монарху, с такою чистою душою восставшему на трон предков, и в храмах Божьих призывали на его царствование благословение небесное.

В эти священные минуты народная радость была возмущена событием столь же печальным, как и неожиданным: 14 декабря, в день обнародования манифеста, в С.-Петербурге горсть непокорных дерзнула противостоятъ общей присяге, закону, власти и военному порядку. Две роты лейб-гвардии Московского полка, по внушению людей злонамеренных, усомнились в справедливости отречения цесаревича и, думая остаться верными императору Константину, отказались от присяги государю законному, овладели знаменами, изранили своих командиров и с неистовством устремились на Петровскую площадь, где вскоре пристали к ним толпы Лейб-гренадерского полка и Гвардейского экипажа, в подобном же заблуждении. Мятежники расположились пред Сенатом с криком: «Ура, Константин!»

При первом известии о мятеже император стал подозревать, что присяга — подлог, но что корень или цель в связи с известным заговором. Он призвал к себе первый батальон Преображенского полка, сам привел его на Петровскую площадь и явился пред неистовыми толпами. Скоро граф *Милорадович* пал от руки убийцы¹. Сие еще более убедило императора в справедливости его подозрений. По данному им повелению гвардейские полки пешие и конные, одни за другими, вступили на Петровскую площадь. Прежде всех прибыл лейб-гвардии Конный полк; вслед за ним явились свободные от караула три роты полка Павловского; в то же время великий князь Михаил Павлович привел 1-й батальон лейб-гвардии Московского полка, который с большим усердием просил позволения смыть кровью виновных стыд, нанесенный ими русскому имени. Ту же готовность изъявили и прочие войска. Государь долго удерживал рвение своих верных защитников, в надежде образумить непокорных мерами кротости и убеждения, доколе тщетные усилия митрополита укротить пастырским

словом постепенно возраставшее неистовство не удостоверили его в горестной необходимости прибегнуть к иным средствам: полкам Конногвардейскому и Кавалергардскому велено идти в атаку на непокорных. Мера эта не имела, однако, желаемого успеха: мятежники, пользуясь выгодами местоположения, стояли твердо и продолжали неистовства. Тогда велено действовать артиллерии: выдвинуты были четыре орудия, и после двух залпов картечью буйные толпы рассыпались. Большая часть нижних чинов возвратилась в свои казармы с раскаянием в пагубном заблуждении своем; великий князь *Михаил Павлович* личным убеждением своим довершил то, к чему собственное раскаяние их приготовило; все они беспрекословно предавались милосердию государя, с покорностью ожидая своей участи. Прочие участники мятежа были переловлены, и спокойствие в тот же день водворилось в столице⁶.

Как ни прискорбно было столь неожиданное событие; но провидение показало в нем новый опыт тех сокровенных путей, коими карая зло изводит из самой среды его благо. Туча мятежа взошла как бы для того, чтобы потушить замысел бунта. Уже при первом исследовании обнаружилось, что два рода людей составляли скопище мятежников: одни — заблудшие, умыслу непричастные; другие — злоумышленные, их руководители. Первые, то есть, нижние чины полков Московского, Лейб-гренадерского и Гвардейского экипажа, хотели единственно быть верными данной ими присяге императору Константину. Всеми средствами обольщения убежденные, что защищают престол, что к ним присоединятся другие войска, они положили оружие не прежде, как удостоверившись в обмане, и горьким, истинным раскаянием заслужили прощение государя. Вторые желали и искали, пользуясь мгновением, исполнить злобные замыслы, давно составленные, давно обдуманые: ниспровергнуть престол и отечественные законы, нарушить порядок государственный, ввести безначалие и овладеть кормилом правления. Следственная комиссия вполне раскрыла их преступные намерения, и главные виновники, в числе 121 человека, по решению Верховного уголовного суда, подверглись заслуженному наказанию⁷. Россия с одной стороны с ужасом и омерзением узнала о предприятии столь же пагубном, как и безумном; с другой радовалась, что замысел, составленный горстью

извергов, заразил только ближайшее их сообщество, сердца развратные, или мечтательность дерзновенную, и в десять лет злонамеренных усилий не проник далее: сердце России было для них неприступно.

Первым царским словом императора Николая I был обет: «Жить единственно для любезного отечества, царствовать, как царствовал Александр Благословенный, чтобы совершить все, чего желал он для счастья России и, следуя примеру его, стяжать благословение Божие и любовь народную».

Многозначительное слово «жить единственно для любезного отечества» указало, какой системе политической намерен был следовать преемник Александра: тридцатилетний ряд событий раскрыл ее вполне. Положив в основание ее начала строгой справедливости, умеренности и бескорыстного великодушия, государь наш с честью и достоинством поддерживал политический вес России, благовременно принимал деятельное участие во всех великих событиях европейских, и своим могущественным влиянием, своим грозным положением не обнажая меча, одним, так сказать, взглядом, уничтожал замыслы поколебать общий мир Европы; не вмешивался в мелкие, бесконечные неуройства Запада, так беспокоившие его предшественника, и презрительным молчанием отвечивал на неистовые вопли демагогов, бессильные возмутить тишину всеобщую и потому недостойные его внимания. С другой же стороны, ни под каким видом, ни под каким названием, не терпел и не допускал чужого вмешательства в дела своей империи, в ее отношения к соседям, в ее распри или союзы, и горевому, кто дерзал оскорбить достоинство России или потревожить ее спокойствие.

II. АККЕРМАНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ (1826)

Император Александр оставил свое государство в самых дружественных отношениях ко всем державам западным, но в явном несогласии с Портою Оттоманскою, которая возбудила справедливое негодование нашего двора неоднократным нарушением Бухарестского договора. Обязавшись им даровать всеобщее прощение народу сербско-

му, предоставить разные льготы Молдавии и Валахии, открыть свободный путь нашей торговле через Босфор и Дарданеллы, отказаться от разных крепостей, необходимых для безопасности азиатских границ наших, Порты, под разными предложениями, не исполнила ни одного из сих условий. В то время, когда Александр напрягал все свои силы к освобождению Европы от ига Наполеона, турецкие войска вторглись в Сербию, ознаменовав свое нашествие грабежом и кровопролитием; Молдавия и Валахия, вопреки трактату, были обременены налогами и разорены; многие купеческие суда наши подверглись незаконному досмотру и разным притеснениям; споры о пограничных крепостях продолжались. К довершению всего турецкое правительство тайно помогало враждебным для России горским народам, снабжая их оружием и порохом.

Поступки Порты, в первые три года после заключения Бухарестского мира, были так оскорбительны для достоинства России, что только опасение возмутить тишину, едва водворенную в Европе, удержало Александра от разрыва. Не теряя надежды восстановить согласие посредством миролюбивых объяснений, кабинет наш вступил в переговоры, главную целью коих было обеспечить исполнение взаимных обязательств. Дело тянулось целых пять лет, и еще не разрешены были главные вопросы, когда восстание греков возбудило в народе и правительстве турецком слепую ненависть ко всем христианам, данникам Порты, без различия виновных и невинных, и с тем вместе вооружило Турцию против России. Тщетно Александр старался рассеять неосновательные подозрения Махмуда и предлагал надежные средства к восстановлению тишины в его империи: султан отверг советы благоразумия, воспламенил религиозную войну, ожесточил греков, занял войсками Молдавию и Валахию, и российский посланник, изъявив праведное негодование своего двора на изуверство мусульман, оставил Константинополь.

Европейские кабинеты спешили отзратить опасности, грозившие Турции, и предложили свое содействие к примирению ее с Россией. Одушевляемый искренним желанием тишины, Александр принял посредничество своих союзников, и через английского посланника при Оттоманской Порте возобновил прерванные с нею переговоры. Но

султан, обманываясь в истинных причинах миролюбия российского императора, только для одного вида вел переговоры; между тем не исполнял ни одного из требований нашего двора, не открывал Босфора для русских кораблей, не выводил войск из Молдавии и Валахии, грозил Сербии, спокойной и верной в своих обязанностях, и неумоимо истреблял греков. Столь упорная неприязнь истощила терпение Александра: незадолго до кончины он изъявил решительное намерение принудить Порту к уважению прав и достоинства своей империи.

Европейские кабинеты, еще не зная видов и намерений преемника Александра, с явным опасением смотрели на дела восточные: думали, что новый император, вступивший на престол в цвете лет и силы, не упустит благоприятного случая ознаменовать начало своего царствования блеском несомненных побед, коих жаждало и русское воинство, беспокоились за Турцию, за политическое равновесие, и великобританское правительство, более других деятельное, руководимое славным Кенингом, поспешило отправить в С.-Петербург герцога Веллингтона, с поручением узнать намерения нашего двора и привлечь императора в союз в пользу греков; на что Его Величество не согласился, а дал согласие послать эскадру с тем, чтобы вместе с Англией и Францией положить конец кровопролитию в Греции.

Таким образом, неуклонно верный правилам политики умеренной и великодушной, с тем вместе непоколебимо твердый в охране прав и достоинства своей империи, государь император не отказывался заключить с великобританским королем союз для прекращения совместными усилиями бесчеловечного кровопролития в Греции, будущая судьба которой уже составляла важный вопрос для всей Европы, но решительно отклонил всякое вмешательство Англии в частные споры своей державы с Портою Оттоманскою, возникшие вследствие нарушения турками Бухарестского трактата. Герцог Веллингтон подписал протокол⁸ 23 марта 1826 года по делам греческим, впрочем не без надежды на великодушие и умеренность российского императора, давшего слово не прежде прибегнуть к оружию, как истощив все средства к примирению с султаном. Английский парламент не разделял надежд благородного герцога и считал его более искусным

на полях брани, чем на поприще политики. Знаменитый полководец, однако, не обманулся.

Еще до прибытия его в С.-Петербург российское министерство известило Порту Оттоманскую, что государь император согласен возобновить прерванные переговоры, без всякого постороннего посредничества, с тем, однако, условием, чтобы султан предварительно, в течение шести недель, обязался вывести войска из Молдавии и Валахии, восстановить права Сербии и прислать своих полномочных в один из городов Новороссийского края для заключения дополнительной конвенции к Бухарестскому трактату. Решительный тон нашего кабинета поколебал гордость турецкую: султан освободил из темницы сербских депутатов, дал слово подтвердить прежние преимущества Молдавии и Валахии, и уполномочил двух знатных сановников вступить в окончательные переговоры в городе Аккермане с генерал-адъютантом графом *Воронцовым* и тайным советником *Рибоьером*⁹.

Требования нашего двора были самые умеренные и справедливые: точное исполнение Бухарестского трактата составляло главную, единственную цель всех его усилий и желаний. Дело было ясное. Турки, исполняя тайное повеление султана, хотели продлить время, входили в жаркие споры и не слушали никаких доводов, доколе не была объявлена им воля российского императора, что если в течение трех недель договор не будет заключен и подписан, русские войска, немедленно по миновании срока, перейдут Прут и займут Молдавию. Испуганные столь неожиданною угрозою, турецкие полномочные поспешили известить о том султана и, с разрешения его, накануне рокового дня подписали конвенцию, согласную с требованиями нашего кабинета¹⁰. Султан обязался все условия и постановления Бухарестского договора исполнить во всей их точности; вследствие сего: 1) княжествам Молдавскому и Валахскому даровать не позже шести месяцев все права и преимущества, обещанные хатт-и-шерифом 1802 года, с значительными дополнениями, подробно означенными в Аккерманской конвенции; 2) Сербии также обеспечить все прежние льготы ее, увеличить их новыми преимуществами, и все права сербского народа с подробностью определить особенным хатт-и-шерифом, по взаимному соглашению с российским двором, на основаниях, изложенных в

Аккерманской конвенции; 3) долговые иски русских подданных на турецком правительстве удовлетворить; 4) русской торговле на Черном и Средиземном морях предоставить совершенную свободу, ни под каким видом не стесняя плаванья купеческих судов под Российским флагом на водах Османской империи, равно как не препятствуя судам союзных с Россией держав входить в Черное море; 5) азиатскую границу между обеими империями оставить в том самом виде, в каком находилась она при заключении конвенции, и отказаться от всяких притязаний на покоренные нами за Кавказом в прежние войны разные крепости, о которых султан спорил целые десять лет.

Между тем, как твердая и решительная политика нашего двора смиряла гордость одного неприятеля, русское оружие наказывало вероломство другого. Во время переговоров в Аккермане Персия, сверх всякого чаяния, без всякого повода вызвала Россию на войну.

III. ВОЙНА ПЕРСИДСКАЯ (1826—1828)

Гюлистанским трактатом, примирившим Россию с Персией в 1813 году после войны упорной, ознаменованной блестящими подвигами наших войск за Кавказом, Фетх-Али-шах обязался признать границей между обоими государствами ту самую линию, которую занимала русская армия при заключении мира. Вопреки точному смыслу договора персияне, уже по прекращении военных действий, присвоили часть ханства Карабахского между реками Капанак-чаем и Чудуром. В обеспечение прав своих на сию землю мы окружили воинскими отрядами северный берег озера Гокчи в ханстве Эриванском. Таким образом возник спор о порубежных владениях. Переговоры и объяснения продолжались до конца 1825 года, впрочем без особенных неприятностей. Император Александр относительно Персии руководствовался теми же правилами миролюбия и доброжелательства, которым кабинет его постоянно следовал в делах европейских. Послам своим и поверенным при дворе тегеранском он повелевал во всех случаях удостоверять шаха, что Россия, не имея никаких честолюбивых замыслов, желает единственно тишины и исполнения условий, трактатами утвержденных; а начальствам нашим в

Грузии предписывал принимать самые деятельные меры для соблюдения согласия с персидским правительством и для отвращения всякого повода к жалобам или подозрению. Не переставая признавать права шаха на занятый нами берег озера Гокчи, он предлагал или возвратить его, как скоро возвращен будет округ, принадлежавший России, или разменяться спорными землями, хотя бесплодный берег Гокчи не мог сравниться ни в обширности, ни в выгодах с тем участком, который мы уступали. Проекты подобного с сим разграничения были сообщены нашим кабинетом двору тегеранскому в марте 1825 года. Шах соглашался на размен, и наследник персидского престола, Аббас-мирза, уже известил о том главнокомандующего на Кавказе генерала Ермолова, когда судьба пресекла дни Александра.

Преемник политики и правил его спешил довершить восстановление согласия с Персией. В январе 1826 года генерал-майор (позднее адмирал) князь Меншиков¹¹ отправлен в Тегеран с чрезвычайным поручением. Государь император, уведомляя шаха и Аббаса-мирзу о вступлении своем на престол, в самых дружественных выражениях изъявлял желание утвердить мир и обеспечить продолжение его строгим исполнением с обеих сторон Гюлистанского трактата. Для скорейшего прекращения споров и для удостоверения шаха в доброжелательстве российского государя князю Меншикову дозволено было присоединить к уступаемому нами округу часть ханства Талышинского. Посланник наш был принят в Тавризе Аббасом-мирзою со всеми знаками особенного уважения: осыпанный ласками и почестями, удостоверенный в непрременном миролюбии персидского правительства, он отправился далее к шаху.

В это самое время вся Персия внезапно пришла в движение: в мечетях сеиды и муллы призывали народ к войне с Россией; на Араксе собиралось многочисленное войско; посланник наш лишен был всех средств к извещению генерала Ермолова о грозившей закавказскому краю опасности, и в половине июля 1826 года персияне перешли Аракс для вторжения в наши пределы.

Виновниками войны были два лица: сам наследник персидского престола Аббас-мирза и главный министр шаха Аляяр-хан. Оба они действовали по различным побуждениям. Первый, человек ума редкого, души отважной и

честолюбивой, задумав возвести Персию на ту степень величия, на которой находилась она при шахе Надире¹², и, успев уже одержать несколько побед над турками, искал благоприятного случая отомстить России за неоднократные поражения персидских войск князем Цициановым, графом Гудовичем, Торماسовым и Котляревским, хотел загладить свои собственные неудачи и спешил воспользоваться мнимыми неурядицами России по кончине императора Александра. Второй, не помышляя ни о славе, ни о мести, желал войны с кем бы то ни было, из видов своекорыстных, с единственною целью озаботить своего государя, чтобы отвлечь его внимание от расхищения казны и других преступных действий своих. Подстрекаемый и наследником престола, и главным министром, Фетх-Алишах ополчил свой народ и двинул многочисленное войско в край закавказский.

После первых известий о внезапном вторжении неприятеля из-за Аракса правительство наше почти целый месяц не хотело верить, что шах персидский среди мира, взаимными клятвами утвержденного, в продолжение дружелюбных переговоров, не имея ни причин к важным спорам, ни предлога к жалобам, без предварительного объявления решился повелеть своим войскам вступить в наши пределы и распространить в них все ужасы войны и бунта. Государь император, по внушению миролюбия и снисходительности, сначала приписывал неприятельные действия в закавказском крае набегу полудиких, в соседстве с нами обитающих племен или своевольству ханов, подвластных шаху, но часто ему непокорных. Узнав наконец истинную причину и цель нападения, в справедливом негодовании на столь явное оскорбление, на столь неслыханное забвение всех обязанностей он объявил, что положит оружие не прежде, как совершенно обеспечив безопасность границ своей державы и вознаградив ее за потери и усилия постановлением мира твердого, сообразного с достоинством и пользою империи.

В начале войны закавказский край находился в самом затруднительном положении, почти без всяких средств к обороне. Не сомневаясь в миролюбии шаха, озабоченное единственно делами турецкими, правительство наше сосредоточило свои силы близ пределов Молдавии, а за Кавказом содержало малочисленный корпус, рассеянный мел-

кими отрядами по крепостям. Подвластные нам мусульманские народы готовы были поднять знамя бунта; Грузия трепетала; в самом Тифлисе господствовал ужас; богачи зарывали в землю свои сокровища, чтобы спасти их от хищности персиян; народ помнил нашествие Могамедали и был в отчаянии. В таких обстоятельствах генерал Ермолов донес императору, что он не чувствует в себе силы начальствовать войсками в подобное время, и просил прислать доверенное лицо. Государь послал к нему генерал-адъютанта Паскевича, а впоследствии начальника главного штаба генерал-адъютанта *Дибича*¹³.

Между тем, переправившись через Аракс с 35 000 армией, половина которой состояла из регулярной пехоты, с значительной артиллерией, Аббас-мирза при содействии бывшего грузинского царевича Александра возмутил ханства Карабахское, Ширванское, Бакинское, Шекинское и быстро двинулся к Елисаветполю, чтобы, соединившись там с сардаром Эриванским, вторгнуться в Грузию и овладеть Тифлисом. На пути его, в Карабахе, лежала крепость Шуша, охраняемая только 6 ротами 42-го егерского полка с 4 орудиями. Храбрый командир их полковник Реут, исполняя волю главнокомандующего, решился обороняться до последней крайности и лучше похоронить себя со всем отрядом под развалинами крепости, чем сдать ее неприятелю. Аббас-мирза не смел оставить Шушу в тылу своем и осадил ее целою армией в несомненной надежде скоро подавить малочисленных защитников ее громадою сил; а для занятия Елисаветполя отрядил старшего сына своего, Махмета-мирзу. Елисаветполь был взят, и Махмет-мирза, соединившись с сардаром Эриванским, двинулся далее, к берегам Куры, для вторжения в Кахетию. Но Шуша не сдавалась. Ни многочисленность врагов, ни изнеможение гарнизона, день и ночь стоявшего на стенах, даже недостаток продовольствия и военных снарядов, ничто не могло поколебать неустрашимого Реута: он отразил неоднократные приступы неприятеля, продержал главную армию Аббас-мирзы под стенами крепости более полутора месяцев и дал главнокомандующему время привести в Тифлис несколько батальонов с кавказской линии.

Собравшись с силами, Ермолов поручил князю *Мадатову*¹⁴ рассеять передовые войска персиян, стремившиеся на Кахетию и открыть сообщение с Шушою. Назначенный

для сего отряд был несравненно слабее неприятельского; но Мадатов, хорошо знакомый с характером азиатской войны, стремительно напал на врагов близ речки Шамхоры и так жестоко поразил их, что Махмет-мирза, с рассеянным войском ударившись в бегство, проскакал мимо Елисаветполя и оставил его в руках русских.

Аббас-мирза поспешно снял осаду Шуши и быстро двинулся вперед, чтобы остановить Мадатова и загладить поражение сына своего при Шамхоре, очевидно поколебавшее доверие возмущенных им народов к могуществу персидского оружия. Но уже поздно: под стенами Елисаветполя встретил его тот, кому судьба предназначила быть грозою врагов России в Азии и в Европе, вождь достойный русского воинства: там встретил его Паскевич. Прибыв за несколько дней пред тем на Кавказ для содействия главнокомандующему с особенною доверенностью императора, он немедленно принял, по воле генерала Ермолова, начальство над войсками, назначенными против персиян, и первым делом его было совершенное поражение вдесятеро сильнейшей армии, под личным предводительством Аббаса-мирзы, в 7 верстах от Елисаветполя. Разбитые наголову, персияне с ужасом бежали за Аракс. Край закавказский был освобожден от нашествия неприятеля. Взволнованные им в подвластных нам ханствах мусульманские народы смирились один за другим.

При всем том шах не склонялся к миру. Надлежало ввести войну в пределы самой Персии. Государь подкрепил закавказский корпус новыми войсками и, назначив вместо генерала Ермолова, уволенного по желанию его, главнокомандующим генерала Паскевича, повелел немедленно начать наступательные действия покорением ханств Эриванского и Нахичеванского, чтобы прежде всего очистить от персиян весь левый берег Аракса.

Поход начался весною 1827 года. Путь от Тифлиса к Эривани пролегал чрез два горных хребта, еще покрытых снегом и едва доступных для человека. Русские солдаты проложили дороги, устроили переправы, перевезли осадные орудия, обозы и, к изумлению врагов, явились под стенами Эривани с многочисленною артиллерией, без которой тщетны были прежде все усилия Цицианова и Гудовича овладеть ее твердынями, знаменитыми на востоке. Аббас-мирза, считая Эривань оплотом Персии, собрал все

свои силы, употребил все свое искусство и деятельность необыкновенную, чтобы спасти ее от русских, но напрасно: пораженный Паскевичем на правом берегу Аракса, отбитый храбрым Красовским от монастыря Эчмиадзинского, он ушел в Тавриз почти без войска. Славная Эривань пала, разгромленная русскими орудиями. Путь в Персию был открыт.

Не давая врагам времени опомниться от ужаса, навещенного на них падением Эривани, Паскевич перешел чрез Аракс и двинулся прямо на Тавриз, откуда Аббас-мирза поспешно удалился. Персияне были в таком страхе, что нигде не оказывали сопротивления и с покорностью встречали торжествующего победителя. Один только Алаяр-хан, истинный виновник войны, вздумал обороняться в Тавризе, но попал в плен. Доведенный до крайности, Аббас-мирза склонил шаха к миру и при свидании с русским полководцем, в 60 верстах от Тавриза, условился в главных статьях договора.

Дело примирения приведено было к концу; оставалось только подписать трактат, когда неприязненные действия Турции против России пробудили в шахе надежду на лучший оборот войны: согласившись сначала на все, что обещал сын его, и уже отправив из Тегерана часть определенной контрибуции, он вслед за тем уведомил Паскевича, что Аббас-мирза не имел права брать на себя унижительных для Персии обязательств и что для переговоров будет прислан в Тавриз особенный полномочный. Намерение шаха выиграть время не укрылось от нашего полководца. Паскевич объявил разрыв мирных отношений с персидским правительством, и русские войска двинулись к Тегерану. Вскоре отдельный отряд наш занял весьма важный и многолюдный город Ардебиль.

Устрашенный грозным движением русской армии, шах убедился в необходимости примириться с могущественным императором российским. Аббас-мирза вторично прибыл в русский лагерь; в присутствии его, в деревне Туркманчае, на пути к Тегерану, 10 февраля 1828 года подписан полномочными с обеих сторон мирный трактат, на условиях уже прежде постановленных: Фетх-Али-шах обязался уступить России ханства Эриванское и Нахичеванское, заплатить 20 миллионов рублей серебром контрибуции и даровать значительные преимущества

русским подданным, приезжающим в Персию по делам торговым.

Туркманчайский договор принадлежит к числу самых выгодных для нас трактатов: им установлены твердые, безопасные границы России за Кавказом, достаточно вознаграждены ее жертвования, обеспечена неприкосновенность лиц и имущества русских торговцев в Персии и прекращена война тягостная в то самое время, когда Россия вступала в борьбу с Портою Оттоманскою¹⁵. Признательный монарх вознаградил труды и подвиги героя закавказского достойным образом: он возвел Паскевича в графское достоинство, с славным именованьем Эриванского; сверх того, пожаловал ему миллион рублей из персидской контрибуции.

IV. ВОЙНА ТУРЕЦКАЯ (1828—1829)

Аккерманская конвенция, восстановив силу Бухарестского трактата, прекратила частный спор России с Турцией, но не устранила другого, не менее важного повода к несогласию: вопрос о греках остался нерешенным; в Аккермане не было о них ни слова. Государь император смотрел на ожесточенную борьбу их с турками как на дело общее европейское и, отказываясь от всякого отдельного, непосредственного в нем участия, тем непоколебимее был в намерении совокупными усилиями кабинетов положить конец войне кровопролитной, грозившей истреблением народу злосчастному и нам единоверному. После заключения Аккерманской конвенции тайный советник Рибопьер отправился в Константинополь и вместе с английским посланником предложил Дивану, согласно протоколу 23 марта 1826 года, посредничество России и Англии к примирению Порты с греками на условиях, равно выгодных для той и другой стороны: Греция, оставаясь под верховным владычеством султана, должна была платить ему ежегодную подать, но ей предоставлялось право собственного управления через сановников, избранных народом и утвержденных Портою. Требования России и Англии поддерживал и французский посланник вследствие повеления своего двора, который также приступил к С.-Петербургскому протоколу.

При явном ожесточении греков, твердо решившихся скорее погибнуть с оружием в руках, чем возвратиться в прежнее состояние, под иго безотчетного рабства, султан должен был благодарить европейские кабинеты за принятый ими на себя труд привести в повиновение Порте народ, с которым она очевидно не в силах была сладить. *Махмуд* не хотел слышать о посредничестве и, объявив, что в его власти казнить или миловать рабов непокорных, дал повеление войскам турецким и египетским разорить вконец Морею (Пелопоннес) и острова Архипелагские. Кровопролитие возобновилось с неимоверною жестокостью. Главнокомандующий силами оттоманскими *Ибрагим*, сын *Мегмета-Али*, паши Египетского¹⁶, не щадил ни возраста, ни пола, жег города и села, опустошал нивы и с корнем вырывал масличные деревья. Казалось, Греция неминуемо обратится в безлюдную пустыню. Но союзные дворы, по предложению Петербургского кабинета, не замедлили принять свои меры: трактатом, заключенным в Лондоне 24 июня (6 июля) 1827 года между Россией, Англией и Францией, решено было снова предложить Порте посредничество трех держав для примирения ее с греками, на основании петербургского протокола, с тем, что если в течение одного месяца турки или греки не прекратят неприязненных между собою действий, принудить их к тому всеми зависящими от союзных держав средствами¹⁷.

Сообщая Дивану содержание Лондонского трактата, посланники трех держав объявили ему откровенно, что в случае отказа той или другой стороны союзные флоты будут принуждены остановить продолжение войны, которая по существу своему равно противна и безопасности морей, и потребностям торговли, и нравственному чувству европейских народов. Султан не слушал ни угроз, ни убеждений, и жестокосердый *Ибрагим* не прекращал кровопролития в злосчастной Греции: многочисленное войско свирепствовало в Морею (Пелопоннесе), сильный флот, состоявший из кораблей турецких и египетских, громил острова.

В то время на водах Архипелагских находились три союзные эскадры: английская, французская и русская, под начальством *Кодрингтона*, *Риньи* и графа *Гейдена*¹⁸. Адмиралы, исполняя повеление своих кабинетов, условились не допускать турецко-египетского флота к опустошению островов и принудили его войти в гавань Наваринскую. *Ибра-*

гим имел с ними свидание и вследствие решительных убеждений дал слово прекратить неприязненные действия на три недели, до получения новых инструкций из Константинополя. Вскоре, однако, он нарушил свое обещание самым вероломным образом: многочисленные отряды сухопутной турецко-египетской армии рассеялись по западной части Мореи (Пелопоннеса) со злобным намерением довершить ее опустошение.

Союзные адмиралы, видя со своих кораблей зарево отдаленных пожаров, поспешили отправить в Наварин на имя Ибрагима за общим подписанием письмо, которым в сильных выражениях напоминали о заключенном условии и требовали немедленно ответа, согласен ли он исполнить данное им слово. Письмо не было принято под предлогом отсутствия главнокомандующего и неизвестности, где он находится. Очевидное намерение его выиграть время для совершения злобного замысла побудило адмиралов прибегнуть к решительным мерам: с общего согласия они решили войти в Наваринскую гавань, чтобы угрозой битвы принудить Ибрагима отозвать войска из Мореи (Пелопоннеса).

Оттоманский флот в числе 66 военных судов с 2 200 орудий и 23 000 человек экипажа занимал позицию в виде подковы, упираясь флангами в батареи, воздвигнутые при входе в залив. Им командовали два адмирала, турецкий и египетский. Ибрагим находился на берегу. Флот союзный состоял из 27 военных судов (в том числе 8 русских), с 1 300 орудий и 13 000 человек экипажа. Главное начальство над ним принял адмирал Кодрингтон как старший в чине, и 8 октября 1827 года повел его в гавань двумя колоннами: правая составлена была из кораблей английских и французских; левая из русских. Обе колонны должны были идти рядом и стать в боевую линию пред оттоманским флотом. Правая колонна, находясь ближе к заливу, определила левую, на всех парусах влетела в гавань и бросила якорь пред турецкими кораблями. Для объяснения причин сего поступка Кодрингтон отправил офицера к турецкому адмиралу, офицер был встречен ружейным огнем и пал, пронзенный пулями. Послан был другой офицер; его постигла та же участь. Вслед за тем раздался пушечный выстрел с египетской корветы по французскому фрегату, который отвечал залпом. Сражение началось, и вскоре открылась канонада со всех судов; более двух тысяч орудий про-

изводили непрерывную пальбу; суда скрылись в облаках дыма. Солнце померкло.

В это самое время, среди непроницаемого мрака, под перекрестным огнем с береговых батарей, устроенных при входе в залив, величественно и стройно вступила в гавань русская эскадра, в грозном безмолвии прошла под тучею ядер, заняла свое место с левой стороны и, став на пистолетный выстрел от неприятельской линии, открыла по ней убийственный огонь. Адмиральский корабль графа Гейдена «Азов», под команду храброго капитана *Лазарева*¹⁹, схватился с тремя фрегатами и в несколько часов истребил их. Столь же успешно действовали прочие корабли. Через четыре часа все кончилось. Оттоманский флот был уничтожен²⁰, как некогда при Чесме. Из всех судов, его составлявших, уцелел один фрегат с немногими мелкими судами; остальные погибли в огне, в воде, сели на мель или достались победителям. Неприятель был почти вдвое сильнее числом судов, орудий и людей; союзники восторжествовали неимоверною храбростью, искусством и редким единодушием. Русские, англичане, французы соревновались друг с другом в подвигах доблести. Наши моряки в точности выполнили волю своего государя, который, при отправлении эскадры из Кронштадта, сказал: «Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий поступлено будет по-русски».

Махмуд, узнав об истреблении морских сил своих при Наварине, ожесточился более прежнего. Посланники союзных держав потеряли всякую надежду склонить его к принятию Лондонского трактата и оставили Константинополь. Вслед за тем во всех мечетях Оттоманской империи обнародован хатт-и-шериф о поголовном ополчении за веру и отечество. Султан провозглашал, что Россия есть вечный, неукротимый враг мусульманства, что она замышляет разрушение Турции, что восстание греков было ее делом, что она же истинная виновница Лондонского трактата, пагубного для Оттоманской империи, и что Порта в последних переговорах с нею старалась только выиграть время и собраться с силами, решившись заранее не исполнять Аккерманской конвенции.

На столь неприязненный вызов двор наш отвечал глубоким молчанием и целых четыре месяца медлил с объяв-

лением разрыва, все еще не теряя надежды, что султан размыслит о неминуемых для него следствиях войны с Россией и согласится на мир; надежда была тщетная. Он вызывал Россию на брань не только словами, но и самым делом: оскорблял наш флаг, задерживал суда и не открывал Босфора, чем остановил всякое движение черноморской торговли нашей. Мало того: в то самое время, когда мирные соглашения России с Персией приближались к окончанию, Порты поспешным вооружением своих войск и тайным обещанием сильной подпоры поколебала миролюбивое расположение двора Тегеранского.

Принужденный обнажить меч в защиту достоинства и чести России, прав своего народа, приобретенных победами и договорами, государь император объявил во всеуслышание сведение, что вопреки разглашениям султана он вовсе не думает о разрушении Оттоманской империи или о распространении своей державы и немедленно прекратит войну, как только Порты удовлетворит Россию в справедливых ее требованиях, уже признанных Аккерманскою конвенцией, обеспечит на будущее время надежным ручательством действительность и точное исполнение прежних договоров и приступит к условиям Лондонского трактата по делам греческим. Столь умеренный ответ на турецкую декларацию, исполненную злобы и непримиримой ненависти, обезоружил и успокоил самых недоверчивых завистников нашего политического могущества. Европейские кабинеты не могли не согласиться, что поступить благороднее и великодушнее российского императора было невозможно. Бог благословил его правое дело.

Война России с Турцией началась весной 1828 года. С нашей стороны начертан был обширный план военных действий с тем, чтобы потревожить Турцию со всех сторон и совокупными, дружными ударами сухопутных и морских сил в Европе и в Азии, на морях Черном и Средиземном, убедить Порту в невозможности борьбы с Россией. Фельдмаршалу графу Витгенштейну поручено главной армией занять Молдавию и Валахию, перейти Дунай и на полях Болгарии или Румелии нанести неприятелю удар решительный; графу Паскевичу-Эриванскому велено напасть с кавказским корпусом на азиатские области Турции для отвлечения сил ее из Европы; князю Меншикову с отдель-

ным отрядом взять Анапу; адмиралу Грейгу с черноморским флотом содействовать покорению приморских крепостей в Болгарии, Румелии и на восточном берегу Черного моря; адмиралу Гейдену с эскадрой, находившейся в Архипелаге, запереть Дарданеллы для пресечения подвоза съестных припасов из Египта в Константинополь.

Главная армия, в числе 15 000 человек, перешла границу империи, реку Прут, в исходе апреля тремя колоннами: правая почти без выстрела овладела Яссами, Бухарестом, Крайовою, заняла Молдавию и Валахию и быстрым движением спасла оба княжества от злобы турок, намеревавшихся разорить то и другое вконец. Молдаване и валахи встретили русских как избавителей. Средняя колонна, вверенная главному начальству великого князя Михаила Павловича, обратилась на Браилов и осадила его, чтобы взятием сей крепости, важной по своему стратегическому положению на пути наших действий, обеспечить тыл армии за Дунаем. Ниже Браилова, против Исакчи, сосредоточились войска левой колонны, более других многочисленной, для переправы за Дунай. Здесь предстоял русскому воинству подвиг многотрудный: от необыкновенного разлива весенних вод Дунай вышел из берегов и затопил окрестности на обширном пространстве. Левая, низменная сторона его обратилась в непроходимое болото; чтобы достигнуть берега реки и навести через нее мост, надобно было прежде сделать насыпь, вроде тех гигантских работ, которыми до сих пор удивляют нас римляне. Войска, воодушевленные присутствием государя императора, разделявшего с ними труды похода, живо принялись за дело и устроили плотину на пространстве 5 верст. Турки также не оставались в бездействии: по мере того как мы сооружали насыпь, они возводили батареи, грозившие перекрестным огнем уничтожить все наши усилия к наведению моста. Благоприятное событие облегчило нам возможность очистить правый берег от неприятеля. Запорожские казаки, издавна обитавшие при устьях Дуная под покровительством Порты, но не изменившие вере праотцов, прознав, что в русском стане находится сам государь император, изъявили желание ударить челом царю православному и, увлеченные благодушием его, согласились возвратиться в недра древнего отечества своего. Весь кош их перебрался на левый берег, со всеми старшинами и кошевым атаманом. Сотни легких судов

были теперь в нашем распоряжении. Два егерских полка сели в запорожские челны, переплыли Дунай, овладели турецкими батареями и водрузили русское знамя на правом берегу. Вслед за тем в стройном порядке переправились все войска, назначенные для наступательных действий в Болгарии. Государь император, сам руководя переправу, переплыл дунайские волны в запорожской лодке, управляемой кошевым атаманом.

За Дунаем турки не решались встретить нас в открытом поле и заперлись в крепостях, служивших Порте оплотом в прежних войнах ее с Россией. Главные обороняемые ими пункты, кроме Браилова, были Силистрия, Рушук, Варна и Шумла. Каждая из этих крепостей имела многочисленный гарнизон, надежные укрепления и опытных военачальников. В Шумле, неприступной по своему положению, сосредоточились 40 000 лучших войск турецких под начальством мужественного сераскира Гуссейна-паши. За Балканами стоял визирь с резервною армией, для защиты Константинополя.

В главной квартире нашей решено было идти прямо на Шумлу, чтобы испытать, не удастся ли завлечь сераскира в бой и поражением войск его открыть путь за Балканы. Мелкие задунайские крепости Исакча, Тулча, Мачин, Гирсова, Кистенджи, лежавшие на пути нашем, не могли задержать нас: они взяты были одна за другою отдельными отрядами. Но упорная оборона Браилова, на левом берегу Дуная, в тылу русской армии, принудила ее на некоторое время остановиться близ Траянова вала. Дождавшись падения Браилова, войска снова двинулись вперед; они шли среди нестерпимого зноя, страну до такой степени бесплодную и скудную, что должны были везти за собою самые мелкие вещи, даже уголь. Нездоровая вода породила болезни; лошади и волы гибли тысячами от недостатка корма. Доблестные воины наши преодолели все препятствия, выбили войска неприятельские из Базарчика и подступили к Шумле.

Надежда на бой не исполнилась: Гуссейн оставался неподвижен. Взять Шумлу приступом или правильною осадю было трудно, по крайней мере надлежало опасаться жестокого кровопролития, а в случае неудачи надобно было бы возвратиться за Дунай. Обложить ее со всех сторон, для пресечения подвоза съестных припасов, оказалось так-

же невозможным из-за малочисленности войска. Миновать Шумлу и идти прямо за Балканы значило оставить в тылу свою целую армию, которая могла напасть на нас в теснинах Балканских сзади, между тем как визирь ударил бы спереди.

Государь император, избегая всякого неверного предприятія, повелел фельдмаршалу Витгенштейну остаться под Шумлою для наблюдения за Гуссейном; между тем отряду князя Меншикова, уже разгромившему Анапу, при содействии Черноморского флота овладеть Варной, а корпусу князя Щербатова Силистрией. Взятие первой крепости обеспечивало продовольствие войска подвозом съестных припасов из Одессы морем; падение второй признавалось необходимым для безопасности зимних квартир нашей армии за Дунаем.

Осада Варны продолжалась два месяца с половиной. Малочисленный отряд князя Меншикова оказался слишком недостаточным для покорения крепости первоклассной, обороняемой выгодным местоположением, твердынями, всегда отражавшими все усилия наши в прежние войны, и мужеством 20 000 гарнизона, под начальством храброго капитана-паши, любимца султана. Тщетно Черноморский флот, одушевленный присутствием государя императора, громил Варну с моря: она не сдавалась. Прибытие русской гвардии на помощь осадному корпусу придало иной оборот делу. Как ни деятельно сопротивлялся гарнизон, работы наши быстро подвинулись к самым стенам крепости, и все усилия турецкого полководца Омер-Врионе спасти ее нападением на осаждающих со стороны Балканских гор были напрасны: отбитый принцем Евгением Виртембергским и храбрым Бистромом, он должен был уйти в горы. Варна пала к стопам российского императора. Покорение ее, обеспечив продовольствие русских войск в Болгарии, в то же время лишило Шумлу прежней важности в стратегическом смысле: путь в Румелию через Балканы был открыт со стороны моря, и только рано наступившая зима принудила нас отложить решительные действия до следующей кампании. Граф Витгенштейн возвратился за Дунай, оставив сильные отряды в Варне, Базарчике и Праводах.

Между тем за Кавказом совершались дела чудные, невероятные: там пред горстью храбрых падали крепости не-

приступные и исчезали враги многочисленные. Действуя оборонительно в Европе, султан думал нанести нам сильный удар в Азии, и в самом начале войны дал повеление арзрумскому сераскиру с 40 000 армией вторгнуться на разных пунктах в закавказские области наши, с полной надеждой на успех. В самом деле, положение дел наших в том краю было весьма затруднительно. Главная армия русская уже перешла Дунай, а закавказский корпус едва успел возвратиться из персидского похода, изнуренный битвами и болезнями; в рядах его насчитывалось не более 12 000 человек. Запасы продовольствия и военные снаряды истощились; транспорты и артиллерийские парки едва могли служить. Подвластные нам мусульманские провинции, колеблемые воззваниями султана, ждали только появления единовверных турок, чтобы восстать на нас поголовно; владелица Гурии, замыслив измену, общалась с неприятелем; в аулах горцев господствовало общее волнение. Требовалось много ума, искусства и силы душевной, чтобы отворотить опасности, грозившие Закавказскому краю. Паскевич сделал более: гром побед его оглушил врагов и заставил султана трепетать в самом Константинополе.

Зная, что только быстрый и смелый удар мог остановить грозное стремление неприятеля в край Закавказский, Паскевич решился на подвиг отважный: с 12 000 корпусом он двинулся в пределы азиатской Турции и, сверх ожидания врагов, явился под стенами Карса, крепости знаменитой в летописях турецких: помнили, что она отразила шаха Надира, без успеха осаждавшего ее целых 4 месяца с 90 000 войска. Тщетны были и наши усилия овладеть ею в 1807 году. Граф Паскевич не стоял под Карсом и четырех дней. Он взял его штурмом. Турецкие войска, посланные сераскиром для вторжения в Грузию со стороны Карса, отступили к Арзруму.

Между тем важнейшая опасность угрожала нашим границам с другой стороны: к пределам Гурии, по дороге Ахалцыхской, стремились под начальством двух знатных пашей до 30 000 турок. Паскевич спешил предупредить их под Ахалцыхом. Неожиданное препятствие остановило его: в корпусе открылась чума; редкий полк не заразился. Спасая своих храбрых сподвижников от гибели, главнокомандующий целых три недели простоял на одном месте. Наконец благоразумные и решительные меры его

увенчались вожделенным успехом: чума прекратилась. Войско быстро двинулось к пределам Гурии, мимоходом овладело важной крепостью Ахалкалаки, потом Гертвисом, совершило неимоверно трудный переход чрез высокие хребты гор, считавшиеся непроходимыми, преодолело нестерпимый зной и подступило к Ахалцыху. В то же самое время явились под стенами его и оба паши, пришедшие из Арзрума, с 30 000 армией. Паскевич напал на них, разбил наголову того и другого, рассеял войска их по лесам, овладел четырьмя укрепленными лагерями, всей артиллерией и отбитые у неприятеля орудия обратил на Ахалцых.

Освоенный кавказскими удальцами в ущельях гор, на скалах и утесах, Ахалцых служил притоном для буйной вольницы разных вер и племен, находившей в нем безопасное убежище, славился во всей Анатолии воинственным духом своих обитателей, вел деятельную торговлю с Арзрумом, Эриванью, Тифлисом, Трапезундом, имел в стенах своих до 50 000 жителей и с тех пор, как попал во власть турок, около трех веков не видал на стенах своих знамен чуждых. Тормасов не мог взять его, и неудивительно: обороною ему служили необыкновенно твердые и высокие палисады, окружавшие весь город, крепость, трехъярусный огонь многочисленной артиллерии, дома, выстроенные в виде укрепленных замков, и испытанное мужество жителей, из коих каждый был воин.

Уверенный в своих силах, паша Ахалцыхский на все предложения о сдаче отвечал гордо, что сабля решит дело. Трехнедельный огонь наших батарей не поколебал его упорства. Между тем скудные запасы наши истощились. Оставалось или отступить, или взять город штурмом. В первом случае надлежало опасаться неблагоприятного для нас влияния на умы врагов явных и тайных; во втором легко мог погибнуть весь корпус в борьбе с неприятелем, впятеро сильнейшим. Смелый вождь русский решился на последнее. 15 августа в 4 часа пополудни штурмовая колонна, предводимая полковником Бородиным, пошла на приступ и после неимоверных усилий ворвалась в город; но здесь ожидал ее бой отчаянный; надобно было штурмовать каждый дом и дорого платить за каждый шаг вперед. Сражение длилось целую ночь среди пожара, охватившего почти весь город; несколько раз перевес склонялся на сторону много-

численных неприятелей. Главнокомандующий с редким искусством поддерживал ослабевавшие силы своих колонн, посылал полки за полками, ввел в дело весь свой корпус и восторжествовал: утром 16 августа Георгиевское знамя уже развевалось на крепости Ахалцыхской. Победитель спешил унять кровопролитие, даровал пощаду и покровительство побежденным, учредил порядок управления, согласный с их обычаями, и, восстановив разрушенные укрепления Ахалцыха, обратил его в надежный оплот Грузии со стороны азиатской Турции. Покорение Баязида отдельным отрядом при подножьи Арарата обеспечило присоединение всей Эриванской области. Таким образом, менее чем в два месяца с самыми ограниченными средствами исполнена была воля государя императора: неприятельская армия, угрожавшая Закавказскому краю разорительным нашествием, была рассеяна; пашалыки Карский и Ахалцыхский были в нашей власти.

Успехи русского оружия в 1828 году в Европе и в Азии, на суше и на море, занятие двух княжеств, большей части Болгарии, значительной части Анатолии, покорение 14 крепостей, плен 30 000 человек с 9 пашами, 400 знаменами и 1 200 орудиями, — все это, казалось, должно было убедить султана в необходимости примириться с могущественным императором России; Махмуд оставался по-прежнему непреклонным в неприязни и, отвергая мирные предложения, готовился к возобновлению брани.

Неожиданное событие утвердило султана в намерении продолжать войну с Россией. В конце января 1829 года посланник наш в Тегеране статский советник Грибоедов был умерщвлен с большей частью его свиты неистовой чернью; в то же время обнаружилось неприязненное расположение шаха, который даже начал сосредоточивать войска свои вблизи наших границ, на Араксе. Султан поспешил завести переговоры с двором Тегеранским и уже не сомневался в разрыве Персии с Россией. Надежда его не исполнилась. Граф Паскевич отклонил войну. Он дал знать наследнику престола Аббасу-мирзе, что истребление императорской миссии в Тегеране угрожает Персии самыми бедственными последствиями, что новая война с Россией может даже низринуть династию Каджаров с престола и что нет другого средства загладить плачевную утрату и отвлечь грозу, как испросить прощения у российского импе-

ратора за неслыханный поступок тегеранской черни чрез одного из персидских принцев. Сколь ни тягостно было для гордости восточной подобное предложение, Аббас-мирза убедил шаха согласиться, и старший сын Аббаса, Хозрев-мирза, в торжественной аудиенции, в присутствии всего двора и дипломатического корпуса, у подножия российского престола, просил государя императора предать вечному забвению происшествие, оскорбившее равно двор российский, как и двор персидский. «Сердце шаха ужаснулось, — говорил принц, — при одной мысли, что горсть злодеев может разорвать союз его с великим монархом России». Лучшего возмездия мы не могли желать: принцу было объявлено, что посольством его рассеяна всякая тень, которая могла бы омрачить взаимные отношения России с Персией.

Лишенный содействия шаха, султан не терял надежды вознаградить потери минувшей кампании собственными средствами и ополчил все свои силы для борьбы с Россией. Армия его, сосредоточенная в Шумле, была увеличена несколькими тысячами регулярных войск, присланных из Константинополя, и новому визирю, деятельному и храброму Решиду-паше, дано повеление во что бы то ни стало отнять у русских Варну и вытеснить их из Болгарии. В Арзрум также назначен новый сераскир с неограниченными полномочиями; на помощь ему прислан Гагки-паша, полководец, известный искусством и мужеством: им поручено вооружить в Анатолии до 200 000 человек, овладеть Карсом и Ахалцыхом и разгромить наши закавказские области.

Государь император, со своей стороны усилив армию, стоявшую на Дунае, вверил ее, из-за болезни фельдмаршала Витгенштейна, главному начальству графа Дибича. Корпусу графа Паскевича назначено также подкрепление. Обоим полководцам велено действовать как можно решительнее. Они исполнили волю своего государя самым блестящим образом.

Переправившись с главной армией за Дунай, весной 1829 года граф Дибич осадил Силистрию, которую мы не успели взять в минувшем году по случаю рано наступившей зимы. Главнокомандующий обратился в ту сторону сколько потому, что покорение Силистрии было необходимо для обеспечения наших действий за Дунаем, столько и с намерением выманить визиря из Шумлы. Почти можно

было ручаться, что деятельный полководец турецкий, пользуясь отдалением главной армии русской, не оставит в покое отряды наши, стоявшие в Праводах и Базарчике, и обратится на них с большей частью своих сил. Предположение дальновидного вождя вскоре оправдалось.

В середине мая визирь выступил из Шумлы с 40 000 лучших войск своих и осадил Праводы, занятые генералом Куприяновым, под главным начальством генерала Рота, который отвлек его упорной обороной и дал знать главнокомандующему о выходе неприятеля из неприступной позиции его. Граф Дибич того только и ждал: поручив осаду Силистрии генералу Красовскому, сам он поспешно двинулся на Балканы с большей частью своей армии, шел без отдыха, искусно скрывал свое движение и в пятый день стал в тылу Решида, отрезав его таким образом от Шумлы. Визирь вовсе не подозревал о грозившей ему опасности и спокойно занимался осадой Правод; узнав наконец о появлении русских в тылу своем, он принял их за слабый отряд из корпуса генерала Рота, дерзнувший запереть ему дорогу в Шумлу, и обратил свою армию для истребления малочисленного, по его мнению, неприятеля. Сверх всякого чаяния, в теснинах Кулевчи²¹ встретил его сам Дибич. Решид постиг всю опасность своего положения, но не терял бодрости и решился пробиться сквозь русскую армию. Быстро и смело повел он атаку на всех пунктах и везде встретил грозный отпор. Тщетно бросались турки с бешенством отчаяния на стройные колонны наши, врубались в пехоту, врезались в конницу: русские были непоколебимы. Продолжительный бой до того утомил обе армии, что около полудня сражение как бы само собою затихло. Пользуясь случаем, Дибич подкрепил уставших воинов свежими полками и в свою очередь напал на неприятеля. Битва возобновилась страшной канонадой с обеих сторон; она колебалась недолго: от жестокого огня наших батарей, управляемых самим начальником штаба, генералом Толем, неприятельские орудия смолкли, враги дрогнули. В ту самую минуту граф Дибич двинул вперед свою несравненную пехоту, грозные колонны ее ударили в штыки. Стройность и быстрота атаки повсеместной привела турок в трепет: они обратились в бегство и рассеялись в горах, оставив на поле битвы до 5 000 трупов, весь обоз, артиллерию и знамена. Визирь едва спасся от плена быстротою

коня своего и с великим трудом пробрался в Шумлу, куда не возвратилась и половина его армии. Победитель стал лагерем на виду у него.

Победа при Кулевче имела весьма важные следствия. Разбитый наголову, трепеща за самую Шумлу, визирь для защиты ее притянул к себе отряды, охранявшие пути в горах, и тем открыл теснины балканские, береговую линию также ослабил. Граф Дибич решился воспользоваться оплошностью неприятеля и только ждал покорения Силистрии, чтобы перейти за Балканы. Она пала наконец, доведенная деятельностью и искусством генерала Красовского до невозможности продолжать оборону. Главнокомандующий немедленно перевел корпус, осаждавший Силистрию, под Шумлу и поручил Красовскому запереть визиря в ее твердынях; сам же с прочими войсками быстро двинулся в горы. Передовые корпуса Рота и Ридигера очищали путь от неприятеля, выбивали его из всех мест, где он хотел остановиться, овладели с боя переправами на Камчике и спустились в долины Румелии. Вслед за ними шел и Дибич.

Красовский между тем с таким искусством действовал под Шумлою, что Решид-паша несколько дней принимал его корпус за всю русскую армию, и тогда только узнал о движении ее за Балканы, когда она уже миновала опасные теснины. Тщетно порывался он ударить ей в тыл: храбрый Красовский поразил его самого и запер в Шумле.

Между тем морские силы наши в Черном море и в Архипелаге, по распоряжению самого государя императора, сообразуя свои действия с действиями главнокомандующего, овладели приморскими крепостями в Румелии, Инадо и Эносом и соединились с армией сухопутной.

В плодородных долинах Румелии поход Дибича уподоблялся торжественному шествию: малочисленные отряды турецких войск не в силах были остановить его, города же сдавались один за другим почти без сопротивления. Русская армия сохраняла строгую дисциплину, и жители Румелии, удостоверенные в неприкосновенности своей собственности, в безопасности личной, охотно покорялись победителю. Так достиг Дибич Адрианополя, второй столицы Турецкой империи. Начальствовавшие в нем паши хотели обороняться и выстроили войско. Но многочисленные толпы народа, избегая кровопролития, вышли из горо-

да с приветствиями навстречу нашим воинам, и многолюдный Адрианополь был занят без боя.

Дибич стал в Адрианополе, опираясь правым флангом на эскадру архипелагскую, левым на флот черноморский.

Равно жестокий удар нанесен был неприятелю и в Азии. Исполняя повеление государя императора, требовавшего самых решительных действий, граф Паскевич весною 1829 года сосредоточил в окрестностях Карса весь свой корпус, заключающий в себе до 18 000 человек, в числе коих были и мусульмане, набранные в областях, незадолго пред тем покоренных нашим оружием. Смелый вождь русский замыслил подвиг, достойный его славы, овладеть столицею Анатолии, богатым и многолюдным Арзрумом.

Сераскир Арзрумский, со своей стороны, собрал 50 000 армию с намерением отнять у нас завоевания прошедшего года и вторгнуться в наши пределы. С этой целью он послал к Карсу товарища своего Гагки-пашу с половиной армии; другую половину вел сам на помощь ему. Граф Паскевич спешил разбить их одного за другим, прежде чем успеют они соединиться, перешел чрез высокий хребет Саганлунгский, покрытый снегом, и встретил Гагки-пашу, стоявшего в укрепленном лагере, на месте неприступном. В десяти верстах от него был сераскир. Главнокомандующий устремился на последнего и после кратковременного боя рассеял его войско; потом обратился на Гагки-пашу и взял его в плен. Два неприятельских лагеря, обозы, артиллерия были трофеями сей знаменитой победы.

Не давая врагам времени опомниться от ужаса, Паскевич быстро двинулся вперед и через несколько дней явился под стенами Арзрума. Сераскир хотел обороняться; но жители, неоднократно опытами удостоверенные в великодушии победителя, в неприкосновенности своего имущества и своих уставов, не хотели испытать участи Ахалцыха и покорились добровольно. Сераскир сдался военнопленным. Армия турецкая не существовала. Тщетно новый сераскир, присланный султаном, хотел вытеснить русских из Арзрума и собрал рассеянные войска: Паскевич поразил его в стенах Байбурта и уже намеревался проникнуть далее в пределы Анатолии, когда весть о мире остановила его победоносное шествие.

Жестокие удары, нанесенные турецкой империи русским оружием в Европе и Азии, заставили наконец султана просить пощады: полномочные его прибыли в Адрианополь и после непродолжительных прений подписали предложенные им условия мира²². Основанием его служили те самые правила великодушной умеренности и справедливости, которые объявлены были нашим кабинетом при начале войны. Чуждаясь духа приобретения, государь император желал единственно восстановить силу прежних трактатов, обеспечить торговые выгоды своих подданных на морях Черном и Средиземном, обезопасить пределы своей империи в Азии и утвердить благосостояние покровительствуемых Россией, единоверных ей обитателей Молдавии, Валахии, Сербии и Греции. Вследствие сего из всех завоеваний своих он удержал за собой только Анапу, Потю, Ахалкалаки и Ахалцых, крепости, необходимые для безопасности Закавказского края. Султан обязался, со своей стороны, предоставить российским подданным полную и совершенную свободу торговли во всей Оттоманской империи, на суше и на морях, не стесняя прав ее ни под каким видом, ни под каким предлогом, Босфор и Дарданеллы открыть всем без изъятия торговым судам дружественных с Портой держав, потери же, понесенные русским купечеством с 1806 года, вследствие ограничительных мер Порты, вознаградить значительной суммой. Кроме того, даровать Молдавии, Валахии и Сербии все права, обещанные разными хатг-и-шерифами, Бухарестским трактатом и Аккерманской конвенцией, со значительным дополнением важных преимуществ. Наконец, решение трех держав о будущей судьбе Греции признать безусловно.

Таким образом, не требуя для своей империи ничего, что не было бы признано Портой в прежних трактатах (за исключением немногих крепостей в Малой Азии), монарх России победы своего оружия обратил на пользу несчастных народов, доселе страдавших под жестоким игом турецким. Он навсегда обеспечил благосостояние Молдавии, Валахии и Сербии, обязав турецкое правительство самым положительным и торжественным образом не вмешиваться в дела их внутреннего управления, не свергать самовластно господарей, не обременять народа никакими налогами, не стеснять его промышленности и образования и довольствоваться только умеренной податью. Победы импе-

ратора Николая воскресили наконец и Грецию к жизни самобытной и независимой.

Первоначальной мыслью союзных кабинетов, принявших в 1826 году греческий народ под свою защиту, было спасти его от бесчеловечного истребления и обеспечить участь Греции на будущее время точным определением меры зависимости ее от турецкого правительства. С этой целью после уничтожения турецкого флота при Наварине и по изгнании египетских войск из Мореи 10 марта 1829 года решено было: оставить Грецию в подданстве султана, с тем чтобы она платила ему ежегодную подать по 1 500 000 пиастров, но пользовалась бы правом собственного внутреннего управления, главой которого будет принц с наследственной властью. В таком виде в состав ее должны были войти все земли, искони населенные греками, Морея, Ливадия и острова Архипелагские. Решение союзных держав тогда же предъявлено было Порте Оттоманской; султан не принял его, соглашаясь единственно дать Греции права, которыми пользовалась Молдавия; но когда Дибич перешел Балканы и овладел Адрианополем, утраченный Махмуд поспешил объявить, что он безусловно согласен на все меры, которые будут приняты союзными державами относительно Греции. Основываясь на сей декларации и имея в виду, что при общем, живейшем желании греков избавиться от господства турецкого трудно будет водворить спокойствие на востоке, если оставить их под властью Порты, полномочные представители России, Англии и Франции протоколом, подписанным в Лондоне 22 января 1830 года, положили: признать Грецию государством независимым, под покровительством трех держав, в тех пределах, которые постановлены протоколом 10 марта, за исключением Акарнании, части Этолии и некоторых островов, возвращенных султану, в вознаграждение подати, прежде ему предназначенной; правлению же в Греции быть монархическому и наследственному; государю ее предоставить титул короля и возвести в сей сан одного из принцев европейских, по избранию союзных дворов, с тем чтобы он не был в родстве ни с одним из них. Выбор пал сначала на *Леопольда Саксен-Кобургского*; по отречении же его — на юного принца Баварского, который и вступил на греческий престол в мае 1832 года под именем *Оттона I*²³.

V. ДЕЛА ЕГИПЕТСКИЕ (1831—1840)

Султан не прекословил решению союзных кабинетов относительно Греции и признал ее независимость. Прочие статьи Адрианопольского трактата также были им исполнены в точности: вознаграждение, обещанное Портою русскому купечеству, внесено в назначенное время; военная контрибуция уплачена в определенные сроки; права и преимущества Молдавии, Валахии и Сербии дарованы; наконец, обеспеченная Адрианопольским трактатом, свобода мореплавания для всех флагов без различия была свято уважаема, чем утвердилось положение торговли на Черном море, столь необходимое для благосостояния полуострова края империи. Одним словом, сколько прежде Турция обнаруживала к нам неприязнь, столько теперь доказывала свое дружелюбное расположение. Россия в безопасности наслаждалась плодами славного мира адрианопольского.

В это время султан турецкий приведен был в самое стесненное положение: войска его рассеяны мятежным подданным, столице его, ему самому угрожала опасность плена, и на развалинах Порты Оттоманской готовилась возникнуть новая власть, незаконная. Этот переворот замыслил Мегмед-Али, паша Египетский.

Сын небогатого жителя Румелии, осиротевший в младенчестве и потом долгое время промышлявший табачною торговлею, Мегмед-Али поступил в отряд румелиотов, посланный с другими войсками в Египет для содействия визирю к изгнанию оттуда французов, оставленных Бонапартом. Редким мужеством, силою характера, изворотливостью, он вскоре вышел из толпы, приобрел власть над умами шейков, мамелюков, албанцев, составлявших в Египте главное войско султана, поддерживал и сменял правителей, назначаемых Портою, наконец сам облекся званием паши Египетского, отправил в Константинополь любимого сына своего Ибрагима в залог верности, послал дань, какой никогда не получала Порты, и был утвержден султаном в 1805 году в присвоенном им сане.

Египет вскоре принял иной вид: Мегмед-Али, до преклонных лет не знавший грамоты, здравым умом своим постиг всю выгоду европейского образования, следы которого остались после экспедиции Бонапарта, окружил

себя французами, англичанами, итальянцами, завел регулярное войско, устроил сильный флот, воздвиг крепости, основал разные роды промышленности, даже открыл многие школы. Под крепкою властью его смирились враги внутренние: древние мамелюки, всегда терзавшие Египет своими раздорами, были истреблены самым бесчеловечным образом; буйные толпы албанцев преобразованы в войско регулярное. Враги внешние затрепетали: опаснейшие из них, вахабиты, жители Аравии, были ослаблены неоднократными победами мужественного сына Мегмеда, Ибрагима, который освободил от власти их Мекку и Медину и обеспечил торговлю на Черном море. Нубия покорена, Абиссиния также. Бой при Наварине истребил египетский флот; Мегмед-Али с изумительною деятельностью соорудил новый и в награду за усилия к усмирению греков получил от султана остров Кандию. В 1830 году он имел более 30 военных судов, в том числе 11 кораблей линейных, и 130 000 регулярного войска.

Чувствуя свои силы и видя изнеможение Порты Оттоманской, ослабленной внутренними мятежами и внешними войнами, Мегмед-Али возымел преступное намерение свергнуть с себя власть государя законного: под разными предложениями перестал платить султану дань и отказался помогать ему в последней войне с Россией. В 1831 году он восстал явно: сильное войско египетское, предводимое Ибрагимом, вступило в Сирию, страну, подвластную Порте. Мегмед-Али объявил, что паша сирийский Абдалла есть личный враг его и что, не находя защиты у бессильной Порты, он собственною саблею решился искать управы. Тщетно султан предлагал свой суд: Ибрагим шел не останавливаясь, покорял сирийские города один после другого, взял, наконец, крепкую Акру, полонил Абдаллу и овладел всей Сирией, страной богатой, многолюдной, обильной корабельными лесами и весьма выгодной для торговли. Избегая войны с грозным вассалом, Махмуд объявил его мятежником, изменившим государю и Пророку. Эта мера, действенная в прежнее время, осталась без действия; Мегмед-Али не страшился угроз и самого султана провозгласил отступником Магомета. Оставалось смирить его оружием. Значительное войско турецкое двинулось из Малой Азии к сирийским пределам и было разбито наголову в ущельях гор Таврских. Махмуд выслал другую армию

сильнейшую, под начальством лучшего полководца своего, верховного визиря Решида-паши, Ибрагим сразился с ним близ Кони, в Малой Азии, и после кровопролитной битвы одержал совершенную победу; войска турецкие были рассеяны; сам визирь, тяжело раненный, попал в плен. Султан остался без армии; дорога в Константинополь была открыта. Передовые войска Ибрагима заняли Смирну и появились в окрестностях Бруссы.

Еще в начале войны, как бы предчувствуя угрожающую опасность, султан просил содействия к усмирению мятежного подданного у тех держав европейских, которые одним из главных правил своей политики всегда провозглашали самостоятельность Порты Оттоманской. Более всего надеялся он на Англию и Францию: надежда его была тщетная. Ни та, ни другая держава не приняла заблаговременно никаких мер к защите султана; обе они довольствовались одними уверениями в дружбе и вели бесплодные переговоры с Мегмедом-Али, даже склонялись на его сторону. Иначе поступила Россия.

При первом известии о восстании в Египте государь император повелел российскому консулу немедленно выехать из Александрии. Столь дружелюбное расположение нашего кабинета к Порте Оттоманской принято было султаном с живейшею признательностью и возбудило в нем мысль в случае надобности прибегнуть к помощи России. Государь император, изъявив готовность помочь верному союзнику своему, полагал, что со стороны России существенною услугою султану будет торжественное порицание мятежа египетского, и с этой целью отправил в Александрию генерала *Муравьева*²⁴; в то же время черноморскому флоту дано повеление по первому требованию посланника нашего при Порте отправиться на защиту Константинополя. Генерал Муравьев принят был в Александрии с особенными почестями: Мегмед-Али дал обещание покориться султану и в присутствии нашего генерала отправил приказание к Ибрагиму прекратить неприязненные действия. Между тем султан, не имея никакого сведения об успехе посольства Муравьева и уstraшенный грозным движением Ибрагима к Бруссе, обратился к посланнику нашему Бутеневу с убедительною просьбою поспешить прислать из России войска вспомогательные. Желание его было испол-

нено. Эскадра контр-адмирала Лазарева снялась с якоря в Севастополе и на всех парусах полетела к Босфору. Она была уже в море, когда генерал Муравьев привез в Константинополь утешительное известие о согласии паши покориться своему государю; в то же самое время Ибрагим дал знать Порте, что вследствие повеления своего отца он прекратил движение египетской армии и остановился в Кутахиях. Султан не находил слов к выражению своей благодарности российскому императору, столь бескорыстно и великодушно принявшему участие в бедствиях Турции и своим благодетельным влиянием остановившему движение египетской армии. Дело тем, однако, не кончилось.

Уже отправлено было посланником нашим, согласно с желанием Порты, повеление контр-адмиралу Лазареву возвратиться с эскадрою в Севастополь, когда султан узнал, что Ибрагим, вопреки данному отцом его обещанию и собственному уверению, возобновил военные действия в Малой Азии, овладел Магнезией, низложил турецкие власти в Смирне, Мегмед-Али собирает новые войска для подкрепления сына. К счастью, контр-адмирал Лазарев не встретил курьера, отправленного Бутеневым, прибыл с эскадрою в Босфор и бросил якорь на виду у Константинополя. Он привел 5 линейных кораблей и 4 фрегата. Появление нашей эскадры под стенами Стамбула в такую сомнительную минуту встревожило его жителей и произвело недоумение в самом Диване, а французский посланник, адмирал Руссен, даже грозил султану разрывом Франции, если не удалятся русские корабли из Босфора. Но Махмуд, невзирая на ропот народа, на опасения своего Дивана, на угрозы французского посланника, не поколебался в безусловном доверии к бескорыстию и великодушию российского императора. Наша эскадра осталась перед Константинополем и по требованию султана была еще усилена: 20 русских кораблей под главным начальством генерал-адъютанта графа *Орлова*²⁵ стояли на якоре перед Буюкдере; а 10 000 человек пехоты расположились лагерем на азиатском берегу у Ункяр-Искелеси под начальством генерала Муравьева, готовые встретить и отразить победоносного Ибрагима.

Мало того: когда весть о появлении русских перед вратами незащищенного Константинополя встревожила умы в Англии и Франции, и общее мнение в той и другой стране,

обвиняя министров в оплошности, предавшей Турцию произволу России, громко требовало от них решительных мер к удалению наших войск из Босфора, государь император возвестил Европе, «что флот и войска его останутся в занятой ими позиции, доколе египетская армия не перейдет обратно за горы Таврские».

Столь решительное изъявление воли могущественного государя России обезоружило завистников нашей славы и спасло Турцию. Мегмед-Али отозвал войска свои из Малой Азии. Русский офицер проводил Ибрагима до пределов Сирии и, как только египетская армия перешла горы Таврские, граф Орлов посадил отряд Муравьева на суда и возвратил флот в Севастополь. Признательный султан в доказательство искреннего дружелюбия к российскому государю заключил с ним оборонительный договор в Ункяр-Искелеси, которым обязался, между прочим, запереть Босфор и Дарданеллы для военных судов всех держав иностранных²⁶.

Призванная исключительно для спасения Турции от грозного завоевателя, Россия должна была ограничиться в пределах, предначертанных ей самим делом, и не могла принять участия в условиях договора, примирившего султана с пашою египетским. Посредничества нашего не требовали, и мы его не предлагали. Договор заключен под влиянием Англии и Франции. Мегмед-Али не только остался пашою египетским, но и получил сверх того в управление Сирию с Дамаском и Алепом; а сыну его Ибрагиму предоставлены доходы с округа Аданского в Малой Азии.

Водворенное таким образом спокойствие на востоке не могло быть продолжительно. Султан, вынужденный уступить мятежному подданному значительную часть своей империи, более чем когда-либо искал случая сокрушить его; Мегмед-Али, со своей стороны не сомневаясь в содействии Франции, замышлял свергнуть с себя самую тень господства Порты. Явно возраставшая непокорность его вынудила султана еще раз испытать счастье оружием. Оно вновь ему изменило. Войско его было рассеяно и уничтожено блестящею победою Ибрагима при Низибии, на берегах Евфрата. Злосчастный Махмуд не в силах был перенести столь жестокого удара и умер. Вслед за тем весь турецкий флот, посланный к Александрии, изменою капитана-паши передался на сторону неприятеля. Турция оста-

лась без войска и без флота. Торжествующий Мегмед потребовал от юного преемника Махмуда, султана *Абдула Меджида*²⁷, удаления недруга своего, верховного визиря, и наследственной власти над Египтом, Сирией, Аданой, Кандией, угрожая в противном случае овладеть Константинополем.

Вся Европа, за исключением одной Франции, убедилась в необходимости принять решительные меры, сообразно с политикою нашего двора, к обузданию опасного честолюбца, грозившего поколебать общий мир Европы. Посланники главных держав в Константинополе объявили Порте, что кабинеты их условились с общего согласия устроить окончательно дела восточные, и предложили султану: не входя ни в какие отношения с Мегмедом-Али, предоставить все дело беспристрастному суду держав европейских. Султан принял это предложение с радостью. Вследствие сего в Лондоне состоялась конференция из полномочных министров пяти держав — России, Англии, Австрии, Франции и Пруссии. Представителем России был барон *Бруннов*²⁸.

В самом начале переговоров Англия согласилась с Россией в основной идее об устройстве дел восточных. Австрия и Пруссия также разделяли ее. Но упорная склонность французского правительства на сторону Мегмеда-Али долго мешала успешному ходу дела. Полномочные России, Англии, Австрии и Пруссии решились, наконец, подписать протокол без участия французского посла и постановили: предоставить Мегмеду-Али наследственную власть в Египте; сверх того, отдать ему лично южную часть Сирии, с тем, однако же, условием, чтобы он беспрекословно признавал верховную власть султана и платил Порте дань; все прочие места, не входившие в пашалык египетский, северную часть Сирии, Адану, Кандию, он должен был возвратить Порте, равно как и флот ее, в течение 10 дней. В случае же отказа его решено было не идти с ним ни на какие условия и смирить его силою оружия, для этого соединенному английскому и австрийскому флоту предоставить блокаду берегов Сирии и Египта, а русской эскадре поручить защиту Константинополя в случае нападения Ибрагима. Мегмед-Али отверг предложение союзных кабинетов в полной уверенности на помощь Франции, досадовавшей на устранение ее в столь важном деле.

Решительность союзников отклонила от Европы бедствия всеобщей войны. Соединенный англо-австрийский флот быстро овладел береговыми крепостями в Сирии — Бейрутом, Саидом, Тиром, Акрою — и, угрожая разрушить самую Александрию, вынудил пашу согласиться на безусловную покорность султану, который, только по ходатайству союзных держав, оставил ему в наследственное управление один Египет. Мегмед-Али, со своей стороны, обязался самым положительным образом признавать над собою господство Порты и платить ей дань, наравне с другими пашами. Франция, после некоторого прекословия, должна была согласиться на меры, принятые Россией и ее союзниками. Справедливая и прямодушная политика нашего кабинета восторжествовала над всеми кознями и, водворив прочный мир на востоке, утвердила общее спокойствие европейских народов.

VI. УСМИРЕНИЕ ПОЛЬСКОГО МЯТЕЖА (1830—1831)

Во дни торжества России над врагами внешними, когда громкие победы за Дунаем и за Кавказом, казалось, надолго обеспечили ее спокойствие, сверх всяких ожиданий, в собственных недрах ее явился враг внутренний, дерзнувший оскорбить ее достоинство самым вероломным образом: в ноябре 1830 года вспыхнул мятеж в Польше.

Герцогство Варшавское, составленное Наполеоном из польских областей, отторгнутых им от Пруссии в 1807 году и от Австрии в 1809-м, решением Венского конгресса присоединено к России на вечные времена, за исключением области Познаньской, Галиции и города Кракова. По точному смыслу акта Венского конгресса, оно входило в нераздельный состав империи, и государю ее предоставлялось неограниченное право учредить в Польше такой порядок вещей, какой признает он за полезнейший и наиболее сообразный с выгодами своей державы. В воле Александра было подчинить царство польское общим законам империи, и никто не дерзнул бы ему прекословить; единственное условие, возложенное на него Венским конгрессом, условие точное и положительное, состояло в нераздельном соединении царства с империей; поляки же, преданные во власть России жребием войны, не смели и ду-

мать о каком-либо ограничении своего победителя. Александр, по собственному побуждению, без всякого постороннего влияния, в надежде привязать новых подданных к своему престолу узами вечной благодарности, даровал им особенный образ правления, определенный Учредительною Хартией 12 декабря 1815 года.

Подтвердив ею основное начало, принятое Венским конгрессом, о неразрывном соединении царства с империей и сосредоточив в особе Императора и Царя все права державной власти, он призвал к участию в законодательстве две учрежденные им палаты, под названием сената и сейма, и вверил управление делами царства правительственному совету. Сенат, составленный из епископов, воевод и каштелянов, назначаемых государем пожизненно, образовал верхнюю палату; нижнюю представлял сейм, который предположено созывать, именем царя, через каждые два года, на один месяц, из депутатов от дворянства и общин. Каждый новый закон только тогда получал силу, когда одобрялся большинством голосов в обеих палатах и был утвержден государем; палатам, сверх того, дано право рассматривать бюджеты о доходах и расходах. Правительственный совет составлен был, под председательством царского наместника, из пяти министров, назначаемых государем; они были исполнителями его воли, давали движение всему ходу дел, вносили проекты новых законов на рассмотрение палат и отвечали в случае отступления от хартии. Учреждена отдельная польская армия; доходы царства предоставлены исключительно в его пользу; дворянству дозволено избирать маршалов для ходатайства по делам своим перед царским престолом; в городах введено муниципальное управление; книгопечатание объявлено свободным.

В доказательство чистоты своих намерений Александр вверил управление делами царства таким людям, которых нельзя было подозревать в равнодушии к выгодам Польши: наместником своим он назначил генерала Зайончека, старинного врага России, поседевшего в боях за свою отчизну, от Костюшки до Наполеона, но благородного душою и ценившего великодушие государя. Министры были избраны также из числа самых ревностных поляков. Выгоды России охраняли только два лица, цесаревич Константин Павлович и действительный тайный совет-

ник *Новосильцев*²⁹: цесаревич командовал польской армией; Новосильцев имел голос в правительственном совете, с званием императорского комиссара.

По обнародовании Учредительной Хартии поляки были вне себя от восторга и не находили слов для выражения беспредельной благодарности российскому государю, сознаваясь в душе, что только его беспримерное великодушие спасло их народные уставы. Вскоре, однако, они доказали, что постоянное чувство признательности не их добродетель: не прошло и трех лет, как те же самые поляки возмечтали, что Александр обязан был дать им конституцию и что, следовательно, сила Учредительной Хартии выше его власти. Оттого уже на первом сейме возникли дерзкие притязания: имея дозволение докладывать государю о нуждах и желаниях Польши, сейм пустился в неуместные рассуждения о правах монарха и народа, без всякого основания обвинял царских министров и требовал разных несообразных законов. Государь изъявил свое неудовольствие и при открытии второго сейма дал знать, что он твердо намерен охранять дарованную им хартию, но что поляки должны, со своей стороны, строго исполнять свои обязанности, не вдаваясь в бесполезные умствования, и содействовать правительству в благонамеренных усилиях его к обеспечению порядка, тишины и общего благоденствия. Вопреки этим предостережениям сейм явно вступил в распрю с правительством, отверг без всякого повода предложенные министрами разные проекты законов, в том числе устав уголовный, и повторил те же требования, на которые дерзнул первый сейм. Дух противодействия обнаружился и в недоборе податей, отчего в доходах открылся значительный дефицит. Разгневанный государь объявил, что если царство польское не в состоянии удовлетворять собственным потребностям, то надобно устроить его иначе, и что, прежде готовый на увеличение дарованных преимуществ, он видит необходимость отменить некоторые статьи Учредительной Хартии для обеспечения тишины общественной. Важнейшей отменой было запрещение публичных прений на сейме, где тщеславные ораторы распалили умы народа вредным пустословием. Сверх того, приняты меры против злоупотребления свободой книгопечатания. При открытии третьего сейма в 1825 году Александр сказал положительно, что он не изменил намерения поддерживать хартию, но

что от самих поляков, от их преданности престолу и готовности содействовать правительству будет зависеть участь царства польского. Грозный смысл этих слов достопамятных образумил поляков. Сейм принял все законы, предложенные министрами.

Между тем под благотворным скипетром Александра в течение десяти лет Польша достигла такой степени народного благосостояния, что без несомненных исторических фактов трудно было бы поверить, до чего может довести своих подданных попечительное правительство. Не будем сравнивать это время с временами избирательного правления, когда Речь Посполитая, с ее златою вольностью, была только жертвою необузданного самовластия магнатов, споров религиозных, непримиримой вражды партий, кровавых междоусобий, корыстолюбия жидов, неустроенно внутри, слабою извне: что была Польша при мнимом восстановителе своем Наполеоне? Герцогство Варшавское служило ему военным депо, откуда он брал солдат для наполнения своих легионов, погибавших в Австрии, Испании и России. Народ стонал под тяжестью налогов, насильственных поборов, конскрипций; воинские экзекуции разоряли города и села; о нуждах и бедствиях общественных никто не заботился, тем более об улучшении городов, об устройстве путей сообщения. Не процветала ни одна отрасль промышленности; торговли, кредита не было. Нашествие Наполеона на Россию в 1812 году разорило Польшу вконец: цвет ее народонаселения погиб в пределах нашего отечества.

Александр завоевал и воскресил Польшу. Он принял под свою державу страну, покрытую песками и болотами, изредка возделанную трудами земледельца, с едва проходимыми дорогами, с бедными разбросанными хижинами, с городами, похожими на деревни, где гнездились жида или скиталась оборванная шляхта, между тем как богатые магнаты расточали миллионы в Париже и Лондоне, вовсе не думая о своем отечестве. Эта бедная страна, под скипетром Александра, обратилась в государство благоустроенное, сильное и цветущее. Щедрая попечительность его оживила все отрасли народной промышленности: поля, осушенные каналами, покрылись роскошными нивами; села выстроились; города украсились; превосходные дороги пересекли Польшу во всех направлениях. Возникли фа-

брики; польские сукна и другие изделия в огромном количестве появились в России; выгодный для Польши тариф благоприятствовал сбыту ее произведений в пределах империи. Варшава, доселе ничтожное место в торговом мире, обратила на себя внимание Европы. Польские финансы, истощенные Наполеоном, приведены в цветущее состояние попечительностью и великодушием Александра, который отказался от всех коронных имений, обратив их в государственные, и все доходы царства польского предоставил в его исключительную пользу. Польский долг был обеспечен; кредит восстановился. Учрежден национальный банк, который, получив от щедрого государя огромные капиталы, содействовал быстрому развитию всех отраслей промышленности. Устроена попечением цесаревича Константина Павловича превосходная армия; арсеналы наполнились таким огромным количеством оружия, что его оказалось впоследствии достаточным для вооружения 100 000 человек. Образование распространилось быстро; в Варшаве учрежден университет; открыты кафедры высших наук, дотоле небывалые в Польше; вызваны опытные наставники из-за границы; лучшие студенты отправлены в Берлин, Париж и Лондон на счет правительства; в городах областных открыты гимназии и обводные училища; возникли пансионы для воспитания девиц и военные школы. Законы, дарованные Александром и тщательно им охраняемые, водворили порядок, правосудие, безопасность личную, неприкосновенность собственности. Обилие и довольство царствовали повсеместно. В 10 лет народонаселение почти удвоилось. Старинное изречение *Polska niezadem stoi* (Польша живет непорядком) было забыто.

Столь же попечительно, столь же великодушно заботился о благоденствии царства польского преемник Александра. При самом восшествии на престол, подтвердив Учредительную Хартию, он свято соблюдал дарованные ею выгоды, не требовал от Польши ни казны, ни войска, требовал только тишины, точного исполнения законов и усердия к престолу. Ей оставалось благословлять свою долю, и чувство живейшей признательности к монархам России передать самому отдаленному потомству. Поляки поступили иначе: благодетеля своего, императора Александра, они огорчили неблагодарностью, тогда уже готовя тайно мятеж; на преемника его дерзнули поднять оружие.

Масса народа, все люди трудолюбивые и промышленные, земледельцы, мануфактуристы, также благоразумные помещики, были довольны своею участью и не желали никаких перемен; но в то же время нашлись многие люди мечтательные, так часто встречаемые в Польше, с несбыточными надеждами, малодушные в беде, высокомерные в счастье и неблагодарные.

Не довольствуясь благоденствием своей отчизны, беспримерным в ее истории, под скипетром российских императоров, они возмечтали о возможности образовать из царства Польского государство отдельное, самостоятельное, включить в состав его западные губернии России, впоследствии отторгнуть польские области от Австрии и Пруссии, и воскресить Речь Посполитую, с ее шумными сеймами. Так думали многие легкомысленные паны, с наслаждением и гордостью вспоминаявшие золотое время владычества магнатов, и молодые люди нового поколения, неопытные юноши, незнакомые ни с историей своего отечества, ни с истинным положением дел, но слепые подражатели Запада. Главою и руководителем этой партии мнимых патриотов был князь *Адам Чарторыжский*³⁰, некогда любимый министр императора Александра, впоследствии попечитель Виленского учебного округа, обманувшийся в надежде быть наместником царства Польского. Подобная же партия возникла в Литве под влиянием профессора Виленского университета Лелевеля. Анархист в душе, он расплял умы своих многочисленных слушателей оболъстительными софизмами, пышным изображением минувшего величия Речи Посполитой, надеждою воскресить его.

В духе той и другой партии еще с 1818 года начали возникать в Варшаве и Вильне тайные общества, имевшие разных руководителей, разные названия, но одну цель — свергнуть русское господство. Самые нелепые басни, обманы, оболъщения, все было употреблено для возбуждения слепой и непримиримой ненависти к России. Злонамеренные усилия мало-помалу изгладили из памяти народа легкомысленного и неблагодарного все, что сделало для него русское правительство, приготовили умы к волнению и распространили дух мятежа. Требовалось одной искры, чтобы воспламенить пожар. Эту искру бросила шайка людей ничтожных, незамечательных ни умом, ни силою души, обыкновенно свойственною виновникам великих пе-

реворотов. Первая решительная мысль о бунте родилась в голове подпоручика польских войск Высоцкого: для этой цели еще в 1828 году он составил заговор из нескольких офицеров, подобных себе безумцев; в преступном умысле его впоследствии приняли участие многие подпрапорщики военной школы, студенты университета и праздные шляхтичи. За несколько дней до мятежа душою и руководителем заговора сделался Лелевель; но все тайно направляемо было невидимою рукою Чарторыжского.

Мятеж вспыхнул вечером 17 ноября 1830 года. Заговорщики разделились на несколько отрядов: одни вломились в Бельведерский дворец с намерением овладеть особою цесаревича Константина Павловича; другие бросились к казармам, где стояли русские войска, в числе 7 000 человек, чтобы их обезоружить; третьи спешили возмутить польские полки; четвертые рассеялись по городу, призывая чернь к оружию для защиты граждан от мнимого нападения русских. Провидение сохранило цесаревича: пользуясь темнотою, он спасся от рук злодеев; русские войска также успели соединиться, собрались близ дворца Бельведерского и окружили великого князя своею верною грудью. Но польские полки, за исключением гвардейских конных егерей, возмутились; мятежники овладели арсеналом, вооружили чернь и взволновали всю Варшаву. Великий князь, избегая кровопролития, выступил со своими войсками за город, чтобы тем опровергнуть нелепую молву, будто русские истребляют жителей столицы, и дать народу время обраться. Надежда его не исполнилась. После удаления его к неистовым толпам черни и солдат присоединились все враги России и порядка. Тщетно люди, верные долгу и престолу, старались успокоить умы: они пали жертвой своего усердия под ударами злодеев; так погибли военный министр граф Гауке, генералы Потоцкий, Сементовский, Блюммер, Трембицкий и многие другие. Правительственный совет был уничтожен; вместо него заступило временное правительство, состоящее из князя Чарторыжского, графа Островского, Лелевеля, Немцевича и других вождей разрушительных партий; революционные клубы всеми мерами старались распространить волнение по всему царству, в чем и успели посредством обманов, клеветы и всякого рода обольщений. Из областных городов, по призыву временного правительства, спешили в Варшаву депутаты

для образования сейма, который мог быть созван не иначе как только волею государя.

Люди здравомыслящие с ужасом видели бездну, куда стремился легкомысленный народ, увлеченный своекорыстными безумцами. В надежде спасти его отставной генерал Хлопицкий, равно любимый войском и народом, враг мятежа и безначалия, принял на себя звание диктатора, обуздал солдат и чернь, смирил клубы, рассеял неистовые скопища и, водворив в Варшаве некоторый порядок, отправил в С.-Петербург князя Любецкого и графа Езерского ходатайствовать пред государем о забвении всего прошедшего. Но, поляк в душе, он не хотел покориться безусловно, даже дерзнул мыслить о возможности склонить российского императора, при содействии других держав, к разным уступкам, льстившим самолюбию его единоземцев. Вследствие сего, поручив графу Езерскому домогаться в С.-Петербурге, между прочим, присоединения к царству польскому западных губерний наших, он в то же время отправил деятельных агентов в Париж и Лондон искать заступничества Франции и Англии.

При первом известии о мятеже Варшавы государь император, глубоко тронутый и огорченный, объявил при разводе своим генералам и офицерам о столь неожиданном и печальном событии, выразив при том, сколь прискорбна для него измена войска, запятнавшая честь польской армии. Слова скорбящего отца и государя произвели действие магическое. Все присутствовавшие при разводе бросились к рукам и ногам обожаемого монарха и со слезами сердечного умиления клялись в неизменной верности, в готовности пролить за него последнюю каплю крови. Ту же клятву повторила в своем верном сердце вся Россия, когда царское слово возвестило ей, что мятежники дерзают предлагать своему государю законному условия примирения. «Вы знаете, россияне, — говорил император, — мы отвергнем их с негодованием».

Князь Любецкий и граф Езерский получили позволение явиться в С.-Петербург не в звании посланных от незаконной власти, а в качестве царских сановников, для донесения о варшавских происшествиях: первый как министр финансов, второй как депутат на сейме. Государь удостоил принять их и выслушать каждого особо. Оба они единогласно описывали происшествия варшавские. По словам

их, мятеж вспыхнул без всякого предварительного плана, без определенной цели и был делом небольшого числа молодых людей, взволновавших войско и чернь распространением ложного слуха, будто русские убивают поляков. Граф Езерский в особенности повторял уверение, что несметное большинство народа и войска чуждо предприятию малого числа молодых безумцев, что оно непоколебимо в преданности престолу и что, по миновании первого изумления, все ужаснулись при мысли о последствиях мятежа, которые могли погубить всю страну, возложив на весь народ ответственность за преступное дело немногих. В заключение молил его величество о великодушном забвении всего прошедшего. Сверх того, писали иностранцы, будто бы он склонял государя императора для прочного спокойствия согласиться на общее желание поляков присоединить к царству западные губернии России. Выдумка нелепая! Никогда не осмеливался Езерский говорить подобно, ибо он знал его величество.

Государь император в ответе своем изволил отозваться, что не вся польская нация навлекла на себя гнев его, что он требует наказания только главных виновников, предоставляя себе право миловать, и полагая воспользоваться им с возможным великодушием; но что прежде всего поляки должны загладить преступление немногих заблудшихся людей немедленным и безусловным постановлением законного порядка. «Если же, — присовокупил император, — поляки дерзнут поднять оружие против России и своего государя законного, в таком случае *сами они и их пушечные выстрелы ниспровергнут Польшу*».

В то самое время, когда государь столь милостиво и великодушно отзывался о делах польских, в Варшаве, вопреки всем усилиям Хлопицкого, составлен и обнародован против России манифест, исполненный дерзких выражений и нелепых притязаний. По возвращении графа Езерского из С.-Петербурга совершился окончательный перелом. Хлопицкий сложил с себя звание диктатора, объявив, что он не хочет вовлечь своих единоплеменников в неравную борьбу с Россией и что польская нация не имеет никакого права нарушить присягу, данную ею в верности императору и царю. Необузданные демагоги овладели кормилом правления, и в общем собрании палат противозаконный сейм, по предложению Солтыка, дерзнул провозгласить,

что дом Романовых более не царствует в Польше и что престол ее ожидает иного царя.

Столь наглое забвение самых священных обязанностей, столь непреклонное упорство в зломыслии изумило всю Россию. Оскорбленная в собственном достоинстве, она изъявила громкий ропот и готова была восстать поголовно за права и честь своего монарха. Государь успокоил умы, возвестив верным подданным своим, что он возвратит отечеству мгновенно отторгнутый мятежниками край, устроит будущую судьбу его на основаниях прочных, различных с потребностями и благом всей империи, и навсегда положит конец враждебным покушениям злоумышленников. Россия верила царскому слову и не обманулась.

В исходе января 1831 года, среди суровой зимы, русские войска, собранные на западной границе, между Ковно и Устилугом, в числе 120 000 человек, под начальством фельдмаршала графа Дибича-Забалканского, получили повеление вступить в пределы Польши для усмирения ее силою оружия. Они перешли границу на разных пунктах; фельдмаршал с большею частью армии двинулся из Белостокской области на главные силы мятежников, стоявшие в числе 90 000 человек между Минском и Прагою. Ими предводительствовал князь Радзивилл. Поляки хотели остановить русскую армию и упорно оспаривали каждый шаг ее.

Граф Дибич непрерывным рядом битв отеснил их к Висле. Они сосредоточились на виду у Варшавы при селении Грохове и вступили в решительный бой. Силы обеих сторон были почти равные; в искусстве воинском одна армия не уступала другой. Поляки имели за собою все выгоды местные и дрались с мужеством отчаяния. Сражение было упорное и кровопролитное. Русская храбрость, наконец, восторжествовала над всеми усилиями противников. Разбитые мятежники в величайшем беспорядке бросились за Вислу, потеряв до 12 000 человек убитыми и ранеными; в числе последних находился и Хлопицкий.

Варшава, доселе не сомневавшаяся в победе, с неопи- санным ужасом встретила разбитое войско свое. Масса народа готова была молить победителя о пощаде; сенаторы и депутаты сейма спешили скрыться; многие думали бежать за границу; Немцевич удалился в Краков; князь Радзивилл сложил с себя звание главнокомандующего. Для доверше-

ния удара оставалось овладеть едва защищаемыми укреплениями Праги, чтобы угрозой разгромить гнездо мятежа, как сделал Суворов, принудить Варшаву, а вместе с нею и всю Польшу пасть к стопам российского императора. Так думал и начальник штаба граф Толь. Главнокомандующий остановил победоносное войско в ту минуту, когда оно готово было на плечах бегущего неприятеля ворваться в укрепления Праги, в самую Варшаву, и несколько дней провел в бездействии на полях Гроховских; впоследствии отступил к Минску, чтобы, дождавшись вскрытия Вислы, перейти на левую сторону ее и оттуда взять Варшаву. Мятежники опомнились от страха, даже себе приписали победу; снова взялись за оружие и, провозгласив вождем своим полковника Скржинецкого с титулом генералиссимуса, отправили сильные отряды на берега Вепржа и Нарева, для развлечения сил русского фельдмаршала.

Граф Дибич ждал вскрытия Вислы более месяца. Как только она освободилась от льда, армия двинулась из своих квартир к местам, назначенным для переправы. В то самое время Скржинецкий всеми силами напал на корпус барона Розена, оставленный для наблюдения Праги, опрокинул его к Седлецу и тем расстроил весь план фельдмаршала: переправа отложена до другого времени. Появление же мятежных скопищ в Литве и Волыни, затруднив продовольствие армии, принудило русского полководца приблизить ее к границам империи. Он расположился в окрестностях Седлеца, удрученный истреблением отдельных отрядов Дверницкого, Серавского, Скаржинского, Уминского, выжидая благоприятного случая вновь напасть на главное войско мятежников. Так протекло еще более месяца, когда Скржинецкий, искусно скрыв план своих действий, внезапно обратился к северу и в начале мая бросился со всею армией на гвардейский корпус, стоявший между Бугом и Наревом в намерении истребить его по частям. Великий князь Михаил Павлович успел заблаговременно сосредоточить гвардейские полки при местечке Замброве, мужественно отбил все усилия несравненно многочисленнейшего неприятеля, и в стройном порядке отступил к Тыкочину и Желткам.

При первом известии о появлении главных сил мятежников между Бугом и Наревом граф Дибич немедленно выступил из Седлеца, соединился с гвардией и быстро по-

гнался за Скржинецким, который, избегая решительного боя, поспешно отступал к Остроленке. Здесь настиг его фельдмаршал и принудил к битве. Она была столь же упорна и кровопролитна, как и при Грохове.

Поляки не могли удержаться в Остроленке, перебрались через Нарев и, сосредоточившись на правом берегу его, с невероятными усилиями защищали мост, чтобы остановить грозное стремление русской армии. Но, поражаемые жестоким огнем батарей, устроенных графом Толем, они вскоре покрыли своими трупами правый берег Нарева. Русские полки, один за другим, с обычным мужеством перешли через полуразрушенный мост и штыками довершили поражение неприятеля. Он обратился в бегство по направлению к Варшаве, потеряв до 10 000 убитыми и пленными.

Граф Дибич не успел пожать плодов своей победы. Через две недели, сраженный холерой, он закончил свою деятельность близ Пултуска. Усмирение Польши государь император поручил тому, на кого с полным доверием и несомненною надеждою успеха обращала взоры вся Россия, графу Паскевичу-Эриванскому. Он сокрушил гидру мятежа одним ударом.

Утомленные невероятно трудной борьбой в стране неприятельской, кровавыми битвами без решительных последствий, в особенности недостатком продовольствия, русские войска радостно приветствовали нового вождя-героя и в самое короткое время, обеспеченные распоряжениями его в средствах продовольствия, бодро двинулись вперед для покорения Варшавы, составлявшей около пяти месяцев главную цель всех усилий их. Мятежники предугадывали грозу, но не знали, откуда последует удар. Направление русской армии от Пултуска к Плоцку удостоверило их, что здесь намеревалась она перейти Вислу. Скржинецкий поспешил стянуть свои войска на берега Вкры в намерении напасть на русских во время переправы; однако обманулся. Необыкновенно смелым и искусным движением из Плоцка вниз по Висле граф Паскевич уклонился от бесполезного кровопролития и переправился через Вислу близ прусской границы, при местечке Осеке. Отсюда он быстро пошел левым берегом вверх, прямо на Варшаву, опрокидывая неприятельские отряды, заслонявшие путь ему.

Тщетно Скржинецкий, собрав все свои силы, старался остановить его на берегах Бзуры, при Сохачеве: фельдмаршал искусным движением на Лович обошел крепкую позицию неприятеля и оттеснил его к Варшаве. Мятежный сейм, подстрекаемый буйными демагогами, обвинил Скржинецкого в недеятельности, даже в измене и назначил на его место Дембинского; а главою так называемого народного правления провозгласил генерала Крюковецкого, с властью диктаторскою, подчинив ему и нового главнокомандующего. Этот переворот совершился среди страшного смятения черни, которая с неистовством растерзала многих невинных людей, подозреваемых в измене, в том числе несколько женщин и детей. В исступлении злобы и отчаяния главные руководители мятежа призвали всех жителей к оружию и возвестили, что Варшава будет второй Сарагосой. Они имели в виду продолжительною и упорною обороною выиграть время и склонить к содействию некоторые иностранные кабинеты, благоприятствовавшие Польше. В самом деле, Варшава могла выдержать долговременную осаду и изнурить осаждающих. Она защищалась тройным рядом укреплений, воздвигнутых впереди предместий и унизанных орудиями крепостного размера, множеством волчьих ям, высоким валом, глубокими рвами с палисадами и отчаянным мужеством многочисленного войска. В самом городе, на улицах устроены были баррикады, палисады, рвы и мины. Народ готовился защищать каждый дом. Вожди его так были уверены в своих средствах к обороне, что сочли возможным из 60 000 войска, собранного в Варшаве, отделить на правый берег Вислы 20 000 отряд под начальством Ромарино для уничтожения корпуса барона Розена, шедшего на Прагу. Оглушительный удар рассеял их мечты.

Подступив к Варшаве 24 августа с 73 000 войска при 390 орудиях, граф Паскевич отправил к мятежникам последнее милостивое воззвание государя императора о добровольной покорности. Они отвечали по-прежнему, дерзко и надменно, объявляя, что взялись за оружие для приобретения национальной независимости в тех пределах, которые некогда отделяли Польшу от России. Фельдмаршал, при тогдашних обстоятельствах дорожа каждым часом,

дал повеление готовиться к штурму. Ночью на 25 августа войска стали на своих местах, и едва занялась заря, загремела непрерывная канонада из 200 орудий. Убийственный огонь продолжался целые два часа; артиллерия действовала на картечный, даже на ружейный выстрел от редутов. Как только неприятельский огонь стал ослабевать, штурмовые колонны бодро и стройно двинулись на приступ; впереди шли охотники из гвардейских полков с песнями. Поляки оборонялись с неимоверным ожесточением, в особенности в главном пункте, наиболее укрепленном и служившем оплотом для Варшавы, в селении Воле. Усилия их были тщетны. Русские овладели Волею и первою линией укреплений. На другой день, в годовщину Бородинской битвы, предполагено штурмовать остальные редуты и городской вал.

Устрашенный сейм уполномочил Крюковецкого вступить в переговоры с графом Паскевичем о возвращении польской нации в подданство российскому государю. Крюковецкий явился в русский лагерь, но с такими надменными требованиями, что фельдмаршал счел бесполезным входить с ним в дальнейшие переговоры и только по усиленной просьбе его согласился дать сейму три часа на размышление, снова повторив, что одна безусловная покорность Польши законному государю может спасти Варшаву от всех ужасов штурма. Срок миновал. Не получив удовлетворительного ответа, главнокомандующий послал в Варшаву ротмистра князя Суворова известить, что приступ начинается, и через полчаса открылся огонь со всех батарей. Мятежники, со своей стороны, отвечали общей канонадой с отдельных укреплений и городского вала. Жестокое сражение продолжалось от полудня до полуночи. Сам граф получил сильную контузию ядром в левую руку. Ожесточенное войско ниспровергло все преграды. Около полуночи, под заревом пожара, охватившего предместья, среди разрушительного огня орудий русские штыки засверкали на городском валу. Мятежники были сбиты; победоносное воинство готовилось ворваться в беззащитную Варшаву. Главнокомандующий остановил его: поляки молили о пощаде, предавая себя безусловно великодушному государю. Армия их, по назначению фельдмаршала, отправилась к Плоцку с обязательством ожидать там бесспорно решения своей участи. Вслед за тем императорская гвардия

с торжеством вступила в Варшаву. Дело тем, однако, не кончилось.

Польские войска на пути к Плоцку, подстрекаемые членами бывшего революционного правительства, снова возмутились, избрали предводителем своим Рыбинского и, сосредоточившись в окрестностях Модлина, изъявили неприязненные намерения. Ромарино со своим корпусом отказался положить оружие. Фельдмаршал поспешил выступить против главных сил мятежников, окружил их с трех сторон и загнал в Пруссию, где они в числе 20 000 человек сложили оружие; Ромарино же с 15 000 человек ушел в австрийские владения.

Мятеж в Польше прекратился. Следствия его были ужасны. Страна, дотоле спокойная, цветущая и богатая, внезапно увидела себя жертвою тех самых зол, которые прежде терзали недра ее в течение многих веков. Целых 8 месяцев она представляла кровавое позорище войны, пожаров, опустошений. Правый берег Вислы, главный театр военных действий, облит был кровью, засыпан пеплом городов и сел. Жители левого берега были разорены налогами и всякого рода поборами. Среди бранных тревог иссякли все источники народной промышленности, которая незадолго пред тем развивалась так деятельно и прекрасно. Рушилось все, что доселе обогащало народ; самые средства продовольствия истощились. Мало того: вместе с мятежом свирепствовала губительная зараза. Перст Божий, видимо, тяготел над преступным народом.

Соболезнуя бедствиям Польши, государь император немедленно по окончании мятежа принял самые решительные меры как для исцеления ран злосчастной страны, нанесенных ее собственным оружием, так и для отвращения подобного зла на будущее время. Прежде всего он успокоил умы и совесть виновного народа, даровав великодушное прощение всем лицам заблудшимся, вовлеченным в мятеж угрозами или обольщениями. Строгость закона осталась во всей силе только для главных преступников, для зачинщиков и руководителей бунта, и для упорных в зломыслии, не воспользовавшихся милостью государя до минования определенного срока. Вслед за тем Высочайшею грамотою 14 февраля 1832 года установлен в царстве польском новый порядок, долженству-

ющий оградить от всяких покушений как спокойствие Польши, так и неразрывное соединение ее с Россией. Жителям царства предоставлены все выгоды, необходимые для счастья каждого из них и для благоденствия края: обеспечена свобода вероисповедания, личная безопасность, неотъемлемая собственность; открыты все пути для промышленности и образования; даровано особое, сообразное с местными потребностями и навыками жителей устройство суда и финансов; учреждены собрания дворянства, собрания городских и сельских обществ, советы воеводств с совещательным голосом; сохранен язык народный во всех делах общественных. Вместе с тем установлено правительство твердое и бдительное, которое имеет все средства предупредить и уничтожить покушения людей зломыслящих. Главное управление сосредоточено в совете, составленном, под председательством царского наместника, из директоров комиссий, заведывающих делами внутренними, духовными, народным просвещением, юстицией, финансами, и из других лиц, высочайшею властью назначаемых. Рассмотрение новых законов, годовой сметы доходов и расходов, отчетов и выбор средств к лучшему устройству края вверено государственному Совету царства польского, в котором, под председательством наместника, присутствуют, кроме директоров комиссий, государственные советники и другие особы по высочайшему назначению. Управление областями поручено комиссиям воеводств, обязанным в точности исполнять предписания главных правительственных комиссий; городами управляют на том же основании избираемые городским обществом начальства. Назначение судей первых двух инстанций предоставлено советам воеводств; судьи высших инстанций определяются верховною властью. Польская армия в отдельном составе, как было прежде, не существует и сливается в одно целое с российской. В общих расходах империи участвует и царство Польское, соразмерно со своими средствами. Русским подданным, поселившимся в царстве Польском, предоставлены все права коренных жителей, которые, в свою очередь, пользуются тем же преимуществом, если водворятся в России. Обнародование мыслей посредством книгопечатания подвержено ограничениям, необходимым для сохранения должного уважения к вере,

неприкосновенности прав верховной власти, чистоты нравов и личной чести.

Обеспечив таким образом мир и тишину народа польского, государь император вверил исполнение своих предначертаний тому, кто с равным искусством умеет водить войска к победам и водворять благоденствие среди побеждаемых им народов. Князь Варшавский, облеченный саном наместника в царстве польском, с изумительным успехом в короткое время исцелил глубокие язвы мятежа и возвел царство на высокую степень благосостояния. Промышленность расцвела по-прежнему; довольство и богатство возвратились. Залогом же будущего счастья Польши служит воспитание нового поколения, которое, по всей вероятности, будет благоразумнее старого.

VII. ХОЛЕРА (1830—1831)

Польский мятеж встревожил Россию в тяжкое для нее время, в минуты общей скорби народной.

Еще в 1817 году обнаружались в Астрахани признаки повальной, дотоле неизвестной нам болезни, которая тогда с неимоверной лютостью свирепствовала в Индии: то была холера, столь же губительная, как и чума. Похитив несколько сот жертв в низовьях Волги, она проникла далее внутрь России и исчезла; но лет через двенадцать появилась на Оренбургской линии, а в 1830 году за Кавказом, на берегах Куры, в Сальянах; оттуда в июне быстро распространилась по Дагестану и Грузии, опустошая города и села; в то же время в сильнейшей степени возобновилась в Оренбурге. Из-за Кавказа она перекинулась в Кизляр и Астрахань. Правительство не замедлило принять решительные меры к пресечению зла в самом начале; но ни строгие карантинные меры, ни усилия врачей не могли спасти империю от бедствия.

С берегов Каспийского моря болезнь стремительно распространялась по России в двух главных направлениях: с одной стороны, из Астрахани вверх по Волге, через Саратов, Симбирск, Казань, Нижний Новгород, до Ярославля; с другой стороны, по Тереку и Кубани, в землю донских казаков, в Новороссийский край, Подолию и Бессарабию.

Свирепствуя в полуденном и восточном краю, холера быстро продвигалась к сердцу России, к Москве. Там своевременно приняты были все меры предосторожности как для спасения столицы от заразы, так и для ослабления действий ее, если бы она появилась: учрежден воинский кордон из 6 эскадронов 4-й гусарской дивизии по юго-восточной границе Московской губернии; на всех путях из опасных мест сняты мосты и уничтожены переправы; для сообщения со смежными губерниями назначены были только четыре пункта: в Серпухове, Коломне, Богородске и Сергиевском посаде приезжающие в Москву обязаны были выдерживать 14-дневный карантинный срок на наблюдационных заставах; здесь же останавливались почты и эстафеты из Замосковных губерний, передавая корреспонденцию, после окурения ее, другим лицам, для дальнейшего отправления. В Москве учредился совет под председательством военного генерал-губернатора князя Голицына; каждый член совета принял на себя попечение и надзор над определенной частью города и немедленно, по первому извещению частного пристава о сомнительно больных, должен был отправиться сам, или посылать своего помощника с медиком для освидетельствования болезни. Из врачей составлен был медицинский совет, который собирался ежедневно для принятия действенных мер против заразы. В каждой из 20 частей города положено учредить по одной больнице от 20 до 50 кроватей.

Знойное лето 1830 года миновало благополучно, никогда здоровье древней столицы, судя по числу умиравших, не было так благоприятно, как в начале осени. В половине сентября роковая весть поразила Москву: в стенах ее обнаружилась холера. Невыразим был ужас народа. Знали, что болезнь не щадила людей самого крепкого здоровья, что поражаемые ею умирали через несколько часов в нестерпимых муках, и что самые тщательные изыскания не могли открыть, каким образом она распространялась; между тем холера шла полосой, со всеми признаками эпидемической или повальной болезни: иногда перекидывалась и через огромные пространства, невзирая на все карантинные предосторожности. Не оставалось никакого сомнения, что в самом воздухе был яд смертоносный, и тем безнадежнее казалась жизнь в местах зараженных. В Москве ожидали страшных несчастий. Жители заперлись в домах и с трепе-

том смотрели в будущее. Кто мог и имел средства, спешили удалиться.

По первому донесению о бедствии, постигшем первопрестольный град России, государь император 24 сентября писал к московскому генерал-губернатору: «С сердечным соболезнованием получил я ваше печальное известие. Уведомляйте меня с эстафетами о ходе болезни. От ваших известий будет зависеть мой отъезд. Я приеду делить с вами опасности и труды. Преданность в волю Божию!» Едва успел получить князь Голицын этот рескрипт, радостная, с тем вместе невероятная молва разнеслась с быстротой молнии: «Государь в Москве!» Многие видели, как утром 29 сентября (день незабвенный для России!) при въезде в Кремль он остановился у Иверских ворот и прикладывался к образу Богоматери. Народ не верил глазам своим, окружил государя и громко молился о Его здравии. «Отец наш, — кричали со всех сторон, — мы знали, что Ты будешь. Где беда, там и Ты!»

Вскоре императорский флаг взвился над дворцом, раздался обычный благовест на соборах, несметные толпы наполнили Кремль в трепетном ожидании и с умилением увидели общего Отца, шествующего из царских чертогов в большой Успенский собор для моления Всевышнего о спасении детей Его. При входе в храм митрополит Московский *Филарет*¹ сказал ему: «Со крестом слетаем Тебя, Государь! Да идет с Тобой воскресение и жизнь!»

Успокоенная присутствием императора, Москва воспряла духом и, с упованием на благодать Провидения, с безусловным доверием к правительству, покорилась всем мерам, какие признаны необходимыми, для прекращения заразы. В этой покорности, в этой доверии многие обрели «воскресение и жизнь». Присутствие государя имело и другое благодетельное следствие: во всех сословиях обнаружилось живейшее стремление к добру, соревнование на помощь страждущему человечеству. Больницы, предназначенные для зараженных, временные богадельни для призрения бедного класса, наиболее подверженного эпидемии, возникли и устроились в самое короткое время, как будто волшебством. Владельцы охотно уступали свои дома под лазареты (в числе их нельзя не упомянуть Пашкова, который не пожалел для этой цели своего великолепного дома); люди богатые и небогатые

жертвовали деньгами, вещами; сыновья вельмож искали чести быть помощниками попечителей и разделяли их многотрудные обязанности; студенты университетские и академические напрашивались в больницы служить и помогать зараженным.

Государь император пробыл в Москве более недели и, успокоив умы, учредив все необходимое к прекращению заразы, отправился в С.-Петербург к нетерпеливо ожидавшему его семейству. На пути в столицу он остановился в Твери, где находился кордон для охраны северной России от заразы и провел там определенный карантинными правилами срок, в пример безусловного и точного исполнения отечественных законов.

При спасительных мерах правительства, всегда благословляемых Всевышним, зараза к концу осени стала заметно ослабевать и не произвела в Москве той смертности, которой опасались сначала, судя по жестокости ее действия в других местах. В Астрахани погибла десятая часть народонаселения, в Москве шестидесятая.

Весной 1831 года холера обнаружилась в западных губерниях: в половине мая началась в Риге, в то же время снова в городах Приволжских, откуда проникла в глубокий север Белого моря. С особенным ожесточением свирепствовала она в мятежной Польше.

Северная столица России, охраняемая с самого начала весны бдительными кордонами, на всех пунктах сообщений, водных и сухопутных, с окрестными губерниями до половины июня не теряла надежды на избавление от всеобщего бедствия. Уже на всем пространстве империи свирепствовала болезнь: Петербург оставался ей недоступен. Наконец и он испытал общую участь. Первые признаки холеры обнаружались на сойме, прибывшей из Вытегры, 14 июня. В две недели болезнь развилась быстро и достигла жестокой степени, заражая ежедневно своим смертоносным ядом от 300 до 500 человек; из них более половины умирало. Для спасения народа заблаговременно приняты правительством те же меры, которые оказали столь благотворное действие в Москве: утвержден центральный комитет из высших государственных сановников, облеченных доверием государя; назначены в каждую часть города попечители и опытные медики; открыты больницы и времен-

ные дома для пособия пищей и одеждой бедному классу; обнаружены проверенные опытом правила о предохранении от заразы. Попечители и врачи с примерным усердием исполняли свои трудные обязанности.

Но между тем как зараза достигла высшей степени силы, нашлись люди неблагонамеренные или легкомысленные, которые успели внушить простому народу, рабочему классу, что не болезнь, а отравка губит людей, что польские мятежники, тайно скрываясь в столице, сыпят в хлеб и воду яд, что врачи в заговоре с полицией, насильно сажают здоровых людей в больницы и напрасно их мучают. Легковерные и нерассудительные поверили этим нелепым слухам, покинули свои работы, толпились на улицах и площадях, останавливали, обыскивали и обижали прохожих, подозревая в них отравителей; наконец в неразумии своем вздумали освобождать больных, будто бы насильно заключенных в больницы, ворвались в два временных лазарета, перебили окна, извлекли страждущих и произвели столь великие беспорядки, что даже несколько человек лишились жизни. Полиция не в силах была унять буйства черни; сборища ее толпились на Сенной площади, большой Садовой улице, в Ямской и в Каретной части. Медики не смели показаться ей на глаза; полицейские офицеры также. Люди благомыслящие были в страхе. В гостинном дворе опасались грабежей, и многие торговцы заперли свои лавки. Для охраны домов и для восстановления порядка призваны были воинские команды и расставлены патрули на местах, где наиболее толпился народ. Волнение не укрощалось, меры предосторожности были отвергнуты; чернь предавалась пьянству.

В то время государь император находился в обыкновенном летнем местопребывании своем, в Петергофе. Глубоко огорченный неожиданным известием кончины цесаревича Великого Князя Константина Павловича, скончавшегося в Витебске от холеры, после нескольких часов страданий, государь, узнав о происходящем в столице, утром 23 июня явился в дорожном экипаже, сопровождаемый генерал-адъютантом князем Меншиковым, на Сенной площади, усеянной народом, и остановился перед церковью св. Спаса. Толпы окружили его со всех сторон. Гневно взглянул он на ослепленных, в нескольких словах изобразил всю тяжесть их поступка и велел толпам преклонить колени перед

храмом Божиим, чтобы умолять Всемогущего о прощении. Народ опомнился мгновенно, пал ниц с крестным знаменем, с раскаянием в душе и, после удаления государя, возвратился к своим работам, стыдясь прежнего заблуждения. То же магическое действие произвело появление императора в Ямской, в Каретной части. Через день государь, посетив места прежних беспорядков, с удовольствием заметил, что нигде нет никаких скопищ и все занимаются своим делом. В то же время он призвал к себе градского главу и повелел немедленно устроить во всех частях города холерные больницы, каждую на 100 кроватей, для чего пожаловал 130000 руб. ассигн. из государственного казначейства. Через несколько дней после того холера начала постепенно ослабевать, и, хотя совершенно прекратилась не прежде первых чисел ноября, уже к концу августа насчитывалось немного жертв. И радостная весть о покорении Варшавы получена в минуты общей надежды на благодать Всевышнего.

VIII. УСМИРЕНИЕ ВЕНГЕРСКОГО МЯТЕЖА (1849)

После прекращения польского мятежа Россия восемнадцать лет наслаждалась спокойствием; только на Кавказе раздавался гром оружия. С начала 1848 года начались народные восстания в Западной Европе. Сигнал подавала Франция.

Июльская революция 1830 года, имевшая главным двигателем среднее сословие, положила прочное основание распространению тех ложных идей и систем, которые до нее не имели полного развития. Стремление умов, взволнованных восторженными воззваниями людей, надеявшихся более на осуществление личных интересов, нежели на достижение пользы общественной, стало очевидно клониться к уничтожению прав состояния и наследства, к общности должностей и капиталов, к свободе действий, не ограниченных законом, одним словом, к полному низвержению естественного порядка вещей, без которого невозможно истинное благосостояние государства. Правление *Луи-Филиппа*³² не могло вполне удовлетворить требованиям и надеждам так называемых социалистов. Короля окружали лица, нелегко изменявшие свои первоначальные убе-

ждения. Сверх того, были и другие причины всеобщего недовольствия: недоимка бюджета достигала в последнее время 560 миллионов франков; государственный долг превысил 400 млн; земледелие не было поощряемо, промышленность приходила в упадок, низший класс народа прозябал в бедности и невежестве. Заседания министерства, палаты пэров и палаты депутатов день ото дня становились шумнее и тревожнее; они часто прерывались грозными обвинениями, из которых многие не были лишены справедливости. Так, восставали против членов министерства Одилон Барро, Ледрю-Роллен, Ламартин, Карно, Ашиль-Фульд. Тщетно президент палаты пэров Гизо и сочлены его Тьер, Гебер и другие опровергали взысканные на них нарекания: оппозиция быстро усиливалась. Несмотря на ее успехи, Гизо объявил, что будет следовать прежней системе. Тогда признана была необходимость перемены министерства, в особенности по случаю ухода многих из его членов. Предположения об этой перемене поручены были королем графу Моле. Но нерешительные меры не имели уже веса. 11-го февраля 1848 года члены оппозиции формально предложили палате депутатов отдать министерство под суд, обвиняя его в измене чести и выгодам Франции, в искажении правил уложения, в нарушении залогов свободы и прав граждан, в продаже публичных должностей и всех принадлежностей и преимуществ власти, в расстройстве финансов государства и, наконец, в нарушении хартии, дарованной французам предшествовавшими законами. В то же самое время восстание обнаружилось в народе; национальная гвардия отказалась выйти под ружье. Ночью раздался звон набатного колокола, воздвигли баррикады, произошли убийства. Неистовые толпы с пылающими факелами рассеялись по городу и с мятежными кликами распространили повсюду ужас и опустошение. Утро 12-го февраля озарило революцию в полном разгаре. При первом известии о мятеже Людовик-Филипп увидел всю безнадёжность своего положения и в этот же день сложил отречение от престола. Составилось временное правительство из Дюнона, Араго, Ламартина, Ледрю-Роллена, Гарнье-Пажеса и других виновников революции. Подобное же возмущение вспыхнуло в Амьене, Лилле, Валансьенне, Руане, Гавре. Король со всем семейством удалился в Англию, и Франция объявила себя республикой.

Революция, принявшая такие огромные размеры во Франции, в короткое время распространилась по всей Западной Европе с гибельной быстротой: в начале марта беспоконья обнаружались в Гамбурге, Берлине, Стокгольме, Парме и потребовали вмешательства вооруженных войск; многие поплатились жизнью за минутные порывы безрассудного увлечения. Вследствие волнений в Мюнхене король Баварский отказался от короны в пользу сына своего, Максимилиана II. Возмущения проникли в Милан и Венецию, которые, после упорного пятидневного сопротивления, были оставлены австрийскими войсками под начальством фельдмаршала Радецкого. Шлезвиг-Голштейн отделился от Дании, учредив временное правительство. В Палермо был открыт с торжеством парламент. Сардиния подала помощь возмущившимся Ломбардо-Венецианским городам против Австрии. Беспоконья обнаружались в Познани; народ взялся за оружие и не прежде, как через месяц, мятежные поляки были изгнаны генералом Коломбо. В начале апреля открылся мятеж на берегах Рейна, преимущественно в Бадене: генерал Гагерн был злодейски убит, и нассауские войска только кровопролитным штурмом усмирили город Фрейбург. 14-го апреля произошел жестокий бой между краковскими мятежниками и австрийскими войсками, которые с трудом восстановили спокойствие. В то же время вспыхнул мятеж в Риме; вслед за тем в Мадриде и Неаполе. В начале июля открылся кровавый бунт в Праге, едва усмирной бомбардированием. Июльское восстание в Париже, только после четырех дней страшного кровопролития усмирное генералом *Кавеньяком*³³, еще более увлекло революционные умы к забвению закона и побудило мятежников к новым неистовствам.

Таким образом в короткое время западные европейские государства увидели себя поколебленными в самых основных началах своего существования: прежние понятия о законе, праве, свободе и собственности разрушались с невыразимой быстротой; плоды десятков лет исчезали в несколько мгновений; все стремилось к какой-то безотчетной цели, без сознания и системы, уничтожая все на пути своем и не создавая ничего нового.

Подобное революционное настроение умов взволновало и ближайшие к России западные государства. Австрия

соединяла под одной державой разноплеменные страны, постоянно стремившиеся к независимости: Венгрию, Трансильванию, Ломбардо-Венецианское королевство, Хорватию, Боснию и другие владения. Более всего идеи возмущения нашли отголосок в Венгрии. По поводу местных споров и притязаний возникли неудовольствия между венграми и хорватами. Представителем интересов первых был граф *Батьяни*, главный министр венгерский; права вторых защищал бан *Елачич*³⁴, подкрепляемый многочисленными императорскими войсками. Австрийское правительство утвердило справедливые предложения хорватов, но венгры, счастливые, что нашли предлог к восстанию, открыто возмутились. Действия между теми и другими войсками ограничились стычками, ознаменованными мудрой распорядительностью и личной храбростью хорватского бана. В конце сентября вспыхнул бунт в самой Вене: граф Латур, военный министр, был предательски убит; составилось национальное собрание. Венгры, преследуемые баном Елачичем, занявшим Пешт и Пресбург, решились подать помощь своим единомышленникам и двинулись к столице Австрии. Вена находилась в самом бедственном положении: внутри ее господствовало безначалие; австрийские войска, не превышавшие 15 тыс. человек, принуждены были оставить город; надежда на помощь и скорое прибытие бана не осуществлялась. Венгерский сейм, под председательством Кошута, бывшего журналиста и редактора мелких газет, поручил генералу Могу с 40 тыс. человек преследовать Елачича, спешившего с 35 тыс. солдат на освобождение Вены. Около месяца продолжались беспорядки, грабежи и убийства. Оба войска достигли наконец Вены. Главное начальство над императорскими войсками принял князь *Виндишгрец*³⁵, содействуемый мужественным баном. 16 октября произошло кровопролитное сражение, и предместья Вены были взяты приступом. Два дня спустя город сдался на капитуляцию на условиях, предложенных фельдмаршалом. Венгерские войска, хотя и приблизились к Вене, но, встреченные армией бана Елачича, были разбиты наголову и оттеснены на правый берег Дуная к мадьярской границе. В скором времени австрийский император Фердинанд V отказался в Ольмюце от престола, объявив императором племянника своего Франца-Иосифа.

Блистательный подвиг императорских войск произвел самое благоприятное впечатление на приверженцев порядка; но надлежало опасаться уже не лишения одного города, а отпадения многих возмущившихся провинций. Мятежные венгры успели между тем значительно усилиться и открыто восстали против правительства; сочувствие, находимое ими в революционных умах, возвысило их дух и дало им огромные средства к дерзкому сопротивлению силе закона. Необходимы были деятельные меры к прекращению распространявшейся анархии: дано было повеление вступить австрийским войскам в границы Венгрии, и начальство над ними поручено князю Виндишгрецу. Австрийская армия, перед открытием кампании, состояла, кроме войска, находившегося постоянно в Венгрии, из двух пехотных корпусов, заключавших в себе до 42000 человек и 110 орудий, и резерва, в котором находилось до 15000 человек и 108 орудий. Наступательное движение в Венгрию ограничилось небольшими стычками с передовыми отрядами инсургентов. Австрийцы заняли Пресбург. Смелые действия Симонича и графа Шлика заставили неприятеля отступить с большой поспешностью. Фельдмаршал предпринял попытку овладеть городом Раабом, где стоял сильный корпус венгров. Этот корпус, под начальством Гергея, сына бывшего адвоката, стремился соединиться с не менее сильным отрядом Перчеля. Движение князя Виндишгреца было исполнено удачно, хотя и дозволило *Гергею*³⁶ совершить свое отступление к Офену почти без малейшего препятствия. 15 декабря депутация Рааба поднесла фельдмаршалу ключи города. Почти в то же самое время неприятель, отступивший к с. Мор, был разбит баном Елачичем. Крепость Коморн, не сдававшаяся австрийцам, подверглась блокаде, равно как и крепость Леопольдштадт, осаждаемая Симоничем. 23 декабря три австрийских корпуса стали перед Офеном: мятежники сдали его без боя, покинув сделанные ими к войне приготовления и множество оружия. Кроме того, граф Шлик нанес поражение корпусу Месароша при городе Кашау. Таким образом в весьма короткий срок вся северная часть Венгрии была очищена от неприятеля.

Быстрые успехи австрийской армии, завладение столицы Венгрии и поспешное отступление неприятеля вниз по Дунаю дали князю Виндишгрецу повод думать, что восстание уничтожено в самом начале. Но вскоре новые бес-

порядки доказали всю неосновательность его предположений. Быстрое отступление мятежных войск вовсе не служило признаком их слабости: они лишь направлялись к главному центру своих действий, который укрывался за рекой Тиссой; там были заготовлены все средства к обороне, там председательствовал венгерский сейм, учреждались депо для обучения набранных рекрутов, выделялись ассигнации. Граф Шлик, получив известие о занятии Пешта князем Виндишгрецом, решился напасть на корпус *Дембинского*³⁷, стоявший близ Токая; но неприятель после упорной борьбы удержался на своей позиции, и граф Шлик принужден был отступить. Фельдмаршал отправил к последнему сильное подкрепление, и только отчаянная храбрость войск принудила инсургентов снова удалиться за реку Тиссу. Между тем Гергей стремился восстановить сообщение с Коморном, осажденным австрийскими войсками; его корпус был преследуем генералом Чорихом, разбившим мятежников при Шемнице. Это поражение могло бы иметь весьма важные результаты, но австрийские военачальники не воспользовались выгодами своей победы. Гергей, узнав о неблагоприятном положении *Дембинского*, быстро пошел к нему на помощь, разбил на дороге несколько отрядов, пытавшихся его удержать, и соединился со своими единомышленниками. Венгерская армия возросла до 50000 человек со 150 орудиями. 14 января произошло сражение при Капольне; неприятель потерял важнейшие из занятых им пунктов. Впрочем, и эта победа не доставила австрийцам счастливых последствий; силы их были слишком незначительны для настойчивого преследования неприятеля. Поэтому фельдмаршал возвратился в Офен, но расположил свои войска на слишком растянутой позиции. Хотя крепости Леопольдштадт, Эсег и Вершец сдались австрийцам, осада Коморна оставалась безуспешной. Симонич принял распоряжение над блокадным корпусом и начал деятельную осаду крепости, защищаемую Месселеном и графом Эстергази. Нерешительность действий и раздробленность сил австрийских генералов имели самое вредное влияние на прекращение мятежа.

С самого начала венгерского восстания революционные идеи нашли себе дружный отголосок в Трансильвании. Секлеры и другие племена, несмотря на различие ве-

роисповедания, последовали примеру мадьяр и подняли знамя возмущения. Предводителем их был польский выходец *Иосиф Бем*³⁸, человек энергичный и деятельный, но зараженный ложными убеждениями своего века. Малочисленность отряда фельдмаршал-лейтенанта Пухнера, оставленного в Трансильвании, не давала возможности к успешному сопротивлению инсургентам до тех пор, пока предприимчивость полковника Урбана не заставила Бема разделить свои силы. Австрийцы, взяв город Клаузенбург, принуждены были, однако, вскоре его покинуть, для соединения с раздробленными отрядами. Эта разъединенность сил дала Бему возможность воспользоваться выгодами своего положения: в 8 дней он успел завладеть всей северной частью Трансильвании.

В южной Венгрии (Банате), несмотря на то что фельдмаршал-лейтенант Рукавина нашел сильное подкрепление в преданных императору войсках и во всем сербском народонаселении, возмущение не прекращалось: вследствие происков эмиссаров Кошута крепость Петервардейн попала во власть мятежников. В Банате собралось до 40000 инсургентов под предводительством Казимира Баттиани, Феттера и Мариасси. Старый Арад, находившийся в ведении заслуженного генерала Бергера и имевший не более 500 человек гарнизона и 40 орудий, мужественно отражал осаду и все покушения неприятеля до восстановления сообщений Арада с Темешваром, после победы графа Лейнингена над венграми при с. Миклош. Генерал Гаммерштейн занял отрядами проходы через Карпатские горы для обеспечения вверенной ему Галиции. Успехи австрийцев на юге ограничивались действиями небольших корпусов. Инсургенты, предводимые Бемом, подступили к Германштадту, впереди которого стоял фельдмаршал-лейтенант Пухнер, и напали на его отряд, но, потерпев поражение, принуждены были отступить. Несмотря на это, Бем успел соединиться с возмутившимися секлерами, вошел в переговоры с мятежниками в Трансильвании и прекратил сообщения австрийского корпуса с главной императорской армией. Секлеры, в свой черед, перейдя границу Секлерлянда, решились овладеть Кронштадтом и затем напасть на Германштадт.

В это время в северной Венгрии Гергей, Дембинский и Клапка соединились против главных сил князя Виндиш-

греца, оттеснили графа Шлика с выгодной позиции и стали направляться в Пешт с целью скрыть свое настоящее движение на Вайцен. Фельдмаршал отступил к Пешту; Бан прикрывал его со славой. Между тем, вследствие неудачных военных операций, на место князя Виндишгреца назначен был фельдмаршалом барон Вельден. Мятежникам удалось осуществить заранее составленный план: они всеми силами напали на слабо защищенный Вайцен, где генерал Гец погиб смертью героя, встретились с Вольгемутом при Коморне и заставили отступить австрийские войска к Пресбургу. В южной армии свирепствовали болезни, господствовал недостаток единства и продовольствия. Начальство над ней вверено было бану Елачичу. Пользуясь отступлением императорских войск, мятежники заняли Офен и умертвили весь гарнизон, предводимый храбрым генералом Генци. Положение австрийцев было самое опасное: лишённые всякой помощи, окруженные со всех сторон врагом, значительно превосходившим их силы, они должны были или бесславно положить перед ним оружие, или погибнуть с честью за исполнение своего долга. Внезапно они получили неожиданное и великодушное подкрепление, совершенно изменившее ход всего дела: то были русские.

С самого начала восстаний в Западной Европе император Всероссийский объявил Высочайшим манифестом о смутах, угрожавших в безумии своем православной России: «Но да не будет так! — говорил русский царь. — По заветному примеру наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем в неразрывном союзе со Святой нашей Русью защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших... С нами Бог! — разумеете языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог!» Вследствие сего твердо принятого решения войска были приведены в боевую готовность с учреждением особых резервов и двинуты к западной границе.

В начале марта 1849 г. австрийское правительство обратилось к государю императору с просьбой о военной помощи против мятежных венгров. Его величество обещал свое содействие на следующих, принятых Австрией, основаниях: 1) образ и мера этой помощи будут определены его величеством; 2) русские войска будут действовать отдельно

от австрийцев. В апреле австрийское правительство, назначив нового главнокомандующего барона Гайнау, снова обратилось к России с просьбой о вводе русского корпуса в Трансильванию. Назначены были общие военные действия: в Галиции, при Дукле, определен был центр русской армии под начальством фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича Эриванского; против Трансильвании должен был действовать генерал *Лидерс*; генерал *Панютин*³⁹ отправиться к Пресбургу для соединения с австрийской армией; генералу Зассу с его отрядом поручено отвлекать венгров от упорного преследования австрийцев. Общее число наших войск, при выступлении в поход, доходило до 190 000 человек и 500 орудий. Мятежники имели до 200 000 и 350 орудий. При таком положении сама столица Австрии могла быть взята венграми. По настоятельным просьбам фельдмаршал, без особого разрешения государя императора, находившегося в то время в Москве, отправил по железной дороге в Вену отряд из 13 тысяч человек пехоты с 48 орудиями, под начальством генерала Панютина. Первая встреча с инсургентами произошла в отряде генерала Засса 4 мая.

На другой день государь прибыл в Варшаву для свидания с императором австрийским. Затем государь император лично довел войска, шедшие через Граб, до рубежа Венгрии, на вершине Карпатов, и оставил при армии Великого князя *Константина Николаевича*⁴⁰. После значительных схваток с венгерскими отрядами, занятия города Кашау нашими войсками и поспешного отступления неприятеля отряд генерала Гротенгельма был атакован в окрестностях Быстрицы Бемом, русские разбили его наголову при м. Альтдорфе.

В то же время в Трансильвании генерал Лидерс выиграл дело при монастыре Предяле и г. Кронштадте и, оттеснив неприятеля за р. Ольту, приступил к усмирению секлеров. Русское оружие везде восстанавливало порядок: претерпевая постоянные поражения, неприятель занял Роттентурмское ущелье с твердым намерением сопротивляться. 7 июля войска наши двинулись в атаку, взобрались на крутые высоты, ворвались в укрепления и, после смертоносного боя, нанесли неприятелю совершенное поражение, взяв у него более 1200 пленных и 8 орудий. Совершив это блистательное дело, генерал Лидерс занял Германштадт и произ-

вел общее наступательное движение по направлению к Сегезвару (Шесбург). Сосредоточенные силы мятежников, под начальством Бема, встретились с нашими войсками близ этого города: бой, упорный и кровопролитный, кончился в нашу пользу: мы взяли множество пленных и оружия, но общая радость была омрачена смертью храброго генерала *Скарятина*⁴¹. Бем двинулся на юго-восток и направился к Германштадту.

Между тем отряд генерала Панютина, прикомандированный, в виде резерва, к австрийским войскам, близ Пресбурга показал блистательную храбрость в делах с мятежниками. Гергей, вознамерившись действовать наступательно против австрийского корпуса, атаковал дивизии Потта и Герцингера; положение их было весьма опасное. Но генерал Панютин, со свойственным ему военным искусством, стремительно напал на неприятельский корпус, разбил его совершенно и отбросил за р. Вааг. Эта победа открыла австрийцам доступ к Раабу, который, после краткого сопротивления, взят был австрийскими войсками, под личным предводительством австрийского императора. Мятежники увидели, что дело принимает весьма невыгодный для них оборот, и решились, избегая генеральных сражений, заставить углубиться нашу армию вглубь края и подвергнуть ее всевозможным лишениям.

Для обеспечения ее продовольствием фельдмаршал двинул свои войска к Токаю. Казаки бросились вплавь через Тиссу, овладели плотами, опрокинули неприятеля, вместе с артиллерией и стрелками, и заняли город. Однако движения нашей армии сделались весьма затруднительными: губительная холера вырывала из рядов храбрых многочисленные жертвы, продовольствие шло медленно, дороги испортились. К войскам посланы были подкрепления с целью как можно скорее положить предел мятежу. В продолжение всего этого времени инсургенты находились в числе 60 тысяч близ Коморна, под начальством Гергея, имея перед собой австрийскую армию.

Желая воспрепятствовать соединению Гергея с отрядом Высоцкого движением через Пешт или Вайцен, главнокомандующий оставил у Коморна генерала Панютина вместе с австрийской армией, а главную часть русской армии расположил по берегу Дуная.

Генерал Панютин снова оказал деятельную помощь австрийским войскам во время сражения их под Коморном с венграми. Рискованное движение генерала Засса, желавшего обеспечить свой авангард от натиска неприятеля, принудило отступить инсургентов к г. Вайцену. Но там они соединились со своими главными силами, напали на наши войска, вчетверо слабейшие, и несколько раз ходили в атаку. В этом деле войска наши явили пример всегдашней своей твердости и не отступили ни на шаг. Великий князь Константин Николаевич находился первый раз в огне; его хладнокровие и веселость среди опасностей живо запечатлелись в сердцах русских воинов. Необъяснимая оплошность австрийского главнокомандующего допустила Гергея избегнуть решительного сражения, вопреки предположению князя Варшавского, имевшего целью поставить неприятеля между двух огней и окончить все дело под Вайценом. Гергей пошел по левому берегу Дуная и, после блистательного для нас дела при с. Тур, отступил к Лосончу. В то самое время, когда главная армия преследовала неприятеля по направлению от Вайцена на восток, отряд генерала Граббе шел навстречу мятежникам в надежде отрезать им отступление. Мятежники двинулись на селение Мишкольц и, после многих невыгодных для них стычек, открыли бой у с. Герембали; но, потерпев поражение, снова укрепились на своей позиции.

Главнокомандующий решился сбить их и для того совершил переправу через бурную Тиссу под неприятельскими выстрелами. Отряд генерала барона Остен-Сакена занял Токай. Неприятель отступил на сильную позицию при Дебречине. 21 июля наши войска, ободряемые личным присутствием великого князя Константина Николаевича, находившегося под неприятельскими выстрелами, дружно атаковали неприятеля; после продолжительного и смертоносного боя сбили его с позиции, отбросили за город и взяли 4 орудия и множество пленных. У нас ранены генералы Куприянов и Моллер. Главный же урон неприятеля состоял в совершенном упадке духа его. После этого сражения мятежники толпами оставляли ряды и расходились по домам.

Неприятель вступил в переговоры с нашей армией; между тем отступил к Араду и расположился у стен города. 1 августа граф *Редигер*⁴² получил предложение Гергея сдать

ся безусловно: «Дальнейшее кровопролитие — писал он, — я признаю бесполезным и для Венгрии пагубным. Я безусловно слагаю оружие перед войсками Его Величества Императора Всероссийского, торжественно объявляя, что скорее подвергну весь мой корпус истреблению в отчаянной битве против сильнейшего противника, чем решусь безусловно сложить оружие пред австрийскими войсками». По принятии главнокомандующим предложения неприятель вышел с изъявлением покорности пред торжествующей русской армией и предался великодушию победителей. Незадолго до этого окончательного успеха генерал Лидерс разбил Бема при Германштадте и отнял у него большую часть артиллерии; поражение было довершено при Мюлленбахе. Бем оставил начальство над войском и бежал за границу. С его удалением отдельные отряды беспрекословно отдавались во власть русских. Победы австрийцев при Сереге и Темешваре и в особенности низложение Гергея благодатно подействовали на умы мятежников: крепости сдавались войскам при первом их появлении, жители и гарнизоны радушно принимали победителей, и спокойствие водворялось в стране, еще недавно обуреваемой всеми бедствиями анархии.

Узнав о поражении врагов, Россия с торжеством праздновала свою новую славу. В восемь недель совершилось усмирение венгерского мятежа: нам сдано до 150 знамен и 400 орудий; перед нами положили оружие более 80 000 мятежников. Русское войско исполнило долг свой и заслужило новую милость царя. «Честь и слава вам, — возвестил государь император в высочайшем манифесте, — честь и слава вашему победоносному вождю! Вы себя, как и всегда, показали достойными прозвания всероссийского победоносного воинства. Благодарю вас всех и каждого: я вами доволен, вами горжусь.» Эти слова были лучшей наградой России за достолавный подвиг.

IX. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО (1826—1855)

Возвеличенная гением Петра, устроенная умом Екатерины и Александра, Россия так быстро развила свои силы, с тем вместе так много испытала перемен внутренних и внешних, что правительство, в непрерывной деятельно-

сти творя и созидая, отменяя и восстанавливая, не успевало учреждать общего согласия в частях и давать своим уставам необходимую полноту и стройность. Отечественные законы не были приведены в правильную систему, столь необходимую для порядка в управлении, для суда беспристрастного, и не все условия общественного благосостояния определялись ими с желаемой точностью; многое требовало лучшего направления; самое воспитание юношества не вполне соответствовало истинной пользе народа. Главную, существенную потребность России сделалось органическое развитие сил ее из собственных начал и в свойственных ей формах образования.

С первых дней по восшествии на престол, устремив все свои мысли и желания к одной цели, к утверждению благоденствия народного, государь император прежде всего обратил особенное внимание на то, что наиболее могло противодействовать этой цели, на плачевное состояние отечественного законодательства.

Положительные, ныне действующие законы наши восходят к половине XVII века; основанием их служит соборное Уложение Царя Алексея Михайловича. Справедливо сказал Карамзин, что «после хартии избрания Михаила Романова на царство оно есть важнейший государственный завет нашего отечества»: им приведены в единство все прежние разнообразны законы. Но, по требованию обстоятельств времени, составленное весьма поспешно, в два с половиною месяца, Уложение в тесных пределах своих заключало только общис, главные начала законодательства и уже для своего времени оказалось неудовлетворительным. Дополнения были неизбежны, и они появились во множестве, под именем новоуказных статей, часто несогласных ни между собою, ни с главным уставом. От того возникли противоречия и недоумения.

Едва протекло полвека со времени издания Уложения, появилась необходимость нового Свода. Для этой цели Петр Великий учредил в 1700 году особую палату или комиссию из бояр и людей думных, поручив им свести соборное Уложение с изданными после него законами. Дело казалось таким легким, что в том же году заготовлен был манифест об издании нового сводного Уложения; но протекло 14 лет, а боярская палата едва успела рассмотреть три

главы; между тем законы с каждым годом накапливались и недоразумения увеличивались. Тщетно повелевал Петр сенату все новоуказные статьи, несогласные с Уложением, отменить, а согласные прибавить; прошло еще несколько лет в разборе тех и других статей без видимого успеха. Встретив неожиданные препятствия в составлении свода отечественных законов, Петр Великий избрал другой путь, труднейший: он вознамерился сочинить новое Уложение, при пособии источников иноземных, преимущественно законов шведских. Уложение было последнею мыслью его: о нем он думал на одре смертном как о венце своих деяний.

Девять царствований следовали одно за другим по кончине Петра Великого. Изменялись и правила внешней политики и начала системы внутреннего правления; но мысль о необходимости Уложения была постоянною, неизменною; все преемники Петра старались исполнить ее, и для лучшего успеха в столь великом деле не раз призывали выборных чинов из всего государства. Так, при Петре II приглашены были депутаты от дворянства; при Елизавете Петровне от дворянства, духовенства и купечества; при Екатерине II от всех сословий, званий, от всех племен и народов, обитающих в России. Комиссии для приведения законов к единству, под разными названиями, продолжались непрерывно, испытывая все средства к достижению цели: одни (при Петре II и Павле I) заботились о Своде отечественных законов; другие (при Анне Иоанновне и Петре III) об Уложении, составленном из русских законов, при пособии источников иноземных; третьи (при Елизавете Петровне, Екатерине II и Александре I) об Уложении, извлеченном из теории Права, сообразном требованию века и духу отечественных уставов. Невзирая на разность начал, все комиссии имели одну цель — привести к единству разнородные законы, установить одно общее правильное Уложение. Так миновало сто лет от кончины Петра Великого. Правительство не щадило ничего; одни издержки на содержание комиссий с 1754 года простирались за полтора миллиона рублей серебром. Плодом всех усилий, трудов и жертвований было несколько проектов, несколько глав, не получивших силы закона.

Между тем, со времени издания соборного Уложения, в течение 176 лет число актов, гласивших о собственности, чести, жизни каждого русского, возросло за 30 000. Все

они, по крайней мере большею частью, выражали постоянную заботу правительства о благоденствии народном, о безопасности общественной и частной, о правом суде, об успехах промышленности и образования, и без всякого сомнения в добрых началах своих не уступают никаким законам в мире; но, существуя в необъятной массе, без правильного разбора, они представляли нередко изумительное противоречие и между собою и с требованием времени вследствие неизбежного хода событий.

От Петра Великого до кончины императора Александра I Россия быстро изменялась во всех условиях общественных, в правах, обычаях; вместе с ними изменялись и законоположения; оттого огромная разность между законами Петра Великого, Екатерины II и Александра I: многие правительственные меры, облеченные формою закона в век Петра, были обветшалою стариною в век Александра; между тем в делах судебных, гражданских и уголовных старое сливалось с новым.

Конечно, существовало коренное правило, что предыдущий закон отменяется последующим, изданным в тех же обстоятельствах, по тому же предмету; но случалось нередко, что главное положение старого закона отменялось, а приистекавшие из него подробности имели свою силу, в явном противоречии с новым. Притом же, не говоря о людях частных, сами судьи часто не знали и не могли знать, какие из старых законов заменены новыми, по естественной причине: не только не было какого-нибудь свода, не было сколько-нибудь удовлетворительного собрания законов в хронологическом порядке. Даже комиссии, занимавшиеся разбором и сводом их, имели неполные, краткие реестры. Законы хранились в архивах присутственных мест и, по усмотрению судей, являлись на свет или скрывались под спудом.

Но и при добросовестности судей в судах наших господствовал произвол более, чем где-либо: в других государствах, при недостатке или неизвестности положительных законов судьи имели готовый ответ в кодексе Юстиниана, который более или менее служил основанием прав гражданского и уголовного в Западной Европе; наше законодательство возникло из собственных начал, без всякого влияния Римского Права; следовательно, ни в каком случае судья не мог искать в нем разрешения своих вопросов:

собственных законов он не знал и по необходимости решал дело своим умом, не всегда верным.

Таким образом, законодательство наше, невзирая на добрые начала его, представляло нестройную громаду, где терялся ум самого опытного правоведа, где ябеда, корыстолюбие, криводушие находили себе защиту и обильную жатву: невинность гибла, а самое наглое преступление торжествовало.

Помним то время, когда царское слово возвестило России твердое, решительное намерение государя ее привести в порядок отечественные уставы. Одни из нас слушали это слово незабвенное с верою и упованием; другие не без страха и опасения неудачи, имея пред глазами целый век тщетных усилий. Но все мы с благоговением и живейшею признательностью читали строки, которые принадлежат уже истории: «При первоначальном обозрении разных частей государственного управления, обратив особенное внимание на Уложение отечественных законов, усмотрел Я, что труды, с давних лет по сей части предпринятые, были многократно прерываемы и потому доселе не достигли своей цели. Желая сколь можно более удостоверить успешное их совершение, Я признал нужным принять их в непосредственное Мое ведение. Для сего приказал Я учредить в собственной Моей Канцелярии особое для них Отделение».

Так писал государь император через полтора месяца после обнародования манифеста о восшествии своем на престол (31 января 1826 года) председателю Государственного Совета князю Лопухину. С самоотвержением возлагая на себя тяжкое бремя, он избрал сотрудником своим мужа редкого умом и душою, равно опытного и в практическом знании дел, и в теории науки. То был незабвенный для России *Сперанский*⁴³. С огромными средствами, с деятельными помощниками, с ревностью и любовью Сперанский приступил к труду огромному, к сооружению величественного памятника, на который с почтением будет смотреть отдаленное потомство. Он обессмертил свое имя.

Первым главным делом было начертать план, от которого все зависело. Обозрев занятия предшествовавших 10 комиссий в продолжение 126 лет, Сперанский испрашивал Высочайшего разрешения, какой системе следовать: держаться ли первоначальной мысли Петра Великого

о составлении сводного Уложения из отечественных законов и потом исправлять и усовершенствовать их по указанию опыта, или приступить прямо к сочинению усовершенствованного Уложения? Государь, не колеблясь, избрал первый путь, т. е. повелел составить Свод законов действующих, без всяких изменений. Таким образом решен был главный, самый важный вопрос и положено прочное основание всему делу. Для исполнения этого плана надлежало заготовить материалы — собрать законы, в возможной полноте, от издания соборного Уложения. Дело было многотрудное.

Обнародованные до сих пор от правительства собрания законов не заключали в себе и сотой доли их; а изданные частными людьми, под именем Указателей, Словарей, Памятников, еще менее могли служить пособием, по очевидной неполноте и неверности. Все, что устанавливала законодательная власть, хранилось в архивах разных ведомств и присутственных мест в С.-Петербурге и Москве, часто без реестров и без описей. Надлежало делать розыскания, составлять реестры, снимать списки, поверять копии с текстом, приводить акты в хронологический порядок и предавать тиснению. Этим делом 2-е Отделение собственной Его Величества канцелярии занималось исключительно и неутомимо в продолжение четырех лет. Наконец в 1830 году издано Полное Собрание законов в 45 томах, от Соборного Уложения до кончины Императора Александра I, охватывающее 176 лет и заключающее в себе более 30 000 актов. Затем последовало Второе Собрание, ежегодно дополняемое вновь вышедшими узаконениями, с конца 1825 года.

При издании того и другого принято за правило печатать в хронологическом порядке не только все постановления верховной власти, или именем ее от учрежденных мест изданные к постоянному исполнению, не различая законов отмененных от действующих, но и многие временные акты, важные в одном историческом смысле, как памятники века. Россия имеет теперь полное, верное собрание своих отечественных уставов и с тем вместе неоцененное сокровище для своей истории, даровавшее трудолюбивому изыскателю возможность надежным путем следить за внутренней жизнью государства, за развитием его сил нравственных и политических, за ходом событий, столь близких к нам и тем более любопытных.

Так исполнилось первое предначертание государя императора; столь же быстро, под непосредственным ведением и руководством Его Величества, совершилось и второе, важнейшее: 31 января 1833 года, ровно через семь лет после того, как Россия узнала, что сам государь ее трудится над приведением отечественных уставов в стройное единство, Высочайший манифест возвестил, что желания всех монархов России от Петра Великого до Александра I наконец исполнены: «Все законы, начиная от Уложения 1649 года по 1 января 1832, при разнообразных изменениях времени, сохранившие донныне силу и действие, быв разобраны по родам их и отделены от всего, что силою последующих узаконений отменено, все, исключая немногих особых постановлений, сведены в единообразный состав, соединены в одно целое, распределены в книги по главным предметам дел правительственных и судебных. Все, что после 1 января 1832 года состоялось, или что по общему движению законодательства впредь состоится, будет по порядку тех же книг и с указанием на их статьи распределяемо, в ежегодном Продолжении, и таким образом состав законов, единожды устроенный, сохранится всегда в полноте его и единстве».

Россия получила Свод национальных уставов, и все сторонники порядка и закона, все люди беспристрастные, понимающие дело, с благоговейною признательностью приняли дар державной воли и неусыпного труда как залог, как предвестник грядущего благоустройства. Последствия оправдали надежду добрых, истинных сынов России.

Еще свежо то время, когда правители и судьи блуждали в каком-то хаосе, встречая в законах беспрерывные недоразумения, темноты, противоречия, когда ябеда имела обширное для себя поприще, когда требовался необыкновенный навык в поиске приличных делу законов, и криводушный судья мог запутать, затемнить самую чистую истину своим произволом: время это миновало как тяжкое сновидение. Все, что имеет силу закона, что обеспечивает нашу честь и собственность, все теперь доступно и понятно всем и каждому, все изложено в Своде с точностью и ясностью. Это важное, первое условие каждого кодекса есть следствие плана, глубоко обдуманного и тщательно исполненного, плана, равно сообразного и с коренными уставами нашими, и с целью практического употребления, и с требованиями науки.

В основание его положена мысль, что в государстве необходимы два союза: государственный и гражданский; из сущности их возникают все права и обязанности, определяемые и хранимые законами; отсюда главное разделение законов на государственные и гражданские. В том и другом разряде одни законы определяют условия общественные, другие охраняют. Из этих начал в стройной системе выведено как общее распределение законов, так и развитие их до самых мелких подробностей.

Удовлетворив существенным потребностям государства, порядку в правосудии и управлении, Свод положил прочные начала и науке Русского Права. До издания его изучение сей важной отрасли общественного образования далеко не соответствовало своей цели: одни преподаватели ограничивались несвязными выписками из законов, без всякой идеи о науке; другие вдавались в умозрение западных правоведов, извлеченные из римского или германского права, необходимые для уразумения и усовершенствования того или другого, но часто бесплодные в применении к русскому праву, которое имело и свое собственное развитие и свою историю. Только с изданием Свода, вместе с Полным Собранием законов, открылось обширное поприще к систематическому изучению их, к ясному и правильному воззрению как на историю науки, так и на основные элементы ее.

Не ограничилась тем забота государя об устройстве отечественного законодательства: уже при самом начале этого огромного дела, было в виду Его Величества, по исполнении главного, необходимого, чего требовали нужды государства, по собрании законов и по составлении из них Свода, приступить к постепенному их усовершенствованию. В необходимости сего нового многотрудного подвига государь император решительно убедился изданием Свода: при внимательном рассмотрении его открылись как совершенства нашего законодательства, так и недостатки, неизбежное следствие исторического развития нравственной и политической жизни народа.

Исполняя волю державного законодателя, граф Сперанский вместе с министром юстиции *Дашковым*⁴⁴ представлял Его Величеству, что к усовершенствованию зако-

нов есть два средства, два различных образа действий: исправление отдельное и исправление систематическое. Первый способ состоит в том, чтобы статьи закона, признаваемые неудобными, исправлять одну за другою, издавая каждый раз особые на то положения. Следуя же второму способу, необходимо, обозрев все постановления кодекса законов гражданских или уголовных в их совокупности, составить общие начала усовершенствования и произвести исправление одним общим положением. Государь император, имея в виду, что исправление отдельное было бы весьма неудовлетворительно, что статьи всякого кодекса законов тесно связаны между собой и почти невозможно исправить одной, не сделав изменения во многих других, признал, что единственно прочное исправление возможно только по второму способу, т. е. систематическое; с тем вместе изъявил свое мнение, что нужно начать с исправления законов уголовных, недостатки которых особенно ощутимы.

Неумолимая смерть унесла Сперанского при самом начале этого нового важного труда, и исправление уголовных законов наших совершилось во втором Отделении собственной Его Величества канцелярии, под главным надзором графа *Блудова*⁴⁵. Высочайше утвержденные в новом виде 15 апреля 1845 года, они возымели свое действие под именем Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

Между тем как под непосредственным руководством государя императора приводимы были в стройную систему общие законы государственные, в министерствах и главных управлениях Высочайше учрежденные особые комитеты, по воле и по указанию Его Величества, пересматривали, исправляли, дополняли или вновь составляли положения, указы, уставы по всем отраслям государственного благоустройства, общественного богатства, народной промышленности и образованности. Ни одна ветвь не осталась без внимания; каждой из них дарована защита закона и новая сила к деятельному развитию. В общем очерке нет возможности перечислить даже те важнейшие перемены, преобразования и улучшения, которые почти ежедневно около 30 лет совершаются перед нашими глазами: облеченные формою закона, они наполняют уже 28 огромных томов, заключающих в себе до 28 000 актов, и вся эта грома-

да разнообразных проявлений власти законодательной представляется в стройном виде, делом одного художника, светлым умом своим объемлющего все условия общественного здания от самых главных до самых частных, зиждущего и творящего по плану, зрело обдуманному и непреложному.

Все основано на мысли, что народ благоденствует только в том случае, когда правительство во всякое время готово отразить и наказать внешнее покушение на его спокойствие и безопасность, когда в недрах государства царствует стройный порядок, основанный на страхе Божьем, свято исполняются законы, цветет народная промышленность, образуется юношество в духе веры и отечественных уставов, и все родное, национальное пользуется общим уважением. Оттого современное нам законодательство, твердое в своих началах, стройное в своем направлении, обширное кругом своих действий, оживило и обновило все силы нашего отечества. Завидная участь предстоит грядущему поколению; но уже и мы пожинаем плоды. Неоспоримым доказательством тому служит великое утешительное событие, совершившееся в недрах нашей церкви, и современное развитие сил государственных и общественных.

Х. ПРЕКРАЩЕНИЕ УНИИ (1839)

При историческом обозрении веков давно минувших мы разъяснили подробно, каким образом единоплеменная и единоверная Русь, простиравшаяся от Западного Буга до Волги, от Белого моря до Черного, в старое, нестройное время, под игом татарским, распалась на две главные части, на два русские государства — Московское и Литовское; как первое из них, возвеличенное умом государей природных, спасло свою национальность, независимость и преобразилось в сильное, самостоятельное царство Русское; как второе, в свою очередь, тоже достигло высокой степени политического могущества, долго свято хранило отечественные уставы, давало Польше королей и, сверх всякого ожидания, по прекращении династии Ягеллонов, попало под власть польских магнатов, испытало все бедствия анархии, поколебалось в основных началах своих и приняло вид польской провинции. В этих смутных обстоятельст-

вах люди, облеченные саном пастырей православной церкви в Литовском княжестве, один митрополит и несколько епископов из мирских, своекорыстных расчетов, вопреки общему желанию народа, тайно, без ведома его, в конце XVI столетия предали Римскому папе и, покровительствуемые своим королем, ревностным католиком, ввели в западной России Унию, т. е. отреклись от патриархов Вселенских и признали над собою верховную власть Римского первосвященника, удержав впрочем догматы и обряды древнего православного закона.

Встреченная всеобщим ропотом русского народа, как дело преступное, Уния в начале своем имела немногих последователей. Польское правительство приняло свои меры к быстрому ее распространению: иезуиты овладели умом и совестью литовско-русского дворянства, учредили школы для воспитания благородного юношества, вкрались в самые семейства под видом униатских монахов, и в одно столетие, в продолжение XVII века, все дворянство в западной России (в том числе многие потомки Владимира Святого), обратилось в Унию, из которой большею частью перешло в римско-католическую веру. В остальных сословиях, в духовенстве, городских и сельских обывателях одна половина сохранила веру предков, другая пристала к расколу, и народ разделился на две партии, благочестивых и униатов; каждая из них имела своего митрополита, что продолжалось до нашего времени. Неприязненные одна другой, обе партии были равно гонимы и преследуемы римскими католиками, лишились прав гражданских и уже изнемогали в трудной борьбе с непримиримым фанатизмом, — благочестивые принимали Унию, униаты вводили католические обряды в своем богослужении, — когда Императрица Екатерина II положила предел и наглому насилию и распространению зла.

Возвратив отечеству древние области его, весь западный край, отторгнутый иноплеменниками в тяжкое для России время, она даровала защиту закона всем обитателям его, без различия вероисповедания; в то же время строго запретила обращение новых подданных ее в Унию или переход в римско-католическую веру и дозволила униатам безбоязненно возвращаться в недра православной церкви. Весьма многие из них тогда же воспользовались этим дозволением, в особенности на Волыни и в Подолии.

Но еще около двух миллионов остались в Унии в более странном, более неестественном положении, чем прежде: русские по своему происхождению, русские по догматам веры, подвластные русскому государю, они в то же время признавали главою своей церкви Римского папу, ко вреду государственного союза и единства. От русских братьев своих они отделились резко и были в глазах их отступниками; не пристали и к католикам, которые по-прежнему называли веру их холопской, невзирая на то что униатская церковь двухвековым насилием уклонилась от первоначальной идеи своей, и в обрядах богослужения, в устройстве храмов, в употреблении священных книг подражала церкви римской. Заведование делами той и другой одной духовной коллегией, римско-католическою, учрежденной в исходе прошедшего столетия, поддерживало существование Унии до нашего времени.

В самом начале своего царствования государь император, обратив внимание на судьбу подвластного ему народа, силою смутных обстоятельств, коварными кознями, жестоким насилием отторгнутого от православной церкви, Высочайшим указом 22 апреля 1828 года повелел: для греко-униатских церквей в России учредить под председательством митрополита их Иосафата Булгака особую греко-униатскую коллегию, которая, заведая всеми делами церкви, обязана была тщательно наблюдать, чтобы установления ее, чин богослужения и весь порядок правления охранялся от введения каких-либо чуждых, не свойственных греческим обрядам обычаев, на точном основании грамот 1595 года, положивших начало Унии. Ближайшее управление делами греко-униатских церквей предоставлено, под главным ведением коллегии, двум епархиальным начальствам, белорусскому и литовскому; в той и другой епархии учреждены кафедральные соборы, консистории, семинарии и первоначальные училища. На содержание и образование духовенства назначены обильные источники.

Возвращенная таким образом к первоначальной идее своей и огражденная от чужого влияния, церковь греко-униатская в одно десятилетие явилась в новом, светло-преображенном виде. Епископы и другие духовные власти ее, откровенно сознаваясь во множестве нововведений,

вкравшихся в нее с течением времени, твердо положили восстановить повсеместно первобытное устройство храмов и снабдить их всеми принадлежностями древнего богослужения. Вследствие сего вместо ошибочных разной печати церковных книг, в которых искажен был язык священный, введены повсюду однообразные книги нового тщательного издания; алтари получили правильное устройство; органы уничтожены, и божественная служба совершалась священниками в приличных одеждах, по книгам исправным, с соблюдением обрядов, напоминающих церковь первобытную, на величественном языке славянском. Радостно услышал народ в храмах Божиих родное слово и без труда склонился на лоно православной церкви.

Между тем греко-униатское духовенство, за исключением немногих монахов, перешедших в Унию из римского обряда, с примерным единодушием содействовало усердию своих епископов и духовных властей: юное поколение, воспитываемое в двух семинариях и в 20 низших училищах, получило истинно православное направление.

В этих обстоятельствах, с кончиною Иосафата Булгака, упразднилось звание Греко-униатского митрополита; место председателя в коллегии занял старший из членов ее, епископ Литовский Иосиф (Семашко); главное же заведование делами Греко-униатской церкви вверено государем императором 1 января 1838 года обер-прокурору святейшего Синода графу Протасову, и свыше благословенное дело быстро приблизилось к развязке.

В неделю православия (первое Воскресение великого поста), 12 февраля 1839 года, собрались в Полоцке все греко-униатские в России епископы и с знатнейшим духовенством составили соборный акт, которым, подробно изъяснив истинное положение своей церкви, определили: согласно с желанием всего греко-униатского духовенства, в чем удостоверяли более 1300 подписей, представить государю императору следующую всеподданнейшую просьбу: «С отторжением от Руси, в смутные времена, западных ее областей Литвою, и последовавшим затем присоединением их к Польше русский православный народ подвергнулся в них тяжкому испытанию от постоянных усилий польского правительства и Римского двора отделить их от церкви православно-католической восточной и присоединить

к западной. Лица высших состояний, стесняемые всеми мерами в их правах, совратились в чуждое для них римское исповедание и забыли даже собственное происхождение и народность. Мещане и поселяне были отторгнуты от единения с восточною церковью посредством Унии, введенной в конце XVI столетия. С того времени этот народ отделился от матери своей, России: постоянные ухищрения стремились к тому, чтобы сделать его совершенно чуждым древнего отечества его, и униаты испытали, в полном смысле, всю тягость иноплеменного ига.

После возвращения Россией древнего ее достояния большая половина униатов воссоединилась к прародительской своей Греко-российской церкви, а остальные нашли покровительство и защиту от преобладания римского духовенства. В благословенное же царствование Вашего Императорского Величества, при благодетельном воззрении Вашем, Всемилостивейший Государь! У них уже по большей части восстановлены в прежней чистоте богослужение и постановления Греко-восточной церкви; их духовное юношество получает воспитание соответственное своему назначению; они могут уже и называть себя русскими.

Но Греко-униатская церковь в отдельном своем виде, среди других исповеданий, не может никогда совершенно достигнуть ни полного благоустройства, ни спокойствия, необходимого для ее благоденствия, и многочисленные, принадлежащие к ней, жители западных губерний, русские по языку и происхождению, подвергаются опасности остаться в положении, колеблемом переменчивостью обстоятельств, и несколько чуждыми своих православных собратьев.

Сия причина, забота о вечном благе вверенной нам паствы побуждают нас, твердо убежденных в истине догматов, святые, апостольские, православно-католические восточные церкви, припасть к стопам Вашего Императорского Величества и всеподданнейше молить Вас, Державнейший Монарх! упрочить дальнейшую судьбу униатов дозволением им присоединиться к прародительской православной Всероссийской церкви. В удостоверение же общего нашего на сие согласия, имеем счастье поднести составленный нами, епископами и начальствующим духовенством Греко-униатской церкви, в городе Полоцке, соборный

акт и при оном собственноручные объявления 1305 лиц остального греко-униатского духовенства».

Воздав благодарение из глубины души всемогущему Богу, подвигнувшему сердца столь многочисленного, искони русского духовенства возвратиться вместе с паствою к истинной их матери, государь император повелел графу Протасову означенный акт и объявления внести в святейший Синод для сообразного с правилами церкви постановления.

Святейший Синод определил: по правилам святых отцов, принять епископов, священников и всю паству греко-униатской церкви в полное и совершенное общение святой православно-католической восточной церкви и в нераздельный состав церкви Всероссийской: о чем поднести государю императору всеподданнейший доклад.

В 25 день марта, в праздник Благовещения Богоматери, накануне величайшего из торжеств, Воскресения Христова, на доклад Синода последовало соизволение Его Величества в следующих словах: «Благодарю Бога и принимаю».

Выслушав в полном собрании Синода 30 марта Высочайшее соизволение, обер-прокурор ввел в заседание епископа Литовского Иосифа. Митрополит Новгородский и С.-Петербургский Серафим объявил о совершившемся соединении и от имени Всероссийской церкви приветствовал представителя воссоединенного духовенства с столь вождленным событием; митрополит Киевский и Галицкий Филарет прочитал синодальную грамоту к воссоединенному духовенству, а митрополит Московский и Коломенский — Высочайше утвержденное положение Синода о переименовании Греко-униатской духовной коллегии в Белорусско-Литовскую, и о назначении председателем ее Литовского епископа Иосифа, возведенного в то же время в сан архиепископа. Преосвященный Иосиф принес святейшему Синоду благодарение от лица воссоединенных, и, по взаимном целовании, все отправились в синодальную церковь, где совершен был благодарственный Богу молебен.

Утешительное зрелище воссоединения повторилось в Витебске, Полоцке, Велиже, Сураже, Орше, Минске и Вильне. Тихо и безмятежно родное возвратилось к родному, и с тех пор все основное народонаселение в западном краю империи, за исключением собственно так называемой Литвы и Жмуди, не только русское, но и православное.

XI. СОСТОЯНИЕ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Прекращением Унии словно закрылась глубокая язва, нанесенная России коварством иноплеменников. После такого события, равно неожиданного и вожделенного, мы вправе надеяться, что время, при неусыпной заботе правительства, исцелит и другие наши недуги, из которых одни ведут свое начало еще от татарского владычества, другие от времен Годунова и Никона. Порожденные смутными обстоятельствами, они неминуемо должны ослабеть и вовсе исчезнуть с водворением в государстве стройного порядка, под благодатным влиянием просвещения. Современное же развитие наших сил государственных и общественных свидетельствует, что это время недалеко.

Много трудов, много новых забот предстоит нашему правительству в деле исправления и усовершенствования многообразных отраслей гражданской жизни нашей, — устройство взаимных отношений сословий, обеспечение строгого исполнения законов, увеличение государственного и народного богатства, открытие путей и источников промышленности; но главное, существенное для нашего благоденствия уже сделано, и только люди близорукие, слепцы, коснеющие в предрассудках, или малоопытные мечтатели, незнакомые с историей своего отечества, могут не замечать непрерывного, вместе с тем спокойного движения России вперед, к лучшему.

Более чем когда-либо обеспечена наша безопасность внешняя: на пределах империи, в главных стратегических пунктах, морских и сухопутных, сооружены грозные твердыни. Военные гавани на морях Балтийском, Черном и Каспийском, на северном и восточном океанах, осенились флагом, на который с почтением стали смотреть морские державы. Русский флот, уже в первые годы по своем возрождении, не уступил в доблести ни английскому, ни французскому под Наварином, вскоре привел в трепет Турцию, вслед за тем, спасая ее, прикрыл своим флагом Константинополь и очистил Черное море от доброжелателей непокорного Кавказа.

Русское войско знакомо всей Европе: более ста лет гремим мы своими победами; но никогда армия наша не достигала такого устройства, как в наше время. Военные постановления, тщательно рассмотренные, приведенные

к единству, исправленные и дополненные от самых главных, от Устава действующей армии, до самых дробных, до положения о смотрителях магазинов, обновили и согласовали все части огромной и многосложной машины, главная сила которой заключается в порядке. Точнее определены все обязанности службы, все условия власти и ответственности, и водворилась правильная отчетность.

Солдат обеспечен правительством во всем для него необходимом, в содержании, продовольствии, вооружении; единственной заботой, единственной целью его стала служба. Бдительный надзор следит за каждым шагом его, за мыслью и желанием, предупреждает проступки, строго, но не жестоко взыскивает за каждое упущение, и пятнадцать лет солдатской службы образуют полезного гражданина из человека, часто, до поступления на службу, тяготившего семью и общество своими пороками. Тем выше, тем прекраснее нравственное достоинство в русском воине, взятом из-под родительского крова, из объятий любившей его семьи, жребием службы: верую и правдою отслужив государю и отечеству, он возвращается под кров родимый или вступает в сообразное силам его звание непоколебимым в преданности престолу, строгим в исполнении обязанностей, деятельным, сметливым и трудолюбивым.

Состав военных чинов в последние 30 лет принял иной вид: ныне трудно попасть в офицеры без предварительного и основательного образования. Гвардия, армия и флот ежегодно пополняются большей частью воспитанниками кадетских корпусов, инженерного и артиллерийского училищ и других военно-учебных заведений; там, под бдительным надзором, будущие офицеры с малолетства привыкают к порядку службы, к безусловному исполнению обязанностей, изучают военное искусство опытом и наукою, усваивают соревнование в благородном честолюбии и вступают в свет с умом образованным, с душой, исполненной живейшей признательности к тому, кто взлелеял их как родных детей.

Охраняемые на море и на суше собственными силами, мы не имеем нужды хлопотать о союзах и равнодушно смотрим на мелкие интриги Запада, в бессильной зависти его к нашему непоколебимому могуществу.

Может позавидовать нам Европа и в другом отношении: в то время, когда ее тревожат и волнуют раздоры об-

щественные, смуты религиозные, и связь частей заметно слабеет пробудившейся враждой племен, ожесточением партий, недоверчивостью народов к правительствам, Россия, непоколебимо преданная престолу, очевидно укрепляется в своем союзе государственным постепенным слиянием разнородных элементов ее в одно целое, в одну необъятную державу, где все покорствуется одному закону русскому, где господствует русский язык и торжествует православная церковь.

Безопасность внутреннюю, порядок управления, нашу честь, собственность охраняют национальные уставы, приведенные в стройную систему, всем ныне доступные, для всех понятные, ежегодно исправляемые и дополняемые по указанию опыта. Конечно, самые лучшие законы бессильны, самые мудрые меры бесплодны, когда в общей массе нет внутреннего, нравственного убеждения в необходимости дружного содействия правительству; но — благодарение всевышнему! — Россия не в таком положении: с любовью, с доверием она обращает взоры на своего монарха, и каждое сословие благоговейно чтит его веления. Законы, как выражение царской воли, для нас святыня.

Есть, были и всегда будут преступные нарушители их, люди, забывающие честь и долг присяги; но вследствие установленного порядка во всех частях управления подобные враги общественные являются реже и реже. По крайней мере, не столь часты, не столь возмутительны, как бывало прежде, примеры злоупотребления силы, бессовестного лихоимства, открытого неправосудия. Строгая отчетность, тщательная ревизия, постоянное наблюдение высших властей над низшими, увеличение окладов, надежда на ревностное исполнение обязанностей на отличие, каждому ныне доступное, призрение правительством нашей преклонной старости, наших вдов и сирот, постепенное удаление от службы людей с черствой душой, постоянное замещение их воспитанниками университетов и других высших учебных заведений, все это в совокупности дало иной вид классу чиновному и произвело в присутственных местах благодетельную перемену, понятную каждому, кто помнит прежний порядок вещей лет за тридцать.

Нет и бесстрашия прежнего в нарушении закона: недремлющее око с высоты престола следит за сокровенными поступками криводушного судьи, за самоуправством

правителя, за развратом мота, за жестокосердием помещика, и сколько раз мы были свидетелями шумного падения людей, забывших свои обязанности, неуловимых сетями закона, и в минуты беспечной их самоуверенности поражаемых как бы громом всевидящего Промысла!

Мало того: наши нужды и потребности, наши достоинства и недостатки разгаданы ясно, обдуманно зрело, дальновидно, и учреждение майоратов, почетного гражданства, коммерческих судов, всеобщее полюбовное размежевание, новый порядок управления государственными имуществами, со многими другими мерами, без всякого сомнения, усовершенствуют наше общественное положение.

Отечественной промышленности открыты новые пути и источники, дарованы новые средства к деятельному развитию; каждый успех ее радовал сердце государя, и, постоянно оживляемая его благотворным вниманием, она быстро приближается к тому состоянию, когда для удобства жизни только безотчетная роскошь потребует изделий чужеземных.

Ни одно счастливое усилие ума в области знания или искусства, ни одно замечательное произведение отечественной литературы не остается без царского внимания, всегда знаменуемого милостями и наградами. Людей же высокого таланта, художников, литераторов, ученых первоклассных в нашем отечестве ожидает такое внимание и участие, что им могут позавидовать в государствах, издревле знаменитых покровительством просвещению. Кому известна беспримерная награда Карамзину и его семейству? Наконец Пулковская обсерватория, летописи и акты, изданные Археографической комиссией, плоды ученых путешествий и многие другие памятники, которые могли быть выдвинуты для пользы наук только волей государя, будут свидетельствовать перед потомством, что в наш век самые разнородные отрасли знания находили равно просвещенное, равно щедрое покровительство.

Воспитанию юношества дано иное направление, более согласное с общим благом народным. Миновало то время, когда дети вельмож, знатных и незнатных помещиков, даже богатых простолюдинов, получали свое образование вне отечества, забывали родной язык, усваивали чуждый взгляд на все окружающее и возвращались в Россию с душой холодной ко всему, что дорого и мило русскому серд-

цу. Миновало то время, когда домашними наставниками нашими были нередко грубые невежды, безнравственные бродяги, часто изгнанные из своей родины и принятые нами, в недра наших семейств, за одно лепетание на языке французском. Два царских слова спасли целое поколение от нравственной язвы: с 1831 года русское юношество воспитывается предпочтительно в отечественных учебных заведениях; с 1833 года избавилась Россия от нашествия выходцев иноземных, которым грозит строгий экзамен в университетах.

Никогда образование наше не было столь обширно, столь полно и, смело скажем, так согласно с истинными потребностями империи, как в наше время. Уже в первый год по восшествии своем на престол государь император неоднократно посещениями учебных заведений, всегда нечаянными и внезапными, удостоверился, что им недостает многого — способных преподавателей, стройного, единообразного порядка, внимательного и просвещенного надзора. Гимназии и уездные училища помещались тесно, содержались неопрятно. С.-Петербургский университет, незадолго перед тем основанный, с самыми блестящими надеждами, представлял грустное зрелище: залы его были пусты. Мысль учредителя образовать из него главный рассадник просвещения в столице империи, не исполнилась: он увядал заметно под тягостным влиянием людей, противодействовавших истинному просвещению. Разного рода беспорядки, неустройства, признаки какого-то расслабления, какой-то дремоты не привлекали юношества и в другие святилища наук. И все ожило, все одушевилось и расцвело волей государя императора.

Первой, главной заботой в самом начале его царствования было ввести во всем единство и порядок, подготовить способных преподавателей, учредить бдительный надзор и привлечь к трудным обязанностям наставников людей достойных. Вскоре обновлены уставы учебных заведений высших, средних и низших; деятельность университетов сосредоточилась в их сфере; профессора избавлены от многих посторонних хлопот и более чем двойным повышением прежних окладов, со многими другими преимуществами поставлены в завидное положение даже для иностранцев. Между тем учреждены два института — Профессорский и Главный Педагогический, первый для образования

молодых людей за границей в той степени, до которой достигли науки в ученой Германии, чтобы удовлетворить настоятельной потребности в замещении профессорских кафедр; второй для подготовки усердных и способных преподавателей наиболее в средние учебные заведения, которые особенно в них нуждались, а также с назначением отличнейших воспитанников, после окончательного образования за границей, к занятию должностей в университетах.

Постепенное преобразование личного состава университетского сословия вследствие ограничения ученой службы профессоров двадцатипятилетним сроком, замещение кафедр молодыми преподавателями со свежими силами, но не иначе как по достижении ученой степени доктора, устройство юридических курсов по началам, принятым в основание свода законов Российской империи, учреждение камеральных разрядов, усиление изучения наук общепользных, новые правила о производстве в ученые степени и многие другие меры возбудили замечательную деятельность в наших университетах: преподавание в них усвоило характер основательного, ученого изъяснения истин по главным отраслям знаний сообразно с современным состоянием наук, в духе отечественных уставов. Аудитории их наполнились многочисленными слушателями. Гимназии получили также новое устройство, более соответствующее главному назначению их, готовить юношество к высшему образованию в университетах; сверх того, при некоторых из них учреждены реальные курсы, которые открыли производительному классу средства к приобретению столь необходимых для него технических познаний. Уездные училища с каждым годом более и более размножаются: доступные для всех сословий, они распространяют первоначальные общепользные сведения во всех слоях общества.

В равной степени расцвели в последние 30 лет и другие рассадники отечественного образования. Военно-учебные заведения, с тех пор как принял их под свое начальство Великий князь Михаил Павлович, получили новый вид, нет никакого сомнения, что они могут стать наряду с лучшими европейскими. А воспитательные заведения для девиц, возведенные на высокую степень совершенства заботой незабвенной императрицы Марии Федоровны, не только не утратили своего прежнего блеска, но вследствие

неослабного попечения самого государя, супруги его, дочерей, невестки не имеют подобных себе в Европе.

Не довольствуясь усовершенствованием всех прежних учебных заведений, государь император непрерывно предлагал новые способы к образованию, приноравливая их к потребностям народным. Университет св. Владимира в Киеве, Военная Академия, Училище правоведения, Технологический институт, кадетские корпуса в губерниях, институты для девиц на всем пространстве империи, многие специальные училища по военному и гражданскому ведомству, сельские школы, приюты — все эти учреждения, в совокупности с прежними, осуществляют наконец мысль Бецкого, пленившую своим величием Екатерину II и утрашившую даже ее своей огромностью, мысль создать новую породу людей со всеми добрыми свойствами старого поколения, но без его недостатков и предрассудков.

XII. ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ, ФРАНЦИЕЙ И АНГЛИЕЙ (1853 — 1855)

Издавна все действия турецкого правительства в отношении к России и к православной церкви на востоке носили печать явного недоброжелательства: вследствие векового хода событий, не доверяя нам, оно старалось ослабить Восточную церковь и держало ее в унижении по сравнению с прочими христианскими исповеданиями, благоприятствуя распространению их в ущерб православию. Турки вмешивались во внутренние дела его, нарушая все уставы под предлогом преобразования духовного управления; непрерывно допускали незаконности в выборе патриархов: рассевали семена раздора в духовных отношениях племен греческих и славянских; препятствовали умножению церквей в Болгарии и Боснии, образованию туземного духовенства, религиозному обучению народа, запрещая для того употреблять при богослужении язык народный; забирали и истребляли священные книги, привозимые греко-славянами из России для собственного своего употребления; в одном месте запрещали строить каменную церковь для замещения обветшалой деревянной, в другом предоставляли единственную в селении церковь латинам, преимущественно перед греками. Одним словом, тысячи случа-

ев показывали в общности своей, в течение нескольких лет, твердое намерение турецкого правительства способствовать распространению других исповеданий для уменьшения числа тех, которых считают приверженцами России.

При первых уступках, сделанных Франции, в пользу католиков в Иерусалиме, в ущерб вековых привилегий, дарованных православным, государь император признал необходимым обратиться к султану с дружественным, но серьезным письмом⁴⁶. Султан составил комиссию из одних турецких улемов для поиска средств к соглашению обоюдных требований и после продолжительных переговоров получен был государем императором от султана ответ, возвещавший окончательное решение вопроса, с самым торжественным обещанием о сохранении древних прав, данных Портой Православной церкви: в сообщенном нашему двору фирмане султан собственноручным хатт-и-шерифом признавал и подтверждал все предшествовавшие акты, данные в пользу православных в разные эпохи, возобновленные Махмудом и подтвержденные Абдул-Меджидом.

Хотя письмо султана и фирман были написаны в таком духе и в таких выражениях, которые несколько отдалялись от настоящего положения дел, нами охраняемого, но государь император соизволил найти эти документы удовлетворительными и, движимый миролюбием, принял их в виде торжественного условия. После продолжительных и трудных переговоров российское правительство считало навсегда конченными прения, которых опасность устранена была его миролюбием, предоставлявшим католикам приобретенные ими новые выгоды. Вышло иначе.

Турецкий комиссар, посланный в Иерусалим для обнаружения фирмана, согласно уверению, полученному нашим посольством в Константинополе, осмелился объявить нашему консулу в Иерусалиме, требовавшему прочтения и записки фирмана, что он ничего не знает о нем и что в его инструкции не упомянуто об этом документе. Хотя потом, вследствие наших требований, фирман был наконец прочтен и внесен в роспись в Иерусалиме, но с ограничением, оскорбительным для православной церкви, и главные статьи его были явно нарушены. Наиболее важное нарушение состояло в передаче католическому патриарху ключа от главных дверей Вифлеемского храма, вопреки точным сло-

вам фирмана, чем глубоко оскорблено было духовенство и все народонаселение православного исповедания, потому что по мнению, усвоенному в Палестине, обладание ключом как бы означало обладание всем храмом. Турецкое правительство обнаружило перед всеми, вопреки собственным выгодам, преимущество, даруемое им другому вероисповеданию, а не тому, к которому принадлежало большинство его подданных.

Такое забвение самых определенных обещаний, изложенных в письме султана, должно было побудить государя императора, оскорбленного в своем достоинстве, в дружественном доверии, в православии и религиозных чувствах, разделенных им со своим верноподданными, к немедленному востребованию удовлетворения. Его Величество еще раз старался вразумить султана в несправедливости против нас и против собственных выгод, и для этой-то цели отправлен адмирал князь Меншиков в Константинополь.

Ему поручено: 1) вести переговоры о замене уничтоженного фирмана новым условием, которое, не отнимая у католиков полученных ими в последнее время выгод, объяснило бы по крайней мере эти уступки таким образом, чтобы не придать им вида торжества над Православной церковью; 2) составить из нового соглашения формальный акт, который послужил бы нам как удовлетворением за прошедшее, так и речательством за будущее.

После продолжительных обсуждений первая часть поручения была окончена. Но без акта, подтверждающего соглашение, новые документы, после явного нарушения предшествовавших, очевидно не могли иметь более цены, чем предыдущие. Князю Меншикову поручено было стараться заключить конвенцию с турецким правительством в точном и ненарушимом исполнении на будущее время новых фирманов. Порта не согласилась на требуемую конвенцию, и князь Меншиков выехал из Константинополя со всем посольством. Дипломатические отношения наши с турецким правительством пресеклись.

Французское и английское правительства дали повеление своим флотам, находившимся в Средиземном море, приблизиться к Безике при входе в Дарданеллы. Русские войска заняли Молдавию и Валахию. Между тем в Вене полномочные министры Австрии, Пруссии, Англии и Франции поспешили составить ноту о прекращении несо-

гласий на востоке. Нота Венской конференции принята нашим двором без изменения; Порта отвергла ее, и турецкий главнокомандующий Омер-паша потребовал от князя *Горчакова*⁴⁷ очистить княжества в две недели. Князь Горчаков отвечал на требования Омер-паши, что русские войска выступят немедленно, как только требования России, сделанные с высоконравственной целью, будут удовлетворены. Порта объявила России войну. Одна часть турецких войск вторглась в Валахию; другая двинулась на закавказские владения наши; англо-французский флот вступил в Дарданеллы и явился перед Константинополем. Сражение при Олтенице принудило турок очистить Валахию; победа князя Бебутова при Баш-Кадык-Ларе остановила вторжение неприятеля в Закавказье, а истребление турецкой эскадры при Синопе вице-адмиралом *Нахимовым*⁴⁸ доказало, чего может ожидать Турция от войны с Россией.

Англия и Франция, до сих пор тайно подстрекавшие Турцию, объявили России войну, и соединенный флот их в страстную субботу 1854 года открыл бомбардирование по Одессе. Вслед за тем начались действия англичан и французов на Балтийском море нападением на город Экнес, на Гангудские укрепления, на Улеаборг, на Гамле-Карлебю и на Бомарзунд; в то же время другие эскадры их бомбардировали на Белом море Соловецкий монастырь и на Восточном океане Петропавловск: за исключением Бомарзунда, враги везде были отбиты.

1 сентября 1854 года англо-французский флот явился у Евпатории и высадил многочисленное войско. После кровопролитного сражения на берегах Альмы неприятель занял Балаклаву и двинулся на Севастополь. Жестокий натпор его был отбит. Началась осада Севастополя, обессмертившая его защитников.

ХIII. КОНЧИНА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I (1855)

27 января государь император заболел гриппом; но продолжал по обыкновению неумоимо заниматься государственными делами. Через несколько дней, именно 9 февраля, чувствуя себя лучше, вопреки советам лечащих его врачей, лейб-медика Мандта и доктора Карелля, изволил пос-

ле преждеосвященной обедни выехать в экзерциргауз Инженерного Замка для осмотра маршевых батальонов лейб-гвардии Измайловского и Егерского полков. «Ваше Величество, — сказал доктор Карелль, — нет ни одного медика в вашей армии, который позволил бы рядовому выписаться из госпиталя в таком положении, в каком Вы находитесь, и при таком морозе (23 градуса); мой долг требовать, чтобы Вы еще не выходили из комнаты». — «Ты исполнил свой долг, — отвечал государь, позволь же мне исполнить мой». В час пополудни государь отправился в экзерциргауз, не вняв даже предосторожности (несмотря на убеждения государя цесаревича и просьбы близкой своей прислуги) одеться потеплее обыкновенного. После осмотра заезжал к Великой княгине Елене Павловне, а от нее к бывшему тогда больным военному министру; возвратясь же, почувствовал себя хуже, чем накануне. Кашель и одышка, уже и в предшествовавшие дни иногда появлявшиеся, увеличились. Ночь Его Величество провел без сна; однако на другой день, 10 числа, изволил опять выехать в тот же экзерциргауз для осмотра маршевых батальонов лейб-гвардии Преображенского и Семеновского резервных полков и людей лейб-гвардии Саперного резервного полубатальона. С этого дня все болезненные припадки начали усиливаться: государь уже не выходил из комнаты. 11-го числа хотя намеревался еще быть у преждеосвященной обедни, но не мог, и слег в постель. Вечером болезнь оказалась очевидно тяжелой, и признаки опасности жизни начали развиваться с невероятной быстротой. Несмотря на болезненное свое положение, государь не покидал занятий государственными делами и только 12-го числа, по настоянию врачей, решился предоставить труд сей цесаревичу.

Когда опасность признана была несомненной, государыня императрица скрепя сердце решилась предложить Августейшему Супругу своему приобщиться Святых Христовых Тайн. Государь начал было на первой неделе Поста говеть и с понедельника по четверг включительно изволил постоянно присутствовать при божественной службе; но, неоднократно жалуясь на слабость здоровья, выражал сомнение: в силах ли будет исполнить этот христианский долг? Несмотря, однако, на свою слабость, ни разу в продолжение службы не садился, хотя и был к тому убеждаем протопресвитером Бажановым. Императрица воспользовалась

этим случаем. «Если ты, — сказала она, — не мог окончить начатого говенья и приобщиться Святых Тайн на первой неделе, то не хочешь ли исполнить это теперь? Хотя состояние здоровья твоего вовсе не опасно, но сколько примеров, что с принятием Святых Тайн Бог посылает страждущим облегчение?» — «Нет, я не могу приступить к такому Великому Таинству в постели, не одетый. Лучше тогда, когда буду в силах совершить это приличным образом.» Императрица замолчала. Вскоре он заметил в глазах ее слезы. «Ты плачешь?» — «Нет, это от насморка». Через несколько минут Императрица тихо начала читать Отче наш. «Ты читаешь молитву? Зачем?» — «Я молюсь о твоём выздоровлении» — «Разве я в опасности?» — «Нет»... У Ее Величества недостало духа отвечать утвердительно. «Но ты очень расстроена, ты устала; поди успокойся.» Императрица вышла. Около 3-х часов ночи Государь спросил доктора Мандта: «Скажите мне откровенно, какая у меня болезнь? Вы знаете, что и прежде я всегда вам приказывал предупредить меня вовремя, если заболел тяжело, чтобы не упустить христианского долга». — «Не могу скрыть перед Вашим Величеством, что болезнь ваша становится серьезной: у вас поражено правое легкое». — «Вы хотите сказать, что ему угрожает паралич?» — «Если болезнь не уступит нашим усилиям, то, конечно, это может последовать; но мы того еще не видим и не теряем надежды на ваше выздоровление.» — «А, теперь я понимаю мое положение, теперь я знаю, что мне делать». Отпустив доктора, государь позвал наследника и спокойно сообщил ему о безнадежности своего положения, прибавив: «Надеюсь, что ты еще ничего не сказал и не скажешь матушке; прикажи позвать духовника». Протопресвитер Бажанов находился уже во дворце. Тут вошла императрица. Когда духовник начал читать предшествующие исповеди молитвы, государь благословлял стоявших у постели его на коленях императрицу и цесаревича. Затем они вышли. По окончании исповеди государь, перекрестившись, произнес: «Молю Господа, чтобы Он принял меня в свои объятия». Священный обряд причащения, совершенный по желанию Его Величества в присутствии императрицы и цесаревича, исполнил он с полным самосознанием, с умиленным благоговением и необыкновенным спокойствием. Молитву же «Верую и исповедаю» прочитал от начала до конца довольно твердым голосом. После позвал к

себе государыню цесаревну, Великого князя Константина Николаевича, Великих княгинь Александру Иосифовну, Марию Николаевну, Елену Павловну и внучат, проводивших всю ночь без сна в соседних комнатах: с твердостью объявил им о близкой своей кончине, со всеми простился, всех благословил. Произнесенные им в эти священные и торжественные минуты слова, конечно, останутся навсегда запечатленными в сердцах осиротевшего Августейшего Семейства. Императрица воскликнула: «Боже! Для чего я не могу умереть вместе с тобой!» — «Ты должна жить для них.» Обратившись к Государю Цесаревичу, Император сказал: «Ты знаешь, что все мои попечения, все усилия стремились к благу России; я хотел продолжать трудиться так, чтобы оставить тебе государство благоустроенное, огражденное безопасностью извне, совершенно спокойное и счастливое, но ты видишь, в какое время и при каких обстоятельствах я умираю: видно, так угодно Богу. Тяжело тебе будет». Залившийся слезами цесаревич отвечал: «Если уже суждено мне тебя лишиться, то я уверен, что ты и там будешь молиться ему о России, о нас всех, о святой его мне помощи понести тяжкое бремя, им же на меня возлагаемое.» — «Да, я всегда молился ему за Россию и за вас всех, буду, буду молиться и там. Вы же, — обращаясь к окружающему болезненный одр его Августейшему Семейству и указывая на Императрицу, продолжал: — Оставайтесь навсегда, как было доселе, в тесном союзе любви семейной».

После сего государь потребовал к себе министра двора графа Адлерберга, графа Орлова и военного министра князя Долгорукого; в трогательных словах благодарил их за службу, за испытанную преданность; поручил их наследнику, благословил и простился.

Затем, снова обращаясь к цесаревичу и графу Адлербергу, отдал последние приказания относительно своих похорон: сам назначил залу нижнего этажа Зимнего Дворца, в которой должны быть выставлены смертные его останки, и указал место для могилы в Петропавловском Соборе; требовал, чтобы погребение совершено было с возможно меньшей роскошью, без пышного катафалка, без всяких великолепных в зале и церкви убранств, дабы избежать напрасных издержек. Наконец приказал позвать к себе ближайших служителей, благодарил их, простился и благословил.

Умирающий государь находился в полной еще памяти, когда духовник приступил к чтению Отходной, и изволил повторять за ним молитвы хотя слабым уже голосом, но покойно. Вскоре голос его пресекся. Он знаками подозвал к себе духовника, пожал ему руку, поцеловал наперсный его крест и, не в силах уже будучи произнести ни одного слова, движениями руки и глаз показывал на императрицу, на наследника, как бы желая сказать, чтобы он за них молился. До последних минут жизни не покидал он руки Императрицы и Наследника и крепко жал их.

В двадцать минут первого часа пополудни 18 февраля 1855 года не стало государя⁴⁹, почти тридцать лет украшавшего престол Российский, обладавшего в высшей степени чувством священного своего долга и неусыпно, с полным самоотвержением трудившегося для блага отечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I. ПЕТР ВЕЛИКИЙ

¹ *Людвик XIV* (1638—1715 гг.) — французский король из династии Бурбонов (с 1643 г.). Его правление отмечено укреплением абсолютизма и центральной власти.

² Н. Г. Устрялов, как и многие другие историки России XVIII—XX вв., несколько преувеличивает отставание российской промышленности от наиболее развитых стран Запада. Отсутствие научно обоснованной статистики в XVIII в. лишает нас возможности привести достаточно точные цифровые данные о числе промышленных предприятий (мануфактур) в России конца XVII в. Общепринятой в исторической литературе считается наличие 20—30 мануфактур, однако некоторые исследователи убедительно показывают, что эта цифра сильно занижена. Скорее всего количество мануфактур в России конца XVII в. достигало 65—70. При Петре I существовало уже около 200 предприятий. Значительных успехов добилась русская металлургия, русские мастера, строившие доменные печи по «заморским чертежам», меняли их конструкции и делали домны более производительными, чем сами оригиналы. Шведские домны (наиболее передовые в Европе) в конце XVII в. давали от 36 до 55 пудов чугуна в сутки. На Тульском заводе в 1690 г. домна давала от 100 до 120 пудов чугуна в сутки. В этой области промышленности, по мнению академика С. Г. Струмилина, Россия опережала Западную Европу почти на 100 лет.

³ Сырьем, сырьевыми ресурсами.

⁴ Важную роль в экономической жизни России в конце XVII в. играла внешняя торговля. Однако ее развитие серьезно сдерживалось тем, что выход к берегам Балтики, искони принадлежавший Руси, был захвачен Швецией. По Столбовскому миру 1617 г. Российское государство потеряло побережье Финского залива. Удаленность Архангельска от центра страны и непродолжительность навигации в Белом море являлись существенной помехой для ведения внешней торговли.

⁵ Н. Г. Устрялов, следуя традиции XVIII—XIX вв., несколько сгущает краски и критикует «пороки» и «невежество» русского общества допетровской эпохи. На самом деле достаточно полная программа преобразований была начата предшественниками Петра I, а многие начи-

нения уже стали давать свои плоды во 2-й пол. XVII в. Реформы затронули в первую очередь промышленность, военное дело, торговлю, образование и т. д.

⁶ *Густав II Адольф* (1594—1632 гг.) — король Швеции с 1611 г. В 1614—1617 гг. вел захватническую войну с Россией, завершившуюся Столбовским мирным договором 1617 г. Выступая на заседании риксдага (парламента), он заявил: «Русские — опасные соседи... а теперь этот враг без нашего позволения не может ни одного судна спустить на Балтийское море».

⁷ *Кардисский мир* со Швецией был подписан 21 июня 1661 г. По его условиям все отвоєванные русскими земли в ходе войны 1656 г. возвращались Швеции.

⁸ *Тохтамыш* (ум. 1406/1407) — с 1380 г. хан Золотой Орды, потомок Чингисхана, в 1382 г. обманом овладел Москвой, разгромлен войсками Тамерлана в 1395 г., бежал в Литву, где нашел убежище у князя Витовта.

⁹ *Александр Македонский* (Александр Великий) (356—323 гг. до н. э.) — царь Македонии, выдающийся полководец и государственный деятель.

¹⁰ *Карл Великий* (ок. 742—814 гг.) — с 768 г. франкский король, с 800 г. император, полководец и государственный деятель.

¹¹ *Наполеон I Бонапарт* (1769—1821 гг.) — французский генерал, первый консул в 1799—1804 гг., император Франции в 1804—1814 гг. Выдающийся полководец и государственный деятель.

¹² *Ромодановский Федор Юрьевич* (ок. 1640—1717 гг.) — князь, государственный деятель. В 1686—1717 гг. возглавлял Преображенский приказ, ведавший политическим сыском. Фактически стоял во главе управления страной в периоды отсутствия Петра I, пользовался его неограниченным доверием.

¹³ *Перикл* (ок. 490—429 гг. до н. э.) — крупнейший политический деятель Афинского государства (V в. до н. э.), дальновидный политик, храбрый воин, блестящий оратор. При нем демократия в Афинах достигла наивысшего расцвета, Афины превратились в центр просвещения и культуры Эллады. *Медичи* — династия правителей Флоренции в XV — нач. XVIII вв. покровительствовали науке и искусствам. В XV в. банкирский дом Медичи был самым крупным в Европе. Лоренцо Медичи Великолепный (1449—1492 гг.) — меценат, поэт, философ; Козимо I Медичи (1537—1574 г.), Фердинанд Медичи (1587—1609 гг.) и др. *Людовики* — короли Франции из династии Бурбонов.

¹⁴ *Долгорукий Яков Федорович* (1639—1720 гг.) — сенатор, военный и дипломатический деятель. Участник борьбы с царевной Софьей и Азовских походов 1695—1696 гг. Попал в плен под Нарвой в 1700 г., в 1711 г. возвращен в Россию.

¹⁵ *Карл XII* (1682—1718 гг.) — король Швеции с 1697 г. Вел успешные боевые действия в 1700—1706 гг. в Северной войне против России, Дании, Польши и Саксонии. Потерпел поражение от русской армии под Полтавой 27 июня 1709 г., бежал в Турцию, вернулся в Швецию в 1715 г. Погиб при осаде норвежской крепости Фредериксхальм.

¹⁶ *Кантемир Дмитрий* (1673—1723 гг.) — ученый и политический деятель, молдавский господарь (1693 и 1710—1711 гг.). В 1711 г. во время Прутского похода Петра I перешел на сторону России и призвал молдавский народ к освободительной войне против турок, после войны переселился в Россию. Граф, сенатор.

¹⁷ Личность Петра I действительно резко выделяется в ряду русских царей и императоров — это был взрыв индивидуальности, своеобразия и исключительности. Поэтому личность Петра сильно действовала на воображение историков, поэтов, публицистов, философов XVIII—XX вв. Петром восторжались А. С. Пушкин, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, многие советские историки и литераторы. Не избежал этой участи и такой «прагматический» историк как Н. Г. Устрялов.

¹⁸ *Нарышкина Наталья Кирилловна* (1653—1694 гг.) — дочь Кирилла Полуэктовича Нарышкина (1623—1691 гг.), боярина, по требованию восставших стрельцов в 1682 г. постриженного в Кирилло-Белозерский монастырь под именем Киприана. Русская царица, вторая жена Алексея Михайловича, мать Петра I и царевны Натальи Алексеевны.

¹⁹ *Зотов Никита Моисеевич* (ок. 1644—1718 гг.) — «дядька» и учитель малолетнего Петра Алексеевича. В 1695 г. начальник походной канцелярии Петра I под Азовом. С 1701 г. глава Ближней канцелярии и Печатного приказа. С 1710 г. — граф.

²⁰ *Лефорт Франц Яков* (Франц Яковлевич, 1655—1699 гг.) — на русской службе генерал-лейтенант и адмирал (1695 г.). Выходец из швейцарской купеческой семьи. Служил во французской и голландской армиях. С 1675 г. в России, участник русско-турецкой войны 1676—1681 гг. и Крымских походов 1687—1689 гг. В 1689 г. сблизился с Петром I. В Азовских походах 1695—1697 гг. командовал русским флотом, в 1697—1698 гг. возглавлял (вместе с Ф. А. Головиным и П. Б. Возницким) «Великое посольство».

²¹ *Вильгельм III Оранский* (1650—1702 гг.) — штатгальтер Голландии (с 1674 г.), английский король (1688 г.); правил совместно с женой Марией II Стюарт.

²² *Ян III Собеский* (1624—1696 гг.) — коронный гетман, затем король Польши с 1674 г. Разгромил турецкую армию под Веной в 1683 г., отвратил опасность новых турецких завоеваний, угрожавших Западной Европе.

²³ *Порта* (Блистательная Порта) — название Турции (Османской империи), укоренившееся в европейской литературе в средние века и в Новое время.

²⁴ *Шереметев Борис Петрович* (1652—1719 гг.) — боярин (1682 г.), граф (1706 г.), генерал-фельдмаршал, полководец, дипломат. При дворе с 1671 г.; в 1680—1690-х гг. воевода в Пскове, Белгороде. Участвовал в переговорах с Турцией (80-е гг. XVII в.), подписании «Вечного мира» с Польшей (1686 г.), посольствах в Варшаву и Вену, вел переговоры с германским императором, папой римским, дожем Венеции и магистром Мальтийского ордена. Во время Азовских походов и Северной войны командовал крупными армейскими соединениями. Одержал победу на суше над шведами (30 декабря 1701 — 1 января 1702 гг.) при местечке Эрренсфере, около Дерпта (Юрьева). В сражении при Полтаве командовал центром русской армии.

²⁵ *Шейн Алексей Семенович* (1642—1700 гг.) — военный и государственный деятель, генералиссимус, боярин с 1682 г., ближний боярин с 1695 г. В 1680—1685 гг. воевода в Тобольске и Курске. В Крымских (1687—1689 гг.) и Азовском (1695 г.) походах воевода. В Азовском походе 1696 г. главнокомандующий сухопутными войсками. Во время «Великого посольства» 1697—1698 гг. оставлен Петром I начальником трех военных приказов. Руководил подавлением Стрелецкого восстания 1698 г.

²⁶ 19 июля 1696 г. после двухмесячной осады Азов капитулировал. Взятие крупной турецкой крепости было большим военным и внешнепо-

литическим успехом России. Однако эта победа еще не обеспечивала выхода в Черное море — его прочно запирала другая крепость — Керчь.

²⁷ *Август II Фридрих* (1670—1733 гг.) — курфюрст Саксонский из династии Веттингов (1694—1733 г.), с 1697 г. король польский, союзник Петра I в борьбе против Швеции. В 1706—1709 гг. был смещен шведами с престола. Вернулся на трон в 1709 г.

²⁸ Заговор полковника Ивана Алексеевича Цыклера (ум. 1697 г.) был раскрыт в феврале 1697 г. К нему были причастны чиновные и родовитые люди, среди них окольный Алексей Прокофьевич Соковнин, боярин Матвей Пушкин, их родственники. Думный дворянин Цыклер — иноземный карьерист, начал службу в России в 1671 г. Принимал активное участие в восстании стрельцов в мае 1682 г. на стороне Софьи. В 1689 г. перешел на сторону Петра, получил звание полковника. Исполнителей заговора (устранения Петра) Цыклер пытался найти среди стрельцов. После раскрытия планов заговорщиков, они были подвергнуты жестокому пыткам и казнены. Только один Матвей Пушкин избежал смертной казни, его имущество было конфисковано, а он сослан в далекий Енисейск.

²⁹ *Кенигсберг* («Королевец») — современный г. Калининград.

³⁰ Н. Г. Устрялов идеализирует состояние Западной Европы, в частности Голландии, в конце XVII в. Еще долго здесь ощущались последствия Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.), в которой Голландия тоже принимала участие. В Германии, например, убыль населения в северо-восточных и юго-западных районах достигла 50 и выше процентов. Производительным силам страны был нанесен непоправимый ущерб. Голландия во 2-й пол. XVII в. вела войны с Англией и Францией, подверглась нападению О. Кромвеля в 1652—1654 гг., который своим «Навигационным актом» в значительной степени подорвал морскую торговлю, являющуюся главным источником доходов Республики Соединенных провинций (Голландии). Экономическим подъемом Голландии воспользовалась лишь незначительная часть населения страны. Положение же основной массы населения — крестьян, горожан, рабочих на мануфактурах в конце XVII в. не только не улучшилось, а даже ухудшилось.

³¹ *Генеральные штаты* — высший сословно-представительный орган в Нидерландах и Франции. После революции XVI в. за северной частью Нидерландов закрепилось название Республика Соединенных провинций. Генеральные штаты стали высшим постоянно действующим законодательным органом республики.

³² Австрийский император Леопольд I Габсбург (1640—1705 гг., император с 1657 г.) твердо решил выйти из войны с Турцией, о чем вел с последней секретные сепаратные переговоры.

³³ *Возницын Прокофий Богданович* (ум. 1702 г.) — государственный деятель, дипломат. Служил в Посольском приказе, исполнял дипломатические поручения в Вене, Венеции, Варшаве. В 1681 г. выполнял обязанности посла в Константинополе. С 1690 г. — думный дьяк, член Казанского приказа. В январе 1699 г. на Карловицком конгрессе подписал выгодный для России мир с Турцией, отклонив все претензии османской стороны, сохранив все завоевания Петра I на юге.

³⁴ По приказу Петра I обреченные на смерть стрельцы в сентябре 1698 г. были доставлены в Москву. В общей сложности их набралось свыше 1000 человек. Первая массовая казнь стрельцов состоялась 30 сентября, вторая — 11 октября. Всего было предано смерти свыше 800 стрельцов. В казнях принимали личное участие царь Петр и его приближенные.

³⁵ *Евдокия Федоровна (Лопухина)* (1669—1731 гг.) — царица, первая жена Петра I, с 1698 г. — монахиня Елена; привлекалась по делу царевича Алексея (своего сына) к следствию в 1718 г., сослана в Новую Ладугу, затем в Шлиссельбург (Орешек). С 1727 г. жила в Новодевичьем монастыре.

³⁶ *Марфа (Мария) Алексеевна* (1660—1723 гг.) — царевна, дочь царя Алексея Михайловича и Марии Милославской. В 1698 г. по подозрению в участии в стрелецком восстании насильно пострижена в монахини. Была привлечена к следствию по делу царевича Алексея, арестована. Освобождена в 1721 г.

³⁷ Можно подумать, что стрижка бород была мелкой прихотью царя, не заслуживающей серьезного внимания. Однако при этом нужно помнить, что культ бороды у русских создала православная церковь, считавшая ее «Богом данным украшением». Патриарх Адриан (ум. 1700 г.) объявил брдобритие смертным грехом. Ношение бороды стало формой протеста, сопротивлением западным нововведениям.

³⁸ По указу от 20 февраля 1705 г. рекруты брались «со всех городов и уездов, с посадов, с дворцовых волостей, с вотчин церковных и помещичьих, с крестьянских и бобыльских, с задворных и деловых», занесенных в переписные книги. Все податное население ежегодно было обязано с определенного числа душ (формально с 500, а в некоторых случаях с 300, 200 и даже 100 человек) поставлять одного рекрута.

³⁹ К концу царствования Петра I в новой регулярной армии было 126 полков при общей численности 200 тыс. солдат всех родов войск.

⁴⁰ К числу нововведений Петровской эпохи относятся учреждение орденов и медалей. Ранее награждали деньгами, дорогими тканями, одеждой, ювелирными изделиями (кубками, ковшами, перстнями и т. д.). Орден Андрея Первозванного — первый российский военный орден.

⁴¹ *Головин Федор Алексеевич* (1650—1706 гг.) — дипломат, военачальник; боярин, граф, генерал-фельдмаршал, адмирал. Подписал Нерчинский договор 1689 г. с Китаем, участник Азовских походов, один из послов «Великого посольства». Ведал внешней политикой, строительством флота, Монетным двором.

⁴² *Мазепа Иван Степанович* (1644—1709 гг.) — гетман Левобережной Украины (1687—1708 гг.), известен своим раболепием перед русским царем, награжден орденом Андрея Первозванного; во время вторжения Карла XII стал изменником, перейдя на сторону шведов. После Полтавской битвы (1709 г.) бежал в Бендеры, где и умер.

⁴³ Податные реформы Петра значительно увеличили налоговое бремя на население страны. Податями были обложены новые слои общества (холопы, черносошные крестьяне Севера и Сибири, нерусские народности Поволжья и др.), многие тысячи людей выполняли натуральную повинность в пользу государства, тысячи людей были взяты в солдаты. В. О. Ключевский говорил о двойном увеличении тяжести налогов.

⁴⁴ *Стефан Яворский* («в миру» Симеон) (1658—1722 гг.) — «местоблюститель патриаршего престола» после смерти патриарха Адриана (1700 г.), ректор Славяно-греко-латинской академии (1707 г.), президент Св. Синода (1721 г.). Сначала сторонник, а затем противник петровских реформ, был связан с царевичем Алексеем. Известный писатель и проповедник своего времени, основной труд — трактат против лютеран «Камень веры». Патриаршество в России было восстановлено Поместным Собором РПЦ 15 августа 1917 г.

⁴⁵ По царскому указу монастырскую братию посадили на скудный паек, запретили держать в кельях бумагу и чернила, обязали монахов и монахинь заниматься «художествами» — столярным делом, иконописанием, прядением, шитьем, плетением кружев и т. д.

⁴⁶ *Мусин-Пушкин Иван Алексеевич* (ум. после 1728 г.) — сын комнатного стольника, окольник, затем боярин. В 1689 г. воевода в Смоленске, в 1695 г. — в Астрахани. Участник Полтавской битвы. С 1710 г. граф. В 1710—1717 гг. начальник Монастырского приказа, с 1711 г. — сенатор, в 1726 г. — «докладчик» Екатерины I, в 1727 г. — заведующий Монетным двором. После вступления на престол Петра II отошел от дел.

⁴⁷ *Навигаторская (Навигацкая) школа* — «Школа математических и навигацких наук» — открылась в Сухаревой башне в 1701 г. и послужила основой для Морской академии в Петербурге.

⁴⁸ *Фридрих (Фредерик) IV* (1671—1730 гг.) — датский король с 1699 г., сын короля Христиана V, союзник России в борьбе против Швеции.

⁴⁹ *Паткуль Иоганн Рейнгольд* (1660—1707 гг.) — лифляндский дворянин, разрабатывал планы военного союза России, Польши и Саксонии против Швеции. Арестован саксонцами и выдан Швеции, казнен шведами в 1707 г.

⁵⁰ *Украинцев Емельян Игнатьевич* (1641—1708 гг.) — государственный деятель, дипломат. С 1660 г. подьячий Посольского приказа, в 1672—1673 гг. посланник в Швеции, Дании, Голландии, в 1689—1699 гг. управлял Посольским приказом. В 1699—1700 гг. посол в Турции, добился заключения выгодного для России Константинопольского мира (1700 г.); в 1707—1708 гг. посол в Польше.

⁵¹ Карл XII во главе 15-тысячного войска 8 августа 1700 г. неожиданно высадился у стен Копенгагена, вынудив короля Дании Фредерика IV подписать капитуляцию и выйти из союза с Россией и Саксонией. Договор между Швецией и Данией был подписан 7 (18) августа 1700 г. в Травендале (Травенталь).

⁵² *Горн (Хорн) Геннинг-Рудольф* (1664—1728 гг.) — шведский полковник, затем генерал, комендант Нарвы.

⁵³ *Кроу (Круц, Кроа) Карл Евгений фон* (ум. 1702 г.) — герцог, фельдмаршал-лейтенант, на русской службе с 1700 г., главнокомандующий русской армией в сражении при Нарве, сдался в плен шведскому королю Карлу XII.

⁵⁴ Историки по-разному оценивают этот труднообъяснимый поступок царя Петра накануне Нарвской битвы. Одни считают, что царь испугался противника, в панике бежал, другие говорят о том, что Петр недооценил шведскую армию и способности Карла XII.

⁵⁵ Численность русской армии под Нарвой 19 ноября 1700 г. составляла около 34 тыс. человек, шведской — 8 тысяч (по другим данным — 18 тыс.).

⁵⁶ *Станислав Богуслав Лещинский* (1677—1766 гг.) — польский король (1704—1709 и 1733 гг.), ставленник Карла XII, отец французской королевы Марии, жены Людовика XV.

⁵⁷ Шереметев одержал победы над шведами при Эрренсфере (около Тарту) 1 января 1702 г. и при Гумельсгофе (Гумоловой мызы, около Пярну) 22 июля 1702 г.

⁵⁸ *Голицын Михаил Михайлович* (1675—1730 гг.) — генерал-фельдмаршал (1725 г.). С 1687 г. барабанщик Семеновского полка. В 1702 г. руководил штурмом Нотсбурга, в 1708 г. одержал победу при Добром и отличил-

ся в бою при Лесной. В 1709 г. под Полтавой командовал гвардией. Участвовал в морском сражении при Гангуте (1714 г.). В 1720 г., командуя флотом, одержал победу при Гренгаме. В 1723—1728 гг. командовал войсками на Украине. С сентября 1728 г. президент Военной коллегии и член Верховного Тайного Совета. При Анне Иоанновне подвергся опале.

⁵⁹ Шлиссельбург в переводе означает «Ключ-город». Переименован Петром I в 1702 г. (старинное название русского города-крепости — Орешек).

⁶⁰ *Левенгаупт Адам Людвиг* (1659—1719 гг.) — шведский военачальник, генерал-лейтенант, граф. В 1706—1708 гг. губернатор Лифляндии и Курляндии. Во время передвижения из Прибалтики через Белоруссию на соединение с Карлом XII был разбит в 1708 г. около дер. Лесная. В Полтавском сражении командовал пехотой. У Переволочны принял у Карла XII командование и капитулировал. В 1709—1719 гг. — в плену. После смерти Карла XII назначен министром королевы Ульрикой-Элеонорой, но умер на пути в Швецию.

⁶¹ Восстание в Астрахани произошло в 1705 г. Восставшие захватили город, казнили мздоимца и вымогателя воеводу Ржевского, заняли соседние города. В 1706 г. восстание было подавлено правительственными войсками под командованием Б. П. Шереметева.

⁶² 19 октября 1706 г. между Швецией и Саксонией был подписан Альтранштадтский мирный договор, по которому Август II отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, обязывался содержать в течение зимы шведские войска, согласился выдать шведам находившееся в его распоряжении вспомогательное русское войско.

⁶³ Сражение при Калише произошло в октябре 1706 г.

⁶⁴ *Евгений Савойский* (1663—1736 гг.) — принц, выдающийся австрийский полководец и государственный деятель; *Мальборо Джон Черчилль* (1650—1722 гг.) — герцог, английский полководец и государственный деятель.

⁶⁵ *Кондратий Афанасьевич Булавин* (1660—1708 гг.) — домовитый казак, атаман на соляных промыслах в Бахмуте. В 1707 г. возглавил восстание казаков на Дону. В 1708 г. повстанцы заняли Царицын, предприняли поход на Азов. В 1708 г. убит в результате заговора.

⁶⁶ Спасаясь от расправы, часть повстанцев-старообрядцев во главе с атаманом Игнатом Некрасовым ушли на Кубань во владения Турции. Там возникла и долгое время существовала самостоятельная казачья старообрядческая община.

⁶⁷ Сражение у деревни Лесная произошло 28 сентября 1708 г. Шведская армия под командованием генерала Левенгаупта, численностью около 13 тыс. человек, была разбита 12-тысячным русским корпусом. Потери шведов убитыми и ранеными составляли свыше 6 тыс. человек. Русские потеряли около 4 тыс. человек.

⁶⁸ *Скоропадский Иван Ильич* (1646—1722 гг.) — гетман Левобережной Украины, поставленный после измены Мазепы в 1708 г. Участвовал в борьбе против Швеции во время Северной войны.

⁶⁹ *Келин Алексей Степанович* — полковник, комендант Полтавы во время ее осады шведами в 1709 г.

⁷⁰ Шведская армия в сражении при Полтаве насчитывала (по разным данным) от 17 до 28 тыс. человек. Русская армия была численностью в 42 тыс. солдат и офицеров.

⁷¹ *Ахмед III* (1673—1736 гг.) — турецкий султан в 1703—1730 гг., свергнут, умер в тюрьме.

⁷² *Мехмед-паша Балтаджи* (1655 или 1662—1712 гг.) — великий визирь в 1704—1706 и 1708—1711 гг., турецкий государственный деятель.

⁷³ *Бранкован (Бранковяну) Константин* (1654—1714 гг.) — господарь Валахии с 1688 г., казнен в Стамбуле в 1714 г.

⁷⁴ Прутский поход Петра I состоялся летом 1711 г.

⁷⁵ *Шафиров Петр Павлович* (1669—1739 гг.) — государственный деятель, барон с 1710 г. Родился в еврейской семье переводчика Посольского приказа. С 1691 г. переводчик Посольского приказа, в 1697—1698 гг. участвовал в «Великом посольстве», с 1709 г. — вице-канцлер, управляющий почтами. Сыграл важную дипломатическую роль во время Прутского похода. С 1717 г. вице-президент коллегии Иностранных дел. В 1723 г. обвинен в казнокрадстве, приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой. В 1725 г. возвращен Екатериной I, президент Коммерц-коллегии, в 1730—1732 гг. посол в Тегеране. С 1733 г. снова президент Коммерц-коллегии.

⁷⁶ *Фридрих Вильгельм I* (1668—1740 гг.) — прусский король с 1713 г. из династии Гогенцоллернов, отец Фридриха II Великого.

⁷⁷ *Либекер (Любеккер) Георг* (1650—1718 гг.) — барон, генерал, командующий шведскими войсками в Финляндии.

⁷⁸ *Гельсингфорс и Або (в)* — Хельсинки и Або (Турку) — города в Финляндии.

⁷⁹ *Армфельд Карл Густав* (1666—1736 гг.) — барон, шведский генерал-майор, неудачно оборонял Финляндию от русских войск в 1713 г.

⁸⁰ Гангутское морское сражение произошло 26—27 июля 1714 г. Шведский флот был разгромлен, адмирал Эреншельд и все 10 шведских кораблей с экипажем попали в плен. Это был первый большой успех молодого русского флота над еще не знавшим поражения шведским флотом. Эреншельд Нильс (1674—1717 гг.) — шведский контр-адмирал, командующий эскадрой при Гангуте.

⁸¹ *Георг I* (1660—1727 гг.) — ганноверский курфюрст Георг-Людовиг, английский король с 1714 г., положил начало Ганноверской династии английских королей.

⁸² *Герц Георг Генрих, фон* (ум. 1719 г.) — барон, немец, шведский государственный деятель, арестован после гибели Карла XII и казнен.

⁸³ *Ульрика-Элеонора* (1688—1741 гг.) — шведская королева в 1718—1720 гг., младшая сестра Карла XII.

⁸⁴ *Апраксин Федор Матвеевич* (1671—1728 гг.) — военный и государственный деятель, генерал-адмирал, граф, сенатор; брат царицы Марфы, жены царя Федора Алексеевича. Воевода в Архангельске (1692 г.), участник Азовских походов, начальник Адмиралтейского приказа (1700—1706 гг.), успешно оборонял Петербург, в 1710 г. взял Выборг. Участник Гангутского сражения, президент Адмиралтейской коллегии (1717 г.). В 1712—1723 гг. губернатор Эстляндии, Ингерманландии, Карелии. В 1723—1726 гг. — командующий Балтийским флотом. Член Верховного Тайного Совета (1726 г.).

⁸⁵ *Бекович-Черкасский Александр* (Девлет-Кизден-Мурза) (ум. в 1717 г.) — кабардинский князь на русской службе, капитан гвардии, начальник экспедиции в Бухару в 1717 г., зверски убит по приказу хивинского хана.

⁸⁶ *Карл-Фридрих* (1700—1739 гг.) — герцог Голштинский (Голштейн-Готторпский), племянник Карла XIII, муж дочери Петра I Анны Петровны и отец Карла-Петра-Ульриха (Петра III).

⁸⁷ *Алексей Петрович* (1690—1718 гг.) — царевич, сын Петра I и Евдо-

кии Лопухиной. С 1711 г. женат на Софье Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1694—1715 гг.). В 1716 г. бежал в Вену к своему шурина австрийскому императору Карлу VI; был возвращен в Россию в конце 1717 г. и приговорен к смертной казни, скончался в тюрьме при невыясненных обстоятельствах.

⁸⁸ *Кикин Александр Васильевич* (ок. 1673—1718 гг.) — царский денщик, советник по Адмиралтейству; получил образование судостроителя в Голландии, занимал ответственные посты на верфях Петербурга, Воронежа, Лодейного Поля и Ладоги, исполнял личные поручения царя; за злоупотребления был отдан под суд, но вскоре прощен царем. С 1713 г. стал активным сторонником царевича Алексея, был привлечен к дознанию в 1718 г., казнен по приговору суда.

⁸⁹ Н. Г. Устрялов идеализирует отношения между церковью и государством при Петре I. На самом деле православие в России подвергалось существенному реформированию, превращалось в служанку государства, переставало быть духовной опорой народа. Со времени Петра I Православная церковь в России стала еще одним государственным учреждением («духовным ведомством»), которое управлялось посредством назначаемых царем чиновников.

⁹⁰ *Репнин Аникита (Никита) Иванович* (1668—1726 гг.) — князь, генерал-фельдмаршал. В 1685 г. поручик потешной роты, участник Азовских походов 1695—1696 гг. В 1699 г. генерал-майор, в 1708 г. разжалован после поражения при Головчине, восстановлен после битвы при Лесной. В Полтавском сражении командовал центром русских войск. В 1709—1710 гг. руководил осадой и взятием Риги. С 1719 г. губернатор Лифляндии, одновременно в 1724—1725 гг. президент Военной коллегии; *Долгорукий Григорий Федорович* (1656 или 1657—1723 гг.) — князь, сенатор, дипломат; *Долгорукий Василий Владимирович* (1667—1746 гг.) — князь, генерал-фельдмаршал, полководец и государственный деятель. неоднократно подвергался опале, член Верховного тайного совета, сослан при Анне Иоанновне, возвращен в 1742 г., стал президентом Военной коллегии; *Бутурлин (Батурлин) Иван Иванович* (1661—1738 гг.) — генерал-лейтенант. С 1687 г. премьер-майор Преображенского полка. Под Нарвой попал в плен (1700 г.). В 1710 г. обменен на шведского генерал-майора Майерфельда. Участник боя при Гангуте (1714 г.). Активный деятель розыска по делу царевича Алексея. С 1718 г. командир Преображенского полка. При Петре II в 1727 г. попал в опалу, лишен чинов и сослан; *Крюйс (Кройс) Корнелий Иванович* (1657—1727 гг.) — русский адмирал, вице-президент Адмиралтейской коллегии, один из создателей русского флота; *Брюс Яков Виллимович* (1669—1735 гг.) — государственный деятель и ученый. Происходил из знатного шотландского рода, его предки с 1647 г. жили в России. Участвовал в Крымских и Азовских походах, входил в состав Великого посольства. В Полтавском сражении командовал артиллерией. В 1717 г. сенатор и президент мануфактур и берг-коллегии. Вместе с А. И. Остерманом подписал в 1721 г. Ништадтский мир со Швецией. В 1726 г. вышел в отставку в чине генерал-фельдмаршала.

⁹¹ *Головкин Гавриил Иванович* (1660—1734 гг.) — стольник, постельничий, граф (1710 г.), кавалер ордена Андрея Первозванного, государственный деятель и дипломат, президент Посольского приказа (1706—1709 гг.), государственный канцлер, президент Коллегии иностранных дел, член Верховного тайного совета (1726—1730 гг.).

² *Остерман Андрей Иванович* (Генрих Иоганн Фридрих) (1686—1747 гг.) — государственный деятель, дипломат, граф (с 1730 г.). Родился в Вестфалии, сын лютеранского пастора. На русской службе с 1703 г. Сделал блестящую карьеру, пройдя путь от переводчика Посольского приказа до вице-канцлера. Принимал активное участие в заключении Ништадтского мира. С 1723 г. вице-президент коллегии Иностранных дел. С 1726 г. член Верховного Тайного совета, воспитатель Петра II, в 1725—1741 гг. вице-канцлер. Активно поддерживал при дворе императрицы Анны ее фаворита Бирона и «немецкую партию». При Анне Иоанновне влиятельнейший государственный деятель. После прихода к власти Елизаветы предан суду, приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой в Сибирь.

³ *Ягужинский Павел Иванович* (1683—1736 гг.) — государственный деятель и дипломат. Сын органиста, выходца из Литвы. С 1701 г. служил в гвардии; в 1720—1721 гг. посланник в Вене. В 1722—1726 гг. и 1730—1731 гг. генерал-прокурор сената, в 1726—1727 гг. полномочный министр при польском сейме в Гродно. В 1731—1734 гг. посол в Берлине. С 1735 г. кабинет-министр Анны Иоанновны. Член Верховного Тайного совета; вначале выступал за ограничение власти Анны Иоанновны, но затем изменил свою позицию.

⁴ *Прокопович Феофан* (1681—1736 гг.) — церковный и общественный деятель, писатель, деятельный сторонник Петра I. Епископ с 1718 г., архиепископ Новгородский с 1724 г. Окончил в 1698 г. Киево-Могилевский коллегиум. Принял униатство, учился в Польше и Риме. В 1704 г. возвратился в православие. Сопровождал Петра I в Прутском походе (1711 г.). Ректор духовной академии в Киеве. С 1715 г. в С.-Петербурге, с 1721 г. вице-президент Святейшего Синода. Автор сочинений: «Слово о власти и чести царской» (1719 г.), «Духовный регламент» (1721 г.).

Глава II.

ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ДО ЕКАТЕРИНЫ II

¹ *Екатерина I Алексеевна* (1684—1727 гг.) — императрица с 1724 г. До принятия православия — Марта Скавронская, дочь литовского крестьянина Самуила Скавронского. В 1702 г. попала в русский плен и вскоре стала фактической женой Петра I. Церковный брак оформлен в 1712 г. После смерти Петра I возведена на престол гвардейскими частями во главе с А. Д. Меншиковым.

² В 1713 г. Дания оккупировала Шлезвиг — часть суверенного герцогства Шлезвиг—Голштейн. К концу Северной войны Петр I вмешался в спор Дании и Голштейна и выдал свою старшую дочь Анну за голштинского герцога Карла-Фридриха. Этим было положено начало периоду длительного влияния России в Северной Германии.

³ *Анна Иоанновна* (1693—1740 гг.) — императрица России (1730—1740 гг.), вторая дочь царя Ивана Алексеевича и Прасковьи Федоровны Салтыковой, вдова Фридриха Вильгельма, герцога Курляндского, с 1711 г. жила в Митаве. В 1739 г. приглашена Верховным Тайным советом на русский престол.

⁴ *Неплюев Иван Иванович* (1693—1773 гг.) — государственный деятель, моряк, дипломат. Из бедных новгородских дворян. В 1714 г. поступил в Новгороде в математическую школу, затем в С.-Петербургскую

Морскую академию. Учился в Венеции и Испании. С 1720 г. главный командир над строящимися морскими судами в Петербурге, в 1721—1734 гг. «резидент» в Константинополе, в 1742—1758 гг. начальник Ориенбургского края, с 1760 г. — сенатор. Оставил автобиографическое сочинение «Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, им самим описанная».

⁵ *Петр II Алексеевич* (1715—1730 гг.) — император России (1727—1730 гг.), внук Петра I, сын царевича Алексея Петровича.

⁶ *Долгорукий Иван Алексеевич* (1708—1739 гг.) — майор гвардии, обер-камергер, фаворит Петра II, муж Н. Б. Долгорукой (Шереметевой), сослан в Березов, вновь обвинен и казнен в Новгороде в правление Анны Иоанновны.

⁷ А. Д. Меншиков был арестован 8 сентября 1727 г. Вскоре выслан в свое имение — город Ранненбург, (ныне г. Чаплыгин), а затем — в Сибирь (г. Березов).

⁸ *Голицын Дмитрий Михайлович* (1665—1738 гг.) — лидер Верховного Тайного совета, организатор попытки ограничить самодержавие при Анне Иоанновне в 1730 г. Сослан в деревню, в 1737 г. привлечен к суду, умер в Шлиссельбурге.

⁹ Так называемые «кондиции» — условия, на которых Анна Иоанновна могла принять российскую корону, были весьма значительны по объему и существенны по содержанию. Они оставляли за ней только формальное право занимать трон. Все важнейшие вопросы государственной жизни решались Верховным Тайным советом. Анна Иоанновна в феврале 1730 г. подписала «кондиции», однако после приезда в Москву из Курляндии, разобравшись в обстановке, порвала их. Самодержавие было восстановлено.

¹⁰ *Кантемир Антиох Дмитриевич* (1708—1744 г.) — поэт, дипломат, сын молдавского господаря Дмитрия Кантемира. С 1732 г. — посол России в Англии, с 1738 г. — посол России во Франции, умер в Париже.

¹¹ *Бирон Эрст Иоганн* (1690—1772 гг.) — фаворит императрицы Анны Иоанновны. Происхождение его остается не совсем ясным. Считают, что он родился в небогатой дворянской семье в Курляндии. С 1718 г. при дворе Анны Иоанновны, в 1730 г. приехал с ней в Россию в качестве обер-камергера. В 1737 г. при содействии императрицы избран герцогом Курляндским. По завещанию Анны Иоанновны после ее смерти в 1740 г. стал регентом при малолетнем Иване VI Антоновиче. После дворцового переворота 9 ноября 1749 г. приговорен к смертной казни, замененной ссылкой. Возвращен в С.-Петербург Петром III, восстановлен Екатериной II на курляндском герцогском престоле.

¹² Термин «бириновщина», укоренившийся в литературе по русской истории, не совсем точно отражает реальности царствования Анны Иоанновны. Н. Г. Устрялов преувеличивает роль и влияние Бирона в стране. По мнению современных исследователей, подлинным правителем России был А. И. Остерман, а фаворит императрицы — только марионеткой в его руках. Бирон был у всех на виду, Остерман же держался в тени.

¹³ Б. Х. Миних безраздельно хозяйничал в армии, насаждая в ней муштру, палочную дисциплину. В армейских подразделениях царил засилье немецких офицеров. В армии процветали казнокрадство и воровство.

¹⁴ Следуя в фарватере австрийской дипломатии, Россия в 1735 г. начала войну с Турцией (как это было угодно Вене) и пошла на уступки Ирану, уже воевавшему против Османской империи. Россия отдала Ирану все

прикаспийские земли, включая Баку и Дербент. Русские гарнизоны были выведены за Терек до самого Кизляра.

¹⁵ *Ласси Петр Иванович* (1678—1751 г.) — фельдмаршал, полководец, участник войн России 1-й половины XVIII в.

¹⁶ *Данциг* (Гданьск) был взят войсками Миниха в 1734 г. Под стенами этого северного польского города сложили головы три тысячи русских солдат.

¹⁷ В период «бироновщины» в России особенно большую власть приобрел политический сыск, Тайная канцелярия, усилились и ужесточились репрессии. Кнут, вырывание ноздрей или урезывание языка считались сравнительно «милостивыми» наказаниями.

¹⁸ Сражение у местечка Ставучаны (недалеко от Хотина в Молдавии) произошло 17 августа 1739 г. и закончилось полной победой русских войск.

¹⁹ Мирный договор между Россией и Турцией был подписан в Белграде 29 сентября 1739 г. Белградский мир перечеркивал все победы России в войне. Потеряв в войне с Турцией 1735—1739 гг. более 100 тыс. солдат, Россия возвращалась к своим прежним рубежам, не получив в этом никаких преимуществ. Внешняя политика, проводимая правительством Анны Иоанновны, отвечала больше интересам других стран, чем России. Героические победы русской армии ничего не дали России, кроме огромных и бессмысленных потерь.

²⁰ *Анна Леопольдовна* (Елизавета Христина) (1718—1746 гг.) — правительница России (1740—1741 гг.) при малолетнем сыне Иване VI Антоновиче, дочь Карла Леопольда, герцога Мекленбургского и Екатерины Ивановны, старшей дочери царя Ивана Алексеевича, племянница Анны Иоанновны. В 1722 г. приехала с матерью в Россию, в 1739 г. была выдана замуж за Антона Ульриха, принца Брауншвейгского, после переворота 1741 г. сослана Елизаветой Петровной в Холмогоры, где умерла при родах. Похоронена в Александро-Невской лавре.

²¹ *Иван VI Антонович* (1740—1764 гг.) — император России (1740—1741 гг.), сын Антона Ульриха и Анны Леопольдовны. После переворота Елизаветы Петровны был сослан в Холмогоры с родителями, затем отделен от них и переведен в Шлиссельбургскую крепость. При попытке поручика В. Я. Мировича освободить его из заключения по имевшейся у караула инструкции убит охранниками.

²² *Фридрих II Великий* (1712—1786 гг.) — прусский король из династии Гогенцоллернов с 1740 г., полководец, представитель «просвещенного абсолютизма».

²³ *Мария-Терезия Габсбург* (1717—1780 гг.) — австрийская эрцгерцогиня, императрица с 1740 г. Проводила политику укрепления абсолютизма, вела неудачные войны с Пруссией, в результате чего потеряла Силезию.

²⁴ Прагматическая санкция — договор о признании за дочерью австрийского императора Карла IV Марией-Терезией права на императорский престол, была признана Англией, Францией, Россией, Пруссией, Голландией и другими европейскими государствами. Однако сразу же после смерти Карла IV в 1740 г. Прагматическая санкция была нарушена Пруссией, и началась война за австрийское наследство.

²⁵ *Горн Арвид Бернхард* (1664—1742 гг.) — шведский государственный деятель и полководец. Сопровождал Карла XII в походе на Нарву, позднее занимал должность президента Королевской канцелярии, сторонник мирных отношений с Россией; *Гилленбург Карл* (1679—1746 гг.)

— граф, шведский государственный деятель, участник Аландского конгресса, сторонник реванша в отношениях с Россией.

²⁶ 23 августа 1741 г. русские войска под командованием П. Ласси разгромили армию шведов при Вильманстранде (Финляндия) под командованием генерала Врангеля.

²⁷ *Де ля Шетарди Жак Иоахим Тротти* (1705—1758 гг.) — французский дипломат и генерал, маркиз. В 1739—1741 гг. посол Франции в Петербурге. Поддерживал Елизавету Петровну, но в перевороте участия не принимал. Интриговал против А. П. Бестужева-Рюмина, возглавлявшего враждебную Франции партию сторонников сближения с Австрией и Англией; после перехвата курьера с бумагами выслан из России. С 1749 г. французский посланник в Туринс.

²⁸ *Елизавета Петровна* (1709—1761 г.) — дочь Петра I и Марты Скавронской (Екатерины I), императрица после переворота 25 ноября 1741 г., с 1744 г. в мorganатическом браке с Алексеем Разумовским.

²⁹ *Лесток Иоганн Герман* (1692—1767 гг.) — в 1713 г. прибыл в Петербург; по происхождению французский дворянин; лейб-хирург Екатерины I. Сыграл значительную роль в перевороте 1741 г. После того как А. П. Бестужев-Рюмин перехватил его переписку с французским послом Шетарди, Лесток был арестован, приговорен к смертной казни, помилован и сослан. В 1762 г. освобожден Петром III с возвращением чинов и конфискованного имущества.

³⁰ Шведская армия капитулировала в августе 1742 г. под Гельсингфорсом (Хельсинки).

³¹ Мирный договор между Россией и Швецией был подписан 18 августа 1743 г. в г. Або (Турку) (Финляндия). Граница Швеции отодвигалась в глубь Финляндии до р. Кюмени.

³² *Разумовский Алексей Григорьевич* (1709—1771 гг.) — сын украинского казака Григория Разума, с 1731 г. левчий украинской капеллы, фаворит царевны Елизаветы Петровны. После ее воцарения — камергер, генерал-поручик, с 1744 г. граф, с 1756 г. генерал-фельдмаршал. С 1744 г. в мorganатическом браке с императрицей Елизаветой. С 1762 г. в отставке.

³³ *Шувалов Петр Иванович* (1710—1762 гг.) — государственный и военный деятель, участник переворота 25 ноября 1741 г. С 1746 г. граф, с 1761 г. генерал-фельдмаршал. В 1750-х гг. фактически определял внутреннюю политику России. Автор проектов государственных, экономических и военных реформ. С 1757 г. начальник оружейной канцелярии, избрал т. н. секретную гаубицу и «шуваловский единорог»; *Шувалов Иван Иванович* (1727—1797 гг.) — государственный деятель; с 1749 г. камер-юнкер, фаворит Елизаветы Петровны. С 1763 г. генерал-адъютант. Куратор Московского университета, создатель и первый президент Академии Художеств (1757—1763 гг.). При Екатерине II в опале. В 1765—1777 гг. за границей, в «отпуске по болезни», выполнял ряд дипломатических поручений правительства; *Бестужев-Рюмин Алексей Петрович* (1693—1766 гг.) — государственный деятель и дипломат. Граф (1742 г.). В 1734—1740 гг. посол в Дании, в 1740 г. кабинет-министр. Участник дворцового переворота 1741 г., вице-канцлер, с 1744 г. канцлер. В 1758 г. обвинен в поддержке великой княгини Екатерины и приговорен к смертной казни, замененной ссылкой. После переворота 1762 г. восстановлен во всех званиях, произведен в генерал-фельдмаршалы, но от активной политической деятельности отошел.

⁴² Франция и Австрия подписали *Версальский мирный договор* 1 мая 1756 г., по которому оба государства взаимно гарантировали свои владения и обязывались оказывать друг другу военную помощь.

⁴³ *Румянцев Петр Александрович* (1725—1796 гг.) — полководец, граф. В сражениях Семилетней войны командовал бригадой под Гросс-Егерсдорфом, дивизией под Кунерсдорфом, корпусом под Кольбергом. В 1764—1796 гг. президент Малороссийской коллегии и генерал-губернатор Малороссии. В русско-турецкой войне 1768—1774 гг. командовал армией, разгромил турок при Рябой Могиле, Ларге, Кагуле. С 1775 г. титулован «графом Задунайским». В русско-турецкой войне 1787—1791 гг. командовал Второй армией.

⁴⁴ Сражение при Кунерсдорфе состоялось 1 августа 1759 г. Численность русско-австрийских войск составляла 59 тыс. человек, прусских — 49 тыс. человек. Победа русских при Кунерсдорфе стала наиболее значительным событием всей Семилетней войны. Потери прусской армии в сражении составили 19 тыс. человек, русской — 13,5 тыс., австрийской — 2 тыс. человек.

⁴⁵ *Петр III Федорович* (Карл Петер Ульрих, 1728—1762 гг.) — российский император в 1761—1762 гг. Сын герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского и царевны Анны Петровны, внук Петра I. В 1742 г. объявлен Елизаветой наследником престола. С 1745 г. женат на принцессе Софии Фредерике Августе Ангальт-Цербстской, будущей императрице Екатерине II. Свергнут с престола в результате заговора 28 июня 1762 г.

⁴⁶ Семилетняя война стоила России очень дорого: свыше 300 тыс. солдат и офицеров погибло на полях сражений и скончалось от ран. Российской казне война обошлась в колоссальную по тем временам сумму — 30 млн. рублей. Все жертвы и победы русских не принесли им никаких преимуществ и выгод, оказались напрасными.

⁴⁷ Фридрих II не поддерживал намерения Петра III воевать с Данией, ему, вероятно, удалось убедить императора решить вопрос Шлезвига мирно. Конгресс по этой проблеме был собран в Берлине при посредничестве короля Пруссии 1 июля 1762 г.

⁴⁸ Манифест о вольности дворянской был обнародован 18 февраля 1762 г. Согласно этому документу, дворяне совершенно освобождались от обязательной военной или гражданской службы. Дворянство превращалось из сословия служилого в сословие привилегированное. С освобождением землевладельцев от обязательной службы их власть над крестьянами не только не была отменена или ограничена, но, напротив, именно во 2-й половине XVIII века эта власть достигла своего крайнего развития, между тем как главным основанием закрепощения крестьян за помещиками в XVI—XVII вв. были именно интересы государственной службы.

Глава III. ЕКАТЕРИНА II

¹ *Екатерина II Алексеевна* (София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, 1729—1796 гг.) — императрица, жена Петра III; после переворота 1762 г. правила единолично и самодержавно. При ней укрепилась абсолютная монархия, оформились сословные привилегии дворянства, проводилась активная внешняя политика.

² *Орлов Григорий Григорьевич* (1734—1783 гг.) — военный и государственный деятель. Окончил сухопутный шляхетский корпус, участвовал в Семилетней войне. Вместе с братьями Алексеем и Федором активнейший участник переворота 1762 г., граф (с 1762 г.). Фаворит Екатерины II, отец ее сына Алексея (будущего графа Бобринского, р. 1762 г.). В 1763—1775 гг. генерал-фельдцейхмейстер. В 1772 г. возглавлял русскую делегацию в Фокшанах на переговорах с Турцией. Инициатор учреждения Вольного Экономического общества и его первый президент в 1765 г. С 1775 г. в отставке; *Орлов Алексей Григорьевич* (1737—1808 гг.) — военный деятель, граф, генерал-аншеф, виднейший участник переворота 1762 г. После морской победы над турками при Чесме (1770 г.) как главнокомандующий флотом получил титул Чесменского; *Панин Никита Иванович* (1718—1783 гг.) — государственный деятель и дипломат, граф. Служил в конной гвардии. В 1747—1759 гг. посланник в Дании, затем в Швеции. В 1760—1773 гг. воспитатель великого князя Павла Петровича. В 1762 г. активный участник воцарения Екатерины II, в 1763—1781 гг. возглавлял коллегия Иностранных дел. С 1781 г. в отставке; *Панин Петр Иванович* (1721—1789 гг.) — граф, генерал-аншеф, участник Семилетней войны, русско-турецкой войны 1768—1774 гг., взял крепость Бендеры, принимал участие в подавлении восстания Емельяна Пугачева.

³ *Потемкин Григорий Александрович* (1739—1791 гг.) — государственный и военный деятель, фаворит Екатерины II; камергер, генерал-фельдмаршал (с 1784 г.). В 1776 г. генерал-губернатор Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний; получил от австрийского императора Иосифа II титул князя Священной Римской империи. В 1783 г. после присоединения Крыма удостоен титула светлейшего князя Таврического. С 1784 г. президент Военной коллегии, командовал армией в русско-турецкой войне 1787—1791 гг.; *Суворов Александр Васильевич* (1729—1800 гг.) — выдающийся полководец, военный теоретик. Прославился в Семилетней войне, в войнах против Турции и Франции. Граф Рымникский (1789 г.), князь Итальянский (1799 г.), князь Священной Римской империи, генералиссимус (1799 г.). Уволен Павлом I в 1797 г. и отправлен в ссылку. Возвращен по просьбе австрийского императора и направлен главнокомандующим русско-австрийскими войсками в Италию. Автор работы «Наука побеждать» (1796 г.); *Репнин Николай Васильевич* (1734—1801 гг.) — князь, военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал (1796 г.). Участвовал в Семилетней войне, в 1762 г. посол в Пруссии, в 1703—1769 гг. в Польше. В сражениях при Ларге и Кагуле командовал дивизией. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. исполнял обязанности главнокомандующего, выиграл сражение под Мачином. В 1770—1790 гг. генерал-губернатор различных губерний. С 1798 г. в отставке; *Каменский Михаил Федотович* (1738—1809 гг.) — граф, генерал-фельдмаршал, участник русско-турецких войн; в 1806 г. был назначен главнокомандующим русской армией, действовавшей против французов, но по болезни сдал командование. Убит в своем имении одним из дворовых; *Кутузов Михаил Илларионович* (1745—1813 гг.) — выдающийся полководец, дипломат, генерал-фельдмаршал. Участник русско-турецких войн конца XVIII в. Главнокомандующий русской армией во время русско-австро-французской войны 1805—1807 гг. В 1812 г. добился подписания выгодного для России Бухарестского мира с Турцией. После оставления русскими армиями Смоленска назначен главнокомандующим. Дал сражение Наполеону под Бородином 26 августа 1812 г. Стремясь сохранить армию, сдал без боя Москву.

Благодаря мудрой и гибкой стратегии Кутузова русская армия нанесла несколько поражений французам и заставила их отступить. Скончался в г. Бунцлау (Силезия) в апреле 1813 г.

⁴ *Безбородко Александр Андреевич* (1747—1799 гг.) — государственный деятель. Происходит из украинской казацкой старшины. С 1775 г. секретарь Екатерины II, с 1784 г. фактический руководитель коллегии Иностранных дел. С 1797 г. светлейший князь и канцлер; *Завадовский Петр Васильевич* (1739—1812 гг.) — государственный деятель, граф; служил в Малороссийской канцелярии, во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. был правителем секретной канцелярии, отличился в битвах при Ларге и Кагуле. Участвовал в редактировании Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г. фаворит Екатерины II, кабинет-секретарь. В начале царствования Александра I — председатель комиссии по составлению законов, первый в России министр просвещения (1802—1810 гг.).

⁵ *Зубов Платон Александрович* (1767—1822 гг.) — последний фаворит Екатерины II, брат зятя А. В. Суворова. Светлейший князь, генерал-губернатор Новороссии, главнокомандующий Черноморским флотом.

⁶ *Понятовский Станислав Август* (1732—1798 гг.) — граф, секретарь английского посольства в Петербурге (1755—1758 гг.), фаворит Екатерины II, последний польский король (с 1764 г.). При нем произошло три раздела Польши, после третьего раздела (1795 гг.) вынужден был отречься от престола. Последние три года прожил в Петербурге.

⁷ *Шуазель Этьен-Франсуа* (1719—1785 гг.) — герцог, дипломат и государственный деятель, министр иностранных дел Франции (1758—1770 гг.), одновременно морской (1761—1766 гг.) и военный (1766—1770 гг.) министр. Оказывал помощь польским конфедератам, подталкивал Турцию к войне с Россией.

⁸ *Обресков Алексей Михайлович* (1718—1787 гг.) — дипломат. Служил в русском посольстве в Константинополе с 1740 г. С 1752 г. резидент в Турции. Заложил основы Кучук-Кайнарджийского договора (10 июля 1774 г.), выгодного для России. Посол в Турции (до 1768 г.).

⁹ Для противодействия России в 1768 г. в г. Баре (Подоллия, Украина) была создана конфедерация, провозгласившая своим лозунгом самостоятельность Польши.

¹⁰ В сражении на р. Ларга, левый приток р. Прут (7 июля 1770 г.), П. А. Румянцев, имея всего 23 тыс. солдат и офицеров, разгромил 80 тыс. армию крымского хана, Каплан-гирея, союзника Турции.

¹¹ В сражении на берегах р. Кагул, левый приток Дуная (21 июля 1770 г.), П. А. Румянцев во главе армии численностью 17—20 тыс. человек наголову разбил основные силы турок во главе с визирем Гамиль-пашой (150 тыс. человек).

¹² *Спиридов Григорий Андреевич* (1713—1790 гг.) — адмирал (с 1769 г.). Участвовал в русско-турецкой войне 1735—1739 гг., Семилетней войне 1756—1763 гг. и русско-турецкой войне 1768—1774 г. При взятии крепости Кольберг (1761 г.) командовал морским десантом. Прославился в сражении в Хиосском проливе и в Чесменском бою (1770 г.). В 1771—1773 гг. командовал русским флотом в Архипелаге. Умер в Москве.

¹³ Турецким флотом номинально командовал капитан-паша Ибрагим Хосамеддин, фактическим начальником флота был алжирец Гасан-бей.

¹⁴ Победа русского флота в Чесменском сражении (бухта в Хиосском проливе Эгейского моря) (26 июня 1770 г.) была полной: турецкий

флот перестал существовать. Единственный турецкий корабль «Родос», оставшийся неповрежденным, достался русским. Из 15 тыс. моряков турецкого флота спаслось не более 4 тыс.; *Грейг Самуил Карлович* (1736—1788 гг.) — адмирал, по национальности англичанин. На русской службе с 1764 г.

¹⁵ Раздел Польши был оформлен двумя договорами, подписанными в июле 1772 г.: один был заключен между Россией и Пруссией, другой — между Россией и Австрией. В сентябре 1773 г. польский сейм утвердил раздел Речи Посполитой. К России отошли западнорусские земли (воеводства Полоцкое, Витебское, Мстиславское, часть Минского воеводства), которые в XIV в. были захвачены у нее Великим княжеством Литовским.

¹⁶ *Густав III Адольф* (1746—1792 гг.) — шведский король с 1771 года.

¹⁷ Переговоры в Фокшанах проходили с 27 июля по 28 августа 1772 г. и закончились безрезультатно.

¹⁸ Переговоры в Бухаресте возобновились 29 октября 1772 г. Они были более продолжительными, но положительного результата не дали и они. Весной 1773 г. военные действия между Россией и Турцией возобновились.

¹⁹ Сражение при Козлуджи произошло 9 июня 1774 г. Во многом успех сражения был достигнут благодаря умелым действиям и инициативе А. В. Суворова, который прибыл в действующую армию в 1772 г.

²⁰ *Кучук-Кайнарджи* — деревня, в которой в июле 1774 г. был заключен мирный договор между Россией и Турцией. Договор установил границу России по Кубани, предусматривал отделение от Турции Крымского ханства, объявленного независимым государством. Россия получала часть черноморского побережья, а также Кабарду. Было установлено право свободного плавания русских кораблей по Черному морю и через проливы, признана автономия Молдавии и Валахии и их переход под покровительство России.

²¹ *Пугачев Емельян Иванович* (ок. 1740—1775 гг.) — донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773—1775 гг., выдавал себя за Петра III. Н. Г. Устрялов, следуя дворянской традиции в историографии, называет Пугачева злодеем, самозванцем, преступником; он не пытается проанализировать причины Крестьянской войны, объяснить характер крестьянских требований и феномен «самозванчества» в России. Н. Г. Устрялов лишь мельком упоминает о старообрядчестве яицких казаков и Пугачева.

²² *Бибиков Александр Ильич* (1729—1774 гг.) — государственный деятель, генерал-аншеф. Председатель комиссии по составлению Уложения 1767 г., руководитель подавления крестьянских движений восставших заводских крестьян Урала; в 1773—1774 гг. наделен неограниченными полномочиями для подавления крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева; *Михельсон Иван Иванович* (1740—1807 гг.) — полковник, а затем генерал, командовал отрядом правительственных войск, которые сражались против Е. Пугачева.

²³ *Панин Петр Иванович* (1721—1789 гг.) — генерал-аншеф, участник Семилетней и русско-турецкой (1768—1774 гг.) войн, проявил особую жестокость при подавлении восстания Е. Пугачева.

²⁴ *Иосиф II* (1741—1790 гг.) — император Священной Римской империи, в 1765—1780 гг. соправитель своей матери Марии-Терезии, представитель «просвещенного абсолютизма». В 1781—1785 гг. отменил крепост-

ную зависимость крестьян; ограничил самостоятельность католической церкви, в 1781 г. издал «Толерантный патент» о веротерпимости.

¹⁵ *Вольтер* (Франсуа Мари Аруэ, 1694—1778 гг.) — крупнейший деятель Французского просвещения XVIII в., писатель, философ. Состоял в переписке с Екатериной II. Оставил огромное литературное наследие.

¹⁶ Предполагалось изгнать турок из Европы и восстановить независимую греческую империю со столицей в Константинополе. На греческий престол имелось в виду возвести великого князя Константина Павловича, второго внука Екатерины. Из Молдавии и Валахии предполагалось образовать буферное государство Дакию. Австрия, со своей стороны, должна была получить западную часть Балканского полуострова.

¹⁷ Свидание в Могилеве имело место в 1780 г. Позднее Иосиф II посетил Москву и инкогнито, под именем графа Фалькенштейна, — Петербург.

¹⁸ Декларация о морском вооруженном нейтралитете устанавливала права нейтральных судов оружием защищать себя на море. Этот акт в значительной степени ограничивал амбиции Англии, которая стремилась хозяйничать в международных водах.

¹⁹ *Долгорукий-Крымский Василий Михайлович* (1722—1782 гг.) как член опальной фамилии при Анне Иоанновне находился в тени, несмотря на неоднократно проявленную доблесть; при Елизавете Петровне отличился в Семилетней войне; при Екатерине II — кавалер ордена св. Андрея Первозванного, генерал-аншеф, во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. блестяще проявил себя в Крыму, в последние годы — главнокомандующий в Москве.

²⁰ *Хан Сагиб-Гирей* был низложен в начале 1775 г. Его место занял Девлет-Гирей, чья кандидатура была утверждена турецким султаном. После вмешательства России, которая не могла допустить победы протурецкой партии в Крыму, ханом стал Шагин-Гирей (1777—1783 гг.) — сторонник России.

²¹ Манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу» был издан Екатериной II 8 апреля 1783 г.

²² Георгиевский трактат между Россией и Грузией был заключен в 1783 г. Он укрепил позиции народов Закавказья в борьбе против турецкого ига и обеспечил им национальное выживание.

²³ *Булгаков Яков Иванович* (ум. 1809 г.) — дипломат, писатель, действительный тайный советник, посол России в Стамбуле.

²⁴ Недоброжелатели Г. А. Потемкина уверяли, что зажиточные деревни Тавриды и Новороссии были всего лишь театральными декорациями, а мешки в амбарах вместо зерна наполнялись песком. Так возникло выражение «потемкинские деревни». На самом деле успехи Потемкина в освоении юга России были вполне реальны.

²⁵ Турция объявила войну России 12 августа 1787 г.

²⁶ *Нассау-Зиген Карл* (1745—1808 гг.) — принц, вице-адмирал, выходец из Франции, профессиональный военный, наемник, в России с 1788 г.

²⁷ Сражение при Фокшанах произошло 21 июля 1789 г. 30-тысячная турецкая армия была полностью разгромлена объединенными усилиями русских и австрийцев.

²⁸ Рымник — река в Румынии, приток р. Серет. 11 сентября 1789 г. турецкая армия, 100 тыс. человек, под командованием визиря Юсуф-паши была разгромлена соединенными силами России (7 тыс. чел.) и Ав-

стрии (18 тыс. чел.) под командованием А. В. Суворова и принца Кобургского.

³⁹ Шведские войска во главе с Густавом III (численностью до 38 тыс. человек) перешли границу 21 июня 1788 г. и начали бомбардировку русской крепости Нейшлот.

⁴⁰ Морское сражение шведского флота с русскими около острова Готланд произошло 6 июля 1788 г. и закончилось победой русского флота.

⁴¹ *Чичагов Василий Яковлевич* (1726—1809 гг.) — адмирал (с 1782 г.), во время русско-турецкой войны (1768—1774 гг.) командовал отрядом Донской флотилии (1773—1774 гг.). Во время русско-шведской войны (1788—1790 гг.) командовал Балтийским флотом. С 1797 г. в отставке.

⁴² Мирный договор России с Турцией, завершивший войну с 1787—1791 гг., был подписан в Яссах (Румыния). Договор закрепил за Россией обладание всем Северным Причерноморьем от Днестра до Кубани, включая Крым.

⁴³ В мае 1791 г. польский сейм принял новую конституцию, которая укрепляла государственность Польши, ее внутреннее положение.

⁴⁴ Противники польской конституции во главе с Ф. Потоцким, К. Браницким и С. Ржевским в Тарговице 18 мая 1792 г. образовали конфедерацию.

⁴⁵ *Тадеуш Костюшко* (1746—1817 гг.) — генерал, руководитель польского восстания 1794 г. Закончил Кадетскую школу в Варшаве, в 1769—1774 гг. путешествует по Европе, изучает инженерное дело, в 1778 г. в Северной Америке участвует в войне за независимость, адъютант Д. Вашингтона. В 1794 г. поднял восстание в Кракове против русских, разбит армией Суворова и взят в плен, освобожден императором Павлом I.

⁴⁶ Третий раздел Польши был произведен в 1795 г. К России отошли Западная Белоруссия, Западная Вольнь, Литва и Курляндия. Австрия присоединила Краковскую, Сандомирскую и Люблинскую области. Пруссии достались все остальные земли Польши с Варшавой. Польское государство прекратило свое существование до 1918 г.

⁴⁷ Комиссия по составлению нового Уложения работала в Москве с июля по декабрь 1767 г. и с февраля по декабрь 1768 гг. Наказы, полученные депутатами от населения, не соответствовали «Наказу» Екатерины II, почерпнувшей свои знания из Монтескье и Беккариа. Комиссия не смогла выработать новый кодекс законов вместо устаревшего Уложения 1649 г., не закончила рассмотрение вопросов, подложавших ее обсуждению. Указом Екатерины Комиссия была распущена.

⁴⁸ *Бецкой (Бецкий) Иван Иванович* (1704—1795 гг.) — общественный и государственный деятель. Внебрачный сын фельдмаршала И. Ю. Трубецкого. Служил в коллегии Иностранных дел (до 1747 г.). В 1764—1794 гг. президент Академии художеств в Петербурге. В 1763 г. представил Екатерине II план реформы образования; *Вяземский Александр Алексеевич* (1727—1793 гг.) — князь, генерал-прокурор. В 1763 г. отличился при подавлении волнений горнозаводских крестьян, в 1764—1793 гг. генерал-прокурор и фактический руководитель финансовой и внутренней политики Екатерины II, неприятель Г. Р. Державина; *Чернышев Захар Григорьевич* (1722—1784 гг.) — генерал-фельдмаршал, во время Семилетней войны взял Берлин, наместник Белоруссии и главнокомандующий Москвы, предприимчивый и либеральный администратор.

⁴⁹ Н. Г. Устрялов, отдавая дань традиции, идеализирует правление Екатерины II как продолжение дела Петрова. На самом же деле положение России в екатерининский период было далеко не безоблачным.

⁵⁰ Жалованная грамота дворянству, подписанная Екатериной II 21 апреля 1785 г., обеспечивала привилегированное положение дворян в делах государственных, в экономике, в суде, местном самоуправлении и т. д.

⁵¹ *Дмитрий Ростовский (Даниил Саввич Туптало)* (1651—1709 гг.) — митрополит ростовский, духовный писатель, обличал старообрядчество. Из семьи малороссийского сотника, принял монашество (1668 г.). С 1684 г. работал над главным трудом — составлением Четьи-Миней. Причислен к лику святых.

⁵² *Третьяковский (Третьяковский) Василий Кириллович* (1703—1768 гг.) — поэт, филолог и переводчик.

⁵³ *Татищев Василий Никитич* (1686—1750 гг.) — государственный деятель, историк. Автор «Истории Российской».

⁵⁴ *Кириллов Иван Кириллович* (1689—1737 гг.) — обер-секретарь Сената, географ и картограф. Автор Первого систематического и экономико-географического описания России — «Цветущее состояние Всероссийского государства», в 1734 г. опубликовал первый выпуск «Атласа Всероссийской империи». В 1734—1737 гг. руководил экспедицией в Орский край, во время которой и скончался.

⁵⁵ *Дмитрий (Сеченов)* (1708—1767 гг.) — церковно-политический деятель. Окончил Славяно-греко-латинскую академию. В 1732 г. постригся в монахи. С 1757 г. архиепископ Новгородский. В 1762 г. короновал Екатерину II, после чего стал митрополитом. В 1767 г. депутат от духовенства в Комиссии по составлению нового Уложения. Активно поддерживал политику Екатерины по ограничению влияния православной церкви.

⁵⁶ *Ломоносов Михаил Васильевич* (1711—1765 гг.) — русский ученый-энциклопедист. Выходец из крестьянской семьи Архангельской губернии.

⁵⁷ *Фонвизин Денис Иванович* (1744—1792 гг.) — писатель, один из идеологов русского Просвещения. Автор сатирических пьес, имевших большое значение для развития русского классицизма и русского реалистического театра.

⁵⁸ *Державин Гаврила Романович* (1743—1816 гг.) — поэт и государственный деятель. Участник переворота 1762 г. В 1784 г. олонекский, в 1785—1788 гг. тамбовский губернатор. В 1791—1793 гг. кабинет-секретарь Екатерины II, в 1794 г. президент Коммерц-коллегии. В 1802—1803 гг. министр юстиции.

⁵⁹ *Карамзин Николай Михайлович* (1766—1826 гг.) — писатель, историк и публицист. Автор «Истории Государства Российского».

Глава IV. ПАВЕЛ I

¹ *Павел I Петрович* (1754—1801 гг.) — великий князь, император (с 1796 г.). Сын Петра III и Екатерины II. Проводил политику ограничения дворянских вольностей. Во внешней политике выступал против революционной Франции, но с приходом к власти Наполеона наметился союз между двумя странами. Убит заговорщиками 12 марта 1801 г.

² *Кутайсов Иван Павлович* (ок. 1759—1834 гг.) — граф, фаворит императора Павла I; *Ростопчин Федор Васильевич* (1763—1829 гг.) — граф, генерал от инфантерии, государственный деятель. В Отечественную войну 1812 г. московский генерал-губернатор и главнокомандующий в Москве; *Куракин Александр Борисович* (1752—1818 гг.) — князь, дипломат, приближенный Павла I, вице-канцлер; *Куракин Алексей Борисович* (1759—1829 гг.) — князь, в 1796—1798 гг. генерал-прокурор, с 1802 г. генерал-губернатор Малороссии, в 1807—1811 гг. министр внутренних дел; *Аракчеев Алексей Андреевич* (1769—1834 гг.) — государственный деятель, фаворит при Павле I и Александре I, с 1807 г. генерал от артиллерии. С 1796 г. комендант Петербурга. В 1808—1810 гг. военный министр, с 1810 г. председатель департамента военных дел Государственного совета, с 1817 г. начальник военных поселений.

³ Вместо 50 существовавших при Екатерине II губерний и областей Павел I образовал 41 губернию и 1 область (область войска Донского). 30 губерний управлялись общими для всей империи законами, а в 11 (Лифляндии, Эстляндии, Курляндии и др.) окраинных губерниях было введено особое, основанное на местных традициях, управление.

⁴ *Мария Федоровна (София-Доротея-Августа-Луиза)* (1759—1828 гг.) — вюртембергская принцесса, вторая жена Павла I, с 1796 г. — императрица.

⁵ Указ о престолонаследии делал невозможным в России женское правление, поскольку утверждал порядок наследования по праву первородства только по мужской линии.

⁶ *Ушаков Федор Федорович* (1744—1817 гг.) — русский флотоводец, адмирал (с 1799 г.). Отличился победами над турецким флотом в Черном море в войну 1787—1791 гг. С 1790 гг. командующий Черноморским флотом. В войне с Францией прославился Средиземноморским походом 1798—1800 гг. В 1800 г. командир Балтийского гребного флота и начальник флотских команд в Петербурге. С 1807 г. в отставке.

⁷ *Бурбоны* — династия французских королей.

⁸ *Багратион Петр Иванович* (1765—1812 гг.) — русский полководец, ученик А. В. Суворова, участник швейцарского похода 1799—1800 гг., участник войны со Швецией 1808—1809 гг., герой Отечественной войны 1812 г. Смертельно ранен в Бородинском сражении.

⁹ *Константин Павлович* (1779—1831 гг.) — великий князь, второй сын Павла I, участник похода А. В. Суворова (1799—1800 г.), Отечественной войны 1812 г., фактический наместник Королевства Польского.

¹⁰ Сражение при Нови состоялось 4 августа 1799 г. и закончилось полной победой А. В. Суворова: французы потеряли половину своей армии и всю артиллерию.

¹¹ *Тугут Иоанн Амедей Франц де Паула* (1734—1818 гг.) — австрийский политический деятель. В 1794—1797 гг. и 1798—1801 гг. министр иностранных дел Австрии.

¹² *Павел I* был убит группой заговорщиков в Михайловском замке в ночь на 12 марта 1801 г. Н. Г. Устрялов не мог знать этого. Все обстоятельства убийства были строго засекречены. Народу объявили о «внезапной кончине» императора.

Глава V.
АЛЕКСАНДР I

¹ *Александр I Павлович* (1777—1825 гг.) — русский император (с 1801 г.), старший сын Павла I. В начале царствования начал проводить либеральные реформы. Во внешней политике пытался лавировать между наполеоновской Францией и ее противниками. После Отечественной войны 1812 г. возглавил коалицию европейских держав против Наполеона.

² *Наполеон I Бонапарт* (1769—1821 гг.) — государственный и военный деятель Франции, генерал (с 1792 г.). Руководил Египетской экспедицией (1798—1799 гг.), в 1799 г. произвел государственный переворот. С 1802 г. — пожизненный консул, в 1804 г. провозглашен императором.

³ *Густав IV Адольф* (1778—1837 гг.) — король Швеции в 1792—1809 гг. Потерпел поражение в войнах с Францией (1805—1807 гг.) и Россией (1808—1809 гг.). Низложен риксдагом (парламентом) и изгнан из страны.

⁴ *Фридрих-Вильгельм III* (1770—1840 гг.) — прусский король с 1797 г.

⁵ *Шварценберг Карл-Филип* (1771—1820 гг.) — князь, австрийский генерал. В 1805—1807 гг. воевал против Наполеона, в 1812 г. командир австрийского корпуса во французской армии. С 1813 г. командующий Богемской армией союзников; *Мак (Макк) Карл* (1752—1828 гг.) — фельдмаршал австрийской армии; в 1805 г. генерал-квартирмейстер. С началом войны против Наполеона — начальник штаба австрийской армии.

⁶ *Эрцгерцог Карл (Карл Людвиг Иоганн)* (1771—1847 гг.) брат австрийского императора Франца I. В 1805 г. генерал-фельдмаршал и военный министр Австрии.

⁷ *Эрцгерцог Фердинанд* (Фердинанд Карл Иосиф) (1781—1850 гг.) — австрийский фельдмаршал, командующий австрийской армией в 1805 г.

⁸ *Ней Мишель* (1769—1815 гг.) — маршал Франции (с 1804 г.), герцог Эльхингенский (с 1808 г.), князь Московский (1812 г.). Командовал корпусами в битвах под Йеной и Аустерлицем, участвовал в походе на Россию. В 1815 г. по приговору французского королевского суда расстрелян; *Никола Жан де Дье Сульта* (1769—1851 гг.) — маршал Франции. Участвовал в военных кампаниях 1805—1807 гг. против Австрии. В 1808—1814 гг. командовал французскими армиями в Испании, Португалии и в Южной Франции. Начальник штаба во время «ста дней» Наполеона в 1815 г. Во время правления короля Луи Филиппа военный министр (1830—1832 гг.) и председатель Совета министров (1832—1847 гг.); *Луи-Никола Даву* (1770—1823 гг.) — маршал Франции (с 1804 г.). Участник всех наполеоновских войн, командир корпуса в битвах при Ауэрштедте (1806 г.), Ваграме (1809 г.) и в походе против России. Во время «ста дней» Наполеона — военный министр.

⁹ *Буксгевден Федор Федорович* (1750—1811 гг.) — генерал от инфантерии, в 1805 г. командующий корпусом русской армии, в 1808—1809 гг. — главнокомандующий русской армией в войне со Швецией. Петербургский генерал-губернатор.

¹⁰ *Эдуард Адольф Мортье* (1768—1835 гг.) — маршал и пэр Франции. В 1805 г. командовал корпусом при Кремсе, который был разбит М. И. Кутузовым. В 1812 г. командовал молодой гвардией Наполеона. При занятии французами Москвы был назначен ее генерал-губернатором. Впоследствии — военный министр Франции.

¹¹ *Иоахим Наполеон Мюрат* (1771—1815 гг.) — маршал Франции, вице-король Неаполя и обеих Сицилий. Участник всех наполеоновских

войн. В 1812 г. командовал кавалерийским корпусом, действовавшим в авангарде французской армии. После отречения Наполеона предан суду и расстрелян; *Ланн Жан* (1769—1809 гг.) — маршал Франции. В 1805 г. командир 5-го пехотного корпуса армии Наполеона. Участник сражений при Аустерлице (1805 г.), Йене (1806 г.), войны в Испании (1808 г.). Смертельно ранен в битве при Асперне (Австрия) в 1809 г.

¹² *Леонид* (V в. до н. э.) — спартанский царь. Погиб героической смертью в битве с персами, защищая с небольшим отрядом проход в Фермопилах.

¹³ *Массена Андре* (1758—1817 гг.) — маршал Франции, участник революционных и наполеоновских войн. Командовал французской армией в Италии и Швейцарии в 1799 г. и в 1805—1807 гг., в Португалии в 1808 г., командовал корпусом при Ваграме 5—6 июля 1809 г., завершив разгром австрийской армии.

¹⁴ *Нельсон Горацио* (1758—1805 гг.) — английский адмирал, с мая 1803 г. — главнокомандующий средиземноморской эскадрой, разгромил франко-испанский флот в Трафальгарском сражении (21 октября 1805 г.), предотвратил вторжение французов на Британские острова. Смертельно ранен в сражении.

¹⁵ *Барнадотт (Бернадот) Жан Батист* (1763—1844 гг.) — маршал Франции с 1804 г., участник наполеоновских войн до 1810 г., был уволен Наполеоном и избран шведским дворянством наследником шведского престола, фактически регентом при короле Карле XIII. После его смерти в 1818 г. стал королем Швеции под именем Карла XIV Юхана.

¹⁶ Сражение при Аустерлице (120 км севернее Вены) произошло 2 декабря 1805 г. По более точным данным, потери союзников составили 15 тыс. убитыми и 20 тыс. пленными. Значительная часть ответственности за поражение лежит лично на императоре Александре I.

¹⁷ 26 декабря 1805 г. в Прессбурге Австрия подписала унижительный сепаратный мир с Францией. Мирный договор с Россией Наполеон не захотел заключать.

¹⁸ *Талейран Шарль Морис* (Талейран Перигор) (1754—1838 гг.) — французский дипломат и государственный деятель. С 1791 г. во главе внешнеполитического ведомства Франции (революции, директории, консульства и империи Наполеона I).

¹⁹ *Бонапарт Иосиф* (1768—1844 гг.) — брат Наполеона I, в 1806—1808 гг. неаполитанский король, в 1808—1813 гг. — испанский король; *Бонапарт Людовик* (1778—1846 гг.) — брат Наполеона I, владетель княжества Клеве-Берг.

²⁰ *Беннигсен Леонтий Леонтьевич* (1745—1826 гг.) — генерал от кавалерии, участник переворота 11—12 марта 1801 г. С декабря 1806 г. главнокомандующий русской армией во время русско-прусско-французской войны. Серьезные просчеты Беннигсена в расположении русских войск привели к их поражению под Фридрихсландом 2(14) июня 1807 г. С августа по ноябрь 1812 г. — начальник Главного штаба. Вмешивался в распоряжения М. И. Кутузова во время Бородинской битвы и других сражений, был отозван из армии. С августа 1813 г. командовал Польской армией союзников.

²¹ *Йена* — *Ауэрштедтское* сражение — два связанных между собой сражения 14 октября 1806 г. русско-прусско-французской войны 1806—1807 гг. Победа Наполеона в этих битвах означала полный разгром Пруссии и выход ее из войны.

²² *Домбровский Ян Генрих* (1755—1818 гг.) — польский генерал, участник выступления Т. Костюшко в 1794 г. С 1806 г. по 1813 г. на французской службе. В 1812 г. командир пехотной дивизии 5-го корпуса Понятовского. После гибели Понятовского принял командование над остатками польской армии.

²³ *Дохтуров Дмитрий Сергеевич* (1756—1816 гг.) — генерал от инфантерии, участник войн с Наполеоном в 1805—1807 гг., отличился в сражении при Прейсиш-Эйлау. В 1812 г. командовал корпусом 1-й Западной армии, отличился при защите Смоленска. В Бородинской битве командовал центром, а после ранения Багратиона — левым флангом русских войск. Тяжело ранен в сражении при Малоярославце. В 1813 г. участвовал в сражениях при Дрездене, Лейпциге, руководил осадой Гамбурга и Магдебурга. Участвовал в наступлении союзных войск на Париж в 1814 г.

²⁴ *Ожеро Шарль Пьер Франсуа* (1757—1816 гг.) — маршал Франции (с 1804 г.). В 1801—1803 гг. командовал французской армией в Голландии, в 1805—1807 г. — участвовал в войнах с Россией и Пруссией. В сражении при Прейсиш-Эйлау корпус Ожеро почти весь был уничтожен. В 1809—1810 гг. командовал войсками в Испании. В 1812—1813 гг. командовал корпусом в Берлине. После поражения Наполеона перешел на службу к Бурбонам.

²⁵ Потери в сражении при Прейсиш-Эйлау (г. Багратионовск с 1946 г.) 26—27 января 1807 г. в Восточной Пруссии были действительно велики. Н. Г. Устрялов дает не совсем точные цифры. В современной исторической литературе говорится о потерях 26—36 тыс. человек с каждой стороны.

²⁶ *Уваров Федор Петрович* (1769—1824 гг.) — генерал-адъютант, в 1805—1807 гг. командовал кавалерийской дивизией. В 1812—1813 гг. генерал-лейтенант, начальник кавалерии Главной армии; *Раевский Николай Николаевич* (1771—1829 гг.) — генерал, участник войн России с Францией в 1805—1807 гг., России со Швецией в 1808—1809 гг. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир пехотного корпуса, герой Бородинского сражения, прославившийся обороной центрального редута — батареи Раевского; *Голицын Дмитрий Владимирович* (1771—1844 гг.) — князь, генерал-лейтенант. В 1812 г. командир кирасирского корпуса, в 1820—1843 гг. московский военный генерал-губернатор; *Платов Матвей Иванович* (1751—1818 гг.) — граф, генерал от кавалерии, сподвижник А. В. Суворова. С 1801 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. Участник войн с Наполеоном 1805—1807 гг. В 1812—1814 гг. командовал Донским казачьим корпусом. Отличился в Бородинском сражении.

²⁷ Сражение 2(14) июня 1807 г. при Фриланде (г. Правдинск) в Восточной Пруссии, несмотря на стойкость и неустранимость русских войск, завершилось победой Наполеона. Французы заняли Кенигсберг (Калининград) и вытеснили русских из Пруссии. Этим сражением военные действия между Россией и Францией завершились.

²⁸ Тильзитский мир, подписанный 25 июня 1807 г. с Францией, ограничивал самостоятельность России в ее внешнеполитических делах, наносил серьезный удар по ее международному престижу. На территории Польши было создано герцогство Варшавское под протекторатом Наполеона — плацдарм для будущего вторжения в Россию. Александр I обязался вывести войска из Молдавии и Валахии, таким образом были утрачены позиции России в Средиземноморье. Тяжелым условием для России бы-

до присоединения в 1808 г. к континентальной блокаде Англии, поскольку Англия была главным торговым партнером России.

²⁹ *Христиан VII* (1749—1808 гг.) — король Дании с 1766 г., сын короля Фридриха V и принцессы Луизы, дочери английского короля Георга II. В конце жизни сошел с ума, и регентом стал его сын, будущий король Фридрих VI.

³⁰ Крепость Свеаборг (г. Суоменлинна в Финляндии) была взята 21 апреля (3 мая) 1808 г.

³¹ *Каменский Николай Михайлович* (1772—1811 гг.) — граф, сын генерал-фельдмаршала М. Ф. Каменского. В 1806—1807 гг. командовал пехотной дивизией, участник русско-шведской войны 1808—1809 гг. В 1810 г. назначен главнокомандующим Молдавской армией в войне против Турции; *Барклай-де-Толли Михаил Богданович* (1761—1818 гг.) — русский полководец шотландского происхождения. Участник войн с Францией в 1806—1807 гг. В русско-шведской войне 1808—1809 гг. — командующий корпусом. С 1810 г. военный министр. В 1812 г. командующий 1-й русской Западной армией. В 1813—1814 гг. после смерти М. И. Кутузова командовал соединенными русской и прусской армиями. Руководил русскими войсками в сражениях под Кульмом и Лейпцигом. В марте 1814 г. за взятие Парижа получил чин генерал-фельдмаршала; *Тучков Николай Алексеевич* (1761—1812 гг.) — генерал-лейтенант, участник русско-прусско-французской (1806—1807 гг.) и русско-шведской войны (1808—1809 гг.). В 1812 г. командовал пехотным корпусом, смертельно ранен в Бородинском сражении; *Витгенштейн Петр Христианович* (1768—1842 гг.) — граф, в 1805 г. генерал-майор, командир гусарского полка. Участник русско-шведской войны 1808—1809 гг. В 1812 г. командир корпуса, прикрывавшего Петербург. В 1813 г. командовал всеми русскими армиями за границей. Командовал русской армией в русско-турецкой войне 1828—1829. Генерал-фельдмаршал, светлейший князь; *Коновницын Петр Петрович* (1764—1822 гг.) — генерал от инфантерии. С 1809 г. командовал пехотной дивизией, охранявшей Балтийское побережье. С 1812 г. начальник арьергарда 1-й Западной армии. В Бородинском сражении заменил смертельно раненного Багратиона на посту командующего 2-й армией. С сентября 1812 г. дежурный генерал при М. И. Кутузове. В 1813 г. — командир гренадерского корпуса. В 1815—1819 гг. — военный министр; *Кульнев Яков Петрович* (1763—1812 гг.) — генерал-майор, в 1806—1807 гг. командовал кавалерийским отрядом, участник русско-шведской войны 1808—1809 гг., русско-турецкой войны 1806—1812 гг. В 1810 г. командовал авангардом Дунайской армии. Погиб 20 июля 1812 г. в бою при Клястицах.

³² *Ханьков Петр Иванович* (1743—1813 гг.) — адмирал, участник Чесменского сражения (1770 г.), главный командир Кронштадтского порта. В 1808 г. был отдан под суд за слабость командования и нерешительность действий против англо-шведской эскадры в Финском заливе.

³³ Мирный договор между Россией и Швецией был подписан 5 сентября 1809 г. в г. Фридрихсгаме (г. Хамина в Финляндии). По этому договору вся Финляндия с Аландскими островами на «вечные времена» перешла России. Граница между Россией и Швецией устанавливалась по Ботническому заливу и рекам Торнео и Муонио. Фридрихсгамский мир положил конец противостоянию Швеции и России, после его заключения Швеция и Россия больше не воевали.

³⁴ *Гудович Иван Васильевич* (1741—1820 гг.) — генерал-фельдмаршал с 1807 г. Командовал Кавказской линией в русско-турецкую войну 1806—1812 гг., одержал победу при Арпачас (1807 г.). В 1809—1812 гг. член Государственного совета, сенатор.

³⁵ *Сенявин Дмитрий Николаевич* (1763—1831 гг.) — русский флотоводец, адмирал (с 1826 г.). Участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 гг., в Средиземноморском походе Ф. Ф. Ушакова (1798—1800 гг.). Разгромил турецкий флот в Дарданеллах и Афонском сражении (1807 г.). С 1811 г. командир Ревельского порта. С 1825 г. — командующий Балтийским флотом.

³⁶ Сражение под Рушуком (г. Русе, Болгария) произошло 4 июля 1811 г. Русские войска под командованием М. И. Кутузова разгромили вдвое превосходящую по численности турецкую армию.

³⁷ Бухарестский мирный договор был подписан 16(28) мая 1812 г. Россия получала Бессарабию с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил. Часть Молдавии за р. Прут и Валахия в составе Турции получали автономию. Расширилась автономия Сербии. Бухарестский договор имел для России большое значение, поскольку он обеспечил нейтралитет Турции в период Отечественной войны 1812 г.

³⁸ *Цицианов Павел Дмитриевич* (1754—1806 гг.) — генерал от инфантерии (с 1804 г.). С 1802 г. главнокомандующий русскими войсками в Грузии и астраханский военный губернатор. В начале русско-иранской войны 1804—1813 гг. командовал русской армией. В 1806 г. убит во время переговоров с бакинским ханом; *Тормасов Александр Петрович* (1752—1819 гг.) — граф, генерал от кавалерии, участник русско-иранской войны 1804—1813 гг. В 1812 г. командующий 3-й резервной армией. С 1815 г. военный губернатор Москвы.

³⁹ *Шамхал (Шавкал)* — титул правителя кумыков в Дагестане, существовавший до 1867 г. Шамхальство Тарковское возникло в XV в. на территории от р. Терек до южных границ Дагестана.

⁴⁰ *Уцмей (уцмий, усми)* — наследственный владетель Кайтанга (области Дагестана). В 1820 г. звание уцмея было упразднено.

⁴¹ Согласно манифесту от 1801 г. царствующая грузинская династия Багратидов лишалась престола, управление Картлией и Кахетией переходило к русскому наместнику, вводилась русская администрация. В 1803—1804 гг. на тех же условиях в состав России вошли остальные части Грузии — Мингрелия, Гурия, Имеретия.

⁴² *Фетх-Али-шах* (1766—1834 гг.) — иранский шах (1797—1834 гг.) из династии Каджаров; *Александр Ираклиевич* (1778—1838 гг.) — сын Ираклия II, боролся за отторжение Грузии от России. Опираясь на поддержку иранского шаха, устраивал заговоры и выступления феодальной верхушки Кавказа против России. Участник русско-иранских войн 1804—1813 гг. и 1826—1828 гг. Был захвачен в плен, умер в Тифлисе; *Аббас-мирза* (1789—1833 гг.) — наместник иранского шаха в южной (иранской) части Азербайджана, командовал иранскими войсками в войнах с Россией в первой половине XIX в.

⁴³ *Сардар (сердар, сирдар)* — в Иране сановник и глава племени; в Турции командующий полевой армией.

⁴⁴ *Филипп Осипович Паулуччи* (1779—1849 гг.) — маркиз, выходец из Италии. В 1809—1811 гг. начальник штаба, в 1811—1812 гг. командующий Грузинским корпусом. В 1829 г. вернулся в Италию, где был министром у короля Сардинии; *Николай Федорович Ртищев* (1754—1835 гг.)

— генерал от инфантерии, главнокомандующий в Грузии в 1812—1816 гг.

⁴⁵ Гюлистанский мирный договор был заключен между Россией и Персией (Ираном) 12(24) октября 1813 г. Он оформил включение в состав России Дагестана и Северного Азербайджана.

⁴⁶ Основные силы наполеоновской армии (свыше 440 тыс. человек) были развернуты вдоль Вислы. Между Одером и Эльбой находились резервные части (около 160 тыс. человек). Таким образом, численность Великой армии составляла свыше 600 тыс. солдат и офицеров. Н. Г. Устрялов немного преувеличивает силы Наполеона.

⁴⁷ По уточненным архивным данным, 1-я Западная армия к началу войны 1812 г. насчитывала 120 тыс. человек, 2-я Западная армия — 49 тыс. человек, 3-я Западная армия (А. П. Тормасова) — 44 тыс. человек, Дунайская армия (П. В. Чичагова) — 57,5 тыс. человек. (Троицкий Н. А. 1812 — великий год России. М., 1988. С.63).

⁴⁸ В ночь на 12 июня 1812 г. армия Наполеона I без объявления войны начала переправу через пограничную реку Неман. Французы двинулись на восток тремя основными группами: одну (220 тыс. человек) повел сам Наполеон против Баркляя-де-Толли, другая (65 тыс. человек) — под командованием Жерома (Иеронима) Бонапарта двинулась против 2-й Западной армии Багратиона, третья под командованием Евгения Багарне (70 тыс. человек) — вклинилась между двумя русскими армиями, стремясь не допустить их соединения.

⁴⁹ *Фуль Карл Людвиг Август* (1757—1826 гг.) — прусский генерал на русской службе. С 1806 г. советник по военным вопросам при Александре I. По проекту Фуля был построен укрепленный лагерь в Дриссе на Западной Двине; к этому лагерю должны были стянуться войска для решающего удара по армии Наполеона. План Фуля был бездарен и губителен для русской армии, так как крепость на деле превращалась в ловушку. План Фуля был отвергнут русским командованием в 1812 г.

⁵⁰ *Остерман-Толстой Александр Иванович* (1770—1857 гг.) — граф, генерал от инфантерии. Участник русско-прусско-французской войны 1806—1807 г. В 1812 г. назначен командиром пехотного корпуса. Отличился в сражении под Островно 13 июля, в Бородинской битве 26 августа, в Тарутинском сражении 6 октября, в сражении под Красным 3—6 ноября. Участник заграничного похода русской армии. Под Бауценом (Германия) 8 мая 1813 г. был тяжело ранен. Прославился в сражении под Кульмом 17 августа 1813 г., где потерял руку.

⁵¹ *Пален Петр Петрович* (1778—1864 гг.) — граф, генерал-майор. В 1806—1807 гг. командир пехотной дивизии. Отличился в сражении под Островно. В 1813 г. командующий пехотным корпусом. Впоследствии генерал от кавалерии и генерал-инспектор (с 1847 г.) всей кавалерии.

⁵² Сражение при Салтановке состоялось 11 июля 1812 г. В этот день войска 1-й Западной армии достигли Витебска. Главным результатом сражения стало то, что удалось задержать наступление армии Даву и предоставить возможность армии Багратиона организованно отступить к Смоленску.

⁵³ *Паскевич Иван Федорович* (1782—1856 гг.) — в 1812—1813 гг. в чине генерал-майора командовал пехотной дивизией. Отличился в сражении при Салтановке, в Смоленской и Бородинской битвах, участник похода 1813 г. русской армии. Командовал осадой крепости Модлин, за отличие в битве под Лейпцигом произведен в генерал-лейтенанты. Командовал

русской армией в русско-иранской войне 1826—1828 гг. Генерал-фельдмаршал (с 1829 г.). Наместник Кавказа в 1827—1830 гг., наместник царства Польского с 1831 г. Руководил ликвидацией восстания польских панов в 1830—1831 гг., усмирлял Венгерскую революцию в 1848—1849 гг. Командующий войсками на Дунае в 1853—1854 гг. в ходе Крымской войны.

⁵⁴ *Неверовский Дмитрий Петрович* (1771—1813 гг.) — генерал-лейтенант. В 1812 г. командовал дивизией. Геройски сражался под Смоленском 4—6 августа 1812 г., отличился в бою за Шевардинский редут 24 августа. Смертельно ранен в битве при Лейпциге в 1813 г.

⁵⁵ Потери французов под Смоленском достигли 20 тыс. человек, русских — 10 тыс. Последние части из корпуса Дохтурова покинули Смоленск 6 августа 1812 г. и сожгли за собой мосты.

⁵⁶ Общественное мнение осуждало Баркляя-де-Толли, уклонявшегося от больших сражений с французами. Однако он оказался дальновиднее других и совершенно правильно настаивал на отступлении. Надо было сохранить армию, ее боеспособность. Позже история реабилитировала полководца. Н. Г. Устрялов одним из первых высказал объективное мнение о деятельности Баркляя-де-Толли на посту главнокомандующего в 1812 г.

⁵⁷ Приказ о назначении М. И. Кутузова главнокомандующим был подписан 20 августа, а 29 августа Кутузов прибыл в ставку русской армии, которая располагалась в местечке Царево-Займище.

⁵⁸ *Милорадович Михаил Андреевич* (1771—1825 гг.) — граф, в 1812 г. начальник авангарда Главной армии. Отличился в Бородинском сражении, обеспечивал тарутинский маневр русских войск, сражался под Вязьмой, Дорогобужем и Красным. Во время заграничных походов 1813—1814 гг. командовал арьергардом и авангардом союзных войск, в Лейпцигской битве — русской и прусской гвардиями. Впоследствии петербургский генерал-губернатор. Смертельно ранен 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади П. Г. Каховским.

⁵⁹ Численность русской армии на Бородинском поле была несколько выше (154,8 тыс. человек) за счет ополченцев и казаков. Регулярных же войск насчитывалось всего 115 тыс. человек. У Наполеона все 134 тыс. — кадровые, регулярные войска. (Н. А. Троицкий. Указ соч. С. 142).

⁶⁰ *Люнет* — открытое с тыла полевое укрепление, состоявшее из вала со рвом впереди и прикрытое с флангов.

⁶¹ *Ермолов Алексей Петрович* (1777—1861 гг.) — знаменитый русский полководец, генерал от артиллерии, государственный деятель. В Отечественную войну 1812 г. генерал-майор. С 1 июля 1812 г. начальник штаба 1-й Западной армии. В день Бородинского сражения выполнял наиболее ответственные поручения М. И. Кутузова, лично руководил контратакой батареи Раевского, временно захваченной французами. В сражении при Малоярославце 12 октября командовал правым флангом, в период контр наступления русской армии находился в авангарде. С 1813 г. генерал-лейтенант, начальник артиллерии. Отличился в сражениях при Бауцене, Кульме и Лейпциге. В 1814 г. командовал гвардейским корпусом, отличился при взятии Парижа. Впоследствии — главнокомандующий на Кавказе; *Кутайсов Александр Иванович* (1784—1812 гг.) — военачальник и военный теоретик-артиллерист. С 1806 г. генерал-майор, за отличие в сражении при Прейсиш-Эйлау (1807 г.) награжден орденом Георгия 3-й степени. В 1812 г. начальник артиллерии 1-й Западной армии, в Бородинской битве командовал всей русской артиллерией. Убит в бою за батарею Раевского; *Васильчиков Дмитрий Васильевич* (1778—1859 гг.) — в 1812 г.

полковник, командир Ахтырского гусарского полка. За отличие при Бородине произведен в генерал-майоры. В 1814 г. отличился при обороне Витри.

⁶² Потери обеих сторон в Бородинской битве были огромны. Французы потеряли свыше 58 тыс. солдат и офицеров (43% личного состава). Потери русских составили 44 тыс. человек (свыше 30% личного состава). В Бородинской битве Наполеону не удалось достигнуть главной своей цели — разгрома русской армии.

⁶³ О причинах пожаров в Москве у историков имеются различные суждения. Одни (в том числе и Н. Г. Устрялов) считают, что город подожгли русские патриоты, другие виновниками пожаров называют самих французов — при грабежах и пьяном разгуле они неосторожно обращались с огнем.

⁶⁴ Выступив из Москвы по Рязанской дороге, М. И. Кутузов принял очень важный в стратегическом отношении маневр: оставив на Рязанской дороге арьергард своих войск, он с основными силами перешел на Калужскую дорогу и занял позицию около Тарутина (80 км от Москвы), преградив путь Наполеону на юг.

⁶⁵ *Лористон Жак Александр Бернар*, маркиз де Лоу (1768—1828 гг.) — в 1811—1812 гг. французский посол в России. 5 октября 1812 г. прибыл к Кутузову с миссией Наполеона о заключении мира. В 1813 г. дивизионный генерал, взят в плен при Лейпциге. В 1815 г. после второго отречения Наполеона перешел на службу к Бурбонам. Маршал Франции (с 1823 г.).

⁶⁶ Сражение при Тарутине произошло 6(18) октября 1812 г. В ходе битвы русским войскам под командованием Л. Л. Беннигсена удалось нанести поражение 26-тысячному авангарду маршала Мюрата. Потери французов составили 2,5 тыс. убитыми и ранеными, около 1 тыс. человек взято в плен.

⁶⁷ *Багговут Карл Федорович* (1761—1812 гг.) — в 1812 г. генерал-лейтенант, командир пехотного корпуса. В Бородинском сражении оборонил флешу Багратиона и батарею Раевского. Убит в битве при Тарутине; *Строганов Павел Александрович* (1774—1817 гг.) — граф, один из «молодых друзей» Александра I, член его негласного комитета, тайный советник, товарищ министра внутренних дел. В 1812 г. командовал корпусом в авангарде русской армии.

⁶⁸ *Орлов-Денисов Василий Васильевич* (1775—1843 гг.) — граф, в 1812 г. командовал лейб-гвардии казачьим полком. Командир партизанских казачьих отрядов. С 1813 г. генерал-лейтенант и генерал-адъютант.

⁶⁹ *Атилла* (ум. 453 г.) — с 434 г. предводитель гуннов, разгромил Рим.

⁷⁰ План Наполеона по уничтожению дворцов и храмов Москвы был сорван русскими патриотами и начавшимся дождем. В результате взрывов пострадали только Никольская башня Кремля, колокольня Ивана Великого и некоторые другие сооружения.

⁷¹ *Иловайский Иван Дмитриевич* (1767 — после 1827 гг.) — в 1812 г. генерал-майор и командующий отрядом донских казаков, первым с казачьими полками вошел в Москву (утром 11 октября), оставленную Наполеоном.

⁷² Сражение при Малоярославце произошло 12 октября 1812 г. С каждой стороны участвовало до 25 тыс. человек. Н. Г. Устрялов не совсем точен: город восемь раз (а не шесть) переходил из рук в руки.

⁷³ При форсировании р. Березины Наполеон сумел перехитрить русских: притворным маневром он убедил Чичагова, что собирается пред-

принять переправу южнее Борисова. На самом деле переправа была произведена у д. Студянки, в 12 км выше Борисова.

⁷⁴ Из всей армии Наполеона русскую границу перешло только 30 тыс. человек.

⁷⁵ *Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович* (1758—1838 гг.) — князь, генерал от инфантерии, вел в 1807 г. переговоры с Наполеоном о перемирии. В 1812 г. ведал формированием резервных частей. В 1826 г. в должности министра юстиции.

⁷⁶ Русско-прусский союз был заключен 16 февраля 1813 г. 16 марта Фридрих-Вильгельм III объявил войну Наполеону.

⁷⁷ В сражении при Люцене 20 апреля 1813 г. Наполеону ценой огромных потерь удалось потеснить союзников и одержать победу.

⁷⁸ *Меттерних Клеменс* (1773—1859 гг.) — князь, австрийский государственный деятель и дипломат, канцлер. В период наполеоновских войн возглавлял внешнюю политику Австрии.

⁷⁹ Перемирие между Александром I, Фридрихом-Вильгельмом III и Наполеоном было заключено в Плесвице 23 мая (4 июня) 1813 г. при посредничестве Австрии до 8(20) июля, а затем продлено до 29 июля (10 августа) 1813 г.

⁸⁰ *Блюхер Гебгард Леберехт* (1742—1819 гг.) — прусский генерал, в 1813 г. главнокомандующий прусской армией, затем Силезской армией союзников. Произведен в фельдмаршалы за победу в Лейпцигской битве. В 1814 г. сыграл важную роль в организации наступления союзных войск на Париж. Прославился в битве при Ватерлоо (1815 г.).

⁸¹ В сражении под Кульмом (ныне г. Хлумец) 17—18 августа 1813 г. гвардейский корпус А. И. Остермана-Толстого, входивший в состав Богемской армии, разгромил 37-тысячный корпус генерала *Доминика-Рене Вандамма* (1771—1830). Французы потеряли 10 тыс. убитыми и ранеными, 12 тыс. человек попало в плен, в том числе и сам генерал Вандамм.

⁸² *Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович фон дер* (1752—1837 гг.) — барон, впоследствии граф, генерал-лейтенант. В 1812 г. командир корпуса, позднее командир корпуса Силезской армии Блюхера. В 1814 г. за отличие в битве при Кансбахе произведен в генералы от инфантерии. Позднее генерал-фельдмаршал.

⁸³ Лейпцигская битва началась 4(16) октября 1813 г. ожесточенными боями у Вахау, Линдендау и Мернау.

⁸⁴ В Лейпцигской битве участвовали: Богемская армия К. Шварценберга (138 тыс. человек, в том числе 38,8 тыс. русских), Силезская армия Г. Блюхера (60 тыс., в том числе 39 тыс. русских), Северная армия Бернадота (58 тыс., в том числе 20 тыс. русских) и Польская армия Л. Л. Беннигсена (54 тыс., в том числе 30 тыс. русских).

⁸⁵ В Лейпцигской битве (4—7 октября 1813 г.) Наполеон потерпел сокрушительное поражение. Общие потери французов составили 65 тыс. человек, союзники потеряли около 60 тыс.

⁸⁶ *Ланжерон Александр Федорович* (1763—1831 гг.) — граф, французский эмигрант. В 1810—1812 гг. командовал корпусом Молдавской армии, за отличие в сражении при Рушукке (1811 г.) произведен в генералы. В 1812 г. участвовал в сражении при Березине. В 1813—1814 гг. командовал корпусом в Силезской армии союзников. Впоследствии одесский градоначальник.

⁸⁷ В исторической литературе часто недооценивается сражение при Монмартре 18(30) марта 1814 г. Париж капитулировал после ожесточен-

ного и упорного сопротивления. Н. Г. Устрялов достаточно подробно описывает эти события.

⁸⁸ 19(31) марта 1814 г. Александр I триумфально въехал в Париж на белом коне во главе 80-тысячной союзной армии. Рядом с ним были король Пруссии Фридрих-Вильгельм III и князь К. Шварценберг.

⁸⁹ *Людовик XVIII* (1755—1824 гг.) — король Франции с 1814 г. Во время «Ста дней» бежал за границу, вернулся в июле 1815 г. вместе с войсками союзников.

⁹⁰ *Понятовский Иосиф-Антон (Юзеф)* (1763—1813 гг.) — польский политический и военный деятель, племянник короля Станислава-Августа. Командовал корпусом в наполеоновской армии (Вислинский легион). В Бородинском сражении действовал против левого фланга русских. При отступлении французов из Лейпцига (1813 г.), пытаясь переплыть р. Эльстер, был ранен и утонул.

⁹¹ Вторичное правление Наполеона во Франции («Сто дней») продолжалось с 8(20) марта (вступление в Париж) до 10(22) июня 1815 г.

⁹² Битва при Ватерлоо (Бельгия) состоялась 6(18) июня 1815 г. Наполеон потерпел сокрушительное поражение от союзников. Французы потеряли 32 тыс. человек и всю артиллерию.

⁹³ Император Александр I скончался 19 ноября 1825 г. в Таганроге.

⁹⁴ Манифест о министерской реформе был принят в 1802 г. Власть министерства в отведенном ему ведомстве распространялась на территорию всей империи, но его местные органы управления не были созданы.

⁹⁵ В 1803 г. в России было учреждено Министерство народного просвещения, которое стало проводить реформы народного образования. Все школы делились на четыре ступени, предполагалась преемственность в программах. На содержание школ было выделено значительно больше средств, чем в предшествующие годы. В стране было образовано 6 учебных округов. Впервые школы стали появляться повсеместно по всей территории России.

Глава VI.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

¹ *Николай I Павлович* (1796—1855 гг.) — великий князь, третий сын Павла I и Марии Федоровны, император с 1825 г.

² Указ Сената о присяге Константину Павловичу последовал 27 ноября 1825 г.

³ Александр I получил подробную информацию о тайных обществах декабристов в мае 1821 г. от А. Х. Бенкендорфа.

⁴ Милорадович М. А. был смертельно ранен П. Г. Каховским на Сенатской площади во время восстания декабристов.

⁵ *Михаил Павлович* (1798—1849 гг.) — великий князь, младший сын императора Павла I и Марии Федоровны.

⁶ Число убитых на Сенатской площади составило свыше 1,2 тыс. человек.

⁷ Всего к следствию было привлечено 579 человек. Виновными были признаны 289 человек, из них 121 предан суду. Пять человек, отнесенных к высшей степени виновности, были казнены 13 июля 1826 г.

⁸ Согласно Петербургскому протоколу (23 марта 1826 г.), Греция получала право независимого существования, но была обязана платить Турции определенную дань и находиться под ее верховной властью. Турция принимала участие в выборе правительственных лиц в Греции, но они должны были быть обязательно из греков.

⁹ *Воронцов Михаил Семенович* (1782—1856 гг.) — князь, генерал-фельдмаршал, в 1823—1844 гг. генерал-губернатор Новороссии и помещик в Бессарабии, с 1844 по 1853 гг. главнокомандующий Кавказской армией и наместник на Кавказе; *Рибоьер Александр* (1781—1865 гг.) — французский эмигрант на русской службе. В 1824—1827 и 1829—1831 гг. — посол в Константинополе, в 1831—1839 гг. — посол в Берлине, член государственного совета и обер-камергер.

¹⁰ Аккерманская конвенция подтверждала основные положения Бухарестского трактата, констатировала необходимость административных реформ в Дунайских княжествах и Сербии. России предоставлялась полная свобода торговли в турецких портах и морях. Особый статус Молдавии и Валахии подтверждался возобновлением хатт-и-шерифа (султанского рескрипта) 1802 г. и изданием хатт-и-шерифа 1827 г.

¹¹ *Меншиков Александр Сергеевич* (1787—1869 гг.) — князь, в 1826 г. генерал-майор и генерал-адъютант, посланник в Тегеране. Впоследствии управляющий Морским министерством, адмирал. В 1853 г. русский посланник в Константинополе. В Крымской войне 1853—1856 гг. главнокомандующий русской армией в Крыму.

¹² *Надир-шах* (1688—1747 гг.) — завоеватель, «восточный Наполеон». Сначала атаман шайки разбойников, затем персидский военачальник и узурпатор трона. Изгнал из Персии афганцев, завоевал Индию, Афганистан, Армению и Грузию, неоднократно разбивал турок. Жестокостью и скупостью восстановил против себя своих соратников, которыми и был убит.

¹³ *Дибич Иван Иванович* (1785—1831 гг.) — генерал-майор, с 1823 г. начальник Главного штаба. В 1829 г. во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. сменил на посту главнокомандующего русской армии П. Х. Витгенштейна. После окончания войны получил звание графа Забалканского и чин генерал-фельдмаршала. Командовал русской армией при подавлении польского восстания 1830—1831 г. Умер от холеры.

¹⁴ *Мадатов Валериан Григорьевич* (1782—1829 гг.) — князь, генерал-лейтенант, командующий русской армией в русско-иранской войне 1804—1813 гг., участник войны 1812 г., в сентябре 1826 г. разгромил авангард персидской армии Аббас-Мирзы под Гянджой на р. Шамхоре.

¹⁵ *Туркманчайский договор* (10 февраля 1828 г.) способствовал усилению влияния России на Среднем Востоке. Большое значение он имел для судеб армянского народа. В результате его подписания 140 тыс. армян из Турции и Ирана переселились в Закавказье. В выработке условий Туркманчайского соглашения активное участие принимал А. С. Грибоедов (1795—1829 гг.). После подписания договора он был назначен русским министром-резидентом (послом) в Иране. Это назначение закончилось для него трагически — он был убит 30 января 1829 г. религиозными фанатиками в результате заговора шахского окружения и английской агентуры.

¹⁶ *Махмуд* (1785—1839 гг.) — турецкий султан с 1808 г., возведен на престол рушукским пашой Мустафой-Байрактаром; *Мехмед-Али* (посарабски — Мохаммед-Али) (1769—1849 гг.) — египетский паша, преобра-

зователь Египта, паша Кандии (Крита) (1824 г.). Успешно восстал против греков (1824—1828 гг.), Сирии (1831—1832 гг.). Военные действия его были остановлены великими державами в 1833 и 1841 гг. В 1847 г. сошел с ума; *Ибрагим-паша* (1792—1848 гг.) — сын Мехмеда-Али, военачальник, губернатор Сирии. Активно подавлял греческое восстание в 1825—1827 гг. Умер в Каире.

¹⁷ Россия, Англия и Франция подписали в Лондоне конвенцию об образовании автономного греческого государства.

¹⁸ *Кодрингтон (сэр Эдуард)* (1770—1851 гг.) — английский вице-адмирал, командующий союзным флотом в сражении в Наваринской бухте (8 октября 1827 г.). Отозван из Греции торийским министерством в 1828 г. С 1834 по 1840 гг. член парламента, поддерживал либеральную партию. Камергер королевы Виктории (1846 г.) и адмирал; *Де Риньи Анри-Готье* (1782—1835 гг.) — граф, контр-адмирал, после Наваринского боя — вице-адмирал, в 1831—1834 гг. — морской министр Франции, в 1834 г. — министр иностранных дел, посол в Неаполе; *Гейден Логин Петрович* (Людвиг Сигизмунд Яков) (1772—1850 гг.) — граф, выходец из Голландии, на русской службе с 1795 г., командовал русской эскадрой в Наваринском сражении, вице-адмирал. Впоследствии начальник флота в Ревеле (Таллинне) и помощник начальника морского Генерально-штаба.

¹⁹ *Лазарев Михаил Петрович* (1788—1851 гг.) — адмирал, русский мореплаватель, первооткрыватель Антарктиды (1821 г.), отличился в Наваринском сражении (1827 г.).

²⁰ Решающую роль в уничтожении турецко-египетского флота сыграла русская эскадра Л. П. Гейдена, разгромившая весь центр и правый фланг флота противника.

²¹ Маневр генерала И. И. Дибича позволил русской армии разгромить войска визиря Решид-паши у деревни Кулевчи 30 мая 1829 г.

²² Мирный договор между Россией и Турцией был подписан в Адрианопле 2 сентября 1829 г.

²³ *Леопольд I* (1790—1865 гг.) — сын герцога Франца Саксен-Кобург-Заальфельдского. На русской службе с 1808 по 1813 гг., жил в Англии с 1816 г. В 1830 г. получил предложение от Лондонской конфедерации принять греческую корону, но отказался от нее; *Оттон I* (1815—1867 гг.) — сын Людвига Баварского. С 1832 г. греческий король, свергнут с престола революцией 1862 г.

²⁴ *Муравьев Николай Николаевич* (1794—1866 гг.) — генерал-адъютант, брат декабристов А. Н. и М. Н. Муравьевых. С 1817 г. нес службу на Кавказе, в 1819 г. совершил экспедицию в Хиву. В 1833 г. возглавлял миссию в Турцию и Египет, завершившуюся значительным успехом России. В 1854—1856 гг. наместник Кавказа и главнокомандующий русской армией на Кавказе.

²⁵ *Орлов Алексей Федорович* (1786—1861 гг.) — граф, генерал-адъютант, приближенный Николая I, в 1833 г. — полномочный представитель в Турции. Командующий императорской главной квартирой, шеф жандармов и начальник III отделения в 1844—1856 гг. Председатель Государственного совета в 1856—1861 гг.

²⁶ Ункяр-Искелесийский договор о дружбе и взаимопомощи между Россией и Турцией был подписан 26 июня 1833 г. Этот договор стал самым крупным успехом русской дипломатии на Ближнем Востоке.

²⁷ *Абул Меджид* (1823—1861 гг.) — турецкий султан с 1839 г.

²⁸ *Бруннов Филипп Иванович* (1797—1875 гг.) — барон, дипломат. Русский посланник, а затем посол в Лондоне (1840—1854 гг., 1858—1874 гг.), при Германском союзе (1855 г.), представитель России на Парижском конгрессе (1856 г.), посланник в Берлине (1857 г.). Конференция в Лондоне состоялась летом 1840 г.

²⁹ *Новосильцев Николай Николаевич* (1761—1836 гг.) — государственный деятель, с 1812 г. вице-президент временного совета для управления герцогством Варшавским, после учреждения царства Польского делегат при правительственном совете царства. Председатель Государственного совета и Комитета Министров (1832 г.).

³⁰ *Чарторыжский Адам Адамович* (1770—1861 гг.) — князь, польский магнат. Член негласного комитета при Александре I, товарищ министра (1802—1804 гг.), министр иностранных дел (1804—1806 гг.), сенатор, член Государственного совета, попечитель Виленского учебного округа (1803—1824 гг.). Председатель правительства Польши во время мятежа 1830—1831 гг. Эмигрировал во Францию, где продолжал активную политическую деятельность.

³¹ *Митрополит Филарет (Дроздов)* (1783—1867 гг.) — церковный деятель и духовный писатель. С 1812 г. — ректор С.-Петербургской духовной академии, с 1817 г. — епископ Ревельский, с 1819 г. — архиепископ Тверской. С 1821 г. в Москве. Составил православный катехизис, по его настоянию в 1858 г. был издан русский перевод Библии. В 1861 г. составлял манифест об освобождении крестьян. В 1994 г. причислен Русской православной церковью к лику святых.

³² *Луи Филипп (Людвиг Филипп)* (1773—1850 гг.) — герцог Орлеанский, в 1830—1848 гг. король Франции.

³³ *Кавеньяк Луи Эжен* (1802—1857 гг.) — генерал, с 1830 г. алжирский генерал-губернатор, член Учредительного собрания (1848 г.) и военный министр. С июня возглавлял правительство Франции, подавил восстание социалистов в Париже. На президентских выборах (декабрь 1848 г.) проиграл Луи-Наполеону.

³⁴ *Батьяни Людвиг* (1809—1849 гг.) — член сейма с 1847 г., представитель совета министров Венгрии в марте 1848 г., вышел в отставку 1 сентября. В январе 1849 г. арестован, приговорен к смертной казни за революционную деятельность, в октябре — расстрелян; *Елачич-де-Бужим Иосиф* (1801—1859 гг.) — офицер австрийской службы, полковник. В 1848 г. назначен хорватским баном, гражданский и военный губернатор Хорватии и Славонии в 1849 г.

³⁵ *Виндишгрец Альфред-Кандид Фердинанд* (1787—1867 гг.) — австрийский фельдмаршал (с 1833 г.). В 1848 г. назначен главнокомандующим императорской армией в Венгрии. В 1849 г. отозван из армии. В 1859 г. направлен в Берлин; член австрийской палаты господ (1861 г.).

³⁶ *Гёргей Артур* — участник революции 1848—1849 гг. в Венгрии, участвовал в сражениях, командир корпуса, один из главных военных руководителей венгров. В 1849 г. стал в оппозицию к революционерам, выступал за монархию Габсбургов. Капитулировал при Виллагоше. После капитуляции отошел от всякой политической деятельности.

³⁷ *Дембинский Генрих* (1791—1864 гг.) — участник польского восстания 1830—1831 гг. и революции в Венгрии 1848—1849 гг. Служил у египетского паши Мехмеда-Али (1833—1835 гг.), после разгрома революции бежал в Турцию. С 1850 г. поселился в Париже.

³⁸ *Бем Иосиф* (1795—1850 гг.) — профессор Варшавской артиллерий-

ской школы, активный участник польского мятежа 1830—1831 гг. и венгерской революции 1848—1849 гг. После поражения венгров эмигрировал в Турцию, принял ислам, получил звание паши.

³⁹ *Лидерс Александр Николаевич* (1790—1874 гг.) — генерал-адъютант, командующий группировкой в Трансильвании в 1849 г., главнокомандующий Крымской армией (в 1855 г.). Наместник царства Польского (1861—1862 гг.); *Панютин Федор Сергеевич* (1790—1865 гг.) — генерал-адъютант, участник венгерских событий 1849 г., командующий армией в Юго-Западном крае (в 1855 г.), варшавский военный губернатор и сенатор (1856 г.), член Государственного совета (1861 г.).

⁴⁰ *Константин Николаевич* (1827—1892 гг.) — великий князь, второй сын Николая I, генерал-адмирал. Участвовал в подавлении венгерской революции, наместник царства Польского (1862—1863 гг.), председатель Государственного совета (1865—1881 гг.).

⁴¹ *Скарятин Яков Федорович* (1780—1849 гг.) — убийца Павла I, полковник Измайловского полка, коннозаводчик. Погиб в Венгрии, в одном из сражений в 1849 г.

⁴² *Редигер Федор Васильевич* (1784—1856 гг.) — граф, генерал-адъютант, боевой генерал, командовал группировкой войск во время венгерской кампании, заставил 1 августа 1849 г. сложить оружие вождя венгерских войск А. Гёргея. В 1854—1855 гг. наместник в царстве Польском.

⁴³ *Сперанский Михаил Михайлович* (1772—1839 гг.) — государственный деятель. В 1809 г. подготовил план государственных преобразований «Введения к уложению государственных законов». В 1812 г. в ссылке и опале. В 1821 г. возвращен в Петербург, составитель манифеста о вступлении на престол Николая I. С 1826 г. руководил II Отделением Императорской канцелярии, под его руководством составлены «Полное собрание законов Российской империи» (в 45 т., 1830 г.), «Свод законов Российской империи». (в 15 т., 1832 г.). С 1838 г. председатель департамента законов Государственного совета.

⁴⁴ *Дашков Дмитрий Васильевич* (1788—1839 гг.) — министр юстиции (1832—1839 гг.), член Государственного совета и главноуправляющий II Отделением Императорской канцелярии.

⁴⁵ *Блудов Дмитрий Николаевич* (1785—1864 гг.) — граф (1842 г.), делопроизводитель Верховной следственной комиссии по делу о декабристах (1826 г.), статс-секретарь, товарищ министра народного просвещения (1826—1832 гг.), главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий (1828—1839 гг.), министр внутренних дел (1832—1838 гг.), министр юстиции (1838—1839 гг.), председатель Департамента законов Государственного совета (1839—1862 гг.), председатель Государственного совета и Комитета министров (с 1862 г.), президент Академии Наук (1855 г.).

⁴⁶ В мае 1850 г. французский посол в Константинополе потребовал от султана Абдул-Меджида передать преимущественное право распоряжаться святынями в Палестине (Храм Гроба Господня в Иерусалиме и храм в Вифлееме) католическому духовенству. В мае 1851 г. султан получил личное послание президента Франции с тем же требованием. Султан уступил требованиям католиков, чем вызвал недовольство православной церкви и ее покровителя — России.

⁴⁷ *Горчаков Михаил Дмитриевич* (1793—1861 гг.) — князь, генерал-адъютант, главнокомандующий войсками в Дунайских княжествах (1853 г.) и в Крыму (1854—1855 гг.), наместник царства Польского (1856—1861 гг.).

⁴⁸ *Нахимов Павел Степанович* (1802—1855 гг.) — русский флотоводец, адмирал. Отличился в Наваринском сражении (1827 г.), командир эскадры. Разгромил и уничтожил турецкий флот в Синопском сражении 18 ноября 1853 г. Погиб при обороне Севастополя от англо-франко-турецких войск.

⁴⁹ Историк Н. К. Шильдер, собравший материалы для написания биографии Николая I, считал, что он отравился. (Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903—1905 гг.). Современные историки больше склонны считать причиной смерти императора болезнь (грипп, перешедший в воспаление легких). (Мироненко С. В. Николай I // Российские самодержцы 1801—1917. М. 1994 г.). Главной же причиной ухода императора из жизни следует признать события Крымской войны, которые повергли его в шок, поскольку ни армия, которой Николай I гордился, ни флот не смогли защитить Россию от неприятеля.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русской истории оберегатель (Жизнь и творчество Н. Г. Устрялова)	5
Введение	
Отечественная история в смысле науки	21
Очерк Русской истории	25
Источники Древней Русской истории	32
Источники Новой Русской истории	36

Часть первая **ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ**

Глава I. Основание Руси	40
I. Славяне	41
II. Норманны	47
III. Начало русского народа	54
IV. Введение христианской веры (988)	70
V. Правление Ярослава I (1019—1054)	79
Глава II. Раздробление Руси на удельные княжества	
I. Удельная система (1054—1238)	89
II. Споры детей и внуков Ярослава I за уделы (1054 — 1113)	94
III. Возвышение дома Владимира Мономаха (1113—1132)	100
IV. Споры князей за первенство (1132 — 1157)	104
V. Раздробление Руси на независимые княжества (1157 — 1238)	109
VI. Русь в начале XIII века	117

Глава III. Иго монгольское

I. Покорение Руси монголами (1238—1243)	125
II. Русь Восточная (1243—1328)	134
III. Русь Западная (1238—1320)	145
IV. Русь в начале XIV века	149

Глава IV. Москва и Литва

I. Великое княжество Московское (1328—1462)	155
II. Великое княжество Литовское (1320—1569)	173
III. Русь в середине XV века	
1. Государство Московское	191
2. Великое княжество Литовское	206

Глава V. Русское царство в борьбе с татарами и поляками

I. Иоанн III (1462—1505)	213
II. Василий III	230
III. Иоанн IV (1533—1584)	236
IV. Федор I (1584—1598)	258
V. Борис Годунов (1598—1604)	263

Глава VI. Уния и самозванцы

I. Соединение Литвы с Польшей (1569)	267
II. Уния (1596)	273
III. Самозванцы (1604—1613)	285
1. Лжедмитрий I (1605—1606)	287
2. Лжедмитрий II (1606—1610)	292
3. Междуцарствие (1610—1613)	300
IV. Избрание Михаила Романова на царство (1613)	307

Глава VII. Царствование дома Романовых до Петра Великого

I. Михаил Федорович (1613—1645)	311
II. Алексей Михайлович (1645—1676)	325
III. Федор II (1676—1682)	349
IV. Иоанн V и Петр I под опекой царевны Софии (1682—1689)	355

Глава VIII. Очерк русской старины

I. Верховная власть	366
II. Церковь	376
III. Сословия народные	390
IV. Законы и управление	400
V. Ратное дело	404
VI. Жизнь общественная и частная	412

Примечания	414
------------------	-----

Часть вторая
НОВАЯ ИСТОРИЯ

Глава I. Петр Великий

Россия и Петр	434
I. Образование Петра (1689—1699)	446
II. Начало государственного преобразования (1699—1709)	457
III. Борьба с Карлом XII (1700—1709)	464
IV. Внешнее возвышение России (1709—1725)	482
V. Устройство России Петром I (1709—1725)	498
VI. Сподвижники Петра I	515

Глава II. Преемники Петра Великого до Екатерины II

I. Екатерина I (1725—1727)	521
II. Петр II (1727—1730)	529
III. Анна Иоанновна (1730—1740)	533
IV. Иоанн III (1740—1741)	555
V. Елизавета Петровна (1741—1761)	562
VI. Петр III (1761—1762)	577
VII. Россия к 1762 году	580

Глава III. Екатерина II 584

I. Внешние дела (1762—1768)	588
II. Восстановление прав диссидентов (1768)	596
III. Первая война турецкая (1768—1774)	599
IV. Греческий проект	618
V. Вооруженный нейтралитет (1780)	624
VI. Присоединение Крыма (1783)	627
VII. Вторая война турецкая (1787—1791)	632
VIII. Падение Польши (1792—1794)	644
IX. Внутренние учреждения (1762—1796)	653

Глава IV. Павел I 686**Глава V. Александр I** 706

I. Дела внешние (1801—1805)	708
II. Война австрийская (1805)	710
III. Война прусская (1806—1807)	716
IV. Война шведская (1808—1809)	725
V. Война турецкая (1806—1812)	730
VI. Война персидская (1804—1813)	735
VII. Война 1812 года	739
VIII. Освобождение Германии от власти Наполеона (1813)	765
IX. Низвержение Наполеона (1814)	778
X. Водворение в Европе всеобщего мира (1815—1825)	791
XI. Внутренние учреждения (1801—1825)	809

**Глава VI. Историческое обозрение царствования
государя императора Николая I**

I. Восшествие на престол (1825)	818
II. Аккерманская конвенция (1826)	824
III. Война персидская (1826—1828)	828
IV. Война турецкая (1828—1829)	834
V. Дела египетские (1831—1840)	851
VI. Умирение польского мятежа (1830—1831)	857
VII. Cholera (1830—1831)	873
VIII. Умирение венгерского мятежа (1849)	878
IX. Законодательство (1826—1855)	889
X. Прекращение Унии (1839)	898
XI. Состояние России в середине XIX века	904
XII. Война с Турцией, Францией и Англией (1853—1855)	910
XIII. Кончина императора Николая I (1855)	913
Примечания	918

Н. Г. Устрялов
РУССКАЯ ИСТОРИЯ
до 1855 года

В двух частях

Главный редактор *С. А. Бровкин*
Редактор *В. Г. Баданов*
Технический редактор *Е. Н. Савкина*
Корректоры *Е. А. Барбашина, Е. В. Зинникова*

Лицензия ЛР № 063716 от 01.02.94.

Сдано в набор 02.09.96. Подписано в печать 15.09.97. Формат 84×108^{1/32}
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 50,4. Тираж 10 000 экз. Заказ № 977.

Издательство «Фоллиум».
185030, г. Петрозаводск, ул. Мерецкова, 7.

Оригинал-макет изготовлен в Корпорации «Фоллиум».
185030, г. Петрозаводск, ул. Мерецкова, 7.
Тел. (8-814-2) 55-84-12.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии им. Володарского Лениздата.
191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

Николай Герасимович Устрялов (1805—1870) незаслуженно относится к числу тех отечественных историков, судьба которых — почти полное забвение. Труды его, давно уже ставшие библиографической редкостью, не переиздавались почти полтора века. Это особенно несправедливо по отношению к такому выдающемуся историку как Устрялов. Четверть века он возглавлял кафедру русской истории С.-Петербургского университета, был автором первого печатного курса лекций для университета, первых учебников для средних учебных заведений и школ. Весьма существенным был вклад Устрялова в разработку методики исторических исследований, в решение теоретических проблем исторического познания. Не менее значительным был вклад Устрялова в изучение петровской эпохи. Имя Н. Г. Устрялова по праву должно быть поставлено в один ряд с такими корифеями отечественной историографии как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, Д. И. Иловайский, С. Д. Платонов.

ФОЛНУМ
1997

ISBN 5-86741-010-8

9 785887 410104 >